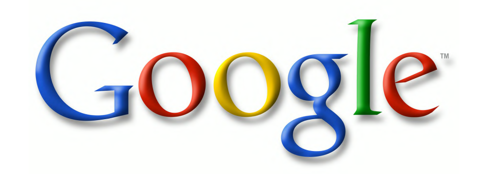

ASSOCIATES PROGRAM

In grateful recognition
of

Hardwick Simmons
Class of 1962

for generous support of the
Harvard College Fund

1992–1993

The Harvard College Library

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ІЮЛЬ.

1877.

192
1877

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CXCII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА
Екатерин. каналъ, между Вознес. и Маріинскимъ мостами, д. № 90 - 1.
1877.

СОДЕРЖАНІЕ.

(См. на 3-й стр. обертки)

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ CXCII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА
Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, д. № 90—1.
1877.

HAR
UNIVERSITY
LIBRARY

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (14-го февраля 1877 года). *О золотой медали въ память двухкратнаго посѣщенія Его Императорскимъ Величествомъ юбилеевъ Академіи Наукъ въ 1826 и 1876 г.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, основанному на ходатайствѣ Президента Императорской Академіи Наукъ, Высочайше соизволилъ на выбитіе, на счетъ Академіи, особой золотой медали въ память двухкратнаго посѣщенія Его Императорскимъ Величествомъ юбилеевъ Академіи Наукъ въ 1826 и 1876 г.

О таковомъ Высочайшемъ повелѣніи министръ народнаго просвѣщенія донесъ правительствующему сенату съ представленіемъ въ копіи удостоеннаго Высочайшаго утвержденія рисунка помянутой медали.

2. (29-го апрѣля 1877 года). *О продленіи порядка выдачи Евреямъ дозволительныхъ свидѣтельствъ на званіе меламда.*

Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: существовавшій до 3-го мая 1877 года порядокъ выдачи Евреямъ дозволительныхъ свидѣтельствъ на званіе меламда продолжить еще на одинъ годъ, по 3-е мая 1878 года.

Объ этомъ Высочайше утвержденномъ положеніи комитета министровъ, объявленномъ министру народнаго просвѣщенія въ выпискѣ изъ журналовъ сего комитета 19-го апрѣля и 3-го мая текущаго года, министръ народнаго просвѣщенія донесъ правительствующему сенату.

3. (2-го мая 1877 года). *Объ учрежденіи стипендій при С.-Петербургскомъ университетѣ.*

Согласно духовному завѣщанію дѣйствительнаго статскаго совѣтника Переславскаго, внесено въ правленіе С.-Петербургскаго университета *тринадцать тысячъ рублей*, заключающіеся въ двадцати билетахъ внутренняго съ выигрышами займа и пятипроцентныхъ билетахъ государственнаго банка.

Вслѣдствіе донесенія объ этомъ попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа и по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на учрежденіе при С.-Петербургскомъ университетѣ на счетъ процентовъ съ означеннаго капитала шести стипендій, съ наименованіемъ оныхъ: «стипендіями дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Петровича Переславскаго.

4. (2-го мая 1877 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Харьковской Маріинской женской гимназіи.*

Статскій совѣтникъ А. Зиберъ представилъ въ попечительный совѣтъ Харьковской Маріинской женской гимназіи временное, вполнѣ оплаченное, свидѣтельство за № 5870-мъ на *пятьсотъ руб.* для полученія 5% билета государственнаго банка 4-го выпуска, съ просьбою объ исходатайствованіи принятія этого капитала, для учрежденія на проценты съ него при упомянутой гимназіи, одной стипендіи «имени Татьяны Леонтьевны Зиберъ».

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министромъ народнаго просвѣщенія ходатайства о семъ попечителя Харьковскаго учебнаго округа, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенной стипендіи. При этомъ Его Императорскому Величеству благоугодно было Всемилостивѣйше повелѣть благодарить жертвователя.

5. (2-го мая 1877 года). *Объ опредѣленіи класса и разряда должностей вице-президента и непремѣннаго секретаря Императорской академіи наукъ.*

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ опредѣленіи класса и разряда должностей вице-президента и непремѣннаго секретаря Императорской академіи наукъ и соглашаясь, въ существѣ, съ заключеніемъ министра народнаго просвѣ-

щенія, *мнѣніемъ положилъ*: въ дополненіе къ Высочайше утвержденному 27-го октября 1871 года росписанію должностей Императорской академіи наукъ по классамъ и разрядамъ постановить:

Должности вице-президента и непремѣннаго секретаря академіи полагаются: должность вице-президента—въ IV классѣ, а должность непремѣннаго секретаря въ IV классѣ и IV разрядѣ по шитью на мундирѣ.

Государь Императоръ, такое мнѣніе государственнаго совѣта, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

6. (22-го апрѣля 1877 года). *Объ устройствѣ при министерствѣ народнаго просвѣщенія коммисіи по международному обмѣну изданій по части наукъ и художествъ и о расходѣ по выполненію сею коммисіею возлагаемыхъ на нее обязанностей.*

Государствнный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ устройствѣ при министерствѣ народнаго просвѣщенія коммисіи по международному обмѣну изданій по части наукъ и художествъ и о расходѣ по выполненію коммисіею возлагаемыхъ на нее обязанностей, *мнѣніемъ положилъ*:

1) Учредить при министерствѣ народнаго просвѣщенія особую коммисію изъ лицъ отъ разныхъ правительственныхъ учрежденій, которыя изъявятъ согласіе принять участіе въ международномъ обмѣнѣ изданій, на основаніяхъ, которыя будутъ выработаны министерствомъ народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ упомянутыми учрежденіями.

2) Отпустить, въ текущемъ году, сверхсмѣтнымъ кредитомъ, на расходы означенной коммисіи, по выполненію возлагаемыхъ на нее обязанностей, одну тысячу рублей, съ показаніемъ этихъ денегъ особою 12-ю статьею по § 17 финансовой смѣты министерства народнаго просвѣщенія 1877 года.

и 3) Заносить, начиная съ 1-го января 1878 г., въ то же подраздѣленіе финансовой смѣты министерства народнаго просвѣщенія по *одной тысячѣ* рублей на расходы названной коммисіи.

Государь Императоръ, такое мнѣніе государственнаго совѣта, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

7. (6-го мая 1877 года). *Объ учрежденіи Общества любителей древней письменности.*

Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, Высочайше соизволилъ на учрежденіе Общества любителей древней письменности, съ предоставленіемъ, по бывшимъ примѣрамъ, министру народнаго просвѣщенія права утвердить уставъ сего Общества.

[illegible] Высочайшемъ повелѣніи этомъ, объявленномъ министру народнаго просвѣщенія выпискою изъ журналовъ комитета 26-го апрѣля и [illegible] мая сего года, министръ народнаго просвѣщенія донесъ Правительствующему Сенату.

2. (4-го августа 1877 года). *Объ учрежденіи въ г. Великихъ Лукахъ, Псковской губерніи, реальнаго училища.*

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія *объ учрежденіи* въ г. Великихъ Лукахъ, Псковской губерніи, реальнаго училища на совмѣстныя средства казны и мѣстныхъ обществъ, *мнѣніемъ положилъ:*

1) Учредить съ 1-го іюля 1877 г. въ г. Великихъ Лукахъ, Псковской губерніи, 6-ти классное реальное училище, съ основнымъ отдѣленіемъ, съ отнесеніемъ всѣхъ расходовъ по содержанію сего училища, въ теченіе 187⁷/₈ учебнаго года, на средства мѣстныхъ земства и городскаго общества.

2) Отпускать съ будущаго учебнаго года, то-есть, съ 1-го іюля 1878 г., на содержаніе сего училища, сверхъ жертвуемыхъ мѣстными обществами ежегодно 8,500 руб. и предоставляемаго помѣщенія, еще по *тринадцати тысячъ сто руб.* въ годъ изъ государственнаго казначейства, а всего по *двадцати одной тысячи шести сотъ руб.* въ годъ, съ тѣмъ, чтобы въ 1878 г. была отпущена, по разчету съ 1-го іюля, только половина причитающейся на долю казны суммы.

3) Предоставить министру народнаго просвѣщенія заносить, на будущее время, всю сумму, которая будетъ отпускаться казною, въ подлежащее подраздѣленіе смѣты министерства народнаго просвѣщенія, а жертвуемыя мѣстнымъ земствомъ и городскимъ обществомъ деньги показывать пособіемъ государственному казначейству.

4) Могущіе быть отъ штатныхъ суммъ Велико-Луцкаго реальнаго училища остатки раздѣлять на двѣ части: одну, соотвѣтствующую суммѣ, отпускаемой казною, передавать, на общемъ основаніи, въ государственное казначейство, а другую оставлять въ распоряженіи мѣстныхъ земства и городскаго общества, для употребленія, по ихъ усмотрѣнію, на нужды сего училища.

Государь Императоръ это мнѣніе Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

II. ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ.

2-го мая 1877 года (№ 4). *Утверждаются на три года*: чиновникъ особыхъ порученій министерства финансовъ, V класса, дѣйствительный статскій совѣтникъ *фанъ-деръ-Флитъ*—почетнымъ попечителемъ Псковской гимназіи, съ оставленіемъ въ настоящей должности.

Предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей Тульскаго округа *Хомяковъ*—почетнымъ попечителемъ Тульской гимназіи.

Потомственный почетный гражданинъ *Кривцовъ* — почетнымъ попечителемъ Николаевской Царскосельской гимназіи.

Членъ попечительства реальнаго училища при евангелическо-лютеранской церкви Св. Павла въ Одессѣ, докторъ медицины *Вагнеръ*—почетнымъ попечителемъ сего училища.

Назначается: инспекторъ С.-Петербургской шестой прогимназіи, надворный совѣтникъ *Фокковъ*—окружнымъ инспекторомъ С.-Петербургскаго учебнаго округа.

Продолжается срокъ командировки за границу: экстраординарному профессору Императорскаго университета Св. Владиміра *Иванову*—на годъ.

Командируются за границу съ ученою цѣлью: доцентъ Императорскаго университета Св. Владиміра, надворный совѣтникъ *Базаровъ* и сверхштатный ассистентъ Императорскаго Московскаго университета, докторъ медицины *Глика*—на лѣтнее вакаціонное время 1877 г.

Заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, тайный совѣтникъ *Полунинъ* — на лѣтнее вакаціонное время 1877 года и двадцать восемь дней.

Ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, тайный совѣтникъ *Дорнъ*—на три мѣсяца.

Сверхштатный помощникъ прозектора Императорскаго Казанскаго университета *Любимовъ*—на лѣтнее вакаціонное время 1877 года и два мѣсяца.

Кандидатъ Императорскаго Московскаго университета *Карѣевъ* на одинъ годъ.

Увольняются въ отпускъ, по болѣзни: попечитель Оренбургскаго

учебнаго округа, тайный совѣтникъ *Лавровскій*, съ 20-го іюня по 1-е августа 1877 года, въ гор. Гапсаль.

Попечитель Одесскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ *Голубцовъ*—на три мѣсяца, съ 1-го іюня 1877 года, къ Кавказскимъ минеральнымъ водамъ и во внутрь Имперіи.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (4-го мая 1877 г.). *Правила для стипендіи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Петровича Переславскаго при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ пожертвованнаго по духовному завѣщанію дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Петровича Переславскаго капитала въ тринадцать тысячъ рублей учреждается въ С.-Петербургскомъ университетѣ шесть стипендій, по сту рублей въ годъ каждая.

§ 2. Стипендіи эти, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 2 мая 1877 года, именуются „стипендіями дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Петровича Переславскаго".

§ 3. Означенныя стипендіи назначаются для студентовъ 1-го курса безъ различія факультетовъ.

§ 4. Правленіе университета, на основаніи аттестатовъ объ окончаніи гимназическаго курса, отмѣтокъ, полученныхъ на повѣрочномъ испытаніи, и степени недостаточности просителей, опредѣляетъ кому изъ нихъ можетъ быть назначена стипендія.

§ 5. Опредѣленіе правленія вносится въ совѣтъ университета на утвержденіе.

§ 6. Остающаяся за выдачею сихъ стипендій ежегодная сумма изъ процентовъ можетъ быть выдаваема, на основаніи общихъ постановленій, въ пособія недостаточнымъ студентамъ.

2. (7-го мая 1877 г.). *Правила о стипендіи имени студента Александра Евреинова при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Пожертвованный дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Алексѣемъ Евреиновымъ капиталъ въ семь тысячъ пятьсотъ руб. для

содержанія изъ процентовъ съ онаго въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ одного студента, подъ наименованіемъ стипендіата студента Александра Евреинова, обращается изъ процентовъ въ одномъ изъ государственныхъ кредитныхъ установленій, гдѣ и остается навсегда неприкосновеннымъ, подъ названіемъ „капитала студента Александра Евреинова", а билетъ на этотъ капиталъ хранится въ кассѣ правленія С.-Петербургскаго университета.

2) Проценты на весь капиталъ получаются къ 1-му января каждаго года.

3) Изъ полученныхъ за круглый годъ процентовъ съ капитала одному изъ своекоштныхъ студентовъ С.-Петербугскаго университета, избранному, на основаніи послѣдующихъ пунктовъ, въ стипендіаты студента Александра Евреинова, выдаются по правиламъ, установленнымъ для подобныхъ выдачъ, ежемѣсячно на содержаніе по двадцати руб. и въ началѣ каждаго полугодія, то-есть, въ январѣ и іюлѣ мѣсяцахъ, на экипировку по тридцати рублей.

4) Выборъ и окончательное назначеніе стипендіата студента Александра Евреинова предоставляется собранію юридическаго факультета, подъ предсѣдательствомъ г. ректора С.-Петербургскаго университета. По избраніи такимъ образомъ стипендіата студента Александра Евреинова, факультетъ доводитъ о семъ до свѣдѣнія совѣта университета, для сообщенія правленію о выдачѣ стипендіи.

5) Въ стипендіаты-студента Александра Евреинова избирается отличнѣйшій по успѣхамъ и поведенію студентъ втораго или третьяго курса юридическаго факультета разряда административныхъ наукъ. Если при таковомъ избраніи будутъ два или болѣе студента, имѣющіе, по своимъ успѣхамъ въ наукахъ и поведенію, равныя права на полученіе стипендіи студента Александра Евреинова, то преимущество должно быть предоставлено: вопервыхъ, православному предъ иновѣрцемъ, и вовторыхъ—болѣе недостаточному изъ конкурентовъ.

6) Если студентъ, избранный согласно этимъ правиламъ въ стипендіаты-студента Александра Евреинова, впослѣдствіи ослабнетъ въ успѣхахъ образованія (что окажется послѣ годичнаго экзамена при переходѣ стипендіата изъ втораго курса въ третій или изъ третьяго курса въ четвертый), то онъ, по рѣшенію собранія юридическаго факультета, подъ предсѣдательствомъ ректора университета, можетъ быть лишенъ таковой стипендіи, которая вновь отдается достойнѣйшему изъ студентовъ новаго третьяго курса юридическаго факультета административнаго разряда.

Но если стипендіатъ-студента Александра Евреинова, продолжая успѣшно свои занятія, окончитъ курсъ наукъ со степенью кандидата и пожелаетъ держать экзаменъ на степень магистра политической экономіи и статистики; то для доставленія ему средствъ къ усовершенствованію себя въ наукахъ и полученію ученой степени магистра и даже доктора по означеннымъ предметамъ, выдача стипендіи студента Александра Евреинова должна продолжаться этому кандидату еще два года, со времени окончанія имъ университетскаго курса, считая всегда срокъ съ 1 числа іюня мѣсяца.

7) Стипендіатъ студента Александра Евреинова, по выбытіи изъ университета какъ по окончаніи курса, такъ и прежде окончанія (если бы онъ по какимъ либо обстоятельствамъ не могъ окончить курса), подчиняется общимъ правиламъ о своекоштныхъ студентахъ, то-есть, не обязывается служить исключительно въ учебномъ вѣдомствѣ, буде добровольно того не пожелаетъ.

3. (19-го мая 1877 года). *Положеніе о стипендіи потомственнаго почетнаго гражданина Василія Петровича Аваева при медицинскомъ факультетѣ Императорскаго Московскаго университета.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Тверская городская дума внесла въ мѣстное казначейство *пять тысячъ руб.* на учрежденіе изъ процентовъ сего капитала одной стипендіи при медицинскомъ факультетѣ Московскаго университета, имени потомственнаго почетнаго гражданина Аваева, въ изъявленіе благодарности за пожертвованіе имъ 110.000 руб. на открытіе и содержаніе въ г. Твери безплатной больницы для бѣдныхъ и другихъ благотворительныхъ заведеній.

2) Стипендія эта, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 16-го мая 1877 года, именуется „стипендіею потомственнаго почетнаго гражданина Василія Петровича Аваева".

3) Выборъ стипендіатовъ при жизни В. П. Аваева долженъ принадлежать ему, а по смерти его—городскому управленію.

4) Стипендіатами могутъ быть только обыватели г. Твери, окончившіе курсъ въ гимназіи, или семинаріи, срокъ же выдачи стипендій каждому отдѣльному лицу, во время пребыванія въ университетѣ, долженъ продолжаться въ теченіе семи лѣтъ; при этомъ стипендіатъ лишается права на полученіе стипендіи до истеченія сказаннаго срока въ такомъ только случаѣ, если онъ, пробывъ по два года

на какихъ бы то ни было двухъ курсахъ, останется на другой годъ вновь на какомъ-либо изъ послѣднихъ курсовъ.

5) Если же стипендіатъ, по окончаніи курса, пожелаетъ для усовершенствованія въ наукахъ остаться въ Москвѣ или отправиться въ заграничный университетъ, то онъ, со времени окончанія курса, пользуется стипендіею въ теченіе двухъ лѣтъ, по прошествіи которыхъ стипендіантъ долженъ сдать докторскій экзаменъ.

6) Стипендіатъ, по окончаніи курса, въ выборѣ себѣ мѣста служенія, или занятій, остается совершенно свободнымъ, а лишь поставляется въ извѣстность, что для города будетъ весьма желательно, если онъ прослужитъ въ больницѣ В. П. Аваева нѣкоторое время на общихъ основаніяхъ.

4. (18-го мая 1877 года). *Уставъ общества любителей древней письменности.*

(Утвержденъ г. министромъ народнаго просвѣщенія).

Цѣль и дѣятельность общества.

§ 1. Общество любителей древней письменности имѣетъ цѣлью издавать славяно-русскія рукописи, замѣчательныя въ литературномъ, научномъ, художественномъ или бытовомъ отношеніи, и перепечатывать книги, сдѣлавшіяся библіографическою рѣдкостью, безъ исправленій.

§ 2. Въ кругъ дѣятельности общества не входитъ обнародованіе такихъ письменныхъ памятниковъ, изданіемъ которыхъ занимаются правительственныя учрежденія и ученыя общества.

§ 3. Обществу предоставляется однако издавать и эти памятники, но не иначе, какъ въ точныхъ снимкахъ съ воспроизведеніемъ лицевыхъ изображеній и орнаментовъ посредствомъ свѣтопечати, литохроміи, ксилографіи и другими способами.

§ 4. Памятники, изданіе которыхъ входитъ въ кругъ занятій общества, по своему содержанію, образуютъ семь слѣдующихъ отдѣловъ.

1) Рукописи св. Писанія съ лицевыми изображеніями и безъ оныхъ, но лишь въ точныхъ снимкахъ; отдѣльныя житія святыхъ, пастырьскія поученія, слова, бесѣды и другія статьи духовнаго содержанія.

2) Учебники стараго времени, какъ-то: буквари, граматики, цифирное искусство и проч.; теоретическія статьи по разнымъ наукамъ и художествамъ; трактаты по естествовѣдѣнію, астрономіи, медицинѣ, музыкѣ, военному искусству и т. п.

3) Рукописи географическаго содержанія: космографіи, описанія городовъ и монастырей, хожденія и путешествія, древнія карты, планы и рисунки.

4) Историческія сочиненія и переводы, лѣтописи съ лицевыми изображеніями, хронографы, древніе русскіе переводы польскихъ лѣтописцевъ и т. д.

5) Рукописи, содержащія произведенія словесности, не исключая и народной, какъ-то повѣсти, легенды, сборники пѣсенъ и басенъ, драматическія произведенія и т. п.

6) Кромѣ рукописей съ лицевыми изображеніями по предыдущимъ отдѣламъ, вообще рукописи съ лицевыми изображеніями, предназначаемыя для точнаго и роскошнаго ихъ воспроизведенія.

7) Отдѣльные листы, воспроизводимые посредствомъ свѣтописи или гравированія, по всѣмъ вышеупомянутымъ отдѣламъ.

§ 5. Общество издастъ отчеты съ приложеніями, въ которыхъ помѣщаются: описаніе рукописей по всѣмъ отдѣламъ, хранящихся въ общественныхъ и частныхъ библіотекахъ, протоколы и годовые отчеты комитета общества, варіанты, поясненія, исправленія и указатели къ изданіямъ, напечатаннымъ обществомъ въ теченіе года. Отчетъ и приложенія, составляющія восьмой отдѣлъ, печатаются въ томъ числѣ экземпляровъ, которое будетъ опредѣлено на первомъ собраніи общества.

§ 6. Общество печатаетъ свои изданія въ числѣ двухсотъ экземпляровъ, занумерованныхъ и не поступающихъ въ продажу. Изъ нихъ девяносто экземпляровъ печатается на прочной и высшаго достоинства бумагѣ, и сто десять—на обыкновенной хорошей бумагѣ. Изъ сихъ послѣднихъ, девяносто предоставляется исключительно пріобрѣтать библіотекамъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, но не болѣе какъ по одному экземпляру для каждой библіотеки и съ платою по 30 рублей за годовое изданіе.

§ 7. Общество входитъ въ сношеніе какъ внутри Имперіи, такъ и за границей, съ книгохранилищами, обществами и лицами, отъ которыхъ можетъ ожидать содѣйствія и сообщенія нужныхъ ему свѣдѣній.

Примѣчаніе. Лицамъ этимъ общество можетъ выдавать дипломы на званіе членовъ-корреспондентовъ.

Члены общества, ихъ права и обязанности.

§ 8. Общество состоитъ изъ членовъ-учредителей, дѣйствительныхъ и почетныхъ.

§ 9. Лица, подписавшія проектъ устава, и всѣ лица, которыя впослѣдствіи внесутъ на менѣе четырехъ тысячъ руб. единовременно, считаются членами-учредителями.

§ 10. Дѣйствительными членами считаются тѣ, которые на то изъявятъ желаніе и вносятъ ежегодно по двѣсти рублей или внесутъ единовременно не менѣе четырехъ тысячъ рублей.

§ 11. Число членовъ-учредителей и дѣйствительныхъ, со включеніемъ подписчиковъ на изданія общества, не превышаетъ семидесяти.

§ 12. Членами общества могутъ быть также и учрежденія, которыя, въ такомъ случаѣ, имѣютъ право назначать отъ себя представителя. Представитель этотъ пользуется въ собраніяхъ тѣми же правами, какъ и члены общества.

§ 13. Лица, не изъявившія при подпискѣ на изданія общества желанія быть членами общества, а также учрежденія, не назначившія представителя и неприсутствующіе почетные члены при счетѣ голосовъ въ собраніяхъ не включаются въ число дѣйствительныхъ членовъ общества.

§ 14. Въ дѣйствительные члены общества могутъ поступать изъявившія на то желаніе лица, не иначе какъ по предложенію трехъ дѣйствительныхъ членовъ.

§ 15. Лица, оказавшія значительныя услуги обществу участіемъ въ издательской его дѣятельности, могутъ быть избираемы въ почетные члены.

§ 16. Число почетныхъ членовъ полагается не свыше десяти, причемъ, въ первые пять лѣтъ существованія общества, избирается не болѣе пяти почетныхъ членовъ. Ранѣе двухъ лѣтъ общество не можетъ приступать къ избранію оныхъ.

§ 17. Дѣйствительные члены присутствуютъ во всѣхъ собраніяхъ общества съ правомъ голоса. Они избираютъ и избираются во всѣ должности по обществу.

§ 18. Почетные члены получаютъ на это званіе дипломъ за подписью предсѣдателя и членовъ комитета.

§ 19. Дѣйствительные члены имѣютъ право сообщать комитету о тѣхъ рукописяхъ, изданіе которыхъ было бы имъ желательно, и представляютъ письменно свои предположенія о томъ, что считаютъ полезнымъ для общества. Предложенія, за подписью семи членовъ, по обсужденіи въ комитетѣ, предлагаются на обсужденіе въ одномъ изъ двухъ первыхъ собраній общества.

§ 20. Каждый дѣйствительный членъ принимаетъ на себя обязанность содѣйствовать, зависящими отъ него мѣрами, къ осуществленію цѣли, съ которою учреждено общество.

§ 21. Ежегодно взносы членовъ дѣлаются въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ по наступленіи года. Не внесшій взноса къ 1-му апрѣля считается сложившимъ съ себя званіе члена, которое предоставляется лицу, изъявившему желаніе вступить въ число членовъ.

§ 22. Дѣйствительные члены получаютъ всѣ изданія общества на лучшей бумагѣ, со времени вступленія ихъ въ число членовъ; на равнаго достоинства экземпляры имѣютъ право и подписчики, платящіе по двѣсти рублей въ годъ.

§ 23. Почетные члены приглашаются въ очередныя и чрезвычайныя собранія и въ послѣднихъ имѣютъ право голоса.

§ 24. Лица, внесшія единовременно 5.000 рублей, могутъ передавать по завѣщанію свои права по обществу; въ случаѣ же отсутствія заявленія со стороны вкладчика, капиталъ остается неприкосновенной собственностью общества.

Управленіе дѣлами общества.

§ 25. Всѣми дѣлами общества, какъ издательскими, такъ и хозяйственными, завѣдуетъ комитетъ на основаніи сего устава.

§ 26. Комитетъ состоитъ изъ предсѣдателя и трехъ дѣйствительныхъ членовъ, избираемыхъ обществомъ на три года. Одинъ изъ этихъ трехъ членовъ ежегодно выбываетъ изъ комитета, въ первые два года по жребію, а затѣмъ по очереди. Выбывающій можетъ быть вновь избираемъ.

§ 27. Вмѣстѣ съ избраніемъ предсѣдателя и членовъ комитета, избираются четыре кандидата для замѣщенія отсутствующихъ.

§ 28. Предсѣдатель комитета есть вмѣстѣ съ тѣмъ и предсѣдатель общества; отъ его имени производятся всѣ сношенія по дѣламъ общества съ мѣстами и лицами.

§ 29. Въ случаѣ избранія почетнаго предсѣдателя общества, онъ же предсѣдательствуетъ и въ комитетѣ, если на это изъявитъ свое желаніе.

§ 30. Назначеніе секретаря и казначея общества изъ числа членовъ или постороннихъ для общества лицъ зависитъ отъ предсѣдателя комитета. Секретарь ведетъ протоколы засѣданія, завѣдуетъ перепиской общества и къ годовому собранію приготовляетъ отчетъ

о дѣятельности общества за истекшій годъ и программу изданій на слѣдующій. Казначей завѣдуетъ денежными дѣлами и счетами, принимаетъ денежные взносы и пожертвованія какъ отъ членовъ общества, такъ и отъ постороннихъ лицъ.

§ 31. Комитетъ наблюдаетъ за точнымъ исполненіемъ задачъ общества, и съ этою цѣлью избираетъ на годъ изъ числа членовъ общества по одному, для завѣдыванія каждымъ изъ восьми отдѣловъ. Завѣдываніе двумя отдѣлами можетъ быть предоставлено одному и тому же члену.

§ 32. Завѣдующій отдѣломъ избираетъ изъ числа одобренныхъ къ изданію памятниковъ тотъ, обнародованіе котораго наиболѣе соотвѣтствуетъ, по его мнѣнію, цѣли общества и средствамъ, ежегодно назначаемымъ на расходы по отдѣлу.

§ 33. Завѣдующій отдѣломъ можетъ избирать себѣ помощниковъ изъ числа членовъ, желающихъ принять на себя завѣдываніе однимъ изъ подраздѣленій отдѣла.

§ 34. По утвержденіи комитетомъ избраннаго помощника, этотъ послѣдній принимаетъ на себя отвѣтственность по издаваемымъ подъ его наблюденіемъ памятникамъ.

§ 35. На завѣдующихъ отдѣлами лежитъ обязанность привлекать ученыхъ или къ принятію на себя труда приготовить къ изданію какой-либо памятникъ письменности, или къ наблюденію за его печатаніемъ.

§ 36. Предсѣдатель комитета приглашаетъ въ его засѣданія завѣдующихъ отдѣлами, а также и постороннихъ лицъ, во всѣхъ случаяхъ, когда для пользы дѣла то будетъ признано нужнымъ.

Собранія общества.

§ 37. Собранія общества бываютъ очередныя, чрезвычайныя и годовое.

§ 38. Для очередныхъ собраній назначаются особые дни, по опредѣленію комитета. Въ этихъ собраніяхъ представляются работы общества, рукописи и рисунки, читаются пояснительныя записки и свѣдѣнія о древнихъ памятникахъ и т. п.

§ 39. Въ очередныя и чрезвычайныя собранія, предсѣдателемъ общества могутъ быть приглашаемы, по билетамъ, и постороннія лица.

§ 40. Чрезвычайныя собранія назначаются, смотря по надобности, въ январѣ, февралѣ, мартѣ, апрѣлѣ, ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ.

Въ нихъ происходятъ: совѣщанія по вопросамъ, или не предусмотрѣннымъ въ настоящемъ уставѣ, или объ управленіи обществомъ; разсмотрѣніе всѣхъ предложеній членовъ общества относительно изданій согласно съ порядкомъ, изложеннымъ въ § 19-мъ; опредѣленіе количества экземпляровъ, въ какомъ слѣдуетъ печатать приложенія къ отчету, а также рѣшеніе предложеній объ увеличеніи числа экземпляровъ нѣкоторыхъ изданій общества, наконецъ, разсмотрѣніе заключеній ревизіонной коммисіи.

§ 41. Число экземпляровъ изданія, одобреннаго комитетомъ и печатаемаго на счетъ одного изъ членовъ общества, не подлежитъ ограниченію, ни обсужденію въ собраніи.

§ 42. Смѣта доходовъ и расходовъ и предположенія о томъ, какіе изъ памятниковъ войдутъ въ изданія общества на слѣдующій годъ, объявляются членамъ за двѣ недѣли до послѣдняго годоваго чрезвычайнаго собранія.

§ 43. Въ день учрежденія общества, происходитъ годовое собраніе, въ которомъ комитетъ представляетъ отчетъ о дѣятельности общества, и происходятъ выборы предсѣдателя и членовъ учредительнаго комитета, а также членовъ ревизіонной коммисіи.

§ 44. Во всѣхъ собраніяхъ общества, въ отсутствіе предсѣдателя, мѣсто его занимаетъ кандидатъ на эту должность.

§ 45. Для разсмотрѣнія отчета о дѣйствіяхъ общества за истекшій годъ и правильности произведенныхъ расходовъ, въ годовомъ собраніи, избирается ревизіонная коммисія изъ трехъ членовъ, которая свое заключеніе представляетъ въ слѣдующее, за годовымъ, чрезвычайное собраніе.

Средства общества.

§ 46. Денежныя средства общества состоятъ:

а) изъ процентовъ съ неприкосновеннаго капитала, который образуется изъ единовременныхъ взносовъ членовъ;

б) изъ ежегодныхъ взносовъ членовъ общества;

в) изъ денегъ, поступающихъ отъ подписки на изданія общества;

г) изъ пожертвованій въ пользу общества;

д) изъ остатковъ предыдущаго года.

§ 47. Капиталы, принадлежащіе обществу, обращаются на имя общества въ государственные фонды или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги и хранятся въ одномъ изъ государственныхъ учрежденій. Взносы подписчиковъ поступаютъ прямо на

текущій счетъ общества въ кредитное учрежденіе. Годовой билетъ на званіе члена выдается казначеемъ общества.

§ 48. Расходы производятся по протоколамъ комитета, и разсматриваются въ порядкѣ, указанномъ въ § 45.

§ 49. Всѣ годовыя денежныя средства дѣлятся на равныя части между восемью отдѣлами, перечисленными въ §§ 4 и 5.

§ 50. Смѣты расходовъ не подлежатъ ежегодному утвержденію общества, такъ какъ оныя опредѣляются самимъ уставомъ на основаніи предыдущаго §.

§ 51. Сумма, остающаяся неизрасходованною по одному отдѣлу смѣты, не можетъ быть перенесена на другой и причисляется къ смѣтѣ слѣдующаго года. Назначеніе этой суммы опредѣляется въ чрезвычайномъ собраніи простымъ большинствомъ голосовъ.

Порядокъ измѣненія статей устава.

§ 52. Предложенія объ измѣненіи статей устава, за подписью не менѣе семи членовъ, по докладу комитета, обсуждаются въ одномъ изъ двухъ первыхъ чрезвычайныхъ собраній общества.

§ 53. Предсѣдатель ходатайствуетъ объ измѣненіи статьи или статей устава, если на то послѣдуетъ постановленіе $^{2}/_{3}$ голосовъ чрезвычайнаго собранія, составляющихъ болѣе половины всѣхъ дѣйствительныхъ членовъ общества, имѣющихъ постоянное пребываніе въ С.-Петербургѣ, считая голоса на основаніи § 13.

5. (19-го мая 1877 г.). *Правила о стипендіяхъ имени Екатерины Михайловны Поляковой, урожденной Дурасовой, при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На счетъ процентовъ съ капитала въ восемнадцать тысячъ рублей, завѣщаннаго вдовою генералъ-маіора Екатериною Михайловною Поляковой, учреждаются при Московскомъ университетѣ три стипендіи, которыя, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 16-го мая 1877 года, именуются „стипендіями Екатерины Михайловны Поляковой, урожденной Дурасовой".

2) Стипендіи, въ 300 рублей каждая, назначаются студентамъ медицинскаго факультета недостаточнаго состоянія, одобрительнаго поведенія и отличающимся успѣхами въ наукахъ.

3) Право избранія стипендіатовъ предоставляется медицинскому факультету; избранные факультетомъ стипендіаты утверждаются совѣтомъ университета.

4) Стипендіатъ можетъ пользоваться стипендіею не болѣе года на одномъ и томъ же курсѣ, а потому не перешедшій послѣ годоваго пребыванія на курсѣ на слѣдующій курсъ, или если будетъ замѣченъ въ неодобрительномъ поведеніи, лишается стипендіи.

6. (19-го мая 1877 г.). *Положеніе о преміи Юрія Ѳедоровича Самарина при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1. Въ память ученой и общественной дѣятельности Юрія Ѳедоровича Самарина учреждаются денежныя преміи за сочиненія, касающіяся крестьянскаго и земскаго дѣла въ Россіи [1]), каковыя преміи, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 16 мая 1877 г., именуются „преміями Юрія Ѳедоровича Самарина".

2. Собранный для выдачи премій капиталъ, заключающійся въ билетахъ Коммисіи погашенія долговъ на *десять тысячъ рублей*, передается на храненіе Императорскому Московскому университету и остается навсегда неприкосновеннымъ, а преміи выдаются изъ % отъ капитала, чрезъ каждые три года.

3. За сочиненіе вполнѣ удовлетворительное выдается полная премія, т.-е., та сумма, какая составится изъ процентовъ, накопившихся, въ теченіе трехъ лѣтъ, на означенный капиталъ.

4. За сочиненія не вполнѣ удовлетворительныя, но въ значительной мѣрѣ соотвѣтствующія требованіямъ программы (см. п. 6), могутъ быть выдаваемы преміи въ половинномъ размѣрѣ.

5. Преміи, оставшіяся не присужденными или не выданными по какимъ-либо обстоятельствамъ, помѣщаются въ кредитное установленіе, отдѣльно отъ основнаго капитала, для приращенія процентами и могутъ быть присуждены въ продолженіе двухъ послѣдующихъ трехлѣтій, независимо отъ срочныхъ премій. Если же эти невыданныя преміи не будутъ присуждены къ выдачѣ въ означенный выше срокъ, то вмѣстѣ съ наросшими процентами пріобщаются къ неприкосновенному капиталу, съ цѣлію увеличенія размѣра постоянныхъ премій.

6. Сочиненія, дающія право къ соисканію премій, должны удовлетворять требованіямъ приложенной къ настоящему положенію программы.

---

[1]) Всѣ сочиненія, имѣющія быть отпечатанными, должны подвергнуться общеустановленнымъ цензурнымъ правиламъ.

7. Къ соисканію премій допускаются не только сочиненія, представленныя на конкурсъ ихъ авторами, но и вообще всѣ сочиненія, которыя, соотвѣтствуя требованіямъ программы, указанной въ п. 6, вышли въ свѣтъ не ранѣе 6 лѣтъ до наступленія срока присужденія премія.

8. На первыя два трехлѣтія, при равныхъ другихъ достоинствахъ, дается преимущество сочиненіямъ, относящимся до системы податной, передвиженія крестьянскаго населенія и сельскаго кредита.

9. Не допускаются къ соисканію премій сочиненія профессоровъ и вообще должностныхъ лицъ Московскаго университета.

10. Присужденіе премій предоставляется Императорскому Московскому университету. Съ этою цѣлію совѣтъ университета образуетъ за годъ до срока, назначеннаго для присужденія премій, особую коммисію изъ семи членовъ, избирая въ оную трехъ членовъ изъ числа профессоровъ университета и двухъ изъ другихъ лицъ, которыя, своими спеціальными занятіями по предмету допускаемыхъ къ соисканію сочиненій, могли бы быть особенно полезны при ихъ разсмотрѣніи. Кромѣ того, совѣтъ приглашаетъ въ коммисію поимянно одного члена изъ гласныхъ Московскаго губернскаго земства и одного изъ гласныхъ Московской городской думы. Предсѣдатель коммисіи избирается изъ среды ея членовъ самою коммисіею.

11. Коммисія собирается по мѣрѣ надобности, для опредѣленія: какія сочиненія изъ представленныхъ на конкурсъ или хотя и не представленныхъ, но извѣстныхъ коммисіи своимъ достоинствомъ, могутъ быть допущены къ соисканію преній. Вмѣстѣ съ тѣмъ Коммисія распредѣляетъ допущенныя къ соисканію премій сочиненія, для разсмотрѣнія и обсужденія ихъ достоинства, между ея членами и посторонними лицами, извѣстными коммисіи своими спеціальными занятіями по тому или другому предмету, допущенному къ соисканію премій.

12. Разборы сочиненій представляются въ Коммисію не позже 1-го октября того года, который предшествуетъ сроку, назначенному для присужденія премій.

13. По выслушаніи всѣхъ представленныхъ разборовъ сочиненій, коммисія дѣлаетъ постановленіе о присужденіи премій. Для дѣйствительности такого постановленія требуется большинство не менѣе пяти голосовъ. За рукописное сочиненіе можетъ быть назначена премія лишь въ томъ случаѣ, когда оно по своему достоинству выходитъ

изъ ряда всѣхъ находившихся въ разсмотрѣніи сочиненій и если есть полная гарантія, что оно будетъ напечатано.

14. О присужденныхъ черезъ каждые три года преміяхъ объявляется Совѣтомъ Московскаго университета 19-го февраля и за тѣмъ отчетъ Коммисіи о преміяхъ печатается въ столичныхъ періодическихъ изданіяхъ.

15. Дополненія и измѣненія, которыхъ, съ теченіемъ времени, могли бы потребовать настоящее положеніе и программа, допускаются не ранѣе какъ по истеченіи первыхъ трехъ трехлѣтій со времени изданія оныхъ и безъ всякаго отступленія отъ главнаго содержанія положенія и программы, состоящаго въ томъ, что преміи назначаются исключительно за сочиненія по крестьянскому и земскому дѣлу въ Россіи.

7. (19-го мая 1877 г.). *Программа для сочиненій, допускаемыхъ къ соисканію премій Юрія Ѳедоровича Самарина.*

(Утверждена г. министромъ народнаго просвѣщенія).

Къ соисканію на преміи Юрія Ѳедоровича Самарина допускаются сочиненія, касающіяся крестьянскаго и земскаго дѣла въ Россіи [1]), а именно:

1. Сочиненія, предметъ которыхъ составляетъ исторія освобожденія крестьянъ въ Россіи изъ крѣпостной зависимости, и которыя заключаютъ въ себѣ полное и подробное изложеніе всего хода крестьянской реформы или, по крайней мѣрѣ, одного изъ двухъ главныхъ ея періодовъ, а именно: либо, во 1-хъ, исторію всего хода приготовительныхъ и законодательныхъ работъ по крестьянскому дѣлу, включая въ то число и всѣ законодательныя мѣры и попытки правительства къ разрѣшенію онаго, относящіяся къ царствованіямъ предшествующимъ, либо, во 2-хъ, подробную исторію приведенія въ исполненіе положенія 19-го февраля 1861 г. и послѣдующихъ связанныхъ съ онымъ положеній, касающихся отдѣльныхъ видовъ крестьянскаго сословія.

Сочиненія втораго рода могутъ относиться и не до цѣлой Россіи, но они должны обнимать, по крайней мѣрѣ, губерніи, на которыя распространяется одно изъ мѣстныхъ положеній; но для губерній, въ коихъ введено великороссійское положеніе, означенныя сочиненія

---

[1]) Всѣ сочиненія, имѣющія быть отпечатанными, должны подвергнуться общеустановленнымъ цензурнымъ правиламъ.

могутъ ограничиться болѣе или менѣе значительною группою губерній, но менѣе однакожь пяти.

2. Сочиненія, представляющія самостоятельныя и полныя изслѣдованія отдѣльныхъ практическихъ вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ развитіемъ и улучшеніемъ хозяйственной, умственной и нравственной жизни сельскаго населенія.

Къ такого рода предметамъ относятся вопросы: а) о системѣ податей и сборовъ, взимаемыхъ съ крестьянъ; б) о передвиженіи крестьянъ, въ видахъ постояннаго водворенія въ другихъ мѣстахъ или для пріисканія себѣ заработковъ и о связанныхъ съ таковымъ передвиженіемъ постановленіяхъ и порядкахъ; в) объ общинномъ и личномъ землевладѣніи; г) о краткосрочномъ кредитѣ для земледѣльцевъ и мелкихъ землевладѣльцевъ и о долгосрочномъ кредитѣ для послѣднихъ; д) объ общественномъ крестьянскомъ управленіи и крестьянскихъ судахъ, въ связи съ юридическими народными обычаями; е) объ организаціи сельской школы, о мѣрахъ къ обезпеченію ея правильнаго постояннаго содержанія и порядкѣ наблюденія за нею.

Сочиненія этого рода должны заключать въ себѣ не только возможно полный очеркъ современнаго положенія разсматриваемаго вопроса и подробный разборъ вліянія, оказываемаго настоящимъ положеніемъ его на бытъ земледѣльческихъ классовъ, но еще, въ особенности, указаніе и подробное развитіе тѣхъ спеціальныхъ мѣръ, которыя, по отношенію къ каждому изъ разсматриваемыхъ предметовъ, могутъ оказать вліяніе на улучшеніе народнаго быта.

3. Сочиненія, обнимающія обширное и подробное статистическое изслѣдованіе цѣлыхъ отдѣльныхъ сторонъ хозяйственнаго быта сельскаго населенія, если не во всей Россіи, то по крайней мѣрѣ въ нѣсколькихъ болѣе или менѣе однородныхъ губерніяхъ.

Такого рода изслѣдованія могутъ касаться: а) подробнаго описанія и оцѣнки работъ по найму за деньги или за иное какого-либо рода вознагражденіе, производимыхъ въ чужихъ земледѣльческихъ хозяйствахъ (владѣльческихъ и крестьянскихъ же), въ промысловыхъ заведеніяхъ, на фабрикахъ и заводахъ крестьянами, какъ принадлежащими къ дворамъ, надѣленнымъ землею, такъ и безземельными; б) возможно точнаго опредѣленія годоваго бюджета (дохода и расхода) крестьянскаго хозяйства въ связи съ инвентаремъ крестьянскаго имущества.

Въ сочиненіяхъ этого рода должны быть, между прочимъ, также

подробно указаны тѣ измѣненія, какія крестьянская реформа внесла въ избранный для изслѣдованія предметъ.

4. Сочиненія, заключающія въ себѣ обстоятельное статистическое изслѣдованіе современнаго положенія, т.-е. хозяйственнаго, умственнаго и нравственнаго быта крестьянскаго сословія, въ цѣлыхъ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Россіи, и во всякомъ случаѣ не менѣе какъ, по крайней мѣрѣ, въ одной цѣлой губерніи.

Отъ сочиненія этого рода требуется возможно полное собраніе, провѣрка и критическая оцѣнка всѣхъ тѣхъ данныхъ, въ которыхъ всего нагляднѣе выражается бытъ всѣхъ разнаго наименованія крестьянъ въ описываемой мѣстности; а съ другой стороны, такое сочиненіе должно представить подробное изслѣдованіе вліянія, которое оказали на бытъ крестьянъ, какъ сама крестьянская реформа, такъ и другія, одновременно съ нею воздѣйствовавшія на него, причины, какъ-то, вліянія системы прямыхъ податей, паспортныхъ правилъ, преобразованіе винныхъ акцизовъ и порядки отбыванія воинской повинности, и друг.

5. Сочиненія, представляющія самую подробную всестороннюю, основанную непремѣнно на личномъ наблюденіи, полную земскую статистику и изслѣдованіе болѣе ограниченной мѣстности, состоящей лишь изъ одного или нѣсколькихъ смежныхъ и однородныхъ уѣздовъ или даже изъ нѣсколькихъ волостей, въ общей совокупности представляющихъ однако народонаселеніе не менѣе двадцати тысячъ жителей.

Сочиненіе этого рода должно, при большей надобности, соотвѣтствовать условіямъ, указаннымъ для сочиненій, предметъ которыхъ изложенъ въ предшествующемъ параграфѣ; но оно должно, сверхъ сего, обнимать, по возможности, всѣ бытовыя стороны матеріальной и духовной жизни всего мѣстнаго населенія, и притомъ, не довольствуясь однимъ описаніемъ ихъ, оно должно представить объясненіе тѣхъ разнообразныхъ вліяній, подъ дѣйствіемъ которыхъ мѣстная жизнь сложилась въ данномъ видѣ, и указать существующія практическія препятствія къ улучшенію народнаго быта и лучшіе способы къ устраненію этихъ препятствій.

Въ представляемомъ сочиненіи должно быть также подробно и отчетливо изложено дѣйствіе на изслѣдуемую мѣстность какъ крестьянской реформы, такъ и другихъ важнѣйшихъ, послѣдовавшихъ за нею законодательныхъ преобразованій нынѣшняго царствованія.

При этомъ особенное вниманіе имѣетъ быть обращено: на распре-

дѣленіе поземельной собственности между разными классами населенія; на способы владѣнія и пользованія землею и переходы отъ одного способа къ другому; на передѣлы, на семейные раздѣлы въ крестьянскомъ сословіи и на то же явленіе въ средѣ прочихъ сословій; на порядокъ и условія найма владѣльческихъ земель; на пріобрѣтеніе поземельныхъ участковъ въ общественную или въ личную, мелкую собственность, и на способы веденія хозяйства на такихъ земляхъ; на сравнительную обработку и степень производительности и удобренія земли въ господскомъ и крестьянскомъ хозяйствѣ, при томъ, какъ въ періодъ предшествующій освобожденію крестьянъ, такъ и въ послѣдующее за тѣмъ время; на количество скота и состояніе рабочаго инвентаря у землевладѣльцевъ и крестьянъ; на положеніе безземельнаго населенія и его способы къ существованію; на хозяйство крестьянъ, лишенныхъ рабочаго скота и хозяйство крестьянскихъ дворовъ, имѣющихъ право на земельный надѣлъ, но на дѣлѣ не пользующихся имъ; на работы по найму въ чужомъ хозяйствѣ; на передвиженія населенія для пріисканія заработковъ; на выселеніе крестьянъ въ другія мѣстности и переселенія крестьянъ изъ другихъ краевъ въ описываемую мѣстность, размѣры, условія и порядокъ такого передвиженія; на домашнюю утварь, одежду и пищу крестьянъ; на сельскія постройки и топливо; на состояніе мѣстныхъ лѣсовъ и цѣны на лѣсной матеріалъ; на страхованіе отъ огня, размѣры и вліяніе пожаровъ и мѣры, противъ нихъ принимаемыя; на мѣры охраненія народнаго здравія; на скотскіе падежи и предохранительныя противъ нихъ мѣры; на состояніе мѣстныхъ путей сообщенія и участіе земства, городовъ, сельскихъ обществъ и частныхъ землевладѣльцевъ въ устройствѣ и содержаніи ихъ; на мѣстные сельскіе и городскіе промыслы, торговлю и базары; на отношеніе населенія къ церкви и состояніе мѣстныхъ училищъ; на отношеніе къ нимъ мѣстнаго населенія и развитіе грамотности; на движеніе народонаселенія, и проч.

8. (20-го мая 1877 г.). *Циркулярное предложеніе г. попечителямъ учебныхъ округовъ о требованіи отъ лицъ, ищущихъ званія аптекарскаго ученика и помощника, знанія только одного латинскаго языка.*

Одинъ изъ попечителей учебныхъ округовъ, по поводу циркулярнаго предложенія министерства народнаго просвѣщенія о порядкѣ производства испытаній на званіе аптекарскаго ученика и помощника, обратился въ министерство народнаго просвѣщенія за разъясненіемъ: слѣдуетъ ли испытательному комитету учебнаго округа требовать отъ

лицъ, ищущихъ званія аптекарскаго ученика и помощника, знанія обоихъ древнихъ языковъ, или же одного латинскаго, какъ это было до сего времени, на основаніи 485 ст. т. 13 Св. Зак. (изд. 1857 г.), а также слѣдуетъ ли подвергать дополнительному экзамену изъ греческаго языка лицъ, окончившихъ курсъ въ реальныхъ училищахъ, и такихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, гдѣ еще не введено преподаваніе греческаго языка.

Вопросы эти предложены были г. министромъ народнаго просвѣщенія на обсужденіе ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, который, имѣя въ виду, что курсъ фармацевтическаго образованія какъ въ аптекѣ для учениковъ, такъ и въ университетѣ для фармацевтовъ, имѣетъ почти исключительно практическій характеръ, и что размѣры этого образованія во всякомъ случаѣ значительно ниже университетскихъ, а также что характеръ служебной дѣятельности фармацевтовъ и провизоровъ не столько научный, сколько техническій и коммерческій, положилъ, что для подготовленія къ фармацевтической профессіи вполнѣ достаточно знанія одного латинскаго языка въ размѣрахъ прогимназіи вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Точно также, по мнѣнію комитета, въ число аптекарскихъ учениковъ могутъ быть допускаемы и воспитанники реальныхъ училищъ съ дополнительнымъ экзаменомъ изъ одного латинскаго языка, равно и воспитанники, окончившіе курсъ четырехъ классовъ духовныхъ училищъ, съ дополнительнымъ экзаменомъ по тѣмъ предметамъ, преподаваніе которыхъ въ училищѣ стоитъ ниже, чѣмъ въ прогимназіяхъ. Что же касается экзамена на званіе аптекарскаго помощника, то порядокъ и размѣръ этого экзамена точно опредѣленъ существующими въ законѣ правилами, по которымъ требуется, чтобы экзаменующійся представилъ только свидѣтельство, съ которымъ онъ былъ принятъ въ аптеку, какъ аптекарскій ученикъ, и высказалъ бы достаточныя познанія въ спеціальныхъ предметахъ. Слѣдовательно, при этомъ экзаменѣ, по мнѣнію комитета, едва-ли можетъ быть вопросъ о греческомъ языкѣ.

Такое мнѣніе ученаго комитета сообщено было на заключеніе г. министра внутреннихъ дѣлъ, который, основываясь на рѣшеніи медицинскаго совѣта, согласился вполнѣ съ изложенными въ немъ соображеніями ученаго комитета.

Объ этомъ имѣю честь, по порученію г. министра, увѣдомить ваше превосходительство для надлежащаго руководства по ввѣренному вамъ учебному округу.

9 (8-го іюня 1877 г.). *Циркулярное предложеніе Гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о порядкѣ введенія пересмотрѣнныхъ учебныхъ плановъ предметовъ, преподаваемыхъ въ мужскихъ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія*

Въ циркулярномъ предложеніи моемъ отъ 31-го іюля 1872 г., при которомъ были препровождены, утвержденные мною въ то же время учебные планы предметовъ, преподаваемыхъ въ гимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, мною было заявлено, между прочимъ, что всѣ соображенія въ пользу отступленія отъ означенныхъ плановъ и въ пользу измѣненія приложенныхъ къ нимъ примѣрныхъ программъ, заявляемыя учебными начальствами округовъ въ ихъ годичныхъ отчетахъ, „будутъ приняты министерствомъ во вниманіе въ видахъ постепеннаго улучшенія предложенныхъ тогда къ исполненію учебныхъ плановъ, такъ, чтобы мало по малу, путемъ указаній опыта и при участіи всего педагогическаго сословія нашихъ гимназій и прогимназій, былъ выработанъ по каждому предмету наиболѣе удовлетворительный нормальный учебный планъ".

На первыхъ порахъ по введеніи новыхъ учебныхъ плановъ, отступленія отъ нихъ въ различныхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ были довольно многочисленны и неизбѣжны, какъ то и было предусмотрѣно въ вышеозначенномъ моемъ предложеніи, ибо ученики старшихъ классовъ, начиная уже съ III-го, въ предшествовавшіе годы обучались при другомъ числѣ уроковъ по разнымъ предметамъ и вообще всѣ по другимъ учебнымъ планамъ; но этого рода отступленія, вызванныя лишь временными обстоятельствами, имѣли временный и случайный характеръ и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе были устраняемы и ни въ какомъ случаѣ не могли служить указаніемъ на потребность какихъ-либо существенныхъ улучшеній въ учебныхъ планахъ 1872 года. Указаній же послѣдняго рода за все истекшее пятилѣтіе было вообще весьма немного, учебные планы вообще (за исключеніемъ только по математикѣ въ IV-мъ классѣ) были выполняемы безъ всякаго затрудненія и безъ малѣйшаго обремененія для учениковъ, и ученіе даже и посредственныхъ учениковъ съ каждымъ годомъ было все болѣе и болѣе успѣшно, принося все лучшіе результаты, изъ чего несомнѣнно явствуетъ, что вообще учебные планы 1872 г., за весьма немногими исключеніями, были составлены такъ удовлетворительно, какъ только было возможно при тогдашнихъ условіяхъ, именно при двухгодичномъ курсѣ VII класса, который обусло-

вливалъ выдѣленіе для этого класса по каждому предмету такихъ курсовъ, которые могли бы чередоваться между собою изъ года въ годъ безъ большаго ущерба для правильнаго образованія учащихся.

Если тѣмъ не менѣе я поручилъ пересмотръ означенныхъ учебныхъ плановъ особой коммисіи изъ соотвѣтственныхъ членовъ Ученаго Комитета, директоровъ всѣхъ С.-Петербургскихъ гимназій и 6-ти классныхъ прогимназій и инспекторовъ С.-Петербургскихъ 4-хъ классныхъ прогимназій, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Ученаго Комитета, то пересмотръ этотъ вызванъ главнѣйше тѣмъ, что вышеуказанное неблагопріятное условіе нынѣ устранено и VII классъ съ двухгодичнымъ курсомъ нынѣ почти во всѣхъ уже гимназіяхъ замѣненъ самостоятельными классами VII-мъ и VIII-мъ съ годичнымъ курсомъ въ каждомъ изъ нихъ. Пересмотръ учебныхъ плановъ 1872 г. сдѣлался необходимымъ уже по этой одной причинѣ; но при этомъ желательно было сдѣлать въ нихъ и другія улучшенія, указанныя педагогической практикой въ истекшее пятилѣтіе, дабы такимъ образомъ пересмотрѣнные и вновь утвержденные нынѣ учебные планы могли имѣть силу на время сколь можно болѣе продолжительное, и чтобы дальнѣйшія въ нихъ улучшенія обусловливались лишь успѣхами самыхъ наукъ, а отчасти также нашей учебной литературы и учебной практики, и болѣе высокимъ научнымъ и дидактическимъ уровнемъ самихъ преподавателей.

Изъ препровождаемыхъ мною при семъ къ исполненію учебныхъ плановъ ваше превосходительство усмотрите, что:

1) Учебные планы по закону Божію, по краткому курсу естествовѣдѣнія и по обоимъ новымъ иностраннымъ языкамъ не подверглись никакому измѣненію.

2) Курсъ физики остался тотъ же, что̀ и въ 1872 г.; но, благодаря раздѣленію VII класса на два класса, учебный матеріалъ этого предмета распредѣленъ иначе между классами и съ большею послѣдовательностью.

3) Точно также и вслѣдствіе той же причины, измѣнено распредѣленіе по классамъ учебнаго матеріала по всеобщей исторіи, такъ что за эпизодическимъ курсомъ III и IV классовъ (оставшимся почти безъ измѣненія) слѣдуетъ въ непрерывной хронологической послѣдовательности систематическій курсъ всеобщей и русской исторіи; но при этомъ, въ видахъ устраненія замѣченной въ истекшее пятилѣтіе нѣкоторой отрывочности и неполноты свѣдѣній учащихся, а) устанавливается, хотя и параллельное для каждаго класса, но отдѣль-

ное преподаваніе всеобщей и русской исторіи до времени Петра Великаго, съ котораго начинается изложеніе русской исторіи въ связи со всеобщею, и б) расширяется нѣсколько курсъ общей исторіи среднихъ вѣковъ, въ особенности внесеніемъ въ оный фактовъ изъ исторіи восточныхъ и западныхъ Славянъ и Византійской имперіи по естественной связи ихъ съ русской исторіей. Такимъ образомъ прежнія примѣрныя программы курсовъ эпизодическаго и систематическаго остались почти безъ перемѣны (кромѣ отдѣленія матеріала по русской исторіи отъ матеріала по всеобщей до временъ Петра Великаго), за исключеніемъ программы исторіи среднихъ вѣковъ, которая вновь составлена.

4) Раздѣленіе VII класса на два особые класса дало также возможность полнѣе осуществить то желаніе, которое было высказано въ учебномъ планѣ [1]) 1872 г. по русскому языку и словесности, а именно ввести въ VI, VII и VIII классахъ краткій обзоръ исторіи русской литературы, а въ V краткій систематическій курсъ теоріи словесности, не пріурочивая ихъ, какъ было прежде, только къ изученію образцовыхъ произведеній русской литературы, но и не отодвигая этого изученія на задній планъ: теорія и исторія должны идти рука объ руку и параллельно съ этимъ изученіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ учебномъ планѣ по русскому языку и словесности, согласно съ указаніями опыта, а) усиленъ грамматическій учебный матеріалъ приготовительнаго класса, что̀ и вполнѣ достижимо, какъ указалъ опытъ многихъ гимназій и прогимназій, и необходимо для безпрепятственнаго изученія латинской грамматики въ I классѣ, и б) точнѣе разграниченъ по классамъ и точнѣе опредѣленъ грамматическій матеріалъ низшихъ трехъ классовъ; ученіе же о періодахъ, нѣсколько затруднявшее учениковъ IV класса, отнесено къ V классу, къ курсу стилистики (о періодической рѣчи). Введеніе систематическаго курса теоріи словесности въ V классѣ и краткаго обзора исторіи русской литературы въ хронологическомъ порядкѣ въ VI, VII и VIII классахъ не представитъ особыхъ затрудненій ни для преподавателей, ни для учащихся, ибо этимъ путемъ будетъ устранена необходимость весьма пространныхъ теоретическихъ и историко-литературныхъ объясненій, которыя прежде брали очень много времени при разборѣ образцовыхъ произведеній русской словесности. Впрочемъ, и опытъ

---

[1]) См. примѣчаніе на стр. 218 и 219 Сборн. постановл. и распоряж. по гимн. и прогимн.

многихъ гимназій, гдѣ уже и въ истекшее пятилѣтіе преподавался такой обзоръ исторіи русской литературы, показалъ, что дѣло это можетъ быть ведено съ полнымъ успѣхомъ при положенномъ нынѣ числѣ уроковъ по русскому языку и словесности. Наконецъ, во II классѣ устраняется ознакомленіе учениковъ съ главными церковно-славянскими формами, такъ какъ оно имѣло лишь служебную цѣль— облегчить пониманіе молитвъ и текстовъ на урокахъ изъ закона Божія, а эта цѣль можетъ быть вполнѣ достигаема и дѣйствительно достигается и самими законоучителями, а въ V классѣ точно также устраняется сообщеніе нѣкоторыхъ элементарныхъ свѣдѣній изъ логики, такъ какъ свѣдѣнія эти удобнѣе могутъ быть сообщены особо въ курсѣ логики.

5) По древнимъ языкамъ, точно также по указаніямъ опыта, найдено болѣе полезнымъ: а) сколь можно точнѣе опредѣлить учебный матеріалъ по латинской грамматикѣ для трехъ низшихъ классовъ; б) сократить нѣсколько этимологическій матеріалъ I класса, дабы при прохожденіи его не было надобности вдаваться въ болѣе сложныя синтаксическія правила о временахъ и наклоненіяхъ, а вслѣдствіе того иначе размѣстить весь прежній матеріалъ по тремъ низшимъ классамъ, но такъ, чтобъ онъ былъ весь пройденъ въ нихъ; в) въ видахъ облегченія учениковъ IV класса, гдѣ въ концѣ года производится полное письменное и устное испытаніе изъ всего пройденнаго за четыре предшествующіе года, перенести краткое изложеніе просодіи и ученіе о гекзаметрѣ въ V-й классъ и въ этомъ же классѣ сосредоточить чтеніе Овидія; г) по греческому языку начинать систематическій курсъ синтаксиса уже въ V классѣ во второе полугодіе, буде окажется, что ученики вполнѣ совладали съ этимологіей; д) въ VI классѣ и во второе полугодіе продолжать чтеніе одного изъ аттическихъ или близкихъ къ аттицизму писателей (Исократа, Арріана, Лукіана и т. д.), дабы облегчить ученикамъ усвоеніе проходимаго въ этомъ классѣ синтаксиса аттическаго діалекта и дабы они могли еще болѣе утвердиться въ этимологіи этого же діалекта, чтеніе же Геродота (преимущественно послѣднихъ 4-хъ книгъ его о греко-персидскихъ войнахъ) сосредоточить исключительно въ VII классѣ; е) въ VII классѣ одинъ часъ отъ чтенія Иліады перенести на чтеніе Платона (Апологія или Критонъ), дабы такимъ образомъ ученики совмѣстно съ прохожденіемъ логики, отнесенной къ этому же классу, начали читать и одного изъ величайшихъ міровыхъ философовъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ они въ каждомъ классѣ имѣли дѣло хотя бы

съ однимъ аттическимъ писателемъ, и ж) въ VIII классѣ удѣлить одинъ урокъ отъ чтенія Демосѳена или Ѳукидида на чтеніе того же Платона, дабы ближе ознакомиться съ нимъ и имѣть возможность примѣнить пріобрѣтенныя ими свѣдѣнія по логикѣ къ разбору его діалоговъ (Эвтидемъ, Лахесъ или Hippias major).

6) Учебный планъ логики нынѣ впервые предлагается мною къ исполненію, самое же преподаваніе этого предмета отнесено къ VII, а не къ VIII классу, частію чтобы, какъ выше сказано, ученики старшаго класса воспользовались своими свѣдѣніями по этому предмету при чтеніи и разборѣ философскихъ сочиненій Платона, а частію руководились ими при собственныхъ своихъ сочиненіяхъ на отечественномъ языкѣ, а наконецъ, и въ силу того соображенія, что въ VIII классѣ учебное время нѣсколько короче, чѣмъ въ VII, гдѣ нѣтъ устныхъ испытаній и гдѣ правильное ученіе продолжается до конца учебнаго года, и введеніе новаго предмета въ VIII классѣ могло бы обременить и затруднить учениковъ и повредить успѣхамъ самаго предмета. Свѣдѣнія изъ логики предположено пополнить необходимѣйшими свѣдѣніями изъ психологіи, такъ чтобы всѣми учениками былъ пройденъ этотъ краткій препедевтическій курсъ философіи.

7) Курсъ географіи, а равно и распредѣленіе его по классамъ, оставлены почти въ прежнемъ видѣ, но при этомъ курсъ этотъ а) несравненно точнѣе опредѣленъ, чрезъ что̀ устранится много лишняго матеріала, который мѣстами былъ прежде сообщаемъ ученикамъ, и б) при повтореніи этого курса въ VII и VIII классахъ вниманіе сосредоточивается преимущественно на отечественной географіи.

Наконецъ, 8) что касается до математики, то и здѣсь раздѣленіе VII класса на два особые класса дало возможность сосредоточить повтореніе всего гимназическаго курса этого предмета въ VIII классѣ и на это повтореніе назначить не менѣе какъ по три урока въ недѣлю, при чемъ можно разчитывать на еще болѣе удовлетворительные результаты, чѣмъ какіе несомнѣнно достигаются уже нынѣ. Но сверхъ того, согласно съ указаніями опыта, а также и въ видахъ установленія одинаковаго курса по математикѣ въ низшихъ четырехъ классахъ гимназій и реальныхъ училищъ и безпрепятственнаго перехода изъ первыхъ въ послѣднія, узаконеннаго статьею 25-ю устава реальныхъ училищъ, а) предложенное уже мною прежде перенесеніе одного урока изъ I класса въ III утверждается мною и нынѣ на дальнѣйшее время; б) въ тѣхъ же видахъ и въ видахъ облегченія

учениковъ IV класса при прохожденіи положеннаго для этого класса курса математики, въ этотъ классъ переносится одинъ урокъ по этому предмету изъ VII класса, такъ что въ низшихъ четырехъ классахъ гимназій будетъ то же число уроковъ, что и въ реальныхъ училищахъ (то-есть, по 4 урока въ недѣлю), а въ VII классѣ 3 (1 на окончаніе курса алгебры и 2 на тригонометрію); в) въ курсахъ алгебры и геометріи IV и V классовъ сдѣланы незначительныя перемѣщенія, и наконецъ, г) курсъ, установленный нынѣ для низшихъ четырехъ классовъ гимназій, вмѣстѣ съ тѣмъ утверждается мною для тѣхъ же классовъ и реальныхъ училищъ, чѣмъ увеличивается нѣсколько курсъ математики въ V классѣ реальныхъ училищъ; но для прохожденія этого увеличеннаго курса я предлагаю вашему превосходительству распорядиться прибавкою одного урока къ общему числу уроковъ по математикѣ въ V классѣ реальныхъ училищъ, отдѣливъ этотъ урокъ отъ геометрическаго черченія, которое по штатамъ реальныхъ училищъ отнесено къ одной группѣ съ математикою и механикою, съ назначеніемъ на эту группу троихъ преподавателей. Было бы излишне указывать вашему превосходительству, что всѣ эти перенесенія заключаются въ предѣлахъ, установленныхъ уставами 1871 и 1872 г. гимназій (§ 16) и реальныхъ училищъ (§ 15).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, по поводу возбужденнаго начальствомъ одного учебнаго округа вопроса, имѣю честь разъяснить, что въ § 16 устава гимназій, коимъ постановляется, между прочимъ, что общее число уроковъ по каждому предмету, обозначенное въ приложенной къ § 74 таблицѣ, должно оставаться неизмѣннымъ, разумѣется лишь штатное (то-есть, оплачиваемое изъ суммъ, назначенныхъ по штатамъ на содержаніе каждой гимназіи или прогимназіи) число уроковъ, но что на спеціальныя средства самой гимназіи или прогимназіи, по ходатайству педагогическаго совѣта оной и съ разрѣшенія попечителя округа, можетъ быть временно, или и постоянно, въ видахъ возвышенія успѣховъ учащихся, увеличиваемо число уроковъ по какому-либо предмету и въ какомъ-либо классѣ, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы отъ того не произошло ни обремененія для учащихся, ни какого-либо существеннаго измѣненія въ правильномъ взаимномъ отношеніи между предметами, какое установлено въ таблицѣ числа недѣльныхъ уроковъ, приложенной къ § 74 устава. Такъ, между прочимъ, еслибы педагогическій совѣтъ какой-либо гимназіи или прогимназіи нашелъ полезнымъ прибавить одинъ урокъ

по русскому языку въ I классѣ, съ отнесеніемъ сего расхода на спеціальныя средства учебнаго заведенія, то таковое ходатайство подлежало бы удовлетворенію, такъ какъ число уроковъ въ I классѣ вообще весьма незначительно и отъ вышеозначенной прибавки никакого существеннаго измѣненія въ отношеніи между предметами не произойдетъ, а между тѣмъ можно ожидать существенной пользы, особенно же въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ мѣстный говоръ не отличается чистотою и правильностью или гдѣ въ числѣ учащихся есть много инородцевъ. И вообще ходатайства подобнаго рода и по другимъ предметамъ заслуживаютъ полнаго уваженія и удовлетворенія при соблюденіи всѣхъ вышеизложенныхъ условій и съ тѣмъ, чтобы о случаяхъ подобнаго рода было доводимо до моего свѣдѣнія въ годичныхъ отчетахъ по гимназіямъ округа.

Относительно приведенія въ исполненіе всѣхъ вышеуказанныхъ перемѣнъ въ дѣйствующихъ нынѣ учебныхъ планахъ, имѣю честь предложить нижеслѣдующее, руководясь желаніемъ сколь можно болѣе избѣжать неудобствъ, связанныхъ вообще съ измѣненіемъ однажды установленныхъ учебныхъ плановъ:

1) По *древнимъ языкамъ* предлагаемые нынѣ учебные планы могутъ быть осуществлены уже съ начала 1877—78 учебнаго года, за исключеніемъ лишь того, что въ VII классѣ будетъ въ означенномъ году не 7, а 6 уроковъ, такъ какъ 7-й урокъ, назначенный нынѣ утвержденнымъ мною учебнымъ планомъ на чтеніе діалоговъ Платона, долженъ быть въ этомъ году употребленъ на курсъ логики.

2) По *русскому языку и словесности* учебный планъ можетъ быть въ точности примѣненъ съ начала 1877—78 учебнаго года во всѣхъ классахъ, кромѣ VII и VIII, въ коихъ должно быть продолжаемо изученіе образцовыхъ произведеній русской литературы на прежнихъ основаніяхъ. Требованія по русскому языку отъ поступающихъ въ I классъ должны быть соображены съ курсомъ приготовительнаго класса; но требованія эти должны быть предъявляемы вновь поступающимъ въ I классъ лишь съ начала 1878—79 г., то-есть, слишкомъ черезъ годъ по обнародованіи вновь пересмотрѣнныхъ учебныхъ плановъ, при чемъ начальники гимназій и прогимназій должны озаботиться своевременнымъ ознакомленіемъ родителей съ этими требованіями путемъ какъ личныхъ сношеній, такъ и еще болѣе путемъ неоднократныхъ о томъ публикацій въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ; министерство же не преминетъ публиковать о томъ въ «Правительствен-

номъ Вѣстникѣ» и въ другихъ болѣе распространенныхъ столичныхъ газетахъ.

3) *Логика* въ 1877—78 году должна быть преподаваема и въ VII классѣ, гдѣ она вновь вводится, и въ VIII классѣ, гдѣ она обыкновенно преподавалась до сихъ поръ, при чемъ въ тѣхъ гимназіяхъ, въ коихъ эти оба старшіе класса не многолюдны, преподаваніе логики могло бы въ означенномъ году идти совмѣстно въ томъ и другомъ классѣ, чѣмъ была бы сбережена плата за одинъ урокъ, которая пошла бы на одинъ прибавочный урокъ, какъ сейчасъ будетъ изъяснено, по математикѣ.

4) Изъ предложенныхъ нынѣ измѣненій *по математикѣ* должны быть допущены лишь два изъятія, а именно: а) въ теченіе 1877—78 учебнаго года курсъ V класса остается безъ измѣненія прежній, и б) дабы ученики, которые въ 1877—78 г. будутъ въ V, VI и VII классахъ, въ теченіе своего учебнаго курса имѣли по математикѣ положенное уставомъ число уроковъ, необходимо въ теченіе трехъ лѣтъ (1877—78, 78—79 и 79—80) сохранить въ VII классѣ нынѣшнее число уроковъ (то-есть, 4 вмѣсто вновь устанавливаемыхъ 3-хъ). А такъ какъ увеличить число уроковъ по математикѣ въ IV классѣ съ трехъ до четырехъ необходимо уже съ начала 1877—78 г., то гимназіи должны будутъ принять плату за этотъ добавочный урокъ, въ продолженіе вышеозначенныхъ трехъ лѣтъ, на спеціальныя свои средства; по прошествіи же трехъ лѣтъ этотъ дополнительный въ IV классѣ урокъ будетъ покрытъ въ гимназіяхъ уменьшеніемъ числа уроковъ въ VII классѣ, въ прогимназіяхъ же, какъ четырехклассныхъ, такъ и 6-тиклассныхъ, этотъ урокъ составитъ постоянное увеличеніе числа штатныхъ уроковъ по математикѣ и по всѣмъ вообще предметамъ, а потому, дабы не обременить спеціальныя средства прогимназій постояннымъ расходомъ, я предполагаю при первой возможности исходатайствовать дополнительный къ штатамъ прогимназій кредитъ изъ государственнаго казначейства, по 60 руб. на каждую прогимназію, что̀ въ общей сложности не превыситъ, по нынѣшнему числу прогимназій, 4,500 р. ежегодно.

5) *По физикѣ* новое распредѣленіе преподаванія можетъ быть тотчасъ же введено въ VI и VII классахъ, но въ VIII преподаваніе это въ теченіе 1877—78 учебнаго года должно быть продолжаемо на прежнихъ основаніяхъ.

6) Точно также повтореніе *географіи* въ VIII классѣ въ 1877—78 г. должно происходить на прежнихъ основаніяхъ.

7) *По исторіи* вновь пересмотрѣнный учебный планъ приводится въ исполненіе въ III, IV и V классахъ съ начала 1877—78 г., въ VI же, VII и VIII исторія проходится по прежнему учебному плану, и такимъ образомъ лишь въ началѣ 1880—81 г. курсъ исторіи можетъ вполнѣ осуществиться въ видѣ, какъ предлагается мною нынѣ.

Въ заключеніе имѣю честь просить ваше превосходительство озаботиться сколь можно болѣе своевременною разсылкою прилагаемыхъ при семъ экземпляровъ учебныхъ плановъ по всѣмъ гимназіямъ и прогимназіямъ ввѣреннаго вамъ учебнаго округа, а также обратить вниманіе начальниковъ сихъ заведеній на вышеизложенные способы выполненія этихъ плановъ, а также и на то, что нижеслѣдующіе пункты изъ циркулярнаго предложенія моего отъ 31-го іюля 1872 года, при которомъ были препровождены утвержденные мною тогда учебные планы, съ нѣкоторыми сдѣланными мною измѣненіями, сохраняютъ полную силу по отношенію и къ нынѣ пересмотрѣннымъ и утвержденнымъ мною планамъ, а именно:

1) Объемъ преподаванія каждаго предмета съ распредѣленіемъ онаго по классамъ опредѣленъ въ прилагаемыхъ при семъ учебныхъ планахъ по возможности въ точности, и, въ видахъ возможно-бо̀льшаго объединенія преподаванія въ различныхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, желательно, чтобы преподаватели строго держались въ обозначенныхъ предѣлахъ, имѣя въ виду, съ одной стороны, что въ этихъ учебныхъ планахъ указано наименьшее, что̀ можетъ быть сдѣлано по каждому предмету въ каждомъ классѣ, а съ другой, что расширеніе объема преподаванія какого-либо предмета въ какомъ-либо классѣ, если только оно не допущено въ нѣкоторыхъ случаяхъ самымъ учебнымъ планомъ, легко можетъ повлечь за собою или обремененіе для учащихся, или же стѣсненіе для преподаванія другихъ предметовъ. Предлагаемые нынѣ къ выполненію учебные планы составлены вообще такъ, что они нисколько не могутъ стѣснить свободной и благотворной дѣятельности каждаго преподавателя, и отъ собственнаго усердія, опытности и искусства каждаго изъ нихъ будетъ зависѣть достиженіе возможно-лучшихъ результатовъ, но не въ смыслѣ расширенія объема преподаванія въ каждомъ классѣ, а въ смыслѣ большей его основательности и возможно-бо̀льшаго углубленія самаго разумѣнія учениковъ, какое можетъ быть достигнуто: напримѣръ, по древнимъ языкамъ болѣе обширнымъ чтеніемъ однихъ и тѣхъ же авторовъ съ надлежащимъ объясненіемъ всего того, что необходимо для ихъ пониманія, и болѣе разнообразными упражне-

ніями на преподанныя граматическія правила; по математикѣ и физикѣ—рѣшеніемъ бо̀льшаго числа задачъ съ постепеннымъ переходомъ къ болѣе труднымъ и сложнымъ; по русскому языку и словесности — болѣе частыми и разнообразнѣйшими упражненіями въ устномъ и письменномъ употребленіи родной рѣчи и въ разъясненіи всѣхъ особенностей изучаемыхъ произведеній русской словесности; по исторіи и географіи — не сообщеніемъ бо̀льшаго количества фактовъ, а возможно лучшею переработкою и уясненіемъ ихъ при болѣе частыхъ и разнообразнѣйшихъ повтореніяхъ и т. д. По нѣкоторымъ предметамъ курсъ нѣкоторыхъ классовъ оставленъ въ учебномъ планѣ безъ точнаго опредѣленія. Такъ, по закону Божію только въ объяснительной запискѣ сдѣлано указаніе, что начиная съ VII класса въ одинъ годъ долженъ быть повторенъ катихизисъ, а въ другой годъ повторена церковная исторія. При той основательности, съ какою обыкновенно проходится катихизисъ, и при самой краткости какъ этого курса, такъ и курса церковной исторіи, только-что пройденнаго притомъ въ VI классѣ, я вполнѣ увѣренъ, что законоучители воспользуются этими 70-ю или 80-ю уроками по закону Божію, преимущественно для ознакомленія учениковъ съ священнымъ писаніемъ новаго завѣта, по возможности въ самомъ подлинникѣ, и при этомъ прочитаютъ съ учениками тѣ мѣста онаго, которыя, или имѣютъ особенно важное догматическое значеніе и истолкованіе коихъ законоучителемъ можетъ быть особенно полезно ученикамъ, или которыя могутъ произвести на учениковъ особенно благотворное дѣйствіе въ религіозно-нравственномъ отношеніи. Еслибы и затѣмъ оказалось свободное время, было бы желательно ознакомленіе учащихся подробнѣе съ обстоятельствами жизни отцовъ церкви и съ замѣчательнѣйшими изъ ихъ твореній, по возможности, въ подлинникѣ. Такое дополнительное преподаваніе закона Божія въ VII и VIII классахъ гимназій было бы особенно согласно съ самымъ назначеніемъ этихъ учебныхъ заведеній, какъ первоначальныхъ ученыхъ школъ.

2) Приложенныя къ учебнымъ планамъ объяснительныя записки указываютъ частію основанія, принятыя въ руководство при ихъ составленіи, частію учебно-воспитательныя цѣли, какія должны быть достигнуты преподаваніемъ, частію же и самые способы преподаванія. Учебные планы уясняются такимъ образомъ только изъ этихъ объяснительныхъ записокъ, которыя поэтому и должны быть приняты преподавателями не только къ свѣдѣнію, но и къ руководству. Наибольшаго въ нихъ вниманія заслуживаютъ указанія на то, въ какомъ

духѣ должно быть ведено преподаваніе каждаго предмета и какъ должно быть согласовано между собою преподаваніе различныхъ предметовъ: этого рода указанія не могутъ не быть обязательны для всѣхъ преподавателей наравнѣ съ опредѣленіемъ объема и распредѣленіемъ учебнаго матеріала по классамъ.

3) Подробныя программы по каждому предмету, согласно § 75 (п. 2), должны быть составляемы самими преподавателями на основаніи указаній учебнаго плана и объяснительныхъ записокъ. При этомъ какъ въ порядкѣ размѣщенія учебнаго матеріала, назначеннаго для класса, такъ и въ опредѣленіи всѣхъ подробностей учебнаго курса, равно какъ и въ выборѣ учебныхъ руководствъ и пособій изъ числа одобренныхъ министерствомъ, преподавателямъ вообще предоставляется свобода слѣдовать собственнымъ ихъ воззрѣніямъ соображаясь съ общими началами дидактики и съ тѣми указаніями, которыя предложены министерствомъ для руководства. Обо всѣхъ отступленіяхъ отъ нормальнаго учебнаго плана, еслибъ таковыя понадобились по какимъ-либо уважительнымъ соображеніямъ, должно быть всякій разъ сообщаемо въ годичныхъ отчетахъ каждой гимназіи и прогимназіи, съ объясненіемъ причинъ, вызвавшихъ отступленія, и съ обозначеніемъ, что̀ было пройдено въ истекшій учебный годъ въ дѣйствительности въ каждомъ классѣ и по каждому предмету.

4) Къ учебнымъ планамъ почти всѣхъ предметовъ приложены довольно подробныя примѣрныя программы. Программы эти необязательны для преподавателей и должны лишь служить образцомъ при ихъ соображеніяхъ, какимъ образомъ могутъ быть выполнены требованія министерства при данномъ числѣ уроковъ; но само собою разумѣется, что онѣ могутъ быть существенно измѣняемы или и вовсе устраняемы по какимъ либо уважительнымъ соображеніямъ, которыя и должны быть изложены въ годичныхъ отчетахъ гимназій и прогимназій.

5) Тѣ изъ постороннихъ лицъ, которыя поступаютъ въ какой-либо классъ гимназіи или прогимназіи, или же держатъ экзаменъ изъ полнаго гимназическаго курса, должны быть испытываемы на основаніи вышеупомянутыхъ примѣрныхъ программъ.

Настоящее мое предложеніе прошу ваше превосходительство сообщить къ свѣдѣнію и руководству всѣмъ гимназіямъ и прогимназіямъ ввѣреннаго вамъ округа.

10. (8-го іюня 1877 года). *Учебные планы предметовъ, преподаваемыхъ въ мужскихъ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.*

(Пересмотрѣны и утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія, на основаніи § 15 устава гимназій и прогимназій).

Программа преподаванія закона Божія [1]).

(утверждена святѣйшимъ синодомъ).

Приготовительный классъ (4 урока).

Объясненіе выученныхъ наизусть молитвъ.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа.—Господи, Іисусе Христе.—Слава Тебѣ, Боже.—Царю небесный.—Святый Боже.—Слава Отцу и Сыну и Св. Духу.—Пресвятая Троице.—Отче нашъ.—Къ Тебѣ, Владыко человѣколюбче, отъ сна возставъ, прибѣгаю.—Достойно есть яко воистину.—Господи, Боже нашъ, еже согрѣшихъ во дни семъ.—Богородице Дѣво, радуйся.—Символъ вѣры и десять заповѣдей.

Разсказы о важнѣйшихъ событіяхъ священной исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта.

Сотвореніе міра и человѣка. Грѣхопаденіе первыхъ людей, обѣтованіе о Спасителѣ и наказаніе за грѣхъ. Всемірный потопъ. Непочтительность Хама къ отцу. Столпотвореніе вавилонское и разсѣяніе народовъ. Призваніе Авраама и жертвоприношеніе Исаака. Исторія Іосифа. Рожденіе и призваніе Моисея. Исходъ Евреевъ изъ Египта. Синайское законодательство. Вступленіе Израильтянъ въ землю обѣтованную. Краткое понятіе о временахъ судей израилевыхъ. Избраніе Саула на царство и отверженіе его Богомъ. Побѣда Давида надъ Голіаѳомъ. Воцареніе Давида; устройство имъ новой скиніи и перенесеніе въ нее ковчега завѣта. Мудрость Соломона; построеніе имъ храма іерусалимскаго. Раздѣленіе Израильтянъ на два царства и паденіе того и другаго. Понятіе о пророкахъ; событія изъ жизни пророковъ Иліи, Елисея и Даніила.

Рожденіе Предтечи. Благовѣщеніе Пр. Дѣвѣ. Рождество І. Христа. Поклоненіе волхвовъ. Срѣтеніе Господа Симеономъ и Анною во храмѣ. Крещеніе І. Христа. Избраніе Апостоловъ. Понятіе о притчахъ.

---

[1]) Остается безъ измѣненія, какъ и въ учебныхъ планахъ, утвержденныхъ 31-го іюля 1872 г.

Притча о милосердомъ Самарянинѣ. О чудесахъ Христовыхъ. Укрощеніе бури; исцѣленіе бѣсноватаго въ странѣ Гадаринской. Преображеніе Господне. Воскрешеніе Лазаря. Входъ Господень въ Іерусалимъ. Предательство Іуды. Тайная вечеря. Страданіе и смерть І. Христа. Погребеніе І. Христа. Воскресеніе и вознесеніе Его на небо. Сошествіе Св. Духа на Апостоловъ.

Руководствомъ могутъ служить:

Молитвы, заповѣди и символъ вѣры съ объясненіемъ ихъ, протоіерея Д. Соколова.

Библейская исторія, сокращенно извлеченная изъ священныхъ книгъ ветхаго и новаго завѣта, протоіерея І. Базарова.

Первый и второй классы (по 2 урока въ каждомъ).

Священная исторія Ветхаго Завѣта.

I. Исторія церкви отъ сотворенія міра до потопа.

1) Сотвореніе міра и человѣка. Жизнь прародителей въ раю. Грѣхопаденіе прародителей и послѣдствія грѣхопаденія. Судъ Божій надъ грѣшниками и обѣтованіе о Спасителѣ.

Каинъ, Авель и Сиѳъ. Смѣшеніе племенъ.

II. Исторія церкви отъ потопа до Моусея.

2) Всемірный потопъ. Спасеніе Ноя съ семействомъ и жертвоприношеніе его, по выходѣ изъ ковчега. Дѣти Ноя и его пророчество о судьбѣ ихъ. Столпотвореніе вавилонское, разсѣяніе народовъ и появленіе идолопоклонства.

Патріархи народа еврейскаго.

3) Призваніе Авраама и переселеніе его въ землю Ханаанскую; разлученіе его съ Лотомъ. Освобожденіе Лота изъ плѣна. Мелхиседекъ. Завѣтъ Божій съ Авраамомъ. Агарь. Явленіе Бога Аврааму у дуба Мамврійскаго. Казнь Содома и Гоморры. Рожденіе Исаака и принесеніе его въ жертву Богу.

4) Супружество Исаака. Исавъ и Іаковъ. Удаленіе Іакова въ Месопотамію, видѣніе имъ лѣствицы, пребываніе его у Лавана и возвращеніе въ Палестину.

5) Дѣти Іакова. Происшествія съ Іосифомъ въ Египтѣ и переселеніе Іакова съ семействомъ въ Египетъ; пророческое благословеніе Іакова дѣтямъ. Іовъ.

III. Исторія церкви отъ временъ Моѵсея до Саула.

6) Состояніе Евреевъ въ Египтѣ по смерти Іосифа. Рожденіе и воспитаніе Моѵсея, удаленіе его изъ Египта, явленіе ему Бога въ купинѣ. Чудеса его предъ Фараономъ и казни, поразившія Египтянъ. Пасха и выходъ Евреевъ изъ Египта. Переходъ ихъ чрезъ Чермное море.

7) Чудесныя событія на пути къ Синаю. Синайское законодательство. Устройство скиніи, священства и богослуженія.

8) Непокорность Евреевъ и осужденіе ихъ на 40-лѣтнее странствованіе. Чудесный жезлъ Аароновъ. Мѣдный змѣй. Смерть Аарона и Моѵсея.

9) Іисусъ Навинъ. Переходъ чрезъ Іорданъ; взятіе Іерихона; побѣда Іисуса Навина надъ союзными хананейскими царями и раздѣленіе земли обѣтованной.

Исторія судей.

10) Понятіе о судьяхъ. Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ: Гедеонъ, Іефѳай, Самсонъ, первосвященникъ Илій и Самуилъ. Исторія Руѳи.

IV. Исторія церкви отъ Саула до плѣненія Вавилонскаго.

11) Избраніе и помазаніе Саула на царство. Непослушаніе Саула и отверженіе его Богомъ. Помазаніе Давида на царство. Побѣда его надъ Голіаѳомъ; гоненія противъ него Саула и смерть Саула.

12) Воцареніе Давида. Завоеваніе Іерусалима и перенесеніе туда ковчега. Побѣда Давида надъ сосѣдними народами. Преступленіе Давида и раскаяніе. Бѣдствія въ его царствованіе.

13) Соломонъ; его мудрость; построеніе и освященіе храма; слава царствованія Соломона; слабости его и судъ Божій надъ нимъ.

14) Раздѣленіе царства еврейскаго на іудейское и израильское. Краткій обзоръ исторіи царства израильскаго. Замѣчательнѣйшіе изъ царей израильскихъ: Іеровоамъ и Ахаавъ. Паденіе царства израильскаго.

15) Краткій обзоръ исторіи царства іудейскаго. Замѣчательнѣйшіе изъ царей іудейскихъ: Ровоамъ, Іосафатъ, Ахазъ, Езекія и Іосія. Паденіе царства іудейскаго.

Пророки.

16) Понятіе о пророкахъ. Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ: Илія и Елисей.

17) Исаія, Іеремія, Іона, Іезекіиль.
История Товита.

V. Исторія церкви отъ переселенія Евреевъ въ Вавилонъ до Рождества Христова.

18) Состояніе іудеевъ во время плѣна вавилонскаго. Пророкъ Даніилъ и три отрока. Гордость Навуходоносора и наказаніе его. Валтасаръ и паденіе царства вавилонскаго.

19) Возвращеніе Іудеевъ изъ плѣна; построеніе втораго храма въ Іерусалимѣ; подвиги Ездры и Неемія. Исторія Есѳири и Мардохея.

20) Александръ Македонскій въ Іерусалимѣ; построеніе храма самарійскаго; переводъ священнаго писанія. Гоненіе Антіоха Епифана. Подвиги Маттаѳіи и его сыновей.

Начало Римскаго владычества. Царствованіе Ирода. Религіозныя секты.

Руководствами могутъ служить:
Священная исторія Ветхаго Завѣта, протоіерея А. Рудакова.
Священная исторія Ветхаго Завѣта, протоіерея Д. Соколова.
Священная исторія Ветхаго Завѣта, протоіерея Попова.

Священная исторія Новаго Завѣта.

I. Исторія рожденія и первыхъ лѣтъ земной жизни Іисуса Христа до начала открытаго служенія Его спасенію человѣческаго рода.

1) Предсказанія о рожденіи Іоанна Крестителя. Пресвятая Дѣва Марія и благовѣщеніе ей о рождествѣ Іисуса Христа. Посѣщеніе Пресвятою Дѣвою Елисаветы. Рожденіе Іоанна Крестителя.

2) Рождество Іисуса Христа. Поклоненіе ему виѳлеемскихъ пастырей и восточныхъ мудрецовъ. Бѣгство Іосифа съ Богомладенцемъ и Матерію въ Египетъ и возвращеніе его въ землю Израилеву.

3) Срѣтеніе Іисуса Христа. Отрокъ Іисусъ во храмѣ. Проповѣдь Іоанна Крестителя. Крещеніе Іисуса Христа. Искушеніе Его въ пустынѣ. Свидѣтельство Іоанна Крестителя объ Іисусѣ Христѣ. Первые ученики Іисуса Христа. Первое чудо въ Канѣ Галилейской.

II. Исторія открытаго служенія Господа Іисуса Христа спасенію человѣческаго рода.

Первый годъ служенія Христова.

4) Изгнаніе торгующихъ изъ храма. Бесѣда Іисуса Христа съ Никодимомъ. Бесѣда Іисуса Христа съ Самарянкою.

5) Исцѣленіе сына царедворцева въ Канѣ. Проповѣдь Іисуса Христа въ Назаретѣ. Чудесный ловъ рыбы въ Геннисаретскомъ озерѣ.

Исцѣленіе разслабленнаго въ Капернаумѣ.

Призваніе Левія.

Второй годъ служенія Христова.

6) Исцѣленіе разслабленнаго при овчей купели.

Исцѣленіе сухорукаго и ученіе о субботѣ.

Избраніе двѣнадцати Апостоловъ.

Нагорная проповѣдь: ученіе о путяхъ блаженства, объясненіе заповѣдей въ совершеннѣйшемъ смыслѣ. О милостынѣ, молитвѣ и постѣ.

7) Исцѣленіе слуги сотника въ Капернаумѣ.

Воскрешеніе сына вдовы Наинской.

Іисусъ Христосъ въ домѣ Симона Фарисея.

Притча о сѣятелѣ.

Притча о сѣмени и плевелахъ.

Притча о зернѣ горчичномъ.

Укрощеніе бури.

8) Изгнаніе легіона бѣсовъ.

Исцѣленіе кровоточивой женщины и воскрешеніе дочери Іаира.

Отправленіе двѣнадцати Апостоловъ на проповѣдь и наставленіе имъ Іисуса Христа.

9) Смерть Іоанна Крестителя.

Чудесное насыщеніе 5,000 человѣкъ народа пятью хлѣбами.

Хожденіе Іисуса Христа по водамъ.

Бесѣда Іисуса Христа о таинствѣ причащенія въ Капернаумской синагогѣ.

Третій годъ служенія Христова.

10) Исцѣленіе дочери Хананеянки.

Исповѣданіе Петра, предсказаніе Господа о своихъ страданіяхъ, смерти и воскресеніи и ученіе о крестѣ Его послѣдователей.

Преображеніе Господне.

Исцѣленіе бѣсноватаго глухонѣмаго отрока.

11) Чудесное полученіе монеты для подаянія на храмъ.

Наставленіе о смиреніи и незлобіи.

Притча о милосердомъ царѣ и безжалостномъ должникѣ.

Помилованіе жены грѣшницы.

Исцѣленіе слѣпорожденнаго.

12) Притча о милосердомъ Самарянинѣ.

Посѣщеніе Мареы и Маріи Господомъ.

Притча о любознательномъ богачѣ и рабахъ, ожидающихъ господина.

Притча о званныхъ на вечерю.

Притча объ овцѣ пропавшей и блудномъ сынѣ.

13) Притча о богатомъ и Лазарѣ.

Исцѣленіе десяти прокаженныхъ.

Притча о несправедливомъ судіи.

Притча о мытарѣ и фарисеѣ.

Благословеніе дѣтей.

Наставленіе богатому юношѣ.

Притча о равной наградѣ работникамъ въ виноградникѣ.

14) Путешествіе Іисуса Христа въ Іудею.

Предсказаніе Іисуса Христа о своей смерти въ Іерусалимѣ и просьба Саломіи.

Обращеніе Закхея.

Воскрешеніе Лазаря.

Вечеря въ дому Симона Прокаженнаго.

III. Исторія послѣднихъ дней земной жизни Іисуса Христа.

15) Торжественный входъ Іисуса Христа въ Іерусалимъ.

Проклятіе Іисусомъ Христомъ смоковницы.

Притча о непослушномъ сынѣ и раскаявшемся.

Притча о злыхъ виноградаряхъ. Притча о бракѣ царскаго сына.

16) Ученіе Іисуса Христа объ обязанности подданныхъ платить дань, воскресеніи мертвыхъ и главныхъ заповѣдяхъ.

Похвала усердію вдовицы.

Предсказаніе Господа о разрушеніи Іерусалима и второмъ Его пришествіи.

Притчи о дѣвахъ, ожидающихъ жениха, и о талантахъ.

Изображеніе страшнаго суда.

Предательство Іуды.

17) Тайная вечеря: умовеніе ногъ, совершеніе ветхозавѣтной пасхи и установленіе таинства св. причащенія. Предсказаніе объ отреченіи Петру. Краткое содержаніе прощальной бесѣды Іисуса Христа съ учениками.

Молитва Іисуса Христа въ саду Геѳсиманскомъ; взятіе его воинами.

18) Судъ надъ Іисусомъ Христомъ у первосвященниковъ іудейскихъ Анны и Каіафы. Отреченіе Петра, его раскаяніе и погибель Іуды.

Іисусъ Христосъ на судѣ Пилата. Бичеваніе.

Осужденіе Іисуса Христа на смерть.

19) Шествіе къ Голгоѳѣ и распятіе Іисуса Христа.

Крестныя страданія Іисуса Христа.

Погребеніе Іисуса Христа.

IV. Исторія пребыванія Христова на землѣ отъ воскресенія до вознесенія Его на небо.

20) Воскресеніе Господа Нашего Іисуса Христа.

Марія, Петръ и Іоаннъ у гроба Іисусова.

Явленіе воскресшаго Господа Маріи Магдалинѣ.

Явленіе Господа двумъ ученикамъ на пути въ Еммаусъ.

Явленіе Господа Апостоламъ въ Іерусалимѣ.

Явленіе Господа въ восьмой день по воскресеніи.

Явленіе Господа при морѣ Тиверіадскомъ.

Явленіе Господа на горѣ Галилейской и его послѣднія повелѣнія Апостоламъ.

Вознесеніе Господне.

Руководствами могутъ служить:

Священная исторія Новаго Завѣта, протоіерея А. Рудакова

Священная исторія Новаго Завѣта, протоіерея Д. Соколова.

Священная исторія Новаго Завѣта, протоіерея Попова.

Третій классъ (2 урока).

Ученіе о богослуженіи христіанской православной церкви.

Предварительныя понятія.

1) Понятіе о богослуженіи.

Происхожденіе богослуженія.

Храмъ, его происхожденіе, внѣшній видъ и внутреннее расположеніе.

2) Священные предметы: св. крестъ, св. иконы, св. одежды, св. сосуды.

3) Обряды, наиболѣе употребительные при богослуженіи: крестное знаменіе, поклоненіе, колѣнопреклоненіе, благословеніе священнодѣйствующаго, кажденіе и возженіе свѣчей.

Богослуженіе православной церкви, богослуженіе воскресное и праздничное.

4) Священныя воспоминанія въ дни седмицы.

Понятіе о праздникахъ; раздѣленіе ихъ.

Воспоминанія, соединяемыя съ двунадесятыми праздниками.

Виды суточнаго богослуженія: вечерня, утреня, часы первый, третій, шестый и девятый. Понятіе о нихъ и общій ихъ смыслъ.

Объясненіе всенощнаго бдѣнія.

5) Начало всенощнаго бдѣнія и предначинательный псаломъ.

Великая и малая ектеніи.

6) Пѣніе стиховъ: „Господи, воззвахъ къ Тебѣ, услыши мя".

Вечерній входъ.

Паремія.

Ектеніи сугубая и просительная.

Литія и благословеніе хлѣбовъ.

7) Понятіе о шестопсалміи.

Понятіе о каѳизмахъ.

Полѵелей.

Величаніе.

8) Чтеніе Евангелія, цѣлованіе онаго или праздничной иконы и помазаніе благословеннымъ елеемъ.

Понятіе о канонѣ.

Великое славословіе.

Различіе вседневной вечерни и утрени отъ вечерни и утрени во всенощномъ бдѣніи.

Литургія.

9) Понятіе о литургіи.

Установленіе таинства св. причащенія и происхожденіе литургіи.

Литургія св. Іоанна Златоустаго.

Главныя части литургіи.

I. *Проскомидія.* Понятіе о проскомидіи.

Вещество таинства св. причащенія.

Образъ совершенія проскомидіи.

10) II. *Литургія оглашенныхъ.* Понятіе о литургіи оглашенныхъ, начало и составъ ея.

Псалмы изобразительные и антифоны.

Входъ съ Евангеліемъ.

Пѣніе трисвятаго.

Чтеніе Апостола и Евангелія.

Ектенія и окончаніе литургіи оглашенныхъ.

11) III. *Литургія вѣрныхъ.* Понятіе о литургіи вѣрныхъ и главныя дѣйствія, ее составляющія.

Херувимская пѣснь. Великій входъ.

Приготовленіе къ освященію даровъ.

Просительная ектенія, внушеніе мира и любви, исповѣданіе символа вѣры; возбужденіе вѣрующихъ къ достойному предстоянію при совершеніи евхаристіи.

12) Возгласы и отвѣты, предшествующіе и сопровождающіе евхаристическую молитву.

Возношеніе даровъ и освященіе ихъ.

Воспоминаніе членовъ церкви небесной и земной.

13) Приготовленіе къ причащенію.

Причащеніе священнослужителей.

Явленіе св. даровъ для причащенія міранъ.

Послѣднее явленіе св. даровъ. Благодареніе по причащеніи, заамвонная молитва, раздаяніе антидора и отпускъ.

Краткія свѣдѣнія *о литургіи Василія Великаго*, дни совершенія ея и отличіе ея отъ литургіи св. Іоанна Златоустаго.

14) Богослужебныя особенности праздниковъ: Рождества Христова, Богоявленія, Преображенія Господня, Входа Господня въ Іерусалимъ, Пасхи, Пятидесятницы и Воздвиженія креста Господня.

Богослуженіе великопостное.

15) Понятіе о великомъ постѣ. Приготовительныя къ нему недѣли.

Особенности богослуженія великопостнаго, часы, литургія преждеосвященныхъ даровъ—составъ, порядокъ и особенности ея.

16) Понятіе о страстной седьмицѣ.

Священныя воспоминанія, соединяемыя съ великимъ четвергомъ, пяткомъ и субботою, и особенности богослуженія въ каждый изъ сихъ дней.

Руководствомъ можетъ служить:

Краткое ученіе о богослуженіи православной церкви, протоіерея А. Рудакова.

Четвертый и пятый классы (по 2 урока въ каждомъ).

Предварительныя понятія о катихизисѣ.

О божественномъ откровеніи, о священномъ преданіи и священномъ писаніи.

О священныхъ книгахъ Ветхаго и Новаго Завѣта.

О вѣрѣ.

ЧАСТЬ I.

О символѣ вѣры вообще и о происхожденіи его.

О первомъ членѣ символа вѣры.

О второмъ и третьемъ членахъ символа вѣры.

О четвертомъ членѣ символа вѣры.

О пятомъ и шестомъ членахъ символа вѣры.

О седьмомъ и осьмомъ членахъ символа вѣры.

О девятомъ членѣ символа вѣры.

О десятомъ членѣ символа вѣры; о таинствахъ—крещеніи и муропомазаніи.

О таинствахъ: причащеніи, покаяніи, священствѣ, бракѣ и елеосвященіи.

Объ одиннадцатомъ и двѣнадцатомъ членахъ символа вѣры.

О надеждѣ.

ЧАСТЬ II.

Понятіе о христіанской надеждѣ. О молитвѣ вообще и о молитвѣ Господней. Раздѣленіе ея. Призываніе.

Прошенія молитвы Господней и славословіе.

О любви.

ЧАСТЬ III.

О связи между вѣрою и любовію. О законѣ Божіемъ и заповѣдяхъ. О раздѣленіи заповѣдей на двѣ скрижали.

О первой заповѣди.

О второй заповѣди.

О третьей и четвертой заповѣдяхъ.

О пятой заповѣди.

О шестой и седьмой заповѣдяхъ.

Объ осьмой, девятой и десятой заповѣдяхъ.

Шестой классъ (1 урокъ).

Исторія христіанской православной церкви.

1) Сошествіе Св. Духа на Апостоловъ и первые успѣхи Христовой вѣры въ Іерусалимѣ.

Распространеніе церкви между Іудеями въ Іерусалимѣ и Самаріи.

2) Обращеніе Савла.

Распространеніе церкви между язычниками въ Кесаріи и Антіохіи. Путешествіе св. Апостола Павла и соборъ Апостольскій въ Іерусалимѣ.

3) Благовѣстническіе труды прочихъ Апостоловъ.

Распространеніе христіанства во II и III вѣкѣ.

Гоненіе на христіанъ отъ Іудеевъ. Паденіе Іудеевъ.

4) Важнѣйшія гоненія на христіанъ отъ язычниковъ въ теченіе первыхъ трехъ вѣковъ.

5) Обращеніе Константина Великаго и дѣйствія его на пользу церкви.

Послѣдняя борьба язычества съ христіанствомъ при Юліанѣ и окончательное торжество христіанства надъ язычествомъ при Θеодосіи Великомъ.

6) Краткая исторія вселенскихъ соборовъ.

7) Устройство церковнаго управленія. Отпаденіе Западной церкви отъ Восточной.

Исторія русской церкви.

8) Распространеніе христіанства между славянскими народами Кирилломъ и Меθодіемъ.

Начало христіанской вѣры въ Россіи и утвержденіе ея при св. князѣ Владимірѣ и послѣ него.

9) *Устройство церкви русской и управленіе ею*: митрополитъ, значеніе его въ русской церкви, отношеніе его къ патріарху Константинопольскому, отношенія къ князьямъ и епископамъ. Замѣчательнѣйшіе митрополиты.

Кіевопечерская лавра.

10) *Состояніе церкви русской во времена владычества Татаръ*: Отношенія Татаръ-язычниковъ и Татаръ-магометанъ къ церкви.

Св. мученики русской церкви въ Ордѣ. Распространеніе христіанства на сѣверѣ: просвѣщеніе Перми св. Стефаномъ.

11) Перенесеніе каѳедры митрополіи изъ Кіева во Владиміръ и потомъ въ Москву. Раздѣленіе русской митрополіи. Отношенія митрополитовъ сѣвернаго и южнаго къ патріарху.

12) *Состояніе русской церкви, по сверженіи ига Татаръ*: Состояніе митрополіи сѣверной и южной. Противодѣйствіе папизму. Низложеніе Исидора. Св. Іона митрополитъ Московскій. Ересь жидовствующихъ. Заслуги преподобнаго Іосифа для церкви.

13) Чинъ богослуженія и богослужебныя книги; потребность ихъ исправленій. Соборы съ сею цѣлію при Іоаннѣ Грозномъ. Просвѣщеніе христіанствомъ Казани и Астрахани. Св. Филиппъ II.

14) Патріаршество въ Россіи. Права и управленіе патріарха и его отношенія къ епископамъ. Патріархи Іовъ и Ермогенъ. Заслуги Сергіевой лавры во времена самозванцевъ. Патріархъ Филаретъ.

15) Патріархъ Никонъ. Его труды въ исправленіи богослужебныхъ книгъ и обрядовъ. Судъ надъ патріархомъ Никономъ.

Открытое появленіе раскола въ церкви русской.

Представители расколоученія и защитники его.

16) Учрежденіе Святѣйшаго Синода.

Состояніе православія на юго-западѣ.

Руководствами могутъ служить:

Исторія христіанской православной церкви, протоіерея А. Рудакова.

Очеркъ исторіи христіанской церкви, протоіерея К. Добронравина.

Очеркъ исторіи Русской церкви, протоіерея К. Добронравина.

Объяснительная записка

къ программѣ по закону Божію для гимназій вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія.

По новому Высочайше утвержденному уставу гимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія число уроковъ по закону Божію уменьшено однимъ сравнительно съ числомъ уроковъ по этому предмету, указаннымъ въ старомъ уставѣ. Въ возмѣщеніе же этого одного урока назначено четыре урока въ открываемыхъ при гимназіяхъ приготовительныхъ классахъ. Такая постановка преподаванія закона Божія имѣетъ очевидное преимущество предъ прежнею. Для правильнаго и успѣшнаго веденія преподаванія необходима равная подготовка вос-

питанниковъ, которая не существовала при прежнемъ пріемѣ дѣтей въ первый классъ съ разнообразными степенями ихъ свѣдѣній по закону Божію, такъ что значительное время впослѣдствіи терялось на установленіе извѣстнаго уровня въ классѣ. Приготовительный классъ, приводя подготовку къ достаточной полнотѣ и единству, даетъ возможность вести преподаваніе правильно и постепенно.

Для пріема въ приготовительный классъ уставомъ требуется знаніе первоначальныхъ молитвъ. Подъ таковыми молитвами слѣдуетъ разумѣть: „Во имя Отца и Сына и Св. Духа, Царю Небесный, Святый Боже, Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, Пресвятая Троице, Отче Нашъ, Богородице Дѣво, радуйся." Такъ какъ изъясненіе этихъ молитвъ составляетъ предметъ занятій въ приготовительномъ классѣ, то при пріемѣ въ этотъ классъ можно ограничиться требованіемъ толковаго ихъ произношенія, обнаруживающаго пониманіе общаго смысла упомянутыхъ молитвъ.

Судя по опредѣленному уставомъ испытанію поступающихъ въ первый классъ гимназій, въ приготовительномъ классѣ должны быть объяснены главнѣйшія утреннія и вечернія молитвы. Сюда относится и бо̀льшая часть вышеупомянутыхъ молитвъ, составляющихъ начало утреннихъ и вечернихъ молитвъ. Къ этимъ же начинательнымъ молитвамъ достаточно присоединить Символъ вѣры, одну молитву утреннюю: «къ Тебѣ, Владыко человѣколюбче, отъ сна возставъ, прибѣгаю», и одну вечернюю: «Господи Боже нашъ, еже согрѣшихъ во дни семъ» а равно и прославленіе Божіей Матери «Достойно есть яко воистину». Требованіе знанія наизусть бо̀льшаго числа утреннихъ и вечернихъ молитвъ было бы обременительно для дѣтей и нецѣлесообразно въ религіозно-педагогическомъ отношеніи.

Предварительно объясненія вышепоименованныхъ молитвъ, необходимо сообщить воспитанникамъ понятіе о молитвѣ вообще, о разныхъ видахъ и внѣшнихъ выраженіяхъ оной, останавливаясь притомъ не на сторонѣ догматической, которая мало доступна воспитанникамъ приготовительнаго класса, а на сторонѣ нуждъ, стремленій души и молитвеннаго расположенія. Самое же объясненіе молитвъ должно состоять прежде всего въ простомъ, удобопонятномъ переводѣ ихъ на русскій языкъ, въ сообщеніи общаго смысла и характера извѣстной молитвы и затѣмъ въ изложеніи частностей оной. Сіе послѣднее не должно быть доводимо до схоластическихъ подробностей, затрудняющихъ малолѣтнихъ воспитанниковъ и уничтожающихъ цѣльность содержанія и впечатлѣнія молитвы. Вообще объясненіе молитвъ

и требованіе отчета по сему предмету отъ воспитанниковъ не должно носить характера школьнаго, сухаго обученія, а мудраго отеческаго руководства къ святому дѣлу молитвы. Символъ же вѣры, подробное объясненіе котораго отнесено къ высшимъ классамъ, долженъ быть только переведенъ въ приготовительномъ классѣ на русскій языкъ, а равно изученіе заповѣдей и объясненіе общаго смысла каждой должны быть вставлены въ историческій разсказъ о Синайскомъ законодательствѣ.

Послѣдовательное преподаваніе священной исторіи предназначается собственно для первыхъ классовъ гимназическаго курса. Въ приготовительномъ же классѣ имѣютъ быть преподаны главныя событія Ветхаго и Новаго Завѣта. Въ выборѣ этихъ событій имѣлось въ виду, чтобы они, изображеніемъ дѣйствій Божіихъ и отношеніемъ къ нимъ священно-историческихъ лицъ, подготовляли дѣтей къ пониманію истинъ вѣры и правилъ нравственности.

Относительно преподаванія закона Божія во всѣхъ другихъ классахъ гимназіи необходимо опредѣлить учебный матеріалъ по сему предмету и распредѣлить оный по классамъ.

Прежнія программы по закону Божію страдали излишнею обширностью, заключая въ себѣ требованіе знаній, не относящихся прямо къ положенію христіанина изъ мірянъ. Къ такому излишеству можно отнести многія второстепенныя событія изъ священной исторіи, каковы: войны царей іудейскихъ и израильскихъ съ мелкими сосѣдними народами; въ объясненіи же богослуженія изложеніе менѣе важныхъ церковныхъ службъ, какъ то: полунощницы, повечерія и тому подобное, а равно и сообщеніе слишкомъ большаго количества фактовъ изъ церковной исторіи. Подобная постановка преподаванія закона Божія въ гимназіяхъ отвлекала вниманіе воспитанниковъ отъ существенныхъ сторонъ этого важнаго предмета и, отягощая ихъ силы, вселяла нерасположеніе къ живому и благодѣтельному усвоенію истинъ вѣры и благочестія. По симъ соображеніямъ преподаваніе закона Божія поставлено въ болѣе тѣсные предѣлы, заключающіе въ себѣ только необходимое для православнаго мірянина, съ предоставленіемъ дальнѣйшаго обогащенія религіозными познаніями въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ частныхъ занятіяхъ и жизни; съ сею цѣлію изъ священной исторіи исключены событія, не имѣющія прямаго отношенія къ устроенію царства Божія на землѣ; изъ богослуженія — изложеніе такихъ церковныхъ послѣдованій, при которыхъ рѣдко присутствуетъ мірянинъ; изъ катихизиса—заповѣди блаженствъ, пони-

маніе которыхъ затруднительно для воспитанниковъ отроческаго возраста и сущность которыхъ, имѣя прямое отношеніе къ высшему нравственному совершенству, можетъ быть кратко преподана при объясненіи заповѣдей. Равно и число событій церковной исторіи ограничено только самыми важными.

Въ распредѣленіи преподаванія закона Божія по классамъ гимназіи прежняя программа имѣла тотъ недостатокъ, что катихизисъ былъ назначенъ къ преподаванію въ третьемъ классѣ, гдѣ воспитанники, по ихъ возрасту, не довольно способны къ осмысленному усвоенію догматическихъ истинъ. Поэтому преподаваніе катихизиса отнесено теперь къ четвертому классу, а изъясненіе богослуженія перенесено въ третій. Нѣтъ сомнѣнія, что для пониманія смысла богослуженія, а равно и самой священной исторіи, необходимо знаніе истинъ вѣры. Но кромѣ того, что первоначальный запасъ оныхъ пріобрѣтается простымъ знаніемъ символа вѣры, историческія событія ознакомляютъ съ ученіемъ о Богѣ и о человѣкѣ и объ ихъ отношеніяхъ; богослуженіе, съ своей стороны, заключаетъ въ себѣ и ученіе вѣры, и правила жизни. Но истины, сообщаемыя при повѣствованіи историческомъ и изложеніи обрядовъ, усвояются дѣтьми легче и дѣйствуютъ живѣе на ихъ умъ и сердце, чѣмъ въ отвлеченномъ ихъ изложеніи. При такой педагогической постепенности, преподаваніе катихизиса потеряетъ значительную часть трудности и сухости, которыя испытывались при прежнемъ распредѣленіи преподаванія закона Божія.

Въ первомъ и второмъ классахъ гимназій должна быть пройдена, по указанію программы, священная исторія Ветхаго и Новаго Завѣта. Само собою разумѣется, что здѣсь всего важнѣе ясный, живой и осмысленный разсказъ. И эта осмысленность должна проникать не только отдѣльное событіе, но простираться до разумѣнія связи событій, чтобы священная исторія удовлетворяла не одной любознательности, но имѣла образовательное и религіозно-воспитательное дѣйствіе. Для сей цѣли полезно при преподаваніи священной исторіи прочитывать иногда самый священный текстъ событій и ученія Спасителя, чтобы такимъ образомъ ознакомить дѣтей непосредственно съ Евангеліемъ и внушить имъ любовь къ чтенію Слова Божія. Правда, для повѣрки познаній воспитанниковъ законоучителю необходимо прибѣгать къ вопросамъ, но онъ никогда не долженъ выпускать изъ виду цѣльности разсказа и впечатлѣнія. Такъ какъ преподаваніе исторіи вообще немыслимо безъ географіи и хронологіи, то должно быть обязательно для законоучителя показывать по картѣ мѣстности, на которыхъ прои-

зошли священно-историческія событія, а равно и опредѣлять время, въ которое они совершились. Сіе послѣднее требованіе имѣетъ въ виду преимущественно важнѣйшія эпохи священной исторіи, чтобы имѣть возможность впослѣдствіи поставить ихъ въ связь съ современными имъ событіями гражданской исторіи.

Объясненіе богослуженія назначается для третьяго класса гимназій. При веденіи этого дѣла, для всесторонней полноты онаго, необходимо не только изложить обрядовую сторону и изъяснить смыслъ богослуженія, но ввести воспитанниковъ въ самый духъ его и дать имъ основу и расположеніе къ разумному и благочестивому исполненію молитвенныхъ дѣйствій. Для достиженія сей послѣдней цѣли, сверхъ нравственнаго вліянія законоучителя на воспитанниковъ, полезно знакомить ихъ съ нѣкоторыми молитвами и пѣснопѣніями, особенно отличающимися возвышенностію мыслей и силою чувствъ.

Пространный православный катихизисъ имѣетъ быть преподанъ въ четвертомъ и пятомъ классахъ гимназій, въ первомъ до девятаго члена включительно, а во второмъ остальная часть. При преподаваніи катихизиса и требованіи отчета отъ воспитанниковъ, законоучитель не долженъ ограничиваться вопросною и отвѣтною формами, которыя при ихъ легкости способны выражать знанія отрывочныя, хотя бы, какъ требуетъ того дидактика, при отвѣтѣ повторялось въ положительной формѣ и предложеніе, заключающееся въ вопросѣ. Для основательнаго уясненія истинъ христіанскихъ необходимо какъ преподавателю, такъ и воспитанникамъ, излагать оное въ связной рѣчи, заключающей въ себѣ какъ положеніе, такъ и доказательства. Въ самомъ же изложеніи содержанія катихизиса законоучитель можетъ опускать вопросы, не относящіеся прямо къ уясненію догмата, и содержащіе въ себѣ какую-либо богословскую подробность. Изъ приводимыхъ же въ доказательство мѣстъ изъ Священнаго Писанія обременительно было бы требовать изученія наизусть всѣхъ текстовъ; часто достаточно одного текста, болѣе яснаго и опредѣленнаго, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы воспитанники вполнѣ понимали оный, для чего полезно при объясненіи и отвѣтахъ переводить текстъ на русскій языкъ, а иногда показать связь его съ контекстомъ.

Въ шестомъ классѣ гимназіи должны быть преподаны по прилагаемой программѣ важнѣйшія событія всеобщей церковной исторіи и исторіи русской церкви. И здѣсь, какъ въ священной исторіи, отъ преподавателя требуется, чтобы онъ указывалъ на связь и значеніе событій, прилагая, гдѣ слѣдуетъ, географическія и хронологическія

данныя. А такъ какъ по обилію историческаго содержанія и по тѣснымъ рамкамъ програмы оказываются значительные промежутки между указанными событіями, то необходимо дѣлать краткій обзоръ теченія церковной жизни, происшедшей въ этихъ промежуткахъ. Вообще же надлежитъ дать такое направленіе преподаванію церковной исторіи, чтобы воспитанникамъ были ясны судьбы Божіи въ церкви для сохраненія истины и спасительнаго дѣйствія ея на родъ человѣческій.

Въ два года слѣдующіе за тѣмъ должны быть повторены: въ одинъ—катихизисъ съ болѣе обширнымъ богословскимъ развитіемъ, а въ другой годъ—исторія церкви, преимущественно русской, съ приличнымъ дополненіемъ, по усмотрѣнію законоучителя.

Вообще же преподаваніе закона Божія не должно быть только учебнымъ предметомъ, а—развитіемъ основъ христіанской жизни и дѣятельности въ воспитанникахъ.

Учебный планъ русскаго языка съ церковно-славянскимъ и словесности.

Приготовительный классъ (6 уроковъ).

Шесть уроковъ русскаго языка въ этомъ классѣ употребляются на чтеніе по русски и по церковно-славянски, пересказъ прочитаннаго, граматическія упражненія въ связи съ прочитаннымъ, заучиванье басенъ и небольшихъ стихотвореній и на письменныя упражненія.

1. *Чтеніе.* Съ чтеніемъ соединяются почти всѣ занятія какъ устныя, такъ и письменныя въ этомъ классѣ. Съ цѣлію пріучить дѣтей читать сознательно, вслѣдъ за прочтеніемъ каждаго предложенія предлагаются преподавателемъ вопросы, при помощи которыхъ распознаются части предложенія, прежде безъ сообщенія названій этихъ частей, а впослѣдствіи и съ ихъ названіями. За вопросами, уясняющими взаимную связь между словами въ отдѣльныхъ предложеніяхъ, задаются вопросы, исчерпывающіе содержаніе прочитанной статейки.

Къ чтенію по церковно-славянски приступаютъ лишь тогда, когда ученики пріучатся къ сознательному и бѣглому чтенію по русски.

2. *Пересказъ прочитаннаго* производится не иначе, какъ при помощи вопросовъ учителя, исчерпывающихъ содержаніе прочитанной статейки, безъ измѣненія порядка сообщаемаго въ ней матеріала.

Связнаго разсказа статьи можно требовать только послѣ неоднократнаго ея пересказа по вопросамъ.

Пересказъ прочитаннаго, такъ же, какъ и слѣдующее упражненіе, можетъ быть прекраснымъ средствомъ къ пріученію дѣтей говорить громко, плавно и правильно и къ искорененію часто встрѣчающейся у нихъ торопливости въ рѣчи и скороговорки.

3. *Разучиванье наизусть стихотвореній*, какъ въ этомъ, такъ и въ слѣдующихъ классахъ, не только представляетъ матеріалъ для упражненій съ цѣлію пріобрѣтенія навыка говорить плавно и выразительно и писать правильно, не только обогащаетъ дѣтей запасомъ словъ и оборотовъ родной рѣчи, но оно должно положить основаніе ознакомленію учениковъ съ образцовыми писателями.

4. *Граматическія занятія*, находясь въ непосредственной связи съ чтеніемъ избранной книги для чтенія, подготовляются съ одной стороны тѣми же вопросами о частяхъ предложенія, которые служатъ къ достиженію сознательнаго чтенія и которыми достигается знакомство съ частями предложенія и частями рѣчи, какъ выраженіемъ частей предложенія; съ другой стороны они подготовляются упражненіями въ разложеніи отдѣльныхъ словъ на составные ихъ элементы, чѣмъ достигается знакомство съ звуками, буквами, слогами. *Изъ граматики* должно быть сообщено ученикамъ приготовительнаго класса слѣдующее:

Раздѣленіе звуковъ и буквъ на гласные, согласные и полугласные.

Употребленіе гласныхъ послѣ *ж*, *ч*, *щ* и *ш*. Употребленіе і и й. *Дѣленіе словъ на слоги*. Удареніе.

Части простаго предложенія: подлежащее, сказуемое (простое и составное), опредѣленіе, обстоятельство и дополненіе.

Части рѣчи: умѣнье отличать всѣ части рѣчи. Имя существительное собственное и нарицательное, означающее предметъ одушевленный и неодушевленный; мужескій, женскій и средній родъ; число; падежи и падежные вопросы; склоненіе существит. мужескаго рода на ъ, ь и *й*; средняго рода на *о* и *е*; женскаго на *а*, *я* и ь.

Имя прилагательное; два окончанія прилагательныхъ на ъ (ь), *а* (*я*), *о* (*е*) и на *ый* (*ой*, *ій*), *ая* (*яя*), *ое* (*ее*); склоненіе прилагательныхъ послѣдняго окончанія (исключая прилагат. на *ій* съ род. п. на *ьяго*). Окончанія сравнительной степени на *ѣйшій*, *айшій*, *ѣе* и *е*. Числительное имя: склоненіе числительныхъ на ь и *ый* (*ой*).

Мѣстоименіе: склоненіе личныхъ мѣстоименій. Глаголъ: глаголы дѣйствительнаго и страдательнаго залога; спряженіе: лица, числа, времена—настоящее, прошедшее и будущее; наклоненія: изъявительное, повелительное и неопредѣленное.

Преподаваніе граматики въ этомъ классѣ должно быть основано преимущественно на разборѣ, т. е., по возможности всѣ граматическія свѣдѣнія выводятся изъ текста читаемой статьи и постоянно укрѣпляются въ сознаніи и памяти учениковъ какъ примѣрами при дальнѣйшемъ чтеніи, такъ и письменными упражненіями. Знакомство съ частями простаго предложенія, имѣя цѣлію помогать лучшему пониманію читаемаго, должно быть ограничено только умѣньемъ учениковъ указать и назвать составныя части въ самомъ легкомъ простомъ предложеніи, въ которомъ всѣ онѣ выражены вполнѣ ясно; притомъ достаточно, если ученики изъ всѣхъ родовъ обстоятельственныхъ словъ будутъ различать только обстоятельства времени, мѣста и образа дѣйствія. Названія частей предложенія сообщаются ученикамъ лишь тогда, когда дѣти пріобрѣтутъ уже навыкъ узнавать по вопросамъ взаимное отношеніе словъ въ предложеніи.

Какъ средство, укрѣпляющее въ памяти и сознаніи учениковъ граматическія правила, предлагается и письменно упражнять учениковъ въ склоненіяхъ и спряженіяхъ. Относительно неизмѣняемыхъ частей рѣчи слѣдуетъ довольствоваться, если ученикъ будетъ въ состояніи указать, къ какой части рѣчи относится встрѣченное имъ при чтеніи слово, и будетъ правильно употреблять на письмѣ предлоги въ случаяхъ, не представляющихъ затрудненій для знающаго самыя основныя правила граматики.

Примѣчаніе. Для достиженія бо̀льшей грамотности нѣкоторые опытные преподаватели совѣтуютъ даже заставлять учениковъ выучивать простые предлоги наизусть, что̀ не можетъ быть затруднительно для дѣтей этого возраста.

5. *Письменныя упражненія* состоятъ въ списываніи съ книги, дома, а въ случаѣ нужды въ первое время и въ классѣ, писаніи наизусть стихотвореній, въ упражненіи въ склоненіи и спряженіи, въ составленіи отвѣтовъ на вопросы изъ прочитанной статьи, и въ письмѣ подъ диктовку, которая въ этомъ классѣ можетъ быть только объяснительная съ предупрежденіемъ ошибокъ и начинается уже послѣ пріобрѣтенія учениками нѣкотораго навыка въ механическомъ писаніи; диктовка повѣрочная допускается только въ самомъ концѣ года.

Вниманіе преподавателя при письменныхъ упражненіяхъ должно быть обращено не только на внутреннія достоинства работы учениковъ, но и на внѣшнія: торопливость, небрежность и неряшливость въ письмѣ должны быть устраняемы всѣми мѣрами.

Примѣчаніе. Вышеуказаныя свѣдѣнія изъ граматики обязательны и для всѣхъ дѣтей, поступающихъ въ 1-ый классъ, начиная съ 1878—79 учебнаго года.

Первый классъ (4 урока).

1. Этимологія до ученія о словообразованіи.

Повтореніе ученія о буквахъ и звукахъ.

Имя существительное; его дѣленіе (собственное и нарицательное, увеличительное и уменьшительное, уничижительное и ласкательное); родъ именъ существительныхъ, употребляющихся въ одномъ множественномъ числѣ; склоненіе существительныхъ на *г*, *й*, *ь*, *о*, *е*, *а*, *я*, и *ь* женск. р. и на *мя*. Отступленія въ склоненіяхъ; орѳографія окончаній.

Имя прилагательное; его дѣленіе (качественное и относительное). Степени сравненія. Прилагательныя увеличительныя и уменьшительныя. Окончанія опредѣленное и неопредѣленное; склоненіе прилагательныхъ качественныхъ и относительныхъ на *ый* (ой), *ая*, *ое*, *ій*, *яя*, *ее*; склоненіе прилагательныхъ относительныхъ на *ій*, *ья*, *ье*, *ъ*, *а*, *о*; орѳографія окончаній.

Имя числительное; его дѣленіе (количественное и порядковое; дробное и собирательное). Склоненіе числительныхъ и правописаніе.

Мѣстоименіе; его дѣленіе (личное, возвратное, притяжательное, указательное, вопросительное, относительное, опредѣлительное, неопредѣленное). Склоненіе мѣстоименій. Правописаніе.

Глаголъ; залоги (дѣйствительный, средній, страдательный, возвратный, взаимный, общій). Наклоненія (изъявительное, сослагательное, повелительное, неопредѣленное); виды (несовершенный, совершенный, многократный). Дѣленіе на 2 спряженія. Спряженіе глаголовъ всѣхъ залоговъ. Образованіе причастій и дѣепричастій. Склоненіе причастій. Орѳографія окончаній глагола.

Нарѣчіе; его дѣленіе (качественное, количественное, обстоятельственное). Степени сравненія. Правописаніе нарѣчій.

Предлогъ; его правописаніе.

Союзъ; его правописаніе.

Междометіе.

2. Практическія занятія.

I. а) Граматическій разборъ (устно и письменно).

б) Подборъ примѣровъ на части рѣчи и упражненія въ склоненіяхъ и спряженіяхъ.

II. а) Объяснительное чтеніе.

б) Устная передача прочитаннаго или разсказаннаго.

в) Ученіе наизусть стихотвореній, съ упражненіемъ въ чтеніи выразительномъ.

III. а) Диктовка:

аа) писаніе наизусть выученнаго;

бб) диктовка съ предварительнымъ объясненіемъ;

вв) диктовка провѣрочная.

б) Письменная передача прочитаннаго или разсказаннаго.

Второй классъ (4 урока).

1. Окончаніе этимологіи и синтаксисъ простаго и слитнаго предложеній, главнаго и придаточнаго.

Повтореніе этимологіи.

Словообразованіе; понятіе о корнѣ, приставкѣ, суффиксѣ и флексіи; употребительнѣйшіе суффиксы и ихъ правописаніе. Слова, имѣющія въ корнѣ *ѣ*. Слова простыя и сложныя. Измѣненія гласныхъ и согласныхъ корня.

Синтаксисъ простаго предложенія; части простаго предложенія; отношеніе частей рѣчи къ частямъ предложенія.

Подлежащее и сказуемое (простое и составное).

Согласованіе сказуемаго съ подлежащимъ; особенности употребленія глагольнаго сказуемаго.

Предложенія безличныя; ихъ виды.

Обращеніе; знаки препинанія, его отдѣляющіе.

Дополненіе прямое и косвенное; родительный падежъ въ прямомъ дополненіи.

Опредѣленіе; согласованіе опредѣленія съ словомъ опредѣляемымъ. Приложеніе; знаки препинанія, его отдѣляющіе.

Обстоятельства: времени, мѣста, образа дѣйствія, причины и цѣли.

Предложеніе слитное; знаки препинанія въ немъ; запятыя при однородныхъ дополненіяхъ, опредѣленіяхъ и обстоятельствахъ. Слова и предложенія вводныя и вносныя; знаки при нихъ; употребленіе двоеточія въ срединѣ простаго предложенія.

Предложеніе главное и придаточное; виды предложеній придаточныхъ полныхъ и сокращенныхъ.

2. Практическія упражненія.

I. а) Граматическій разборъ (устно и письменно).

б) Составленіе примѣровъ на простыя и сложныя предложенія.

II. а) Объяснительное чтеніе.

б) Устная передача прочитаннаго и разсказаннаго: пересказъ небольшихъ статей повѣствовательнаго содержанія.

в) Ученіе наизусть стихотвореній и выразительное ихъ произношеніе.

III. а) Диктовка:

аа) писаніе выученнаго наизусть;

бб) диктовка съ предварительнымъ объясненіемъ;

вв) диктовка провѣрочная.

б) Письменная передача прочитаннаго или разсказаннаго:

аа) пересказъ или простое воспроизведеніе;

бб) разсказъ въ сокращеніи и съ измѣненіемъ формы.

Третій классъ (4 урока).

1. Синтаксисъ сложнаго предложенія и сводъ всѣхъ правилъ о знакахъ препинанія.

Повтореніе курсовъ 1-го и 2-го классовъ.

Предложеніе сложное; предложенія подчиняющія и подчиненныя, соподчиненныя и сочиненныя.

Опредѣлительныя предложенія; способы ихъ подчиненія главнымъ. Знаки препинанія.

Дополнительныя предложенія; способы ихъ подчиненія главнымъ; предложенія, замѣняющія подлежащее. Знаки препинанія.

Предложенія обстоятельства времени; способы ихъ подчиненія; дѣепричастія независимыя. Знаки препинанія.

Предложенія обстоятельства мѣста; способы ихъ подчиненія. Знаки препинанія.

Предложенія обстоятельства образа дѣйствія полныя и сокращенныя. Предложенія сравнительныя. Знаки препинанія.

Предложенія обстоятельства причины; способы ихъ подчиненія. Знаки препинанія.

Предложенія обстоятельства цѣли; способы ихъ подчиненія. Знаки препинанія.

Предложенія условныя; способы ихъ сочиненія. Знаки препинанія.

Предложенія уступительныя; способы ихъ сочиненія. Знаки препинанія.

Знаки, отдѣляющіе главныя предложенія другъ отъ друга; употребленіе точки съ запятой, двоеточія, точки, знака вопросительнаго и восклицательнаго, многоточія, черты.

Сводъ всѣхъ правилъ объ употребленіи знаковъ препинанія.

2. Практическія упражненія.

I. а) Граматическій разборъ (устно и письменно).

б) Составленіе примѣровъ на сложныя предложенія, полныя и сокращенныя.

II. а) Объяснительное чтеніе, съ цѣлію показать строеніе повѣствованій.

б) Устное изложеніе прочитаннаго, какъ подробное, такъ и краткое.

в) Ученіе наизусть стихотвореній и выразительное ихъ чтеніе.

III. а) Диктовка провѣрочная.

б) Подробное и краткое письменное изложеніе прочитаннаго:

аа) сокращенное изложеніе прочитаннаго;

бб) расположеніе (планъ прочитанныхъ разсказовъ).

в) Составленіе повѣствованій по плану.

Четвертый классъ (3 урока).

1. Граматика древняго церковно-славянскаго языка.

Звуки и буквы древняго церковно-славянскаго языка; гласныя твердыя и мягкія, глухія, носовыя. Придыханія. Раздѣленіе согласныхъ по органамъ произношенія и по степени звучности. Смягченіе согласныхъ и ихъ переходъ въ другіе, вставка и выпаденіе.

Общее понятіе объ образованіи словъ. Склоненіе существительныхъ и прилагательныхъ краткихъ. Склоненіе личныхъ мѣстоименій. Склоненіе прилагательныхъ полнаго окончанія. Уподобленіе звуковъ. Образованіе степеней сравненія. Склоненіе именъ числительныхъ.

Глаголъ; двѣ темы, наклоненія, времена простыя и сложныя, вспомогательные глаголы, раздѣленіе на спряженія, архаическое спряженіе; причастія и ихъ склоненія; страдательный залогъ.

Главнѣйшія особенности славянскаго синтаксиса; сказуемое составное, сказуемое во множественномъ числѣ при собирательныхъ, употребленіе причастія вмѣсто глагольной формы, употребленіе достигательнаго наклоненія, дательный самостоятельный, употребленіе средняго рода множественнаго числа прилагательныхъ, мѣстоименій и причастій, употребленіе мѣстнаго падежа и родительнаго.

2. Разборъ описаній и повѣствованій.

3. Практическія упражненія.

I. Граматическій разборъ церковно-славянскаго текста.

II. а) Объяснительное чтеніе описаній и повѣствованій, съ цѣлію показать ихъ строеніе.

б) Устное изложеніе прочитаннаго, какъ подробное, такъ и краткое.

в) Ученіе наизусть стихотвореній и выразительное ихъ произношеніе.

III. а) Диктовка.

б) Составленіе описаній и повѣствованій по плану.

в) Подробное и краткое письменное изложеніе прочитаннаго на урокахъ латинскаго языка.

Пятый классъ (3 урока).

1. Теорія словесности.

Словесность, какъ искусство. Теорія словесности; ея раздѣленіе.

1) *Стилистика.*

Слогъ и его роды (прозаическій и поэтическій).

Чистота слога. Архаизмы, провинціализмы, варваризмы, неологизмы. Точность слога. Плеоназмы, тавтологія и параллелизмы. Синонимы. Изобразительность слога. Фигуры и тропы: эпитетъ, сравненіе, метонимія, метафора и аллегорія.

Слогъ со стороны благозвучія. Рѣчь періодическая; виды періодовъ.

Стихосложеніе. Виды русскаго стихосложенія. Стопы: ямбъ, хорей, дактиль, амфибрахій, анапестъ. Цезура; строфа.

2) *Теорія прозы.*

Роды прозаическихъ сочиненій. Повѣствованіе; его части; виды повѣствованія: лѣтопись, записки, біографія, исторія.

Описаніе; его части; виды описанія: описаніе ученое и художественное. Путешествіе.

Разсужденіе; его части; способы расположенія его: синтетическій и аналитическій.

Ораторская рѣчь. Виды ораторской рѣчи. Части ея.

3) *Теорія поэзіи.*

Поэзія народная и искусственная. Роды поэтическихъ произведеній: эпосъ, лирика и драма.

Главные виды народнаго эпоса: пѣсня, сказка, пословица, загадка.

Главные виды эпоса искусственнаго: поэма, романъ и повѣсть. Баллада; идиллія; басня.

Лирика народная; виды пѣсенъ. Виды искусственной лирики: ода, пѣсня, сатира, элегія.

Драматическая поэзія; ея происхожденіе; составныя части драматическаго произведенія. Виды его: трагедія, комедія, драма.

Примѣчаніе. Теорію драмы, какъ такую часть теоріи словесности, которая требуетъ большей умственной зрѣлости и внимательнаго изученія большихъ по объему образцевъ, преподаватель можетъ перенести на 1-е полугодіе VI класса; при этомъ условіи онъ можетъ разобрать въ видѣ образца одну изъ трагедій Софокла или Шиллера.

2. Практическія упражненія.

а) Чтеніе и разборъ поэтическихъ и прозаическихъ произведеній и ихъ отрывковъ для извлеченія положеній и провѣрки теоретическаго курса.

б) Составленіе періодовъ (письменно).

в) Разборъ плановъ въ повѣствованіяхъ, описаніяхъ и разсужденіяхъ и изложеніе (письменно и устно) разобранныхъ образцовъ.

г) Письменное изложеніе переведеннаго въ классахъ древнихъ языковъ.

д) Составленіе (письменно и устно) повѣствованій, описаній и разсужденій по данному учителемъ или выработанному подъ его руководствомъ плану.

Классы шестой (2 урока), седьмой (2 урока) и восьмой (2 урока).

1. Исторія русской литературы.

(Курсъ VI класса).

Народная словесность: пѣсни, сказки, былины, историческія пѣсни, пословицы, духовные стихи.

A.

Древній періодъ русской словесности.

Кириллъ и Меѳодій. Памятники XI—XII вѣка: Остромирово Евангеліе, Сборникъ Святослава, митроп. Иларіонъ, Ѳеодосій Печерскій, препод. Несторъ, Поученіе Владиміра Мономаха, Кириллъ Туровскій, Паломникъ игумена Даніила, Даніилъ Заточникъ, Патерикъ, Слово о полку Игоревѣ.

Серапіонъ, житія святыхъ, апокрифы, повѣсти. Задонщина, историческія сказанія, путешествіе Аѳанасія Никитина.

(Курсъ VII класса).

Вѣкъ Іоанна Грознаго: Стоглавъ, Домострой, переписка Іоанна Грознаго съ Курбскимъ, исторія Курбскаго, посланіе Іоанна Грознаго въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь.

Котошихинъ. — Югозападная литература: полемическая литература, проповѣдное слово, искусственная поэзія, мистеріи. — Симеонъ Полоцкій.

B.

Новый періодъ русской словесности.

Вѣкъ Петра Великаго.—Ѳеофанъ Прокоповичъ, Стефанъ Яворскій, Посошковъ, Татищевъ.

Князь Антіохъ Кантеміръ.—В. К. Тредьяковскій.

Ломоносовскій періодъ русской словесности.—Ломоносовъ.—Ложноклассицизмъ. — Лирика Ломоносова, похвальныя слова, ученыя сочиненія, относящіяся къ словесности.

Сумароковъ.—Его трагедіи, комедіи и сатиры.

Вѣкъ Императрицы Екатерины II. — Литературная дѣятельность Государыни.—Сатирическіе журналы.—Державинъ.—фонъ-Визинъ.—Херасковъ.—Богдановичъ.—Хемницеръ.—Театръ при Екатеринѣ II: Княжнинъ, Аблесимовъ, Капнистъ.

(Курсъ VIII класса).

Карамзинскій періодъ русской словесности. — Карамзинъ.—Преобразованіе литературнаго языка: Письма русскаго путешественника.—Сантиментализмъ въ литературѣ: повѣсти и тѣ же Письма русскаго путешественника.—Исторія Государства Россійскаго.

Писатели Карамзинскаго періода: Дмитріевъ, Озеровъ.

И. А. Крыловъ.—Его дѣятельность какъ сатирика и баснописца.—Гнѣдичъ: Переводъ Иліады.

В. А. Жуковскій. — Романтизмъ.—Элегіи.—Баллады. — Жуковскій как переводчикъ.

Батюшковъ.

Грибоѣдовъ.—Горе отъ ума.

Пушкинскій періодъ.—Пушкинъ.—Художественная школа.—Байронизмъ.—Отношеніе Пушкина къ народной поэзіи. — Лирическія произведенія. — Эпическія и драматическія произведенія. — Проза Пушкина.

Современные Пушкину лирики: баронъ Дельвигъ, Языковъ, Баратынскій.

Кольцовъ.

Лермонтовъ.

Н. В. Гоголь.—Вечера на хуторѣ. — Повѣсти.—Ревизоръ.—Мертвыя Души.

2. Практическія упражненія.

Практическія упражненія дѣлятся на устныя и письменныя.

а) Устныя:

аа) разборъ образцовъ;

бб) упражненія въ устномъ изложеніи прочитанныхъ разсужденій;

вв) упражненія въ свободномъ устномъ изложеніи мыслей на данную или разъясненную тему (послѣ домашняго къ тому приготовленія).

б) Письменныя:

аа) изложеніе содержанія произведенія, прочтеннаго дома или въ классахъ русской словесности и древнихъ языковъ;

бб) составленіе характеристики лица или эпохи на основаніи прочтенныхъ образцовъ или извѣстныхъ ученикамъ историческихъ фактовъ;

вв) сличеніе двухъ или нѣсколькихъ сочиненій однородныхъ, или сочиненій разнородныхъ, но имѣющихъ сходное содержаніе;

гг) собственныя сочиненія: а) по плану, извлеченному изъ другаго сочиненія, б) по плану, выработанному въ классѣ подъ руководствомъ учителя, в) по плану, составленному каждымъ ученикомъ особо и одобренному преподавателемъ, б) по собственному плану ученика, безъ участія учителя.

Объяснительная записка къ учебному плану русскаго языка и словесности.

1. Указанія относительно теоретическаго и историко-литературнаго курсовъ.

Низшіе три класса.

Русскій языкъ въ младшихъ классахъ гимназіи есть единственный предметъ, въ которомъ значительная часть матеріала уже существуетъ въ головѣ учащихся, такъ что преподаватель имѣетъ полную возможность обращаться къ ихъ самодѣятельности. Въ виду этого, признается особенно полезнымъ вести преподаваніе такимъ образомъ, чтобы сумма граматическихъ свѣдѣній не давалась ученику, какъ нѣчто чуждое, но по возможности постепенно слагалась изъ готоваго уже матеріала подъ руководствомъ учителя (такъ, напр., если преподаватель дошелъ съ учениками I класса до дѣленія числительныхъ и ихъ склоненія, прежде чѣмъ задать ученикамъ этотъ § въ учебникѣ, онъ можетъ дать ученикамъ нѣсколько числительныхъ разныхъ категорій, и ученики, при его помощи, подѣлятъ ихъ по этимъ категоріямъ; просклонявъ нѣсколько числительныхъ по извѣстнымъ имъ вопросамъ падежей, ученики могутъ сравнить ихъ окончанія съ окончаніями существительныхъ и прилагательныхъ и вывести отсюда общее правило. Такимъ образомъ выведенныя правила несравненно легче уложатся въ головѣ учащагося, и самое добываніе ихъ принесетъ пользу его умственному развитію). По особо уважительнымъ причинамъ, въ интересѣ преподаванія своего или другихъ предметовъ, съ разрѣшенія педагогическаго совѣта, утвержденнаго попечителемъ учебнаго округа, преподаватель можетъ измѣнять порядокъ программы.

Повтореніе курса предыдущихъ классовъ производится только по мѣрѣ надобности, т. е., повторяется не весь систематическій курсъ, а тѣ его части, которыя не могли быть усвоены учениками сразу.

При прохожденіи этимологіи и синтаксиса преподаватель долженъ обращать особое вниманіе на тѣ флексіи, случаи управленія и пр., въ которыхъ народный языкъ мѣстности отступаетъ отъ языка литературнаго.

Четвертый классъ.

Въ IV классѣ назначено: 1) преподаваніе граматики древняго церковно-славянскаго языка, и 2) разборъ описаній и повѣствованій.

Для руководства преподавателей въ этомъ классѣ предлагаются слѣдующія замѣчанія:

Свойства языка Остромирова текста изучаются не какъ предметъ самостоятельный, а на столько, на сколько они объясняютъ общій строй языка русскаго и сохранившіеся до нашихъ времепъ остатки старыхъ формъ; поэтому старославянскій языкъ долженъ проходиться въ постоянной связи съ граматикою русскаго языка. Преподаваніе этого предмета должно вестись хотя и практическимъ путемъ, на разборѣ отрывковъ изъ Остромирова Евангелія, но тѣмъ не менѣе въ строгой системѣ. Это дастъ лучшее средство не только для повторенія и бо̀льшаго уясненія пройденнаго изъ русской граматики въ предыдущихъ классахъ, но и къ пріобрѣтенію новыхъ граматическихъ свѣдѣній.

Хотя четвертымъ классомъ заканчивается систематическое прохожденіе граматики языковъ русскаго и церковно-славянскаго, однако это пе значитъ, чтобы съ тѣмъ вмѣстѣ заканчивались граматическія занятія; напротивъ, они должны постоянно продолжаться и въ остальные четыре года, какъ для сообщенія, при случаѣ, новыхъ теоретическихъ свѣдѣній, такъ и для укрѣпленія практическаго знанія. При чтеніи литературныхъ образцовъ анализъ граматическій по прежнему сохраняетъ за собою видное мѣсто. Любой памятникъ древней или новой литературы нашей представляетъ достаточный къ тому матеріалъ: всегда найдутся такія этимологическія и синтаксическія формы, которыя дадутъ преподавателю поводъ, съ одной стороны, повторить или полнѣе разъяснить пройденное, а съ другой—дополнить новыми фактами тѣ или другіе отдѣлы, тѣ или другія статьи граматическаго курса.

Пятый классъ.

Въ V классѣ вводится отдѣльное преподаваніе теоріи словесности: стилистики, теоріи прозы и поэзіи.

Краткій курсъ теоріи словесности, проходимый въ этомъ классѣ, долженъ имѣть цѣлію, съ одной стороны, свести въ систему и уяснить тѣ неопредѣленныя представленія о прозѣ, поэзіи, стихѣ, баснѣ и пр., которыя слагаются у ученика, начиная съ низшихъ классовъ; съ другой стороны—подготовить учениковъ къ курсу трехъ старшихъ классовъ. Систематическое изложеніе признано болѣе удобнымъ, такъ какъ сгруппированные и приведенные въ систему факты легче даются разуму и легче удерживаются памятью учащагося.

При этомъ преподавателямъ поставляется на видъ слѣдующее:

1) Вышепоименованныя свѣдѣнія никоимъ образомъ не должны сообщаться учебникомъ или учителемъ какъ сумма фактовъ, которую ученикъ долженъ усвоить памятью. За исключеніемъ математики и логики, нѣтъ предмета въ гимназическомъ курсѣ, гдѣ такой способъ преподаванія принесъ бы менѣе пользы и болѣе вреда: ученикъ, заучивши не добытое и не провѣренное имъ многословное и мудреное опредѣленіе поэзіи, драмы, исторіи и т. д., не только не пріобрѣтетъ ничего новаго, но и получитъ до извѣстной степени навыкъ говорить фразы, смыслъ которыхъ непонятенъ ему самому. Поэтому а) вездѣ, гдѣ только это возможно, свѣдѣнія по теоріи словесности должны добываться ученикомъ, подъ руководствомъ учителя, изъ самыхъ произведеній или ихъ отрывковъ, какъ читаемыхъ въ этомъ классѣ, такъ и усвоенныхъ въ классахъ предыдущихъ, и должны провѣряться при разборѣ литературныхъ произведеній, какъ въ этомъ классѣ, такъ и въ классахъ послѣдующихъ; б) опредѣленія, встрѣчающіяся въ значительномъ количествѣ въ этомъ отдѣлѣ, должны быть кратки и вполнѣ доступны ученикамъ.

2) Предлагаемая программа представляетъ minimum тѣхъ свѣдѣній, которыя къ концу курса должны оказаться въ головѣ ученика послѣ разбора образцовъ; при этомъ само собою разумѣется, что всякое вновь разбираемое въ этомъ или послѣдующихъ классахъ произведеніе можетъ подать поводъ къ указанію теоретическихъ положеній, въ программу не включенныхъ.

3) Для добыванія нужныхъ положеній, учитель долженъ обращаться не только къ произведеніямъ словесности, разобраннымъ и усвоеннымъ въ классахъ русскаго языка и словесности, но и къ прочтеннымъ раньше или читаемымъ въ этомъ классѣ произведеніямъ словесности классической.

4) Преподавателямъ древнихъ языковъ рекомендуется обращать вниманіе учениковъ при чтеніи классиковъ на тѣ теоретическія положенія, которыя могутъ быть въ данномъ случаѣ провѣрены на примѣрѣ.

5) Свѣдѣнія изъ стилистики и нѣкоторыхъ отдѣловъ теоріи прозы должны быть поставлены въ тѣсную связь съ письменными упражненіями учениковъ.

Шестой, седьмой и восьмой классы.

Въ VI, VII и VIII классахъ вводится особое преподаваніе исторіи русской литературы: ибо какъ ни полезно изученіе литературныхъ

образцовъ, но все же это — отдѣльные факты, между которыми лежатъ большіе пробѣлы. Въ видахъ научнаго образованія признано полезнымъ связать ихъ, указавъ отношенія главныхъ произведеній отечественной словесности къ другимъ посредствующимъ и такимъ образомъ представить нѣчто цѣлое, систематическое.

При прохожденіи этого курса, преподаватель долженъ имѣть въ виду слѣдующее:

1) Какъ въ теоріи словесности, такъ по возможности и здѣсь, положенія, факты не даются ученику непосредственно и голословно, но выводятся изъ разбираемыхъ произведеній, или подтверждаются ими (такъ, напр., характеристическія черты школъ ложноклассической, сантиментальной, романтической должны быть выведены учениками изъ чтенія произведеній, подъ руководствомъ учителя; сообщая краткую характеристику, напр., Кирилла Туровскаго, Даніила Паломника или Задонщины, учитель долженъ привести, или, если возможно, прочесть съ учениками небольшіе, но характерные отрывки; говоря объ отреченныхъ книгахъ или повѣстяхъ, онъ долженъ сообщить содержаніе хоть одного апокрифа или повѣсти и т. д.).

2) Предлагаемая программа, какъ и всѣ другія, представляетъ minimum свѣдѣній; этотъ minimum можетъ распространяться качественно, но не количественно, т. е., преподаватель можетъ внимательнѣе заняться извѣстнымъ отдѣломъ или писателемъ, но не долженъ вводить много новыхъ фактовъ, въ программѣ не указанныхъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ, при ограниченномъ количествѣ времени, обзоръ исторіи литературы обратится въ номенклатуру, легко забываемую и безполезную для развитія учащихся.

2. Указанія относительно практическихъ упражненій по русскому языку и словесности.

Для низшихъ четырехъ классовъ.

Изученіе русскаго языка и словесности въ теченіе всего гимназическаго курса сопровождается постоянною практикой, которая, въ соединеніи съ теоріей, и образуетъ полное знаніе предмета. Одни изъ практическихъ занятій суть общія для всѣхъ или нѣсколькихъ сряду классовъ; другія же свойственны только одному какому-нибудь классу. Первая цѣль ихъ—прочно укрѣпить въ сознаніи ученика свѣдѣнія, объясненныя преподавателемъ; кромѣ того, посредствомъ ихъ постепенно достигаются и другія весьма важныя цѣли, а именно: выработка

правильнаго, чистаго и точнаго литературнаго языка, навыкъ примѣнять законы и правила къ частнымъ случаямъ, умѣнье развивать и располагать мысли въ логической послѣдовательности. Къ числу общихъ для всѣхъ классовъ, въ томъ числѣ и для приготовительнаго, практическихъ занятій, между прочими, принадлежитъ ученіе наизусть стихотвореній. Оно имѣетъ цѣлію: 1, научить выразительному чтенію; 2, развить эстетическое чувство учащихся; 3, объяснить языкъ образный; 4, практически познакомить съ русскимъ стихосложеніемъ и 5, послужить матеріаломъ для теоретическихъ выводовъ при прохожденіи теоріи и исторіи словесности въ V и слѣдующихъ классахъ. Поэтому, для болѣе успѣшнаго и основательнаго усвоенія теоретическихъ свѣдѣній о родахъ и главнѣйшихъ видахъ словесности и особенно поэзіи, ученики V класса должны вынести изъ предыдущихъ классовъ достаточный для означенной цѣли запасъ выученныхъ наизусть образцовъ поэтическихъ произведеній. Чтобы опредѣлить общее количество изучаемыхъ въ гимназіи стихотвореній и чтобы поставить въ тѣсную связь самое ученіе ихъ наизусть съ теоріею поэзіи, предлагается примѣрный списокъ ихъ, который, по усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ, при составленіи ежегодной программы русскаго языка и словесности, можетъ быть замѣняемъ другими, съ тѣмъ однако же условіемъ, чтобы ученики во время пребыванія въ четырехъ низшихъ классахъ имѣли возможность познакомиться съ образцами по каждому изъ указанныхъ программою главнѣйшихъ видовъ поэзіи [1]).

Что касается собственно до письменныхъ работъ, то все ихъ многоразличіе обыкновенно сводится къ тремъ видамъ, смотря по тому, что̀ въ задачѣ составляетъ данное и что̀ искомое. Въ первомъ видѣ данное содержаніе, или матеріалъ, излагается въ иной формѣ; въ другомъ видѣ, наоборотъ, въ данную форму влагается новый матеріалъ; въ третьемъ, и содержаніе и форма на заданную тему пріискиваются самимъ учащимся. Производятся письменныя упражненія какъ въ классѣ, такъ и на дому, и потомъ исправляются учителями, согласно требованію, выраженному въ объяснительной запискѣ къ Высочайше утвержденному 30-го іюля 1871 г. уставу гимназій и прогимназій. [2])

Согласно тремъ предметамъ изученія русскаго языка въ четырехъ младшихъ классахъ, каковы: граматика, чтеніе и письмо, практическія

[1]) Списокъ этотъ помѣщается ниже, подъ *лит. А*.

[2]) Ст. стр. 88 и 113 Сборн. постановл. и распоряж. по гимн. и прогимн.

занятія раздѣлены въ каждомъ классѣ на три отдѣла: I. граматическій разборъ, II. устныя упражненія и III. письменныя упражненія. Граматическому разбору, какъ самому прочному средству укрѣпить въ сознаніи учениковъ законы отечественнаго языка, должно быть отведено самое видное мѣсто въ ряду практическихъ занятій; на него должно быть употреблено и болѣе учебнаго времени, чѣмъ на каждое изъ другихъ упражненій. Граматическій разборъ производится и устно, и письменно. Ко второму виду разбора преподаватель долженъ обращаться по возможности рѣдко, преимущественно въ концѣ курса, только для повѣрки пройденнаго, и притомъ во время урока.—Устныя упражненія, имѣющія задачею выработать умѣнье говорить правильнымъ, чистымъ и точнымъ языкомъ, состоятъ сначала (въ I и II классахъ) въ простомъ пересказѣ прочитаннаго; а въ III и IV классахъ требуется передать разсказъ съ измѣненіемъ формы: подробное изложеніе замѣняется краткимъ, драматическая форма—повѣствовательною; показывается расположеніе (планъ) разсказа или описанія и т. п.—Письменныя упражненія, согласно съ предыдущимъ, въ двухъ младшихъ классахъ суть не что иное, какъ повтореніе разсказаннаго; только съ третьяго класса начинаются собственно такъ называемыя сочиненія: *повѣствованія* и *описанія*. Къ нимъ непремѣнно долженъ быть приложенъ и *планъ* сочиненія, который въ III классѣ составляется преподавателемъ, а въ IV, подъ его руководствомъ, самими учениками.

Примѣчаніе. Къ числу важныхъ и весьма полезныхъ, въ стилистическомъ отношеніи, письменныхъ упражненій должны быть отнесены переводы съ иностранныхъ языковъ, преимущественно съ древнихъ, которые, по мѣрѣ подготовки учениковъ, могутъ быть начаты въ третьемъ и продолжаемы въ остальныхъ высшихъ классахъ.

При этомъ считается полезнымъ сдѣлать слѣдующія указанія:

1) Преподавателю поставляется на видъ, что количество устныхъ упражненій обусловливается низшимъ уровнемъ класса, а количество письменныхъ—высшимъ, т. е., устныя упражненія особенно полезны въ томъ случаѣ, если ученики, по условіямъ мѣстности или по случайному составу класса, плохо выражаются по-русски; а письменныя повѣствованія и описанія—возможны только въ томъ случаѣ, если бóльшая часть учениковъ не дѣлаетъ ошибокъ въ корняхъ и флексіяхъ.

2) Устныя упражненія не должны переходить въ продолжительныя бесѣды о предметахъ, къ преподаванію прямо не относящихся. Занимаясь объяснительнымъ чтеніемъ, преподаватель никоимъ обра-

зомъ не долженъ удаляться отъ читаемой статьи и по поводу ея бесѣдовать о томъ, что не необходимо для ея уразумѣнія, или пускаться въ мелкія подробности для объясненія ея смысла.

3) Преподавателю обязательно рекомендуется обращать особенное вниманіе на диктовку въ примѣненіи къ пройденному изъ граматики, такъ какъ въ этомъ именно возрастѣ, сейчасъ же послѣ прохожденія правила, всего удобнѣе и легче пріучить ученика писать правильно, нежели впослѣдствіи отучать его отъ ошибокъ.

4) Въ виду той же цѣли—усвоенія орѳографіи, преподаватели другихъ предметовъ должны оказывать дѣятельную помощь преподавателямъ русскаго языка, исправляя ошибки въ тѣхъ тетрадяхъ учениковъ, которыя попадаются имъ въ руки: иначе труды преподавателей русскаго языка приведутъ только къ тому, что ученики будутъ знать *какъ* и *почему* слѣдуетъ писать, а умѣть писать не будутъ.

Для V класса.

Для чтенія и разбора поэтическихъ и прозаическихъ сочиненій преподавателю рекомендуется выбирать только произведенія, признанныя классическими, и изъ нихъ отдавать преимущество тѣмъ произведеніямъ русской литературы, которыя поименованы въ числѣ образцовъ, предназначенныхъ для чтенія и разбора въ гимназіи. [1]) Впрочемъ это замѣчаніе не исключаетъ переводныхъ произведеній, представляющихъ какія-либо выгоды предъ оригинальными (такъ, напр., Ломоносовскому разсужденію о пользѣ книгъ церковныхъ, въ виду его трудности, преподаватель можетъ предпочесть разсужденіе Шиллера о патетическомъ, о трагическомъ искусствѣ, „Основаніе удовольствія, ощущаемаго отъ трагическаго представленія“, изъ Лаокоона Лессинга: о границахъ живописи и поэзіи и т. п.).

Составленію періодовъ должно предшествовать изученіе теоріи періода и разборъ періодовъ, выбранныхъ изъ лучшихъ русскихъ писателей. Изъ разобранныхъ періодовъ извлекается схема, по которой ученикъ возстановляетъ прочтенный періодъ или составляетъ собственный. Составленіе періодовъ должно предшествовать составленію разсужденій.

Ученіе о періодахъ должно быть дополнено въ классахъ латинскаго языка при чтеніи Цицерона, гдѣ преподаватель объясняетъ историческое значеніе искусственнаго періода, слагаемаго по требова-

---

[1]) Списокъ означенныхъ образцовъ помѣщенъ ниже подъ литер. В.

ніямъ ритма, съ соблюденіемъ равновѣсія между частями, какъ главными, такъ и второстепенными.

Съ цѣлію пріучить учащихся къ обобщенію темы, въ этомъ классѣ рекомендуется давать ученикамъ дѣлать изъ прочитаннаго выборъ фактовъ для опредѣленія особенностей какого-либо предмета, напримѣръ, дѣйствующаго лица. Это упражненіе будетъ первою ступенью, ведущею къ составленію собственныхъ разсужденій и состоящею въ близкой связи съ упражненіемъ другаго рода—извлеченіями. При темахъ такого рода слѣдуетъ особенно обращать вниманіе на то, что̀ было читано на урокахъ латинскаго или греческаго языка: напр., Комментаріи Цезаря могутъ дать матеріалъ для слѣдующихъ задачъ: свойства Галловъ; свойства главныхъ дѣйствующихъ лицъ и т. д.

Для VI, VII и VIII классовъ.

Устныя классныя изложенія прочитаннаго, скомпилированнаго или самостоятельно составленнаго разсужденія должны научить учениковъ выражать послѣдовательно и связно свои мысли не только письменно, но и устно. Въ виду того, что такое устное сочиненіе даже двухъ учениковъ можетъ занять цѣлый часъ класснаго времени, учитель не имѣетъ возможности обращаться къ этому упражненію часто (если только начальство гимназіи не найдетъ удобнымъ назначить для такихъ упражненій особое внѣклассное время); однакожь желательно, чтобы каждый ученикъ, оканчивающій курсъ гимназіи, имѣлъ возможность въ послѣдніе три года хоть два раза сказать свое сочиненіе. Это упражненіе не будетъ затруднительно для большинства учениковъ только въ томъ случаѣ, если преподаватель будетъ наблюдать строгую постепенность и если преподаватели другихъ предметовъ, особенно исторіи, окажутъ ему дѣятельную поддержку, постоянно требуя отъ учениковъ правильнаго, яснаго и по возможности литературнаго изложенія устныхъ отвѣтовъ.

При правильномъ веденіи письменныхъ упражненій, въ результатѣ должно получиться то, чего требуется достигнуть на урокахъ русскаго языка и словесности въ концѣ гимназическаго курса. Отъ сочиненія, написаннаго воспитанникомъ средняго учебнаго заведенія, не слѣдуетъ ожидать ни новизны или оригинальности мыслей, ни полноты содержанія, которая требуетъ многостороннихъ знаній и болѣе зрѣлой обдуманности, ни изящнаго языка, для пріобрѣтенія котораго нужно не только ученіе, но и особенное дарованіе; но это сочиненіе должно быть написано языкомъ правильнымъ, чистымъ и

точнымъ, изложеніе его должно удовлетворять условіямъ логической связи и послѣдовательности, а содержаніе отличаться естественностью и дѣльностью мыслей, прямо относящихся къ темѣ. Этими качествами и обозначится та степень умственнаго развитія, которую должно засвидѣтельствовать русское сочиненіе гимназиста на выпускномъ экзаменѣ.

Къ учебному плану русскаго языка и словесности, какъ сказано, прилагаются ниже: а) примѣрный списокъ стихотвореній, для заучиванія учениками приготовительнаго и первыхъ четырехъ классовъ, и б) списокъ образцовъ, которые обязательно должны быть разобраны въ четырехъ высшихъ классахъ гимназій. По отношенію къ послѣднему поставляется на видъ нижеслѣдующее:

Одни изъ выбранныхъ произведеній читаются въ классѣ; другія, бо̀льшаго объема,—на дому, для предварительнаго ознакомленія съ ихъ содержаніемъ. Эта домашняя подготовка, значительно сберегающая время на классную работу, состоитъ также подъ контролемъ преподавателя, который всегда можетъ сдѣлать ей повѣрку, заставивъ того или другаго ученика устно пересказать содержаніе какой либо части прочитаннаго. Разбираются же произведенія въ классѣ, ибо цѣль разбора состоитъ не въ томъ, чтобы научить гимназистовъ критикѣ, а въ томъ, чтобы помощію основательнаго сужденія о литературномъ образцѣ разъяснить его достоинство. Конечно, для внимательнаго и даровитаго ученика не пропадутъ втунѣ ни основанія, на которыхъ утверждается сужденіе о литературномъ образцѣ, ни пріемы, употребляемые въ этомъ дѣлѣ преподавателемъ; но отъ того, что̀ преподаватель сообщитъ въ классѣ, еще очень далеко до собственныхъ критическихъ опытовъ ученика: послѣднему они вовсе не по силамъ и способны внушить ему лишь смѣшное и вредное самомнѣніе. Цѣль чтенія образцовъ состоитъ въ томъ, чтобы во 1-хъ, научить гимназиста умѣнью „читать" въ высшемъ смыслѣ послѣдняго слова, т. е., умѣнью сознательно относиться къ читаемому произведенію, и во 2-хъ, вывести или подтвердить тѣ свѣдѣнія, которыя онъ долженъ имѣть къ концу курса изъ теоріи словесности и исторіи отечественной литературы. Согласно съ этою цѣлію, разборъ долженъ заключать въ себѣ слѣдующіе пункты:

1. Судить о литературномъ произведеніи нельзя, не зная, что̀ въ немъ заключается; поэтому первымъ актомъ разбора будетъ знакомство съ его содержаніемъ, которое ученикъ долженъ умѣть излагать устно и письменно.

2. Потомъ слѣдуетъ указать построеніе (планъ) сочиненія, ибо содержаніе онаго, а равно и основная мысль, въ немъ развитая, тогда только становятся вполнѣ понятны, когда приведены въ полную извѣстность его части, какъ главныя, такъ и второстепенныя, и объяснено взаимное между ними отношеніе.

3. Затѣмъ разбираются языкъ и слогъ сочиненія. При разборѣ языка, не только, въ случаѣ надобности, повторяется пройденное изъ граматики, но и разъясняются новые факты этимологіи, синтаксиса и правописанія. При разборѣ слога, обращается вниманіе на характеристическія особенности въ способѣ выраженія того народа, времени и автора, которому принадлежитъ разбираемый образецъ.

4. Далѣе выясняется, къ какому роду и виду словесныхъ произведеній образецъ относится.

5. Пятый и послѣдній пунктъ разбора составляетъ комментарій историческій, т. е., историческія объясненія, необходимыя для яснаго и точнаго уразумѣнія образца.

Для поясненія послѣднихъ двухъ пунктовъ разбора не безполезно привести нѣсколько примѣровъ. Послѣ статей изъ Несторовой лѣтописи полезно читать соотвѣтствующія имъ мѣста изъ исторіи Карамзина и на сравненіи ихъ указывать различіе между лѣтописнымъ разсказомъ и историческимъ изложеніемъ. Сочиненіе Ломоносова „о пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ“ представляетъ возможность опредѣлить сущность разсужденій. Историческій комментарій къ этому сочиненію будетъ заключаться въ указаніи отношенія его, съ одной стороны, къ литературной практикѣ самого автора, а съ другой—къ литературному языку двухъ эпохъ: предшествовавшей ему и слѣдовавшей за нимъ. Первое отношеніе опредѣлится тѣмъ, что означенное разсужденіе есть плодъ собственной опытности Ломоносова, предложенный имъ въ подражаніе тѣмъ соотечественникамъ, которые пожелали бы заняться словесностью; что онъ самъ, согласно съ своей теоріей, по различію предметовъ, выражался различными степенями или родами слога. Въ примѣръ высокаго слога, по его опредѣленію, преподаватель можетъ прочесть приступъ похвальнаго слова Императрицѣ Елизаветѣ; въ примѣръ средняго — отрывокъ изъ „Посланія о пользѣ стекла“ или изъ статьи „О размноженіи и сохраненіи россійскаго народа“; въ примѣръ низкаго—одно изъ писемъ къ Шувалову. Отношеніе къ предшествовавшему литературному языку покажется на чтеніи одного или двухъ мѣстъ изъ южно-русской литературы XVII вѣка или литературы первыхъ сорока годовъ XVIII-го.

Эти отрывки обнаружать тѣ варваризмы, или, какъ выразился Ломоносовъ, „дикія слова нелѣпости", которыми пестрилась рѣчь духовныхъ и свѣтскихъ писателей, и которыя собственно и заставили Ломоносова, какъ ученаго и литератора, возвысить голосъ и дать совѣтъ въ пользу чистоты роднаго слова. Наконецъ, отношеніе разсужденія къ послѣдовавшему слогу раскроется на знакомствѣ съ уклоненіями отъ разумнаго совѣта, односторонне понятаго и злоупотребленнаго, то-есть, съ крайностями славянщины, явившимися у литераторовъ Ломоносовскаго періода, напр. у фонъ-Визина (въ переводѣ Томасова похвальнаго слова Марку Аврелію), или у Елагина (въ Опытѣ повѣствованія о Россіи), и обусловившими Карамзинскую реформу. Такимъ образомъ, дѣло Карамзина, будучи связано съ дѣломъ Ломоносова, не представитъ никакихъ трудностей для уразумѣнія его законности.

Примѣчаніе. Второй примѣръ долженъ быть принятъ не за указаніе, что именно въ такой мѣрѣ нужно комментировать всякій образецъ, а лишь за указаніе пути, которому можетъ слѣдовать историческое объясненіе.

Само собою разумѣется, что въ видахъ сохраненія времени и избѣжанія повтореній въ трехъ высшихъ классахъ классный разборъ и домашнее чтеніе образцовъ по возможности идетъ параллельно съ обзоромъ исторіи литературы. Произведенія, усвоенныя учениками еще въ низшихъ классахъ, могутъ остаться совсѣмъ безъ разбора, если только онъ не представляетъ какихъ нибудь особенныхъ пунктовъ, которые были недоступны пониманію учащихся въ младшихъ классахъ.

Наконецъ, надлежитъ принять въ соображеніе, что съ введеніемъ отдѣльнаго преподаванія теоріи словесности и исторіи русской литературы преподаватели освободятся отъ неизбѣжныхъ, часто безполезныхъ повтореній при разборѣ образцовъ, на что слышались нѣкоторыя сѣтованія въ послѣднее время.

А.

Примѣрный списокъ стихотвореній, предлагаемыхъ для заучиванія ученикамъ приготовительнаго и низшихъ четырехъ классовъ.

I. БАСНИ.

1) Зеркало и Обезьяна. Крылова. 2) Тришкинъ Кафтанъ. Его же. 3) Любопытный. Его же. 4) Гуси. Его же. 5) Котъ и Поваръ. Его же. 6) Слонъ и Моська. Его же. 7) Лебедь, Щука и Ракъ. Его же. 8) Оселъ и Соловей. Его же. 9) Демьянова уха. Его же. 10) Щука и Котъ. Его

же. 11) Ларчикъ. Его же. 12) Мартышка и Очки. Его же. 13) Квартетъ. Его же. 14) Пустынникъ и Медвѣдь. Его же. 15) Вельможа. Его же.

II. ПѢСНИ.

а) Народныя.

16) „Не шуми, мати зеленая дубравушка." 17) „Ахъ, кабы на цвѣты." 18) „Слава Богу на небѣ." 19) „А мы просо сѣяли." 20) „Катилося зерно по бархату." 21) „Идетъ кузнецъ изъ кузницы."

б) Искусственныя.

22) Пѣснь Русскому Царю. Жуковскаго. 23) „Ахъ ты, ночь ли ноченька." Дельвига. 24) Черкесская пѣсня. Пушкина. 25) Казачья колыбельная пѣсня. Лермонтова. 26) „Сяду я за столъ." Кольцова. 27) „Что ты спишь, мужичекъ." Его же. 28) Пѣсня пахаря. Его же.

III. ОДЫ.

29) Размышленіе по случаю грома. Дмитріева. 30) Надежда. Батюшкова. 31) Подражаніе псалму 14. Языкова. 32) Клеветникамъ Россіи. Пушкина. 33) Поэтъ. Его же. 34) Пророкъ. Его же. 35) Пророкъ. Лермонтова. 36) Споръ. Его же. 37) Молитва. Его же 38). Вѣтка Палестины. Его же.

IV. ЭЛЕГІЯ.

39) „Брожу ли я вдоль улицъ". Пушкина. 40) Уединеніе. Его же. 41) Осень (первыя двѣ строфы). Его же. 42) Парусъ. Лермонтова. 43) „Когда волнуется желтѣющая нива". Его же.

V. БАЛЛАДЫ.

44) Лѣсной царь. Жуковскаго. 45) Ночной смотръ. Его же. 46) Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ. Пушкина. 47) Воздушный корабль. Лермонтова.

VI. ИДИЛЛІИ.

48) Утренняя звѣзда. Жуковскаго. 49) Лѣтній вечеръ. Его же.

VII. ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

а) Описанія.

50) Осень и зима. Пушкина. 51) Наступленіе зимы (изъ „Евгенія Онѣгина": „Вотъ сѣверъ тучи нагоняя"—„блеснулъ морозъ"). Его же. 52) Зима. Его же. 53) Зимній вечеръ (первыя двѣ строфы). Его же.

54) Наступленіе весны. Его же. 55) Кочевой таборъ. Его же. 56) Переходъ на другое кочевье. Его же. 57) Горцы. Его же. 58) Петербургъ (Изъ „Мѣднаго всадника"). Его же.

б) Повѣствованія.

59) Полтавскій бой. Пушкина. 60) Кочубей въ темницѣ. Его же. 61) Разсказъ старика объ Овидіи (изъ поэмы „Цыгане"). Его же. 62) Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ (Отрывокъ). Его же.

VIII. ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

а) Трагедія.

63) „Еще одно, послѣднее сказанье" (изъ драмы: „Борисъ Годуновъ"). Пушкина. 64). Монологъ Годунова: „Достигъ я высшей власти". Его же. 65) Монологъ Іоанны д'Аркъ: „Молчитъ гроза военной непогоды". Жуковскаго.

б) Комедія.

66) Монологъ Чацкаго: „Французикъ изъ Бордо, надсаживая грудь". Грибоѣдова.

Примѣчаніе 1. Кромѣ стихотвореній, назначаемыхъ для младшихъ классовъ, ученики четырехъ старшихъ классовъ учатъ наизусть указанные примѣрною программою образцы при разборѣ отечественныхъ писателей или отрывки изъ этихъ образцовъ.

Примѣчаніе 2. Стихотворенія распредѣляются по классамъ по усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ, сообразно со степенью развитія учениковъ, и не въ томъ порядкѣ, въ какомъ они здѣсь перечислены.

Б.

Списокъ образцовъ, которые обязательно должны быть разобраны въ четырехъ высшихъ классахъ гимназіи.

Одна былина, одна сказка, нѣсколько лирическихъ народныхъ пѣсенъ.

Нѣсколько отрывковъ изъ Несторовой лѣтописи.

Слово о полку Игоревѣ.

Одна сатира Кантемира.

Ломоносовъ: о пользѣ книгъ церковныхъ; одна ода (требуется знать наизусть нѣсколько строфъ изъ нея); приступъ, предложеніе и раздѣленіе похвальнаго слова Петру Великому; 1 отрывокъ изъ его доказательной части.

Державинъ: одна ода (нѣсколько строфъ изъ нея наизусть).

Фонъ-Визинъ: Недоросль.

Карамзинъ: нѣсколько писемъ русскаго путешественника, предисловіе къ исторіи государства россійскаго, одна глава изъ исторіи.

Крыловъ: нѣсколько басенъ.

Жуковскій: одна элегія, одна баллада.

Батюшковъ: Тѣнь друга, Умирающій Тассъ.

Пушкинъ.: нѣсколько лирическихъ стихотвореній; Борисъ Годуновъ, Евгеній Онѣгинъ, Скупой рыцарь, Капитанская дочка.

Грибоѣдовъ: Горе отъ ума.

Гоголь: Тарасъ Бульба, Ревизоръ, Мертвыя души.

Лермонтовъ: нѣсколько лирическихъ стихотвореній, Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ.

Учебный планъ древнихъ языковъ.

А. Латинскій языкъ.

Первый классъ (8 уроковъ)

Латинскія буквы, ихъ начертаніе, названіе и произношеніе.—Произношеніе согласныхъ: *c*, *s* между двумя гласными; *c*, *p*, *r*, *t* въ соединеніи съ *h*, *sch*; *gu* и *su*; слога *ti* передъ согласной (исключенія: a) *t*, *s*, *x* передъ *ti*; b) въ греческихъ словахъ; c) *totius*).—Буквы *гласныя* (двугласныя); *согласныя*: плавныя, придыхательныя, нѣмыя, простыя и сложныя.—Гласныя *долгія* и *короткія* (знаки количества). Долгота по положенію (исключеніе—muta cum liquida).—Правило объ *удареніяхъ*. Упражненіе въ чтеніи избраннаго латинскаго отрывка съ надписаніемъ количества на предпослѣднемъ слогѣ каждаго слова.

Перечисленіе *частей рѣчи* съ латинскими названіями; измѣняющіяся и неизмѣняющіяся части рѣчи, склоненіе и спряженіе;

Infinitivus и indicativus *praesentis activi* и *passivi*; imperativus praesentis activi правильныхъ 4-хъ спряженій; глаголъ *sum* въ indicativus и infinitivus praesentis. Упражненія въ усвоеніи этихъ формъ съ значеніемъ ихъ по русски.

Имена существительныя: предметныя и отвлеченныя; нарицательныя и собственныя; вещественныя; собирательныя.

Три *роды* именъ существительныхъ. Родъ по *значенію*. — *Числа* и *падежи* (на какіе вопросы каждый падежъ ставится)?

Родъ именъ и окончанія падежей *1-го склоненія*. Парадигмы.—*Синтаксическое правило*: части *предложенія*; связь посредствомъ глагола *sum* сказуемаго существительнаго и прилагательнаго съ подлежащимъ

(отличіе русскаго языка—пропускъ глагола *быть* въ настоящемъ времени).—*Дополненіе* (objectum). Дѣйствующій предметъ одушевленный при страд. залогѣ въ *творит.* съ *a* (ab).

Родъ именъ и окончанія падежей *2-го склоненія*. Парадигмы.—Имена на *er*, удерживающія *e* въ косвенныхъ падежахъ.—Имена *прилагательныя* 3-хъ окончаній на *us* и *er*, a, um. Парадигмы; упражненія въ согласованіи и склоненіи прилагательныхъ вмѣстѣ съ существительными (прилагательное удобнѣе ставить *послѣ* существительнаго). — *Синт. прав.*: въ русскомъ сказуемое прилагательное берется въ сокращенной формѣ; слѣд. при переводѣ на лат. русское сокращенное прилагательное передается съ глаголомъ *sum*.

Родъ именъ и окончанія падежей *3-го склоненія* (прибавить къ окончаніямъ именит. падежа ж. р. *do*, *go* и отвлеченныя на *io*).—По одному существительному на всѣ окончанія именительнаго н. съ присоединеніемъ *родительнаго*.—*Творит.* единств. въ существительныхъ на *e* (кромѣ средн. р. на *e*, *al*, *ar*, которыя имѣютъ *i*), въ прилагательныхъ положительной степени на *i* (въ сравнительной на *e*).—*Именит.*, *винит.* и *зват.* множ. средн. существительныя имѣютъ *a* (только на *e*, *al*, *ar* имѣютъ *ia*), прилагательныя въ положит. степени на *ia*, въ сравнит. на *a*.—*Родительный* п. множ. на *um* имѣютъ имена, оканчивающіяся въ именит. множ. на *a*; а на *ium* имѣющія въ именит. множ. *ia*, равносложныя на *es* и *is* и односложныя на *s* и *x* съ предыдущею согласною.

Прилагательныя въ 3-мъ склоненіи на *is*, *e* двухъ окончаній; всѣ остальныя одного окончанія, кромѣ 13-и, которыя имѣютъ 3 окончанія.

Родъ и окончанія падежей *4-го склоненія* (м. р. большею частью отглагольныя на *tus* или *sus*).

Родъ и окончанія падежей *5-го склоненія*.—Только *res* и *dies* (м. р.) имѣютъ полное множ. ч.—Количество слога *ei*.—*Синтакс. прав.*: Neutra множ. ч. прилагательныхъ въ *именит.* и *винит.* безъ существительнаго переводятся по русски среднимъ род. единств.; въ косвенныхъ падежахъ прибавляется *res*.

Степени сравненія прилагательныхъ. Въ сравнит. степени всегда къ основѣ прибавляется *ior*, *ius* (р. п. ioris): въ превосходной—*issimus*, a, um (исключая окончанія *errimus* прилагательныхъ на *er*, и *illimus* 6-ти прилагат. на *ilis*). *Синтакс. прав.*: 2-й членъ сравненія выражается или a) черезъ *quam* какъ и въ русскомъ, или b) *творит.* падежемъ вм. русскаго родительнаго.

Неправильныя степени сравненія: 1) bonus, malus, magnus, parvus,

multus; 2) exterus, superus, inferus, posterus; 3) interior, prior, propior, ulterior; 4) сравненіе прибавленіемъ къ положит. степени *magis* и *maxime*.

Образованіе нарѣчій и ихъ степени сравненія. — Неправильныя степени сравненія: *bene*, *male*, *multum*, *magis*, *maxime*, *plus*, *plurimum*.

Значеніе и склоненія мѣстоименій:

1) *Личныхъ* ego, tu и возвратнаго *sui*; 3-е лицо *онъ* б. ч. *is* и *ille*.— Творит. падежи *mecum*, *tecum*, *secum* и т. д.—*Себя* въ русск. для всѣхъ 3-хъ лицъ; *себя* въ лат. для 1-го и 2-го лицъ—косвенные падежи отъ *ego* и *tu*.

2) *Притяжательныхъ*. — *Meus* зват. ед. м. р. *mi*.—*Свой* въ русск. для всѣхъ 3-хъ лицъ; *свой* въ лат. для 1-го лица *meus*, *noster*, для 2-го *tuus*, *vester*.—Притяжательное невозвратное для 3-го лица *ejus*, *eorum*, *earum*.—*Синт. прав.*: *личныя* мѣстоименія въ *именит.* падежѣ и *притяжательныя* всѣхъ падежей ставятся б. ч. только при противоположеніи.

3) *Указательныхъ*: *hic*, *is* (*idem*), *iste*, *ille*, *ipse* (*hic* по отношенію къ1-му лицу, *iste* ко 2-му; *is* и *ille* къ 3-му).

4) *Относительнаго qui* (творит. quocum, quacum и т. д.)

5) *Вопросительнаго quis* (какъ прилагат. *какой? qui?*)

6) *Неопредѣленныхъ quis* и *aliquis*, *quisquam*, *quidam*, *quisque*.

Значеніе и склоненіе *unus*, *ullus*, *nullus*; *solus*, *totus*, *alius*, *uter*, *alter*, *neuter*.

7) Перечень мѣстоименій *соотносительныхъ*.

Числительныя, количественныя и порядковыя. — Ознакомленіе съ употребленіемъ нѣкоторыхъ предлоговъ, напр. *in*, *ab* и т. п. — На каждое проходимое правило постоянныя устныя и письменныя упражненія съ заучиваніемъ словъ.

Граматика съ устными упражненіями	6 ур.
Письменныя упражненія.	2 „

Второй классъ (7 уроковъ).

1. Полное спряженіе правильныхъ глаголовъ и глагола *sum* съ сложными *possum* и *prosum*.—Особенности глаголовъ 3-го спряженія на *io*.—Глаголы отложительные и полуотложительные.—Производство временъ.—Числительныя раздѣлительныя и числительныя нарѣчія.— Предлоги.

При прохожденіи глагольныхъ формъ слѣдуетъ присоединить тамъ,

гдѣ умѣстнѣе, слѣдующія синтаксическія правила: для упражненія въ усвоеніи формъ *conjunctivi* ввести основныя правила о послѣдовательности временъ; значеніе и употребленіе союзовъ: *ut* (finale), *ne* (neve), *quo*, *quominus*, *quin* (при non dubito), *cum* когда (imperf. и plusquamperf. conjunctivi при perf. hist. въ главномъ предложеніи), *si* и *nisi* (объяснить и употребленіе условнаго imperf. conj. согласно съ русскимъ языкомъ); косвенный вопросъ (перечислить главнѣйшія вопросительныя мѣстоименія и нарѣчія). При *infinitivus* изложить правила объ acc. и nom. cum inf. При *причастіяхъ* — о participium futuri activi съ глаголомъ *sum* въ *indicat.* и *conjunctiv.*; gerundium и gerundivum; ablativus absolutus. — Объ употребленіи мѣстоименія *sui* въ значеніи русскаго *онъ* и *suus* въ значеніи русскаго родит. притяжательнаго *его*, *ея*, *ихъ*.—Употребленіе обоихъ *supina* и какими другими оборотами можетъ быть замѣненъ supinum на *um*.

2. Глаголы неправильные (v. anomala) и недостаточные (v. defectiva).

3. Наиболѣе употребительные изъ глаголовъ, отступающихъ въ образованіи perf. и supini.

Письменныя и устныя упражненія съ заучиваніемъ словъ. Во 2-мъ полугодіи чтеніе избранныхъ басенъ Федра или латинской христоматіи.

Въ 1-мъ полугодіи:	Граматика съ устными упражненіями . .	5	ур.
	Письменныя упражненія	2	„
Во 2-мъ полугодіи:	Граматика съ устными упражненіями . .	2	„
	Чтеніе басенъ или христоматіи	3	„
	Письменныя упражненія	2	„

Третій классъ (5 уроковъ).

Повтореніе, съ дополненіями, глаголовъ неправильныхъ.—Глаголы, отступающіе отъ правилъ въ образованіи *perf.* и *supin.* (за исключеніемъ рѣдко встрѣчающихся).—Образованіе частей рѣчи.—Перечень (съ точнымъ переводомъ по русски) союзовъ и нарѣчій.—Повтореніе пройденнаго въ первыхъ двухъ классахъ, особенно содержащихся въ курсѣ 2-го класса синтаксическихъ правилъ, съ присоедниненіемъ существеннаго изъ синтаксиса объ отличіяхъ отъ русскаго въ управленіи падежами. Устныя и письменныя упражненія съ заучиваніемъ словъ.

Исключенія. Родъ именъ по значенію.—Substantiva generis communis.—Substantiva mobilia, epicoena.—Особенности падежныхъ окончаній во всѣхъ 5-и склоненіяхъ.—Склоненія именъ, заимствованныхъ изъ греческаго языка.—Отклоненія отъ правилъ о родѣ именъ суще-

ствительныхъ всѣхъ 5-и склоненій.—Nomina indeclinabilia, defectiva (casibus et numero), abundantia. (heteroclita, heterogenea; heteroclita и heterogenea).—Особенности въ прилагательныхъ (неправильности въ образованіи степеней сравненія).

Въ 1-мъ полугодіи чтеніе басенъ Федра или біографій Корнелія Непота; во 2-мъ полугодіи Корнелій Непотъ съ подробнымъ грамматическимъ разборомъ.

Въ 1-е полугодіе:

Граматика съ устными упражненіями . . . . . 2 ур.
Чтеніе Федра или Корнелія Непота . . . . . 2 „
Письменныя упражненія . . . . 1 „

Во 2-е полугодіе:

Граматика съ устными и письменными упражненіями . 2 „
Корнелій Непотъ . . . . 3 „

Четвертый классъ (5 уроковъ).

Повтореніе этимологіи.—Систематическое изложеніе синтаксиса; должны быть пройдены статьи: о согласованіи словъ; объ употребленіи сослагательнаго наклоненія въ независимыхъ грамматически предложеніяхъ; объ употребленіи повелительнаго и неопредѣленнаго наклоненій; объ употребленіи падежей; объ особенностяхъ въ употребленіи мѣстоименій, именъ числительныхъ и степеней сравненія; о супинѣ и герундіи и герундивѣ. Устныя и письменныя упражненія въ переводахъ съ русскаго на латинскій.

Чтеніе Юлія Цезаря Comm. de bello Gallico.

Въ 1-е полугодіе: Граматика съ упражненіями . . 3 ур.
Юлій Цезарь . . . . 2 „
Во 2-е полугодіе: Граматика съ упражненіями . . . 2 „
Юлій Цезарь . . . . 3 „

Примѣч. Изъ Цезаря слѣдуетъ прочитывать въ теченіе года не менѣе 70 главъ.

Пятый классъ (6 уроковъ).

Повтореніе и окончаніе синтаксиса.—Ознакомленіе съ главнѣйшими правилами просодіи и гекзаметромъ.—Устныя и письменныя упражненія въ переводахъ съ русскаго на латинскій.—Чтеніе Юлія Цезаря или Саллюстія и Овидія Метаморфозъ (около 800 стиховъ).

Граматика съ упражненіями . . . . 2 ур.

Юлій Цезарь или Саллюстій . . . . 2 »
Метаморфозы Овидія . . . . 2 »

Примѣч. Чтеніе Юлія Цезаря назначается въ V-мъ классѣ только въ томъ случаѣ, если учащіеся не успѣютъ достаточно освоиться съ этимъ авторомъ въ IV-мъ классѣ.

Шестой классъ (6 уроковъ).

Повтореніе синтаксиса съ дополненіями (напр. объ особенностяхъ языка поэтическаго).—Устныя упражненія въ переводахъ съ русскаго на латинскій; письменныя упражненія, задаваемыя на домъ и extemporalia.—Рѣчи Цицерона и Энеида.

Граматика съ упражненіями . . . . 2 ур.
Цицеронъ . . . . 2 »
Энеида (около 800 стиховъ) . . . . . 2 »

Седьмой и восьмой классы (по 6-ти уроковъ).

Устные переводы съ русскаго на латинскій; письменныя упражненія, задаваемыя на домъ и extemporalia—съ указаніемъ главнѣйшихъ правилъ латинской стилистики . . . . 2 ур.

Въ 7-мъ классѣ Титъ Ливій . . . . 2 »
» Энеида (около 1200 ст.). 2 »

Въ 8-мъ классѣ Цицерона философскія или риторическія сочиненія, напр. Tusculanae disputationes, De officiis, Laelius, Cato Major или же Brutus, Orator и т. п. . . . . 2 »
Горація избранныя оды, сатиры, посланія . 2 »

Б. Греческій языкъ.

Третій классъ (6 уроковъ).

Буквы, ихъ произношеніе и раздѣленіе; упражненіе въ чтеніи по Эразму; склоненіе именъ существительныхъ и прилагательныхъ; правильныя степени сравненія прилагательныхъ; образованіе нарѣчій и ихъ степеней сравненія; мѣстоименія; спряженіе глагола εἰμί и правильное спряженіе глаголовъ чистыхъ (неслитныхъ и слитныхъ).

Четвертый классъ (6 уроковъ).

Спряженіе глаголовъ нѣмыхъ, плавныхъ и глаголовъ на μι; имена числительныя. Устныя и письменныя упражненія въ переводахъ, примыкающія къ изученію граматики, съ заучиваніемъ словъ.

Переводъ греческихъ текстовъ по христоматіи; во второмъ полугодіи христоматія можетъ быть замѣнена Ксенофонтомъ.

Граматика съ устными упражненіями . . . . . 3 ур.
Чтеніе греческой христоматіи или Ксенофонта . . 2 —
Письменныя упражненія. . . . . 1 —

Пятый классъ (6 уроковъ).

Повтореніе этимологіи съ дополненіями. Ученіе о словообразованіи и словосложеніи; а во второе полугодіе, въ томъ случаѣ, если будетъ вполнѣ окончена этимологія,—начало систематическаго изложенія синтаксиса. Устныя и письменныя упражненія въ переводахъ съ русскаго языка на греческій. Анабазисъ Ксенофонта. Ознакомленіе съ іоническимъ діалектомъ и чтеніе Одиссеи (одна рапсодія).

Въ первое полугодіе:

Граматика съ упражненіями . . . . 2 ур.
Ксенофонтъ . . . . 4 —

Во второе полугодіе:

Граматика съ упражненіями . . . . 1 ур.
Ксенофонтъ . . . . 2 —
Гомеръ . . . . 3 —

Шестой классъ (6 уроковъ).

Греческій синтаксисъ съ устными и письменными упражненіями въ переводахъ на греческій языкъ . . . . . 2 ур.
Одиссея (не менѣе 2-хъ рапсодій) . . . . . . 2 —
Въ первое полугодіе: Memorabilia Ксенофонта, а во второе полугодіе: или Исократъ, или Арріанъ, или Лукіанъ (разговоры въ царствѣ мертвыхъ, разговоры боговъ), или біографіи Плутарха (если окажется возможнымъ по успѣхамъ учащихся) . 2 —

Классы седьмой (6 уроковъ) и восьмой (7 уроковъ).

Устныя и письменныя упражненія въ переводахъ съ русскаго на греческій, съ изъясненіемъ труднѣйшихъ частей синтаксиса въ теченіе 2-хъ лѣтъ . . . . 1 ур.

Сверхъ того, въ VII классѣ:	Геродотъ (преимущественно послѣднія 4 книги)	2 —
	Платонъ (Апологія или Критонъ)	1 —
	и Иліада (не менѣе 1,200 стиховъ) . .	2 —
Въ VIII классѣ:	Демосѳенъ (Олинѳскія рѣчи или Филиппики) или избранныя мѣста изъ Ѳукидида . . .	3 —
	Платонъ [1]) (Евтидемъ, или Лахесъ, или Hippias major). . . .	1 —
	и Еврипидъ или Софоклъ [2]).	2 —

Хотя предлагаемый учебный планъ опредѣляетъ объемъ преподаванія въ каждомъ классѣ, тѣмъ не менѣе преподавателямъ предоставляется извѣстный просторъ, и отъ нихъ ожидается, что при благопріятныхъ условіяхъ они не преминутъ возвышать уровень познаній своихъ учениковъ въ каждомъ классѣ, а при условіяхъ неблагопріятныхъ не упустятъ изъ виду, что преподаваніе древнихъ языковъ должно идти правильнымъ методическимъ ходомъ, безъ торопливости и скачковъ. Съ этою цѣлію установляется слѣдующее:

1) При преподаваніи латинскаго языка въ первыхъ 3-хъ классахъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что при начальномъ обученіи языку необходима не столько система, сколько *метода*. Общепризнанная метода на этой степени ученія требуетъ, чтобы начинающій тотчасъ же былъ въ состояніи пользоваться сообщаемымъ ему матеріаломъ для выраженія мыслей, хотя бы въ элементарной ихъ формѣ, т. е. въ формѣ сужденія, или, говоря граматически, могъ составлять предложенія. Для этой цѣли ему должно быть сообщено все необходимое для указанной цѣли изъ всѣхъ отдѣловъ граматики, напр., нѣкоторые союзы, предлоги и под., а также и главнѣйшія понятія синтаксическія. Ко-

[1]) При чтеніи и разборѣ одного изъ означенныхъ діалоговъ Платона, преподаватель постарается воспользоваться тѣми свѣдѣніями изъ логики, которыя были усвоены учениками въ VII классѣ.

[2]) При чтеніи хоровъ въ трагедіяхъ, дѣлаются необходимыя объясненія относительно дорическаго діалекта.

личество этого матеріала и постепенность, въ какой онъ можетъ быть сообщаемъ, должны быть опредѣлены съ возможною точностью, дабы какъ можно менѣе было мѣста колебаніямъ, всегда вредно отзывающимся на успѣхахъ учащихся. Систематическій курсъ граматики старшихъ классовъ, относительно порядка изложенія и даже количества матеріала, регулируется самымъ свойствомъ предмета, опредѣленными требованіями гимназическаго курса, и болѣе или менѣе твердо установленъ въ каждомъ принятомъ руководствѣ; поэтому содержаніе курсовъ латинской граматики для IV-го и послѣдующихъ классовъ достаточно указать въ общихъ чертахъ. Граматическій матеріалъ первыхъ трехъ классовъ долженъ ограничиваться самымъ существеннымъ, самыми главными правилами; поэтому изъ программы этихъ классовъ тщательно выдѣлено все имѣющее характеръ отступленія отъ правилъ, или такъ - называемыя *исключенія*, кромѣ лишь самыхъ необходимыхъ. Признано это необходимымъ съ одной стороны для того, чтобы дать учащемуся возможность какъ можно скорѣе приступить къ чтенію латинскихъ авторовъ, съ другой стороны—и это главное—потому что введеніе массы исключеній на первой ступени обученія развлекаетъ умственныя силы учащагося, не дозволяя ему сосредоточиться на основныхъ законахъ языка и заслоняя собой только-что изученныя правила, такъ какъ правила по самой природѣ своей короче и менѣе сложны, чѣмъ исключенія.

На основаніи этихъ соображеній, исключенія поставлены тамъ, гдѣ оканчивается совсѣмъ правильная этимологія, то-есть, въ концѣ курса III класса, и поставлены всѣ вмѣстѣ, тогда какъ обыкновенно они ставятся въ граматикахъ по частямъ, напр., склоненія словъ, заимствованныхъ изъ греческаго языка обыкновенно помѣщаются въ 3-хъ мѣстахъ (послѣ 1-го склоненія, послѣ 2-го и послѣ 3-го склоненія). Сопоставленіе исключеній въ одномъ мѣстѣ удобно уже и въ томъ отношеніи, что представляетъ возможность обозрѣть ихъ связнѣе и изложить научнѣе. Имѣется въ виду, чтобы изъ содержащихся въ этомъ отдѣлѣ отступленій преподаватель избиралъ отдѣльныя статьи и проходилъ тогда, когда найдетъ это необходимымъ, какъ, напр., особенности въ склоненіи словъ, заимствованныхъ изъ греческаго языка, умѣстно пройдти во 2-мъ полугодіи III класса, когда уже пройдены будутъ изъ греческой граматики всѣ три склоненія. Но такъ какъ и въ этомъ отдѣлѣ должно быть собрано только имѣющее важность для познанія языка въ той мѣрѣ, какъ требуется гимназическимъ курсомъ, то всѣ эти отступленія ученикамъ старшихъ классовъ должны

быть вполнѣ извѣстны и нѣсколько разъ ими повторены въ системѣ.

Затѣмъ, при постепенномъ движеніи впередъ въ упражненіяхъ для усвоенія правилъ, особенно же въ примѣрахъ для уясненія глагольныхъ формъ и при чтеніи автора или христоматіи будутъ встрѣчаться и отступленія отъ правилъ или исключенія, напр., изъ правилъ о родахъ именъ существительныхъ, формы глаголовъ, отступающихъ въ образованіи perf. и sup.;—но обставленное массою правильныхъ формъ, особенно когда эти послѣднія усвоены твердо, слово, представляющее собою исключеніе, уже не затемнитъ правилъ, а только рѣзче выступитъ и запечатлѣется въ памяти учащагося. Преподаватели знаютъ по опыту, какъ легко при чтеніи авторовъ учащіеся запоминаютъ главныя времена отступающихъ глаголовъ, и усвоиваютъ ихъ тѣмъ тверже, что глаголы эти ежеминутно повторяются. Во 2-мъ полугодіи III класса, когда правильная этимологія пройдена вся и усвоена твердо, повторить отступающіе глаголы въ видѣ общаго обзора и въ связи, какъ излагаются они въ граматикахъ, будетъ и благовременно, и нимало не обременительно. Послѣ сказаннаго нѣтъ надобности распространяться о томъ, что упражненія въ переводахъ съ русскаго на латинскій и обратно, какія обыкновенно занимаютъ много страницъ въ нѣкоторыхъ учебникахъ (до 50 страницъ у Кюнера), для усвоенія, напр., исключеній изъ правилъ о родахъ, особенностей глаголовъ неправильныхъ, недостаточныхъ и отступающихъ въ perf. и sup., совершенно излишни и безполезно отнимаютъ время отъ чтенія авторовъ.

2) Если по соображенію съ успѣхами учениковъ I класса окажется возможнымъ, предоставляется преподавателю дать для изученія, сверхъ указанныхъ въ программѣ формъ правильныхъ глаголовъ и глагола *sum*, также perf. indicativi и fut. I. act. и passivi и perf. ind. и fut. I отъ глагола *sum*;—усвоеніе этихъ основныхъ формъ и необходимо ранѣе другихъ, и къ тому же это дастъ возможность болѣе разнообразить упражненія: при повтореніяхъ пройденнаго форма praesentis indicat., съ которой въ учебникахъ составлены фразы для упражненія, можетъ быть учениками замѣняема формами perfecti и futuri.

3) Въ III, IV и V классахъ, весь латинскій синтаксисъ долженъ быть не только пройденъ, но и повторенъ.

4) Во всѣхъ классахъ, гдѣ полагается чтеніе авторовъ, все выгадываемое искусствомъ преподавателей время можетъ съ пользою употребляться на усиленіе чтенія авторовъ.

5) Распредѣленіемъ уроковъ каждаго класса между граматикой,

упражненіями и чтеніемъ авторовъ указывается лишь пропорція времени, которое должно быть употребляемо на тѣ или другія занятія. Въ особенности при чтеніи авторовъ нѣтъ надобности держаться этого распредѣленія буквально: напротивъ, гораздо полезнѣе читать разомъ не болѣе двухъ писателей, одного греческаго, другаго латинскаго, и никакъ не болѣе трехъ. Сверхъ того слѣдуетъ наблюдать, чтобы чтеніе въ концѣ каждаго полугодія, а особенно въ концѣ каждаго учебнаго года, не было обрываемо на срединѣ какого-нибудь отдѣла; такъ, напримѣръ, если начата рѣчь Цицерона или фабула Овидія, то надобно ее кончить; съ этою цѣлію можно обращать на чтеніе прозаика часы, назначенные на поэта, и наоборотъ, по усмотрѣнію преподавателя, который при этомъ сообразжается съ обстоятельствами и принимаетъ во вниманіе потребности класса. Въ VIII классѣ, когда читается Еврипидъ или Софоклъ, избранная трагедія должна быть непремѣнно дочитана до конца, и съ этою цѣлію, буде потребуется, можетъ быть ограничено чтеніе прозаика.

6) Хотя на чтеніе авторовъ въ теченіе гимназическаго курса назначено по учебному плану довольно значительное число уроковъ, тѣмъ не менѣе для того, чтобы учащіеся въ гимназіяхъ пріобрѣтали достаточную начитанность и вполнѣ одолѣвали хотя нѣкоторыхъ болѣе легкихъ изъ древнихъ авторовъ, требуется, чтобы преподаватели располагали учениковъ къ домашнимъ чтеніямъ, для которыхъ по латинскому языку можно рекомендовать: Корнелія Непота, Курція, Саллюстія, Овидія и Т. Ливія, а по греческому языку: Ксенофонта, Геродота и Гомера.

Объяснительная записка къ учебному плану древнихъ языковъ.

При обученіи въ гимназіяхъ греческому и латинскому языкамъ должно имѣть въ виду, чтобы учащіеся

1) твердо усвоили элементарную граматику обоихъ языковъ и пріобрѣли умѣнье самостоятельно примѣнять ея правила какъ при передачѣ на русскій языкъ и объясненіи писателей, такъ и при переводахъ съ русскаго языка на греческій и въ особенности на латинскій;

2) знакомились съ важнѣйшими литературными произведеніями, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ бытомъ древнихъ Грековъ и Римлянъ, и

3) пріобрѣтали способность понимать какъ красоту древняго стиля, такъ и изящество рѣчи вообще.

Такъ какъ основательное знаніе граматики имѣетъ существенное значеніе, и съ другой стороны представляетъ много трудностей для учащихся, то въ предлагаемомъ учебномъ планѣ изученіе граматики проводится черезъ всѣ классы, т. е., отъ начала изученія того и другаго древняго языка до конца гимназическаго курса; но вмѣстѣ съ тѣмъ оно расположено такъ, что сначала проходится изъ граматики только самое необходимое для того, чтобы учащіеся какъ можно скорѣе могли приступить къ чтенію текстовъ, а затѣмъ, въ слѣдующихъ классахъ, все пройденное повторяется съ необходимыми дополненіями и болѣе широкимъ развитіемъ тѣхъ частей, полное изложеніе которыхъ въ низшихъ классахъ было бы не по силамъ учащимся.

Такимъ образомъ въ первыхъ двухъ классахъ проходится вся правильная латинская этимологія.

Главнѣйшія синтаксическія правила будутъ преподаны уже во второмъ классѣ; затѣмъ въ третьемъ классѣ сообщаются учащимся и другія синтаксическія данныя, съ которыми имъ необходимо ознакомиться прежде, нежели они приступятъ къ чтенію латинскихъ авторовъ, напр. объ употребленіи падежей. Если эти статьи проходятся въ объемѣ синтаксиса Кюнера въ переводѣ Носова, то курсъ II-го и III-го классовъ можетъ ими и ограничиться. Вообще во II-мъ и III-мъ классахъ можно довольствоваться преподаваніемъ синтаксиса достаточнымъ лишь для того, чтобы приступить къ чтенію латинскихъ авторовъ, а въ IV и V классахъ полагается пройдти болѣе подробный синтаксисъ въ болѣе строгой системѣ.

Въ тѣхъ классахъ, въ которыхъ изучается латинскій синтаксисъ, по греческому языку проходится этимологія, и по окончаніи подробнаго латинскаго синтаксиса, въ VI классѣ (а буде ученики уже тверды въ этимологіи, то и во 2-е полугодіе V класса) назначается греческій синтаксисъ, при изученіи котораго слѣдуетъ обращать вниманіе учащихся на особенности синтаксическаго строя въ греческомъ языкѣ, сравнительно съ языкомъ латинскимъ.

Само собою разумѣется, что такое расположеніе граматическаго курса не должно препятствовать преподавателямъ, въ случаяхъ надобности при толкованіи авторовъ, сообщать ученикамъ такія правила, до которыхъ они еще не дошли въ курсѣ синтаксиса.

Лучшимъ средствомъ для утвержденія въ памяти учащихся этимологическихъ формъ, равно какъ и для уясненія и полнаго усвоенія синтаксическихъ правилъ, служатъ разнообразныя упражненія въ

употребленіи различныхъ формъ и оборотовъ; поэтому весь граматическій курсъ должно вести такъ, чтобы за наложеніемъ правилъ непремѣнно слѣдовали устныя и письменныя упражненія въ переводахъ. При этомъ латинскія и греческія фразы, служащія для объясненія правилъ, переводятся устно и отчасти заучиваются наизусть; устныя и письменныя упражненія состоятъ преимущественно въ переводахъ съ русскаго языка на изучаемый.

Какъ при изученіи граматики, такъ и при занятіяхъ устными и письменными переводами, необходимо, особенно въ низшихъ и среднихъ классахъ, обращать вниманіе на то, чтобы учащіеся непремѣнно твердо запоминали значеніе встрѣчающихся имъ латинскихъ и греческихъ словъ, а для сего записывали ихъ въ особыя тетради и отъ времени до времени повторяли. Такимъ образомъ они незамѣтно могутъ пріобрѣсти значительный запасъ словъ, при помощи котораго въ высшихъ классахъ въ состояніи будутъ съ большею легкостію читать назначенныхъ тамъ авторовъ.

Что касается до чтенія авторовъ, то требуется, чтобы изъ каждаго назначеннаго автора прочитывалось какъ можно болѣе, и чтобы ученики, окончивъ чтеніе извѣстнаго автора на урокахъ, въ состояніи были справляться съ нимъ и безъ помощи учителя. Опредѣлять съ точностію, сколько для этой цѣли слѣдуетъ прочитывать изъ каждаго автора, неудобно, но сдѣланныя въ учебномъ планѣ примѣрныя указанія при нѣкоторыхъ авторахъ могутъ служить основаніемъ для приблизительнаго расчета и относительно остальныхъ, при чемъ слѣдуетъ принимать во вниманіе, что чѣмъ болѣе учащіеся вчитываются въ извѣстнаго автора, тѣмъ болѣе можетъ быть прочитываемо въ теченіе урока.

При существованіи вводимаго нынѣ учебнаго плана, преподавателямъ древнихъ языковъ совѣтуется принять въ руководство нижеслѣдующія общія указанія:

А. *Относительно преподаванія граматики.*

1) Въ двухъ низшихъ классахъ не задается на домъ никакихъ работъ безъ предварительнаго, на сколько каждый разъ потребуется, разъясненія, а на первыхъ порахъ и разучиванія въ классѣ.

Количество задаваемыхъ для заучиванія словъ должно быть такое, чтобъ ученики могли выучивать ихъ очень твердо.

Непосредственно за усвоеніемъ произношенія латинскихъ буквъ, какъ при обученіи чтенію, такъ и въ продолженіе всего курса, постоянно слѣдуетъ строго наблюдать, чтобы ученики дѣлали ударенія на словахъ правильно, сообразуясь съ количествомъ предпослѣдняго слога, и только въ такомъ правильномъ относительно ударенія видѣ слова заучивали. Для этого преподаватель каждый отдѣлъ задаваемыхъ для заучиванія словъ долженъ предварительно самъ прочитать въ классѣ и потомъ заставлять то же прочитывать нѣсколько разъ учениковъ. Преподаватели знаютъ изъ опыта, какъ трудно бываетъ ученику разъ съ невѣрнымъ удареніемъ заученное слово переучивать потомъ въ его правильномъ видѣ. Точно то же соблюдается строжайше и относительно удареній въ греческомъ языкѣ. Для правильнаго произношенія словъ латинскихъ съ самаго начала вполнѣ достаточно ознакомить учениковъ только съ количествомъ слоговъ по положенію; все же остальное, касающееся количества, должно быть изложено въ просодіи и усвоено впослѣдствіи въ связи съ ознакомленіемъ учениковъ съ латинскимъ стихосложеніемъ. Само собою разумѣется, слѣдуетъ требовать, чтобы ученики, въ извѣстной постепенности изучая этимологію какъ латинскую, такъ и греческую, внимательно замѣчали и твердо запоминали количество слоговъ въ окончаніяхъ склоненій и спряженій.

2) При изученіи спряженій преподаватель постепенно знакомитъ учащихся съ различными временами латинскаго и греческаго глагола, давая на каждое изъ нихъ устныя и письменныя упражненія, и лишь вслѣдъ за симъ проходитъ полныя парадигмы. При прохожденіи спряженія преподаватель долженъ каждую глагольную форму латинскую или греческую точно перевести соотвѣтствующею въ русскомъ глаголѣ, или, если таковой въ русскомъ глаголѣ нѣтъ, то разъяснить ее описательно. Особенно необходимо, чтобы ученики не смѣшивали, какъ это большею частію дѣлается, подъ однимъ названіемъ *времени*, и время въ собственномъ смыслѣ, и видъ дѣйствія, чтобы не называли формы глагольныя временами, но чтобы въ каждой формѣ verbi finiti различали и *время* (наст., прошедш. и будущ.), и *видъ*, а въ формахъ verbi infiniti не искали обозначенія времени, котораго онѣ въ себѣ не заключаютъ, а обращали вниманіе на значеніе видовъ и на отношеніе verbi infiniti къ verbum finitum.

Формы глагольныя, по предварительномъ объясненіи, удобнѣе называть принятыми латинскими названіями, такъ какъ они и короче, и вѣрнѣе.

Такъ какъ цѣлью упражненій въ усвоеніи глагольныхъ формъ должно быть не только укрѣпленіе въ памяти окончаній, но также и разъясненіе смысла и значенія каждой глагольной формы, то особенно необходимо избѣгать употребленія фразъ, въ которыхъ бы, какъ это встрѣчается и въ нѣкоторыхъ учебникахъ, tempora relativa (imperf., plusquamperf. и futurum exactum) стояли отдѣльно и самостоятельно. Названныя *относительныя* формы въ примѣрахъ для упражненій непремѣнно должны быть поставляемы въ связи съ глаголомъ главнаго (абсолютно или относительно) предложенія. Только изъ такого сопоставленія выяснится относительное значеніе этихъ формъ и ученики не будутъ ихъ смѣшивать.

При систематическомъ изложеніи латинскаго синтаксиса въ IV и V классахъ требуется, чтобы на каждое изложенное правило былъ достаточный изъ лучшихъ авторовъ выборъ примѣровъ, на которыхъ, посредствомъ точнаго перевода на русскій языкъ, должно быть вполнѣ разъяснено отличіе латинскаго оборота отъ русскаго, и по крайней мѣрѣ по два примѣра на правило должны быть выучены наизусть. Упражненія въ переводахъ на правила съ русскаго на латинскій, столь необходимыя при прохожденіи методическаго курса первыхъ трехъ классовъ, въ IV и V классахъ могутъ быть допущены лишь въ самомъ ограниченномъ объемѣ, насколько они нужны для разъясненія самого правила, дабы они безплодно не отнимали времени отъ чтенія латинскихъ авторовъ. Вмѣсто такихъ упражненій въ переводѣ краткихъ отрывочныхъ фразъ съ русскаго на латинскій, для усвоенія синтаксическихъ правилъ въ IV и даже въ III классѣ слѣдуетъ уже давать ученикамъ для перевода съ русскаго на латинскій небольшія, но цѣльныя статьи, преимущественно повѣствовательнаго содержанія.

4) При изученіи греческихъ склоненій и спряженій въ III и IV классахъ опускаются подробности съ тѣмъ, чтобы вводить ихъ въ курсъ при повтореніи этимологіи въ V классѣ. Выигрываемое такимъ образомъ время употребляется на практическія упражненія, имѣющія цѣлью закрѣпить пройденное въ памяти и сознаніи учениковъ.

5) Правила объ измѣненіи буквъ въ греческомъ языкѣ указываются при склоненіяхъ и спряженіяхъ по мѣрѣ надобности и уже въ концѣ этимологическаго курса въ IV классѣ проходятся въ системѣ.

6) Въ пятомъ классѣ греческая этимологія пополняется опущенными прежде подробностями, и вмѣстѣ съ тѣмъ ученики знакомятся съ главными особенностями гомерическаго діалекта.

Б. *Относительно письменныхъ упражненій.*

1) Письменныя упражненія главнымъ образомъ состоятъ въ переводахъ съ отечественнаго языка на изучаемый и должны быть въ связи съ тѣмъ, что̀ проходится изъ граматики, а по возможности и съ читаемыми въ каждомъ классѣ авторами.

2) Преподаватели наблюдаютъ, чтобы эти упражненія писались тщательно и чисто; просматриваютъ ихъ, отмѣчаютъ ошибки и затѣмъ, по надлежащемъ разъясненіи ошибокъ, требуютъ исправленія ихъ учениками.

3) Назначеніе письменныхъ упражненій въ различныхъ классахъ дѣлается по слѣдующему распредѣленію:

а) По латинскому языку.

Въ низшихъ трехъ классахъ письменныя упражненія дѣлаются только въ классахъ. При этомъ должно имѣть въ виду, уже съ низшихъ классовъ, подготовлять учениковъ такъ, чтобы въ высшихъ классахъ они могли писать подъ диктовку прямо латинскій переводъ, не записывая русскаго подлинника.

Въ низшихъ двухъ классахъ на письменныя упражненія и разъясненіе усмотрѣнныхъ въ нихъ преподавателемъ, при исправленіи ихъ у себя на дому, ошибокъ, полагается по 2 урока въ недѣлю.

Въ третьемъ классѣ ученики пишутъ по крайней мѣрѣ по одному классному упражненію въ недѣлю, но могутъ быть задаваемы и домашнія письменныя работы.

Въ четвертомъ и пятомъ классахъ въ одну недѣлю дѣлается письменное упражненіе въ классѣ, а въ другую задается на домъ.

Въ шестомъ, седьмомъ и восьмомъ классахъ домашнія письменныя упражненія назначаются въ двѣ недѣли разъ; но, сверхъ того, на урокахъ, по назначенію преподавателя, дѣлаются extemporalia, которыя слѣдуетъ вести такъ, чтобы ученики диктуемый учителемъ русскій текстъ прямо со словъ учителя переводили письменно на латинскій языкъ.

Въ восьмомъ классѣ домашнія письменныя упражненія состоятъ изъ переводовъ съ русскаго языка на латинскій или же изъ сочиненій на темы историческаго содержанія.

б) По греческому языку.

Въ третьемъ и четвертомъ классахъ письменныя упражненія дѣлаются только въ классѣ.

Въ *третьемъ* классѣ (со втораго полугодія, а если можно, то и прежде)—такъ же, какъ по латинскому языку во второмъ.

Въ *четвертомъ* классѣ — такъ же, какъ по латинскому языку въ третьемъ.

Начиная съ *пятаго* класса, могутъ быть даваемы письменныя упражненія и на домъ, но во всякомъ случаѣ требуется, чтобы ученики еженедѣльно дѣлали письменный переводъ либо въ классѣ, либо дома. Extemporalia должны состоять преимущественно въ диктовкѣ русскихъ фразъ, заимствованныхъ изъ греческихъ авторовъ, прочтенныхъ въ продолженіе послѣдней недѣли, съ тѣмъ, чтобы ученики сейчасъ же письменно переводили эти фразы на греческій, не записывая ихъ по русски. Такія extemporalia обязательны въ *седьмомъ* и *восьмомъ* классахъ, но желательно, чтобы они давались уже и въ *шестомъ* классѣ.

В. *Относительно чтенія авторовъ.*

1) Чтенію каждаго автора предпосылается краткая его біографія и самыя необходимыя свѣдѣнія о томъ родѣ произведеній, къ которому относится избранное для чтенія сочиненіе.

2) При чтеніи авторовъ должно требовать твердаго знанія словъ и при спрашиваніи ихъ обращать вниманіе на точное ихъ значеніе, указывая, по мѣрѣ возможности, и на ихъ происхожденіе; затѣмъ слѣдуетъ тщательно разъяснять синтаксическія соотношенія словъ и дѣлать требуемыя содержаніемъ объясненія изъ исторіи, географіи, словесности, миѳологіи и древностей.

3) Всѣ грамматическіе вопросы должны быть направляемы къ тому, чтобы разъяснить ученикамъ мысль автора или удостовѣриться, понято ли данное объясненіе; но не слѣдуетъ прерывать объясненіе и переводъ читаемаго текста вопросами, служащими лишь къ повторенію склоненій и спряженій: такіе вопросы должны быть предлагаемы, если въ нихъ есть надобность, при спрашиваніи вокабулъ.

4) Пока ученики привыкаютъ къ чтенію новаго автора, то переводъ дѣлается по возможности дословный, и переведенное мѣсто повторяется, дабы передать его языкомъ литературнымъ; впрочемъ переводъ по содержанію долженъ постоянно быть близокъ къ подлиннику. При чтеніи прозаиковъ рекомендуется упражнять учениковъ въ обратномъ переводѣ, особенно на первыхъ порахъ, пока ученики еще не привыкли къ читаемому автору. Повтореніе прочитаннаго со-

вѣтуется не относить исключительно къ концу учебнаго года, предъ экзаменами, а производить по дидактическимъ соображеніямъ.

5) Отъ времени до времени слѣдуетъ требовать, чтобы ученики связно разсказывали содержаніе извѣстнаго прочитаннаго отдѣла: иначе переводимые въ каждый урокъ небольшіе отрывки теряютъ въ памяти учениковъ взаимную связь. Такіе разсказы могутъ дѣлаться не только по русски, но и по латыни.

6) Поэтическія произведенія читаются непремѣнно по размѣрамъ [1]), при чемъ дѣлаются необходимыя объясненія изъ просодіи и метрики.

Необходимо во всѣхъ классахъ заставлять учениковъ заучивать наизусть избранныя мѣста какъ изъ поэтовъ, такъ и изъ прозаиковъ; задаваемыя для заучиванія наизусть мѣста предварительно читаются, переводятся и объясняются.

Уже съ низшихъ классовъ слѣдуетъ пріучать учащихся къ близкому къ подлиннику, но вмѣстѣ съ тѣмъ и вполнѣ соотвѣтствующему духу русскаго языка переводу какъ отдѣльныхъ словъ, такъ и оборотовъ въ читаемыхъ древнихъ авторахъ. Для этой цѣли слѣдуетъ, параллельно съ переводами съ русскаго на изучаемые языки, задавать письменные переводы съ древнихъ языковъ на русскій. Въ этихъ переводахъ должны быть воспроизводимы по русски не только вполнѣ вся мысль переводимаго мѣста изъ автора, но и всѣ оттѣнки выраженія чистымъ и литературнымъ русскимъ языкомъ. Такія работы съ большою пользою могутъ быть задаваемы ученикамъ всѣхъ классовъ и на лѣтнія вакаціи. Для усовершенствованія учениковъ въ правильномъ и изящномъ переводѣ съ древнихъ языковъ на русскій, полезно, спрашивая въ классѣ переводъ заданнаго изъ автора мѣста, требовать, чтобы ученикъ, предварительно прочитавъ по латыни или по гречески отдѣлъ, содержащій въ себѣ законченный смыслъ, переводилъ его по русски уже не повторяя еще разъ того или другаго латинскаго или греческаго слова, передачей котораго онъ затрудняется, дабы смѣшеніемъ и чередованіемъ, какъ это обыкновенно дѣлается при отвѣтахъ учениковъ, русскихъ словъ съ латинскими или греческими, не нарушать связности рѣчи и цѣлости смысла; на неправильности же въ переводѣ того или другаго слова или оборота останавливать, не называя самыхъ словъ, и заставлять другихъ учени-

---

[1]) За исключеніемъ сложныхъ лирическихъ размѣровъ въ греческихъ трагедіяхъ.

ковъ отыскивать болѣе вѣрное и подходящее выраженіе. При такомъ пріемѣ въ сильной степени возбуждается вниманіе всего класса и является болѣе настоятельная необходимость для каждаго слѣдить за отвѣтомъ товарища, а равно и основательнѣе готовиться къ урокамъ, ибо отнимается возможность отдѣлываться поверхностнымъ приготовленіемъ и приниматься за разборъ отдѣльныхъ словъ и оборотовъ тогда только, когда уже спрашиваютъ урокъ, и продѣлывать въ классѣ съ помощью преподавателя ту работу, которая должна быть исполнена ученикомъ самимъ и дóма.

Сверхъ того обращается вниманіе преподавателей на относящіяся къ нимъ замѣчанія, высказанныя въ учебныхъ планахъ по русскому языку и словесности (стр. 34, п. 4; 37, п. 4 и 38, абзацъ 3-й) и по исторіи (стр. 96 въ концѣ и 94—96).

Учебный планъ логики.

VII классъ (1 урокъ).

Понятіе о логикѣ какъ формальной наукѣ мышленія.

А. Основныя формы мышленія.

1. *Понятія:* признаки, содержаніе и объемъ понятій. Родъ и видъ. Отвлеченіе и ограниченіе понятій.

2. *Сужденія*: раздѣленіе сужденій по количеству и качеству.—Сужденія категорическія, условныя и раздѣлительныя.

3. *Умозаключенія*: непосредственныя умозаключенія.—Посредственныя умозаключенія или силлогизмы. Категорическій силлогизмъ и его четыре фигуры.—Условныя и раздѣлительныя умозаключенія.

Энтимема и эпихерема. Дилемма. Софизмы (petitio principii и под.).

Соритъ. Наведеніе. Аналогія.

Б) Основные законы мышленія.

1. Законъ тождества и противорѣчія.
2. Законъ исключеннаго третьяго.
3. Законъ достаточнаго основанія.

В) Методы или пути мышленія.

1. *Опредѣленіе и раздѣленіе.* Виды опредѣленія (номинальное и реальное, опредѣленіе генетическое). Условія правильности опредѣленія. Правила раздѣленія.

2. *Индуктивные или эмпирическіе пути мышленія.* Наблюденіе. Опытъ. Индукція per enumerationem simplicem.

Методы опытнаго изслѣдованія: методъ согласія, методъ разницъ, методъ сопутствующихъ измѣненій и методъ остатковъ.

Эмпирическіе законы.—Гипотеза.—Экспериментъ.

3. *Умозрительные пути мышленія.* Анализъ и синтезъ. Методъ аналитическій и методъ синтетическій. Понятіе о наукѣ какъ системѣ.

Какъ учебныя руководства при преподаваніи логики должны быть приняты, впредь до появленія болѣе удовлетворительныхъ, одобренныя ученымъ комитетомъ, сочиненія: Элементарная логика Струве и Философская пропедевтика Румпеля, переводъ Цейдлера.

Объяснительная записка къ учебному плану логики.

Въ объяснительной запискѣ къ уставу гимназій 1871 года (см. стр. 83 и 84 Сборн. постановл. и распор. по гимн. и прогимн.) указано, что преподаваніе логики въ VII-мъ классѣ гимназій признано необходимымъ «какъ въ видахъ формальнаго развитія учениковъ и пріученія ихъ къ болѣе отчетливому и самостоятельному мышленію, такъ и въ видахъ подготовки ихъ къ университету сообщеніемъ изъ логики и болѣе доступныхъ частей философіи такихъ свѣдѣній, которыя тотчасъ же пригодятся значительному большинству изъ нихъ при изученіи какъ наукъ юридическихъ, такъ и философскихъ и филологическихъ. Неизлишне ознакомленіе съ этою областью знаній и для тѣхъ юношей, которымъ впослѣдствіи придется изучать науки физико-математическія и естественныя, а также и медицинскія. При этомъ имѣется въ виду та же цѣль, что и при введеніи преподаванія очерка естественной исторіи, именно ознакомленіе съ главнѣйшими данными науки и возбужденіе къ ней любознательности. Въ этихъ видахъ и въ заграничныхъ гимназіяхъ въ высшемъ ихъ классѣ преподается такъ-называемая философская пропедевтика».

Подъ болѣе доступными частями философіи, о которыхъ говорится въ приведенномъ указаніи, можно разумѣть собственно только психологію. Элементарныя свѣдѣнія изъ этой науки въ соединеніи съ формальною логикой и образуютъ тотъ курсъ философской пропедевтики, который преподается въ старшемъ классѣ нѣмецкихъ гимназій. Присоединеніе элементовъ психологіи къ гимназическому курсу логики желательно какъ въ виду общеупотребительности психологическихъ

терминовъ, такъ и потому, что уже самое опредѣленіе логики, какъ науки о формахъ, законахъ и методахъ мышленія, естественно вызываетъ вопросъ о самомъ мышленіи, какъ психическомъ процессѣ, и о его отношеніи къ другимъ душевнымъ дѣятельностямъ.

Но психологія есть наука еще неустановившаяся, и подъ этимъ терминомъ разумѣются многіе весьма между собою различные предметы. Хотя старинное различіе между раціональною психологіей (составлявшей часть метафизики) и психологіей опытной уже не существуетъ въ прежнемъ своемъ значеніи, такъ какъ болѣе нѣтъ раціональной психологіи какъ общепризнанной науки (какъ это было въ извѣстной степени во времена Вольфа); но, съ одной стороны, на мѣсто ея явилось столько же раціональныхъ психологій, сколько существуетъ системъ умозрительной философіи, а съ другой стороны—независимо отъ этихъ послѣднихъ является попытка установить психологію какъ одну изъ положительныхъ наукъ, которая въ тѣснѣйшей связи съ физіологіей должна опредѣлить отношеніе психическихъ дѣятельностей къ физіологическимъ процессамъ въ организмѣ или даже прямо генетически вывести первыя изъ послѣднихъ. Понятно, что эта возникающая психо-физіологія такъ же мало можетъ быть предметомъ гимназическаго преподаванія, какъ психологическія ученія различныхъ нынѣ существующихъ философскихъ системъ уже по тому одному, что физіологія столь же неизвѣстна ученикамъ, какъ и тѣ философскія системы. Съ другой стороны нельзя, разумѣется, воскрешать въ гимназіяхъ старинную раціональную психологію, какъ основанную на извѣстныхъ умозрительныхъ началахъ частію невѣрныхъ, частію же и недоступныхъ для учениковъ. Такимъ образомъ элементы психологіи для гимназическаго преподаванія могутъ находиться только въ той области, которая въ старину опредѣлялась такъ называемою опытною психологіей, т. е., эти элементы могутъ состоять лишь въ простомъ описаніи основныхъ психическихъ дѣятельностей и состояній, какъ фактически данныхъ въ сознаніи, съ указаніемъ ихъ взаимнаго отношенія.

Преподаваніе такой элементарной психологіи можетъ происходить приблизительно по слѣдующему плану:

Основные виды психическаго бытія: воля, представленіе и чувство.

1. (*Область воли*). Стремленія (объ инстинктахъ). Желанія. Собственно воля (о характерѣ).

2. (*Область представленія*). Впечатлѣнія внѣшнихъ чувствъ, возбуждающія дѣятельность представленія. Ощущенія, какъ чисто-пси-

хическія состоянія, образующія матеріалъ представленій. Собственно представленія. Память. Рефлексія или отвлеченное представленіе (мышленіе). Творческое представленіе или воображеніе.

3. (*Область чувства*). Внутреннія чувства или душевныя волненія.

Къ этому могутъ присоединяться ad libitum отдѣльныя психологическія наблюденія: о темпераментахъ, снѣ и сновидѣніяхъ и т. п. Очеркъ элементарной психологіи находится въ одобренной ученымъ комитетомъ „Философской пропедевтикѣ" Румпеля.

Что касается вообще до преподаванія логики и психологіи въ гимназіяхъ, то кромѣ тѣхъ чисто педагогическихъ цѣлей, которыя указаны въ вышеприведенномъ мѣстѣ изъ объяснительной записки къ уставу гимназій, это преподаваніе можетъ и должно достигать еще нѣкоторыхъ положительныхъ результатовъ. Изложеніе логики, какъ науки о чистыхъ формахъ мышленія всеобщихъ и необходимыхъ, должно сообщить ученикамъ понятіе о мышленіи какъ проявленіи безусловной разумности, формально независимой отъ внѣшняго эмпирическаго матеріала, и слѣдовательно, должно предохранить ихъ отъ заблужденій односторонняго эмпиризма. Подобнымъ же образомъ въ психологіи уже простое, но точное описаніе элементарныхъ проявленій души—ощущеній какъ чисто-внутреннихъ или субъективныхъ состояній, несводимыхъ ни къ какому вещественному опредѣленію, а напротивъ предполагаемыхъ всякимъ вещественнымъ опредѣленіемъ, дѣлаетъ логически-невозможнымъ основное заблужденіе ходячаго матеріализма, забывающаго именно, что субъективныя состоянія по самому существу ихъ несводимы къ бытію объективному.—Эти двѣ цѣли достигаются сами собою при основательномъ изложеніи формальной логики и элементарной психологіи, при чемъ было бы не только безполезно, но и вредно, еслибы преподаватель вдавался въ область высшей умозрительной философіи, еслибы, напримѣръ, говоря объ основныхъ душевныхъ дѣятельностяхъ, онъ сталъ толковать о душѣ какъ субстанціи и о ея безсмертіи, по поводу воли сталъ бы рѣшать вопросъ о свободѣ и необходимости и т. п. Ибо хотя, вообще говоря, было бы желательно, чтобы ученики гимназій познакомились съ философскимъ оправданіемъ нѣкоторыхъ высшихъ истинъ, извѣстныхъ имъ изъ другаго источника, каковы истины бытія Божія, безсмертія души, свободы воли; но такъ какъ ни возрастъ учащихся, ни размѣры курса не позволили бы излагать философскія основанія этихъ истинъ съ достаточною полнотою и послѣдовательностью, а отрывочныя и безсвязныя разсужденія на эти темы могли бы только принести вредъ,

то лучше преподавателю не вдаваться въ изслѣдованіе этихъ вопросовъ, ограничиваясь только необходимымъ указаніемъ на нихъ. На тѣхъ же основаніяхъ теорія познанія не должна входить въ гимназическій курсъ логики.

Систематическое преподаваніе логики, какъ само собою разумѣется, постоянно должно сопровождаться соотвѣтственными практическими упражненіями. Наконецъ, отнесеніе логики къ VII классу гимназій вызывается какъ тѣмъ, что курсъ этого класса, по неимѣнію въ немъ устныхъ испытаній, нѣсколько продолжительнѣе курса VIII класса, такъ и еще болѣе тѣмъ, что пріобрѣтенными въ VII классѣ свѣдѣніями изъ логики желательно воспользоваться въ VIII классѣ при разборѣ философскихъ сочиненій Платона и Цицерона и тѣмъ болѣе развить и упрочить тѣ свѣдѣнія.

Учебный планъ математики и математической географіи.

По уставу гимназій, на математику, математическую географію, физику и естествовѣдѣніе назначено 37 уроковъ. Изъ нихъ 6 уроковъ должны быть посвящены на физику и 2 на естествовѣдѣніе. Такъ какъ на физику будетъ употреблено по 2 урока въ VI, VII и VIII классахъ, а на естествовѣдѣніе 2 урока въ VI классѣ, то число уроковъ по математикѣ и математической географіи, во всякомъ случаѣ, будетъ не менѣе 29-и, изъ которыхъ: по четыре урока въ I, II, III, IV и V классахъ, два въ VI, три въ VII и четыре въ VIII классѣ. Эти уроки должны быть распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

Въ I классѣ—всѣ четыре урока на ариѳметику.

Во II классѣ—всѣ четыре урока также на ариѳметику.

Въ III классѣ—два урока на окончаніе ариѳметики и 2 урока на алгебру.

Въ IV и V классахъ—по два урока употребить на алгебру и по два же на геометрію.

Въ VI классѣ—одинъ урокъ посвятить на алгебру и одинъ урокъ на геометрію.

Въ VII классѣ—употребить два урока на тригонометрію и одинъ урокъ на окончаніе алгебры.

Въ VIII классѣ посвятить одинъ урокъ на математическую географію и три урока на повтореніе всего пройденнаго по математикѣ и на сообщеніе понятія о приложеніи алгебры къ геометріи.

Въ тѣхъ гимназіяхъ, гдѣ не будетъ преподаваться естествовѣдѣніе, въ VI классѣ на преподаваніе математики прибавится 2 урока. Эти прибавочные уроки должны быть употреблены на усиленіе упражненій въ рѣшеніи алгебраическихъ и геометрическихъ задачъ и на прохожденіе части курса VII класса, съ цѣлію выгадать въ послѣднемъ время для повторенія пройденнаго по математикѣ въ предшествующихъ классахъ.

Примѣрныя программы математики и математической географіи.

Въ поясненіе плана преподаванія математики и математической географіи прилагается примѣрная программа этихъ наукъ, которою вполнѣ точно опредѣляется и объемъ ихъ, и система преподаванія.

Ариѳметика.

I классъ (4 урока).

Нумерація десятичной системы. Повтореніе дѣйствій надъ цѣлыми отвлеченными числами. Таблицы русскихъ мѣръ наглядно и съ объясненіемъ. Раздробленіе и превращеніе именованныхъ чиселъ. Дѣйствія надъ составными именованными числами. Устное и письменное рѣшеніе задачъ. Ознакомленіе съ простѣйшими дробями.

II классъ (4 урока).

Признаки дѣлимости чиселъ на 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9 и 10. Разложеніе чиселъ на простые множители. Дѣйствія надъ обыкновенными и десятичными дробями какъ отвлеченными, такъ и именованными. Періодическія дроби. Ознакомленіе учащихся съ метрическою системою мѣръ. Объ отношеніяхъ и пропорціяхъ. Устное и письменное рѣшеніе задачъ, относящихся ко всему пройденному.

III классъ (2 урока).

Приложеніе ариѳметическихъ дѣйствій къ рѣшенію разнаго рода задачъ такъ называемыхъ: правила тройнаго простаго и сложнаго, правила процентовъ, учета векселей, правила цѣпнаго, пропорціональнаго дѣленія и смѣшенія.

Примѣчаніе. Въ VIII классѣ ариѳметика повторяется вмѣстѣ съ алгеброю.

Алгебра.

III классъ (2 урока).

Упражненія, служащія для перехода отъ ариѳметики къ алгебрѣ; алгебраическое знакоположеніе. Нахожденіе численныхъ величинъ алгебраическихъ выраженій. Соединеніе подобныхъ алгебраическихъ количествъ. Сложеніе, вычитаніе и умноженіе одночленовъ и многочленовъ. Дѣленіе одночленовъ. Рѣшеніе простѣйшихъ уравненій 1-й степени съ одною неизвѣстною и задачъ, къ нимъ относящихся.

IV классъ (2 урока).

Дѣленіе многочленовъ. Разложеніе алгебраическихъ выраженій на множителей и нахожденіе общаго наименьшаго кратнаго нѣсколькихъ данныхъ количествъ.

Дѣйствія надъ алгебраическими дробями.

Рѣшеніе опредѣленныхъ уравненій I степени съ одною и многими неизвѣстными и составленіе уравненій изъ условій данной задачи.

Возвышеніе одночленовъ въ степени и извлеченіе корней изъ одночленовъ. Возвышеніе многочленовъ въ квадратъ. Извлеченіе квадратныхъ корней изъ чиселъ и алгебраическихъ количествъ.

Пропорціи и примѣненіе ихъ къ рѣшенію задачъ.

V классъ (2 урока).

Рѣшеніе простѣйшихъ уравненій II степени съ одною неизвѣстною и задачъ, къ нимъ относящихся.

Изслѣдованіе уравненій I степени и рѣшеніе квадратныхъ уравненій съ одною неизвѣстною и задачъ, къ нимъ относящихся.

Общее изслѣдованіе квадратнаго уравненія и свойства корней этого уравненія. Свойство трехчлена II степени. Рѣшеніе простѣйшихъ уравненій II степени съ двумя неизвѣстными.

Дѣйствія надъ радикалами.

Рѣшеніе неопредѣленныхъ уравненій I степени и задачъ, сюда относящихся.

VI классъ (1 урокъ).

Прогрессіи и приложеніе ихъ къ рѣшенію задачъ.

Логариѳмы; примѣненіе ихъ къ вычисленіямъ и къ рѣшенію задачъ.

VII классъ (1 урокъ)

Общій наибольшій дѣлитель.

Извлеченіе кубическихъ корней.

Непрерывныя дроби и ихъ простѣйшія примѣненія.

Теорія сочетаній. Биномъ Ньютона.

Геометрія.

IV классъ (2 урока).

Прямая и круговая линіи; мѣра прямой линіи.

Прямолинейные углы и понятіе о мѣрѣ ихъ.

Свойства перпендикулярныхъ и наклонныхъ линій.

Равенство треугольниковъ и свойства ихъ.

Свойства параллельныхъ линій. О четыреугольникахъ и многоугольникахъ вообще.

О кругѣ. Свойства хордъ, сѣкущихъ, касательныхъ и мѣра угловъ, составленныхъ этими линіями.

Объ относительныхъ положеніяхъ двухъ круговъ.

О треугольникѣ и правильныхъ многоугольникахъ, вписанныхъ въ кругъ и описанныхъ около него.

V классъ (2 урока).

Пропорціональность прямыхъ линій и подобіе треугольниковъ и многоугольниковъ.

Главнѣйшія соотношенія между сторонами треугольника и четыреугольника и другими линіями, проведенными въ нихъ.

Пропорціональныя линіи въ кругѣ. О вычисленіи сторонъ правильныхъ многоугольниковъ, вписанныхъ въ кругѣ и описанныхъ около него.

О предѣлахъ; объ отношеніи окружностей.

Понятіе о вычисленіи отношенія окружности круга къ діаметру.

Несложныя задачи на построеніе и численные примѣры, относящіеся къ каждому изъ пройденныхъ отдѣловъ.

Измѣреніе и отношеніе площадей прямолинейныхъ фигуръ, круга и его частей.

О взаимномъ положеніи прямыхъ линій и плоскостей въ пространствѣ.

Главныя свойства двугранныхъ и многогранныхъ угловъ.

Главныя свойства и условія равенства пирамидъ и призмъ и о правильныхъ многогранникахъ.

Измѣреніе поверхностей призмъ и пирамидъ.

VI классъ (1 урокъ).

Измѣреніе объемовъ призмъ и пирамидъ.

О подобныхъ многогранникахъ.

О происхожденіи конуса, цилиндра и шара и о ихъ сѣченіяхъ.

Измѣреніе поверхностей и объемовъ конуса, цилиндра, шара и его частей.

Отношеніе поверхностей и объемовъ подобныхъ цилиндровъ и конусовъ, а также поверхностей и объемовъ шаровъ.

Прямолинейная тригонометрія.

VII классъ (2 урока.)

Предметъ тригонометріи. Тригонометрическія величины. Соотношенія тригонометрическихъ величинъ одного и того же угла.

Измѣненіе тригонометрическихъ величинъ съ измѣненіемъ угла отъ 0° до 360°.

Выраженіе синуса, косинуса и тангенса суммы и разности двухъ угловъ.

Выраженіе синуса, косинуса и тангенса двойнаго угла и половины угла. Отношеніе суммы синусовъ двухъ угловъ къ ихъ разности.

Понятіе о вычисленіи натуральныхъ тригонометрическихъ чиселъ. Употребленіе тригонометрическихъ таблицъ.

Соотношенія между сторонами и углами прямоугольнаго треугольника. Рѣшеніе прямоугольныхъ треугольниковъ.

Соотношенія между сторонами и углами косоугольныхъ треугольниковъ.

Рѣшеніе косоугольныхъ треугольниковъ. Вычисленіе площадей.

Измѣреніе линій и угловъ на земной поверхности. Простѣйшіе угломѣрные инструменты. Приложеніе прямолинейной тригонометріи къ производству различныхъ измѣреній на мѣстности.

VIII классъ (3 урока).

Повтореніе всего пройденнаго по математикѣ, при чемъ ариѳметика повторяется въ связи съ алгеброй и при повтореніи курса алгебры

рѣшается возможно большее число задачъ въ дополненіе къ тѣмъ, которыя были рѣшены въ предыдущихъ классахъ. Кромѣ того сообщается понятіе о приложеніи алгебры къ геометріи.

Математическая географія.

VIII классъ (1 урокъ).

Видимый горизонтъ. Страны горизонта. Суточное движеніе небеснаго свода. Ось и полюсы міра. Высота звѣздъ и азимутъ. Экваторъ и меридіанъ. Опредѣленіе высоты полюса. Склоненіе и прямое восхожденіе.

Шаровидность земли. Широта и долгота мѣста на земной поверхности. Истинный видъ земли.

Вращеніе земли около оси. Объясненіе кажущагося суточнаго движенія небеснаго свода. Звѣздныя сутки. Истинныя и среднія солнечныя сутки. Видимое годовое движеніе солнца. Объясненіе этого движенія солнца движеніемъ земли. О календаряхъ.

Движеніе луны и ея фазы. Солнечныя и лунныя затмѣнія.

Понятіе о движеніи планетъ. Законы Кеплера.

О кометахъ и падающихъ звѣздахъ.

Учебный планъ физики.

Кромѣ предметовъ, входившихъ у насъ до 1872 г. въ гимназическій курсъ физики, необходимо было ввести въ этотъ курсъ преподаваніе нѣкоторыхъ другихъ физическихъ предметовъ, оказавшихся въ последнее время весьма важными, именно: спектральный анализъ и троякое дѣйствіе луча—свѣтовое, теплородное и химическое, а также объясненія давленія на точку плавленія, какъ основаніе для объясненія ледниковъ. Къ физикѣ слѣдуетъ также отнести ученіе о метеорахъ, которое прежде входило въ составъ космографіи.

Хотя число уроковъ физики, по новому уставу гимназій, осталось то же самое, то-есть, 6 уроковъ, но такъ какъ въ курсъ физики вводятся вышеозначенные предметы, то нѣкоторыя части ея необходимо вовсе выпустить, а другія сократить. И именно къ первымъ относятся: дѣйствіе гальваническихъ токовъ на токи, термоэлектричество и удары шаровъ. Сокращенію подлежатъ преимущественно передъ другими: теплородъ, свѣтъ, индукція и лучистая теплота. Равновѣсіе простыхъ машинъ разсматривается только въ случаѣ параллельныхъ силъ. Отраженіе свѣта отъ вогнутаго сферическаго зеркала

должно быть разобрано при помощи математическихъ формулъ; но отраженіе свѣта отъ выпуклаго сферическаго зеркала и преломленіе въ трехгранной призмѣ и сферическихъ стеклахъ слѣдуетъ разсмотрѣть только съ качественной, а не съ количественной стороны.

Относительно означенныхъ сокращеній слѣдуетъ замѣтить, что вообще желательно, чтобы познанія учащихся были прочны и основательны: лучше ограничиться небольшимъ числомъ фактовъ по каждому отдѣлу явленій и изучить ихъ вполнѣ, чѣмъ имѣть огромное количество поверхностныхъ свѣдѣній.

Такъ какъ для яснаго пониманія многихъ физическихъ явленій нужны свѣдѣнія изъ химіи, которая въ свою очередь основывается на законахъ физики, то необходимо сообщить ученикамъ понятія о главнѣйшихъ химическихъ явленіяхъ; но должно смотрѣть на нихъ какъ на прибавленіе, а не какъ на составную часть курса физики.

На основаніи сказаннаго, преподаваніе физики раздѣляется на три части, по одной на каждый годъ. 1-я часть проходится въ VI классѣ и содержитъ: предварительныя общія понятія; ученіе о тѣлахъ твердыхъ, жидкостяхъ и газахъ и краткій очеркъ важнѣйшихъ химическихъ явленій. 2-я часть преподается въ VII классѣ и заключаетъ въ себѣ: теплородъ; магнитизмъ; электричество статическое, электричество динамическое и свѣтъ. 3-я часть назначается для VIII класса и заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи: движеніе, звукъ и атмосферныя явленія. Сверхъ того въ концѣ учебнаго года въ этомъ классѣ повторяется весь курсъ физики въ послѣдовательномъ порядкѣ.

Къ сему прилагается подробная программа физики, составленная на основаніи предыдущихъ соображеній.

Примѣрная программа физики.

Шестой классъ (2 урока).

Предварительныя понятія. Три состоянія тѣлъ: твердое, жидкое и газообразное. Вѣсъ; плотность.

Общія свойства тѣлъ. Ноніусъ и верніеръ.

Расширеніе при нагрѣваніи; устройство и употребленіе термометра.

Изслѣдованіе явленій. Наблюденія, опытъ и гипотеза.

О силахъ. Законъ дѣйствія и противодѣйствія. Сложеніе и разложеніе силъ.

О тяжести и вѣсѣ по гипотезѣ Ньютона. Центръ тяжести. Равновѣсіе вѣсомыхъ тѣлъ.

Рычагъ. Вѣсы: обыкновенные (съ равноплечимъ коромысломъ) и Роберваля. Блокъ, воротъ, зубчатыя колеса. Наклонная плоскость. Клинъ и винтъ.

О центробѣжной силѣ.

Нахожденіе удѣльнаго вѣса твердыхъ и жидкихъ тѣлъ.

О жидкостяхъ. Законъ передачи гидростатическаго давленія. Форма равновѣсія невѣсомой жидкости, подъ вліяніемъ силы взаимнаго притяженія частицъ. Равновѣсіе вѣсомой жидкости. Давленіе вѣсомой жидкости на дно и стѣнки сосудовъ. Сегнерово колесо. Сообщающіеся сосуды. Равновѣсіе вѣсомыхъ тѣлъ, погруженныхъ въ жидкость. Тѣла плавающія. Опредѣленіе удѣльнаго вѣса тѣлъ чрезъ гидростатическое взвѣшиваніе. Понятіе объ ареометрахъ съ постояннымъ вѣсомъ; спиртомѣръ.

Законы смачиванія и волосности. Смѣшиваніе и просачиваніе жидкостей.

О газахъ. Вѣсъ и давленіе атмосфернаго воздуха. Потеря вѣса тѣлъ въ воздухѣ. Аэростаты. Простѣйшіе баромеры: съ чашечкой и сифонный. Барометръ Бурдона. Приложенія барометра. Пневматическая машина. Понятіе о сгустительномъ насосѣ. Манометры для опредѣленія упругости сжатаго газа: ртутный и Бурдона, Героновъ шаръ. Всасывающій и нагнетательный водяные насосы. Понятіе о гидравлическомъ прессѣ. Сифонъ. Ливеръ. Маріотовъ сосудъ. Диффузія газовъ.

Приложеніе I. *Краткій очеркъ важнѣйшихъ химическихъ явленій.* Описаніе химическихъ и физическихъ свойствъ и важнѣйшихъ химическихъ соединеній кислорода, водорода, хлора, сѣры, азота, фосфора и углерода. Законы химическихъ явленій. Металлы. Понятіе о кислотѣ и соли.

Седьмой классъ (2 урока).

Теплородъ. Нагрѣваніе жидкостей и газовъ. Понятіе о лучистой теплотѣ. Теплопроводность. Понятіе о количествѣ и единицѣ теплорода. Опредѣленіе средней температуры смѣшенія. Теплоемкость; калориметръ Фавра и Зильбермана. Переходъ тѣлъ изъ одного состоянія въ другое. О скрытомъ теплородѣ. Понятіе о нахожденіи коэффиціентовъ расширенія твердыхъ тѣлъ, жидкостей и газовъ. Топленіе. Качества нормальнаго термометра. Наполненіе термометриче-

скаго прибора жидкостью; опредѣленіе на термометрѣ постоянныхъ точекъ. О парахъ. Понятіе объ опредѣленіи упругости паровъ. Испареніе жидкостей въ газахъ. Законъ Дальтона. О влажности; гигрометръ Реньо; гигроскопъ Соссюра. Приложенія упругости водяного пара: котелъ Папина и машина Уата. Источники тепла и холода. Теплота небесныхъ тѣлъ. Температура внутреннихъ слоевъ земли. Треніе, сжатіе, ударъ. Химическія явленія. Органическая жизнь.

Магнитизмъ. Магниты естественные и искусственные. Намагничиваніе желѣза и стали. Гипотеза магнитныхъ жидкостей. Магнитизмъ земнаго шара.

Электричество отъ тренія. Проводники и непроводники электричества. Взаимное дѣйствіе наэлектризованныхъ тѣлъ. Два рода электричества. Электроскопъ. Гипотеза электрическихъ жидкостей. Распространеніе электричества въ тѣлахъ. Электричество чрезъ вліяніе. Электрофоръ. Электрическая машина. Конденсаторъ и приложеніе его къ лейденской банкѣ и электроскопу.

Гальванизмъ. Освобожденіе электричества при химическихъ явленіяхъ. Термины гальваническаго тока. Гальваническіе элементы. Дѣйствіе гальваническаго тока на магнитную стрѣлку. Понятіе о гальванометрахъ. Формула Ома и ея слѣдствія. Законы электровозбудительныхъ силъ и сопротивленій. О гальваническихъ батареяхъ. Дѣйствіе гальваническаго тока на организмъ. Нагрѣваніе проводниковъ. Химическое дѣйствіе тока. Сравненіе количествъ электричествъ: статическаго и динамическаго. Гальванопластика. Электромагнитизмъ. Электромагнитный телеграфъ. Понятіе объ электромагнитныхъ двигательныхъ машинахъ.

Индукція чрезъ замыканіе и размыканіе гидроэлектрической цѣпи и чрезъ намагничиваніе и размагничиваніе желѣза гальваническимъ токомъ или магнитами. Спираль Румкорфа.

О свѣтѣ. Прямолинейное распространеніе и скорость свѣта (по Рёмеру). Законы силы свѣта. Фотометръ Румфорда. Законы отраженія свѣта. Отраженіе отъ одного и двухъ плоскихъ зеркалъ. Свѣтъ разсѣянный и правильно отраженный. Отраженіе въ сферическихъ зеркалахъ. Законы преломленія свѣта. Полное внутреннее отраженіе. Камера-люцида. Преломленіе въ срединахъ, ограниченныхъ плоскостями: параллельными и наклоненными другъ къ другу подъ угломъ. Преломленіе свѣта въ сферическихъ стеклахъ. Камера-обскура. Волшебный фонарь. Солнечный микроскопъ. Хроматизмъ. Объясненіе естественныхъ красокъ. Окрашенныя средины. Фрауенгоферовы линіи. Понятіе

о спектральномъ анализѣ. Законы свѣторазсѣянія. Возможность устройства ахроматическаго и апланатическаго стекла. О глазѣ и зрѣніи. Очки. Простой и сложный микроскопы. Трубы: Кеплера, подзорная и Галилея. Понятіе о катоптрическихъ телескопахъ. О лучахъ теплородныхъ и химическихъ. Понятіе о фотографіи.

Восьмой классъ (2 урока).

О движеніи вообще. Разные роды движенія. Скорость и ускореніе. Сопротивленія движенію. Свободное паденіе. Машина Атвуда. Движеніе брошенныхъ тѣлъ. Маятникъ. Вытеканіе жидкостей чрезъ малыя отверстія. Волнообразное движеніе воды. О звукѣ. Высота, скорость, сила, отраженіе и интерференція звука. Діатоническая гамма. Законы дрожанія струнъ и воздуха въ духовыхъ инструментахъ. Резонаторы. Камертонъ Дека. Оттѣнки звука.

Приложеніе II. *Приложеніе физики къ объясненію атмосферныхъ явленій:* 1) Измѣненіе температуры въ продолженіе сутокъ и года. Обстоятельства, отъ которыхъ зависитъ климатъ мѣста. Водяные метеоры. О вѣтрахъ. Источники. Рѣки. Озера. Атмосферное электричество. Полярныя сіянія. 2) Оптическіе метеоры. Вліяніе атмосферы на нагрѣваніе земной поверхности.

Учебный планъ естествовѣдѣнія [1]).

На естествовѣдѣніе въ гимназіяхъ полагается по уставу два урока въ одномъ изъ высшихъ классовъ. Уроки эти слѣдуетъ помѣстить въ курсѣ VI класса, на томъ основаніи, что ученики этого класса, сравнительно съ учениками V и двухъ старшихъ классовъ, менѣе имѣютъ занятій и вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно развиты для того, чтобы усвоить свѣдѣнія изъ естествовѣдѣнія.

Задача этого краткаго курса должна состоять въ ознакомленіи учениковъ съ важнѣйшими изъ тѣлъ природы и ихъ взаимными соотношеніями.

Чтобы распредѣлить эти уроки по возможности раціонально, необходимо принять во вниманіе, что здѣсь должно заботиться не только о простомъ сообщеніи свѣдѣній, но также о формальномъ развитіи учениковъ, при чемъ эти послѣдніе, уже достаточно развитые

---

[1]) Остается безъ измѣненія въ томъ видѣ, какъ былъ утвержденъ въ 1872 г.

предыдущимъ классическимъ курсомъ, легко могутъ познакомиться и съ методомъ естественно-историческимъ.

Наиболѣе удобно распредѣлить эти уроки по нижеслѣдующему плану:

1) Общій очеркъ строенія земнаго шара.

2) Измѣненія въ строеніи земной коры, вызываемыя вліяніемъ вулканическихъ явленій, атмосферы, воды и органической природы.

3) Краткое обозрѣніе важнѣйшихъ горныхъ породъ, минераловъ, ихъ составляющихъ и въ нихъ вкрапленныхъ.

4) Краткое понятіе о строеніи и жизни растеній.

5) Очеркъ классификаціи растеній, съ краткою характеристикой важнѣйшихъ формъ.

6) Общая характеристика класса млекопитающихъ животныхъ, содержащая въ себѣ понятія о строеніи ихъ тѣла и отправленіи различныхъ органовъ.

7) Общее сравнительное обозрѣніе другихъ позвоночныхъ животныхъ.

8) Понятіе о главнѣйшихъ представителяхъ другихъ типовъ царства животныхъ.

9) Очеркъ системы царства животныхъ.

Примѣрная программа естествовѣдѣнія.

А. *Свѣдѣнія изъ естественной исторіи земной коры.*

1. Форма земнаго шара и его главныя составныя части: атмосфера, вода и земная кора; ихъ качественныя и количественныя отношенія.

2. Видъ земной коры горизонтальный: равнины и горы; долины и плоскія возвышенности; отдѣльныя горы и группы горъ и горныя цѣпи. Вертикальный разрѣзъ земной коры и схематическое объясненіе расположенія въ ней важнѣйшихъ группъ горныхъ породъ. Понятіе о формаціяхъ осадочныхъ, изверженныхъ и первичныхъ.

3. Понятіе о вулканизмѣ. Дѣйствующіе и потухшіе вулканы. Образованіе вулкановъ: конусъ поднятія и конусъ изверженія, кратеръ поднятія и кратеръ изверженія. Описаніе Везувія, въ его настоящемъ и прежнемъ видѣ, какъ примѣръ вулкановъ и ихъ вліянія на измѣненіе земной коры. Подводные вулканы. Понятіе о землетрясеніяхъ. Растрескиваніе и пониженіе земной поверхности.

4. Вліянія на измѣненія въ строеніи земной коры: атмосферы, воды и органической природы:

a) Вывѣтриваніе горныхъ породъ, подъ вліяніемъ влажной атмосферы, и разрушающее дѣйствіе воды, механическое и химическое.

b) Ледники, условія ихъ образованія и строенія.

c) Растительныя образованія: кремнистая накипь и торфъ. Животныя образованія. Коралловые острова и раковинныя мели.

5. Краткое обозрѣніе важнѣйшихъ горныхъ породъ, минераловъ, ихъ составляющихъ и въ нихъ вкрапленныхъ:

a) Гранитъ и его видоизмѣненія: плотный гранитъ, гнейсъ, сіэнитъ; минералы, составляющіе эти горныя породы, и ихъ свойства.

b) Зеленые камни. Трахитъ, базальтъ, лавы.

c) Сланцы, мраморъ, известняки, глины и песчаники, каменные угли, графитъ и алмазъ. Сѣра, горныя масла.

d) Важнѣйшія желѣзныя, мѣдныя, свинцовыя, оловянныя и серебряныя руды.

e) Понятіе объ обработкѣ рудъ. Золото, платина и ртуть.

Примѣчаніе. Главу 5-ю полезнѣе проходить, по изложеніи горизонтальнаго обозрѣнія земной коры.

Б. *Свѣдѣнія изъ естественной исторіи растеній* (ботаника).

1. Сѣмя растеній, его части и прорастаніе.

2. Краткое морфологическое обозрѣніе важнѣйшихъ органовъ растеній: корень, стебель, листъ, цвѣтокъ и плодъ.

3. Элементарное строеніе растеній; клѣточки и сосуды; растительныя ткани; понятіе о питаніи и размноженіи растеній.

4. Краткая характеристика растеній: крестоцвѣтныхъ, зонтичныхъ, мотыльковыхъ, сложноцвѣтныхъ, сережчатыхъ, хвойныхъ, злаковъ и пальмъ. Понятіе о споровыхъ растеніяхъ.

5. Понятіе о классификаціи растеній. Системы искусственныя и естественныя. Системы Линнея и де-Кандоля.

В. *Свѣдѣнія изъ естественной исторіи животныхъ* (зоологія).

1. Общая характеристика млекопитающихъ.

Органы движенія: скелетъ и мускулы.

Органы пищепріемные и пищеваренія.

Органы дыханія и кровообращенія.

Нервная система и органы чувствъ.

Понятіе о важнѣйшихъ отправленіяхъ различныхъ системъ орга-

новъ. (Въ этой характеристикѣ подразумѣваются и аналогическое строеніе и отправленія органовъ у человѣка).

2. Краткая сравнительная характеристика другихъ позвоночныхъ животныхъ съ млекопитающими.

3. Основанія классификаціи царства животныхъ. Типы царства животныхъ (по Беукарту), раздѣленіе типовъ на классы и примѣры формъ для типовъ безпозвоночныхъ животныхъ.

Учебный планъ исторіи.

Для изученія исторіи полагается два курса: а) курсъ краткій, эпизодическій, въ III и IV-мъ классахъ, и б) курсъ систематическій, въ V, VI, VII и VIII-мъ классахъ. На основаніи вышесказаннаго, преподаваніе исторіи распредѣляется по классамъ слѣдующимъ образомъ:

Въ III-мъ классѣ сообщаются свѣдѣнія о главныхъ событіяхъ и личностяхъ изъ исторіи древняго Востока, Греціи и Рима и о главныхъ событіяхъ и личностяхъ, относящихся къ утвержденію христіанства въ Европѣ.

Въ IV-мъ классѣ сообщаются свѣдѣнія о главныхъ событіяхъ и личностяхъ изъ отечественной и всеобщей средней и новой исторіи.

Въ V-мъ классѣ излагается систематическій курсъ древней греческой и римской исторіи.

Въ VI-мъ классѣ излагаются: въ первое полугодіе исторія среднихъ вѣковъ, а во второе полугодіе отечественная исторія до Іоанна III включительно.

Въ VII-мъ классѣ излагаются: сначала новая исторія до войны за испанское престолонаслѣдіе; затѣмъ русская исторія отъ Василія III Іоанновича до Петра Великаго отдѣльно отъ всеобщей и, наконецъ, русская исторія съ Петра Великаго до кончины Императрицы Екатерины II въ связи со всеобщею исторіею.

Въ VIII-мъ классѣ проходится русская исторія въ связи со всеобщею отъ временъ Императора Павла I до нашихъ дней и повторяется весь систематическій курсъ исторіи съ дополненіями преимущественно по древней греческой и римской исторіи.

Объяснительная записка къ учебному плану исторіи.

I.

Два курса исторіи вводятся по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) дабы сколь возможно болѣе примѣнить учебный матеріалъ къ ум-

ственнымъ и нравственнымъ потребностямъ учащихся разныхъ возрастовъ; 2) дабы сильнѣе развить въ курсѣ исторіи тѣ воспитательные элементы, которые свойственны исторіи, какъ учебному предмету; 3) дабы возможно было самые крупные факты всей исторіи пройдти два раза съ учениками разныхъ возрастовъ и чрезъ то прочнѣе утвердить ихъ въ памяти учениковъ, и 4) дабы изученіе древней исторіи греческой и римской поставить въ большую связь съ изученіемъ древнихъ языковъ.

II.

Въ обоихъ курсахъ отечественная исторія излагается параллельно со всеобщею, но въ прямой связи между собою лишь съ того времени, когда связь между ними становится вполнѣ очевидною, то-есть, со времени Петра Великаго, ибо только при такомъ изложеніи: 1) Россія не выдѣляется изъ своей связи съ другими европейскими государствами, и историческое значеніе ея можетъ быть представлено въ болѣе яркомъ свѣтѣ; 2) многія событія какъ всеобщей, такъ и отечественной исторіи, чрезъ сопоставленіе между собою, лучше уясняются, и 3) представляется болѣе возможности, не смотря на чрезвычайную обширность предмета, сосредоточить вниманіе учащихся на отечественной исторіи, безъ ущерба однако же для изученія средней и новой всеобщей исторіи въ главнѣйшихъ событіяхъ.

III.

Каждый изъ двухъ вышеупомянутыхъ курсовъ исторіи преслѣдуетъ свои особыя дидактическія и педагогическія задачи.

Курсъ эпизодическій долженъ: 1) ознакомить учащихся съ наиболѣе доступными имъ чертами изъ жизни и характера великихъ историческихъ дѣятелей, равно какъ и съ самыми важными событіями; 2) онъ долженъ дать матеріалъ, при помощи котораго можно было бы пріучить учащихся къ связному и послѣдовательному разсказу; 3) онъ долженъ утвердить въ памяти учащихся хронологическія данныя, касающіяся событій, упоминаемыхъ въ семъ курсѣ; 4) упражняя память, этотъ курсъ долженъ въ то же время содержаніемъ своимъ дѣйствовать на воображеніе, на облагороженіе нравственнаго чувства учениковъ, на пробужденіе и укрѣпленіе въ нихъ любви къ отечеству.

Систематическій курсъ имѣетъ задачею: 1) сообщить ученикамъ въ болѣе связномъ видѣ событія, имѣющія всемірно-историческое значеніе, изъ средней и новой исторіи, и систематически изложить древнюю и отечественную исторію; 2) кромѣ памяти, этотъ курсъ главнымъ образомъ долженъ упражнять мышленіе и въ особенности развить въ ученикахъ способность и воспріимчивость къ пониманію исторіи при дальнѣйшемъ изученіи ея въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а именно: къ пониманію связи между событіями, къ различенію причинъ и послѣдствій, побужденій, поводовъ и цѣлей, и такъ далѣе; 3) нравственное чувство учениковъ при прохожденіи этого курса должно быть укрѣплено убѣжденіемъ, что судьба человѣчества постоянно улучшается, хотя и медленно, и что добрыя начинанія отдѣльныхъ лицъ, не смотря на всѣ противодѣйствія имъ, никогда не остаются безъ добрыхъ послѣдствій.

IV.

Курсъ эпизодическій начинается съ древней исторіи: 1) потому что этотъ отдѣлъ исторіи даетъ болѣе матеріала, соотвѣтствующаго умственнымъ потребностямъ отроческаго возраста, и 2) чтобы учащіеся, ознакомившись съ главными событіями древней исторіи, имѣли возможность сознательнѣе относиться къ фактическому содержанію, извлекаемому изъ чтенія классиковъ на урокахъ латинскаго и греческаго языковъ. На этомъ основаніи въ III-мъ классѣ главнымъ образомъ проходится исторія Греціи и Рима въ эпизодахъ. Къ эпизодической исторіи Греціи и Рима, сверхъ того, присоединяется изложеніе фактовъ, относящихся къ утвержденію христіанства въ Европѣ, въ видахъ достиженія нравственныхъ цѣлей, преслѣдуемыхъ этимъ курсомъ. Въ IV-мъ классѣ ученики знакомятся съ главными событіями и личностями изъ отечественной и всеобщей средней и новой исторіи.

При выполненіи программы эпизодическаго курса, должно имѣть въ виду слѣдующія соображенія: 1) Исторія Евреевъ, извѣстная уже ученикамъ изъ курса священной исторіи, служитъ средоточіемъ для всей древней исторіи Востока. Это сдѣлано, между прочимъ, и съ тою цѣлію, чтобы дать возможность учителю рѣзче представить тѣ духовныя преимущества, которыми отличался народъ еврейскій въ средѣ другихъ народовъ древняго міра. 2) Въ отдѣлъ исторіи Греціи и Рима должно войдти связное обозрѣніе всѣхъ главныхъ внѣшнихъ событій. 3) Изъ историческихъ личностей преимущественно нужно останавли-

ваться только на такихъ, которыя возвышаются надъ другими или своимъ необыкновеннымъ умомъ, или своею нравственною чистотою, или необыкновенною твердостію воли, или всѣми этими свойствами вмѣстѣ. 4) Біографіи не должны быть слишкомъ подробны и сложны; мелочныя свѣдѣнія, не характеризующія дѣятелей, должны быть опускаемы. 5) Всѣ историческія лица должны быть представлены такъ, чтобы не казалось, что они дѣйствуютъ подъ вліяніемъ только внѣшнихъ обстоятельствъ. 6) При изложеніи событій не слѣдуетъ входить въ разъясненіе сложныхъ политическихъ комбинацій, а при описаніи сраженій—въ мелочныя подробности. 7) Въ обоихъ курсахъ, преимущественно же въ эпизодическомъ, должно быть опускаемо все, что не только нарушаетъ приличіе, оскорбляетъ нравственное чувство, но и то, что можетъ произвести тяжелое впечатлѣніе на учениковъ. 8) Относительно подробностей, которыя могутъ быть допускаемы въ курсѣ, необходимо руководиться слѣдующимъ: а) біографіи лицъ, высоконравственныхъ и принесшихъ бо̀льшую пользу, разсказываются уже въ эпизодическомъ курсѣ на столько подробно, чтобы въ систематическомъ курсѣ можно было ограничиться только повтореніемъ пройденнаго прежде, чѣмъ значительно облегчится прохожденіе такого обширнаго предмета, какъ исторія, и б) разсказы о событіяхъ и лицахъ изъ древней и отечественной исторіи занимаютъ болѣе мѣста въ сравненіи съ разсказами о лицахъ и событіяхъ всеобщей средней и новой исторіи.

V.

Что касается систематическаго курса средней и новой исторіи, то двоекратное прохожденіе исторіи даетъ возможность, при его изученіи, опираться въ извѣстной степени на познанія и свѣдѣнія, усвоенныя учениками изъ курса эпизодическаго, а съ другой стороны сдѣланное въ его пользу передвиженіе вверхъ, т. е., въ высшіе классы, даетъ право расчитывать на сравнительно бо̀льшую зрѣлость возраста и пониманія учениковъ, для которыхъ онъ предназначается. Поэтому считается возможнымъ въ шестомъ, а отчасти и въ седьмомъ классѣ—проходить отдѣльно всеобщую и русскую исторію, и дать первой бо̀льшую противъ прежняго полноту и цѣлостность, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы отчетливое знаніе отечественной исторіи составляло первостепенную цѣль преподаванія и чтобы внутренняя связь между обѣими частями не только не была разрываема, но, напротивъ, выясняема

съ возможною настоятельностію и многосторонностію. Всеобщая исторія, проходимая въ теченіе первыхъ полугодій VI-го и VII-го класса, должна заранѣе выяснить обстановку, среди которой русскій народъ явился на сцену исторической дѣятельности, и впередъ указывать тѣ условія его развитія, которыя находились внѣ его и были даваемы общимъ ходомъ міровой исторіи. Желательно, чтобы при такомъ предваряющемъ положеніи систематическаго курса всеобщей исторіи въ отношеніи къ русской, отечественная исторія все-таки никогда не была опускаема изъ виду, т. е., чтобы при прохожденіи всеобщей исторіи ученикамъ все-таки были припоминаемы уже извѣстные имъ факты изъ русской исторіи, въ которыхъ обнаруживаются ея связи съ общеевропейскою исторіею; а съ другой стороны совершенно необходимо, чтобы при объясненіи русской исторіи снова было возвращаемо вниманіе къ теченію соотвѣтствующихъ событій всемірной исторіи. Указаннымъ способомъ преподаваніе можетъ быть ведено до той эпохи, когда Русская Имперія начинаетъ принимать очевидное и постоянное участіе въ общеевропейской исторіи, уже дѣлающее излишнимъ и неудобнымъ дальнѣйшее раздѣленіе относящихся сюда отдѣловъ.

Нижеслѣдующія замѣчанія должны служить къ объясненію ниже предлагаемой примѣрной программы и указаніемъ пунктовъ, на которые должно быть обращаемо наибольшее вниманіе.

При прохожденіи общей исторіи среднихъ вѣковъ, преимущественно имѣются въ виду слѣдующія ея стороны:

1) Идеи и стремленія, перешедшія къ новому міру по наслѣдству отъ древняго (представленіе объ единой имперіи, вліяніе римскаго права, возрожденіе наукъ).

2) Борьба европейскаго христіанскаго міра съ азіатскими кочевниками и мусульманствомъ, начало которой находится еще въ древней исторіи.

3) Ближайшія соотношенія русской исторіи съ византійскою и обще-славянскою.

4) Взаимныя отношенія двухъ великихъ племенъ, вновь явившихся на поприщѣ историческомъ, т. е., германскаго и славянскаго.

5) Процессъ образованія новыхъ національностей изъ различныхъ племенныхъ элементовъ (особенно въ Англіи и Франціи), при чемъ полезно указывать также на исторію образованія новѣйшихъ языковъ.

6) Общія характеристическія явленія средневѣковаго быта: имперія и папство въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, феодализмъ и рыцарство, города и третье сословіе.

7) Главнѣйшія и основныя черты государственнаго быта (возвышеніе или упадокъ королевской власти, образованіе парламента).

1) Вопросу о водвореніи Германцевъ на земляхъ Западной Римской имперіи слѣдуетъ предпослать общій и краткій взглядъ на состояніе Римской имперіи во второй половинѣ IV вѣка, при чемъ 1, слѣдуетъ остановить вниманіе на противоположности между западными провинціями имперіи, гдѣ господствовала римская образованность вмѣстѣ съ латинскимъ языкомъ, и восточными областями, гдѣ преобладающее значеніе имѣла греческая образованность и языкъ, служившій ея органомъ. Здѣсь объясняется, что правительственное раздѣленіе имперіи на двѣ половины (при Валентиніанѣ I и Валентѣ) въ сущности соотвѣтствовало этому внутреннему раздѣленію. 2, Слѣдуетъ указать на обстоятельства, облегчившія Германцамъ завоеваніе римскихъ земель: a) на политическое разстройство и нравственный упадокъ имперіи и b) на предшествовавшую мирную, но по своимъ размѣрамъ весьма обширную колонизацію германскаго племени въ предѣлахъ имперіи.

2) При изложеніи событій великаго переселенія народовъ слѣдуетъ отмѣчать факты, въ которыхъ представители церкви являются защитниками и руководителями мѣстнаго покореннаго населенія, и вообще имѣть въ виду значеніе церкви, какъ хранительницы римскихъ преданій и древняго образованія, своею нравственною силою сдерживавшей разрушительныя стремленія варваровъ.

3) Вопросъ о возвышеніи папства разсматривается въ связи съ исторіею Римской имперіи (Византіи) при иконоборческихъ императорахъ, при чемъ указывается на обстоятельства, вызвавшія разрывъ стараго Рима съ Византіею и сближеніе римскаго епископа съ франкскими маіордомами, а за тѣмъ объясняется, какъ союзъ Каролингскаго дома съ папскимъ престоломъ, скрѣпленный дѣятельностію Бонифація, повелъ, съ одной стороны, къ возвышенію Каролинговъ на степень королей, потомъ императоровъ, а съ другой — къ основанію духовнаго преобладанія папъ на Западѣ и свѣтской ихъ власти въ Италіи.

4) При разсказѣ о Карлѣ Великомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что войны, имъ веденныя, имѣли не только политическій характеръ, но и религіозный, распространяли не только границы Франкской монархіи, но и область духовнаго господства римской церкви (продолженіе дѣла Бонифація), а также на то, что, благодаря завоеваніямъ Карла, достигнуто было объединеніе германскихъ и роман-

скихъ народовъ, грозное и опасное для разъединеннаго греко-славянскаго міра (первыя столкновенія съ западными Славянами). Коронованіе Карла императоромъ разсматривается:

а) по отношенію къ западному романо-германскому міру, какъ выраженіе его единства, и

б) по отношенію къ Византіи, какъ похищеніе чужихъ правъ, выразившееся въ стремленіи лишить новый Римъ его законнаго наслѣдства.

5) При изложеніи отдѣловъ византійской исторіи слѣдуетъ, между прочимъ, указывать на то, что она была: a) хранительницею церковныхъ преданій и древней образованности, b) оплотомъ Европы противъ нападенія азіатскихъ народовъ и c) просвѣтительницею славянскихъ племенъ.

6) Исторія Славянъ не должна быть помѣщаема на заднемъ планѣ и внѣ всякой связи съ ходомъ всемірной исторіи; напротивъ, слѣдуетъ постоянно обращать вниманіе на отношенія Славянъ: а) къ германскому племени, давленіе котораго они испытывали съ самаго начала своей исторической жизни, и б) къ Восточной имперіи, съ которою они находились въ религіозной и политической связи, другими словами: исторія западныхъ Славянъ излагается рядомъ съ исторіею Западной Римско-Германской имперіи, съ которою они находились въ постоянной борьбѣ, а исторія восточныхъ Славянъ въ связи съ исторіею Восточной или Византійской имперіи.

7) На историческое происхожденіе феодализма кратко указывается при распаденіи монархіи Карла Великаго; а объясненіе феодальнаго строя относится къ эпохѣ его полнаго развитія и соединяется съ общею характеристикою основныхъ явленій средневѣковой жизни. Въ отдѣлѣ, посвященномъ этой характеристикѣ, излагается средневѣковая теорія о двухъ мечахъ, т. е., объ отношеніи папской власти къ императорской, и затѣмъ папство разсматривается какъ политическая сила, опирающаяся на единство власти и на большія моральныя и матеріальныя средства. — Феодальный строй разсматривается 1) со стороны его іерархической лѣстницы: a) король, b) герцоги, графы и маркизы (прежнія государственныя власти, сдѣлавшіяся наслѣдственными) и c) бароны и ленники; 2) со стороны взаимныхъ отношеній между сюзереномъ и вассаломъ или ленникомъ, и 3) со стороны отношеній къ низшимъ, т. е., земледѣльческимъ классамъ, при чемъ обращается особенное вниманіе на соединеніе владѣльческихъ правъ на землю съ государственнымъ правомъ суда.

8) Слѣдуетъ указывать на различіе въ характерѣ феодализма во Франціи и Англіи и на послѣдствія такого различія для положенія королевской власти въ той и другой странѣ, а также на союзъ папства и феодализма, направленный противъ власти императорской въ Германіи и объясняющій ея упадокъ.

9) Въ отдѣлѣ „упадокъ имперіи и папства" 1, подъ рубрикою „столѣтняя англо-французская война" а) слѣдуетъ указать на то, что причины торжества Англіи надъ Франціей заключались въ томъ, что въ Англіи всѣ сословія уже сложились въ одну націю и что выставляемыя ею военныя силы были не сословнымъ, а всенароднымъ войскомъ, тогда какъ во Франціи сословія находились еще въ полномъ разъединеніи и вся военная сила заключалась почти въ одномъ рыцарствѣ. б) Указывается на значеніе войны для усиленія парламента въ Англіи и королевской власти во Франціи. 2, Въ вопросѣ о Чехіи слѣдуетъ обратить вниманіе на тотъ фактъ, что а) Чехія въ XIV и XV вѣкахъ была одною изъ самыхъ образованныхъ странъ Европы и b) что въ Чехіи еще сохранились въ то время слѣды проповѣди св. Кирилла и Меѳодія. 3, Въ вопросѣ о Византіи а) объясняется причина равнодушія вообще всей западной Европы къ судьбѣ Византіи во время нападенія на ея владѣнія Турокъ и указывается на своекорыстную политику Генуезцевъ; b) послѣ разсказа о паденіи Византіи указывается, что Россія частію унаслѣдовала отъ Византіи историческое призваніе ея относительно Восточной Европы и что Славяне являются первымъ изъ европейскихъ народовъ въ борьбѣ съ Турками.

10) Въ отдѣлѣ объ эпохѣ Возрожденія слѣдуетъ обратить вниманіе а) на вліяніе древней греческой образованности на Европу сначала чрезъ Арабовъ, а потомъ чрезъ Византійцевъ и b) на выходъ европейской науки подъ вліяніемъ знакомства съ Греками изъ состоянія косности. Ученикамъ дается понять, что возрожденіе наукъ есть главное событіе, отдѣляющее новую исторію отъ среднихъ вѣковъ.

Въ главѣ „О реформаціи" слѣдуетъ обратить вниманіе: 1) на значеніе личной дѣятельности Лютера въ томъ отношеніи, что онъ въ своей реформѣ не сходилъ съ религіозной почвы; 2) на различіе ученій Лютера и Кальвина; 3) на существеннѣйшія отличія этихъ ученій отъ ученія православной церкви, и 4) на устройство церквей протестантскихъ.

Въ главѣ „Обзоръ главныхъ событій XVII-го вѣка въ Западной Европѣ", въ вопросѣ: 1) о Тридцатилѣтней войнѣ обращается вни-

маніе: а) на движеніе въ Чехіи, б) на шведскій періодъ войны, в) къ этому же пріурочивается указаніе на причины вмѣшательства Франціи въ войну: соперничество, возникшее въ XVI вѣкѣ между Франціей и Австріей. 2) Въ вопросѣ объ Англіи указывается, что Стюарты потеряли расположеніе націи не только за ограниченіе свободы религіозной и гражданской, но и вслѣдствіе ненаціональнаго направленія внѣшней своей политики. 3) Въ вопросѣ о Людовикѣ XIV слѣдуетъ обратить вниманіе: а) на мѣры къ усиленію промышленности и средствъ внѣшней обороны; б) на мѣры къ усиленію монархіи въ связи съ мѣрами, принятыми еще при Ришелье; в) указывается на особенный характеръ французскаго абсолютизма, способнаго столько же пренебрегать интересами собственной страны, какъ и правами иностранныхъ государствъ; г) уничтоженіе Нантскаго эдикта разсматривается какъ актъ столь же противный человѣколюбію, какъ и здравой политикѣ.

Въ главѣ „О возвышеніи Пруссіи" слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что это государство возвысилось и окрѣпло: 1) вслѣдствіе успѣховъ своего оружія, 2) вслѣдствіе бережливости нѣкоторыхъ королей и національнаго направленія внѣшней политики всѣхъ ихъ, и 3) указывается на участіе Россіи въ дѣлѣ усиленія Пруссіи въ XVIII столѣтіи.

При изложеніи средней и новой исторіи не всѣ вопросы разсматриваются съ одинаковою подробностію. Бо́льшія, относительно, подробности требуются при изложеніи слѣдующихъ вопросовъ: 1) Византія при Юстиніанѣ Великомъ; 2) Славяне при Св. Кириллѣ и Меѳодіѣ; 3) Оттонъ Великій; 4) споръ за инвеституру; 5) Иннокентій III-й; 6) Чехія при Гуссѣ; 7) возрожденіе наукъ; 8) реформа Лютера; 9) Тридцатилѣтняя война; 10) блестящій періодъ царствованія Людовика XIV [1]).

При изложеніи отечественной исторіи необходимо имѣть въ виду слѣдующее:

1. Въ курсъ вводятся факты изъ исторіи Польши тамъ, гдѣ это необходимо.

2. Въ преподаваніе, какъ и при всеобщей исторіи, входятъ глав-

---

[1]) При изложеніи всеобщей исторіи вносятся въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ имена знаменитыхъ писателей и ученыхъ безъ характеристики ихъ сочиненій.

нымъ образомъ факты изъ внѣшней исторіи; изъ бытовой исторіи вводятся только самыя крупныя явленія.

3. Явленія и событія свѣтлыя излагаются болѣе подробно.

4. Указывается вездѣ, гдѣ необходимо: а) на то, что русскому народу, въ пору историческаго его развитія, приходилось, вслѣдствіе условій внѣшней природы страны, преодолѣвать величайшія трудности, неизвѣстныя другимъ европейскимъ народамъ; б) на то, что Россіи постоянно приходилось выдерживать борьбу разомъ съ нѣсколькими внѣшними врагами, и в) на значеніе Россіи, какъ оплота для Европы противъ азіатскихъ варваровъ.

5. Въ XVIII вѣкѣ, при изложеніи событій въ связи со всеобщею исторіей, указывается на постепенное усиленіе вліянія Россіи на дѣла Европы.

6. Указывается, гдѣ необходимо, съ большею обстоятельностію на отношенія къ Россіи разныхъ европейскихъ государствъ.

Болѣе подробно излагаются событія изъ отечественной исторіи въ царствованіе Петра Великаго, Екатерины II-й и Александра I-го, а изъ событій означенныхъ царствованій: „Великая сѣверная война", „войны Турецкія" и „Отечественная война 1812 года".

Въ систематическомъ курсѣ древней исторіи, при прохожденіи его въ V классѣ, должно быть обращено особенное вниманіе на связное и болѣе подробное изложеніе внѣшнихъ событій (особенно такихъ, какъ греко-персидскія и пуническія войны), и на главнѣйшія лишь политическія учрежденія; при повтореніи же этого курса въ VIII классѣ: 1) слѣдуетъ разсмотрѣть съ большею обстоятельностію государственныя учрежденія Спарты и Аѳинъ, а изложеніе греко-персидскихъ войнъ въ этомъ классѣ должно между прочимъ: а) показать учащимся, что нравственныя силы народа имѣютъ гораздо больше значенія, чѣмъ силы физическія, и б) дать понять имъ, что процвѣтанію искусствъ и литературы въ Греціи сильно содѣйствовало то религіозное и національное воодушевленіе, которое было возбуждено войнами противъ Персовъ.

2. Для объясненія художественнаго направленія въ жизни Грековъ: а) при повтореніи миѳовъ въ VIII классѣ обращается особенное вниманіе на объясненіе значенія ихъ для поэтовъ и художниковъ эпохи исторической; б) при повтореніи историческаго періода указывается на фактахъ, что искусство и литература у Грековъ имѣли самую тѣсную связь съ религіозною и гражданскою ихъ жизнію; в) знаменитые писатели разсматриваются какъ представители умствен-

наго настроенія современнаго имъ общества, и г) указывается на колоссальныя заслуги греческаго народа по всѣмъ частямъ умственной дѣятельности и художественнаго творчества.

3. При изложеніи исторіи Рима въ V классѣ слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на періодъ наибольшаго внѣшняго могущества и внутренней крѣпости римскаго государства.

4. При изложеніи борьбы патриціевъ съ плебеями: а) съ большею обстоятельностію указывается учащимся, что тѣ и другіе обнаруживали во время ея умѣренность и самообладаніе, а при столкновеніи съ внѣшними врагами — мужество и самоотверженіе, и б) что съ уравненіемъ въ правахъ начинается время наибольшаго успѣха римскаго оружія и время проявленія ихъ политической мудрости въ дѣлѣ распространенія и сохраненія владычества надъ другими странами, а во внутреннемъ государственномъ быту указывается на теоретическое и практическое развитіе началъ права.

5. Слѣдуетъ указать, что упадокъ Рима зависѣлъ отъ утраты вышеуказанныхъ добродѣтелей и отъ несоотвѣтствія государственныхъ учрежденій новымъ условіямъ быта.

6. Пуническія войны, какъ сказано, излагаются болѣе подробно, потому что эти войны были вершиною могущества Римлянъ и началомъ упадка его.

7. Время Цицерона, при повтореніи курса исторіи въ VIII классѣ, излагается подробно на основаніи извѣстныхъ ученикамъ произведеній какъ самаго Цицерона, такъ и Цезаря и Саллюстія.

8. Въ періодъ имперіи, между прочимъ, указывается на разложеніе язычества, закончившееся утвержденіемъ христіанства.

Чтобы связать тѣснѣе изученіе древней греческой и римской исторіи съ изученіемъ древнихъ языковъ, желательно, чтобы время отъ времени ученикамъ предлагаемы были отрывки изъ писателей преимущественно историческихъ, для домашняго чтенія и устнаго пересказа на урокѣ, и для письменныхъ переводовъ. Для этой цѣли могутъ служить слѣдующія статьи: [1])

1. Изъ исторіи Греціи.

Ликургъ (Plut. Lyc. 3—5, 16—20, 24). Солонъ (Plut. Sol. 2, 3, 8, 11, 14, 23, 24). Пизистратъ (Herod. I, 59—65). Клисѳенъ (Herod.

[1]) Бо́льшая часть указанныхъ статей находится въ сборникѣ: „Historisches Quellenbuch zur alten Geschichte für obere Gymnasialklassen“, составленномъ Гербстомъ и Баумейстеромъ (Греція) и Вейднеромъ (Римъ).

V, 66, 69, 70, 72—78). Возстаніе іонійскихъ Грековъ (Herod. V, 23, 24, 35—38). Сраженіе при Мараѳонѣ (Herod. VI, 39—120). Сраженіе въ Ѳермопилахъ (Herod. VII, 201—228, 233). Аристидъ (Plut. Ar. 1, 2, 3, 4, 5, 7, 25). Аѳиняне и Дельфійскій оракулъ (Herod. VII, 139—143). Сраженіе при Саламинѣ (Herod. VIII, 74—76, 78—96). Сраженіе при Платеѣ (Herod. IX, 28—30, 44—47, 58—74). Сраженіе при Микале (Herod. IX, 96—106). Построеніе аѳинскихъ стѣнъ (Thuc. I, 89—97). Позднѣйшая судьба Павзанія и Ѳемистокла (Thuc. I, 128—138). Периклъ (Plut. Per. 7, 8, 12, 17, 24, 38). Силы Аѳинянъ предъ пелопонезскою войною (Thuc. II, 13—17). Рѣчь Перикла (Thuc. II, 34—44). Чума въ Аѳинахъ (Thuc. II, 50—53). Кровопролитіе въ Корцирѣ (Thuc. III, 81—84). Никій (Plut. Nic. 3, 4, 5, 6). Алкивіадъ (Plut. Alc. 1, 2, 7, 9—11, 16, 23). Походъ Аѳинянъ противъ Сициліи (Plut. Alc. 17; Nic. 12; Thuc. VI, 30, 32). Гибель аѳинской арміи въ Сициліи (Thuc. VII, 78—85). Лизандръ (Plut. Lys. 2, 7, 8, 16 — 17). Господство 30-ти и смерть Ѳерамена (Xen. Hell. II, 3, 11—4, 2). Освобожденіе Ѳивъ Пелопидомъ (Xen. Hell. V, 4, 1—12). Сраженіе при Левктрахъ (Xen. Hell. VI, 4, 4—16). Сраженіе при Мантинеѣ (Xen. Hell. VII, 5, 4). Демосѳенъ (Plut. Dem. 7, 12, 16, 28, 29, 30). Сраженіе при Херонеѣ (Dem. Cor. §§ 169—179, 188—195, 199 — 221). Александръ Великій (Plut. Alex. 3, 4, 5, 14, 23). Сраженіе при Граникѣ (Arrian. Anab. I, 13—16). Осада Тира (Arrian. Anab. II, 16—24). Смерть Клита (Plut. Alex. 50—52).

2. Изъ исторіи Рима.

Сказаніе объ основаніи Рима (Liv. I, 3—7). Похищеніе Сабинянокъ (Liv. I, 9—13). Смерть Ромула (Liv. I, 16). Избраніе Нумы (Liv. I, 18). Религіозныя учрежденія Нумы (Liv. I, 20). Разрушеніе Альбы-Лонги (Liv. I, 21—26, 29, 30). Формула договора при единоборствѣ Гораціевъ и Куріаціевъ (Liv. I, 24). Тарквиній Гордый (Liv. I, 49). Основаніе республики (Liv. II, 1—2). Заговоръ противъ республики (Liv. II, 3—5). Война съ Порсеною (Liv. II, 9—13). Война съ Латинцами (Liv. II, 19—21). Отшествіе плебеевъ на священную гору (Liv. II, 22 — 24, 27 — 33). Lex agraria Спур. Кассія (Liv. II, 41). Аппій и возмущеніе войска (Liv. II, 58—59). Децемвиры (Liv. III, 33—37, 44—49, 50—55). Камиллъ убѣждаетъ Римлянъ не оставлять Рима (Liv. V. 50—52). Образецъ суевѣрія римскаго (Liv. VIII, 18). Завоеваніе Рима Галлами (Liv. V, 33—49). Уравненіе въ пра-

вахъ плебеевъ съ патриціями (Liv. VI, 34, 35, 39—42). Первая Самнитская война (Liv. VII, 29—33). Вторая Самнитская война (Liv. VIII, 30—35). Кавдинскія ущелія (Liv. IX, 1—12). Третья Самнитская война (Liv. X, 18, 19, 27—30). Война съ Тарентомъ (Plut. Pyrrhos. 13 — 21, 28). Первая пуническая война (Polyb. I, 11, 12, 16—19, 20, 21, 23, 25—31, 40—41, 56, 58—63). Сраженіе при Каннахъ (Polyb. III, 107—118). Осада и завоеваніе Сиракузъ (Liv. XXIV, 33, 34; XXV, 23—31). Судьба Капуи (Liv. XXVI, 14—16). Сраженіе при Замѣ (Liv. XXX, 29—35, 37—43). Македонская война (Liv. XXXI, 5—8, 29—32, 44; XXXII, 19—23; XXXIII, 5—12, 30—33; XXXIX, 23—29; XLI, 22—24; XLII, 11—13; XLII, 47; XLIV, 20—22, 36—42; XLV, 35 — 41). Изъ Сирійской войны: сраженіе при Магнезіи (Liv. XXXVIII, 37—44). Миръ съ Антіохомъ (Liv. XXXVIII, 38; Polyb. XXII, 26). Разрушеніе Карѳагена (Polyb. X, 15—16). Слѣдствія разрушенія Карѳагена (Sall. Hist. I, 11—12). Слѣдствія азіатскихъ войнъ (Liv. XXXIX, 6). Упадокъ государственной религіи (Liv. XXXIX, 8 — 19; XL, 29). Цензорство Катона (Liv. XXXIX, 40—44). Тиверій Гракхъ (Plut. Tib. 8—14, 16—19). К. Гракхъ (Plut. C. Gr. 1 — 5, 8 — 11, 13 — 17). Мнѣніе Саллюстія о Гракхахъ (De bello Jug. c. 42). Характеръ правленія оптиматовъ (Sall. bell. Jug. c. 3, 31, 85). Кимвры и Тевтоны (Plut. Mar. 11—27). Ливій Друзъ, союзническая война. Сульпицій Руфъ, Корнелій Цинна, жестокость Марія (Vell Pat. 11, 13—22). Диктатура Суллы (Plut. Sulla. 33). Заговоръ Катилины (Dio Cass. 37, 10, 29—36). Консульство Юлія Цезаря (Dio Cass. 38, 1—11). Изгнаніе Цицерона (Dio Cass. 38, 12—17, 30, 39, 6—11). Политическое положеніе Цицерона по возвращеніи въ Римъ (Cic. ad. Fam. I, 9). Смерть Порція Катона (Dio Cass. 43, 10 — 11). Единовластіе и смерть Юлія Цезаря (Dio Cass. 44, 22—35, 50—51, 53). Смерть Цицерона (Liv. CXX. Plut. Cic. 49).

Примѣчаніе. Само собою разумѣется, что вездѣ, гдѣ необходимо указаніе на значеніе тѣхъ или другихъ историческихъ странъ, событій, сословій, лицъ и т. п.,—указанія эти дѣлаются посредствомъ фактовъ, а не однихъ отвлеченныхъ сужденій.

VI.

Разъясненіе каждаго урока при прохожденіи эпизодическаго курса должно преслѣдовать слѣдующія цѣли: а) ученики должны научиться правильно произносить и писать всѣ собственныя имена; б) должны

умѣть вкратцѣ перечислить въ послѣдовательномъ порядкѣ главные факты; в) должны научиться отыскивать на географической картѣ или въ атласѣ всѣ встрѣтившіяся географическія данныя; г) должны правильно понять всѣ трудныя мѣста учебника. Этихъ цѣлей легче можно достигнуть чтеніемъ въ классѣ учебника (удобнѣе самими учениками) и объясненіемъ содержанія его. Такой пріемъ представляетъ слѣдующія важныя удобства: а) ученики вызываются къ большей самодѣятельности, такъ какъ каждый урокъ будетъ состоять въ бесѣдѣ учителя съ учениками, и б) всѣ дополненія, которыя могутъ быть сдѣланы учителемъ на урокѣ, легче удержатся въ памяти учениковъ, ибо эти дополненія будутъ пріурочены къ извѣстному ученикамъ мѣсту въ учебникѣ. Но при этомъ пріемѣ устные разсказы учителя не устраняются; они допускаются въ томъ случаѣ, когда разсказъ въ учебникѣ не можетъ произвести на учащихся такого впечатлѣнія, какое желательно въ виду важности содержанія учебнаго матеріала.

При прохожденіи систематическаго курса разъясненіе каждаго урока должно состоять: а) въ краткомъ послѣдовательномъ обзорѣ всего содержанія будущаго урока; б) въ уясненіи тѣхъ мѣстъ учебника, которыя или представляютъ какія нибудь трудности для пониманія, или могутъ быть поняты превратно, и в) въ болѣе подробномъ разсказѣ о тѣхъ событіяхъ, которыя въ учебникѣ разъяснены недостаточно.

Повтореніе каждаго урока состоитъ: а) изъ ряда вопросовъ, обращаемыхъ учителемъ къ цѣлому классу въ видахъ повторенія всего содержанія урока, при чемъ сначала выспрашиваются самые существенные факты и хронологическія данныя, потомъ второстепенные, и б) изъ слѣдующаго уже затѣмъ связнаго устнаго разсказа учениками той или другой части урока. При высшемъ курсѣ, сверхъ того, нужно требовать, чтобы ученики дѣлали сами устно суммаріи урока.

При спрашиваніи пройденнаго, по мѣрѣ накопленія матеріала, вопросы должны быть располагаемы по группамъ такъ:

1. Рядъ вопросовъ, касающихся географіи, религіозныхъ вѣрованій, политическихъ учрежденій, войнъ внѣшнихъ, междоусобій, характера историческихъ лицъ, аналогическихъ событій и т. п.

2. Сводъ всѣхъ событій, соединенныхъ съ извѣстною мѣстностію: для этого ученики должны разсматривать карту или атласъ въ извѣстномъ направленіи и объяснять, какое событіе соединяется съ тѣмъ или другимъ городомъ, тою или другою мѣстностью.

3. Рядъ вопросовъ въ отношеніи хронологіи, при чемъ указываются всѣ синхронистическія событія, равно какъ событія совершившіяся въ разныхъ государствахъ въ извѣстныхъ предѣлахъ времени. Составленіе учениками синхронистическихъ таблицъ для всей исторіи и таблицъ въ календарномъ видѣ для отечественной заслуживаетъ вниманія.

Независимо отъ вышеуказаннаго ряда вопросовъ, при систематическомъ курсѣ исторіи должны быть даваемы такіе вопросы, которые упражняли бы въ учащихся слѣдующія способности: умѣніе отличать въ событіяхъ существенное отъ маловажнаго; умѣніе указать, въ какихъ фактахъ зародилась извѣстная идея, въ какихъ она развилась и окрѣпла; умѣніе различать причины и слѣдствія, причины и поводы, побужденія и цѣли и т. д.

Примѣрная программа курса исторіи.

Примѣчаніе. Предлагаемыя программы имѣютъ въ виду точнѣе обозначить количество фактовъ, усвоеніе коихъ считается необходимымъ, и никакъ не могутъ быть считаемы обязательными относительно своей системы и порядка расположенія въ нихъ учебнаго матеріала.

Эпизодическій курсъ.

Курсъ III класса (2 урока).

1. Евреи и другіе народы древняго Востока.

Хронологическія данныя [1].

1325 (1495 [2]) Выходъ Евреевъ изъ Египта.
1010. Построеніе храма Іерусалимскаго.
721. Паденіе царства Израильскаго.
606. Разрушеніе Ниневіи.
587 (589). Навуходоносоръ разрушаетъ Іерусалимъ.
559. Основаніе Персидскаго царства.
538 (537). Освобожденіе Евреевъ изъ плѣна.

Происхожденіе Еврейскаго народа. Пребываніе Евреевъ въ Египтѣ. Особенности природы Египта. Общественное устройство. Замѣчательные памятники Египта, и замѣчательнѣйшіе изъ египетскихъ царей. Исходъ Евреевъ изъ Египта и водвореніе ихъ въ Палестинѣ. Сосѣди ихъ Финикіяне. Страна. Общественное устройство. Торговля и колоніи Финикіянъ. Хирамъ и Соломонъ. Евреи

[1]) Знаніе приводимыхъ здѣсь хронологическихъ данныхъ признается для учениковъ необходимымъ.

[2]) Цифры въ скобкахъ показываютъ годы, принятые въ учебникахъ священной исторіи.

и Ассиріяне. Обширность Ассирійскаго государства. Ниневія. Покореніе Царства Израильскаго Ассиріянами. Паденіе Ниневіи и возвышеніе Вавилонскаго царства. Вавилонъ. Навуходоносоръ. Покореніе имъ Финикіи и Іудейскаго царства. Плѣненіе Вавилонское. Мидія. Астіагъ и Киръ. Основаніе Персидскаго царства. Покореніе Персами Лидіи и Вавилона и освобожденіе Евреевъ изъ плѣна.

2. Греки.

1193 — 1184. Троянская война.
888 Ликургъ.
594. Законы Солона.
490. Сраженіе при Мараѳонѣ.
480. Подвигъ Леонида и сраженіе при Саламинѣ.
413. Походъ Аѳинянъ въ Сицилію.
399. Смерть Сократа.
336—323. Александръ Македонскій.

Краткая географія Греціи. Главныя божества Грековъ. Дельфійскій оракулъ. Олимпійскія празднества. Герои Грековъ: Геркулесъ и Тезей. Троянская война. Ахиллъ; смерть и погребеніе Патрокла; смерть Гектора. Пріамъ въ станѣ Ахилла. Взятіе Трои. Одиссей у Феаковъ. Доряне. Ликургъ. Указаніе на образъ правленія въ Спартѣ. Воспитаніе Спартанцевъ. Общій столъ. Аѳины. Солонъ. Завоеваніе имъ Саламина. Указаніе на государственныя учрежденія, введенныя имъ въ Аѳинахъ. Сраженіе при Мараѳонѣ. Подвигъ Леонида при Ѳермопилахъ. Ѳемистоклъ и Аристидъ. Алкивіадъ: неудачный походъ Аѳинянъ въ Сицилію. Сократъ. Демосѳенъ. Александръ Македонскій. Понятіе о древней Индіи, ея устройствѣ и религіозныхъ вѣрованіяхъ.

3. Римляне.

753—510. Періодъ царей.
390. Сожженіе Рима Галлами.
264—241. 1-я Пуническая война.
218—202. 2-я Пуническая война.

Краткая географія Италіи. Основаніе Рима. Горацій Коклесъ и Муцій Сцевола. Цинцинатъ. Нашествіе Галловъ. Фабрицій и Пирръ. Регулъ. Аннибалъ. Переходъ Аннибала чрезъ Альпы. Фабій Кунктаторъ. Сраженіе при

216. Сраженіе при Каннахъ.
146. Разрушеніе Карѳагена.
60. Первый тріумвиратъ.
48. Сраженіе при Фарсалѣ.
30 до 14 по Р. Х. Октавіанъ Августъ.
70. Разрушеніе Іерусалима.
313. Торжество христіанства.
325. Первый монастырь.
395. Раздѣленіе имперіи.

Каннахъ. Корн. Сципіонъ въ Испаніи и Африкѣ. Сраженіе при Замѣ. Разрушеніе Карѳагена. Кн. Помпей и Юлій Цезарь. Начало единовластія въ Римѣ. Начало распространенія христіанства. Паденіе Іерусалима. Гоненія на христіанъ. Торжество христіанства при Константинѣ Великомъ. Начало монашества. Амвросій и Іоаннъ Златоустъ.

4. Событія изъ Русской исторіи въ связи со всеобщею.

451. Каталаунская битва.
476. Паденіе западной Римской имперіи.

Новые народы. Германцы: Аларихъ въ Римѣ. Гунны: Аттила и Каталаунская битва. Перечисленіе государствъ, основанныхъ Германцами.

Время совершенія поименованныхъ событій опредѣляется столѣтіями.

Христіанство между Германцами. Крещеніе Франковъ. Григорій 1-й и Августинъ. Самоотверженіе и мученическая смерть Бонифація.

527—565. Юстиніанъ В.

Византійская имперія. Славяне. Юстиніанъ В. и Велизарій. Персы. Борьба Гераклія съ Хозроемъ II (Возвращеніе Честнаго Креста Господня).

622. Магометанская эра.
637. Омаръ овладѣваетъ Іерусалимомъ.

Арабы. Магометъ и его ученіе. Взятіе Іерусалима Омаромъ.

726. Начало преслѣдованія иконопочитателей.
768—814. Карлъ В.
800. Коронованіе Карла В.
1054. Раздѣленіе церквей.

Усиленіе Германцевъ и ослабленіе Византіи. Папа Григорій II. Основаніе папской области (754). Принятіе Карломъ В. титула императора. Сношенія Карла съ Византійской имперіей.

861. Крещеніе Болгаріи.

Христіанство между Славянами. Св. Кириллъ и Меѳодій. Крещеніе Болгаріи. Свв. Кириллъ и Меѳодій въ Моравіи и въ Римѣ. Паденіе славянскаго богослуженія въ Чехіи, Моравіи и Польшѣ.

862. Основаніе Русскаго государства.
957. Крещеніе Ольги.
957—972. Святославъ.
988. Крещеніе Руси.

Русскіе Славяне. Призваніе Варяговъ и основаніе Русскаго государства. Аскольдъ и Диръ. Олегъ. Походъ Олега въ Царьградъ. Взятіе Искоростеня Ольгою. Крещеніе Ольги. Святославъ. Характеръ его. Нападеніе на

Кіевъ Печенѣговъ. Іоаннъ Цимисхій. Пораженіе и гибель Святослава. Владиміръ. Христіанскіе мученики въ Кіевѣ. Испытаніе вѣръ. Крещеніе и бракъ Владиміра.

Курсъ IV-го класса (2 урока).

Утвержденіе христіанства въ Россіи. Св. Борисъ и Глѣбъ. Ярославъ Мудрый. Начало монашества въ Россіи. Антоній и преп. Ѳеодосій.

1055—1238. Удѣльный періодъ.
1111. Пораженіе Половцевъ у р. Сальницы.
1174. Смерть Андрея Боголюбскаго.

Удѣлы. Половцы. Владиміръ Мономахъ. Ростовско-Суздальская земля. Св. Леонтій. Андрей Боголюбскій.

1096 — 1279. Время Крестовыхъ походовъ.
1238 — 1480. Монгольское иго.
1224. Битва при Калкѣ.
1238. Сраженіе при Сити.
1240. Невская побѣда.
1242. Ледовое побоище.

Григорій VII и Генрихъ IV. Первый крестовый походъ. Рыцарскіе ордена.

Монголы и Чингисханъ. Битва при Калкѣ. Нашествіе Батыя.

Св. Александръ Невскій. Борьба его со Шведами и Ливонскимъ орденомъ. Отношеніе его къ ордѣ.

1386. Обращеніе Литвы въ католичество.

Литовское княжество. Завоеваніе Литовскими князьями русскихъ областей. Крещеніе Литвы.

1328 — 1340. Іоаннъ Калита.
1380 г. 8 сент. Мамаево побоище.
1389. Сраженіе при Коссовѣ.
1453. Паденіе Константинополя.
1480. Сверженіе ига.

Московское княжество. Іоаннъ Калита и Св. митрополитъ Петръ. Св. Алексій. Св. Сергій. Мамаево побоище.

Турки-Османы. Сраженіе при Коссовѣ. Завоеваніе Константинополя Турками.

Іоаннъ III. Прекращеніе удѣловъ въ Россіи. Сверженіе монгольскаго ига.

1547. Принятіе Іоанномъ IV царскаго титула.
1552. Взятіе Казани.
1582. Покореніе Сибири.

Царствованіе Іоанна IV. Воспитаніе его и вѣнчаніе на царство. Сильвестръ и Адашевъ. Покореніе Казани. Оборона Пскова. Опричнина. Св. митрополитъ Филиппъ. Ермакъ и покореніе Сибири.

1440. Изобрѣтеніе книгопечатанія.

Іоаннъ Гуттенбергъ. Христофоръ Колумбъ.

1492. Открытіе Америки.
1415. Смерть Гуса.
1517. Начало реформаціи.
1572. Варѳолом. ночь.

Іоаннъ Гусъ. Слѣды дѣятельности Свв. Кирилла и Меѳодія въ Чехіи въ XIV и XV вѣкахъ. Ученіе Гуса. Мученическая смерть Гуса. *Лютеръ* и основаніе протестантской церкви. Іезуиты и Варѳоломеевская ночь.

1611 — 1613. Междуцарствіе.
1613. Избраніе Михаила Ѳеодоровича на царство.
1648. Возстаніе Богдана Хмѣльницкаго.
1653. Присоединеніе Малороссіи.

Іезуиты въ Литвѣ. Появленіе Самозванцевъ. Причина смутъ въ Россіи въ началѣ XVII вѣка. Поляки въ Москвѣ. Патріархъ Гермогенъ и Прокопій Ляпуновъ. Мининъ. Пожарскій. Избраніе Михаила Ѳеодоровича на царство. Сусанинъ. Богданъ Хмѣльницкій и присоединеніе Малороссіи къ Россіи при Алексѣѣ Михайловичѣ.

1618 — 1648. 30-лѣтняя война.
1620. Бѣлогорская битва.

Бѣлогорская битва. Участіе Густава Адольфа въ 30-лѣтней войнѣ.

1689 — 1725. Петръ Великій.
1701 — 1721. Великая Сѣверная война.
1703. Основаніе Петербурга.
1709. Полтавская битва.

Петръ Великій. Воспитаніе его. Первое путешествіе Петра за границу. Борьба со Шведами: Карлъ XII-й; основаніе Петромъ Петербурга и флота; Полтавская битва; окончаніе войны со Шведами. Кончина Петра.

1711—1765. Ломоносовъ.
1756 — 1763. Семилѣтняя война.
1758. Сраженіе при Цорндорфѣ.
1759. Сраженіе при Кунерсдорфѣ.

Императрица Елизавета Петровна. Ломоносовъ. Война съ Фридрихомъ II: сраженія при Цорндорфѣ и Кунерсдорфѣ.

Вашингтонъ и Франклинъ. (Сѣверо-американская война 1774—1783 г.).

1770. Побѣды приЛаргѣ, Кагулѣ и Чесмѣ.
1789. Битва Рымникская.
1795. Паденіе Польши.
1799. Итальянскій походъ Суворова.

Императрица Екатерина II. Побѣды Румянцева надъ Турками. Чесменскій бой. Взятіе Крыма. Потемкинъ и Суворовъ. Паденіе Польши. Походъ Суворова въ Италію и Швейцарію.

1801—1825. Александръ I.
1812. Отечественная война.
1814. Взятіе Парижа.

Императоръ Александръ I-й. Отечественная война и освобожденіе Европы Александромъ I-мъ. Войны съ Персіей и Турціей при императорѣ Николаѣ I. Освобожденіе Греціи. Крымская кампанія. Перечень главнѣйшихъ событій въ царствованіе императора Александра II.

Систематическій курсъ [1]).

Курсъ V класса (2 урока).

Исторія Греціи и Рима.

Греція.

Географическій обзоръ Греціи.

I. Древнѣйшій или героическій періодъ.

1500—1100 до Р. Х.

Пеласги.—Эллины.—Представленія Грековъ о богахъ и герояхъ.— *Значеніе греческихъ миѳовъ для поэзіи и искусства [2]).—Главныя черты государственнаго и общественнаго быта древней Греціи по Гомеру.

II. Періодъ отъ переселенія Дорянъ въ Пелопонесъ до начала греко-персидскихъ войнъ.

1100—500 до Р. Х.

1060—1040. Колоніи въ Азіи.
776. Первая Олимпіада.

Передвиженія племенъ. — Вновь образовавшіяся государства. — Амфиктіонійскій союзъ.—Дельфійскій оракулъ.—Общественныя игры.— Измѣненія въ формахъ правленія.— Греческія колоніи: восточныя колоніи, преимущественно по берегамъ Понта Эвксинскаго, западныя колоніи; Сиракузы; Массилія.

Исторія Спарты. — Спарта до Ликурга.— Ликургъ.— Государственное и общественное устройство: власть царей; герусія; народное собраніе; эфоры; раздѣлъ земель; воспи-

[1]) Въ программу систематическаго курса не внесены хронологическія данныя, уже помѣщенныя въ курсѣ эпизодическомъ; но знаніе этихъ данныхъ обязательно для учениковъ старшихъ классовъ.

[2]) Статьи отмѣченныя * должны быть опускаемы при изложеніи исторіи Греціи и Рима въ V классѣ и должны быть вновь пройдены при повтореніи оной въ VIII классѣ.

таніе Спартіатовъ; сисситіи.—Распространеніе предѣловъ Спартанской республики и установленіе ея игемоніи въ Пелопонесѣ.

621. Законы Дракона.
560—510. Пизистратъ и его дѣти.

Исторія Аѳинъ. — Отмѣна царскаго достоинства въ Аѳинахъ. — Аѳины подъ управленіемъ Евпатридовъ. — Драконъ и Килонъ. Законодательство Солона: сисахтейя; раздѣленіе на классы; архонты; буле; экклесія; суды геліастовъ; аѳинское воспитаніе. — Пизистратъ и Пизистратиды. — Клисѳенъ.

III. Періодъ съ начала греко-персидскихъ войнъ до игемоніи Македоніи.

500—338 до Р. Х.

479. Сраженіе при Платеѣ и Микале.
476. Переходъ игемоніи отъ Спарты къ Аѳинамъ.
469. Двойная побѣда Кимона надъ Персами.

Возстаніе Малоазійскихъ Грековъ.—Первые два похода Персовъ на Грецію. — Аѳины между вторымъ и третьимъ походомъ Персовъ на Грецію. Приготовленія Ксеркса къ покоренію Греціи. — Битвы при Артемизіи, Ѳермопилахъ и Саламинѣ. — Изгнаніе Персовъ изъ Греціи.—Возвышеніе Аѳинъ.—Переходъ игемоніи отъ Спарты къ Аѳинамъ.—Кимонъ. Конецъ греко-персидскихъ войнъ.—*Геродотъ и Эсхилъ.

421. Никіевъ міръ.
404. Взятіе Аѳинъ Спартанцами.

Аѳины при Периклѣ.—Полное развитіе демократіи въ Аѳинахъ. — Политическое могущество Аѳинъ.—*Софоклъ, Ѳукидидъ, Фидій.

Пелопонесская война: состояніе Греціи передъ войною; поводъ къ войнѣ; событія до Никіева мира; походъ Аѳинянъ въ Сицилію; возобновленіе борьбы со Спартою и ходъ ея до 404 года до Р. Х.; правленіе тридцати и возстановленіе демократіи въ Аѳинахъ.—*Эврипидъ, Аристофанъ. *Сократъ.—

387. Анталкидовъ міръ.
371. Сраженіе при Левктрахъ.
362. Сраженіе при Мантинеѣ.

Возстаніе Кира Младшаго и отступленіе 10,000 Грековъ.—Война Спарты съ Персами и возстаніе Грековъ противъ спартанской игемоніи. — Анталкидовъ миръ. — Ѳиванско-спартанская война. — Правственный и поли-

тическій упадокъ Греціи.—*Ксенофонтъ, Платонъ и Аристотель.

IV. *Македонскій періодъ до разрушенія Коринѳа.*

338—146 до Р. Х.

338. Сраженіе при Херонеѣ.
148. Покореніе Македоніи Римлянами.
146. Обращеніе Греціи въ римскую провинцію.
187. Антіохъ III.
64. Паденіе Сиріи.
30. Паденіе Египта.

Возвышеніе Македоніи въ царствованіе Филиппа.—Священныя войны. Демосѳенъ.—Битва при Херонеѣ.—Александръ Великій.—Дѣйствія его въ Греціи.—Разрушеніе имъ Персидскаго государства и распространеніе греческой образованности на Востокѣ.—Распаденіе монархіи Александра Великаго.

Судьба Македоніи и Греціи послѣ Александра Македонскаго до завоеванія ихъ Римлянами: политика Македонскихъ царей; союзы Этольскій и Ахейскій; Спарта при царяхъ Агисѣ III и Клеоменѣ III; обращеніе Македоніи и Греціи въ римскія провинціи.—Очеркъ исторіи Египта и Сиріи при Птолемеяхъ и Селевкидахъ.

Римъ.

Географическій обзоръ древней Италіи.—Этруски, Сабины и Латины.

I. *Періодъ царей.*

753—510 до Р. Х.

Основаніе Рима.—Государственное и общественное устройство Рима въ періодъ царей. Законодательство Сервія Туллія.—Тарквиній Гордый.

II. *Періодъ республики.*

510—30 до Р. Х.

494. Трибуны.
486. Законъ Кассія.
451—449. Децемвиры.
366. Законы Лицинія и Секстія.

Государственное устройство Рима въ началѣ республики и его аристократическій характеръ; борьба патриціевъ съ плебеями до уравненія ихъ правъ: учрежденіе долж-

ности плебейскихъ трибуновъ; законъ Кассія о раздѣлѣ полей; децемвиры; законы Валерія и Горація, законъ Канулея, борьба за государственныя должности; законы Лицинія и Секстія: пріобрѣтеніе плебеями полнаго равенства правъ съ патриціями.

343—266. Римляне овладѣваютъ среднею и южною Италіею.

Войны Римлянъ въ Италіи: утвержденіе господства Римлянъ въ Лаціумѣ; нашествіе Галловъ на Римъ; распространеніе владычества Рима въ средней и южной Италіи.

212. Завоеваніе Сиракузъ.
149—146. Третья Пуническая война.

Время Пуническихъ войнъ; состояніе Кароагена передъ началомъ борьбы его съ Римомъ; столкновеніе Римлянъ съ Кароагенянами; 1-я Пуническая война; дѣйствія Римлянъ и Кароагенянъ между 1-ю и 2-ю Пуническими войнами.—Вторая Пуническая война: опасное положеніе Римлянъ въ началѣ второй Пунической войны; перемѣна въ ходѣ военныхъ дѣйствій съ 215 года; битва при Замѣ. Распространеніе римскаго владычества въ предѣлахъ міра греческаго: завоеваніе Македоніи и Греціи; разрушеніе Кароагена и Коринеа; завоеваніе Сирійскаго царства.

133. Т. Гракхъ.
121. К. Гракхъ.
112 — 106. Югуртинская война.
43. Второй тріумвиратъ.

Время смутъ римской республики. Предѣлы римскаго государства.—Политика Римлянъ въ отношеніи къ покореннымъ ими народамъ и городамъ (municipia, coloniae, jus latinum, provinciae). — Вліяніе римскихъ завоеваній на внутреннее состояніе римскаго государства: исчезновеніе средняго сословія; оптиматы и пролетаріи; вліяніе греческой образованности на высшіе классы римскаго общества;* начало исскуственной литературы въ Римѣ; Сципіонъ и Катонъ; нравы и обычаи; увеличеніе рабства.—Гракхи.—Югуртинская война.—Кимвры и Тевтоны. Марій и Сулла.—Война съ гладіаторами.—Возвышеніе Помпея. — Цицеронъ и Катилина. — Ю. Цезарь.—Первый тріумвиратъ.—Завоеваніе Гал-

ліи Ю. Цезаремъ.—Борьба его съ Помпеемъ и его партіею.—Диктаторство Ю. Цезаря.—Смерть его.—Второй тріумвиратъ и утвержденіе единовластія въ Римѣ.

III. *Періодъ имперіи.*

30 до Р. Х.—476 послѣ Р. Х.

64. Первое гоненіе на христіанъ.

Октавіанъ Августъ и его преемники. Правительственныя учрежденія Августа.—Начало борьбы съ Германцами. * Золотой вѣкъ римской литературы: Вергилій, Горацій, Овидій, Титъ Ливій.

Рождество Іисуса Христа и начало христіанской церкви. — Общая характеристика первыхъ преемниковъ Августа.—Неронъ: пожаръ Рима; первое гоненіе на христіанъ; смуты послѣ смерти Нерона.

117. Траянъ.
138. Адріанъ.
180 — 270. Время господства военной силы.

Лучшіе императоры.—Веспасіанъ: возстаніе Іудеевъ и разрушеніе Іерусалима; Агрикола въ Британіи; Колизей.—Титъ.—Домиціанъ.—Траянъ.—Адріанъ.—Маркъ Аврелій.— *Серебряный вѣкъ римской литературы.—Указаніе на время господства военной силы въ Римской имперіи.

305. Діоклетіанъ.

Время административныхъ реформъ. Діоклетіанъ и его преобразованія. — Состояніе языческаго общества въ началѣ IV-го вѣка—Состояніе христіанскаго общества въ томъ же вѣкѣ. — Константинъ Великій, его характеръ. — Миланскій эдиктъ. — Никейскій соборъ.—Административное раздѣленіе Римской имперіи.—Новая столица.—Послѣдняя попытка къ возстановленію язычества.

306—337. Константинъ Великій.
325. Никейскій соборъ.

Θеодосій Великій и паденіе Западной римской имперіи. — Начало переселенія народовъ. — Готы въ предѣлахъ римской имперіи.—Θеодосій Великій: закрытіе языческихъ храмовъ.—Раздѣленіе имперіи на За-

падную и Восточную. Послѣдніе Западные римскіе императоры и постепенное занятіе Германцами провинцій западной римской имперіи.

Курсъ VI-го класса (2 урока).

1-е полугодіе: Исторія среднихъ вѣковъ.

I. *Паденіе Западной Римской имперіи и водвореніе Германцевъ на ея земляхъ.*

1) Состояніе римской имперіи во второй половинѣ IV вѣка, при императорахъ Валентиніанѣ I и Валентѣ: a) Западная половина имперіи, ея области, господство латинскаго языка и римской образованности; романизація Кельтовъ и Иберовъ; b) Восточная половина имперіи; романизація въ придунайскихъ областяхъ и Ѳракіи (происхожденіе румынскаго языка), преобладающее значеніе греческой народности и языка на Востокѣ; значеніе новаго Рима.

2) Германцы, ихъ бытъ; враждебныя и мирныя отношенія къ Имперіи; борьба на Рейнѣ и Дунаѣ; служба въ войскахъ Имперіи; германская колонизація въ предѣлахъ Имперіи. Начало христіанства среди варваровъ.

486. Основаніе Франкской монархіи.

3) Великое переселеніе народовъ. Гунны и движеніе Вестготовъ. Царствованіе Ѳеодосія и его сыновей. Взятіе Рима Аларихомъ. Основаніе Вестготскаго королевства въ Испаніи и южной Галліи. Нашествіе Аттилы. Послѣдніе императоры на Западѣ; (номинальное) возсоединеніе обѣихъ половинъ Имперіи подъ властію одного императора въ Константинополѣ. Правленіе Одоакра въ Италіи. Остготское королевство; Теодерихъ. Поселенія Бургундовъ и Франковъ; правленіе, крещеніе и завоеваніе Хлодовиха. Вандальское

королевство въ Африкѣ. Подчиненіе Германцевъ, поселившихся въ предѣлахъ Имперіи, романскому вліянію въ бытѣ и языкѣ. Англосаксонское завоеваніе и его особенный характеръ.

449. Англо-Саксы въ Британіи.

4) Славяне, ихъ бытъ, ихъ разселеніе: земли, занимаемыя ими послѣ германскаго великаго переселенія (на Дунаѣ, Вислѣ, Лабѣ и т. д.)

II. *Продолженіе Римской имперіи въ Константинополѣ.*

1) Царствованіе Юстиніана, его законодательство и постройки, партіи цирка, возвращеніе Италіи и Африки. Славянскія и болгарскія вторженія. Потеря сѣверной Италіи. Лонгобардское нашествіе и завоеваніе. Экзархатъ и отношеніе римскаго епископа къ Имперіи.

2) Императоръ Ираклій, основатель новой династіи. Борьба съ Персами и Аварами. Поселеніе Сербовъ и Хорватовъ въ Далмаціи.

Магометанство: Арабы и ученіе Магомета, объединеніе арабскихъ племенъ; первые калифы, ихъ войны съ Персами и Имперіею; завоеваніе Сиріи, Персіи, Египта, Африки и Испаніи.

711. Завоеваніе Испаніи Арабами.

Поселеніе Славянъ въ Македоніи, Θессаліи и Пелопонесѣ. Основаніе Болгарскаго царства.

3) Исаврійская династія: отраженіе арабскаго нашествія; иконоборство. Паденіе императорской власти въ Италіи и возвышеніе римскаго епископа. Стремленіе Лонгобардовъ къ объединенію Италіи и союзъ папъ съ палатными мэрами. Карлъ Мартеллъ, побѣдитель Арабовъ и герой западнаго христіанства; дѣятельность Бонифація на пользу папства подъ покровительствомъ Карла и Пи-

753. Сраженіе между Туромъ и Пуатье.

пина Короткаго; низложеніе Меровингскаго дома, походъ Пипина въ Италію, начало свѣтской власти папъ. Карлъ Великій, его борьба съ Саксами, присоединеніе Лонгобардскаго королевства къ монархіи Франковъ.—Западные Славяне, Авары, держава Само; отношенія къ Славянамъ при Карлѣ Великомъ, разрушеніе Аварскаго каганата.—Раздѣленіе мусульманскаго міра, испанскій калифатъ и походъ Карла въ Испанію.

III. *Начало распаденія въ христіанскомъ мірѣ (двѣ имперіи, образованіе новыхъ національностей, двѣ церкви).*

1) Коронованіе Карла въ Римѣ. Его государственная дѣятельность и заботы объ образованіи и просвѣщеніи. Распаденіе монархіи Карла Великаго и образованіе новыхъ народностей западной Европы. Верденскій договоръ. Керсійскій капитулярій Карла Лысаго о наслѣдственности (графскихъ) должностей, 877 г. Низложеніе Карла Толстаго. Послѣдніе Каролинги въ Германіи и борьба этой династіи во Франціи съ герцогскимъ домомъ французскимъ. Норманны, ихъ набѣги, основаніе герцогства Нормандіи.

843. Верденскій договоръ.

2) Основаніе королевства Англійскаго; объединеніе англо-саксонскихъ королевствъ при Егбертѣ. Норманны въ Англіи. Король Альфредъ Великій.

871—900. Альфредъ Великій.

3) Начало раздѣленія церквей. Возстановленіе иконопочитанія на Востокѣ. Папа Николай I. Лже-Исидоровы декреталіи. Дѣло патріарха Фотія. Крещеніе Болгарскаго царя Бориса.

842. Возстановленіе иконопочитанія.

4) Велико-Моравская держава. Ростиславъ Моравскій. Проповѣдь Кирилла и Меѳодія. Святополкъ Моравскій и объединеніе западныхъ Славянъ; борьба съ королемъ Арнуль-

фомъ. Угры въ Паннонін. Разложеніе Моравской державы; угорскій погромъ.

IV. *Западная имперія при Саксонской династіи и Восточная при Македонской.*

936—973. Оттонъ Великій.

1) Королевство Германское при Конрадѣ I и Генрихѣ саксонскомъ. Борьба съ Уграми и отношеніе къ Славянамъ. Оттонъ Великій и возстановленіе имперіи на Западѣ. Мѣры Оттона для усиленія королевской власти и для противодѣйствія свѣтскимъ феодаламъ. Преемники Оттона I-го. Итальянскіе походы.—Первые Капетинги во Франціи.

987. Начало Капетингской династіи.

965. Крещеніе Поляковъ.

2) Западные Славяне. Династія Премысловичей въ Чехіи. Католичество и Войтѣхъ Пражскій. Династія Пястовъ въ Польшѣ: держава Болеслава Храбраго.—Венгрія при Стефанѣ Святомъ.

888—927. Симеонъ царь болгарскій.

3) Восточная имперія при Македонской династіи и восточные Славяне. Войны Византіи съ Болгарами и Русскими. Болгарское царство Симеона. Подвиги Никифора Фоки и Цимисхія. Василій II и Болгарскій царь Самуилъ. Крещеніе и христіанское просвѣщеніе Руси.

V. *Западный міръ подъ главенствомъ папы въ борьбѣ съ исламизмомъ и съ Византіею.*

1056—1106. Генрихъ IV.
1122. Вормскій конкордатъ.
1066. Сраженіе при Гастингсѣ.

1) Императоры Франконскаго дома. Гейнрихъ IV и папа Григорій VII. Борьба за инвеституру.

2) Завоеваніе Англіи Вильгельмомъ Нормандскимъ, слѣдствія этого событія для Англіи (болѣе тѣсная связь съ другими государствами западной Европы, употребленіе французскаго языка) и для Франціи (права французскаго короля въ отношеніи къ Нормандіи).

3) Борьба христіанъ съ магометанами въ Испаніи и южной Италіи. Процвѣтаніе Испаніи при Оммайядахъ, паденіе западнаго калифата, возвышеніе Аррагонскаго королевства.—Греки и Сарацины въ Сициліи и южной Италіи. Завоеваніе Норманновъ, Робертъ Гвискардъ и герцогъ Рожеръ.

4) Восточная имперія въ борьбѣ съ турецкими и мусульманскими народами и ея упадокъ: Константинъ Мономахъ и окончательное раздѣленіе церквей. Турки Сельджуки и отношенія ихъ къ калифату Багдадскому. Борьба съ ними Византійскихъ императоровъ. Печенѣги и Половцы, ихъ движеніе и набѣги. Плѣнъ Романа Діогена. Династія Комненовъ и возстановленіе значенія имперіи. Борьба съ Норманнами и походъ Роберта Гвискарда на Византію.

5) Причины крестовыхъ походовъ. Исторія перваго крестоваго похода.

VI. Характеристика основныхъ началъ средневѣковой исторіи.

Папство и имперія. Церковь и ея заслуги: Бенедиктинскіе монастыри. Феодализмъ; основныя черты его историческаго образованія; взаимныя отношенія сюзерена и вассаловъ. Рыцарство и жизнь въ рыцарскихъ замкахъ. Упадокъ городской жизни послѣ германскихъ завоеваній; начало новаго движенія въ городахъ. Положеніе земледѣльческаго класса.—Средневѣковая наука и первый періодъ схоластики; Абеляръ. Византійская образованность, просвѣщеніе и школы, литературная дѣятельность, искусства и въ частности архитектура и мозаика. — Арабская образованность.—Римское право въ Италіи.

VII. Время Гогенштауфеновъ.

1198—1216. Иннокентій III.

1) Швабскій домъ въ Германіи (Гогенштауфены). Гвельфы и Гибеллины; правленіе Фридриха Барбаруссы, его борьба съ ломбардскими городами и папствомъ.—Судьба Славянъ въ Мекленбургѣ, Помераніи и Голштиніи. Гейнрихъ VI, присоединеніе Сицилійскаго королевства и планы относительно Востока. Фридрихъ II, борьба съ папствомъ. Величіе папства при Иннокентіяхъ III и IV. Нищенствующіе ордена.

1214. Битва при Бовинѣ.
1215. Великая хартія.
1264. Начало парламента.
1226—1270. Людовикъ IX Святой.

2) Франція и Англія. Гейнрихъ II Плантагенетъ. Филиппъ II Августъ и Ричардъ I. Іоаннъ Безземельный; потеря Нормандіи, великая хартія и начало представительнаго правленія. Возвышеніе королевской власти во Франціи въ союзѣ съ городскими общинами, или третьимъ сословіемъ, и легистами; Людовикъ IX Св.

3) Крестовые походы: 1) противъ мусульманъ; 2) противъ еретиковъ (альбигойскія войны); 3) противъ язычниковъ въ славянскихъ земляхъ и въ Пруссіи (Тевтонскій орденъ); 4) противъ Византіи: четвертый крестовый походъ.

4) Восточная имперія при Комненахъ и Ангелахъ. Венеціанскія и генуэзскія поселенія. Династія Нѣманичей въ Сербіи и Болгарское царство Асеней. Основаніе Латинской имперіи въ Константинополѣ; восточныя владѣнія Венеціи. Императоры Никейскіе и Трапезунтскіе. Михаилъ Палеологъ и возвращеніе Константинополя. — Монголы, Чингизъ-ханъ, низверженіе калифата и Сельджукскихъ государствъ.

VIII. Упадокъ имперіи и папства.

1273. Избраніе Рудольфа Габсбургскаго.
1308. Начало Швейцарскаго союза.
1292. Сицилійская вечерня.

1) Междуцарствіе въ Германіи и кулачное право. Союзы городовъ: Рейнскій и Ганзейскій. Рудольфъ Габсбургскій и его борьба съ Оттокаромъ Чешскимъ (внѣшнее блестящее положеніе Чехіи и германизація внутри). Начало Швейцарскаго союза.

1308. Перенесеніе папскаго престола изъ Рима въ Авиньонъ.

2) Филиппъ IV Красивый и Бонифацій VIII. Вавилонское плѣненіе церкви.

1356. Золотая булла.
1414—1418. Констанцскій соборъ.

3) Чехія при Карлѣ IV. Янъ Гусъ и гуситы. Соборы Констанцскій и Базельскій.

1410. Танненбергск. битва.

4) Польша при Казимірѣ Великомъ и его преемникахъ. Соединеніе Литвы съ Польшею. Танненбергская битва.

1439. Флорентійскій соборъ.

5) Восточная имперія. Борьба съ Славянами. Утвержденіе Османскихъ Турокъ на Балканскомъ полуостровѣ. Покореніе южныхъ Славянъ. Коссовская битва. Тамерланъ и Баязетъ. Попытки спасти Византію. Флорентійская унія. Владиславъ Варненскій. Взятіе Константинополя Турками.

1328. Начало династіи Валуа.
1346. Битва при Креси.
1431. Казнь Жанны д'Аркъ.
1461—1483. Людовикъ XI.
1485. Начало династіи Тюдоровъ.
1492. Взятіе Гренады.

6) Столѣтняя англо-французская война. Людовикъ XI. Гейнрихъ VII Тюдоръ. Фердинандъ Католикъ въ Испаніи.

7) Скандинавскія государства до и послѣ Кальмарской уніи.

IX. Эпоха возрожденія.

1) Италія въ концѣ среднихъ вѣковъ. Миланъ, Флоренція и фамилія Медичи. Венеція. Борьба за Италію: походы Карла VIII и Франциска I.

2) Состояніе образованія въ темный періодъ схоластики. Университеты и значеніе ихъ. Пробужденіе умственнаго движенія; знакомство съ классическою литературою. Гуманизмъ во Франціи и Германіи.

Общее паденіе средневѣковыхъ началъ: папства, феодализма, рыцарства. Городская жизнь и цехи.

2-е полугодіе: Отечественная исторія.

I. *Образованіе Русскаго Государства.*

911. Договоръ Олега съ Греками.

Главныя племена русскихъ Славянъ; бытъ и религія ихъ. Сосѣди Славянъ: Литовцы, племена финскія, тюркскія и Норманны. Призваніе Рюрика. Первые русскіе князья; ихъ походы и завоеванія. Борьба съ Хозарами и Печенѣгами.

II. *Утвержденіе христіанства на Руси.*

980—1015. Владиміръ Святой.

1019—1054. Ярославъ Мудрый.

Принятіе христіанской вѣры Владиміромъ. Крещеніе Руси. Борьба христіанства съ язычествомъ. Распространеніе монашества на Руси и основаніе Кіево-Печерскаго монастыря. Распри дѣтей Владиміра. Ярославъ Мудрый. Русская правда: сословія и судопроизводство; значеніе князя и дружины.

III. *Удѣльно-вѣчевая Русь.*

1097. Съѣздъ князей въ Любечѣ.

1113—1125. Владиміръ Мономахъ, В. К. Кіевскій.

Родовыя княжескія отношенія и значеніе вѣча. Споры князей за великокняжескій столъ при внукахъ Ярослава. Борьба съ Половцами. Владиміръ Мономахъ. Мономаховичи и Ольговичи. Борьба Юрія Долгорукова съ Изяславомъ Мстиславичемъ за Кіевъ.

IV. *Раздробленіе Руси на княжества.*

1169. Взятіе Кіева войсками Андрея Боголюбскаго.

1216. Липецкая битва.

а) Суздальская земля; колонизація края. Андрей Боголюбскій; Всеволодъ III. б) Черниговская и Сѣверская; в) Муромская и Рязанская; г) Полоцкая; д) Смоленская; е) Галицко-Волынская земля, замѣчательные князья,

боярство; ж) Новгородская община; земля Новгородская (городъ, пятины и волости); вѣче и князь; управленіе; судъ; сословія; торговля; церковь; колонизація сѣверо-восточнаго края. Столкновенія съ Владиміро-Суздальскими князьями. Ливонскій орденъ.

1202. Основаніе Ливонскаго ордена.

Внутреннее состояніе Руси въ до-монгольскомъ періодѣ.

Церковь, искусство, просвѣщеніе и торговля.

VI. *Покореніе Руси Монголами.*

Завоеванія Чингисхана въ Средней Азіи и покореніе тюркскихъ племенъ. Битва при Калкѣ. Нашествіе Батыя. Монгольское иго.

VII. *Русь въ первое время Монгольскаго ига.*

1236. Смерть Александра Невскаго.

Раздѣленіе Руси на сѣверо-восточную и юго-западную. Враги ея на западѣ: Литва и Нѣмцы. Св. Александръ Невскій. Побѣды его; отношенія къ Татарамъ. Даніилъ Романовичъ, король Галицкій.

VIII. *Объединеніе юго-западной Руси подъ владычествомъ Литвы*

1315—1340. Гедиминъ.

Образованіе великаго княжества Литовскаго и подчиненіе юго-западныхъ русскихъ областей. Гедиминъ и Ольгердъ. Преобладаніе русскаго элемента въ Литвѣ. Ягайло. Соединеніе Литвы съ Польшею. Витовтъ. Противодѣйствіе польско-католическому вліянію.

IX. *Возвышеніе Москвы.*

1363—1389. Дмитрій Донской.

1450. Битва подъ стѣнами Галича.

Начало Москвы. Борьба съ Тверью. Іоаннъ Калита, его преемники. Дмитрій Донской, Куликовская битва, ея значеніе. Борьба Москвы съ Литвой. Василій I. Борьба съ

Литвою и отношеніе къ Татарамъ. Василій II Темный. Послѣдняя борьба на Руси за великокняжескій престолъ. Распаденіе Золотой орды. Причины возвышенія Москвы.

X. *Сверженіе Монгольскаго ига и конецъ удѣловъ.*

1462—1505. Іоаннъ III.
1478. Паденіе Новгорода.

Іоаннъ III. Паденіе Новгорода. Присоединеніе Твери и другихъ удѣловъ. Бракъ съ Софіею Палеологъ и сношенія съ западной Европой. Сверженіе татарскаго ига. Судебникъ. Василій III. Паденіе Пскова. Конецъ удѣламъ. Возвращеніе Смоленска. Ересь жидовствующихъ.

1505—1533. Василій III.
1510. Паденіе Пскова.
1514. Возвращеніе Смоленска.

Курсъ VII класса (2 урока).

А. Всеобщая исторія новаго времени.

I. *Вѣкъ реформаціи.*

1520—1556. Карлъ V.
1555. Аугсбургскій религіозный миръ.
1509—1547. Генрихъ VIII.
1558—1603. Елисавета.

1588. Непобѣдимая армада.
1540. Основаніе Іезуитскаго ордена.
1555—1598. Филиппъ II.
1593—1610. Генрихъ IV.
1598. Нантскій эдиктъ.

а) Реформація въ Германіи. Лютеръ. Распространеніе его ученія. Кальвинизмъ. Аугсбургскій религіозный миръ. Карлъ V. б) Реформація въ Англіи: Генрихъ VIII. Епископальная церковь. Утвержденіе ея при Елисаветѣ. в) Реформація въ Швеціи и Даніи. Стокгольмская кровавая баня. Густавъ Ваза. г) Католическая реакція. Орденъ Іезуитовъ и Тридентинскій соборъ. Время Филиппа II и Елисаветы Англійской. Возстаніе Нидерландовъ. Образованіе Голландской республики. Елисавета и Марія Стюартъ. Непобѣдимая армада. Гизы и Гугеноты во Франціи. Варѳоломеевская ночь. Генрихъ IV. Нантскій эдиктъ.

II. *Обзоръ главныхъ событій XVII вѣка въ западной Европѣ.*

1632. Битва при Люценѣ.
1648. Вестфальскій миръ.

а) Тридцатилѣтняя война: Возстаніе Чеховъ. Бѣлогорская битва. Паденіе Чехіи.

Тилли. Валленштейнъ. Густавъ Адольфъ. Вестфальскій миръ.

1649. Смерть Карла I.
1650—1658. Оливеръ Кромвель.
1688. Паденіе Стюартовъ.

б) Революція въ Англіи: Стюарты. Борьба ихъ съ парламентомъ. Оливеръ Кромвель. Реставрація и паденіе Стюартовъ.

1624—1643. Ришельё.
1643 — 1715. Людовикъ XIV.
1678. Нимвегенскій миръ.
1685. Отмѣна Нантскаго эдикта.
1701—1714. Война за наслѣдство Испанскаго престола.

в) Вѣкъ Людовика XIV: Кардиналъ Ришелье. Мазарини. Фронда. Блестящій періодъ царствованія Людовика. Кольберъ. Лувуа. Внѣшнія пріобрѣтенія. Вліяніе Франціи на Европу. Упадокъ Франціи во вторую половину царствованія Людовика. Отмѣна Нантскаго эдикта. Война за наслѣдство Испанскаго престола.

Б. Русская исторія со временъ Іоанна IV до Петра Великаго.

I. *Торжество монархіи на Руси и завоеванія на Востокѣ.*

1533—1584. Іоаннъ IV.
1538 — 1547. Правленіе бояръ.
1561. Паденіе Ливонскаго ордена.

Іоаннъ IV. Воспитаніе его. Реформы. Судебникъ. Покореніе Казани. Присоединеніе Астрахани. Отношенія къ крымскимъ Татарамъ. Завоеваніе Сибири. Паденіе Ливонскаго ордена. Казни.

II. *Состояніе Литвы и юго-западной Руси подъ владычествомъ Польши.*

1569. Люблинская унія.
1596. Церковная унія.

Люблинская унія. Дѣятельность Іезуитовъ въ Польшѣ и юго-западной Руси. Церковная унія. Преслѣдованіе православія. Братства. Кіевская духовная академія. Угнетеніе крестьянъ. Возстанія казаковъ.

III. *Смутное время на Руси.*

1589. Учрежденіе патріаршества.
1590. Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ.
1598. Прекращеніе династіи Рюрика.
1605—1606. Лжедмитрій I.

Царствованіе Ѳеодора Іоанновича. Прекращеніе династіи Рюрика. Борисъ Годуновъ. Самозванцы. Московское разореніе. Освобожденіе Москвы отъ Поляковъ. Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича.

IV. *Первые цари изъ дома Романовыхъ.*

1613—1645. Михаилъ Өеодоровичъ.
1617. Столбовскій договоръ.
1645—1676. Алексѣй Михайловичъ.
1649. Соборное уложеніе.
1654. Исправленіе богослужебныхъ книгъ.
1667. Андрусовскій договоръ.
1682. Уничтоженіе мѣстничества.

Михаилъ Өеодоровичъ: заботы объ успокоеніи государства. Борьба со Шведами и Поляками. Патріархъ Филаретъ. Алексѣй Михайловичъ. Соборное уложеніе. Патріархъ Никонъ. Начало раскола. Подданство Малороссіи. Богданъ Хмѣльницкій. Өеодоръ Алексѣевичъ. Уничтоженіе мѣстничества.

V. *Просвѣщеніе на Руси въ древнее время.*

Древнія училища. Византійское вліяніе. Вліяніе Монгольскаго ига на образованіе. Ереси. Заботы объ образованіи по сверженіи ига монгольскаго. Западное вліяніе. Перемѣны въ русскомъ обществѣ передъ появленіемъ Петра Великаго. Бояринъ Матвѣевъ. Начало театра. Положеніе женщины. Ординъ-Нащокинъ. Славяно - греко - латинская академія.

В. Русская исторія въ связи со всеобщею съ царствованія Петра Великаго до кончины императрицы Екатерины II.

I. *Царствованіе Петра Великаго.*

1711. Прутскій походъ.
1700. Отмѣна патріаршества.

Избраніе въ цари Петра Алексѣевича. Стрѣлецкій бунтъ. Правленіе Царевны Софіи. Могущество Османскихъ Турокъ въ XVI и въ началѣ XVII ст. Союзъ императора Германскаго Леопольда съ королемъ Польскимъ Яномъ Собѣсскимъ для борьбы съ Турками. Вѣчный миръ Россіи съ Польшей. Вступленіе Россіи въ союзъ противъ Турокъ. Походы князя Голицына на Крымъ. Низверженіе Софіи. Молодые годы Петра Великаго и его воспитаніе. Францъ Лефортъ. Походы на Азовъ. Сооруженіе флота. Поѣздка Петра за

границу, уничтоженіе стрѣлецкаго войска. Великая сѣверная война. Могущество Швеціи при короляхъ: Карлѣ X и Карлѣ XI. Союзъ Даніи, Польши и Россіи противъ Швеціи и стремленія каждой изъ союзныхъ державъ. Карлъ XII. Нападеніе его на Данію. Нарвская битва. Война Карла XII въ Польшѣ и въ Саксоніи. Успѣхи Русскихъ въ прибалтійскихъ провинціяхъ. Основаніе Петербурга. Булавинскій бунтъ. Измѣна Мазепы. Полтавская битва. Новыя завоеванія Петра. Турецкая война. Продолженіе великой сѣверной войны. Ништадскій миръ. Персидская война. Реформы Петра. Перемѣна въ церковномъ управленіи. Преобразованіе сословій. Перемѣна въ центральномъ и областномъ управленіи. Преобразованіе войска. Флотъ. Мѣры къ развитію торговли и промышленности. Мѣры для народнаго просвѣщенія. Перемѣна въ правахъ и обычаяхъ. Престолонаслѣдіе. Смерть Петра.

II. *Первые преемники Петра Великаго.*

1725—1727. Екатерина I.
1727—1730. Петръ II.
1730 — 1740. Анна Іоанновна.
1739. Бѣлградскій миръ.
1741 — 1761. Елисавета Петровна.
1755. Основаніе Московскаго университета.

Екатерина I-я и Петръ II-й. Меньшиковъ и Долгорукіе. Царствованіе Анны Іоанновны: Замыслы верховнаго совѣта; Биронъ. Внѣшнія дѣла. Іоаннъ VI-й; регентство Бирона и правленіе Анны Леопольдовны. Елисавета Петровна. Шведская война; главные дѣятели въ царствованіе императрицы Елисаветы; внутреннія дѣла.

III. *Возвышеніе Пруссіи.*

1640—1688. Великій Курфирстъ.
1701. Принятіе королевскаго титула.
1748. Ахенскій миръ.

Начало Пруссіи. Великій Курфирстъ. Фридрихъ—первый король Прусскій. Устройство войска при Фридрихѣ Вильгельмѣ I. Фридрихъ II. Прагматическая санкція и разрѣшеніе вопроса объ Австрійскомъ наслѣдствѣ. Семилѣтняя война.

IV. *Петръ III и царствованіе императрицы Екатерины II.*

762—1796. Екатерина II.
1774. Кучукъ-Кайнарджійскій миръ.
1791. Взятіе Измаила.
1783. Присоединен. Крыма.
1772. Первый разд. Польши.

Внутреннія распоряженія Петра III. Вступленіе на престолъ императрицы Екатерины II. Отношенія ея къ Польшѣ, возведеніе на польскій престолъ Станислава Понятовскаго; диссидентскій вопросъ; Барская конфедерація. Первая Турецкая война. 1-й раздѣлъ Польши и миръ съ Турками въ Кучукъ-Кайнарджи. Чума и Пугачевъ. Союзъ съ Австріей. Присоединеніе Крыма. Греческій проектъ. Вторая Турецкая и шведская войны. Миръ въ Верельской долинѣ и миръ въ Яссахъ. Паденіе Польши: конституція 3-го мая, 2-й и 3-й раздѣлы.

V. *Эпоха правительственныхъ реформъ въ Европѣ.*

1773. Уничтоженіе іезуитскаго ордена.
1767. Коммиссія депутатовъ.
1775. Учрежденіе о губерніяхъ.

Умственное движеніе въ XVII в. Реформы Фридриха II, Іосифа II и Густава II. Уничтоженіе ордена Іезуитовъ. Реформы Екатерины II. Коммиссія депутатовъ. Учрежденіе о губерніяхъ. Жалованная грамота дворянству. Городовое положеніе. Крестьяне. Финансы. Мѣры для народнаго образованія и воспитанія.

VI. *Образованіе республики Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.*

1780. Вооруженный нейтралитетъ.
1783. Версальскій миръ.

Могущество Англіи въ XVIII в. и Сѣверо-Американская война. Вооруженный нейтралитетъ. Устройство Сѣверо-Американской республики.

VII. *Французская революція.*

1789. Начало французской революціи.

Положеніе Франціи при вступленіи на престолъ Людовика XVI. Національное собраніе и его реформы; законодательное со-

браніе и конвентъ. Провозглашеніе республики. Терроръ. Директорія. Возвышеніе Наполеона Бонапарта; его походы въ Италію и въ Египетъ.

Курсъ VIII класса (2 урока).

Окончаніе русской исторіи въ связи со всеобщею и повтореніе всего систематическаго курса съ дополненіями по исторіи древнихъ Грековъ и Римлянъ.

I. *Борьба Россіи и Европы съ Франціей.*

1796—1801. Павелъ I.
1807. Тильзитскій миръ.
1809 Фридрихсгамскій миръ.
1815. Битва при Ватерлоо.

Императоръ Павелъ I. Внутреннія распоряженія. Походъ Суворова въ Италію. Бонапартъ—первый консулъ. Битва при Маренго. Бонапартъ—императоръ Французовъ.—Александръ I-й; его главные сотрудники. Третья коалиція противъ Франціи. Борьба Россіи и Пруссіи съ Наполеономъ. Тильзитскій миръ. Война Россіи со Швеціей. Могущество Наполеона. Отечественная война 1812 г. Поводы къ ней. Нашествіе Наполеона. Оборона Смоленска. Бородино. Оставленіе Москвы. Народная война. Отступленіе Французовъ. Низверженіе Наполеона: война съ Наполеономъ въ 1813 и 1814 гг. Взятіе Парижа. Отреченіе Наполеона и возстановленіе Бурбоновъ. Сто дней.

II. *Вліяніе Россіи на дѣла Европы. Эпоха конгрессовъ.*

1815. Вѣнскій конгрессъ.
1825—1855. Николай I.
1828. Туркманчайскій миръ.
1829. Адріанопольскій миръ.

Вѣнскій конгрессъ. Священный союзъ. Конгрессы въ Троппау, Лайбахѣ и Веронѣ. Внутреннія дѣла въ царствованіе Александра I-го. Административныя преобразованія. Мѣры относительно народнаго образованія. Смерть Александра I-го. Николай I. Война съ Персіею. Закавказье до Николая I. Туркманчайскій миръ. Образованіе Греческаго ко-

ролевства. Положеніе христіанъ въ Турціи и возстаніе Грековъ. Борьба за независимость. Наваринскій бой. Турецкая война. Адріанопольскій миръ. Освобожденіе придунайскихъ христіанъ. Сербія. Положеніе Сербовъ подъ игомъ Турокъ. Возстаніе Сербовъ. Кара-Георгій; Милошъ Обреновичъ. Содѣйствіе Россіи къ возникновенію Сербскаго княжества. Пробужденіе національныхъ стремленій у западныхъ и южныхъ Славянъ.

III. *Главныя событія въ Европѣ съ 1830 по 1852 годъ.*

1830. Возстаніе въ Польшѣ.
1849. Венгерскій походъ.
1832. Билль о реформѣ.
1852. Наполеонъ III—императоръ Французовъ.

Паденіе Карла X во Франціи. Образованіе Бельгійскаго королевства. Возстаніе въ Польшѣ. Паденіе Людовика Филиппа во Франціи. Людовикъ-Наполеонъ—президентъ республики и императоръ Французовъ. Возстаніе Венгровъ и отношеніе къ нему Австрійскихъ Славянъ. Венгерскій походъ. Парламентская борьба въ Англіи. Ирландско-католическій вопросъ. Билль о реформѣ. Отмѣна хлѣбныхъ законовъ. Внутреннія дѣла въ царствованіе императора Николая I.

IV. *Событія послѣдняго времени.*

1853 — 1856. Восточная война.
1856. Парижскій міръ.
1855. Восшествіе на престолъ Императора Александра II.
1862 — 1864. Покореніе Кавказа.
19 февраля 1861. Отмѣна крѣпостнаго права.
1864. Земскія учрежденія.
1864. Новые суды.
12 апрѣля 1877 г. Объявленіе войны Турціи.

Восточная война. Причина и поводъ къ ней. Осада Севастополя. Императоръ Александръ II. Продолженіе Восточной войны. Занятіе Севастополя и взятіе Карса. Парижскій миръ. Покореніе Кавказа. Занятіе Туркестанской области. Приамурскій край. Мятежъ въ Польшѣ. Обзоръ событій въ западной Европѣ. Итальянская война. Объединеніе Италіи. Австро-прусская война. Французско-нѣмецкая война. Возстановленіе Германской Имперіи. Отмѣна важнѣйшихъ постановленій Парижскаго мира. Реформы императора Александра II: отмѣна крѣпостна-

го права; земскія учрежденія; новые суды; учебная реформа.

Учебный планъ географіи.

Преподаваніе географіи распредѣляется по классамъ слѣдующимъ образомъ:

Въ *I-мъ классѣ* сообщаются краткія предварительныя свѣдѣнія изъ математической и физической географіи и дѣлается краткое обозрѣніе земнаго шара по глобусу или плоскошаріямъ.

Во *II-мъ классѣ* изучаются Азія, Африка, Америка и Австралія.

Въ *III-мъ классѣ* изучается Европа.

Въ *IV-мъ классѣ* изучается Россія.

Всѣ части свѣта и Россія изучаются со стороны физической, политической и этнографической.

Въ *VII-мъ* и *VIII-мъ классахъ* уроки по географіи назначаются для повторенія.

Объяснительная записка къ учебному плану географіи.

I.

А. Въ I классѣ главное вниманіе обращается: 1) на топическое обозрѣніе земнаго шара по глобусу или плоскошаріямъ и 2) на ближайшее ознакомленіе учащихся съ картой Россіи. При прохожденіи перваго изъ указанныхъ отдѣловъ необходимо имѣть въ виду слѣдующее: а) географическія данныя, относящіяся къ территоріи Россіи, вносятся сравнительно въ большемъ числѣ, чѣмъ данныя изъ другихъ странъ; б) данныя, относящіяся къ территоріи западной Европы и внѣевропейскихъ частей свѣта, сообщаются только тѣ, которыя имѣютъ большее значеніе; такъ, напримѣръ, поименовываются только такія рѣки, которыя составляютъ естественные пути сообщенія для людей и направленіемъ которыхъ опредѣлялась культура; изъ горъ поименовываются тѣ, которыя имѣютъ большее значеніе или въ гидрографическомъ отношеніи, или въ климатическомъ, или въ промышленномъ; и в) при обозрѣніи земнаго шара по глобусу или плоскошаріямъ, ученикамъ постепенно разъясняются всѣ географическіе термины изъ области физической географіи, и при этомъ указываются на глобусѣ или на картѣ соотвѣтственные графическіе знаки.

Б. При болѣе обстоятельномъ ознакомленіи учениковъ съ картою Россіи перечисляются всѣ губерніи въ предѣлахъ главнѣйшаго историческаго поприща русскаго народа съ поименованіемъ губернскихъ городовъ и нѣкоторыхъ изъ уѣздныхъ, имѣвшихъ бо̀льшее историческое значеніе.

В. Изъ математической географіи сообщаются только важнѣйшія данныя, необходимыя для пониманія дальнѣйшаго курса географіи. Съ бо̀льшею же ясностью должно быть сообщено понятіе о широтѣ и долготѣ земнаго шара, и поэтому ученики какъ можно болѣе должны быть упражняемы въ отыскиваніи на глобусѣ или плоскошаріи широты и долготы данныхъ мѣстностей.

Г. О морскихъ теченіяхъ, вѣтрахъ, климатѣ сообщаются тоже кратко самыя необходимыя свѣдѣнія.

Независимо отъ усвоенія означеннаго въ программѣ учебнаго матеріала, ученики I класса, чрезъ внимательное разсматриваніе глобуса или карты, должны составить себѣ ясное представленіе о формѣ земной поверхности, о внѣшнемъ очертаніи главныхъ частей ея—материковъ, океановъ, морей, острововъ, равно какъ о направленіи рѣкъ и горъ и о взаимномъ положеніи всѣхъ этихъ данныхъ.

II.

При частномъ обозрѣніи частей свѣта и государствъ, въ томъ числѣ и Россіи, во II, III и IV классахъ необходимо имѣть въ виду слѣдующее:

1) На данныя изъ физической и политической географіи обращается главное вниманіе; даннымъ изъ этнографіи сравнительно дается менѣе мѣста.

2) При физическомъ описаніи частей свѣта обращается вниманіе преимущественно на то, что̀ составляетъ господствующее въ нихъ явленіе и наиболѣе характеристическія ихъ особенности.

3) Зависимость климата и органическихъ произведеній страны отъ устройства ея поверхности и очертанія отмѣчается только слегка, безъ усиленныхъ доказательствъ.

4) Изъ флоры и фауны каждой страны берутся только самыя характерныя произведенія и такія, которыя имѣютъ значеніе во всемірной торговлѣ. Произведенія, извѣстныя только по рѣдкости, но не составляющія существенной черты въ общей картинѣ извѣстной мѣстности, совершенно опускаются.

5) При описаніи странъ въ политическомъ отношеніи, въ отдѣлѣ о религіи дѣлается только указаніе на ту или другую религію, безъ подробнаго объясненія особенностей религіознаго ученія. Въ отдѣлѣ о формѣ правленія допускается указаніе, съ самыми краткими объясненіями, только на слѣдующія формы: деспотическая, монархическая неограниченная, монархическая ограниченная, республиканская. Изложеніе историческихъ событій, которыя пріурочиваются къ тому или другому государству или мѣстности, совершенно не допускается.

6) На промыслы обращается большее вниманіе только при обозрѣніи Россіи, Европейскихъ государствъ, Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и странъ, непосредственно находящихся въ торговыхъ сношеніяхъ съ Россіей.

7) При изложеніи промышленности въ Россіи: а) обращается вниманіе не на то только, что̀ производится въ настоящее время, но по возможности и на то, что̀ могло бы быть производимо по мѣстнымъ условіямъ страны, и б) указываются предметы промышленности, связывающіе Россію съ тою или другою страной.

8) Степень подробности при изученіи той или другой страны обусловливается: а) современнымъ политическимъ положеніемъ ея; б) торговыми отношеніями ея къ Россіи, и в) племеннымъ родствомъ или единовѣріемъ въ отношеніи къ Россіи. Поэтому изъ внѣевропейскихъ странъ слѣдуетъ болѣе остановиться на описаніи Азіатской Турціи, Персіи и Турана, Китая, Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ; изъ европейскихъ—на описаніи Германіи, Англіи и странъ славянскихъ.

9) Обозрѣніе Европы въ III классѣ начинается съ Балканскаго полуострова, въ видахъ подготовленія учениковъ къ слушанію курса древней исторіи; этому обозрѣнію предпосылается повтореніе усвоенныхъ учениками въ I классѣ данныхъ, касающихся Россіи.

III.

Въ VII классѣ преподаватель, пользуясь историческими свѣдѣніями учениковъ, сначала приводитъ къ ихъ сознанію тѣ естественныя условія, въ силу которыхъ Европа сдѣлалась средоточіемъ высшей цивилизаціи. Затѣмъ вниманіе учащихся сосредоточивается на Россіи и главныхъ государствахъ Европы, равно какъ и на сосѣднихъ съ Россіею странахъ въ Азіи, при чемъ разсматриваются сравнительно естественныя и историческія условія ихъ современнаго политическаго значенія и ихъ взаимныхъ отношеній, какъ то: харак-

теръ ихъ сухопутныхъ и морскихъ границъ, расположеніе ихъ территорій, пути сообщенія и направленія оныхъ, климатическія условія, количество, плотность и составъ населенія въ племенномъ и вѣроисповѣдномъ отношеніяхъ, состояніе образованности, промышленности и военныхъ силъ.

IV.

А. Въ отношеніи къ способу преподаванія географіи необходимо имѣть въ виду слѣдующее:

1) Ученики должны быть доводимы до того, чтобы при каждомъ географическомъ имени имъ ясно представлялось положеніе данной мѣстности на картѣ; поэтому какъ объясненія учителя, такъ и отвѣты учениковъ должны постоянно сопровождаться указаніями на глобусѣ или на картѣ; но сверхъ того, ученики съ перваго же класса, по мѣрѣ усвоенія ими географическаго матеріала и ознакомленія съ глобусомъ и картою, должны быть пріучаемы къ мысленному опредѣленію порядка и относительнаго положенія всѣхъ выученныхъ ими точекъ на земной поверхности. Для этой цѣли ученикамъ по временамъ должны быть предлагаемы упражненія такого рода, какъ, напримѣръ, мысленное путешествіе ученика отъ одной точки части свѣта до другой по сушѣ и водѣ, съ указаніемъ всѣхъ извѣстныхъ ему географическихъ данныхъ на этомъ пути.

2) Преподаватель, для сообщенія своему изложенію бо̀льшей наглядности, долженъ прибѣгать какъ къ собственнымъ чертежамъ, такъ и къ рисункамъ.

3) Всѣ главныя данныя, относящіяся къ слѣдующему уроку, должны быть усвоены учениками въ классѣ, при чемъ преподаватель долженъ по возможности прибѣгать ко всѣмъ пріемамъ для закрѣпленія въ памяти тѣхъ или другихъ данныхъ, какъ то: къ переводу нѣкоторыхъ иностранныхъ географическихъ именъ на русскій языкъ, уподобленію частей свѣта и странъ геометрическимъ фигурамъ, сравненію высотъ и величинъ съ извѣстными уже ученикамъ высотами и величинами. Въ первомъ классѣ объясненіе географическихъ терминовъ, равно какъ и уясненіе понятія о планѣ, масштабѣ и графическомъ изображеніи странъ, должны быть сколь можно болѣе наглядны.

4) Послѣ изученія учениками нѣсколькихъ частей свѣта или государствъ преподаватель своими вопросами заставляетъ учениковъ всѣ однородныя данныя сводить въ одну группу, напримѣръ, перечислять всѣ извѣстные острова по ихъ величинѣ, горные хребты по

ихъ направленіямъ, мѣстности съ густымъ населеніемъ, торговые города и т. п.

5) Но особенно вмѣняется преподавателямъ въ обязанность упражнять учениковъ въ черченіи географическихъ картъ.

Б. Относительно черченія картъ необходимо имѣть въ виду слѣдующее:

1) Каждую карту преподаватель рисуетъ самъ на классной доскѣ, объясняя значеніе каждой части своего чертежа, при чемъ ученики въ то же время срисовываютъ чертимую имъ карту въ свои тетради.

2) Всѣ чертежи приготовляются по градуснымъ сѣткамъ, но при этомъ память учениковъ не должна быть обременяема большимъ числомъ меридіановъ и параллелей и численныхъ ихъ обозначеній. Вообще преподаватель долженъ быть знакомъ со всѣми пріемами упрощеннаго черченія и по мѣрѣ нужды обращаться къ нимъ.

3) Чертежи, сообразно важности изображаемой страны, должны быть разныхъ масштабовъ.

4) На каждомъ чертежѣ должно помѣщаться только то, что̀ необходимо знать ученику.

5) Ученики должны дома упражняться въ черченіи картъ на столько, чтобы могли начертить каждую изъ нихъ на память на классной доскѣ съ указанными ея подробностями и надлежащими объясненіями.

6) Отвѣты учениковъ въ классѣ не ограничиваются объясненіемъ только своего чертежа, но они должны указывать требуемыя мѣста и на классныхъ картахъ.

7) Сниманіе копій съ печатныхъ картъ запрещается; равнымъ образомъ тщательная отдѣлка и раскрашиваніе чертежей не должны быть ни требуемы, ни принимаемы въ расчетъ при оцѣнкѣ успѣховъ учениковъ въ географіи, но могутъ быть отличаемы похвалой.

Дабы точнѣе опредѣлить, въ какомъ объемѣ должны быть сообщаемы ученикамъ свѣдѣнія изъ географіи, ниже помѣщается примѣрная программа этого предмета, а вмѣстѣ съ тѣмъ предлагается преподавателямъ нижеслѣдующее: Преподаватель географіи долженъ постоянно имѣть въ виду, съ одной стороны, не требовать отъ учениковъ того, что̀ не совмѣстно съ ихъ умственными силами, съ другой—не обременять памяти учащихся излишними подробностями, а останавливать ихъ вниманіе главнымъ образомъ на существенномъ. Такимъ образомъ, при упоминаніи, напримѣръ, *о странахъ свѣта*, совершенно достаточно, если ученикъ укажетъ ихъ на классной картѣ и въ классной ком-

натѣ. Далѣе, нѣтъ нужды перечислять всѣ *доказательства шарообразной фигуры земли*, а достаточно будетъ изъ нихъ упомянуть только о двухъ (кругосвѣтное плаваніе и приближеніе къ предметамъ). При объясненіи двоякаго *движенія земли*, достаточно требовать отъ ученика, чтобы онъ, съ глобусомъ въ рукахъ, показалъ различіе между суточнымъ движеніемъ и годовымъ и усвоилъ бы себѣ явленіе перемѣны дня и ночи и временъ года на данномъ мѣстѣ земнаго глобуса. Въ статьѣ *объ изображеніи земли* можно удовольствоваться, если ученикъ съумѣетъ показать, какъ на глобусѣ, такъ и на плоскошаріи, линіи параллельныя и меридіаны, экваторъ, первый меридіанъ, тропики, полярные круги, полюсы, полушарія— сѣверное и южное, восточное и западное, и полюсы; съумѣетъ опредѣлить ширину и долготу даннаго мѣста, при чемъ для устойчивости понятія о долготѣ можно принимать за первый меридіанъ только Феррскій и считать долготу только восточную.

При усвоеніи учениками *опредѣленій* различныхъ частей суши и воды, какъ и при усвоеніи всѣхъ опредѣленій вообще, желательно, чтобы ученики въ классѣ сами выводили эти опредѣленія изъ данныхъ, встрѣчаемыхъ на картахъ, а не заучивали этихъ опредѣленій изъ книги на память. Нѣтъ необходимости требовать при этомъ отъ ученика строгой отчетливости; со временемъ, при дальнѣйшемъ развитіи умственныхъ силъ учащихся, эта точность придетъ сама собою.

При разъясненіи понятія о днѣ морскомъ, достаточно сказать, что оно, какъ часть земной коры, вообще сходно съ устройствомъ поверхности суши; для понятія о мѣстахъ глубокихъ и мѣстахъ высокихъ дна морскаго, достаточно сообщить ученикамъ по одному примѣру. Что касается до морскихъ теченій, то преподаватель долженъ довольствоваться, если ученикъ укажетъ по картѣ замѣчательнѣйшія морскія теченія, обозначивъ при этомъ, какія изъ нихъ теплыя и какія холодныя.

Говоря о вѣтрахъ, преподаватель ограничивается только указаніемъ по картѣ направленія главныхъ вѣтровъ въ поясахъ жаркомъ (пассатъ) и въ умѣренныхъ.

При сообщеніи свѣдѣній о распространеніи по поверхности земнаго шара *растительности*, преподаватель ограничивается указаніемъ на картѣ полярныхъ границъ важнѣйшихъ растеній, вовсе притомъ не требуя отъ учениковъ запоминанія градусовъ, по которымъ проходятъ эти границы; весьма достаточно, если ученикъ укажетъ на знакомыя ему уже географическія данныя на картѣ, какъ, напримѣръ, на направленіе

горныхъ цѣпей, рѣкъ и т. п., съ которыми та или иная граница совпадаетъ. О распространеніи растительности вверхъ по горамъ, отъ подошвъ къ вершинамъ, достаточно дать только общее понятіе.

Краткое обозрѣніе географіи Россіи въ I-мъ классѣ состоитъ въ повтореніи тѣхъ данныхъ отечественной географіи, которыя уже усвоены учениками при общемъ обозрѣніи земнаго глобуса съ присовокупленіемъ перечисленія губерній въ предѣлахъ главнѣйшаго историческаго поприща русскаго народа, при чемъ поименовываются города губернскіе и нѣкоторые изъ уѣздныхъ, имѣвшихъ бо̀льшее историческое значеніе.

Во II-мъ классѣ, гдѣ, по учебному плану, слѣдуетъ пройдти обозрѣніе Азіи, Африки, Америки и Австраліи въ физическомъ, этнографическомъ и политическомъ отношеніяхъ, преподаватель долженъ распорядиться учебнымъ матеріаломъ слѣдующимъ образомъ: физическіе очерки частей свѣта онъ долженъ изложить на столько подробно, чтобы ученикамъ достаточно могли выясниться характеристическія особенности каждой части свѣта, въ отношеніяхъ географическаго положенія, развитости береговой линіи, свойствъ границъ, устройства поверхности, орошенія, климата и царствъ растительнаго, животнаго и минеральнаго; при обозрѣніи затѣмъ отдѣльныхъ странъ и государствъ, описаніе ихъ въ физическомъ отношеніи слѣдуетъ опустить, воспроизводя только въ видѣ повторенія тѣ данныя изъ общаго очерка части свѣта, которыя относятся къ описываемой странѣ. Спеціальное обозрѣніе каждаго государства въ отдѣльности въ физическомъ отношеніи допускается только въ III-мъ классѣ, гдѣ изучается географія европейскихъ государствъ. Что касается данныхъ изъ политической географіи, то преподаватель долженъ ограничиваться самыми существенными: такъ, напримѣръ, нѣтъ необходимости перечислять земель, принадлежащихъ Англичанамъ въ Индо-Китаѣ, или упоминать мелкія группы острововъ, принадлежащихъ имъ же въ Индѣйскомъ океанѣ; перечислять не имѣющихъ большаго значенія колоній вообще Европейцевъ; перебирать всѣ штаты Сѣверной Америки; республики же Центральной Америки можно и вовсе опустить. Изъ городовъ, какъ въ курсѣ II-го класса, такъ и въ курсѣ III-го класса (въ Европѣ), должны быть упоминаемы только важнѣйшіе, замѣчательные въ торговомъ или промышленномъ отношеніяхъ.

Въ VII и VIII классахъ уроки по географіи назначаются для повторенія, съ такимъ, впрочемъ, распредѣленіемъ повторяемаго матеріала, что въ VII классѣ и въ 1-мъ полугодіи VIII класса повторяется ис-

ключительно географія Россійской Имперіи, по возможности сравнительно съ первоклассными европейскими государствами въ отношеніи пространства, народонаселенія и народной дѣятельности, а во 2-мъ полугодіи VIII класса—географія прочихъ Европейскихъ государствъ.

Что касается до *черченія*, то оно требуется только во II, III и IV класахъ и притомъ на память, по градусной сѣткѣ, съ прямыми параллелями.

Во *второмъ* классѣ требуется черченіе общихъ картъ Азіи, Африки, Америки, отдѣльно Сѣверной Америки, и материка Австраліи съ обозначеніемъ контура, направленія главныхъ хребтовъ, рѣкъ, озеръ и положенія важнѣйшихъ городовъ.

Въ *третьемъ* классѣ—общую карту Европы слѣдуетъ чертить въ томъ же объемѣ, какъ и карты прочихъ частей свѣта; сверхъ того отдѣльно: 1) карту Балканскаго полуострова; 2) карту Австрійской Имперіи; 3) карту Германіи.

Въ *четвертомъ* классѣ —1) общую карту Европейской Россіи съ Закавказьемъ, съ обозначеніемъ на ней морей, границъ, главныхъ хребтовъ, рѣкъ и главныхъ озеръ; 2) спеціальную карту бассейновъ Бѣлаго и Балтійскаго морей; 3) карту бассейна Каспійскаго моря, и 4) карту бассейна Чернаго моря.

При черченіи картъ, нанесеніе границъ губерній не требуется.

Примѣрная программа географіи.

Курсъ 1-го класса (2 урока.)

Видъ земли. Кажущійся видъ земли. Горизонтъ. Страны свѣта. Дѣйствительный видъ земли.

Движеніе земли около оси и вокругъ солнца и явленія, происходящія отъ этихъ движеній на поверхности земли: перемѣна дня и ночи и временъ года. Земная ось и полюсы.

Понятіе о глобусѣ и плоскошаріи. Линіи, проводимыя на глобусѣ и плоскошаріи: параллельные круги вообще и изъ нихъ экваторъ, тропики и полярные круги; меридіаны; первый меридіанъ. Полюсы. Полушарія. Поясы. Понятіе о широтѣ и долготѣ мѣста.

Распредѣленіе земной поверхности между сушею и водою.

Понятіе о материкѣ и островѣ. Названія материковъ и ихъ относительная величина; раздѣленіе суши на части свѣта и относительная

величина послѣднихъ; полуостровъ, мысъ и перешеекъ. Примѣчательнѣйшія изъ этихъ формъ у береговъ каждой части свѣта.

Названія *океановъ* и ихъ относительная величина; море, заливъ, проливъ. Примѣчательнѣйшія изъ этихъ формъ у береговъ каждой части свѣта.

Равнины: равнины низменныя (низменности) и возвышенныя (плоскогорія). *Горы*: части горы; горныя цѣпи; вулканы (жерло или кратеръ). Примѣчательнѣйшія низменности, плоскогорія, горныя цѣпи, горныя вершины и вулканы во всѣхъ частяхъ свѣта.

Общее понятіе о формѣ дна морскаго; самое глубокое мѣсто и мѣста возвышенныя (мели, рифы).

Морскія теченія: теченіе въ жаркомъ поясѣ; теченія теплыя, теченія холодныя.

Воздухъ. Движеніе воздуха—вѣтры. Главное направленіе вѣтровъ въ жаркомъ поясѣ; главное направленіе вѣтровъ въ умѣренныхъ поясахъ. Значеніе вѣтровъ въ совокупности съ морскими теченіями для суши.

Воды суши. Снѣга и льды (снѣговая область, снѣговая линія, ледники или глетчеры). Рѣки: верховье, устье, рукавъ, правый и лѣвый берегъ, притокъ и главная рѣка. Озера; моря. Замѣчательнѣйшія рѣки и озера всѣхъ частей свѣта.

Климатъ, растѣнія и животныя. Зависимость климата даннаго мѣста отъ широты его, высоты надъ уровнемъ океана, отъ морскихъ теченій и господствующихъ вѣтровъ. Климатъ жаркій, умѣренный, холодный; морской и континентальный. Сравненіе климата западныхъ и восточныхъ береговъ на западномъ и восточномъ материкахъ. Общее понятіе о распространеніи растительности по направленію отъ экватора къ полюсамъ и по поверхности горъ, отъ подошвъ къ вершинамъ.

Человѣкъ. Раздѣленіе рода человѣческаго по расамъ.

Обозрѣніе Россійской Имперіи. Положеніе Россійской Имперіи въ Европѣ и Азіи. Границы. Моря, прилегающія къ Р. И., съ ихъ заливами. Полуострова и острова, принадлежащіе Россіи. Пространство и народонаселеніе; количество и главныя составныя части послѣдняго. Обозрѣніе устройства поверхности. Рѣки и озера. Столицы, важнѣйшіе порты и главнѣйшіе историческіе города.

Курсъ 2-го класса (2 урока).

Азія.

Общій очеркъ. Положеніе, границы (морская и континентальная)

и пространство. Устройство поверхности: низменности, плоскогорія и горы. Орошеніе; главныя рѣки и озера. Климатъ. Наиболѣе важныя произведенія царствъ растительнаго, животнаго и минеральнаго. Народонаселеніе по количеству и плотности; составъ народонаселенія по происхожденію и религіи.

Китайская Имперія. Границы; пространство и количество народонаселенія. Составныя части Китайской Имперіи. Промышленность и важнѣйшіе города собственнаго Китая. Замѣчательные города въ другихъ составныхъ частяхъ Китайской Имперіи.

Японская Имперія. Главные острова, входящіе въ составъ Имперіи. Пространство и количество народонаселенія. Промышленность и замѣчательные города.

Остъ-Индія. Составъ и количество народонаселенія. Владѣнія Европейцевъ. Промышленность въ англійскихъ и голландскихъ владѣніяхъ и замѣчательные города въ нихъ. Главныя земли туземцевъ въ Остъ-Индіи.

Иранъ и Туранъ. Народонаселеніе ихъ. Государства и замѣчательные города.

Аравія. Природа и народонаселеніе полуострова. Замѣчательнѣйшіе города.

Азіатская Турція. Народонаселеніе. Части (Малая Азія, Сирія и пр.) и замѣчательные города.

Африка.

Общій очеркъ. Положеніе, границы и пространство. Устройство поверхности. Орошеніе: важнѣйшія рѣки и озера. Климатъ и важнѣйшія произведенія царствъ растительнаго, животнаго и минеральнаго. Народонаселеніе: количество, плотность и племена, населяющія Африку.

Главные народы и государства Негрскаго племени.

Народы и государства Кавказскаго племени.

Египетъ: природа и народонаселеніе; промышленность и замѣчательные города.

Колоніи Европейцевъ.

Америка.

Общій очеркъ. Положеніе, границы и пространство. Устройство поверхности: низменности, плоскогорія и горы. Орошеніе; важнѣйшія

рѣки и озера. Климатъ. Важнѣйшія произведенія царствъ растительнаго, животнаго и минеральнаго. Народонаселеніе по количеству, плотности и племенному составу.

Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты.

Народонаселеніе по количеству, плотности и составу. Промышленность. Государственное устройство. Замѣчательнѣйшіе штаты и города по промышленности, торговлѣ и образованію.

Англійскія владѣнія въ Сѣверной Америкѣ.

Государства и главные города въ Средней Америкѣ.

Государства южной Америки. Промышленность, народонаселеніе и важнѣйшіе города въ нихъ.

Австралія.

Общій очеркъ. Составъ, положеніе, границы и пространство. Устройство поверхности материка. Орошеніе; важнѣйшія рѣки и озера. Климатъ. Главнѣйшія произведенія царствъ растительнаго, животнаго и минеральнаго. Народонаселеніе по количеству, плотности и составу.

Владѣнія Англичанъ. Острова Сандвичевы и острова Таити.

Курсъ 3-го класса (2 урока).

Европа.

Общій очеркъ. Положеніе, границы и пространство; развитіе береговой линіи. Устройство поверхности: низменности, плоскогорія и горы. Орошеніе; рѣки и озера. Климатъ: климатъ югозападной Европы и климатъ сѣверовосточной Европы. Произведенія царствъ растительнаго, животнаго и минеральнаго, особенно важныя въ промышленномъ отношеніи. Народонаселеніе по количеству, плотности, составу и религіи.

Частное описаніе Европейскихъ государствъ.

Въ составъ описанія каждаго государства должно входить: положеніе и границы, устройство поверхности, орошеніе и климатъ, народонаселеніе по количеству, плотности, составу и религіи; промышленность и образованность народонаселенія, государственное устройство и города, наиболѣе замѣчательные.

Курсъ 4-го класса (2 урока).

Россійская Имперія.

Положеніе, границы и пространство. Значеніе сухопутныхъ и морскихъ границъ. Описаніе морей, омывающихъ Россію.

Устройство поверхности *Европейской Россіи.* Описаніе равнинъ и возвышенностей внутри Европейской Россіи. Описаніе горъ, расположенныхъ по краямъ Европейской Россіи.

Орошеніе. Рѣки, ихъ направленіе и озера. Искусственныя водныя сообщенія.

Климатъ Европейской Россіи. Разнообразіе климата и вліяніе его на здоровье жителей. Сравненіе западной Россіи съ восточною по климату и растительности. Раздѣленіе Европейской Россіи на растительныя полосы.

Административное дѣленіе Россіи. Поименованіе губерній и областей (по бассейнамъ рѣкъ или по пространствамъ).

Народонаселеніе. Число жителей Россійской Имперіи. Плотность народонаселенія; мѣста наибольшей и наименьшей плотности. Составъ народонаселенія по племенамъ съ указаніемъ мѣста жительства каждаго. Составъ народонаселенія по вѣроисповѣданію.

Описаніе губерній Европейской Россіи (по бассейнамъ или по пространствамъ).

Примѣчаніе. При частномъ описаніи губерній Европейской Россіи обращается главное вниманіе на промыслы. Изъ городовъ упоминаются только тѣ, которые имѣютъ промышленное, или торговое, или историческое значеніе.

Описаніе *Кавказскаго края* по природѣ и промышленности. Города.

Сибирь. Устройство поверхности: описаніе низменностей и горъ. Орошеніе; важнѣйшія рѣки и озера. Климатъ: причина его суровости. Промышленность. Важнѣйшіе города.

Владѣнія Россіи въ Средней Азіи.

Составъ. Природа. Народонаселеніе. Промышленная дѣятельность народонаселенія и важнѣйшіе города.

Курсъ 7-го и 8-го классовъ (по 1-му уроку).

Повтореніе всеобщей и русской географіи.

Учебный планъ нѣмецкаго языка [1]).

Классъ II (3 урока).

1. Главныя правила о произношеніи буквъ и ихъ сочетаній, упражненія въ чтеніи и письмѣ.

2. Граматическія свѣдѣнія.

А. Изъ этимологіи:

а) Понятіе о членѣ и склоненіе членовъ.

б) Имена существительныя: главнѣйшіе признаки, по коимъ отличается родъ существительныхъ, и правильныя склоненія съ членами и безъ члена.

в) Имена прилагательныя, какъ сказуемыя и какъ опредѣленія.

г) Имена числительныя: количественныя и порядковыя.

д) Мѣстоименія: личныя, притяжательныя и указательныя.

е) Спряженіе глаголовъ вспомогательныхъ и простыхъ правильныхъ, средняго и дѣйствительнаго залоговъ, съ неизмѣняющеюся и измѣняющеюся гласною, въ оборотѣ утвердительномъ.

Б. Изъ синтаксиса:

а) Части предложеній—главныя и второстепенныя.

б) Раздѣленіе предложеній по ихъ составу—на простыя, распространенныя и сложныя.

3. Переводы:

а) Устный переводъ съ нѣмецкаго языка на русскій фразъ, примѣнительно къ указанному граматическому матеріалу.

б) Устный и письменный переводъ такихъ же фразъ съ русскаго языка на нѣмецкій и съ тѣми же примѣненіями.

4) Заучиваніе встрѣчающихся при переводахъ словъ.

5) Упражненія въ правописаніи.

Классъ III (3 урока).

1) Продолженіе граматическихъ свѣдѣній.

А. Изъ этимологіи:

а) Отступленія и исключенія въ склоненіяхъ именъ существительныхъ.

---

*) Остается безъ измѣненія въ томъ видѣ, какъ былъ утвержденъ въ 1872 г.

б) Степени сравненія въ именахъ прилагательныхъ—правильныя и неправильныя.

в) Нарѣчія съ ихъ степенями сравненія—правильными и неправильными.

г) Мѣстоименія: относительныя, вопросительныя и неопредѣленныя.

д) Спряженіе глаголовъ вспомогательныхъ и простыхъ правильныхъ, средняго и дѣйствительнаго залоговъ—въ оборотахъ вопросительномъ, отрицательномъ и вопросительно-отрицательномъ, а также глаголовъ страдательныхъ во всѣхъ оборотахъ.

е) Спряженіе употребительнѣйшихъ неправильныхъ глаголовъ.

Б. Изъ синтаксиса:

а) Раздѣленіе предложеній по ихъ значенію—на предложенія главныя, придаточныя и вводныя.

б) Нѣкоторыя основныя и болѣе легкія синтаксическія правила.

2. Переводы:

а) Устный и письменный переводъ съ нѣмецкаго языка на русскій и обратно фразъ болѣе разнообразныхъ, примѣнительно къ сообщенному грамматическому матеріалу, съ постояннымъ анализомъ и парафразами (преимущественно—съ обращеніемъ утвердительнаго оборота въ отрицательный, вопросительный и отрицательно-вопросительный, и дѣйствительной рѣчи въ страдательную и обратно), а также съ присовокупленіемъ упражненій въ пониманіи устной нѣмецкой рѣчи и переводѣ ея на русскій языкъ со слуха.

б) Устный переводъ съ нѣмецкаго языка на русскій связныхъ, но небольшихъ и легкихъ по содержанію и изложенію прозаическихъ статей, изъ христоматіи, съ непрерывными соотвѣтственными объясненіями.

3. Заучиваніе, кромѣ встрѣчающихся словъ, еще краткихъ изреченій, басенъ и другаго рода легкихъ стихотвореній, предварительно объясненныхъ.

4. Упражненія въ правописаніи.

Классъ IV (3 урока).

*1. Продолженіе граматическихъ свѣдѣній.

А. Изъ этимологіи:

а) Спряженіе глаголовъ возвратныхъ и безличныхъ, а также глаголовъ сложныхъ, всѣхъ залоговъ, съ отдѣляемыми частицами, во всѣхъ оборотахъ рѣчи.

б) Таблица производства временъ и наклоненій.

в) Полное спряженіе неправильныхъ глаголовъ.

Б. Изъ синтаксиса:

а) Раздѣленіе предложеній по способу постановки и выраженія въ нихъ членовъ—на прямыя и обращенныя или косвенныя, полныя и сокращенныя.

б) Употребленіе членовъ, употребленіе падежей и управленіе предлоговъ падежами, согласованіе словъ и размѣщеніе словъ.

2. Переводы:

а) Устный и письменный переводъ съ нѣмецкаго языка на русскій и обратно фразъ наиболѣе развитыхъ и искусственныхъ, соотвѣтственно сообщенному граматическому матеріалу и съ болѣе разнообразными парафразами (какъ то: обращеніемъ главнаго предложенія въ придаточное и вводное, прямаго въ косвенное, полнаго въ сокращенное и обратно).

б) Устный переводъ съ нѣмецкаго языка на русскій, изъ христоматіи, цѣльныхъ прозаическихъ статей, но бо̀льшаго объема и болѣе трудныхъ противъ предыдущаго класса, съ постояннымъ анализомъ и расширеніемъ круга соотвѣтственныхъ объясненій.

3. Заучиваніе образцовыхъ отрывковъ, предварительно объясненныхъ.

Классъ V (3 урока).

1. Продолженіе синтаксиса: употребленіе временъ и наклоненій, свойства причастій, управленіе глаголовъ.

2. Переводы:

а) Устный переводъ съ нѣмецкаго языка на русскій, изъ христоматіи, статей повѣствовательнаго содержанія, какъ прозаическихъ, такъ и стихотворныхъ, съ постепеннымъ переходомъ къ болѣе труднымъ, съ постояннымъ продолженіемъ вышеуказанныхъ упражненій и присовокупленіемъ объясненія встрѣчающихся въ текстахъ синонимовъ и германизмовъ.

б) Устный и письменный переводъ съ русскаго языка на нѣмецкій цѣльныхъ, но небольшихъ и нетрудныхъ по содержанію и изложенію статей, при чемъ, впрочемъ, отъ учащихся требуется не полная безукоризненность нѣмецкой рѣчи, но преимущественно умѣнье правильно сочетать слова и предложенія, на основаніи общихъ законовъ граматики и тѣхъ особенностей нѣмецкаго языка, которыя уже сообщены учащимся.

Классъ VI (3 урока).

1. Окончаніе синтаксиса: управленіе союзовъ; порядокъ словъ въ разныхъ видахъ предложеній; строеніе нѣмецкихъ періодовъ.

2. Переводы:

а) Устный переводъ съ нѣмецкаго языка на русскій, изъ христоматіи, статей какъ историческаго содержанія, такъ и описательнаго, въ прозѣ и стихахъ, согласно указаніямъ, даннымъ въ предыдущемъ классѣ, и съ усиленіемъ объясненія синонимовъ и идіотизмовъ.

б) Устный и письменный переводъ съ русскаго языка на нѣмецкій повѣствовательной прозы, съ постепеннымъ переходомъ къ статьямъ болѣе труднымъ.

Классъ VII и VIII (по 2 урока въ каждомъ).

1. Систематическое повтореніе этимологіи и синтаксиса.

2. Переводы:

а) Устный переводъ съ нѣмецкаго языка на русскій болѣе трудныхъ статей какъ историческаго содержанія, такъ и описательнаго, въ прозѣ и стихахъ, изъ христоматіи или и изъ отдѣльныхъ изданій авторовъ, съ постоянными соотвѣтственными объясненіями и присоединеніемъ историко-литературныхъ объясненій.

б) Устный и письменный переводъ съ русскаго языка на нѣмецкій статей болѣе серьезныхъ какъ историческаго, такъ и описательнаго содержанія.

Учебный планъ французскаго языка[1]).

Классъ II (3 урока).

1. Главныя правила о произношеніи буквъ и ихъ сочетаній; упражненія въ чтеніи и письмѣ.

2. Граматическія свѣдѣнія.

А. Изъ этимологіи:

а) Понятіе о членѣ; измѣненіе членовъ по родамъ и числамъ; замѣна падежей предлогами; слитіе члена опредѣленнаго съ предлогами de и à (contraction) и опущеніе гласныхъ буквъ (élision).

б) Имена существительныя: правильное образованіе множественнаго числа.

---

1) Остается безъ измѣненія въ томъ видѣ, какъ былъ утвержденъ въ 1872 г.

в) Имена прилагательныя: правильное образованіе женскаго рода и множественнаго числа.

г) Имена числительныя: количественныя и порядковыя.

д) Мѣстоименія: личныя, притяжательныя и указательныя.

е) Спряженіе глаголовъ вспомогательныхъ и правильныхъ, средняго и дѣйствительнаго залоговъ, въ оборотѣ утвердительномъ.

Б. Изъ синтаксиса:

а) Части предложеній—главныя и второстепенныя.

б) Раздѣленіе предложеній по ихъ составу на простыя, распространенныя и сложныя.

3. Переводы:

а) Устный переводъ съ французскаго языка на русскій фразъ примѣнительно къ указанному граматическому матеріалу.

б) Устный и письменный переводъ такихъ же фразъ съ русскаго языка на французскій и съ тѣми же примѣненіями.

4. Заучиваніе встрѣчающихся при переводахъ словъ.

5. Упражненія въ правописаніи.

Классъ III (3 урока).

1. Продолженіе граматическихъ свѣдѣній.

А. Изъ этимологіи:

а) Членъ раздѣлительный.

б) Отступленія отъ правильнаго образованія множественнаго числа въ именахъ существительныхъ.

в) Отступленія отъ правильнаго образованія женскаго рода и множественнаго числа въ именахъ прилагательныхъ; степени сравненія правильныя и неправильныя.

г) Нарѣчія съ ихъ степенями сравненія правильными и неправильными.

д) Мѣстоименія: относительныя, вопросительныя и неопредѣленныя.

е) Спряженіе глаголовъ вспомогательныхъ и правильныхъ среднихъ и дѣйствительныхъ, въ оборотахъ вопросительномъ, отрицательномъ и вопросительно-отрицательномъ, а также глаголовъ страдательныхъ во всѣхъ оборотахъ.

ж) Спряженіе употребительнѣйшихъ неправильныхъ глаголовъ.

Б. Изъ синтаксиса:

а) Раздѣленіе предложеній по ихъ значенію—на предложенія главныя, придаточныя и вводныя.

б) Нѣкоторыя основныя и болѣе легкія синтаксическія правила.

2. Переводы:

а) Устный и письменный переводъ съ французскаго языка на русскій и обратно фразъ болѣе разнообразныхъ противъ предыдущаго класса, примѣнительно къ сообщенному граматическому матеріалу, съ постояннымъ анализомъ и парафразами (преимущественно обращеніемъ утвердительнаго оборота въ отрицательный, вопросительный и отрицательно-вопросительный, дѣйствительной рѣчи въ страдательную и обратно), а также съ присовокупленіемъ упражненій въ пониманіи устной французской рѣчи и переводѣ ея на русскій языкъ со слуха.

б) Устный переводъ съ французскаго языка на русскій связныхъ, но небольшихъ и легкихъ по содержанію и изложенію прозаическихъ статей, изъ христоматіи, съ непрерывными соотвѣтственными объясненіями.

3. Заучиваніе, кромѣ встрѣчающихся словъ, еще краткихъ изреченій, басенъ и другаго рода легкихъ стихотвореній, предварительно объясненныхъ.

4. Упражненія въ правописаніи.

Классъ IV (3 урока).

1. Продолженіе граматическихъ свѣдѣній.

А. Изъ этимологіи:

а) Спряженіе глаголовъ возвратныхъ и безличныхъ—во всѣхъ оборотахъ рѣчи.

б) Таблица производства временъ и наклоненій.

в) Полное спряженіе неправильныхъ глаголовъ.

Б. Изъ синтаксиса:

а) Раздѣленіе предложеній по способу постановки и выраженія въ нихъ членовъ—на прямыя и обращенныя или косвенныя, полныя и сокращенныя.

б) Употребленіе членовъ, передача падежей посредствомъ предлоговъ, согласованіе словъ и размѣщеніе словъ.

2. Переводы:

а) Устный и письменный переводъ съ французскаго языка на русскій и обратно фразъ наиболѣе развитыхъ и искусственныхъ, соотвѣтственно сообщенному граматическому матеріалу и съ болѣе разнообразными парафразами, какъ то: обращеніемъ главнаго предложенія въ придаточное и вводное, прямаго въ косвенное, полнаго въ сокращенное и обратно.

б) Устный переводъ съ французскаго языка на русскій, изъ хрестоматіи, цѣльныхъ прозаическихъ статей, но большаго объема и болѣе трудныхъ противъ предыдущаго класса, съ постояннымъ анализомъ и расширеніемъ круга соотвѣтственныхъ объясненій.

3. Заучиваніе образцовыхъ отрывковъ, предварительно объясненныхъ.

Классъ V (3 урока).

1. Продолженіе синтаксиса: употребленіе временъ и наклоненій; употребленіе причастій и преимущественно согласованіе причастія прошедшаго въ разныхъ залогахъ; управленіе глаголовъ.

2. Переводы:

а) Устный переводъ съ французскаго языка на русскій, изъ хрестоматіи, статей повѣствовательнаго содержанія какъ прозаическихъ, такъ и стихотворныхъ, съ постепеннымъ переходомъ къ болѣе труднымъ, съ постояннымъ продолженіемъ вышеуказанныхъ упражненій и присовокупленіемъ объясненія приставокъ и окончаній при словообразованіяхъ, а также объясненій относительно встрѣчающихся въ текстахъ гомонимовъ, синонимовъ и галлицизмовъ.

б) Устный и письменный переводъ съ русскаго языка на французскій цѣльныхъ, но небольшихъ и нетрудныхъ по содержанію и изложенію статей, при чемъ, впрочемъ, отъ учащихся требуется не полная безукоризненность французской рѣчи, а преимущественно умѣніе правильно согласовать слова и предложенія, на основаніи общихъ законовъ граматики и тѣхъ особенностей французскаго языка, которыя уже сообщены учащимся.

Классъ VI (3 урока).

1. Окончаніе синтаксиса: управленіе союзовъ, особенности частицы *ne* при глаголахъ; усиленіе членовъ предложенія; строеніе французскихъ періодовъ.

2. Переводы:

а) Устный переводъ съ французскаго языка на русскій, изъ хрестоматіи, статей какъ историческаго содержанія, такъ и описательнаго, въ прозѣ и стихахъ, согласно указаніямъ, даннымъ въ предыдущемъ классѣ, и съ усиленіемъ объясненія синонимовъ и идіотизмовъ.

б) Устный и письменный переводы съ русскаго языка на французскій повѣствовательной прозы, съ постепеннымъ переходомъ къ статьямъ болѣе труднымъ.

Классъ VII и VIII (по 2 урока въ каждомъ).

1. Систематическое повтореніе этимологіи и синтаксиса.

2. Переводы:

а) Устный переводъ съ французскаго языка на русскій болѣе трудныхъ статей какъ историческаго содержанія, такъ и описательнаго, въ прозѣ и стихахъ, изъ христоматіи или и изъ отдѣльныхъ изданій авторовъ, съ постоянными соотвѣтственными объясненіями и присоединеніемъ историко-литературныхъ объясненій.

б) Устный и письменный переводъ съ русскаго языка на французскій статей болѣе серьезныхъ, какъ историческаго, такъ и описательнаго содержанія.

Объяснительная записка къ учебнымъ планамъ французскаго и нѣмецкаго языковъ.

1. Новые языки: французскій и нѣмецкій, въ общемъ составѣ гимназическаго курса, имѣютъ значеніе второстепенное. Содѣйствуя, безъ сомнѣнія, на ряду съ другими учебными предметами, умственному развитію учащихся, они, однакожь, главнѣйшимъ образомъ должны служить средствомъ къ пріобрѣтенію учениками такихъ познаній, которыя, составляя принадлежность общаго образованія, вмѣстѣ съ тѣмъ открываютъ возможность пользоваться учеными и литературными произведеніями Запада. При такой болѣе ограниченной задачѣ, и объемъ преподаванія новыхъ языковъ въ гимназіяхъ назначается болѣе тѣсный, нежели тотъ, какой назначенъ для другихъ языковъ: русскаго, латинскаго и греческаго. 19 уроковъ, положенныхъ въ настоящее время на каждый изъ новыхъ языковъ, признается достаточнымъ, если, при обученіи имъ,—согласно объяснительной запискѣ министерства народнаго просвѣщенія къ Высочайше утвержденнымъ измѣненіямъ и дополненіямъ въ уставѣ гимназій (См. Сборн. постан. и расп. по гимн. и прогим. стр. 89),—имѣть въ виду только строго опредѣленныя цѣли и при томъ достижимыя для гимназій съ приходящими учениками. Отъ учениковъ, оканчивающихъ курсъ,—какъ объясняется далѣе въ той же запискѣ,—слѣдуетъ преимущественно требовать полнаго пониманія историческихъ сочиненій и умѣнья переводить, безъ грубыхъ этимологическихъ и синтаксическихъ ошибокъ, съ русскаго на французскій или нѣмецкій, легкія статьи историческаго и вообще повѣствовательнаго содержанія; но при этомъ совершенно отказаться отъ мысли научить учениковъ говорить и писать

по французски или по нѣмецки, что совершенно неисполнимо въ гимназіяхъ. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ отказаться отъ обстоятельнаго ознакомленія учениковъ съ исторіей той или другой литературы, такъ какъ, по недостатку времени, ученики не въ состояніи познакомиться сами съ сочиненіями писателей, о которыхъ говорится въ курсахъ исторіи литературы. Такимъ образомъ, преподаваніе новыхъ языковъ въ гимназіяхъ должно въ частности обнимать два рода занятій: изученіе граматики и переводы съ изучаемыхъ языковъ на русскій и обратно; слѣдовательно, способъ преподаванія ихъ долженъ быть теоретическій и практическій. При этомъ, на основаніи опыта, для вѣрнѣйшаго обезпеченія успѣховъ, теорія должна постоянно идти рука объ-руку съ практикой: каждое теоретическое правило должно сопровождаться практическими занятіями; каждое практическое занятіе—теоретическими выводами. Въ этомъ-то смыслѣ и составлены оба учебные плана новыхъ языковъ. Въ нихъ, по порядку классовъ, показанъ какъ теоретическій матеріалъ, который долженъ быть усвоенъ учениками, такъ и соотвѣтствующія ему практическія занятія.

2. И теоретическій матеріалъ и практическія занятія расположены по отдѣламъ и статьямъ. Но этимъ отдѣламъ и статьямъ не слѣдуетъ придавать характера строгой преемственности. Установленные и предназначенные для того или другаго класса разные виды занятій должны сливаться между собою въ самомъ ходѣ преподаванія, служа другъ другу объясненіемъ и восполненіемъ. Такимъ же образомъ, виды занятій, показанные въ одномъ классѣ, никакъ не должны окончательно прекращаться въ томъ классѣ. Напротивъ, они постоянно, при удобныхъ случаяхъ, должны быть повторяемы, расширяемы и примѣняемы къ занятіямъ слѣдующихъ классовъ.

3. Граматическій матеріалъ въ учебныхъ планахъ обоихъ языковъ проведенъ чрезъ всѣ классы. Этимологія начинается во II-мъ классѣ и заканчивается въ IV-мъ; простѣйшія синтаксическія указанія также начинаются уже со II-го класса, а въ подробности синтаксисъ оканчивается въ VI-мъ. При этомъ, этимологію и синтаксисъ положено проходить не сплошь по учебнику, въ общепринятомъ систематическомъ порядкѣ, то-есть, одну часть за другою вполнѣ, а выбирая изъ каждой части для каждаго класса то, что, по относительной легкости или трудности, отвѣчаетъ возрасту и степени развитія учащихся. Такъ, изъ этимологіи назначены сначала формы правильныя и наиболѣе простыя, потомъ формы неправильныя и болѣе сложныя; изъ синтаксиса—сначала правила легкія, потомъ постепенно труд-

нѣйшія. Это сдѣлано въ тѣхъ видахъ, чтобы, удовлетворяя общему основанію, постановленному относительно новыхъ языковъ, то-есть, веденію преподаванія одновременно и теоретически и практически, можно было уже во II-мъ классѣ начать практическія занятія, для которыхъ непремѣнно нуженъ соотвѣтственный учебный матеріалъ какъ изъ этимологіи, такъ и изъ синтаксиса. Затѣмъ, въ дальнѣйшихъ классахъ теоретическій матеріалъ постепенно пополняется, параллельно съ расширеніемъ занятій практическихъ, а въ послѣднихъ двухъ классахъ назначается систематическое повтореніе и этимологіи и синтаксиса и довершаются практическія занятія—до уровня, опредѣленнаго въ объяснительной запискѣ министерства къ новой реформѣ гимназическаго устава. Вслѣдствіе такого распредѣленія, ученикъ, при окончаніи курса, несомнѣнно долженъ вынести какъ полное знаніе этимологіи и синтаксиса, такъ и отчетливое пониманіе довольно трудныхъ авторовъ и умѣнье довольно правильно переводить съ русскаго языка на изучаемый.

4. Оба учебные плана, какъ французскаго, такъ и нѣмецкаго языка, составлены по одной нормѣ. Различіе между ними заключается лишь въ томъ, что, мѣстами, по тому или другому языку, сдѣланы нѣкоторыя дополненія или опущенія, вызываемыя общимъ характеромъ или особенными свойствами этихъ языковъ. Къ концу же курса преподаваніе обоихъ языковъ сводится къ одинаковому результату.

5. Что касается до частностей при исполненіи учебныхъ плановъ, то преподавателямъ рекомендуется принять во вниманіе слѣдующее:

а) При передачѣ ученикамъ теоретическихъ свѣдѣній, въ видахъ сбереженія времени, никакъ не слѣдуетъ вдаваться въ разныя граматическія опредѣленія и раздѣленія, которыя должны быть извѣстны ученикамъ изъ преподаванія русскаго и латинскаго языковъ, предупреждающаго преподаваніе новыхъ. Но если, для выраженія однихъ и тѣхъ же отношеній, по укоренившемуся обычаю, въ томъ или другомъ языкѣ существуютъ различные термины, то необходимо ихъ объяснить и по возможности согласить съ извѣстными уже ученикамъ граматическими терминами изъ другихъ языковъ, въ избѣжаніе сбивчивости въ понятіяхъ учениковъ.

б) Вездѣ, гдѣ въ новыхъ языкахъ, особенно во французскомъ, какое-либо слово или этимологическая форма заимствованы изъ латинскаго, слѣдуетъ указать на такое заимствованіе, съ объясненіемъ, по возможности, происшедшихъ при томъ измѣненій.

в) Равнымъ образомъ важно останавливать вниманіе учащихся

на тѣхъ особыхъ синтаксическихъ правилахъ и оборотахъ новыхъ языковъ, которые совпадаютъ съ правилами и оборотами латинскаго языка; также желательно, чтобы, по мѣрѣ возможности, были объясняемы и тѣ случаи, когда извѣстныя правила и обороты новыхъ языковъ отличаются отъ соотвѣтствующихъ имъ правилъ и оборотовъ латинскихъ.

г) При объясненіи синонимовъ и переводѣ галлицизмовъ и германизмовъ, нужно стараться каждый разъ подъискивать наиболѣе подходящія къ нимъ выраженія на русскомъ языкѣ.

д) При переводахъ съ изучаемаго новаго языка на русскій и съ русскаго на изучаемый, слѣдуетъ держаться двухъ пріемовъ: сначала передать текстъ только съ соблюденіемъ наибольшей точности и близости къ подлиннику, а потомъ уже придать переводу надлежащую правильность и чистоту, согласно съ законами и свойствами языка, на который дѣлается переводъ. Переводы, по ближайшимъ педагогическимъ соображеніямъ, должны быть — или (и притомъ преимущественно) изготовляемы учащимися во время самыхъ уроковъ, или задаваемы имъ на домъ (безъ излишняго впрочемъ обремененія учащихся), или наконецъ дѣлаемы въ классѣ à livre ouvert.

6. Въ обоихъ учебныхъ планахъ опредѣлена нормальная степень познаній, какихъ слѣдуетъ требовать отъ учениковъ при окончаніи ими полнаго гимназическаго курса. Но еслибы въ тѣ или другіе годы, въ той или другой гимназіи, при особенно счастливомъ составѣ учениковъ, представилась возможность довести ихъ до бо̀льшихъ успѣховъ, какъ-то до чтенія избранныхъ эпизодовъ изъ труднѣйшихъ, поэтическихъ произведеній (напримѣръ, по французскому языку — изъ Монтескьё, Корнеля и Расина, по нѣмецкому — изъ Лессинга Гёте и Шиллера), а также до опытовъ въ легкихъ сочиненіяхъ, — то такое возвышеніе уровня знаній учениковъ не только не воспрещается, но и желательно.

7. Равнымъ образомъ, въ случаѣ, еслибы въ какомъ нибудь классѣ какая нибудь группа учениковъ, вслѣдствіе предварительнаго домашняго приготовленія, оказалась имѣющею бо̀льшія свѣдѣнія чѣмъ тѣ, какія по учебному плану положено сообщать въ томъ классѣ, то искусству и педагогической опытности преподавателя рекомендуется отдѣлять такихъ учениковъ отъ прочихъ, и не заставляя ихъ тратить понапрасну время на прохожденіе уже извѣстнаго, вести ихъ далѣе по пути усвоенія ими изучаемаго языка.

8. Составленіе подробнѣйшихъ программъ преподаванія новыхъ

языковъ, равно какъ и всѣхъ другихъ предметовъ, въ гимназіяхъ, на основаніи настоящихъ учебныхъ плановъ, возлагается на преподавателей сихъ предметовъ по принадлежности; по разсмотрѣніи же и одобреніи этихъ программъ педагогическими совѣтами, онѣ представляются на утвержденіе попечителей учебныхъ округовъ.

IV. ПРИКАЗЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

16-го апрѣля 1877 года (№ 4). *Утверждаются:* экстраординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета *Дриновъ* — ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ каѳедрѣ славянской филологіи, съ 20-го декабря 1876 года.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, статскій совѣтникъ *Шкляревскій* — ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ каѳедрѣ медицинской физики, съ 4-го марта 1877 года.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Вейраухъ* — ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ каѳедрѣ физической географіи и метеорологіи.

Инспекторъ Императорской Казанской первой гимназіи, надворный совѣтникъ *Керенскій*—директоромъ Вятской гимназіи.

Старшій учитель Рижской губернской гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Ливенъ*—директоромъ Перновской гимназіи.

Старшій учитель Митавской гимназіи, коллежскій ассесоръ *Зееманъ*—директоромъ Лифляндской общественной гимназіи.

Коллежскій совѣтникъ *Рехъ*, докторъ медицины *Боневечъ*, магистръ фармаціи *Мейеръ* и исправляющій должность старшаго нотаріуса Саратовскаго окружнаго суда *Гильденштубе* — членами попечительства Саратовскаго реальнаго училища, на три года.

Титулярный совѣтникъ *Грековъ* и отставной войсковой старшина *Сидчиковъ*—почетными попечителями прогимназій: первый—Каменской и послѣдній—Нижнечирской, на трехлѣтіе съ мая 1876 года по май 1879 года.

Войсковой старшина *Симоновъ* и отставные: подполковникъ *Кирсановъ* и корнетъ *Золотаревъ* — почетными смотрителями окружныхъ училищъ: первый—Хоперскаго, второй—перваго Донскаго и послѣд-

ній—Новочеркасскаго, на трехлѣтіе съ мая 1876 года по май 1879 года.

Назначаются: псковскій губернскій предводитель дворянства, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Заринъ*, псковскій уѣздный предводитель дворянства, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Яхонтовъ*, предсѣдатель Псковской уѣздной земской управы *Вагановъ*, членъ Псковской губернской управы *Черемновъ*, дѣйствительный статскій совѣтники *фанъ-деръ-Флитъ* и 1-й гильдіи купецъ *Хмелинскій* — вновь членами попечительства Псковскаго реальнаго училища, на три года.

Причисляется къ министерству народнаго просвѣщенія, изъ отставныхъ: надворный совѣтникъ *Соловьевъ*, съ назначеніемъ членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, съ 4-го марта 1877 года.

Оставляются на службѣ на пять лѣтъ: инспекторъ народныхъ училищъ состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской, коллежскій совѣтникъ *Гребенниковъ*, съ 15-го января 1877 года.

Инспекторъ студентовъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, статскій совѣтникъ *Озерецкій*, съ 16-го марта 1877 года.

Командируются: ординарные профессоры Императорскаго университета св. Владиміра: *Павловъ*, *Иконниковъ*, *Владимірскій-Будановъ* и *Романовичъ-Словатинскій* и доцентъ сего университета *Антоновичъ*— на лѣтнее вакаціонное время 1877 года, на имѣющій быть въ Казани 4-й археологическій съѣздъ.

Увольняются въ отпускъ: *въ Имперіи: на четырнадцать дней:* исправляющій должность директора Мозырской прогимназіи, статскій совѣтникъ *Носовичъ*—въ Кіевъ.

На двадцать дней: инспекторъ Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища *Аноповъ*—въ разныя губерніи.

На лѣтнее вакаціонное время 1877 года: директоръ Преславльской учительской семинаріи, коллежскій ассесоръ *Наховскій* — въ С.-Петербургъ и Варшаву.

Съ 20-го мая до конца лѣтняго вакаціоннаго времени 1877 года: директоръ Калужской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бибиковъ*—въ разныя губерніи по болѣзни.

За границу: *на двадцать дней:* доцентъ Императорскаго Дерптскаго университета, надворный совѣтникъ *Рейгеръ*.

Съ 15-го іюня по 1-е августа 1877 года: директоръ Гродненской гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Татлинъ*, по болѣзни.

На два мѣсяца: директоръ коллегіи Павла Галагана, коллежскій совѣтникъ *Шульженко* и учитель Рижскаго русскаго уѣзднаго училища, коллежскій ассесоръ *Мальмъ*, оба по болѣзни.

Съ 7-го іюня по 13-е августа 1877 года: учитель Ришельевской гимназіи *Манцовъ*.

На лѣтнее вакаціонное время 1877 года: ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Дерптскаго: дѣйствительные статскіе совѣтники: *Эттингенъ* и *Фогель*, статскіе совѣтники: *Митгофъ* и *Петерсенъ* и доктора: *Гофманъ* и *Бемъ*, Московскаго *Троицкій* и Новороссійскаго *Цитовичъ* и *Мечниковъ*, экстраординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, *Помяловскій* и Дерптскаго, *Гершельманъ*, лекторъ Императорскаго Новороссійскаго университета *Шапеллонъ*, директоръ С.-Петербургской шестой гимназіи, статскій совѣтникъ *Максимовъ*, исправляющій должность директора Смоленской гимназіи *Гобза*, завѣдывающій гимназіею при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ *Златоустовскій*, инспекторъ Московской четвертой гимназіи *Гринчакъ*, исправляющій должность инспектора Варшавской 1-й мужской гимназіи *Веденяпинъ*, учители гимназій: С.-Петербургской шестой, коллежскій ассесоръ *Фарникъ*, Московскихъ: первой, *Млинаричъ*, третьей, *Марцъ* и шестой, *Кимакъ*, Тульской, *Ясинскій*, Херсонской: *Растовчилъ* и *Бавлинка*, Ананьевской, *Полакъ*, Орловской: коллежскій совѣтникъ *Депи*, надворный совѣтникъ *Помянъ* и коллежскій ассесоръ *Долежелъ*, Тверской: *Голейшовскій* и *Крупаръ*, Кіевской первой: *Бондаренко*, *Юргенсенъ* и *Урбанъ*, Александровской Сумской, *Заблоцкій*, Кишиневской, надворный совѣтникъ *Лашковъ*, Пензенской, *Клучекъ*, Владимірской, *Анспахъ*, Дерптской, надворный совѣтникъ *Реймерсъ*, Ришельевской, *Коппе*, Варшавской 1-й мужской, статскій совѣтникъ *Роде*, Калишской мужской статскій совѣтникъ *Вальдъ* и Сѣдлецкой мужской, губернскій секретарь *Шулякевичъ*, учитель гимназическихъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ *Вегеръ*, врачъ Тверской гимназіи *Пецольдъ*, учительница Маріинской Воронежской женской гимназіи *Степанова*, надзирательница Херсонской Маріинской женской гимназіи *Пиленко*, классная дама Плоцкой женской гимназіи *Мау*, учители реальныхъ училищъ: Сызранскаго, статскій совѣтникъ *Бейзертъ*, Варшавскаго, коллежскій совѣтникъ *Мальмъ*, Виленскаго, *Маръ*, Динабургскаго, *Пежо* и Николаевскаго Александровскаго *Генель*, учители прогимназій: Шуйской, *Янушка*, Каменской, *Кабеле* и Θеодосійской, *Якубовичъ*, инспекторъ Дерптской учитель-

ской семинаріи, коллежскій ассесоръ *Маасъ*, учители Нижегородскаго Александровскаго института: коллежскій ассесоръ *Ситарскій* и состоящій въ VIII классѣ *Еше*, членъ отъ правительства при управленіи главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ, тайный совѣтникъ *Ульрихсъ*, учители сего училища: *Бонжуръ*, *Миттерлахеръ*, *Фишеръ*, *Аккерманъ*, *Земанъ* и *Шлезвихъ*, управляющій Варшавскимъ рисовальнымъ классомъ, въ званіи камергера, *Ляхницкій*, учитель Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища *Карповъ* и учитель одноклассваго Обмалскаго сельскаго начальнаго общаго училища, Бѣлгорайскаго уѣзда: *Чермюнчакевичъ*; изъ нихъ по болѣзни: Помяловскій, Максимовъ, Веденяпинъ, Заблоцкій, Роде, Шулякевичъ, Степанова, Мау, Бейзертъ, Мальмъ и Ляхницкій.

На лѣтнее вакаціонное время 1877 года и четырнадцать дней: директоръ Варшавской 1-й мужской гимназіи, статскій совѣтникъ *Крижановскій*, по болѣзни.

Съ 16-го мая по 15-е августа 1877 года: доцентъ Императорскаго Казанскаго университета, надворный совѣтникъ *Хомяковъ*.

На лѣтнее вакаціонное время 1877 года и двадцать восемь дней: ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Казанскаго, коллежскій совѣтникъ *Ермолаевъ* и Дерптскаго, статскій совѣтникъ *Мюлау*, исправляющій должность ординарнаго профессора Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Эминъ*, учители гимназій: Пензенской, статскій совѣтникъ *Короваевъ*, Новочеркасской, коллежскій совѣтникъ *Норовъ* и Варшавской 1-й мужской, коллежскій ассесоръ *Янцевичъ*; изъ нихъ Эминъ, Короваевъ, Норовъ и Янцевичъ по болѣзни.

Съ 25-го мая по 7-е августа 1877 года: директоръ Рижской Александровской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гамбурцовъ*, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1877 года и двадцать девять дней: доцентъ Императорскаго Дерптскаго университета *Мазингъ*, по болѣзни.

Съ 14-го мая по 15-е августа 1877 года: лаборантъ химической лабораторіи Императорскаго Новороссійскаго университета *Меликовъ*.

Увольняются отъ службы: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Циглеръ*, за выслугу срока, съ 18-го марта 1877 года, съ утвержденіемъ въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора.

Чиновникъ особыхъ порученій VI класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ *Кочетовъ*, согласно прошенію, съ 24 марта 1877 года.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: ординарнымъ профессорамъ Императорскаго Дерптскаго университета: статскому совѣтнику *Валю* и дѣйствительному статскому совѣтнику *Эттингену*, бургомистру *Купферу*, дѣйствительному статскому совѣтнику *Руктишелю* и консуленту *Вульфіусу*: первому — за безмездное предоставленіе имъ въ распоряженіе означеннаго университета, для расширенія терапевтической клиники, дома съ садомъ, и усердіе въ пользу науки, а остальнымъ—за труды ихъ и содѣйствіе къ устройству и содержанію этого помѣщенія клиники.

Исключаются изъ списковъ умершіе: деканъ историко-филологическаго факультета Императорскаго университета св. Владиміра, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Селинъ* и директоръ Вятской гимназіи, статскій совѣтникъ *Фишеръ*.

16-го мая 1877 года (№ 5). *Утверждаются*: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, тайный совѣтникъ *Матвѣевъ* — вновь ректоромъ сего университета на четыре года, со 2-го мая 1877 года. Ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, статскій совѣтникъ *Головкинскій*—ректоромъ сего университета на четыре года, съ 19-го мая 1877 года. Коллежскій совѣтникъ, въ званіи камергера, графъ *Толстой* — вновь почетнымъ попечителемъ Ришельевской гимназіи, на три года. Дѣйствительный статскій совѣтникъ *Маразли* — вновь почетнымъ попечителемъ Одесскаго реальнаго училища, на три года. *Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлію*: доценту Императорскаго университета св. Владиміра, магистру *Мищенку*—по 15-е августа 1877 года. Бывшему учителю Кіевской прогимназіи *Жданову* — по 1-е мая 1878 года. *Командируются за границу съ ученою цѣлію:* сверхштатный лаборантъ земледѣльческой лабораторіи института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи *Москалевскій*—на два мѣсяца, съ 1-го іюля 1877 года. Директоръ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, тайный совѣтникъ *Струве* — на три мѣсяца. Доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета, магистръ *Петріевъ*—съ сентября 1877 года, на одинъ годъ и 8 мѣсяцевъ. *Продолжается срокъ отпуска за границу*: ординатору офталмологической клиники Императорскаго Варшавскаго университета *Крамштыку*—по 20-е августа 1877 года,

по болѣзни. *Увольняются въ отпускъ, по болѣзни*: попечитель Виленскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ *Сергіевскій*—на шесть недѣль, къ Кавказскимъ минеральнымъ водамъ. Попечитель Кіевскаго учебнаго округа, генералъ-лейтенантъ *Антоновичъ*—на три мѣсяца, въ разныя губерніи Россіи и за границу. *Увольняется, согласно прошенію:* ректоръ Императорскаго Московскаго университета, заслуженный ординарный профессоръ, тайный совѣтникъ *Соловьевъ* — отъ службы въ семъ университетѣ. *Дозволяется*: бывшему окружному инспектору Казанскаго учебнаго округа, дѣйствительному статскому совѣтнику *Сахарову* носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: книгу „*Учебное руководство по предмету священнаго писанія для I и II классовъ духовныхъ семинарій*"—допустить для пріобрѣтенія въ основныя библіотеки гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „*Учебникъ минералогіи*. Руководство для среднихъ учебныхъ заведеній съ реальнымъ курсомъ. Составилъ на основаніи учебныхъ плановъ и программъ, утвержденныхъ г. министромъ народнаго просвѣщенія для реальныхъ училищъ, *К. Ѳ. Ярошевскій*. Съ 134 политипажами. Москва, 1877 г. Цѣна 1 р. 25 к."—одобрить какъ руководство для реальныхъ училищъ.

— Изданіе: „*Природа, популярный естественно-историческій сборникъ*. Годъ четвертый. Москва. 1876 г. Книга 1-я. Съ 2-мя хромолитографіями, 5-ю литографіями, портретомъ и 113-ю политипажами въ текстѣ. Кн. 2-я. Съ 2-мя хромолитографіями, 4-мя литографіями и 125-ю политипажами въ текстѣ. Кн. 3-я. Съ хромолитографіей, 3-мя литографіями, фотолитографіей, 2-мя портретами и 72-мя политипажами въ текстѣ. Кн. 4-я. Съ хромолитографіей, 3-мя литографіями, фотографіей, 2-мя ксилографіями и 72-мя политипажами въ текстѣ",—одобрить для основныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „*Систематическій курсъ ботаники*, составленный для реальныхъ училищъ директоромъ Псковскаго реальнаго училища *П. Раевскимъ*. Второе, исправленное издяніе, съ 108-ю рисунками. СПб. 1877 г. Цѣна 1 руб. 24 коп.,“—признать чрезвычайно удобнымъ и полезнымъ руководствомъ при преподаваніи ботаники въ реальныхъ училищахъ.

— Книгу „*Краткій учебникъ географіи*: Курсъ III (Европа), для учениковъ III класса среднихъ учебныхъ заведеній. Съ приложеніемъ картъ въ текстѣ. Сост. *И. Янчинъ*, преподаватель Московскаго реальнаго училища. Москва. 1876 г. Цѣна 60 коп.“—одобрить въ видѣ руководства для гимназій.

— Книгу: „*Руководство алгебры и собраніе алгебраическихъ задачъ* для гимназій, реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ. Составилъ *А. Малининъ* и *К. Буренинъ*. Изд. 4-е, дополненное. Москва. 1875 г. Цѣна 1 р.“,—одобрить, въ видѣ руководства, для мужскихъ гимназій, для учительскихъ институтовъ и для реальныхъ училищъ, а также допустить, въ видѣ учебнаго пособія, для женскихъ гимназій.

— Книгу: „*Латинская граматика*—доктора *Фердинанда Шульца*, обработанная для русскихъ гимназій *Юріемъ Ходобаемъ*, преподавателемъ 3-й Московской гимназіи и Лицея Цесаревича Николая. Курсъ младшаго возраста. Изд. 3-е, исправленное. Москва. 1877 г. Цѣна 80 к.“—одобрить какъ учебное руководство по латинскому языку для 4-хъ низшихъ классовъ гимназій.

— Книгу: „*Историческая хрестоматія новаго періода русской словесности*“ (отъ Петра I до нашего времени). Сост. *А. Галаховъ*. Изд. 2-е, съ перемѣнами. Т. I и II. СПб. 1877 г.“—рекомендовать, какъ учебное пособіе для гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ семинарій и учительскихъ институтовъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книги: „*Публичныя педагогическія лекціи о преподаваніи въ школахъ для солдатъ*", читанныя въ Казанскомъ пѣхотномъ юнкерскомъ училищѣ священникомъ *Платономъ Заринскимъ*. Казань. 1870 г. Цѣна 75 коп., съ пересылкою 1 руб."

Солдатская школа. Подробное практическое руководство къ устройству школъ грамотности въ войскахъ и къ обученію нижнихъ чиновъ въ ротныхъ школахъ и учебныхъ командахъ. Составилъ священникъ *Платонъ Заринскій.* Въ двухъ частяхъ, съ прибавленіями, азбукою и ариѳметическими задачами. СПб. 1876 г. Цѣна 1 руб. 50 коп."—допустить въ библіотеки начальныхъ и городскихъ училищъ и учительскихъ семинарій.

— Брошюры подъ заглавіемъ: „*Разсказъ изъ естественной исторіи. Обезьяны.* Изданіе Московскаго общества распространенія полезныхъ книгъ. 2 выпуска. Москва. 1864—1865 гг. Ц. каждаго выпуска по 15 к."—допустить для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 16-й день текущаго мая, Высочайше соизволилъ: предоставленное учительскимъ семинаріямъ министерства народнаго просвѣщенія право подвергать испытанію на званіе учителя начальнаго народнаго училища, наравнѣ съ другими учебными заведеніями, поименованными въ Высочайше утвержденномъ 22-го апрѣля 1868 года мнѣніи государственнаго совѣта о порядкѣ пріобрѣтенія учительскихъ званій, распространить на учительскія семинаріи Варшавскаго учебнаго округа, съ тѣмъ, чтобъ означенныя испытанія въ семинаріяхъ производились въ началѣ учебнаго года, одновременно съ пріемными экзаменами, и чтобы дозволено было выдержавшимъ въ семинаріяхъ удовлетворительно испытаніе на званіе начальнаго учителя, посѣщать практическое при семинаріи училище въ теченіе двухъ или трехъ недѣль, для ознакомленія съ методами обученія, и давать въ немъ пробные уроки.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 16-й день сего мая, Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку въ актовомъ залѣ Петровскаго-Ростовскаго

реальнаго училища портретовъ: его сіятельства графа Дмитрія Андреевича Толстаго и тайнаго совѣтника Голубцова.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 17-й день сего мая, Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку въ актовомъ залѣ Петровскаго-Ростовскаго реальнаго училища портрета почѣтнаго попечителя сего училища, статскаго совѣтника Ановича.

— Вслѣдствіе ходатайства президента состоящаго при Московскомъ университетѣ Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи г. министръ народнаго просвѣщенія имѣлъ счастіе всеподданнѣйше испрашивать Высочайшее Государя Императора соизволеніе на дозволеніе помянутому обществу устроить въ Москвѣ, въ теченіе лѣта 1879 г., антропологическую выставку. Причемъ представлено было на Высочайшее воззрѣніе заявленіе генералъ-адъютанта Исакова, что Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ соблаговолилъ изъявить согласіе принять на себя званіе почетнаго предсѣдателя предстоящей выставки, если на то послѣдуетъ Высочайшее утвержденіе.

На докладѣ по означенному предмету послѣдовала въ 20-й день минувшаго мая, въ Царскомъ-Селѣ, Высочайшая Его Императорскаго Величества резолюція: „*Согласенъ*“.

Всеподданнѣйшій адресъ Дерптскаго университета.

Ваше Императорское Величество, Государь всемилостивѣйшій! Вкругъ высокаго престола Вашего Величества въ настоящія годины великихъ историческихъ расчетовъ, ото всѣхъ предѣловъ необъятной державы Вашей собираются всѣ Ваши вѣрноподданные въ живое свидѣтельство своей безпредѣльной готовности на всякія жертвы, дабы споспѣшествовать великодушнымъ предначертаніямъ Вашего Величества къ улучшенію жребія христіанъ, цѣлые вѣка гнетомыхъ тяжкимъ турецкимъ владычествомъ.

Служители науки въ Дерптскомъ университетѣ глубоко ощущаютъ въ сердцахъ своихъ эту радостную, всеобщую готовность на жертвы, ощущаютъ потребность высказать эту готовность у престола Вашего Величества предъ лицомъ всего великаго государства Вашего.

Сознавая и нынѣ — какъ и во всѣ великія историческія годины Россіи — ту неразрывную связь, которая соединяетъ Императора

Всероссійскаго со всѣми вѣрными Его подданными, во всѣхъ слояхъ и народностяхъ великой Его державы, во единую волю, мысль и сердце, мы въ непоколебимомъ упованіи на милость Господню, столь видимо почивающую на предначертаніяхъ Вашего Императорскаго Величества, остаемся неизмѣнно Ваши, Государь Всемилостивѣйшій, вѣрноподданные ректоръ и профессоры Дерптскаго университета. Подписалъ: отъ имени Дерптскаго университета ректоръ Мейковъ.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія изволилъ приказать: рекомендовать учебнымъ заведеніямъ министерства народнаго просвѣщенія слѣдующую книгу: „Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ Императорской академіи наукъ, изд. 2-ое, въ 4-хъ томахъ. Цѣна за экземпляръ 7 руб. 50 коп. съ пересылкою 8 руб. 50 коп.“—При этомъ, согласно заявленію книжнаго магазина О. И. Бакста, сообщается, что учебнымъ заведеніямъ уступается 1 рубль, а при покупкѣ не менѣе 10 экземпляровъ разомъ, дѣлается уступка по 1 руб. 50 коп. съ экз. Желающіе воспользоваться означенною уступкой благоволятъ обращаться съ своими требованіями исключительно въ книжный магазинъ О. И. Бакста, С.-Петербургъ, Большая Итальянская, № 2.

— Вслѣдствіе представленія Г. попечителя Казанскаго учебнаго округа, и согласно § 30 устава гимназій и прогимназій, Г. министръ народнаго просвѣщенія утвердилъ, опредѣленный педагогическимъ совѣтомъ Вольской прогимназіи, съ начала будущаго 1877—1878 учебнаго года, размѣръ платы за ученіе въ названной прогимназіи: въ приготовительномъ классѣ по *двѣнадцати руб.*, а въ прочихъ классахъ по *двадцати руб.* въ годъ съ каждаго ученика.

— Вслѣдствіе представленія попечителя Одесскаго учебнаго округа, г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ взимать плату за ученіе въ Кишиневскомъ реальномъ училищѣ, начиная съ будущаго учебнаго года, по *сорока рублей* въ годъ съ каждаго ученика.

— По донесенію попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, 16-го минувшаго марта открыта русско-башкирская школа въ дер. Аскаровой 1-ой, Орскаго уѣзда, Оренбургской губ., и 24-го минувшаго марта открытъ русскій классъ при медрессе дер. Арслановой, Уфимскаго уѣзда. При открытіи сего класса желающихъ учиться русскому языку оказалось 13 шакирдовъ отъ 15-ти до 27-ми лѣтняго возраста.

— По донесенію попечителя Одесскаго учебнаго округа, 13-го минувшаго мая Бодичанское народное училище преобразовано въ одноклассное училище министерства народнаго просвѣщенія, при 50 учащихся, и того же числа вновь открыто одноклассное училище министерства народнаго просвѣщенія въ с. Попештахъ-Низшихъ, при 30 учащихся.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

отъ Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія.

По распоряженію Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, объявляется, что впредь учебныя пособія и руководства не будутъ одобряемы для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, не смотря на всѣ внутреннія достоинства, если не будутъ печатаны четкимъ, и, по возможности, крупнымъ шрифтомъ, равно и на бумагѣ достаточно плотной и не просвѣчивающей.

РАВЕННА И ЕЯ ДРЕВНОСТИ [1].

IV.

Самымъ древнимъ зданіемъ въ Равеннѣ слѣдуетъ считать ея соборную церковь, хотя дѣйствительно древняго въ ней сохранилось очень немного. Она была построена около 400 года епископомъ Урсомъ, отъ имени котораго и донынѣ сохраняетъ названіе *Basilica Orsiana*. До тѣхъ поръ въ Равеннѣ не было достойнаго храма Божія, и въ немъ не могла не чувствоваться надобность, особенно со времени перенесенія туда столицы. Одни думаютъ, что епископъ Урсъ, происходившій будто бы изъ богатаго сицилійскаго рода, посвятилъ церкви свое состояніе, другіе—что императоръ Гонорій пожертвовалъ сицилійскіе доходы въ пользу равеннскаго собора. Какъ бы то ни было, воздвигся обширный и богато украшенный храмъ. О постройкѣ его разказываетъ аббатъ Агнеллъ. „Весь народъ", говоритъ онъ,—„какъ одинъ человѣкъ радовался построенію новаго храма, и всѣ съ веселіемъ принимали участіе въ работахъ". Стѣны храма были покрыты дорогимъ мраморомъ, на крышѣ разноцвѣтная черепица (tesselli) расположена различными узорами. Въ части храма, предназначавшейся для мужчинъ, стѣны были украшены рельефными аллегорическими изображеніями людей и животныхъ. Въ женскомъ отдѣленіи, кажется, не было подобныхъ украшеній, а были только мраморныя плиты и колонны. Церковь получила названіе Anastasis или Agia Anastasis (воскресеніе), то-есть, была посвящена празднику Воскресенія Христова. Равеннцы дорожили своимъ соборомъ и старались всячески украшать и поддерживать его. Съ теченіемъ времени онъ потребовалъ большихъ поправокъ; въ нихъ, конечно, высказался но-

---

[1] *Окончаніе*. См. іюньскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

вый вкусъ и сталъ все больше и больше закрывать собою древность. Наконецъ, въ XVIII вѣкѣ, стараніемъ трехъ слѣдовавшихъ одинъ за другимъ епископовъ, онъ совершенно перестроился въ стилѣ того времени. Теперь отъ древности осталась только высокая круглая, отдѣльно стоящая башня, немного покосившаяся на бокъ, которая служитъ колокольней. Другой остатокъ древности—недавно открытый склепъ подъ алтаремъ, недоступный потому, что даже и лѣтомъ залитъ водою. Доктору Рану удалось видѣть рисунки этого склепа, сдѣланные кавалеромъ Ланчіани, занимающимся раскопками въ Равеннѣ. По его словамъ, это полукруглое помѣщеніе, поддерживаемое шестью колоннами то съ коринѳскими, то съ іоническими капителями, образующими разнообразные своды [1]).

Внутренность собора украшена образами работы лучшихъ живописцевъ Романіи, между прочимъ Гвидо Рени, уроженца Болоньи. Въ ризницѣ и отчасти въ самомъ храмѣ хранится нѣсколько остатковъ древней церкви. Въ стѣнѣ прохода за алтаремъ вдѣланы мраморныя доски, покрытыя изображеніями рыбъ, голубей, ягнятъ, павлиновъ и другихъ символическихъ животныхъ,—вѣроятно, остатокъ древняго украшенія, о которомъ говоритъ Агнеллъ [2]). Въ другомъ мѣстѣ, возлѣ входа въ ризницу, вдѣлана мраморная доска съ пасхальною таблицей отъ 532 до 622 года. Къ этому же времени относится серебряный крестъ, называемый крестомъ св. Агнелла, который, вѣроятно, прежде былъ запрестольнымъ. Величина его около двухъ аршинъ, и онъ весь составленъ изъ круглыхъ образовъ. Всѣхъ образовъ двадцать-одинъ. Въ самой серединѣ съ одной стороны изображено Воскресеніе Христово, съ другой—молящаяся Богородица съ приподнятыми руками. Остальные двадцать расположены крестообразно, правильнымъ равноконечнымъ крестомъ, по пяти въ каждую сторону. Крестъ этотъ былъ устроенъ епископомъ Агнелломъ, жившимъ во время Юстиніана (списк. 558—566 гг.). По ревностной заботливости объ украшеніи храмовъ, этотъ епископъ сходился съ самимъ императоромъ. Не безъ его стараній совершилась въ то время передача православнымъ всѣхъ аріанскихъ храмовъ, изъ которыхъ многіе отличались великолѣпіемъ. При немъ же были построены и другіе

---

[1]) *R. Rahn*, Ein Besuch in Ravenna въ *Jahrbücher für Kunstwissenschaft* von *A. Zahn*. 1868, Bd. I, S. 166.

[2]) Думаютъ также, что они служили украшеніемъ амвона.

храмы [1]). Кромѣ нѣкоторыхъ менѣе замѣчательныхъ вещей, которыхъ древность не такъ опредѣленна, въ ризницѣ хранится еще древнее епископское кресло, приписываемое Максиміану (еписк. 546—553 гг.). Это кресло изъ слоновой кости, покрытое разными изображеніями [2]). На нижней части его спереди изображено пять рельефныхъ фигуръ; четыре боковыя—фигуры евангелистовъ, средняя, держащая въ рукѣ агнца, принимается одними за Христа, другими за Іоанна Крестителя, такъ какъ агнецъ есть принадлежность изображенія добраго пастыря, символа Христа, а вмѣстѣ съ тѣмъ часто присоединяется къ образу Іоанна. Впрочемъ, самая фигура и одежда ея скорѣе предполагаетъ Іоанна, чѣмъ Христа. Надъ этими изображеніями находится монограмма, въ которой читается имя Maximianus episcopus, почему и кресло приписывается Максиміану. На боковыхъ стѣнкахъ представлена исторія Іосифа въ десяти изображеніяхъ. Высокая, вогнутая и закругленная сверху спинка раздѣлена на небольшіе четыреугольные куски, въ которыхъ недостаетъ четырнадцати. На оставшихся находятся изображенія изъ жизни Іисуса Христа. Въ недавнее время найдена одна табличка, вѣроятно, изъ числа пропавшихъ. Она вырѣзана съ обѣихъ сторонъ: съ одной стороны представлено претвореніе воды въ вино; съ другой — сонъ Іосифа, которому является ангелъ, и бѣгство въ Египетъ [3]).

Возлѣ собора стоитъ почти одновременное съ нимъ зданіе, баптистерій, *San Giovanni in Fonte*. На западѣ до довольно поздняго времени существовалъ обычай совершать крещеніе въ городахъ только въ соборной церкви. Для этого при соборахъ строились отдѣльныя зданія круглой формы съ купелью, то-есть, съ водоемомъ по срединѣ. Купель бывала довольно большая, такъ какъ крещеніе до XIV вѣка совершалось черезъ погруженіе. Эта купель, а отъ нея и

---

[1]) *Agnelli*, Lib. Pont., vita S. Agnelli, cap. II, III; *Ughelli*, Italia Sacra, t. II, p. 337. По описанію Агнелла лѣтописца, въ срединѣ креста былъ изображенъ епископъ на молитвѣ; но это, кажется, ошибка, потому что женская фигура видна совершенно ясно; Агнеллъ же говоритъ, что крестъ этотъ былъ поставленъ за епископскимъ мѣстомъ.

[2]) Рисунокъ этого кресла помѣщенъ у *Муратори* въ т. II, стр. 215 на пяти таблицахъ. У *Рана* въ Ein Besuch in Ravenna есть также снимокъ съ изображенія одного изъ евангелистовъ.

[3]) *Agnelli*, Lib. Pont., vita S. Ursi, p. 51; *Ughelli*, Italia Sacra, t. II, p. 331, 362. Предполагаютъ также, что это послѣднее изображеніе есть переселеніе въ Виѳлеемъ (*Rossi* въ *Bulettino di archeologia christiana*, III, 28, 29).

самое зданіе, получило названіе баптистерія, то-есть, крестильни (βαπτιστεριον, baptisterium, также φωτιστεριον, illuminatorium, иногда aula baptismalis). Подобныя баптистеріи видимъ мы при соборахъ во Флоренціи, Пизѣ, Болоньѣ, Пармѣ, Римѣ и другихъ мѣстахъ, гдѣ они теперь стоятъ безъ всякаго употребленія[1]). По словамъ Агнелла, равеннскій баптистерій былъ возобновленъ епископомъ Неономъ, то есть, между 426 и 430 годами; слѣдовательно, основаніе его должно относить къ еще болѣе отдаленному времени. Онъ сохранился до сихъ поръ почти безъ всякихъ передѣлокъ и по справедливости можетъ назваться однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ христіанскаго зодчества. Теперь это зданіе восьмиугольной формы, съ двумя низкими полукруглыми абсидами у двухъ сторонъ. По всей вѣроятности, оно стояло прежде на площади; теперь же съ двухъ сторонъ къ нему прислонились частныя постройки, и даже войдти въ него можно только черезъ сѣни сосѣдняго дома. По общему виду оно кажется нѣсколько низкимъ, приземистымъ въ сравненіи съ шириною. Но таково было оно вначалѣ. Почва, постепенно наростая въ продолженіе четырнадцати вѣковъ, поднялась около него аршина на два. Недавно кавалеръ Ланчіани произвелъ раскопки вокругъ баптистерія и открылъ остатки его древняго фундамента. По этимъ остаткамъ видно, что храмъ въ основаніи своемъ былъ не восьмиугольный, а четырехсторонній съ закругленными углами. Два изъ этихъ закругленныхъ угловъ и теперь образуются сохранившимися полукруглыми абсидами, высотою своею доходящими только до втораго яруса. По всей вѣроятности, имъ соотвѣтствовали еще два, и такимъ образомъ, баптистерій, четырехугольный въ основаніи, превращался въ восьмиугольный во второмъ ярусѣ. Раскопки открыли также и входную дверь въ храмъ, которая почти вся была занесена землею. Обѣ двери и вновь открытая, и та, которая служитъ теперь, расположены симметрично на двухъ сторонахъ противоположно алтарю. Надъ кровлями абсидовъ видны два ряда оконъ; въ первомъ ряду на каждой изъ восьми сторонъ одно большое окно, теперь прямоугольное, прежде же бывшее закругленнымъ вверху, какъ показываетъ кладка кирпича; во второмъ ряду длинныя формы двухсводныхъ оконъ, образуемыя нѣсколько углубленною кладкою, по двѣ на каждой сторонѣ[2]).

---

[1]) *Ducange*, Gloss. med. et inf. latinit.; *Augusti*, Die heiligen Handlungen der Christen, Bd. IV, Cap. VII.

[1]) *Rossi* въ *Bullettino di Archeol. christ.*, IV, 73.

Внутри баптистерій представляетъ также восьмиугольникъ съ углубленіями въ двухъ абсидахъ. Въ верху онъ округляется помощью парусовъ и оканчивается плоскимъ куполомъ. На сколько внѣшность его проста и незатѣйлива, на столько богата отдѣлкой внутренность. Великолѣпная мозаика сплошь покрываетъ куполъ, колонны и накладки изъ мрамора и порфира украшаютъ стѣны. Первый ярусъ украшеній на стѣнѣ состоитъ изъ восьми арокъ, опирающихся на колонны, поставленныя въ восьми углахъ храма. Колонны всѣ изъ различнаго мрамора, разныхъ діаметровъ и съ разными капителями, большею частью римскаго ордена. Стѣны въ аркахъ прежде были покрыты мраморными накладками; теперь сохранилось только нѣсколько плитъ въ немногихъ мѣстахъ. Самыя арки обрисованы на стѣнѣ мозаичною работой, а углы, образовавшіеся въ верху между ними, заполнены мозаичными же разводами; посреди каждаго, въ овальномъ вѣнкѣ изъ листьевъ, на золотомъ фонѣ стоитъ фигура, изображающая, какъ думаютъ, одного изъ пророковъ. Во второмъ ярусѣ надъ каждою аркой обозначены по три меньшія арки; средняя гораздо больше, чѣмъ двѣ боковыя, и въ ней приходится окно. Каждыя три арки вмѣстѣ соединены одною общею аркой. Въ боковыхъ лѣпныя украшенія позднѣйшаго времени: мужская фигура, стоящая подъ навѣсомъ, опирающимся на двѣ колонки; крыша навѣса то круглая, то острая, и на ней пара символическихъ животныхъ—овецъ, козловъ, львовъ, морскихъ лошадей, оленей, павлиновъ, орловъ, пѣтуховъ; они обращены къ стоящему между ними сосуду. Пространство между тремя меньшими и обнимающею ихъ общею аркой тоже заполнено лѣпными разводами изъ листьевъ; но отъ нихъ сохранились только остатки. Этимъ украшеніемъ кончаются стѣны, и выше начинается куполъ. Середину его занимаетъ изображеніе Спасителя, принимающаго крещеніе. Спаситель стоитъ до половины въ водѣ; Іоаннъ Креститель, обращенный профилью, одною ногой опирается на камень; въ одной рукѣ онъ держитъ посохъ съ крестомъ, въ другой чашу; нижняя часть его тѣла покрыта одеждой. Вмѣсто ангеловъ, обыкновенно изображаемыхъ при крещеніи, платъ держитъ Іорданъ въ видѣ старика, напоминающій рѣчнаго бога [1]). Вокругъ

---

[1]) Такое смѣшеніе христіанскаго и языческаго характера нерѣдко встрѣчается на древнихъ христіанскихъ образахъ. Такъ, напримѣръ, въ одной изъ римскихъ катакомбъ есть изображеніе Спасителя подъ видомъ Орфея, своею лирою привлекающаго къ себѣ животныхъ (см. *Seroux d' Agincourt*, Denkmäler der Malerei, tab. VIII).

этого образа на широкой полосѣ представлены двѣнадцать фигуръ апостоловъ. Они идутъ—шесть въ одну сторону и шесть въ другую; впереди Петръ и Павелъ, которые такимъ образомъ встрѣчаются. Въ рукахъ, окутанныхъ тогою, каждый несетъ вѣнецъ, богато украшенный драгоцѣнными каменьями. Рисунокъ фигуръ выказываетъ быстрое движеніе. Лица разнообразныя, головы въ разныхъ поворотахъ. Тоги и туники поперемѣнно бѣлыя и желтыя. Земля зеленая, а за фигурами видно голубое небо. Фигуры отдѣляются одна отъ другой золотыми стеблями съ листьями, а верхъ изображенія занимаетъ красная съ бѣлымъ полосатая драпировка, приподнятая надъ головою каждой фигуры. Вокругъ полосы съ апостолами идетъ другая, также довольно широкая, соединяющая мозаику купола съ украшеніями стѣны. Она состоитъ изъ разнообразныхъ пестрыхъ рисунковъ, раздѣляющихъ ее въ длину на тридцать-двѣ части. Въ каждой части архитектурныя украшенія образуютъ раму, въ которой помѣщенъ или аналогій съ раскрытымъ евангеліемъ, или престолъ, или епископское сѣдалище, или рѣшетка съ видною изъ-за нея зеленью.

По срединѣ храма устроена восьмиугольная же купель, выложенная мраморомъ и порфиромъ и окруженная мраморною же стѣнкой. Съ одной стороны ея — амвонъ, небольшой выступъ, предназначавшійся для священнодѣйствующаго. На стѣнкѣ амвона придѣлана мурохранительница въ формѣ лежащаго агнца. Съ двухъ сторонъ входа находятся двѣ капеллы, устроенныя недавно на мѣстѣ прежнихъ, пришедшихъ въ упадокъ. Въ одной изъ нихъ въ престолъ вставлена древняя каменная плита съ рельефными изображеніями; въ другой стоитъ мраморная урна, также со скульптурными украшеніями, которая, какъ говорятъ, находилась прежде въ храмѣ Юпитера въ Цезареѣ [1]).

Небольшая площадка съ одной стороны храма, вѣроятно, служила въ старину кладбищемъ, потому что на ней стоитъ нѣсколько мраморныхъ гробницъ-памятниковъ, относящихся къ гораздо позднѣйшему времени, чѣмъ само зданіе.

Подобной судьбѣ, какъ и соборъ, подверглась *базилика, посвященная св. Петру* и построенная въ одно время съ нимъ. Отъ ея древняго зданія осталась только алтарная часть—абсидъ, состоящій изъ половины десятиугольника съ пятью большими сводчатыми окнами.

---

[1]) *Agnelli*, Lib. Pont. vita, S. Neonis, cap. I, p. 58; *Ughelli*, Italia Sacra, t. II, p. 333.

На маленькомъ остаткѣ стѣны видѣнъ очеркъ прежнихъ оконъ, и можно догадаться о ея внѣшней отдѣлкѣ. Даже и имя храма перемѣнилось: теперь онъ называется *San Francesco* [1]. Рядомъ съ нимъ возвышается стройная и красивая четырехугольная башня — колокольня, которую нѣкоторые изслѣдователи относятъ къ тому же древнему времени.

Съ одной стороны церкви была, какъ полагаютъ, древняя паперть или ардика, какъ онѣ назывались въ Равеннѣ. Здѣсь стоитъ теперь капелла, извѣстная подъ именемъ *Braccio forte*, постройка не древняя, но сохранившая свое имя отъ очень древняго времени. Агнеллъ, упоминая, что на паперти храма св. Петра былъ похороненъ епископъ Неонъ, разказываетъ преданіе о происхожденіи этого названія, „потому что", говоритъ онъ,—„уже немногіе старики помнятъ это". Собственно Braccio forte, Brachium forte назывался образъ, находившійся на стѣнѣ при входѣ на паперть церкви Петра Апостола. Этотъ образъ представлялъ Спасителя съ протянутою рукою; по сторонамъ его были изображены апостолы Петръ и Павелъ. Однажды, говоритъ Агнеллъ,—два человѣка заключили между собою союзъ дружбы. Какъ-то одному изъ нихъ понадобились деньги, и онъ обратился къ другому, прося его ссудить ихъ ему тайно, такъ чтобы никто не зналъ. Они сошлись у церкви Петра Апостола, и какъ изъ-за тайны нельзя было ни пригласить свидѣтеля, ни заключить договора, то они призвали въ свидѣтели между собою Спасителя, изображеннаго при входѣ, и заимодавецъ сказалъ: „Господи Боже Всемогущій, черезъ твою святую десницу даю я ему эти деньги, и если онъ ихъ мнѣ не возвратитъ, то возврати ихъ мнѣ Ты Самъ". Должникъ, получивъ деньги, отправился въ Константинополь. Тамъ дѣла его пошли такъ удачно, что деньги, взятыя имъ въ займы, скоро учетверились, и онъ, увлеченный успѣхомъ, забылъ о своемъ долгѣ. Срокъ платежа давно прошелъ, и заимодавецъ, нуждаясь въ деньгахъ, сталъ молиться, чтобы Спаситель, владѣющій небомъ и землей, подвигнулъ одного человѣка и принудилъ его исполнить свою обязанность. Тотчасъ послѣ этой молитвы Спаситель явился во снѣ должнику и повелѣлъ, чтобъ онъ возвратился въ Равенну и отдалъ свой долгъ. Три раза повторялся сонъ; наконецъ, должникъ увидѣлъ свой грѣхъ, позналъ волю Божью, и возвратившись въ Равенну, вполнѣ заплатилъ

[1] Кажется, что базилика св. Петра была отдана впослѣдствіи францисканскому монастырю, отчего, вѣроятно, и перемѣнила имя.

долгъ своему другу. Съ тѣхъ поръ образъ Спасителя получилъ названіе Brachium forte или Brachium Fortis (рука сильная или рука Сильнаго)" [1]).

Во время императрицы Галлы Плацидіи и ея наслѣдника Валентиніана III въ Равеннѣ воздвиглось нѣсколько храмовъ. Изъ нихъ важнѣйшимъ былъ *храмъ св. Креста*, которому была дана крестообразная форма. Онъ находился недалеко отъ императорскаго дворца. По словамъ Агнелла, это была одна изъ великолѣпнѣйшихъ построекъ той эпохи. Въ числѣ картинъ и изваяній, украшавшихъ ее, была замѣчательна картина, представлявшая четыре райскія рѣки. Въ этой церкви Галла Плацидія часто проводила ночи въ молитвѣ. На восковыхъ свѣчахъ, которыя при этомъ зажигались, съ помощью придѣланныхъ къ подсвѣчнику рукоятокъ, можно было измѣрять, сколько свѣчи сгорѣли. По словахъ Агнелла, императрица молилась на колѣнахъ, пока свѣчи горѣли до опредѣленной мѣтки [2]).

Другой храмъ, *базилика Іоанна Евангелиста*, былъ построенъ Галлой Плацидіей по обѣту въ память спасенія отъ бури, настигшей ее на пути изъ Константинополя въ Равенну, когда она ѣхала принять правленіе Западною имперіей послѣ смерти Гонорія. Съ нею былъ ея малолѣтній сынъ Валентиніанъ, вновь избранный императоръ, и дочь ея Гонорія. Буря была такъ сильна, говоритъ преданіе,— что всѣ спутники императрицы были въ полной увѣренности, что погибнутъ, и предали себя во власть Божію. Вдругъ, когда, казалось, уже настала послѣдняя минута, у руля появился старецъ съ сѣдою бородой, и корабль, направляемый его рукой, прошелъ черезъ бурныя волны и благополучно прибылъ въ гавань. Всѣ признали въ этомъ старцѣ Іоанна Евангелиста. Императрица тутъ же дала обѣщаніе выстроить въ честь его богатый храмъ и почти тотчасъ по пріѣздѣ въ Равенну начала приводить въ исполненіе свой обѣтъ.

Подробныя описанія этого храма остались отъ того времени, когда онъ былъ еще во всей своей красотѣ, и существовали образа и надписи, обозначавшія когда и кѣмъ онъ былъ построенъ [3]). У

---

[1]) *Agnelli*, Lib. Pont. vita, S. Neonis, p. 59, cap. II; *Rossi*, въ *Bullettino di arch. christ.*, IV, 73.

[2]) *Agnelli*, Lib. Pont., vita S. Johannis, cap. V, p. 68.

[3]) *Muratori*, t. I, pars II, p. 267 и слѣд. Послѣднее изъ этихъ описаній принадлежитъ архіепископу Рейнальду, жившему въ началѣ XIV в.; *Agnelli*, Lib. Pont., vita S. Johannis, cap. VI, p. 68.

подножія огромнаго мозаичнаго образа Спасителя въ абсидѣ была надпись:

Sancto ac beatissimo Johanni Evangelistae
Galla Placidia Augusta
cum filio suo Placido Valentiniano Augusto
et filia sua Justa Grata Honoria Augusta
liberationis periculum maris votum solventes.

Двѣнадцать закрытыхъ книгъ по сторонамъ обозначали апостоловъ. Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ украшеній была большая мозаичная картина надъ входомъ въ алтарь, изображавшая то самое происшествіе, которое было причиною построенія храма. Она представляла бурное море съ двумя кораблями посреди волнъ. На одномъ изъ кораблей на мѣстѣ кормчаго былъ изображенъ Іоаннъ Евангелистъ; лица путешествующихъ казались исполненными страха. Кругомъ картина была окружена каймой изъ листьевъ и цвѣтовъ. Въ числѣ другихъ мозаикъ, украшавшихъ стѣны, были портреты родственниковъ императрицы. Вѣроятно, они были помѣщены на внутреннемъ вырѣзѣ большой арки. За горнимъ мѣстомъ былъ также портретъ епископа, освѣщавшаго церковь (Петра Хрисолога). Такимъ образомъ, вездѣ, гдѣ возможно, были упоминанія о томъ, по какому случаю былъ построенъ храмъ. Даже мозаичный полъ представлялъ бурное море. Теперь въ одной изъ капеллъ хранятся обломки мозаики, какъ думаютъ, составлявшей этотъ полъ. Это небольшіе четыреугольные кусочки, большею частью одной величины и формы; на нѣкоторыхъ изображены люди, на другихъ звѣри. Есть два изображенія корабля. Рисунки звѣрей обведены каемкой, слѣдовательно, составляютъ отдѣльное цѣлое; на другихъ этого не замѣтно, такъ что они могли быть частью большой картины. Между этими обломками отличается одинъ, по видимому, отрѣзокъ круга. На немъ видно изображеніе одежды, позволяющее предполагать, что это былъ поясной образъ, можетъ быть, Іоанна Евангелиста, можетъ быть, Спасителя.

Двѣ колонны, поддерживавшія арку при входѣ въ алтарь, были покрыты серебромъ. Точно также были выложены серебромъ колонны, на которыхъ покоилась мраморная сѣнь надъ престоломъ. Самый престолъ былъ богато украшенъ золотомъ и драгоцѣнными камнями. Надъ нимъ висѣло множество золотыхъ и серебряныхъ лампадъ, между которыми одна была сдѣлана въ видѣ летящаго голубя.

Отъ всѣхъ этихъ богатствъ теперь не осталось и слѣда. Но за то самая церковь, за исключеніемъ алтарной части, которая попорчена

позднѣйшими поправками, не была передѣлана и представляетъ древнѣйшій образецъ базилики въ Равеннѣ. Это длинное зданіе, раздѣленное на три продольныя части, такъ называемые корабля, двумя рядами колоннъ (двадцатью-двумя) сѣраго мрамора съ черными жилами. Капители коринѳскаго ордена не непосредственно поддерживаютъ арки: на нихъ лежатъ вторыя капители, такъ называемые „импосты", почти кубической формы безъ всякой отдѣлки, только съ крестомъ, вырѣзаннымъ на передней сторонѣ. Эти импосты есть особенная принадлежность равеннскаго зодчества.

Возлѣ церкви стоитъ высокая четыреугольная башня съ круглою острою крышей, которая покрыта бѣлою и ярко-зеленою черепицей.

Изъ построекъ Галлы Плацидіи лучше всего сохранилась и поэтому для насъ всего замѣчательнѣе капелла, назначенная ею для погребенія членовъ ея семейства, посвященная св. Назарію и Кельсію и извѣстная подъ названіемъ *San Nazaro e Celso*. Она была поставлена возлѣ той церкви св. Креста, которую императрица особенно почитала, и какъ показали открытія кавалера Ланчіани, примыкала своею папертью къ южной сторонѣ обширной паперти этой церкви. Теперь, такъ какъ нынѣшняя церковь св. Креста гораздо меньше древней, а отъ папертей сохранились только остатки фундамента въ землѣ, оба храма находятся уже на довольно значительномъ разстояніи одинъ отъ другаго [1]).

Планъ капеллы, также какъ и первобытный планъ церкви св. Креста, есть такъ называемый латинскій крестъ небольшаго размѣра, всего только около шести сажень въ одну сторону и пяти въ другую. Высота также незначительная, и только самая середина поднимается надъ остальнымъ низенькою квадратною башенкою. На стѣнахъ кладкою кирпича обозначены арки — обыкновенное украшеніе древнихъ равеннскихъ храмовъ, — по три на концахъ креста и по двѣ на боковыхъ сторонахъ. Плоская черепичная крыша покрываетъ все зданіе. Такова внѣшность императорской усыпальницы, ничѣмъ не поражающая, выдѣляющаяся посреди другихъ зданій только своею менѣе обычною формою. За то внутренность производитъ дѣйствительно глубокое впечатлѣніе, вполнѣ соотвѣтствующее назначенію храма.

---

[1]) *Rossi*, въ *Bullettino di arch. christ.*, IV, 74. Ланчіани замѣчаетъ, что подобно этому, гробница Константина Великаго была расположена на паперти храма Апостоловъ.

Надъ серединой возвышается полушарный куполъ; отъ него въ четыре конца расходятся полукруглые своды. Небольшія окна подъ основаніемъ купола и въ концахъ креста даютъ не яркое, но и не слабое, мягкое освѣщеніе. Куполъ, своды и верхняя часть стѣнъ сплошь покрыты превосходною и богатѣйшею мозаикой, темно-синяго общаго колорита. Куполъ представляетъ небо, усѣянное золотыми звѣздами, посреди которыхъ блеститъ золотой крестъ [1]). Подъ нимъ, надъ четырьмя углами срединной части—символы четырехъ евангелистовъ. Еще ниже, на стѣнахъ, поддерживающихъ куполъ, по сторонамъ каждаго окна стоятъ по двѣ мужскія фигуры въ бѣлой одеждѣ, вѣроятно, изображающія пророковъ. Между ними, подъ окошкомъ, два голубя, сидящіе на краю сосуда съ водою. Голубое небо, составляющее фонъ всей картины, въ верху заканчивается раковиною сѣраго цвѣта. Своды покрыты золотымъ орнаментомъ на синемъ фонѣ. На концахъ креста оканчивающіеся своды образуютъ полукруги. Въ двухъ изъ нихъ, надъ входомъ и противъ него, находятся мозаичные образа. Противъ входа изображенъ Спаситель, сжигающій книгу, аллегорическое представленіе суда надъ еретическими ученіями. На противоположномъ концѣ, посреди гористой мѣстности изображенъ Христосъ въ видѣ добраго пастыря. Въ двухъ другихъ полукругахъ въ поперечныхъ концахъ храма сдѣланъ золотой орнаментъ на синемъ фонѣ, и посреди него два оленя пьютъ изъ источника. Всѣ образа и края арокъ и стѣнъ обведены мозаичною каймой чрезвычайно красивыхъ и разнообразныхъ рисунковъ. Въ разрѣзахъ оконъ сдѣланы также особенные мозаичные рисунки. Нижняя часть стѣнъ была прежде выложена мраморными плитами, но теперь онѣ уже больше не существуютъ. Исчезъ точно также и древній мозаичный полъ, о которомъ мы знаемъ изъ описаній, и замѣненъ другимъ, теперь уже старымъ и довольно истертымъ. За исключеніемъ этихъ двухъ потерь, вся мозаика сохранилась замѣчательно хорошо, и какъ по исполненію, такъ и по рисунку, принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній древняго христіанскаго искусства. Особенно поражаетъ въ ней стройное сочетаніе цвѣтовъ. На

---

[1]) Кваст въ своемъ описаніи Равенны замѣчаетъ, что крестъ этотъ также какъ планъ церкви, съ однимъ удлиненнымъ концомъ, но направленіе длиннаго конца идетъ не къ сѣверу, какъ направленіе церкви, а къ востоку. Онъ предполагаетъ, что въ положеніи его есть, можетъ быть, какая-нибудь связь съ положеніемъ главной церкви св. Креста (v. *Quast*, Die altchristlichen Bauwerke von Ravenna. Berlin, 1842, S. 12).

двухъ большихъ образахъ, на каймахъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ посреди золотыхъ разводовъ, встрѣчаются и красная, и зеленая краска, разныхъ оттѣнковъ, и бѣлая, но онѣ не производятъ пестроты, а напротивъ того, только придаютъ общему спокойному синему колориту характеръ какой-то ясной торжественности.

Посреди храма на небольшомъ возвышеніи стоитъ престолъ, также принадлежащій глубокой древности. Это мраморный столъ, спереди и съ боковъ опирающійся на глухія мраморныя же стѣнки, съ колоннами по угламъ, сзади же открытый. На передней стѣнкѣ изваянъ крестъ, а по сторонамъ его два агнца и два павлина. За престоломъ — гробъ строительницы, Галлы Плацидіи. Онъ огромной величины ($2^1/_2$ метра длины, около двухъ метровъ высоты и болѣе метра ширины), высѣченъ изъ мрамора, но безъ всякихъ украшеній; думаютъ не былъ ли онъ прежде обложенъ серебромъ или какимъ-нибудь другимъ цѣннымъ веществомъ. Его высокая крышка, съ акротеріями на четырехъ углахъ, поднимается по срединѣ какъ кровля дома, со скатами во всѣ четыре стороны. Въ задней части гроба было маленькое отверстіе, сквозь которое можно было видѣть останки императрицы, погребенной въ полномъ императорскомъ облаченіи и сидящей на креслѣ изъ кедроваго дерева. Говорятъ, что въ 1577 году, при показываніи тѣла посѣтителямъ, внутрь вдвинули зажженную свѣчу. Одежда загорѣлась, и трупъ обратился въ пепелъ. Съ тѣхъ поръ отверстіе закрыто. Можно предполагать, что вначалѣ гробъ былъ отгороженъ рѣшеткой, какъ это дѣлалось часто на могилахъ почитаемыхъ святыхъ. На это указываетъ Агнеллъ. Онъ говоритъ, что императрица похоронена въ храмѣ св. Назарія [1]) за рѣшеткой, которая прежде была мѣдною, теперь же каменная [2]).

Въ одномъ изъ боковыхъ концовъ крестообразной церкви стоитъ также мраморный гробъ нѣсколько меньшей величины. Въ немъ, по преданію, лежитъ тѣло императора Валентиніана. Въ противоположномъ концѣ въ такомъ же гробѣ, какъ говорятъ, погребенъ мужъ Галлы Плацидіи, Констанцій. Есть еще два небольшіе гроба, вдѣланные въ стѣну близко отъ входа. Всѣ эти гробы покрыты изваянными

[1]) Такіе отдѣльные храмы-усыпальницы или церковные притворы, въ которыхъ погребались епископы или знатные люди, онъ называетъ Monasteria.

[2]) Infra cancellos qui fuerunt aerei et qui nunc lapidei esse videntur (*Agnelli*, Liber Pontificalis, vita S. Johannis, cap. VI, p. 68). Можетъ быть, эта мѣдная рѣшетка, превратившаяся въ каменную, подверглась той же участи, какъ и самый гробъ Галлы Плацидіи?

символическими фигурами. Чаще всего между изваяніями встрѣчается изображеніе Христа въ видѣ агнца, стоящаго на верху холма, съ котораго текутъ четыре райскія - рѣки, смоковница, плодами которой питаются овцы, два голубя, сидящіе на краяхъ сосуда съ водою, крестъ и монограмма имени Спасителя. Въ одномъ изъ двухъ послѣднихъ гробовъ погребена, говорятъ, дочь Галлы Плацидіи, Гонорія, въ другомъ—неизвѣстно кто.

Послѣ гробницы Галлы Плацидіи одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ древности есть *капелла во дворцѣ архіепископа*, устроенная въ половинѣ V вѣка, какъ думаютъ, епископомъ Петромъ Хрисологомъ. Она небольшая, крестообразная, или лучше сказать, четырехъугольная, потому что концы креста такъ коротки, что могутъ скорѣе назваться нишами, на которыя опирается куполъ. Ниша для алтаря нѣсколько глубже другихъ. Полъ и стѣны выложены мраморомъ; куполъ и своды ниши покрыты мозаикой. Входя въ эту маленькую церковь, поражаешься яркостью и богатствомъ ея мозаикъ, хотя по совершенству рисунка онѣ стоятъ ниже образовъ гробницы Галлы Плацидіи. Въ куполѣ четыре ангела въ бѣломъ одѣяніи съ фіолетовыми мантіями и крыльями, расположенные крестообразно, поддерживаютъ на поднятыхъ къ верху рукахъ монограмму Христа, которая такимъ образомъ приходится въ самомъ центрѣ купола. Ниже, въ промежуткахъ между ними, символы четырехъ евангелистовъ. На срединѣ алтарной ниши образъ Богородицы въ ростъ, съ распростертыми руками [1]). Этого рода изображеніе Богородицы вообще встрѣчается довольно рѣдко. Одно подобное находится въ Кіевскомъ Софійскомъ соборѣ, гдѣ носитъ названіе Нерушимой стѣны; другое, не живописное, а барельефное—въ Венеціанскомъ соборѣ св. Марка. Въ Равеннѣ такое же изображеніе находится на крестѣ св. Агнелла, описанномъ выше. Сводъ за алтаремъ покрытъ красивымъ мозаичнымъ орнаментомъ на золотомъ фонѣ. На аркахъ при входѣ въ ниши находится по семи круглыхъ поясныхъ образовъ: на восточной и западной Христосъ посреди шести апостоловъ; на сѣверной Его монограмма посреди шести мучениковъ, а на южной монограмма же посреди шести мученицъ. Замѣчательно, что Петръ и Павелъ изображены точно также, какъ въ баптистеріи: первый круглолицымъ съ

---

[1]) Ранъ думаетъ, что образъ Богородицы и двухъ святыхъ по сторонамъ его принадлежатъ болѣе позднему времени, чѣмъ всѣ другіе (Ein Besuch in Ravenna, S. 181, 182).

короткою сѣдою бородой, второй съ длиннымъ лицомъ и темною острою бородой. Кромѣ этихъ образовъ есть еще одинъ въ алтарной нишѣ, не такъ хорошо сохранившійся: въ немъ повреждена нижняя часть; онъ изображаетъ Спасителя съ крестомъ и открытою книгой въ рукахъ.

Сѣверная и южная ниши украшены теперь живописными образами новаго времени. И сами по себѣ они не отличаются особенно хорошею работой, и кромѣ того, надо признаться, что, видя почти повсюду превосходную древнюю мозаику, какъ-то такъ настраиваешься, что живопись новаго времени кажется чѣмъ-то неважнымъ, и на нее обращаешь, можетъ быть, даже меньше вниманія, чѣмъ бы слѣдовало. Даже работы Гвидо Рени въ соборѣ какъ будто удаляются на задній планъ, уступая мѣсто болѣе почтенной старинѣ.

Во время Өеодорика, бывшаго, какъ и всѣ почти Готы, послѣдователемъ ученія Арія, секта аріанъ получила въ Равеннѣ преимущество надъ православною церковью. Новыя церковныя потребности вызвали построеніе новыхъ храмовъ, въ которыхъ высказалась и роскошь того времени, и заботы Өеодорика объ украшеніи подвластныхъ ему городовъ. По всей вѣроятности, нѣкоторые изъ православныхъ храмовъ были также отданы аріанамъ. По указанію Агнелла, Өеодорикъ въ послѣдніе годы жизни „приказывалъ запирать храмы Божіи". Есть основаніе думать, что даже и главная аріанская церковь (ecclesia matrix) существовала за долго до готскаго нашествія. Она построена была на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, явленіемъ Святаго Духа въ видѣ голубя было указано избраніе св. Севера въ епископа [1]). Впослѣдствіи, по изгнаніи аріанъ, храмы ихъ были всѣ возвращены православнымъ. Теперь бывшая ecclesia matrix называется *Chiesa dello Spirito Santo*, *церковь Святаго Духа*, а также *базилика св. Өеодора*. Которое названіе древнѣе—трудно опредѣлить. Если она была построена послѣ избранія св. Севера, то вѣроятно, была посвящена Святому Духу; если же, какъ предполагаетъ Росси, она основана еще въ III в., то названіе церкви св. Өеодора могло быть ей дано сначала. Какъ главная церковь, она должна была заключать въ себѣ большія богатства,

---

[1]) Св. Северъ былъ епископомъ въ половинѣ IV в. и участвовалъ въ Сардикійскомъ соборѣ въ 347 г. (*Agnelli*, Lib. Pont., vita S. Sever., p. 43; *Ughelli*, Italia Sacra, t. II, p. 329, 330; *Hardouini* Consiliorum collectio maxima, t. I, p. 653). Первые двѣнадцать епископовъ равеннскихъ были, по преданію, всѣ избраны по указанію чудеснаго явленія Святаго Духа. Св. Северъ былъ послѣднимъ изъ нихъ.

но послѣдующія передѣлки лишили ее большей части изъ нихъ. Въ своей общей формѣ она, какъ кажется, не пострадала; это базилика, довольно широкая противъ своей длины, раздѣленная на три корабля. Изъ украшеній ея существуютъ теперь только четырнадцать колоннъ драгоцѣннаго мрамора, раздѣляющія ее на три части своими двумя продольными рядами, и мраморная отдѣлка алтаря. Колонны, судя по капителямъ, относятся къ разнымъ эпохамъ. Одна изъ нихъ отличается отъ другихъ рѣдкимъ мраморомъ: она зеленая съ бѣлыми жилками и красными пятнами, тогда какъ всѣ прочія сдѣланы изъ такъ называемаго bigio antico (зеленоватаго мрамора). Наружный портикъ ея также украшенъ восемью небольшими колоннами съ врѣзанными то вкось, то винтообразно рядами крестовъ.

Вблизи этой базилики, также какъ и подлѣ православнаго собора, стоитъ баптистерій, *Battisterio degli Ariani*. Епископъ Агнеллъ, обращая его въ православный храмъ, увеличилъ пристройкою съ западной стороны, и далъ названіе *Santa Maria in Cosmedin*, подъ которымъ онъ и нынче извѣстенъ [1]). Этотъ баптистерій, очевидно, построенъ по тому же образцу, какъ и православный: въ немъ повторены даже и всѣ украшенія и образа, только съ нѣкоторыми измѣненіями, отчасти, можетъ быть, требовавшимися иными церковными правилами и понятіями. Посреди купола, также какъ и тамъ, мозаичный образъ Крещенія; только здѣсь Іоаннъ, одѣтый звѣриною шкурой, а не тканью, держитъ въ рукѣ не длинный крестъ, а посохъ съ загнутымъ верхнимъ концомъ. У него нѣтъ также и чаши; правую руку онъ положилъ на голову Спасителя, какъ бы для благословенія. Іорданъ, изображенный также въ видѣ старика, держащаго урну, изъ которой льется вода, не участвуетъ въ совершеніи Крещенія, какъ на образѣ въ православномъ баптистеріи: онъ поднялъ лѣвую руку въ знакъ почитанія. Весь этотъ образъ на золотомъ фонѣ. Св. Петръ и Павелъ, изображенные вмѣстѣ съ другими апостолами вокругъ этого срединнаго образа, отличаются тѣмъ, что держатъ въ рукахъ одинъ ключи, а другой свитокъ, тогда какъ остальные несутъ вѣнки. Они направляются къ престолу, на которомъ стоитъ крестъ, украшенный драгоцѣнными каменьями. Также, какъ и въ San Giovanni in fonte, лица апостоловъ представляютъ разнообразіе и характерность въ чертахъ. Этимъ образомъ заканчивается украшеніе купола: широкой по-

---

[1]) Слово Cosmedin или Cosmedim уже во время Агнелла подвергалось различнымъ объясненіямъ (*Agnelli*, vita S. Agnelli, cap. II, p. 113).

лосы съ мелкими изображеніями, которая окружаетъ образъ въ православномъ баптистеріи, здѣсь нѣтъ. Вообще весь храмъ меньшихъ размѣровъ и проще, чѣмъ S. Giovanni in fonte. При передѣлкѣ баптистерія въ обыкновенную церковь, и купель, находившаяся посреди него, была уничтожена, и теперь мѣсто ея указываетъ только большая круглая гранитная плита на каменномъ полу.

Великолѣпнѣйшимъ и величайшимъ изъ аріанскихъ храмовъ была базилика, называемая *S. Apollinare nuovo*. Во время Агнелла еще существовала надпись, указывавшая, что она была построена Өеодорикомъ [1]). Посвященная св. Мартину, за богатую отдѣлку свою она называлась S. Martinus in coelo aureo; говорятъ, что даже потолокъ ея былъ весь покрытъ золотомъ. Нынѣшнее названіе присвоено ей съ IX в., когда, боясь хищничества Сарацинъ, епископъ Іоаннъ перенесъ въ нее мощи св. Аполлинарія, находившіяся въ менѣе защищенномъ Классисѣ, въ храмѣ, построенномъ въ честь этого святаго. По смерти Өеодорика, при передачѣ аріанскихъ храмовъ православнымъ, и эта церковь была исправлена и нѣсколько передѣлана. Алтарная часть ея и боковые корабли подвергались и послѣ поправкамъ и передѣлкамъ, средній же корабль сохранился извнѣ и внутри почти совершенно, и никакая другая базилика въ Равеннѣ не представляетъ въ такой цѣльности отдѣлку внутреннихъ стѣнъ. Снаружи на боковыхъ стѣнахъ средняго корабля обозначенъ рядъ большихъ, округлыхъ вверху, нѣсколько углубленныхъ оконъ, окруженныхъ арками. Нѣкоторыя изъ нихъ теперь заложены, но формы ихъ видны совершенно отчетливо. Окна расположены довольно часто: разстояніе между ними меньше ширины самыхъ оконъ. Огромный храмъ этотъ внутри занимаетъ 28 сажень въ длину и раздѣляется двадцатью-четырьмя колоннами изъ проконнискаго мрамора на три продольныя части. Въ боковыхъ частяхъ этимъ колоннамъ соотвѣтствуютъ пилястры. На аркахъ, соединяющихъ колонны, видны остатки лѣпныхъ украшеній, по которымъ можно судить о ихъ тонкой работѣ. Полъ, стѣны и своды абсидовъ покрыты плитами изъ разноцвѣтнаго мрамора и порфира, а сводъ за главнымъ алтаремъ былъ прежде отдѣланъ мозаикой, но ее разрушило землетрясеніе 751 года, Вдоль храма въ боковыхъ частяхъ, по обыкновенію, устроены капеллы, изъ которыхъ, впрочемъ, очень многія совершенно подновлены.

---

[1]) «Theodoricus rex hanc ecclesiam a fundamentis in nomine Domini nostri Jesu Christi fecit» (*Agnelli*, vita S. Agnelli, cap. II, p. 113).

Обѣ стѣны средней части храма, возвышающіяся надъ колоннами, покрыты мозаичными образами, устроенными во время передѣлки при епископѣ Агнеллѣ. Они расположены тремя рядами. Образа нижняго ряда интересны между прочимъ тѣмъ, что на нихъ представлены города Равенна и Классисъ. Поверхъ неширокой фризы, лежащей на аркахъ, соединяющихъ колонны, идетъ на каждой сторонѣ рядъ святыхъ въ бѣлыхъ одѣяніяхъ: съ правой стороны—мужей, съ лѣвой—дѣвъ. Всѣ направляются отъ запада къ востоку. Святые мужи (25 фигуръ) идутъ изъ Равенны, святыя жены изъ Классиса. Имена обоихъ городовъ обозначены надписями. На переднемъ планѣ Равенны изображенъ обширный дворецъ съ надписью „palatium"; между колоннами, украшающими его портикъ, висятъ подобранныя богатыя занавѣси. Въ дали, за дворцомъ виднѣются храмы, и между ними можно отличить круглую крышу св. Виталія, которая и теперь еще точно такая же, какъ на этой картинѣ. Классисъ, какъ гавань, изображенъ на берегу моря, на которомъ видны корабли. Святые мужи держатъ въ рукахъ вѣнки и направляются къ престолу, на которомъ возсѣдаетъ Спаситель, окруженный четырьмя ангелами. Правая рука Христа поднята для благословенія; въ лѣвой онъ держитъ какой-то предметъ, въ родѣ невысокаго подсвѣчника. Святыя дѣвы направляются къ Богородицѣ съ Младенцемъ, также сидящей на престолѣ; онѣ несутъ въ рукахъ вѣнцы, украшенные драгоцѣнными каменьями, впереди ихъ идутъ волхвы, пришедшіе на поклоненіе. Въ этихъ образахъ замѣтно разнообразіе исполненія, которое показываетъ, что они подвергались поправкамъ въ разное время. Фигуры Спасителя и Богоматери и по византійскому одѣянію, и по большому совершенству рисунка, еще не совсѣмъ удалившагося отъ древнихъ образцовъ, относятся къ болѣе раннему времени; фигуры святыхъ по рисунку ниже ихъ; на волхвахъ же даже обтянутая одежда среднихъ вѣковъ. Фигуры отдѣлены одна отъ другой пальмовыми деревьями. Выше, надъ этими изображеніями, идетъ рядъ оконъ, окруженныхъ чрезвычайно красивыми орнаментами; въ простѣнкахъ между окнами поставлены отдѣльныя фигуры святыхъ. Еще выше, въ небольшихъ четырехъугольникахъ съ каждой стороны по тринадцати образовъ представляющихъ новозавѣтныя происшествія: съ одной стороны — притчи и чудеса, съ другой—страсти Христовы.

Кромѣ всѣхъ этихъ мозаикъ, обращаетъ на себя вниманіе мозаичный грудной портретъ императора Юстиніана, въ царствованіе котораго храмъ былъ возобновленъ. Прежде этотъ портретъ находился

на западной стѣнѣ, гдѣ ему соотвѣтствовалъ портретъ епископа Агнелла, не сохранившійся; теперь же онъ перенесенъ въ одну изъ капеллъ. Императоръ изображенъ въ темной одеждѣ, украшенной золотомъ, въ мантіи, застегнутой на правомъ плечѣ, и въ коронѣ. По византійскому обычаю, сіяніе (nimbus) окружаетъ голову. Наверху большими буквами стоитъ надпись *Justinian*. Въ этой же капеллѣ замѣчательна сѣнь надъ престоломъ, поддерживаемая двумя древними порфировыми колоннами; также древняя мраморная рѣшетка, отдѣляющая ее отъ церкви.

Передъ храмомъ находится широкій дворъ, или лучше сказать, площадка, потому что она ничѣмъ не отдѣлена отъ улицы. Посреди площадки стоитъ небольшая, очень старая колонна, съ мѣднымъ поломаннымъ крестомъ на верху. Рядомъ возвышается круглая колокольня, которую относятъ къ болѣе позднему времени, чѣмъ самый храмъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ St. Apollinara nuovo стоятъ такъ называемыя *развалины дворца Θеодорика*. Это собственно только одна высокая кирпичная стѣна съ немногими остатками украшеній. Она раздѣлена на два этажа, но это дѣленіе не обозначено ни карнизомъ, ни какою внѣшнею отдѣлкой: стѣны ровныя и гладкія. Середина нѣсколько выдается впередъ, какъ бы оставляя за собою двѣ боковыя части, но на углахъ стѣна снова выдается пилястрообразными выступами вровень съ нею и ограничиваетъ углубленныя боковыя части. Въ верхнемъ ярусѣ этихъ боковыхъ частей стоятъ по три небольшія колонны на общемъ основаніи, лежащемъ на вдѣланныхъ въ стѣну консоляхъ. Онѣ поддерживаютъ съ каждой стороны четыре арки, которыя почти подъ самою крышей зданія служатъ соединеніемъ между серединой и крайними выступами. Въ средней части сдѣлано сводчатое углубленіе въ родѣ вдавшагося балкона съ двумя закругленными окнами внутри. Передъ нимъ, вѣроятно, была прежде рѣшетка, или можетъ быть, самый балконъ еще выдавался наружу: это заставляютъ предполагать двѣ большія дыры въ стѣнѣ, какъ будто для укрѣпленія консолей. Въ нижнемъ ярусѣ, подъ балкономъ, находится широкая входная арка, теперь заложенная досками. По сторонамъ ея, на вдавшихся стѣнахъ фасада, были тоже подобныя арки, что̀ видно по первоначальной кладкѣ кирпичей; но онѣ заложены вровень со стѣною и заштукатурены; только въ верхней ихъ части оставлены круглыя отверстія вмѣсто оконъ. Въ правой аркѣ вдѣланъ порфировый сосудъ, формой своею напоминающій саркофагъ.

Прежде его принимали за гробъ, въ которомъ былъ похороненъ Θеодорикъ, и который будто бы былъ перенесенъ изъ его гробницы, когда она была обращена въ православную церковь; но впослѣдствіи доказано, что это даже и не гробъ, а скорѣе вмѣстилище для воды, можетъ быть, принадлежавшее къ банямъ.

Съ одной стороны за крайнимъ выступомъ начинается другая стѣна такой же вышины, образующая съ описаннымъ фасадомъ прямой уголъ, но отъ нея сохранился только небольшой кусокъ и то только въ верхнемъ ярусѣ; внизу же подстроена новая, выдающаяся противъ нея и образующая тоже уголъ, такъ какъ здѣсь въ большую улицу Corso Garibaldi, на которой стоятъ развалины дворца, входитъ другая улица. Въ верхнемъ ярусѣ этого небольшаго остатка сохранилось красивое двусводное окно, единственное во всей развалинѣ, кромѣ двухъ окошекъ во вдавшемся балконѣ. Сзади къ стѣнѣ примыкаетъ какая-то постройка, принадлежащая, кажется, монастырю, устроенному при St. Apollinare nuovo; и она воспользовалась окнами дворца, выходящими на улицу: въ одно изъ нихъ вдѣлана грубая рама со стеклами, совсѣмъ не гармонирующая съ величавою развалиною, другое завѣшано какою-то худенькою занавѣсью.

Въ этой одинокой стѣнѣ нѣтъ никакого сходства съ изображеніемъ дворца на мозаичномъ видѣ Равенны въ храмѣ St. Apollinare nuovo, гдѣ представленъ портикъ изъ четырехъ коринѳскихъ колоннъ съ фронтономъ на верху и съ рядами колоннъ, примыкающихъ къ нему съ обѣихъ сторонъ. Между тѣмъ, въ церкви, лежащей рядомъ съ нимъ, всего естественнѣе было быть изображенію именно этого дворца, а не какого-нибудь другаго. Притомъ же онъ былъ самымъ великолѣпнымъ изъ дворцовъ Равенны и даже гораздо позже возбуждалъ удивленіе видѣвшихъ его. Выше было упомянуто, что и Карлъ Великій прельстился его украшеніями и приказалъ ихъ снять и перевезти въ Ахенъ для убранства его новаго дворца. Кромѣ того, на фронтонѣ дворца, изображеннаго въ S. Apollinare nuovo, стоитъ надпись „Palatium"; а извѣстно, что въ позднѣйшихъ источникахъ дворецъ Θеодорика часто называется просто palatium. Основываясь на всѣхъ этихъ соображеніяхъ, а также на коротенькомъ описаніи дворца Θеодорика въ лѣтописи Агнелла и на томъ понятіи о жилищѣ римско-византійскихъ императоровъ, какое можно себѣ составить по другимъ описаніямъ и другимъ памятникамъ, Квастъ полагаетъ, что стѣна, извѣстная подъ названіемъ развалинъ дворца Θеодорика, есть остатокъ того же зданія, которое изобра-

жено на мозаичной картинѣ въ S. Apollinare nuovo, но только другой части его. Собственно царское жилище, говоритъ Квастъ,—должно было находиться въ центрѣ многихъ другихъ построекъ, заключавшихъ въ себѣ помѣщенія для стражи, для разныхъ придворныхъ чиновниковъ и т. п. По его мнѣнію, изображеніе въ S. Apollinare nuovo есть именно видъ фасада этого центральнаго зданія, можетъ быть, той важнѣйшей части его, гдѣ императоръ производилъ пріемы и держалъ судъ. Тогда умѣстны и богатыя занавѣси, повѣшанныя между колоннами на изображеніи, и которымъ совершенно некстати было бы быть на внѣшнемъ фасадѣ. Сохранившійся же остатокъ стѣны принадлежалъ одному изъ зданій, окружавшихъ самый дворецъ, составлялъ, можетъ быть, часть внѣшняго фасада, и вѣроятно, даже три большія арки его нижняго этажа служили главнымъ входомъ, черезъ который можно было проникать въ этотъ своего рода городокъ [1]).

Рядъ памятниковъ аріанскаго зодчества въ Равеннѣ заканчивается величественнымъ *мавзолеемъ*, воздвигнутымъ *надъ могилою Θеодорика*. По преданію, его поставила дочь Θеодорика, Амалазунта; по существующимъ же источникамъ видно, что онъ былъ начатъ еще самимъ Θеодорикомъ, который даже посылалъ одного равеннскаго художника, Алоизія, въ Римъ, съ цѣлью изучить лучшіе надгробные памятники [2]). Онъ и дѣйствительно напоминаетъ своимъ общимъ видомъ многія римскія гробницы.

Мавзолей стоитъ внѣ города, на сѣверо-восточной его сторонѣ. Не вдалекѣ отъ воротъ, носящихъ названіе Porta Serrata, посреди зелени кустовъ и деревьевъ, виднѣется маленькій домикъ. Здѣсь живетъ custode, сторожъ памятника, у котораго хранится ключъ отъ входа въ него. Узенькая дорожка ведетъ отъ домика промежду кустовъ. Черезъ нѣсколько десятковъ шаговъ она спускается и подходитъ къ каменной стѣнѣ около сажени вышиною. Невзрачный тѣсный проходъ продѣланъ въ стѣнѣ противъ дорожки; стѣна такъ толста, что проходъ этотъ похожъ больше на корридоръ, чѣмъ на

---

[1]) v. *Quast*, Die altchristlichen Bauwerke von Ravenna, S. 21 и 22; *Agnelli*, Lib. Pontific., vita Petri Senioris, cap. II, p. 123. Рисунокъ дворца, изображеннаго на мозаичной картинѣ въ храмѣ S. Apollinare nuovo, есть у *Рана* въ Ein Besuch in Ravenna.

[2]) *Agnelli*, Lib. Pont., vita S. Johannis, cap. III, p. 67; Spicilegium historiae Ravennatis *Muratori*, t. I, p. 577.

калитку. За стѣной открывается широкое ровное пространство, поросшее зеленью; посреди него стоитъ La Rotonda: такъ называетъ народъ памятникъ Ѳеодорика. Входъ, теперь единственный, прежде продѣланъ былъ, вѣроятно, только для лицъ, смотрѣвшихъ за порядкомъ около мавзолея; это, такъ сказать, черный ходъ, незамѣтный и ведущій къ задней его стѣнѣ. Съ противоположной стороны въ каменной оградѣ продѣланы желѣзныя ворота, и къ нимъ ведетъ широкая аллея изъ пирамидальныхъ тополей. Аллея эта совсѣмъ заросла травой: по ней никто не ходитъ, но отъ нея-то именно и открывается лучшій видъ на Ротонду. Тамъ ея простой и строгій образъ, хотя и искаженный нѣсколько разрушительнымъ вліяніемъ времени, не скрывается близостью разстоянія и видѣнъ во всей своей цѣльности.

Ротонда—круглое, или вѣрнѣе, десятигранное двуэтажное зданіе, построенное изъ крупныхъ плитъ желтовато-сѣраго известняка, похожаго на мраморъ. Теперешній видъ ея далеко не тотъ, какой она имѣла первоначально. Вслѣдствіе наносовъ ближайшихъ потоковъ почва сильно поднялась вокругъ нея и скрыла большую часть нижняго этажа. Общій видъ зданія поэтому измѣнился, изъ стройнаго и высокаго оно сдѣлалось тяжелымъ и придавленнымъ. Наружныя украшенія, которыхъ, вѣроятно, было не мало, исчезли, частью уничтоженныя временемъ, а частью, можетъ быть, расхищенныя непочтительными руками. Послѣ изгнанія Аріанъ, гробница императора аріанина должна была потерять свою важность и чуть не была повергнута въ забвеніе. Тѣло Ѳеодорика было вынуто изъ гроба, самый гробъ сначала былъ поставленъ у входа къ памятнику, а потомъ и совсѣмъ исчезъ; мавзолей же былъ обращенъ въ православный храмъ. Рибуффи въ своемъ путеводителѣ по Равеннѣ [1]) разказываетъ, что къ нему была придѣлана церковь, впослѣдствіи разрушившаяся, и что онъ служилъ для нея алтарною частью (coro). Но едва ли можно считать это предположеніе вѣрнымъ: мавзолей, довольно темный внутри, съ одною только входною дверью, не могъ удобно составлять столь важную часть храма, которая обыкновенно бываетъ открыта и нераздѣльна отъ всего остальнаго. Вѣрнѣе, что онъ былъ обращенъ въ отдѣльную церковь [2]). Къ тому же и по разказу Агнелла не видно, чтобы къ нему было что-нибудь пристроено. Посвя-

---

[1]) *Ribuffi*, Guida di Ravenna, p. 124. Ravenna 1869.

[2]) *R. Rahn*, Ein Besuch in Ravenna, p. 296.

щенный Пресвятой Дѣвѣ, онъ получилъ наименованіе Santa Maria Rotonda или della Rotonda, которое отъ употребленія сократилось въ нынѣшнее простонародное названіе la Rotonda. Теперь церковь уже давно упразднена.

Съ самаго начала нынѣшняго столѣтія вокругъ Ротонды стали производить раскопки и открыли нѣкоторые остатки украшеній, которые дали возможность догадываться о ея прежнемъ видѣ. Этихъ остатковъ, впрочемъ, очень мало. Найдено нѣсколько капителей и базъ, нѣсколько обломковъ колоннъ и чрезвычайно красивый консоль съ роскошнымъ рисункомъ. Все это хранится теперь внутри Ротонды. Самый памятникъ поддерживается отъ дальнѣйшаго упадка, и хотя въ разщелинахъ камней во многихъ мѣстахъ уже выросла трава, однако необыкновенная крѣпость и прочность его постройки навѣрно переживетъ еще многіе вѣка на удивленіе потомству.

Нижній этажъ, около шести саженъ въ діаметрѣ, построенъ въ стилѣ простомъ и суровомъ. Все его украшеніе состоитъ изъ довольно глубокихъ нишъ въ видѣ арокъ, по одной на каждой изъ десяти сторонъ. Камни сложены чрезвычайно плотно и правильно; плиты, обрисовывающія арки, даже запущены одна въ другую прямоугольными зубцами, и такимъ образомъ, взаимно поддерживаются [1]). Входная дверь въ этотъ нижній этажъ, вслѣдствіе поднятія почвы, почти вся скрывается подъ землею, и чтобы войдти въ нее, нужно спуститься въ глубокую яму. Внутренность образуетъ крестообразный склепъ, теперь почти постоянно залитый водою. Онъ освѣщается маленькими отверстіями, продѣланными на оконечностяхъ креста.

Второй этажъ построенъ въ стилѣ менѣе простомъ, на столько отличающемся отъ стиля перваго, что есть основаніе относить постройку его къ болѣе позднему времени. Діаметръ еще меньше діаметра нижняго, такъ что вокругъ образуется обходъ около аршина ширины. Форма его также десятигранная; только на сторонѣ противоположной входу сдѣлана маленькая четырехугольная пристройка, какъ бы нѣчто въ родѣ абсида. Ко входу ведутъ двѣ наружныя лѣстницы, сначала расходящіяся въ двѣ стороны отъ нижней двери, а потомъ снова соединяющіяся у дверей втораго этажа. Онѣ были по-

---

[1]) Примѣры подобной кладки арокъ довольно рѣдки. Квастъ въ примѣчаніи къ тексту Seroux d'Agincourt отмѣчаетъ только одинъ на древней аркѣ Pusterla Ludovica въ Миланѣ (*Seroux d'Agincourt*, Denkmäler der Architectur, Sculptur und Malerei, текстъ къ т. XVIII).

сгросены въ концѣ прошлаго вѣка, но по всей вѣроятности, на тѣхъ же мѣстахъ и точно также, какъ прежнія [1]). На верху десятигранная форма переходитъ въ круглую и оканчивается плоскимъ куполомъ, составляющимъ одно изъ чудесъ древняго зодчества. Этотъ куполъ, 10 метровъ 37 сентиметровъ въ діаметрѣ и около 27.000 пудовъ по вѣсу, вырубленъ изъ одного цѣльнаго куска камня. О толщинѣ его можно судить по тому, что наружный его діаметръ равенъ 10,94 метра, а внутренній 9,15 [2]). Въ верхней своей части онъ тоньше: отверстіе, продѣланное въ самомъ центрѣ, глубиною только 97 сантиметровъ. По окраинѣ купола находятся двѣнадцать выступовъ, вырубленныхъ изъ той же массы камня, формою нѣсколько напоминающихъ слуховыя окна или окна въ куполѣ св. Софіи Константинопольской. Отверстія, продѣланныя въ нихъ насквозь съ боку, показываютъ, что они служили для подъема купола, подобно такъ называемымъ ушамъ на нашихъ колоколахъ.

Наружная отдѣлка втораго этажа теперь состоитъ въ слѣдующемъ: на каждой изъ десяти сторонъ можно замѣтить два слегка вдающіяся прямоугольныя углубленія или ниши въ видѣ двери, окруженныя изваяннымъ карнизомъ. Между ними и по сторонамъ ихъ на углахъ десятиграннаго зданія стоятъ, также очень мало выдающіеся, пилястры, поддерживающіе аркообразныя украшенія надъ каждою нишью. Теперь этимъ и ограничивается отдѣлка втораго этажа; но не такъ было первоначально.

Въ числѣ обломковъ, открытыхъ при раскопкахъ, найдено нѣсколько кусковъ маленькихъ колоннъ, нѣсколько особеннаго рода капителей, соединенныхъ по двѣ вмѣстѣ въ верхней части, нѣсколько базъ, одинъ консоль и еще, какъ говорятъ, остатки мраморной рѣшетки. Всѣ эти обломки дали возможность возстановить въ воображеніи первоначальную отдѣлку памятника. Неширокая терраса, образующаяся вокругъ втораго этажа, была галлереей: она ограничивалась съ внѣшней стороны рядомъ маленькихъ колоннъ, около метра высоты, стоявшихъ попарно, съ тѣми соединенными капителями, которыя были найдены. Основанія должны были быть очень высоки, въ родѣ подставокъ; вмѣстѣ съ колоннами онѣ должны были рав-

---

[1]) *R. Rahn*, Ein Besuch in Ravenna, p. 293.

[2]) *v. Quast, Seroux d'Agincourt* Denkmäler der Architectur etc., текстъ къ табл. XVIII.

[3]) *Ribuffi*, Guida di Ravenna, p. 125, 127.

няться одной сажени. Разстоянія между этими подставками были заполнены мраморною рѣшеткой. Въ пилястры на стѣнахъ были вдѣланы консоли (углубленія въ пилястрахъ показываютъ мѣста консолей), и на нихъ, вѣроятно, была укрѣплена кровля галлереи, опиравшейся другою своею стороною на колоннаду. Кровля, очень можетъ быть, состояла изъ какого-нибудь дорогаго матеріала, напримѣръ, изъ мѣди, и въ такомъ случаѣ она, вѣроятно, очень рано была похищена изъ Ротонды.

Внутри второй этажъ десятигранный, также какъ и снаружи. Онъ освѣщенъ рядомъ окошекъ, помѣщенныхъ подъ самымъ куполомъ. Небольшой престолъ стоитъ въ нишѣ противъ входа. Кругомъ лежатъ добытыя раскопками вещи. Полъ былъ когда-то настланъ мраморомъ, отъ котораго теперь только кое-гдѣ видны остатки.

По словамъ Рибуффи, раскопки, произведенныя около мавзолея, открыли, что все зданіе было поставлено на кирпичномъ фундаментѣ, возвышавшемся на нѣсколько ступеней. Еще прежде, чѣмъ это было узнано, нашли пилястръ высотою въ 2,27 метра, съ двухъ сторонъ покрытый прекрасными барельефами; на другихъ двухъ сторонахъ его было изваяно по небольшому кресту, и въ серединѣ креста сдѣлано квадратное углубленіе, какъ будто для того, чтобы вставить брусокъ. Изъ этого заключили, что вокругъ всего памятника была рѣшетка, или лучше сказать, стояли по десяти угламъ пилястры, соединенные желѣзными перекладинами. Такъ какъ на вершинѣ этого пилястра виденъ былъ остатокъ пьедестала, то сдѣланъ былъ выводъ, что на пилястрахъ стояли статуи, по всей вѣроятности, апостоловъ. Но такъ какъ угловъ было только десять, то можетъ быть, еще два пилястра со статуями апостоловъ стояли впереди у входа. Къ несчастію, по непонятной небрежности, найденный пилястръ былъ попорченъ и потомъ исчезъ, такъ что догадки остались не подтвержденными [1].

Лишившись такъ многаго изъ своей внѣшней отдѣлки, Ротонда, конечно потеряла, часть своей красоты; но и теперь еще она смотритъ величественнымъ, именно царскимъ памятникомъ. Уединенность, тишина и растущіе кругомъ высокіе темные тополи придаютъ ей кромѣ того какую-то таинственность; и когда издали съ аллеи не видишь растреснувшихся камней и травы, выросшей въ щеляхъ, то забываешь, какъ много вѣковъ и перемѣнъ пронеслось надъ древнею гробницею.

---

[1]) *Ribuffi*, Guida di Ravenna, p. 127, 128.

Изъ числа памятниковъ, относящихся къ послѣднему времени богатства Равенны, къ царствованію Юстиніана, замѣчательны: базилика S. Apollinare in Classe, храмъ св. Виталія и еще остатки церкви св. Михаила, San Michele in Africisco. Всѣ три были построены Юліаномъ Аргентаріемъ [1]). *Церковь св. Михаила* упразднена и служитъ теперь складомъ плодовъ. Она состоитъ изъ абсида полукруглаго и внутри, и извнѣ (единственный примѣръ въ Равеннѣ, гдѣ всѣ абсиды представляютъ многоугольники) и изъ остатка прилежащихъ къ нему стѣнъ, къ которымъ придѣланы новыя. Въ двухъ мѣстахъ въ стѣнахъ видны двѣ капители: одна изъ нихъ византійскаго вкуса, въ видѣ четырехугольной корзины, покрыта очень красивыми и тонкими рисунками. Внутри абсидъ и стѣна надъ нимъ была покрыта мозаикой; но не такъ давно городское управленіе продало эту мозаику въ Берлинскій музей. Передъ отправкой, съ нея были сняты рисунки и фотографическіе снимки. Только по этимъ снимкамъ могли описать ее Ранъ и Гото [2]). Судя по ихъ описаніямъ, она состояла изъ двухъ образовъ: одинъ былъ въ сводѣ абсида, другой—на стѣнѣ надъ входомъ въ абсидъ. Въ сводѣ на золотистомъ фонѣ былъ изображенъ Спаситель въ юношескомъ возрастѣ; въ правой рукѣ онъ держалъ золотой крестъ съ драгоцѣнными каменьями, въ лѣвой открытое Евангеліе, гдѣ читались слова: „Qui vidit me vidit et Patrem. Ego et Pater unum sumus". По сторонамъ стояли архангелы Михаилъ и Гавріилъ. Еще дальше, на боковыхъ стѣнахъ—св. Козма и Демьянъ;

---

[1]) Кто былъ этотъ Юліанъ — неизвѣстно ничего опредѣленнаго. Аргентаріями (argentarii, τραπεζιται) назывались въ Римской имперіи люди, занимавшіеся промѣномъ денегъ, дававшіе и бравшіе деньги на проценты, служившіе посредниками въ дѣлахъ купли и продажи, нѣчто въ родѣ нашихъ банкировъ и нотаріусовъ. Занятіе это не было государственною службою, но число аргентаріевъ было опредѣленное, они составляли корпорацію и имѣли нѣкоторыя привиллегіи. Многіе пріобрѣтали значительныя богатства. Извѣстно, что Юстиніанъ очень покровительствовалъ этому сословію и умножилъ его привиллегіи (*Pauly*. Real, Encyclopedie der classich. Alterthumswissenshaft, Bd. II). Если принять слово аргентарій въ этомъ значеніи, то можно предположить, что Юліанъ былъ богатый банкиръ, отдававшій часть своего имѣнія на украшеніе родного города и на построеніе церквей. Но Муратори считаетъ названіе аргентарія равносильнымъ сакелларію, и по его мнѣнію, Юліанъ былъ просто казначей Равенской церкви, принимавшій участіе въ постройкѣ храмовъ только какъ должностное лицо. (*Muratori*, Rerum Italic. Scriptores, t. II, p. 97, 98).

[2]) *Hotho*, Geschichte der christlichen Malerei. Stuttgardt, 1867. Erste Lief., p. 56; *Rahn*, Ein Besuch in Ravenna, p. 298.

отъ этого послѣдняго образа на стѣнѣ еще существуютъ остатки. Выше, надъ входомъ въ абсидъ, былъ представленъ Спаситель на престолѣ съ благословляющею правою рукой и съ Евангеліемъ въ лѣвой. По сторонамъ его девять ангеловъ, пять съ одной и четыре съ другой; два ближайшіе съ золотыми посохами въ рукахъ, остальные трубили въ трубы. Всѣ ангелы въ бѣлыхъ одѣяніяхъ и стояли на облакахъ, которыя частью прикрывали ихъ ноги.

Гораздо важнѣе, чѣмъ s. Michele in Africisco, двѣ другія постройки Юліана Аргентарія, St. Apollinare in Classe и San Vitale, и та и другая—прекрасно сохранившіеся образцы двухъ совершенно разныхъ формъ христіанскаго храма.

San Vitale есть одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ храмовъ христіанской древности. „Другой такой церкви нѣтъ во всей Италіи", говоритъ Агнеллъ.—„Ни одна не сравнится съ нею ни по постройкѣ, ни по архитектурной отдѣлкѣ" [1]). Она принадлежитъ къ сравнительно небольшому числу круглыхъ или многоугольныхъ храмовъ, которыхъ древнѣйшій и простѣйшій образецъ представляетъ знаменитый римскій Пантеонъ. Она считается важнымъ памятникомъ для исторіи зодчества, важнымъ именно по высокой степени развитія купольной системы и по усовершенствованіямъ ея съ технической стороны. Наружный видъ San Vitale до того искаженъ разными пристройками, что безъ помощи воображенія и не представишь себѣ, каковъ онъ былъ. Нѣсколько совершенно постороннихъ зданій примыкаютъ къ нему и скрываютъ его отъ взоровъ. Какъ куполъ св. Софіи Константинопольской, такъ и верхъ св. Виталія поднимается посреди цѣлой кучи разныхъ крышъ. Форма храма—восьмиугольная. Онъ состоитъ собственно изъ двухъ частей: одна—срединная, образующая внутри куполъ и покрытая плоскою восьмискатною крышей; другая поясообразно окружаетъ ее и покрыта отдѣльною кровлей. Въ ней два свѣта; средняя же еще на одинъ рядъ оконъ возвышается надъ нею. Съ восточной стороны выдается абсидъ, представляющій половину шестиугольника, и по бокамъ двѣ круглыя капеллы съ четыреугольными абсидами. Въ маленькихъ пристройкахъ между абсидомъ и капеллами находятся лѣстницы на хоры. Абсидъ высотою равняется только первому этажу храма. Со стороны противоположной къ нему была пристроена, какъ показываютъ остатки стѣнъ, длинная паперть. По

---

[1]) «In aedificiis et in mechanicis operibus» (*Agnelli*, Lib. Pont., vita S. Ecclesii, cap. I, p. 95).

странной случайности или прихоти архитектора, она была не параллельна сторонѣ противоположной алтарю, а приставлена къ одному изъ угловъ и длиной своею равнялась двумъ сторонамъ восьмигранника. Главный входъ въ церковь такимъ образомъ не могъ быть поставленъ правильно. Гдѣ онъ былъ — даже и неизвѣстно навѣрное, такъ какъ впослѣдствіи были продѣланы новыя двери, а старыя заложены. Если главный входъ былъ поставленъ правильно въ храмѣ, то онъ приходился ближе къ одному концу паперти; если, какъ думаетъ Гюбшъ, былъ еще другой входъ, возстановлявшій симметричность на паперти, то онъ былъ неправиленъ въ отношеніи къ церкви. Теперь этихъ ходовъ нѣтъ, и къ этой самой сторонѣ церкви примыкаетъ какое-то большое зданіе, кажется казарма, почти слившаяся со стѣной паперти. Въ промежуткахъ, образовавшихся между храмомъ и папертью, стояли двѣ круглыя башни. Изъ нихъ одна уцѣлѣла до сихъ поръ, до половины своей прежней высоты; другая не существуетъ, и на мѣстѣ ея позже выстроена колокольня. Самыя края паперти, на сколько можно судить, были тоже округлые.

Пробравшись мимо построекъ, нагроможденныхъ вокругъ San Vitale, входишь въ него небольшою дверью, точно заднимъ ходомъ, съ сѣверо-восточной стороны, близко отъ алтаря. Послѣ длинныхъ прямоугольныхъ базиликъ и внѣшній видъ San Vitale представляется чѣмъ-то необыкновеннымъ, смѣлымъ. Но даже и эта внѣшность, въ которой все-таки господствуетъ прямая линія, не приготовляетъ къ тому, что̀ мы видимъ внутри. Здѣсь такое разнообразіе и богатство арокъ, углубленій, всевозможныхъ сводовъ, что невольно останавливаешься въ изумленіи.

Осьмиугольная середина церкви ярко освѣщена сверху восемью большими окнами, по одному на каждой сторонѣ. Въ верху она переходитъ въ кругъ помощью маленькихъ арокъ, вдѣланныхъ въ стѣнѣ, и увѣнчана легкимъ и краснвымъ куполомъ. Каждая изъ восьми сторонъ церкви состоитъ изъ высокой арки, которая соединяетъ середину храма съ окружающимъ его притворомъ, такъ что верхъ и куполъ покоятся на восьми большихъ устояхъ. Окружающій притворъ раздѣленъ на два яруса. Въ обоихъ ярусахъ большая арка вдается въ притворъ полукруглымъ углубленіемъ, ограниченнымъ двумя колоннами, образующими въ свою очередь три меньшія арки. Потолокъ притвора состоитъ изъ разнообразно скрещивающихся сводовъ, которые опираются на колонны и пилястры, поставленные у крайней стѣны. Все это вмѣстѣ составляетъ такое сочетаніе арокъ и

сводовъ, какого нигдѣ больше нельзя встрѣтить. Съ алтарной стороны въ аркѣ нѣтъ углубленій и подраздѣленій на меньшія арки; она свободна въ оба яруса и широко открываетъ доступъ къ алтарю. Алтарь занимаетъ одну изъ восьми частей окружающаго притвора, но не раздѣленный на ярусы, обильно освѣщенный огромнымъ окномъ надъ абсидомъ, онъ получаетъ особый торжественный характеръ.

Храмъ св. Виталія подвергся значительнымъ измѣненіямъ въ украшеніяхъ. Середина его и окружающій притворъ сохранили коегдѣ мраморную обкладку стѣнъ, но вообще испещрены новою отдѣлкой. Даже великолѣпный мраморный полъ принадлежитъ позднѣйшему времени. Поднятіе почвы заставило поднять и полъ въ храмѣ, и теперь сквозь люкъ, оставленный около одной колонны, можно видѣть, что старый полъ лежитъ около $1^1/_2$ аршина ниже нынѣшняго. За то вся алтарная часть вполнѣ сохранила свое великолѣпное мозаичное украшеніе и не только возбуждаетъ восхищеніе въ археологѣ, но и простаго зрителя удивляетъ роскошью и яркостью красокъ.

Въ числѣ мозаичныхъ изображеній, украшающихъ абсидъ, особенное вниманіе привлекаютъ къ себѣ два, находящіяся одно противъ другаго на боковыхъ стѣнахъ абсида. По содержанію своему они относятся къ исторіи храма и представляютъ, одно: императора Юстиніана, другое—императрицу Θеодору, входящихъ въ храмъ. На лѣвомъ изображеніи видѣнъ императоръ въ торжественномъ одѣяніи, съ вѣнцомъ (nimbus) вокругъ головы. Онъ держитъ въ рукахъ какойто большой, круглый, низкій сосудъ. Передъ нимъ идетъ, неся крестъ, епископъ Максиміанъ (освящавшій храмъ); впереди нихъ два духовныя лица, одно съ кадильницей, другое съ книгой въ рукахъ. Между императоромъ и епископомъ видна голова одного изъ свиты, стоящаго сзади. За императоромъ слѣдуютъ двое придворныхъ, а за ними воины. Положеніе фигуръ довольно однообразно, какъ и можно ожидать отъ изображенія церемоніальнаго шествія; за то чрезвычайно разнообразны и характерны лица; особенно выдѣляется лицо епископа Максиміана, по всей вѣроятности, портретъ. Это худое морщинистое лицо съ высокимъ лысымъ лбомъ, отъ котораго оно кажется длиннымъ, и рѣдкими волосами на вискахъ, съ выраженіемъ спокойнымъ и равнодушнымъ. Въ фигурѣ его больше чѣмъ во всѣхъ остальныхъ видно движеніе. Императоръ изображенъ въ зрѣломъ возрастѣ, съ кругловатымъ, строгимъ и важнымъ лицомъ, безъ бороды, съ небольшими усами. Ближайшій изъ придворныхъ, тотъ,

который видѣнъ между епископомъ и императоромъ, человѣкъ пожилой; второй, довольно молодой, съ небольшою бородкой и усами; третій совсѣмъ юноша. У духовныхъ худыя, озабоченныя лица. У всѣхъ волоса падаютъ низко на лобъ; у духовныхъ замѣтна тонзура. Фигуры своимъ ростомъ занимаютъ почти всю высоту картины, такъ что фона видно очень мало. На противоположной картинѣ фигуры меньше и на фонѣ за ними можно видѣть что-то въ родѣ ниши и украшенія на стѣнѣ. Въ лѣвомъ углу картины дверь, занавѣсь которой приподнимаетъ и держитъ придворный. Передъ дверью на низенькой коринеской колонкѣ стоитъ ваза съ фонтанчикомъ, такъ называемый cantharus. Очевидно, мѣсто представляетъ паперть храма, въ который идетъ Өеодора, неся въ рукахъ золотую вазу, украшенную драгоцѣнными каменьями. Передъ нею идетъ придворный, за нею нѣсколько дамъ. Императрица изображена въ богатомъ одѣяніи, въ пурпурной мантіи, шитой золотомъ и жемчугомъ. На широкой каймѣ ея мантіи вышита картина, изображающая поклоненіе волхвовъ. Роскошныя и разнообразныя женскія одежды даютъ всей картинѣ ярко-пестрый колоритъ, котораго нѣтъ въ первой; но можетъ быть, эти самыя тяжелыя одежды, скрывая положеніе тѣла, дѣлаютъ фигуры болѣе неподвижными и однообразными. Онѣ всѣ обращены передомъ къ зрителю, и только руки Өеодоры, держащія проносимый ею даръ и протянутыя по направленію къ двери, показываютъ ея движеніе. Черты лица сдѣланы тонко, цвѣта употреблены нѣжные, но вообще въ нихъ нѣтъ той характерности, какая замѣтна на первой картинѣ. Въ первой, кажется, болѣе обращено вниманія на изображаемыя лица, а во второй на обстановку и отдѣлку.

Образъ на полукуполѣ абсида имѣетъ также отношеніе къ основанію храма. На немъ изображенъ Господь, возсѣдающій на земномъ шарѣ, по сторонамъ его два ангела и два святые мужа: съ одной стороны св. Виталій, съ другой св. Екклезій, основатель храма. Ангелы въ бѣлыхъ одѣяніяхъ съ длиннымъ тонкимъ жезломъ въ одной рукѣ, какъ будто подводятъ святыхъ къ Господу: каждый положилъ руку на плечо подводимаго имъ святаго; лицо одного изъ нихъ слегка обращено къ св. Виталію, а фигура показываетъ движеніе къ Спасителю. Другой глазами обращенъ къ Спасителю, но за то и другая рука указываетъ на Екклезія. Господь изображенъ въ юношескомъ возрастѣ, съ выраженіемъ спокойнаго величія на лицѣ. Онъ въ темной фіолетовой одеждѣ. Лѣвою рукой онъ держитъ книгу, которую опираетъ на лѣвое колѣно, правою подаетъ св. Виталію вѣнецъ. Отъ

этого движенія правая сторона всей фигуры и лицо получаютъ едва замѣтное обращеніе въ правую сторону. Св. Виталій, въ богатой византійской одеждѣ, принимаетъ вѣнецъ обѣими руками на свой цвѣтной плащъ. Епископъ Екклезій, въ темной мантіи сверхъ длинной одежды съ широкою вышитою каймой внизу, подноситъ Господу изображеніе построенной имъ церкви. По его добродушному лицу замѣтно, что это долженъ быть портретъ. Фонъ изображаетъ вверху небо, усѣянное облачками, внизу поле, по которому разбросаны цвѣты.

Собственно алтарная часть храма, то-есть, самый алтарь въ нашемъ смыслѣ, какъ уже сказано выше, составляетъ часть окружающаго двухэтажнаго притвора и равняется высотой обоимъ этажамъ. И нижняя часть притвора, и хоры выходятъ на него тремя арками, поддержанными двумя колоннами. Хоры оканчиваются балюстрадой въ видѣ балкона, и тамъ находится помѣщеніе для пѣвчихъ; нижній притворъ отдѣленъ желѣзною рѣшеткой. Надъ тремя арками нижняго яруса обозначена на стѣнѣ одна общая большая арка, обнимающая ихъ. Мозаика, покрывающая стѣны и крестообразный сводъ алтаря, по выполненію своему уступаетъ мозаикѣ абсида: рисунокъ менѣе тонокъ, оттѣнки красокъ грубѣе, фигуры менѣе осмыслены. По содержанію они большею частью относятся къ ветхому завѣту и расположены симметрично на обѣихъ сторонахъ. Главные образа находятся надъ нижними колоннами внутри обозначенной на стѣнахъ большой арки. Съ лѣвой стороны здѣсь изображены въ одной картинѣ два случая изъ исторіи Авраама; посѣщеніе его Господомъ съ двумя ангелами и жертвоприношеніе Исаака. Въ параллельной ей правой картинѣ представлено точно также въ одной картинѣ жертвоприношеніе Авеля, который, стоя у жертвенника, держитъ агнца на рукахъ, и жертвоприношеніе Мельхиседека, стоящаго съ другой стороны у того же самаго жертвенника. Эта картина больше другихъ приближается къ мозаикамъ абсида по изяществу рисунка и по краскамъ. Остальныя части стѣнъ заняты изображеніями евангелистовъ, пророковъ Моисея, Іереміи и Иліи (Моисей повторяется три раза), ангеловъ, держащихъ крестъ. Въ углахъ, подъ окнами алтаря надъ абсидомъ изображены Іерусалимъ и Виѳлеемъ. Сводъ и всѣ остальныя части стѣнъ покрыты разными разводами и изображеніями аллегорическхъ животныхъ. На внутреннемъ вырѣзѣ арки, соединяющей алтарь съ церковью, расположены пятнадцать круглыхъ

образовъ. Въ серединѣ Христосъ, по сторонамъ двѣнадцать апостоловъ и св. Гервасій и Протасій, сыновья св. Виталія.

Очень красивы капители на колоннахъ этого храма. Онѣ четырехъ родовъ. На хорахъ — коринѳскія, наименѣе замѣчательныя по оригинальности, по граціозной формы. Въ нижнемъ этажѣ арки, соединяющія середину храма съ притворомъ, лежатъ на колоннахъ византійскаго стиля. Капители ихъ довольно низкія и поднимаются вверхъ прямыми наклонными линіями. Отдѣлка ихъ состоитъ изъ рѣзьбы, представляющей плетенье. Подобнаго же рода капители въ алтарѣ, только тамъ ихъ стороны нѣсколько выгнуты, и рѣзьба тоньше и замысловатѣе. Въ верхнемъ балконѣ для пѣвчихъ капители еще оригинальнѣе. Онѣ также покрыты тонкою рѣзьбой, и кромѣ того, изогнуты такъ, что образуютъ продольныя складки. Надъ всѣми ними, какъ и вездѣ въ Равеннѣ, вторыя капители, такъ называемыя импосты, на которыхъ собственно и лежатъ арки.

St. Apollinare in Classè, построенный въ тридцатыхъ годахъ VI столѣтія при епископѣ Урсицинѣ, и во время блеска Равенны былъ однимъ изъ ея лучшихъ храмовъ [1]). Единственный остатокъ древняго пригорода, онъ стоитъ посреди болотистой равнины; вблизи него есть только одно или два небольшія строенія, вѣроятно, жилища сторожей или принадлежащихъ къ церкви. Ни одного дерева нѣтъ вокругъ: все голая равнина; только вдали виднѣется знаменитый лѣсъ la Pineta. Огромная базилика темно-красноватаго цвѣта стараго кирпича занимаетъ почти тридцать саженъ въ длину. Съ восточной стороны храма выступаетъ большой абсидъ, въ формѣ половины десятиугольника и по бокамъ его, пристроенные къ боковымъ притворамъ, два четырехугольные абсида, въ свою очередь оканчивающіеся маленькими полукруглыми, высотою своею доходящими только до оконъ большаго средняго. Узкая паперть длиною своею много выступаетъ противъ ширины храма, такъ что выступающіе концы, покрытые отдѣльною крышей, образуютъ какъ бы особыя пристройки. На боковыхъ стѣнахъ храма вполнѣ сохранилось древнее украшеніе: выступающіе ряды кирпичей и разнообразная кладка ихъ обрисовываютъ въ обоихъ этажахъ высокія арки, по числу соотвѣтствующія числу внутреннихъ арокъ, соединяющихъ боковые корабли со среднимъ. Въ каждой изъ этихъ арокъ въ прежнія времена было большое закругленное окно. Такимъ образомъ, освѣщенная

---

[1]) *Agnelli*, Vita St. Ursicini, cap. I.

больше чѣмъ пятьюдесятью окнами, церковь должна была быть полна свѣта. И теперь еще она гораздо свѣтлѣе большинства вновь строющихся храмовъ, хотя только нѣкоторыя окна остались открыты, остальныя же заложены—или для того, чтобы придать бо̀льшую крѣпость стѣнамъ, или чтобъ угодить вкусу новаго времени, любящему въ храмахъ таинственный полумракъ. Въ абсидѣ же всѣ четыре большія окна остались не заложенными.

Самая некрасивая часть храма — это паперть, и какъ кажется, именно потому, что ей пришлось быть очень передѣланною. Теперь фасадъ ея представляетъ длинную глухую стѣну съ одною входною аркой по срединѣ и съ рядомъ маленькихъ окошекъ подъ самою крышей. Изъ-за этой крыши почти только на половину видно большое красивое окно на передней стѣнѣ средняго корабля храма. Въ началѣ же, какъ полагаютъ [1]), она была открыта напереди и вмѣсто глухой стѣны шелъ рядъ колоннъ, соединенныхъ арками. Высота ея была меньше нынѣшней на весь рядъ упомянутыхъ маленькихъ окошекъ, и тогда большое окно фасада было видно вполнѣ. Тѣ же части паперти, которыя выступаютъ противъ ширины храма, были съ глухими стѣнами, украшенными, также какъ и стѣны храма, аркообразными углубленіями. Эти части нартекса должны были быть той же высоты, какъ и теперь.

Входныхъ дверей въ храмъ было девять: три черезъ паперть и по три съ боковыхъ сторонъ. Теперь остается только одна средняя дверь черезъ паперть; всѣ остальныя заложены, но еще можно видѣть мѣста, гдѣ онѣ находились.

Внутренность базилики св. Аполлинарія—около 28 сажень въ длину и 15 сажень въ ширину. Боковые притворы отдѣлены двѣнадцатью колоннами съ каждой стороны, поставленными на четырехугольныхъ низенькихъ основаніяхъ. Чрезвычайно красивы и оригинальны ихъ бѣлыя капители съ крупными акантовыми листьями. Кромѣ еще одной развалины въ Равеннѣ, подобныя капители встрѣчаются только посреди наружныхъ украшеній собора св. Марка въ Венеціи. Посреди храма стоитъ небольшой какъ-бы престолъ. Подъ нимъ находится гробъ св. Аполлинарія, прежде стоявшій въ паперти и перенесенный оттуда епископомъ Мавромъ Схизматикомъ. Къ алтарю ведетъ лѣстница въ одиннадцать ступеней, шириною во всю среднюю часть храма. Престолъ стоитъ на разстояніи отъ стѣны, и четыре колонны дра-

[1]) *Hübsch*, Die altchristlichen Kirchen. Karlsruhe, 1862, S. 60.

гоцѣннаго мрамора поддерживаютъ надъ нимъ сѣнь. Абсидъ представляетъ внутри полукругъ съ четырьмя большими окнами, подъ которыми устроено мраморное сидѣнье. Весь куполъ абсида, стѣна надъ аркой, ведущею къ нему, и простѣнки между окнами покрыты прекрасно сохранившеюся мозаикой, которая принадлежитъ къ нѣсколько болѣе позднему времени, чѣмъ мозаика въ San Vitale.

Въ вершинѣ полукупола представлено Преображеніе Господне въ слѣдующемъ аллегорическомъ видѣ: вверху рука Господня выходитъ изъ облаковъ и указываетъ на огромный крестъ, изображенный въ голубомъ кругѣ, усѣянномъ звѣздами. По сторонамъ круга изъ облаковъ выходятъ поясныя фигуры Иліи и Моисея. Ниже три агнца— съ одной стороны два, съ другой одинъ—изображаютъ апостоловъ, видѣвшихъ Преображеніе. Въ нижней части купола по срединѣ изображена фигура св. Аполлинарія въ епископской одеждѣ, съ руками, поднятыми на молитву. По сторонамъ, на фонѣ камней и цвѣтовъ стоятъ по шести агнцевъ, изображающихъ или паству св. Аполлинарія, или двѣнадцать апостоловъ. Стѣна надъ аркой раздѣлена двумя горизонтальными чертами на три полосы. Въ верхней полосѣ посрединѣ — грудной образъ Христа въ кругѣ. Правою рукой онъ благословляетъ, въ лѣвой держитъ Евангеліе. По сторонамъ четыре евангелиста. Во второмъ ярусѣ по сторонамъ арки изображены Іерусалимъ и Виѳлеемъ, и по шести агнцевъ, поставленныхъ по наклонной линіи изъ угловъ къ серединѣ. Третій ярусъ состоитъ изъ двухъ треугольниковъ, образовавшихся по бокамъ арки. Въ нихъ изображены пальмы. Ниже, на устояхъ, поддерживающихъ арку, фигуры архангеловъ Гавріила и Михаила со знаменемъ въ рукѣ. Еще ниже, наравнѣ съ основаніемъ оконъ, грудныя изображенія евангелистовъ Матѳея и Луки. Въ простѣнкахъ между окнами изображенія четырехъ епископовъ, равеннскихъ святыхъ: Екклезія, Севера, Урса и Урсицина. Всѣ четверо представлены съ благословляющею правою рукой и съ евангеліемъ въ лѣвой рукѣ.

На стѣнахъ, по бокамъ входа въ алтарь находятся еще двѣ мозаичныя картины. Направо въ одной картинѣ представлены три ветхозавѣтныя жертвоприношенія: Авеля, Авраама и Мельхиседека. На лѣвой сторонѣ большая картина изображаетъ епископа Репарата и императоровъ Константина, Гераклія и Тиберія. Репаратъ былъ преемникъ епископа Мавра Схизматика и по завѣщанію своего предшественника былъ избранъ тремя своими товарищами, также какъ избирался папа, и получилъ утвержденіе въ своемъ санѣ не отъ

папы, а отъ императора. За этимъ онъ ѣздилъ въ Константинополь и получилъ тамъ также подтвержденіе привиллегій Равеннской церкви. Это послѣднее и должно представлять картина въ храмѣ св. Аполлинарія. По срединѣ ея изображены императоръ Константинъ и епископъ Репаратъ, что̀ поясняютъ надписи надъ ними. Репаратъ держитъ въ рукахъ свитокъ съ надписью Privilegia. Рука императора указываетъ на этотъ свитокъ. Рядомъ съ епископомъ стоятъ четыре духовныя лица, рядомъ съ императоромъ три фигуры, двѣ изъ которыхъ должны представлять двухъ другихъ императоровъ. Къ сожалѣнію, мозаика, вѣроятно попорченная отъ времени, въ разныхъ мѣстахъ покрыта позднѣйшею живописью, не позволяющею видѣть многаго. Вслѣдствіе того, нѣкоторые даже объясняютъ иначе содержаніе картины.

Съ лѣвой стороны базилики, ближе къ восточному краю ея, стоитъ круглая, гладкая башня, соединенная съ нею маленькою пристройкой. На ней слегка обозначены три яруса; въ нижнемъ только кое-гдѣ продѣланы длинныя и узкія отверстія, окруженныя аркообразнымъ рядомъ кирпичей; во второмъ три ряда оконъ: въ двухъ нижнихъ большія и рѣдкія закругленныя окна, правильно расположенныя одно надъ другимъ; въ третьемъ ряду каждому большому соотвѣтствуютъ два парныхъ узкихъ окна. Въ верхнемъ ярусѣ точно также три ряда оконъ; изъ нихъ нѣкоторыя парныя, другія тройныя, соединенныя въ одно съ помощью колоннъ. Изъ всѣхъ ихъ многія совсѣмъ заложены и обозначаются только своимъ древнимъ контуромъ, другія заложены не до верху, и только немногія остались открыты. Черепичная крыша башни широко выступаетъ вокругъ.

Кромѣ всѣхъ этихъ памятниковъ, въ Равеннѣ есть и еще не мало развалинъ и остатковъ зданій, принадлежавшихъ не только тому времени, когда она была столицей, но и другимъ эпохомъ. Таковы развалины, стоящія около главной площади и извѣстныя подъ именемъ базилики Геркулеса, можетъ быть, относящіяся къ до-христіаскому періоду. Такова покосившаяся башня Torre del Publico, соперница Болонскихъ башенъ Гаризенды и Азинелли. Но эти памятники или одинокіе остатки, не связанные ни съ какими воспоминаніями, или на столько пострадали отъ времени, что могутъ привлекать вниманіе только знатока.

Въ заключеніе припомню еще объ одномъ памятникѣ, замѣчательномъ не древностью и не красотой, а именемъ, о которомъ онъ напоминаетъ. Это *гробница Данта.* Она построена недавно, только въ

прошломъ вѣкѣ. Гвидо Полентани, другъ Данте, пріютившій его въ своемъ семействѣ, когда онъ изгнанникомъ пріѣхалъ въ Равенну, не успѣлъ достойно отмѣтить его могилу. Послѣ него память Данте долгое время оставалась въ пренебреженіи. Въ 1482 г. Бернардо Бембо, правитель Равенны, отъ имени Венеціанской республики, заказалъ мавзолей извѣстному скульптору и архитектору Ломбарди. Впослѣдствіи, уже въ XVIII вѣкѣ, онъ былъ перестроенъ архитекторомъ Камилломъ Мориджіа. Это небольшая квадратная часовня, покрытая полушарнымъ куполомъ простаго и строгаго рисунка. Внутри на стѣнѣ, противоположной входу, высѣчено барельефное изображеніе поэта, а передъ нимъ стоитъ урна. И урна, и стѣны вокругъ покрыты вѣнками и латинскими надписями, относящимися къ разнымъ временамъ передѣлокъ памятника. Самая старая изъ этихъ надписей, на урнѣ, была высѣчена скоро послѣ смерти поэта [1]).

Замѣчательно, что останки Данта только въ самое недавнее время получили послѣднее успокоеніе на мѣстѣ, имъ предназначенномъ. Вотъ что̀ объ этомъ разказывается:

Въ 1865 году во время приготовленій къ торжественному празднованію шестисотлѣтняго юбилея Данта, задумали исправить памятникъ и привести въ порядокъ мѣсто вокругъ него. Вблизи около капеллы Braccio forte находились остатки и обломки стѣнъ, не имѣвшіе никакого значенія. Рѣшено было ихъ срыть. Когда разломали старыя стѣны и принялись за фундаментъ, то наткнулись на простой деревянный ящикъ. Его вынули, но онъ тутъ же разсыпался, и изъ него выпали кости. На стѣнахъ ящика оказались надписи и на внутренней и на внѣшней сторонѣ. На внутренней прочли: „Dantis ossa denuper revisa die 3 Junii 1677"; на внѣшней: „Dantis ossa a me fra Antonio Santi hic posita anno 1677 die 10 Octobris". Это неожиданное открытіе возбудило множество толковъ и догадокъ о томъ, какимъ образомъ Дантовы кости оказались не въ могилѣ. Самая вѣроятная догадка—та, что онѣ были перемѣщены съ цѣлью скрыть отъ тѣхъ, которые старались ихъ похитить, и монахъ Санти, одинъ изъ францисканцевъ-смотрителей памятника, получившій порученіе исполнить это дѣло, сдѣлалъ замѣтки на ящикѣ, чтобы впослѣдствіи ихъ

---

[1]) Она записана въ Chronica Civitatis Ravennae (ed. *Muratori*, t. I, pars II, p. 579), подъ 1321 г. при упоминаніи о смерти Данте Алигьери, который, по словамъ хроники «послѣ смерти прославился многими своими сочиненіями, именно объ Адѣ, Чистилищѣ и Раѣ и о Монархіи».

можно было узнать. Съ величайшимъ благоговѣніемъ собраны были драгоцѣнные останки, поставлены въ церкви на все время юбилейныхъ празднествъ, и затѣмъ торжественно погребены въ склепѣ подъ памятникомъ.

Мавзолей Данта стоитъ въ концѣ улицы, носящей его имя, въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ нее входитъ подъ прямымъ угломъ другая улица. Наискось отъ него, на противоположномъ углу, надпись на домѣ указываетъ, что этотъ домъ принадлежалъ Гвидо да-Полента, и что въ немъ жилъ и умеръ Данте. Эта надпись, кажется, единственное напоминаніе о значеніи дома. Онъ принадлежитъ частному лицу, и очень можетъ быть, что при превратностяхъ судьбы, которымъ подвергалась память великаго поэта въ теченіе шести вѣковъ, въ немъ ничто не осталось, какъ было при Гвидо да-Полента.

О. С.

ВАРЯГИ-РУСЬ И БАЛТІЙСКІЕ СЛАВЯНЕ.

Варяги и Русь. Историческое изслѣдованіе *С. Гедеонова.* Два тома. С.-Пб. 1876.
Исторія русской жизни. Соч. *Ив. Забѣлина.* Т. 1. М. 1876.

Древнѣйшій періодъ исторіи всѣхъ народовъ исполненъ разныхъ басней; недостатокъ достовѣрныхъ событій замѣняютъ болѣе или менѣе запутанныя преданія или просто выдумки, какъ самого народа, такъ и писателей-лѣтописцевъ.

Возьмемъ хоть древнѣйшую исторію *Славянъ.* Какое разнообразіе преданій! Миѳическіе праотцы Чехъ, Лѣхъ, Русъ, Хорватъ, Кракъ и его дочери Ванда, Любуша, Казя, Тета, Попелъ и мыши; старинныя преданія о поселеніи Словѣнъ въ дунайскихъ странахъ, откуда они вслѣдствіе нападенія Волоховъ распространились на сѣверъ за Карпаты, и проч. и проч.—вотъ чѣмъ наполнено начало исторіи западныхъ, южныхъ и восточныхъ Славянъ. Этими-то преданіями и воспользовались первые славянскіе лѣтописцы, когда почувствовалась потребность записать кое-что изъ прошлаго. Но эти лѣтописцы, книжники-монахи, не всегда довольствовались простыми разказами своихъ стариковъ, и стали—по крайней мѣрѣ иногда—украшать преддверіе своихъ лѣтописей разноцвѣтными лоскутками книжныхъ премудростей, почерпаемыхъ то изъ еврейской, то изъ римской и греческой исторіи. Такимъ образомъ Славяне очутились на Сенарской равнинѣ, откуда они перешли въ дунайскія страны; такимъ образомъ Александръ Македонскій, Юлій Цесарь, Крассъ, Римляне и Галлы являются у Ляховъ—подлѣ національныхъ героевъ Лестьковъ, Крака и Попела, а у южныхъ Славянъ Сенуладъ, Остроилъ и Готы—подлѣ разныхъ Доброславовъ, Павлиміровъ, Хвалиміровъ и проч. Но чѣмъ дальше, тѣмъ хуже; каждый новый лѣтописецъ старается перещеголять своихъ предшественниковъ, а къ Александру и Юлію Цесарю присоединяются сыновья Іафета, Мосохъ, Асармоѳъ и проч. Знакомство съ пи-

сателями греческими и римскими выводитъ на сцену славянской исторіи Скиѳовъ, Сарматовъ, Гетовъ, Трибалловъ, Иллировъ, Маркомановъ, Квадовъ, Вандаловъ и проч. Надо замѣтить, что славянскіе лѣтописцы считаютъ свои народы автохтонами, или по крайней мѣрѣ, первыми обитателями занятыхъ ими земель; такъ думаютъ чешскіе лѣтописцы—Косьма, Далимилъ, Пулкава, польскіе—Галлъ, Кадлубекъ, Длугошъ, и русскій лѣтописецъ (Несторъ). Знакомство съ Геродотомъ, Страбономъ, Тацитомъ, Птолемеемъ и др. навело славянскихъ, или писавшихъ о Славянахъ, историковъ на другую мысль. Такъ, напримѣръ, съ XV — XVI вв. въ исторической наукѣ начало преобладать мнѣніе, что западные Славяне, именно Чехи и полабско-балтійскіе Славяне, не автохтоны занимаемыхъ или земель, а позднѣйшіе пришлецы, преемники германскихъ, свевскихъ Маркомановъ (а эти — преемники гальскихъ Боіевъ), Квадовъ, Вандаловъ, Сеноновъ, Руговъ, и другихъ племенъ. Это мнѣніе сдѣлалось, такъ сказать, историческою аксіомой не только въ нѣмецкой исторіографіи, но и у самихъ славянскихъ ученыхъ, напримѣръ, у Шафарика, Палацкаго, Воцела и проч. Всякое отклоненіе отъ этихъ гипотезъ считалось, да и считается историческою ересью. Но не смотря на вѣскіе голоса авторитетовъ въ родѣ Шафарика, отщепенцевъ отъ общепринятыхъ мнѣній является все больше и больше -какъ у Нѣмцевъ, такъ и у Славянъ. Главный представитель этой исторической ереси никто иной, какъ почтенный чешскій ученый А. Шембера. Онъ въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи „Западные Славяне въ правѣкѣ" (Вѣна, 1868), рѣшительно возстаетъ противъ общепринятаго мнѣнія, будто Ляхи, полабскіе и балтійскіе Славяне, Чехи, Мораване, Словаки и Словенцы, прибыли въ свои земли только въ V—VI вв., и будто до нихъ жили въ земляхъ побалтійскихъ, полабскихъ, поодрянскихъ, повислянскихъ и альпійскихъ народы не славянскіе, Германцы-Свевы и Галлы или Кельты. Шембера справедливо спрашиваетъ, *гдѣ* замѣтны слѣды тѣхъ германскихъ народовъ? Географическая номенклатура въ тѣхъ земляхъ до XII—XIII вв., то-есть, до громадной нѣмецкой колонизаціи,—чисто славянская; языки Чеховъ, Моравань и Словаковъ, Лужицкихъ Сербовъ, польскихъ и балтійскихъ Ляховъ носятъ характеръ чисто славянскій, а нѣмецкая примѣсь (лексикальная) здѣсь позднѣйшаго происхожденія. Страбонъ, Тацитъ, Птолемей и другіе знаютъ въ тѣхъ земляхъ, уже въ началѣ нашей эры, между прочимъ, племена Вариновъ, Мугилоновъ, Луговъ, Корконтовъ, Баимовъ, Ракатовъ (два племени: на рѣкѣ „Дыѣ" и „въ поляхъ"), а черезъ нѣсколько вѣковъ на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ

являются племена Варновъ, Могилянъ, Лужанъ или Лужичанъ, Ракоусовъ (опять два племени: у рѣки Дыи и Ракоусовъ-Полянъ); названіе Корконтовъ сохранилось въ названіи горъ Корконошскихъ, а Баимами продолжаютъ чужеземцы называть Чеховъ (Boemi, Boemani, Böhmen). О славянскомъ характерѣ словъ варны (враны, вороны), могила, луги, рако-усы (срав. толсто-усы, черно-усы), корко-ноши, (то-есть, шее-ноши), не можетъ быть, кажется, никакого сомнѣнія.

Можно не соглашаться съ нѣкоторыми частностями мнѣній Шемберы, но самая мысль его и его научные пріемы заслуживаютъ полнаго вниманія. Вліяніе Шемберы замѣтно уже на книгѣ польскаго ученаго Войцѣховскаго (Chrobacya, 1873). Во всякомъ случаѣ мысли почтеннаго чешскаго ученаго больше приближаются къ исторической истинѣ, чѣмъ, напримѣръ, мнѣнія польскихъ историковъ Шайнохи и Бѣлёвскаго о происхожденіи Ляховъ-Лехитовъ; первый дѣлаетъ ихъ Скандинавами, а второй—выходцами изъ южныхъ странъ, изъ Иллиріи; первый связываетъ начало польской и чешской исторіи съ норманскими „Ляхами"-дружинниками, а другой называетъ свои фантазіи „критическимъ введеніемъ въ исторію Польши".

А что сказать о *древнѣйшей исторіи Руси*? Варяги и Русь, Варяго-Русы или Русо-Варяги — вотъ краеугольный камень всей древней исторіи восточной Славянщизны. Русь, Варяги, или лучше сказать, Варяго-Русы—скандинавскіе Норманы,—это сдѣлалось такою же исторической аксіомой, какъ вышеупомянутыя гипотезы о кельтскихъ Боіахъ и о германско-свевскихъ народахъ въ полабскихъ и поодрянскихъ земляхъ. Всякій, кто не вѣрилъ въ норманскую гипотезу, въ скандинавское происхожденіе Варяговъ и Руси, прослылъ за еретика. Русь, Русская Правда, болярипъ или бояринъ, вервь, градъ, рядъ, полкъ, весь, навь, смердъ, вѣно и проч., все это оказывается поклонниками Одина и Тора, да и этотъ послѣдній житель Валгалы едва-ли не переселился на берега Днѣпра, перемѣнивъ только фамилію въ Перуна. Все дѣлали на Руси скандинавскіе Норманы: они воевали, грабили, издавали законы, а тѣ несчастные Словѣне, Кривичи, Сѣверяне, Вятичи, Поляне, Древляне только и дѣлали, что платили дань, умыкали себѣ женъ, играли на гусляхъ, плясали и съ пѣніемъ ходили за плугомъ, если не жили совсѣмъ по скотски.

Такъ это было въ блаженныя времена Шлёцера, Карамзина, Круга, Погодина; да и самъ осторожный Шафарикъ прозвалъ противниковъ норманской теоріи предубѣжденными невѣждами. Но въ послѣднія времена поборники норманской теоріи значительно усми-

рились; храбрѣйшій изъ нихъ ушелъ въ Валгалу, съ ужасомъ смотря на размножившіяся историческія ереси. Благодаря изслѣдованіямъ этихъ противниковъ норманской теоріи, въ исторической наукѣ все больше и больше упрочивается мнѣніе, что *Варяги* и *Русь*—племена совершенно различныя. *Русь*—по всей вѣроятности племя славянское, южно-русское, производившееся еще въ X вѣкѣ отъ миѳическаго князя Руса. Эти *Русичи*—вѣроятно, Кіевскіе Поляне, носившіе еще позже, въ XII вѣкѣ, названіе „Руси" въ болѣе тѣсномъ смыслѣ: „Поляне, яже нынѣ зовомая Русь",—какъ выражается лѣтописецъ. Что касается *Варяговъ*, то они не туземцы, а пришлецы съ запада, изъ скандинавскихъ странъ, съ Варяжскаго моря, по которому „сѣдять Варязи, Ляхове, Пруси и Чюдь". Мы нисколько не намѣрены пуститься въ этотъ варяжскій лабиринтъ, не смотря на нитку Аріадны, свитую акад. Куникомъ (примѣчанія къ соч. акад. *Дорна:* Каспій, 1875), и остановимся только на одной сторонѣ этого вопроса.

Въ числѣ разныхъ мнѣній о Варягахъ и Руси появилось и такое, что Варяги и даже Русь—*выходцы изъ Балтійскихъ Славянъ.* Это мнѣніе высказывалось нѣсколько разъ еще съ прошлаго вѣка (Тредіаковскій, Ломоносовъ, Каченовскій, Венелинъ, Морошкинъ) и нашло себѣ защитниковъ въ новыхъ сочиненіяхъ С. А. Гедеонова и И. Е. Забѣлина. Объ этой-то *балтійскославянской теоріи* происхожденія Варяговъ и Руси мы намѣрены здѣсь поговорить.

Не соглашаясь съ мнѣніемъ обоихъ почтенныхъ ученыхъ, мы, разумѣется, отдаемъ полную справедливость достоинствамъ ихъ интересныхъ трудовъ. *Отрицая* гипотезу о балтійско-славянскомъ происхожденіи Варяговъ и Руси, мы будемъ придерживаться по большей части *негативнаго* способа изложенія, то-есть, укажемъ на *несостоятельность* мнѣній обоихъ ученыхъ, и постараемся ихъ опровергнуть.

Балтійскими Славянами называются Славяне, поселившіеся по Балтійскому морю, на востокъ отъ Лабы (Лабя, Эльбы) далеко за нижнюю Одру. Главныя ихъ отрасли были *Ободриты* (*Бодричи*), *Велеты* или *Лютичи* и *Поморяне*; всѣ они распадались на много мелкихъ племенъ [1]). Эти племена составляли часть того національнаго

---

[1]) Балтійскимъ Славянамъ повезло въ русской литературѣ. Ихъ исторія и ихъ бытъ описаны *Гильфердингомъ* (Исторія Балтійскихъ Славянъ, ч. I), *Павинскимъ* (Полабскіе Славяне), *Лебедевымъ* (Послѣдняя борьба Балтійскихъ Славянъ), *Котляревскимъ* (Древности права Балтійскихъ Славянъ, т. I), и авторомъ этой

цѣлаго, которое простиралось отъ Балтійскаго моря на югъ чрезъ земли полабскія, поодрянскія и повислянскія до Карпатовъ, и которое — по примѣру русскаго лѣтописца — можно назвать народомъ *ляшско-славянскимъ*: „Словѣни пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове друзіи Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне". Это національное единство всѣхъ Ляховъ помнили въ Польшѣ еще долго, до XV вѣка, и позже [1]). Оно проявляется въ разныхъ областяхъ ихъ быта; отличительнымъ знакомъ ихъ языка служитъ полное господство носовыхъ звуковъ (ѫ — ą, ѧ — ę), чего въ языкѣ южныхъ и восточныхъ сосѣдей Ляховъ, отрасли полабско-сербской, чешско-словенской и русской, или совсѣмъ нѣтъ, или же эта особенность составляетъ тамъ чрезвычайно рѣдкое исключеніе. Ляховъ раздѣлила исторія на двѣ половины. Восточная ихъ половина, племена, жившія на верхней Одрѣ и по Вислѣ, Слѧзане, Хорваты, Поляне, Мазовшане и восточные Поморяне, сгруппировались около князей племени *Полянъ* и составили, въ теченіе времени, одно политическое и національное цѣлое, *Польшу*, *народъ польскій*. Между тѣмъ западные Ляхи такого политическаго и національнаго единства не достигли; у нихъ упрочилось племенное раздробленіе, а политическаго и національнаго единства не составилось. Это-то раздробленіе и было главною причиной паденія независимости западныхъ Ляховъ. Послѣ вѣковой борьбы съ Нѣмцами, Балтійскіе Славяне наконецъ падаютъ, дѣлаются подданными своихъ заклятыхъ враговъ и съ теченіемъ времени совсѣмъ исчезаютъ.

Гг. Гедеоновъ и Забѣлинъ, принимая разказъ русскаго лѣтописца по Лаврентьевскому списку буквально, вѣрятъ въ призваніе *Варяжскихъ князей* сѣверо-восточными Славянами, подъ *Варягами* же они разумѣютъ не скандинавскихъ Норманов, а *Балтійскихъ Славянъ*. Оставляя въ сторонѣ разныя мнѣнія о Варягахъ (срв. у *Гедеонова* гл. V.), остановимся, вопервыхъ, на предлагаемомъ г. Гедеоновымъ объясненіи этого слова. Г. Гедеоновъ сомнѣвается, чтобъ всѣ славянскія слова, заканчивающіяся суффиксомъ—*ang*, были заимствованы изъ германскихъ нарѣчій. Не всѣ, но почти всѣ. Слова, оканчивающіяся на—ѧгъ—ѧзь (русск. — *язь*, — *язь*) перешли въ славянскій языкъ изъ германскаго, отчасти съ сохраненіемъ кореннаго

статьи (Германизація Балтійскихъ Славянъ). Срв. тоже Слав. древности *Шафарика*, §§ 43, 44.

[1]) См. наше соч. Славянская взаимность, 202.

г, отчасти съ перемѣной его въ з; такъ, напримѣръ, изъ герм. Kuning— слав. кънѧгъ (срв. кънѧгыни), или кънѧзь (польск. Ksiądz, у другихъ Славянъ князь, кнѣзь), Vithing—витѧзь, penning — пѣнѧзь (польск. pieniądz) skilings—щьлѧгъ, (польск. szeląg), auhsahrings—усерѧгъ, усерѧзь. и пр.; такъ и изъ германск. Varing, Vaering — слав. Варѧгъ, русск. Варягъ [1]). Славянскихъ словъ съ такимъ окончаніемъ найдется не много, напримѣръ, польскія названія мѣстъ Raciąz, Kołodziąz, Grudziądz, Goniądz (русск. Гонязь); pstrąg (др.—слов. пьстрѫгъ, оттуда и мадьярск. pisztrang), работѧгъ.

Слово Варягъ г. Гедеоновъ производитъ изъ балтійско-славянскаго языка, куда оно попало изъ нѣмецкаго. Около 1700 г. проживали на нижней Эльбѣ, въ люнебургскомъ Вендландѣ, послѣдніе остатки полабско-балтійской Славянщизны, говоря на страшно испорченномъ славянскимъ нарѣчіи (срв. наше соч. Германизація балтійскихъ Славянъ, 39). Въ числѣ записанныхъ тогда природными Нѣмцами люнебургско-славянскихъ словъ находится тоже: *waro*, *warang* — Schwert, Degen (мечъ, шпага), изъ нѣмецк. Wehr (Gewehr). Напрасно г. Гедеоновъ (стр. 168) старается строго отдѣлить эти два слова. Форма *warang* можетъ быть винит. пад. отъ *waro*; срв. worno (варна, ворона)—wornung (ворнѫ), teisko (стукъ)—teiskong, dewa (дѣва) — dewong, korwo (корова)—korwung, dumpo (крещеніе) — dumpung, simia (земля) — simang, nidelja (недѣля)—nidelang, daussa (душа) — dausang, и пр. Но warang можетъ быть и уменьшительное отъ waro, какъ напримѣръ, büg (богъ)—büsang (божѧ), med (медъ)—madang, witzer (вечеръ) — witzerang, worno — wornang (ворнѧ), и пр. Г. Гедеоновъ сомнѣвается въ объясненіяхъ Шлейхера, единственнаго филолога, разработавшаго это испорченное славянское нарѣчіе научнымъ образомъ (Laut- und Formenlehre der polabischen Sprache), и считаетъ напримѣръ, форму witzerang—какъ уменьшительное отъ слова вечеръ— невозможною ни по значенію, ни по граматической формѣ, ни по законамъ славянской лингвистики. Но въ этомъ испорченномъ славянскомъ нарѣчіи, такихъ „невозможныхъ" формъ найдется довольно, которыхъ напрасно будемъ искать въ другихъ нарѣчіяхъ славянскихъ; напримѣръ, jang—есть, tung—тъ, тотъ, sung—сь, сей.

Но считаемъ ли мы слово написанное «warang»—винит. падежемъ,

---

[1]) Гедеоновъ (стр. 188) называетъ поморскій монастырь Colbaz, Colbas—«колбяжскимъ», намекая, вѣроятно, на русск. *Колбягъ*; но въ такомъ случаѣ Балтійскіе Славяне произносили бы Colbenz, Colbens, а эта форма не встрѣчается.

или уменьшительнымъ отъ waro,—это для нашей цѣли все равно; буквами—ang передается здѣсь только носовый звукъ ѧ или ѫ (польск. ą, ę), а вовсе не окончаніе—агъ,—ѫгъ; срв., кромѣ вышеприведенныхъ, tjenangs (кjнѧзь), sojangs (зоiѫцъ), jeimang (яймѧ), mangsi (мѧсі), jungsik (ѩзыкъ) и пр. Слово pojank, то-есть, поiѧкъ, паукъ, польск. pająk) сюда не идетъ, такъ какъ въ немъ—jank коренное—ѧкъ. Наконецъ, *warang* означало просто „мечъ" (Schwert, Degen), и уже поэтому нельзя формѣ „warang" приписывать значеніе „мечника". Если такое слово и существовало въ этомъ языкѣ, то оно явилось бы въ формѣ *warnik*; срвн. criwnik (сапожникъ отъ criw, черевикъ), klübencnik (klübenk, клобукъ, шляпа), zimnik (подземный духъ, отъ zimja, земля), wakninik (waknü, окно), raibinik (raibo, рыба), malnik (мельникъ), и пр. Въ числѣ фамилій онѣмеченныхъ люнебургскихъ славянъ встрѣчается и Warneik, и этотъ суффиксъ—*никъ* видѣнъ и въ названіяхъ мѣстъ Копиники, Пецники, Рудники, Душники, взятыхъ отъ занятій и характера зрителей (срв. Германизація Балтійскихъ Славянъ, 27, 65). Съ мнимымъ словомъ warang=waręg надо разстаться, и слово *Варягъ* имъ нисколько не объясняется.

Русскіе же слово *Варягъ* никогда и не произносили съ носовымъ звукомъ, котораго въ русскомъ языкѣ—на сколько онъ намъ извѣстенъ въ историческое время по письменнымъ памятникамъ — не было, кромѣ, пожалуй историческихъ формъ въ родѣ времѧ, времени (*Колосовъ*, Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка, 29). Слово Варягъ Русскіе произносили безъ носоваго звука, какъ напримѣръ, сентябрь, ноябрь, Корлягъ, мятль, щьлягъ (шелягъ), стягъ и др. изъ чужихъ σεπτεμβριος, νοεμβριος (чрезъ др.-слов.), Karoling, mantile, schilling, stange, и пр. Если, напримѣръ, Византійцы Константинъ Порфирогенитъ и Левъ называютъ русскаго Святослава — Свѧтославъ (Σφενδοσλαβος), то носовой звукъ надо объяснить болгарско-славянскимъ вліяніемъ, какъ и другія подобныя формы Σφενδοπλοχος — моравскій Сватоплукъ, Τζεντινα — хорвато-сербская Цетина и пр. Ляхи (балтійскіе и повислянскіе) произносили Варягъ—по законамъ своего нарѣчія—съ носовымъ звукомъ, какъ видно изъ названія села Warensin у лютичскихъ Чрезпѣнянъ съ XII в.), то-есть, Варѧжинъ (если такъ читать по формамъ Warnizhine, Warentin, Warenscin, Warensin), и польскихъ мѣстъ Waręż—Варѧжь, и Waręzyn—Варѧжинъ. Но этихъ названій нельзя считать остаткомъ или колоніей Варяговъ; въ такомъ случаѣ мѣста назывались бы Варяги; срв. у Балтійскихъ Сла-

вянъ села Карваты, Морачане, Суслы, Дравяне, и пр. — отъ Хорватовъ, Морачанъ, Сусловъ, Дравянъ-Древнянъ. Варѧжинъ и. Варѧжь— это прилагательныя отъ имени лица Варѧгъ, какъ и Сербино, Чехово, Краковъ, Варгѧтинъ, Славѧтинъ, Доморазь, Быдгощь, Собѣдражь, Русовъ, Русиновъ, Русиновици, отъ именъ лицъ Сердъ, Чехъ, Кракъ, Варгѧта, Славѧта, Домора дъ, Быдгость, Собѣдрагъ, Русъ, Русинъ. Варягомъ же могъ назваться выходецъ изъ Варягъ, поселившійся между Балтійскими Славянами, равнымъ образомъ какъ находимъ у всѣхъ Славянъ имена лицъ: Варяжко (мужъ Ярополка), Ляшко (убійца Бориса), Чешко (сокольникъ Ивана Калиты), Сербъ, Хорватъ, Чехъ, Полякъ, Русъ, Русинъ, Угринъ, Влахъ, Торчинъ, Чудинъ, Куманъ, Печенѣгъ, и пр.

„Varяговъ“ считаетъ Балтійскими Славянами и г. Забѣлинъ (стр. 134). Русскій лѣтописецъ называетъ Балтійскихъ Славянъ прямо, и какъ мы видѣли, вполнѣ основательно (а не ошибочно, какъ кажется г. Гедеонову), вообще *Ляхами* [1]. „Ляхове же Пруси и Чюдь, присѣдять къ морю Варяжскому; по сему же морю сѣдять Варязи сѣмо къ въстоку“. По послѣднимъ названо Балтійское море — Варяжскимъ, какъ оно или его восточная часть нѣсколько столѣтій до русскаго лѣтописца называлось „Венедскимъ“, хотя по его берегамъ не сидѣли одни только Венеды, а также Литва и Чудь. Изъ приморскихъ Ляховъ русскій лѣтописецъ приводитъ только два главныя племени, Лютичей и Поморянъ, равнымъ образомъ какъ изъ ляшскихъ племенъ по Вислѣ приводитъ только Полянъ и Мазовшанъ. Ободритовъ или Бодричей и Стодорянъ лѣтописецъ не приводитъ, какъ не приводитъ и Слязанъ съ Хорватами; еще меньше можно ожидать, чтобы лѣтописецъ зналъ такія мелкія племена, какъ, напримѣръ, Вагры, Рана или Руяна. Всѣ эти мелкія племена балтійскаго поморья, начиная съ устья Свѧтыни и кончая устьемъ Вислы, русскій лѣтописецъ подразумѣваетъ подъ именемъ Ляховъ; западная половина—Лютичи, восточная—Поморяне. Не удивительно, что русскій лѣтописецъ не знаетъ, напримѣръ, Бодричей по имени, причисляя ихъ къ Лютичамъ: вѣдь еще около половины XI вѣка считаетъ же одинъ нѣмецкій лѣтописецъ городъ Люнебургъ лежащимъ на рубежѣ Саксовъ и Лютичей — in confinio Saxonum et Luticiorum (Lambert. Hersfeld.

---

[1]) На невѣрное толкованіе г. Гедеоновымъ словъ лѣтописи: «мы (князья) семы ни Угре, ни Ляхове» (стр. 456) указалъ уже г. *Костомаровъ* (*Русская Старина* 1877 г., I., 180).

ap. *Pertz*, Monum. Script., V, 200); а между тѣмъ Люнебургъ отдѣляли отъ Лютичей племена Бодричскія. Поэтому нечего искать Варяговъ между Ляхами, Лютичами и Поморянами русскаго лѣтописца.

Балтійская Славянщизна — благодаря ея безконечнымъ войнамъ съ Нѣмцами и Скандинавами—намъ очень хорошо извѣстна; всѣ ея племена, знаменитыя и мелкія, ихъ жилища, города и пр. извѣстны до мельчайшихъ подробностей. А о „Варягахъ" въ тѣхъ странахъ намъ ничего неизвѣстно; вышеупомянутаго селенія Warensin нельзя считать даже ихъ слѣдомъ.

Г. Забѣлинъ поднялъ высказанную еще Герберштейномъ (а послѣ него и другими) мысль, что имя Варяговъ сохранилось въ названіи *Вагровъ*, племени бодричскаго, занимавшаго сѣверо-восточный уголъ нынѣшней Гольштиніи, между моремъ и рѣками Святыней и Травной. (срв. Германизація Балт. Славянъ, 119—128). Но это имя пишется всегда Wagri, Waigri, Wagiri, Wagria и пр., и *никогда* не пишется Wargi, Warigi и пр. (русское Варягъ произносили бы Бодричи Wareng, Warang). Уже Гильфердингъ хорошо объяснилъ это племенное названіе, санскр. *вагара*, нѣм. *wacker*, слав. *ваг* (въ от-*вага*, обл. русск. *угаръ*, *уаръ*—отчаянный парень, буянъ), что соотвѣтствуетъ восхваляемой лѣтописцемъ Гельмольдомъ храбрости этого племени. Судя по племеннымъ названіямъ и словамъ Мазуръ, Ратарь, границарь, лугарь, копаничарь, единств. число отъ *Wagri* было, вѣроятно, *Ваіаръ* (*Ваіарь*) или *Ваіринъ*. Вагры, Лютичи, Велеты, Ратаре, всѣ эти и подобныя имъ имена указываютъ на храбрый и воинственный характеръ Балтійскихъ Славянъ. Но Вагры были *Вагры*, а не *Варги*, и не *Варны*, и всего меньше *Варяги*. Скандинавы *могли* называть Вагровъ Варгами, то-есть, волками (varg), разбойниками, хищниками и проч., но они ихъ такъ *не* называли; Датчане — по свидѣтельству Саксона—называли Вагровъ *Brammesii* (?), а главный ихъ городъ *Старгардъ* (по нѣмец. Aldenburg) — *Brandenhuse*. Слово *варгъ* (соотвѣтствуетъ слову *враг* другихъ Славянъ, какъ, напримѣръ, варнъ= вранъ, бергъ = брегъ, гардъ = градъ даргъ = драгъ) было извѣстно и балтійскимъ Славянамъ, какъ видно изъ именъ Wargina, Wargus, Wargenta; но слова *варгъ* и происходящихъ отъ него названій опять-таки нельзя смѣшивать (какъ это дѣлаетъ г. Забѣлинъ) съ словами *вархъ* (верхъ, древянск. вархъ, вархни, варсакъ=вершокъ), или *верхъ*, *връхъ* (срв. Werchemile, Wirhen), *варшъ* (Warsin, Warsowe). Что же касается имени *Варны*, то это было совсѣмъ другое племя, сидѣвшее по рѣкѣ Варнавѣ (нынѣшней Warnow); балтійско-слав. *варнъ*=

польск. *вронъ*=чешск. *вранъ* (русск. *воронъ*), какъ и гаварнъ=гавронъ=гавранъ. Если не считать свевскихъ Вариновъ, то имя этого бодричскаго племени является въ XI — XII вв. подъ чисто славянскою формой Warnavi, Warnabi = Варн*ови*, Варн*ове*, Варны (какъ Weletabi=Велет*ови*, Велет*ове*, Велеты). А Варнами (Воронами) могло назваться племя Бодричей, какъ и Рароги (соколы), Суслы, Вепрево, Туры, Турно (названія бодричскихъ земель), Волки, Волчки (Лютичи —лютые) и др.

И такъ, видимъ, что *Вагровъ*, *Варговъ*, *Варновъ* и *Варяговъ* смѣшивать *нельзя*. А отъ этихъ Вагровъ, Варговъ, Варновъ Балтійское море *не могло* прозываться *Варяжскимъ*. Что такъ думали во времена Герберштейна (XVI в.), что еще чешскій профессоръ Іоаннъ Судетскій (1614—1616 гг.) производилъ „Варецкое" море отъ Вагровъ, это понятно; но думать такъ во времена Востокова, Шафарика, Срезневскаго и Миклошича не позволительно. Едва ли согласится почтенный авторъ, напримѣръ, съ тожествомъ именъ Забѣлинъ, Залабакъ (чешская фамилія, то-есть, житель Залабья) и Завулоновъ.

Г. Забѣлинъ съ „Варягами" связываетъ еще два названія,—*Видиваріевъ* и *Врановъ* или *Борановъ*. Видиваріевъ помѣщаетъ Іорнандъ (552 г.) при устьяхъ Вислы, называя ихъ сбродомъ разныхъ народовъ (Vidivarii ex diversis nationibus aggregati). Кто были эти Видиваріи—трудно сказать. Шафарикъ (Слав. Древн., § 18, № 8, § 19, № 6) считаетъ Видиваріевъ германскими *Витингами*, производя изъ ихъ имени славянское *витязь*. Какъ бы то ни было, въ Видиваріяхъ можно видѣть союзъ племенъ, соединившихся для военныхъ цѣлей, или скорѣе, разбоевъ; подобная община скандинавскихъ викинговъ поселилась въ X вѣкѣ при устьѣ Одры, въ балтійскомъ Волынѣ или Іомсбургѣ, и скоро приманила къ себѣ и Славянъ. Что касается *Вороновъ* или *Борановъ*, то они упоминаются въ III вѣкѣ вмѣстѣ съ Готами, Карпами, Уругундами, нападающими изъ дунайскихъ и черноморскихъ странъ на Византійскую имперію. Можетъ быть, Вораны и Уругунды и Карпы (Хорваты) и были славянскими племенами. Г. Дриновъ (Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами) считаетъ Боранъ Поляками, а Уругундовъ—тоже племенемъ славянскимъ, которое лонгобардскія преданія помѣщаютъ гдѣ-то между Венетами и Антами (Anthaib, Banthaib, Wurgonthaib, у Павла Діакона).

Всѣ эти племена—Вариновъ Тацита, Воранъ Зосимы, Видиваріевъ

Іорнанда—г. Забѣлинъ считаетъ однимъ и тѣмъ же самымъ народомъ, и ихъ имена (Варины, Вируны, Варны, Верины, Вераны, Вораны) только олатыненною и огреченною формой того же самаго имени, которое у Славянъ произносилось *Варягъ*. Такимъ образомъ—заключаетъ авторъ—странствованіе Варяговъ по нашей землѣ заявлено исторіей уже въ половинѣ III вѣка по Р. Х.

Такая древность „нашихъ славянскихъ Варяговъ" не понравится, впрочемъ, не только изслѣдователямъ-норманистамъ, но и многимъ другимъ, которымъ вообще всѣ старанія отыскать Варяговъ между Ляхами, покажутся тщетными. Г. Забѣлинъ думаетъ, что русская лѣтопись указываетъ „несомнительно", что Варяги-Русь обитали на балтійскомъ славянскомъ поморьѣ, въ углу по сосѣдству съ Датчанами и Англами, и что оттуда призваны князья. Кромѣ того, полагаетъ онъ, что Балтійское Славянство господствовало въ нашей странѣ подъ другими именами. Но мы опять думаемъ, что въ этомъ отожествленіи „Варяговъ" и балтійскихъ Ляховъ, равнымъ образомъ какъ и въ отожествленіи „Руси" и Ругіи, Руяны (см. ниже), есть очень и очень много сомнительнаго и даже невѣроятнаго.

О старинныхъ связяхъ между западными и восточными Славянами, особенно же между Балтійскими и Новгородскими Славянами, можно много размышлять; но всѣ эти размышленія, не основываясь на положительныхъ историческихъ извѣстіяхъ, должны уступить очень не многимъ исторически достовѣрнымъ фактамъ. Такъ, напримѣръ, г. Забѣлинъ пишетъ: „Славянскіе Варяги, какъ первые и древнѣйшіе колонизаторы нашего сѣвера, задолго до IX вѣка сидѣли по городамъ у Чуди, Веси, Мери, Муромы, и всѣ тянули къ Новгороду, какъ къ своей родной матери. Новгородъ, въ свой чередъ, тянулъ за море къ Варягамъ-Славянамъ, которые по славянству были его отцы и дѣды, почему лѣтопись очень справедливо говоритъ, что Новгородцы происходили отъ рода Варяжскаго, а прежде были Славяне". Все это могло быть, но могло и не быть; во всякомъ случаѣ, объ этомъ намъ ничего неизвѣстно. Если лѣтописецъ (Лаврент. лѣтоп.) пишетъ: „Ты суть людье Ноугородцы отъ рода Варяжска, прежде бо бѣша Словѣни", то это явное противорѣчіе. Лѣтописецъ выводитъ Новгородскихъ Словѣнъ прямо отъ дунайскихъ Словѣнъ, которые сѣдоша около озера Ильмеря и прозвашася своимъ имянемъ. Эти Словѣне были рода словѣнскаго, и позже назвались по своему городу—Новгородцы, какъ и Поляне по Кіеву — Кіяне, Кривичи по Смоленску —

Смольняне и проч.; поэтому они не могли быть рода Варяжскаго. Этимъ словамъ нельзя даже придавать такого смысла, будто Ильменскіе Словѣне назвались Новгородцами со временъ предполагаемаго прибытія Варяговъ въ ихъ городъ; въ X, XI и даже въ XII вѣкахъ Новгородцы не забыли еще стариннаго племеннаго „своего имени"— Словѣне. Они вообще не очень-то и долюбливали своихъ мнимыхъ „дѣдовъ и отцовъ", какъ показываетъ рѣзня Варяговъ въ Новгородѣ 1015 года.

Г. Забѣлинъ свою теорію о „Варягахъ" проводитъ въ болѣе общихъ выраженіяхъ, между тѣмъ какъ г. Гедеоновъ старается подкрѣпить свое мнѣніе болѣе подробными указаніями. Поэтому мы обратимъ здѣсь главное вниманіе на сочиненіе этого послѣдняго автора.

Что между Балтійскими и восточными (позже Русскими) Славянами искони были извѣстныя сношенія, о томъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. На торговыя связи балтійскихъ странъ съ восточными указываютъ восточныя монеты, находимыя въ балтійскихъ земляхъ. Въ важномъ торговомъ городѣ поморскомъ *Волинѣ* находились еще въ XI вѣкѣ купцы „греческіе", то-есть, русскіе, и отъ Волиня до Кіева („въ Греціи") считалось 43 дня ѣзды — ad Ostragard Rusziae, cujus metropolis civitas est Chiue, clarissimum decus Graeciae (Adam. Brem., II, c. 12, 13).

Отголоски этихъ старинныхъ сношеній восточныхъ Славянъ съ Балтійскими слышны, кажется, и въ русскихъ былинахъ, въ которыхъ упоминается „славный, богатый Волынъ городъ"; напримѣръ, въ былинѣ о Дюкѣ Степановичѣ (*Рыбниковъ*, I, № 48):

Снаряжался Дюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ,
Изъ славнаго, богатаго *Волынь*-города,
Изъ тоя Индѣюшки богатыя,
Снаряжался во стольно-Кіевъ градъ.

Дюкъ восхваляетъ свой городъ, и князь Владиміръ посылаетъ въ эту Индѣюшку и въ городъ Волынъ своихъ оцѣнщиковъ — Дюково имѣніе описывать и оцѣнивать; богатства нашлось множество чрезмѣрное. Богатая „Индѣюшка" не должна насъ смущать; это вообще какая-то баснословная страна, да уже въ 58 г. *до* Р. Х. къ Римлянамъ въ Галліи прибыли купцы изъ „Индіи" (ex India, ex Indicis aequoribus), то-есть, купцы изъ балтійско-славянскихъ странъ, изъ Виндіи, земли Виндовъ, Венедовъ, Венетовъ, отъ Венедскаго залива (срв. *Шафарикъ*, Слав. Древн., § 8, № 3). Были ли

между Балтійскими и восточными Славянами религіозныя связи, какъ думаетъ г. Гедеоновъ (стр. 133), нельзя ни утверждать, ни отрицать; положительныхъ извѣстій о томъ не имѣется, и потому мнѣніе г. Гедеонова о „преимуществѣ вендскихъ князей передъ русскими" не можетъ быть доказано. Гельмольдъ, нѣмецкій житель Вагорской земли (XII в.), сохранилъ намъ преданіе, будто въ давнія времена—до IX вѣка—вагорскіе князья распространили свое господство и на Бодричей и Лютичей, и на другія болѣе отдаленныя племена (et eorum qui longe remotiores sunt); если послѣднія слова не риторическое украшеніе, то можно отнести ихъ, пожалуй, и къ поморскимъ Ляхамъ, но отнюдь не къ восточнымъ Славянамъ, отдѣленнымъ отъ Балтійскихъ Ляхами повислянскими и Литвой. О существованіи Славянъ-Ляховъ въ балтійскихъ странахъ при морѣ Варяжскомъ знали Русскіе изъ своей первой лѣтописи: Ляхове Поляне, Мазовшане, Поморяне, Лютичи. Если въ русской лѣтописи (около 1300 г.) приводится польская княгиня Лукерія „рода князей сербскихъ, съ Кашубъ, отъ поморія Варязкаго, отъ Стараго града за Кгданскомъ" (П. С. Р. Л., II, 227), то это позднѣйшая приписка XVI вѣка, перенятая изъ польскихъ источниковъ. Длугошъ, Мѣховскій и Кромеръ называютъ эту княгиню neptis ducis Slavorum seu Vinidarum apud Stetin, filia ducis Cassubitarum, а Вѣльскій и Блажовскій передаютъ это извѣстіе по польски: z książąt serbskich, Kaszubka. Связывать извѣстное новгородское преданіе о Гостомыслѣ съ „народнымъ преданіемъ русскимъ о западно-славянскомъ происхожденіи варяжской династіи"—очень смѣлая догадка; имена Гостомыслъ и Буривой или Боривой—не исключительная принадлежность западно-славянскаго міра; они, равнымъ образомъ какъ и Любомыслъ, Радивой, Владивой, Вратиславъ, Ратиборъ, Твердиславъ и др., имена общеславянскія. Если Морозовы, Воронцовы, Колычевы, Шереметевы производили себя—какъ пишетъ Курбскій—отъ Нѣмецъ, отъ роду княжатъ решскихъ, еще со временъ Рюрика, то не чему удивляться: такія генеалогическія производства были тогда въ большомъ ходу, и подобострастные генеалоги XVI вѣка выводили богатыхъ вельможъ, пожалуй, изъ ковчега Ноева, а по меньшей мѣрѣ отъ Чеха и Лѣха. Вѣдь самъ царь Иванъ Васильевичъ производилъ себя отъ Августа Кесаря! Примѣры такихъ „родословій" можно найдти въ сочиненіяхъ извѣстнаго польско-чешскаго историка XVI вѣка Папроцкаго, который, напримѣръ, производитъ чешскихъ пановъ Жеротиновъ отъ русскаго Олега Святославича. Поэтому нечего толковать о недоказанномъ

происхожденія нѣкоторыхъ русскихъ дворянскихъ родовъ отъ „рещскихъ княжатъ" поморскихъ (стр. 144). Были ли въ Поморьѣ Мрозичи „древне-вендскій родъ", не знаемъ; но если и были, то нельзя еще производить отъ нихъ русскихъ Морозовыхъ, какъ и чешскихъ Черторейскихъ нельзя смѣшивать съ русско-польскими Чарторыйскими, поморскихъ Борковъ—съ новгородскими Борецкими, польскихъ Яблоновскихъ—съ сербскими Яблановичами.

Цѣлую половину I-го тома своего сочиненія г. Гедеоновъ посвятилъ разбору древне-русскихъ именъ и словъ и старается отмѣтить въ нихъ сходство, даже вліяніе западо-славянское, преимущественно балтійско-славянское. Что касается *именъ лицъ* (то-есть, славянскихъ, а не изъ христіанскаго календаря перенятыхъ), то они у всѣхъ славянскихъ народовъ поразительно сходны; одинаковыя имена сложныя и простыя, ихъ сокращенныя формы, прибавленіе отчества и пр. встрѣчаются у всѣхъ народовъ славянскихъ. Имена Будигость, Хотиміръ, Владиміръ, Ярославъ, Святополкъ, Мстишъ (Мстиславъ), Богушъ (Богуславъ), Ярошъ (Ярославъ), Кленъ, Блудъ, Боянъ и др. встрѣчаются у всѣхъ Славянъ; и нельзя, напримѣръ, сказать, что Боривой и Вячеславъ—имена чешскія, Болеславъ и Казиміръ—польскія, Яроміръ и Богуславъ—балтійско-славянскія, Владиміръ и Мстиславъ—русскія, Кресиміръ и Чаславъ—юго-славянскія; нѣтъ, всѣ эти имена общеславянскія; русскія Мстишъ, Лютъ, Володиславъ, Станиславъ, Предславъ, не указываютъ на поморскихъ или вообще западныхъ Славянъ, какъ думаетъ г. Гедеоновъ (стр. 238, 258, 292). Къ славянскимъ именамъ подходятъ тоже многія имена германскія: Reginhart, Valgerdr, Lindigast, Heriman, Walemer, Chunirat, Alfred, Catuvald, Folkvidr, Liudewit, Vithimir, Folkdag, и пр., и славянскія: Радгордъ, Всегордъ, Людигость, Вукманъ, Велиміръ, Люторадъ, Начератъ, Всевладъ, Маловидъ, Гостивидъ, Витоміръ, Ярополкъ и пр. Славяне и Нѣмцы находились, какъ сосѣди, съ незапамятныхъ временъ въ постоянныхъ связяхъ и столкновеніяхъ, и не мудрено, что иногда Славянинъ принималъ имя германское, а Нѣмецъ—славянское, и не Нѣмцы виноваты, что у Славянъ—при извѣстномъ ихъ „чужебѣсіи"—встрѣчаются нѣмецкія имена чаще, чѣмъ славянскія у Нѣмцевъ. Такъ напримѣръ, уже въ IX—X вв. у западныхъ Славянъ встрѣчаются имена Heriman, Ulrich, Billug, Otto, а позже ихъ и больше. Въ княжескихъ и шляхетскихъ родахъ чешскихъ, польскихъ и полабско-балтійскихъ нѣмецкія имена входятъ все больше и больше въ употребленіе: Генрихъ, Германъ, Конрадъ, Отто, Удо, Годескалькъ и др. встрѣчаются подлѣ Болеслава, Вратислава, Мстя-

слава, Прибигнѣва, Прибислава и др. Съ другой стороны, сынъ нѣмецкаго короля Арнульфа названъ Святополкомъ, сынъ датскаго короля Канута — Владиміромъ (Вальдемаромъ), датскій княжичъ — Бориславомъ, норвежская княжна — Войславой, и пр.

Всего этого не слѣдуетъ забывать и относительно древне-русскихъ именъ. Въ числѣ ихъ есть и скандинавскія. Если нѣкоторыя имена не носятъ такъ явно славянскаго характера (договоры Олега и Игоря несомнѣнно переводы съ греческаго), какъ напримѣръ, Владиміръ, Святославъ, Ярополкъ, то не нужно еще провозглашать ихъ сейчасъ скандинавскими, а лучше прямо сказать, что они пока не объяснимы. Такъ, напримѣръ, имена Володиславъ, Малуша, Прѣтичъ, Рогволодъ, Рогнѣдь, Туръ, Лютъ, Блудъ, конечно, не скандинавскія, а славянскія; Пристенъ, Ясмудъ, Борисъ, Глѣбъ, Улѣбъ, Вельмудъ, Груды, Тріанъ, Стемиръ, также могутъ быть славянскія. Г. Гедеоновъ сравниваетъ, напримѣръ, имя Рюрикъ съ славянскимъ Рарогъ или (?) Герикъ (Рароги, племя Бодричей), будто бы прозвищемъ бодричскаго князя Дражка, Труворъ съ славян. Труберъ, Олегъ и Ольга съ чешск. Оломутомъ, Олеемъ, Олекомъ, Игорь или Ингорь съ чешск. „Гинхвой“ (чудовищная небылица у Гайка), „Ингмаръ“ (не слав.) и пр. Но объясненія г. Гедеонова страдаютъ такимъ же недостаткомъ, въ какомъ онъ упрекаетъ норманистовъ, то-есть, они натянуты и даже нерѣдко ошибочны. Такъ напримѣръ, его западо-славянскіе „Рюрики“ — Rerich, Rerig, Ририкъ, требуютъ болѣе подробнаго разысканія. Чешскій родъ „Rerich“ — если Редель (срв. *Журн. чешск. муз.* 1867 г., 92) передаетъ это имя вѣрно — совсѣмъ неизвѣстенъ, имя звучитъ не по чешски, а по нѣмецки; чешская форма могла бы быть лишь Рериха (собств. Ржержиха=жеруха), фамилія, существующая въ Чехіи и до сихъ поръ. Писарь Згорѣлецкій Peter Rerig былъ несомнѣнно Нѣмецъ, какъ тогда (XV в.) всѣ жители этого лужицкаго города. Что касается „Рерика воеводы лятцкаго“, то надо еще изслѣдовать, передалъ ли псковскій лѣтописецъ это имя (Поляка или Чеха?) вѣрно; Русскіе нерѣдко передѣлывали чужія имена на свой ладъ; такъ напримѣръ, чешскаго воеводу Іоанна Чернаго Русскіе называли Черникъ, Чернякъ, чешскаго пана Перштейна — Перстень и пр. Чешское *Борсичъ* сокращено изъ Борпславъ, и не можетъ быть=русск. *Воричъ*. Чешск. *Грѣдь*, *Грѣдонъ*, *Грѣдата* (пишется въ латинск. грам. Grid etc.)=русск. Гордъ (гордый) и не имѣетъ ничего общаго съ словомъ *гридь*; такъ и *Влисковъ* вовсе не чешское *Влъчекъ* (Wlicek, Волчокъ). Названіе балт.-слав. города *Волигощь*, *Велигощь* (а не „Ольгощь“) есть прилагательное отъ имени

Волигость, какъ и Радигощь, Быдгощь, Малогощь отъ Радигость и пр., и не имѣетъ ничего общаго съ именами *Олегъ*, *Ольга*; прилагательное отъ Олегъ было бъ *Олежь*, какъ отъ Радонѣгъ — Радонѣжь. Можно ли съ именемъ Олегъ сблизить имя моравскаго поселянина *Олекъ* (1145 г.)—трудно рѣшить; а имя *Олей* (Oley, 1088 г.)—не Олегъ. *Лидъ* не подходитъ къ чешск. Лидославъ, Лида, такъ какъ послѣднія уже новочешскія формы, Лидъ=др.-чешск. Людъ. *Тудоръ* нельзя сравнивать съ балтійско-славянскимъ именемъ *Стодорекъ* или *Стодорко* (лютичскій шляхтичъ XII в., назвавшійся, вѣроятно, по происхожденію изъ Стодорской земли, какъ и вышеупомянутые Ляшко, Чешко, Варяжко). *Улѣбъ* и балт.-слав. Godelaib (срв. чешск.-польск. Годиславъ) трудно сравнивать; перешедшія къ западнымъ Славянамъ нѣмецкія имена Dethleb, Hartleb сюда не принадлежатъ. *Бернъ* подходитъ къ чешск.-польск. Брънишъ, но не къ балт.-слав. Барнута (балт.-слав. Барнъ= чешск. Бранъ, польск. Бронъ и русск. Боронъ) и еще менѣе къ Бернатъ, ославяненной формѣ нѣм. Bernhard, Bernard. Такъ и чешск. Жибридъ (Sebrith)=германск. Sigefrid, а Іира (др. Юра) вовсе не Ярославъ, а просто Юрій, Георгій. Можно было бы привести еще больше такихъ примѣровъ, но и по вышеприведенному можно видѣть, какъ осторожно надо поступать въ объясненіи такихъ древнерусскихъ, отчасти испорченыхъ именъ, встрѣчающихся кромѣ того съ разными варіантами, напримѣръ: Груды—Гуды, Вельмудъ—Веремундъ, Вуеѳастъ—Ибусхатъ, Вузлѣвъ и Кузелѣвъ, и пр. А то, пожалуй, будутъ еще правы тѣ господа, которые объясняютъ троицу: Рюрикъ, Синеусъ, Труворъ—по нѣмецки: Rurik und sine getruwen [1])!

Въ примѣчаніи 107-мъ г. Гедеоновъ говоритъ: „Въ пользу варяжскаго (поморскаго) происхожденія Ольги можно бы привести чисто-вендскую форму имени села ея *Ольжичи*; въ другихъ спискахъ лѣтописи вмѣсто вендскаго Ольжичи поставлено русское Ольгино". По этимъ словамъ можно, кажется, подумать, что авторъ считаетъ названія мѣстъ съ патронимическимъ окончаніемъ—*ичи* принадлежностью однихъ только Балтійскихъ Славянъ. Но это мнѣніе невѣрно. Во *всѣхъ* славянскихъ земляхъ находится множество названій мѣстъ

---

[1]) Такимъ же недостаткомъ страдаетъ этимологизированіе г. Иловайскаго (Разысканія о началѣ Руси, 210, 302). Замѣтимъ только, что имена *Оттокаръ* и *Ольдрихъ* (Ulrich, Udalricus) не чешскія, а нѣмецкія; *Рюрикъ* нельзя сравнивать съ Рарогъ, какъ и *Ингваръ* съ Унгваръ (мадьярск. названіе Ужгорода: мадьярск.-югослав. *варъ*, *варошъ*—изъ греч. βαρις—значитъ городъ), и пр.

съ патронимическимъ окончаніемъ—*ичи* (у западныхъ Славянъ—*ици*, *ице*, и тоже часто и у Новгородцевъ). Имя Бояновичи (Bojanovici,—vice) означаетъ потомковъ, родъ Бояна, и потомъ—послѣ замѣны рода болѣе обширною общиной — усадьбу Бояновичей, селеніе Бояновичи, Bojanovice, какъ это хорошо обозначено въ древнепольской грамотѣ homines Belejeuici, то-есть, жители села Бѣлеевицъ. Такія родовыя названія находимъ и на Руси; приведемъ нѣсколько изъ древнихъ памятниковъ: Бужковичи, Бѣжичи (-ци), Витославичи (-ци), Дѣдичи, Дѣдогостичи, Мирятичи, Погоновичи, Стоняничи, Увѣтичи, Хвалимичи и пр.; все это родъ Бужка, Витослава, Миряты, Хвалима и др. и его усадьба. Такія названія встрѣчаются, конечно, и у Балтійскихъ Славянъ (срв. наше сочиненіе: Германизація Балт. Славянъ, 26, 203), равнымъ образомъ какъ и у другихъ. Поэтому названіе Ольжичи нельзя считать „чисто-вендскимъ"; оно столько же русское, сколько и Ольгино, какъ и Краковицы, Краковъ, Сезимово, Варгѧтинъ, Сербино — названія балтійско-славянскія.

Глава IX-я сочиненія г. Гедеонова носитъ названіе: „Слѣды варяжскаго (вендскаго) начала въ правѣ, языкѣ и язычествѣ древней Руси"—заглавіе очень смѣлое. Прежде чѣмъ говорить объ этой главѣ, надо сдѣлать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній.

Раздѣленіе первоначальнаго *языка славянскаго* на нѣсколько *языковъ* совершилось уже давно, еще—если такъ можно выразиться—въ доисторическое время. Не смотря на то, что славянскіе языки чѣмъ дальше назадъ, тѣмъ ближе другъ другу, они все-таки въ историческое время—то-есть, по письменнымъ памятникамъ—представляютъ уже вполнѣ развитыя и строго опредѣленныя органическія единицы, которыя рѣзко отличаются другъ отъ друга. Если сравнимъ, напримѣръ, чешское евангеліе св. Іоанна, словенскіе Фрейзингскіе отрывки древне-болг. Остромірово евангеліе, русскую лѣтопись, сербскія житія, названія мѣстъ и лицъ у Ляховъ (балтійскихъ и вислянскихъ), то увидимъ въ нихъ установившіеся языки чешскій, словенскій, древне-болгарскій (словѣнскій), русскій, сербскій, ляшскій; увидимъ, что уже въ древнѣйшій періодъ Чехи говорили градъ, Глубочаны, Ляхи—гардъ, гордъ, гродъ, Глѧбока (Glambokа), и всѣ западные Славяне—радло, мезу (мези) или медзу, земя, выгонъ, Ратиборовици. Между тѣмъ Русскіе говорили: городъ, горожанинъ, межу, рало, земля, глубокъ, князь, Мирятичи, а южные Словѣне (Болгаре)—градъ и гражданинъ (Сербы: грађанинъ), между (сербск. међу), рало, земля, глѧбокъ (сербск. дубокъ), кънѧзь (сербск. кнезъ), Богданищи (-ишти), и

пр. Но не смотря на эти характеристическія черты славянскихъ языковъ, въ нихъ является удивительное сходство, формальное и матеріальное, лексикальное.

При помощи лексикальнаго богатства разныхъ языковъ славянскихъ можно нарисовать довольно полную картину древнѣйшаго быта Славянъ, когда ихъ племена стояли ближе другъ къ другу и не развились еще въ строго опредѣленные организмы, въ народы. Такъ, напримѣръ, если во всѣхъ славянскихъ языкахъ съ древнѣйшихъ временъ находимъ слова пшеница, рожь, овесъ, ячмень, яблонь, желѣзо, плугъ или рало, полотно, городъ, село, весь, гусли, правда, вѣче и пр., то эти слова можно считать важными свидѣтельствами о бытѣ и степени образованности Славянъ въ древній періодъ ихъ исторіи. Ибо о какомъ-нибудь *заимствованіи* тѣхъ или другихъ словъ (понятій, вещей) нечего и думать; нельзя сказать, что восточные Славяне переняли отъ западныхъ, напримѣръ, слово *весь*, или западные отъ южныхъ—слово *жупанъ*, или южные отъ восточныхъ—слово *смердъ*. Нѣтъ, все это слова обще-славянскія; нѣкоторыя изъ нихъ употреблялись больше и дольше у западныхъ, другія у восточныхъ и южныхъ Славянъ; такъ, напримѣръ, слово *вѣче* знаютъ южные Славяне до сихъ поръ, а у западныхъ оно вышло уже изъ употребленія. Если Славяне, въ древнѣйшій періодъ своей исторіи, заимствовали отъ *чужихъ* народовъ тѣ или другія слова (предметы, учрежденія и пр.), то и въ такихъ словахъ является еще сходство. Такъ, напримѣръ, германскія kuning, penning, vithing, Karl, chiricha, fasta, римскія calendae, rosalia, caesar перешли ко всѣмъ или почти ко всѣмъ Славянамъ въ одинаковой формѣ: кънѧгъ (кънѧзь), пѣнѧзь, витѧзь, краль, цръкы, постъ, колѧда, русаліи, цѣсарь (царь). Между тѣмъ, если Славяне позже, то-есть, когда они уже разошлись и сформировались въ строго опредѣленныя народныя единицы, заимствовали нѣкоторыя слова отъ чужеземцевъ, то выходитъ ужь иначе. Такія, напримѣръ, заимствованныя слова: бумага (русск.), хартія (южн.-сл.), папиръ (зап.-сл.); булатъ, сталь, надо; желтая мѣдь, пиринагъ, мосязь; пушка, дѣло, топъ, и пр.

Если сравнимъ государственныя и юридическія учрежденія отдѣльныхъ народовъ славянскихъ, то и въ нихъ находимъ поразительное сходство. Нѣкоторыя такія учрежденія сохранились у восточныхъ и южныхъ Славянъ дольше, чѣмъ у западныхъ, а у южныхъ нѣкоторыя существуютъ и до сихъ поръ. Такъ напримѣръ, у Чеховъ въ XIII в. извѣстные судебные сыщики назывались *соки*; такіе же *соки* встрѣчаются въ западной Руси еще въ XV—XVI вв., а

у Сербовъ они извѣстны до сихъ поръ. Извѣстный способъ судопроизводства назывался у Чеховъ въ XIII в. *сводъ*; такой же сводъ встрѣчается и въ Правдѣ Русской, и въ сербскомъ законѣ Стефана Душана. Такихъ одинаковыхъ учрежденій съ одинаковыми названіями встрѣчается у славянскихъ народовъ очень много: лицо—поличное, вданіе—выдачка, глава — головщина, слѣдъ, круговая порука и пр. Все это—обще-славянскія учрежденія, выработанныя еще въ давнія времена національнаго единства, *до окончательнаго раздѣленія Славянъ* на нѣсколько народовъ. Невозможно и здѣсь говорить о какомъ-нибудь заимствованіи Чехами у Русскихъ или Сербовъ, напримѣръ, соковъ или свода. Нельзя же предполагать, чтобы депутаты или юристы отдѣльныхъ народовъ славянскихъ сходились на международныхъ конгрессахъ и постановляли здѣсь разныя учрежденія, обязательныя для всѣхъ Славянъ, и одинаковую юридическую терминологію.

Приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ такого стариннаго единства Славянъ въ бытѣ, учрежденіяхъ и пр.

Къметь. Слово темное, встрѣчающееся у всѣхъ Славянъ. Нѣкоторые сближаютъ его съ латинск. comes, другіе указываютъ на литовск. *кемасъ* и греч. κώμη—pagus, vicus. Первоначально слово *кметь* означало хозяина, господаря и вообще поселянина; такъ, у Чеховъ и у Поляковъ крестьяне до XVI вѣка назывались кмети, а у южныхъ Славянъ, Словенцевъ, Хорватовъ и Босняковъ, крестьяне называются кметями и до сихъ поръ; у Волгаръ и у Сербовъ кмети—знатные крестьяне, а у Черногорцевъ — судебные посредники. Кмети — господари высшихъ сословій, шляхты, составляли думу, совѣтъ князя-государя (=русск. боляре, думцы). У Чеховъ высшіе сановники земскіе (beneficiarii fide digni qui *kmetye* dicuntur, *kmetones* seu seniores terrae) назывались кметями до XV вѣка, а въ Моравѣ они позже приняли названіе пановъ господарей. То же самое случилось и у южныхъ Славянъ; въ хорватскихъ и сербо-босанскихъ памятникахъ XV в. кмети угорскіе=barones regni Hungariae. Кметями назывались, вѣроятно, и польскіе сановники земскіе, которые составляли княжескую или королевскую думу, вѣче; поэтому въ древне-польской пѣснѣ Адамъ называется божіимъ кметемъ, который сидитъ у Бога въ вѣчѣ. У русскихъ Славянъ кметь—отличный воинъ (Куряне свѣдоми къмети, молодые кмети, къметьство).

Смердъ. Слово темное (смрадъ? перс. *мердъ*, армянск. *мардъ*=мужъ?). Оно извѣстно преимущественно на Руси, гдѣ означало вообще плебея, въ особенности сельскаго жителя, хлѣбопашца, крестьянина; въ

лѣтописяхъ и Правдѣ часто говорится о смердахъ и ихъ рольяхъ. У дунайскихъ Словѣнъ (Болгаръ) смрѣдъ означало тоже плебея (противоположное сановнику, царю). У Ляховъ, балтійскихъ и вислянскихъ, родъ крестьянъ, вѣроятно, крѣпостныхъ, назывался *смарды* (smardi, smardones, въ польск. грам. еще XII в., а у балт.-полабск. Славянъ и позже); у люнебургскихъ Славянъ еще около 1700 года смарды=крестьяне.

Боляринъ, *болѣринъ*, слово извѣстное только Славянамъ восточнымъ (у нихъ тоже бояринъ) и южнымъ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что это слово происходитъ отъ *болій*, а болярииъ = вельмужъ, вельможа. О русскихъ болярахъ или боярахъ не станемъ говорить здѣсь; болгарская шляхта тоже всегда называлась боляре, болѣре; у Сербовъ боляре только въ XIV в. стали называться властелями. Были боляре великіе и малые. Отъ Славянъ (вѣроятно, дунайскихъ) переняли это слово Румыны. Западные Славяне не знаютъ слова боляринъ; у нихъ высшія сословія назывались князья, жупаны, шляхта, земяне, владыки. Шляхта раздѣлялась тоже на два разряда, высшая и низшая; балтійскіе Ляхи называли первый разрядъ — князья, второй—княжичи, какъ и Сербы—властелинъ и властеличичъ, Русскіе—бояринъ и сынъ боярскій.

Себръ, у южныхъ Славянъ, Болгаръ, Сербовъ и Хорватовъ, означало, а отчасти означаетъ и до сихъ поръ плебея, крестьянина, противоположнаго властелину, болярину. Это слово встрѣчается, напримѣръ, въ болгарскомъ переводѣ Матѳѣй Властаря, въ законѣ Душана, въ хорватскихъ грамотахъ и проч. На Руси *сябры* встрѣчаются въ псковскихъ, новгородскихъ и литовско-русскихъ памятникахъ, означая соучастниковъ, владѣвшихъ сообща землей. У Бѣлоруссовъ сябръ, сябрукъ=родственникъ, сотоварищъ, у Великоруссовъ сябръ, себръ= товарищъ, хозяинъ съ правомъ голоса на громадѣ (то-есть, сходкѣ), а въ законникѣ Душана такой „соборъ себровъ" строго запрещается. Литовскій *себрасъ* = соучастникъ. Срв. санскр. *sabhâ* — собраніе, мѣсто собранія (югослав. соба=комната). Сябръ, себръ=участникъ такого собранія, хозяинъ, господарь.

Вѣче, *снемъ*, *соборъ*. Такъ называли всѣ Славяне свои всенародныя сходки, которыя такъ хорошо описалъ уже Византіецъ Прокопій въ VI вѣкѣ: „Словѣне (дунайскіе) и Анты (днѣпровскіе) не повинуются одному мужу, но живутъ издавна въ народномъ правленіи, и потому всегда о своихъ пользахъ и нуждахъ сообща совѣщаются. Равнымъ образомъ и почти всѣ другія дѣла у нихъ по древнимъ за-

конамъ управляются". Вотъ любопытное описаніе старинныхъ славянскихъ сходокъ, на которыхъ народъ снимался или собирался, совѣщался. А о вѣчахъ восточныхъ Славянъ (Антовъ Прокопія) говоритъ то же самое домашній лѣтописецъ XII вѣка: „Изначала Новгородци и Смоляне и Кіяне и Полочане и вся власти, якоже на думу на *вѣча* сходятся, на что же старѣйшіи сдумають, на томъ же пригороды станутъ". Звономъ вѣчевыхъ колоколовъ созывался на вѣче народъ, боляре и чернь—совѣщаться о публичныхъ дѣлахъ, говорить о нихъ съ трибуны, вмѣстѣ съ княземъ, дружинниками, сановниками (посадникомъ, воеводой-тысяцкимъ). Но съ конца XV и съ начала XVI в. вѣчевое устройство исчезаетъ, общинное начало уступаетъ государственному, а слово вѣчникъ означаетъ уже крамольника. Въ соединенной сѣверо-восточной Руси собираются государственные *соборы*, и только па окраинахъ русскаго міра созываются еще казаки на *рады* и *круги*, преемники старинныхъ вѣчъ, да въ западной Руси, польско-литовской, въ XVI в. сельскія общины собирались па *копы*, *вѣча*, *сборы*. Вѣчевое устройство *дунайскіе Словѣне* перенесли и па югъ, и ихъ *вѣща* или *вѣча* были такія же бурныя, какъ и русскія, такъ что и у нихъ вѣчникъ стало означать крамольника. Кромѣ государственныхъ *соборовъ* болгарскихъ, сербскихъ и хорватскихъ, сохранились, особенно у адріатическихъ Югославянъ, *вѣча* общинъ, пользовавшихся здѣсь обширнымъ самоуправленіемъ. Въ нѣкоторыхъ далматскихъ городскихъ общинахъ славянское вѣчевое устройство смѣшалось съ бывшими тамъ римскими муниципальными порядками, хотя и въ нихъ чернь домогалась участія въ вѣчевомъ устройствѣ. Вѣча и соборы видимъ, напримѣръ, въ хорватскихъ общинахъ Керкской, Винодольской, Сеньской, Полицкой, въ далматскихъ городскихъ общинахъ Задрѣ, Сплѣтѣ, Трогирѣ, Дубровникѣ и др. Вѣча собирались или „скупились на купъ", созвонились подъ открытымъ небомъ, потомъ въ особой вѣчницѣ; на нихъ присутствуютъ князь и другіе сановники, знатные люди, племенитые (дворяне) и общинскіе, *вѣчники*, и иногда также простой народъ (соборъ, universitas). Такъ, напримѣръ, въ Керкѣ въ 1267 г. „будучи судац и вичници и кмети пред црькву учинише мею собу, да када буде граду ка потриба, *виче* имети мею собу, да буде зван *вас пльк* (народъ), вели и мали, и да има то виче бити в недилю с маше (литургіи), и ча (что) би виче учинило, да неморе (не можетъ) ниедан рѣчи проту тому". Въ Дубровникѣ въ 1253 г. звоном звонивше на сьборе, ѣко е по закону дѣбровьчкому, собрали вѣче, на которомъ присутствовали кнезь, банъ

(vice-comes) и другіе сановники общины, и около 100 вѣчниковъ, все властеле (боляре), имена которыхъ приводятся съ отчествомъ (напримѣръ, Русинъ Петровичъ, Русинъ Белчичъ, Павелъ Болеславичъ, Филипъ Пичинежичъ, Власій Русиновичъ, и проч.). На великомъ вѣчѣ или сборѣ хорватско-далматской общины Полицкой присутствовали всѣ главари, то-есть, князь, воевода, судьи и друг., властеле (боляре), дидичи (дѣдичи, знатные помѣщики) и всѣ Поличане, вся община, весь пукъ (полкъ, народъ). Государственные *соборы* хорватскіе, сербскіе и болгарскіе сдѣлались сходкой однихъ только племичей, властелей, боляръ. Сходки сельскихъ общинъ назывались у Хорватовъ *санамъ*, а у Сербовъ и Болгаръ *соборъ*. У западныхъ Славянъ вѣчевое устройство было разнообразно. У Чеховъ и Поляковъ, у которыхъ государственная идея очень рано восторжествовала надъ древне-славянскою разрозненностью, являются государственные *снемы*, *съемы*, *сеймы*, то-есть, собранія одной только шляхты, земянъ; о всенародныхъ вѣчахъ въ государствахъ Чешскомъ и Польскомъ нѣтъ и помину; вѣчами же (вѣце) Поляки называли преимущественно судебныя сходки, судъ княжескій (вѣце великое, посполитое), на которомъ засѣдали князь и высшіе сановники (кмети? жупаны?) и судъ сельскій. У Балтійскихъ Славянъ, у которыхъ государственная идея развилась не такъ сильно, какъ у Чеховъ и Поляковъ, сохранилось общинное начало, древне-славянское вѣчевое устройство гораздо сильнѣе. То, что разказываетъ Прокопій о дунайскихъ и днѣпровскихъ Славянахъ, повторяетъ почти буквально Титмаръ о Лютичахъ: „У всѣхъ племенъ лютичскихъ нѣтъ никакого особеннаго властителя; общимъ совѣтомъ разсуждая на сходкахъ о своихъ нуждахъ, они рѣшаютъ дѣла единогласіемъ“. Такія сходки являются и у поморскихъ Ляховъ; въ Щетинѣ посреди площади стояла трибуна, съ которой говорили къ народу; народъ собирался тоже въ особыхъ общественныхъ зданіяхъ, такъ называемыхъ континахъ [1]).

Сокъ, судебный сыщикъ (ябедникъ). Сопоставимъ здѣсь нѣсколько статей разныхъ славянскихъ уложеній, основанныхъ на обычномъ правѣ. Чешское право князя Конрада (1189 г.): „Nullus *sok* aliquem accuset, nisi certo sub testimonio vicinorum constet de damno“. Западо-русскій статутъ Казиміра (1468 г.): „А пакъ ли *сокъ усочитъ*

[1]) Съ вѣчевымъ устройствомъ у балтійскихъ и адріатическихъ Славянъ можно ближе познакомиться по соч. *Гильфердинга* (Ист. балт. Славянъ) и *Леонтовича* (Хорватско-далматское законодательство — въ *Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія* 1867 г.).

на кого, а лица не будеть". Литовско-русскій статуть (1529 года): „Естли хто черезъ *соковъ* (древне-польскій переводъ: przez *soki*) довѣдавшися лица". Черногорскій законникъ князя Даніила (1855 г.): „*Сок*, који *насочи* судца — митника (взяточника)".

Если уже славянскіе народы перенимали другъ отъ друга извѣстныя учрежденія, то это сейчасъ замѣтно. Извѣстно, что такихъ „заимствованій" встрѣчается больше всего въ поднѣпровской Руси, которая, находясь нѣсколько вѣковъ подъ владычествомъ Ляховъ, Поляковъ, испытала польское вліяніе въ значительной степени. Такъ напримѣръ, вмѣсто *боляръ* (бояръ) является *шляхта*, корпорація съ особыми правами, гербами и проч.; а „бояре"—это уже люди свободные, не шляхтичи. Вмѣсто древнерусскихъ княжествъ и земель являются польскія *воеводства* и *повѣты* и польскіе сановники *воевода*, *кастелянъ*, *канцлеръ*, *маршалокъ*, *староста* и друг., древне-русскій воевода сталъ называться *гетманомъ*. Вмѣсто бояръ-думцевъ являются *панове рада*, *сенаторы*, вмѣсто общенародныхъ вѣчъ — *соймы*, *сеймы* и *сеймики*, сходки одной только шляхты; названіе вѣча осталось лишь за сельскими сходками. Древне-русское общинное начало въ городахъ сначала ограничивалось, а впослѣдствіи совсѣмъ уступило устройству нѣмецкихъ „мѣстъ" по магдебургскому праву. Такъ напримѣръ, старинный городъ Полоцкъ, „мужи Полочане", еще до конца XV вѣка (то-есть, до пожалованья ему магдебургіи) пользовался разными древне-русскими учрежденіями. *Паны*, бояре, *мѣщане*, дворяне и все *посполъство* Полоцкаго *мѣста* „справляли посполу городскія дѣла, и сымались вси посполу на томъ мѣстѣ, гдѣ передъ тымъ сыймывались здавна; а безъ бояръ мѣщаномъ и дворяномъ городскимъ и черки *соймовъ* не надобѣ чинить". Полоцкихъ и витебскихъ *воеводъ* не назначалъ король, а ихъ выбирали сами Полочане и Витебляне (шляхта), „по старому, по ихъ воли", а воеводы должны были „цѣловати крестъ къ Полочаномъ и къ Витебляномъ".

Приведенныхъ здѣсь примѣровъ достаточно, чтобъ убѣдиться, какъ сходны разныя явленія быта Славянъ и въ довольно позднія времена. Все это наслѣдство первоначальнаго національнаго *единства Славянъ*, все это—та старая правда, тѣ „старе и искушене законе", въ которыхъ „всагда живили деди, отци и вси прьви (предки)", какъ выражаются винодольскіе Хорваты въ 1288 году. Если Славяне *заимствовали* кое-что другъ у друга, то это оставалось всегда замѣтнымъ.

Г. Гедеоновъ, говоря „о слѣдахъ варяжскаго (вендскаго) начала въ правѣ, языкѣ и язычествѣ древней Руси", старается подкрѣпить это

мнѣніе такими доказательствами, которыя насъ *не убѣждаютъ* въ мнимомъ вліяніи Балтійскихъ Славянъ на восточныхъ ни относительно языка, ни *язычества*, ни *права*.

Славянскіе языки раздѣляются на три группы, западную, восточную и южную. Южная группа—вообще говоря—ближе къ восточной, чѣмъ къ западной, или чѣмъ западная къ восточной, хотя между двумя послѣдними группами есть нарѣчія (малорусское, бѣлорусское), которыя ближе къ западнымъ, чѣмъ къ южнымъ [1]). Къ западной группѣ принадлежатъ Чехи съ Моравянами и Словаками, Полабскіе (теперь только Лужицкіе) Сербы и Ляхи въ обширномъ смыслѣ, балтійскіе (Бодричи, Лютичи, Поморяне) и вислянскіе (Поляки). Главною отличительною чертой нарѣчій ляшскихъ служатъ носовые звуки, которые въ ляшскихъ нарѣчіяхъ господствуютъ съ древнѣйшихъ временъ до сихъ поръ, между тѣмъ какъ въ нарѣчіяхъ чешско-словенско-сербскихъ ихъ нѣтъ и въ историческое время не было [2]). Совершенно невѣрны слова г. Гедеонова (стр. 309), будто поморскіе Славяне стояли между Чехами и Ляхами; сербо-лужицкое нарѣчіе съ ляшскимъ связывать нельзя. Ляшскія нарѣчія, то-есть, на-

---

[1]) Чехи и Малоруссы понимаютъ другъ друга гораздо лучше, чѣмъ, напримѣръ, Чехи и южные Славяне. Въ этомъ я не разъ имѣлъ случай убѣдиться; Русскихъ, говорящихъ на литературномъ языкѣ русскомъ, Чехи понимаютъ съ большимъ трудомъ, между тѣмъ какъ говорящихъ по малорусски понимаютъ гораздо легче. Въ 1848—1849 гг. извѣстный чешскій публицистъ и депутатъ австрійскаго парламента, К. Гавличекъ, пользовался большимъ авторитетомъ у галичско-русскихъ крестьянъ-депутатовъ, съ которыми онъ объяснялся по чешски, и еще недавно сказалъ мнѣ одинъ чешскій депутатъ австрійскаго парламента, что онъ понимаетъ лучше всего славянское нарѣчіе, на которомъ говорилъ А. И. Добрянскій, то-есть, угорско-русское. Южнорусскія и новгородскія лѣтописи и др. памятники югозападной Руси (статуты, сеймовые акты, грамоты) поражаютъ Чеховъ своею удобопонятностью, такъ что иногда кажется, будто читаешь на какомъ-то чешскомъ нарѣчіи, и чешскій переводъ выходитъ только простой транскрипціей; срв., напримѣръ, чешскій переводъ Нестора (Эрбена) и выдержки изъ разныхъ русскихъ лѣтописей на чешскомъ языкѣ въ нашей статьѣ о русскихъ вѣчахъ (въ *Журн. Чешск. Муз.* 1868 г.), также чешскій переводъ грамоты Свитригайла въ нашей книгѣ: Славянская взаимность, 251. Это поразительное сходство, конечно, не результатъ какого-нибудь заимствованія; это — сходство племенное, которое заставило одного южнаго Русскаго XV вѣка сказать: «Чехи мало отличаются отъ Русскихъ, и Русь своею рѣчью близка языку чешскому».

[2]) Нѣкоторые слабые слѣды въ чешскомъ нарѣчіи ничего не значатъ; напримѣръ, Wenceslaus — нынѣ Вацлавъ, Zuentislaus, Rambous подлѣ Kladruby, Angel (рѣка) — Углава, и проч.

рѣчія балтійскихъ Бодричей, Лютичей, Поморянъ, полабскихъ Стодорянъ, повислянскихъ и поодрянскихъ Мазовшанъ, Куявянъ, Полянъ, Слязанъ и карпатскихъ Хорватовъ, представляютъ одно лингвистическое цѣлое, которое отличается отъ остальныхъ нарѣчій западно-славянскихъ и еще больше отъ восточно-славянскихъ (русскихъ). Во всѣхъ этихъ ляшскихъ нарѣчіяхъ господствовали и господствуютъ тѣ отличительныя черты, которыя отдѣляютъ западно-славянскія нарѣчія отъ восточныхъ, то-есть, говоря коротко, Ляхи говорили и говорятъ: земя, Древяне, радло, ноць, мезу-медзу, Лютици, гардъ—гордъ — гродъ, свѧтъ, дѫбъ (święt, dąb), между тѣмъ какъ Русскіе Славяне говорили и говорятъ: земля, Древляне, рало, ночь, межу, Лютичи, городъ, святъ, дубъ. Эти отличительныя черты, преимущественно же носовые звуки (которыхъ нѣтъ въ русскихъ нарѣчіяхъ) и полногласіе (котораго нѣтъ въ ляшскихъ нарѣчіяхъ), раздѣляютъ Ляховъ и Русскихъ, сосѣдей съ незапамятныхъ временъ. Такъ, напримѣръ, балтійскіе Ляхи говорили — по древнѣйшимъ памятникамъ—Колобергъ, Варны, Древяне, Мезерѣчь, Лѧчинъ, Седличане; а русскіе Славяне—Бѣлобережье, Вороница, Деревляне, межю, Лучане, село.

„Изъ чешскаго и польскаго языковъ, преимущественно изъ менѣе (?) измѣнившагося чешскаго, объясняются почти всѣ слова *не русскаго* склада и происхожденія, встрѣчающіяся въ древнѣйшихъ памятникахъ нашей исторіи. Какимъ путемъ перешли къ намъ эти слова, и можетъ ли ихъ присутствіе на Руси быть объяснено иначе, какъ изъ варяжскаго источника — вопросъ, который будетъ разсмотрѣнъ въ своемъ мѣстѣ", говоритъ г. Гедеоновъ (стр. 309), и потомъ старается указать на непреложные, по его мнѣнію, слѣды „вендскаго" (слѣдовало бы сказать скорѣе: западно-славянскаго вообще) начала въ древнерусской исторіи. Послѣ того приведено нѣсколько словъ этого „вендскаго" происхожденія изъ русскихъ лѣтописей, Церковнаго устава Владиміра, Русской Правды, Слова о полку Игоревѣ, и др. Предоставляю спеціалистамъ-филологамъ подробно разсмотрѣть эти мнимо „вендскія" слова въ древне-русскихъ памятникахъ. Но и каждому не-спеціалисту покажется очень страннымъ, какъ можно считать *не русскими* слова: укладъ, рало, лоньщина, чинъ, кметь, хоть, болонье, кобь, снемъ, прилбица, милостьникъ, въздолѣ, съсути, и др. Какъ же считать не русскимъ, напримѣръ, слово *укладъ* (даяти уклады на русскіе городы), если въ областномъ нарѣчіи слово укладъ значитъ условіе, договоръ, сдѣлка? *Рало* будто бы Вятичи-

Ляхи принесли на востокъ на Оку; но обл. рало—лемехъ, сошникъ; а древне-русское *порамье* дѣйствительно соотвѣтствуетъ ляшскому *poradlne*, какъ и другія общеславянскія слова и учрежденія, какъ напримѣръ, русскія *кметь*, *снемъ*=ляшскимъ kmieć, sjem—sejm, и другія слова (воевода, истецъ, дружина, добытокъ и др.), которыя самъ авторъ считаетъ всеславянскими. Древне-русское (и обще-славянское) слово *снемь* (чешск. снѣмъ, польск. съемъ—сеймъ, др.-хорв. саимъ, саямъ, санамъ, др.-сербск. сьньмъ, словенск. сеньемъ, семенъ, смейнъ, др.-слов.-болг. съньмъ, оттуда и русск. сонмъ) г. Гедеоновъ (стр. 337) называетъ „однимъ изъ многозначащихъ для нашего предмета варяжскихъ словъ". Русскіе князья часто „сняшася на снемы" то въ Любчѣ, то въ Витичевѣ и др.; польскій лѣтописецъ Хвальчевскій тоже знаетъ такіе „съемы" (sjemy) русскихъ князей. А въ 1253 г. назначенъ войскамъ русско-польскимъ „снемъ" у города Опавы. Чешскіе кмети, лѣхи и владыки „снѣху се" на снѣмъ въ Вышеградѣ, а чешскіе „владыки се снѣху" въ лѣсѣ, приготовляя военныя дѣйствія противъ Поляковъ. Въ древне-польской псалтыри читаемъ: сниманье альбо себранье (we snymanyu albo w sebranyu). Въ др.-хорват. Истріанскомъ разводѣ часто говорится о „санмѣ" общинъ (комун има свои санам дрьжати); сербск. Доментіанъ и Даніилъ тоже употребляютъ слово сьньмъ (др.-слов. съньмъ) въ смыслѣ сходки. Западные Славяне называютъ парламентъ до сихъ поръ снемъ (снѣмъ) или сеймъ. Стало быть, слово „снемъ" вовсе не „варяжское", а общеславянское, какъ и вѣче, соборъ. Другое „любопытное варяго-русское слово" видитъ г. Гедеоновъ (стр. 340) въ словѣ, записанномъ у Льва Діакона: κομέντος (дума бояръ, называемая по русски коментосъ βουλὴ τῶν ἀρίστων, ἣν καὶ κομέντον τῇ σφετέρᾳ διαλέκτῳ φάσιν, ed. Bonn., 150). Если слово κομέντος и считать *комоньствомъ*, то оно все-таки отнюдь не „варяжское", а какъ показываетъ древне-русское *комонь*, столько же русское, сколько и чешское; русское *комоньство* могло означать не только качество комоня, но и дружину князя на комоняхъ, какъ и чешское комонство. Впрочемъ, срв. др.-русск. *кметьство* (къметьство), то-есть, совокупность *кметей*, отборныхъ воиновъ.

Носовыхъ звуковъ въ русскомъ языкѣ нѣтъ и въ историческое время не было. Если Византійцы передаютъ очень немногія русскія слова съ носовымъ звукомъ, то здѣсь надо предполагать вліяніе ближайшихъ имъ Славянъ болгарскихъ, у которыхъ ринезмъ господствовалъ также, какъ и у Ляховъ. Такъ, напримѣръ, Византійцы пишутъ Ἴγγωρ, Σφενδοσλάβος, Λενζανινοι, ξουμπρος — вм. русск. Игорь,

Святославъ, Лучане, зубръ; они пишутъ также πραχ (прагъ – порогъ), Βλαδιμηρος (Владиміръ—Володимеръ), Νεμογαρδα, Νοβογορδων (Новгородъ). Такія формы надо приписывать несомнѣнно болгарско-словѣнскому, а отнюдь не „поморскому вліянію на русскій языкъ", тѣмъ скорѣе, что болгарско-словѣнскій языкъ съ X вѣка сдѣлался общеизвѣстнымъ и на Руси, не только въ церкви, но и въ литературѣ свѣтской; такъ, напримѣръ, въ русской лѣтописи можно встрѣтить на одной и той же самой страницѣ формы градъ и городъ, Владиміръ и Володимеръ. Да, очень можетъ быть, что извѣстныя двойныя названія Днѣпровскихъ пороговъ (по русски и по славянски—ῥωσιστὶ καὶ σκλαβινιστὶ) слѣдуетъ понимать такъ, что одно названіе знали Русь, а другое — дунайскіе Словѣне. Первый порогъ назывался по-русски и по-славянски одинаково: „не спи" или лучше „не съпи" (если читать νεσσουπῆ). А уже первый русскій лѣтописецъ говоритъ: „Словѣнескъ языкъ и руский одинъ. Форма *прагъ* (πραχ) встрѣчается въ названіяхъ двухъ пороговъ, и если читать Ναπρεζῆ = напрежіе, напражіе — и въ этомъ третьемъ. Константинъ писалъ *прагъ* подъ вліяніемъ болгарско-словѣнскимъ, такъ, какъ раньше его неизвѣстный географъ—подъ вліяніемъ ляшско-польскимъ—приводитъ у восточныхъ Славянъ племя *Запрози* (русск. Запороги, Запорожье). Но пусть Славянинъ, доставившій Константину названія Днѣпровскихъ пороговъ, и былъ новгородскій или дунайскій Словѣнинъ; а въ самыхъ названіяхъ все-таки вовсе не видно „западное нарѣчіе, получившее право гражданства въ Новгородѣ, вслѣдствіе его колонизаціи отъ Балтійскихъ Славянъ", какъ думаетъ г. Гедеоновъ (стр. 534). Форма πραχ вовсе не „вендская". Балтійскіе Славяне говорили, а отчасти говорятъ до сихъ поръ (Кашубы), *паръ* или *поръ* (польск. прогъ), какъ, напримѣръ, гардъ—гордъ (польск. гродъ, русск. городъ), бергъ (польск. брегъ, русск. берегъ), Варны (польск. Вроны, русск. Вороны), Вартиславъ (польск. Вроциславъ, русск. Воротиславъ) и пр.; звукъ *г* произносили чисто какъ *г*, какъ и Поляки, восточные Русскіе и южные Славяне, а не какъ Малоруссы и Бѣлоруссы, Чехи и верхне-лужицкіе Сербы (=лат. *h*). Поэтому и форму прагъ слѣдуетъ толковать не изъ „вендскаго" (то-есть, собственно чешскаго), а просто изъ болгарско-словѣнскаго. Вышеприведенныя греч. формы Новогардъ (Νεμογαρδα) и Новогордъ (Νοβογορδων) дѣйствительно приближаются къ ляшскому выговору слова городъ; но къ такимъ формамъ, записаннымъ иноплеменниками, нельзя относиться съ полнымъ довѣріемъ. Г. Гедеоновъ (стр. 358) произвольно измѣняетъ имя *Ладога* въ *Лагоди* и при-

бавляетъ: „Перестановка согласныхъ въ формахъ Ладога—Lahoda явленіе обыкновенное, какъ у вендскихъ Славянъ (срв. вендскія Belgard, Stargard, Derwan, worna — вмѣсто Belhrad, Starhrad, Drewan, wrana), такъ и у насъ“. Но такое произвольное измѣненіе Ладоги въ Лагоду странно, и кромѣ того, никоимъ образомъ не идетъ къ формамъ Бѣлгардъ—Бѣлградъ, по русски всегда Бѣлгородъ. Формъ *Вольгъ*, *Вольга* вм. Олегъ и Ольга нельзя считать „варяжскими“, и для ихъ объясненія не нужно обращаться къ балтійско-полабскимъ Славянамъ; вся поднѣпровская Русь знаетъ формы: вікно — окно, вівця—овца, вузкій—узкій и пр.

Всѣ вопросы г. Гедеонова на стр. 343—въ родѣ, напримѣръ, слѣдующаго: почему одно слово въ русскомъ языкѣ выходитъ изъ употребленія, а въ западно-славянскихъ языкахъ оно сохраняется дольше,— всѣ эти вопросы совершенно напрасные и лишніе. Почему, напримѣръ, *соки* исчезаютъ у Чеховъ въ XIII, у западныхъ Русскихъ въ XVI в., а Сербы знаютъ ихъ и до сихъ поръ? Почему у люнебургскихъ Славянъ крестьяне назывались *смарды* (*смерды*) еще около 1700 г., а на Руси только до XIV вѣка? Почему ринезмъ — явленіе вовсе не столь „abscheulich“, какъ думалъ Добровскій,—сохранился въ полной силѣ у всѣхъ Ляховъ, а у Русскихъ исчезъ совершенно, кромѣ, пожалуй, такихъ формъ, какъ: время—времени? Съ мнѣніемъ автора, что для объясненія древне-русскихъ памятниковъ необходимо знаніе западнославянскихъ языковъ, мы вполнѣ согласны, но мы прибавляемъ—вопреки мнѣнію автора—и то, что знаніе русскаго и вообще всѣхъ славянскихъ языковъ тоже необходимо для объясненія древне-чешскихъ памятниковъ.

Если уже говорить о *вліяніи* западно-славянскихъ языковъ на русскій, о *заимствованіи* имъ западно-славянскихъ словъ, то такое вліяніе на русскій языкъ обнаружилъ языкъ не балтійско-полабскихъ, а вислянскихъ Ляховъ, языкъ *польскій*; даже вліяніе отдаленнаго *чешскаго* языка на русскій замѣтно въ нѣкоторыхъ русскихъ (то-есть, западнорусскихъ) памятникахъ [1]). Это вліяніе замѣтно на первый взглядъ, не смотря на то, что юго-западное нарѣчіе русское близко подходитъ къ польскому (Бѣлоруссы даже дзекаютъ) и чешскому. Такъ, напримѣръ, съ XV вѣка въ памятникахъ юго-западной Руси встрѣчаются польскія слова: кгродъ (*кг* = польск. *g*), кгвалтъ, пицованіе, праца, вшистки, освяченый, опатрность, паклибы, справити гуфы, гетманъ, ротмистръ, шихъ, кордъ, повеза, дѣло, ручница, и пр. Та-

---

[1]) Срв. нашу книгу: Славянская взаимность, 207, 219.

кими польскими словами и полонизмами испещрены всѣ письменные памятники юго-западной Руси съ XVI до XVIII вѣка. Поэтому не мудрено, что лучшему знатоку славянскихъ языковъ XVII вѣка, Хорвату Юрію Крижаничу, „бѣлорусское нарѣчіе" показалось не особымъ нарѣчіемъ, а, скорѣе, измѣненіемъ или просто искаженіемъ польскаго нарѣчія. Вліяніе чешскаго языка на западно-русскій замѣтно въ нѣкоторыхъ русскихъ памятникахъ начала XVI вѣка, напримѣръ, въ русской библіи д-ра Скорины и въ Пѣснѣ пѣсней. Такъ, напримѣръ, въ нихъ находимъ чисто чешскія слова: крупобитіе, настрои гудебныи, пріетелька, дцера, вечерядло, утирадло и пр. Въ этихъ русскихъ (западно-русскихъ) памятникахъ сильно замѣтно вліяніе западно-славянскихъ языковъ; русскіе писатели или переводчики даже не чувствовали такихъ, духу русскаго языка совершенно противныхъ формъ, какъ, напримѣръ, кгродъ (городъ), дцера (дочь), утирадло (по русски было бъ: утирало), и пр. Даже географическая номенклатура юго-западной Руси подвержена польскому вліянію: др.-русск. Городна перемѣнилась въ Гродно, Новгородокъ въ Новогрудекъ, Теребовль въ Трембовлю, Холмъ въ Хелмъ и пр. И эта ляшская номенклатура употребляется отчасти до сихъ поръ. Только въ такихъ случаяхъ можно говорить о *вліяніи* западно-славянскихъ языковъ на русскій, и о *заимствованіи* послѣднимъ множества словъ и оборотовъ изъ языка польскаго и чешскаго. Но ничего подобнаго нельзя утверждать о вліяніи „варяжскаго", то-есть, балтійско-славянскаго языка на древне-русскій.

По мнѣнію г. Гедеонова (стр. 345) земля *Новгородская*, земля древнихъ *Словѣнъ* особенно испытала на себѣ „варяжское" вліяніе. Въ ней „вѣроятно, существовало варяжское населеніе еще за долго до Рюрика", и „вся домашняя новгородская жизнь проникнута западно-славянскимъ началомъ". На западно-славянское вліяніе указываютъ будто бы форма Годлядь, бискупъ (бискупля улица), фраза „чинити городъ", названіе мѣсяца изокъ (іюнь), Ильмень, и употребленіе *ц* вмѣсто *ч*. Форма *Годлядь*—если она не ошибка—встрѣчается такъ рѣдко (подлѣ обыкновеннаго Голядь: побѣди Изяславъ Голяди 1058 г., люди Голядь 1146 г.), что на эту особнякомъ стоящую форму нельзя обращать большаго вниманія. Что касается Бискуплей улицы, то надо замѣтить, что, напримѣръ, въ 989 и 1049 гг. эта улица называется *Пискупля*; а форма *пискупъ* сокращенная греческая, а не германская. Но и форма *бискупъ* (др.-нѣм. biskof, оттуда западно-слав. бискупъ, прусск. biskops, лит. viskupas) могла быть извѣстна въ Новгородѣ, гдѣ, какъ вообще

на Руси, могла означать западнаго католическаго епископа, какихъ въ сосѣдствѣ Новгорода было не мало, и нѣмецкихъ, и скандинавскихъ. Новгородцы могли *городъ чинити*, какъ на Руси городъ рубили, твердили, дѣлали, будовали, робили, строили. Замѣна *ч* звукомъ *ц* (вездѣ, а не только въ концѣ словъ; напримѣръ, Церниговъ, церезъ, луце) и наоборотъ — встрѣчается въ разныхъ земляхъ русскихъ, въ губерніяхъ Костромской, Нижегородской, Владимірской, Архангельской и др.; въ Новгородской говорятъ улича, черква и целовѣкъ, цесть, въ Нижегородской чарь (царь) и рѣць (рѣчь), и пр. Это явленіе замѣтно уже въ древнѣйшихъ памятникахъ русскихъ (*Колосовъ*, Очеркъ, 64, 80, 106); пѣвецъ Слова о полку Игоревѣ называетъ Русскихъ — Русичи и Русици. Оно встрѣчается у всѣхъ Славянъ; такъ напримѣръ, люнебургскіе Славяне говорили: цлавак, деуса, зена (чловѣкъ, душа, жена), а Мазуры говорятъ такъ до сихъ поръ: цапка, цасъ, зона; чешское *цо* (что) Словаки произносятъ *чо*; приморскіе Хорваты говорятъ *ча* и *ца*, Сербы *црни* и *чарни* (черный), Болгаре *црън* и *чрън*, *църква* и *черкова*, и пр. Что касается др.-слов. (а не новгородскаго) названія іюня—*изокъ*, то его происхожденіе не совсѣмъ ясно; одни считаютъ это слово славянскимъ (изокъ=кузнечикъ) а другіе греч. ὄσσαχος, ὄσσαξ—genitalia feminea (Аѳанасьевъ, Поэт. воззрѣн. Слав., III, 666; Эрбенъ въ *Журн. Чешск. Муз.* 1849, 143). Если слово *изокъ* въ Mater Verborum и считать подлиннымъ, а не позднею припиской, то это доказываетъ только часто упомянутое нами единство Славянъ, которое видно и въ одинаковыхъ или сходныхъ названіяхъ мѣсяцевъ.

Мнѣніе г. Гедеонова о „варяжскомъ вліяніи", заявившемся будто въ тожествѣ (?) названій озера *Ильмень* (древняя форма *Ильмерь*) и рѣки „Ilmena" въ „Вендской землѣ" приводитъ насъ къ важному вопросу о *географическихъ названіяхъ* въ славянскихъ земляхъ. Славянское единство заявило себя въ разныхъ областяхъ общественной жизни, въ томъ числѣ и въ удивительно сходной, даже тожественной географической номенклатурѣ. Такъ, напримѣръ, рѣки Лабе, Лабъ, Лабница, Морава, Упа, Пѣна, Брезница-Березина, Рыбница, Каменица, Ситница, Быстрица, и проч. находимъ въ разныхъ странахъ славянскихъ: Упу — въ Чехіи и на Руси, Мораву — въ Моравѣ и въ Сербіи, Брезницу, Брезовицу и Березину—у Ляховъ, Сербовъ и на Руси, Санъ и Сапу—у Ляховъ и у южныхъ Славянъ, Пѣну—у Ляховъ и на Руси (Пина), Дунай и Дунаецъ—у южныхъ и западныхъ Славянъ и пр. Что касается *названій мѣстностей*, то они у Сла-

вянъ очень разнообразны; они — или родовыя (— *ичи*, — *ици*), напримѣръ, Ратиборовичи, Попеловичи, Гостирадичи, или взятыя отъ лицъ (Ярославь—Ярославль, Хотунь, Краковъ), отъ мѣстоположенія, почвы или другихъ случайностей (Островъ, Холмъ, Бродъ, Заозерье, Вышеградъ—Вышегородъ, Старградъ, Новградъ, Бѣлградъ), отъ занятій жителей (Ратае, Рыбаки, Бобровники), отъ прозвищъ (Бѣлоусы, Туроглювы, Конетопы), пришлецовъ изъ другихъ странъ (Хорваты, Сербы, Чехи, Древяне) и пр. [1]). Кіевъ, Кіево, Кіевецъ находимъ на Руси, у Чеховъ, у Морававъ и у Сербовъ, Връхлабье—у Чеховъ и у Сербовъ, Плесковъ—на Руси и у Болгаръ, Плоцкъ и Полоцкъ—у Ляховъ и у Руси, Переяславль, Прѣславь, Прислaвь—на Руси, въ Болгаріи и у Лютичей, Мельникъ—у Чеховъ, Русскихъ и Болгаръ, Кладорубы—Колодорубы—у Чеховъ, Сербовъ и Русскихъ, Старграды, Новграды, Бѣлграды, Вышеграды—въ разныхъ земляхъ славянскихъ и пр. О какомъ-нибудь *вліяніи* или *заимствованіи* такихъ названій Славянами другъ у друга нечего и говорить. Если, напримѣръ, на Руси, въ Чехіи и на Моравѣ, у Балтійскихъ и южныхъ Славянъ встрѣчаются мѣста Кіевъ, Кіевецъ, Кіево, Кіичи, Кіевичи, то нельзя сказать, что Чехи переняли это названіе отъ Русскихъ, и пр.; Кіевъ, Кіево, Кіевичи,—это городъ или село, основанное Кіемъ, а имя Кій встрѣчается не только у Русскихъ; миѳическій князь Полянъ Кій не единственный Славянинъ того имени, „дѣдичъ Кій" (heres Kiy nomine) встрѣчается тоже у мазовскихъ Ляховъ (1256 г.) [2]). Разные Старые, Новые, Бѣлые, Высокіе и другіе городы—гарды—гроды—грады Славяне строили вездѣ, а рѣки, вытекающія изъ лѣсовъ березовыхъ, дубовыхъ, ильмовыхъ, всюду назвали Березиной, Брезовицей, Брезницей, Дубравой, Ильменавой, Илемницей. Географическая но-

---

[1]) Срв. о чешскихъ названіяхъ *Палацкаго* (*Журн. Чешск. Муз.* 1834 г., 404), *Г. Иречка* (Слав. право, I, 63), *I. Иречка* (Чеш. грам., 53), о польскихъ *Бодуэна* (Древне-польск. языкъ 87), о балтійско-славянскихъ нашу книгу: Германизація Балт. Славянъ, 24, о юго-славянскихъ *К. Иречка* (Ист. Болг., 84).

[2]) Г. Гедеоновъ (стр. 355) считаетъ выраженіе лѣтописца о Кіевѣ «се буди мати градомъ русскимъ» — *не русскимъ*, а занесеннымъ на Русь варяжскими князьями, которые будто бы назвали такъ Кіевъ по примѣру поморскаго Щетина «mater civitatum Pomeraniae». Это уже слишкомъ мудрено. Русскій лѣтописецъ (но, конечно, не самъ Олегъ) говоритъ здѣсь о Кіевѣ, какъ напримѣръ, Адамъ Бременскій: Chiue Rusziae metropolis civitas. Прозвище Кіева Σαμβατας не можетъ быть угорское (493), такъ какъ Мадьяры свой *szombat* (суббота) переняли отъ дунайскихъ Словѣнъ (сѫбота). Собота, Соботица, Суботица (мадьярск. Сомбатъ)—названія многихъ мѣстъ въ Угріи.

менклатура могла переноситься вмѣстѣ съ колонизаціей другихъ странъ выходцами-колонистами, какъ это видимъ, напримѣръ, на Руси: выходцы съ юга назвали города, рѣки и пр. въ колонизируемой ими сѣверо-восточной Руси по южно-русски; такъ, напримѣръ, встрѣчаемъ въ южной и сѣверо-восточной Руси Володимирь, Ярославль, Галичъ, Перемышль, Переяславль, Лыбедь, Трубежь и пр. Объ этой русской колонизаціи имѣются *положительныя извѣстія*, такъ что здѣсь можно до извѣстной степени говорить о заимствованіи. Несомнѣнно, что и въ болѣе отдаленныя времена, о которыхъ положительныхъ извѣстій не имѣется, происходили такія *переселенія племенъ или только родовъ* изъ одной страны въ другую. Русскій лѣтописецъ сохранилъ намъ преданія о выселеніи многихъ племенъ русскихъ изъ дунайскихъ странъ, и о переселеніи Радимичей и Вятичей изъ западныхъ предѣловъ, изъ Ляховъ; подобныя же преданія сохранились у Чеховъ, Поляковъ, Хорватовъ и Сербовъ. На сколько эти преданія достовѣрны — трудно рѣшить. На переселеніе указываютъ тоже одинаковыя названія *племенъ* въ разныхъ странахъ славянскихъ, встрѣчающіяся позже въ историческое время, когда племена слагались уже въ народы. Такъ, напримѣръ, Дулѣбы встрѣчаются на Руси, въ Чехіи и въ Панонія (Дудлебы), Хорваты—въ Карпатахъ, Крконошахъ и на югѣ, Сербы—на Лабѣ и на югѣ, Сѣверяне—на Руси и въ Болгаріи, Мильчане—у полабскихъ Сербовъ и въ Пелопонесѣ, Волыняне—на Руси, у Балтійскихъ Славянъ и у Чеховъ и пр. Но иногда племена могли назваться одинаково и по поводу занимаемой ими почвы, какъ напримѣръ, восточные и западные Поляне, Древляне могли назвать себя такъ „заие сѣдоша въ поляхъ и деревьяхъ". На выселеніе отдѣльныхъ выходцевъ изъ одного племени въ другія мѣста указываютъ названія селеній; такъ напримѣръ, села Хорваты встрѣчаемъ у полабскихъ и Балтійскихъ Славянъ, Чехи—у Поляковъ и пр. (Селенія въ родѣ Сербичи или Чехово нельзя считать слѣдомъ выходцевъ: они происходятъ ужь отъ основателей, носившихъ имя Серба или Чеха).

Все здѣсь вообще о всѣхъ Славянахъ сказанное касается, конечно, и отдѣльныхъ ихъ частей. Мы уже выше говорили вкратцѣ о лингвистическихъ особенностяхъ и отличіяхъ *нарѣчій ляшскихъ* (въ обширномъ смыслѣ) и *русскихъ*; эти особенности существуютъ уже съ древнѣйшихъ временъ, то-есть, на сколько намъ нарѣчія ляшскія и русскія извѣстны по письменнымъ памятникамъ. Очень можетъ быть, что въ древнія времена Ляхи выселялись на (позднѣйшую)

Русь, а восточно-славянскія (русскія) племена или по крайней мѣрѣ выходцы изъ этихъ племенъ—на западъ, въ земли Ляховъ. О такихъ переселеніяхъ сохранились даже темныя преданія до XII—XIII вѣковъ. Такъ, напримѣръ, еще первый русскій лѣтописецъ выводитъ отъ Дуная Ляховъ-Полянъ, Лютичей, Мазовшанъ, Поморянъ, наравнѣ съ Кіевскими Полянами, Деревлянами, Дреговичами, Полочанами, Сѣверянами и Новгородскими Словѣнами. Всѣ эти славянскія племена выселились—по этимъ преданіямъ—изъ дунайскихъ странъ вслѣдствіе нашествія Волоховъ—Римлянъ. Отголоски этихъ преданій слышны и въ польской и чешской лѣтописи XIII—XIV вѣковъ. Польская лѣтопись выводитъ Славянъ изъ дунайскихъ странъ—Панноніи (Pannonia—mater et origo omnium slavonicarum nationum) и считаетъ мнимыхъ праотцевъ Чеховъ, Ляховъ и Руси—Чеха, Лѣха и Руса, сыновьями князя панонскаго, то-есть, славяно-дунайскаго. Чешская лѣтопись тоже выводитъ западныхъ и сѣверныхъ Славянъ изъ южныхъ, дунайскихъ странъ. По русской лѣтописи Радимичи и Вятичи производили себя изъ Ляховъ, отъ двухъ братьевъ Радима и Вятка. Такія переселенія возможны и вѣроятны. Они могли быть добровольныя или вынужденныя; князь завоевательнаго племени покорилъ и занялъ земли другихъ племенъ (срв., напримѣръ, преданія о прибытіи Хорватовъ и Сербовъ на югъ), или князь-побѣдитель перевелъ жителей покоренныхъ странъ въ свои земли; такъ, напримѣръ, въ XI вѣкѣ Болеславъ Храбрый перевелъ много полабскихъ Сербовъ въ Польшу; чешскій Брячиславъ перевелъ жителей польскаго города Гедча въ Чехію, гдѣ они жили еще въ XII вѣкѣ; русскій Ярославъ поселилъ плѣнныхъ Ляховъ на южной Руси „по Ръси (Рси), и суть до сего дне". Эти Сербищане, Гедчане и Поръсяне (Поршане) однако скоро исчезли въ массѣ своихъ соплеменниковъ.

У Ляховъ встрѣчаемъ, съ древнѣйшихъ временъ, напримѣръ, племена Сусловъ (въ Вагріи), Древянъ и Лучанъ (за Лабой), Смоленъ, Волынянъ (на островѣ Волынѣ), Полянъ (на Вартѣ), Сѣверянъ, селенія Кривичи, Хорваты и пр. О ихъ связяхъ съ восточнославянскими (русскими) Суслами, Деревлянами, Лучанами, Смольнянами, Волынянами, Полянами, Сѣверянами, Кривичами, Хорватами (западными или восточными) не знаемъ никакихъ преданій; равнымъ образомъ не знаемъ ничего о связяхъ чешскихъ и панонскихъ Дудлебовъ (Dudleipa уже въ XI вѣкѣ, Dudlebi въ X вѣкѣ), чешскихъ Волынянъ, Хорватовъ, Лучанъ съ одноименными племенами ляшскими и русскими. О нихъ не сохранились даже такія преданія, какія

имѣются въ русской лѣтописи о Радимичахъ и Вятичахъ. Но если даже предположимъ, что упомянутыя ляшскія племена переселились когда-то изъ восточной Славянщизны, то они, поселившись между родственными племенами, скоро лишились своихъ діалектическихъ особенностей, какъ случилось то съ Гедчанами и Поросянами. Такъ, напримѣръ, у западныхъ *Волынянъ* названія лицъ и мѣстностей указываютъ на ляшскія нарѣчія: Waozlow, Damerow, Glambok, то-есть, Вѧцславъ, Дѫбрюво, Глѫбокъ. Мы видѣли, что въ Волынѣ пребывали еще въ XI вѣкѣ русскіе купцы, и изъ Волыня происходилъ миѳическій богатырь Дюкъ Степановичъ; но изъ этого нельзя, конечно, ничего заключать о какомъ бы то ни было русскомъ вліяніи на Волынянъ. Племя залабскихъ *Древянъ* или *Дравянъ* называлось такъ, по западно-славянски, уже въ началѣ XI вѣка (Drevani, a. 1004), а не Деревляне; и вся географическая номенклатура и записанные около 1700 г. памятники этого нарѣчія указываютъ на его западно-славянское, ляшское происхожденіе [1]). То же самое увидимъ наоборотъ, если принять переселеніе восточно-славянскихъ Полянъ, Волынянъ, Деревлянъ и другихъ племенъ изъ западно-славянскихъ странъ. Объ особенностяхъ западно-славянскихъ нарѣчій у нихъ нѣтъ и помину. Радимичей и Вятичей считали на Руси еще въ XII вѣкѣ выходцами изъ Ляховъ. Но о какихъ-нибудь слѣдахъ ляшскаго происхожденія въ ихъ, конечно, очень скудной номенклатурѣ въ древнѣйшій періодъ ничего не знаемъ; городъ Вятичей Дѣдославль (1147 г.) имѣетъ чисто-русскую форму. Если въ преданіи о происхожденіи Радимичей и Вятичей изъ Ляховъ есть доля правды, то позволимъ себѣ указать на племенное названіе *Вятичей* какъ на обрусѣвшее ляшское. Мнимыхъ праотцевъ Радима и Вятка можно — наравнѣ съ Чехомъ, Лѣхомъ, Русомъ, Хорватомъ—кажется, помѣстить въ славянскій пантеонъ. Названія *Вят-ичи* не нужно считать непремѣнно патронимическимъ, какъ будто это потомки Вятка. Такихъ названій съ окончаніемъ *ичи*, но не патронимическимъ, встрѣчается довольно на Руси и у другихъ Славянъ, напримѣръ, Дреговичи (дрегва, дрягва—топь, тря-

---

[1]) Если г. Гедеоновъ (стр. 341) указываетъ на слова jeweran (иверень) и ninka (невѣста, срв. русск. нянька), извѣстныя будто только у Древянъ и у Русскихъ, то слѣдовало ему привести мнѣніе Шафарика объ этомъ *вполнѣ* (Слав. Древн., § 44, прим. 352). Къ словамъ у Шафарика прибавляемъ: серб. нана — мать, обл. польск. przez=bez (древян. priz); смерды или смарды были извѣстны всѣмъ Ляхамъ (см. выше); древянск. klawar, klawrik—Junggeselle, Knabe, не др.-слав. клевретъ, а слово чужое, какъ и польск. kawaler (холостякъ).

сина), Москвичи, Плесковичи, Тверичи, Лютичи, вѣроятно, и Кривичи (срв. Карвоны у Птолемея, и нынѣшнее латышское названіе Русскихъ—Кревы) и проч. Какъ, напримѣръ, *Лютичи*—люди лютые, такъ и *Вятичи* — люди *вятые*. Слово *вять* сохранилось во всѣхъ славянскихъ языкахъ; др.-русск *вят·шій* = бòльшій, др.-словенск. вѧщій, вѧщшій (а у венеціанскихъ Словенцевъ венчи), др.-польск. вѧт-шій (więtszy, теперь większy), чешск. вѣтшій. Польская форма съ, носовымъ звукомъ вѧтшій (=др.-русск. вятшій) напоминаетъ намъ старинное названіе Славянъ, употребляемое у иноплеменниковъ, но прежде—на вѣрное—и у самыхъ Славянъ: Veneti, Heneti (Eneti), Venedi, Vinidi, Vendi, Vindi, Vineti, Venti. Venetici qui et Sclavi dicebantur, пишетъ одинъ Италіанецъ VII вѣка о Словенцахъ. Венеты или Венеды (германская форма) было общее названіе всѣхъ позже такъ называемыхъ славянскихъ племенъ. Преимущественно такъ назывались *Венеты балтійскіе*; ихъ знаютъ Плиній, Тацитъ, Птоломей, который помѣщаетъ ихъ „по всему заливу Венедскому", то-есть, Балтійскому морю. А *балтійскихъ Славянъ*—этихъ *Ляховъ* русскаго лѣтописца—продолжаютъ называть Винидами, Венедами, Вендами, Виндами, Винетами ихъ германскіе сосѣди, Нѣмцы и Скандинавы, и называютъ ихъ такъ до сихъ поръ: лужицкіе Венды, люнебургскіе Венды. Сами же Славяне не называли себя — по крайней мѣрѣ въ историческое время—Вендами, а какъ уже выше сказано, *Словенами*. Названіе Венедовъ Нѣмцы употребляли то въ обширномъ смыслѣ, подразумѣвая подъ нимъ всѣ позже-славянскія племена, то опять въ смыслѣ тѣсномъ, то-есть, означая имъ своихъ ближайшихъ сосѣдей, западныхъ, преимущественно полабско-балтійскихъ Славянъ; если писали на латинскомъ языкѣ, то употребляли тоже форму Sclavi. Такъ, напримѣръ, готскій лѣтописецъ Іорнандъ (пис. около 550 г.) знаетъ всѣхъ Славянъ подъ стариннымъ названіемъ Винидовъ, помѣщая ихъ на сѣверъ отъ Дакіи и Карпатовъ въ огромныхъ пространствахъ (per immensa spatia Winidarum natio populosa consedit). Но кромѣ этого общаго названія, готскій лѣтописецъ знаетъ названіе Veneti въ болѣе тѣсномъ смыслѣ; насколько можно понять его не совсѣмъ ясныя слова, онъ подъ Венетами разумѣетъ западныхъ Славянъ, вѣроятно, балтійско-вислянскихъ. Винидовъ раздѣляетъ на двѣ главныя части--на *Словѣнъ* (Sclavini, Sclavi), отъ Вислы черезъ Дунайскія страны къ Днѣстру (къ нимъ примыкали и упомянутые Венеты), и *Антовъ*, отъ Днѣстра до Чернаго моря на сѣверъ въ страны поднѣпровскія (Antes, qui sunt eorum fortissimi, qua Ponticum mare

curvatur a Danastro extenduntur usque ad Danaprum). Этихъ дунайскихъ, вислянскихъ и лабскихъ Словѣнъ и днѣпровскихъ Антовъ знаютъ и Византійцы VI вѣка; Прокопій помѣщаетъ Антовъ на сѣверъ отъ Меотійскаго озера (Antarum populi infiniti). Анты, вмѣстѣ съ своими ближайшими соплеменниками и сосѣдями, Словѣнами, часто нападали на Византійскую имперію и переправлялись за Дунай. Но съ начала VII вѣка названіе Антовъ въ черноморскихъ странахъ исчезаетъ; ихъ преемниками дѣлается здѣсь Русь. Но намъ кажется, что названіе Антовъ въ Поднѣпровьѣ не исчезло совсѣмъ, а сохранилось въ древне-русскихъ *Вятичахъ*, или съ носовымъ звукомъ *Вантичахъ* — *Вѧтичахъ* (Antes, Eneti подлѣ Heneti, Veneti, Venti). Кромѣ того, въ германскихъ нарѣчіяхъ сохранилось слово *ent*=исполинъ, великанъ, которое очень хорошо объясняется славянскимъ *vent* (др.-словенск. вѧщій, др.-польск. вѧтшій, др.-русск. вятшій)=великанъ. „Fortissimi Antes“ могли сами себя величать Вентами—великанами и слыть такъ у Нѣмцевъ, равнымъ образомъ какъ и другіе, балтійскіе Венеты, могли назваться лютыми велетами—волотами—великанами, *Лютичи*, *Велеты* (a fortitudine Wilzi sive Lutici appellantur). Вятичи часто возставали противъ русскихъ князей, и еще Владиміръ два раза долженъ былъ ихъ усмирять. Если Вятичи, вышедшіе изъ Ляховъ, то-есть, балтійско-вислянскихъ Славянъ, — Анты, то становится понятнымъ носовый звукъ въ ихъ древнемъ названіи (Анты, Ванты, Вантичи), который сохранился въ ляшскомъ (древне-польскомъ) вѧт-шій (więtszy). Но ринезмъ исчезаетъ вмѣстѣ съ Антами, которые являются потомъ чисто-русскими Вятами (срв. Вятьскіе города), Вятичами. Нашей догадкѣ мы не придаемъ никакой особенной важности; но опираясь на распространенное еще въ XII в. на Руси преданіе о происхожденіи Радимичей и Вятичей изъ „Ляховъ“, мы попытались, насколько это вообще возможно, объяснить его. Во всякомъ случаѣ наше предположеніе о связи *имени* Антовъ и Вятичей болѣе позволительно, чѣмъ, напримѣръ, разныя мудрствованія г. Забѣлина (стр. 185) о томъ, какъ эти ляшскіе поклонники „Рад-Госта“ и „Свѣто-Вита“ переселялись на востокъ нѣсколько вѣковъ, „не по указамъ правительства, а по своей доброй волѣ, быть можетъ, вслѣдствіе домашнихъ междоусобій или вслѣдствіе простой тѣсноты населенія“.

На Руси еще въ началѣ XII вѣка существовали разныя преданія о происхожденіи восточно-славянскихъ племенъ. Такъ, Радимичи и Вятичи производили себя изъ Ляховъ, отъ двухъ братьевъ Радима

и Вятка, равнымъ образомъ какъ Русь — Русичи считали еще въ X вѣкѣ Руса своимъ праотцемъ. Другія племена выводили себя съ юга отъ *дунайскихъ Словѣнъ*, откуда они выселились вслѣдствіе нашествія „Волоховъ", то-есть, Римлянъ, въ Дунайскія страны, Паннонію и Дакію. Это завоеваніе дунайскихъ странъ Римскимъ императоромъ Трояномъ осталось глубоко въ памяти всѣхъ южныхъ и восточныхъ Славянъ; имя Римскаго императора было на Руси извѣстно еще въ XII вѣкѣ, и Троянъ у южныхъ и восточныхъ Славянъ перемѣнился даже въ бога и въ существо злое, боящееся свѣта. Въ восточной Славянщизнѣ производили себя изъ дунайскихъ странъ именно кіевскіе Поляне, Деревляне, Дреговичи, Полочане, Сѣверяне, и наконецъ, „*Словѣни* же сѣдоша около езера Илмеря, прозвашася *своимъ имянемъ*, и сдѣлаша градъ, и нарекоша й Новъгородъ". Вмѣстѣ съ этими племенами выселились тогда—по преданіямъ русскимъ — изъ дунайскихъ странъ тоже ляшскіе Славяне. „Словѣни ови пришедше сѣдоша по Вислѣ и прозвашася Ляхове; а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове друзіи Лутичи (Лютичи), ини Мазовшане, ини Поморяне". Такимъ образомъ, на Руси еще въ XII вѣкѣ считали Ляховъ и Русь ближайшими родственниками, и не мудрено, что вскорѣ послѣ Руса являются и его два брата Лѣхъ и Чехъ.

Это важное преданіе, записанное на Руси, вполнѣ подтверждается и другими свидѣтельствами. Слѣды Славянъ въ дунайскихъ и карпатскихъ странахъ являются очень рано. Уже около Р. X. и въ первыхъ двухъ столѣтіяхъ нашей эры въ тѣхъ странахъ являются географическія названія съ чисто славянскимъ характеромъ; такъ напримѣръ, озеро Пелсо — Плесо (нынѣ Блатенское), Потисье (земли по Тисѣ), Черна, Быстрица, Гронъ, Бръзава, Пештъ и др. Эти дунайскіе Славяне примыкали, вѣроятно, къ своимъ соплеменникамъ, адріатическимъ Венетамъ. Въ V вѣкѣ осѣдлые жители дунайскихъ странъ приготовляли напитокъ *медъ* и отправляли надъ умершимъ *страва*, а въ VI вѣкѣ Іорнандъ и Прокопій знаютъ ихъ подъ названіемъ *Словѣнъ*. Эти Словѣне жили въ подкарпатскихъ странахъ на востокъ до Днѣстра, примыкая здѣсь къ ближайшимъ своимъ соплеменникамъ Антамъ, и раздѣлялись на нѣсколько племенъ, называемыхъ разнообразно (per varias familias et loca), напримѣръ, Сотаки, Сѣверяне, Бодричи. Эти Словѣне переселялись и на югъ, за Дунай, въ Византійскую имперію, и заняли большую ея часть, доходя до самаго Пелопонеса; за Дунаемъ встрѣчаемъ Хорватовъ, Сербовъ, Сѣверянъ, Смоленъ и др. Но всѣ эти племена подунайскія и

задунайскія назывались общимъ національнымъ именемъ *Словѣне*, *Словене*, ихъ языкъ—*словѣнскимъ*, *словенскимъ*. Это старинное названіе сохранилось въ тѣхъ странахъ до сихъ поръ; подкарпатскіе Славяне называютъ себя *Словаки*, а языкъ—*словенскимъ* (никогда: словацкимъ), и Славяне, поселившіеся на западѣ за Плесомъ, въ древней Панонія и Норику, *Словенцы*, а языкъ тоже *словенскимъ*. Формы *Словакъ* и *Словенецъ* относится къ формѣ *Словѣнинъ*, Словенинъ, какъ напримѣръ, Полякъ — Полянинъ — Полянецъ (у Словенцевъ), Русакъ, Руснакъ — Русинъ, Моравакъ — Мораванинъ — Моравецъ, Слезакъ— Слезанинъ, Волынецъ — Волынянинъ, Новгородецъ — Полочанинъ и пр. [1]). И такъ, уже въ VI—VIII вѣкахъ почти всѣ земли дунайскія, отъ Карпатовъ на югъ до Альповъ и до Адріатическаго моря, и съ другой стороны—до морей Чернаго и Эгейскаго, всѣ эти земли занимали многочисленныя племена словѣнскія; всѣ эти Драговичи, Мораване Брьзяки, Сѣверяне, Мильчане, Смолены, Хорваты, Хорутане и др. говорили нарѣчіями „словѣнскими". Но имя „Словѣне" употреблялось и въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, означая тоже одно племя въ Македоніи или Θессаліи „Словѣнъ" κατ' ἐξοχήν; эта Σκλαβινία упоминается еще въ IX вѣкѣ какъ „княженіе словѣнское", гдѣ княжилъ св. Меѳодій.

Но имя Словѣнъ распространялось и дальше на сѣверо-западъ, въ земли по Лабѣ, Одрѣ и Вислѣ до Балтійскаго моря. Минуя пока не рѣшенный вопросъ, были ли *Suevi* римскихъ и греческихъ писателей Словѣне (Suevi = Slavi = Slavi), мы узнаемъ изъ Прокопія, что въ концѣ V вѣка (495 г.) всѣ земли между среднимъ Дунаемъ и Балтійскимъ моремъ занимали „словѣнскія племена" (Sclavenorum populi). Современникъ Прокопія, Іорнандъ (552 г.), называетъ вислянскія племена тоже Словѣнами [2]). Всѣ эти многочисленныя племена по Моравѣ, Лабѣ, Одрѣ и Вислѣ назывались тоже общимъ именемъ Словене, Словяне, а языкъ свой называли словенскимъ, словянскимъ; подъ этимъ именемъ они были извѣстны и своимъ южнымъ соплемен-

[1]) Замѣтимъ здѣсь, что старинная форма, употребляемая у всѣхъ Славянъ,— Словѣнинъ, Словенинъ, Словенецъ, Словакъ, а не Славянинъ, Славенинъ; послѣдняя форма встрѣчается только съ начала XVII вѣка. Ср. *Шафарика* Слав. Древн., § 25.

[2]) Какія именно племена на сѣверѣ подразумѣваетъ Іорнандъ подъ именемъ Славянъ—трудно рѣшить. Главное затрудненіе представляютъ его слова: Sclavini a civitate Novietu nense (var. Nova, Novae) et lacu qui appellatur Musianus (var.: Mursianus), usque ad Danastrum, et in boream Vistula tenus, commorantur. Гильфердингъ (а раньше его чешскій историкъ Бальбинъ) считаетъ это озеро «Мойскимъ» (=Ильменскимъ) и городъ «Новгородомъ». Но едва ли можно здѣсь

никамъ, и своимъ нѣмецкимъ сосѣдямъ, которые ихъ называли тоже Вендами. Такъ, напримѣръ, чешскіе просвѣтители, Войтѣхъ и Прокопій, называются „Словениномъ“, „дѣдичемъ словенскимъ“, равнымъ образомъ какъ просвѣтители моравскихъ Словенъ, св. Константинъ и Меѳодій, называются апостолами Словѣнъ, посланные въ „словѣнскія“ земли князей Ростислава, Святополка и Коцела; св. Меѳодій былъ „княземъ словѣнскимъ“ и такъ называетъ старинный біографъ св. Меѳодія и князя Ростислава; польскій князь Болеславъ величается королемъ словенскимъ (Slavorum) и проч. Это общенародное имя продолжали западные Славяне употреблять и впослѣдствіи, когда у нихъ образовались государства и народы чешскій и польскій. У Балтійскихъ Славянъ это ихъ общее народное названіе господствовало всегда; Бодричи, Лютичи, Поморяне, Вагры, Хижане, Ране называли свой языкъ не бодричскимъ или лютичскимъ, а всегда только словенскимъ (lingua slavica). Нѣкоторые князья бодричскіе и поморскіе назывались князьями славянскими (Slavorum, der Wenden). „Словенскимъ“ называли свой языкъ и западные остатки этихъ Славянъ на нижней Лабѣ еще около 1700 г., и другіе восточные остатки этой Славянщизны называютъ себя до сихъ поръ Словинцами, а свой языкъ—словинскимъ, словенскимъ. И между этими Балтійскими Словенами была особая „земля словенская“, то-есть, округъ нынѣшняго города *Словна* (нѣм. Schlawe) въ Помераніи; этотъ городъ и земля Slauna, Slawena, Zlawe, Zlowe часто упоминается въ грамотахъ XII—XIII вѣковъ (срв. нашу книгу: Германизація Балтійскихъ Славянъ, 31 — 33).

Равнымъ образомъ, какъ западныхъ Славянъ—Мораву, Чеховъ и Ляховъ, такъ выводятъ русскія преданія и многія восточно-славянскія племена отъ дунайскихъ Славянъ. По этимъ преданіямъ, вышли изъ дунайскихъ странъ *Словѣне* и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ: Поляне (въ поляхъ), Древляне (въ лѣсахъ, деревьяхъ), Дреговичи (въ дрегвахъ, топяхъ), Полочане (по рѣкѣ Полотѣ), Сѣверяне (либо старинное племенное названіе, либо жители сѣвера); наконецъ, *Словѣне*, поселившіеся около озера Ильменьскаго и прозвавшіеся своимъ именемъ. Вмѣстѣ съ этими племе-

---

подразумѣвать такія отдаленныя страны, особенно если принять во вниманіе что Іорнандъ сѣверною гранью Словѣнъ считаетъ Вислу. Поэтому lacus Mursianus скорѣе можно искать въ болотахъ у г. Мурсы (Mursa, нынѣшній Осѣкъ на Дравѣ, въ Славоніи), а г. Nova, Novae въ Верхней Мизіи, на востокъ отъ Виминакія (Драничева).

нами или только ихъ частями навѣрное переселились и другія племена, но у нихъ подобныя преданія не сохранились. Трудно теперь рѣшить, можно ли записанныя въ русской лѣтописи преданія понимать буквально, то-есть, связывать выселеніе многихъ славянскихъ племенъ въ страны днѣпровскія съ завоеваніемъ дунайскихъ странъ Волохами—Римлянами; невѣроятнаго здѣсь нѣтъ ничего, и многія дунайско-славянскія племена могли искать убѣжища у своихъ вислянскихъ и днѣпровскихъ соплеменниковъ, у тѣхъ воинственныхъ Венетовъ, которые, по словамъ Тацита, жили (latrociniis pererrant) во всѣхъ земляхъ между Финнами и поднѣстровскими Певкинами, стало быть, въ земляхъ по Вислѣ и по Днѣпру. Какъ бы то ни было, но вѣрно то, что славянская колонизація въ днѣпровскихъ странахъ шла *съ юга на сѣверъ* и на сѣверо-востокъ; славянскія племена подвигались на сѣверъ и отодвигали племена чудскія, память которыхъ сохранилась въ географической номенклатурѣ тѣхъ ославяненныхъ странъ. Важную роль въ этой колонизаціи играютъ племена, поселившіяся на окраинахъ славянскаго міра — Вятичи, Кривичи и Словѣне. Географъ II вѣка, Птоломей, знаетъ въ „Сарматіи" разныя племена по именамъ, а въ ихъ числѣ и славянскія; за великимъ народомъ Венедовъ (по Венедскому заливу) помѣщаетъ онъ, между прочимъ, Ставанъ или Суовенъ, Карвоновъ и Саваровъ, которыхъ можно безъ особыхъ натяжекъ считать Словѣнами, Кривичами (Кревянами), Сѣверянами.

И такъ, на самомъ сѣверѣ всего славянскаго міра, въ лѣсистыхъ и болотистыхъ странахъ около Ильменьскаго озера поселилось племя славянское, которое долго сохраняло это общее племенное имя (еще въ XII вѣкѣ въ вопросахъ Кирика: Словенинъ), между тѣмъ какъ другія славянскія племена назывались по мѣстамъ, гдѣ сѣдоша. Эти *Словѣне* построили *Новгородъ*, по которому и позже стали называться. „Разъясненіе географіи новгородскихъ Славянъ", замѣчаетъ г. Н. Барсовъ (Очерки русской исторической географіи),—„должно имѣть важное значеніе въ русской исторической наукѣ, ибо съ нимъ связаны разъясненія вопросовъ о ходѣ *славяно-русской колонизаціи* на инородческомъ сѣверо-востокѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что вся вѣтвь Новгородскихъ Славянъ есть ни что иное, какъ древнѣйшіе переселенцы изъ славянскаго Поднѣпровья въ южную часть озерной области, вытѣснившіе первоначальное инородческое населеніе. Гдѣ въ озерной области находились самыя раннія и наиболѣе сплошныя поселенія Славянъ, сложившіяся подъ вліяніемъ Новгорода въ отдѣльную землю

Новгородскихъ Славянъ, какими путями шли изъ нея дальнѣйшія выселенія въ инородческія земли, и какихъ предѣловъ къ концу XI и началу XII вѣка достигли эти разселенія, а съ ними и Новгородская область,—вотъ вопросы, которые представляются на первомъ планѣ въ исторической географіи древняго Новгорода, и которые, за недостаткомъ письменныхъ источниковъ, могутъ быть обстоятельно разрѣшены только путемъ филологическаго изученія географической номенклатуры древней Новгородской области и мѣстныхъ археологическихъ изслѣдованій остатковъ древнѣйшихъ поселеній, которые сохранились тамъ до нашего времени". Вполнѣ соглашаясь со словами г. Барсова, мы прибавимъ, что для удовлетворительнаго достиженія этой цѣли необходимо знать не только славянскія, но и *чудскія* нарѣчія, чтобы съ достовѣрностью отдѣлить славянскій слой отъ первоначальной чудской основы. Недостатокъ основательныхъ свѣдѣній по финской филологіи и археологіи можетъ очень легко повести къ разнымъ заблужденіямъ и ошибочнымъ заключеніямъ, въ родѣ того, что̀ случилось съ г. Гедеоновымъ, который, совсѣмъ произвольно измѣнивъ *Ладогу* въ *Лагоду*, считаетъ это имя славянскимъ (стр. 358). Подробное изслѣдованіе чисто славянской географической номенклатуры, вмѣстѣ съ подробнымъ изслѣдованіемъ новгородскихъ говоровъ, покажетъ всю *несостоятельность* вышеупомянутаго, совершенно произвольнаго связыванія Новгородскихъ Словѣнъ съ Балтійскими Словенами, Новгорода и Славна съ балтійскими Новгардами и Славномъ, новгородскихъ названій въ родѣ Ярославичи, Радгощь, Витославичи, Словинка, Словинское, Зарѣчье, Звѣринецъ, Перынь (отъ Перуна?) и проч. съ подобными балтійско-славянскими Радгощь, Словино, Словенковъ, Зарѣчье, Звѣринъ, Перунь (Перонь) и проч. Такія названія можно найдти у всѣхъ Славянъ: Ярославичи, Витославичи, Радгощь, Зарѣчье, Звѣринъ—гдѣ угодно, села Словинье у Сербовъ и у Хорватовъ, Перунъ у Хорватовъ и проч. [1]). Новгородское нарѣчіе намъ хорошо извѣстно; оно уже по древнѣйшимъ памятникамъ носитъ чисто русскій характеръ, безъ всякой примѣси западно-славянскихъ нарѣчій. Языкъ новгородскихъ памятниковъ не представляетъ такой смѣси, какая замѣтна въ памятникахъ поднѣпровской Руси со временъ польскаго владычества. Такъ, на-

[1]) Вотъ, напримѣръ, какія любопытныя названія встрѣчаются въ Новгородской землѣ: мѣста Дунайскъ, Дунаевка, Чехово, Лехово, Ляховичи, Морева, Риса, поле Дунай, поле Кіевъ, поле Волотово, Ляхова пустошь, Голядина гора, ручей Жупанка и проч.

примѣръ, новгородскіе Словѣне говорили: Новгородъ, Городецкъ, Торговище, Ярославле дворище, Пискупля улица, Козьи Бородки, Кълемль, Заволочье (срв. *Барсовъ*, Матеріалы для ист.-геогр. словаря Россіи, подъ „Новгородъ"); эти названія были бы по „вендски"— Новгардъ, Гардецкъ, Тарговиште, Ярославье дворище, Бископья улица, Козьи Бардки (Бордки), Кълемъ (если это слово происходитъ отъ земля, западно-слав. земя), Завлачье. Нынѣшнее новгородское (то-есть, вообще сѣверно-русское) нарѣчіе не представляетъ тоже никакихъ западно-славянскихъ особенностей (срв. *Даля* Толк. словарь, I, стр. 31 – 37). Если на сѣверѣ кое-гдѣ дзекаютъ (дзеревня), какъ напримѣръ, Поляки, то эта особенность встрѣчается и въ русскихъ нарѣчіяхъ древнихъ Кривичей и Дреговичей (Бѣлоруссовъ). Тверской Торжчанинъ, который *ходзитъ въ дзеревню*, или ярославскій Ситкарь (Сицкарь), говорящій *будзёто*, *щито*, такіе же Русскіе, какъ Москвичъ или Владимірецъ, говорящіе *будетъ*, *идётъ*; также и *дзекалъ* Гродненской губерніи, говорящій *пуойдзе* (пойдетъ), такой же Русскій, какъ и его сосѣдъ *декалъ*, говорящій *пуойде*. Равнымъ образомъ и не всѣ Ляхи дзекаютъ, или скорѣе, дзекали; такъ напримѣръ, слова восточныхъ Ляховъ (Поляковъ) dziewięć, chodzić, będzie, dziecię западные Ляхи (балтійскіе, люнебургскіе) произносили devęt, chüdit, bąde, detę; да и въ древне-польскихъ нарѣчіяхъ не вездѣ дзекали (*Бодуэнъ*, Древне-польскій языкъ, 43). Въ сѣверно-русскихъ говорахъ встрѣчаются нѣкоторыя слова, неизвѣстныя другимъ великорусскимъ говорамъ, а извѣстныя нарѣчіямъ западно-славянскимъ и западно-русскимъ, напримѣръ: черевики, швецъ, досыть, робить, почекать, орать, бажить, ручникъ, притулиться, столованье, борво, отповѣдь и проч. Но все это, конечно, не даетъ еще права называть Новгородцевъ или Вологодцевъ „Ляхами" или „Чехами". Въ 1580 г. польскій ученый Христ. Варшевицкій выводилъ Поляковъ изъ Новгорода, такъ какъ новгородское нарѣчіе больше всего похоже на польское, да и сами Новгородцы типомъ своимъ подходятъ къ мазовской шляхтѣ. Это мнѣніе Варшевицкаго, конечно, имѣетъ такую же научную цѣну, какъ и мнѣнія о „ляшскомъ" происхожденіи сѣверно-русскихъ Словѣнъ, всѣхъ или только ихъ части.

Г. Гедеоновъ (стр. 347) считаетъ западными (то-есть, западно-славянскими) новгородскія названія Волотово, улицы Прусскую, Borкову, Вискуплю (см. выше), Иворову (почему же и не Варяжскую?). Но Волотъ, Борекъ и Иворъ такія же новгородско-русскія имена, какъ и Твердиславъ, Ратиборъ, Воротиславъ, Творимірь, Милонѣгъ, Лчков,

Радко, Гаврило Кіяниновъ, Коснятинъ (Константинъ) Прокопійничъ, Борецкій, ради которыхъ вовсе не нужно ходить за море къ лютичскимъ Велетамъ или къ старинному шляхетскому роду Борковъ, столь старому, „какъ дьяволъ“, или къ поморскимъ Ратиборамъ, Вартиславамъ, Косенамъ и др. Волотъ или Велетъ—имя на Руси очень распространенное, встрѣчающееся въ разныхъ географическихъ названіяхъ (срв. *Шафарика* Слав. древности, § 44, № 3). Прусская улица прямо указываетъ на колонію Пруссовъ, вѣроятно, купцовъ, все-равно, литовскихъ ли еще или уже нѣмецкихъ; позже „Прусы“, конечно, были уже такіе же русскіе Новгородцы, какими были и „Славляне“, жители Славна (части города), или жители улицъ Борковой, Люгощей, Яневой, Бояней, Добрыней, Волосовой, названныхъ по Борку, Люгостю, Яну, Бояну, Добрынѣ, Волосу (богу ли или человѣку) и проч.

„Болѣе положительные слѣды варяжскаго (то-есть, балтійско-славянскаго) населенія въ Новгородѣ представляетъ его историческій бытъ; *западно-славянскимъ началомъ проникнута вся домашняя новгородская жизнь*“, — вотъ очень смѣлое предположеніе г. Гедеонова объ устройствѣ древне-русской общины новгородской. Выше мы уже говорили о вѣчевомъ устройствѣ всѣхъ Славянъ. Мы видѣли, что какъ только Славяне являются на историческомъ поприщѣ, вѣчевое устройство господствуетъ у нихъ въ полной силѣ и сохраняется до позднѣйшихъ временъ. Вѣчевое устройство у дунайскихъ и днѣпровскихъ Славянъ VI вѣка, столь прекрасно описанное современнымъ имъ Византійцемъ Прокопіемъ, является у всѣхъ Славянъ—у русскихъ, западныхъ и южныхъ; слова Прокопія поразительно сходны съ словами русскихъ лѣтописей, Титмара, біографовъ Оттона Бамбергскаго, юго-славянскими памятниками и проч. Мы видѣли, что вѣчевое устройство поддерживалось вмѣстѣ съ древне-славянскимъ *общиннымъ началомъ*; гдѣ общины смогли отстоять свою независимость или самоуправленіе отъ постоянно усиливавшихся притязаній монархическаго начала, тамъ процвѣтаетъ и вѣчевое устройство; такъ, въ общинахъ русскихъ и юго-славянскихъ, и при отсутствіи или слабости княжеской власти, у Лютичей и Поморянъ. Но какъ только княжеская власть беретъ верхъ, вѣчевое устройство ослабѣваетъ или исчезаетъ въ Кіевѣ, Владимірѣ, Новгородѣ, Псковѣ, и въ Винодолѣ, Керкѣ, и у Балтійскихъ Славянъ; „господиномъ“ общинъ дѣлается князь-государь. То, что написалъ псковскій лѣтописецъ еще наканунѣ паденія вѣчеваго устройства своей общины: „Отъ начала убо Русскія

земли сей убо градъ Псковъ ни коимъ же княземъ владомъ бѣ, но на своей воли живяху въ немъ сущіи людіе", тѣ же самыя слова могъ сказать любой Славянинъ дунайскій и днѣпровскій, балтійскій и адріатическій. Такимъ образомъ, *вѣчевое устройство балтійско-славянскихъ и русскихъ общинъ* вовсе не результатъ *заимствованія* тѣмъ или другимъ народомъ, а прямое наслѣдство всѣхъ разбросанныхъ дѣтей одной матери Славы. Что касается новгородскихъ *концовъ*, то они отнюдь не щетинскія *контины*, какъ думаетъ г. Гедеоновъ (стр. 347). Новгородскіе концы (ихъ жители „Кончане")— это просто части города, кварталы: Славенскій (Славно, жители „Славляне", а не „Словѣне, Словене"), Людинъ, Неревскій и проч., хотя и органическія цѣлыя со своими вѣчами. А Щетинскія *контины* — это зданія; одна изъ нихъ, особенно разукрашенная, была храмомъ Триглава, другія три были поменьше, и въ нихъ собирался народъ. *Continae* quatuor in civitate Stetinensi: una ex his principalis (то-есть, храмъ); tres aliae continae... sedilia intus in circuitu exstructa erant et mensae, quia ibi conciliabula et conventus suos habere soliti erant; nam sive potare, sive ludere, sive seria sua tractare vellent, in easdem aedes certis diebus conveniebant et horis (Monum. Germ. hist., Script. XII, 793). Эти щетинскія контины можно сравнивать скорѣе съ дубровницкою *вѣчницей* (срв. тоже древне-польск. *вѣтница* = ратуша), и до извѣстной степени, съ новгородскою башней, на которой висѣлъ вѣчевой колоколъ, и въ которой находилась вѣчевая изба. Такія общинныя *избы* (*язбы*) были тоже у люнебургскихъ Славянъ. Слово *контина* нельзя сравнивать съ словомъ *конецъ* (по древлянски *кјінацъ*, то-есть, конецъ, кјінъ—конь, kjina—kona) или *кончина*; слово *контина* происходитъ отъ кѫта или кѫтѧ (др.-слав. кѫщa, сербск. кутя), какъ хижа—хижина, храмъ—храмина; въ Люнебургѣ еще въ XVIII вѣкѣ одна большая компата, гдѣ собиралось начальство, называлась *kuntje*. Если уже сравнивать какое-нибудь новгородско-псковское слово съ балтійско-славянскимъ, то напримѣръ, люнебургскій *grim* — предмѣстье (крімъ) съ псковскимъ *кромъ* (срв. нашу книгу: Германизація Балтійскихъ Славянъ, 43, 51). Впрочемъ, такихъ общихъ чертъ можно найдти очень много.

Итакъ, мы *нигдѣ* не видимъ предполагаемаго вліянія западныхъ Славянъ на бытъ Новгородскихъ Словѣнъ. А западные Славяне, *Чехи и Ляхи*, въ Новгородской области попали въ совсѣмъ другую сферу ся быта, въ народную философію, въ *пословицы*. Въ Опытѣ областнаго великорусскаго словаря (стр. 112) и въ Толковомъ словарѣ

Даля („Чахи")—находимъ архангельскую поговорку: „*Между Чахи и Ляхи*", то-есть, такъ и сякъ, ни то ни се, ни дурно ни хорошо, середка на половинѣ, безъ дѣла, безъ работы. Напримѣръ, „Хорошо ли ткетъ сестра твоя?" „Такъ, между чахи и ляхи". „Много ли накосилъ сегодня ты?" „Ничего не дѣлалъ, почитай; весь день между чахи и ляхи прошелъ у меня". „День ушелъ между чахи и ляхи, не знаю куда". Откуда взялась въ этихъ новгородскихъ колоніяхъ такая странная поговорка, перешла ли въ народъ изъ книгъ, изъ устъ какого-нибудь книжника — пока не знаемъ. Но какъ странно! Подобную поговорку нашли мы въ одномъ собраніи лужицко-сербскихъ пословицъ конца XVIII вѣка (*Журн. Серб. Матицы* 1856—1857, стр. 103): „То су мое Чехи а Лехи — das ist mein ganzer Ein- und Ausgang", то-есть, если мы хорошо понимаемъ — всѣ мои доходы и расходы. Сѣверно-русское „между чахи и ляхи" навѣрное перешло изъ русской лѣтописи, изъ разказа о кончинѣ братоубійцы князя Святополка Владиміровича, который, гонимый Божіимъ гнѣвомъ, прибѣжалъ въ пустыню „межю Ляхи и Чехи", и здѣсь испроверже злѣ животъ свой. Вѣсть о злой кончинѣ князя-братоубійцы могла глубоко вкорениться въ памяти Русскаго народа, на югѣ и на сѣверѣ; а народъ, поселившійся на окраинахъ русскаго міра, въ Заволочьѣ и Двинской землѣ, могъ этотъ разказъ помнить долго, какъ онъ здѣсь на сѣверѣ сохранилъ и свои былины,—когда давно уже забылъ настоящее значеніе словъ „между Чахи и Ляхи". Напрасное бѣгство Святополка въ лѣса между Чехами и Ляхами, гдѣ его все-таки настигъ Божій гнѣвъ, могло породить и поговорку „между чахи и ляхи". Историческія воспоминанія нерѣдко даютъ поводъ къ разнымъ прозвищамъ, поговоркамъ; такъ, напримѣръ, Муромцевъ называютъ „святогонами", такъ какъ они когда-то прогнали епископа, Вятчанъ — „слѣпородами", такъ какъ они когда-то ночью бились съ своими союзниками, считая ихъ Татарами. Сербы и Болгаре говорятъ, напримѣръ, „дойдетъ день Вита, увидимъ" (Видов-дан, 15-го іюня, день несчастной Косовской битвы), то-есть, узнаемъ вѣрнаго и невѣрнаго (какъ говорилъ князь Лазарь наканунѣ битвы); „прошао (несчастливо покончилъ) као Янко на Косову" (гдѣ Янъ Гуняди потерпѣлъ пораженіе), и подобныя чешскія поговорки: покончилъ какъ (генералъ) Гецъ и Янкова, и (взбунтовавшіеся) крестьяне у Хлумца, и проч. Какъ бы то ни было, я, какъ Чехъ, очень радуюсь, что мнѣ пришлось защитить древне-русскую исторію противъ Русскихъ, которые безъ всякой нужды толкаютъ ее „между Чахи и Ляхи".

Само собою разумѣется, что въ такомъ важномъ торговомъ городѣ, какъ Новгородъ, были разноплеменныя колоніи, разные „заморскіе купцы", разные „Ruzarii", какъ назывались, напримѣръ, баварскіе купцы, посѣщавшіе Русь. Такіе иностранные купцы были въ Новгородѣ съ древнѣйшихъ до позднѣйшихъ временъ [1]). Въ числѣ такихъ „заморскихъ купцовъ" были, несомнѣнно, и купцы изъ балтійско-славянскихъ странъ, пожалуй и Щетинцы, поклонники ли Триглава, или „нѣмецкаго", или „русскаго" бога, равнымъ образомъ какъ и въ поморскомъ Волынѣ жили заморскіе купцы, поклонники саксонскаго и греческаго бога, то-есть, католики и православные.

Славянская миѳологія—наука очень интересная, но довольно трудная. При разнообразной обстановкѣ, которая окружала раскинутые славянскіе народы, вѣрованія развивались у нихъ не одинаково; у однихъ Славянъ дальнѣйшему развитію старинныхъ вѣрованій уже рано помѣшало христіанство, съ начала только формальное; оно прикрыло, напримѣръ, солнце и божество солнца самимъ богомъ или св. Юріемъ, громъ и огонь — св. Ильей-громовникомъ и Маріей Огненною, и проч. Старинныя славянскія вѣрованія сложились въ извѣстную систему только у тѣхъ Славянъ, которые упорно защищали старину до второй половины XII вѣка, у *Славянъ Балтійскихъ*. У нихъ находимъ множество разныхъ боговъ и богинь, высшихъ и низшихъ, храмы, идолы, жрецовъ и проч., вообще полный миѳологическій аппаратъ. Но эта миѳологія Балтійскихъ Славянъ — это ихъ спеціальная миѳологія, а не *общеславянская*, и разныхъ Свантовитовъ, Радигостей, Живъ, радигощскихъ и арконскихъ храмовъ, капищъ, болвановъ, жрецовъ и проч. нельзя еще перетаскивать въ миѳологію польскую, чешскую, русскую и проч. Если говорить о *славянской миѳологіи*, то надо поступать съ крайнею осторожностью; надо отыскивать въ древнихъ памятникахъ и въ уцѣлѣвшихъ остаткахъ старинныхъ вѣрованій (суевѣріяхъ Славянъ) *общія черты*, и только такія общія черты могутъ составить славянскую миѳологію. Все здѣсь сказанное покажемъ на нѣкоторыхъ примѣрахъ, именно, на божествахъ *Сварогъ-Сварожичъ*, *Даждьбогъ*, *Перунъ*, и на словѣ *навь*.

Славянское слово *сварогъ* объясняется санскр. *варуна* (греч. *οὐρανος*) и *сварга*, *сваръ*, что̀ означаетъ небо, небеса, aether, зодіакъ.

---

[1]) Областныя русскія слова *варяжа́*—заморецъ, заморье, *варягъ*—мелочный наѣзжій купецъ, разносчикъ, указываютъ на такихъ купцовъ. Племенное названіе Варягъ сдѣлалось нарицательнымъ, подобно названіямъ: влахъ, обринъ, волотъ, мазурикъ и др.

Славянское Сварогъ, уже въ смыслѣ божества, встрѣчается, въ древне-словѣнскомъ (болгарскомъ) переводѣ греческой хроники Іоанна Малалы, переведенной въ X вѣкѣ болгарскимъ попомъ Григоріемъ. Переводчикъ передаетъ названія греческихъ божествъ Гефестъ и Геліосъ по славянски *Сварогъ* и *Солнце царь*, *Дажьбогъ—Даждьбогъ*, *сынъ Сварога*. Переводчикъ передаетъ здѣсь Гефеста=огонь, славянскимъ Сварогъ, собственно небо; но дунайскіе Словѣне уже въ VI вѣкѣ небесный огонь (молнію) приписывали наивысшему богу, повелителю всего міра (unus deus, fulguris effector, dominus hujus universitatis), Сварогу, хотя, какъ увидимъ, не забыли еще настоящаго бога молніи и грома, а только приписывали отцу качество сына. Сынъ Сварога, *Сварожичъ*,—это *Солнце*, называемое *Дажьбогъ* или *Даждьбогъ*; послѣднее названіе объясняютъ или жгучимъ богомъ (санскр. *даг* = жечь), или „дающимъ благо" (богъ = благо, богатство, какъ и deus-dives). Чисто древне-слов. (болгарск.) форма *Даждьбогъ* (дай богатство) соотвѣтствуетъ, напримѣръ, славянскимъ Рости-славъ, Хвали-богъ, Моли-богъ, Хвати-рубъ и проч. и древне-польскому имени лица: *Дадзибогъ* (Dadibog, Dadzibog, Dadzbog, въ грамотахъ польско-мазовскихъ 1254, 1350, 1395, 1476 гг.), которое только позже пріурочено къ христіанскому Theodat (напримѣръ, въ XVII вѣкѣ: Alaxandr Theodat czyli Dadzibog Sapieha). Названія старинныхъ божествъ сохранились нерѣдко въ именахъ лицъ; такъ, напримѣръ, въ древне-сербской грамотѣ 1348 г. встрѣчается имя *Хрьсь* (то-есть, Хрьсъ, Хорсъ), а это имя употребляется до сихъ поръ у Чеховъ какъ фамилія (Chrs); Перунъ, Свойбогъ, Свѣтбогъ, Молибогъ (Молидбогъ), Хвалибогъ — тоже славянскія имена лицъ. Вышеприведенное мѣсто изъ славянскаго перевода Іоанна Малалы перешло и въ русскую лѣтопись (Ипатьевскую), но не какъ безсмысленное заимствованіе; и русскіе Славяне знали Сварога и Сварожичей, и Дажьбога. Огонь они прямо и называли *Сварожичемъ*, а Дажьбога считали даже своимъ праотцемъ: Русичи, Русская земля величалась „внукомъ Дажьбожимъ (Даждьбожимъ)". О какомъ бы то ни было переселеніи югославянскихъ Сварога и Сварожичей съ Дуная на Днѣпръ, или наоборотъ—нечего и говорить. Уже Византійцы VI вѣка (Прокопій и Маврикій) считаютъ дунайскихъ Словѣнъ и днѣпровскихъ Антовъ (=поздн. Русь), такъ сказать, однимъ народомъ по языку, вѣрованіямъ, обычаямъ и проч. (Sclavorum gentes et Antum una vivendi ratione moribusque similibus utuntur, et rerum fere omnium ratio ab utrisque barbaris servatur eadem). Достовѣрность

этихъ словъ вполнѣ подтверждаетъ и нынѣшній поразительно сходный бытъ Сербовъ, Болгаръ и Русскихъ. Равнымъ образомъ, какъ они еще въ VI вѣкѣ поклонялись богу-громовержцу, такъ въ XIX вѣкѣ они крестятся передъ Ильей-Громовникомъ; въ IX—X вв. они поклонялись Сварожичу Солнцу, а въ XIX в. разказываютъ чудесныя вещи о царѣ Солнцѣ, и еще въ 1876 году профессоръ Дриновъ записалъ — изъ устъ простой Болгарки во Ѳракіи — замѣчательную пѣснь о женитьбѣ Солнца: Солнце влюбляется въ прекрасную Марію, Господь Богъ уноситъ ее „въ слънчовите дворове", гдѣ живетъ Солнце, его „огнянъ" братъ, и сестра Дена Деница, слѣдовательно, старинные Сварогъ и оба Сварожича, Солнце и Огонь! Но не только у Славянъ южныхъ и восточныхъ извѣстенъ былъ Сварогъ и его свѣтлые сыновья; ихъ знали также западные Славяне, именно балтійскіе Ляхи. Самъ Сварогъ, правда, мало заботился о семъ мірѣ и о живущихъ въ немъ людяхъ, обращая вниманіе только на небесныя дѣла (deus deorum coelestia tantum curat); но за то его сынъ *Сварожичъ* (Zuarasici) требовалъ обширнаго богослужебнаго аппарата въ своемъ прекрасномъ храмѣ въ Радигощѣ, гдѣ на первомъ мѣстѣ стоялъ „страшный" его идолъ въ латахъ и съ своимъ знаменемъ; въ началѣ XI вѣка онъ провожалъ своихъ вѣрныхъ Ляховъ-Лютичей, воюющихъ противъ другихъ Ляховъ-Полянъ, которые ему ужь измѣнили; да онъ не пренебрегъ и помощью патрона заклятыхъ враговъ своихъ, Саксовъ, и — къ ужасу нѣмецкаго попа — св. Маврикій и „дьяволъ Сварожичъ" пошли вмѣстѣ, рука объ руку, противъ польскаго князя Болеслава Храбраго. Этотъ „Сварожичъ" Балтійскихъ Славянъ принималъ—по мѣстамъ—и другія прозвища: Бѣлбогъ (бѣлый, свѣтлый богъ), *Свѣтовитъ* (то-есть, святый свѣтъ), *Яровитъ* (ярый свѣтъ), или какъ трехглавый повелитель трехъ царствъ міра: неба, земли и подземелья, *Триглавъ*, и вѣроятно,—какъ главное божество лютичскаго племени Ратарей-Радигощанъ,—также *Радигостъ*. Всѣхъ этихъ мѣстныхъ названій Русскіе не знали. Названія селеній Радогощь происходятъ отъ именъ лицъ, какъ вѣроятно, и названіе ратарскаго Радигоща. Въ Галичской Руси одно селеніе называется Бѣлбожница, а въ Чехіи—Бѣлбожице; но и эти названія могли быть взяты отъ лицъ, которыя— подобно Хорсу, Дадибогу, Перуну, Свѣтбогу, Свойбогу—могли называться и Бѣлбогами.

Перунъ, богъ грома и молніи, богъ, который *претъ* (перу — прать, пороть), ударяетъ; по польски *пёрунъ* (piorun) = молнія. Его знали всѣ Славяне. Мы видѣли, что дунайскіе и днѣпровскіе Сла-

вяне уже въ VI вѣкѣ приписывали небесный огонь молнію, наивысшему богу (Сварогу); такъ и въ X вѣкѣ греческій Гефестъ (огонь) передается Сварогъ. Но тогда знали южные и восточные Славяне также и Перуна: одинъ словѣно-болгарскій переводчикъ греческое Зевсъ передаетъ Перунъ, а Русь клянется Перуномъ (христіанская Русь преемникомъ Перуна, св. Ильей), и поклоняется его идолу. У южныхъ Славянъ память этого бога сохранилась въ названіяхъ лицъ— Перунъ, растеній--Перуница, Перуника, Перуновъ цвѣтъ, и въ одномъ названіи мѣста въ далматской Хорваціи (locus Perun, грам. 1080 — 1189 гг.). Но самъ Перунъ продолжаетъ свое существованіе въ болгарско-сербскомъ Ильѣ - Громовникѣ. У западныхъ Славянъ, именно у балтійскихъ Ляховъ, Перуну поклонялись особенно Вагры, и вообще Бодричи, которые называли четвергъ днемъ Перуна. Его память сохранили здѣсь и географическое названіе Перунъ, а у Чеховъ—имя лица Перунъ. Изъ этого видно, что Перуна знали всѣ Славяне. Но несчастному Перуну какъ-то не везетъ у Славянъ; Кіяне и Новгородцы съ глумленіемъ бросили его въ воду. Славянскимъ же ученымъ, хотя Владиміръ ему сдѣлалъ главу сребрену, а усъ златъ, Перунъ все-таки не нравится; чешскіе миѳологи Иречекъ и Эрбенъ толкаютъ его, какъ обрусѣвшаго Тора, въ скандинавскую Вальгалу. А между тѣмъ Перунъ вѣдь такой же чистый Славянинъ, какъ и разные скакуны, плясуны, болтуны; какъ тѣ скачутъ, пляшутъ и болтаютъ, такъ онъ „претъ" молніей.

Навъ. Дунайскіе (болгарск.) и русскіе Славяне называли такъ мертвеца; напримѣръ, навь изъ гроба исходящій, изъ навій въскресе (Іоаннъ экз. болг.), навье бьютъ Полочаны (русск. лѣтоп.); у Болгаръ навякъ — душа ребенка, умершаго не крещеннымъ; русск. навьскій день — день покойниковъ. У древнихъ Чеховъ *навь* — жилище усопшихъ (Крокъ иде до нави); *унавити*—погубить, убить (древне-чешск.), утомить (новочешск.), причин. глаг. отъ *ныть*, какъ слыть—славить, убыть—убавить, отыть—отавить, и проч. Длугошъ называетъ провожатаго усопшихъ *ныя* (Niia), вѣроятно, по народнымъ преданіямъ. О заимствованіи слав. навь изъ германскихъ нарѣчій нечего и толковать.

Уже по этимъ немногимъ примѣрамъ видно, насколько позволительно говорить о переходѣ славянскихъ божествъ изъ одной славянской страны въ другую. Такъ напримѣръ, Сварожича знали почти всѣ Славяне, южные, восточные и западные, въ одно и то же самое время, а другія божества знаютъ одни Славяне больше, а другіе меньше; у однихъ существовали они какъ божества, а у другихъ

память ихъ сохранилась только въ немногихъ названіяхъ. О *заимствованіи* можно было бы въ томъ случаѣ только говорить, еслибы, напримѣръ, Русскіе вмѣсто Дажьбогъ или Даждьбогъ говорили по ляшски *Дадзибогъ*. Форма (древне-слов.) *даждь* вовсе не западно-славянская; еще залабскіе Древяне говорили *dodz*.

Другой взглядъ на славянскую миѳологію имѣетъ г. Гедеоновъ (стр. 349). Онъ думаетъ, что „варяжскіе князья на Руси поклонялись Святовиту въ Сварогѣ-Перунѣ, какъ въ Римѣ аѳинскій Грекъ поклонялся Аѳинѣ въ Минервѣ", и что только изъ осторожности не замѣнили „своими вендскими племенными названіями русскихъ народныхъ названій боговъ". Все это могло быть, какъ и многое другое; такъ, напримѣръ, предполагаемая родственная связь между варяго-русскою династіей и вендскими княжескими родами и вообще съ языческимъ поморьемъ, связь, которая будто бы порвалась съ крещеніемъ Руси; предполагаемая поѣздка Владиміра къ Балтійскимъ Славянамъ и проч. Все это могло быть, но мы объ этомъ ровно ничего не знаемъ, и потому мы въ правѣ сказать, что этого не было. Сварожичъ-Дажбогъ такой же коренной богъ Славянъ восточныхъ, какъ и западныхъ, а отнюдь не являетъ „положительныхъ слѣдовъ вендскаго происхожденія", и не былъ „занесенъ Владиміромъ изъ Оботритской земли въ Русскую", равнымъ образомъ какъ ничего не извѣстно о томъ, дѣлали ли кіевскаго Перуна съ усомъ золотымъ „вендскіе художники". Также и *Велесъ* не исключительно западно-славянскій богъ (знали его Чехи, и вѣроятно, и южные Славяне), а тоже русскій; обѣ формы *Велесъ* и *Волосъ* русскія, какъ и велетень (южно-русск.) и волотъ (=великанъ), Велетово подлѣ Волотово, и проч. Многоголовыя божества на Руси не встрѣчаются (Збручскій идолъ слишкомъ мало объясненъ), а приведенная у г. Гедеонова (стр. 354) картинка съ разными чудовищами въ родѣ Гога и Магога, вѣроятно, результатъ дикой фантазіи какого-нибудь византійскаго монаха-ревнителя, а вовсе не отголоски „варяжскихъ" божествъ Поренута и Чернобога [1]) Темное слово „дыни" въ житіи св. Константина Муромскаго (ни тризнища, ни *дыни* не дѣяху, ни битвы и проч.) объясняетъ г. Котляревскій (Погреб. обычаи, 119, 129) словомъ бѣдынъ (ни бѣдына дѣяти, въ прологѣ), надстройка надъ могилой; а о „дыни"—будто обрядовой пляскѣ надъ могилой у западныхъ Славянъ, ничего не знаемъ. Г. Гедеоновъ (стр. 332) считаетъ „Карну" и „Жлю" Слова о полку Игоревѣ злыми духами

---

[1]) Срв. такія же картины въ Очеркахъ *Буслаева*.

древне-славянской (конечно, западно-славянской) миѳологіи. Но здѣсь простое олицетвореніе кары (ссоры) и жли (злобы): „за нимъ кликну кара, и жля поскочи по Руской земли", равнымъ образомъ какъ въ той же самой поэмѣ олицетворяется *обида*: „въстала обида въ силахъ Дажьбожа внука, въступила дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крилы и проч.". Приводить еще *нынь* божество въ родѣ „Zelu", „Gela" и злополучный истуканъ бамбергскій не совѣтуемъ; а то надо приводить и разныя чудовища изъ Прильвицъ и Mater Verborum, „божества" Климбу, Кросину, Кигалу, Чорое, Турицу, Погоду и др.

По мнѣнію г. Гедеонова (стр. 314) въ Русской Правдѣ встрѣчается „западная юридическая терминологія, польскія (вендскія) слова и узаконенія"; напримѣръ, синь надъраженъ, утнеть мечемъ, лоньщина, сводъ, ролейный, войскій, страда и пр. Но какъ же говорить о „вендской" терминологіи въ юридическихъ памятникахъ русскихъ, когда наши свѣдѣнія о такой терминологіи Балтійскихъ Славянъ ограничиваются десяткомъ словъ. Мы знаемъ, напримѣръ, слова князь, княжичъ, жупанъ, войвода, приставъ, смардъ, гардъ, порадльное, осепъ, нарѣзъ, преводъ, гоститва, подача, своръ, войводница, бисконовница, и др. Нѣкоторыя изъ нихъ извѣстны всѣмъ Славянамъ, нѣкоторыя только западнымъ и южнымъ (напримѣръ, жупанъ), другія только западнымъ или только Балтійскимъ Славянамъ (напримѣръ, княжичъ въ смыслѣ шляхтича, подача, своръ). Нѣкоторыя древне-русскія учрежденія, вошедшія въ Русскую Правду, встрѣчаются и въ правдахъ чешской, польской, сербской; такъ напримѣръ, круговая порука (др. русск. вервь, польск. ополе, сербск. околина, а слово врьвь встрѣчается и у полицскихъ Хорватовъ), сводъ, лице; другія—только русскія. Но о „вендскихъ "или вообще западно-славянскихъ словахъ и терминахъ въ древнерусскихъ памятникахъ нечего и говорить; специфически „вендскія" или „варяжскія" слова, термины и учрежденія станемъ искать въ древней Руси напрасно. Напрасно думаетъ г. Гедеоновъ (стр. 321), что „съ XII — XIII вв. вліяніе западнаго (варяжскаго) начала на Руси уже прекратилось", и что съ тѣхъ поръ „терминологія русскаго права, а съ нею и самое право, отбросили все иноземное, внѣшнее, насильственно или искусственно привитое". Не могло „прекратиться" то, чего никогда на Руси не бывало, и изъ стариннаго права русскаго вовсе не нужно было выбрасывать иноземные наросты. Мнимые „Варяги", — Балтійскіе Славяне, ничего не могли привить къ быту своихъ восточныхъ соплеменниковъ, такъ какъ о нихъ на Руси нѣтъ

и помину; нѣсколько же сотень наемныхъ скандинавскихъ солдатъ, этихъ настоящихъ „варяговъ", помогали Руси лишь въ грабежахъ и кровопролитіи, а вовсе не при составленіи Русской Правды. Эта Правда — такой же памятникъ *славянскаго права*, какъ и чешское право Конрада, хорватскій Винодольскій законникъ, сербскій законникъ царя Душана и польскій короля Казиміра. И кіевскій Русинъ, и новгородскій Словенинъ навѣрное стали бы славить чешскаго лѣха (пана) Ратибора, когда тотъ на земскомъ снемѣ въ „отнѣ сѣдлѣ, свѣтѣ Вышеградѣ," въ присутствіи княгини, сидящей на „отнѣ златѣ столѣ", кметей, лѣховъ и владыкъ, Святослава, Лютобора, Радована, Ярожира, Стрезибора, Саморода, Хрудоша, Стяглава, и другихъ князей племенъ Лучанъ, Дѣчанъ, Пшованъ, Хорватовъ, Зличанъ, Дудлебовъ и др., произносъ достопамятныя слова:

Нехвально намъ въ Нѣмцѣхъ искать правду!
У насъ правду по закону свату,
Юже принесеху отци наши
Въ сьеже жирне власти прѣсъ три рѣки!

И кіевскій Русинъ, и новгородскій Словенинъ пожали бы руку чешско-хорватскому лѣху Ратибору отъ горъ Кръконошмихъ, идѣже Трутъ погуби сань люту, и сказали бы своему западному соплеменнику: И у насъ правда, обязывающая Русина — Полянина, Словенина, Кривича и Сѣверянина, Хорвата и Волынянина, Древлянина и Дреговича. И у насъ на Руси князей сажаютъ на „столъ отенъ и дѣденъ", да въ карпатской Руси и на „златокованный" столъ отенъ. И наши князья созываютъ всенародныя сходки, вѣча, являются на нихъ съ своими болярами, Володиславомъ, Лютомъ, Блудомъ, Добрыней, который тоже погубилъ лютаго змѣя, и пр. Если мы, Русь, посылаемъ за море къ Варягамъ, то нанимаемъ ихъ за наши гривны и куны для того, чтобъ они намъ служили въ нашихъ безконечныхъ войнахъ, а вовсе не для того, чтобъ они совали носъ въ нашу Русскую Правду. У насъ, у всѣхъ восточно-славянскихъ племенъ, есть обычаи свои и законъ отецъ нашихъ и преданья, уставъ и законъ русскій, словомъ — наша Русская Правда. А эту правду принесли тоже отцы наши еще съ береговъ тихаго Дуная, когда они, уступая передъ волошскимъ царемъ Траяномъ, поселились по Днѣпру и основали здѣсь Кіевъ, мать городовъ русскихъ, и Великій Новгородъ. Да мы помнимъ, что тогда же отъ Словѣнъ дунайскихъ вышли и Ляхи, и другія племена.

И всѣ князья и вельможи, болярe, жупаны, лѣхи, кмети, чешскіе

и ляшскіе, русскіе и задунайскіе, порѣшили бы на своихъ вѣчахъ, соборахъ, снемахъ: у насъ правда по закону свату, юже принесеху отци наши съ Дуная на Лабу и Вислу, на Днѣпръ и Волховъ, и на югъ за Дунай. Ибо бѣ единъ языкъ словѣнескъ: Словѣни иже сѣдяху по Дунаеви, и Морава, Чеси и Ляхове, и Поляне яже нынѣ зовомая Русь.

Мы не можемъ согласиться—какъ это дѣлаетъ г. Гедеоновъ—съ словами г. Котляревскаго: „Имя Новгорода становится совершенно понятно, когда вспомнить о Старградѣ (даже не одномъ, а двухъ), находившемся на балтійскомъ поморьѣ; имя Славно кажется противнемъ такого же балтійскаго Славна; характеръ новгородской вольницы и торговой знати точно тотъ же, что̀ и поморской; характеръ вѣча, вѣчеваго устройства и вѣчевой степени сходенъ до подробностей; одинаково и устройство княжьяго двора“. Мы не можемъ согласиться съ словами г. Гедеонова (стр. 359), что „въ занесенныхъ къ намъ съ балтійскаго поморья вендскихъ словахъ, учрежденіяхъ, формахъ язычества и т. д. находимъ доказательства западно-славянскому происхожденію варяжскихъ князей“.

Повторяемъ: все это—*общеславянскія* черты или сходство, проистекающее изъ одинаковой обстановки жизни.

Въ X-й главѣ своего сочиненія г. Гедеоновъ приводитъ „общеславянскія особенности варяжскихъ (вендскихъ) князей и дружинниковъ“, но говоритъ здѣсь multa, non multum, о бритьѣ головы и бороды, верховой ѣздѣ, оружіи, мореходствѣ, воеводствѣ, характерѣ,—вотъ и все. А можно было бы поговорить объ этомъ любопытномъ предметѣ совсѣмъ иначе; можно было бы поговорить о княжескихъ родахъ славянскихъ, о ихъ родовыхъ отношеніяхъ, о воспитаніи княжичей, о сажаніи на столъ отенъ и дѣденъ, о дружинѣ, о разныхъ увеселеніяхъ, военныхъ играхъ, придворныхъ пѣвцахъ, о могилахъ князей и пр. Сходныхъ и одинаковыхъ чертъ этихъ „общеславянскихъ особенностей“ нашлось бы очень много. А то эта глава вышла — такъ себѣ, опять таки „между Чахи и Ляхи“.

Во второмъ томѣ своего изслѣдованія г. Гедеоновъ обширно говоритъ о *Руси.* Мы вполнѣ согласны съ почтеннымъ авторомъ, что Варяги и Русь не одно и то же, и что *Русь* особое славянское племя. Авторъ, не увлекаясь предвзятою идеей, разобралъ предметъ основательно и толково, хотя было бъ опять-таки желательно поменьше прибѣгать къ разнымъ филологическимъ натяжкамъ, и напримѣръ, не слишкомъ стараться объяснить пока еще не объяснимое названіе

Русь. Вмѣсто того, чтобъ отыскивать разныя рѣки по имени Руса, Русь, Рось и пр., мы остановились бы только на одной рѣкѣ того имени, то-есть, на притокѣ Днѣпра съ правой стороны—*Рось*, *Ръсь*. У Славянъ часто рѣка и племя (или вообще жители), поселившееся по ней, носятъ одно и то же названіе; напримѣръ, Морава, Босна, Цетина, Лабь, Лугомира, Бѣлина, Укра, *Росина* (въ южной Сербіи, гдѣ и городъ Рась, Раса) и пр. Что касается племенныхъ названій *Рось* и *Поросье*, *Поросьяне*, то срв. *Морава*, *Моравяне*, *Поморавіе*, *Лабь*, *Полабье*, *Полабьяне*. Судя по формѣ *Ръсь* подлѣ *Рось*, коренной звукъ въ этомъ имени еще не установился. *Росью* или *Русью* могло назваться одно изъ тѣхъ словѣнскихъ племенъ, что поселились „въ поляхъ" по рѣкѣ Роси, Ръси. Это племя, возвысившись надъ остальными „полянами", могло со временемъ навязать свое имя всѣмъ днѣпровскихъ Полянамъ („Поляне яже нынѣ зовомая Русь"), наконецъ, и всѣмъ восточно-славянскимъ племенамъ, какъ это случилось и съ названіями Чеховъ, Поляковъ, Сербовъ. Русь — вѣроятно, одно изъ многочисленныхъ черноморско-днѣпровскихъ Славянъ, тѣхъ „безчисленныхъ племенъ Антовъ" (Antarum populi infiniti), которые сдѣлались страшными и Германцамъ, и византійскимъ Грекамъ. Тамъ, гдѣ въ VII вѣкѣ исчезаютъ „храбрѣйшіе Анты", то-есть, вообще восточная поднѣпровская Славянщизна, тамъ вскорѣ является могущественная *Русь*, передъ которою дрожитъ Константинополь и страны поволжскія и кавказскія. Понятно, что по поводу грабежей и морскихъ разбоевъ этихъ дѣтей Руса Греки прозвали (congruo rei nomine) *дромитами—корсарами*, или, какъ сказали бы далматскіе Сербы, *гусарами од мора* (отъ моря); Царьградъ и вообще черноморскія страны всегда манили Русь па *гусарину* (пиратство), какъ, напримѣръ, богатая Италія приманивала другихъ славянскихъ морскихъ *гусаровъ*, сербскихъ Неречанъ. Такое объясненіе греческаго дромиты—cursarii (δρόμος — cursus) вѣрно; но сближеніе морскихъ дромитовъ — *гусаровъ* съ славянскимъ *ходить* совершенно ошибочно. Средне-латинское *cursa*, *cursus* (пиратство) и *cursarius* (пиратъ) перешло и въ языки греческій (χοῦρσον, χουρσεύειν), древне-словянскій и сербско-хорватскій, въ формахъ *хуса*, *гуса*, *хусъ*, и *хурсаръ*, *гурсаръ*, *хусаръ*, *гусаръ*, *хусникъ*, и *хуситы*, *хусовати*. Въ древне-сербскихъ памятникахъ пишется *хурьсаръ*, *гурьсаръ*, *гусаръ* и пр. (срв. словари *Миклошича* и *Даничича*). Такіе гусары или хусары (x = лат. h) часто упоминаются въ сербскомъ законникѣ Стефана Душана; такъ напримѣръ, §§ 144, 146, 151 по изд. *Зигеля* трактуютъ о гусарѣ и о гусарствѣ; Доментіанъ разказы-

ваетъ, что св. Саву въ Бриндизи подкарауливали „безбожьніи *гусаріе*", а монахи Хиландарскаго монастыря жаловали сербскому королю Стефану Урошу (1302 г.) „бѣды свое на мори, случающееся имь оть безбожьныихъ *хурьсарь*". Въ одной хорватско-далматинской грамотѣ 1358 г., говорится: non armabitur in *cursum*, neque exercebitur piratica... nec receptabuntur in eorum portubus *cursarii*, et malefici". Въ хорватскомъ Статутѣ Полицкомъ встрѣчаются тоже *гусары*. Въ нынѣшнемъ языкѣ хорватско-сербскомъ значитъ *гуса* и *гусар*= разбойникъ (гусар од мора — морскій разбойникъ), *гусарина* — пиратство (отишао у гусарину), *гусарити* — разбойничать на морѣ. Впослѣдствіи гусарами назвали извѣстное войско, какъ и хайдуки, казаки [1]). Связывать славянское *ходъ* (походъ) и *ходить* съ чужимъ сербизованнымъ *хуса*, *хусити*—совершенно ошибочно. А ново-чешское *хузе* (chůze) сюда никакъ не идетъ; слова *хузе*, др.-чеш. *хоза*, происходитъ отъ *ходить*, какъ *гразе—граза* отъ *градить*, *нузе* (nouze)—*нуза* отъ *нудить;* чешское же *хузе—хоза* было бы по русски *хожа* (хожденіе), какъ и есть по сербск. *ходя*; срв. меза—межа, нуза—нужа, нужда и пр. Поэтому, слова г. Костомарова (*Русская Старина* 1877 г., I, 184): „мы считаемъ это объясненіе почтеннаго ученаго дѣйствительнымъ вкладомъ въ нашу историческую науку"—можно отнести лишь только къ объясненію греческихъ дромитовъ—корсарами; а сближеніе сербизованнаго слова хурсаръ, хусаръ съ славянскимъ *ходить*, и даже съ ново-чешск. *хузе*—крупное заблужденіе.

Г. Забѣлинъ считая, какъ уже выше сказано, „Varяговъ" тоже Балтійскими Славянами, старается отыскать между ними и „Русь", и по примѣру другихъ его предшественниковъ, находитъ ее на островѣ *Руянь*, *Ранъ*, *Рюгенъ* (стр. 165). Но уважаемый авторъ слишкомъ увлекся своею предвзятою мыслью и позволилъ уже черезъ чуръ разыграться своей фантазіи. Послѣ того, что̀ мы сказали о сходной или тожественной географической номенклатурѣ у разныхъ народовъ славянскихъ, нечего и искать „Варяговъ" и „Русь" тамъ, гдѣ, напримѣръ, встрѣчаются названія Радигощь, Славно, Звѣринъ, Витова,

[1]) Г. Иловайскій (Разысканія, стр. 75 и 175) производитъ «гусаръ» отъ «хазаръ». Примѣровъ такой филологіи можно въ этихъ Разысканіяхъ найдти очень много: Бояре это Бойовары (племя), Полянинъ — исполинъ, себръ — Сербъ, смердъ—Меря, Мордва, рѣка Hypanis—Жупанъ, Стырь—Стрибогъ, Готы—Велегосты и пр. Этотъ способъ этимологизированія вредитъ прекраснымъ историческимъ работамъ г. Иловайскаго не менѣе, чѣмъ вредили русскіе корсары Византіи.

Ростоки, Бабинъ, Щетинъ и др. Г. Забѣлинъ взялся за мучительную работу списать съ древней карты Помераніи XVII вѣка всѣ названія мѣстностей, трудъ—для его цѣли—собственно лишній, какъ и излишне было приводить выдержки изъ древне-русской космографіи, переведенной съ нѣмецкихъ источниковъ. Еслибъ авторъ составилъ полную географическую номенклатуру земель чешскихъ, польскихъ, русскихъ, сербскихъ и др., то и въ нихъ нашелъ бы множество подобныхъ названій въ родѣ Бабинъ, Гостынъ, Любечичи, Премыславь, и пр.; нашелъ бы и „Хоружекъ"—Хорушки (въ Чехіи), и Хорлтинъ (въ Польшѣ). Не понимаемъ, зачѣмъ выписано тоже множество нѣмецкихъ названій, начинающихся въ Поморьѣ только съ конца XII и особенно съ XIII вѣка, напримѣръ, Poggenpole, Reinewater, Hagenwalde, Schäferei (то-есть, овчарня), разные hagen, dorf, berg и пр. Кромѣ того, на нынѣшнія часто до нельзя исковерканныя названія нельзя никоимъ образомъ положиться и еще меньше по нимъ позволять себѣ разныя заключенія. Необходимо по грамотамъ и другимъ памятникамъ составить, такъ сказать, исторію каждаго названія, осторожно сравнить его съ другими славянскими, особенно западно-славянскими названіями, и только тогда попытаться возстановить его настоящую славянскую форму—задача очень трудная, да иногда и просто невозможная. Кто же догадается, напримѣръ, по нынѣшнимъ названіямъ рюгенскихъ селеній Gagern, Patzig, Buschwitz, Bergen, что это славянскія Гаварны (Вороны), Пясекъ или Пяски (Пески), Босковичи, Гора, названія, которыя пишутся въ XIII вѣкѣ еще Gawarne, Pyask, Boskowiz, Gora? Кто отгадаетъ значеніе названій Jasmund, Wollung, Ghynst? Отъ начала XIV вѣка сохранился подробный перечень всѣмъ селеніямъ острова Рюгена, и въ этихъ спискахъ названія сохранились гораздо чище, чѣмъ, напримѣръ, на картахъ XVII вѣка (срв. нашу книгу: Германизація Балт. Славянъ, 203 и срв. 33).

Не станемъ говорить здѣсь о томъ, какими судьбами въ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ конца XIV вѣка появилась Русь между Варягами, обитателями Варяжскаго моря; въ другихъ, болѣе древнихъ лѣтописныхъ сводахъ, какими пользовался, напримѣръ, Длугошъ, Русь является старожилами восточно-славянскихъ странъ и наравнѣ съ другими племенами участвуетъ въ „призваніи" Варяговъ; то же самое является и въ нѣкоторыхъ рукописяхъ русской лѣтописи, и въ одной древней припискѣ въ ркп. XIII—XIV в.: придоша Русь, Чудь, Словене, Кривичи къ Варягамъ, рѣша... (Опис. рук. синод. библ., II,

2, стр. 72, *Буслаева* Ист. христом. 390). Положимъ однако, что „Русь" была тоже на Варяжскомъ морѣ, хоть бы и между балтійскою Славянщизной. Но это г. Забѣлину и другимъ „вендофиламъ" не даетъ еще права смѣшивать *Руяну*, *Рану*, *Ругію* съ *Русью*. Все здѣсь основано на томъ несчастномъ созвучіи, которое больше запутываетъ, чѣмъ разъясняетъ вопросъ.

Что касается нынѣшняго острова, называемаго въ литературномъ языкѣ *Rügen*, *Roien*, *Röjjen* и простонародьи, то это названіе является въ балтійскихъ странахъ между устьемъ Одры и Вислы уже съ I столѣтія Р. Х., у Тацита (Rugii), Птолемея (Ruticli, Rugium), и можетъ быть, у Іорнанда (Ulmerugi=Rugi?). Насколько можно этихъ балтійскихъ Руговъ связывать съ Ругами въ Илиріи, Норикѣ и Италіи, были ли они Германцы или Венеды (Славяне)—нельзя сказать. Позже, съ Х в., славянскіе жители этого острова называются Rugiani, Ruiani, Rani, Rugla, Ruia и пр. Форма Rana, которую Вибальдъ приписываетъ Славянамъ (regio quae a Teutonicis Ruiana, a Sclavis autem Rana dicitur), вѣроятно, только сокращенное Rujana, какъ стоять—стать, боять—бать, а отнюдь не измѣненіе имени Варны, Вераны, Враны, какъ кажется г. Забѣлину. Сами славянскіе Раны, ихъ князья, назывались Rujani, Roiani, Ruya, Ruye, Roia, изрѣдка Rugiani, Rugia [1]). Созвучіе словъ Rugia, Ruia, Rugi, Rujani съ Russia, Ruteni ввело нѣмецкихъ лѣтописцевъ уже въ Х вѣкѣ въ заблужденіе. Такъ напримѣръ, у продолжателя лѣтописи Регинона читаемъ (ad a. 959, 962): Helena, regina Rugorum, Adalbertus Rugis ordinatus episcopus, а другіе лѣтописцы, разказывая тѣ же самыя событія, пишутъ, gens Rusciae, Adelbertus Ruscis directus, и пр. [2]). Съ другой стороны, біографъ Оттона Бамбергскаго называетъ Руяну и Русь Rutheni, Ruthenia. Но изъ этого, на однозвучіи обоихъ именъ основаннаго, смѣшенія Руси и Руяны нельзя выводить никакихъ заключеній о Руси при устьѣ Одры или о Ругіи по Днѣпру; эти лѣтописцы, по совершенно справедливому замѣчанію г. Забѣлина, вводили въ заблужденіе послѣдующихъ хронистовъ и изыскателей, которые иныя свидѣтельства, принадлежащія рюгенской Руси, относили къ восточной Руси. Смѣ-

[1]) Срв. грамоты и печати въ дипломатаріѣ *Фабриціуса*: Urkunden zur Geschichte von Rügen, Stralsund und Berlin. 1843—1869).

[2]) Sclaui qui de Rugis vel de Baemanis mercandi: causa exeunt, въ грамотѣ баварско-австрійской 906 г. (*Erben*, Regesta I № 58) могутъ быть Русь, но тоже и «Ракусъ» (Ракоусы, Ракусы=Австрія).

шиваніе названій племенъ и странъ у средневѣковыхъ писателей довольно обыкновенно; они смѣшивали просто по ошибкѣ или чтобы щегольнуть классическими воспоминаніями: Dacia это Dania, Nirocum—Norwegia, Triballi—Сербы (Срьбали), Pannonia—Угрія, и пр. Такъ и Rugi—Русь, Rutheni—Руяне.

Въ половинѣ XIII вѣка одинъ польскій лѣтописецъ, отличавшійся разными этимологическими замашками, производитъ имя *Рана* изъ славянскаго „рани" (vulnera!), какъ, напримѣръ, *Панонія* отъ *панъ*, *Кашубы* отъ „casz huba id est plica rugasi", и проч. Отъ такого „этимологизированія" не отличается ничѣмъ методъ г. Забѣлина. Вмѣсто того, чтобы сказать, напримѣръ, вмѣстѣ съ Шафарикомъ, что названіе Руги, Руяна, Рана — пока необъяснимо, онъ перерылъ разноплеменную географическую номенклатуру славянскую (западную и восточную), литовскую, чудскую, германскую, и вездѣ видитъ „Русь", ея слѣды и остатки. Такъ, *Руги* и *Ругія*, это — *Рогъ*, по польск. róg (ругъ), назвали Балтійскіе Славяне „Рогомъ" „уголъ" своей земли, какъ Русскіе свой Никитинъ Рогъ, Синій Рогъ и проч.; а вѣдь и „рюгенскій истуканъ Святовида" держалъ въ рукѣ рогъ, а храмъ въ Ретрѣ воздвигнутъ на рогахъ разныхъ звѣрей. Изъ этихъ „Роговъ" сдѣлали латинскіе и нѣмецкіе писатели „свое" Руяна, и проч., возникли и Рузи—Рози (Варягъ—Варязи), и болѣе умягченное Руси, Русь, латинск. Ruthi, Rutheni etc. И вотъ на картѣ Помераніи XVII вѣка находится очень много слѣдовъ этихъ „Роговъ" или „Русовъ", напримѣръ, Russevase, Ruskevitz, Rochenberg, Rugarten, Rugehoff, Ralow, Rochow, Risnow, даже Rosenfeld, Rosenhagen, Rustorholtz, Reinekendorp, Roggenbuke и проч. А руянское Russevase это сибирскій Рушъ-вашъ, что значитъ русскій городокъ, а Russevase — русская весь. „Такимъ образомъ", заключаетъ г. Забѣлинъ,—„въ отношеніи имени *Рус* и *Рос*, мы находимъ, что оно господствуетъ (!) въ Померанской странѣ и составляетъ ея родное земское имя. Встрѣчается *Руг* и *Рун*, но несравненно рѣже. Пусть Нѣмцы и западные люди писали и произносили это имя Руяна и Рана, но па востокѣ, у насъ на Руси, оно могло быть извѣстнымъ только въ формѣ Руси. Можно полагать, что Руги въ сущности была военная и необходимо морская сила всего Поморья, подобно нашимъ Запорожцамъ относительно всего русскаго юга. По этой причинѣ и наша лѣтопись знаетъ въ числѣ своихъ Варяговъ особое племя Русь, откуда, по ея словамъ, и были призваны наши первые князья".

И вотъ г. Забѣлинъ слѣдитъ за этою „Русью“ или за этими „Рогами“, на ихъ походѣ отъ Рюгена, на берега Волхова и Днѣпра, „останавливаясь только на ея коренныхъ звукахъ Руг, Рог, Рус, Рос, и на именахъ ея родичей Велетовъ — Волотовъ — Лютичей съ ихъ священными словами Витъ, Радъ и различными другими именами балтійскаго Славянства“. И такъ, мы видимъ, какъ эта варяжско-вендская Русь останавливалась въ земляхъ прусскихъ и литовскихъ, между устьемъ Вислы и Нѣмана, напримѣръ, въ Розенбергѣ, Росситенѣ, Рагнитѣ, Россіенахъ, Виндавѣ, Ротгофѣ, дальше уже посреди Чуди въ Рунге, Руно, Венденѣ, Ругодивѣ (нынѣ Нарвѣ). Наконецъ, Русь прибываетъ въ славянскіе края около Ильменя и поселяется въ Новгородѣ, въ Славнѣ, въ Рогатицѣ, Щетиницѣ, и улицѣ Варяжской, Росткиной (по мекленбургскому Ростоку!), около урочищъ Звѣринца (по мекленб. Звѣрину), Ракома (=Аркона), Витославичей и др. Русь направляется на югъ и останавливается въ Велегощѣ, Радгощѣ, на Ругійскомъ Мху, у Волотова. Дальше дорога изъ Ильменя къ Днѣпру именуется Ловотью, что переиначено тоже изъ слова Волоть (sic), около Волковскаго лѣса, Витебска (напоминаетъ рюгенскаго Вита) Ръши (Орши) и рѣки Прони (напоминаетъ Проне—Перуна), къ Рогачеву и Мыслъему Рогу. Русь прибываетъ въ Кіевъ, и здѣсь ближе рѣки Роси (Ръси) воздвигается Витичевъ холмъ, несомнѣнно праправнукъ Вита. Но и этотъ праправнукъ Вита не останавливаетъ безпокойной Руси; она шагаетъ на востокъ черезъ Рославль и Радогощь къ рѣкамъ Рѣсѣ и Не-Русѣ. и къ Расторогу на верховьяхъ Оки, къ Рязани, Ряжску, и опять Проней въ Пранову (указываетъ несомнѣнно велетское имя Перуна). Удалые русскіе молодцы проникли и дальше на сѣверъ, въ земли рыжей Чуди до самаго Бѣлаго моря, и вотъ здѣсь ихъ память возглашаютъ рѣки, озера, болота, мѣста Рускола, Росо-Мохъ, Ругозерская губа и пр. до самаго Волитова городища на западной сторонѣ Ледовитаго поморья.

Порядочное путешествіе! Можно порядкомъ устать, провожая Русь черезъ эти моря глубокія, рѣки широкія, лѣса дремучіе, горы толкучія. Но можно было бы провести ее и еще дальше, на западъ, въ землю Агнянъ въ Rochdale, Wiltshire и Wight, въ земли Нѣмцевъ и Корляговъ въ Rothenburg, Wittenberg, Rouen, Rütli, въ землю Волошскую къ Roselle и Reggio, въ Илирикъ къ Rausium (Ragusa), въ Рисно и Рась, и такъ далѣе на востокъ до предѣла Симова.

Но шутки въ сторону. Неужели г. Забѣлинъ серьезно думаетъ,

что можно *такимъ образомъ* „отыскивать" Русь? Неужели онъ считаетъ приведенныя имъ географическія названія „слѣдами очень древняго пребыванія въ нашей странѣ людей, поклонявшихся Виту, Радегосту, Перуну подъ именемъ Прона или Прана, носившихъ имя Волотовъ, Вендовъ, Руговъ—Роговъ, Русовъ—Росовъ?" Правда, авторъ не настаиваетъ, что всѣ приведенныя имена непремѣнно обозначаютъ слѣды именно этихъ Волотовъ—Вендовъ и пр., и соглашается, что иныя изъ этихъ именъ принадлежатъ общимъ основамъ топографическаго языка у всѣхъ славянскихъ племенъ, какъ и у другихъ родственныхъ съ ними народовъ. Но не смотря на эту оговорку, авторъ все-таки очень дорожитъ приведеннымъ имъ аппаратомъ. Между тѣмъ, было бы болѣе полезно для самого автора, еслибъ онъ не отыскивалъ ни Руси въ Розенбергѣ (!) или Ругодивѣ, ни Перуна въ Пронѣ и Прановѣ, ни „Радегаста" и „Свѣто-Вита" въ разныхъ Радогощахъ и Витичевахъ. Тѣмъ болѣе выиграла бы интересная его книга. Мы согласны съ почтеннымъ авторомъ, что эту сѣдую древность настоятельно требуется осмотрѣть по всѣмъ угламъ, но избранный имъ для этого путь не ведетъ—въ *наше* время—ни къ какому положительному результату, не ведетъ къ открытію „Руси" на берегахъ Варяжскаго моря", а лишь еще больше запутываетъ и безъ того темный вопросъ.

Много храбрыхъ Русичей полегло на поляхъ брани, въ странахъ черноморскихъ и балтійскихъ, днѣпровскихъ, волжскихъ и дунайскихъ; ихъ слава доходила до Грековъ и Угровъ, Ляховъ и Чеховъ и Моравы; ихъ души составляютъ въ славянскомъ раю, въ славянской нави большинство. Еслибъ они оттуда прилетѣли на землю Святорусскую, то навѣрное испугались бы громаднаго ученаго аппарата, свезеннаго внуками Дажбога и внуками Одина съ Лабы, Одры, Вислы и Дуная, изъ Даніи и Скандинавіи, для объясненія ихъ старинныхъ преданій и учрежденій. Испугались бы они этого „варяжскаго вопроса", заревѣли бы ярыми турами, закукали бы зегзицами, услыхавъ, какъ кликну кара, и жля поскочи по Русской земли, смагу мычючи въ пламянѣ розѣ, увидавъ, какъ мудреный этотъ вопросъ рѣшаютъ между Чахи и Ляхи. Поклялись бы они Перуномъ и Волосомъ—не вернуться уже на землю Русскую, гдѣ начяша про малое: „Се великое!" млъвити, и сами на себе крамолу ковати. Попросили бъ они Стрибожихъ внуковъ занести ихъ обратно въ рай, гдѣ ихъ славу поютъ Боянъ и Митуся, Люміръ и Добрята, гусляры отъ моря Варяжскаго и отъ Андріатинской пучины, и гдѣ Русъ, Ляхъ и Чехъ,

Хорватъ, Кракъ, Кій и Гостомыслъ, съ своихъ золотыхъ отнихъ и дѣднихъ столовъ, удивляются своимъ ученымъ внукамъ. Попросили бы Русичи своего князя-освободителя, Руса, избавить и своихъ наимладшихъ внуковъ отъ навязываемаго имъ чужеземнаго начала; попросили бъ они этого любимца боговъ ходатайствовать у Сварожича-Дажбога и у его брата Сварожича-Свѧтовита, чтобъ они своимъ святымъ свѣтомъ озарили книгохранилища и скорѣе открыли ветхіе подлинники договоровъ Олега и Игоря и древній сводъ русскихъ лѣтописей, которымъ пользовался ученый Ляхъ Длугошъ, и чтобъ они такимъ образомъ помогли своимъ внукамъ порядъ положити о Русьстѣй земли. А то при мерцаніи свѣтилъ Лаврентьевскаго и Ипатіевскаго, жизнь Даждьбожа внука погибаеть въ морѣ Варяжскомъ.

I. Первольфъ.

ПО ВОПРОСУ О ІУДЕЙСКИХЪ ДРЕВНОСТЯХЪ, НАЙДЕННЫХЪ ФИРКОВИЧЕМЪ ВЪ КРЫМУ [1]).

Полуостровъ Таврическій принадлежитъ къ числу тѣхъ мѣстностей нашего отечества, о которыхъ имѣется самое большее количество историческихъ извѣстій, и судьбы этого полуострова вообще могутъ считаться хорошо извѣстными въ ученомъ мірѣ. Основаніе и процвѣтаніе древне-эллинскихъ колоній, постоянныя сношенія Херсониса съ Византіей и Малою Азіей, италіанскія колоніи въ *Gazaria* по очереди связывали Тавриду съ цивилизованными народами и странами. Кромѣ свидѣтельствъ писателей, до насъ дошло громадное количество памятниковъ, надписей и монетъ отъ древнихъ жителей Тавриды и Босфорскаго царства. При такомъ положеніи дѣла каждый долженъ согласиться, что въ высшей степени невѣроятно допустить возможность открытія такихъ новыхъ фактовъ и документовъ, которые совсѣмъ опровергли бы почти всѣ наши историческія и этнографическія понятія о Крымскомъ полуостровѣ въ древнія времена.

---

[1]) Нѣсколько времени тому назадъ въ разныхъ газетахъ была напечатана анонимная замѣтка о томъ, что дѣло о поддѣлкѣ Фирковичемъ памятниковъ, найденныхъ въ Крыму, казавшееся — какъ говоритъ авторъ замѣтки — разъясненнымъ послѣ появленія обстоятельнаго труда г. Гаркави, оказывается далеко еще не конченнымъ. Профессоръ Д. А. Хвольсонъ, защищающій подлинность означенныхъ памятниковъ, отправляется нынѣшнимъ лѣтомъ въ Крымъ, для производства обстоятельныхъ изслѣдованій въ мѣстахъ собранія памятниковъ. «Громадный авторитетъ профессора», говорится далѣе въ замѣткѣ,—«заставляетъ ученыхъ ожидать отъ этой поѣздки весьма многаго». Въ ожиданіи результатовъ ученой командировки г. Хвольсона, которая, такимъ образомъ, должна во всякомъ случаѣ окончательно рѣшить ученый споръ, длившійся слишкомъ 37 лѣтъ (съ 1839 года), да позволено мнѣ будетъ представить краткій очеркъ нынѣшняго состоянія вопроса и мой взглядъ на него. Если изысканія ученаго профессора

Тѣмъ поразительнѣе для ученаго міра было открытіе въ Крыму, караимомъ Авраамомъ Фирковичемъ, въ промежутокъ времени отъ 1839 до 1862 года, цѣлаго ряда древне-еврейскихъ памятниковъ, долженствовавшихъ произвести коренной переворотъ въ нашихъ понятіяхъ о древнемъ состояніи этого полуострова. Для наглядности представимъ здѣсь важнѣйшіе результаты открытій Фирковича:

а) Древніе Мидійцы были одинаковаго происхожденія съ нынѣшними Крымскими Татарами, и мидійскій языкъ ничѣмъ не отли-

окажутся прочными и притомъ не согласными съ тѣми результатами, къ которымъ я пришелъ въ моемъ изслѣдованіи, то русскому ученому міру легко будетъ опредѣлить, на сколько ошибочны мои воззрѣнія по нижеизложеннымъ пунктамъ, имѣющимъ немаловажное значеніе и для исторіи и древностей южной Россіи вообще. Во всякомъ случаѣ надѣюсь, что настоящій очеркъ вопроса объ открытыхъ Фирковичемъ въ Крыму іудейскихъ надписяхъ, изложенный съ точки зрѣнія обще-исторической и археологической науки, не будетъ сочтенъ совершенно безполезнымъ.

Считаю нелишнимъ отмѣтить здѣсь главнѣйшія сочиненія и статьи о предметѣ, настоящей статьи, слѣдуя хронологическому порядку появленія ихъ въ свѣтъ: статьи *Рапопорта* и *Реджіо* въ еврейскихъ журналахъ появились въ 1840—1841 году; статья подъ заглавіемъ «О Евреяхъ-Караимахъ» въ *Журналѣ Мин. Внут. Дѣлъ*, ч. I, 1843, стр. 263—284, откуда взято небольшое извлеченіе въ *Жур. Мин. Народ. Просв.* 1843, т. XXXIX, отд. VI, стр. 110—113; *В. Штерна* «О вновь открытыхъ древне-еврейскихъ кодексахъ и другихъ древностяхъ» въ первомъ томѣ *Записокъ Одесск. Общ. Ист. и Древн.* 1844 г., стр. 640—649; *Pinner*, Prospectus der Odessaer Gesellsch. für Gesch. und Alterth. gehörenden ältesten Mss. Odessa, 1845; статьи *А. Фирковича* и *Фина* въ еврейскомъ журналѣ *Гакармель*, Вильна 1861—1862 гг.; извлеченія изъ отзывовъ *Д. А. Хвольсона* и коммисіи изъ академиковъ *Броссе*, *Вельяминова-Зернова*, *Куника* и *Шифнера*, напечатанныя въ газетахъ въ 1862 году (въ полномъ видѣ отзывъ академической коммисіи помѣщенъ въ XV томѣ *Записокъ Акад. Наукъ*, 1869 г., стр. 252—264); статья *А. А. Куника*: Können Hebraer in der Krim schon im 3-ten Jahrhundert den tatarischen Fürstennamen Tochtamysch geführt haben? въ *Бюллетенѣ Акад. Наукъ* за 1864 г. (ср. *Mélanges Asiatiques*, V, p. 147—174); *Neubauer* въ *Journal Asiatique*, juin 1865, p. 534—558; его же Aus der Petersburger Bibliothek, 1866; *Chwolson*, Achtzehn hebräische Grabschriften aus der Krim въ *Mémoires de l'Acad. des Sciences de St.-Pét.*, VII Série, T. IX, № 7, 1865 (ср. русскій переводъ: «Восемнадцать евр. надгроб. надписей изъ Крыма» въ *Сборникѣ статей по евр. исторіи и литературѣ*, 1866). *Harkavy* und *Strack*, Catalog der hebräischen Bibelhandschriften in der Kais. Oeff. Bibliothek 1875 (гдѣ все, касающееся крымскихъ древностей, принадлежитъ мнѣ); ст. *А. А. Куника*, Тохтамышъ и Фирковичъ, 1876; *Harkavy*, Altjüdische Denkmäler aus der Krim, въ *Mémoires de l'Acad. d. Sc.*, VII Série, t. XXIV, № 1, 1876. Болѣе полныя библіографическія указанія можно найдти въ двухъ послѣднихъ изъ поименованныхъ трудовъ.

чался отъ турецко-татарскаго діалекта, нынѣ употребляемаго въ Крыму.

б) Мидійцы эти поселились въ Тавридѣ во время Персидскаго царя Камбиза, вслѣдствіе войны этого царя со Скиѳами и завоеванія имъ этой страны у послѣднихъ.

в) Сами же Скиѳы были, также какъ и Мидійцы, татарскаго происхожденія.

г) Вмѣстѣ съ Мидійцами, и въ качествѣ ихъ союзниковъ, прибыли въ Крымъ и Израильтяне изъ десяти колѣнъ, которые впродолженіе 1800 лѣтъ употребляли въ документахъ лѣтосчисленіе отъ Самарянскаго плѣненія, каковое лѣтосчисленіе, равно какъ и другая эра (отъ сотворенія міра, но на 151 годъ продолжительнѣе обыкновенной еврейской міровой эры), нигдѣ, кромѣ документовъ Фирковича, не оставило по себѣ никакихъ слѣдовъ въ еврейской и караимской литературѣ.

д) Эти Израильтяне построили себѣ, во время своего поселенія въ Тавридѣ, города *Солхатъ*, *Онхатъ* и *Села га-Іегудимъ* (скала Іудеевъ, нынѣшній Чуфутъ-Кале),—названія, которыя однако до XIII (послѣднее даже до XVII) вѣка по Р. Х. нигдѣ не встрѣчаются.

е) Крымскіе Евреи жили въ такомъ изолированномъ положеніи, что впродолженіе почти 2000 лѣтъ къ европейскимъ и азіатскимъ ихъ единовѣрцамъ не проникло никакихъ извѣстій и слуховъ о нихъ.

ж) Не смотря на свое долговременное изолированное положеніе, Крымскіе Евреи эти, при первомъ появленіи своемъ на литературномъ поприщѣ, оказываются обыкновенными восточными раввинскими и караимскими Евреями, безъ всякихъ признаковъ самобытнаго развитія, какіе мы видимъ, напримѣръ, у китайскихъ, индійскихъ и эѳіопскихъ Евреевъ.

з) Еще болѣе странно то явленіе, что всѣ позднѣйшія литературныя выраженія и письменныя сокращенія средневѣковыхъ Евреевъ, встрѣчаются уже въ крымскихъ памятникахъ, приписываемыхъ Фирковичемъ и г. Хвольсономъ самой глубокой древности.

Эти и многія подобныя соображенія не дозволяли мнѣ вѣрить въ подлинность ново-открытыхъ древностей, и защиту ихъ г. Хвольсономъ я долженъ былъ считать вполнѣ неудавшеюся, какъ имѣлъ случай сообщить устно нѣкоторымъ здѣшнимъ ученымъ тотчасъ по появленіи труда г. Хвольсона, и печатно въ 1870 году (въ сочиненіи „Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ", стр. 291). Но отчасти по причинѣ недоступности мнѣ нѣко-

торыхъ необходимыхъ матеріаловъ, которыми безпрепятственно могла пользоваться защита, отчасти же по причинѣ другихъ занятій, я не могъ приступить къ разрушенію искусственно сооруженнаго зданія крымско-іудейскихъ древностей. Лишь въ послѣднее время, преимущественно благодаря средствамъ доставленнымъ мнѣ администраціей Императорской Публичной Библіотеки, я могъ устранить всѣ препятствія и напечатать трудъ, гдѣ обстоятельно разбирается вся Фирковичо-Хвольсоновская система, и доказывается ея всестороняя несостоятельность. Трудъ этотъ, изданный въ XXIV томѣ VII-й серіи *Mémoires de l'Academie des Sciences de St.-Pétersbourg* озаглавленъ „Altjüdische Denkmäler aus der Krim" и раздѣляется на двѣ части, изъ коихъ въ первой разбираются древнѣйшія приписки (эпиграфы) къ библейскимъ рукописямъ [1]), а во второй подвергаются изслѣдованію надгробныя надписи, датированныя съ I по XIII вѣкъ по Р. Х. При тщательномъ анализѣ этихъ двоякаго рода памятниковъ какъ по ихъ формѣ (какъ напримѣръ, по письменамъ, по языку, по разнымъ письменнымъ сокращеніямъ и формуламъ), такъ и по содержанію (по историческимъ и географическимъ даннымъ, въ нихъ заключающимся), памятники эти оказываются фабрикаціей новѣйшаго времени для прославленія крымскихъ караимовъ. Оставляя въ сторонѣ спеціальные доводы, почерпнутые мною изъ исторіи и литературы еврейской, раввинской и караимской, приведу здѣсь нѣкоторыя общенаучныя соображенія, которыя не будутъ, быть можетъ, безынтересны и для русскихъ историковъ и ученыхъ.

А. Географическія и этнографическія названія.

Разборъ многихъ географическихъ названій въ документахъ Фирковича изобличаетъ поддѣлку послѣднихъ; представлю нѣкоторые примѣры:

α. Въ одномъ документѣ, относящемся будто бы къ концу VI или началу VII вѣка по Р. Х., Скиѳы названы *Шити* и Скиѳія названа *земля Шитійцевъ*. Такъ какъ авторъ приписки жилъ будто бы въ Шемахѣ и былъ персидскимъ подданнымъ Сассанидскаго царя Хозроя II (Парвиза), а отецъ его будто бы жилъ въ Матархѣ (нынѣшней Тамани), то онъ долженъ былъ употреблять либо персидскую, либо греческую географическую номенклатуру. Но мы знаемъ изъ Геро-

[1]) Впрочемъ, относительно эпиграфовъ я высказалъ свое мнѣніе въ первомъ томѣ каталога еврейскихъ рукописей, изданномъ уже въ 1875 году.

дота, изъ древне-персидскихъ клинообразныхъ надписей и изъ Талмуда, что персидское названіе Скиѳовъ было *Саки* и ихъ страны — *Сакистанъ* [1]), откуда и Армяне заимствовали названіе *Сакастанъ* [2]). Греческія же названія Σκύθαι, Σκυθία могли превратиться въ *Шити* только при посредствѣ романскихъ языковъ преимущественно италіанскаго, гдѣ имя Скиѳовъ произносится *Шити* (Sciti). Дѣйствительно, первымъ еврейскимъ авторомъ, называющимъ Скиѳовъ *Шитійцами*, былъ Іосифъ бенъ Горіонъ, родомъ изъ Италіи (IX или X столѣтія) [3]). Этимологія же названія Азовскаго моря въ означенномъ документѣ, а именно, что оно названо *Шитійскимъ* моремъ по той причинѣ, „что они (Скиѳы) его переплываютъ и заставляютъ свой скотъ переплывать [4]) въ греческій городъ Матарха", есть, по моему мнѣнію ничто иное, какъ подражаніе этимологіи греческаго названія Воспора, о которой читаемъ у Сестренцевича: „Что̀ ни повѣствуютъ нѣкоторые писатели, но мы не пріемлемъ самаго словопроизведенія, по коему казалось бы, что волы переходили сіи проливы (то-есть, Киммерійскій и Ѳракійскій Босфоръ), какъ показываетъ слово, составленное изъ *Босъ*, волъ, и *Поросъ*, проходъ" [5]).

β. Орѳографію имени персидскаго города *Гератъ* также нельзя допустить въ документѣ, написанномъ до бѣгства Мухаммедова изъ Мекки (622 г. по Р. Х.). Древне-иранское названіе области, именуемой Греками Ἄρεια, Ἀρία, читается въ персидскихъ клинообразныхъ надписяхъ *Гарайва* (Haraiva), въ древне-бактрійскомъ *Гараэва* (Haraêva), въ пеглевійскомъ *Гаревъ* или *Геревъ*, въ армянскомъ *Гроумъ* (=Гроувъ) или *Гревъ*, въ Шахнаме поэта Фирдауси *Гара* или *Гарé* [6]). Звукъ *т* въ концѣ имени появился лишь впослѣдствіи, по обращеніи Персіянъ въ исламъ и по принятіи ими арабскихъ письменъ, гдѣ конечный звукъ *а* выражается обыкновенно посредствомъ буквы *ha femininum*, буквы, превращенной Персіянами въ *т*. Исто-

---

[1]) Геродотъ III, 93, VI, 113, VII, 9; *Spiegel*, Altpersische Keilinschriften Leipzig 1862, p. 218; *Kossowicz*, Inscriptiones Palaeo-Persicae, Petropoli 1872, Glossarium, p. 46; *Vullers*, Lexicon Persico-Latinum, II, 310; Талмудъ, *Іома л.* 9-й б.

[2]) *Труды Восточ. Отд. Имп. Археол. Общ.*, ч. XIV, стр. 88.

[3]) См. *Труды Восточ. Отд. Арх. Общ.* ч. XVII, стр. 293.

[4]) Корень *Шут*, *шит* по еврейски означаетъ *плыть*, *переплывать*.

[5]) *Сестренцевича*, Исторія царства Херсонеса Таврическаго, С.-Пб. 1806, ч. I, стр. 365; ср. *Герца*, Топографія Таманскаго полуострова, Москва, 1870, стр. 16.

[6]) *Spiegel*, Altpers. Keilinschr. p. 222; *Vullers*, Lexicon Pers. Lat., II, 1446; *Kossowicz*, Inscriptiones Palaeo-Persicae, Gloss. p. 50.

рическая послѣдовательность въ измѣненіи названія означеннаго города слѣдующая: Гарайва (въ клинообразныхъ надписяхъ) — Гараэва (въ древнебактрійскомъ, по гречески Ἄρεια, Ἀρία) — Гаревъ или Геревъ (въ пеглевійскомъ, по армянски Гроумъ = Гроувъ или Гревъ) Гара или Гарê (Шахнаме) — Гараг (по арабски, съ *ha femininum*), откуда Гератъ (въ ново-персидскомъ и татарскомъ).

γ. Чуфутъ-Кале, какъ мы сказали выше, упоминается въ документахъ Фирковича подъ названіемъ *Села га-Ісгудимъ* [1]), какъ крѣпость, построенная изгнанниками изъ Самаріи уже во время царя Камбиза и обитаемая съ тѣхъ поръ будто бы исключительно прямыми потомками ея строителей, нынѣшними Караимами. Между тѣмъ названіе Чуфутъ-Кале присвоено означенной крѣпости не раньше XVII вѣка и встрѣчается, сколько до сихъ поръ извѣстно, впервые въ татарскомъ офиціальномъ документѣ 1650—1651 года [2]), а въ искаженномъ видѣ, въ формѣ *Siaput-Cabassi*, у извѣстнаго голландскаго путешественника Николая Витсена [3]). Прежде же перенесенія столицы Крымской орды въ Бахчисарай, нынѣшній Чуфутъ-Кале служилъ резиденціей особаго хана и носилъ названіе *Киркеръ* или *Керкери*, откуда произошли разныя искаженія, какъ, напримѣръ, *Кыркоръ*, *Киркіель*, *Херхіель* и т. д. [4]). Не вдаваясь здѣсь въ догадки, когда и кѣмъ построена эта крѣпость [5]), замѣтимъ, что достовѣрныя извѣстія о ней находятся впервые у арабскаго географа Абульфеды (писалъ въ 1321 году по Р. Х.), который разказываетъ, что въ неприступной крѣпости *Киркри* живетъ племя, называемое *Ассъ* [6]), по всей вѣроятности *Ясы* русской лѣтописи, которыхъ обыкновенно отожествляютъ съ древними Аланами и нынѣшними Осетинцами. Позднѣе извѣстный путешественникъ Шильтбергеръ нашелъ также эту крѣпость, называемую имъ *Каркери*

---

[1]) *Чуфутъ-Кале* означаетъ по-татарски *Іудейскую* (Жидовскую) крѣпость, а *Села га-Іегудимъ* имѣетъ также по еврейски значеніе *Іудейской скалы*.

[2]) См. *Вельяминова-Зернова*, Матеріалы для исторіи Крымскаго ханства, док. № 141, въ 9-й строкѣ на 454-й страницѣ: *Іегуди-Кале*.

[3]) *Witsen*, Noord en Oost Tartarye, Amsterdam, 1692, p. 577; *Кеппенъ*, Крымскій сборникъ, стр. 316.

[4]) См. у *Кеппена*, въ указанномъ мѣстѣ, стр. 310—316, гдѣ, между прочимъ, указаны русскіе и польскіе источники объ этомъ городѣ.

[5]) Какъ извѣстно, Тунманъ отожествлялъ ее съ древними *Фуллами*, а г. Струковъ (Древ. памят. Христ. въ Тавридѣ, М. 1876, стр. 6—7) съ *Маркіанополисомъ*. О томъ, что она, быть можетъ, была построена Аланами, см. нашу замѣтку въ *Извѣстіяхъ Имп. Географ. Общ.*, т. XII. 1876, отд. II, стр. 55—58.

[6]) *Reinaud*, Géographie d'Aboulféda, Paris, 1848, II, p. 319.

(Karckeri), въ области *Суди* или *Сути* (Sudi, Suti), населенною греческими (то-есть, православными) христіанами [1]). Подъ именемъ *Киркеръ* она извѣстна также въ караимской литературѣ и въ подлинныхъ караимскихъ документахъ, начиная съ конца XV столѣтія. Лишь со второй половины XVII вѣка попадается также въ караимскихъ документахъ наименованіе *Кале*, сокращеніе отъ Чуфутъ-Кале, потому что *Чуфутъ* есть бранное и презрительное татарское названіе для Еврея, подобно *жидъ* и *juif*. Что же касается наименованія *Села га-Іегудимъ*, то оно ни болѣе, ни менѣе какъ переводъ, сдѣланный Фирковичемъ съ татарскаго въ концѣ 30-хъ годовъ нашего вѣка, ибо до сихъ поръ нельзя указать ни на одно мѣсто какого бы то ни было памятника, гдѣ это имя было бы названо другимъ лицомъ и раньше означеннаго времени.

δ. Городъ Керчь носитъ въ разбираемыхъ нами документахъ названіе *Сеферадъ*. Это заимствовано изъ блаженнаго Іеронима и Вульгаты, гдѣ мѣстность *Сефарадъ*, куда, по пророку Обадіа (Авдію, ст. 20), удалились іерусалимскіе изгнанники, толкуется словомъ *Bosporus*—на основаніи словъ еврейскаго учителя блаженнаго Іеронима [2]). Имя *Сефарадъ* толковалось и толкуется понынѣ различнымъ образомъ; такъ напримѣръ, халдейскій и сирійскій переводы означеннаго мѣста передаютъ его словомъ *Испанія*, вѣроятно, по причинѣ сходства имени *Сефарадъ* съ греко-латинскимъ Ἑσπερία, *Hesperia*, при чемъ род. пад. отъ Ἑσπερίς (Ἑσπερίδ-ος) и αἱ Ἑσπερίδες довершаютъ сходство [3]); нѣкоторые ученые отожествляютъ его съ городомъ *Спарда*, упоминаемымъ въ

---

[1]) Путешествіе Шильтбергера въ переводѣ *Ф. К. Бруна*, Одесса. 1866, стр. 58. Г. Брунъ отожествляетъ *Sudi* и *Süti* съ *Kuti* (Готеами); нельзя ли видѣть въ этомъ названіи Шильтбергера сокращеніе имени *Oseti* (Осетинцевъ)?

[2]) Означенный стихъ у пр. Авдія гласитъ въ переводѣ Іеронима и въ Вульгатѣ: Et transmigratio Hierusalem quae in Bosphoro possidebit civitates austri, и бл. Іеронимъ оправдываетъ этотъ переводъ слѣдующей замѣткой: Ubi nos posuimus Bosphorum, in Hebraeo habet *Sepharad*, quod nescio cur LXX *Ephrata* transferre voluerint, cum et Aquila et Symmachus et Theodotio cum hebraica veritate concordent. Nos autem ab Hebraeo, qui nos in scripturis erudivit, didicimus, *Bosphorum* sic vocari, et quasi, Iudaeus ista inquit, est regio, ad quam Hadrianus captivos transtulerit. Opera Hieronymi, ap. Gensch, t. VI, p. 96. Переводъ LXX толковниковъ, какъ свидѣтельствуетъ бл. Іеронимъ, и за нимъ и переводъ славянскій, передаютъ это названіе словомъ Ἔφραθα, что̀, по всей вѣроятности, есть описка вмѣсто Σφάθα или Σφάρθα.

[3]) *Buxtorf*, Lexicon Talmudicum-Rabbinicum, и *Винеръ*, Biblisches Realwörterbuch, s. v. *Sepharad*.

персидскихъ клинообразныхъ надписяхъ, въ которомъ признаютъ столицу древней Лидіи, *Сарды* [1]); другіе признаютъ въ немъ *Саспировъ* Геродота (I, 104, III, 94, VII, 79) и грузинскій *Сперъ* [2]); опять другіе находятъ въ немъ *Сефарамъ* (недалеко отъ Сенъ-Жанъ-д'Акра), либо *Сепухъ*=*Сепурдъ* (близь Эрзерума), либо же древне-вавилонскій городъ *Сиппара* (Геліополисъ) и т. д. [3]).

Но какая бы мѣстность ни подразумѣвалась подъ загадочнымъ названіемъ древне-іудейскаго пророка, намъ положительно извѣстно, что всѣ еврейскіе писатели, какъ раввинскіе, такъ и караимскіе [4]), всегда подразумѣвали подъ этимъ названіемъ Испанію, и что ни въ одномъ подлинномъ документѣ городъ Керчь не называется *Сефарадомъ* [5]).

в. Но еще яснѣе изобличаютъ новѣйшаго поддѣлыщика географическія имена, обязанныя своимъ происхожденіемъ опечаткамъ въ источникахъ, коими онъ пользовался, или ошибочнымъ комбинаціямъ нѣкоторыхъ авторовъ. Такъ напримѣръ, древнее названіе Θеодосіи, по свидѣтельству анонимнаго перипла (Anonymi Periplus Ponti Euxini), въ языкѣ Алановъ или Тавровъ гласило Ἀρδάβδα (по изданіямъ Geographi Graeci Minores *Гэля* и *Мюллера*) или Ἀρδαύδα (по изданію *Гудсона*), что будто значило *городъ семи боговъ* [6]). Поэтому мы читаемъ у Сестренцевича: „Cette ville (Théodosie) se nommait anciennement *Ardauda*, ou la ville de sept dieux, *Tusba*, *Teudosie*, et ensuite

[1]) *Burnouf*, Mémoire sur deux inscriptions cunéiformes, Paris, 1836, p. 147; *Beer* въ *Allgem. Hall. Literaturzeitung* 1838, I, 38; *Lassen* въ *Zeitschr. f. die Kunde des Morgenl.* VI, 50; *Spiegel*, Altpersische Keilinschriften, Leipzig, 1862, p. 219; *Ханыкова*, Землевѣдѣніе Риттера, Иранъ, С.-Пб. 1874, стр. 166.

[2]) *Vivien St. Martin*, Mémoire historique sur la géographie ancienne du Caucase, Paris, 1847, p. 44; *Brosset*, Deux historiens Arméniens, St. Pét. 1870, p. 222; *Mélanges Asiatiques*, vol. V, p. 754—755.

[3]) *Ewald*, Propheten des Alten Bundes, въ объясненіи 20-го стиха пр. Авдія; *P. de Lagarde*, Gesammelte Abhandlungen, Leipzig, 1866, p. 265, 292, 297 — 298; *Schrader*, Keilinschriften und das Alte Testament, Giessen, 1872, p. 284—285.

[4]) Изъ караимскихъ писателей назовемъ здѣсь Іеѳета ибнъ-Али (X вѣка), Али ибнъ-Сулеймана (XI в.), Іуду Гадаси и Якова бенъ-Рубена (XII в.).

[5]) Г. Брунъ неосновательно включилъ *Сефарадъ* въ число названій Керчи, примѣшивая къ тому еще фантастическія гипотезы Касселя; см. О разныхъ названіяхъ Керчи и т. д., соч. *Ф. Бруна*, Одесса, 1877, стр. 11—12.

[6]) См. объ этомъ *Pallas*, Bemerkungen auf einer Reise etc., I, 416; Путешествіе въ Тавриду, соч. *Муравьева-Апостола*, стр. 216; *Бруна*, Scythie d'Hérodote, p. LIV и слѣд.

Caffa"[1]); въ русскомъ же переводѣ означеннаго сочиненія это мѣсто читается: „Сей городъ назывался нѣкогда *Аргауда* или городомъ семи боговъ, Тусба, Теудози, а потомъ Кафа"[2]), гдѣ очевидно *Аргауда* ошибочно напечатано вмѣсто *Ардауда*, и эта опечатка подала Фирковичу поводъ къ татарской (значитъ, Аланы и Тавры тоже были Татары!) этимологіи имени (*арка* значитъ по татарски: позади. сзади, а *ада*—островъ, такъ что *Арка-ада* будто значитъ: задній островъ, или: задъ острова) и къ составленію приписки[3]), седьмая строка которой гласитъ: „здѣсь въ Кафѣ, нѣкогда (названной) *Арка-ада*". Ясно, что опечатка въ русскомъ переводѣ книги Сестренцевича служила источникомъ для объясненія древне-аланскаго названія изъ татарскаго языка и для изобрѣтенія документа, гдѣ означенная типографская ошибка 1806 года фигурируетъ въ своей татарской одеждѣ уже въ 1309 или даже (по г. Хвольсону) въ 309 году по Р. Х.!

ϛ. Другой опечаткѣ во французскомъ текстѣ сочиненія Сестренцевича или же опискѣ самого автора обязано своимъ происхожденіемъ второе названіе Ѳеодосіи, вышеприведенное *Tusba* (*Тусба* въ русскомъ переводѣ). Такъ какъ подобнаго географическаго названія, на сколько мнѣ извѣстно, не только въ Крыму, но и вообще мы будемъ напрасно искать, то нѣтъ сомнѣнія, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ ошибочнымъ чтеніемъ вмѣсто *Tusla* (*Тузла*)[4]), названія одной опустѣвшей и разрушенной татарской деревни, откуда, по словамъ двухъ географовъ XVII столѣтія (Мелетія и Сансона), Генуэзцы брали камень для построенія крѣпости Кафы[5]). Что имя *Тузла* турецко-татарскаго происхожденія (*тузъ* значитъ соль) хорошо зналъ уже Кеппенъ[6]). Однако же ошибочная форма имени—*Тусба*, находится въ одной припискѣ (№ 72), относимой Фирковичемъ и г. Хвольсономъ къ 995 году по Р. Х.!

---

[1]) *Siestrzencewicz de Bohusz*, Histoire du royaume de la Chersonès Taurique, Brunswick, 1800, vol. I p. 19; éd. St. Pétersb., 1824, p. 33.

[2]) *Сестренцевича* Исторія о Тавріи, С.-Пб. 1806, ч. I, стр. 29.

[3]) Означенная приписка (№ 113 въ рукописномъ собраніи эпиграфовъ) относится по Фирковичу къ 1309 году по Р. Х., а по г. Хвольсону къ 309 году по Р. Х.

[4]) Французскія буквы *l* и *b* легко перемѣшать и въ письмѣ, и въ печати.

[5]) *Кеппенъ*, Крымскій сборникъ, стр. 106.

[6]) «Тузла, такъ въ Крыму и въ Босніи называются мѣста, гдѣ изъ озеръ добывается соль», Крымскій сборникъ, стр. 107, прим. 153. См. *Mostras*, Dictionnaire géographique de l'empire ottoman, St.-Pét. 1873, p. 123. Это имя находится также на Таманскомъ полуостровѣ и на западномъ прибрежьи Чернаго моря.

η. Въ одной изъ древнѣйшихъ приписокъ коллекціи Фирковича (№ 2, 489-го года по Р. Х.) говорится, что городъ *Тамитарха* въ древности назывался *Тамирака*, а въ надгробной надписи № 5 здѣшняго Азіатскаго музея (при Академіи Наукъ), датированной отъ 625-го г. по Р. Х., упоминается еврейское лѣтосчисленіе по счету *Матархійцевъ*. Между тѣмъ тожество *Таматархи* или *Матархи* съ *Тамиракою*, предположенное Н. Н. Мурзакевичемъ лѣтъ тридцать тому назадъ [1]), уже давно опровергнуто, а самое названіе *Таматарха*, *Матарха* (русская *Тмуторокань*) для нынѣшней Тамани, какъ компетентные ученые полагаютъ на основаніи источниковъ, произошло отъ искаженія Тюрками древняго имени *Коροкондама* (Κοροκονδάμη Страбона и анонимнаго Перипла) [2]).

δ. Черноморскіе Готы (Тетракситы) названы въ одномъ историческомъ документѣ собранія Фирковича (эпиграфъ № 10, 805 года по Р. Х.) *Аллуфъ Гатамъ* [3]), и тамъ разказывается, что народъ этотъ воевалъ съ народомъ *Кедаръ* (Хазарами), имѣвшимъ будто бы во

---

[1]) Исторія генуэзскихъ поселеній въ Крыму, Одесса, 1837, стр. 40. Фирковичъ въ своихъ рукописныхъ замѣткахъ ссылается на Мурзакевича для оправданія приписки.

[2]) См. замѣтку *А. А. Куника* въ *Mélanges Asiatiques*, vol. V, p. 161; *Ф. К. Бруна* въ Scythie d'Herodote, p. LII — LIII; *К. К. Герца*, Топографія Таманскаго полуострова, Москва, 1870, стр. 28.

[3]) Въ русской литературѣ нѣсколько разъ было указано на этотъ документъ (см. *Хвольсона*, Восемнадцать надгробныхъ надписей, С.-Пб. 1866, стр. 96; *Труды перв. русск. Археол. Съѣзда*, Москва, 1871, стр. *CXC*; *Бурачкова*, О мѣстопол. древ. Каркинитеса, Одесса, 1874, стр. VI; *Бруна*, О разныхъ названіяхъ Керчи, Одесса, 1877, стр. 12 — 13). Между тѣмъ полнаго дословнаго русскаго перевода его не существуетъ; пользуюсь случаемъ, чтобы представить здѣсь таковой и этимъ облегчить сужденіе о немъ:

Тогда говорилъ Іегошуа (Іисусъ):
Благословенъ Господь, спасающій
Довѣряющихъ Его силѣ
Отъ преслѣдователей!
Да будетъ записано и это
Спасеніе въ книгѣ
Ученія Божія на память
Послѣднему поколѣнію, что
Воздвигъ Господь во дни наши памятникъ
Чудесамъ Своимъ!
Кто въ состояніи повѣствовать о всемъ, постигшемъ
Насъ съ того дня, какъ мы подверглись
Изгнанію вотъ уже 1500
Лѣтъ? Попадались мы въ руки
Идолопоклонниковъ, попадались
Въ руки водопоклонниковъ,
Которые ограбляли насъ, пожирали насъ,
Проливали нашу кровь, похищали
Наши священныя книги
И ругались надъ ними.
Настоящій же послѣдній супостатъ

главѣ своей князя по имени *Мисамъ*. Уже покойному оріенталисту Мунку показалось подозрительнымъ то обстоятельство, что имена *Мисамъ* и *Аллуффъ Гатамъ* явно заимствованы изъ кн. Бытія (XXV, 13, XXXVI, 16 [1]). Къ этому слѣдуетъ присовокупить, что *Мисамъ* приплетенъ къ *Кедаръ* потому, что, по словамъ книги Бытія, оба они были братьями; что *Кедару* употребляется какъ названіе Хазарскаго народа исключительно въ апокрифическихъ документахъ Фирковича, гдѣ иногда слово это пишется съ точкою надъ буквою *д* въ знакъ того, что оно должно произноситься *Кедзаръ* или *Кадзаръ* [2]; что поводъ къ употребленію названія *Гатамъ* для Готѳовъ подала транскрипція перевода LXX толковниковъ (Γοθὸμ), перешедшая также въ славянскій переводъ въ формѣ *Гоѳомъ*.

Б. Собственныя имена лицъ.

Подобно географическимъ названіямъ, собственныя имена лицъ набрасываютъ весьма густую тѣнь на разбираемые нами документы, какъ легко убѣдиться изъ слѣдующихъ примѣровъ:

Отмщалъ еще наше плѣненіе — (а именно)
Князь *Гатамъ*
Вмѣстѣ со своею ратью, народомъ
Немногочисленнымъ, называемымъ Тетраксами,
Сказавшими въ безчестіи своемъ:
«Дайте, уничтожимъ ихъ (Іудеевъ) изъ числа народовъ!»,
Еслибы не Господь, который былъ съ нами
И послалъ намъ спасителей,
Братьевъ изъ сыновъ Кедаръ,
Обращенныхъ въ іудейство, съ Мисамомъ,
Княземъ ихъ, въ ихъ главѣ,
Которые спасли насъ и
Священную книгу эту
Изъ ихъ (вражьихъ) рукъ и завоевали
Крѣпость ихъ *Дори*,
Въ настоящемъ году нашемъ,
1501-мъ по нашемъ изгнаніи (изъ Самаріи),
4565-мъ по сотвореніи міра,
Году спасенія. Благословенъ
Господь! Да ниспошлетъ Онъ также прислать намъ
Илью, пророка нашего,
Скоро, во дни наши! Аминь!

[1]) См. его примѣчанія на отчетъ *Нейбауера* въ *Journal Asiatique*, Juin 1865, p. 547.

[2]) См. *Geiger* въ *Jüdische Zeitschrift für Wissenschaft und Leben*, B. III, 1864, p. 288—289. Тридцать лѣтъ тому назадъ Д. Гартенштейнъ высказалъ довольно странное предположеніе, что названіе *Козаръ*, *Хазаръ* произошло отъ еврейскаго глагола *казаръ* (быть свирѣпымъ); см. *Чтенія Московскаго Общества исторіи и древ.*, засѣд. 25-го января 1847, № 6, и что же! нынѣ одинъ берлинскій ученый, г. Павелъ Кассель, собственнымъ умомъ дошелъ до этой премудрой этимологіи! См. Der chazarische Königsbrief aus dem 10 Jahrhundert von *Paulus Cassel*, Berlin, 1876 p., 47.

a. Скиѳская царица, воевавшая, по сказанію Геродота, съ основателемъ Персидской монархіи Киромъ, носитъ у греческаго историка названіе *Томирисъ* (Τόμυρις, I, 205 и слѣд.); въ напечатанномъ же текстѣ псевдо-Іосифа или Іосиппона (автора IX или X вѣка) имя этой царицы гласитъ *Талмира* [1]). Что чтеніе это составляетъ либо опечатку, либо описку писца той рукописи, по которой текстъ Іосиппона былъ напечатанъ, можно нынѣ доказать помощью одной древней рукописи этого автора, находящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ [2]). Одинъ изъ важнѣйшихъ же документовъ крымскаго происхожденія какъ разъ имѣетъ ошибочную форму напечатаннаго текста—*Талмира*!

b. Въ документѣ, написанномъ будто въ 594 или 604 году по Р. Х. персидскимъ Евреемъ въ городѣ Шемахѣ, Сассанидскій царь Хозру (Хосрой) II названъ *Коздори*, что̀ также подаетъ намъ поводъ къ заподозрѣнію подлинности означеннаго документа. Первоначальная форма вышеозначеннаго имени Персидскаго царя есть, по мнѣнію всѣхъ иранологовъ, *Huçravô* (отъ *huçràvanh* или *huçravâgh*), то-есть, bonas auras habens, sive bene audiens, sive obediens, откуда произошли формы *Chuçrau*, *Chosrau*, *Chosrev* въ новоперсидскомъ и армянскомъ, *Кисра* или *Кесра* въ арабскомъ, Χοσρὸης, Κοσρόης, Ὀσρὸης въ греческомъ [3]). Иногда же Греки имѣютъ, какъ извѣстно, обыкновеніе вставлять въ чужестранныя слова звукъ *д* между *с* и *р*, какъ напримѣръ, библейское имя *Эзра* произносилось имя Ἔσδρας, *Ізреэлъ* — Ἐσδράηλα и Ἐσρηλών, карѳагенское имя *Азрубалъ* — Ἀσδρούβαλ или *Hasdrubal*. То же самое повторилось и съ персидскимъ именемъ Хозроя, которое византійскіе Греки писали иногда также Χοσδρὸης [4]), откуда взята и форма *Хоздрой* [5]) русскихъ лѣтопи-

---

[1]) Josephus Gorionides, ed. *Breithaupt*, Gothae 1707, ст. р. 69 и слѣд.

[2]) Въ означенной рукописи названія славянскихъ племенъ читаются, большею частью, правильнѣе чѣмъ въ напечатанномъ изданіи; такъ, напримѣръ, въ рукописи легко узнать названія *Морава*, *Хровати*, *Серби*, *Лучани*, и т. д. Рукопись эта найдена мною во второй коллекціи Фирковича осенью 1874 года, и я указалъ на нее въ *Журналѣ Минист. Народ. Просв.*, ч. CLXXVIII, отд. 4, стр. 39.

[3]) См. *Burnouf*, Commentaire sur le Jaçna, p. 429; *Vullers*, Lexicon Persico Latinum I, 692. II, 834; *Justi*, Handbuch der Zendsprache s. v.; *Dorn*, въ *Mélanges Asiatiques* III, 620.

[4]) См. Менандра, Excerpta de legationis ed. Bonn.; p. 329,553; Малалу, Chronographia, ed. Bonn., p. 471.

[5]) А. Ѳ. Бычковъ обязательно доставилъ мнѣ слѣдующія указанія на древнерусскія источники: а) Лѣтопись по Лаврент. списку, Спб. 1872, стр. 11, б) Лѣ-

сей [1]). Та же самая византійская форма персидскаго имени, посредствомъ романскихъ источниковъ, перешла и къ еврейскимъ писателямъ, начиная съ XVI столѣтія, а оттуда, безъ всякаго сомнѣнія, она попала и къ автору документа, снабженнаго, однако, датою 594 года!

с. Имя Камбиза гласитъ въ томъ же документѣ *Камбисъ*, какъ въ еврейскихъ источникахъ позднѣйшихъ вѣковъ, зависимыхъ отъ греческихъ писателей. Но персидскій Еврей VI вѣка едва ли произнесъ бы такъ имя древне-персидскаго государя, которое на туземномъ діалектѣ гласило *Камбуджіа*.

d. Монгольско-татарское имя *Тохтамышъ*, какъ доказалъ А. А. Куникъ [2]), позднѣйшаго происхожденія; въ крымско-іудейскихъ надгробныхъ надписяхъ оно является уже въ III вѣкѣ по Р. Х.

е. Татарское имя *Буки* находодится уже въ крымской надгробной надписи *шестаго* года по Р. Х. или даже *двадцатаго* года до Р. Х.

f. Татарское имя *Парлакъ*, отъ глагола *парламекъ* (блистать, сіять), употребляемаго еще нынѣ крымскими Караимами [3]), является уже въ надгробной надписи 180 года по Р. Х.

g. Женское имя *Гуланъ* или *Гуленъ* читается уже въ крымской надгробной надписи, относимой къ 197 году по Р. Х.; между тѣмъ, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что означенное имя есть искаженное новоперсидское *Гулабъ*, розовая вода (отъ персидскаго گل роза, и *абъ*, вода). То же самое слово вошло въ средніе вѣка, посредствомъ арабской формы его (*джулабъ*), почти во всѣ европейскіе языки, въ смыслѣ прохладительнаго напитка, ср. французское *julep* (potion adoucissante), употребляемое и Нѣмцами, испанское и португальское *julepe*, италіанское *giulebbe* [4]).

топись по Ипатскому сп., Спб. 1872, стр. 6, в) Соф. Харат. Номоканонъ (въ I т. Полн. Собр. Рус. Лѣтоп.), стр. 251, г) Соф. перв. Лѣтопись (тамъ же т. V), стр. 85, д) Соф. втор. Лѣтопись (тамъ же, т. VI), стр. 126, е) Воскрес. Лѣтопись (тамъ же, т. VII) стр. 264.

[1]) Что эта вставка не самостоятельная русская, но заимствована у Византійцевъ, можно заключить изъ того обстоятельства, что славянскіе языки въ подобныхъ случаяхъ вставляютъ не *д*, но *т*, какъ, напримѣръ, *сру—струя*, *срѣсти—(в) стрѣтить*, *срамъ—страмъ* (простонар.), *среда*—чеш. *středa* и т. п.

[2]) *Mélanges Asiatiques*, vol. V, ст. p. 151 и сл.; Тохтамышъ и Фирковичъ, С.-Пб. 1876, стр. 40 и слѣд.

[3]) См. *И. Казаса*, Учебникъ еврейскаго языка для караимскихъ школъ, ч. II (Христоматія и словарь), Одесса, 1869, стр. 31.

[4]) *Freitag*, Lexicon arabico-latinum, и *Vullers*, Lex. persico-latinum s. v.; *S. de Sacy*, Relation d'Abdallatif, p. 317; *Kaempfer*, Amoenitates Exoticae, p. 373;

Для не предубѣжденныхъ ученыхъ, какъ намъ кажется, этихъ примѣровъ уже достаточно для составленія правильной оцѣнки новооткрытыхъ памятниковъ и для осужденія ихъ. Но гораздо большее количество признаковъ подлога открывается знатоку по части древней и средневѣковой еврейской письменности, раввинской и караимской: письмена, языкъ, слогъ, евлогіи (благопожеланія живущимъ и благословенія усопшимъ), историко-литературныя и чисто историческія подробности—все это соединяется для произнесенія неумолимо строгаго приговора надъ тѣми открытіями Фирковича, которыя касаются древнѣйшей эпохи Крымскаго полуострова. Укажемъ здѣсь также на нѣкоторыя историческія данныя крымско-іудейскихъ памятниковъ, навлекающія на себя сильное подозрѣніе.

В. Историческія данныя.

а) Сказаніе о томъ, что часть Хазарскаго народа вмѣстѣ съ своимъ хаганомъ приняла іудейство вслѣдствіе преній, происходившихъ при хазарскомъ дворѣ между представителями трехъ религій, іудейской, христіанской и мохаммеданской, приводится въ отвѣтномъ письмѣ Хазарскаго царя Іосифа [1]), въ книгѣ *Козари* [2]), и у арабскаго писателя XI столѣтія *Абу-Убайдаллаха Аль-Бекри* [3]). Въ еврейскихъ источникахъ представитель іудаизма носитъ имя *Исаака Сангари*. По всей вѣроятности, Еврей *Замбрій* или *Замврій*, который въ Житіяхъ св. Кирилла (Константина Философа) и въ такъ называемыхъ Службахъ св. Константину, равно какъ и въ Житіи св. Меѳодія, является противникомъ славянскихъ апостоловъ въ Хазаріи [4]), также

Chardin въ Voyage en Perse, Paris 1723, vol. IV, p. 197; *Defrémery* въ *Journal Asiatique* 1848, I, 100; *Dozy* et *Engelmann*, Glossaire des mots espagnols et portug dérivés de l'arabe, Leyde, 1869, p. 293. Слово *гуль* для названія розы употребляется нынѣшними Крымскими Караимами; см. упомянутый учебникъ *Казаса*, II, 141.

[1]) См. нѣмецкій переводъ полнаго текста письма (по рукописи Имп. публич. библіотеки) въ журналѣ *Russische Revue*, т. VI, стр. 69—97.

[2]) Книга эта составлена въ первой половинѣ XII вѣка испанскимъ Евреемъ *Іегудою Галеви* на арабскомъ языкѣ и извѣстна въ Европѣ по латинскому переводу *Буксторфа*, Liber Corsi, Basiliae, 1660, 4°; см. Ист. Госуд. Росс. *Карамзина*, I, пр. 90.

[3]) См. *Journal Asiatique*, juin 1848, p. 462 и нашу замѣтку въ сочиненіи Кириллъ и Меѳодій *В. А. Бильбасова*, II, 376 и слѣд.

[4]) Такъ въ Проложномъ Житіи Кирилла, изд. *Погодинымъ*, читается: «Паки отыде (Кир.) на Сѣверьскую страну въ Казары, и учаше вѣровати во Христа.

заимствованъ изъ сказаній о событіи, случившемся столѣтіемъ раньше съ Евреемъ *Сангари*. Впрочемъ, могло также быть, что одинъ изъ потомковъ этого *Сангари* жилъ при дворѣ внука или правнука того хакана (по имени *Буланъ*), который былъ обращенъ въ іудейство, и этому потомку пришлось вступить въ преніе по дѣламъ вѣры съ Константиномъ Философомъ. Но какъ бы то ни было, а во всѣхъ преданіяхъ еврейскихъ, какъ раввинскихъ, такъ и караимскихъ, означенный Сангари (котораго Караимы впрочемъ часто смѣшивали съ авторомъ книги *Козари*), представляется ревностнымъ защитникомъ раввинскаго еврейства. Начиная съ XII столѣтія, имѣется цѣлый рядъ караимскихъ авторовъ, которые упрекаютъ основателя іудейства въ Хазаріи въ томъ, что изъ пристрастія къ своему раввинскому толку, онъ представилъ Хазарскому царю караимское ученіе въ ложномъ свѣтѣ. Еще въ 1838 году, значитъ, только за одинъ годъ до мнимаго открытія надгробнаго камня Сангари, самъ Фирковичъ полемизировалъ противъ раввинскихъ взглядовъ сего послѣдняго и противъ невыгоднаго его отзыва о караимствѣ [1]). Между тѣмъ въ обстоятельномъ отчетѣ напечатанномъ А. Фирковичемъ о своихъ открытіяхъ въ 1872 г. [2]),

---

И сотвори совѣтъ Жидове, хотѣша убити й, но не да его Игемонъ: донде же упряти его, рече, не имати власти погубити его и т. д. и многи научи вѣровати Христови и *Замбрія* [варіанты: *Замбья*, *Замерія*] еретика молитвою умори» (Кириллъ и Меѳодій *Добровскаго*, перев. *Погодина*, стр. 104); въ Проложномъ же Житіи Меѳодія сказано: «Нѣкогда же посла царь брата его Кирилла въ Казары, да препритъ жиды, и иженетъ я отъ земля ихъ; бяхутъ бо уже Казары пріяли Жидовскую вѣру и т. д. Замбрій же, родомъ Козаринъ, а вѣрою еретикъ, начатъ противитися Меѳодію, хуля вѣру Христову» (тамъ же, стр. 106), а въ *Службѣ св. Константину Философу*, изданной *И. И. Срезневскимъ* по восьми древнимъ спискамъ (иные изъ нихъ принадлежатъ XII вѣку), говорится между прочимъ: «Копиѥмь словесъ твоихъ, яко *Замбрию* [варіанты: *Заамбрию*, *Замьбрия*, *Зѫбриѩ*] проньзлъ ѥси и т. д. Не оустрашися оучителю воиньскыи ѥдинъ вънити въ плъкъ Жидовьскыи» и т. д. (*Записки Имп. Акад. Наукъ*, т. IX, кн. II, прилож. № 6, 1866, стр. 72, 75—76). Ср. еще *Бодянскаго*, О времени происхожденія славянскихъ письменъ, М. 1855, стр. 72 и прим. 69, и вышеупомянутую замѣтку у *Бильбасова*, стр. 380—383.

[1]) См. соч. *Фирковича* подъ заглавіемъ Маса умерива, Евпаторія 1838, л. 136, на первой страницѣ.

[2]) Замѣтимъ здѣсь кстати, что рукописный отчетъ, написанный рукою Фирковича въ началѣ 60-хъ годовъ и находящійся нынѣ въ Имп. Публич. библіотекѣ, противорѣчитъ печатному отчету 1872 года на каждомъ шагу, что̀ еще разъ доказываетъ, что лжецу хорошая память необходима, иначе онъ часто попадаетъ въ просакъ.

прямо говорится, что въ 1839 году крымскіе Караимы дали ему порученіе разыскивать караимскія древности, при чемъ одною изъ главныхъ цѣлей означенной миссіи было предполагаемое открытіе гробницы Сангари, ибо древне-караимскія преданія будто бы гласятъ, что означенная гробница находится въ Херсонисѣ [1]). Вообще же въ высшей степени невѣроятно, чтобы тотъ Еврей, который склонилъ Хазарскаго царя съ его вельможами къ принятію іудейства и навѣрное имѣлъ не мало дѣла при ознакомленіи новообращенныхъ съ еврейскими законами и обрядами, чтобъ этотъ Еврей, говоримъ, оставилъ дворъ Хакана въ Итилѣ и скончался бы далеко отъ хазарской столицы, въ крымскомъ захолустьи. Къ тому же, похороненіе Сангари на Чуфутъ-Кальскомъ кладбищѣ и сооруженіе ему памятника съ еврейскою надписью предполагаетъ существованіе въ древности означеннаго города съ іудейскимъ населеніемъ, и вся исторія съ надгробіемъ Сангари находится въ очевидной связи съ басней о переселеніи древнихъ Израильтянъ въ Тавриду во время Камбиза вслѣдствіе побѣдъ надъ Скиѳами [2]). Притомъ еще различные разказы Фирковича объ открытіи означеннаго памятника противорѣчатъ другъ другу и бросаютъ тѣнь на самый памятникъ и на всѣ новооткрытыя іудейскія древности въ Крыму.

б) Въ Несторовой лѣтописи, какъ извѣстно, разказывается, что вслѣдъ за Болгарами и Нѣмцами въ 986 году прибыли въ Кіевъ и „Жидове Козарьстии“, чтобы предложить св. Владиміру свою религію [3]), а подъ 987 годомъ лѣтопись отмѣчаетъ фактъ, что изъ Кіева были отправлены „мужи добры и смыслены, числомъ 10“ къ Болгарамъ, Нѣмцамъ и Грекамъ, чтобъ испытать на мѣстѣ, „кто како служитъ Богу“ [4]); о посольствѣ же къ Евреямъ ничего не го-

[1]) См. соч. *Фирковича* подъ заглавіемъ: Абне Зиккаронъ, Вильна 1872, ч. I, стр. 6, 9, 27, §§ 15, 24, 52.

[2]) Впослѣдствіи Фирковичемъ были еще состряпаны нѣкоторые эпиграфы къ библейскимъ рукописямъ, гдѣ мнимый сынъ Исаака Сангари, Давидъ, фигурируетъ какъ свидѣтель при продажѣ кодексовъ въ караимскихъ общинахъ въ Солхатѣ, Каѳѣ и Чуфутъ-Кале. Кромѣ небывалаго Сангари-сына и несуществованія въ VIII вѣкѣ городовъ Солхата и Чуфутъ-Кале и караимской общины, означенные эпиграфы заключаютъ въ себѣ множество другихъ признаковъ явнаго подлога. То же самое слѣдуетъ сказать и о надгробіи жены Сангари, открытомъ будто бы въ 1842 году.

[3]) Лѣтопись по Лаврент. списку, изд. подъ ред. *А. Ѳ. Бычкова*, С.-Пб. 1872, стр. 83.

[4]) Тамъ же, стр. 104—105.

ворится. Тому могли быть разныя причины. Вопервыхъ, аргументъ противъ еврейской религіи, влагаемый лѣтописью въ уста Русскаго князя („Онъ же рече: то како вы инѣхъ учите, [а] сами отвержени отъ Бога и расточени? Аще бы Богъ любилъ васъ и законъ вашь, то не бысте расточени по чюжимъ землямъ"), слишкомъ вѣсокъ и бросается въ глаза, чтобъ еще понадобилось дальнѣйшее испытаніе іудейской вѣры. Вовторыхъ, по всей вѣроятности, въ Кіевѣ и въ южной Руси жили уже тогда Евреи [1]), такъ что къ отправленію миссіи для ознакомленія съ іудействомъ не предстояло никакой надобности. Какъ бы то ни было, а въ еврейской литературѣ, на сколько до послѣдняго времени было извѣстно, не сохранилось никакихъ воспоминаній по этому предмету. Документы же Фирковича обязательно восполняютъ этотъ пробѣлъ, и приписка на поляхъ одного пергаментнаго свитка Пятикнижія, который г. Хвольсонъ имѣлъ еще въ рукахъ въ 1865 году (послѣ свитокъ этотъ загадочнымъ образомъ исчезъ), начинается слѣдующими словами: „Я, одинъ изъ

[1]) Хотя прямыхъ свидѣтельствъ о томъ, относящихся къ X в., не имѣется, однако значеніе Кіева въ торговомъ отношеніи, подчиненіе его въ продолженіе долгаго времени іудейскимъ (по династіи) Хазарамъ и положительныя извѣстія объ Евреяхъ въ Кіевѣ въ XI и XII столѣтіяхъ даютъ намъ право заключать и о X вѣкѣ. Такъ, о митрополитѣ Иларіонѣ (въ половинѣ XI в.) извѣстно, что онъ имѣлъ личныя сношенія съ іудейскими учителями, какъ можно заключить изъ его соч. «Ученіе о ветхомъ и новомъ законѣ» (см. Обзоръ рус. духов. литературы Филарета въ *Учен. Зап. II-го Отд. Акад. Наукъ*, III, 8); о св. Θеодосіи Печерскомъ (во второй половинѣ XI в.) разказывается, что онъ имѣлъ обыкновеніе уходить тайно отъ всѣхъ братій изъ монастыря къ Жидамъ, чтобы препираться съ ними о Христѣ, раздражая ихъ и называя ихъ отступниками, «жадаше бо (какъ говоритъ его біографъ) еже о Христовѣ исповѣданіи убіенъ быти» (Житіе св. Θеодосія Печерскаго), значитъ, Евреи пользовались тогда въ Кіевѣ извѣстнымъ вліяніемъ и силою; далѣе, въ посланіи митрополита Іоанна II (въ 80-хъ годахъ XI вѣка) говорится о продажѣ рабовъ Жидамъ и еретикамъ (*Русск. Достопамятности*, I, 89); о князѣ Святополкѣ Михаилѣ разказывается, что онъ благоволилъ къ кіевскимъ Евреямъ (*Карамзина* Ист. Госуд. Росс., ч. II, гл. VI); при воцареніи Владиміра Мономаха (1113 г.) грабили Жидовъ въ Кіевѣ (тамъ же, гл. VII, ср. прим. 208 и 214); подъ 1124 годомъ лѣтописи отмѣчаютъ большой пожаръ въ Кіевѣ, при чемъ «и Жидове погорѣша» и т. д. Татищевъ посему правъ, когда замѣчаетъ: «Что же написано [у Нестора] *пришли*, то не можно за то почитать, что они [Жиды] нарочно для того изъ Козаровъ пришли, но разумѣетъ тѣхъ, которые Святославомъ плѣнены въ Кіевъ на рѣкѣ Роси и другимъ городамъ поселены, которыхъ много было» (Исторія *Татищева*, кн. II, прим. 176). Еслибъ это послѣднее извѣстіе подтвердилось какимъ-либо древнимъ источникомъ, то мы имѣли бы вѣрное свидѣтельство и о X вѣкѣ; но мнѣ по крайней мѣрѣ не извѣстенъ источникъ для означеннаго свидѣтельства Татищева.

мирныхъ и вѣрныхъ Израиля, Авраамъ, сынъ господина Симхи, изъ города Сефарада (то-есть, изъ Керчи), въ царствѣ нашихъ братьевъ, благочестивыхъ прозелитовъ, Хазаръ, въ 1682 году послѣ нашего изгнанія (изъ Самаріи),—то-есть, въ 4746 году по сотвореніи міра (соотвѣтствуетъ 986 году по Р. Х.) по лѣтосчисленію, употребляемому братьями нашими, Іудеями города Матархи (то-есть, Тамани),—*когда прибыли послы князя Росъ-Мособа* (то-есть, Руси) *изъ города Чіова* (Кіева) *къ государю нашему Давиду, хазарскому князю, для изслѣдованія дѣла вѣры*, (тогда) я былъ имъ (княземъ Давидомъ) отправленъ въ Персію и Мидію, чтобы пріобрѣсти древнія книги Тора (Пятикнижія), пророковъ и агіографовъ для хазарскихъ общинъ" и т. д. [1]).

Еслибы документъ этотъ былъ подлиннымъ, какъ стараются доказать защитники древностей Фирковича, то мы имѣли бы прямое свидѣтельство о томъ, что въ 986 году, значитъ, еще годомъ ранѣе отправленія посольствъ къ Болгарамъ, Грекамъ и Нѣмцамъ, такое же посольство было отправлено въ столицу Хазарскаго князя Давида для испытанія іудейской вѣры, и намъ, такимъ образомъ, оставалось бы только радоваться такому „обогащенію матеріаловъ для древне-русской исторіи". Но у насъ имѣется слишкомъ много доказательствъ подложности означеннаго документа. Ибо кромѣ того, что въ немъ приводится копія съ болѣе древняго будто бы документа, гдѣ рѣчь идетъ о завоеваніи Тавриды татарскими Мидійцами и израильтянскими выходцами изъ Самаріи, гдѣ Скиѳы называются *Шити*, древній городъ Гарайва — *Гератомъ*, алано-татарскій Киркеръ—*Села Гаіегудимъ*, то-есть, *Чуфутъ-Кале*, Керчь—*Сефарадомъ*, при чемъ самъ копіистъ, будучи родомъ изъ Керчи, называетъ себя *Сефарди* и т. п. вещи, невозможность коихъ выше доказана,—въ прибавкахъ мнимаго Керченца находится достаточно признаковъ подложности.

Такъ напримѣръ, извѣстіе о томъ, что въ 80-хъ годахъ X столѣтія одинъ Хазарскій князь командировалъ ученаго въ Персію для пріобрѣтенія древнихъ библейскихъ кодексовъ, весьма подозритель-

---

[1]) См. *Хвольсона*, Восемнадцать еврейскихъ надгробныхъ надписей. С.-Пб. 1866, стр. 70 и слѣд. Эта же приписка заключаетъ въ себѣ копію съ болѣе древней будто бы приписки (594 или 604 года по Р. Х.) Іуды Шемахинскаго, гдѣ находится между прочимъ и разказъ о завоеваніи Татарами и Караимами Таврическаго полуострова у Скиѳовъ во время Персидскаго царя Камбиза; см. нашъ обстоятельный разборъ этого документа въ VIII томѣ *Извѣстій Имп. Русск. Археол. Общества*.

но, ибо такое отношеніе къ древнимъ рукописямъ совсѣмъ незнакомо было въ старину, такъ какъ оно составляетъ совсѣмъ новое понятіе, выработанное ново-европейскою наукою. Въ древности книги писались не для сохраненія въ библіотекахъ и музеяхъ, а исключительно для употребленія. Въ особенности же Евреи вплоть до новѣйшаго времени нисколько не заботились о сохраненіи своихъ древнихъ кодексовъ. Лишь только свитокъ Пятикнижія или какой либо другой кодексъ начиналъ портиться отъ долгаго употребленія, онъ становился *пасулъ*, то-есть, негоднымъ и запрещеннымъ, потому что не дозволялось читать по немъ, и такія рукописи предавались гніенію въ подвалахъ и чердакахъ синагогъ или безцеремонно зарывались въ землю. Скажутъ, можетъ быть, что хазарскіе Евреи составляли въ этомъ отношеніи исключеніе и выгодно отличались отъ своихъ азіатскихъ и европейскихъ единовѣрцевъ высшею степенью культуры, такъ что „собственнымъ умомъ" дошли до высокаго уваженія древнихъ рукописей, къ чему европейская ученость дошла гораздо позже. Но современные источники не допускаютъ такой возможности. Такъ, на вопросъ испанско-арабскаго министра Хасдаи Ибнъ-Шапрута у Хазарскаго хакана Іосифа (около 960 года): „Живетъ ли государу мой въ постоянной столицѣ, или же объѣзжаетъ области своего государства?" [1]) (что въ переводѣ съ дипломатическаго на обыкновенный языкъ означаетъ вопросъ: ведетъ ли Хазарскій хаканъ осѣдлую или кочевую жизнь?), послѣдній откровенно отвѣчаетъ: „Знай, что я съ Божіею помощью живу по рѣкѣ (Итиль, Волгѣ), по которой у меня три города и т. д. Въ мѣсяцѣ *нисанъ* (апрѣль—май) мы выходимъ изъ города, и каждый отправляется въ свой виноградникъ, въ свое поле на работу и т. д. Я же съ моими вельможами и слугами отправляюсь на разстояніе 20-ти фарсанговъ, пока мы не достигаемъ рѣки *Варшанъ* (или *Вадшанъ*=Кума?), откуда мы поворачиваемъ къ границѣ страны моей, безъ всякой боязни (предъ врагами), такъ что къ концу мѣсяца *Кислевъ* (октябрь—ноябрь), къ празднику *Ханука*, мы возвращаемся въ (столичный) городъ" [2]). Это подтверждается извѣстіемъ арабскаго писателя начала X вѣка, которое гласитъ: „Зимою (Хазарское) населеніе живетъ въ помянутыхъ двухъ городахъ; съ наступленіемъ же весны выходитъ изъ нихъ въ степь, гдѣ и остается до приближенія зимы" [3]). Между

---

[1]) См. *Труды Восточн. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ.*, ч. XVII, стр. 373.

[2]) См. *Russische Revue* за янв. 1875 г., стр. 77, 89.

[3]) Извѣстія Ибнъ-Дусте (Ибнъ-Даста), изд. *Хвольсона*, стр. 17, § 4.

такимъ образомъ жизни и таковымъ, при которомъ возможно было бы возникновеніе уваженія и любви къ древнимъ рукописямъ,—громадная разница, а изъ словъ мнимаго Авраама Керченскаго явствуетъ, что ученая командировка его не была лишь личною прихотью князя Давида, ибо въ документѣ прямо говорится, что древнія рукописи эти назначались для *хазарскихъ общинъ*, значитъ, древнія рукописи составляли тогда какъ бы потребность означенныхъ общинъ. Арабскіе писатели, правда, хвалятъ культурное состояніе тогдашней Хазаріи, но конечно, только относительно, въ сравненіи съ сосѣдними Печенѣгами, Половцами, Мордвой и т. д., и едва ли мыслимо, чтобы среди народа, проводившаго бо́льшую часть года въ перекочевкахъ по прикаспійскимъ и черноморскимъ степямъ, возможно было учрежденіе (подвижныхъ?) библіотекъ и музеевъ, гдѣ общины сохраняли бы древнія рукописи. При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе и на то обстоятельство, что отъ времени написанія письма Іосифа (ок. 960 года) до предполагаемой посылки Авраама Керченскаго не прошло и тридцати лѣтъ, и въ этотъ промежутокъ времени Святославъ нанесъ Хазарамъ два рѣшительные удара: въ первый разъ—въ 965 году, по свидѣтельству Несторовой лѣтописи, Русскій великій князь овладѣлъ единственною хазарскою крѣпостью Бѣлою-Вежью, то-есть, Саркеломъ [1]), а во второй разъ,—въ 969 году, пораженіе Хазаръ, по арабскимъ писателямъ, было гораздо значительнѣе. Извѣстный путешественникъ Ибнъ-Хаукаль разказываетъ какъ очевидецъ, что Русскіе разрушили тогда всѣ хазарскіе города, что Хазаре разбѣжались во всѣ стороны, и что часть ихъ скрывалась предъ Русскими на островахъ Каспійскаго моря и боялась вернуться въ отечество [2]). Отъ этихъ рѣшительныхъ пораженій Хазаре уже не могли никогда оправиться, и въ остаткахъ Хазарскаго княжества, прозябавшаго еще нѣсколько десятковъ лѣтъ на Крымскомъ полуостровѣ, врядъ ли могло осуществиться значительное поднятіе культуры, и едва ли произошелъ тамъ такой подъемъ національно-еврейскаго духа. Подозрительно также извѣстіе, что городъ Матарха (Τα Μάταρχα), русская Тмутаракань и нынѣшняя Тамань, принадлежалъ

[1]) «Въ лѣто 6473. Иде Святославъ на Козары; слышавше же Козари, изидоша противу съ княземь своимъ Каганомъ, и сътупишася битися, и бывши брани, одолѣ Святославъ Козаромъ и градъ ихъ Бѣлу Вежю взя»; см. Лаврент. списокъ, изд. подъ ред. *А. Θ. Бычкова*, стр. 63—64.

[2]) Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ, стр. 220, 223—226.

въ 80-хъ годахъ X вѣка Хазарамъ. Поводомъ къ причисленію Матархи къ Хазаріи 986 года составителю разбираемаго документа, по видимому, послужило извѣстіе Несторовой лѣтописи, что св. Владиміръ посадилъ въ 988 году Мстислава княземъ въ Тмутаракани [1]; но тамъ совсѣмъ нѣтъ рѣчи о тогдашнемъ завоеваніи Русскими этого города, ибо онъ принадлежалъ имъ уже со временъ побѣдъ Святослава [2]). Отожествленіе библейскаго названія *Мосохъ* съ Русью также указываетъ на позднее происхожденіе документа, ибо примѣненіе означеннаго названія къ Русскимъ не встрѣчается въ еврейской литературѣ раньше XVI вѣка, по сходству съ именемъ Москвы и въ подражаніе византійскимъ и западно-европейскимъ писателямъ, употреблявшимъ наименованіе Μόσχοι, Moschi для Москвы, или же подъ вліяніемъ мусульманскихъ авторовъ, называющихъ Москву *Машка* или *Мешка* [3]). Примѣненіе библейскаго имени *Рошъ* (Рось) къ Руси является въ средневѣковой еврейской литературѣ впервые у византійскаго караима Іакова бенъ-Рувима (жилъ въ XII или XIII столѣтіи) [4]), по всей вѣроятности, также подъ вліяніемъ своихъ христіанскихъ соотечественниковъ, такъ какъ уже въ X вѣкѣ Левъ Діаконъ отожествлялъ библейскій Рось (Ῥῶς) съ Тавроскиоами, какъ онъ называетъ Русскихъ [5]). Прямое, непосредственное заимствованіе у LXX толковниковъ относительно имени Ῥῶς и самостоятельное примѣненіе его еврейскими писателями къ Русскимъ невѣроятно потому, что не имѣется никакихъ указаній на знакомство средневѣковыхъ Евреевъ,

---

[1]) Лаврент. списокъ, изд. подъ ред. *А. Ѳ. Бычкова*, стр. 118.

[2]) Раньше городъ этотъ, кажется, дѣйствительно принадлежалъ Хазарамъ, и по всей вѣроятности, онъ-то и подразумѣвается въ письмѣ царя Іосифа и въ извѣстіи арабскаго писателя (Шарзи?) первой половины X вѣка подъ загадочнымъ названіемъ *Самкарцъ*, *Семкерцъ*.

[3]) См. Géographie d'Aboulféda, éd. *Reinaud*, texte arabe, p. 220, trad. franç. II, 314; *Charmoy*, Rélation de Masoudy, p. 344, 364; Kazwini, Athar al-Bilad, ed. *Wüstenfeld*, p. 415; *Дорнъ*, Каспій, стр. 168, 484.

[4]) Въ отрывкѣ изъ комментарія на книгу пророка Езекіиля, найденномъ мною между рукописями Имп. Публич. Библіотеки, ко 2-му стиху XXXVIII главы сказано: «Князь Рошъ, то-есть, князь Русовъ, которые на священномъ языкѣ (то-есть, по еврейски) именуются *Рошъ*». Въ текстѣ этого комментарія, изданномъ Фирковичемъ (Евпаторія 1834, л. 10 а), вмѣсто слова *Русовъ* напечатано *язычниковъ* (!), но можетъ быть, что это цензурная поправка. Означенный Іаковъ толкуетъ названіе *Мосохъ* именемъ Хоросанцевъ.

[5]) Leo Diaconus, ed. Bonn., p. 150.

какъ раввинскихъ, такъ и караимскихъ, съ переводомъ LXX толковниковъ.

Форма имени Кіева въ разбираемомъ документѣ, *Ціовъ* или *Чіовъ*, оставалась загадкой, пока я не узналъ въ 1874 году, во время посѣщенія мною Крыма, что такъ читается имя Кіева въ евпаторійской копіи съ рукописи Караима Эфендополо (писалъ въ концѣ XV вѣка). Замѣна звука *к* звукомъ *ч*, весьма обыкновенная въ славянскихъ нарѣчіяхъ, замѣчена также покойнымъ В. И. Григоровичемъ въ одномъ крымско-греческомъ нарѣчіи [1]).

Вотъ нѣкоторые изъ признаковъ подложности памятниковъ древности, найденныхъ Фирковичемъ въ Крыму. Если прибавимъ еще, что въ отношеніи исторіи и литературы еврейской, раввинской и караимской, разбираемые памятники обнаруживаютъ подобные же промахи, несообразности и противорѣчія съ дѣйствительными фактами; что чрезъ всѣ эти документы красною нитью тянется плохо скрываемое, частью даже совсѣмъ открытое желаніе и стремленіе представлять нынѣшнихъ крымскихъ Караимовъ не средневѣковыми пришлецами, поселившимися на Таврическомъ полуостровѣ, начиная съ XIII вѣка, со времени завоеванія Крыма Татарами, а потомками славныхъ побѣдителей Скиѳовъ, завоевавшихъ будто бы, вмѣстѣ съ Мидійцами-Татарами [2]), за нѣсколько столѣтій до Р. Х., эту область южной Россіи, и фактически владѣвшими нѣкоторыми пунктами этой мѣстности вплоть до новѣйшаго времени; что составитель (или составители) означенныхъ документовъ обнаруживаетъ ревностное стараніе представлять воображаемыхъ древнихъ выселенцевъ изъ Самаріи, мнимыхъ предковъ нынѣшнихъ крымскихъ Караимовъ, высокообразованными въ сферѣ ихъ національной культуры, а главное—вполнѣ самостоятельными и независимыми отъ раввинскихъ соплеменниковъ въ умственномъ развитіи, чему однако противорѣчатъ несомнѣнные историческіе факты,—если принять все это во вниманіе, то никто, кажется, не можетъ обвинять меня въ пристрастіи или въ опрометчивомъ сужденіи, что еще прежде чѣмъ я имѣлъ случай и возможность обстоятельно изслѣдовать всѣ памятники Фирковича, я уже *a priori* не могъ усвоить себѣ оптими-

---

[1]) Записка Антикнара, Одесса, 1874, стр. 6—8.

[2]) Ради татарскаго языка, употребляемаго крымскими Караимами, пришлось по неволѣ и Татаръ произвести въ *старшій* чинъ, отожествляя ихъ съ Мидійцами.

ческаго взгляда на нихъ г. Хвольсона, что и было мною заявлено нѣкоторымъ здѣшнимъ ученымъ сначала устно, при появленіи обширнаго труда г. Хвольсона въ Mémoires de l'Acad. des sciences, а затѣмъ и печатно [1]). Къ категоріи документовъ подозрительнаго свойства я тогда относилъ слѣдующіе: 1) тѣ, гдѣ рѣчь идетъ о городахъ *Киримъ*, *Солхатъ*, *Онхатъ*, *Кафа* [2]), *Матунъ* и *Сефарадъ* (въ смыслѣ *Керчь*) въ памятникахъ, относящихся къ до-татарскому періоду Тавриды; 2) тѣ, гдѣ упоминается Чуфутъ-Кале подъ названіемъ *Села га-Іегудимъ* (Іудейская скала); 3) тѣ, гдѣ встрѣчается названіе Авраама Керченскаго; 4) тѣ, гдѣ говорится о раввинскихъ миссіонерахъ въ Крыму; 5) тѣ, гдѣ называется Исаакъ Сангари, его жена или его сынъ; 6) тѣ, гдѣ Хазары приводятся въ связь съ крымскими Караимами; 7) тѣ, гдѣ годы обозначаются по лѣтосчисленіямъ, не бывшимъ никому доселѣ извѣстными, и наконецъ 8) тѣ, гдѣ, вообще караимство выступаетъ тенденціозно въ такое время, когда или еще совсѣмъ не существовало, или же только что возникало въ Вавилоніи и Палестинѣ.

Тщательное изслѣдованіе эпиграфовъ и надгробныхъ надписей въ палеографическомъ, стилистическомъ и другихъ отношеніяхъ вполнѣ подтвердило мой взглядъ на крымско-іудейскія древности. Матеріальное состояніе памятниковъ, ихъ палеографія, выраженія и обороты рѣчи въ нихъ, наконецъ, собственноручныя замѣтки самого Фирковича, которыя мнѣ удалось спасти для Императорской Публичной Библіотеки, равно какъ и свидѣтельства очевидцевъ, по коимъ можно прослѣдить всю исторію этого громаднаго по своимъ размѣрамъ и значенію подлога [3]), все это, по моему мнѣнію, такъ ясно и неопровержимо изобличаетъ обманъ, что для безпристрастныхъ ученыхъ тутъ

[1]) См. Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ. С.-Пб. 1870, стр. 291.

[2]) Хотя имя *Кафа* существовало раньше, но еврейская община могла образоваться въ этомъ городѣ лишь по возобновленіи его Генуэзцами, когда онъ сдѣлался важнымъ торговымъ пунктомъ.

[3]) Всѣ эти доводы частью были мною изложены въ каталогѣ еврейско-библейскихъ рукописей, изданномъ мною при сотрудничествѣ г. Страка въ 1875 году, и гдѣ весь комментарій къ эпиграфамъ представленъ мною на основаніи обстоятельныхъ изслѣдованій, изложенныхъ въ моемъ сочиненіи: Altjüdische Denkmäler aus der Krim, изданномъ въ 1876 году въ *Mémoires de l'Academie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg*.

никакое сомнѣніе не возможно. И въ самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ г. Хвольсона, всѣ компетентные ученые въ Европѣ, имѣвшіе въ послѣднее время случай высказать свое мнѣніе по этому предмету, даже тѣ, которые прежде, до появленія моихъ розысканій, склонны были вѣрить въ подлинность крымскихъ памятниковъ или же колебались въ этомъ, вполнѣ одобрили результаты, къ которымъ я пришелъ относительно эпиграфовъ и надгробій крымскаго происхожденія. Посмотримъ, какъ г. профессоръ Хвольсонъ успѣетъ опровергнуть или пошатнуть это убѣжденіе всѣхъ европейскихъ ученыхъ.

А. Гаркави.

ВИЗАНТІЙСКІЯ ПОВѢСТИ И ВАРЛААМЪ И ЮАСАФЪ.

Греческіе романы въ новой литературѣ.—Повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ. *А. Кирпичникова.* Харьковъ. 1876.

Книга г. Кирпичникова распадается на двѣ части, или лучше сказать, на два отдѣльныя изслѣдованія, связанныя чисто внѣшнимъ образомъ и подлежащія отдѣльному разсмотрѣнію. Въ настоящемъ случаѣ я займусь только второю половиной книги, главнымъ образомъ повѣстью о Варлаамѣ и Іоасафѣ. Первая говоритъ о греческихъ романахъ, и я ужь имѣлъ случай о ней высказаться [1]). Она предлагаетъ не всегда полный и точный сводъ того, что̀ мы знали о греческомъ романѣ до появленія капитальной книги Роде [2]), поднимаетъ вопросъ о вліяніи этого жанра, возникшаго на греческой почвѣ, на литературы новой Европы и рѣшаетъ его нѣсколько односторонне, потому что авторъ произвольно ограничилъ почву, на которую должно было распространиться его изслѣдованіе. Вліяніе греческаго романа вовсе не началось такъ поздно, какъ можно бы заключить, познакомившись съ первою частью книги г. Кирпичникова;

---

[1]) О первой части изслѣдованія г. Кирпичникова см. мой отзывъ въ декабрьской книгѣ *Вѣстника Европы* за 1876 г. (Беллетристика у древнихъ Грековъ). Предлагаемая нынѣ замѣтка, касающаяся второй части той же книги, написана была за одно съ первою еще въ маѣ 1876 года. Я считаю необходимою эту оговорку, чтобъ обезпечить себѣ извиненіе—на случай, еслибъ иныя изъ высказанныхъ мною положеній оказались запоздалыми или опереженными; ограничиваясь воспроизведеніемъ рецензіи въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она была написана годъ тому назадъ, я позволилъ себѣ лишь нѣкоторыя формальныя измѣненія (такъ, притча объ инорогѣ приводится не въ пересказѣ, а въ церковно-славянскомъ подлинникѣ). Къ вопросу о русскихъ редакціяхъ Варлаама и Іоасафа я думаю вернуться при другомъ случаѣ.

[2]) См. о послѣдней статью мою въ *Ж. М. Н. Пр.* за декабрь 1876 года.

автору необходимо было глубже заглянуть въ Византію. Онъ дѣлаетъ это какъ бы мимоходомъ и не на столько основательно, чтобы прійдти къ какимъ-нибудь положительнымъ выводамъ, чтобъ отыскать хотя внѣшнюю черту единенія между первою частью своего изслѣдованія (греческіе романы) и второю, посвященною разбору Варлаама и Іоасафа.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что идея такого единенія зарождалась въ головѣ автора. На стр. 40 онъ обѣщаетъ указать, что въ византійскихъ стихотворныхъ романахъ X—XII вѣковъ „выступаетъ народная сказка, что между ними и эротическими романами—цѣлая пропасть". Точка зрѣнія довольно важная — еслибъ автору удалось защитить ее: проникновеніе въ литературу народныхъ элементовъ, объяснимое пониженіемъ общественнаго образовательнаго уровня, могло бы объяснить въ свою очередь, почему такъ скоро забыта была прежняя „забавная" (?) литература романовъ, требовавшая болѣе свѣдущихъ и образованныхъ читателей. Но точно ли эти древніе романы такъ скоро были забыты, а византійскіе стихотворные романы принялись разработывать сказочные типы? Авторъ отвѣчаетъ на это въ концѣ своей первой главы (стр. 95—103). Онъ начинаетъ свой литературный перечень съ романа Θеодора Продрома: Любовь Роданты и Дозикла, о которомъ говоритъ со словъ Фабриція и др., такъ какъ не имѣлъ подъ руками единственнаго изданія этого романа Гольмина 1625 г. Но будто это изданіе единственное? Романъ Продрома напечатанъ во второмъ томѣ Греческихъ эротическихъ романовъ, изданныхъ Герхеромъ (Hercher) въ 1858—1859 годахъ, въ двухъ томахъ, въ общедоступной коллекціи Тейбнера. Кажется страннымъ, что ученый, выбравшій греческіе романы темой спеціальнаго изслѣдованія, не справился съ самымъ ходячимъ и исправнымъ ихъ текстомъ, котораго ни разу не цитируетъ во всей своей книгѣ. Переходя затѣмъ къ Никитѣ Эвгеніану, г. Кирпичниковъ указываетъ на его знакомство съ древними греческими романами (стр. 96), которые этотъ авторъ обкрадываетъ (стр. 97): Никита—жалкій подражатель древнихъ (стр. 99). Зачѣмъ же было отдѣлять его, напримѣръ, отъ Евстаθія? Потому что у него есть народно-сказочныя темы: „Вмѣсто атамановъ-разбойниковъ и скромныхъ горожанъ здѣсь дѣйствуютъ цари Парθянскій и Арабскій. Это не случайное явленіе; здѣсь проявляется историческій законъ, по которому обезсилѣвшая, одичавшая повѣствовательная поэзія литераторовъ-грамотниковъ невольно впадаетъ въ тонъ народныхъ сказокъ". Царей Евгеніана отдѣляетъ одинъ шагъ „отъ царей тридеся-

таго царства, а съ Аравитскимъ царемъ Амиромъ и др. они стоятъ на одной ступени" (стр. 99—100). Какъ видно, сказочнаго элемента не много. Его несравненно болѣе въ прозаической повѣсти объ Аполлоніи Тирскомъ, которую авторъ приводитъ въ доказательство того, что поэмы „въ родѣ Любви Либистра и Родамны, если случай заносилъ ихъ на западъ и востокъ, могли пустить тамъ глубокіе корни" (стр. 101). Поэма о Либистрѣ и Родамнѣ—стихотворный романъ, который, по словамъ г. Кирпичникова, „существовалъ еще въ XVI вѣкѣ, но затерялся, можетъ быть, не безвозвратно" (стр. 100). Онъ до такой степени не затерялся, что существуетъ въ рукописи Парижской библіотеки № 2910 и извѣстенъ въ подробномъ разборѣ Жиделя. Поэма о Либистрѣ и Родамнѣ цитуется г. Кирпичниковымъ, какъ разработавшая сказочныя темы; я укажу ему такой же стихотворный романъ о любви Бельтандра и Хризанцы, изданный Эллиссеномъ, совершенно въ томъ же стилѣ. Если г. Кирпичниковъ говоритъ вообще о „вліяніи народныхъ мотивовъ" (стр. 100), то это также обще, какъ вышеприведенная фраза, что поэмы въ родѣ Либистра и Родамны могли переноситься на востокъ и на западъ. Нѣсколько лишнихъ указаній не помѣшали бы ясности: имена дѣйствующихъ лицъ въ двухъ поэмахъ названныхъ выше, довольно краснорѣчивы: Бельтандръ (Bertrand), Родофилъ (Rodolphe), Philarmos (Willerm), Вердерихъ (Frédéric); названіе Латинскаго царя, данное Либистру и вызывающее недоумѣніе г. Кирпичникова (стр. 100), является прямымъ указаніемъ, съ какого рода литературными вліяніями мы имѣемъ дѣло. Подобный же вопросъ могъ бы быть поставленъ и относительно происхожденія сказочнаго матеріала въ повѣсти объ Аполлоніи Тирскомъ, которую авторъ помѣчаетъ: „раньше IX вѣка", тогда какъ она упоминается уже подъ 747 годомъ въ каталогѣ одной монастырской библіотеки.

Между группой эротическихъ романовъ и цикломъ повѣстей сказочнаго свойства я выдѣлилъ бы группу посредствующую—группу подражательныхъ произведеній, продолжавшихъ въ позднее время преданіе старыхъ эротиковъ. Къ нимъ я отнесъ бы Евстаѳія, Никиту Евгеніана, почему-то отнесеннаго г. Кирпичниковымъ къ отдѣлу романистовъ съ сказочнымъ матеріаломъ, Продрома, которому подражалъ Евгеніанъ, Константина Манассію—и далѣе тѣ отзвуки греческаго романа, какіе сохранились въ средневѣковыхъ пересказахъ и передѣлкахъ. Я имѣю въ виду не только романы о Floire et Blancefior, Florimont, но напримѣръ, Тезеиду Боккаччьо, оригиналомъ которой, по мнѣнію Эберта, могъ быть византійскій прозаическій романъ.

Седьмая новелла втораго дня Декамерона: о приключеніяхъ византійской принцессы Алатіэли — представляется подражаніемъ такихъ же приключеній Антіи въ романѣ Ксенофонта Эфесскаго. Стало быть, вліяніе греческаго романа началось задолго до появленія переводовъ и изданій! Въ греческомъ типѣ Floire и Blanceflor никто не сомнѣвается: такъ рѣзко выдѣляется этотъ романъ отъ окружающихъ его chansons de geste феодальнаго стиля, такъ живо сохранились въ немъ всѣ тѣ черты быта и тѣ внѣшніе мотивы, которые самъ г. Кирпичниковъ принялъ бы за греческіе: та же вѣрная среди опасностей любовь, продажа дѣвушки въ рабство, испытаніе невинности, какъ у Ахилла Тація, долгая воздержность любовниковъ, какъ у Харитона, идеи о самоубійствѣ и о всемогущемъ значеніи любви. Тамъ и здѣсь то же развитіе описательнаго элемента и любовь къ миѳологическимъ воспоминаніямъ, съ цѣлью украсить стиль. Вліяніе византійской литературы на европейскія было гораздо значительнѣе, чѣмъ обыкновенно полагаютъ, и можетъ объяснить въ романахъ Круглаго Стола иные дублеты къ эпическимъ разказамъ греческой древности [1]). Жаль, что г. Кирпичниковъ всего этого не принялъ въ расчетъ: упустивъ изъ виду цѣлый отдѣлъ памятниковъ, продолжавшихъ направленіе греческихъ романовъ, и занявшись статистикой ихъ переводовъ и изданій, онъ не уяснилъ себѣ многаго въ исторіи вліянія греческаго романическаго стиля.

Перейдемъ къ исторіи сказочныхъ сюжетовъ въ позднѣйшемъ романѣ византійской эпохи. Для нея уже теперь собрано больше матеріаловъ, чѣмъ сколько можно судить по замѣчаніямъ г. Кирпичникова. Это было одно изъ проявленій новаго литературнаго періода: въ то время какъ забывалась старая культурная повѣсть, выдвигались впередъ сказочные народные сюжеты, и рядомъ съ ними, удовлетворяя новому религіозному міросозерцанію, эпическія темы религіозно-аскетическаго характера. Матеріалъ той и другой литературы былъ разнообразный: историческая сага, позднѣе — западный романъ, ранѣе — сказанія востока, изъ которыхъ одинаково черпали и свѣтская, и духовная повѣсть. Уже разказы апокрифическихъ евангелій могли за-

---

[1]) Источникомъ Filocopo Боккаччьо былъ французскій романъ о Floire et Blanceflor; но старо-италіанская повѣсть о царицѣ Розанѣ представляетъ тотъ же (византійскій) сюжетъ внѣ вліянія французскаго пересказа. И въ этомъ случаѣ можетъ быть допущена византійская гипотеза.

имствовать многое изъ буддійскихъ легендъ [1]); идеальные брахманы сказаній объ Александрѣ Великомъ и Филостратова житія Аполлонія Тіанскаго проникли въ духовную литературу: въ романъ, ходящій съ именемъ епископа Эленопольскаго Палладія, латинскій переводъ котораго приписывается св. Амвросію, и въ отреченное хожденіе Зосимы къ рахманамъ. Въ послѣднемъ они являются блаженными людьми, идеаломъ пустынножителей, отрекшихся отъ суетнаго міра, общающихся съ ангелами, которыхъ небесное пѣніе они слышатъ. Отправляясь къ нимъ, Зосима молитъ Господа сподобить его — увидѣть „божественныхъ человѣкъ". Въ параллель къ этой христіанско-византійской передѣлкѣ преданій о брахманахъ является легендарное житіе Варлаама и Іоасафа, источникъ котораго находятъ въ житіи Будды.

Вопросу объ этомъ житіи г. Кирпичниковъ посвятилъ 3-ю и 4-ю главы своего изслѣдованія. Сюжетъ во многихъ отношеніяхъ интересный: исторія о Варлаамѣ и Іоасафѣ, которую г. Петровъ [2]) не безъ основанія называетъ индійскимъ патерикомъ, обошла всю западную и восточную Европы въ переводахъ, вытекшихъ либо прямо изъ византійскаго оригинала, либо изъ пошедшаго отъ него перевода латинскаго; она дала сюжеты драмѣ и народной духовной пѣснѣ и заняла видное мѣсто въ литературѣ, преслѣдовавшей идеалы аскетизма. Знакомство съ различными пересказами этой исторіи можетъ служить введеніемъ къ изслѣдованію самаго памятника со стороны его содержанія и источниковъ. Г. Кирпичниковъ знакомитъ насъ съ его разнообразными редакціями, начиная со славянскихъ (гл. III, стр. 169 и слѣд.): „До весьма желательнаго изданія варіантовъ къ греческому тексту (изданному Буассонадомъ), полное обозрѣніе славянскихъ рукописей Варлаама, сохранившихся въ русскихъ книгохранилищахъ, есть единственное средство получить достовѣрные факты для исторіи греческаго текста" (стр. 169). Съ этою цѣлью г. Кирпичниковъ пересмотрѣлъ нѣсколько рукописей московскихъ и петербургскихъ библіотекъ; нѣкоторыя изъ нихъ были указаны уже г. Пыпинымъ [3]), но г. Кирпичникову принадлежитъ опытъ почина: разобрать ихъ по группамъ и намѣтить въ нихъ отличія редакцій. Сколько

---

[1]) *Beale*, The romantic legend of Sâkya Buddha, Introd., p. IX, прим. 1.

[2]) *Петровъ*, О происхожденіи и составѣ славяно-русскаго печатнаго пролога. Иноземные источники. Кіевъ, 1875 г., стр. 170.

[3]) *Пыпинъ*, Очеркъ литературы исторіи повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 128—129.

я могу судить, это одинъ изъ немногихъ эпизодовъ разбираемой мною книги, отличающійся характеромъ самостоятельности. Обсудить этотъ вопросъ и предложенное на него рѣшеніе долженъ, главнымъ образомъ, спеціалистъ по исторіи древне-русской словесности. Я ограничусь лишь нѣсколькими замѣчаніями, касающимися метода работы.

Г. Кирпичниковъ находитъ двѣ главныя группы рукописей Варлаама и Іоасафа, отличающихся другъ отъ друга заключительными подробностями разказа. Въ одной группѣ (о ней стр. 170—173) тѣло Іоасафа хоронитъ одинъ пустынникъ, показавшій ему путь къ Варлааму; потомъ, по повелѣнію „нѣкоего лица страшна", этотъ пустынникъ отправляется къ царю Варахіи и сообщаетъ ему о кончинѣ царевича; царь приходитъ съ народомъ, находитъ мощи преподобныхъ нетлѣнными и съ торжествомъ переноситъ ихъ въ свою столицу (стр. 169). То же заключеніе и въ греческомъ текстѣ Буассонада, и въ средневѣковомъ латинскомъ переводѣ, а слѣдовательно, и во всѣхъ его передѣлкахъ. Иначе во второй группѣ славянскихъ текстовъ, гдѣ житіе Іоасафа кончается соотвѣтствующимъ простотѣ его обстановки погребеніемъ въ присутствіи немногихъ отшельниковъ (стр. 182). На мой взглядъ, это пока внѣшній признакъ отличія; онъ можетъ только навести на предположеніе двухъ группъ, которое надлежало бы подтвердить ближайшимъ сличеніемъ текстовъ. Дѣлается это такимъ образомъ, что въ каждомъ отдѣлѣ текстовъ, предполагаемыхъ почему бы то ни было родственными между собою, производится внимательное сличеніе ихъ чтеній, если не для всей повѣсти, то для какого-нибудь ея значительнаго отрывка. Такимъ путемъ можетъ получиться опредѣленное понятіе о взаимныхъ отношеніяхъ текстовъ одного отдѣла между собою, установится между ними генеалогическая связь, если бы, напримѣръ, иные изъ нихъ оказались списанными съ другихъ и т. д.; если бы такая связь оказалась дѣйствительно существующею, тогда, извлекая изъ чтеній этихъ рукописей общія имъ всѣмъ черты, мы вмѣнили бы ихъ тому подлиннику или первичному тексту, изъ котораго всѣ онѣ развѣтвились въ разныхъ направленіяхъ. Ту же самую работу подобаетъ сдѣлать и для другаго отдѣла рукописей. Предположимъ, что и въ этомъ случаѣ мы дошли указаннымъ выше путемъ до возстановленія оригинала или первичнаго текста. Въ такомъ случаѣ дальнѣйшая критическая работа состояла бы въ сличеніи этихъ первичныхъ текстовъ между собою, и въ результатѣ явилась бы двоякая возможность: либо отдѣлы текстовъ, намѣченные нами чисто эмпирически по какому-

нибудь внѣшнему признаку (въ нашемъ случаѣ: торжественное или скромное погребеніе), оказались не столь существенно разными, чтобъ ихъ слѣдовало возвести къ разнымъ прототипамъ, и мы дали бъ имъ значеніе двухъ группъ разночтеній,—либо признаки отличія представились на столько характерными, что для каждой группы пришлось бы предположить особый оригиналъ. Въ послѣднемъ только случаѣ двѣ группы рукописей явились бы намъ представителями двухъ *редакцій* сказанія.

Что̀ сдѣлалъ для этого вопроса г. Кирпичниковъ? Начну съ того, что онъ не воспользовался для своего дѣла древнѣйшею изъ извѣстныхъ рукописей Варлаама и Іоасафа: ркп. № 578 Софійской библіотеки, XIV—XV вѣка (стр. 170, прим.). Правда, рукопись эта въ Петербургѣ, а г. Кирпичниковъ печаталъ свою книгу въ Харьковѣ; но справившись съ Очеркомъ г. Пыпина (стр. 128), онъ при началѣ работы могъ бы сообразить, на сколько благоразумно было съ его стороны пускаться въ путь, не запасшись на дорогу. Но я ограничусь этимъ замѣчаніемъ, которому, впрочемъ, не желалъ бы дать значенія исключительно библіографическаго. Г. Кирпичниковъ пересчитываетъ до 18 текстовъ Варлаама и Іоасафа, съ которыми познакомился болѣе или менѣе близко; но у него и слѣда нѣтъ той критической работы, которой надо бы ожидать отъ всякаго изслѣдователя древнихъ памятниковъ. Кажется иногда, будто онъ до того пораженъ былъ своимъ открытіемъ о томъ, что двоякій разказъ о погребеніи Іоасафа можетъ служить критеріемъ для установленія двухъ редакцій славянскаго житія,—что къ доказательствамъ относился небрежно: небольшое количество варіантовъ, приводимыхъ имъ какъ-то случайно и безъ выбора, не приготовляютъ читателя къ торжественному заявленію на стр. 182: „Итакъ, двѣ вышеуказанныя группы рукописей указываютъ не только на два различные перевода, но и на двѣ различныя редакціи греческаго текста". Послѣ этихъ словъ авторъ самъ заявляетъ сомнѣніе: нельзя ли происхожденіе редакцій, завершающихся скромнымъ погребеніемъ Іоасафа, объяснить простымъ механическимъ сокращеніемъ болѣе подробнаго разказа? Онъ даже не прочь допустить это для нѣкоторыхъ рукописей; но рукопись Ундольскаго № 241 (XVI вѣка) укрѣпляетъ его въ прежнемъ мнѣніи. И въ самомъ дѣлѣ: съ какой стати было писцу сокращать оригиналъ? „Извѣстно, что торжественное погребеніе, перенесеніе мощей, чудеса, при немъ происходившія, не только не откидывались отъ тѣхъ греческихъ житій, гдѣ они были, но напротивъ, прибавлялись къ тѣмъ,

гдѣ ихъ не было" (стр. 182). Успокоившись на этомъ историко-литературномъ соображеніи, авторъ говоритъ далѣе (ibid.) уже съ полною увѣренностью: „Не можетъ быть спора о томъ, которая изъ двухъ редакцій древнѣе: несомнѣнно, что немногія рукописи, сохранившіяся въ Россіи (то-есть, предлагающія разказъ о скромномъ погребеніи Іоасафа) представляютъ такую редакцію текста, которая несравненно лучше подходила къ основной идеѣ романа: Іоасафъ порвалъ всякія связи съ міромъ—земная слава ему была не нужна". Послѣднее несомнѣнно, но такого рода эстетическія соображенія едва ли освѣщаютъ дѣло: были и другіе подвижники, отрекшіеся отъ міра, мощи которыхъ переносились торжественно, стало быть, въ противорѣчіи съ основною идеей ихъ дѣятельности. Неужели это можетъ дать почву для критики? И какъ согласить это отсутствіе самодѣятельности въ русскихъ писцахъ, не позволяющихъ себѣ измѣненій въ текстѣ, съ тѣмъ, что̀ говорится (стр. 183) о писцѣ Толстовской рукописи № 255: „онъ стремился внести смыслъ особенно въ мало-понятное предисловіе разказа и потому измѣнялъ его"?

Всё дѣло, въ томъ, какъ представляетъ себѣ г. Кирпичниковъ понятіе „редакціи". Еслибы, напримѣръ, рядомъ съ греческимъ текстомъ житія, изданнымъ Буассонадомъ (съ торжественнымъ погребеніемъ), объявился другой (съ погребеніемъ скромнымъ), я не далъ бы имъ названія двухъ различныхъ редакцій, не сличивъ текстовъ между собою и не поискавъ въ нихъ болѣе существенной разницы изложенія. Г. Кирпичниковъ долженъ былъ, по моему мнѣнію, предпринять такую именно работу надъ славянскими текстами, которые явились ему представителями греческихъ, прежде чѣмъ на основаніи одного признака позволить себѣ говорить о „редакціяхъ". Но онъ удовлетворяется немногимъ: онъ говоритъ (стр. 182), что древнѣйшій текстъ въ началѣ и срединѣ былъ очень близокъ, по большей части дословно сходенъ съ позднѣйшимъ. Стало быть, опять тотъ же признакъ: разказъ о погребеніи! Я, напримѣръ, обратилъ вниманіе на другой признакъ: на заглавіе или надписаніе житія, колеблющееся между рукописями двухъ намѣченныхъ г. Кирпичниковымъ группъ или редакцій (напримѣръ, Толст. ркп. in 4° № 89 у *Пыпина*, Очеркъ, стр. 128, 1-й группы, и редакція Макарьевскихъ Миней, 2-й группы). Предположить ли здѣсь смѣшеніе? Но для смѣшанныхъ или сводныхъ текстовъ авторъ выдѣлилъ особую, третью группу (стр. 176—177; сл. стр. 183) и еще отличаетъ сокращенныя редакціи (стр. 177—178). Я сказалъ бы: краткія, либо помѣтилъ, какой

типъ текста, 1-й или 2-й, либо сводной группы, лежалъ въ основѣ сокращенія.

Не отрицая возможности существованія двухъ редакцій греческаго житія, я позволяю себѣ думать, что г. Кирпичниковъ не доказалъ факта ихъ существованія.

Переходя отъ рукописей къ русскимъ старопечатнымъ изданіямъ житія, авторъ предполагаетъ, что издатели Кутеинскаго текста (1637 г.) имѣли передъ собою латинскій переводъ (которымъ, впрочемъ, самъ авторъ не пользовался для сличенія, см. стр. 183 и 179, прим. 4); что московское изданіе (1681 г.) произошло, съ одной стороны, изъ первой группы рукописей, съ другой—изъ кутеинскаго изданія (а можетъ быть, изъ латинскаго перевода), при чемъ редакторъ справлялся съ греческимъ оригиналомъ, нѣсколько отличающимся отъ напечатаннаго Буассонадомъ (стр. 183). На чемъ держится все это нѣсколько сложное построеніе, каковы отличія предполагаемаго греческаго подлинника отъ напечатаннаго,—все это остается тайной для читателя, съ которымъ авторъ не пожелалъ подѣлиться своими доказательствами. Каковы, напримѣръ, отношенія московскаго изданія къ кутеинскому? О первомъ мы знаемъ, что оно напечатано было въ такъ называемой „верхней типографіи“ (*Пыпинъ*, l. c., 128), устроенной Симеономъ Полоцкимъ въ концѣ 1670-хъ годовъ въ Московскомъ дворцѣ: „Исторія или повѣсть о житіи преподобнаго Варлаама и о Іосафѣ, царевичѣ Индѣйскомъ“ вышла въ 1681 году, уже по смерти Симеона; въ томъ же году изданъ его „Обѣдъ душевный“ и въ 1683 „Вечеря душевная“. „Можно догадываться“, говоритъ г. Майковъ [1],—„что эти объемистыя изданія были начаты еще при жизни Симеона по его указанію и желанію; это видно изъ того, что онъ присоединилъ стихи своего сочиненія не только къ сборникамъ своихъ проповѣдей и ко Псалтыри, но и къ чужимъ произведеніямъ, вышедшимъ изъ верхней типографіи“. Этимъ объясняется появленіе въ московскомъ изданіи Варлаама и Іоасафа виршей Симеона Полоцкаго, вошедшихъ въ составъ его Риѳмологіона. Выборъ изданій, предпринятыхъ Симеономъ Полоцкимъ въ верхней типографіи, указываетъ на связи съ ученостью западно-русскою (*Майковъ*, ibid.); въ этомъ отношеніи было бы желательно точное сличеніе кутеинскаго текста Варлаама и и Іоасафа съ московскимъ, напечатаннымъ подъ наблюденіемъ Си-

---

[1] *Л. Майковъ*, Симеонъ Полоцкій. Историко-литературный очеркъ, въ *Древней и Новой Россіи*, 1875 г. № 12, стр. 374.

меона. Изслѣдованіе г. Кирпичникова сообщаетъ намъ результаты его наблюденій, не опирая ихъ на доказательства и возбуждая рядъ сомнѣній. Такъ, напримѣръ, въ концѣ кутеинскаго текста помѣщена „Пѣснь св. Іоасафа кгды вышелъ на пустыню“ (Пріими мя, пустыни, и т. д., стр. 178); чистый церковно-славянскій языкъ этой пѣсни доказываетъ, что она зашла съ сѣвера; съ ней стоитъ въ связи одна рукописная редакція той же пѣсни, Ѳедоровская; она — распространеніе кутеинской; отъ этой редакціи произошла редакція московскаго изданія, съ прибавками въ концѣ и въ началѣ (стр. 184). Такимъ образомъ мы получили рядъ переходныхъ формъ, въ началѣ и концѣ котораго стоятъ тексты пѣсни Іоасафа: кутеинскій и московскій, послѣдній—въ генеалогической зависимости отъ перваго. Вообще отдѣлъ, посвященный г. Кирпичниковымъ вопросу о стихахъ, „воспѣвавшихъ царевича Іоасафа“ (стр. 183—187), представляется крайне неяснымъ, и отношенія литературнаго стиха къ каличьимъ остаются не опредѣленными. Объ одномъ стихѣ говорится, напримѣръ, что онъ произошелъ изъ редакціи Ѳедоровской, не безъ вліянія каличьяго стиха (стр. 184 прим. 1); о другихъ народныхъ (каличьихъ) стихахъ сказано, что они произошли главнымъ образомъ отъ той редакціи, которая стояла близко къ Ѳедоровской рукописи (стр. 185—186); въ третьемъ мѣстѣ (стр. 265) заявляется, что сюжетъ Варлаама и Іоасафа проникъ въ духовные стихи черезъ вирши юго-западныхъ ученыхъ, между тѣмъ какъ заключительная пѣснь кутеинскаго изданія обличаетъ сѣверно - русское происхожденіе. Матеріалъ, собранный издателями нашихъ духовныхъ стиховъ, казалось, обѣщалъ болѣе прочные выводы и вызывалъ къ болѣе тонкому анализу.

Авторъ посвятилъ лишь нѣсколько строкъ (стр. 181—182) притчамъ, которыя вставлены въ житія Варлаама и Іоасафа, и извлеченныя оттуда, рано начинаютъ встрѣчаться въ славянскихъ рукописяхъ. Въ вопросѣ объ источникахъ самаго житія онѣ играютъ лишь второстепенную роль, но не безынтересны въ отношеніи къ различнымъ редакціямъ славянскаго перевода (и греческаго текста?), предполагаемымъ г. Кирпичниковымъ. Разумѣется, славянскія притчи могли вноситься въ сборники не исключительно изъ переводовъ цѣльнаго житія, а переводиться и отдѣльно; во всякомъ случаѣ ихъ разногласіе съ притчами печатнаго греческаго текста не всегда можетъ быть истолковано въ смыслѣ позднѣйшаго искаженія или осложненія, но иногда даетъ поводъ къ вопросамъ болѣе важнымъ. Я приведу два примѣра.

Къ любимымъ притчамъ житія принадлежалъ разказъ объ единорогѣ. Содержаніе его (по ркп. Софійской библіотеки № 578, л. 53 об. — 54 об.) слѣдующее: „Подобни быти мню мужеви бѣгающю ѿтъ лица инорога, иже не терпѧ гласа его и страшнаго его пререкания, но крѣпко бѣгаше да не будетъ ему въ снѣдь. Внегда же течааше быстро, в великую нѣкую впаде пропасть. Внегда же впастисѧ ему в ню, и за древо нѣкое похитивсѧ, крѣпко держашесѧ и на россосѣ нѣкоей нозѣ оутвердивъ, мнѧше прочее в мирѣ быти и въ твердыни. Възрѣвъ оубо и видѣ двѣ мыши, бѣлуоу бо едину, другую же черну, погрызающи-же непрестанно древа еже ѡнъ бѧше похитилсѧ, и елико же оуже в малѣ приближающемасѧ има сие искоренити; посмотриже во дно пропасти и видѣ змия страшна виденьемь, и ѡгнемь дышуща и яро изъвѣр(г)ующасѧ, оустаже страшно разиноваше пожрети его грѧдуща. Възрѣвже пакы на степень ѡнъ, на немже бѣаше нозѣ свои оутвердилъ, видѣ д҃. главы аспидовы ѡтъ стѣны изникъша, на нейже стояше; и възрѣвъ ѡчима видѣ ѡтъ вѣтви древа ѡного мало меда каплюща. Ѡставивъ оубо пещисѧ ѡ одержащихъ его бѣдахъ, како внѣоуду оубо инорогъ лютѣ неистовасѧ, ищетъ снѣсти его, долу же горкий змий зіяетъ пожрети его, древо же за неже бѣ сѧ оухитилъ елико же в малѣ искоренитисѧ хотѧше, нозѣ же на полъсцѣ и невѣрнѣ степени оутвердилъ бѣаше: и толикихъ и таковыхъ золъ забывъ оустремисѧ къ сласти малаго меду ѡнаго.—Се есть подобное прельсти мира сего прелщающихсѧ, егоже сказанье нынѣ реку ти. Инорогъ оубо ѡбразъ есть смерти гонѧща оубо постигнути грѧдущи адамескый родъ. Пропасть же — миръ исполнь сый всѧческихъ золъ и смертоносныхъ сѣтий. Древо же егоже ѡтъ двою мышю непрестанно подгрызаемое, егоже оухитивше держитсѧ, времѧ есть коегождо жизни, съкращаваемо и скончаваемо днемъ и нощью, и къ посѣченью по малѣ приближаетсѧ; д҃. же аспиды, иже ѡтъ четырь прелестныхъ стихий ставъ, ставленье человѣчьскаго телесе назнаменуетъ, имже бесчинно носимомъ и мѧтущимсѧ телесное разрушаетсѧ ставленье. И к симже ѡгнеобразный ѡнъ и неистовый змий страшную проѡбражаетъ адову оутробу, жадающюю прияти мира сего красная паче будущихъ благъ извольшии. Медовная же каплѧ сладость являетъ мира сего сладкыхъ, ими же то прелщая своя други не ѡставляетъ ихъ ѡ своемъ нещисѧ спасеньи".—Въ одной рукописи XV вѣка (Толст., № 214) притча эта пересказана такъ: Человѣкъ ходитъ въ чистомъ полѣ, спасается отъ льва и верблюда; видитъ колодезь, изъ стѣнъ

(„отъ бокоу") котораго выросли два дерева: одно съ серебряными, другое съ золотыми листьями. Спасаясь отъ звѣрей, онъ падаетъ на серебряное дерево и схватился за его вѣтви; къ нему пристала горлица, приносила ему смоквы и другія сладости, которыя онъ ѣлъ; затѣмъ прилетѣлъ воронъ и бросалъ на него *горящія уголья*, ящерицъ и жабъ. Сверху ему грозятъ левъ и верблюдъ; бѣлая и черная мышь подгрызаютъ корни дерева, на которомъ онъ сидитъ; подъ нимъ поднимается со дна золотое дерево; внизу — страшный змѣй, пышущій огнемъ, аспиды и злыя ехидны. Видитъ человѣкъ, что нѣтъ ему исхода изъ этого кладезя, и вмѣстѣ, съ тѣмъ, забывъ страхъ, начинаетъ обрывать серебряные листья и класть себѣ за пазуху, и тужитъ, и скорбитъ, что не попалъ онъ на золотое дерево. Начавъ такъ мыслить въ сердцѣ своемъ, онъ пустился внизъ, но вмѣсто того чтобъ упасть на золотое дерево, полетѣлъ на дно къ змѣямъ и скорпіонамъ, и погибаетъ злою смертью [1]).

Я не останавливаюсь на слѣдующемъ затѣмъ нравоучительномъ истолкованіи притчи. Его можно назвать неудачнымъ осложненіемъ Варлаамова аполога (стр. 181), но ничто не мѣшаетъ предположить его сравнительно древнимъ. Голубь и воронъ, истолкованные ангеломъ и дьяволомъ, можетъ быть,—библейскіе образы; но воронъ, бросающій горящіе угли, напоминаетъ рамку третьей книги Панчатантры и разказъ буддійской аваданы [2]), въ которой человѣкъ, преслѣдуемый слономъ, спасается въ высохшій колодезь, и слѣдуютъ тѣ же подробности, что̀ и въ апологѣ Варлаама: дерево, подгрызаемое мышами, драконъ, пчелы, источающія въ уста бѣглеца пять капель меду. Но дерево заколыхалось, остатокъ меда упалъ на землю, пчелы принялись жалить человѣка, и внезапно появившійся *огонь* истребилъ дерево. Огонь толкуется какъ старость и немощь.

Вѣроятнѣе представляется восточное вліяніе на другой древнерусскій пересказъ одной притчи изъ Варлаама и Іоасафа, не обратившій на себя вниманія г. Кирпичникова. Я имѣю въ виду слѣдующій апологъ житія: Одинъ царь, кроткій и милостивый, имѣлъ только тотъ недостатокъ, что объятъ былъ ложью идолослуженія. Добродѣтельный и мудрый совѣтникъ ищетъ удобнаго случая — обратить его ко благу. Однажды царь сказалъ ему: „Пойдемъ бро-

---

[1]) Г. Кирпичниковъ предложилъ слишкомъ краткое извлеченіе изъ разказанной нами притчи, которое я пополнялъ по рукописи.

[2]) Les Avadânas, contes et apologues indiens, trad. par *St. Julien*, I, № XXXII.

дить по городу, не увидимъ ли чего полезнаго". Ходя по городу, они увидѣли мерцаніе свѣта, выходившее изъ какого-то подземнаго жилища, а въ немъ бѣдняка, покрытаго рубищемъ: передъ нимъ стояла его жена, наливая вино; когда же мужъ взялъ въ руки чашу, она запѣла звонкую пѣсню и стала услаждать мужа пляской и пріятными рѣчами. Царь удивляется, какъ можетъ радовать этихъ безумныхъ ихъ жалкое житіе, самое отвратительное и омерзительное изо всего, что̀ онъ видѣлъ. „Знай же", царь, говоритъ мудрецъ,— „что такою или еще худшею кажется наша жизнь посвященнымъ въ тайны вѣчной славы, тѣмъ, кто предпочелъ вѣчное временному".—Эту притчу пересказалъ, съ любопытными отмѣнами, Кириллъ Туровскій въ повѣсти къ Василью игумену о бѣлоризцѣ [1]): Въ нѣкоторомъ градѣ былъ царь, кроткій и милостивый, пекшійся о дѣлахъ своихъ. Лишь въ одномъ онъ былъ неразуменъ: не боялся бѣгства и оружія въ рукахъ не держалъ, не думалъ, чтобы кто-нибудь возсталъ на него. Мудрый совѣтникъ ищетъ случая сказать царю, чтобъ онъ готовился на рать. Однажды ночью внезапно пошла по городу великая молва, и царь говоритъ своимъ совѣтникамъ: „Пойдемъ, походимъ по городу, не найдемъ ли творящаго въ нашемъ градѣ мятежъ, потому что я нынѣ въ великомъ страхѣ". Всюду они походили, но ничего не обрѣли, только—движеніе въ городѣ. Всѣ другіе совѣтники въ уныніи; но тотъ благоразумный совѣтникъ ведетъ царя съ его дочерью къ великой горѣ, въ которой находилось много различнаго оружія; огонекъ свѣтился изъ оконца пещеры: заглянувъ туда, они увидѣли бѣдняка, облеченнаго худымъ вретищемъ; рядомъ съ нимъ сидѣла его жена, напѣвая пѣснь болѣе сладкую, чѣмъ брашна; передъ нимъ стоялъ кто-то, прекрасный и высокій, „на тверде камени", питая его и черпая ему вино; и когда мужъ принималъ чашу, оба вѣнчали его похвалами и многою радостью. Подозвалъ къ себѣ царь друзей своихъ и сказалъ: „Вотъ чудо! Это худое и потаенное житіе честнѣе нашей державы веселится, и свѣтлѣе внѣшнихъ внутренняя сіяютъ!" Измѣненіе притчи Кирилломъ Туровскимъ могло произойдти подъ вліяніемъ какого-либо разказа восточнаго происхожденія, замѣчаетъ г. Сухомлиновъ, открывая этотъ вопросъ: гдѣ и съ какою цѣлью сдѣлано было это измѣненіе? Едва ли принадлежитъ оно какой-нибудь неизвѣстной намъ редакціи Варлаама и Іоасафа.

Я возвращаюсь къ вопросу о редакціяхъ въ связи съ тѣмъ, что̀

---

[1]) См. *М. Сухомлиновъ*, О сочиненіяхъ Кирилла Туровскаго. 1858, стр. 50—53.

г. Кирпичниковъ сообщаетъ далѣе (стр. 187—210) о западныхъ и восточныхъ переводахъ и передѣлкахъ житія. Г. Кирпичниковъ—спеціалистъ по исторіи западныхъ литературъ, нерѣдко получающихъ совершенно новое освѣщеніе при помощи памятниковъ, сохраненныхъ лишь славянскими текстами; въ вопросѣ г. Кирпичникова помощь могла ожидаться и обратная. И въ самомъ дѣлѣ: основываясь на отличіяхъ славянскихъ текстовъ Варлаама и Іоасафа, авторъ заключилъ о существованіи двухъ греческихъ редакцій житія; между тѣмъ латинскій переводъ сдѣланъ съ греческаго текста и обличаетъ одну редакцію; всѣ остальные европейскіе пересказы основаны, въ свою очередь, на латинскомъ переводѣ, не обнаруживая никакой двойственности редакціи; по крайней мѣрѣ, авторъ на это не указываетъ. Матеріалъ сравненія, представляемый западными пересказами, долженъ былъ бы заставить его усумниться въ положеніи, что греческій текстъ Варлаама и Іоасафа существовалъ въ двухъ видахъ. Какимъ образомъ западныя литературы не сохранили никакихъ слѣдовъ этой разновидности?

Свѣдѣнія о восточныхъ, латинскихъ, французскихъ, провансальскихъ и италіанскихъ текстахъ житія собраны были въ извѣстномъ изданіи гг. Мейера и Цотенберга [1]). Работа г. Кирпичникова ограничилась тѣмъ, что онъ ближе познакомился съ текстами, напечатанными французскими издателями (поэма Гюи, миракль о Варлаамѣ), и передалъ намъ результаты своихъ наблюденій. То, что̀ онъ говоритъ о характерѣ передѣлки, которой подверглось содержаніе древняго житія подъ рукой его французскихъ и нѣмецкихъ пересказчиковъ (я имѣю въ виду разборъ поэмы Рудольфа Эмсскаго, стр. 204 — 208), такъ мало касается спеціальной темы автора, что служитъ характеристикой общихъ пріемовъ средневѣковаго литературнаго ремесла. Остановлюсь на нѣкоторыхъ частностяхъ, касающихся французской поэмы: авторъ говоритъ о Гюи, что въ изложеніи вѣроученія онъ „опровергаетъ отъ лица Варлаама тѣхъ, кто слишкомъ послѣдовательно проводитъ ученіе о предопредѣленіи, и доказываетъ, что Адамъ не виноватъ въ грѣхопаденіи: Богъ создалъ его такимъ“ (стр. 197). Въ текстѣ Гюи (стр. 42, стихъ 27 и слѣд.): Нѣкоторые доказываютъ, что онъ (Адамъ) согрѣшилъ по волѣ своего Создателя. Они говорятъ: „Еслибы Господь создалъ его ко благу, онъ никогда бы не согрѣшилъ; но онъ сотворилъ его злымъ, и потому не диво, что

[1]) Barlaam und Josaphat, französisches Gedicht des XIII Jhrh. von Gui de Cambrai. Stuttg., 1864, стр. 315 и слѣд.

онъ (Адамъ) подпалъ грѣху. Оттого они ставятъ Господу въ вину, что онъ привелъ человѣка къ смерти. Но ихъ слова не вѣрны и т. д.— Я объясняю себѣ разногласіе г. Кирпичникова неясностью его изложенія. Наоборотъ (стр. 196, прим. 1), отрицая, противъ французскихъ издателей, возможность съ точностью опредѣлить время появленія такъ называемыхъ vers équivoqués, онъ обнаруживаетъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 202: неудобно переводимые vers équivoqués), что не составилъ себѣ яснаго представленія объ этомъ терминѣ, какъ легко убѣдиться изъ сравненія съ соотвѣтствующимъ французскимъ текстомъ.

Переходя вмѣстѣ съ авторомъ къ нѣмецкимъ переводамъ Варлаама и Іоасафа (сл. стр. 195), замѣчу, что извлеченія изъ (сохранившагося) перевода, приписаннаго какому-то епископу Оттону, напечатаны были не разъ. Отрывокъ, изданный впервые Бенеке, перепечатанъ былъ Пфейфферомъ въ журналѣ Гаупта (II, 361—2); другіе отрывки сообщены были Дифенбахомъ [1]) и Пфейфферомъ [2]). Точно также наши свѣдѣнія о третьемъ переводѣ Варлаама (сохранившемся лишь въ отрывкахъ) полнѣе, чѣмъ думаетъ авторъ: къ отрывку цюрихскаго текста, напечатанному Пфейфферомъ въ журналѣ Гаупта (I, 127—135), слѣдуетъ присоединить и другой, имъ же изданный [3]). Вообще знакомство съ литературой послѣднихъ лѣтъ довольно слабо у автора, пренебрегшаго сообщеніемъ даже такихъ библіографическихъ подробностей, которыя собраны были уже г. Пыпинымъ (Очеркъ, стр. 125—126). Я счелъ бы не лишнимъ упомянуть изданія сѣверной Barlaams-saga Унгеромъ и Кайзеромъ. Старо-англійскій переводъ, недавно напечатанный Горстманномъ [4]), могъ не дойдти до г. Кирпичникова, но тѣмъ большее любопытство должны были возбудить въ немъ отрывки французскаго перевода Варлаама, сдѣланные въ началѣ XIII вѣка прямо съ греческаго подлинника [5]).

---

[1]) Mittheilungen über eine noch ungedruckte mittelhochdeutsche Bearbeitung des Barlaam und Josaphat, aus einer Handschrift auf der gräflichen Bibliothek zu Solms-Laubach, von Dr. *L. Diefenbach*. Giessen, 1836.

[2]) Forschung und Kritik auf dem Gebiete des deutschen Alterthums, I, стр. 37—44.

[3]) Forschung und Kritik. 34—36.

[4]) *Horstmann*, Altenglische Legenden. 1875, стр. 113—148.

[5]) *Paul Meyer*, Fragments d'une traduction française de Barlaam et Joasaph, faite sur le texte grec au commencement du treizième siecle, въ *Bibliothèque de l'école des chartes*, XXVII-e année, t. II, 6-e série, p. 313 и слѣд., и въ отдѣльномъ оттискѣ (1866 г.).

Переводъ помѣщается на поляхъ рукописи XI вѣка, заключающей въ себѣ греческое житіе Варлаама и Іоасафа и принадлежащей Иверскому монастырю на Аѳонѣ. Работа Мейера сдѣлана была по небольшому количеству фотографическихъ снимковъ, приготовленныхъ съ исключительно археологическою цѣлью П. И. Севастьяновымъ. Въ такихъ обстоятельствахъ и при плачевномъ состояніи рукописи, нельзя и ожидать большихъ результатовъ при возстановленіи старо-французскаго перевода. Тѣмъ не менѣе, онъ интересенъ самъ по себѣ, какъ фактъ, указывающій на возможность непосредственнаго знакомства западныхъ людей съ произведеніями византійской литературы въ первые годы XIII вѣка. Вопросъ о редакціяхъ греческаго житія, поднятый г. Кирпичниковымъ, обратилъ мое вниманіе на замѣчаніе г. Мейера (стр. 5 отд. оттиска), что отличіе греческаго текста иверской рукописи отъ изданнаго Буассонадомъ состоитъ главнымъ образомъ въ пропускахъ. Замѣчу наконецъ, что знакомство съ италіанскими мистеріями, изданными д'Анконой, указало бы г. Кирпичникову, въ параллель къ старо-французскому мираклю, имъ разобранному, на Rappresentazione di Barlaam e Josaphat Бернардо Пульчи, и исправило бъ его библіографическую замѣтку на стр. 195: не Аттилисъ сложилъ о Варлаамѣ и Іоасафѣ поэму въ пяти пѣсняхъ, а Attilio Opezzinghi (Palermo, Carrara. 1584). Интересно замѣтить, что въ Тосканѣ легенда о Варлаамѣ и Іоасафѣ до сихъ поръ служитъ сюжетомъ полународной драмы, изъ цикла тѣхъ, которыя разыгрываются въ маѣ и носятъ потому названіе: Maggi. Такъ и у насъ житіе перешло въ полународные духовные стихи. Живучесть и крѣпость вліянія, народный интересъ, окружившій легенду со времени среднихъ вѣковъ, невольно выдвигаютъ вопросъ: откуда пошла эта легенда [1])?

Познакомимся въ общихъ чертахъ съ ея содержаніемъ. Индійскій царь Абеннеръ, идолопоклонникъ, гонитъ христіанъ и христіанство, начинавшее проникать въ его страну и находившее послѣдователей. Когда одинъ изъ главныхъ начальниковъ, приближенный къ царю, пошелъ въ отшельники, ненависть Абеннера къ христіанству усилилась еще болѣе. Въ это время у него, дотолѣ бездѣтнаго, родился сынъ необыкновенной красоты, котораго нарекли Іоасафомъ. Царь призываетъ звѣздочетовъ и спрашиваетъ о судьбѣ сына. Всѣ

---

[1]) См. въ книгѣ г. Кирпичникова гл. IV: Іоасафъ и Будда. Исторія параболъ. Мѣсто, время и авторъ Варлаама.

пророчатъ ему будущее богатство и могущество; одинъ только, искуснѣйшій изъ всѣхъ, говоритъ, что царство его будетъ не въ этомъ мірѣ, а въ другомъ, лучшемъ, и что царевичъ, по видимому, будетъ послѣдователемъ новой религіи, которую теперь преслѣдуетъ его отецъ. Чтобъ избѣгнуть исполненія этого пророчества, царь приказалъ построить сыну отдѣльную палату, съ богатыми покоями, окружилъ его молодыми и прекрасными воспитателями и служителями и строго запретилъ имъ пускать постороннихъ или доводить до свѣдѣнія царевича, что на свѣтѣ существуетъ смерть, старость, болѣзнь или бѣдность, или что бы то ни было печальное, дабы, наслаждаясь настоящимъ, душа его не обращалась къ будущей жизни, и онъ не могъ ничего услышать объ ученіи Христа.

Въ своемъ искусственномъ заключеніи, Іоасафъ совершенствовался и тѣломъ, и душой, удивляя учителей и царя остроуміемъ своихъ вопросовъ. Понявъ, что его держатъ въ заключеніи по волѣ отца, онъ спрашиваетъ о причинѣ того одного изъ своихъ воспитателей, а затѣмъ и самого Абеннера. Отвѣтъ царя его не успокоилъ: „Знай", говоритъ ему царевичъ,—„что не радость, а высшую скорбь причиняешь ты мнѣ такимъ способомъ": онъ не иначе освободится отъ этой скорби, какъ получивъ позволеніе выходить, куда онъ захочетъ. Царь принужденъ былъ согласиться, но строго приказалъ удалять съ дороги царевича все могущее возбудить въ немъ скорбныя мысли. Приказанія Абеннера исполнялись нѣкоторое время въ точности. Но вотъ однажды, по небрежности слугъ, царевичъ увидалъ двухъ мужей, изъ которыхъ одинъ былъ покрытъ проказою, а другой слѣпъ, и впервые узнаетъ, изъ разспросовъ, что̀ такое болѣзнь. Нѣсколько дней спустя онъ увидѣлъ старика съ сморщеннымъ лицемъ, дрожащими ногами, бѣлыми волосами и безъ зубовъ — и узнаетъ, что̀ такое старость и неизбѣжная для всякаго человѣка смерть. „Горестна эта жизнь", подумалъ царевичъ:—„и какъ человѣкъ можетъ наслаждаться ею въ ожиданіи неизбѣжной смерти? И меня она постигнетъ, и всѣ обо мнѣ забудутъ! Но что̀ будетъ потомъ со мною? Обращусь ли я въ ничто? Или есть еще другой міръ и другая жизнь?" Послѣ этого царевичъ искалъ человѣка, который могъ бы успокоить его и утѣшить; онъ обращался къ своему педагогу, но тотъ объяснилъ ему, что мудрые пустынножители перебиты или изгнаны, а больше обратиться не къ кому.

Въ это время въ пустынѣ Сенаарской жилъ одинъ пустынникъ, достигшій высшаго совершенства въ знаніи и жизни, по имени Вар-

лаамъ. Узнавъ по откровенію о душевномъ гладѣ царевича, онъ покинулъ пустыню и въ образѣ купца прибрелъ въ землю Индійцевъ. Здѣсь, явившись къ воспитателю Іоасафа, онъ говоритъ, что привезъ драгоцѣнный камень, который готовъ продать царевичу; такой драгоцѣнности еще не видано: сердца слѣпыхъ онъ освѣщаетъ свѣтомъ истины, глухимъ открываетъ слухъ, нѣмымъ даетъ голосъ, больныхъ исцѣляетъ, глупыхъ умудряетъ, демоновъ изгоняетъ; обладатель его пользуется всѣми благами. Педагогъ царевича, какъ человѣкъ, запятнанный грѣхомъ, не можетъ видѣть чуднаго камня: онъ видимъ лишь тому, кто имѣетъ чистое, здоровое зрѣніе и цѣломудренное, безпорочное тѣло. Воспитатель ведетъ пришельца къ Іоасафу, который тотчасъ же проситъ показать ему камень. „Прежде, нежели исполнить твое желаніе", отвѣчаетъ Варлаамъ,—„я долженъ испытать твой разумъ. Если въ сердцѣ твоемъ я найду благодарную почву, я безъ колебанія вложу въ нее божественное сѣмя. Я надѣюсь на успѣхъ; изъ-за тебя совершилъ я этотъ долгій путь, чтобы показать тебѣ то, чего ты не видалъ, и научить тому, о чемъ ты не слышалъ прежде".

Такъ мотивированы въ легендѣ слѣдующія затѣмъ поученія Варлаама, которыя, постепенно раскрывая передъ царевичемъ нравственное и учительное содержаніе христіанства, приготовляютъ его къ принятію крещенія. Поучая Іоасафа, Варлаамъ пользуется формой аполога, который либо является въ подтвержденіе какого-нибудь поученія, либо, предваряя его, вызываетъ иносказательное толкованіе и также сводится къ поученію. Матеріалъ апологовъ заимствованъ отчасти изъ евангельскихъ притчъ, отчасти, и въ большей мѣрѣ, изъ другихъ разказовъ, иногда лишь внѣшнимъ образомъ пріуроченныхъ къ выраженію христіанской идеи [1]).

Варлаамъ тайно креститъ царевича, который хочетъ послѣдовать за нимъ въ пустыню; но Варлаамъ совѣтуетъ ему повременить, отказывается отъ денежнаго подарка и удаляется, оставивъ на память царевичу, и по его просьбѣ, свою грубую одежду, вмѣсто которой беретъ одежду Іоасафа, также старую и разорванную.

Между тѣмъ начальникъ надъ дворцомъ царевича, Зарданъ, слѣдилъ съ безпокойствомъ за частыми посѣщеніями Варлаама. Узнавъ тайну его сношеній съ Іоасафомъ и боясь отвѣтственности передъ

---

[1]) Такъ просто объясняется сомнѣніе, высказанное г. Кирпичниковымъ по поводу притчи «О славіи», стр. 241—242.

царемъ, онъ все ему открываетъ. Огорченный царь призываетъ своего любимаго совѣтника, Арахеса, человѣка мудраго и опытнаго звѣздочета. Арахесъ совѣтуетъ царю сейчасъ же послать въ погоню за Варлаамомъ, поймать его и мучить до тѣхъ поръ, пока онъ не сознается передъ царевичемъ въ ложности своего ученія. „Если жь онъ успѣетъ скрыться", говорилъ Арахесъ,—„то я укажу вамъ мудраго пустынника нашей вѣры, моего бывшаго учителя математики Нахора; онъ такъ похожъ на Варлаама, что ихъ отличить невозможно; мы его уговоримъ въ присутствіи царевича вступить въ преніе съ язычниками подъ именемъ Варлаама и какъ бы для защиты христіанства; поспоривъ, онъ признаетъ себя побѣжденнымъ".

Погоня, посланная за Варлаамомъ, не удалась; Нахоръ, явившійся въ спорѣ защитникомъ христіанства съ цѣлью дать побѣдить себя, самъ увѣровалъ въ истиннаго Бога, и укрѣпленный царевичемъ въ истинахъ правой вѣры, тайно бѣжалъ въ пустыню. Тогда жрецы, опасавшіеся, какъ бы самъ царь не сдѣлался равнодушнымъ къ ихъ религіи, послали за волшебникомъ Теудасомъ, который, при помощи подвластныхъ ему демоновъ, обѣщаетъ обратить царевича. По совѣту Теудаса, Іоасафа окружили красавицами, съ цѣлью возбудить его страсти; волшебникъ послалъ на него демона вожделѣнія, который, вселившись въ самую красивую прислужницу Іоасафа, смущалъ его всѣми мѣрами. Царевичъ избѣжалъ искушеній, прибѣгнувъ къ молитвѣ и посту; демоны посрамлены; самъ Теудасъ обратился въ христіанство.

Видя безплодность своихъ начинаній, Абеннеръ, слѣдуя совѣту Арахеса, раздѣлилъ свое царство на двѣ части и одну изъ нихъ предоставилъ сыну. „Можетъ быть, заботы о житейскихъ дѣлахъ привлекутъ его въ нашу сторону", говоритъ Арахесъ;—„если жь этого и не случится, ты все же не лишишься сына". Іоасафъ не сопротивлялся волѣ отца, хотя его и влекло въ пустыню къ Варлааму. Прибывъ въ назначенный ему городъ, онъ сталъ наставлять народъ въ истинной вѣрѣ, сдѣлалъ изъ своей страны образецъ христіанскаго царства: къ нему стали собираться христіане, дотолѣ скрывавшіеся въ пустынѣ; ежедневно приходили, желая креститься, новыя толпы; когда крестили народъ, то больные исцѣлялись. Видя все это, самъ Абеннеръ раскаялся въ своемъ нечестіи и увѣровалъ въ истиннаго Бога. Послѣ того, онъ передалъ все царство сыну, а самъ каялся въ грѣхахъ своихъ. Когда черезъ четыре года онъ умеръ, Іоасафъ его оплакалъ; затѣмъ, собравъ во дворецъ вельможъ и нѣкоторыхъ граж-

данъ, сказалъ: „Не желая нарушить приказаніе отца, я управлялъ царствомъ до сихъ поръ; но теперь пришло время, когда я могу исполнить обѣтъ свой и удалиться въ пустыню. Кого вы хотите, чтобъ я поставилъ надъ вами царемъ?“ Огорченные граждане объявили, что они не желаютъ иного царя и не отпустятъ его отъ себя. Но Іоасафъ, назначивъ на свое мѣсто одного изъ вельможъ, Варахію, ночью скрывается изъ города. Напрасно погнались за нимъ горожане и привели назадъ: Іоасафъ далъ клятву, что не останется съ ними, и удаляется, сопровождаемый общимъ плачемъ. Отдавъ свое платье бѣдняку и оставшись въ власяницѣ, подаренной ему Варлаамомъ, царевичъ отправляется искать его въ Сенаарскую пустыню. Два года скитается онъ здѣсь среди лишеній и искушеній, уготованныхъ ему дьяволомъ; наконецъ, одинъ пустынникъ указалъ ему путь къ Варлааму. Учитель и ученикъ свидѣлись, Іоасафъ поселился въ пещерѣ Варлаама и оказалъ такую способность къ лишеніямъ, бдѣнію и неустанной молитвѣ, что превзошелъ самого учителя. Проживъ 35 лѣтъ въ пустынѣ, схоронивъ своего наставника, Іоасафъ мирно скончался. Въ самый часъ кончины пришелъ пустынникъ, когда-то указавшій ему путь къ Варлааму, и похоронилъ его рядомъ съ нимъ. Этому пустыннику явился во снѣ страшный мужъ и приказалъ идти въ царство Индійское—возвѣстить о смерти угодниковъ. Варахія, услышавъ эту вѣсть, пришелъ въ пустыню Сенаарскую съ толпой народа, нашелъ тѣла нетлѣнными и благоухающими и съ торжествомъ перенесъ ихъ въ свою столицу.

Таково содержаніе этой легенды, ставшей популярною въ средніе вѣка и своими нравоучительными апологами, и своею поэзіей аскетизма. Довольно древнее преданіе (XI вѣка) видѣло ея автора въ Іоаннѣ Дамаскинѣ: преданіе, ничѣмъ не подтвердившееся, которое однако г. Кирпичниковъ поднимаетъ снова (стр. 212—3), опирая свое мнѣніе на разборѣ христіанскихъ догматовъ, выраженныхъ въ житіи. Разборъ этотъ приводитъ его къ заключенію, что житіе въ настоящемъ своемъ видѣ не могло явиться раньше второй половины VIII вѣка (стр. 259). Таково же почти и хронологическое опредѣленіе гг. Цотенберга и Мейера, полученное ими другимъ путемъ, потому что, говорятъ они, изъ христіанскихъ догматовъ, выраженныхъ въ житіи, напрасно было бы пытаться опредѣлить время его написанія (l. c., стр. 315).

Я не стану мирить эти противорѣчивыя показанія. Меня занимаетъ другой вопросъ, подробно развитый г. Кирпичниковымъ. Хри-

стіанская окраска легенды достаточно ясна и не требуетъ доказательствъ; но всегда ли была она таковою? Другими словами: какова историческая основа приведеннаго выше сказанія? Существовалъ ли индійскій царевичъ Іоасафъ, или онъ ничто иное, какъ Будда, житіе Варлаама и Іоасафа—христіанская перелицовка легендарнаго житія основателя буддизма? Таково, какъ извѣстно, предположеніе, зародившееся одновременно во Франціи и Германіи, но подробнѣе высказанное Либрехтомъ и остающееся до сихъ поръ достояніемъ науки. Житіе Будды зашло путемъ устной передачи въ христіанскую среду, записано по гречески какимъ-нибудь сирійскимъ христіаниномъ въ Египтѣ (на что̀ указываютъ сирійскія имена и опредѣленіе положенія Индіи относительно Египта) и приладилось къ стилю и понятіямъ христіанскаго аскетизма: такъ объясняютъ себѣ происхожденіе житія Варлаама и Іоасафа. Сравнивая его съ послѣдующими извлеченіями изъ легендарной біографіи Будды, необходимо имѣть въ виду, что между оригиналомъ и пересказомъ лежатъ отличія двухъ культуръ, и что, съ одной стороны, дѣло идетъ о *создателѣ* новой религіи, а съ другой—о *послѣдователѣ* христіанскаго благовѣстія. Это различіе типовъ, обусловленное самыми цѣлями передѣлки, поможетъ намъ выдѣлить сходное и оцѣнить въ надлежащей мѣрѣ встрѣчающіяся разногласія.

Я пользуюсь для слѣдующаго изложенія китайскимъ переводомъ Abhinishkramana-Sûtra, сдѣланнымъ въ концѣ VI вѣка нашей эры; самый памятникъ древнѣе этого времени, такъ какъ есть извѣстіе, что онъ былъ переведенъ на китайскій языкъ уже въ 69 — 70 по Р. Х., чему подтвержденіемъ служатъ скульптурныя изображенія въ Санчи и Бархутѣ (между 300 г. до Р. Х. и первымъ столѣтіемъ по Р. Х.), представляющія различные эпизоды житія Будды [1]).

---

[1]) См. The romantic legend of Sâkya Buddha from the Chinese, by *Samuel Beale* (London, Trübner, 1875), Introd. VI—VII. Обращу вниманіе на слѣдующее замѣчаніе Биля: Надписаніе 17-й главы: «Оставленіе дома для духовной жизни» позволяетъ заключить, что въ началѣ Abhinishkramana была въ сущности разказомъ о бѣгствѣ Будды изъ дворца, съ тѣмъ чтобы сдѣлаться аскетомъ. Лишь впослѣдствіи этотъ титулъ былъ распространенъ на всю легенду. Сличите съ этимъ замѣчаніе г. Кирпичникова (стр. 219—20): Наиболѣе существенное отличіе заключается въ общемъ планѣ обѣихъ легендъ: въ жизни Будды главная часть—дѣятельность проповѣдника, а исторія его обращенія, до вступленія въ пустыню, есть введеніе, которое обыкновенно является осложненіемъ зерна сказанія; въ греческомъ разказѣ (о Варлаамѣ и Іоасафѣ)—обратный случай: центръ тяжести въ первой части.

Будда—индійскій царевичъ, сынъ царя Суддгоданы. Передъ его рожденіемъ мать его видитъ вѣщій сонъ, который брахманы-снотолкователи изъясняютъ такъ: у царя родится сынъ, который будетъ царемъ надъ царями, всесвѣтнымъ владыкой, праведнымъ, спасителемъ міра и людей отъ бездны горя и печали. Астрологи и предсказатели подтверждаютъ это уже по рожденіи ребенка по знаменіямъ будущаго величія, которыми онъ отмѣченъ: знаменія эти возвѣщаютъ, что если онъ останется въ міру, онъ будетъ всеміреымъ властителемъ, если же станетъ духовнымъ, то достигнетъ высшаго просвѣщенія, будетъ проповѣдникомъ закона и совершеннымъ Буддой. Отецъ его не желаетъ послѣдняго; совѣтники успокоиваютъ его: сынъ его будетъ всемірнымъ монархомъ, слѣдуетъ только принять мѣры, чтобъ онъ не полюбилъ пустыни, не сталъ бы отшельникомъ; съ этою цѣлью надо окружить его всѣми свѣтскими удовольствіями, чтобы привязать его къ дому и семьѣ. Царь запретилъ открывать сыну бывшее о немъ пророчество.

Слѣдуютъ школьные годы Будды, удивляющаго своими знаніями учителей, рано начинающаго показывать наклонность къ созерцательной жизни, задумываться надъ вопросами существованія. Когда онъ достигъ возмужалости, пророчество снова начинаетъ тревожить отца, и снова совѣтуютъ министры: построить для царевича дворецъ, приспособленный ко всѣмъ удовольствіямъ, окружить его красавицами: это отвлечетъ его отъ мысли сдѣлаться аскетомъ. По желанію отца, Будда беретъ себѣ въ жены Ясодару, Манодару и Готами; отецъ построилъ для него три дворца, гдѣ царевичъ пребываетъ въ невиданной роскоши, среди наслажденій, вдали отъ всего, что могло бы возбудить идеи страданія или горя. Такъ распорядился отецъ; съ этою же цѣлью царевича не выпускали изъ дворца, окруженнаго крѣпкою стѣною; трое воротъ (въ стѣнѣ, въ оградѣ сада и самомъ дворцѣ), хитро устроенныхъ и охраняемыхъ вооруженною стражей, должны были предотвратить всякую попытку къ бѣгству.

Въ это время одинъ Девапутра, обитавшій въ пространствѣ [1]), обратилъ вниманіе на Будду, уже въ теченіе десяти лѣтъ предававшагося однѣмъ чувственнымъ утѣхамъ. „Мы не должны дозволять,

---

[1]) Devaputra по имени T'so - Ping (у *Биля* стр. 103); въ Лалитавистарѣ (по переводу съ тибетскаго у *Foucaux*, стр. 178) онъ названъ Hridêva, богъ скромности; у *Bigondet*, The life or legend of Gaudama, the Budha of the Burmese, p. 49: Nat (сл. ib., примѣч. на стр. 537—8).

чтобъ его разумъ и чувства затемнялись и извращались долѣе", сказалъ онъ;—„пусть узнаетъ надлежащую цѣну этимъ вещамъ, и что ему слѣдуетъ покинуть ихъ и вмѣстѣ съ ними свой кровъ". Девапутра приготовляетъ его къ этому шагу: ночью невидимый голосъ наставляетъ его; по устроенію Девапутры пѣсни придворныхъ красавицъ, вмѣсто того, чтобы возбуждать любовную страсть, говорили о скоротечности всего земнаго, и самые звуки музыки наводили царевича на религіозныя думы, приготовляя сердце его къ воспріятію высшаго знанія. Съ тою же цѣлью Девапутра вселяетъ въ него желаніе выйдти изъ дворца въ окружающіе его сады. Царевичъ велитъ своему возницѣ Чандакѣ приготовить для него колесницу; Чандака даетъ знать царю о намѣреніи его сына, и Суддгодана велитъ оповѣстить по всему городу при звукахъ барабана и колокола, чтобы по случаю выѣзда царевича все облеклось въ праздничный видъ, чтобы съ улицъ удалено было все напоминающее о существованіи старости, болѣзни, смерти и вообще всѣ непріятныя впечатлѣнія. Будда ѣдетъ, и по устроенію Девапутры ему представляется по дорогѣ дряхлый старикъ; на слѣдующей и третьей прогулкѣ—другія встрѣчи: Будда видитъ больнаго и затѣмъ покойника. Всякій разъ царевичъ допрашиваетъ возницу, что̀ это значитъ, а тотъ, вдохновенный Девапутрой, говоритъ ему о неизбѣжности старости, болѣзни, смерти. Всякій разъ, выслушавъ эти объясненія, царевичъ возвращается съ полупути, чтобы предаться размышленію, а царь, обезпокоенный разказомъ возницы, усиливаетъ присмотръ и умножаетъ средства развлеченія. На послѣдней прогулкѣ Девапутра является царевичу образъ нищенствующаго монаха-аскета. Будда вступаетъ съ нимъ въ разговоръ, и тотъ, подъ наитіемъ Девапутры, говоритъ ему, что̀ такое нищенствующій монахъ: это тотъ, кто оставилъ міръ и его стези, домъ и друзей, съ цѣлью найдти себѣ освобожденіе; кто ничего такъ сильно не желаетъ, какъ даровать жизнь всему сущему, никому не дѣлая вреда.

Возвратившись домой, царевичъ объявляетъ отцу о своемъ рѣшеніи стать аскетомъ. Суддгодана, сильно огорченный, начинаетъ отговаривать его; то же дѣлаютъ совѣтники царя; царь подсылаетъ къ нему съ тою же цѣлью Удайи, сына своего главнаго министра; жены и красавицы, окружавшія царевича, удвоиваютъ свои ласки и обольщенія. Но Будда остается непоколебимымъ въ своей рѣшимости и въ ту же ночь, ободряемый голосомъ Девапутры, бѣжитъ изъ своего дворца въ сопровожденіи возницы Чандаки. На слѣдующій день его

хватились, но всѣ поиски за нимъ были тщетны. Въ лѣсу онъ сбрилъ свои волосы, обмѣнялся своимъ дорогимъ платьемъ съ однимъ девой, принявшимъ образъ охотника, и отсылаетъ Чандаку домой. Разказъ возницы обновляетъ общую печаль: весь народъ плачетъ, сѣтуютъ жены Будды, жалуется отецъ. По его желанію, двое совѣтниковъ отправляются еще разъ, чтобъ отыскать царевича и привести его назадъ; они находятъ Будду сидящимъ подъ деревомъ и приступаютъ къ нему съ убѣжденіями: отецъ готовъ уступить ему свое царство; пусть вернется: возвращались на царство и другіе цари-аскеты. Но Будда связалъ себя великою клятвой: онъ не оставитъ своей цѣли и не вернется домой. Позднѣе, царь дѣлаетъ еще одну, столь же неудачную попытку упросить сына.

Между тѣмъ Будда ведетъ жизнь скитальца: мы видимъ его то у брахмановъ-аскетовъ, то у пустынника Арады; всюду онъ вступаетъ въ разговоръ о религіозныхъ системахъ, поднимаетъ споры, вырабатывая свое собственное міросозерцаніе путемъ углубленія въ самого себя и истощая себя чрезвычайнымъ постомъ. Мара, начальникъ зла, царь смерти, властитель міра соблазновъ, опасается подвижника, грозившаго перенять его власть на землѣ. Онъ пытается отвратить его отъ его подвига, собираетъ подвластныя ему силы, искушаетъ Будду, то являсь къ нему въ образѣ гонца, съ вѣстью, что его родственникъ Девадатта захватилъ престолъ и держитъ въ плѣну его отца, то смущая его соблазнительными рѣчами и тѣлодвиженіями демоновъ-красавицъ. Дочери Мары поютъ ему о земной любви; Мара соблазняетъ его образами земнаго величія, пугаетъ полчищами демоновъ-чудовищъ, угрожающихъ ему всякими страхами. Изо всѣхъ искушеній Будда выходитъ побѣдоноснымъ; девы поддержали его силы, демоны побѣждены, и Будда достигаетъ высшаго просвѣщенія.

Слѣдуетъ затѣмъ разказъ о его проповѣдпической дѣятельности, на которомъ я не останавливаюсь. У Будды является много послѣдователей, но и опасные противники въ лицѣ брахмановъ, съ которыми онъ принужденъ вести борьбу, и которыхъ побѣждаетъ въ религіозномъ спорѣ. Подъ конецъ принимаетъ его ученіе его отецъ Суддгодана. Будда умираетъ въ преклонныхъ лѣтахъ, и легенда говоритъ о его торжественномъ погребеніи, которое обычно было лишь для всемірныхъ монарховъ [1]).

Сличеніе пересказаннаго нами житія Будды съ повѣстью о Вар-

[1]) *Barthélemy Saynt-Hilaire*, Le Bouddha et sa religion, p. 43—46.

лаамѣ и Іоасафѣ открываетъ между ними точки соприкосновенія и отличія, которыя необходимо выяснить. Сходныя черты разказа бросятся каждому въ глаза; я укажу, въ параллель къ нимъ, на попытки ученыхъ сблизить нѣкоторыя имена дѣйствующихъ лицъ, являющихся въ той и другой легендѣ: такъ Теудасъ, одинъ изъ противниковъ Іоасафа, отвѣчаетъ образу Мары, но со стороны имени сближается съ Дэвадаттой, однимъ изъ противниковъ Будды; имя Іоасафа объяснялось измѣненіемъ имени Бодһисатвы (=Будды; Бодһисатва, Бодсадъ=Іоасафъ); мнѣ кажется вѣроятнѣе сравненіе, предложенное г. Минаевымъ, Іоасафа съ Ясодой одного буддійскаго разказа, о которомъ я говорю далѣе [1]). Другія имена Варлаамовой повѣсти обличаютъ своимъ семитическимъ характеромъ (Варлаамъ, Абеннеръ) посредство пересказщика-Сирійца.

Отличія обоихъ житій объясняются главнымъ образомъ требованіями новаго пріуроченія. Будда самъ доходитъ до состоянія высшаго духовнаго просвѣщенія; для Іоасафа цѣль стремленій была опредѣлена въ истинахъ христіанскаго откровенія. Здѣсь не достаточно было собственной работы мысли, а явилась необходимость руководства, наставленія. Такъ объясняли въ житіи Іоасафа выдающуюся роль Варлаама, которому въ индійской легендѣ отвѣчаетъ развѣ блѣдный образъ нищенствующаго монаха, встрѣча съ коимъ, устроенная Девапутрой, окончательно опредѣлила призваніе Будды. Варлаамъ приготовляетъ Іоасафа къ принятію христіанства: вся учительная часть повѣсти приписана ему, онъ наставляетъ царевича притчами и апологами. Замѣтимъ, что и въ житіи Будды развитъ этотъ элементъ вставныхъ разказовъ: разказщикомъ является самъ Будда, и какъ повѣствованія Варлаама пріурочены къ цѣлямъ христіанскаго наставленія, такъ въ устахъ Будды народная сказка, апологъ, новелла преобразуются въ разказы изъ исторіи перерожденій, какъ его самого, такъ и его учениковъ и другихъ лицъ, выступающихъ въ житіи. Этотъ особый характеръ вставныхъ повѣстей житія объясняетъ, почему онѣ не могли быть удержаны въ христіанской его передѣлкѣ: дѣйствительно, апологи Варлаама не стоятъ съ ними ни въ какой связи. Самая идея перерожденія не укладывалась въ христіанское міросозерцаніе, она дожна была изчезнуть, можетъ быть, оставивъ по себѣ одинъ неясный слѣдъ. Іоасафъ спрашиваетъ Вар-

---

[1]) Сл. Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 160, съ ссылкой на статью *И. П. Минаева*.

лаама о его возрастѣ. „Мнѣ около 45 лѣтъ", сказалъ старецъ. Удивился Іоасафъ. „Но на видъ тебѣ болѣе семидесяти!". „Лѣта моей жизни на землѣ ты опредѣлилъ довольно вѣрно", отвѣчаетъ Варлаамъ;—„но время, проведенное мною въ лживомъ мірѣ, я за жизнь не считаю". Такого рода взглядъ на отношенія мірской и духовно-созерцательной жизни находится въ уровнѣ со взглядами христіанскаго аскетизма; но пластическая фраза Варлаама различаетъ какъ бы два отдѣльные существованія, смѣнившихъ одно другое, какъ фазы перерожденій, о которыхъ говорили Индусы.

Возвратимся къ Варлааму. Появленіе этого лица, не встрѣчающагося ни въ одной легендарной біографіи Будды, было объяснено выше изъ требованій христіанскаго пересказа, подарившаго насъ житіемъ Іоасафа. Либрехтъ также считаетъ Варлаама нововведеніемъ христіанскаго пересказщика. Относительно этого вопроса я могу высказаться опредѣленнѣе, развивая указаніе, данное нѣсколько лѣтъ тому назадъ профессоромъ Минаевымъ. Дѣло въ томъ, что въ числѣ повѣстей, вложенныхъ въ уста Будды и вставленныхъ въ его житіе, есть одна, не обратившая на себя вниманіе Либрехта: это—разказъ объ одномъ изъ первыхъ послѣдователей Будды, Ясадѣ или Ясодѣ [1]). Онъ интересенъ тѣмъ, что, являясь сколкомъ съ легендарной біографіи Будды (собственно, съ первой ея половины: юность и бѣгство), онъ представляетъ болѣе родственныя черты съ житіемъ Іоасафа. Выше я ужь указалъ на возможность сблизить имена Ясады и Іоасафа; послѣдній родится у отца, долго пребывавшаго бездѣтнымъ; то же разказывается о Ясадѣ, но не о Буддѣ.

Легенда о Ясадѣ, по передачѣ Биля, вкратцѣ слѣдующая: Въ Бенаресѣ жилъ именитый человѣкъ, по имени Супра-Будда. Онъ обладалъ несмѣтными богатствами, но у него не было дѣтей. По его молитвѣ Девапутра, спустившись съ небесъ, воплотился въ его жену (такимъ же разказомъ о чудесномъ воплощеніи начинается, какъ извѣстно, и легенда Будды), и у Супра-Будды родился красавецъ-сынъ, котораго назвали Ясадой по причинѣ сіянія, появившагося надъ его головой въ минуту рожденія. Будучи единственнымъ сыномъ у своихъ родителей, Ясада преуспѣвалъ, развиваясь тѣлесно и умственно.

---

[1]) См. *Beale*, l. c., стр. 258 и слѣд.: Yasada; въ сингалезской легендѣ у *Spence Hardy*, A Manual of Budhism, стр. 187—8: Yasa, сынъ Jujatà'ы; въ бирманской у *Bigandet*, l. c., стр. 112 и слѣд.: Ratha; сл. *Schiefner*, Eine tibetische Lebensbeschreibung Çàkjamuni's, стр. 247; въ Mahâvastu: Yaçoda.

Отецъ построилъ ему три великолѣпные дворца — одинъ для зимы, другой для лѣта, третій для весны и осени. Его окружили всякими удовольствіями и бдительною стражей. Въ это время Будда проповѣдывалъ законъ въ Бенаресѣ, а Сакра Раджа (то-есть, Индра, отвѣчающій Девапутрѣ легенды о Буддѣ) спускается съ неба, и войдя во дворецъ Ясады, обращается къ нему съ такою рѣчью: „Дорогой Ясада! Пришла тебѣ пора покинуть твой кровъ и стать нищимъ монахомъ". Услышавъ это, Ясада велитъ приготовить себѣ колесницу и отправляется любоваться красотами окрестныхъ садовъ. Его первая встрѣча—съ нищимъ монахомъ: это былъ Будда; онъ предвидитъ скорое обращеніе Ясады, который, пораженный благолѣпіемъ Будды, сойдя съ колесницы, преклоняется передъ нимъ и затѣмъ ѣдетъ далѣе. Въ садахъ — новая встрѣча: Сакра принялъ образъ дряхлой женщины, трупъ которой покрытъ былъ червями. Это зрѣлище опечалило Будду и навело на него раздумье. Въ ту же ночь онъ бѣжалъ, и въ разказѣ о его бѣгствѣ встрѣчаются тѣ же черты, что̀ и въ соотвѣтствующемъ эпизодѣ житія Будды: точно также ворота открываются передъ нимъ сами, безъ скрипа и т. п. Онъ переходитъ рѣку Ворану, гдѣ его ждетъ и просвѣщаетъ Будда. Между тѣмъ Ясады хватились дома его жены, мать и отецъ, который обѣщаетъ большую награду тому, кто укажетъ ему, куда удалился его сынъ, и самъ идетъ искать его. Разказъ кончается обращеніемъ отца Ясады, его родни и друзей.

Выше я замѣтилъ, что Варлаамъ христіанскаго житія отвѣчаетъ нищенствующему монаху, съ которымъ, на канунѣ своего бѣгства, встрѣтился Будда. Изъ повѣсти о Ясадѣ мы узнаемъ, что этотъ монахъ—самъ Будда.

Разказъ Mahavastu (собраніе легендъ о Буддѣ и его ученикахъ), сообщенный мнѣ г. Минаевымъ, передаетъ въ болѣе краткихъ чертахъ ту же легенду о Ясадѣ, который названъ Ясодомъ, и прибавляетъ новыя подробности, приближающія насъ къ житію Іоасафа. Легенда эта начинается такимъ же разказомъ о рожденіи и юности Ясоды, какъ и предыдущая. Затѣмъ слѣдуетъ эпизодъ о купцѣ, отправившемся торговать на востокъ. Когда онъ вернулся, отецъ Ясоды шлетъ къ нему посланца съ словами: „Прійди и посмотри на благолѣпіе моего сына. Купецъ явился, отецъ усадилъ его, и позванъ былъ молодой Ясода. Явившись, онъ не поклонился ни отцу, ни гостю, и всѣ трое возсѣли на одномъ сѣдалищѣ. Между тѣмъ царь прислалъ посланца за отцомъ Ясоды съ словами: „Есть царскія

дѣла, приходи скорѣе". „Посиди съ юношей, пока я прійду", говоритъ, уходя, отецъ. Оставшись вдвоемъ, купецъ, пораженный благолѣпіемъ Ясоды, подумалъ, что такая жизнь ему не прилична, а прилично быть Пратьека-Буддой или великимъ Шравакой (ученикомъ Будды). „Юноша", сказалъ онъ ему,—„всякая молодость оканчивается старостью, всякое здоровье—болѣзнью, всякое великолѣпіе имѣетъ конецъ, со всѣмъ милымъ, пріятнымъ бываетъ разлука. Видѣлъ ли ты Бгагавана (господина, то-есть Будду)?" „Кто онъ такой?" спрашиваетъ юноша,—и купецъ описываетъ его. У Ясоды является желаніе повидать Будду—и затѣмъ слѣдуетъ уже извѣстный намъ разказъ о его бѣгствѣ.

Если предыдущая повѣсть позволила намъ сблизить Варлаама съ нищимъ монахомъ—Буддой, съ которымъ встрѣтился Ясада, то редакція Mahavastu подсказываетъ другое сближеніе—Варлаама съ купцомъ. Варлаамъ также является къ Іоасафу въ образѣ купца и наставляетъ его на путь истины, какъ купецъ въ легендѣ Mahavastu. Драгоцѣнный камень, который Варлаамъ сулитъ царевичу, и который толкуется иносказательно, какъ сокровище Христовой вѣры, могъ явиться самостоятельно въ христіанскомъ пересказѣ, какъ подходящая подробность, наводившая на аллегорическое толкованіе. Но въ устахъ буддійскихъ проповѣдниковъ подобная формула была освящена: я говорю о „трехъ драгоцѣнностяхъ" буддизма (Будда, законъ и санга, то-есть, община духовныхъ).

Либрехтъ сравнивалъ житіе Варлама и Іоасафа съ легендой Будды. Дальнѣйшія изслѣдованія измѣнятъ, быть можетъ, второй терминъ сравненія, поставивъ на его мѣсто легенду о Ясодѣ, одномъ изъ первыхъ учениковъ Будды. Но это не отмѣнитъ точку зрѣнія Либрехта, такъ какъ уже замѣчено было выше, что легенда о Ясодѣ, въ сущности, повторяетъ біографію Будды, съ нѣкоторыми отличіями, которыя ведутъ къ такимъ сопоставленіямъ: Ясода—это Іоасафъ; аскетъ—Будда; встрѣченный Ясодой, купецъ, являющійся къ нему съ проповѣдью буддизма,—это Варлаамъ. Я уже сказалъ, что имя послѣдняго, пока не объясненное, обличаетъ христіанскаго пересказщика-Семита: *bar* въ началѣ имени, какъ и въ имени Варѳоломея (Bartholomaeus) означаетъ въ семитическихъ языкахъ: сынъ. Помѣчу здѣсь на всякій случай соображеніе, подсказанное мнѣ академикомъ Шифнеромъ: что Варлаамъ, можетъ быть, ничто иное, какъ апостолъ Варѳоломей, о которомъ древнее преданіе (Евсевій, св.

Іеронимъ и др.) гласило, что онъ ходилъ въ Индію, гдѣ, по разказу Авдія, будто бы обратилъ въ Христову вѣру царя Полимнія.

Гипотеза Либрехта несомнѣнно подлежитъ развитію; ближайшее знакомство съ памятниками, отношенія которыхъ она хочетъ освѣтить, сдѣлаетъ ее опредѣленнѣе; но пока еще не предвидится, чтобъ она могла быть отмѣнена вовсе. Г. Кирпичниковъ задался именно этою цѣлью, которую преслѣдуетъ въ своей послѣдней главѣ. Ограничиваясь тѣмъ немногочисленнымъ матеріаломъ, на которомъ Либрехтъ основалъ свое положеніе, онъ позабываетъ, что съ той поры прошло 16 лѣтъ, и за это время въ изученіи буддизма было сдѣлано многое, что помогло бъ ему посмотрѣть на спорный вопросъ при свѣтѣ новыхъ данныхъ. Теорія Либрехта заслуживала такой провѣрки; авторъ добровольно ограничилъ себя самъ и принужденъ выступить противъ Либрехта съ его же собственнымъ оружіемъ; онъ хочетъ побѣдить его логикой.

Либрехтъ сравнилъ рамку житія Варлаама и Іоасафа съ рамкой легендарной біографіи Будды, нашелъ въ нихъ вѣскія черты сходства и пришелъ къ заключенію, что одна изъ нихъ представляетъ сколокъ съ другой. Разбирая далѣе притчи, вставленныя въ житіе Варлаама и Іоасафа, онъ замѣтилъ, что нѣкоторыя изъ нихъ попадаются и въ буддійскихъ пересказахъ, и это укрѣпило его взглядъ на буддійское происхожденіе всего житія. Всякому понятно, что послѣднее доказательство является, въ сущности, лишь подспорьемъ, „что если бы факты принудили насъ признать всѣ безъ исключенія въ Варлаамѣ притчи буддійскими, черезъ это буддійское происхожденіе рамки не пріобрѣло бы большей достовѣрности" (стр. 225). Въ самомъ дѣлѣ: припомнимъ въ житіи Варлаама и Іоасафа отношеніе рамки разказа къ вставленнымъ въ нее параболамъ: оно внѣшнее, нѣсколько случайное; мы, напримѣръ, легко можемъ представить себѣ, что наставленія Варлаама могли быть еще подробнѣе, чѣмъ въ извѣстномъ намъ текстѣ, и такимъ образомъ вызвать потребность въ новыхъ иллюстраціяхъ—въ формѣ новыхъ апологовъ. Все это находитъ себѣ подтвержденіе въ исторіи тѣхъ сказочныхъ сборниковъ, которые, выйдя съ востока подобно разбираемому житію, стали достояніемъ средневѣковой Европы: они состоятъ изъ такой же повѣствовательной рамки и такихъ же, внѣшнимъ образомъ связанныхъ съ нею апологовъ, число которыхъ свободно наростало или уменьшалось, не измѣняя существенно характера всего памятника. Такъ измѣнялся послѣдовательно, въ средневѣковыхъ передѣлкахъ, старый восточный

романъ о Семи мудрецахъ. Самъ г. Кирпичниковъ (l. c.) принужденъ сознаться, что „парабола, не связанная съ дѣйствительнымъ фактомъ(?),—res nullius, которою всякій могъ пользоваться для своихъ цѣлей“. Если таково его мнѣніе, то къ чему было давать такой объемъ разбору притчъ житія со стороны ихъ источниковъ и параллелей (стр. 225—252),—если этотъ разборъ не существенъ для дѣла и не доказателенъ? Но г. Кирпичниковъ самъ себѣ противорѣчитъ: съ одной стороны, онъ призналъ параболу—res nullius, а съ другой, обращаясь къ критикѣ доводовъ Либрехта, онъ распредѣляетъ ихъ на двѣ групы: одни изъ нихъ касаются рамки легенды, другіе—притчъ, разнообразящихъ ея аскетическое содержаніе (стр. 217). Такимъ образомъ, за обѣими групами признается какъ бы равная степень доказательности. Но Либрехтъ никогда не ставилъ ихъ въ одинъ уровень; указавъ на нѣкоторыя буддійскія параллели къ притчамъ Варлаама, онъ въ заключеніе не даетъ имъ особой цѣны: „Какъ бы то ни было“, говоритъ онъ,—„достаточно ясно, что основа Варлаама и Іоасафа восходитъ къ буддійскимъ источникамъ, что исторія Іоасафа ничто иное, какъ христіанская перелицовка, и притомъ очень точная, повѣсти о жизни и духовномъ развитіи Будды“. Дѣло, стало быть, въ основѣ, то-есть, въ рамкѣ, въ канвѣ житія. И ее г. Кирпичниковъ подвергнулъ своей отрицательной критикѣ.

Начну съ нѣсколькихъ общихъ его положеній (стр. 226). „Чтобы доказать литературное сродство другихъ разказовъ“, говоритъ онъ,—„необходимо найдти въ нихъ, вопервыхъ, единство нѣсколькихъ моментовъ, вовторыхъ, совпаденіе аксессуарныхъ принадлежностей, и втретьихъ, связь основной идеи того и другаго разказа“, тенденціи. Съ первыми двумя положеніями нельзя не согласиться: они общеизвѣстны. Но что̀ разумѣется въ третьемъ? Я сопоставляю его съ другою фразой автора, въ которой выразилось его сомнѣніе: могло ли перейдти въ христіанскую легенду „жизнеописаніе основателя чуждой религіи, которое было противно христіанину по самому содержанію“ (стр. 225)? Если мое толкованіе вѣрно, то автору прійдется отрицать возможность всякой литературной перелицовки, которой всякое новое поколѣніе подвергаетъ умственный матеріалъ, завѣщанный прошлымъ, вводя въ него свои собственныя идеи и радикально измѣняя міросозерцаніе. Припомнимъ факты. Восточная сказка о кольцахъ или драгоцѣнныхъ камняхъ (символизирующихъ различныя религіи) получаетъ скептическій колоритъ въ эпоху нарождавшагося религіознаго скепсиса, затѣмъ пріобрѣтаетъ христіанскую окраску въ редакціи

Римскихъ Дѣяній и снова, отвѣчая идеямъ времени, возвращается къ прежней точкѣ зрѣнія въ Натанѣ Мудромъ Лессинга. Что̀ общаго въ міросозерцаніи италіанской рыцарской поэмы и французскихъ chansons de geste, давшихъ ей лица и сюжеты, однимъ словомъ, весь эпическій матеріалъ? Никто не станетъ отрицать связи между народною нѣмецкою сагой о докторѣ Фаустѣ и Фаустомъ Гёте, и никому не прійдетъ въ голову отожествлять ихъ со стороны тенденціи, содержанія идей.

Но обратимся къ двумъ первымъ положеніямъ г. Кирпичникова. Онъ не скрываетъ отъ насъ, что сходство житія и буддійской легенды поразило и его, но онъ отрицаетъ, чтобъ основаніемъ тому были историческія связи заимствованія. Онъ ищетъ и находитъ другія причины; вмѣсто многаго, приведу одинъ его отзывъ (стр. 218—219): Планъ Варлаама отчасти *по сходству основной темы*, отчасти *случайно* сходится въ нѣкоторыхъ моментахъ съ легендарнымъ житіемъ Будды. О случайности авторъ говоритъ не разъ; это такой ненаучный критерій, что я ограничусь лишь „случайнымъ" его упоминаніемъ. Другое дѣло: сходство основной темы, единство идеи (стр. 224), сходство направленій (стр. 229) и т. п. Идею г. Кирпичникова лучше всего пояснятъ слѣдующія двѣ выписки: онъ говоритъ, что какъ въ буддійской Индіи, такъ и на христіанскомъ востокѣ аскетизмъ, добровольное отрѣшеніе отъ благъ жизни пользовалось высокимъ уваженіемъ и возбуждало поэтическое творчество грамотниковъ и народа (стр. 217); удивительно ли послѣ того, что буддистъ и христіанскій аскетъ сошлись въ осязательномъ изображеніи одной и той же мысли? (стр. 225). Что единство культурныхъ условій, одинаковая степень умственнаго развитія могутъ приводить различныя народныя среды къ одинаковымъ или сходнымъ выраженіямъ мысли въ формѣ миѳа, обряда, эпической пѣсни, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, и остается только пожелать, чтобы, напримѣръ, наука сравнительной миѳологіи болѣе обращала вниманія на это теоретическое положеніе. Но нельзя не замѣтить, что такому объясненію сходства — вслѣдствіе общности культурныхъ условій—подлежатъ лишь первичные факты: первичные миѳы, простѣйшіе эпическіе сюжеты; къ фактамъ сложнымъ, представляющимъ цѣлую послѣдовательность моментовъ, это объясненіе едва ли приложимо. Этого не взялъ въ соображеніе г. Кирпичниковъ, и потому, принимаясь доказывать христіанскую самостоятельность Варлаама и Іоасафа, поступаетъ такимъ образомъ: онъ обращается къ литературѣ легендъ и находитъ въ житіяхъ христіанскихъ подвиж-

никовъ всѣ тѣ черты, которыя въ Варлаамѣ и Іоасафѣ толкуются какъ перенесенныя изъ буддійскаго оригинала. Іоасафъ, напримѣръ, рано начинаетъ помышлять о вопросахъ духовной жизни—то же разсказывается и о другихъ святыхъ; Варлаамъ приходитъ къ Іоасафу въ образѣ купца—Оригенъ посылаетъ къ св. Варварѣ своего ученика, который выдаетъ себя за медика. Преніямъ съ язычниками въ житіи Іоасафа отвѣчаютъ подобныя же въ Клементинахъ. Отецъ искушаетъ Іоасафа женскою красотою: но то же разсказывается о св. Витѣ, св. Кристанѣ; въ житіяхъ угодниковъ также сыновья нерѣдко обращаютъ своихъ отцовъ и т. д.

Заключеніе г. Кирпичникова читатель предвидитъ, но онъ же противопоставитъ ему его собственное положеніе: что о сродствѣ разсказовъ слѣдуетъ говорить лишь тогда, когда тамъ и здѣсь является единство нѣсколькихъ моментовъ. Такихъ и притомъ весьма опредѣленныхъ моментовъ въ житіи Варлаама и Іоасафа является нѣсколько: рожденіе, особое воспитаніе, искусственное заключеніе, знаменательныя встрѣчи, обращеніе, бѣгство и т. п. Г. Кирпичниковъ беретъ одинъ изъ этихъ моментовъ и находитъ ему параллель въ той или другой легендѣ; затѣмъ беретъ другой и подыскиваетъ ему другую аналогію и т. д. Еслибъ я могъ увѣровать въ состоятельность его пріема, я готовъ былъ бы принять такой, напримѣръ, вызовъ: пусть дадутъ мнѣ переводъ какого-нибудь французскаго романа, въ которомъ одни лишь имена дѣйствующихъ лицъ и мѣстностей были бы замѣнены русскими, и я берусь доказать, что этотъ переводъ—вещь совершенно самостоятельная, что сходство съ предполагаемымъ подлинникомъ—только культурное, и для каждаго эпизода подыщу соотвѣтствующую аналогію изъ русскихъ романовъ.

Дѣло въ томъ, что житіе Варлаама и Іоасафа представляетъ *нѣсколько эпическихъ моментовъ, расположенныхъ въ извѣстной послѣдовательности.* Вотъ для этой послѣдовательности и надо было подыскать подходящую христіанскую параллель. Таковая нашлась въ легендарной біографіи Будды и до сихъ поръ не найдена въ области христіанскихъ легендъ. Мы ожидали такого открытія отъ г. Кирпичникова, основываясь на первыхъ строкахъ его четвертой главы: „Съ 1860 года“, говоритъ онъ,—„то-есть, со времени появленія статьи Либрехта, буддійское происхожденіе повѣсти считается многими несомнѣннымъ; издатели французскаго текста полагаютъ даже, что въ новыхъ доказательствахъ нѣтъ нужды. Надѣемся доказать противное“. Доказательствъ мы не видѣли и тѣмъ подозрительнѣе отно-

сився къ доводамъ г. Кирпичникова, что они исходятъ изъ предвзятаго рѣшенія, что-де вліяніе буддійской легенды на христіанскую допустить не возможно. Я не даромъ говорю о предвзятости: авторъ готовъ допустить заимствованіе, лишь бы не въ томъ направленіи, въ которое всѣ вѣрятъ, а въ обратномъ. Схвативъ фразу профессора Васильева, что буддизмъ развивался не столько изъ собственныхъ началъ, сколько подъ постороннимъ вліяніемъ, перенимая у другихъ, вводя или передѣлывая ихъ идеи у себя, г. Кирпичниковъ спрашиваетъ: возможно ли предположить, что авторъ буддійской легенды заимствовалъ эпизодъ изъ греческаго житія? (стр. 224). Но житіе въ настоящемъ своемъ видѣ отнесено самимъ г. Кирпичниковымъ къ половинѣ VIII вѣка по Р. Х., а біографія Будды извѣстна была уже въ 70-хъ годахъ нашей эры, стало быть восемью столѣтіями ранѣе. Возможно ли говорить о такомъ обратномъ заимствованіи?

Выбирая изъ книги г. Кирпичникова болѣе живыя стороны, я нахожу ихъ въ тѣхъ страницахъ, которыя онъ посвятилъ изученію русскихъ рукописей Варлаама и Іоасафа. Работа его представляетъ недостатки; но онъ болѣе другихъ подготовленъ къ тому, чтобы, вернувшись къ ней съ новыми силами, добыть болѣе точные результаты. Можетъ быть, ему и удастся упрочить свое положеніе о различіи редакцій житія и такимъ образомъ выполнить хотя часть своихъ нѣсколько щедрыхъ обѣщаній.

Александръ Веселовскій.

О ДРЕВНЕЙ КУЛЬТУРѢ ЗАПАДНЫХЪ ФИННОВЪ ПО ДАННЫМЪ ИХЪ ЯЗЫКА [1]).

Die Kulturwörter der Westfinnischen Sprachen. Ein Beitrag zu der älteren Kulturgeschichte der Finnen. Von D-r *August Ahlquist* (Культурныя слова въ западно-финскихъ языкахъ. Вкладъ въ исторію древней финской культуры. Соч. д-ра *Августа Алквиста*). Helsingfors. 1875.

III.

Домашніе промыслы и рукодѣлія у древнихъ Финновъ: кузнечное дѣло, названія металловъ; деревянныя издѣлія, пряденіе и ткачество; окрашиваніе тканей, понятіе о цвѣтахъ, добыча красильныхъ веществъ; выдѣлка мѣховъ и изготовленіе обуви.

Отъ очерка скотоводства и земледѣлія у Западно-Финскихъ племенъ переходя къ ихъ рукодѣліямъ и ремесламъ, г. Алквистъ прежде всего набрасываетъ общую картину этихъ домашнихъ занятій древнихъ Финновъ. Донынѣ, говоритъ онъ, — раздѣленія труда еще не существуетъ въ отдаленныхъ частяхъ Финляндіи, и крестьянинъ не только самъ дѣлаетъ для себя земледѣльческія орудія, домашнюю утварь и ткани для одежды, но изготовляетъ и большую часть инструментовъ, необходимыхъ для производства этихъ издѣлій [2]). Еще менѣе

---

[1]) *Продолженіе.* См. *Журн. Мин. Народн. Просв.* за іюнь текущаго года.

[2]) «Непремѣнная принадлежность каждаго двора» (крестьянскаго въ сѣверной Финляндіи), замѣчаетъ г. Гротъ, — «рига, баня, житница, колодезь; часто присоединяются къ нимъ мельница и кузница. Послѣдняя служитъ еще остаткомъ обычая финскихъ крестьянъ своими руками приготовлять для домашняго обихода всѣ издѣлія, собственно составляющія предметъ разнородныхъ ремеслъ». См. Переѣзды по Финляндіи, стр. 70.

возможно предполагать, что существовало раздѣленіе труда въ ту отдаленную эпоху, когда уединенный житель лѣсовъ былъ совершенно предоставленъ самому себѣ и самъ долженъ былъ припасать все необходимое какъ для себя самого, такъ и для своего семейства. Мужчина заботился о томъ, что̀ нужно для охоты и рыбной ловли, а женщина выдѣлывала шкуры убитыхъ мужемъ пушныхъ звѣрей, сушила рыбу на зиму и обшивала всю семью. Такимъ образомъ, ихъ ограниченныя потребности удовлетворялись собственными средствами. Только нѣкоторыя орудія, какъ напримѣръ, топоры и ножи—сперва каменные, а позже желѣзные, впослѣдствіи еще швейныя иглы—также изъ металла, шерстяныя ткани и грубое полотно, житель лѣсовъ вымѣнивалъ на мѣха и сушеную рыбу, посѣщая для этой цѣли одинъ разъ въ годъ отдаленный рынокъ или ярмарку; при этомъ, если дозволялъ ему запасъ его собственныхъ товаровъ, онъ закупалъ себѣ и хлѣба. Такъ до сихъ поръ живутъ соплеменные Финнамъ Вогулы, и страна ихъ представляется современному путешественнику именно такою, каковъ долженъ былъ быть весь сѣверо-востокъ Европы прежде, чѣмъ тамъ распространилось земледѣліе; вслѣдствіе того, заключаетъ г. Алквистъ,—и образъ жизни нынѣшнихъ Вогуловъ долженъ быть сходенъ съ бытомъ древнихъ Финновъ.

Итакъ, у Финновъ не могло быть особенно развитыхъ рукодѣлій и ремеслъ. Раньше другихъ, и кажется, довольно давно развилось у нихъ—какъ признаетъ г. Алквистъ—ремесло *кузнечное.* Это ясно ужъ изъ того, напримѣръ, что кузнечныя издѣлія Финновъ славились своею добротностью въ позднѣйшее время; и конечно, Финны не достигли бы такого совершенства въ кузнечномъ дѣлѣ, если бы не знали его и не занимались имъ издревле. Финскіе мечи нерѣдко прославляются въ скандинавскихъ сагахъ, и это объясняется существовавшимъ повѣрьемъ въ волшебную силу, которою долженъ обладать всякій хорошій финскій мечъ; на Финновъ смотрѣли какъ на людей искусныхъ въ колдовствѣ и могущихъ сообщить мечу волшебную силу.

Финское названіе кузнеца не имѣло однако первоначально этого значенія. Слово *seppä* до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ случаяхъ получаетъ болѣе широкій смыслъ, какъ напримѣръ, въ сложномъ *runo-seppä*, искусный, знатокъ въ рунахъ (пѣсняхъ); въ старинныхъ пѣсняхъ попадаются слова: *purrenseppä*, искусный въ кораблестроеніи, *oluenseppä*, изобрѣтательница пива, въ народномъ языкѣ—*puuseppä*, столяръ. Эти и другія сочетанія со словомъ *seppä* показываютъ, что

коренное значеніе послѣдняго, широко распространеннаго притомъ въ финскихъ языкахъ, было: искусный въ ремеслѣ, мастеръ, то-есть, подходило къ смыслу латинскаго *faber*. Кузнечное дѣло, какъ требующее значительнаго искусства, издревле было въ большомъ уваженіи у Финновъ. До сихъ поръ у финскихъ крестьянъ въ обычаѣ — приносить кузницу, когда къ нему приходятъ за какимъ дѣломъ, водки или чего-нибудь съѣстнаго; если кузнецъ работаетъ у кого-либо на дому, хозяева особенно ухаживаютъ за нимъ; поэтому и пословица финская говоритъ, что „кузнецу — лучшій кусокъ". Въ древности уважалось не одно техническое умѣнье кузнеца; опасались его таинственной силы, ибо существовало убѣжденіе, что кузнечное ремесло не могло быть производимо безъ пособія колдовства, и что отъ доброй воли кузнеца зависѣло выковать такое оружіе, которое принесетъ счастье или несчастіе своему владѣльцу. У древнихъ Финновъ, по всей вѣроятности, не было однако особыхъ постоянныхъ помѣщеній для кузнечнаго производства: кузнечество было бродячимъ промысломъ, и кузнецы ходили по малонаселенной странѣ, нося съ собою всѣ необходимые инструменты и припасы, и въ томъ числѣ горшокъ съ угольями, имѣвшій назначеніе замѣнять горнъ: оттого и слово *pada*, *paja*, имѣетъ въ финскихъ языкахъ значеніе и горшка, и кузницы. При этомъ должно замѣтить, что какъ названіе болѣе усовершенствованнаго, постояннаго горна, такъ и другихъ принадлежностей кузнечнаго производства, заимствованы изъ языковъ сосѣднихъ народовъ.

Послѣ этихъ замѣчаній о развитіи кузнечнаго промысла, г. Алквистъ предлагаетъ перечень металловъ, которые были знакомы древнимъ Финнамъ [1]). Извѣстно, что первымъ металломъ, употребленіе котораго узналъ человѣкъ, была мѣдь, такъ какъ она часто встрѣчается на поверхности земли въ чистомъ видѣ и плавится при гораздо меньшей температурѣ, чѣмъ, напримѣръ, серебро или желѣзо. Финны, вѣроятно, еще на Уралѣ научились добывать этотъ металлъ и приготовлять изъ него оружіе и другіе предметы; древнѣйшее кузнечное искусство ихъ развилось именно на обработкѣ мѣди. Множество мѣдныхъ издѣлій было находимо какъ на Уралѣ, такъ и на Алтаѣ въ мѣстахъ, гдѣ встрѣчаются засыпанныя ямы или штольны, называемыя у насъ чудскими копями; копи эти могутъ принадлежать

---

[1]) Ср. Zur Metallkunde der alten Finnen und anderer tschudischer Völker въ *J. A. Sjögren's* Gesammelte Schriften, I, стр. 625—638.

какъ Тунгусамъ и Монголамъ, слывущимъ у своихъ сосѣдей за искусныхъ кузнецовъ, такъ и Финнамъ. При раскопкѣ этихъ ямъ находили не только мѣдь въ круглыхъ слиткахъ, но и круглые горшки изъ бѣлой глины, служившіе для плавленія. Когда Русскіе пришли на Уралъ, то не нашли у нынѣшнихъ его обитателей Вогуловъ никакихъ преданій о томъ, кому принадлежали эти копи, сами же Вогулы не обнаружили знакомства съ горнымъ дѣломъ, то-есть, позабыли знакомую ихъ предкамъ обработку мѣди, послѣ того, какъ познакомились съ желѣзомъ, изъ коего дѣлались покупаемыя ими вещи. Но не подлежитъ сомнѣнію, что мѣдь была извѣстна Финнамъ и обработывалась ими издревле. Указаніе на то мы находимъ въ финскомъ эпосѣ: воспѣваемое въ немъ Сампо, это таинственное, всѣми желанное сокровище, которое сулило своему обладателю всякаго рода благополучіе, замкнуто въ мѣдной горѣ въ странѣ Похьолѣ. Маленькій человѣкъ, срубающій большой дубъ (Калевала, пѣсня II-я), одѣтъ въ мѣдь съ ногъ до головы: даже его шляпа, кушакъ и перчатки, а равно и топоръ, которымъ онъ работаетъ, мѣдные. Различныя, упоминаемыя въ рунахъ, вещи, какъ напримѣръ, молотки, весла, ящики, сдѣланы изъ мѣди. Замѣчательное свидѣтельство о воззрѣніи Финновъ на мѣдь представляетъ IX-я пѣсня Калевалы въ сказкѣ о происхожденіи желѣза: тутъ открытіе мѣди приписывается одному изъ главныхъ лицъ финскаго эпоса Ильмаринену, вѣчному кузнецу, который выросъ на пустырѣ, покрытомъ углемъ, съ маленькими клещами въ одной рукѣ, съ мѣднымъ молотомъ въ другой. Языкъ, съ своей стороны, также свидѣтельствуетъ о раннемъ знакомствѣ Финновъ съ мѣдью: одно изъ коренныхъ названій ея встрѣчается въ западно-финскихъ нарѣчіяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, не чуждо языкамъ остяцкому и мадьярскому; другое же названіе, тоже коренное, — общее языкамъ вотяцкому, зырянскому, черемисскому и вогульскому. Эти обстоятельства доказываютъ, что мѣдь была извѣстна Финнамъ прежде, чѣмъ они распались на свои теперешнія подраздѣленія. На противъ того, сплавъ мѣди съ оловомъ, извѣстный подъ названіемъ бронзы и предпочтительно употреблявшійся въ древности для практическихъ цѣлей, ибо онъ тверже чистой мѣди, не былъ — по всей вѣроятности — извѣстенъ Финнамъ: названіе олова въ финскихъ языкахъ заимствовано изъ германскихъ, слѣдовательно, по прибытіи Финновъ къ Балтійскому побережью и въ то время, когда они уже знали употребленіе желѣза. Весьма, однако, вѣроятно, что и до той поры

Финны употребляли издѣлія изъ бронзы, которыя приходили къ нимъ путемъ торговли.

Вмѣстѣ съ мѣдью Финнамъ, кажется, извѣстно было и серебро, но въ названіи его языки Западныхъ и Восточныхъ Финновъ весьма различествуютъ, вслѣдствіе чего остается не выясненнымъ—знали ли Финны употребленіе этого металла, прежде чѣмъ часть ихъ двинулась на западъ.

Относительно употребленія желѣза дѣло разъясняется болѣе опредѣленно: между тѣмъ какъ всѣ Восточно-Финскіе народы называютъ этотъ металлъ самобытнымъ словомъ одного корня, Финны Западные даютъ ему названіе, происходящее изъ языковъ арійскихъ. Поэтому слѣдуетъ заключать, что Финны, когда пришли въ прибалтійскія страны, еще не обладали искусствомъ добывать желѣзо. „Открытіе желѣза", говоритъ Максъ Мюллеръ, — „знаменуетъ цѣлую эпоху въ исторіи культуры; желѣзо нельзя найдти, подобно золоту, серебру и мѣди, въ безпримѣсномъ состояніи; желѣзная руда требуетъ поисковъ, и процессъ выдѣленія изъ нея чистаго металла не легокъ и сложенъ. Въ богатой желѣзомъ Новой Зеландіи употребленіе его не было извѣстно до прибытія туда Европейцевъ" [1]). Извѣстно, что и Арійское племя до прихода въ Европу едва ли знало обработку желѣза въ эпоху своего единства, и что рѣзкое несходство въ названіяхъ желѣза и желѣзныхъ орудій у разныхъ народовъ свидѣтельствуетъ, что употребленіе этого металла стало извѣстно Арійцамъ лишь въ то время, когда они раздробились па главнѣйшія народности, которыя уже—каждая самостоятельно—знакомились съ нимъ на новыхъ своихъ европейскихъ жилищахъ [2]). Что касается Финновъ, то въ пользу мнѣнія о позднемъ знакомствѣ ихъ съ добычей желѣза ясно свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что они употребляли для сего только болотную руду, которая часто встрѣчается въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они живутъ теперь, но никакъ не въ ихъ восточной прародинѣ, и что въ упомянутой выше сказкѣ Калевалы о происхожденіи желѣза ясно говорится, что этотъ металлъ или руда его скрыты въ болотахъ, трясинахъ, ключахъ и озерахъ, и ни единымъ словомъ не намекается на нахожденіе желѣза въ горахъ. Подобная сказка не могла бы

---

[1]) *Max Müller*, Vorlesungen über die Wisssenschaft der Sprache. Leipzig, 1865, II, стр. 219.

[2]) *А. А. Котляревскій*, Металлы и ихъ обработка въ доисторическую эпоху у племенъ Индоевропейскихъ, въ изданіи: *Древности*. Труды Моск. археол. общества. Т. I (1865 г.), стр. 65.

сложиться, если бы Финны узнали употребленіе желѣза еще на Уралѣ, такъ какъ все желѣзо, тамъ добываемое, получается изъ горныхъ залежей. Или, быть можетъ, Финны, во время своего медленнаго движенія на западъ, позабыли это искусство? По крайней мѣрѣ, языки западно-финскіе свидѣтельствуютъ, что сосѣди Финновъ были учителями ихъ въ данномъ случаѣ. Общераспространенное въ названныхъ языкахъ слово, означающее желѣзо, а также и желѣзную руду, есть *rauta*, *road* и т. п.; слово это хотя и весьма употребительно въ финскихъ языкахъ и даже перешло въ мѣстныя названія, но по происхожденію своему принадлежитъ языкамъ арійскимъ, и именно литовскому, германскому и славянскому, то-есть, языкамъ тѣхъ народовъ, которые сосѣдили съ Финнами, пришедшими къ Балтійскому поморью. Арійскій корень этого слова имѣетъ значеніе краснаго цвѣта (ср. русск. *руда* = кровь), а отсюда въ переносномъ смыслѣ — красная земля, желѣзная руда. Г. Алквистъ не рѣшаетъ окончательно, который именно изъ трехъ названныхъ арійскихъ языковъ оказалъ въ данномъ случаѣ вліяніе на западно-финскіе, но замѣчаетъ, что ближе всего къ финскому слову подходитъ др.-сѣв. *rauda*, желѣзная охра. Во всякомъ случаѣ послѣ этихъ соображеній г. Алквиста представляется невозможнымъ принимать высказанное К. М. Беромъ предположеніе, что Арійскія племена, проникшія въ сѣверную Европу, заимствовали обработку желѣза у Финновъ, прославленныхъ искусными ковачами какъ въ своихъ національныхъ, такъ и въ скандинавскихъ преданіяхъ. Такая слава о древнихъ Финнахъ могла бы относиться развѣ къ искусству ихъ обработывать мѣдь, но никакъ не къ умѣнью ковать желѣзо.

Названія золота также рѣзко отличаются у Западныхъ и Восточныхъ Финновъ: у первыхъ оно—несомнѣнно германскаго корня, а у вторыхъ, вѣроятно, происходятъ изъ санскрита чрезъ посредство языковъ персидскаго и средне-азіятскихъ. Наконецъ, свинецъ и олово называются у разныхъ Финскихъ племенъ именами, заимствованными то у Скандинавовъ, то у Славянъ или у Литовцевъ.

Въ противоположность металлическимъ производствамъ, къ которымъ Финны издревле проявляли склонность, въ *деревянныхъ постройкахъ и подѣлкахъ* они никогда не обнаруживали большаго умѣнья. Народная пословица: „что заработаешь топоромъ, того станетъ только чтобъ облизаться" указываетъ, что Финны не питаютъ большаго уваженія къ плотничеству, а съ малымъ развитіемъ ремесла связывается и скудость относящихся до него словъ, которыя

притомъ не всѣ самостоятельнаго финскаго корня. Поэтому мы можемъ безъ ущерба миновать относящіяся до этого предмета подробности изслѣдованій г. Алквиста, и прямо перейдемъ къ свѣдѣніямъ о производствѣ у древнихъ Финновъ пряжи и тканей.

Какъ и у другихъ народовъ, *пряденье* и *ткачество* было у Финновъ преимущественно женскимъ занятіемъ и считалось однимъ изъ главныхъ достоинствъ хорошей хозяйки; въ одной изъ пѣсень Калевалы приводится цѣлый рядъ наставленій молодой дѣвушкѣ-невѣстѣ касательно этихъ рукодѣлій. Тѣмъ не менѣе, и въ этой области мы встрѣчаемъ далеко не одни самобытныя финскія выраженія, но и достаточное количество словъ, заимствованныхъ изъ другихъ языковъ.

Названія двухъ главныхъ прядильныхъ растеній, конопли и льна, въ языкахъ западно-финскихъ заимствованы у Индо-Европейцевъ; напротивъ того, во всѣхъ почти языкахъ восточно-финскихъ конопля, а въ нѣкоторыхъ и ленъ, называются словами чисто финскаго корня, которыя означаютъ собственно крапиву. Палласъ разказываетъ про Башкиръ, что они, не зная еще земледѣлія, умѣли приготовлять волокна для пряжи изъ дико-растущей крапивы (urtica dioica?) [1]. То же сообщаютъ объ Остякахъ не только Кастренъ и г. Поляковъ, но и первый описыватель ихъ быта Шведъ I. Б. Мюллеръ въ началѣ XVIII вѣка. „Такъ какъ", говоритъ послѣдній, — „въ странѣ Остяковъ ленъ не родится, и женщины не могутъ его прясть, то они выдѣлываютъ по особому способу крапиву; изъ нея они приготовляютъ нѣчто въ родѣ ткани, служащей имъ у постели пологомъ, который и защищаетъ ихъ отъ мошекъ, сильно безпокоящихся ихъ лѣтомъ въ лѣсахъ. Хотя эта ткань очень жестка, онѣ дѣлаютъ изъ нея и рубахи, и платки и окрашиваютъ края послѣднихъ разными цвѣтами" [2]). Поэтому не удивительно, что въ восточно-финскихъ язы-

[1]) *Pallas*, Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs (St.-Pbg., 1801), I, стр. 448; ср. *Генъ*, Культурныя растенія и домашнія животныя, стр. 354—355.

[2]) Магазинъ землевѣдѣнія и путешествій. VI. Путешествія *М. А. Кастрена*, стр. 231; *И. С. Поляковъ*, Письма и отчеты о путешествіи въ долину р. Оби (С.-Пб. 1877), стр. 71.—Мюллеръ принадлежалъ къ числу шведскихъ офицеровъ, взятыхъ въ плѣнъ въ Великую Сѣверную войну и сосланныхъ въ Сибирь; онъ описалъ бытъ Остяковъ въ небольшомъ сочиненіи: Leben und Gewohnheiten der Ostjacken (Berlin, 1720); оно приложено къ одному изъ французскихъ переводовъ извѣстной книги Вебера: Des Veränderte Russland, вышедшему подъ заглавіемъ: Nouveaux Mémoires sur l'etat présent de la Grande Russie ou Moscovie (Paris, MDCCXXV), t. II; приведенное нами мѣсто см. на стр. 183. О русскомъ

кахъ названіе крапивы усвоено и конопле, о которой Восточные Финны узнали отъ Русскихъ. Безъ сомнѣнія, и тѣ Финскія племена, которыя проникли на западъ прежде, чѣмъ освоились съ правильнымъ земледѣліемъ и научились готовить шерстяную пряжу, умѣли прясть волокна крапивы въ нитки, которыя необходимы въ быту охотниковъ и рыболововъ не менѣе, чѣмъ цивилизованному человѣку. Это предположеніе подтверждается и нѣкоторыми данными языка: въ то время, какъ названія всѣхъ предметовъ, относящихся до пряденья шерсти, имѣютъ въ западно-финскихъ нарѣчіяхъ иноязычное происхожденіе, приготовленіе пряжи изъ волокнистыхъ растеній обозначается словами самобытнаго корня; въ особенности это относится къ первоначальнымъ моментамъ обработки прядильныхъ растеній; такъ, есть чисто финскія слова, означающія трепало, мялицу, кострицу, кудель но гребень для чесанія льна называется уже словомъ *suga*, *suka*, происшедшимъ отъ латышскаго *sukka*, и вѣроятно, Финны научились чесать ленъ только отъ своихъ индо-европейскихъ сосѣдей въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ Балтійскому морю.

Наиболѣе простое орудіе для пряденія, веретено, нынѣ весьма рѣдко встрѣчается въ самой Финляндіи, но въ Россіи, и между прочимъ у живущихъ тамъ Финскихъ племенъ, оно еще довольно употребительно. Существованіе чисто финскихъ названій для него даетъ поводъ думать, что Финны знали его издревле; но у Вепсовъ и Води находимъ слово *värttin*, *värttänä*, несомнѣнно происходящее изъ русскаго. Самопрялку Западные Финны усвоили себѣ отъ Шведовъ и Нѣмцевъ, изъ языка которыхъ взято ими и самое названіе этого орудія. Говорятъ, что въ Эстляндіи самопрялка появилась не болѣе, какъ лѣтъ сто тому назадъ [1]).

Обыкновенное названіе пряжи *lahna* прежде употреблялось только въ смыслѣ растительныхъ волоконъ, но со временемъ перенесено было и на шерстяную пряжу. Сбивать шерсть въ одну плотную массу, иначе валять войлоки, умѣютъ многіе степные народы, и благодаря простотѣ этого производства, они достигли въ немъ даже нѣкотораго искусства. Кажется, что шерстобитное производство не было чуждо и

источникѣ книги Мюллера см. въ *Извѣст. Импер. Русск. Геогр. Общ.* 1875 г., стр. 1, статью: «О сочиненіи Григорія Новицкаго: Краткое извѣстіе о народѣ Остяцкомъ, писанномъ около 1715 года».

[1]) *Blumenbach*, Quellen und Realien des Kalevipoeg, въ *Verhandlungen de Gelehrten Ehstnischen Gesellschaft zu Dorpat*, ч. V, тетр. 4, стр. 70.

древнимъ Финнамъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ финскихъ нарѣчіяхъ есть самобытныя, хотя и не одинаковыя названія для войлока. Собственно процессъ тканья называется по фински *kutoa*, и слово это съ нѣкоторыми фонетическими измѣненіями, но по большей части сохраняя то же значеніе, повторяется во всѣхъ финскихъ языкахъ; въ зырянскомъ, однако, слово того же корня значитъ плести, да и въ финскомъ *kutoa* (*verkkoa*) употребляется также въ значеніи плести сѣти; поэтому можно думать, что первоначально словомъ *kutoa* означалось именно не тканье, а плетенье или вязанье. Во всякомъ случаѣ приспособленія для тканья у древнихъ Финновъ были гораздо проще употребляемыхъ нынѣ. Это можно видѣть, съ одной стороны—изъ того, что въ сѣверной и средней Россіи еще не вывелся станокъ весьма простого устройства, на которомъ приготовляется холстъ лишь весьма узкій и грубый, и съ другой—изъ того, что названія составныхъ частей усовершенствованнаго ткацкаго станка въ финскомъ языкѣ заимствованныя (преимущественно изъ русскаго языка [1]). По всей вѣроятности, замѣчаетъ г. Алквистъ,—первоначальное ткачество было только нѣкоторымъ развитіемъ и усовершенствованіемъ плетенья или вязанья, посредствомъ котораго финскіе крестьяне донынѣ приготовляютъ тесьму. Для такого производства не требовалось всѣхъ приспособленій позднѣйшаго усовершенствованнаго станка, а достаточно было имѣть основу, утокъ и нѣчто въ родѣ шпульки, чтобы пропускать утокъ между нитями основы; а именно эти-то предметы и имѣютъ въ финскомъ языкѣ самобытныя названія. Съ такими замѣчаніями о первобытныхъ пріемахъ ткачества у Финновъ любопытно сопоставить слѣдующія замѣтки г. Гена, относящіяся къ народамъ арійскаго корня: „Относительно тканья существуютъ, кажется, древнія свидѣтельства языковъ, указывающія на занятія этимъ искусствомъ до раздѣленія народовъ и до переселеній,... еслибъ мы только знали навѣрное, что въ первобытныя времена слова эти от-

[1]) Для сравненія приведемъ описаніе ткацкаго станка у Вотяковъ Казанской губерніи, тѣмъ болѣе любопытное, что Вотячки большія мастерицы ткать, и притомъ узорчатыя матеріи: «Ткацкій станокъ у Вотяковъ очень простого устройства и удобенъ въ томъ отношеніи, что мало занимаетъ мѣста: къ полу прикрѣпляется палка съ крючкомъ внизу, за который зацѣпляется нитка; мастерица сидитъ въ нѣкоторомъ разстояніи на нарахъ, и около нея подъ ногами находятся нитянки. Такихъ станковъ въ одной избѣ мнѣ случалось видѣть до четырехъ и болѣе». См. Вотяки Казанской губерніи, *Д. Островскаго* (Каз., 1873), стр. 25.

носились не къ искусному вязанью, плетенью или шитью, а къ пряденью нитки на веретенѣ и къ настоящему тканью на ткацкомъ станкѣ. При плетеніи цыновокъ изъ липоваго лыка продольными и поперечными полосками и посредствомъ костяной трубочки, сквозь которую проходила полоска и т. д., могли явиться выраженія, легко примѣнимыя къ позднѣйшей основѣ, утку и т. д." [1]). Такимъ образомъ, и арійскіе, и финскіе языки одинаково свидѣтельствовали бы о происхожденіи тканья изъ плетенья и вязанья.

Пропускаемъ анализъ финскихъ названій различныхъ тканей, тѣмъ болѣе что эти названія почти всѣ заимствованы Финнами у ихъ арійскихъ сосѣдей, и обращаемся прямо къ другому, связанному впрочемъ съ ткачествомъ производству, именно — къ красильному искусству. Оно издревле было извѣстно Финнамъ и до сихъ поръ принадлежитъ къ числу обычныхъ въ народѣ отраслей труда. Но скудно должно было развиться понятіе о цвѣтахъ у народа, водворившагося на мрачномъ, безцвѣтномъ сѣверѣ. По видимому, Финны сознали различіе цвѣтовъ изъ наблюденій надъ шкурами различныхъ лѣсныхъ звѣрей; г. Алквистъ допускаетъ такое предположеніе, вопервыхъ, на томъ основаніи, что цвѣтъ по фински называется *karva*, что̀ значитъ также волосъ [2]), и вовторыхъ, на томъ — что цвѣта, не встрѣчающіяся на звѣриныхъ шкурахъ, каковы, синій, зеленый, желтый, не имѣютъ по фински самобытныхъ наименованій. Изслѣдованіе названій цвѣтовъ въ финскихъ языкахъ показываетъ, что нарѣчія Балтійскихъ Финновъ въ этомъ отношеніи очень согласны, а языки восточно-финскіе, напротивъ того, представляютъ большое разнообразіе; это обстоятельство—по мнѣнію г. Алквиста—ведетъ къ заключенію, что названія эти образовались большею частью поздно, а стало быть, поздно начались и наблюденія Финновъ надъ различіемъ цвѣтовъ. Красильныя вещества, употреблявшіяся въ древности, были просты и добывались изъ окружающей природы, преимущественно изъ растительнаго царства, изъ коры деревьевъ, корней и самыхъ растеній. Такъ, напримѣръ, въ XLVII-й пѣснѣ Калевалы говорится, что Вейнемейненъ, вмѣстѣ съ Ильмариненомъ, связали мочальную сѣть можжевельникомъ, покрасили ее ивовымъ сокомъ и приправили ивовою корой. Этими веществами

---

[1]) Культурныя растенія, стр. 333.

[2]) По замѣчанію академика Шифнера, въ латышскомъ языкѣ цвѣтъ называется *krarba*, и быть можетъ, финское *karva* заимствовано отсюда.

красили въ сѣрый или темный цвѣтъ; для окрашиванія въ желтый цвѣтъ употреблялся березовый листъ, также lycopodium complanatum и особенно anthemis tinctoria, въ темножелтый — betula nana; въ красный цвѣтъ красили ольховою корой, или чаще, корнемъ galium boreale, въ бурый — ольховою корой и нѣкоторыми мхами, въ черный — опять-таки ольховою корой, въ позднѣйшее время съ примѣсью купороса или охры; синяя краска получалась изъ соединенія lycopodium complanatum съ бразилиномъ. Всѣ почти эти красильныя вещества, еще недавно бывшія въ употребленіи у Финновъ, понынѣ употребляются у Лопарей. Окрашиваніе тканей, какъ и самое изготовленіе ихъ, производилось исключительно женщинами; особыя женскія божества считались, по вѣрованіямъ Финновъ, покровительницами этихъ занятій. Собираніе красильныхъ веществъ составляло обязанность дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ народныя пѣсни. Во время такихъ странствованій могли происходить нечаянныя встрѣчи и условленныя свиданія дѣвушекъ съ ихъ возлюбленными; такъ, по крайней мѣрѣ, въ свадебныхъ пѣсняхъ, при перечисленія сельскихъ занятій, во время которыхъ женихъ можетъ видѣть свою невѣсту, упоминается собираніе красильныхъ растеній и крашеніе травъ.

Что касается шитья, то несомнѣнно, оно было примѣнено первоначально къ изготовленію не холщевой, а мѣховой одежды, предназначенной охранять тѣло отъ холода. Сшиваніе мѣховъ производилось при помощи костяной или деревянной иголки, для которой въ финскихъ языкахъ есть названіе своего корня. Напротивъ того, металлическая игла называется иноязычнымъ словомъ, близкимъ къ русскому. Выдѣлка мѣховъ пушныхъ звѣрей и даже подкрашиваніе ихъ было издавна извѣстно сѣвернымъ народамъ, и языки ихъ изобилуютъ различными терминами, относящимися до этого предмета .Но такъ какъ нынѣ звѣроловство въ Финляндіи, сравнительно съ прежними временами, значительно уменьшилось, и какъ большая часть породъ пушнаго звѣря, напримѣръ, бобеؚръ, исчезла совершенно, то позабылось самое искусство выдѣлки мѣховъ, и оскудѣла его терминологія. Шитье обуви изъ мѣха и кожи, какъ ремесло, появилось у Финновъ поздно, такъ какъ въ старину всякій самъ готовилъ себѣ эту обувь; а потому и техническія слова, относящіяся до сапожнаго ремесла, оказываются въ финскихъ нарѣчіяхъ по большей части заимствованными изъ другихъ языковъ.

IV.

Жилища древнихъ Финновъ: шалаши, землянки, деревянныя постройки. — Способы передвиженія: повозки, упряжь.—Внутренняя обстановка дома и домашняя утварь.—Одежда.

Извѣстно, что Тацитъ въ послѣдней главѣ своей „Германіи“ упоминаетъ о Финнахъ (Fenni), какъ восточныхъ сосѣдяхъ Германцевъ, и говоритъ о ихъ поразительной дикости и гнусной бѣдности, ихъ звѣроловномъ бытѣ, жизни въ шалашахъ, одеждѣ изъ звѣриныхъ шкуръ и т. д. Кастренъ намекаетъ на это драгоцѣнное для финской исторіи свидѣтельство въ слѣдующихъ словахъ, приведенныхъ г. Алквистомъ въ видѣ эпиграфа къ той главѣ своей книги, которая посвящена описанію жилища, домашней утвари и одежды древнихъ Финновъ: „Въ Тацитовомъ описаніи Финновъ я не нахожу ничего, что̀ не соотвѣтствовало бы тому представленію, которое составилъ я себѣ о прошлой жизни Финновъ. Что они были бѣдны, питались охотой, жили въ шатрахъ, одѣвались шкурами и т. д., все это особенности, которыя, по всему вѣроятію, были свойственны нашимъ предкамъ во времена Тацита“. И дѣйствительно, тѣ стороны быта Финновъ, о которыхъ ведетъ рѣчь г. Алквистъ въ настоящемъ случаѣ, едва ли не болѣе всѣхъ другихъ сохранили въ себѣ архаическія черты, не смотря на всѣ позднѣйшіе успѣхи культуры. Поэтому понятно, что г. Алквистъ останавливается на нихъ съ особеннымъ вниманіемъ.

Кто путешествовалъ по сѣверной Финляндіи—такъ финскій ученый начинаетъ свой очеркъ древне-финскихъ *жилищъ*,—тотъ не могъ, конечно, не замѣтить, среди прочихъ построекъ, одно небольшое строеніе, непремѣнно встрѣчающееся какъ у бѣднаго, такъ и у богатаго крестьянина. Это строеніе, всегда стоящее въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ другихъ и подлѣ бани, имѣетъ коническую форму и сложено изъ очищенныхъ отъ коры еловыхъ или сосновыхъ кольевъ, длиной отъ 8 до 12 аршинъ и толщиной, въ нижнемъ концѣ, отъ 4 до 5 дюймовъ. Тонкіе концы кольевъ сходятся къ верху и чѣмъ-нибудь скрѣпляются, но такъ, что образуютъ на верху отверстіе для дыма. Подъ этимъ отверстіемъ, стало быть—по срединѣ конической постройки, находится очагъ, обыкновенно сложенный изъ мягкаго плоскаго камня; на него кладутся дрова, между тѣмъ какъ надъ огнемъ на крюкѣ, прикрѣпленномъ нѣсколько выше

къ поперечной перекладинѣ, вѣшается чугунный котелъ. Съ боку находится входъ съ легкою, изъ тонкихъ досокъ сколоченною дверью. Такое строеніе финляндскіе Шведы называютъ *kölna*, а Финны— *kota*, и служитъ оно теперь только кухней или прачешной, особенно въ теплое время года, или въ такую пору, когда по какой-либо причинѣ не хотятъ разводить огня на домашнемъ очагѣ. Между тѣмъ это—древнѣйшій видъ жилища, въ коемъ Финны искали убѣжища отъ холода и непогоды, какъ о томъ свидѣтельствуетъ слѣдующая финская поговорка: „древнѣйшею ловушкой было брюхо, древнѣйшею посудой—горсть, древнѣйшимъ жильемъ—кота".

Не мудрено было придумать такое незатѣйливое жилище: вѣроятно, первоначально прислоняли колья къ стволу какого-нибудь дерева, какъ намекаетъ на то въ Калевалѣ (п. III) Юкагайненъ слѣдующими словами: „Сырой холмъ былъ древнѣйшею землей, какъ ива—первымъ деревомъ, а древесныя вѣтви—первымъ покровомъ". Тотъ же смыслъ и въ народной финской поговоркѣ: „Прислушайся къ шуму лѣса, подъ которымъ ты живешь". Лишь съ теченіемъ времени должны были начать строить отдѣльно стоящія жилища. Разумѣется, такое жилье не могло бы быть обитаемо зимой, еслибы стѣны его не были покрыты снаружи шкурами или войлокомъ, и еслибы не окружала его снизу высокая снѣжная насыпь. Деревяннаго пола въ такомъ жильѣ не было, но земля внутри его была устлана сѣномъ, которое, равно какъ находившіяся около стѣнъ лавки, служившія въ одно и то же время и сидѣньемъ, и столомъ, обильно покрывались оленьими и медвѣжьими шкурами и представляли такимъ образомъ мягкое и теплое ложе около очага. Лѣтомъ жители покидали эту коту и переселялись въ другую болѣе обширную, прохладную, съ болѣе свѣжимъ воздухомъ, сложенную изъ тонкихъ жердей и покрытую берестой [1]); здѣсь жители менѣе подвергались нападенію гадовъ, чѣмъ въ зимней котѣ, и имѣли болѣе мѣста для храненія запасовъ копченой рыбы (солили ее мало, такъ какъ соль была за рѣдкость). Между тѣмъ какъ зимой звѣриный промыслъ побуждалъ жителей избирать мѣсто обитанія въ лѣсу, лѣтомъ рыбная ловля привлекала ихъ на берега рѣкъ и озеръ, гдѣ и сооружались берестовыя коты. Рыбные ловы, вслѣдствіе обилія рыбы, производились сообща нѣсколькими семьями, кото-

---

[1]) Въ настоящее время въ Финляндіи не умѣютъ приготовлять, то-есть, размягчать бересту; но это искусство общеизвѣстно лѣснымъ обитателямъ сѣверной Сибири, которые употребляютъ бересту для покрытія своихъ лѣтнихъ юртъ.

рыя жили въ одномъ мѣстѣ; напротивъ того, зимнія коты стояли уединенно въ лѣсу, такъ какъ каждой семьѣ необходимо было для охоты довольно большое пространство лѣса. Непосредственно за котой начинался дремучій лѣсъ. Входъ въ коту для большаго тепла и для защиты отъ сѣвернаго вѣтра былъ всегда обращенъ къ югу. Предъ входомъ было открытое мѣсто, заросшее крапивой, изъ волоконъ которой приготовлялась пряжа. По сторонамъ находились кладовыя, по фински *aitta*, устроенныя на высокихъ столбахъ для того, чтобы сохранить тамъ вяленое мясо, сушеную рыбу и мѣха отъ большихъ и малыхъ хищныхъ звѣрей.

Что таковъ именно былъ общій типъ жилищъ у Финновъ до водворенія между ними земледѣлія, это г. Алквистъ выводитъ между прочимъ изъ того обстоятельства, что коты, въ описанномъ видѣ, встрѣчаются какъ на крайнемъ западѣ у Лопарей, такъ и на крайнемъ востокѣ у Остяковъ, и что остатки этого рода построекъ существуютъ понынѣ у самаго просвѣщеннаго изъ Финскихъ племенъ, у Финновъ собственно, какъ памятникъ древняго ихъ быта. Въ подтвержденіе этихъ своихъ соображеній г. Алквистъ приводитъ весьма обстоятельное описаніе жилищъ Энарскихъ Лопарей, сдѣланное Шегреномъ [1]). Въ путевыхъ замѣткахъ Кастрена также есть сходное съ предыдущимъ описаніе лопарскихъ котъ [2]). Что же касается Остяковъ, то о ихъ жилищахъ, соотвѣтствующихъ котамъ, извѣстія встрѣчаются какъ у новыхъ странствователей — того же Кастрена и г. Полякова [3]), такъ и у упомянутаго уже нами Шведа І. Б. Мюллера, издавшаго свою книгу въ 1720 году. „Остяки живутъ", разказываетъ онъ,—„въ маленькихъ четырехугольныхъ шалашахъ, сложенныхъ изъ вѣтвей. Они покрываютъ ихъ берестой въ защиту отъ дождя и снѣга. Вдоль стѣнъ есть особо устроенныя помѣщенія, гдѣ они спятъ. Посрединѣ устроивается очагъ, на которомъ жгутъ хворостъ... Они переносятъ свои дрянные шалаши съ мѣста на мѣсто столь часто, какъ имъ вздумается" [4]). Если это описаніе, составленное болѣе полутораста лѣтъ тому назадъ, почти буквально

---

[1]) Aufzeichnungen über die Gemeinden in Kemi-Lappmarken, въ *J. A. Sjögren's* Gesammelte Schriften, I, стр. 218.

[2]) Магазинъ землевѣдѣнія и путешествій. VI, стр. 27 и 80.

[3]) Тамъ же, стр. 195; *И. С. Поляковъ*, Письма и отчеты о путешествіи въ долину р. Оби, стр. 70.

[4]) См. Les Moeurs et usages des Ostiackes, par *J. B. Müller*, въ Nouveaux Mémoires sur l'état présent de la Grande Russie ou Moscovie. T. II, стр. 179—180.

сходно съ извѣстіями путешественниковъ нашего времени, то тѣмъ легче допустить, что и въ древнія времена финскія жилища сохраняли тотъ же типъ. Наконецъ, въ пользу общности этого типа у всѣхъ Финскихъ народовъ свидѣтельствуютъ то, что слово *kota* съ небольшими измѣненіями повторяется почти во всѣхъ какъ западныхъ, такъ и восточныхъ финскихъ нарѣчіяхъ.

Въ дополненіе ко всему изложенному нельзя не привести еще одной параллели, тѣмъ болѣе любопытной, что она отчасти и объясняетъ сказанное выше. Слѣды древнихъ Финскихъ жилищъ въ родѣ котъ сохранились и у тѣхъ изъ Финскихъ племенъ восточной Россіи, которыя подъ русскимъ вліяніемъ окончательно перешли къ осѣдлому земледѣльческому быту и живутъ нынѣ въ избахъ. Такъ, напримѣръ, у Вотяковъ Казанской губерніи изба строится въ одинъ ярусъ посреди двора, дворъ же окруженъ, большею частью, жилыми и хозяйственными строеніями, и въ числѣ этихъ жилыхъ строеній бываетъ обыкновенно одна или нѣсколько клѣтей—*кенáсье* по вотски, и шалашъ—вотск. *куáла*, непремѣнно одинъ. „Куала", говоритъ одинъ изъ описывателей быта Вотяковъ, г. Д. Островскій—„въ лѣтнее и осеннее время имѣетъ назначеніе кухни; въ ней почти цѣлый день горитъ огонь; но куала вмѣстѣ съ тѣмъ считается мѣстомъ священнымъ, потому что въ немъ совершается домашнее моленіе, и иногда приносятся жертвы [1]). Куала содержится очень чисто, и Вотяки, изъ боязни оскверненія этого святаго, по ихъ понятіямъ, мѣста, неохотно терпятъ пребываніе въ немъ Русскихъ. Вотякъ крѣпко убѣжденъ, что оскверненіе куалы влечетъ за собою мщеніе боговъ. Въ подтвержденіе мнѣ разказывали даже случай, что какая-то попадья пострадала будто бы за пренебреженіе къ святости куалы; Кереметь послалъ на нее болѣзнь, и попадья каждый годъ, для умилостивленія разгнѣваннаго бога, присылала ему въ жертву курицу или утку. По внѣшнему виду куала—въ полномъ смыслѣ шалашъ, безъ потолка, съ земляным полом; свѣтъ проходитъ въ него черезъ дверь и отверстіе въ крышѣ, которое служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и для выхода дыма; кругомъ лавки, а по угламъ нары; въ срединѣ виситъ котелъ, въ которомъ варится пища" [2]). Важное замѣчаніе г. Островскаго о священномъ значеніи куалы у Вотяковъ самымъ убѣдительнымъ образомъ подтверждаетъ мнѣніе г. Алквиста, что ша-

[1]) Хотя Вотяки и крещены, но вполнѣ сохранили свои языческія вѣрованія.
[2]) Вотяки Казанской губерніи, *Д. Островскаго*, стр. 22—23.

лашъ или палатка была древнѣйшимъ жилищемъ Финскихъ племенъ.

Въ запискахъ Кастрена о странствованіяхъ его въ Лапландію упоминается и о тѣхъ своеобразныхъ кладовыхъ, которыя описываетъ г. Алквистъ [1]). Для сравненія съ этими описаніями умѣстно будетъ привести извѣстіе о существованіи подобныхъ же чулановъ или амбаровъ у Зырянъ. Зырянскіе звѣропромышленники строятъ ихъ въ лѣсахъ при своихъ охотничьихъ избушкахъ. По описанію очевидца, эта постройка имѣетъ „видъ голубятни, утвержденной иногда на четырехъ столбахъ, но чаще на одномъ, подтесанномъ книзу конусомъ. Такой амбаръ называется *щамья*. Отворяется онъ снизу посредствомъ выдвижной доски; въ него промышленники складываютъ свою провизію и добычу изъ предосторожности, чтобъ ихъ не расхитили звѣри, потому что за частую случалось—охотничьи припасы и дичь,... закопанная гдѣ-нибудь подъ деревомъ, бывали украдены россомахой, большою искусницей на подобные хищническіе подвиги. Потому-то и столбъ у щамьи подтесывается сверху внизъ конусомъ, чтобы россомаха не могла по немъ взлѣсть" [2]). Прибавимъ, что кладовыя на столбахъ существуютъ также и у Лозвинскихъ Вогуловъ [3]). Такимъ образомъ и онѣ принадлежатъ къ числу общихъ типическихъ построекъ Финскихъ племенъ.

Кромѣ котъ, древніе Финны, какъ указываетъ г. Алквистъ, — жили еще въ зимнее время въ вырытыхъ въ землѣ ямахъ, надъ которыми на поверхности земли возвышалась только крыша съ отверстіемъ въ родѣ волоковаго окна. Такія жилища, прибавляетъ финскій ученый, — еще нынѣ встрѣчаются у Угорскихъ Финновъ; въ нихъ живутъ бѣдняки, у которыхъ нѣтъ ни оленьихъ шкуръ, ни войлока, чтобы покрыть ими коту на зиму [4]). Безъ сомнѣнія, въ древности такой родъ жилья былъ еще болѣе обычнымъ. Въ старинномъ описаніи І. Б. Миллера прямо говорится, что у Остяковъ есть обычай „вырывать себѣ въ лѣсу ямы въ мерзлой землѣ, чтобы скры-

---

[1]) Магазинъ землевѣдѣнія и путешествій, VI, стр. 27 и 79.

[2]) *Ф. А. Арсеньевъ*, Зыряне и ихъ охотничьи промыслы (М., 1873), стр. 26—27.

[3]) *Н. Сорокинъ*, Путешествіе къ Вогуламъ, стр. 57. Подобныя же кладовыя на столбахъ видѣлъ у Вогуловъ и самъ г. Алквистъ, какъ о томъ будетъ сказано ниже.

[4]) Ср. слова *Кастрена* въ Магазинѣ землевѣдѣнія и путешествій. VI, стр. 195.

ваться въ нихъ отъ стужи" [1]). Лепехинъ въ Дневныхъ запискахъ своего путешествія (1769 г.) упоминаетъ, что въ Мезенской округѣ находится много запустѣлыхъ жилищъ, сдѣланныхъ въ горахъ и холмахъ, на подобіе пещеръ съ отверстіями, подобными дверямъ, съ остатками домашнихъ вещей и даже костей человѣка. Лѣтъ сорокъ тому назадъ Кастренъ, объѣзжая русскую Карелію, имѣлъ случай самъ осмотрѣть подобные же остатки древнихъ жильевъ, которые мѣстными преданіями приписываются Лопарямъ, древнимъ обитателямъ этого края, нынѣ его покинувшимъ. Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь обстоятельное описаніе Кастрена: „Въ Аконлахти", говоритъ онъ,—„указывали мнѣ на памятники древностей Лопарей. Еще прежде въ Финляндіи и русской Кареліи я имѣлъ случай видѣть различные памятники, по мнѣнію тамошнихъ жителей, принадлежавшіе нѣкогда Лопарямъ; но мнѣ казалось сомнительнымъ ихъ лопарское происхожденіе. Весьма двухсмысленными кажутся мнѣ также такъ-называемые *лопарскіе курганы* (lappin rauniot). Подъ этимъ именемъ собственно разумѣютъ древнія огнища Лопарей; обыкновенно же оно придается грудамъ камня всякаго рода, произведены ли онѣ природой, или рукой человѣка. Названіе же это собственно идетъ къ тѣмъ, часто встрѣчаемымъ въ Финляндіи, каменнымъ громадамъ, которыя, по большей части по крайней мѣрѣ, должны быть скандинавскаго происхожденія. Впрочемъ, этимъ именемъ могли быть названы и старинные печи и очаги, принадлежавшіе нѣкогда рыбацкимъ и охотничьимъ избамъ Финновъ, или жилищамъ ихъ (piilo pirtit), наскоро выстроеннымъ въ темныхъ лѣсахъ для укрывательства въ военную пору. Такого рода остатки въ сѣверныхъ краяхъ Финляндіи, какъ я самъ слышалъ, называются курганами лопарскими. Въ окрестностяхъ Каяны и въ русской Кареліи я имѣлъ случай видѣть другаго рода древности, такъ называемыя лопарскіе курганы, могилы (lapin haudat), которыя уже несомнѣнно лопарскаго происхожденія. Онѣ, по преданію, служили жилищами для Лопарей, и въ самомъ дѣлѣ, онѣ весьма похожи на нѣкоторыя палатки, видѣнныя мною въ безлѣсныхъ краяхъ Лапландіи. Это ничто иное, какъ ямы съ конусообразными крышами изъ дерева, камня и торфа. По разказамъ, такія крыши были нѣкогда и на такъ называемыхъ лопарскихъ курганахъ, находящихся въ сѣверной Финляндіи и Кареліи. Въ этихъ курганахъ находились уголь, обожженные камни, разныя

[1]) Moeurs et usages des Ostiackes, стр. 180.

желѣзныя вещи и проч., что подтверждаетъ разказы о томъ, что они нѣкогда служили жилищами" [1]). Подобныя же ямы встрѣчаются во множествѣ и въ Вологодской губерніи—въ Яренскомъ уѣздѣ, а также близь городовъ Вельска и Никольска (въ послѣднемъ, около нынѣшняго кладбища); въ нихъ и около нихъ также были находимы разныя древнія вещицы—такъ называемые мѣдные коньки, мѣдныя бусы и пр.; притомъ, съ ямами этими связаны преданія, изъ которыхъ видно, что тутъ „подъ землей" жилъ какой-то поганый народъ; преданіе, существующее въ Никольскѣ, прямо указываетъ, что тотъ народъ была Чудь бѣлоглазая, и что она пряталась въ свои подземныя жилища при нашествіи Русскихъ, которые обрушивали на поганыхъ крыши ихъ жилищъ, и тѣ душили ихъ. Въ Яренскомъ уѣздѣ эти ямы также называютъ чудскими могилами [2]).

По мнѣнію г. Алквиста, вышеописанныя земляныя жилища носили названіе *sauna* — слово, довольно широко распространенное въ западно-финскихъ нарѣчіяхъ, и быть можетъ, происходящее отъ *savu*, *sauvu*, дымъ. Съ теченіемъ времени значеніе слова *sauna* подверглось однако видоизмѣненію, и теперь такъ называютъ уже не землянки, а хижины, на половину врытыя въ землю и служащія жилищемъ для рыболововъ и лѣсопромышленниковъ во время ихъ промысловъ. Въ томъ же значеніи слово *sauna* встрѣчается и въ Калевалѣ. Кромѣ того, съ теченіемъ времени слово это пріобрѣло и значеніе бани; по мнѣнію г. Алквиста, это могло произойдти лишь тогда, когда Финны узнали отъ своихъ сосѣдей о баняхъ, когда они научились строить дома изъ бревенъ, и переселившись въ нихъ, обратили свои прежнія жилища — *sauna* — въ бани [3]).

Здѣсь кстати замѣтить, что постройки въ родѣ *sauna*, въ современномъ смыслѣ этого слова, встрѣчаются не только въ Финляндіи, но и у другихъ Финскихъ племенъ. Вотъ, напримѣръ, что разказывается про лѣсныхъ звѣропромышленниковъ-Зырянъ: „По прибытіи на мѣсто, гдѣ думаютъ промышленники производить свои промысло-

---

[1]) *Этногр. Сборникъ*, кн. IV, стр. 253—254; ср. Магазинъ Землевѣдѣнія и путешествій. VI, стр. 55—56.

[2]) *Извѣстія Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи*. Т. XIII. Труды этнографическаго отдѣла. Кн. 3-я. Зыряне и Зырянскій край, *Кл. Попова*, стр. 6.

[3]) Г. Гротъ видѣлъ и въ нынѣшнее время при крестьянскихъ домахъ въ сѣверной безлѣсной Финляндіи бани, сложенныя изъ дерна за скудостію лѣса (см. Переѣзды по Финляндіи, стр. 74).

вые занятія, они строятъ себѣ лѣсную баню — *пывзанъ*, бревенчатую избушку въ семь-восемь рядовъ, покрывая ее на одинъ скатъ досками и насыпая на крышу земли. Въ такой избушкѣ складывается въ углу печь, или лучше сказать, каменка, подобная тѣмъ, какія бываютъ въ черныхъ деревянныхъ баняхъ. Двери въ пывзанъ дѣлаются низенькія, и непремѣнно, плотно запирающіяся, чтобы тепло, когда натопится баня, не выходило. По стѣнамъ избушки настилаются широкія нары; на нихъ промышленники спятъ, а иногда и парятся. Пывзанъ — выдумка хорошая въ промысловой жизни Зырянъ. Утомленные охотники, иногда иззябшіе и промокшіе до послѣдней нитки, находятъ въ немъ теплый пріютъ, въ которомъ могутъ совершенно обсушиться. Только во время топки пывзана безпокоитъ дымъ; но потомъ, когда дрова прогорятъ, накалится каменка, и дымъ выйдетъ, то сдѣлается такъ тепло, что можно спать раздѣвшись почти до-нага, какъ иногда и дѣлаютъ Зыряне. Зыряне любятъ строить пывзаны. Во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ производятся какія-нибудь работы, при которыхъ необходимы ночевки, непремѣнно подѣланы пывзаны, и потому встрѣчаемъ ихъ на пожняхъ, на пустошахъ, на подсѣкахъ, на вырубкахъ, гдѣ дѣлаются заготовки бревенъ, на сплавѣ, на берегахъ большихъ рѣкъ, гдѣ Зыряне ловятъ рыбу, и наконецъ, въ лѣсныхъ трущобахъ, гдѣ они занимаются своими охотничьями промыслами" [1]). Такимъ образомъ зырянскій пывзанъ вполнѣ соединяетъ въ себѣ условія современной финской *sauna*, и въ то же время, своимъ землянымъ покровомъ какъ бы намекаетъ на происхожденіе свое отъ древней финской землянки.

Въ заключеніе этого обзора древнихъ типовъ финскихъ жилищъ приведемъ слѣдующія замѣтки Кастрена о жилищахъ русскихъ Лопарей: „Большая часть живетъ зимою въ (деревянныхъ) лачугахъ, похожихъ на энарскія: такихъ же низкихъ, узкихъ и съ открытымъ очагомъ. Разница только въ крышѣ, здѣсь обыкновенно плоской, а внутри — въ отсутствіи кроватей, замѣняемыхъ широкими скамьями по всѣмъ стѣнамъ. На берегу моря, въ горныхъ и вообще безлѣсныхъ странахъ, русскіе Лопари живутъ еще и зимою въ палаткахъ. Эти палатки, широкія по серединѣ, суживающіяся къ обоимъ концамъ, дѣлаются однакожь изъ досокъ или деревьевъ, врываемыхъ наклонно. Стѣны ихъ не сходятся, а замыкаются на обоихъ концахъ

---

[1]) *Ф. А. Арсеньевъ*, Зыряне и ихъ охотничьи промыслы, стр. 24—25; с р Зыряне и Зырянскій край. Соч. *Кл. Попова*, стр. 75.

узкою поперечною стѣнкой. Плоская кровля покрыта торфомъ, пола нѣтъ, въ серединѣ обыкновенный очагъ. Третій родъ жилищъ составляютъ курныя избы, гораздо меньшія и бѣднѣйшія нашихъ финскихъ. Круглая печь, выведенная на деревянномъ фундаментѣ, похожа на наши банныя, но обыкновенно очень мала и сложена такъ дурно, что пламя всегда пробиваетъ сквозь камни. Отверстіе для дыма затыкается мѣшкомъ или подушкой, которую поднимаютъ вверхъ шестомъ. Встрѣчается еще изрѣдка и четвертый родъ жилья: настоящія избы, совершенно сходныя съ избами русскихъ Кареловъ, у которыхъ печи съ трубами. У Лопарей, живущихъ въ такой или даже въ курной избѣ, палатка обращается въ кухню. Для того же строятся палатки и во многихъ мѣстахъ въ Остроботніи — обычай, безъ сомнѣнія, заимствованный у Лопарей" [1]). Это разнообразіе лопарскихъ жилищъ весьма замѣчательно: мы видимъ тутъ почти всѣ типы жильевъ, извѣстные Финскому племени, и совмѣстное ихъ существованіе служитъ какъ бы нагляднымъ представленіемъ успѣховъ финской культуры въ отношеніи домостроительства, при чемъ немалая доля прогресса должна быть приписана русскому вліянію.

Много данныхъ въ языкѣ Финновъ свидѣтельствуетъ, что они не умѣли строить бревенчатыя избы, прежде чѣмъ не проникли до Балтійскаго побережья. Понятіе о плотничествѣ хотя и выражается самобытнимъ словомъ *salvaa*, но первоначальное и болѣе употребительное донынѣ значеніе этого слова — рѣзать. Съ другой стороны, слово, которымъ нынѣ выражается понятіе о строеніи — *rakentaa*, первоначально значило—составлять, складывать въ кучу. Такова въ сущности и была постройка котъ. По замѣчанію г. Алквиста, еще болѣе вѣроятнымъ дѣлаетъ это предположеніе, вопервыхъ, то, что стѣна бревенчатаго дома называется въ большей части финскихъ языковъ словомъ, заимствованнымъ изъ литовско-латышскаго и славянскаго, и вовторыхъ—и это всего важнѣе,—что самое жилище человѣка носитъ у Финскихъ народовъ названіе, усвоенное ими уже по прибытіи на Балтійское побережье, а именно *tupa*, *stopo*—отъ литовскаго *stubba* и славянскаго *истъба*, *истопка*, или *maja*, объясняемое изъ латышскаго языка. Наконецъ, третье подобное названіе есть *pirtti*, вепсск. *pert*, комната, хижина или дымъ въ смыслѣ обиталища; это же слово встрѣчается въ значеніи бани, изъ чего объясняются слова *pirthe*, родильница, и *pirttiwaimo*, повитуха, ибо финскія женщины

[1]) Магазинъ землевѣдѣнія и путешествій. VI, стр. 85—86.

уходять рожать преимущественно въ баню. Въ такомъ смыслѣ финск. *pirtti* заимствовано изъ литовскаго языка, гдѣ есть слово *pirtis* или *pirts*, баня, отъ глагола *perti*, *pert*, пàрить. Двойственное значеніе слова *pirtti*—баня и комната—объясняется тѣмъ, что въ старину одно и то же строеніе служило не только жилищемъ, но и баней, и сушильней. И теперь еще въ Эстляндіи печи иногда складываются такъ, что удовлетворяютъ тремъ назначеніямъ; въ такомъ случаѣ онѣ состоятъ изъ трехъ отдѣленій: самое нижнее, куда кладутся дрова, служитъ для топки; затѣмъ, среднее, сложенное въ видѣ свода, образуетъ нѣчто въ родѣ баннаго полка, и наконецъ, верхнее, куда пламя проникаетъ только чрезъ среднее отдѣленіе, составляетъ собственно печь. Для сушки зерна въ комнатѣ подѣланы особыя полки [1]).

Для названія кровли Финскіе языки, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, употребляютъ слово, имѣющее значеніе крышки. Полъ въ западно-финскихъ языкахъ называется двояко: *lattia*, собственно досчатый полъ, въ связи со словомъ *lattea*, плоскій, и *permanto*, эстскій *pŏrmand*, отъ кореннаго слова *pŏrm*, земля, пыль: это собственно полъ земляной или глиняный, какой еще нерѣдко встрѣчается въ финскихъ строеніяхъ. Дверь имѣетъ въ финскихъ нарѣчіяхъ самобытное названіе *ovi*, но створки дверей, какъ вещь, вошедшая въ употребленіе въ новое время, носятъ названіе иноязычное — *sarana*, отъ германскаго *Scharnier* или лит. *sparnas*. Точно также Финны не употребляли въ старину замковъ, да и понынѣ они встрѣчаются очень рѣдко въ пустыняхъ русско-финскаго сѣвера; для запиранія двери въ старину служилъ просто колъ или засовъ, задвигаемый снутри. Снаружи такой засовъ отворялся, какъ въ щеколдѣ, сквозь дыру деревяннымъ крючкомъ или палкою, которая называлась *avain* (собственно *avadin*, отъ *avaan*, открывать) или *vöti* (отъ *vötan*, брать, хватать). Этими словами стали впослѣдствіи называть собственно ключъ; замокъ же называется въ финскихъ языкахъ разными словами, заимствованными изъ скандинавскаго и славянскаго языковъ.

Окна въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ въ современныхъ зданіяхъ, появились у Финновъ въ сущности недавно. Въ древнихъ ихъ жилищахъ свѣтъ проникалъ, вѣроятно, только чрезъ дымовое отверстіе да открытую дверь. Съ теченіемъ времени, когда начали строить дома изъ бревенъ, то стали, для впуска свѣта, дѣлать

---

1) *Blumenberg*, Quellen und Realien des Kaleripoeg, стр. 69.

въ стѣнахъ отверстія, которыя закрывались ставнями. Такое окно получило названіе *аккuна*, *іккuна*, очевидно — отъ славянскаго корня.

Изъ многихъ финскихъ названій очага только одно можно однако считать самобытнымъ, именно — *kiukoa* или *kiuas*, отъ *kivi*, камень; такимъ образомъ *kiukoa* значитъ то же, что каменка: такія печи нерѣдко встрѣчаются нынѣ въ финскихъ баняхъ. Словомъ *takka* называютъ каминъ, который устраивается въ углу комнаты въ западной Финляндіи; нерѣдко онъ дѣлается въ связи съ хлѣбною печью. Печное искусство усвоено Финнами отъ Русскихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ усвоено и самое слово *печь*, встрѣчающееся въ собственно финскомъ, эстскомъ и вепсскомъ нарѣчіяхъ.

Для освѣщенія своихъ жилищъ Финны употребляли въ старину, да по большей части употребляютъ и теперь—лучину, которая называется по фински *päre*, а по эстски *peerg*, отъ глагола *perkaa*, колоть. Одна свадебная пѣсня въ Калевалѣ (п. XXI) упоминаетъ какъ объ освѣтительномъ матеріалѣ — о берестѣ; у Остяковъ и Вогуловъ до сихъ поръ употребляются факелы изъ бересты, а такъ какъ послѣдняя называется по фински *tuohi*, *tohi*, то происходящее отсюда слово *tuohus*, вепсск. *tohus*, означающее теперь у православныхъ финляндскихъ Кареловъ и Чуди церковную восковую свѣчу, можетъ свидѣтельствовать, что и Западные Финны употребляли въ древности берестяные факелы.

Мы видѣли, что одинъ изъ древнѣйшихъ типовъ финскихъ жилищъ — *sauna* — получилъ съ теченіемъ времени значеніе бани. Дѣло въ томъ, что современные Финны такіе же охотники до бань, какъ и Русскіе; но, по мнѣнію г. Алквиста, обычай париться въ баняхъ не коренной финскій, а усвоенъ ими отъ другихъ народовъ. Родина теплыхъ бань, говоритъ г. Алквистъ,—во всякомъ случаѣ на востокѣ: но между прародиной Финскаго племени и тѣми изнѣженными народами, которые ввели въ употребленіе бани и издревле ими пользуются, простираются степи, коихъ кочевые обитатели не знали никакой заботы о своемъ тѣлѣ, кромѣ развѣ натиранія его пескомъ для уничтоженія насѣкомыхъ, кромѣ скаканія черезъ огонь, какъ дѣлаютъ нынѣ Арабы, и кромѣ умягченія тѣла чрезъ натираніе его жиромъ—обычай, соблюдаемый Мадьярами. Употребленіе бань въ раннее время перенесено было съ востока къ Грекамъ и Римлянамъ, изъ Византіи перешло къ Славянамъ, а отъ нихъ — къ Литовцамъ и ихъ германскимъ сосѣдямъ на Балтійскомъ морѣ. Тутъ, вѣроятно, познакомились съ банями и Финны.

Взглядъ свой на иноземное происхожденіе обычая мыться въ баняхъ у Финновъ г. Алквистъ подтверждаетъ замѣчаніемъ, что въ финскомъ языкѣ нѣтъ прямаго выраженія для понятія о такого рода омовеніи, ибо слово *kylpeä* первоначально значило, да значитъ и до сихъ поръ—купаться въ ручьѣ или озерѣ, и лишь съ теченіемъ времени получило смыслъ—мыться въ банѣ; равнымъ образомъ, значеніе бани для слова *sauna* также—какъ мы знаемъ — не есть коренное; то же должно сказать о финскомъ названіи вѣника, а что касается мыла, то оно въ финскихъ нарѣчіяхъ называется словами германскаго или славянскаго корня [1]).

Такимъ образомъ мы видимъ, что финскія жилыя постройки были въ старину очень немногосложны; но еще скуднѣе была ихъ внѣшняя обстановка. Мы упоминали уже о кладовой или амбарѣ: въ старину это было единственное хозяйственное строеніе при людскомъ жильѣ; такъ по крайней мѣрѣ можно заключать изъ того, что оно носитъ въ финскихъ языкахъ самобытное названіе—*aitta*, между тѣмъ какъ всѣ другія хозяйственныя постройки — хлѣвъ, конюшня, сѣновалъ и пр., именуются словами иноязычнаго происхожденія; то же должно сказать о садѣ, огородѣ, и наконецъ, о самомъ дворѣ. Напротивъ того, финскіе языки богаты словами для означенія понятія о дорогѣ, тропѣ. Конечно, въ древнее время искусственныхъ дорогъ не существовало; лѣтомъ передвиженія совершались преимущественно водою въ лодкахъ, или же по сухому пути верхомъ, но вообще предпочитались странствованія зимнія, когда преимущественно ѣздили для торговыхъ надобностей и взноса податей. Обыкновенно оба эти дѣла дѣлались за одинъ разъ. Такъ поступаютъ и доселѣ Вогулы и Остяки, живущіе на нижнемъ теченіи Оби.

Зимою ѣздили на оленяхъ, и въ старину оленьи стада, содержимыя Финнами, были многочисленнѣе и жили въ болѣе южныхъ предѣлахъ, чѣмъ нынѣ. Другой способъ передвиженія, еще болѣе употребительный у Финновъ, составляли лыжи. Разумѣется, что какъ самыя лыжи, такъ и ихъ составныя части, имѣютъ въ финскихъ языкахъ самобытныя названія. Собственно по фински лыжи называются *suksi*, по эстски *suks*, *suusk*, по мордовски *soks* и т. д. Замѣчательно сродство этого слова съ мордовскимъ же *suks*, что значитъ червь: подобно тому, въ Калевалѣ (п. XIII), хожденіе на лыжахъ сравни-

[1]) См. описаніе финскихъ бань въ «Переѣздахъ по Финляндіи» *Я. К. Грота*, стр. 60—62.

вается съ ползаніемъ змѣи. Такъ какъ лыжа каждой ноги имѣетъ особое назначеніе, то онѣ и отличаются одна отъ другой длиной и устройствомъ своимъ, и притомъ каждая изъ нихъ называется по своему. Во время бѣга на лыжахъ правая нога служитъ для подталкиванія, и потому лыжа правой ноги короче и часто бываетъ изнутри обита шкурой оленя, чтобы менѣе скользила; ее называютъ *potasma*, отъ глагола *potkea*, толкать. Лыжа лѣвой ноги должна выдерживать на себѣ всю тяжесть туловища, а потому она дѣлается крѣпче и длиннѣе и снабжена продольнымъ жолобомъ; ее называютъ *lyly*, что̀ въ сущности означаетъ твердую часть березоваго или еловаго ствола, служащаго матеріаломъ для такой лыжи. То мѣсто, куда ставится нога, обивается берестой и называется *päläs*. Посохъ, употребляемый при бѣгѣ на лыжахъ, носитъ названіе по фински *sauva*, а по лопски *soabbe* или *sobbe*; съ этимъ словомъ, безъ сомнѣнія, родственно финское *sompa*, названіе желѣзнаго обруча, который набитъ на нижнемъ концѣ посоха и предназначенъ задерживать его погруженіе въ рыхлый снѣгъ. На другой конецъ посоха набитъ желѣзный оконечникъ, называемый *suovcro* [1]). Отправляясь на лыжахъ, чело-

---

[1]) Приводимъ для сравненія нижеслѣдующее описаніе лыжъ у Зырянъ: «Зырянскія лыжи вполнѣ приноровлены къ легкости и быстротѣ хода по глубокому снѣгу. Онѣ дѣлаются изъ еловыхъ досокъ, длина которыхъ не превышаетъ трехъ аршинъ, ширина вершка въ четыре, толщина по самой срединѣ, гдѣ утверждается нога, около четверти дюйма; къ бокамъ же и концамъ тоньше. Концы лыжъ слегка округлены, такъ что представляютъ криволинейные углы, и впереди загнуты къ верху, а середина выгнута на ногѣ нѣсколько дугой. Этотъ выгибъ поддерживается олеными жилами, положенными во всю длину лыжи, и даетъ имъ удивительную быстроту: стоитъ только ступить и слегка давнуть лыжу ногой, чтобъ она быстро двинулась впередъ. Снизу лыжи обклеиваются кисами, то-есть, оленьею шкурой, содранною съ ногъ, при чемъ принимаютъ въ соображеніе, чтобы движеніе впередъ приходилось по шерсти, а не противъ шерсти. Эта обшивка даетъ скользкость впередъ, тогда какъ, на оборотъ, шерсть представляетъ достаточное сопротивленіе тому, чтобы лыжа не подавалась назадъ, что̀ особенно необходимо при подъемахъ на гору. Края шкуры, загнутые кромкой на верхней сторонѣ лыжи, никогда не отстаютъ отъ дерева: такъ прочно они къ нему приклеены какою-то особенною мастикой. По срединѣ лыжи дѣлаются ремённыя путы, въ которыя продѣвается носокъ ноги, обутой въ пимы (оленьи сапоги), и сзади концами ремней затягивается нога на пяткѣ, чтобы не катилась назадъ. На то̀ мѣсто лыжи, гдѣ становится нога, прибивается толстое бересто, которое служитъ къ тому, чтобы снѣгъ, падающій подъ ноги, не прилипалъ ни къ пимамъ, ни къ лыжамъ, потому что съ бересты, не принимающей въ себя мокроты, онъ соскальзываетъ, отъ чего не теряется ловкость управленія лыжей,

вѣкъ можетъ взять съ собою поклажу только въ коробъ изъ бересты, помѣщаемый за спину и называемый *kontti*; случается однако, что лыжникъ тянетъ за собою небольшія легкія санки — *juko*, *jukse* — съ грузомъ, на широкихъ и высокихъ осиновыхъ полозьяхъ. Такія же санки для поклажи употребляются и у Зырянъ и Вогуловъ. „Глубокіе снѣги и дремучіе лѣса“, говоритъ Лепехинъ о Вогулахъ, — „преодолѣваютъ они на лыжахъ, а припасъ свой на особливыхъ возятъ санкахъ, *нарта* называемыхъ. Нарты бываютъ узкія сани, длиною сажени въ двѣ, полози широкія и тонкія съ тремя длинными копылами; головашки соединяютъ не прямымъ, но въ дугу изогнутымъ вязомъ; дно нартъ составляетъ или береста, или тонкія драницы. Чрезъ верхъ копыловъ, даже до головашекъ, привязывается тонкая жердочка; бока саней переплетаютъ тонкими веревочками, чтобы поклажа не выпадала. Промышленникъ, ѣдучи на лыжахъ, тянетъ за собою нарту за привязанную къ головашкамъ веревочку; но чтобы сани удобнѣе было поворачивать и поправлять, съ лѣвой стороны нарты за первый копылъ прикрѣпляютъ короткую и тонкую оглоблю, которою такъ способно можно править и поддерживать нарту, какъ кормщикъ поворачиваетъ судно *сопцомъ*“ [1]).

Подобны нартамъ должны были быть первоначально и тѣ сани, которыя называются по фински *reki*, а по лопски *geris*, *kerres*; въ нихъ запрягались обыкновенно олени, а иногда и лошади; въ этомъ послѣднемъ случаѣ сани дѣлались побольше и покрѣпче. Такія сани до сихъ поръ употребляются Лопарями, и описаніе ихъ находится въ путевыхъ запискахъ Кастрена; нужно, разумѣется, большое умѣнье

и нога не скользитъ по ней. Въ рукахъ промышленника, идущаго на лыжахъ, имѣется посохъ, у котораго на нижнемъ концѣ придѣлывается обручъ, прикрѣпленный къ посоху посредствомъ ременнаго или веревочнаго переплета, продѣтаго въ дырочку, прожженную въ посохѣ. Обручъ не позволяетъ посоху тонуть глубоко въ снѣгу. Цѣль посоха та, чтобъ упираться имъ, отъ чего значительно увеличивается быстрота хода; также—та, чтобы легче можно было вставать промышленнику въ томъ случаѣ, когда онъ упадаетъ, и наконецъ, чтобы сбивать съ лѣса кухту во время хода. На верхній конецъ посоха насаживается желѣзный крючокъ, длиною вершка въ три: онъ служитъ пособіемъ при подъемахъ на горы, при чемъ промышленникъ крючкомъ зацѣпляется за деревья и кустарники». См. Зыряне и ихъ охотничьи промыслы, *Ф. А. Арсеньева*, стр. 33 и 34; ср. Зыряне и Зырянскій край, *Кл. Попова*, стр. 75—76.

[1]) Полное собраніе ученыхъ путешествій по Россіи, т. V, стр. 28—29. О зырянскихъ нартахъ, совершенно сходныхъ съ вогульскими, см. Зыряне и ихъ охотничьи промыслы, *Ф. А. Арсеньева*, стр. 23—24.

не только, чтобы править запряженнымъ въ керисъ быстроногимъ и порывистымъ оленемъ, но и чтобъ усидѣть въ этой утлой и валкой повозкѣ во время скорой ѣзды: олень бѣжитъ очень шибко, и керисъ постоянно колеблется со стороны на сторону; чтобъ умѣрить его колебанія, нужно сѣсть на керисъ верхомъ, и прижавъ колѣни къ наружнымъ его бокамъ, отклонять ступнями керисъ отъ камней и деревьевъ, на которые онъ можетъ наткнуться [1]). Другой конструкціи сани, но также употребляемыя Лопарями, называются *akio* или *pulkke*, Устройствомъ своимъ они похожи на лодку, или какъ замѣчаетъ г. Гротъ, „на башмакъ: ноги сѣдока помѣщаются въ тѣсномъ, закрытомъ пространствѣ, а туловище торчитъ изъ отверстія; въ рукахъ ѣдущаго одна только возжа, которую онъ перекидываетъ черезъ оленя, то на одну сторону, то на другую, смотря по надобности, для указанія ему направленія" [2]). Усовершенствованіемъ этихъ первобытныхъ саней было то, что къ дну ихъ стали придѣлывать спинку и боковыя стѣнки; такія сани называются *laita-reki* или *laitio*, отъ *laidat*, перильца. Наконецъ, Финны употребляютъ сани и настоящей русской конструкціи, которыя и называютъ тѣмъ же русскимъ словомъ. Коробъ такихъ саней къ переду суживается и довольно высокъ, а сзади расширяется и дѣлается ниже; онъ состоитъ изъ легкаго остова, обитаго рогожей или берестой; если у такого короба бока крѣпки, и сзади придѣлана спинка, то онъ называется по фински *resla*, а по эстски *kresla*. Упряжь лошади, запряженной въ сани, какъ кажется, финскаго изобрѣтенія; по крайней мѣрѣ названія всѣхъ составныхъ частей конской сбруи въ финскихъ языкахъ коренныя. Особенно же замѣчательно въ составѣ упряжи употребленіе дуги. Въ западно-финскихъ языкахъ она имѣетъ два названія: *vemmel*, *vembel* и *luokka*, *lookka* и т. п.; но и у финляндскихъ Шведовъ также есть слово *loka* и съ тѣмъ же значеніемъ; между тѣмъ въ самой Швеціи упряжь съ дугой не общераспространена и считается финскою. Г. Алквистъ указываетъ на эти противорѣчивыя данныя и замѣчаетъ, что они затрудняютъ рѣшеніе вопроса о томъ, какой народности принадлежало первоначально слово *luokka*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и изобрѣтеніе дуги; впрочемъ, существованіе чисто финскаго слова *vemmel* склоняетъ его къ мнѣнію, что эта часть упряжи искони

---

[1]) Магазинъ землевѣдѣнія и путешествій. VI. Путешествія *Кастрена*, стр. 66—70.

[2]) Переѣзды по Финляндіи, стр. 103.

была въ употребленіи у Финновъ, и что слово *loka*, какъ и самый обычай запрягать съ дугой, заимствованы Шведами отъ Финновъ. Важное подтвержденіе такому взгляду представлено недавно В. В. Стасовымъ, только съ другой стороны—изъ области русской археологіи и этнографіи. Онъ не имѣлъ въ виду, что дуга, хотя отчасти, употребляется Шведами; но вообще онъ обращаетъ вниманіе на то, что дуга существуетъ лишь у немногихъ народовъ — у Великоруссовъ, Литовцевъ, Латышей и Финновъ Западныхъ и Восточныхъ. Тѣмъ не менѣе, по мнѣнію г. Стасова, нельзя считать ее коренною принадлежностью Русскаго народа, и главнымъ образомъ, потому, что ея нѣтъ и никогда не существовало не только у прочихъ славянскихъ народностей, но даже у Малоруссовъ; сверхъ того, о ней не упоминается въ русскихъ литературныхъ памятникахъ, и нѣтъ ея живописныхъ изображеній ранѣе XVI вѣка. Равнымъ образомъ, г. Стасовъ не признаетъ дугу и за древнюю принадлежность быта Литовцевъ и Латышей: во множествѣ ихъ пѣсенъ упоминаніе о дугѣ встрѣтилось только однажды. Напротивъ того, въ народной поэзіи Западныхъ Финновъ рѣчь о дугѣ идетъ очень часто: „Того мало", замѣчаетъ г. Стасовъ,—„что въ Калевалѣ сани и упряжь описываются самымъ подробнымъ образомъ, но еще и дуга встрѣчается на каждомъ почти шагу въ этой знаменитой древней поэмѣ, и часто описывается съ любопытными подробностями. Такъ, напримѣръ, разказывается, какъ Юкагайненъ „сидѣлъ у воротъ своего дома и дѣлалъ узорныя вырѣзки на красивой дугѣ"; какъ Вейнемейненъ до того шибко ѣхалъ со своей богатырской поѣздки домой, что „громко гремѣли сани, и трещала сухая дуга"; какъ слуга Ильмаринена запрягалъ сани и приладилъ дугу, на которой изображены были шесть кукующихъ кукушекъ; какъ шесть щебечущихъ птицъ было представлено на дугѣ, про которую говоритъ лапландская волшебница Саріола; какъ весело покрикивающіе рябчики были изображены на дугѣ Ильмаринена, и т. д. Мудрено было бы найдти", заключаетъ поэтому г. Стасовъ, — „болѣе неоспоримыя доказательства древняго и постояннаго употребленія дуги у Финскаго племени, тогда какъ у Русскаго, Литовскаго и Латышскаго она появилась въ періодъ гораздо болѣе поздній, конечно, уже какъ заимствованіе"[1]. Соображенія эти представляются весьма вѣроятными и еще болѣе выигрываютъ въ достовѣр-

[1]) См. статью г. *Стасова*: Дуга и пряничный конекъ, въ *Русской Старинѣ* 1877 г., № 4, стр. 729—730.

ности при сопоставленіи ихъ съ данными г. Алквиста. Но оборотъ, и относительно этихъ послѣднихъ можно замѣтить, что если послѣ заключеній г. Стасова нельзя считать дугу оригинальною особенностью литовской, латышской и даже великорусской упряжи, которой она составляетъ нынѣ столь обычную принадлежность, то тѣмъ болѣе нельзя предполагать, чтобы Финны заимствовали ее у Шведовъ, такъ какъ и сами Шведы признаютъ упряжь съ дугой за финскую и употребляютъ ее только иногда и не повсемѣстно.

Что касается лѣтнихъ повозокъ, то ихъ — по догадкѣ г. Алквиста — долгое время вовсе не существовало у Финновъ, вслѣдствіе отсутствія удобныхъ дорогъ; соотвѣтственно тому, и всѣ финскія названія колесныхъ повозокъ заимствованы изъ чужихъ языковъ. Даже ѣзда верхомъ, и та, при отсутствіи путей сообщенія на топкомъ, покрытомъ непроходимыми лѣсами русско-финскомъ сѣверѣ, должна была представлять весьма значительныя затрудненія. Согласно съ тѣмъ, и понятіе о верховой ѣздѣ выражается по фински существующимъ только въ книжной рѣчи словомъ *ratsastua*, которое г. Алквистъ выводитъ изъ литовскаго языка. При такихъ условіяхъ древніе Финны должны были весьма мало нуждаться въ сѣдлахъ; о сѣдлѣ не упоминается даже въ томъ мѣстѣ Калевалы (п. VI), гдѣ весьма обстоятельно повѣствуется, какъ Вейнемейненъ садился на коня, чтобъ ѣхать въ Похьолу. Вслѣдствіе сего не удивительно, что въ финскомъ языкѣ нѣтъ самобытнаго слова для обозначенія сѣдла, и весьма вѣроятно, что Западные Финны не знали верховой ѣзды до тѣхъ поръ, пока не утвердились окончательно въ своихъ нынѣшнихъ жилищахъ. Напротивъ того, Восточнымъ Финнамъ, обитавшимъ въ равнинахъ восточной части Европейской Россіи, по видимому, раньше удалось пріучить коня къ сѣдлу: по крайней мѣрѣ ихъ нарѣчія изобилуютъ выраженіями, относящимися до верховой ѣзды, и самое сѣдло называется у нихъ словомъ одного общаго корня и притомъ самобытнаго происхожденія.

При той первобытности, которою отличались древнія финскія жилища, *внутренняя* ихъ *обстановка* должна была быть очень немногосложна. Г. Алквистъ сравниваетъ ее съ жизнью современныхъ Вогуловъ и Остяковъ: въ ихъ юртахъ вдоль стѣнъ устроиваются скамьи изъ досокъ, покрытыя оленьими шкурами; эти скамьи, а также небольшія стулья и кресла, и служатъ сидѣньемъ; кромѣ того, сидятъ также на полу, а стулья употребляютъ вмѣсто столовъ. Такова приблизительно должна была быть внутренняя обстановка и финской

коты, по крайней мѣрѣ судя по названіямъ относящихся сюда предметовъ. Подъ названіемъ *rahi*, обозначающимъ нынѣ скамью, которая ставится предъ столомъ, прежде, вѣроятно, разумѣли ту скамью, что̀ помѣщалась вдоль стѣны. Она же, только покрытая шкурой оленя или медвѣдя, служила и постелью. Небольшой стулъ или скамейка называется различно: *kammi*—отъ слав. *скамья*, или *jakku*, *järky*, что̀ впрочемъ первоначально означало простой толстый обрубокъ дерева: таковъ и понынѣ *джекъ* у Зырянъ [1]). Вмѣстѣ съ постройкою бревенчатыхъ домовъ вошли въ употребленіе и скамьи, укрѣпленныя къ стѣнамъ и получившія названіе финск. *penkki*, эст. *penk*—отъ герм. *Bank*, или карельск. *lautsa*, *lavitsa*, вепск. *lavats*—отъ слав. *лавка*, *лавица*. Точно также изъ языковъ сосѣднихъ съ Финнами народовъ объясняются финскія названія стола, и только у Эстовъ этотъ предметъ называетъ самобытнымъ словомъ *laud*, что̀, впрочемъ, первоначально означало просто доску.

Народы кочевые или недавно обратившіеся къ осѣдлой жизни любятъ хранить свои вещи, свое мелкое движимое имущество въ разнаго рода сундукахъ и ящикахъ, которые могутъ быть удобно перевозимы съ мѣста на мѣсто. Есть такая склонность и у Финновъ, и соотвѣтственно тому языкъ ихъ обиленъ названіями этихъ предметовъ, какъ самобытными, такъ и заимствованными. Въ народной финской пѣснѣ также говорится о множествѣ сундуковъ и ящиковъ въ финской кладовой: „Войди въ амбаръ, что̀ на холмѣ: три амбара на холмѣ, отвори лучшій изъ нихъ, тамъ сундукъ стоитъ на сундукѣ, ящикъ на ящикѣ".

Подобно внутренней обстановкѣ финскихъ жилищъ, *домашняя утварь*, и преимущественно та, которая служитъ для приготовленія пищи и питья, была у древнихъ Финновъ крайне немногочисленна и незатѣйлива. Жизнь охотника, замѣчаетъ по этому поводу г. Алквистъ,—еще болѣе подвержена случайностямъ, чѣмъ жизнь рыболова; ни у того, ни у другаго не можетъ образоваться привычки къ извѣстному порядку въ ѣдѣ; время ѣды опредѣляется у него не потребностями желудка, а посторонними обстоятельствами. Этотъ тиранъ цивилизованнаго человѣка подчиняется удивительной дисциплинѣ у дикарей; такъ напримѣръ, Вогулъ можетъ провести въ лѣсу двое сутокъ совершенно спокойно безъ пищи. Но когда представляется возможность, дикарь ѣстъ уже безъ всякаго воздержанія и обращаетъ

[1]) Зыряне и Зырянскій край, *Кл. Попова*, стр. 64.

болѣе вниманія на количество, чѣмъ на качество пищи. Кулинарное искусство при такихъ условіяхъ немыслимо; много-много, что дикарь если можетъ развести огонь, подержить надъ нимъ на деревянномъ вертелѣ рыбу, птицу или кусокъ мяса; но обыкновенно, и особенно зимой, дичь съѣдается сырою. Только во время пребыванія въ юртѣ дикарь можетъ приготовить себѣ пищу позаботливѣе. Такъ ѣдятъ до сихъ поръ Остяки и Вогулы. Самоѣды и Лопари. Нѣтъ основанія предполагать, чтобъ и у Западныхъ Финновъ въ древности приготовленіе и потребленіе пищи стояло на болѣе высокой степени. „Камни были первыми котлами", говоритъ Юкагайненъ въ Калевалѣ (п. III). И въ самомъ дѣлѣ весьма вѣроятно, что раскаленный кусокъ камня служилъ въ древности сковородой, а если притомъ въ немъ было сдѣлано углубленіе, то онъ могъ замѣнять и котелокъ. Языкъ, съ своей стороны, также свидѣтельствуетъ о такой первичной простотѣ приготовленія пищи у древнихъ Финновъ: въ немъ есть самобытныя слова только для выраженія понятій варки и жаренья да названіе вертѣла. Всѣ другія кухонныя принадлежности носятъ названія, заимствованныя изъ чужихъ языковъ. При описаніи свадьбы въ Похьолѣ (Калевала, п. XXV) упоминается о блюдахъ и мисахъ, въ которыхъ подавалось кушанье; изъ нихъ каждый бралъ себѣ твердую пищу руками съ помощью ножа, а жидкую каждый хлебалъ по очередно изъ общей посудины при концѣ ѣды: такъ ѣдятъ до сихъ поръ въ сѣверной и средней Азіи даже тѣ народы, которые стоятъ уже на нѣкоторой степени цивилизаціи. Чтобъ очистить ротъ и въ особенности пальцы, употреблялись длинныя и тонкія лучины, наколотыя предъ обѣдомъ изъ свѣжаго слоеваго дерева: такъ дѣлаютъ и до сихъ поръ Вогулы и Остяки, предлагающіе своимъ гостямъ цѣлыя пачки такихъ лучинъ предъ угощеніемъ. По описанію очевидца, эти такъ-называемые въ Сибири *рукотеры* приготовляются нынѣ Вогулами слѣдующимъ образомъ: „Зимой, въ большіе морозы, когда молодыя сосны, ели и кедры имѣютъ чрезвычайно твердую древесину, Вогулы нарѣзаютъ вѣтки и еще не успѣвшія оттаять палки стругаютъ острымъ, широкимъ ножемъ; древесина весьма легко разщепляется на очень тонкія ленточки, которыя потомъ вывариваются нѣкоторое время и замѣняютъ наши полотенца. Если случается, что грязному Вогулу вздумается умыться, то онъ, плеснувши себѣ на лицо и руки нѣсколько разъ водою, вытирается деревяннымъ рукотеромъ; если необходимо вытереть котелъ, въ которомъ варится болтушка, то и здѣсь употребляется рукотеръ, и вообще го-

воря, эти мягкія стружки въ хозяйственномъ быту описываемыхъ инородцевъ крайне необходимы"[1]). У Финновъ собственно съ теченіемъ времени вошли въ употребленіе небольшія дощечки—*lautanen* (уменш. отъ *lauta*, доска) вмѣсто тарелокъ, и ложки, для которыхъ есть въ разныхъ финскихъ языкахъ названія самобытныя, но различныя, что̀ доказываетъ введеніе ложекъ въ домашній обиходъ уже послѣ раздѣленія Финскихъ племенъ.

Наконецъ, обратимся еще къ одной сторонѣ домашняго быта древнихъ Финновъ—къ ихъ *одеждѣ*. И въ этомъ отношеніи—полагаетъ г. Алквистъ,—долженъ былъ сказаться первобытный характеръ древняго склада ихъ жизни.

Одежда древнихъ Финновъ дѣлалась исключительно изъ мѣха; причиною тому былъ не только суровый климатъ ихъ страны или то обстоятельство, что жилища не могли охранять ихъ отъ стужи, но и то, что у нихъ не было другихъ матеріаловъ, чтобы шить платье; поэтому даже лѣтомъ они принуждены были носить одежду изъ звѣриныхъ шкуръ, выдѣланныхъ въ кожу, или иногда изъ войлока. На употребленіе этого послѣдняго матеріала есть указанія въ самомъ языкѣ; такъ, нѣкоторыя слова финскихъ языковъ, служащія для общаго обозначенія платья, какъ напримѣръ эст. *sõba* и *rüde*, стоятъ въ связи съ названіями войлока. Итакъ, бѣлья у древнихъ Финновъ не было въ употребленіи. Рубаха и до сихъ поръ считается предметомъ роскоши у Лопарей, Самоѣдовъ и народовъ сѣверной Сибири; вмѣсто нея они надѣваютъ прямо на тѣло нижнюю плотно прилегающую къ нему шубу шерстью внутрь. Лѣтомъ такая мѣховая рубаха—*малица*, какъ называютъ ее на сѣверѣ Россіи,—или совсѣмъ снимается, или замѣняется рубахой изъ кожи. Лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти полудикіе люди позволяютъ себѣ, какъ роскошь, пріобрѣсти рубаху холщевую, которую, разъ надѣвши, ужь и не снимаютъ до тѣхъ поръ, пока она не обратиться въ рубище. Таковъ былъ, вѣроятно, обычай и древнихъ Финновъ: это можно заключить изъ того, что всѣ названія рубахи въ финскихъ языкахъ не самобытныя. Длинныхъ штановъ древніе Финны также не носили; они употребляли только полуштаны (отъ пояса до бедеръ) или портянки изъ мѣху въ родѣ тѣхъ, что̀ носятъ теперь Лопари, Вогулы и Остяки. Но въ лѣсахъ сѣвера нельзя не одѣвать и нижнюю часть ногъ, какъ то дѣлаютъ многіе южные народы; поэтому Остяки и Вогулы носятъ

[1]) Путешествіе къ Вогуламъ, *Н. Сорокина*, стр. 30.

сапоги съ длинными голенищами, которыя доходятъ до верхней части бедеръ и завязываются длинными ремнями поверхъ портянокъ; на лѣто эти сапоги дѣлаются изъ дубленой кожи, зимою же носятся двойные сапоги изъ оленьяго мѣха, и притомъ такъ, что внутренній сапогъ, соотвѣтствующій чулку, обращенъ шерстью къ тѣлу, а верхній—шерстью наружу. Такіе же сапоги, чрезвычайно легкіе и теплые, употребляются и у Зырянъ, которые называютъ ихъ *пимами* [1]). У Лопарей обувь нѣсколько отличная отъ вышеописанной: длиннымъ голенищамъ пимъ соотвѣтствуютъ длинные изъ оленьей шкуры (нынѣ—изъ байки) набедренники или онучи—лопск. *kalsok*,—которые вверху ноги укрѣпляются ремнями къ портянкамъ, а внизу связываются съ отдѣльно надѣваемыми башмаками. Носковъ не носятъ, но въ башмаки кладутъ мягкое сѣно, и умѣнье хорошо вложить такую подстилку вмѣняется въ особенное достоинство Лопаркамъ; такъ, въ одной лопской пѣснѣ, которую Шегренъ записалъ въ Сондакильѣ, и въ которой разказывается, какъ молодой русскій Лопарь сватался къ лопарской дѣвушкѣ изъ Швеціи, мать этого Лопаря даетъ ему между прочимъ совѣтъ обратить вниманіе на то, умѣетъ ли невѣста хорошенько подослать сѣно въ башмакъ [2]). Нынѣ Западные Финны носятъ обувь въ родѣ вогульской или остяцкой, и такіе сапоги съ длинными голенищами называются у нихъ *pieksut* [3]); но такъ какъ въ языкѣ ихъ существуетъ много названій для мужской и женской обуви безъ голенищъ, то весьма вѣроятно, что въ древности Финны обувались на лопарскій манеръ. Съ теченіемъ времени длинные штаны вытѣснили употребленіе прежней обуви у мужчинъ; но и до сихъ поръ можно видѣть, что портянки привязываются на ногѣ идущими внизъ шерстяными или пеньковыми тесьмами, между тѣмъ какъ лапти укрѣпляются на ногѣ ремнями, обмотанными на икрахъ. Такова же обувь у Эстовъ, Мордвы и Черемисовъ; но у нихъ онучи составляютъ принадлежность преимущественно женской обуви, и напримѣръ, у Мордовокъ накручиваются такъ усердно, что нога кажется тол-

---

[1]) Зыряне и Зырянскій край, *Кл. Попова*, стр. 34, прим. 162.

[2]) *A. J. Sjögren's* Gesammellte Schriften, I, 221.

[3]) «Особые крестьянскіе сапоги, приготовляемые изъ коровьей кожи, мягкіе, непромокаемые и чрезвычайно прочные, съ приподнятыми кверху, заостренными концами, составляютъ общую потребность народа во всей сѣверной Финляндіи, но приготовляются лучше всего въ Торнео. Они по фински называются *piekset kengät*.... Подобные сапоги носитъ крестьянинъ и въ Кареліи». См. Переѣзды по Финляндіи, *Я. К. Грота*, стр. 119—120.

щиной чуть не въ поларшина. У эстскихъ женщинъ онуча приняла отчасти форму штанины и укрѣпляется подвязкой у колѣна; шьется она изъ холста или байки; названіе ихъ—то же, что лопарскихъ онучей изъ оленьей шкуры—*kalsu*, *kalso*, *kalst* и *kaltsu*. Подобная обувь употребляется женщинами и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Финляндіи и также называется *kalsu*.

Такимъ образомъ, какъ штаны, такъ и чулки или носки, собственно говоря, не входили въ составъ древней національной финской одежды. Поэтому и въ западно-финскихъ языкахъ они носятъ названія не самобытныя. Напротивъ того, названіе башмаковъ у Финновъ коренное и даже переняло отъ нихъ Шведами и Русскими: это—финск. *kenkä*, эст. *keng* или *king*, вепсск. *keng*, ливск. *kōnga*; тотъ же корень повторяется и въ нѣкоторыхъ восточно-финскихъ нарѣчіяхъ. Точно также къ числу частей одежды, издревле употреблявшихся у Финновъ, принадлежатъ и перчатки или рукавицы; нынѣ наиболѣе употребительны у финскихъ крестьянъ рукавицы кожаныя съ шерстяною подкладкой; онѣ называются кореннымъ словомъ *kinnas*, повторяющимся съ небольшими измѣненіями во всѣхъ западно-финскихъ нарѣчіяхъ. Кромѣ того, употребляются у Финновъ и другія названія для того же предмета, большею частью заимствованныя изъ русскаго языка: *rukkanen*, *lapainen*.

Что касается до верхней одежды верхней части туловища, то какъ уже сказано, она дѣлалась у древнихъ Финновъ изъ звѣриныхъ шкуръ: поверхъ малицы, носимой шерстью внутрь, надѣвалось другое мѣховое платье шерстью вверхъ (у Зырянъ — *совикъ*); но и этого рода платье, а равно всякіе другіе кафтаны и тому подобныя платья, называются у Финновъ словами, заимствованными изъ германскихъ или славянскихъ языковъ.

Головной уборъ у мужчинъ на русско-финскомъ сѣверѣ почти не существовалъ. Обскіе Остяки и Вогулы до сихъ поръ ничего не надѣваютъ на голову лѣтомъ, а зимой носятъ олеiй колпакъ, пришитый къ верхнему краю шубы и сбрасываемый съ головы, на манеръ капюшона, при входѣ въ домъ или во время хорошей погоды. Быть можетъ, такой колпакъ назывался въ старину по фински *lakki* (отъ *laki*, макушка), какъ теперь называютъ всякую шапку. Прочія названія финскихъ головныхъ уборовъ всѣ заимствованы изъ другихъ языковъ, но между этими названіями есть одно, любопытное по своей исторіи: это—финское слово *kypärä*, эст. *kübar*, ливск. *kübār*, лопск. *kappir* или *gapper*. По свидѣтельству Шегрена, такъ у Лопарей на-

зывается круглая шапка, сшитая изъ четырехъ кусковъ; нѣсколько десятилѣтій тому назадъ она была въ общемъ употребленіи и въ большей части Финляндіи подъ названіемъ *patalakki*; самое слово *kypärä* встрѣчается и въ Калевалѣ, притомъ съ эпитетомъ *puna*, красная; по мнѣнію г. Алквиста, и тутъ оно означаетъ также шапку. Шегренъ считалъ это слово кореннымъ въ финскомъ и лопскомъ языкахъ [1]), но г. Алквистъ указываетъ, что оно произошло изъ литовскаго, въ которомъ шляпа называется *kepurre* (латышск. *zepurre*). Кстати замѣтить, что съ финск. *kypärä* г. Гротъ сближаетъ русск. *кивеpъ*, при чемъ финское слово объясняетъ: „шлемъ у древнихъ Финновъ" [2]).

Женская одежда въ древнее время отличалась у Финновъ отъ мужской весьма немногимъ; но съ теченіемъ времени она однако должна была измѣниться. Изъ составныхъ частей ея г. Алквистъ называетъ холщевую рубаху — *rätsi*, *rätsina*, и юбку — *sutsuna*; оба эти слова встрѣчаются въ Калевалѣ и принадлежатъ русско-карельскому нарѣчію. Второе изъ нихъ, по мнѣнію акад. Шифнера, приводимому г. Алквистомъ, объясняется изъ русск. *суконка*; прибавимъ, что и первое, быть можетъ, происходитъ изъ русск. *рядина*. Кромѣ названныхъ частей женской одежды, должно упомянуть еще *vaippa*, родъ плаща, которымъ покрывалась и голова. Но существенную часть женскаго наряда у Финновъ, какъ и многихъ другихъ народовъ, составляли головной уборъ и прическа. Въ этомъ отношеніи и у Финновъ былъ такой обычай, чтобъ замужняя женщина ходила съ покрытою головой, а дѣвушка — простоволосою, съ заплетенными косами. Косы — финск. *palmika*, карельск. *kassa* — представляются въ финскихъ пѣсняхъ символомъ дѣвической воли и веселой жизни въ отцовскомъ домѣ, а покрывало — эст. *kate* — символомъ зависимости, заботы и горя, которыя замужняя женщина испытываетъ какъ хозяйка дома — *miehelässä* или *anoppelassa* (въ домѣ мужа или тещи). Заплетая косы, дѣвушки вмѣстѣ съ тѣмъ носили особаго рода повязки — *timpi*, *lenta*, *seppele* (что также значитъ вѣнокъ) и металлическіе обручи на головѣ — финск. *panka*. Надѣваніе покрывала на невѣсту сопровождалось различными обрядами, которые и теперь уцѣлѣли еще въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Точно также, въ юго-восточной Финляндіи остается обязательнымъ ношеніе замужними женщинами покрывала, и притомъ самыхъ различныхъ размѣровъ.

---

[1]) *J. A. Sjögren's* Gesammelte Schriften, I, 220.

[2]) Переѣзды по Финляндіи, стр. 57.

Въ другихъ мѣстностяхъ покрывало замѣняется простымъ платкомъ — финск. *huivi*, эстск. *uju* (отъ шведск. *hviv*).

Еще двѣ особенности отличаютъ женскій нарядъ, какъ Финскихъ, такъ и Тюркскихъ народовъ, обитающихъ въ восточной Россіи: это, вопервыхъ — употребленіе серебряныхъ монетъ въ видѣ украшенія, и вовторыхъ — обиліе вышивокъ на платьѣ. Начиная съ полтинника и кончая пятачкомъ, всѣ русскія серебряныя монеты служатъ для украшенія женщинъ и привѣшиваются за просверленныя въ нихъ дырочки къ куску ткани или четырехугольной вырѣзкѣ изъ кожи; такія куски матеріи спускаются съ головы вмѣстѣ съ косами, а кожаные служатъ грудными украшеніями; кромѣ того, изъ монетъ дѣлаются сережки. Большія грудныя украшенія, съ пришитыми къ нимъ серебряными монетами, называются у поволжскихъ инородцевъ *sülgeme*; они представляютъ иногда значительную цѣнность, и потому о нихъ бываетъ рѣчь даже въ тяжебныхъ дѣлахъ. Если случается нужда, монеты срываются съ такого убора и пускаются въ оборотъ: оттого на Волгѣ часто попадается серебряная монета съ просверленною дырочкой. У Балтійскихъ Финновъ такой родъ женскаго украшенія уже вышелъ изъ употребленія, но еще есть слѣды того, что оно существовало въ старину и у нихъ; такъ, у Эстовъ невѣста надѣваетъ головную повязку съ пришитыми къ ней монетами—*sepel*.

Что касается вышивокъ, то ими всегда обильно украшаются холщевыя рубахи, составляющія главную составную часть женской одежды у приволжскихъ инородцевъ; вышиваются обыкновенно рукава и грудь красными, синими и иногда желтыми нитками, и вышивка нерѣдко дѣлается съ большимъ искусствомъ, такъ что такой нарядъ, требующій продолжительной работы надъ нимъ, можетъ стоитъ дорого и переходитъ отъ матери къ дочери, какъ цѣнное наслѣдство. Въ женскомъ нарядѣ Балтійскихъ Финновъ замѣчается та же любовь къ вышитымъ украшеніямъ, какъ это особенно замѣтно по одеждѣ женщинъ въ южной части Выборгской губерніи, также въ губерніяхъ Петербургской, Эстляндской и пр. Такія вышивки называются по фински *kirja*, эст. *kiri*, вепсск. *kirj*, ливск. *kēra*, вотск. *tirja*, лопск. *girjc*; но коренное значеніе этого слова общѣе, ибо такъ называются и вышитыя, и расписныя, и вырѣзныя украшенія; отъ этого слова происходятъ *kirjava*, пестрый, и *kirjoitan*, пестрить, выводить узоры, писать (ср. *пестрый*); а отсюда и слово *kirja* имѣетъ также значеніе письма, писанія, книги. Въ нѣкоторыхъ восточно-финскихъ нарѣ-

яхъ тѣ же понятія, также послѣдовательно видоизмѣняясь, выражаются другими корнями.

Въ заключеніе упомянемъ еще нѣкоторые предметы, служившіе издревле для украшенія финской одежды; таковы: стеклянныя бусы—финск. *helmi*, эстск. *hel'm*, ливск. *el'm*, пряжки — *solki* (отъ шведск. *söljä*), серьги—*korvarengas* (*korva*—ухо, *rengas* отъ герм. *Ring*, кольцо) и кольца на пальцахъ—*sormus*.

IV.

Мореплаваніе и судоходство у древнихъ Финновъ; названія судовъ и ихъ принадлежностей. — Торговля; понятіе о городѣ; преобладаніе мѣновой торговли; пушной товаръ — ея главная статья. — Счетъ, мѣра и вѣсъ.

Нѣкоторая часть Западно-Финскихъ племенъ въ нынѣшнее время не только знакома съ моремъ, но и доставляетъ большой контингентъ искусныхъ мореходовъ на восточномъ Балтійскомъ побережьи. Но не такъ было въ древности: прежде, чѣмъ Западные Финны пришли къ берегамъ Балтійскаго и Бѣлаго морей, они были народомъ вполнѣ континентальнымъ. Такой переворотъ въ жизненныхъ условіяхъ Западныхъ Финновъ не могъ не отразиться и въ развитіи ихъ быта. Поэтому и г. Алквистъ, возстановляя древнюю культуру Западныхъ Финновъ по даннымъ ихъ языка, не могъ не посвятить нѣсколькихъ страницъ очерку ихъ мореходства, хотя въ то же время можно было заранѣе ожидать, что въ этой сферѣ народной дѣятельности и народной рѣчи самобытные финскіе элементы не займутъ виднаго мѣста. Балтійскіе Финны—говоритъ г. Алквистъ,—до прихода своего къ берегамъ Балтійскаго и Бѣлаго морей, не видали никакихъ большихъ водъ, кромѣ рѣкъ и озеръ; поэтому не удивительно, что у нихъ нѣтъ самобытнаго выраженія для означенія моря, и что оно называется по фински и эстски *meri*, по ливски *mer'*, по лопски *mœr* и *mœrra*, то-есть, словомъ, взятымъ изъ славянскаго или литовскаго языковъ. Любопытно однако, что у Вотяковъ и Остяковъ нашлось самобытное названіе моря: таково вотяцк. *sariz* и остяцк. *sares*, перешедшее отсюда и въ языкъ пермскій; г. Алквистъ объясняетъ это обстоятельство тѣмъ, что Остяки издревле жили на р. Оби, въ значительной близости отъ Ледовитаго океана. Для названія морскаго берега у Западныхъ Финновъ также не нашлось своего слова: его называютъ *ranta*, *randa* и т. д., отъ германск. *Strand*; напротивъ того, названій берега рѣчнаго у нихъ нѣсколько, и они разнообразны, но по

первоначальному своему смыслу выражаютъ вообще понятіе края, полосы, а не именно берега. Потребность назвать морской берегъ иначе, чѣмъ рѣчной, могла, по мнѣнію г. Алквиста, возникнуть изъ того чувства страха, которое внушала могучая и вѣчно шумящая морская стихія, но которой не пробуждали воды спокойныхъ, по большей части, рѣкъ сѣверо-восточной Европы. Для означенія различныхъ очертаній суши въ соприкосновеніи ея съ водой, и различныхъ водныхъ пространствъ, ограничиваемыхъ сушей, западно-финскіе языки имѣютъ рядъ выраженій самобытныхъ; такъ, небольшой заливъ называется финск. *lahti*, эстск. *laht* и т. д.; мысъ или носъ — финск. *niemi*, эстск. *neem* и *nina* и т. д., проливъ — финск. *rauma*, *salmi* и *veina*, эстск. *väin* (первоначально—устье рѣки), островъ—финск. *saari*, *salo*, *luoto*. Всѣ эти географическіе термины вошли, между прочимъ, и во множество мѣстныхъ названій на пространствѣ русско-финскаго сѣвера; такъ, напримѣръ, словомъ *vain*, *viena* г. Алквистъ объясняетъ названіе Западной и Сѣверной Двины, изъ коихъ первая называется *Wäinäjögi* у Эстовъ и Ливовъ, а вторая — *Wienanjoki* у Кареловъ (*joki* значитъ рѣка). Кромѣ того, иныя изъ вышеприведенныхъ названій любопытны и по тѣмъ воззрѣніямъ, которыя положены въ основу ихъ; такъ финск. *niemi*, мысъ, родственно съ финскимъ же словомъ *nenä*, что значитъ носъ; эстск. *nina* даже прямо имѣетъ то и другое значеніе, и точно также въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ слово *носъ*, кромѣ части лица, означаетъ острый мысъ; финск. *salo*, островъ, значитъ также необитаемое, покрытое лѣсомъ пространство таково же двойственное значеніе слова *островъ* и въ русскомъ языкѣ.

Финны пока пребывали въ своей азіатской прародинѣ, нуждались въ судахъ лишь самаго простаго устройства, которыя служили бъ имъ для плаванія по рѣкамъ и озерамъ: таковы, вѣроятно были тѣ суда, которыя называются коренными словами *venhe* и *pursi*; первое слово встрѣчается въ нѣсколькихъ западно-финскихъ языкахъ, а второе, кромѣ финскаго собственно, повторяется, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, въ пермскомъ и черемисскомъ; финск. *pursi*, судя по уменьшительному *purtilo*, значило первоначально выдолбленный стволъ дерева, колода, а какъ извѣстно, таковы именно были древнѣйшія суда у всѣхъ народовъ; таковы и до сихъ поръ узкія и чрезвычайно легкія лодки у Вогуловъ [1]). Впрочемъ, въ вогульскомъ и остяцкомъ язы-

[1]) *Н. Сорокинъ*, Путешествіе къ Вогуламъ, стр. 30.

какъ лодка называется иначе, именно — *qǒp*, *qăp*, и въ связи съ этимъ словомъ является названіе осины—*qěp-giv*, *qap-jiv*, какъ того дерева, изъ котораго выдалбливались преимущественно лодки (ср. малорусское *дубъ* — какъ названіе дерева, и затѣмъ, казацкой лодки). У Западныхъ Финновъ вообще замѣчается бѣдность въ названіяхъ судовъ, да и тѣ, какія въ ихъ нарѣчіяхъ существуютъ, заимствованы большею частью изъ русскаго.

Что суда древнихъ Финновъ были самаго простаго устройства, это равнымъ образомъ засвидѣтельствовано ихъ языкомъ: составныя части судовъ и ихъ принадлежности носятъ въ немъ названія также большею частью чуждаго корня. Такъ, напримѣръ, киль называется по фински *kööli*, *kyöli*—отъ шведск. *köl*, и дѣйствительно, общеупотребительныя въ Финляндіи лодки, предназначенныя для плаванія по озерамъ, дѣлаются безъ киля, ибо всякое килевое судно требуетъ болѣе глубокой воды, чѣмъ вода узкихъ проливовъ и мелководныхъ заливовъ финскихъ озеръ; для того же, чтобы придать подводной части лодки болѣе прочности, Финны снабжаютъ ее деревянною обшивкой, называемою *tolka*, *tolla*, что первоначально значило подошва. Равнымъ образомъ, наиболѣе употребительныя въ западно-финскихъ нарѣчіяхъ названія мачты — *masto*, паруса — *seili*, весла (парнаго)— *airo*, якоря — *ankkuri*, руля — *tyyry*, взяты изъ скандинавскихъ языковъ, тогда какъ въ языкахъ Восточныхъ Финновъ тѣ же предметы обыкновенно именуются словами русскаго происхожденія. Но есть въ финской терминологіи судоходства еще одно слово, которое рѣзко отдѣляется отъ другихъ своею самобытностью: это — *mela*, обозначающее рулевое весло или кормило, которымъ плывущій на лодкѣ гребетъ, стоя самъ лицомъ къ цѣли движенія; таковъ простѣйшій, первобытный способъ вести судно, и онъ, вѣроятно, и былъ въ употребленіи у древнихъ Финновъ; финскіе крестьяне и до сихъ поръ употребляютъ такого рода весло вмѣсто руля.

Предложенный обзоръ финскихъ словъ, относящихся до судоходства и судостроенія и свидѣтельствующихъ, что и въ этомъ отношеніи Финны находились лишь на первоначальной степени развитія, можно дополнить еще однимъ указаніемъ, имѣющимъ значеніе въ культурномъ отношеніи. Для того, чтобы придать деревянному судну прочность и охранить его отъ разрушительнаго дѣйствія воздуха и воды, употребляется деготь и смола; оба эти предмета называются у разныхъ Финскихъ племенъ, западныхъ и восточныхъ, словами арійскаго корня: такъ финск. *terva*, лопск. *tarve* и пр., деготь, род-

ственно съ др.-слав. *tjara*, литовск. и латышск. *darva*, и славянск. *древо;* финск. и ливск. *piki*, эстск. *pigi*, лопск. *bik*, смола, объясняется др.-сѣв. *bik*; кромѣ того, нѣкоторыми Восточно-Финскими племенами усвоены русскія слова *смола* и *варъ*, и почти во всѣхъ финскихъ языкахъ встрѣчается слово *tökötti*, отъ слав. *деготь*. Только зырянскій языкъ представляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе: деготь по зырянски *sir*—также, какъ жидкая смола, а смола—*suk-sir*, буквально густая смола. Г. Алквистъ однако не объясняетъ, есть ли слово *sir* — коренное финское. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ говоритъ: что Финскіе народы первоначально не знали искусства выжигать деготь, это ясно видно изъ названія его въ вогульскомъ и сѣверно-остяцкомъ языкахъ; у южныхъ Вогуловъ деготь называется *rus-onqua*, русская смола, такъ какъ они научились выжиганію дегтя отъ Русскихъ; у сѣверныхъ же Вогуловъ и Остяковъ его называютъ „зырянскою смолой", потому что сюда гонка дегтя перешла отъ Зырянъ. Что касается собственно смолокуренія у Западныхъ Финновъ, то г. Алквистъ не распространяется объ этомъ предметѣ; между тѣмъ въ самой Финляндіи, и именно—въ Остроботніи, смоляное производство составляло еще недавно при общемъ пользованіи лѣсомъ,—а можетъ быть, и продолжаетъ составлять понынѣ—одинъ изъ самыхъ обычныхъ крестьянскихъ промысловъ; здѣшній процессъ добыванія смолы напоминаетъ отчасти выцѣживаніе древесныхъ соковъ, которое въ обычаѣ у разныхъ народовъ, живущихъ среди лѣсовъ, но особенно сходенъ—по замѣчанію одного путешественника—со способомъ смолокуренія, употреблявшимся у древнихъ Грековъ [1]). Эти признаки, можетъ быть, свидѣтельствуютъ въ пользу старобытности самаго производства въ Финляндіи.

Имѣя въ виду, что судоходство и мореплаваніе составляютъ одинъ изъ удобнѣйшихъ способовъ международныхъ сношеній, г. Алквистъ счелъ удобнымъ перейдти отъ обзора древняго финскаго судоходства къ собранію тѣхъ данныхъ, которыя представляютъ финскіе языки относительно торговли. Но прежде чѣмъ повести рѣчь непосредственно объ этомъ предметѣ, онъ останавливается на разъясненіи того, какъ въ финскихъ языкахъ выражается понятіе о городѣ, этомъ средоточіи торгово-промышленныхъ интересовъ народной жизни.

---

[1]) Сравненіе это принадлежитъ г. Гроту, который въ своихъ «Переѣздахъ по Финляндіи» (стр. 65—67, 132—134, 149, 154, 121—216) сообщаетъ очень любопытныя подробности о финскомъ смолокуреніи и торговлѣ смолой въ Финляндіи.

Въ кругу западно-финскихъ языковъ городъ называется *linna*, *linn*, *ladne* и т. п., или *pilsäät*, или наконецъ — *kaupunki*, *gavpuk*. Первое слово — коренное финское и значитъ крѣпость, замокъ; но еще первоначальнѣе употребленіе этого слова въ смыслѣ холма, вершины горы (Калевала, пѣснь XXIV); впрочемъ, въ Калевалѣ же (п. XLIII) встрѣчается слово *linna* въ смыслѣ искусственнаго, даже строеннаго изъ камня укрѣпленія. Прибавимъ къ этому, что о древнихъ финскихъ укрѣпленіяхъ можно получить нѣкоторое понятіе изъ упоминанія русской лѣтописи о *твердяхъ*, которыя существовали въ XIII вѣкѣ у Мордвы-Мокши, въ глубинѣ ея лѣсовъ, и служили для этого племени убѣжищемъ отъ нападенія Русскихъ; подъ названіемъ *тверди* разумѣлся лѣсной завалъ: „плетнемъ оплетено то мѣсто, и насовано колья" [1]). Другое названіе города *pilsäät*, по объясненію г. Алквиста, происходитъ изъ латышскаго языка, въ которомъ *pilsats* значитъ городъ, отъ *pils*, укрѣпленіе. Наконецъ, третье названіе города существуетъ только въ финскомъ собственно и въ лопскомъ языкахъ и происходитъ отъ др.-шв. *kaupungr*, н.-шв. *köping*, корень котораго въ др.-сѣв. *kaup*, купля, торговля; вмѣстѣ съ названіемъ города какъ торговаго центра перешло въ западно-финскіе языки и самое слово *kaup* въ томъ же значеніи, какое оно имѣетъ въ скандинавскомъ языкѣ. Такимъ образомъ Финны разумѣли подъ именемъ города только укрѣпленный пунктъ; въ значеніи же „торга" названіе города явилось лишь съ теченіемъ времени, преимущественно подъ вліяніемъ скандинавскихъ народовъ.

Тѣмъ не менѣе, свидѣтельства языка, даже независимо отъ показаній историческихъ памятниковъ, дѣлаютъ несомнѣннымъ тотъ фактъ, что древніе Финны рано вошли въ торговыя связи съ другими народами, и во всякомъ случаѣ, раньше, чѣмъ стали строить города: это видно изъ того, что для понятій о мѣнѣ, куплѣ, продажѣ, цѣнѣ, стоимости, платѣ существуютъ въ финскихъ языкахъ самобытныя слова. Мы не послѣдуемъ за г. Алквистомъ въ подробномъ ихъ разборѣ, но остановимся на одномъ изъ этихъ словъ, объясненіе котораго кажется наиболѣе любопытнымъ. Мѣнять—по фински *vaihetan*, *vaihdan* и т. п. съ небольшими различіями по разнымъ нарѣчіямъ; корень этого слова—финск. *vaihi*, *vaihe*, промежутокъ; такимъ обра-

---

[1]) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. Изданіе Археологической Коммиссіи (С.-Пб., 1872), стр. 428: о мордовскихъ твердяхъ, стр. 471: объясненіе слова *тверди*.

зомъ, коренное значеніе глагола *vaitetan*—„класть въ промежутокъ", и это значеніе буквально подтверждается тѣми свѣдѣніями, которыя имѣются у насъ о торговлѣ Пермяковъ съ Угорскими народами [1]).

Самобытнаго слова для означенія общаго понятія о торговлѣ въ финскихъ языкахъ не имѣется: мы уже видѣли, что собственно финскій языкъ усвоилъ себѣ для того выраженіе изъ языка скандинавскаго (ф. *kauppa* = др.-с. *kaup*). Равнымъ образомъ, нѣтъ въ этой группѣ языковъ самобытнаго слова, которое значило бы—купецъ; въ большей части нарѣчій для того служитъ сложное *kauppamies*, что̀ значитъ торговый человѣкъ (ф. *mies* — человѣкъ). Не приводя другихъ финскихъ словъ, имѣющихъ то же значеніе, упомянемъ только, что у Кареловъ купца называютъ *saksa*—отъ *Sachse*, Саксъ: это—воспоминаніе о тѣхъ нижне-нѣмецкихъ торговыхъ людяхъ, которые въ средніе вѣка вели дѣятельную торговлю на Балтійскомъ побережьи и въ прилежащихъ къ нему странахъ. Товаръ также называется въ финскихъ нарѣчіяхъ словами иноязычнаго происхожденія: *tavara* — отъ русск. *товаръ* или лит. *tavorà*, и *kräätä*, *rääту*—отъ нѣм. *Kram*: то и другое слово, вѣроятно, первоначально означали только иноземныя издѣлія, привозимыя на продажу къ Финнамъ; то же, что̀ отдавалось въ промѣнъ за этотъ товаръ, называлось финск *kalu*, лопск. *galvvo*, или позже — *raha*. Не слѣдуетъ однако думать, что предметы, означаемые симъ послѣднимъ словомъ, были тѣ же, что̀ ими означается теперь, то-есть, деньги. Напротивъ того, Финны познакомились съ деньгами въ сравнительно позднее время, и даже тогда на иностранную монету смотрѣли не какъ на общую единицу цѣнности, а какъ на прочное и изящное украшеніе различныхъ головныхъ, шейныхъ и грудныхъ уборовъ. Такой взглядъ на деньги до сихъ поръ существуетъ у Остяковъ, Вогуловъ и Самоѣдовъ; я самъ убѣдился, поясняетъ г. Алквистъ, — съ какимъ равнодушіемъ Вогулы и Остяки внутренней части восточнаго склона Урала смотрятъ на серебряную монету, данную имъ за оказанную услугу, и въ какой восторгъ приводитъ ихъ щепотка русскаго табаку. Это ясно доказываетъ, что деньги для нихъ только товаръ, и притомъ такой, который цѣнится Вогу-

---

[1]) Г. Алквистъ разумѣетъ извѣстный разсказъ Повѣсти временныхъ лѣтъ 1096 г. о Югрѣ, какъ онъ объясненъ Кастреномъ въ его Ethnologische Vorlesungen über die Altaischen Völker, стр. 104. Ср. сходные разказы арабскихъ писателей XIII в. Казвини и Ибнъ-Батуты; Русская Исторія, *К. Бестужева-Рюмина*, I, стр. 67. См. также Промышленность древней Руси, *Н. Аристова*, стр. 181 и 209.

ломъ гораздо менѣе, чѣмъ многіе другіе товары, болѣе ему необходимые, какъ напримѣръ, порохъ, соль, русскій войлокъ и холстъ, также табакъ и мука, которые однако еще составляютъ для него скорѣе предметы роскоши, чѣмъ необходимости. На это, быть можетъ, скажутъ, прибавляетъ г. Алквистъ,—что Вогулъ, конечно, ужь успѣлъ понять, что на деньги можно купить всѣ эти хорошія вещи и еще многое другое. Но оказывается, что этого-то и не случилось, ибо Русскіе и Зыряне, поставляющіе Вогуламъ привозные товары, стараются получить отъ нихъ не деньги, а мѣха, и при такой мѣнѣ они имѣютъ гораздо бо̀льшую выгоду, чѣмъ если бы торговля велась правильнымъ образомъ на деньги.

Этотъ-то пушной товаръ, составляющій добычу сѣверныхъ народовъ, и есть тотъ предметъ, который въ финскомъ языкѣ получилъ первоначально значеніе *raha*; въ лопскомъ это слово и понынѣ имѣетъ значеніе „pellis ferinae carior", и уже затѣмъ, какъ позднѣйшее — „omne id, quod in pretio est". Лучшій изъ финскихъ лексикографовъ Ренвалль опредѣляетъ финское *raha* такъ: „res quaevis mercium pretio inserviens, e. c. pellis, metalla, inde hodie pecunia, nummus". Въ смыслѣ пушнаго товара употребляется это слово иногда и въ Калевалѣ, и въ ней, какъ и по немногимъ стариннымъ памятникамъ письменнаго финскаго языка, можно прослѣдить переходъ значенія этого слова—сперва какъ цѣнной вещи вообще, и потомъ—какъ названіе денегъ. Въ древности бѣличьи мѣха въ особенности служили размѣннымъ товаромъ на сѣверѣ Европы, а на сѣверѣ Азіи служатъ отчасти и теперь. На это указываетъ, между прочимъ, и финскій камеральный терминъ *oravantaa*, означающій участокъ земли, съ котораго подать платилась въ размѣрѣ одной бѣлки, и наконецъ, то обстоятельство, что во многихъ урало-алтайскихъ языкахъ копѣйка называется тѣмъ же словомъ, что̀ бѣлка: по зырянски *ur*=финск. *orava*), по вотяцки *koni*, по вогульски *lin*; по вогульски говорятъ даже „сто бѣлокъ" въ значеніи рубля.

Изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ, что Финны первоначально не знали денегъ и ихъ употребленія. Вслѣдствіе того становится вполнѣ понятнымъ, что какъ общее названіе денегъ, такъ и названія монеты разнаго достоинства, усвоены финскими языками изъ другихъ (германскаго, скандинавскаго и особенно русскаго).

Во всякой торговлѣ необходимо опредѣленіе количества товара мѣрой, вѣсомъ, или по крайней мѣрѣ, счетомъ. Къ единственному предмету сбыта древнихъ Финновъ, къ пушному товару, могъ быть

примѣненъ только счетъ; чѣмъ больше цѣнныхъ мѣховъ предлагалось на продажу, тѣмъ, разумѣется, болѣе за нихъ и платилось; но при этомъ приходилось по большей части опредѣлять достоинство каждой шкуры поштучно. Напротивъ того, маленькія шкурки горностаевъ, куницъ, и въ особенности, бѣлокъ продавались связками разнаго размѣра, но безъ опредѣленія добротности каждой шкурки. Для такихъ связокъ преимущественно бѣличьихъ мѣховъ въ десять и сорокъ шкурокъ есть въ финскомъ языкѣ нѣсколько особыхъ названій, но изъ нихъ только одно—для „сороковъ"—*kihtelis* или *kühtelys*,—кореннаго финскаго происхожденія. Вѣроятно, товары, вымѣниваемые Финнами у сосѣдей, какъ напримѣръ, топоры, ножи и другія вещи изъ желѣза, считались поштучно, и только тогда, когда стали привозить къ Финнамъ ткани иноземнаго издѣлія, возникла въ ихъ торговлѣ потребность въ линейныхъ мѣрахъ. Еще позже должна была явиться потребность въ опредѣленіи товаровъ по объему и вѣсу.

Для первоначальнаго опредѣленія длины человѣкъ обыкновенно пользуется разными частями своего тѣла, которыя при своихъ болѣе или менѣе постоянныхъ размѣрахъ могутъ служить довольно опредѣленными единицами линейнаго измѣренія. Такъ было и у Финновъ; притомъ, языкъ ихъ чрезвычайно богатъ названіями единицъ мѣры такого рода. Самая малая изъ нынѣ употребляемыхъ линейныхъ мѣръ, дюймъ, имѣетъ названіе иноязычное: финское *tuuma* или *tuumma* — отъ шведск. *tum*; эст. и ливск. *toll* отъ нѣм. *Zoll*. За то слѣдующая по величинѣ линейная мѣра—финск. *vaaksa*, эст. *vaks* и т. д. — называется словомъ самобытнымъ, означающимъ разстояніе между разставленными концами большаго и указательнаго пальцевъ, то-есть, пядь. Эта мѣра имѣетъ коренныя названія и въ восточно-финскихъ языкахъ. Точно также самобытны и общи почти всей группѣ финскихъ языковъ названія локтя — финск. *kyynärpää* (отъ *kyynärä*, локоть руки), эст. *künar* и т. д., и сажени—финск. *syli*, *syltä*, эст. *süld*, лопск. *sal* и т. д. Финская сажень считается въ десять пядей, но сверхъ того, есть еще сажень въ двѣнадцать пядей, называемая *kasosyli*. Не смотря на то, что это слово могло бы напоминать русскую *косую сажень*, г. Алквистъ замѣчаетъ, что слово *koso*—коренное финское и значитъ—куча, и что сходство *koso* съ *косой* случайное. Изъ названій для мѣръ большихъ протяженій упомянемъ одно — финск. *penninkulma*, характерное въ бытовомъ отношеніи. Въ современномъ языкѣ оно означаетъ шведскую милю, но по своему происхожденію или образованію указываетъ на то неопредѣленное протяженіе, на кото-

рое слышенъ собачій лай (финск. *peni* — собака, *kulma*, вмѣсто *kuulema*, слышно). Въ мордовскомъ языкѣ есть подобное же опредѣленіе мѣры разстоянія: тамъ верста называется словомъ, которое первоначально означаетъ такое пространство земли, на которое слышенъ крикъ человѣка.

Что касается кубическихъ мѣръ, а равно единицы для опредѣленія вѣса, то ближайшее разсмотрѣніе относящейся до этихъ предметовъ терминологіи финскихъ языковъ доказываетъ, что она заимствована Финнами изъ языковъ сосѣднихъ народовъ, преимущественно изъ скандинавскаго, откуда Финны переняли и названіе древнѣйшаго рода вѣсовъ—безмѣна. Наконецъ, какъ общія понятія, мѣра и вѣсъ также не имѣютъ въ финскихъ языкахъ никакихъ другихъ названій, кромѣ иноязычныхъ. Это, впрочемъ, явствуетъ само собою изъ всего вышеизложеннаго, такъ какъ культурное развитіе древнихъ Финновъ стояло вообще на той степени, когда въ языкѣ почти не существуетъ общихъ отвлеченныхъ понятій, а господствуютъ лишь наглядныя, конкретныя.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Сборникъ литературныхъ статей для изученія русскаго языка, съ приложеніемъ словаря. Составилъ *А. Кочкинъ.* Вятка. 1875.

Въ предисловіи составитель излагаетъ цѣли, которыми онъ руководствовался при выборѣ статей, а въ введеніи даетъ правила, выполненіе коихъ необходимо для достиженія указанныхъ цѣлей. Какъ цѣли, такъ и правила разумны, но жаль, что при этомъ не высказывается, для какого возраста или для какихъ классовъ предназначенъ сборникъ. По нѣкоторымъ словамъ составителя, по качеству приложенныхъ образцовъ разбора, а также по качеству извѣстной части образцовъ, можно заключить, что сборникъ назначенъ для младшаго возраста, для начальныхъ школъ или для низшихъ классовъ. Во введеніи даже прямо выражено, что совѣты относятся *къ дѣтямъ.* Образцы разбора до такой степени подробны, что даже подсказываютъ учителямъ, какіе слѣдуетъ предлагать вопросы и въ какой формѣ, напримѣръ: „Ученикъ читаетъ: „Въ сильную стужу щегленокъ началъ биться въ окно поселянина, какъ бы желая влетѣть въ хижину". В. Что̀ заставило щегленка биться въ окно поселянина? О. Сильная стужа, или холодъ. В. Зачѣмъ щегленокъ бился въ окно? О. Чтобы спастись отъ холода въ хижинѣ. В. Что̀ же сдѣлалъ поселянинъ?... *Чтобы узнать, что̀ онъ сдѣлалъ, читайте дальше.* В. Отъ чего щегленокъ принялся клевать крошки хлѣба? О. Отъ того, что онъ былъ голоденъ. В. Что̀ же мѣшало щегленку насытиться, когда онъ леталъ на свободѣ? О. Отъ холода замерзло все, чѣмъ питается щегленокъ на свободѣ. В. Когда щегленокъ наѣлся, то поселянинъ выпустилъ его опять, или оставилъ въ хижинѣ?... „*Молчаніе... Читайте*", *и т. д.* Письма, помѣщенныя въ образцахъ, показываютъ также еще небольшую степень развитія (стр. 99—102).

Но съ другой стороны, вторая половина сборника занята статьями для теоретическаго изученія литературы по руководству г. Стоюнина, слѣдовательно, имѣетъ въ виду уже 5-й и 6-й классы гимназіи. Въ числѣ этихъ статей находится монологъ барона (изъ Скупаго Рыцаря, Пушкина), напечатанный вполнѣ, безъ изъятія даже первыхъ трехъ стиховъ:

Какъ молодой повѣса ждетъ свиданья
Съ какой-нибудь развратницей лукавой,
Иль съ дурой имъ обманутой... (стр. 137).

что̀ вовсе уже не по дѣтски, и что̀ рѣшительно неумѣстно въ учебной книгѣ, для какого бы возраста она ни назначалась. Напрасно также составитель сообщилъ примѣчанію на стр. 7-й полемическій тонъ. Ничего полемическаго не должно быть въ учебной книгѣ.

Къ сборнику приложенъ русскій словарь. Поводъ къ такому приложенію, по словамъ составителя, подало то обстоятельство, что учащіеся по прочтеніи статьи рѣдко всю ее понимаютъ, и непониманіе ихъ будто бы происходитъ отъ непониманія многихъ словъ и выраженій. Съ этимъ нельзя согласиться. При чтеніи статьи, разумѣется, преподаватель объяснитъ значеніе неизвѣстныхъ ученикамъ словъ, но объяснитъ только въ томъ смыслѣ, какой они имѣютъ въ статьѣ. Другіе смыслы истолкуются имъ при чтеніи новыхъ статей. Но вдаваться въ разборъ всѣхъ значеній слова—и собственнаго, и переносныхъ, при первомъ случаѣ, когда оно встрѣтится,—больше вредно, чѣмъ полезно, какъ потому, что такіе разборы не могутъ удержаться въ памяти, такъ и потому, что такимъ способомъ, то-есть, словаремъ, не изучается языкъ въ школахъ. Словарь г. Кочкина, занимающій почти половину книги, очень подробенъ, между прочимъ отъ того, что въ немъ есть много совершенно излишнихъ толкованій. Напримѣръ, по поводу басни: „Стрекоза и Муравей", оканчивающейся стихомъ: „Такъ поди же—*попляши*", вовсе не было надобности истолковывать глаголъ *поплясать*. Какой ученикъ не понимаетъ этого слова? Онъ видалъ, какъ другіе пляшутъ, и самъ *плясалъ, и поплясывалъ*. А между тѣмъ, въ объяснительномъ словарѣ, подъ этимъ словомъ читаемъ сначала загадку: „Туда иду, какъ слопъ ступаю; оттуда иду—поплясываю" (что̀ значитъ *кабакъ*); потомъ слѣдуетъ начало пѣсни; „Сашенька, попляши, у тебя ножки хороши"; наконецъ опредѣляется значеніе словъ *поплясъ, пошляска*: „видъ, образъ, родъ пляски, пріемы, особенности тѣлодвиженій, различіе плясокъ, пріемъ плясуновъ, выступка". Подъ прилагательнымъ *милый*, извѣстнымъ всѣмъ и каждому,

читаемъ: любезный, любой, любимый, любви достойный, дорогой, желанный, привлекательный, заставляющій себя любить, пріятный на видъ, хорошенькій, нѣжный, кроткій, любовный, баженый, моленый, граціозный, обаятельный въ обращеніи, всего семнадцать объяснительныхъ прилагательныхъ. Вотъ еще нѣсколько подобныхъ примѣровъ:

Задъ—что̀ назади или сзади, задняя часть, сторона, тылъ; у животныхъ: часть тѣла противоположная головѣ, окорока; у человѣка—спина; у всякаго предмета — сторона или часть, заключающаяся между правымъ и лѣвымъ боками.

Лопать или *лопаться*—ломаться отъ гнету, подламываться, рваться отъ натуги, разрываться отъ распору изнутри, трескаться; трескать, жрать, уплетать, жущерить, ѣсть много, жадно, по собачьи.

Обогрѣвать, обогрѣть—согрѣть, дать тепла собою ли, дыханьемъ своимъ, одѣвъ тепло, затопивъ, разведя огня, пустивъ въ теплую избу.

При словѣ *гулять* прибавлено значеніе, относящееся къ женщинѣ: „вести распутную жизнь“.

Нѣкоторыя слова объясняются другими, столько же или болѣе непонятными, которыхъ, однакожь, нѣтъ въ словарѣ, напримѣръ: *Караковый конь* — „темногнѣдой, почти вороной, съ подпалинами, желтизною на мордѣ и въ пахахъ“. Что̀ жь означаютъ слова: „пахъ, подпалина“?

Къ нѣкоторымъ изъ объясняемыхъ словъ прибавляются иногда слова областныя, что̀ ужь есть рѣшительная роскошь.

Выставляя пользу словаря, г. Кочкинъ говоритъ, что онъ поможетъ избѣгать многихъ орѳографическихъ ошибокъ. Такъ бы, конечно, должно быть, но не такъ выйдетъ при пользованіи словаремъ, приложеннымъ къ сборнику. Онъ, пожалуй, научитъ ошибкамъ, которыхъ въ немъ не мало, и отвѣтственность за которыя падаетъ частію на типографію, а большею частью — если не ошибаемся — на самого составителя. Онъ безразлично относится къ правописанію прилагательныхъ и причастій страдательныхъ, иногда удваивая въ ихъ окончаніи букву *н*, а иногда, въ совершенно одинаковыхъ случаяхъ, ставя одну; напримѣръ: укрѣпле*н*ое (стр. 12), огне*н*ый (стр. 12), изготовле*н*ый, излаже*н*ый (стр. 12), подготовле*н*ое, наката*н*ое (стр. 15), несомнѣнный (стр. 16), рожде*н*ый (стр. 22), основа*н*ый (стр. 24), отвлече*н*о (стр. 33), форте*н*съ (стр. 35) подли*н*икъ (стр. 50). Кромѣ того, онъ пишетъ: Вальтеръ Ско*тъ*, *както*. Книга г. Кочкина напечатана совершенно неудобнымъ для училищъ шрифтомъ.

Практическій учебникъ русской граматики, сближенной съ церковно-славянскою, съ приложеніемъ образцовъ граматическаго разбора. Составилъ *А. Кочкинъ.* Вятка, 1875.

При составленіи учебника авторъ имѣлъ въ виду намѣреніе „дать учащимся такое руководство, которое, прежде всего, было бы доступно имъ по цѣнѣ"; но онъ задался слишкомъ широкими цѣлями стремясь къ тому, чтобъ его руководство „содержало въ себѣ все необходимое изъ граматическихъ свѣдѣній, ознакомляющихъ съ строеніемъ родной рѣчи и пріучающихъ *излагать свои и чужія мысли ясно, толково и правильно* какъ по отношенію къ правописанію, такъ и *по отношенію къ законамъ логики*" (Предисловіе). Что выписанныя слова автора не обмолвка, вслѣдствіе коей несправедливо было бы приписывать г. Кочкину намѣреніе возвести граматику на степень какой-то энциклопедіи словесности, въ этомъ убѣждаетъ само содержаніе учебника, гдѣ а) производится сближеніе „русской граматики съ церковно-славянскою", а притомъ древняго и новаго церковно-славянскаго языка; б) помѣщенъ курсъ приготовительнаго класса, коимъ начинается книга; в) говорится о фигурахъ (стр. 63) единоначатія, единоокончапія, округленія, многосоюзія и безсоюзія; г) трактуется о періодахъ (стр. 79—84), о рѣчи отрывистой (стр. 38) и описаніяхъ, и даже д) есть не мало полемическихъ выходокъ, какъ на стр. 107 примѣчаніе, стр. 127—129, вся статья „О выраженіи подлежащаго". Изъ одного этого перечисленія видно, что авторъ хотѣлъ составить элементарный учебникъ граматики, которымъ ученикъ могъ бы пользоваться, начиная съ приготовительнаго класса до четвертаго включительно,—словомъ, хотѣлъ совмѣстить несовмѣстимое.

Странно, что преподавателю русскаго языка, пишущему учебникъ примѣнительно къ изданнымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія „Планамъ", представляется темнымъ сближеніе церковно-славянской этимологіи съ русскою и самая даже цѣль подобнаго сближенія. Вопервыхъ, г. Кочкинъ начинаетъ „сближеніе" обоихъ языковъ весьма рано, едва ли не съ перваго класса, если судить по тому, что послѣ изложенія состава русскаго предложенія онъ приступаетъ къ предложенію славянскому на стр. 38. Вовторыхъ, подъ сближеніемъ онъ разумѣетъ механическое сличеніе этимологіи того и другаго языка, которое ограничивается лишь тѣмъ, что церковно-славянскія и русскія формы ставятся рядомъ, а иногда выписываются въ рядъ формы древняго и новаго славянскаго языка и русскаго (стр. 144—154). Цѣль сближенія — уясненіе формъ живаго русскаго

языка и его ороографіи. Достиженіе ея возможно лишь при посредствѣ языка древне-славянскаго, а не ново-славянскаго съ искаженными формами и ороографіей. Правда, для чтенія Священнаго Писанія и пониманія молитвъ нужно знакомство съ ново-славянскими формами; но это знакомство не требуетъ сближенія и можетъ быть ограничено тремя-четырьмя формами. Если же для цѣлей указанныхъ „Планами" преподаватель будетъ прибѣгать съ языку ново-славянскому рядомъ съ древнимъ, то обученіе древнему церковно-славянскому языку сдѣлается для учениковъ столь же затруднительно, какъ и обученіе языку китайскому. Что касается синтаксиса, то онъ дѣйствительно сличенъ съ русскимъ, и обстоятельно, такъ что эта часть можетъ быть вмѣнена въ заслугу учебнику; но такъ какъ синтаксическія особенности и древняго, и новаго славянскаго объясняются свойствами греческаго синтаксиса, не воспринятыми языкомъ русскимъ, то синтаксическое сближеніе обыкновенно въ преподаваніи опускается и ограничивается самымъ существеннымъ и необходимымъ, ибо оно не имѣетъ такого образовательнаго и научнаго значенія, какъ сближеніе этимологіи, основанное на фонетическомъ объясненіи. Въ элементарномъ же учебникѣ слѣдовало бъ обойдтись безъ сближенія церковно-славянскаго съ русскимъ.

Съ другой стороны, не менѣе странно и то, что авторъ идетъ, хотя и безуспѣшно, противъ всеобщаго педагогическаго убѣжденія, что учебникъ систематическаго курса не можетъ быть методическимъ; что онъ долженъ представлять точное, ясное и понятное изложеніе того, что̀ не подлежитъ спорамъ и колебаніямъ, то-есть, признано и усвоено наукой. Самъ же онъ говоритъ въ предисловіи: „нѣкоторыя граматическія правила выпущены съ цѣлію уменьшенія объема учебника, а слѣдовательно, и цѣны его",—а между тѣмъ напрасно и даже ко вреду своей книги плодитъ такія методическія замѣчанія, какъ „задачи", коихъ у него болѣе 130. Ни одна изъ нихъ ничему не научаетъ преподавателя и ничѣмъ не помогаетъ ученику, но странностей въ этихъ задачахъ не мало; напримѣръ, на стр. 7-я задача 11-я: „назовите цвѣтъ *дерева*, 12-я *величину* самовара, ведра, и т. д. всѣ задачи приготовительнаго курса и другихъ частей граматики; стр. 56, задача 133-я: „выписать изъ выученныхъ статей двадцать предложеній сложныхъ съ подчиненными". Почему 20, а не меньше? Какая цѣль задачи? Если та, чтобъ укрѣпить сообщенныя въ классѣ свѣдѣнія, то можно бы ограничиться и устными отвѣтами, а письменныя работы приберечь для такихъ занятій и упраж-

неній, которыя требуютъ навыка; назначать же подобныя задачи — значитъ тратить непроизводительно дѣтскій трудъ. Мы думаемъ, что такихъ работъ нельзя дѣлать письменными и домашними: если мальчикъ не понялъ преподаннаго, такая работа будетъ для него мученіемъ или поводомъ къ недобросовѣстности; если же понялъ, то она покажется ему дѣломъ лишнимъ и даже пустячнымъ, а это подрываетъ авторитетъ школы.

Сверхъ того, у автора замѣтно желаніе мѣнять и исправлять установившуся терминологію; такъ, онъ дѣлитъ на стр. 54 предложенія на *сложныя-слитныя*, *сложныя изъ равносильныхъ*, *сложныя-смѣшанныя* (стр. 56). Есть и положительныя ошибки; предложенія условныя онъ причисляетъ къ сочиненнымъ (стр. 61 и 62); въ предложеніи: „я то люблю, что̀ сердце грѣетъ" (стр. 71) придаточное предложеніе онъ считаетъ дополнительнымъ, тогда какъ оно опредѣлительное и относится къ *то*; переводчиковъ нашихъ богослужебныхъ книгъ укоряетъ въ „непониманіи духа и свойствъ греческаго языка" (стр. 77); въ примѣръ періода послѣдовательнаго приводитъ на стр. 81 періодъ соединительный; на стр. 83 предложеніе раздѣлительное принимаетъ за періодъ, забывъ, что періодъ имѣетъ дѣло не съ понятіями, а съ мыслями, что сложный періодъ не можетъ заключать въ себѣ менѣе двухъ мыслей; на стр. 85 вводное предложеніе называетъ главнымъ; на стр. 94 утверждаетъ, что въ словахъ: *конь*, *замокъ* буква *о* произносится какъ *уо*; на стр. 104 и 105 учитъ, что *а* въ словѣ „заря" есть вставной звукъ, равный вставнымъ *о* и *е*; что *ъ* „измѣняется" въ *е* и подтверждаетъ это примѣромъ слова „меркнуть"; что *я* „переходитъ" въ *ѣ*; къ страннымъ и непонятнымъ заблужденіямъ нужно причислить и всю статью „о выраженіи подлежащаго", стр. 137, гдѣ подлежащимъ называются и косвенные падежи именъ, и даже нарѣчія.

Способъ изложенія неопредѣленный, часто неуклюжій, иногда съ провинціализмами.

Классная русская хрестоматія для младшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній, составленная *Владиміромъ Стоюнинымъ*. С.-Пб. 1876.

Книга эта издана въ двухъ видахъ, въ одномъ приложено къ ней „Руководство для преподавателей русскаго языка въ младшихъ классахъ средне-учебныхъ заведеній", въ другомъ этого приложенія нѣтъ.

Руководство излагаетъ соображенія объ элементарномъ преподаваніи отечественнаго языка въ средне-учебныхъ заведеніяхъ и опре-

дѣляетъ, какого рода статьи и въ какомъ порядкѣ должны входить въ классную хрестоматію на основаніи высказанныхъ соображеній.

Имѣя въ виду дѣтей отъ 10 до 13 лѣтъ, составитель прежде всего разсматриваетъ подготовку ихъ до поступленія въ школу. Онъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: „Начальныя занятія въ школѣ должны пополнять уже существующія въ душѣ понятія, а для этого чаще вызывать изъ памяти знакомые образы и впечатлѣнія, сближать съ ними однородные, привязывать къ нимъ новые; пополняя и очищая низшія понятія, готовить такимъ образомъ матеріалъ для естественнаго образованія понятій болѣе высшихъ. Эти умственныя работы и нужно соединять съ классныхъ чтеніемъ, для чего и должна быть составлена хрестоматія. Съ ними должны соединяться и практическія упражненія въ языкѣ“.

Чтобъ удовлетворить означенной цѣли, г. Стоюнинъ составилъ хрестоматію, раздѣленную на шесть отдѣловъ. Первый отдѣлъ даетъ представленія изъ природы въ связи съ живущимъ среди нея человѣкомъ; второй содержитъ въ себѣ статьи, представляющія человѣка съ опредѣленнымъ типомъ, выработавшимся при извѣстныхъ условіяхъ жизни; въ третьемъ помѣщены нѣкоторые изъ народныхъ обычаевъ и повѣрій; четвертый есть выборъ изъ басенъ Крылова; пятый составленъ изъ стихотворныхъ разказовъ Жуковскаго; шестой заключаетъ въ себѣ отрывки изъ сочиненій тѣхъ русскихъ писателей, которые, по взгляду составителя, представляютъ достаточно образовательнаго матеріала. Здѣсь помѣщены два-три значительныхъ по объему отрывка, чтобы преподаватель въ концѣ втораго года имѣлъ возможность провѣрить, на сколько ясно и полно ученики могутъ принимать впечатлѣнія отъ чтенія статей въ нѣсколько страницъ и какъ живо у нихъ могутъ складываться общія понятія изъ многихъ чертъ, передаваемыхъ въ разказѣ.

Послѣднія страницы руководства заняты вопросомъ о письменныхъ упражненіяхъ по хрестоматіи и образцами вообще практическихъ занятій по оной. Всѣ разсужденія г. Стоюнина, въ означенномъ руководствѣ для преподавателей, убѣждаютъ, что онъ самъ преподаватель мыслящій, говорящій о своемъ предметѣ, какъ основательно его знающій и владѣющій многостороннею практикою. Они несомнѣнно принесутъ пользу тѣмъ, кто руководствуетъ школьными занятіями русскимъ языкомъ.

Составъ, формы и разряды словесныхъ произведеній, примѣнительно къ практическому преподаванію словесности, изложенные *В. Классовскимъ*. С.-Пб. 1876.

Предметъ книги—*органическая* сторона сочиненій, постоянно имъ присущая, общая ихъ природа, а именно—изученіе ихъ состава, формъ и разрядовъ. Подъ *составомъ* разумѣются элементы психическіе, лингвистическіе и собственно литературные; *формы* обусловливаются внѣшними и внутренними условіями сочиненія; *разряды* сочиненій означаютъ роды и виды (предисловіе и стр. 454). Этимъ объясняется заглавіе труда г. Классовскаго.

Книга дѣлится на три части, служащія отвѣтомъ на три вопроса: 1) Что̀ можно открыть въ себѣ, читая какое нибудь сочиненіе? Чѣмъ можетъ, на первый разъ, ограничиться внѣшнее, со стороны науки, содѣйствіе читателю, наблюдающему самого себя? 2) Что̀ находитъ читатель въ сочиненіяхъ со стороны принадлежащихъ имъ общихъ свойствъ? 3) Что̀ находитъ читатель въ сочиненіяхъ со стороны ихъ разнородности, то-есть, со стороны частностей, служащихъ основаніемъ дѣленію сочиненій на разряды? Отвѣтомъ на первый вопросъ, иначе содержаніемъ первой части, служатъ три первыя главы: а) элементарныя свѣдѣнія изъ психологіи, б) элементарныя свѣдѣнія изъ логики, в) языкъ. Рѣшеніе втораго вопроса, или содержаніе второй части, заключается въ трехъ слѣдующихъ главахъ: г) сочиненіе и его составъ, г) слогъ со стороны его выразительности, е) слогъ со стороны его благозвучія. Наконецъ, рѣшенію третьяго вопроса посвящены двѣ остальныя главы: ж) проза и поэзія, з) роды и виды прозы и поэзіи.

Умѣстность первой и второй главъ въ своей книгѣ (элементарныя свѣдѣнія изъ психологіи и логики, §§ 2—29), авторъ объясняетъ въ предисловіи слѣдующимъ образомъ. „Если несомнѣнно, что каждое литературное произведеніе есть *словесно-выраженная дѣятельность психическихъ силъ*, то и знакомство съ ними какъ нельзя болѣе прилично курсу словесности. Даже представить себѣ трудно сколько-нибудь дѣльный разборъ любаго сочиненія, который могъ бы обойдтись безъ *психологическихъ и логическихъ* терминовъ: они для словесника неизбѣжны, какъ анатомическіе и химическіе термины неизбѣжны для физіолога. Именно преподаватель словесности поставленъ въ ближайшую возможность не только *выводить* психологическіе и логическіе факты большею частію изъ читаемыхъ въ классѣ *сочиненій*, но и обращать, отъ времени до времени, факты эти въ

темы ученическихъ письменныхъ работъ". Содержаніе двухъ первыхъ главъ относится преимущественно къ психологіи и логикѣ.

Въ третьей главѣ (языкъ) разсматривается значеніе языка, какъ средства, даннаго человѣку высказывать себя. По раздѣленіи знаковъ, которыми передается другимъ сознаваемое и ощущаемое нами, на видимые и звуковые, объяснено преимущество словесной рѣчи, показано разнообразіе языковъ и нарѣчій и дѣленіе ихъ на семейства.

Глава четвертая (сочиненіе и его составъ) излагаетъ общія свойства сочиненій. Сначала опредѣляется сочиненіе, потомъ говорится объ элементахъ сочиненія: предметѣ (темѣ), изложеніи (содержаніи) и выводѣ (главной мысли или идеѣ), наконецъ, о требованіи, чтобы сочиненіе было занимательно. Остановимся на одномъ мѣстѣ въ этой главѣ (§ 46). Показывая, что̀ такое вводныя части сочиненія, или эпизоды, авторъ въ примѣръ эпизода ставитъ то, что̀ въ сочиненіи Жуковскаго: „Воспоминаніе о торжествѣ 30-го августа 1834 г.", сказано о монументѣ Петру Великому, такъ какъ сказанное прямо не требуется темою. Мы не можемъ съ этимъ согласиться. По нашему мнѣнію, безъ этого такъ называемаго эпизода описаніе вышло бы не тѣмъ, что̀ оно есть, а совершенно инымъ. Оно лишилось бы своей живительной идеи, которая заключается именно въ томъ, чтобы въ двухъ памятникахъ видѣть знаменіе двухъ Россій разнаго времени. У Жуковскаго все и направлено къ наглядному, эмблематическому изображенію идеи. Въ этомъ состояла его цѣль, которую не было надобности заранѣе объявлять въ темѣ, хотя и можно было бы это сдѣлать, распространивъ заглавіе.

Содержаніе пятой главы—слогъ со стороны его выразительности: сначала опредѣленіе слога, дѣленіе его на обыкновенный и художественный и подраздѣленіе перваго на три вида, зависимость слога частію отъ темы, но болѣе всего отъ самого автора. Потомъ разсмотрѣны общія принадлежности всякаго слога: ясность, точность, правильность; предложено ученіе о періодической, отрывистой и смѣшанной рѣчи; объяснена изобразительность словъ и выраженій, какъ существенная черта художественности въ слогѣ, и показаны средства къ достиженію оной (эпитеты, тропы и фигуры). Позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣтокъ на эту главу. На вопросъ: должно или нѣтъ считать художественнымъ слогъ, состоящій изъ простой разговорной рѣчи, какъ въ комедіяхъ „Ревизоръ", „Гроза", „Свои люди сочтемся" (стр. 156), авторъ отвѣчаетъ утвердительно, ибо имъ вѣрно, точно, живо воспроизводится разговорный языкъ даннаго возраста,

сословія, отдѣльныхъ личностей (стр. 158). Мы видимъ здѣсь недоразумѣніе. Лица, выводимыя въ комедіяхъ, могутъ, по своей неразвитости, необразованности и даже безграмотности, выражаться и неясно, и неточно, и неправильно, то-есть, рѣчь ихъ можетъ представить именно отсутствіе тѣхъ качествъ, которыя, по ученію разбираемой книги, составляютъ общія, обязательныя для всякаго слога принадлежности. Какъ же языкъ такихъ личностей можетъ заслуживать имени художественнаго? Художественнымъ будетъ не слогъ, а художественное воспроизведеніе совершенно не художественнаго слога.

Далѣе, на стр. 161, читаемъ: „Ясность—дѣло не слога. Для слога достаточно выражать мысли автора въ той степени ясности, какою онѣ обладаютъ сами по себѣ. Да никакой слогъ больше этого и сдѣлать не можетъ". Едва ли это такъ. Положимъ, что при высказанномъ условіи, то-есть, при совершенномъ уясненіи мыслей, авторъ наполнитъ выраженіе ихъ словами обветшалыми, областными, или варваризмами, незнаніе которыхъ возможно для умнаго и даже образованнаго человѣка. Будетъ ли такое сочиненіе ясно? Укажемъ, для примѣра, на переводъ „Фауста" Овчинниковымъ. Подобный переводъ, можетъ быть, и вѣренъ, но недоступенъ пониманію по нелѣпости языка вообще, по обилію провинціализмовъ въ особенности.

На стр. 191-ой: Иронія, по крайней мѣрѣ въ томъ примѣрѣ, какой приведенъ изъ басни „Котъ и Поваръ" (*онъ набожныхъ былъ правилъ*) не принадлежитъ къ фигурамъ. Фигура есть оборотъ фразы, то-есть, всякое выраженіе, болѣе или менѣе отступающее отъ строя обыкновенныхъ выраженій (стр. 186), а въ предложеніи: *онъ набожныхъ былъ правилъ*, не видно никакого отступленія отъ обыкновеннаго строя рѣчи.

Предметъ шестой главы—слогъ со стороны его благозвучія. Въ ней, послѣ вступительныхъ объясненій благозвучія вообще и его видовъ, обстоятельно и подробно изложено стихосложеніе.

Глава седьмая трактуетъ о прозѣ и поэзіи, а глава восьмая—о родахъ и видахъ той и другой. Въ первой изъ этихъ главъ, вопросъ: имѣетъ ли поэтическій вымыселъ какіе-нибудь предѣлы, которые переступить значило бы для него превращать въ нелѣпость? рѣшается такимъ образомъ: „Предѣлы эти называются правдоподобіемъ, формула котораго слѣдующая: *если бы это было возможно, то оно вышло бы такъ-то*. Первая половина этой формулы допускаетъ въ изобрѣтеніи безусловную свободу, но во второй половинѣ непремѣнно мы должны видѣть и нѣчто привычное для насъ, считаемое нами всег-

дашнею, не нарушимою реальностью" (стр. 272). Этотъ отвѣтъ слѣдовало бы дополнить соображеніями о вымыслѣ въ произведеніяхъ безыскусственной, народной фантазіи. Иначе къ послѣдней нельзя приложить сказаннаго на слѣдующей (273) страницѣ: „Производство и употребленіе поэтическаго вымысла есть своего рода *игра въ сознательную иллюзію*, завѣдомо себѣ допускаемую и авторомъ, и читателемъ". Въ 8-ой главѣ, напрасно авторъ старается опровергнуть общепринятое опредѣленіе лирики, по которому она есть поэзія чувства (стр. 350). Это, вопервыхъ, придаетъ нѣсколькимъ страницамъ полемическій характеръ, неудобный въ книгѣ учебной, а вовторыхъ— это противорѣчитъ и установившемуся на авторитетахъ взгляду. Какъ бы ни разуждали, а все-таки въ лирикѣ главное дѣло не предметъ, а отраженіе его въ душѣ, которую поэтому и уподобляютъ зеркалу міра. Что лирическія піесы выражаютъ нерѣдко мысли, и что нѣкоторыя изъ нихъ относятся даже къ особенному виду „думы", это нисколько не говоритъ противъ вѣрности общепринятаго опредѣленія, ибо отличіе лирики—выражать мысли, воспринятыя чувствомъ и подѣйствовавшія на душу, а не на одинъ умъ, подобно тому, какъ для оратора важно не просто доказательство какой-либо истины, а дѣйствіе этой истины на волю. Нѣмецкіе эстетики дѣлятъ лирику на три вида: лирику непосредственнаго чувства (пѣсня), лирику одушевленія (ода) и лирику рефлексій (элегія). Слово рефлексія указываетъ, конечно, на элементъ мыслительный, но все же элегія, по выраженію Шиллера, есть выраженіе тоски по утраченномъ идеалѣ, а тоска принадлежитъ къ чувствамъ. Лирическія произведенія самого Шиллера, по особенности ихъ направленія, историки литературы обозначаютъ именемъ дидактической лирики. Что жь отсюда слѣдуетъ? Конечно, не то, что она есть дидактическая поэзія въ прежнемъ смыслѣ этого слова, то-есть, въ смыслѣ поученія, сообщенія знаній или мыслей. Античная ода отличается эпическимъ характеромъ, говоритъ авторъ на стр. 359; въ ней гораздо болѣе образовъ, картинъ описаній и разказовъ, чѣмъ проявленій мысли и чувствъ поэта. Но чѣмъ же вызваны эти образы и картины? Сильнымъ подъемомъ чувства, возбужденнаго предметомъ, восторгомъ, который выражается не непосредственно, какъ въ пѣснѣ, сложенной по горячимъ слѣдамъ чувства, а посредственно, помощію картинъ и образовъ. Какъ будто поэтъ, описывая осень, не можетъ выразить въ своемъ описаніи осеннее, печальное настроеніе своего духа? Какъ будто другой поэтъ, описывая цвѣтокъ, въ которомъ видитъ образъ

своей возлюбленной, не можетъ выразить въ этомъ описаніи чувства любви? Впрочемъ, самъ г. Классовскій опредѣляетъ оду и гимнъ стихотвореніемъ, внушеннымъ поэту предметомъ, къ которому онъ относится или съ *страстнымъ сочувствіемъ*, или съ объективнымъ уваженіемъ (стр. 359), сатиру—стихотвореніемъ, которое вызывается *негодованіемъ*, слѣдовательно, чувствомъ (стр. 371), элегію—отголоскомъ всесвѣтной общечеловѣческой *грусти* (стр. 373).

Книга заключается опредѣленіемъ словесности, выведеннымъ изъ рѣшенія трехъ вопросовъ: что̀ принято обыкновенно разумѣть подъ словесностію? съ какой точки зрѣнія смотрѣлъ на нее авторъ? удовлетворяетъ ли она требованіямъ науки вообще? Опредѣленіе вышло такое: Словесность есть наука, изучающая органическія и историческія стороны сочиненій, выражающихся на словесномъ языкѣ устно, письменно и печатно.

По разсмотрѣніи книги, нельзя не убѣдиться въ томъ, что авторъ ея—человѣкъ даровитый, мыслящій, многообразованный и много знающій. Содержаніе ея не вызываетъ никакихъ особенныхъ возраженій: оно вѣрно наукѣ, не отступаетъ отъ нея и не роняетъ ея, и притомъ проведено строго-логично и послѣдовательно. Но книга не чужда одного недостатка, который не можетъ быть обойденъ молчаніемъ, потому что онъ бросается въ глаза. Этотъ недостатокъ состоитъ въ формѣ изложенія, своеобразной и оригинальной, отличительную черту которой трудно даже выразить: такъ она отмѣчена печатью личнаго, индивидуальнаго. Авторъ не ограничивается догматическимъ изложеніемъ научныхъ свѣдѣній: онъ какъ бы ведетъ разговоръ съ учениками, собесѣдуетъ съ ними, дозволяя себѣ уклоненія въ сторону, вставки, сравненія и примѣры, которые, конечно, имѣютъ видимое отношеніе къ предмету, но изъ которыхъ иные останавливаютъ читателя неожиданностью, а все вмѣстѣ взятое увеличиваетъ объемъ содержимаго и можетъ нѣкоторымъ образомъ затруднить усвоеніе послѣдняго, то-есть, содержанія.

Элементарная граматика русскаго языка для низшихъ классовъ и другихъ училищъ. Составилъ *Н. Баталинъ*. Москва, 1876.

Статьи для диктанта, расположенныя въ систематическомъ порядкѣ. Составилъ *Н. Баталинъ*. Москва, 1876.

Элементарная граматика, заключающая въ себѣ этимологію и синтаксисъ, назначена, безъ сомнѣнія, только для двухъ первыхъ классовъ гимназіи, такъ какъ синтаксисъ, проходимый въ 3-мъ классѣ,

требуетъ большаго объема, согласно съ учебнымъ планомъ министерства народнаго просвѣщенія. Значительное количество примѣровъ, съ вопросами и задачами на правила, введено авторомъ для того, чтобы сообщить книгѣ и практическій характеръ, кромѣ теоретическаго. Въ концѣ приложены статьи изъ Евангелія для славянскаго чтенія, которое, говоритъ составитель,—должно происходить въ классѣ подъ надзоромъ учителя, и этотъ послѣдній, когда уже ученики достаточно навыкнутъ въ механическомъ чтеніи, можетъ сопровождать его доступнымъ для учениковъ переводомъ и объясненіемъ словъ, сравненіемъ ихъ съ русскими и т. п.

По содержанію и изложенію граматика г. Баталина не представляетъ ничего такого, что̀ мѣшало бы ей быть годною для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ. Она заключаетъ въ себѣ все существенное, излагая его кратко и удобопонятно.

Что касается статей для диктанта, расположенныхъ въ систематическомъ порядкѣ (съ указаніемъ на §§ граматики), то мы находимъ, что изданіе подобныхъ ученыхъ пособій есть не только излишество, но и роскошь. Составленіе этого сборника, по словамъ автора, вызвано желаніемъ облегчить преподавателямъ трудъ въ подъискываніи примѣровъ для диктанта. Но такая цѣль не можетъ быть объяснена достаточнымъ поводомъ: преподаватели могутъ и сами заняться подобнымъ дѣломъ.

На первомъ мѣстѣ статей, въ общихъ выпускахъ, авторъ ставитъ пословицы. Ихъ такъ много, что въ четырехъ выпускахъ не трудно будетъ помѣстить полное собраніе этихъ народныхъ изреченій. Замѣтимъ, что статьи для диктанта, откуда они ни были бы заимствованы, должны не только давать примѣры на ороографическія правила, но и соотвѣтствовать возрасту учащихся своимъ содержаніемъ, удобопонятностью. Конечно, преподаватель можетъ объяснить непонятное; но нерѣдко случается, что объясненіе или преждевременно, или вовсе недоступно учащимся по ихъ малознанію или неразвитости. Во 2-мъ выпускѣ, на имена собственныя и слова иностранныя, набраны такіе примѣры, съ которыми преподаватель не будетъ знать что̀ дѣлать въ 1-мъ и 2-мъ классахъ, напримѣръ: „въ источникахъ для біографіи Сида нѣтъ недостатка;“ Арабо-испанская поэзія была классическою, потому что подражала древнимъ образцамъ“; „Въ исторіи греко-римскаго пантеизма можно различать двѣ главныя эпохи развитія: непосредственно-религіозную и сознательную, научную“; „раціонализмъ былъ послѣднимъ словомъ философскихъ школъ столѣтія

по Р. X.“ (послѣдній примѣръ даже вовсе непонятенъ; въ немъ, вѣроятно, какое-нибудь слово выпущено (стр. 50—55). Опытъ показалъ, что правильная орѳографія именъ собственныхъ и иностранныхъ усвоивается исподволь, при изученіи исторіи и географіи и при знакомствѣ съ иностранными языками; однимъ граматическимъ правиломъ, въ этомъ случаѣ, не достигнешь цѣли, сколько бы ни диктовали примѣровъ. И между пословицами встрѣчаются нѣкоторыя или не имѣющія значенія пословицъ, или темныя для учащихся по значенію; напримѣръ: „сидѣть на экваторѣ“, „Тимоѳеевскіе морозы“ (стр. 1 и 2), „женскія думы измѣнчивы“, „рѳемоплетъ — не поэтъ“ (стр. 3), „знаетъ про то игуменъ, который звонокъ бубенъ“ (стр. 4), „замѣсила густо, да вынула пусто; въ середку подуло, такъ и кверху вздуло“ (стр. 5), „самъ нагъ пойду, а тебя какъ бубна пущу“ (стр. 7), „чай, примѣчай, куда чайники летятъ“ (стр. 8), „знать по цвѣту, что идетъ къ мату“ (стр. 29) и проч. (выпускъ 1-й).

Книжка, назначенная для упражненія въ правописаніи, должна сама держаться одной, опредѣленной орѳографической системы. Противъ такого единства и опредѣленности „Статьи для диктанта“ кое-гдѣ грѣшатъ. Составитель букву *е* послѣ *ж* иногда оставляетъ безъ перемѣны, а иногда замѣняетъ буквою *о*, хотя удареніе и тамъ, и здѣсь приходится надъ тою же буквой (остереж*е*шься, стр. 4, и *жол*тый, стр. 82; *тяжол*ый, стр. 92); иногда надъ *е* ставится двоеточіе, если буква произносится какъ *іо*, а иногда не ставится (с*е*лъ и поросенку, стр. 5 и 32; бѣль*е*, стр. 91, стру*е*й, стр. 91 и 106, и житье, стр. 109; по*е*мъ и поемъ, стр. 83). Такая непослѣдовательность объясняется тѣмъ, что составитель, взявъ нѣсколько статей изъ книгъ Ушинскаго (стр. 82, 91), сохранилъ орѳографію своего источника. Есть, наконецъ, кой-какія неловкія выраженія; напримѣръ, во 2-мъ выпускѣ: конь *вб*ѣжалъ на крутизну (стр. 84); *ни въ какомъ времени* года не раз*в*ивается (стр. 3) такой очаровательный свѣтъ, какъ раннею осенью (стр. 117).

Элементарный курсъ географіи. Составилъ *С. Никитинъ.* Выпускъ I-й: Отчизновѣдѣніе для Москвы. Выпускъ 2-й: Отчизновѣдѣніе для С.-Петербурга. Выпуски 3-й и 4-й: Отечествовѣдѣніе и Міровѣдѣніе. Выпускъ 5-й: Замѣтки для преподавателей. Москва 1875.

Изъ послѣдняго выпуска, объясняющаго взглядъ автора на первоначальное преподаваніе географіи, видно, что г. Никитинъ имѣетъ здравыя и умѣренныя воззрѣнія на отчизновѣдѣніе. Этотъ курсъ мо-

жетъ имѣть значеніе только пропедевтическое и съ точки зрѣнія гимназической программы долженъ относиться къ приготовительному классу, гдѣ преподаваніе его можетъ быть поставлено въ связь либо съ естествовѣдѣніемъ, какъ это устроено въ той школѣ, въ которой состоитъ преподавателемъ составитель курсовъ, или же съ преподаваніемъ русскаго языка и объяснительнымъ чтеніемъ первоначальной школьной хрестоматіи. При этомъ едва ли необходимъ будетъ для учениковъ такого рода учебникъ, какъ Отчизновѣдѣніе г. Никитина, состоящій частію изъ указаній пріемовъ, которыми преподаватель можетъ довести ученика до того или другаго понятія, частію изъ задачъ, и болѣе всего—изъ вопросовъ разъяснительныхъ и повторительныхъ. Все это скорѣе относится къ методу и потому полезно для учителя, а не для ученика. Противъ курса отчизновѣдѣнія въ такомъ смыслѣ и такомъ объемѣ, какія придаются ему г. Никитинымъ, мы ничего не можемъ возразить, хотя правильное и обязательное преподаваніе его въ приготовительномъ классѣ все-таки встрѣчаетъ много препятствій. На одинъ изъ нихъ указываютъ замѣтки составителя курсовъ, гдѣ признается невозможнымъ, по самому духу метода, имѣть курсъ отчизновѣдѣнія, годный для всевозможныхъ мѣстностей. Очевидно, что „*Отчизновѣдѣніе* для Москвы и Петербурга“ можетъ служить руководствомъ или учебникомъ (если нужно такое руководство-учебникъ) только въ школахъ этихъ двухъ городовъ и развѣ только образцомъ для преподавателя во всякой другой школѣ. Мысль самого составителя относительно общеприложимости его двухъ курсовъ отчизновѣдѣнія именно такова, что эти курсы, изъ коихъ одинъ посвященъ континентальной мѣстности, а другой—приморскому городу, могутъ дать достаточно *матеріала* для составленія каждымъ преподавателемъ курса отчизновѣдѣнія любой мѣстности Россіи: выбравъ изъ двухъ первыхъ выпусковъ все приложимое къ данной мѣстности, преподаватель получаетъ массу готовыхъ, нужныхъ ему вопросовъ. Мы же, съ своей стороны, думаемъ, что и въ школахъ Москвы и Петербурга книга г. Никитина не можетъ служить ничѣмъ другимъ, какъ пособіемъ для учителя.

Отмѣтимъ все-таки нѣкоторые промахи и неловкости текста въ курсѣ Петербургскомъ. На стр. 22 § 6-й изложенъ не ясно. На стр. 26-й § 1—въ числѣ жителей Петербурга поставлены рядомъ *Чухонцы и Финны*,—а о Русскомъ народѣ сказано, что онъ славянскаго происхожденія и говорилъ *прежде* на славянскомъ языкѣ. На стр. 28: „*многіе* исповѣдуютъ въ нашемъ городѣ *еврейскую* религію“. На той

же страницѣ: „Въ Петербургѣ стоитъ большое количество войска, защищающаго отечество".

Третій и четвертый выпуски, изданные вмѣстѣ, то-есть, въ одной книжкѣ, содержатъ въ себѣ Отечествовѣдѣніе и Міровѣдѣніе. Здѣсь опять большое количество вопросовъ, нужныхъ только для учителя, но нерѣдко способныхъ и его самого привести въ затрудненіе, еслибъ ему пришлось отвѣчать на каждый изъ нихъ. Текстъ представляетъ также нѣкоторые недостатки.

На стр. 4: „Великоруссы говорятъ на томъ языкѣ, на которомъ написаны русскія книги".—„Землю *пашутъ* сохой или *бороной*". На стр. 16 § 5: *Аланс*кихъ острововъ (вмѣсто Аландскихъ). На стр. 17 § 6-й изложенъ не совсѣмъ ясно. *Низменностію* называется не просто мѣстность, поднимающаяся на извѣстное число саженъ надъ уровнемъ моря, а *равнина*. Тамъ же § 7: „*Умѣренный* климатъ морскихъ странъ называется морскимъ, а *суровый* (?) климатъ внутреннихъ странъ—континентальнымъ". Здѣсь спутаны представленія. Стр. 19: *Корелы* (вмѣсто Карелы). Стр. 27: „Обиліе *пшеницы* и ржи (въ южномъ краѣ) развило здѣсь множество винокуренныхъ заводовъ". Развѣ изъ пшеницы курятъ водку? Стр. 32 (въ концѣ): перечисленіе жителей нижней Волги сдѣлано такъ, что можетъ подать поводъ причислить къ родственнымъ съ Татарами племенамъ не только Мордву, но и Нѣмцевъ. На стр. 43 остается неяснымъ, что̀ разумѣется подъ *отечествомъ*—Европейская Россія, или же вся имперія. Въ обозначеніи границъ сказано, что Россія—наше отечество граничитъ, между прочимъ, съ *Сибирью*, но изъ дальнѣйшихъ данныхъ можно догадываться, что и Сибирь причисляется къ Россіи. Сверхъ того: съ какими *славянскою* и *турецкою* землями граничитъ Россія? На стр. 48 *Амстердамъ* неточно помѣщенъ при устьѣ Рейна. На стр. 49: *Итландцы* вмѣсто Ирландцы. На стр. 52: странная фраза: „Дно океана рѣдко бываетъ обнажено". Стр. 73: „*Управляющій* страною конгрессъ (сказано о конгрессѣ Сѣверо-Американскихъ соединенныхъ штатовъ). Такого рода неловкостей, неточностей и неясностей можно бы указать въ книгѣ еще болѣе. Но все-таки она не можетъ быть поставлена въ число совсѣмъ негодныхъ и могла бы служить учебникомъ въ первомъ классѣ, если бы болѣе соотвѣтствовала принятой программѣ и не находилась въ такой тѣсной связи съ курсомъ Отчизновѣдѣнія.

Учебный курсъ всеобщей исторіи. Часть I. Исторія Древняя и Средняя — до Карла Великаго. Составилъ инспекторъ Московской духовной семинаріи А. *Цвѣтковъ*. Москва. 1876.

Быть можетъ, при составленіи этой книги авторъ старался имѣть въ виду задачи и требованія, указанныя въ объяснительной запискѣ къ учебному плану исторіи въ классическихъ гимназіяхъ, но тѣмъ не менѣе трудно рѣшить, для какого возраста и для какихъ именно классовъ гимназіи онъ предназначалъ ее. Древняя исторія, составляющая главную и наибольшую часть книги, проходится, какъ извѣстно, два раза: въ третьемъ классѣ гимназіи—курсъ эпизодическій, и потомъ въ старшемъ VIII-мъ классѣ. По объему, характеру и тону изложенія, курсъ г. Цвѣткова мало пригоденъ для первоначальнаго преподаванія; объемъ книги (240 страницъ мелкой печати, а безъ средней исторіи 197 страницъ) не соотвѣтствуетъ нормальному количеству времени, удѣленному для исторіи въ третьемъ классѣ, а характеръ и тонъ изложенія превышаютъ степень развитія учениковъ этого класса. „Вопросы бытія и знанія", „сущность бытія", „духъ народа, заключающій въ себѣ источники его развитія", „истинный методъ человѣческаго познанія", „принципъ демократическаго равенства всѣхъ гражданъ", „народныя собранія—органъ народной воли"— подобныя выраженія не должны быть влагаемы въ уста мальчика и не должны характеризовать тотъ языкъ, которымъ слѣдуетъ говорить съ нимъ; а они встрѣчаются довольно часто (см. стр. 86, 88, 100, 65. 122).

Наоборотъ, учебникъ г. Цвѣткова служилъ бы весьма недостаточнымъ пособіемъ для достиженія тѣхъ образовательныхъ и отчасти научныхъ цѣлей, ради которыхъ систематическій курсъ классической исторіи поставленъ въ концѣ всего гимназическаго курса. Отдѣлы, посвященные въ книгѣ г. Цвѣткова развитію политическихъ учрежденій въ Греціи и Римѣ и духовной жизни обоихъ классическихъ народовъ (литература, искусство), оказались бы для этого слишкомъ краткими и недостаточными. Да и самъ авторъ, по видимому, не предназначалъ своей книги для VIII-го класса, такъ какъ онъ соединилъ въ ней древнюю исторію и *часть средней*.

Нужно признать, что не только существующая гимназическая программа, но и вообще педагогическія требованія и соображенія не считались авторомъ настолько обязательными, насколько это было бы желательно. Самая внѣшность книги: слишкомъ мелкій шрифтъ,

отсутствіе всякаго дѣленія большихъ отдѣловъ на статьи или параграфы—свидѣтельствуетъ объ этомъ.

Тѣмъ, не менѣе, разбираемая книга не лишена большихъ достоинствъ. Она написана очень хорошимъ, живымъ и правильнымъ литературнымъ языкомъ. Она представляетъ довольно стройный и отличающійся соразмѣрностію частей и подробностей общій систематическій курсъ исторіи средняго размѣра, такъ что въ этомъ отношеніи могла бы служить полезнымъ руководствомъ для V-го или VI-го класса, еслибы для нихъ нуженъ былъ учебникъ древней исторіи.

Къ сожалѣнію, и эти достоинства затемняются недостатками. Одинъ изъ нихъ — странная непослѣдовательность, а часто и совершенная неправильность въ правописаніи собственныхъ именъ. Авторъ постоянно пишетъ *Б*еотія, очень часто *Ф*укидидъ, и только иногда *Ѳ*укидидъ; *сизахтія*, Гестіей (стр. 69), Кми*ф*енъ (стр. 66). Руту*лы* (стр. 122) Калликритидъ (стр. 95), *Ла*туцій Камиллъ (стр. 144), конечно,—опечатки. *Адуи* (стр. 171) вмѣсто Эдуи—то же.

Факты передаются вообще вѣрно, но все-таки съ нѣкоторыми исключеніями: о Датисѣ и Артафернѣ сказано, что они приплыли къ Евбеѣ съ о. *Самоса* (стр. 70), тогда какъ нужно было сказать Наксоса; *Ми*льтіадъ названъ (стр. 71) знатнымъ иностранцемъ по отношенію къ Аѳинскому его отечеству; Бразидъ (стр. 92) названъ *царемъ* Спартанскимъ, Коріоланъ (стр. 128)—*Маркомъ*; Тацитъ *путешествовалъ* по Германіи (стр. 202). Вестъ-Готы жили по *лѣвому* берегу *Нижняго* Дуная (стр. 203): это, впрочемъ, не столько ошибка, сколько не точность. О законодательности Юстиніана (стр. 229) сказано недостаточно и не совсѣмъ правильно. Это — мелочи. Гораздо существеннѣе недостатки, замѣчаемые въ отдѣлахъ о политическихъ учрежденіяхъ Аѳинъ и Рима. Здѣсь многое неясно, и многое совсѣмъ невѣрно. О Солоновскомъ дѣленіи на классы говорится такъ, какъ будто оно было основано на количествѣ *движимаго* имущества; не объяснено даже, какая мѣра есть медимнъ. Выраженіе „500 медимновъ дохода" въ связи съ предыдущимъ можетъ подать поводъ къ недоразумѣнію, то-есть, заставить думать, что медимнъ есть монетная единица. Далѣе сказано (стр. 63), что каждый классъ гражданъ избиралъ въ государственный совѣтъ (βουλή) по *сту человѣкъ*, что совершенно невѣрно. Здѣсь классы смѣшаны съ филами. О геліастахъ (стр. 64) сказано, что они избирались архонтами; нужно было сказать „по жребію"; слѣдовательно, соображеніе о причинѣ вліянія на

нихъ духа аристократической партіи также невѣрно, какъ и самый сообщаемый фактъ. То, что̀ далѣе говорится о законодательствѣ Клисѳена по отношенію къ геліастамъ, взято неизвѣстно откуда. Въ римской исторіи въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ точно также необходимы исправленія. Напрасно авторъ говоритъ о раздѣленіи Сервіемъ Тулліемъ городскихъ и деревенскихъ плебеевъ на 30 трибъ и о дозволеніи избирать имъ себѣ начальниковъ трибуновъ (стр. 121); невѣрно приписывается *совѣщательный* голосъ плебейскимъ трибунамъ въ сенатѣ тотчасъ послѣ учрежденія трибуната (стр. 131). Муниципіи (стр. 141) не суть союзническіе города, а общины римскаго права. Вообще отдѣлы о политическихъ учрежденіяхъ должны быть пересмотрѣны. Тогда книга г. Цвѣткова будетъ очень цѣннымъ пріобрѣтеніемъ въ нашей учебной литературѣ.

Космосъ для юношества. Составленъ по Керберу и другимъ, подъ редакціей *К. Краевича*. С.-Пб. 1875.

Очень трудно составить себѣ понятіе о планѣ и цѣли этой книги. Подъ именемъ *Космоса* всякій ожидаетъ найдти нѣчто подобное тому, что̀ представляетъ „Космосъ" Гумбольдта, то-есть, очеркъ физическаго міровѣдѣнія. Безъ сомнѣнія, таково и есть содержаніе нѣмецкой книги Кербера, послужившей основаніемъ для книги г. Краевича. Но составитель русской книги извѣщаетъ въ предисловіи, что онъ вмѣстѣ со своими сотрудниками: А. Ѳ. Баталинымъ, Н. С. Валицкимъ, Е. Ѳ. Вегнеромъ, Н. А. Гребницкимъ, Ю. И. Симашко и В. М. Сорокинымъ, „въ значительной степени переработали „Космосъ для юношества" Кербера; нѣкоторыя статьи переведены съ небольшими измѣненіями, многія выпущены или замѣнены новыми, частію оригинальными, частію заимствованными изъ другихъ источниковъ". (Предисловіе, стр. IV). Спрашивается: зачѣмъ же эта передѣлка? Составитель говоритъ, что онъ имѣлъ въ виду „такой сборникъ, въ которомъ каждый читатель нашелъ бы страницы по своимъ наклонностямъ" (Предисловіе, стр. III). Вотъ все объясненіе цѣли настоящей книги. Такая обширная цѣль едва ли достигается тѣмъ, что въ книжкѣ нѣтъ никакого порядка, ничего цѣльнаго, никакой связи. Книга начинается прямо съ „краткаго обзора развитія образованности отъ первобытнаго состоянія человѣка до настоящаго времени". Потомъ слѣдуютъ главы въ такомъ порядкѣ: Индѣйцы. Китайцы. Египтяне. Ассиріяне. О древнихъ памятникахъ внутри Америки. Греки и Римляне. Христіанское право. Книгопечатаніе. Химія. Магнитизмъ и электричество.

Паровыя машины. Война и войско. Флотъ. О человѣческомъ тѣлѣ. Естественная исторія органической жизни на земномъ шарѣ. Борьба человѣка съ природой. Видъ и величина земли и ея математическое дѣленіе. Земля и ея произведенія. О сушѣ. О воздухѣ и явленіяхъ въ атмосферѣ.

Ужь изъ этихъ заглавій видна странная отрывочность и неопредѣленность книги; но еще яснѣе отсутствіе плана и порядка въ самыхъ статьяхъ. Нѣкоторыя статьи даже вовсе не соотвѣтствуютъ заглавію. Напримѣръ, подъ заглавіемъ „Видъ и величина земли и ея математическое дѣленіе" излагаются вообще всякаго рода свѣдѣнія изъ астрономіи; подъ заглавіемъ „Земля и ея произведенія" говорится только о морѣ и о морскихъ явленіяхъ и произведеніяхъ. Непригодно давать ученикамъ книгу, не соблюдающую самыхъ простыхъ уоловій книги.

Обратимся къ содержанію. Оно преисполнено страннаго резонерства, имѣетъ притязаніе на популярное изложеніе какихъ-то общихъ идей, но отличается крайнею поверхностію и неточностью. Напримѣръ: „Постепенность улучшенія быта отъ дикаго первобытнаго состоянія къ болѣе совершенному называется *культурою*" (стр. 2). Неправильная фраза и неправильный смыслъ. Культура больше значитъ, чѣмъ *улучшеніе быта*.

„Александръ Македонскій своими всем*и*рными (*и* въ подлинникѣ) побѣдами подчинилъ себѣ *всѣ* народы" (стр. 6). Опять и языкъ, и смыслъ неправильны.

„*Вн*ачалѣ человѣкъ утолялъ свой голодъ плодами; постоянная борьба съ хищными животными *ознакомила его съ питательностію мяса*. Сильный ударъ вѣтви, упавшей съ дерева, навелъ человѣка на мысль обчистить эту вѣтвь и употреблять ее какъ дубину", и т. д. (стр. 9). Тутъ положительно и обстоятельно разказываются очень нескладныя выдумки, приличныя дѣтскому взгляду на исторію и основанныя на мысли, что человѣкъ случайно и по частямъ пріобрѣлъ свой умъ.

„Ковчегъ Ноя доказываетъ высокое развитіе искусствъ и ремеслъ. Это было громадное судно, не уступающее, по своимъ размѣрамъ, самымъ большимъ кораблямъ настоящаго времени, а сооруженіе большихъ судовъ даже теперь сопряжено съ большими трудностями. Здѣсь необходимы искусные плотники, кузнецы, слесаря и другіе мастера; нужны прочныя и сильныя подъемныя машины и разныя сложныя приспособленія, а это въ свою очередь предполагаетъ обширныя свѣ-

дѣнія въ математикѣ и механикѣ" (стр. 10). Къ чему эти разсужденія? Они неправильны уже потому, что придаютъ опредѣленность и законченность библейскому сказанію, содержащему лишь общія и неопредѣленныя черты.

„Изъ преданій всѣхъ народовъ намъ извѣстно, что въ отдаленной древности люди старались воздвигать искуственныя горы тамъ, гдѣ не было естественныхъ. Св. Писаніе говоритъ намъ о Вавилонской башнѣ, которая была ничто иное, какъ искуственная гора, сложенная изъ кирпича; внутренность ея назначалась для поклоненія Ваалу" (стр. 25). Зачѣмъ пишутся подобныя странности, и какъ они приходятъ въ голову, мы отказываемся понять.

Примѣромъ безсодержательнаго резонерства можетъ служить глава „Война и войско" (стр. 139—143); идея ея заключается въ томъ, что война есть зло, такъ какъ въ сраженіяхъ погибаютъ люди, и содержать войско дорого стоитъ. О томъ, что поле битвы есть поприще самопожертвованія, и что духовныя силы народовъ особенно возвышаются въ тѣхъ случаяхъ, когда люди препинаются своими лучшими чувствами до готовности жертвовать жизнью, — объ этомъ ничего не говорится, хотя авторъ и берется, какъ онъ выражается, „съ полною откровенностію" объяснить, почему войнамъ приписывается и полезное вліяніе (стр. 141).

Подобныя неточности, невѣрности, странности безпрестанно встрѣчаются въ книгѣ, и разумѣется, тѣмъ обильнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ разнороднѣе предметы, въ ней трактуемые. Составитель, вѣроятно, самъ чувствовалъ что-то неладное въ своей книгѣ, потому что въ предисловіи говоритъ: „Не намъ судить, на сколько книга наша удовлетворяетъ своей цѣли (какой?), и вызвана ли она дѣйствительною потребностію (зачѣмъ же она писана? спросимъ мы); въ ней безъ сомнѣнія найдутся погрѣшности и другіе недостатки, неизбѣжные при разнообразіи и трудности выполненія принятой нами задачи (какой?). Но если трудъ и желаніе быть полезнымъ заслуживаютъ одобренія, то наша книга, по крайней мѣрѣ, не должна быть намъ поставлена въ порицаніе" (Предисловіе, стр. IV).

Безсодержательность и многословіе этихъ строкъ всего лучше свидѣтельствуютъ, что составителямъ нечего сказать о своемъ произведеніи. Они ссылаются на трудъ и на желаніе быть полезнымъ; но ихъ можно упрекнуть именно въ томъ, что они слишкомъ мало трудились, а только дали своему дѣлу видъ большаго труда, что они слѣпили вмѣстѣ кое-какіе отрывки и обрывки и выдаютъ это за книгу,

да еще за „Космосъ для юношества", что эту смѣсь, не имѣющую ни цѣли, ни плана, составленную безъ всякой ясной мысли, они слишкомъ хорошо напечатали и слишкомъ красиво переплели.

Наглядное знакомство съ животными, водящимися въ Европейской Россіи. Зоологическій атласъ, содержащій въ себѣ изображеніе и описаніе 340 животныхъ, преимущественно вредныхъ и полезныхъ, и слишкомъ 50 рисунковъ анатомическихъ. Составилъ *В. Э. Иверсенъ.* С.-Пб. 1876.

Подъ именемъ нагляднаго знакомства едва ли можно разумѣть одно знакомство по рисункамъ. Но разумѣется, и рисунки полезны. Изъ самаго заглавія видно, къ сожалѣнію, что составитель атласа не задался строго опредѣленною цѣлью. Это не есть зоологическій атласъ, потому что такой атласъ долженъ обнимать главныхъ животныхъ всего земнаго шара; это не есть и атласъ животныхъ Европейской Россіи, потому что ограничивается преимущественно вредными и полезными животными. Въ предисловіи составитель говоритъ о своей цѣли такъ: „Если этотъ мой трудъ пріохотитъ учащихся къ болѣе обстоятельному ознакомленію съ животными, то онъ въ то же время—я увѣренъ—удержитъ многихъ отъ несправедливаго преслѣдованія немалаго числа *полезныхъ дѣятелей* изъ животнаго царства, а равно поколеблетъ довѣріе къ многимъ укоренившимся предразсудкамъ. Очень можетъ быть, что онъ послужитъ также не лишнимъ пособіемъ для самообученія и для повторенія какъ приготовительнаго, такъ и систематическаго курса зоологіи".

Первая цѣль—пріохотить учащихся къ зоологіи слишкомъ неопредѣленна; вторая—искоренять посредствомъ атласа предразсудки—едва ли достижима; третья цѣль—служить пособіемъ при повтореніи курса зоологіи—невозможна, потому что атласъ не имѣетъ полноты.

Причина, почему составитель не задался болѣе ясными цѣлями, очень проста. Его атласъ есть не что иное, какъ перепечатка рисунковъ, помѣщенныхъ имъ въ книгѣ: „Сельско-хозяйственная зоологія".

Атласъ представляетъ неточности и ошибки въ объясненіяхъ, напечатанныхъ подъ рисунками, отличающихся притомъ такою же несоразмѣрностью въ частяхъ, безсвязностью и многословіемъ, какъ и та книга г. Иверсена, изъ которой взяты эти рисунки. Приведемъ нѣкоторые примѣры.

На таблицѣ I, подъ первымъ рисункомъ (скелетъ лошади) въ объясненіи стоитъ: „*st*—голень; *2*—голень". Такимъ образомъ *предпле-*

чіе (*st*) названо голенью,—чѣмъ нарушается соотвѣтствіе съ одноименными частями человѣка. Сверхъ того, голень не есть названіе костей; кости голени называются берцовыми большими и малыми. Подъ вторымъ рисункомъ сказано: „у лошади часто не бываетъ вовсе клыковъ". Это справедливо только относительно самокъ, а у самцовъ всегда бываютъ клыки. Подъ 7-мъ рисункомъ сказано, что землеройки „издаютъ непріятный запахъ, зависящій отъ особаго выдѣленія *въ хвостѣ*"; но пахучія желѣзы землероекъ находятся не въ хвостѣ, а по бокамъ туловища. На таблицѣ II, подъ рисункомъ 4-мъ сказано, что ёжъ „покрытъ иглами, происшедшими изъ слившихся волосъ". Между тѣмъ иглы суть лишь толстые и крѣпкіе волосы; *сліяніе волосъ* никогда не бываетъ ни въ прямомъ, ни въ переносномъ смыслѣ. Подъ рисункомъ 6-мъ положительно увѣряется, что домашняя кошка „введена въ Европѣ" (странное выраженіе) крестоносцами, тогда какъ она извѣстна съ древности.

На таблицѣ IV, подъ рисункомъ 3-мъ сказано, что лѣсная куница отличается зловоніемъ, что̀ совершенно невѣрно. Зловоніемъ отличаются хорекъ, горностай и норка, которые изображены на этой же таблицѣ, и о которыхъ этого не сказано.

На таблицѣ VI, подъ фигурой 6-й сказано, что заяцъ-русакъ вырываетъ глубокія логовища, чего, какъ извѣстно всякому, никогда не бываетъ. Норы вырываетъ кроликъ, который изображенъ на этой же таблицѣ, но о которомъ этого не сказано.

Многія изъ подписей, находящихся подъ рисунками, конечно, не содержатъ ошибокъ, но за то и ничего не содержатъ. Напримѣръ, подъ медвѣдемъ подписано: живетъ въ лѣсахъ и извѣстенъ всѣмъ какъ по вредности, такъ и по забавности въ прирученномъ состояніи и въ молодомъ возрастѣ.

Вообще, при своемъ многословіи, подписи не представляютъ никакой равномѣрности и никакого плана.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

О состояніи и дѣйствіяхъ Варшавскаго университета въ 1876 году: личный составъ преподавателей; вакантныя каѳедры; мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ; награды медалями; ученые труды преподавателей и служащихъ; удостоеніе учеными степенями и званіями; бюджетъ университета; свѣдѣнія объ учащихся; состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій; институтъ для образованія повивальныхъ бабокъ и фельдшерская школа.

Въ Варшавскомъ университетѣ къ 1-му января 1877 года состояло на лицо штатныхъ преподавателей: въ историко-филологическомъ факультетѣ: ординарныхъ профессоровъ—7, экстраординарныхъ—4, доцентовъ и исправляющихъ должность доцента—4, временныхъ преподавателей—1, лекторовъ—5; въ физико-математическомъ: ординарныхъ профессоровъ—6, экстраординарныхъ—4, доцентовъ и исправляющихъ должность доцента—4; въ юридическомъ: ординарныхъ профессоровъ—5, экстраординарныхъ — 5, доцентовъ—2; въ медицинскомъ: ординарныхъ профессоровъ—9, экстраординарныхъ—7, доцентовъ—4, временныхъ преподавателей—1, прозекторовъ и исправляющихъ должность прозекторовъ—3. Сверхъ того при университетѣ состояли: старшій астрономъ-наблюдатель—1, исправляющій должность младшаго астронома-наблюдателя—1, лаборантовъ—4, хранителей кабинетовъ—2, механикъ—1. Всего же въ университетѣ, сверхъ сихъ послѣднихъ 9-ти лицъ, состояло штатныхъ преподавателей: ординарныхъ профессоровъ—27, экстраординарныхъ—20, доцентовъ и исправляющихъ должность доцента—14, временныхъ преподавателей—2, лекторовъ—5, прозекторовъ и исправляющихъ долж-

ность прозектора — 3, и того—71 лицо. Сверхъ штата состояли: 1 экстраординарный профессоръ по каѳедрѣ описательной анатоміи, и въ непреподавательскихъ должностяхъ—1 помощникъ прозектора, 1 лаборантъ и 7 ординаторовъ при разныхъ клиникахъ. Приватъ-доцентъ—1, по каѳедрѣ математики. Изъ числа положенныхъ по уставу каѳедръ оставались вакантными: на историко-филологическомъ факультетѣ—сравнительнаго языкознанія, на физико-математическомъ—физической географіи и агрономической химіи, на медицинскомъ—описательной анатоміи. Преподаваніе по симъ каѳедрамъ было поручено: сравнительнаго языкознанія—доктору Микуцкому, агрономической химіи—доценту Вредену, математической физики—доценту Сонину, описательной анатоміи—доценту Чаусову и прозектору Пржевоскому, изъ которыхъ первый въ концѣ года назначенъ былъ: экстраординарнымъ профессоромъ по названной каѳедрѣ.

Въ 1876 году факультеты имѣли засѣданій: историко-филологическій—15, физико-математическій—15, юридическій — 9, медицинскій—21. Для усиленія учебной дѣятельности студентовъ и контроля надъ ихъ занятіями, сверхъ переходныхъ и окончательныхъ испытаній и контрольныхъ необязательныхъ испытаній студентамъ, желающимъ во второмъ полугодіи получить стипендіи или освободиться отъ платы за лекціи, предприняты были слѣдующія мѣры: по историко-филологическому факультету—практическія занятія профессоровъ съ студентами и приготовленіе послѣдними сочиненій на заданныя или одобренныя факультетомъ темы. Студенты представили слѣдующія работы: Гаевскій—„Мнѣніе Фридриха Вольфа о Гомеровскихъ эпопеяхъ", Здзюховскій—„Объ Аристарховомъ объясненіи различныхъ словъ у Гомера", Верцинскій—„Переводъ и объясненіе пролога Софокловой трагедіи Антигона", Петрученко — „Переводъ и объясненіе отрывка изъ Эдипа-царю", Дембицкій—„Объ остракизмѣ по греческимъ источникамъ", Сендзимиръ—„Переводъ съ объясненіемъ отрывка Антигоны", Грошковскій—„Содержаніе трагедіи Аяксъ и переводъ одного отрывка ея съ объясненіями", Янчакъ—„Дательный падежъ въ IV книгѣ Анабазиса Ксенофонта", Стемпковскій—„Характеръ Іокасты по Эдипу-царю Софокла", Новакъ—„Gerundium et gerundivum", Епатовскій—„Драматическое искусство въ Римѣ съ 240 по 120 годъ до Р. Х.", Бродовичъ—„Учено-литературная дѣятельность В. Н. Татищева", Каль—„Характеристика К. Н. Батюшкова по его письмамъ и стихотвореніямъ", Гонсіоровскій—„Источники и редакціи слова Даніила Заточника", Маркевичъ—„Различныя

сказанія о Куликовской битвѣ" и „Поученія противъ остатковъ язычества", Виноградовъ—„О посадникахъ Новгородскихъ", Невскій—„Положеніе православнаго духовенства въ Литвѣ и западной Руси до XVI ст.", Качановскій—„О сербскихъ житіяхъ и лѣтописяхъ", Гонсіоровскій—„Сравненіе сказаній Кромера и Красицкаго о польской шляхтѣ", Каль—„Идеалы польскаго шляхтича по Рею и Красицкому". По физико-математическому факультету, сверхъ обязательныхъ практическихъ занятій въ кабинетахъ и лабораторіяхъ, въ виду необходимости для студентовъ математическаго отдѣленія пріобрѣтенія возможно-большаго навыка въ вычисленіяхъ, доцентъ Сонинъ занимался со студентами практическими упражненіями по дифференціальному и интегральному исчисленіямъ. По юридическому факультету каждый студентъ на всѣхъ курсахъ обязанъ былъ избрать какой либо предметъ своей спеціальностію и представить по этому предмету письменную работу. Занятія между студентами распредѣлены были слѣдующимъ образомъ: у профессора гражданскаго права Голевинскаго студенты занимались составленіемъ отчетовъ по прочитаннымъ ими сочиненіямъ. Волѣе выдающійся и лучшій отчетъ составленъ студентомъ IV курса Ѳедоромъ Комаринцемъ, подъ заглавіемъ „О завѣщаніяхъ". По предмету уголовнаго судоустройства и судопроизводства особенно выдавались письменныя работы: студента IV курса Ивана Павловскаго—„Критическій разборъ сочиненія Миклашевскаго: „О средствахъ представленія обвиняемаго въ судъ и о пресѣченіи ему способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда", и студента того же курса Адама Гарусевича—„О прокурорахъ въ уголовномъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ". По гражданскому судоустройству и судопроизводству бо́льшая часть работъ имѣли своимъ предметомъ отчетъ о сочиненіи Малышева „Курсъ гражданскаго судоустройства и судопроизводства", и Шимановскаго—„Wykład postępowania sądowego cywilnego". По исторіи славянскихъ законодательствъ нѣкоторые студенты представили заслуживающіе вниманія труды, именно: Осипъ Пухальскій—„О бытѣ польскихъ Евреевъ во времена Пястовъ", Сенпъ Боричевскій—„Сборникъ юридическихъ обычаевъ Вѣжицкой волости, Кобринскаго уѣзда Гродненской губерніи", Михаилъ Бедлицкій—„Историческое значеніе Нѣславскихъ статутовъ", Карлъ Станиславскій—„Польское уголовное право въ XIII вѣкѣ съ точки зрѣнія современнаго состоянія науки уголовнаго права". По уголовному праву болѣе выдающимся разсужденіемъ были работы студентовъ: Шиллера—„О покушеніи" и Петровскаго—

„О теоріи наказуемости“. По финансовому праву студенты представили по большей части извлеченія изъ читаннаго преподавателемъ курса и указанныхъ имъ сочиненій. По государственному праву студенты должны были представить разсужденіе на самостоятельно-избранную тему, послѣ внимательнаго прочтенія одного изъ классическихъ писателей въ области государственнаго права, а именно Платона, Аристотеля, Маккіавелли и Монтескье, причемъ должны были заниматься изученіемъ только одного избраннаго ими автора, не прибѣгая къ какимъ-либо другимъ пособіямъ. Лучшею изъ работъ оказалась представленная студентомъ Севериномъ Винницкимъ „О семействѣ по Платону“. По римскому праву и исторіи римскаго и византійскаго права болѣе выдающіеся труды представлены студентами: Станиславомъ Либицкимъ — „О владѣніи по римскому праву“, Казиміромъ Воянчикомъ — „О владѣніи“ и Иваномъ Стефановичемъ — „Jus gentium и его вліяніе на преторское право“. По статистикѣ особенно выдавался трудъ Антона Ненадкевича — „О населенности Западно-Русскаго края, въ зависимости отъ причинъ, обусловливающихъ распредѣленіе населенія“, какъ попытка составить статистически исторію западнаго края. По исторіи русскаго права студенты-спеціалисты занимались разработкой древняго до-монгольскаго періода, на основаніи источниковъ и сочиненія Сергѣевича „Вѣче и князь“. По международному праву профессоръ указалъ студентамъ нѣсколько сочиненій и учебниковъ по этому предмету, изъ которыхъ предоставлялось студенту выбрать одно, и къ концу года представить подробный отчетъ съ объясненіями: а) относительно содержанія цѣли и научнаго метода прочитанныхъ сочиненій, б) относительно обращающихъ на себя вниманіе наиболѣе выдающихся отдѣльныхъ вопросовъ, и в) относительно содержанія сочиненія и метода его въ сравненіи съ курсомъ. Наиболѣе замѣчательными были работы студентовъ: Максимиліана Гонсіоровскаго — разборъ сочиненія Стоянова: „О началахъ международнаго права“ и Александра Фицкаго — разборъ сочиненія Блунчли: „Уложеніе международнаго права современныхъ государствъ“: По энциклопедіи права студенты, въ представленныхъ ими работахъ, болѣе всего занимались разработкою вопроса о различіи между правомъ и нравственностію и разъясненіемъ сущности обычнаго права. Болѣе выдающіяся сочиненія были представлены: студентомъ Леонидомъ Лавровымъ — подъ заглавіемъ „Общія свойства права и отношенія его къ морали“ и студентомъ Михаиломъ Рудаковымъ — „Образованіе

обычнаго права и закона". По медицинскому факультету, независимо отъ заботъ по пріобрѣтенію книгъ и журналовъ для университетской библіотеки и студентской читальни, а также различныхъ аппаратовъ и снарядовъ для практическихъ занятій, факультетъ съ разрѣшенія совѣта допустилъ слѣдующія нововведенія: а) ввелъ преподаваніе для V курса частной (топографической) хирургіи; б) установилъ для студентовъ IV курса практическій экзаменъ, вмѣсто прежняго теоретическаго, по офталмологіи на амбулаторныхъ больныхъ; в) выработалъ правила для фармацевтовъ, слушающихъ университетскіе курсы, примѣнивъ къ нимъ правила, существующія для студентовъ въ отношеніи подчиненія административному порядку, съ распредѣленіемъ на два курса всѣхъ фармацевтическихъ предметовъ и съ введеніемъ на первомъ курсѣ преподаванія фармацевтической пропедевтики, а также установилъ для фармацевтовъ несуществовавшіе прежде переводные экзамены изъ I во II курсъ, независимо отъ окончательныхъ на степень провизора: г) въ виду усиленія учебной дѣятельности студентовъ, факультетъ ходатайствовалъ объ учрежденіи при больницѣ Младенца Іисуса офталмологической клиники, и объ учрежденіи при этой больницѣ клиники дѣтскихъ болѣзней; д) выработалъ проектъ для установленія болѣе прочныхъ отношеній университета къ клиническимъ больницамъ, поставивъ непремѣннымъ условіемъ пріобрѣтеніе для университетскихъ клиникъ одной изъ Варшавскихъ больницъ, именно больницы Младенца Іисуса; е) вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія объ ускореніи окончательныхъ выпусковъ медицинскихъ и фармацевтическихъ студентовъ и о подготовленіи медицинскихъ студентовъ въ полевой хирургіи и въ ученіи о повальныхъ болѣзняхъ, являющихся при большомъ скопленіи войскъ, факультетъ заботился объ открытіи курсовъ по означеннымъ предметамъ и произвелъ экстренные выпускные экзамены V-му курсу на степень лекаря и фармацевтамъ II курса на степень провизора въ четырехнедѣльный срокъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ, исходатайствовалъ разрѣшеніе на продоженіе наукъ во 2-мъ полугодіи для тѣхъ студентовъ V курса и фармацевтовъ II курса, которые на ускоренныхъ экзаменахъ получили неудовлетворительныя отмѣтки по двумъ предметамъ. Наконецъ, способами контроля надъ занятіями студентовъ, кромѣ переводныхъ и повѣрочныхъ экзаменовъ, служили личныя наблюденія всѣхъ преподавателей, практическія испытанія студентовъ въ лабораторіяхъ и клиникахъ, надзоръ за правильнымъ веденіемъ ис-

торіи болѣзней, составленіемъ протоколовъ вскрытій въ клиникахъ и анатомическомъ театрѣ.

Для соисканія наградъ медалями за представленныя сочиненія назначены были факультетами слѣдующія темы: по историко-филологическому факультету—„Критическое сравненіе Novum organon Бэкона съ Discours de la méthode по ихъ содержанію, способу изложенія и историческому значенію", „Грунвальдская битва 1410 года" и „Значеніе Квинта Эннія, преимущественно какъ эпическаго поэта, въ римской литературѣ"; по физико-математическому—„Объ интерполированіи" и „О протеинныхъ зернахъ и кристаллоидахъ"; по юридическому—„О государственномъ совѣтѣ въ Россіи и соотвѣтственныхъ ему учрежденіяхъ въ другихъ государствахъ Европы", „Сравнительное изслѣдованіе о правѣ распоряженія имуществомъ посредствомъ даренія по важнѣйшимъ дѣйствующимъ законодательствамъ" и „Исторія общественныхъ классовъ во всѣхъ славянскихъ земляхъ сравнительно до половины XIII вѣка"; по медицинскому—„Количественныя отношенія мочевой кислоты въ мочѣ при лихорадочныхъ и безлихорадочныхъ болѣзняхъ", „Микроскопическое и химическое изслѣдованіе мокроты въ хроническихъ болѣзняхъ легкихъ", „Топографическое описаніе шейной фасціи (Fascia colli)", „Мочевой пузырь (Vesica urinaria). Его положеніе при разной степени наполненія. Мышечныя волокна мочеваго пузыря. Capsula pelvio-prostatica" и „О дѣйствіи солей и алкалоидовъ на процессы броженія". За представленныя сочиненія нижеслѣдующіе студенты награждены медалями: золотыми—IV курса историко-филологическаго факультета Владиславъ Дембицкій и IV курса юридическаго факультета Александръ Лимбертъ; серебряными—студенты IV курса: историко-филологическаго факультета—Яковъ Бобрукъ, юридическаго—Константинъ Туръ, Евстафій Добецкій и Осипъ Шифаръ.

Въ 1876 году преподаватели и другія лица вѣдомства Варшавскаго университета напечатали и приготовили къ выпуску въ свѣтъ слѣдующіе учено-литературные труды: профессоры: Павинскій—напечаталъ въ Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ статью „Описаніе четырехъ языческихъ кладбищъ, вмѣстѣ съ фотографическими снимками найденныхъ вещей", Струве — напечаталъ статьи: „Hamlet. Eine Characterstudie", „Письма изъ Лондона объ англійскомъ художествѣ" въ журналѣ Klosy, „Psychologisch-metaphische Analyse der Grundgesetze des Denkens" въ Philosophische Monatshefte, „Systema dwóch światów", помѣстилъ разныя критическія статьи въ

журналахъ Klosy и Wiek; Мѣржинскій—помѣстилъ въ Трудахъ III археологическаго съѣзда статью „Ласицкій и его сочиненіе De diis Samagitorum"; Коссовичъ—приготовилъ 2-е изданіе Греческаго словаря; Левестамъ—напечаталъ: въ журналахъ Klosy и Wiek—литературныя статьи, эстетическія и критическія разсужденія, въ лейпцигскомъ журналѣ Blätter für litterarische Unterhaltung и въ Allgemeine Zeitung—„Обзоръ литературнаго движенія въ Польшѣ", напечаталъ отдѣльною брошюрою „Alexander Fredro, obraz biograficzno-literacki" и приготовилъ къ печатанію—„Три публичныя лекціи о драматическомъ искусствѣ"; Колосовъ—выпустилъ въ свѣтъ 2-е изданіе „Старославянской грамматики" и помѣстилъ въ Запискахъ академіи наукъ „Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣвернаго великорусскаго нарѣчія"; Первольфъ—напечаталъ сочиненіе „Германизація Балтійскихъ Славянъ"; Яковлевъ—напечаталъ и редактировалъ: „Дж. Г. Льюисъ. Актеры и сценическое искусство", напечаталъ переводъ съ нѣмецкаго: „Иречекъ. Исторія Болгаръ", и статью „Къ исторіи русскихъ путешествій въ Азію"; Макушевъ—помѣстилъ: въ Русскомъ Вѣстникѣ—„Очеркъ исторіи и современнаго положенія задунайскихъ Славянъ" и въ Славянскомъ Сборникѣ — „Восточный вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ, по неизданнымъ италіанскимъ памятникамъ", „Общественные и государственные вопросы въ польской литературѣ XVI вѣка" и „Слѣды русскаго вліянія на старопольскую письменность"; Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ — напечаталъ: въ Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ „Отчетъ о занятіяхъ во время заграничной командировки", „Головня морскаго щавеля" и „Сборникъ работъ, произведенныхъ въ ботанической лабораторіи Варшавскаго университета" [1]); Поповъ—напечаталъ въ Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ „Работы химической лабораторіи Варшавскаго университета"; на V съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей сдѣлалъ сообщенія: „Объ окисленіи кетоновъ, содержащихъ бензинъ", „О строеніи бромо-знантовой и окси-знантовой кислотъ", „О помѣщеніи хлора въ хлоро-валерамъ" и „Углеводороды"; Востоковъ—сдѣлалъ на V съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей сообщеніе „О разложеніи въ рядѣ

---

[1]) «Ustilago Parlectorei F. de W. m s. p. (Hedwigia), въ Botanische Zeitung—«Der Brand des Secampfers», въ Nuovo journale botan. Italian.—«Notice sur une nouvelle Ustilaginée»; кромѣ того подготовлялъ монографію головневыхъ, сдѣлалъ научныя въ Бранденбургскомъ ботаническомъ обществѣ въ Берлинѣ и въ Московскомъ обществѣ испытателей природы, составилъ коллекцію ржавчинниковъ и лишаевъ Московской губерніи.

функціи, представляющей обратную величину разстоянія между двумя планетами, въ рядъ по степенямъ эксцентрицитетовъ", напечатанное въ Сборникѣ трудовъ съѣзда; Алексѣевъ — сдѣлалъ сообщеніе на V съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей: о нѣкоторыхъ рядахъ, о способѣ черченія стереоскопическихъ фигуръ и о связи лежандровыхъ функцій съ аллиптическими, и приготовилъ къ печати II и III томы издаваемаго имъ интегральнаго исчисленія; Юркевичъ—издалъ: а) переводъ 12-ти публичныхъ лекцій Агассица „О естественныхъ основаніяхъ сродства между животными", съ прибавленіемъ подробнаго жизнеописанія и ученой дѣятельности автора, б) отчеты о новѣйшихъ открытіяхъ въ области естественныхъ наукъ, въ журналахъ Bluszcz и Kłosy, и въ журналѣ „Природа и Промышленность" помѣстилъ статью „О внутреннемъ морѣ въ пустынѣ Сахара"; Александровичъ—сдѣлалъ на V съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей сообщеніе: „Изслѣдованіе пяти новыхъ видовъ Empuzae" и „Проектъ къ изданію таблицъ рисунковъ съѣдобныхъ и ядовитыхъ грибовъ"; Ганинъ—напечаталъ въ Трудахъ V съѣзда естествоиспытателей: „Матеріалы къ познанію постъ-эмбріональнаго развитія насѣкомыхъ" и „Наблюденіе надъ эмбріональнымъ развитіемъ Pelodeza teres"; подъ его руководствомъ кандидатъ Натансонъ издалъ статью „Къ исторіи развитія нематодъ", напечатанную въ Сборникѣ трудовъ V съѣзда русскихъ естествоиспытателей; Андреевскій — сдѣлалъ на V съѣздѣ естествоиспытателей сообщеніе „Объ одномъ способѣ измѣненія периметровъ въ неопредѣленныхъ интегралахъ, посредствомъ котораго можно изъ извѣстныхъ простѣйшихъ интеграловъ получить значеніе другихъ интеграловъ; Вржесніовскій—сдѣлалъ на V съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей сообщеніе: „Къ систематикѣ и анатоміи инфузорій" и „Къ систематикѣ и анатоміи амфиподъ" и помѣстилъ въ журналѣ Przyroda i przemyst подробные отчеты о сочиненіяхъ: Бенедека—„Commensaux et parasites" и Лейкарта—„Die menschlichen Parasiten"; Будзинскій — въ Руководствѣ для гминныхъ судовъ составилъ „Уставъ о наказаніяхъ 1864 г." и помѣстилъ нѣсколько статей въ журналѣ Gazeta Sądowa; Кашкица — помѣстилъ въ журналѣ Wiek статью подъ заглавіемъ: „Kilka uwag nad pracą p. t. Wychowanie publiczne na podstawach ekonomii politycznéj przez Alexandra Czarnowskiego"; Окольскій — напечаталъ: „Краткій очеркъ гражданскаго судопроизводства по уставамъ 20-го ноября 1864 г." въ Gazeta Sądowa, руководство для гминныхъ судовъ Царства Польскаго, именно „Гражданское судопроизводство въ гминныхъ судахъ" и „Го-

родовое положеніе въ Имперіи", въ журналѣ Athenaeum; Самоквасовъ — напечаталъ: „Древнія земляныя насыпи и ихъ значеніе для науки" въ сборникѣ „Древняя и Новая Россія", 1-й томъ „Сборника обычнаго права Сибирскихъ инородцевъ", и два реферата, читанные въ секціи антропологіи и этнографіи V съѣзда русскихъ естествоиспытателей: „О результатахъ раскопки городищъ и кургановъ въ 1876 году въ Черниговской, Полтавской и Кіевской губерніяхъ" и „О каменныхъ орудіяхъ; Михмешевскій — написалъ: 1) „O dziełach, postugujących do poznania nowych ustaw sądowych" въ Gazeta Sądowa Warszawska", 2) „Rys organizacyi władz sądowych podług ustaw z d. 20 Listopada 1864 г. i postanowienie o wprowadzeniu reformy sądowéj w Krolestwie Polskiem z d. Lutego 1875 г., 3) „Art. 12, 13, 74 ustawy postepowenia karnego" въ Gazeta Sądowa, 4) „Art. 105 i 106 ustawy postępowania karnego" (тамъ же), 5) „Art. 19 ustawy postępowania karnego" (тамъ же), 6) „Art. 76 postanowienia z d. 19 Lutego 1875 года" (тамъ же), 7) „Art. 44 i 315 organizacyi władz sądowych" (тамъ же), 8) „Art. 8, 10 i 11 ustawy postępowania karnego" (тамъ же), 9) „Art. 45 ustawy postępowania kornego" (тамъ же), 10) „Art. 58 i 59 ustawy postepowania karnego" (тамъ же), 11) „Art. 80 ustawy postępowania karnego" (тамъ же), 12) „Art. 54 ustawy postępowania karnego" (тамъ же), 13) „Art. 19 przepisów z dnia 1/13 Czerwca 1875 г." (тамъ же), 14) „Notatka statystyczna" (тамъ же), 15) „Przepisy obowiązujaca co do skazywania nieletnich przestępców do osad rolnych i przytułków rzemieslniczych Warszawa 1876 г.", 16) „Rocznik Towarzystwa osad rolnych i przytułków rzemiesnieczych za 1875 г.", 17) „Руководство для гминныхъ судовъ Царства Польскаго" (2 тома на русскомъ и польскомъ языкахъ), 18) „Art. 85 ustawy postępowania karnego" (Gazeta Sądowa), 19) „Przegląd bibliograficzny" (тамъ же), 20) „Sprawa Aleksandrowych" (тамъ же), 21) „Notatki naukowe i literackie. Departamenta kassacyjne Rządzącego Senata" (тамъ же), 22) „Spór jurisdykcyjny" (тамъ же), 23) „Sprawa Druta" (тамъ же), 24) „Z sądu Willanowskiego" (тамъ же), 25) „Z sądu Willanowskiego" (тамъ же), 26) „Z trzeciego posiedzenia Sądu Okręgowego Warszawskiego" (тамъ же), 27) „Sprawa F. Starosza i S. Skalskiego, obwinionych o rabunek" (тамъ же), 28) „Sprawa Walentynowicza i Nowakowskiego, obwionionych o dręczenie zwierzęcia" (тамъ же), 29) „Sprawa Władysława Ostrowskiego, obwinionego o ostzucie strychnina" (тамъ же), 30) „Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, получившее обязательную силу въ Цар-

ствѣ Польскомъ, въ силу указа правительствующаго сената 25-го сентября 1876 года, съ разъясненіями по рѣшеніямъ правительствующаго сената по 1-е января 1876 года, на русскомъ и польскомъ языкахъ. Вып. 1-й"; Бродовскій — напечаталъ: въ Архивѣ Вирхова — „Mittheilungen Laboratorium der pathologischen Anatomie zu Warschau", въ Medicinische Jahrbücher v. Stricker — „Berichtigung aus Anlass des Artikels von Herrn Rabl: „Ueber das Granulations-Gewerbe und seine Bedeutung für die Scrophulose", въ трудахъ съѣзда русскихъ естествоиспытателей въ Варшавѣ — „Къ ученію объ острой желтой атрофіи печени"; Гирштовтъ—продолжалъ печатать „Руководство къ общей и частной хирургіи" и напечаталъ въ Gazecie lekarsviéj Warszawskiéj статьи: „О полипахъ", „О вагинальной оваріотоміи" и „Объ операціи Пирогова"; Гойеръ—напечаталъ: въ Hoffmann und Schwalbe Jahresbericht über die Fortschritte der Anatomie und Plysiologie im Jahre 1875—„Рефераты объ успѣхахъ анатоміи, гистологіи и эмбріологіи по русской и польской литературѣ за 1875 годъ", въ Athenaeum—„Критическій взглядъ на ученіе Дарвина", въ Работахъ, произведенныхъ въ лабораторіяхъ медицинскаго факультета Варшавскаго университета—„О непосредственномъ соединеніи между артеріями и венами", въ Archiw für mikroscopische Anatomie von Waldeger und Lavalette—„Ueber unmittelbare Einmündung kleinster Arterien in Gefasse des venosen Characters", въ Трудахъ V съѣзда русскихъ естествоиспытателей—„Beiträge zur anatomischen und histologischen Technik" и „О значеніи практическихъ ученыхъ учрежденій"; Тырховскій — напечаталъ въ Запискахъ общества Варшавскихъ врачей — „Опредѣленіе средней половой зрѣлости женщинъ въ Царствѣ Польскомъ"; Андреевъ — напечаталъ въ газетѣ „Современная Медицина и статью, подъ заглавіемъ: Современное состояніе вопроса о колтунѣ"; Лямбль — сдѣлалъ въ засѣданіяхъ V съѣзда русскихъ естествоиспытателей сообщенія: „Нѣсколько новыхъ фактовъ изъ области клинической уроскопіи", „Наблюденіе надъ церкомонадами", „О локализаціяхъ болѣзней мозга", „О боковомъ кровообращеніи, такъ называемыхъ Caput Medusae или Cirsomphale", и „О гистологическомъ дисхронизмѣ по отношенію къ порокамъ сердца и неправильной иннерваціи сердца", „Объ эпителіѣ слизистой оболочки кишекъ и о значеніи его въ процессѣ всасыванія", „О Венерѣ готтентоткѣ (Steatopyga et Spondylolysis)". Всѣ эти сообщенія помѣщены въ Протоколахъ засѣданій V съѣзда русскихъ естествоиспытателей, а также въ Рефератахъ о съѣздѣ, напечатанныхъ въ St.-Petersburger

Medicin. Wochenschrift; Коталевскій—сдѣлалъ на V съѣздѣ естествоиспытателей и врачей помѣщенныя въ Рефератахъ съѣзда сообщенія: „Методъ, посредствомъ котораго спектральный анализъ крови доказываетъ, что гніеніе происходитъ и безъ доступа атмосфернаго воздуха“, „Способъ добывать кристаллы гемина изъ гнилой крови“, „Изслѣдованія, относящіяся къ пробѣ Фанъ-Деена на кровь“, „О методѣ для отличія крови млекопитающихъ отъ крови другихъ животныхъ“, „О спектроскопѣ, какъ лучшемъ средствѣ для отличія мнимой смерти отъ истинной“, »Опыты, касающіеся отличія прижизненныхъ ожогъ отъ посмертныхъ“ и „О формахъ hymenis—мостовидной и щелеобразной“; Левитскій—напечаталъ: въ Медицинскомъ Вѣстникѣ и въ Gazeta lekarska—„По поводу новаго діагностическаго признака перфораціи кишекъ“, въ Врачебныхъ Вѣдомостяхъ и въ Gazeta lekarska—„Tubercula solitaria cerebelli“, въ Архивѣ Руднева—„Случай „peripacchymeningitidis spinalis“ и „Случай полной лейкеміи“; Лучкевичъ—напечаталъ „Пропедевтику медицинскихъ наукъ“; Ефремовскій—напечаталъ: въ Лѣтописи Московскаго хирургическаго общества—„О переломахъ костей, производимыхъ одною мышечною силой“ и въ Медицинскомъ Вѣстникѣ—„Травматическое воспаленіе жевательной мышцы съ послѣдовательною контрактурой и сведеніемъ челюстей. Тенотомія, результатъ операціи“; Траутфеттеръ—напечаталъ въ Трудахъ V съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей „О русской терминологіи накожныхъ болѣзней“; Чаусовъ—напечаталъ: „Топографическую анатомію шеи человѣка“ и „Обзоръ успѣховъ по хирургіи“. Доценты: Барсовъ—рецензію на книгу Н. Горбачевскаго и Словарь древняго актоваго языка западно-русскаго края и Царства Польскаго“, въ отчетѣ о присужденіи Уваровскихъ наградъ; Трейдосевичъ—сдѣлалъ на V съѣздѣ естествоиспытателей сообщеніе „О случайномъ богатствѣ окаменѣлостей въ девонскихъ кварцитахъ Царства Польскаго“ и напечаталъ въ журналѣ Przyroda i przemyst статьи: „Ярусы новѣйшихъ третичныхъ формацій“ и „Геологическіе труды и Станислава Сташица, находящіеся въ библіотекѣ Варшавскаго университета“; Сонинъ—сдѣлалъ на V съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей сообщеніе „Объ опредѣленіи максимальныхъ и минимальныхъ свойствъ кривыхъ линій“ и приготовилъ къ печати: „О дифференціальныхъ преобразованіяхъ дифференціальныхъ уравненій“ и „О рѣшеніи функціональнаго уравненія: $fa = f\left\{\frac{1}{x}\right\}$“; Пленсковскій—напечаталъ въ Земледѣльческой Энциклопедіи: „Мясо

въ діэтетическомъ отношеніи" и „Молочные продукты и молоко"; Фудаковскій—напечаталъ: въ Журналѣ Русскаго химическаго общества и въ Berichte der deutsch. chemischen Gesellschaft „О галактозѣ" и въ Трудахъ V съѣзда русскихъ естествоиспытателей—„Дальнѣйшіе результаты изслѣдованія галактоза"; Нейгебауеръ—напечаталъ: въ Gazeta lekarska—„Fibromyoma vaginae" и въ Протоколахъ V съѣзда естествоиспытателей—„Срединное частное сшиваніе влагалища (новый способъ леченія выпаденія матки)"; Вольфрингъ—напечаталъ въ Протоколахъ V съѣзда естествоиспытателей статью „Къ ученію о способѣ развитія кровеносныхъ сосудовъ въ роговицѣ послѣ дифтерита соединительной оболочки". Приватъ-доцентъ Баранецкій—сдѣлалъ на V съѣздѣ естествоиспытателей сообщенія: „О непрерывныхъ дробяхъ" и „Способъ составленія сопряженной системы, которыя помѣщены въ Сборникѣ съѣзда, напечаталъ двѣ статьи въ Мемуарахъ общества точныхъ наукъ въ Парижѣ и критическія статьи въ Przeglądzie Krytycznym и въ Jahrbuch über die Fortschritte der Mathematik. Старшій астрономъ-наблюдатель Ковальчикъ—помѣстилъ: въ журналѣ Astronomische Nachrichten—„Bahnbestimmung des Cometen II 1840" и въ Berliner astronomisches Jahrbuch—„Elemente und Ephemeriden. der Planeten Hesperia und Thisbe für 1877". Лаборанты: Дзевульскій—сдѣлалъ на V съѣздѣ естествоиспытателей сообщеніе „О движеніи суспендированныхъ частицъ твердыхъ тѣлъ въ жидкостяхъ подъ вліяніемъ электрическаго тока", Фуксъ—напечаталъ брошюру „Цѣхоцинскія лечебныя средства", сдѣлалъ на съѣздѣ естествоиспытателей сообщеніе: „Объ окисленіи бензинъ-изопропилъ кетона" и участвовалъ въ переводѣ Химической технологіи Р. Вагнера; Знатовичъ—участвовалъ, совмѣстно съ доцентомъ Вреденомъ, въ составленіи сообщенной на съѣздѣ естествоиспытателей работы „О гидрогенизаціи нафталина и о полученіи изобутилбензина"; Слюсарскій—сдѣлалъ на съѣздѣ естествоиспытателей сообщенія: „Къ фаунѣ моллюсковъ Царства Польскаго" и „Къ анатоміи и систематикѣ Hypodectes Columbae", и напечаталъ въ журналѣ Przyroda i Przemyst переводъ статьи М. Perty и нѣсколько отчетовъ о книгахъ; Крамштыкъ напечаталъ: въ Журналѣ русскаго химическаго общества—„Объ изслѣдованіяхъ, имѣющихъ въ виду разъяснить соотношеніе выдѣляемыхъ организмомъ азота и фосфорной кислоты" и въ Журналѣ Medycyna—„Случай остраго общаго воспаленія мышцъ, распознаннаго при жизни"; Майзель—сдѣлалъ на съѣздѣ естествоиспытателей помѣщенныя въ Протоколахъ съѣзда сообщенія: „Къ

вопросу о дѣленіи ядеръ" и „Замѣтка о громадныхъ клѣткахъ въ эпителіѣ роговой оболочки". Ординаторы: Мейерсонъ—сдѣлалъ на съѣздѣ естествоиспытателей, помѣщенное въ Протоколахъ съѣзда сообщеніе: „О примѣненіи салициловой кислоты въ лихорадочныхъ болѣзняхъ"; Гросштернъ напечаталъ: въ Библіотекѣ медицинскихъ наукъ—переводъ сочиненія Сенатора „Choroby narządu ruchu", и въ Gazeta lekarska—„Przyczynek do nowedo djagnostycznedo objawu przedzinrawienia kiszek", „O względnéj wartości rosmaituch odczynników na bialko. „O kwasie trójchlorooctowym jako nowym odczynniku, na bialko" и „O Gruzelki odosobnione móżdżku", Сигизм. Крамштыкъ напечаталъ въ журналѣ Medycyna статью: Dwa przypadki pzzetok wtosowatych worka tzowedo, wyleczonych za pomocdm electrolizy". Хранитель Тачановскій—сдѣлалъ на съѣздѣ естествоиспытателей сообщеніе: „Сравнительный обзоръ орнитологической фауны Восточной Сибири" и напечаталъ въ Орнитологическомъ журналѣ въ Берлинѣ статьи: „Verzeichniss der Vögel welche D-r Dybowski im Ussuris-Lande gesammelt hatte". Прозекторъ Пржевоскій—помѣстилъ въ Мемуарахъ общества варшавскихъ врачей „Критическій разборъ диссертаціи д-ра Бржечинскаго подъ заглавіемъ: „Раки позвоночнаго столба". Публичныя лекціи читали: профессоръ Макушевъ—на тему „Исторія задунайскихъ Славянъ", профессоръ Алексѣевъ—по предмету теоріи вѣроятностей, и доцентъ Сонинъ—по спектральному анализу.

Совѣтъ Варшавскаго университета имѣлъ въ теченіе 1876 года 9 засѣданій, изъ коихъ одно было экстренное. Утверждены: въ степени доктора медицины лекаря: Иванъ Пастернацкій, Станиславъ Кондратовичъ и Николай Бруннеръ; въ степени магистра химіи—доцентъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи Николай Лей. Затѣмъ удостоены: степени кандидата—39, изъ нихъ по историко-филологическому факультету—10, по физико-математическому—7, по юридическому—22; званія дѣйствительнаго студента—32, именно: по историко-филологическому факультету—1, по физико-математическому—5, по юридическому—26. Медицинскихъ степеней и званій удостоено: лекаря—94, уѣзднаго врача—3, провизора—77, аптекарскаго помощника—67, акушерки—26. Сверхъ того, въ силу особаго Высочайшаго повелѣнія при физико-математическомъ факультетѣ производились испытанія на званіе землемѣровъ и совѣтомъ университета утверждены: въ званіи землемѣра 1-го класса—11 и въ званіи землемѣра 2-го класса—7. Для приготовле-

нія къ профессорскому званію оставлены были при университетѣ кандидаты: Владиміръ Качановскій—по славянской филологіи, Николай Чижовъ—по философіи права и Николай Андрузскій—по чистой математикѣ; изъ нихъ первые двое—на счетъ спеціальныхъ суммъ университета, а послѣдній—на суммы министерства народнаго просвѣщенія. Сверхъ того, кандидатъ историко-филологическаго факультета Өедоръ Вержбовскій съ начала года командированъ за-границу, стипендіатомъ изъ частной записи д-ра Бонцевича, для изученія исторіи польской литературы и словесности въ книгохранилищахъ Кракова, Львова, Вѣны, Праги и Фрауэнбурга.

Командированы были съ ученою цѣлію слѣдующіе преподаватели: ординарный профессоръ Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ — за границу для полнаго топографическаго изученія такъ-называемыхъ головневыхъ растеній и для ознакомленія съ современнымъ устройствомъ заграничныхъ ботаническимъ лабораторій и веденіемъ въ нихъ занятій; вмѣстѣ съ тѣмъ профессору Фишеру-фонъ-Вальдгейму предложено было совѣтомъ принять участіе въ качествѣ депутата отъ университета въ международномъ съѣздѣ ботаниковъ въ Брюсселѣ, бывшемъ въ маѣ мѣсяцѣ; ординарные профессоры Мюржинскій и Павинскій— въ г. Буда-Пештъ для участія въ VIII-мъ международномъ археологическомъ конгрессѣ; экстраординарный профессоръ Колосовъ — въ разныя мѣстности Россіи для изученія русской народной словесности и русскихъ говоровъ.

Студентовъ къ 1-му января 1876 года состояло на лицо—453 въ теченіе года вновь поступило — 153, въ томъ числѣ: изъ гимназій—119, изъ духовныхъ семинарій—25, изъ другихъ учебныхъ заведеній—9; въ теченіе года выбыло—200, въ томъ числѣ: до окончанія курса—45, по окончаніи курса—155; затѣмъ къ 1-му января 1877 года оставалось—406, которые распредѣлены были по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: на историко-филологическомъ—21 (въ первыхъ двухъ курсахъ не раздѣленныхъ на разряды—7, въ остальныхъ курсахъ: по классическому отдѣленію—11, по славяно-русскому — 2, по историческому—1), на физико-математическомъ—57 (по математическому отдѣленію—37, по естественному—20), на юридическомъ—138, на медицинскомъ—190. Постороннихъ слушателей состояло: къ 1-му января 1876 года — 175, къ 1-му января 1877 года — 140, въ томъ числѣ 101 фармацевтъ. Освобождено было отъ платы за слушаніе лекцій: изъ 467 студентовъ, бывшихъ во 2-мъ полугодіи 1875—1876 учебнаго года—47, и изъ бывшихъ въ 1-мъ полугодіи 1876—1877

учебнаго года 440 —44 студента, что составляетъ 10% общаго числа студентовъ. Стипендіями пользовались: во 2-мъ полугодіи 1875—1876 учебнаго года—108, въ 1-мъ полугодіи 1876—1877 учебнаго года—96 студентовъ, всего на сумму 23.387 руб., въ томъ числѣ: 10.500 руб. — на счетъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія, 5.000 руб. — на счетъ спеціальныхъ средствъ университета и 7.887 руб.— изъ частныхъ записей, состоящихъ въ распоряженіи университета и управленія учебнаго округа.

Финансовыя средства Варшавскаго университета въ 1876 году представляются въ слѣдующемъ видѣ: а) штатной суммы: оставалось отъ 1875 года — 13.355 руб. 77 коп., въ теченіе 1876 года поступило—247.801 руб. 67 коп., въ теченіе года израсходовано—252,082 руб. 51 коп., затѣмъ къ 1 января 1877 года было въ остаткѣ — 8.354 р. 93 коп.; сбора за слушаніе лекцій: остатка отъ 1875 года—626 руб. 89 коп., въ приходѣ въ 1876 году — 14.182 руб. 50 коп., въ расходѣ—14.420 руб. 77 коп., затѣмъ въ остаткѣ къ 1877 году—388 руб. 62 коп. Главнѣйшіе изъ этой послѣдней суммы расходы — слѣдующіе: на жалованье служащимъ въ университетѣ лицамъ, какъ штатнымъ, такъ и по найму—4.187 руб. 20 коп., на стипендіи студентамъ и кандидатамъ — 5.200 руб., на изданіе ученыхъ сочиненій и Университетскихъ Извѣстій—3.986 руб. 49 коп., на вспоможеніе и награды студентамъ—725 руб.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Варшавскаго университета находились къ 1-му января 1877 года въ слѣдующемъ положеніи. Въ университетской библіотекѣ состояло: книгъ — 158.806 названій въ 292.951 томѣ, періодическихъ изданій—5.788 названій въ 13.447 томахъ, рукописей—1274 тетради и тома, картъ, рисунковъ, портретовъ, чертежей, нотъ и проч.—5.786 названій, всего на 178.672 руб. Правомъ брать книги на домъ изъ университетской библіотеки воспользовались 147 лицъ, которымъ было выдано книгъ—3.087 названій въ 4.100 томахъ. Въ публичной читальнѣ, открытой съ 1-го января 1876 года, отъ постороннихъ посѣтителей поступило 1.175 требованій и выдано въ чтеніе—1.818 сочиненій. Въ студентской читальнѣ книгъ и другихъ изданій—5.018 названій въ 8.516 томахъ на сумму 6.226 руб. 2 коп. Изъ этой читальни, въ теченіе года, выдано на руки, по требованіямъ слишкомъ 500 студентовъ, болѣе 3.300 сочиненій, въ количествѣ слишкомъ 4,000 томовъ. Ежедневныхъ посѣтителей читальни было отъ 40 до 50 человѣкъ; въ вечерніе же часы, по два раза въ недѣлю, занимались въ читальнѣ отъ 2 до 8 студен-

товъ. Въ нумизматическомъ кабинетѣ — 10.433 предмета на сумму 4.287 руб. Въ музеѣ древностей — 1.956 предметовъ стоимостію въ 2.797 руб. Въ физическомъ кабинетѣ съ лабораторіею—707 нумеровъ (940 экземпляровъ) на сумму 22.632 руб. Въ химической лабораторіи съ кабинетомъ—698 нумеровъ на 7.608 руб. Занятія въ лабораторіи заключались: а) въ практическихъ работахъ студентовъ и вольнослушателей по качественному и количественному анализу и въ приготовленіи препаратовъ для коллекцій, б) въ производствѣ судебно-химическихъ и другихъ изслѣдованій, поступавшихъ отъ судебныхъ и административныхъ учрежденій и лицъ, и в) въ производствѣ самостоятельныхъ научныхъ изслѣдованій. Въ особомъ отдѣленіи химической лабораторіи для работъ по части физіологической, патологической, и судебно-медицинской химіи — 874 предмета на 1.710 руб. Занятія въ этомъ отдѣленіи заключались въ слѣдующемъ: а) 27 студентовъ II курса и 2 вольнослушателя упражнялись въ аналитической химіи; б) 50 студентовъ III курса упражнялись въ анализѣ мочи; в) завѣдывающій отдѣленіемъ изслѣдовалъ сахары и составляющіе галактозу и напечаталъ результаты въ Berichte der deutschen chemischen Gesellschaft, въ Журналѣ русскаго химическаго общества и сообщеніе на V-мъ съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей; г) лаборантъ при каѳедрѣ физіологической и патологической химіи Ю. Крамштыкъ занимался изслѣдованіемъ соотношенія выдѣляемыхъ организмомъ азота и фосфорной кислоты; д) ординаторъ при терапевтической госпитальной клиникѣ Гросштернъ занимался изслѣдованіемъ вопроса „О чувствительности реагентовъ на бѣлковыя вещества"; результаты этого изслѣдованія сообщены на V-мъ съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей и напечатаны въ Журналѣ русскаго химическаго общества. Въ кабинетѣ съ лабораторіею для преподаванія технической химіи: аппаратовъ, снарядовъ, приборовъ, мебели, книгъ, атласовъ и картъ — 515 экземпляровъ на 1,859 руб., химическихъ препаратовъ, реактивовъ и посуды на 233 руб. Въ лабораторіи доцентомъ Вреденомъ и лаборантомъ Знатовичемъ окончены были опыты надъ гидрогенизаціей монобензоловыхъ углеводородовъ. Результаты этихъ работъ сообщены на V-мъ съѣздѣ естествоиспытателей и врачей и напечатаны въ видѣ отдѣльной брошюры на русскомъ языкѣ и въ извлеченіяхъ—въ нѣмецкихъ спеціальныхъ журналахъ. Студенты III и IV курсовъ естественнаго разряда занимались анализомъ металлическихъ рудъ, воды и различныхъ матеріаловъ, важныхъ въ техническомъ отношеніи. Въ минералогическомъ, геогностическомъ и пале-

онтологическомъ кабинетѣ — 20.546 предметовъ на 14.696 руб. Въ ботаническомъ кабинетѣ—5.055 предметовъ на 6.842 руб. Подъ руководствомъ профессора Александровича, студенты естественнаго разряда занимались въ кабинетѣ практическими упражненіями по морфологіи и систематикѣ споровыхъ растеній, по два раза въ недѣлю. Въ ботанической лабораторіи—751 предметъ на 2.542 руб. Въ первомъ полугодіи студенты III курса естественнаго разряда занимались въ лабораторіи, по одному часу въ недѣлю, подъ руководствомъ профессора, анатомическими изслѣдованіями высшихъ растеній; желавшіе изъ студентовъ IV курса того же разряда могли заниматься въ лабораторіи ежедневно. Изъ нихъ студентъ Новаковскій спеціально изслѣдовалъ протеинныя зерна и кристаллоиды разныхъ растеній. Завѣдывающій лабораторіей, кромѣ подготовленія демонстративныхъ препаратовъ и опытовъ для своихъ лекцій, производилъ изслѣдованія надъ геліотропизмомъ и дыханіемъ нѣкоторыхъ растеній. Въ зоологическомъ кабинетѣ — 105.080 предметовъ на сумму 62.095 руб. Въ зоотомическомъ кабинетѣ съ лабораторіею—3.372 предмета на 15.312 руб. Въ лабораторіи занимались практически, по 2 часа въ недѣлю студенты III курса—сравнительною анатоміей и студенты IV курса—сравнительною анатоміей и эмбріологіей. Кромѣ этого, одинъ студентъ III курса и два студента IV курса, въ свободное отъ лекцій время, занимались въ лабораторіи въ теченіе цѣлаго года. Наблюденія одного изъ нихъ, Натансона, надъ развитіемъ нѣкоторыхъ паразитическихъ нематодъ, были сообщены на V-мъ съѣздѣ естествоиспытателей и врачей и напечатаны съ четырьмя таблицами рисунковъ въ Трудахъ съѣзда. Въ физіологическомъ кабинетѣ съ лабораторіей — 325 нумеровъ, 446 предметовъ на сумму 7.579 руб. Изслѣдованія, производимыя въ лабораторіи, помѣщаются въ спеціальномъ изданіи „Работы, производимыя въ лабораторіяхъ Императорскаго Варшавскаго университета". Въ 1876 году вышелъ 3-й выпускъ этого изданія. Въ гистологическомъ кабинетѣ съ лабораторіею — 585 предметовъ на 3.804 руб, Въ 1876 году 52 студента упражнялись въ употребленіи микроскопа и, кромѣ того, 5 врачей и 5 студентовъ занимались самостоятельными наблюденіями. Изъ работъ, произведенныхъ въ лабораторіи, напечатаны были слѣдующія: лаборанта Майзеля — „Къ вопросу о дѣленіи ядеръ", бывшаго студента Бентковскаго—„Къ гистологіи желудка", бывшаго студента Грота — „Къ гистологіи слюнныхъ желѣзъ", врача Стравинскаго — „О ресорбціи костной ткани и громадныхъ клѣткахъ, какъ непосредственныхъ продуктахъ этой ре-

сорбціи". — Въ кабинетѣ и лабораторіи патологической анатоміи — 1.478 предметовъ на сумму 9.802 руб. Въ лабораторіи занимались анатомо-патологическими изслѣдованіями: два кандидата медицины, ординаторъ терапевтической клиники и одинъ докторантъ. Кромѣ этого, лекарь Эльзенбергъ занимался изслѣдованіемъ катарральныхъ воспаленій слизистыхъ оболочекъ, прозекторъ Пржевоскій — гронуляціонной ткани и профессоръ Бродовскій—различныхъ воспаленій печени. Анатомо-патологическихъ вскрытій произведено было 340. — Въ кабинетѣ и лабораторіи физіологической анатоміи — 1.595 предметовъ на 5.190 руб. Въ кабинетѣ акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней — 269 предметовъ на 1.257 руб. Въ хирургическомъ кабинетѣ—1.487 предметовъ на 4.139 руб. Въ офталмологическомъ кабинетѣ—168 предметовъ на 1.460 руб. Въ кабинетѣ оперативной хирургіи—358 предметовъ на 700 руб. Въ этомъ кабинетѣ занимались студенты высшихъ курсовъ и одинъ изъ врачей занимался спеціальнымъ вопросовъ для докторской диссертаціи. Въ фармацевтической лабораторіи съ кабинетомъ—4.439 предметовъ на 3.759 руб. Въ лабораторіи, подъ руководствомъ завѣдывающаго оною, нѣкоторые студенты — медики и фармацевты—занимались химическимъ анализомъ животныхъ и растительныхъ веществъ, а также количественнымъ и качественнымъ анализомъ фармацевтическо-химическихъ препаратовъ. Въ судебно-медицинскомъ кабинетѣ — 196 предметовъ на сумму 1.605 руб. Въ геодезическомъ кабинетѣ—63 предмета на 5.741 руб. Въ астрономической и метеорологической обсерваторіи—3.574 предмета на 35.247 руб. Занятія обсерваторіи состояли въ производствѣ и вычисленіи астрономическихъ и метеорологическихъ наблюденій. Наблюденія перваго рода состояли въ опредѣленіи меридіаннымъ кругомъ положеній звѣздъ до 9-й величины въ зонѣ отъ — 1° 5′ до 7° 10′, въ наблюденіяхъ надъ малыми планетами до 9. 5 величины, тѣмъ же инструментомъ, и въ опредѣленіи прямыхъ восхожденій преимущественно фундаментальныхъ звѣздъ съ помощію пассажнаго инструмента. Метеорологическія наблюденія имѣли цѣлію опредѣленіе температуры, влажности и давленія воздуха, облачность, направленія и силы вѣтра и количества дождевой воды по четыре раза въ сутки. Въ отдѣленіи гипсовыхъ фигуръ — 801 предметъ на сумму 5.143 руб. Отдѣленіе открыто для публики зимою по пятницамъ съ 12 до 3 часовъ. Со дня открытія отдѣленія, именно съ 17-го сентября 1876 г., посѣтителей въ немъ было 237 лицъ. Въ музеѣ изящныхъ искусствъ — 287 предметовъ на сумму 23.320 руб. Въ ботани-

ческомъ саду: въ общемъ ботаническомъ питомникѣ — 5.110 видовъ на сумму 2.535 руб., въ питомникѣ аптекарскихъ растеній—225 видовъ на 127 руб.; оранжерейныхъ и тепличныхъ растеній—2.907 видовъ въ 11.230 экземплярахъ на 25.097 руб., сѣмянъ—2.726 видовъ на 272 руб., движимаго имущества — 2.804 предмета на 3.180 руб. Въ помологическомъ саду: въ коллекціи акклиматизируемыхъ растеній—853 сорта плодовыхъ деревьевъ на 3.754 руб., плодовыхъ кустарниковъ—226 сортовъ на 289 руб., ягодныхъ травянистыхъ растеній—60 сортовъ на 225 руб.; въ питомникѣ плодовыхъ деревьевъ и кустарниковъ — 19.003 молодыхъ различнаго возраста деревцовъ на 3.550 руб., дичковъ плодовыхъ деревьевъ—9.900 штукъ на 110 р.; въ питомникѣ дикихъ деревьевъ и кустарниковъ—11.350 штукъ на 681 руб.; движимаго имущества—454 предмета на сумму 1.515 руб. Въ помологическомъ саду, сверхъ 6-ти постоянныхъ учениковъ, состоящихъ на службѣ, обучались практически плодоводству и огородничеству, подъ руководствомъ старшаго садовника, 10 молодыхъ людей въ качествѣ вольноприходящихъ садовыхъ практикантовъ. Въ терапевтической факультетской клиникѣ (въ больницѣ Св. Духа, 40 кроватей) — 558 предметовъ на сумму 2.958 руб. Больныхъ въ клиникѣ въ теченіе года было 158; изъ нихъ выздоровѣло — 95, выбыло изъ клиники съ улучшеніемъ или перешло въ больничное отдѣленіе—39, умерло 24; патолого-анатомическихъ вскрытій произведено было 24, операцій—13. Студенты пользовались клиническими случаями, представляя свои наблюденія въ письменныхъ исторіяхъ болѣзней; среднимъ числомъ на каждаго студента пришлось отъ двухъ до трехъ случаевъ за каждое полугодіе. Въ терапевтической госпитальной клиникѣ (въ больницѣ Младенца Іисуса, 54 кровати) — 186 предметовъ на 2.339 руб. Больныхъ пользуемо было 205; изъ нихъ выздоровѣло — 140, умерло — 22, осталось въ клиникѣ на 1877 годъ — 43. Студенты V-го курса наблюдали въ клиникѣ среднимъ числомъ $3^1/_2$ больныхъ каждый. Во второмъ полугодіи число наблюденій было меньше вслѣдствіе ускореннаго выпуска этихъ студентовъ. Кромѣ того, студенты, по мѣрѣ надобности, занимались въ клиническомъ кабинетѣ анализомъ различныхъ отдѣленій и выдѣленій человѣческаго организма при патологическомъ его состояніи. Студентъ V-го курса Ковалевскій началъ изслѣдованіе на тему „О колебаніяхъ въ выдѣленіи мочевой кислоты", но занятія его были пріостановлены въ октябрѣ мѣсяцѣ, по случаю начала экзаменовъ. Въ кабинетѣ производились изслѣдованія воды изъ разныхъ мѣстъ

Варшавы, преимущественно же взятой изъ водопроводовъ, съ цѣлію уяснить, если возможно, распространеніе брюшнаго тифа, почти ежегодно, въ видѣ эпидеміи, появляющагося въ Варшавѣ. Въ хирургической факультетской клиникѣ (въ больницѣ Св. Духа, 50 кроватей) больныхъ состояло — 434; изъ нихъ выздоровѣло — 323, выбыло изъ клиники получивъ облегченіе или по другимъ причинамъ — 39, умерло — 32, осталось на 1877 годъ — 40. Операцій сдѣлано было 258, изъ нихъ большихъ — 114, меньшихъ — 144. Въ клиникѣ производимы были опыты надъ дѣйствіемъ hb. Jaborandi при острыхъ ревматизмахъ и водянкахъ вообще, надъ впрыскиваніемъ іодовой настойки въ паренхиму желѣзы при леченіи зоба (Struma), наблюденія надъ леченіемъ зоба помощью дренированія, впрыскиванія карболовой кислоты въ полость суставовъ при леченіи хроническихъ воспаленій суставовъ, наблюденія надъ дѣйствіемъ клистировъ изъ Infusum hb. belladonae при ущемленныхъ грыжахъ, надъ дѣйствіемъ раствора magnesiae borocitricae при почечныхъ камняхъ. Дѣланы были также опыты надъ леченіемъ язвъ и атоническихъ ранъ посредствомъ прививки луковицъ волосъ (implantatio) и частичекъ кожи (transplantatio). Кромѣ того, производимы были постоянныя спирометрическія, термометрическія, равно какъ микроскопическія и химическія изслѣдованія. Въ хирургической госпитальной клиникѣ (въ больницѣ Младенца Іисуса, 55 кроватей) —643 предмета, на сумму 2.352 руб. Больныхъ пользовалось — 392, изъ нихъ выздоровѣло—303, выбыло получивъ облегченіе или по другимъ причинамъ — 23, умерло — 22. Операцій произведено — 503, въ томъ числѣ большихъ—123, меньшихъ—380; анатомическихъ вскрытій сдѣлано—22. Въ діагностическомъ клиническомъ отдѣленіи (въ больницѣ Младенца Іисуса, 28 кроват.) больныхъ находилось — 226, изъ нихъ выздоровѣло—108, выбыло получивъ облегченіе—80, умерло—21. Анатомическихъ вскрытій сдѣлано—6. Студенты поочередно занимались подробнымъ изслѣдованіемъ больныхъ и упражнялись въ физикальныхъ методахъ діагностическаго изслѣдованія, какъ-то: перкуссіи, аускультаціи и др., и одновременно обучались въ химическомъ и микроскопическомъ анализѣ мочи, мокроты, экскрементовъ и т. д. Въ акушерской клиникѣ (въ больницѣ Младенца Іисуса, 12 кроват.) къ 1-му января 1876 года оставалось беременныхъ и родильницъ—15; въ теченіе года поступило беременныхъ, рожениць и родильницъ—305, въ теченіе года оставило клинику до разрѣшенія отъ бремени, но послѣ выздоровленія — 10, выбыло послѣ разрѣше-

пія—265, умерло—33, затѣмъ къ 1-му января 1877 года оставалось беременныхъ и родильницъ — 12; акушерскихъ операцій произведено—124. Въ клиникѣ сифилитическихъ и накожныхъ болѣзней (въ больницѣ Св. Лазаря, 60 кроват.)—998 предметовъ на сумму 1.881 р. Больныхъ пользовалось — 202, изъ нихъ выздоровѣло — 168, выбыло получивъ облегченіе или по другимъ причинамъ — 12, умерло — 22; операцій произведено—32, анатомическихъ вскрытій—6. Каждый изъ студентовъ изслѣдовалъ нѣсколькихъ больныхъ въ присутствіи завѣдывающаго клиникою и подалъ исторію болѣзни одного изъ этихъ больныхъ. Кромѣ того, студенты занимались упражненіями въ изслѣдованіи больныхъ ларингоскопомъ. Завѣдывающимъ клиникою дѣлаемы были химическіе анализы крови сифилитическихъ больныхъ и произведены были изслѣдованія надъ дѣйствіемъ олеиновокислой ртути, въ видѣ кожныхъ втираній, и синеродистой ртути — въ видѣ подкожныхъ впрыскиваній у сифилитическихъ больныхъ. Также сдѣланъ былъ рядъ наблюденій надъ дѣйствіемъ марганцевокислаго серебра и марганцевокислаго цинка при переломномъ процессѣ. Въ клиникѣ душевныхъ и нервныхъ болѣзней (въ больницѣ Св. Іоанна Божія)—164 предмета на сумму 987 руб. 44 коп. Больныхъ пользовалось—101, изъ нихъ совершенно выздоровѣло—16, выбыло получивъ облегченіе—12, умерло — 26, преимущественно слабоумныхъ и паралитиковъ, затѣмъ къ 1-му января 1877 года больныхъ осталось—47. Вскрытія умершихъ дѣлались всякій разъ въ присутствіи студентовъ, если смерть больныхъ совпадала съ чтеніемъ лекцій, означенныхъ постановленіемъ факультета. Кромѣ студентовъ V-го курса медицинскаго факультета, клинику посѣщали студенты IV-го курса юридическаго факультета. Такимъ образомъ тѣ и другіе могли достаточно ознакомиться со всѣми формами умственныхъ и судорожныхъ болѣзней, и испытывали притворяющихся подсудимыхъ. Въ госпитальномъ судебно-медицинскомъ отдѣленіи (въ больницѣ Младенца Іисуса), при практическихъ судебно-медицинскихъ занятіяхъ вскрыто въ теченіе года 64 трупа, изъ коихъ въ 1-мъ полугодіи 26, и во 2-мъ—38. Произведено 20 освидѣтельствованій живыхъ субъектовъ. Кромѣ того были производимы студентами микроскопическія и химико-микроскопическія изслѣдованія вещественныхъ доказательствъ преступленій и преимущественно слѣдовъ крови. Каждый изъ производившихъ изслѣдованіе студентовъ обязанъ былъ составить протоколъ съ судебно-медицинскимъ заключеніемъ о каждомъ изъ упомянутыхъ изслѣдованій. Стаціонерной клиники не существуетъ, а клиническія

занятія ведутся демонстративнымъ путемъ въ другихъ клиникахъ надъ субъектами, представляющими судебно-медицинскій интересъ.

При Варшавскомъ университетѣ состоятъ два учебныя заведенія: институтъ для образованія повивальныхъ бабокъ и фельдшерская школа. Первое изъ сихъ заведеній состоитъ при акушерской клиникѣ и находится въ завѣдываніи профессора по каѳедрѣ акушерства, который преподаетъ ученицамъ какъ теоретическія, такъ и практическія лекціи; для обученія же ученицъ русскому языкѣ при институтѣ состоитъ особый преподаватель. Къ 1-му января 1876 года въ институтѣ состояло 72 ученицы; въ теченіе года принято вновь 28 ученицъ; выбыло: по окончаніи полнаго курса съ званіемъ повивальной бабки — 26, до окончанія курса — 20; затѣмъ къ 1-му января 1877 года оставалось — 54 ученицы, изъ коихъ на 1-мъ курсѣ — 30, на 2-мъ — 24. Фельдшерская школа, учрежденная для образованія гражданскихъ фельдшеровъ, состоитъ въ завѣдываніи старшаго учителя оной. Кромѣ завѣдывающаго школой, въ ней преподаютъ лекціи еще два учителя. Къ 1-му января 1876 года въ школѣ состояло на лицо — 90 учениковъ, въ томъ числѣ на 1-мъ курсѣ — 42, на 2-мъ — 45; въ теченіе года вновь принято на 1-й курсъ — 41, удостоено званія младшаго фельдшера—24, удостоено перевода изъ 1-го курса во 2-й—32 и выбыло до окончанія курса—20; затѣмъ къ 1-му января 1877 года оставалось на лицо—87, именно: на 1-мъ курсѣ—44, и на 2-мъ—43. Предметовъ, составляющихъ казенную собственность, состояло къ 1877 году 137 экземпляровъ на 446 руб.

ВОПРОСЪ О ПРЕПОДАВАНІИ СТАТИСТИКИ НА ПЕШТСКОМЪ СТАТИСТИЧЕСКОМЪ КОНГРЕССѢ 1876 ГОДА [1]).

Къ началу сентября 1876 года отправился я въ Пештъ для присутствія на засѣданіяхъ имѣвшей тамъ собраться 9-й сессіи международнаго статистическаго конгресса. Вопросы, подлежавшіе обсужденію первой его секціи: 1) о статистикѣ, какъ предметѣ преподаванія, 2) о наилучшемъ способѣ составленія таблицъ смертности и о тѣхъ статистическихъ данныхъ, которыя необходимы для того, и 3) о движеніи народонаселенія въ большихъ городахъ,—представляли для меня наибольшій интересъ, и я записался въ число членовъ именно этой секціи. Особенно интересенъ былъ для меня первый изъ вышеозначенныхъ вопросовъ — о преподаваніи статистики. Первоначально былъ онъ возбужденъ, насколько мнѣ извѣстно, на 7-й сессіи конгресса въ Гаагѣ; но не получилъ тогда сколько-нибудь удовлетворительнаго разрѣшенія, а именно высказано было лишь желаніе, чтобы преподаваніе статистики получило въ школахъ по возможности наибольшее распространеніе. Но такое желаніе въ сущности очень неопредѣленно, ибо оно не указываетъ ни какимъ образомъ этого можно было бы достигнуть, ни въ какомъ объемѣ и въ какомъ видѣ могло бы имѣть мѣсто преподаваніе статистики въ школахъ разныхъ категорій. На 8-й сессіи конгресса въ С.-Петербургѣ вопросъ о преподаваніи статистики вовсе не обсуждался и возобновленъ былъ лишь на засѣданіяхъ постоянной коммисіи конгресса въ Стокгольмѣ (въ августѣ 1874 года), когда г. Келети, бывшій тамъ представителемъ Венгріи, внесъ по инициативѣ д-ра Энгеля, предложеніе включить

---

[1]) Извлечено изъ отчета командированнаго для приготовленія къ профессорской каѳедрѣ магистранта С. П. Матвѣева.

его въ приготовлявшуюся тогда программу статистическаго конгресса въ Пештѣ [1]). Коммисія одобрила предложеніе г. Келети и затѣмъ, когда она собралась въ Парижѣ въ 1875 году, поручила представить по этому предмету мемуары тремъ лицамъ: професору географіи въ Collège de France и члену института г. Левассеру, професору статистики въ Пештскомъ университетѣ г. Конэку и професору статистики въ С.-Петербургскомъ университетѣ Ю. Э. Янсону. Самый же вопросъ получилъ въ программѣ 9-й сессіи конгресса слѣдующую постановку: статистика, какъ предметъ проподаванія въ низшихъ, среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Если признавать въ статистикѣ науку, имѣющую предметомъ своихъ изслѣдованій общественный организмъ и явленія, въ немъ происходящія, то по видимому, не могло бы быть и рѣчи о томъ, чтобъ она какимъ-либо образомъ и въ какой-либо формѣ могла быть введена въ курсъ среднихъ, а тѣмъ болѣе низшихъ учебныхъ заведеній. Въ этомъ именно смыслѣ и высказался одинъ изъ вышеупомянутыхъ ученыхъ, проф. Янсонъ, который въ представленномъ имъ мемуарѣ прямо заявляетъ, что, по его мнѣнію, уже въ виду самаго объема и цѣли элементарнаго образованія, статистика не можетъ найдти въ немъ мѣста, и что неудобно ввести ее, какъ самостоятельный предметъ преподаванія, даже въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ [2]). И въ самомъ дѣлѣ, едва ли можно излагать ученикамъ среднихъ или низшихъ учебныхъ заведеній, напримѣръ, законъ Мальтуса, законъ зависимости возрастанія населенія отъ степени его образованности (уменьшеніе числа рожденій у образованныхъ народовъ), наконецъ, законы движенія народонаселенія, рождаемости, смертности и имъ подобные, не говоря ужь о законахъ моральной и уголовной статистики, гдѣ неизбѣжно приходится касаться такихъ вопросовъ, какъ вопросы о свободѣ воли, о причинахъ, вызывающихъ преступленія, объ отношеніяхъ между степенью благосостоянія общества и существующею въ немъ склонностью къ совершенію преступныхъ дѣяній.

Тѣмъ не менѣе, двое остальныхъ ученыхъ, представившихъ статистическому конгрессу мемуары о преподаваніи статистики, гг. Левассеръ и Конэкъ, сочли возможнымъ высказаться за введеніе этой

---

[1]) Commission permanente du Congrès International de Statistique. Compte-rendu des conférences de Stockholm en 1874. (засѣданіе 28-го августа).

[2]) Congrès International de Statistique à Buda-Pest. Neuvième session 1876. Programme. 1 Section: Theorie et population. Стр. 91 и 93.

науки въ курсъ среднихъ и даже низшихъ учебныхъ заведеній. Они опирались на то, что собираніе статистическихъ свѣдѣній и вообще производство статистическихъ операцій, не только не возможно безъ участія населенія, но требуетъ сочувственнаго отношенія его къ этому дѣлу; возбудить же такое сочувствіе, по ихъ словамъ, возможно только путемъ ознакомленія народа съ задачами и методомъ статистики; а лучшимъ средствомъ для этого представляется преподаваніе статистики въ среднихъ и особенно въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Г. Левассеръ считалъ это полезнымъ еще и въ томъ отношеніи, что такимъ путемъ многія весьма важныя свѣдѣнія успѣшнѣе распространялись бы въ обществѣ. „Можно ли оставлять въ невѣдѣніи", восклицаетъ онъ въ своемъ мемуарѣ,—„что Европа и Америка нынѣ болѣе населены, чѣмъ прежде, что Россія есть самое обширное по пространству государство въ Европѣ, что торговля Англіи превосходитъ торговлю всѣхъ другихъ странъ; не полезно ли, чтобъ учитель говорилъ объ такихъ вещахъ воспитанникамъ?" [1])

Прежде чѣмъ говорить о томъ, какъ именно думаютъ гг. Левассеръ и Бонэкъ осуществить свою мысль, я позволю себѣ остановиться на вышеприведенныхъ ихъ соображеніяхъ.

Что весьма часто статистическія операціи даютъ результаты неудовлетворительные, именно вслѣдствіе песочувствія къ нимъ населенія, это—фактъ, слишкомъ хорошо извѣстный. Но причина его коренится вовсе не въ томъ, чтобы большинство населенія не имѣло достаточныхъ понятій о статистикѣ, такъ какъ оно едва ли даже и было бы въ состояніи усвоить себѣ цѣли и задачи этой важной науки, а въ томъ, что статистическими операціями до сихъ поръ слишкомъ часто злоупотребляли, предпринимая ихъ почти исключительно въ виду тѣхъ или другихъ финансовыхъ цѣлей. Извѣстно, какъ строго осуждается наукой такой образъ дѣйствій именно потому, что онъ вызываетъ недовѣріе и несочувствіе населенія къ статистикѣ. Нужно также замѣтить, что весьма часто вопросы, съ которыми обращаются къ населенію при производствѣ статистическихъ операцій, ставятся недостаточно для него ясно. Для примѣра можно указать на извѣстный вопросъ въ переписяхъ о томъ, чѣмъ занимается извѣстное лицо? Вопросъ этотъ всегда почти подавалъ поводъ къ безчисленнымъ недоразумѣніямъ, такъ что донынѣ нѣтъ ни одного государства, которое обладало бы сколько-нибудь удовлетворительною статистикой

[1]) Ibid, стр. 8-я.

занятій народонаселенія, и въ которомъ промысловая перепись представляла бы сколько-нибудь сносные результаты. Происходитъ это, по моему мнѣнію, главнымъ образомъ оттого, что вопросъ далеко не ясенъ. Вообще говоря, понятіе о профессіи само по себѣ болѣе или менѣе неопредѣленно, и подъ нимъ можно разумѣть всякую вообще дѣятельность, на что̀ она ни была бы направлена, и какой характеръ ни имѣла бы, а между тѣмъ въ промысловой переписи дѣло идетъ собственно только о дѣятельности населенія въ экономическомъ значеніи этого слова; далѣе, нельзя не замѣтить, что упомянутый вопросъ въ переписяхъ естественно распадается по крайней мѣрѣ на два самостоятельные вопроса: чѣмъ извѣстное лицо занимается и на какія средства оно живетъ? Чтобъ убѣдиться въ сказанномъ мною, стоитъ лишь внимательно прочесть инструкціи касательно производства переписей въ любомъ государствѣ, а тѣмъ болѣе отвѣты на него,—отвѣты, по большей части гласящіе, что данное лицо *занимается* тѣмъ, что *живетъ на средства своихъ родныхъ* и т. п. Очевидно, что такіе отвѣты не относятся къ вопросу, а между тѣмъ они по необходимости допускаются даже инструкціями [1]). Извѣстное лицо можетъ въ данное время ничѣмъ не заниматься, а жить на средства, полученныя имъ, напримѣръ, въ наслѣдство; но поволѣ оно и пишетъ въ переписной вѣдомости или карточкѣ это самое, такъ какъ отвѣтъ „*ничѣмъ*" инструкціями вообще не допускается; или оно можетъ получать средства къ существованію вовсе не отъ своихъ занятій, напримѣръ, можетъ заниматься даровымъ обученіемъ дѣтей и жить на средства своихъ родныхъ; а этотъ случай при производствѣ переписей даже вовсе, по крайней мѣрѣ въ инструкціяхъ, не предвидится. Наконецъ, можно привести даже такой примѣръ, когда извѣстное занятіе не только не доставляетъ средствъ къ жизни, но наоборотъ, требуетъ издержекъ. Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ еще только приготовляется къ той или другой профессіи; таковы, напримѣръ, студенты университетовъ и иныхъ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, а равно и учащіеся въ разныхъ школахъ, также лица, обучающіяся разнымъ ремесламъ и мастерствамъ

[1]) Въ доказательство позволяю себѣ привести здѣсь слѣдующее мѣсто изъ инструкціи касательно производства настоящей переписи населенія во Франціи: «Si l'individu n'exerce aucune profession et vit du travail d'un autre, indiquer cette profession en y ajoutant la désignation *famille*» (циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ о производствѣ переписи въ 1876 году за № 40-й, стр. 23). Тутъ и не предвидится, что лицо можетъ, не принадлежа никакой семьѣ, ничѣмъ не заниматься.

и т. п. Назвать занятія всѣхъ этихъ лицъ непроизводительными въ экономическомъ смыслѣ было бъ очевидно ошибочно; а между тѣмъ извѣстно, что едва ли многія изъ нихъ получаютъ средства къ существованію именно отъ своихъ занятій. Въ переписяхъ всѣ подобные случаи обыкновенно рѣдко предусмотрѣны, а между тѣмъ о занятіяхъ, которыя нельзя даже назвать и побочными въ томъ смыслѣ, въ какомъ это было принято въ послѣдней германской переписи 5-го декабря 1875 года, было бъ очень важно получить свѣдѣнія. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что подобныя указанной мною неясности въ вопросахъ часто служатъ причиной неуспѣшности статистическихъ операцій, и если онѣ будутъ устранены, то и народонаселеніе станетъ гораздо сочувственнѣе относиться къ статистическимъ работамъ. Собственно говоря, для того, чтобъ отвѣтить удовлетворительно на предлагаемые ему вопросы, народонаселеніе вовсе и не нуждается въ какомъ-либо знаніи науки общественныхъ явленій, какъ мнѣ случилось говорить объ этомъ въ другомъ мѣстѣ [1]); правильно записывать статистическія свѣдѣнія и факты можетъ всякій грамотный человѣкъ, если онъ только понимаетъ, о чемъ его спрашиваютъ.

Что касается того, будто въ настоящее время существуетъ какая-то особая потребность популяризировать научные результаты статистическихъ изслѣдованій, то упоминаемыя г. Левассеромъ въ его мемуарѣ свѣдѣнія о пространствѣ Россіи или торговлѣ Англіи вовсе и не входятъ, собственно говоря, въ область статистики, а скорѣе относятся къ географіи. За это смѣшеніе политической географіи съ наукой о соціальныхъ явленіяхъ упрекаетъ его въ своемъ отчетѣ конгрессу и г. Конэкъ. Упрекъ совершенно основателенъ, ужь и потому, что г. Левассеръ думаетъ ввести преподаваніе статистики въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ подъ эгидою географіи, на что̀ г. Конэкъ, убѣжденный, что статистику слѣдуетъ преподавать самостоятельно, замѣчаетъ совершенно справедливо, что при осуществленіи идеи г. Левассера очень могло бы произойдти смѣшеніе и даже отожествленіе въ умѣ учениковъ обѣихъ наукъ. Вообще, какъ убѣдили меня теперь въ томъ и лекціи г. Левассера „объ источникахъ статистики", читаемыя имъ въ Collège de France, этотъ ученый не освободился отъ мысли, что статистика и географія зани-

---

[1]) *Русскій Вѣстникъ* 1876 г., № 5: «О нашей статистикѣ движенія народонаселенія».

маются чѣмъ-то общимъ, родственнымъ, что онѣ служатъ дополненіемъ одна къ другой. А между тѣмъ это положительно ошибочно; еще Шлёцеръ, въ своей Theorie der Statistik, изданной въ 1804 г., рѣзко разграничивалъ обѣ науки, ставя задачей географіи—изученіе территоріи государства, а задачей статистики—изученіе, если можно такъ выразиться, организма государства. Послѣдователями Шлёцера было твердо установлено, что коренная разница между географіей и статистикой заключается именно въ томъ, что первая имѣетъ своимъ предметомъ неодушевленную землю, а вторая — людей и составляемыя ими общества. Тѣмъ страннѣе ошибка французскаго ученаго, что упомянутый нами взглядъ давно ужь утвердился въ наукѣ, и онъ могъ бы встрѣтить его и у своихъ французскихъ собратій, напримѣръ, у Дюфо (Dufau) въ его Traité de Statistique, изданномъ въ 1840 году. Можетъ быть, смѣшеніе двухъ наукъ и было первоначальною причиной, почему г. Левассеръ высказался въ своемъ мемуарѣ за введеніе статистики въ курсъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, ибо онъ признавалъ это возможнымъ лишь при условіи включенія статистическихъ фактовъ въ область географіи, о самостоятельномъ же преподаваніи означенной науки вовсе не думалъ. Впрочемъ, необходимо замѣтить, что о послѣднемъ едва ли кто-нибудь помышлялъ на конгрессѣ, такъ что резолюціи, которыми г. Конэкъ заключилъ свой отчетъ, и въ которыхъ онъ рекомендовалъ введеніе въ училищахъ самостоятельнаго преподаванія статистики или по крайней мѣрѣ ознакомленіе воспитанниковъ съ производствомъ статистическихъ операцій, не были приняты. Конгрессъ постановилъ, что развѣ лишь нѣкоторые факты, констатированные статистическимъ путемъ и касающіеся главнымъ образомъ родной страны (pays natal), могутъ найдти мѣсто въ курсѣ среднихъ или низшихъ учебныхъ заведеній.

Другое дѣло, когда коснулась рѣчь преподаванія статистики въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Конгрессъ призналъ единогласно, что въ каждомъ университетѣ должна въ настоящее время существовать непремѣнно каѳедра статистики, и что эту науку нужно принимать во вниманіе при экзаменахъ какъ на государственную службу, такъ и на степень доктора политическихъ наукъ. Пренія происходили единственно лишь о томъ, нужно ли преподаванію статистики въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ придавать практическій характеръ, или ограничиться теоретическимъ изложеніемъ ея законовъ. Съ тѣхъ поръ,

какъ указанное, впервые, кажется, Энгелемъ, различіе статистическаго метода отъ изучаемой лишь съ помощью его науки статистики, или какъ называетъ ее этотъ ученый, демологіи (по мнѣнію Энгеля, названіе статистики слишкомъ неопредѣленно, имѣетъ мало внутренняго смысла, а потому и подаетъ часто поводъ къ недоразумѣніямъ), сдѣлалось общепринятымъ въ средѣ большинства ученыхъ, съ тѣхъ поръ, какъ научныя основанія этого метода были подробно и обстоятельно разработаны, особенно Рюмелиномъ (Rümelin),—значеніе его не только вслѣдствіе укрѣпившагося сознанія его несомнѣнной научной важности, но также и вслѣдствіе громадной области его приложенія, стало такъ велико, что онъ обратилъ на себя особое вниманіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ явилась потребность и въ его преподаваніи. Но отдѣлить преподаваніе метода отъ преподаванія самой науки, не смотря на всю разницу между ними, едва ли возможно, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, тѣмъ болѣе, что для изученія статистики и вообще для занятій ею, необходимо прежде всего ознакомиться основательно съ статистическимъ методомъ. Поэтому совершенно понятно, что теорія этого метода, не будучи преподаваема отдѣльно, входитъ обыкновенно въ курсъ статистики, такъ что изложеніе ея лежитъ на обязанности преподавателя статистики. Такъ поступаютъ и у насъ, и въ большей части заграничныхъ университетовъ. Понятно, однако, какъ много выиграло бъ изложеніе статистическаго метода, еслибы преподаватели ея получили возможность знакомить своихъ слушателей и практически съ производствомъ статистическихъ работъ. Къ сожалѣнію, эта возможность представляется очень рѣдко, частію вслѣдствіе недостатка времени, частію же вслѣдствіе трудности имѣть подъ рукою необходимые матеріалы. Особенно важно послѣднее затрудненіе. Поэтому-то, въ видахъ устраненія его, гг. Майръ и Фарръ и предложили конгрессу выразить желаніе, чтобы статистическія бюро, существующія въ университетскихъ городахъ, по возможности вступали въ сношенія съ университетами, съ цѣлью доставлять возможность преподавателямъ статистики пользоваться для занятій съ своими слушателями богатыми матеріалами, которые обыкновенно находятся въ обладаніи этихъ бюро. Конгрессъ присоединился къ желанію вышеназванныхъ ученыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ постановилъ, чтобы теоретическое изложеніе статистики въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ сопровождалось, насколько то возможно, практическими занятіями и конференціями.

Изъ другихъ вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію первой секціи Пештскаго конгресса, вопросъ о таблицахъ смертности и особенно о статистическихъ данныхъ, необходимыхъ для ихъ составленія, возбудилъ весьма оживленныя пренія, въ заключеніе коихъ конгрессу удалось выработать програму свѣдѣній, признанныхъ имъ необходимыми для составленія удовлетворительныхъ таблицъ.

С. Матвѣевъ.

УПОТРЕБЛЕНІЕ ПАРАТАКСИСА ВЪ ТЕРЕНЦІЕВЫХЪ КОМЕДІЯХЪ.

I.

Предложенія соединяются между собою двоякимъ образомъ: или они ставятся независимо другъ отъ друга, или подчиняются одно другому. Первый родъ называется *паратаксисомъ* (координаціей, сочиненіемъ), второй — *ипотаксисомъ* (синтаксисомъ, субординаціею, подчиненіемъ). Координація выражается или посредствомъ союзовъ сочиняющихъ, или безъ нихъ. Это можно назвать паратаксисомъ въ обширномъ смыслѣ; о немъ я совсѣмъ не буду говорить. Но кромѣ того, есть еще другаго рода паратаксисъ, такъ сказать, паратаксисъ въ тѣсномъ смыслѣ. Онъ бываетъ тогда, когда мысли, логически долженствующія быть подчиняемыми, граматически выражаются въ независимой формѣ. Всякій родъ предложеній допускаетъ такое соединеніе. Такъ, вмѣсто предложеній съ союзомъ ut (finale и consecutivum), ставится самостоятельное предложеніе въ conjunctivus, indicativus и imperativus; далѣе, при глаголахъ sentiendi и declarandi, вмѣсто accusativus cum inf. мысль является независимою; наконецъ, причина и слѣдствіе, условіе и обусловливаемое и т. д. иногда ставятся рядомъ другъ возлѣ друга, безъ всякой связи; а отгадывать ихъ отношеніе между собою предоставляется слушателю или читателю. Такъ какъ такого рода конструкція и въ новѣйшихъ языкахъ чаще всего встрѣчается въ не соблюдающемъ строго синтаксическихъ отношеній народномъ, разговорномъ языкѣ, то мы ее въ древней литературѣ находимъ преимущественно у такихъ писателей и въ такого рода сочиненіяхъ, которыя, по своему содержанію, болѣе или менѣе приближаются къ ежедневной рѣчи, а именно въ комедіяхъ, письмахъ, сатирахъ и у отцовъ церкви. Но и классическіе писатели не

совсѣмъ пренебрегали такимъ соединеніемъ мыслей. Въ настоящемъ трудѣ мы изложимъ случаи такого употребленія въ Теренціевыхъ комедіяхъ.

Говоря объ этихъ явленіяхъ, большинство граматиковъ обнаруживаетъ весьма ненаучный взглядъ на дѣло. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что послѣ глаголовъ хотѣнія, увѣщанія и др. ставится иногда сослагательное наклоненіе безъ *ut*. *Цумптъ* § 624, *Зейффертъ* § 258, 2 прим. 2 и 281 прим. 2, и *Мадвигъ*[3] § 372 прим. 4 въ своихъ граматикахъ, просто констатируя фактъ, не даютъ никакого объясненія. *Крюгеръ* § 562 прим. говоритъ слѣдующее: „Ohngeachtet diese Sätze ohne Conjunction stehen, sind sie doch als Nebensätze in Beziehung auf den zugefügten Hauptsatz zu betrachten, dessen Object oder Subject sie darstellen. Das Beabsichtigte wird in denselben nur stärker als Wunsch ausgedrückt". То-есть: „Не смотря на то, что эти предложенія стоятъ безъ союза, они все-таки должны быть разсматриваемы какъ придаточныя въ отношеніи къ прибавленному главному предложенію, для котораго они служатъ дополненіемъ или подлежащимъ. Намѣреніе только сильнѣе выражается въ нихъ какъ желаніе". Здѣсь Крюгеръ противорѣчитъ самъ себѣ, потому что онъ, съ одной стороны, подобныя предложенія считаетъ придаточными, а съ другой — утверждаетъ, что они сами по себѣ уже выражаютъ желаніе, то-есть, являются самостоятельными. Также сбивчиво изложеніе вопроса *Рамсгорномъ*. Въ граматикѣ своей, на стр. 613, онъ говоритъ: „Der Redende braucht diesen Modus (то-есть Optativus) bei Wünschen, Betheuerungen, Schwüren; auch bei Bitten, Ermahnungen, Forderungen und mildernd bei Befehlen, statt des Imperativus, in welchem Falle wohl noch velim, oder suadeo, censeo beigefügt wird". То-есть: „Говорящій употребляетъ optativus при желаніяхъ, увѣреніяхъ, клятвахъ, также при просьбахъ, увѣщаніяхъ, требованіяхъ и въ смягчающемъ видѣ при повелѣніяхъ вмѣсто imperativus; въ этомъ случаѣ *прибавляется* иногда velim, suadeo, или censeo". Въ другомъ мѣстѣ, стр. 762 Not. 1 Рамсгорнъ выражается такъ: „Wird bei den unter 1 angegebenen Verbis [см. p. 758: sich bemühen, nach etwas streben etc. etc.] das Beabsichtigte stärker als Wunsch ausgedrückt, so steht des Conjunctivus als Modus Optativus ohne *ut* dabei". То-есть: „Если при глаголахъ: стараться, домогаться чего и др. намѣреніе выражается сильнѣе въ видѣ желанія, то ставится conjunctivus какъ modus optativus безъ ut". Въ первомъ мѣстѣ Рамсгорнъ говоритъ о *прибавкѣ* глаголовъ velim и т. д., стало быть, счи-

таетъ ихъ чѣмъ-то второстепеннымъ, а въ другомъ приписываетъ имъ первенствующую роль, хотя, подобно Крюгеру, прибавляетъ о функціи conjunctivus въ качествѣ modus optativus. Яснѣе выражаются Мадвигъ (только относительно faxim), Гаазе и Госсрау. Мнѣніе *Мадвига* въ Opusc. Acad. II, p. 79, таково: „semper *faxim scias* dicitur, non ut *scias* pendeat ab eo, quod est *faxim*, sed ut ea causa, quae conjunctivum requirat, aeque utrumque verbum contingat". *Гаазе*, въ прим. 484 къ *Reisig*, Vorlesung. über lat. Sprachwiss., говоритъ: „Dass bei oportet und necesse est auch ut steht, kann man kaum sagen; dies rührt nur aus den älteren Grammatiken her, die den Conjunctiv durch ein ausgelassenes ut erklärten.... Meistentheils ist im Conjunctiv zugleich ein Wunsch, eine Aufforderung mit ausgedrückt". То-есть: „Что при oportet и necesse est ставится тоже ut, едва ли можно утверждать; это заимствовано изъ старыхъ граматикъ, которыя объясняли conjunctivus посредствомъ пропущеннаго ut.... *Большею частію* (?) конъюнктивомъ выражается *вмѣстѣ съ тѣмъ* (?) желаніе и поощреніе". Къ словамъ *большею частію* и *вмѣстѣ съ тѣмъ* (съ чѣмъ же?) я присоединилъ вопросительный знакъ, потому что такимъ conjunctivus *всегда* выражается или желаніе, или побужденіе, или приказаніе. Наконецъ *Госсрау*, въ своей граматикѣ § 397, прим. 1, разсуждаетъ такъ: „Bei hortor, rogo, oro, moneo, mando, sino, volo, malo etc., (besonders oft bei velim, vellem, malim, mallem), bei licet, oportet, necesse est und cave steht auch der blosse Conjunctiv... gern in ganz kurzen Sätzen: velim cogites, rogo venias....; doch auch in längeren: Te magno opere non hortor solum sed etiam pro amore nostro rogo atque oro, te colligas virumque praebeas C. Fam. 5, 18.... Es ist dies der Hortativ oder Optativ; nur dass noch ausdrücklich ein Verbum hortandi und optandi vorhergeht". То-есть, Госсрау говоритъ, что одинъ conjunctivus при извѣстныхъ глаголахъ ставится въ краткихъ предложеніяхъ, а также и въ болѣе длинныхъ. По его мнѣнію, „это будетъ hortativus или optativus; только для большей опредѣленности предпосылается еще глаголъ hortandi и optandi".

Изъ приведенныхъ мною сужденій граматиковъ видно, что всѣ они, касаясь этого вопроса, согласны въ томъ, что ни о какомъ пропускѣ союза ut не можетъ быть и рѣчи; но заявить о полной независимости conjunctivus никто не осмѣливался. По моему мнѣнію, дѣло нужно представить себѣ такъ: Conjunctivus при упомянутыхъ глаголахъ поставленъ совершенно самостоятельно, а глаголъ прибавленъ къ нему для большей ясности, то-есть, служитъ

лишь знаменателемъ того, какъ слѣдуетъ понять въ данномъ случаѣ сослагательное наклоненіе — или какъ optativus, или iussivus, или hortativus. Кромѣ того, какъ я уже упомянулъ, нѣкоторые изъ этихъ глаголовъ соединяются также съ imperativus и indicativus. Съ imperativus встрѣчаются только oro, obsecro и quaeso, но никогда volo, moneo, iubeo и т. д. Причина будетъ та, что, такъ какъ imperativus уже самъ по себѣ выражаетъ строгое повелѣніе, то нѣтъ никакой нужды еще болѣе усиливать его. Поэтому берутся только глаголы, смягчающіе его значеніе. При faxo, кромѣ conjunctivus, употребляется еще indicativus futuri, напримѣръ: Jam faxo hic aderit, то-есть, онъ сюда придетъ, я уже это сдѣлаю. — Далѣе, при obsecro и quaeso ставится прямой вопросъ. Такъ какъ онъ не зависитъ отъ этихъ глаголовъ, то и *Draeger*, Hist. Synt. d. lat. Sprache III, p. 212, не правъ, приведя такіе примѣры въ числѣ паратактическихъ соединеній.

Въ своемъ изложеніи я сперва поставлю тѣ примѣры, въ которыхъ у Теренція conjunctivus предшествуетъ глаголу, потому что въ такомъ случаѣ яснѣе видно, что онъ ни отъ какого глагола не зависитъ; затѣмъ послѣдуютъ тѣ случаи, гдѣ conjunctivus занимаетъ мѣсто послѣ глагола.

Volo.

а) послѣ conjunctivus.

Heaut. 1066 (V, 5, 22) Syro ignos*cas volo.*

Andr. 388 (II, 3, 14) Du*cas volo* hodie uxorem.

Andr. 418 (II, 5, 7) Hodie uxorem du*cas*, ut dixi, *volo.*

Heaut. 162 (I, 1, 110) Dionysia hic sunt hodie, apud me *sis volo.*

Phorm. 819 (V, 3, 36) Heus, ne filii quidem hoc nostri resci*scant* *volo.*

Ad. 519 (IV, 1, 3)..; ita se defatig*arit velim*, Ut etc.

б) передъ conjunctivus:

Hec. 753 (V, 1, 27) sed scin, quid *volo* potius sodes *facias*. Ba. Quid? cedo.

Sa. *Eas* ad mulieres huc intro atque istuc ius iurandum idem

Pollice*are* illis. Exple animum eis teque hoc crimine expedi.

Въ этомъ примѣрѣ замѣчательно то, что послѣ троекратнаго сослагательнаго наклоненія мѣняется конструкція, и слѣдуютъ два повелительныя наклоненія.

Ad. 138 (I, 2, 58) Unum (sc. filium) *vis curem*, curo.
Andr. 708 (IV, 2, 25) Verum *vis dicam*?
Eun. 1054 (V, 8, 24) и } Quid *vis faciam*?
Heaut. 846 (IV, 8, 5) }
Hec. 436 (III, 4, 22) Quid *vis dicam*? an conv*eniam* modo?
Hec. 787 (V, 2, 21) Ob eam rem *vin* ergo intro eam?
Eun. 894 (V, 2, 55) — *Vin* interea, dum venit,
Domi opper*iamur* potius quam hic ante ostium?
Phorm. 102 (I, 2, 52) *Voltisne eamus* visere?
Phorm. 449 (II, 4, 9) Ego quae in rem tuam sint ea *velim* fac*ias*.
Ad. 681 (IV, 5, 47) *velim* me promerentem am*es*, dum vivas, mi pater.
Ad. 532 (IV, 1, 16) Vah, quam *vellem* etiam noctu amicis operam mos *esset* dari.

Потомъ есть одинъ сомнительный примѣръ. Умпфенбахъ пишетъ его такъ:

Heaut. 818 (IV, 6, 14) Quid igitur dicam? tibi † vis abisti, mihi
Amicam adduxti etc.

Въ рук. А читается такъ: DICAMTIBIVISABISTIMIKI, въ BCDEFGP: tibi vis dicam abisti mihi. Невѣроятно исправленіе стиха Бентли: Quid igitur tibi vis dicam? adisti mihi manum; причемъ онъ слова adisti mihi manum, ссылаясь на Pl. Cas V, 2, 54 и Poen. II, 1, 11 объясняетъ=me inludificatus es.—Гораздо вѣроятнѣе конъектура Флекейзена, которому слѣдуетъ и Вагнеръ: Quid igitur dicam tibi vis? abin istinc? mihi Amicam adduxti etc. Къ нимъ и я присоединяюсь, только переставляя по рук. BCDEFGP dicam и vis, потому что, какъ изъ выше приведенныхъ примѣровъ видно, форма *vis* всегда предшествуетъ сослагат. наклоненію. Слѣдовательно, стихъ слѣдуетъ читать такъ:

Quid igitur tibi *vis dicam*? abin istinc? mihi
Amicam adduxti etc.

Для сличенія привожу и другія конструкціи глагола volo: Ut послѣ volo встрѣчается только три раза: Phorm. 322, Andr. 550 (ita volo itaque postulo ut fiat) и Hec. 396 (Maxime volo doque operam, ut etc.); кромѣ того въ 4 случаяхъ volo нужно подразумѣвать изъ предыдущаго, а именно: Andr. 29; Eun. 192; 339 и Heaut. 706; accusativus cum. inf. — 55 разъ (Andr. 50; 180; 195; 198; 510: 898; Eun. 764; 786; 979; 1002; 1069; Heaut. 11; 26; 106; 164; 185; 322; 323; 433;

434; 624; 705; 716; 789; 815; 847; 941; Phorm. 153; 291; 306; 432; 633; 725; 787; 792; 809; 810; 811; 855; Hec. 240; 252; 546; 563; 590; 636; 655; 723; 725; Ad. 172; 186; 187; 372; 504; 919; 969. Изъ этого огромнаго количества мѣстъ явствуетъ, какъ сильно преобладаетъ у Теренція гипотаксисъ надъ паратаксисомъ.

Nolo.

Heaut. 701 (IV, 3, 23) Quin *nolo* mentiaris.
Andr. 819 (IV, 5, 24) *nolo* me in tempore hoc videat senex.
Eun. 906 (V, 2, 67) *nolo* me in via cum hac veste videat.

Malo.

Heaut. 928 (V, 1, 51) Immo abeat potius *malo* quovis gentium, Quam hic per flagitium ad inopiam redigat patrem.

Ad. 782 (V, 2, 7) An tibi iam *mavis* cerebrum dispergam hic?

Sino.

Andr. 895 (V, 3, 24) Age, dicat, sino.

Къ этому мѣсту Шпенгель въ своемъ изданіи „Андріи" замѣчаетъ: „sino am Schluss beigefügt, wie Poen. I, 1, 18 auctor sum, sino? Но это совсѣмъ не то, потому что у Плавта auctor sum и sino поставлены параллельно = auctor sum et sino. Весь стихъ гласитъ такъ: Suspende, vinci, verbera, auctor sum, sino, то-есть, повѣсь меня, связывай, бей, я разрѣшаю и позволяю это. Какъ sino, такъ и auctor sum, одинаково относятся къ предыдущимъ повелительнымъ наклоненіямъ.

Ad. 996 (V, 9, 39) *Sino*

Habeat, in istac finem faciat.

Ad. 815 (V, 3, 29) Mea, quae praeter spem evenere, *utantur* sine.
Phorm. 515 (III, 2, 30) Haud longumst id quod orat; exo*ret* sine.
Eun. 185 (I, 2, 105) и
Ad. 836 (V, 8, 13) } — *Sine* te exo*rem.*
Andr. 901 (V, 3, 30) — *Sine* te hoc exo*rem.*
Heaut. 1050 (V, 5, 6) *Sine* te exo*rem.*
Hec. prol. II, 2 *Sinite* exorator *sim.*
Andr. 622 (III, 5, 16) Sed *sine* paullulum ad me *redeam.*
Andr. 900 (V, 3, 29) *Sine* me expur*gem* atque illum huc coram addu*cam.*
Eun. 283 (II, 2, 52) *Sine* biduum hoc prae*tereat.*
Hec. 744 (V, 1, 18) *Sine* di*cam.*
Eun. 739 (IV, 6, 1) *sine* veni*at.*
Это послѣднее мѣсто отличается отъ всѣхъ прочихъ, такъ какъ

sine здѣсь не обращено къ какому-нибудь опредѣленному лицу, но съ досадою сказано вообще въ смыслѣ: „пусть онъ только прійдетъ".— Въ Phorm. 238 (II, 1, 8) Ego expediam, sine — expediam скорѣе будетъ будущее время, чѣмъ сослагат. наклоненіе, потому что v. 235 тоже предшествуетъ будущее время reperiam. Что и издатели такъ понимаютъ, видно изъ того, что они послѣ expediam ставятъ двѣ точки. Смыслъ почти такой: „если позволяешь, то я устрою (дѣло)".— *Ut* послѣ sinere поставлено 2 раза: Hec. 590 и Andr. 188, *ne* только Heaut. 90; accusativus cum inf.—21 разъ (Andr. 153; 271; 274; 296; 624; Eun. 124; 151; 963; Heaut. 470; 947; Phorm. 292; 517; Hec. prol. II, 38 и 44; 565; 600; 853; Ad. 97; 104; 108; 377).

Licet.

Phorm. 347 (II, 2, 33) postilla iam, ut lubet, lud*as licet.*

Adhortor.

Eun. 583 (III, 5, 35) *Adhortor properent.*

Moneo.

Hec. 766 (V, 1, 40) Verum hoc te *moneo* unum, qualis sim amicus aut quid possiem
Potius quam inimicus, periclum fac*ias.*

Ut встрѣчается три раза: Andr. prol. 22; 904 и Heaut. 169; *ne* Hec. 64 (moneo et hortor, ne etc.).

Jubeo.

Heaut. 737 (IV, 4, 15) *Jube* man*eat.*

Eun. 691 (IV, 4, 24) *Jube* mi denuo respond*eat.*

Ad. 914 (V, 7, 16) *iube* nunciam
Dinumer*et* ille Babylo viginti minas.

Phorm. 295 (II, 1, 65) verum si cognatast maxume,
Non fuit necesse habere; sed id quod lex *iubet,*
Dotem d*aretis,* quae*reret* alium virum.

Andr. 412 (II, 5, 1) всѣ рукописи передаютъ такъ:
Erus me relictis rebus *iussit* Pamphilum
Hodie obser*vare, ut* quid ageret de nuptiis
Scirem etc., но Бентли устранивъ *ut,* пишетъ observarem, основываясь на томъ, что Andr. I, 1, 142 говорится Observes filium, quid agat, а не: Observes, ut scias quid agat. Это уже настоящая иперкритика, которой ни одинъ издатель не послѣдовалъ. См. подробное опроверженіе въ изданіи Андріи *Клоца,* въ прим. къ этому мѣсту.

Imploro.

Ad. 489 (III, 4, 43) Illaec fidem nunc vostram *inplorat*, Demea,
Quod vos vis cogit, id voluntate impe*tret*.

Гепперть въ изданіи „Adelphi" въ стихѣ 490 послѣ *id* вставляетъ *ut*, котораго нѣтъ ни въ рукописяхъ, ни въ другихъ изданіяхъ. Въ его примѣчаніяхъ тоже ничего не сказано.

Oro.

Hec. 721 (IV, 4, 99) At te *oro* porro in hac re adiutor *sis* mihi.

Phorm. 1020 (V, 9, 31) Quam ob rem te *oro*, ut alia facta tua sunt, aequo animo hoc fe*ras*.

Послѣ oro *ut* ставится 20 разъ: Andr. 190; 538; 548; 556; 592; 687; 823; Eun. 502; 528; 533; 885; 1084; Heaut. 330; 493; 605; Phorm. prol. 8; Hec. 116; 498; 686; 809.

Oro употребляется и при повелительномъ наклоненіи для смягченія его, а вмѣсто него можетъ стоять и сослагательное наклоненіе.

Andr. 595 (III, 4, 16) *Si.* Nunc te *oro*, Dave, quoniam solus mi effecisti has nuptias,
Da. Ego vero solus. *Si.*—Gnatum mihi corrigere porro eni*tere*.

Eun. 912 (V, 3, 3) *Move* te *oro* ocius.

Loch, Gebrauch d. Imperativus b. Plautus, Memel 1871, на стр. 14, говоря о неупотребленіи Плавтомъ *oro* въ видѣ вставки (Einschaltungsformel) при просьбахъ и восклицаніяхъ, отрицаетъ его употребленіе и Теренціемъ, утверждая, что Eun. 912 въ codex Bembinus вмѣсто *oro* читается *vero*, а ого только конъектура Флекейзена. Между тѣмъ именно въ Bembinus сказано move *oro*, а во всѣхъ прочихъ рукописяхъ move *vero*. Кромѣ того, мнѣніе Лоха опровергается еще приведеннымъ мною мѣстомъ Andr. 595, которое ускользнуло отъ его вниманія.

Obsecro.

Ad. 309 (III, 2, 11) Propius *obsecro* acce*damus*, Sostrata.

Heaut. 1049 (V, 5, 5) Pater, *obsecro* mi ignos*cas*.

Eun. 905 (V, 2, 66) *obsecro* ab*eamus* intro, Thais.

Heaut. 1015 (V, 3, 13) Au *te obsecro,* istuc inimicis *siet*.

Лохъ въ названной выше монографіи, стр. 13 sq., говоритъ, что obsecro, когда удерживаетъ свое полное значеніе и употребляется самостоятельно или какъ управляющій глаголъ, отъ котораго зависитъ предложеніе, всегда имѣетъ при себѣ дополненіе te (vos), когда

же употребляется какъ междометіе, съ смягченнымъ значеніемъ, то не имѣетъ никакого дополненія, исключая рѣдкіе случаи для избѣжанія зіянія. Изъ Теренція Лохъ приводитъ: Heaut. 302 perge, obsecro *te*, et cave и Ad. 281 sq. obsecro hercle *te*—absolvitote. Вслѣдствіе того Лохъ дѣлаетъ слѣдующій крайне странный выводъ: Mil. 540 sq. Periplecomene, te obsecro—ignoscas... und Most. 1156 sq. nunc te obsecro — ignoscas... werden die Conjunctive als abhängig aufzufassen sein, weil obsecro schon wegen des zugefügten Objects hier nicht blosser Ausruf, sondern regierendes Verbum ist. Dagegen Ter. Heaut. 1048 sq. Mi vir *te obsecro* Ne facias:: Pater, *obsecro* mihi ignoscas:: Da veniam Chremes dürfte ignoscas als selbstständiger imperativischer Conjunctiv gelten". То же самое онъ утверждаетъ на стр. 15 относительно quaeso и еще разъ на стр. 20 относительно обоихъ глаголовъ. Значитъ, по его мнѣнію, все дѣло зависитъ отъ поставленія или опущенія дополненія при obsecro и quaeso, слѣдуетъ ли признать conjunctivus зависящимъ или самостоятельнымъ! Нелѣпость вывода такъ очевидна, что о немъ нечего распространяться. Но и основаніе, на которомъ построенъ выводъ, по крайней мѣрѣ относительно Теренція, ложно, какъ я стараюсь доказать ниже. Лохъ говоритъ, что при obsecro съ зависящимъ предложеніемъ должно непремѣнно быть поставлено дополненіе. Это можно опровергнуть тѣмъ, что изъ четырехъ случаевъ у Теренція, гдѣ послѣ obsecro слѣдуетъ предложеніе съ *ne* [1]), въ трехъ опущено дополненіе: Heaut. 291 sq. Syre mi, *obsecro*, Ne me in laetitiam frustra conicias; ibid. 1028. *Obsecro*, mi gnate, ne istuc in animum inducas tuom и Phorm. 944 sq. *Obsecro*, ne facias; только въ одномъ оно встрѣчается: Heaut. 1048 sq. Mi vir, *te obsecro*, Ne facias. Затѣмъ изъ одиннадцати примѣровъ съ *ut* въ двухъ недостаетъ дополненія: Phorm. 112 sq. obsecrat, ut sibi eius faciat copiam и Ad. 334 Ita *obsecraturum*, ut liceret etc., хотя, нужно признаться, дополненіе легко можно подразумѣвать изъ предыдущаго. Остальные примѣры съ *ut* слѣдующіе: Andr. 402; Eun. 261; 562 (Fleck. и Wagner пишутъ oro), Hec. 387; Heaut. 644; 725; 1025; Andr. 326 и 899 (въ двухъ послѣднихъ примѣрахъ—ut ne). Точно также нѣтъ въ двухъ случаяхъ дополненія, гдѣ obsecro поставлено самостоятельно, а именно: Eun. 669 Obsecro и 1054 Obsecro, Gnatho, in te spes est. Этого, кажется, будетъ достаточно для опроверженія

---

[1]) Это собственно тоже независимыя предложенія, какъ мы потомъ увидимъ. Здѣсь я говорю только съ точки зрѣнія Лоха.

аргументаціи Лоха. Подобно ого, и obsecro соединяется съ повелительнымъ наклоненіемъ — какъ съ дополненіемъ, такъ и безъ него, безъ всякаго видимаго различія.

а) послѣ повелительнаго наклоненія.

Andr. 861 (V, 2, 20) и Phorm. 486 (III, 2, 1) Audi *obsecro.*

Andr. 232 (I, 4, 5) di, date facultatem *obsecro*
Huic pariundi atque illi in aliis potius peccandi locum.

Eun. 1048 (V, 8, 7) o Juppiter, serva *obsecro* haec bona nobis.

Andr. 473 (III, 1, 15) и Ad. 487 (III, 4, 41) } Juno Lucina, fer opem, serva me, *obsecro.*

Andr. 955 (V, 4, 52) Jube solvi *obsecro.*

Eun. 95 (I, 2, 15) Ne crucia te *obsecro*, anime mi, mi Phaedria.

Eun. 421 (III, 1, 31) sed narra *obsecro.*

Eun. 685 (IV, 4, 18), Eun. 899 (V, 2, 60) и Hec. 318 (III, 1, 38) } Tace *obsecro.*

Eun. 834 (V, 1, 18) Era mea, tace tace, *obsecro*, salvae sumus.

Heaut. 403 (II, 4, 23) retine me, *obsecro.*

Heaut. 432 (III, 1, 23) Eamus; duc me ad eum, *obsecro.*

Hec. 556 (IV, 1, 41) Mitte adulescentem, *obsecro.*

Hec. 600 (IV, 2, 24) Sine me *obsecro* hoc effugere.

Phorm. 473 (III, 1, 9) Loquere *obsecro.*

Phorm. 553 (III, 3, 20) Quaere *obsecro.*

Ad. 325 (III, 2, 27) Eloquere, *obsecro te*, quid sit.

б) передъ повелительнымъ наклоненіемъ.

Ad. 679 (IV, 5, 45) Pater, *obsecro*, ausculta.

Ad. 155 (II, 1, 1) *Obsecro*, populares, ferte misero atque innocenti auxilium.

Phorm. 803 (V, 3, 20) Au *obsecro*, vide ne in cognatam pecces.

Ad. 550 (IV, 2, 11) *Obsecro*, vide ne ille huc prorsus se inruat.

Heaut. 339 (II, 3, 98) Huius modi *obsecro* aliquid reperi.

Eun. 362 (II, 3, 71) *Obsecro hercle*, Parmeno, fac ut potiar.

Andr. 351 (II, 2, 14) *Obsecro te*, quam primum hoc me libera miserum metu.

Ad. 281 (II, 4, 17) *Obsecro te hercle*, hominem istum inpurissimum
Quam primum absolvitote.

Heaut. 302 (II, 3, 61) Perge, *obsecro te*, et cave.

Phorm. 197 (I, 4, 19) *Cedo* quid portas, *obsecro.*

Кромѣ того, obsecro часто ставится при вопросахъ, которые не зависятъ отъ него. Поэтому въ *Becker*, Syntaxis interrogationum obliquarum apud priscos scriptores latinos такіе примѣры не помѣщены. Приведу пару примѣровъ:

Andr. 721 (IV, 3, 6) mi homo, quid istuc *obsecrost.*

Eun. 428 (III, 1, 38) Tuomne, *obsecro te,* hoc dictum erat?

Quaeso.

Съ coniunctivus.

Ad. 398 (III, 3, 44) Sic *siet* modo ut nunc est, *quaeso*

Andr. 305 (II, 1, 15) *Quaeso edepol*, Charine, quoniam non potest id fieri quod vis,
Id *velis* quod possit.

Ad. 247 (II, 2, 39) Immo *hercle hoc quaeso*, Syre,
Utut haec sunt acta, potius quam lites sequar,
Meum mihi red*datur*, saltem quanti emptast Syre.

Ut семь разъ: Andr. 487; Eun. 466; Hec. 786; Ad. 275; 298; 491; 598; изъ нихъ безъ дополненія: Eun. 466; Hec. 786 и Ad. 598.

Съ imperativus.

а) послѣ него.

Phorm. 141 (I, 2, 91) nunc amitte *quaeso* hunc.

Andr. 323 (II, 1, 23) Vereor dicere; huic dic *quaeso*, Byrria.

Hec. 803 (V, 3, 5) adulescens, dic dum *quaeso*, tun es Myconius?

Eun. 562 (III, 5, 14) Narra istuc *quaeso* quid sit.

Phorm. 350 (II, 3, 3) Adeste *quaeso.*

б) передъ нимъ.

Heaut. 163 (I, 1, 111) *quaeso* tandem aliquantulum tibi parce.

Heaut. 971 (V, 2, 18) Prius *quaeso* disce, quid sit vivere.

Phorm. 670 (IV, 3, 65) *Quaeso*, ego dabo, quiesce.

Ad. 190 (II, 1, 36) Illuc *quaeso* redi, quo coepisti, Aeschine.

Heaut. 1052 (V, 5, 8) Age *quaeso* ne tam offirma te, Chremes.

Hec. prol. I, 8 Alias (sc. fabulas) cognostis eius, *quaeso* hanc noscite.

Andr. prol. 8 *quaeso* animum advortite.

Ad. 508 (V, 3, 22) *quaeso* hoc facito tecum cogites.

Наконецъ, quaeso подобно obsecro, соединяется съ вопросомъ, напримѣръ, Phorm. 985 Quaeso, quid narras?

Heaut. 537 Eho *quaeso* laudas, qui eros fallunt? и т. д.

Facere (fac, facito, facite и faxo).

Ad. 511 (III, 5, 1) Bono animo *fac sis*, Sostrata, et istam quod potes
Fac consol*ere*.

Eun. 501 (III, 2, 48) *Fac* cur*es*.

Ad. 380 (III, 3, 26) salsamenta haec, Stephanio,
Fac macer*entur* pulchre.

Ad. 813 (V, 3, 27) Conserva, quaere, parce, *fac* quam plurimum
Illis (sc. filiis) relinqu*as*.

Eun. 1042 (V, 8, 12) Tu frater ubiubi est *fac* quam primum haec aud*iat*.

Eun. 319 (II, 3, 28) hanc tu mihi vel vi vel clam vel precario
Fac tra*das*.

Eun. 196 (I, 2, 116) Meus *fac sis* postremo animus, quando ego sum tuos.

Eun. 189 (I, 2, 109) Tu, Parmeno, huc *fac* illi addu*cantur*.

Eun. 207 (II, 1, 1) *Fac*, ita ut iussi, deduc*antur* isti.

Eun. 769 (IV, 6, 31) *Fac* animo haec praesenti dic*as*.
haec ut praesenti BCEFP, anino ut prenti DG.

Heaut. 925 (V, 1, 52) *Fac* te patrem esse sent*iat*; fac ut audeat
Tibi credere omnia.

Здѣсь послѣ одного fac—coni., послѣ другаго *ut*, впрочемъ въ DCE[2] ut sentiat (въ D ut подчеркнуто).

Eun. 311 (II, 3, 20)—*fac* sis nunc promissa adpa*reant*.

s
FAXIS A, S addidit corr. rec.; Бентли и Клоцъ пишутъ faxis, Umpf. и Fleck. fac sis.

Потомъ Andr. 712 у всѣхъ издателей написано: Huc *face* ad me *ut* venias, siquid poteris, кромѣ Бентли и Шпенгеля, опускающихъ ut. И это весьма вѣроятно, такъ какъ въ рук. BCP этого ut нѣтъ, а Bembinus сохранился въ Andr. 787 съ пробѣлами, въ полномъ же видѣ только съ 888 стиха.

Ad. 500 (III, 4, 55) Sed, Demea, hoc tu *facito* cum animo cogi*tes*.

Ad. 508 (V, 3, 22) quaeso hoc *facito* tecum cogi*tes*.

Heaut. 550 (III, 2, 39) At heus tu, *facito dum* eadem haec memin*eris*.

Heaut. prol. 20 *Facite* aequi sitis.

Id. prol. 24—*facite* aequanimitas
Poëtae ad scribendum au*geat* industriam.

Бентли и съ нимъ всѣ прочіе издатели полагаютъ, что послѣ 24-го стиха выпалъ одинъ стихъ, такъ какъ отъ aequanimitas въ этой конструкціи должно зависѣть слово Poëtae, между тѣмъ какъ aequanimitas относится къ слушателямъ. Замѣчательно, что уже во время Доната это мѣсто существовало въ такомъ же видѣ. Донатъ дѣлаетъ къ aequanimitas замѣчаніе: „Deest vestra".

Въ одномъ только примѣрѣ сослагат. наклоненіе предшествуетъ глаголу facite:

Eun. 506 (III, 2, 53) Domi *adsitis facite.*

Не приводя всѣхъ случаевъ, гдѣ послѣ facere ставится ut, отмѣчаю только повелит. накл. съ ut: *fac* Andr. 408; 483; Eun. 281; 362; Heaut. 84; 925; Phorm. 671; 674; 784; Hec. 764; *facito* Hec. 769; Ad. 845; *facite* Hec. prol. II, 39.

Особо слѣдуетъ сказать о *faxo.* При этой формѣ ставится и coniunctivus, и indicativus futuri, а кромѣ того, part. perf. pass. Но дѣло въ томъ, что *Мадвигъ*, Opusc. acad. II p. 77 sqq., совсѣмъ отвергаетъ употребленіе сослагат. наклоненія у Плавта и Теренція, утверждая, что оно вкралось въ рукописи только благодаря переписчикамъ, ставившимъ по примѣру Виргилія, Овидія и Ливія, сослагат. наклонен. вмѣсто будущаго времени, измѣняя въ формахъ глаголовъ 3-го и 4-го спряженій букву *e* въ *a* (dicas вм. dices etc.). Но это его мнѣніе опровергается слѣдующимъ соображеніемъ Клоца (см. его прим. къ Andr. 854): Если въ древней латыни употреблялся исключительно indicativus futuri при faxo, а у Виргилія, Овидія и Ливія, въ чемъ сознается самъ Мадвигъ, весьма часто coniunctivus, то слѣдовало бы удивляться такой внезапной перемѣнѣ языка, еслибы не было этого явленія, хотя и въ рѣдкихъ случаяхъ, уже у древнихъ авторовъ. Итакъ, нельзя въ этомъ отношеніи не довѣрять рукописямъ, по которымъ выходитъ, что у Плавта почти въ третьей части всѣхъ мѣстъ поставленъ coniunctivus, а у Теренція почти въ половинѣ (3:7). Ad. 846 (V, 3, 60) Atque ibi favillae plena, fumi ac pollinis

Coquendo *sit faxo* et molendo.

Мадвигъ, Opusc. acad. II p. 77, говоритъ: *sit*, sed versus recipit *erit.*

Ad. 209 (II, 2, 1)—cupide accip*iat faxo* atque etiam

Bene dic*at* secum esse actum.

Andr. 854 (V, 2, 13) Immo vero indignum, Chremes iam facimus

faxo ex me aud*ias.*

Только *Fr. Ritter* (Ter. Andr., Berol 1863) и *Klotz* (какъ въ своемъ полномъ изданіи, такъ и въ спеціальномъ изданіи Андріи) пишутъ

aud*ias*, всѣ же прочіе издатели: aud*ies*—но не извѣстно, по какой причинѣ, ибо въ рук. BDP и по поправкѣ въ С. (ex mem audias dices), то-есть, въ лучшихъ за Bembinus рукописяхъ, читается aud*ias*.

Далѣе при faxo ставится ind. futuri, показывающій слѣдствіе сдѣланнаго посредствомъ faxo заявленія.

Phorm. 308 (II, 1, 78) Jam *faxo* hic aderit.

Phorm. 1055 (V, 9, 65) Jam hic *faxo* aderit.

Eun. 663 (IV, 3, 21) Jam *faxo* scies.

Eun. 285 (II, 2, 54) Ne tu istas (sc. fores) *faxo* calcibus saepe insultabis frustra.

Наконецъ, faxo у Теренція два раза соединяется съ part. perf. pass., соединеніе, равносильное будущему времени приставленнаго въ видѣ причастія глагола.

Heaut. 341 (II, 3, 100) Ademptum tibi iam *faxo* omnem metum (=adimam metum).

Phorm. 1028 (V, 9, 39) *Faxo* tali eum mactatum atque hic est infortunio.

Cave

соединяется съ coni. praes. и perfecti. Здѣсь не слѣдуетъ принимать никакого пропуска союза *ne*. Хорошо объяснилъ это явленіе *Линдеманъ* къ Plaut. Capt. II, 3, 79 (см. *Holtze*, Synt. prisc. script. lat. II p. 175): *Cave facias* est: cave tibi, facias enim. Hüte dich, du könntest es sonst leicht thun (то-есть, остерегайся, ибо иначе ты это легко могъ бы сдѣлать); nisi caveas, facias. *Cave ne facias* est cave tibi, non facias; thu es nicht, davor hüte dich' (=не сдѣлай этого, того и остерегайся). Слѣдовательно, въ первомъ случаѣ будетъ coni. potentialis, во второмъ—prohibitivus. Итакъ, Линдеманъ признаетъ сослагат. наклоненіе не зависящимъ отъ *cave*, то-есть, паратактическимъ, хотя и не высказываетъ этого.

Heaut. 1031 (V, 4, 8) Et *cave* posthac, si me ames, unquam istuc verbum ex te *audiam*.

Heaut. 1032 (V, 4, 9) mores *cave* in te istos sen*tiam*.

Phorm. 993 (V, 9, 4) *Cave* isti quicquam cred*uas*.

Andr. 403 (II, 3, 29) *cave* te esse tristem sen*tiat*.

Phorm. 764 (V, 1, 37)— *cave vesciscat* quisquam.

Ad. 458 (III, 4, 12) *Cave dixeris*.

Heaut. 187 (I, 2, 13) *Cave faxis*.

Andr. 760 (IV, 4, 21) Mane; *cave* quoquam ex istoc *excessis* loco.

Heaut. 826 (IV, 6, 22) *cave* quicquam admiratus *sis*.

Точно также, какъ положительный coniunctivus при разныхъ глаголахъ, указывающихъ намѣреніе или слѣдствіе, такъ и отрицательный, то-есть, такъ называемый союзъ *ne* съ сослагат. наклоненіемъ, ставится паратактически, независимо отъ какого бы то ни было управляющаго глагола. Такое мнѣніе высказываетъ *Paetzolt*, Beiträge zur histor. Synt. d. lat. Sprache, Waldenburg i. Schl. 1875. стр. 10 и слѣд., и отчасти *Лохъ* въ приведенной выше монографіи, p. 22: Zu den unbedingt imperativischen Stellen sind zu rechnen...... *die Fälle, wo der negative Conj. praes. mit einem positiven Imperativ verbunden ist.* Между прочимъ, онъ приводитъ такой примѣръ: Pl. Asin. 469 te aufer domum, abscede hinc, molestus *ne sis.*—*Ne* нужно всегда считать простымъ отрицаніемъ, нарѣчіемъ, а не союзомъ въ принятомъ смыслѣ; потому что подчинительными союзами можно назвать только относительныя нарѣчія и происходившіе отъ нихъ союзы. Поэтому слѣдуетъ серьезно призадуматься и надъ свойствомъ предложеній, начинающихся союзами dum, donec, modo, dummodo, simul, simulatque, даже si. Если такъ смотрѣть на дѣло, то глаголы боязни съ *ne* вовсе не нужно принимать употребленными въ прегнантномъ смыслѣ (timeo=cum timore opto), такъ какъ послѣ нихъ будетъ поставленъ простой coniunctivus optativus, напримѣръ, Phorm. 325 Vereor, ne istaec fortitudo in nervum erumpat denique=не попалъ-бы ты за свою храбрость въ оковы, но боюсь (исполнится-ли мое желаніе). Такимъ образомъ легко объясняется и встрѣчающееся у Плавта (35 разъ, см. *Paetoltz*, Beiträge etc., p. 11) и Теренція соединеніе *ut ne* вмѣсто *ne*. А именно, такъ какъ предложенія съ *ne* и coniunctivus чувствовались независимыми, то для выраженія подчиненности стали прибавлять еще *ut*. Это дѣлалось тогда, когда мало по малу вмѣсто паратактическаго соединенія мыслей приступали къ синтаксису, но впослѣдствіи опять въ этомъ отношеніи возвращались къ паратаксису, который и оставался на всегда преобладающею формою. *Цумптъ* §§ 347 и 535 называетъ это явленіе плеоназмомъ (Häufung); *Крюгеръ* § 573 прим. 2 и *Рейзигъ* § 322 не даютъ ему никакого объясненія. *Мадвигъ* прим. § 456 говоритъ: in Absichtssätzen wird statt *ne* auch oft *ut—ne* gesagt, wodurch zuerst der Gegenstand oder die Absicht im Allgemeinen, dann die Verneinung bezeichnet wird. Раціональнѣе выражается *Hand*, Tursell. IV p. 32: *Ne* igitur non est in his dictionibus coniunctio, sed antiquum adverbium, quod maiori cum vi pro *non* dicitur. Онъ ошибается только въ томъ, что по его словамъ *ne* отрицаетъ сильнѣе, чѣмъ *non*. Этого никогда не можетъ

быть, потому что non происходитъ отъ ne—oenum, noenum (см. *Ribbeck*, Beiträge zur Lehre v. d. lat. Partikeln, p. 12).

У Теренція *ut ne* вмѣсто *ne* употребляется 20 разъ; при этомъ только два раза *ne* отдѣляется отъ *ut* однимъ словомъ или цѣлымъ предложеніемъ: Andr. 259 Aliquid facerem, *ut* hoc *ne* facerem и Ad. 354 Curre, obstetricem accerse, *ut* quom opus sit *ne* in mora nobis siet. Во всѣхъ прочихъ мѣстахъ ut ne поставлены рядомъ: Andr. 61; 327; 699; 834; 899; Eun. 439; 942; 945; 956; Heaut. 269; 468; Phorm. 168; 314; 415; 975; Hec. 105; 395; Ad. 626.

Напрасно Бентли и съ нимъ Умпфенбахъ и Флекейзенъ, Andr. 182, читаютъ *ut ne* вмѣсто рукописнаго *ne*, чтобы не допустить трохейскаго размѣра между ямбическими. Одинъ Шпенгель справедливо удерживаетъ рукописное чтеніе. По аналогіи *ut ne* въ одномъ мѣстѣ читается *qui ne*: Andr. 335 Ego id agam, mihi *qui ne* detur. Вообще нужно сказать, что вмѣсто ut finale у Теренція весьма часто является нарѣчіе *qui*.

До сихъ поръ мы разсматривали соединенія мыслей, несправедливо считающіяся подчиненными; теперь перейдемъ къ тѣмъ случаямъ, гдѣ паратаксисомъ замѣнены или часть предложенія (accusativus cum inf.), или цѣлыя придаточныя предложенія. Вообще нужно замѣтить, что субординація численностью и у Плавта, и у Теренція значительно превышаетъ координацію; поэтому я только изрѣдка, ради статистики, буду помѣщать примѣры ипотаксиса. Своего рода паратаксисъ представляютъ такія сочетанія, которыми приводятся подлинныя слова, сказанныя раньше или самимъ говорящимъ, или третьимъ лицомъ. Но Теренцій идетъ еще дальше и выражаетъ прямою рѣчью мысли, которыя кто-нибудь могъ имѣть или еще будетъ имѣть. Равнымъ образомъ безъ всякой зависимости выражается предполагаемый отвѣтъ или мнѣніе, которое могло бы быть обнаружено лицомъ, противъ коего что-нибудь предпринимается. При этомъ часто опускается посредствующій глаголъ, и собственныя или чужія слова и мнѣнія вводятся говорящимъ непосредственно, такъ что актеръ долженъ ихъ пояснять ихъ зрителямъ модуляціей. Хотя многіе изъ этихъ примѣровъ могутъ быть поставлены въ accusativus cum inf., я все-таки счелъ нужнымъ говорить о нихъ, какъ о цитатахъ, особо, тѣмъ болѣе, что въ нихъ, кромѣ того, встрѣчаются восклицанія, вопросы и повелѣнія. Вотъ самыя мѣста Теренція:

Приводятся: А) слова другаго лица:

1) *сказанныя имъ:*

а) безъ поясняющаго глагола:

Eun. 155 (I, 2, 75) Aut ego nesciebam, *quorsum* tu ires? „parvola
Hinc est abrepta; eduxit mater pro sua;
Soror dictast; cupio abducere, ut reddam suis“:
Nempe omnia haec nunc verba huc redeunt denique:
Ego excludor, ille recipitur.

Здѣсь словомъ *quorsum* указывается на слѣдующее, а подразумѣвать можно *quom diceres* или *dicens*; по русски: „развѣ я не зналъ, что ты имѣла въ виду, говоря“: и т. д.

Phorm. 124 (I, 2, 74) — *Hoc* consilium *quod dicam* dedit:
„Lex est ut orbae, qui sint genere proxumi,
Eis nubant, et illos ducere eadem haec lex iubet

и т. д, до 134 стиха. Изъ dicam слѣдуетъ подразумѣвать *dixit*.

б) съ глаголомъ:

Чаще всего, понятно, встрѣчается *inquit*, которое всегда составляетъ вводное предложеніе. Но замѣчательны тѣ примѣры, гдѣ ктонибудь передаетъ другому свой разговоръ съ третьимъ лицомъ. Здѣсь только въ началѣ ставится *inquit*, а потомъ уже рѣчь продолжается безъ глагола:

Eun. 337 (II, 3, 46) „Heus heus, tibi dico, Chaerea“ *inquit*, restiti.
„Scin quid ego te volebam?“ „dic.“ „cras est mihi
Judicium“. „Quid tum?“ „ut diligenter nunties
Patri, advocatus mane mi esse ut meminerit“.

Eun. 236 (II, 2, 5) Video sentum squalidum aegrum, pannis annisque obsitum.
„Quid istuc“ *inquam* „ornatist?“ „quoniam miser quod habui perdidi, em
Quo redactus sum. omnes noti me atque amici deserunt“.

и такъ продолжается передача чужихъ словъ до 253-е стиха; ср. Hec. 803 sq., гдѣ сначала стоитъ *quaeso*, а дальше рѣчь приводится безъ глагола.

Затѣмъ другіе глаголы:

Heaut. 457 (III, 1, 48) Nam ut alia omittam, pytissando, modo mihi
Quid vini absumpsit „sic hoc" *dicens* „asperum,
Pater, hoc est; aliud lenius sodes vide".

Andr. 285 (I, 5, 50) — — — *incipit* (sc. dicere):
„Mi Pamphile, huius formam atque aetatem vides:
Nec clam te est, quam illi nunc utraeque inutiles
Et ad pudicitiam et ad rem tutandam sient. etc. v. 296.

Heaut. 201 (II, 1, 9) Nunc *ait* „periclum ex aliis facito, tibi quod ex usu siet".

Eun. 817 (V, 1, 1) Pergin, scelesta mecum perplexe *loqui*?
„Scio, nescio, abiit, audivi, ego non adfui".

Andr. 634 (IV, 1, 10) Ibi tum eorum impudentissima *oratiost*:
„Quis tu's? quis mihi's? Quor meam tibi?
Heus proxumus sum egomet mihi".

Eun. 308 (II, 3, 17) Scis te mihi saepe *pollicitum esse* „Chaerea, aliquid inveni,
Modo quod ames; in ea re utilitatem ego faciam ut cognoscas meam.

Ad. 620 (IV, 4, 29) — illa *exclamat* „abi, abi; iam Aeschine,
Satis diu dedisti verba, sat adhuc tua nos frustratast fides.

Ad. 407 (III, 3, 53) — coepit *clamare* „o Aeschine,
Haecine flagitia facere te! haec te admittere
Indigna genere nostro!"

Ad. 60 (I, 1, 36) Venit ad me saepe *clamans* „quid agis, Micio?
Quor perdis adulescentem nobis? Quor amat?
Quor potat? Quor tu his rebus sumptum suggeris?
Vestitu nimio indulges, nimium ineptus es".

2) *предполагаемыя слова или мысли другаго.*

а) безъ глагола:

Въ первомъ явленіи перваго дѣйствія „Андріи" Симонъ жалуется своему повару на своего сына, влюбившагося въ одну бѣдную дѣвушку, вслѣдствіе чего его сосѣдъ не выдаетъ больше свою дочь за

него. На замѣчаніе повара, чтобъ онъ сдѣлалъ выговоръ сыну, отецъ отвѣчаетъ, что онъ собственно не имѣетъ достаточно данныхъ для этого. На вопросъ повара: „Qui adeo?“ онъ прямо приводитъ оправдательныя слова сына:

Andr. 151 (I, 1, 124) „Tute ipse his rebus finem praescripsti, pater,
Prope adest, quom alieno more vivendumst mihi.
Sine nunc meo me vivere interea modo“.

Здѣсь подразумѣвается *diceret*, и тѣмъ легче, что оно уже поставлено v. 138.

Въ слѣдующихъ трехъ примѣрахъ нужно подразумѣвать *dicet*:

Ad. 203 (II, 1, 49) Ubi me dixero dare tanti, testes faciet ilico,
Vendidisse me, de argento somnium; „mox, cras redi“.

Ad. 527 (IV, 1, 11) Rogitabit me, ubi fuerim: „ego hoc te toto non vidi die“.

Ad. 232 (II, 2, 24) Nunc si hoc omitto ac tum agam ubi illinc rediero,
Nil est; refrixerit res: „nunc demum venis?
Quor passu's? ubi eras?“

Затѣмъ, въ слѣдующихъ двухъ мѣстахъ тоже недостаетъ глагола dicendi, но указаніе на цитату уже содержится въ словахъ *illuc* и *haec*:

Heaut. 792 (IV, 5, 44) — neque tu scilicet
Illuc confugies: „quid mea? num mihi datumst?
Num iussi? num illa oppignerare filiam
Meam me invito potuit?“

Ad. 165 (II, 1, 11) Novi ego vestra *haec*: „nollem factum.
Jusiurandum dabitur te esse indignum iniuria hac“.

Наконецъ, два раза въ „Андріи“ ставится фраза въ смыслѣ третьяго лица (Глицеріи) безъ всякаго поясненія, гдѣ нужно въ переводѣ прибавить: „она полагаетъ“.

Andr. 772 (IV, 4, 33) Ne illa illum haud novit, quoius causa haec incipit.
„Chremes si puerum positum ante aedis viderit,

Suam non dabit gnatam". hercle tanto magis
dabit.

то-есть: „право, она не знаетъ того, для котораго это начинаетъ; ибо она полагаетъ, что Хремесъ не дастъ своей дочери, если увидитъ подкинутаго передъ домомъ ребенка; но, клянусь Геркулесомъ, тѣмъ не менѣе дастъ".

Точно также Andr. 516 (III, 2, 36):

Hoc ni fit, puerum ut tu videas, nil moventur nuptiae.

b) Съ глаголомъ:

Heaut. 641 (IV, 1, 28) Credo, id *cogitasti*: „quidvis satis est, dum vivat modo".

Andr. 640 (IV, 1, 16) — atque *aliquis dicat* „nil promoveris".

При такой риторической фигурѣ (occupatio) съ *dices*, *dicet aliquis*, *dicet quisquam*, *dixerit quis* и др. и у Цицерона ставится прямая рѣчь, ср. *Seyffert*, Schol. lat. I, § 61, гдѣ онъ говоритъ, что позднѣйшіе писатели, какъ напримѣръ, Квинтиліанъ и Плиній, предпочитаютъ сослагательное наклоненіе *dicat*, а Цицеронъ употребляетъ только *dicet*.

Eun. 1064 (V, 8, 34) — quod *dicas* mihi
„Alium quaerebam, iter hac habui".

Phorm. 334 (II, 2, 20) — dices „ducent damnatum domum".

Phorm. 235 (II, 1, 5) — An hoc *dicet* mihi:
„Invitus feci; lex coëgit".

Andr. 387 (II, 3, 13) — *dicturum* patrem
„Ducas volo hodie uxorem".

Eun. 441 (III, 1, 51) — siquando illa *dicet* „Phaedriam
Intro mittamus commissatum".

Phorm. 704 (IV, 4, 23) — Quam ob rem? aut quid *dicet*? : : Rogas?
„Quot res postilla monstra evenerunt mihi!
Intro iit in aedis ater alienus canis etc. до 710 ст.

.Andr. 138 (I, 1, 111) — — *diceret*
„Quid feci? quid commerui aut peccavi, pater?
Quae sese in ignem inicere voluit, prohibui,
Servavi".

Phorm. prol. 12 Nunc si quis est, qui *hoc dicat aut sic cogitet*:
„Vetus si poeta non lacessisset prior,
Nullum invenire prologum posset novos,
Quem diceret, nisi haberet quoi male diceret".

Andr. 395 (II, 3, 21) Nam quod tu *speres* „propulsabo facile uxorem his moribus,
Dabit nemo“, inveniet inopem potius quam te corrumpi sinat.

Phorm. 140 (I, 2, 90) — Ad precatorem adeam credo, qui mihi
Sic oret: „nunc amitte quaeso hunc; ceterum
Posthac si quicquam, nil precor“. tantum modo
Non *addit*: „ubi ego hinc abiero, vel occidito“.

Andr. 637 (IV, 1, 13) At tamen „ubi fides?“ si *roges* etc.

Eun. 511 (III, 3, 5) *Roget* quis „quid rei tibi cum illa“?

B) Говорящій цитируетъ собственныя слова или мысли.

a) Безъ глагола:

Andr. 82 (I, 1, 55) Egomet continuo mecum „certe captus est.
Habet“.

Донатъ замѣчаетъ: deest *volebam*, *cogitabam*, *versabam*.

Нѣсколько иными представляются два слѣдующія мѣста, въ которыхъ говорящій приводитъ произносимыя имъ въ извѣстномъ случаѣ слова:

Ad. 424 (III, 3, 70) Conservis ad eundem istunc praecipio modum:
„Hoc salsumst, hoc adustumst, hoc lautumst parum;
Illud recte; iterum sic memento“.

Ad. 415 (III, 3, 61) Inspicere tanquam in speculum in vitas omnium
Jubeo atque ex aliis sumere exemplum sibi.
„Hoc facito“ : : Recte sane. : : „Hoc fugito“. : : Callide. : :
„Hoc laudi est“. : : Istaec res est. : : „Hoc vitio datur“.

b) Съ глаголомъ:

Andr. 110 (I, 1, 83) Sic *cogitabam* „hic parvae consuetudinis
Causa huius mortem fert familiariter.
Quid si ipse amasset? mihi quid hic faciet patri“?

Eun. 636 (IV, 2, 8) Occepi mecum *cogitare* „hem, biduom hic
Manendumst soli sine illa? quid tum postea?
Nihil est. quid? nihil? si non tangendi copiast,

Eho ne videndi quidem erit? si illud non licet,
Saltem hoc licebit. certe extrema linea
Amare haud nihil est".

Andr. 359 (II, 2, 22) — — mi *incidit suspitio* „em,
Paululum opsoni, ipsus tristis, de inproviso nuptiae.
Non cohaerent".

Andr. 125 (I, 1, 98) *Percussit ilico animum* „attat hoc illud est,
Hinc illae lacrumae, haec illast misericordia".

Andr. 84 (I, 1, 57), — — *rogitabam* „heus puer,
Dic sodes, quis heri Chrysidem habuit?"

Есть и такіе случаи, гдѣ прямая рѣчь вдругъ переходитъ въ косвенную, или на оборотъ—косвенная въ прямую, которая въ свою очередь можетъ опять продолжаться въ видѣ косвенной. Въ такихъ явленіяхъ не должно видѣть небрежности рѣчи, но напротивъ того, намѣренное искусство выражаться. Это признаетъ и Шпенгель ad Andr. 220. Итакъ, у Теренція

1) Прямая рѣчь переходитъ въ косвенную:

Phorm. 865 (V, 6, 25) „Sophrona modo fratrem huc" *inquit* „senis *introduxit* Chremem"
Eumque nunc *esse* intus cum illis.

2) Косвенная — въ прямую:

Andr. 779 (IV, 4, 40) — — — iam *susurrari* audio
Civem Atticam *esse* hanc. ::Em?:: „Coactus legibus
Eam uxorem *ducet*".

Hec. 144 (I, 2, 69) — Pamphilus me solum seducit foras
*Narrat*que, *ut* virgo ab se integra etiam tum *siet*,
*Se*que antequam eam uxorem duxisset domum
Sperasse eas tolerare posse nuptias.
„Sed quam decrerim me non posse diutius
Habere, eam ludibrio haberi, Parmeno,
Quin integram itidem reddam, ut accepi a suis,
Neque honestum mihi neque utile ipsi virginist".

Ph. Pium ac pudicum ingenium narras Pamphili.

Pa. „Hoc ego proferre incommodum mihi esse *arbitror*:
Reddi patri autem, quoi tu nil dicas viti,
Superbumst: sed illam *spero*, ubi hoc cognoverit
Non posse se mecum esse, abituram denique?

Хотя здѣсь рѣчь на цѣлый стихъ прерывается другимъ лицомъ, она идетъ далѣе все-таки въ томъ же прямомъ видѣ.

3) Косвенная — въ прямую и затѣмъ опять въ косвенную:

Andr. 220 (I, 3, 15) Et *fingunt* quandam inter se nunc *fallaciam*,
Civem Atticam *esse* hanc. „*fuit* olim quidam senex
Mercator, navem is *fregit* apud Andrum insulam.
Is *obiit* mortem. ibi tum hanc eiectam Chrysidis
Patrem *recepisse* orbam parvam".

Сколько мнѣ извѣстно, только еще въ одномъ случаѣ встрѣчается у Теренція такой переходъ отъ зависимой конституціи къ независимой, а именно:

Eun. 501 (III, 2, 48) Fac *cures*, si Chremes hoc forte advenerit,
Ut ores, primum ut maneat, si id non commodumst,
Ut redeat: si id non poterit, ad me *adducito*,

гдѣ вмѣсто adducito слѣдовало бы сказать: ut ad me adducatur.

Перехожу къ тѣмъ случаямъ, въ которыхъ при глаголахъ sentiendi и declarandi вмѣсто accus. cum inf. поставлены самостоятельныя предложенія. При этомъ такой глаголъ можетъ стоять или въ началѣ зависимаго по смыслу предложенія, или на концѣ, или, какъ вводное предложеніе, въ срединѣ его. Рамсгорнъ въ своей въ другихъ отношеніяхъ весьма основательной граматикѣ, на стр. 997, относительно этого явленія высказываетъ довольно ненаучное мнѣніе, причисляя его къ синтаксическимъ фигурамъ. Онъ говоритъ: „In Hinsicht ihrer Form können Modi, Tempora, Numeri und Personae für einander stehen", то-есть: „Времена, числа и лица, въ отношеніи ихъ формы наклоненія, могутъ быть замѣняемы другъ другомъ", и затѣмъ какъ примѣръ замѣны наклоненій приводитъ Pl. Truc. II, 2, 62 Ego illum, quamquam violentus est, spero mutari potest (въ прим. „für *posse*"). Другіе граматики не касаются этого способа выраже-

нія, какъ свойственнаго преимущественно древней латыни. У *Holtze*, въ Syntaxis priscorum scriptorum latinorum, II, p. 227—232, перечислены такіе примѣры, но въ далеко не полномъ видѣ. Наконецъ разсуждаетъ объ этомъ вопросѣ и *Draeger* въ Histor. Synt. d. lat. Sprache, III, p. 209—212, но онъ относительно древней латыни не имѣетъ собственныхъ наблюденій, а всѣ примѣры заимствуетъ изъ названной книги Гольце. Этотъ оборотъ встрѣчается у Теренція при слѣдующихъ глаголахъ:

Credo.

Andr. 313 (II, 1, 13) *Credo* impetrabo.
Heaut. 641 (IV, 1, 28) *Credo*, id cogitasti.
Ad. 150 (I, 2, 70) — — *credo* iam omnium
Taedebat.
Phorm. 40 (I, 1, 6) — ei *credo* munus hoc conraditur.
Hec. 704 (IV, 4, 82) Nam puerum iniussu *credo* non tollet meo.
Eun. 98 (I, 1, 18) *Credo*, ut fit, misera prae amore exclu*sti* hunc foras.
Ad. 79 (I, 1, 54) *credo* iam, ut solet,
Iurgabit.
Andr. 673 (IV, 1, 49) — nam satis *credo*, si advigilaveris,
Ex unis geminas mihi confi*cies* nuptias.
Hec. 128 (I, 2, 53) Ibi demum ita aegre tulit, ut ipsam Bacchidem,
Si adesset, *credo* ibi eius commiseres*ceret*.
Phorm. 140 (I, 2, 90) — Ad praetorem adeam *credo*.
Eun. 861 (V, 2, 22) — — — Quid ita vero? deb*eam*
Credo, isti quicquam furcifero, si id fecerim.
Hec. 855 (V, 4, 15): Me exspectat *credo*, adibo.

Затѣмъ Eun. 468 (III, 2, 15) Perpulchra *credo* dona aut nostra similia, поставлено въ эллиптическомъ предложеніи, ибо здѣсь подразумѣвается изъ предыдущаго *dabitis*. Потомъ при imperativus отъ *credo* съ *mihi* и безъ него:

Ad. 163 (II, 1, 9) *Crede* hoc, ego meum ius persequar.
Eun. 898 (V, 2, 59) *Crede* hoc *meae fidei*,
Dabit hic pugnam aliquam denuo.
Phorm. 494 (III, 2, 9) *Crede mihi*, gaudebis facto.
Heaut, 85 (I, 1, 33) — — *Crede* inquam mihi:
Aut consultando aut consilio aut re iuvero.

Ad. 101 (I, 2, 21) Non *est* flagitium, *mihi crede*, adulescentulum
Scortari neque potare: non *est*: neque fores
Ecfringere.

Какъ мы видимъ у Теренція, при *credo* встрѣчается паратаксисъ 17 (или 18) разъ, а accusat. cum inf. 35 разъ, то-есть, вдвое больше. Этимъ я хочу только сказать, что уже у древнихъ писателей синтаксическія соединенія удерживаютъ за собою перевѣсъ,—ибо было бы нелѣпо пользоваться вездѣ статистикой и на такомъ основаніи дѣлать какой-нибудь выводъ. Вотъ мѣста съ accus. cum. inf.: Andr. 2; 47; 341; 409; 947; 952; Eun. 118; 520; 679; 703; 710; 739; 827; 852; 858; 1015; Heaut. 560; въ Phorm. ни одного примѣра; Hec. 261; 732; 869; Ad. 58; 70; 221; 359; 518; 545; 594; 607; 617; 665 693; 748; 750; 811; 857.

Arbitror.

Eun. 979 (V, 5, 9) Ere, primum te *arbitrari* id quod res est velim.
Quidquid huius factumst, culpa non factum*st* mea.

Opinor.

Phorm. 616 (IV, 3, 11) Inv*eni*, *opinor*, remeduim huic rei.

Ut opinor читается четыре раза: Andr. 179; Phorm. 555; Hec. 598 (ut ego op.). Замѣчателенъ четвертый примѣръ, гдѣ послѣ *ut opinor* во всѣхъ рукописяхъ поставленъ acc. c. inf., и такимъ образомъ подчиненіе, такъ сказать, изобилуетъ. Вотъ онъ:

Ad. 647 (IV, 5, 13) Habitant hic quaedam mulieres pauperculae:
Ut opinor has non nosse te: et certo scio.

Въ комментаріи *Доната* сказано: 1) „Vel adeo obscurae sunt et nullius pretii"; это нужно понять такъ, что Донатъ подразумѣваетъ эти слова передъ *Ut opinor;* и 2) „Potuit recte dicere et hoc: *Ut opinor*, *has non nosti*, sed illud vetustius: *Ut opinor has non nosse te.* Aut abundat. *Ut* aut deest *scilicet*". Не понятно, отчего Донатъ подчиненіе называетъ болѣе древнею конструкціей, чѣмъ сочиненіе. *Бентли*, утверждая, что такое выраженіе не употребляется по латыни, и ссылаясь на первое примѣчаніе Доната, говоритъ, что послѣ *adeo* слѣдовало бы сказать ut opi*ner*, а не opi*nor*. Такъ онъ и пишетъ въ своемъ изданіи (то-есть, Ut opiner), помогая знаками препинанія пониманію мѣста: Habitant hic quaedam mulieres; pauperculae, ut opiner etc. Но съ нимъ согласенъ одинъ Гепперть, а всѣ прочіе издатели

удерживають рукописное чтеніе, и по моему мнѣнію, весьма справедливо. Въ доказательство я могу привести аналогическій примѣръ изъ Теренція же: Phor. 480 sq. (III, 1, 16) Ut aibat de eius consilio sese velle facere. Здѣсь Бентли опять измѣняетъ рукописное преданіе, ставя вмѣсто *Ut* мѣстоименіе *Id* и приводя въ свое оправданіе 'Ανακόλουθον hoc est et soloecissat. Сейчасъ увидимъ, что такое соединеніе вовсе не солецизмъ, но анаколутъ, встрѣчающійся довольно часто даже у Цицерона. *Reisig*, Vorlesungen etc. § 482 говоритъ: „Es hat sich selbst in die Sprache eine anakoluthische Construction gleichsam als Sprachgebrauch eingeschlichen, nemlich dass, wenn ein Zwischensatz steht mit einem Verbo, das eine Infinitivconstruction annehmen könnte, darauf eine Infinitivconstruction folgt statt des Verbi finiti, gleichsam als ob jenes Vorbum sich nicht im Zwischensatz befunden hätte, sondern das Hauptverbum wäre". То-есть: „Въ языкъ вкралась анаколутическая конструкція, такъ сказать, въ видѣ постояннаго говора (Sprachgebrauch). А именно: если поставлено вводное предложеніе съ глаголомъ, который могъ бы соединяться съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, то и слѣдуетъ неопредѣленное наклоненіе вмѣсто verbum finitum, какъ будто этотъ глаголъ не находился въ вводномъ предложеніи, но былъ главнымъ глаголомъ".

То, что Рейзигъ дальше говоритъ о заимствованіи отъ Грековъ, не заслуживаетъ никакого вниманія и было опровергнуто Гаазе въ прим. къ этому параграфу. Затѣмъ примѣры, приведенные Рейзигомъ, слѣдующіе: Cic. de rep. I. c. 37 si, ut Graeci dicunt, omnis aut Graios esse aut barbaros, vereor ne barbarorum rex fuerit Romulus. Эта фраза составлена даже гораздо смѣлѣе, чѣмъ Теренціевы, потому что авторъ въ своемъ пылѣ совсѣмъ позабылъ, что въ началѣ поставилъ *si*. Далѣе: Off. I, 7, 22 Quoniam non nobis solum nati sumus, atque, *ut placet Stoicis*, quae in terris gignuntur, ad usum hominum omnia *creari*, homines autem hominum causa *esse generatos*, — in hoc naturam debemus ducem sequi. Въ примѣчаніи Гаазе цитируетъ еще нѣсколько мѣстъ, но для нашей цѣли достаточно этихъ. Итакъ, эта конструкція вполнѣ позволительна, хотя и обнаруживаетъ небрежность, даже нелогичность выраженія; такъ, напримѣръ, въ примѣрѣ изъ Off. выходитъ, что все рождается въ пользу людей только потому, что стоикамъ это угодно, что они такъ желаютъ.

Censeo.

Heaut. 588 (III, 3, 27) — Recte dicit, *censeo*.

Phorm. 102 (I, 2, 52) sq. — *censeo*, eamus.

Andr. 578 (III, 3, 46) Num *censes* faceret, filium nisi sciret eadem haec velle?

Дрегеръ, III, p. 211, приведши въ числѣ другихъ примѣровъ изъ Плавта и нашъ послѣдній примѣръ, говоритъ, что такія сослагат. наклоненія тоже могутъ быть разсматриваемы какъ зависимыя, и что относительно Цицерона и позднѣйшихъ авторовъ всегда нужно держаться такого взгляда. Но я не понимаю логики, по которой одна и та же конструкція у одного писателя будетъ подчиненіемъ, у другаго—сочиненіемъ.

Sentio.

Andr. 436 (II, 6, 5) Praeter spem evenit, *sentio*, hoc male habet virum.

Intellego.

Andr. 729 (IV, 3, 14) — — *Intellego*:
Nova nunc religio in te istaec incessit.

Дрегеръ въ упомянутомъ сочиненіи, p. 211, утверждаетъ, будто при *intellego* самостоятельное предложеніе встрѣчается только однажды, въ Pl. Pers. 802 ludos me facitis *intellego*. Но я могу изъ Плавта привести еще два примѣра:

Bacch. 50 (I, 1, 16) — — Quia enim *intellego*,
Duae [me] unum expetitis palumbem, и

Rud. 331 (II, 3, 1) *Intellego*: hanc quae proxuma [hic] est villa Veneris fano
Pulsare iussi*sti* atque aquam rogare.

Cogito.

Ad. 206 (II, 1, 52) Verum *cogito* id quod res est: quando eum quaestum occeperis,
Accipiunda et mussitanda iniuria adolescentium*st*.

Eun. 56 (I, 1, 11) Proin tu, dum est tempus, etiam atque etiam *cogita*,
Ere: quae res in se neque consilium neque modum
Habet ullum, eam consilio regere non po*tes*.

Ad. 500 (III, 4, 55) Sed, Demea, hoc tu facito cum animo *cogites*:
Quam vos facillume agitis, quam estis maxume
Potentes dites fortunati nobiles,

Tam maxume vos aequo animo aequa noscere
Opor*tet*, si vos voltis perhiberi probos.

Ad. 808 (V, 3, 22) — quaeso hoc facito tecum *cogites*:
Tu illos duo olim pro re toll*ebas* tua,
Quod satis putabas tua bona ambobus fore,
Et me tum uxorem credidi*sti* scilicet
Ducturum.

Дрегеръ на стр. 211, приведши три примѣра: Cato ap. Gell. 16, 1, 4 cogitate cum animis vestris, si quid vos per laborem recte feceritis, labos ille a vobis cito rece*det*; Pl. Aul. IV, 7. 19 nunc ego mecum cogito, si mihi dat operam, me illi irasci iniurium*st* и Ter. Eun, I, 1, 11 (у него по ошибкѣ только: 11), прибавляетъ: „Sonst nicht nachgewiesen, denn Stellen, in denen *sic* oder *ita* auf den folgenden Gedanken hinweisen, gehören nicht hierher", то-есть: „Больше не отмѣчено, ибо мѣста, въ которыхъ sic или ita указываютъ на слѣдующую мысль, не относятся сюда". Къ такимъ мѣстамъ причисляетъ онъ. между прочимъ, и Ter. Andr. I, 1, 83 (у него написано Ad. 83 fg., но тамъ нѣтъ подобнаго примѣра; по всему вѣроятію, онъ имѣлъ въ виду показанное мною мѣсто). Въ Теренціевомъ мѣстѣ послѣ *sic cogitabam* слѣдуетъ въ видѣ прямой рѣчи мысль говорящаго, которую онъ имѣлъ въ другое время, то-есть, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ цитатой,— она у насъ и приведена на своемъ мѣстѣ. Изъ поставленныхъ выше нами примѣровъ дѣйствительно вытекаетъ, что въ разбираемомъ нами употребленіи при *cogito* частицъ *sic* и *ita* не встрѣчается, но отсюда не слѣдуетъ, чтобы вполнѣ исключались слова, указывающія на слѣдующее. Такой выводъ опровергается двумя послѣдними примѣрами, гдѣ *hoc* выражаетъ, что что-то еще будетъ.

Meditari.

Phorm. 248 (II, 1, 18) *Meditata mihi sunt* omnia mea incommoda, erus si redierit:
Molendum*st* in pistrino, rapulandum, haben*dae* compedes
Opus ruri faciundum.

Такъ читаютъ ст. 249, по возстановленію *Бентли*, *Флекейзенъ*, *Вагнеръ* и *Дзіацко*; *Умпфенбахъ* же: Molendum usque in etc.; AD[1]G Molendum esse; BCF Molendum mihi esse usque; EP Molendum mihi est usque. — *Molendum esse* нельзя оставить, потому что *habendae compedes* передано не только всѣми рукописями, но и *Присціаномъ* I,

p. 158, и *Лактанціемъ*, Inst., VII, 27, 3; чтенія другихъ рукописей не соотвѣтствуютъ размѣру; кромѣ того, *usque* есть, кажется, интерполяція, слѣдовательно, нужно читать *Molendumst*. О мнѣніи *Доната* ср. изданіе Бентли.

Hariolor.

Ad. 202 (II, 1, 48) sed ego hoc *hariolor*:
Ubi me dixero dare tanti, testes *faciet* ilico,
Vendidisse me etc.

Spero и *spes est.*

Andr. 314 (II, 1, 14) Interea fiet aliquid, *spero*.
Heaut. 553 (III, 2, 42) Non usus veniet *spero*.
Ad. 411 (III, 3, 57) — *spero*, est similis maiorum suom.
Ad. 226 (II, 2, 18) — ubi illinc *spero* redieris tamen hoc ages.
Eun. 295 (II, 3, 4) — una haec *spes est*: ubiubi est, diu celari non po*test*.

Dico, *edico* и *praedico.*

Hec. 722 (IV, 4, 100) Jam dudum *dixi* idemque nunc *dico*, Laches:
Manere adfinitatem hanc inter nos *volo*,
Si ullo modo est, ut possit.
Hec. 744 (V, 1, 18) Sine *dicam*: uxorem hanc prius quam duxit, vestrum amorem per*tuli*.
Andr. 554 (III, 3, 22) — Sic hercle ut *dicam* tibi:
Amantium irae amoris integrati*ost*.
Ad. 823 (V, 3, 37) — saepe ut possis *dicere*:
Hoc lice*t* inpune facere huic, illi non li*cet*.
Ad. 953 (V, 8, 30) Bene et sapienter *dixti* dudum: vitium commune omnium*st*,
Quod nimium ad rem in senecta attenti sumus.
Heaut. 795 (IV, 5, 47) — verum illud, Chremes,
Dicunt: ius summum saepe summa*st* malitia.
Ad. 28 (I, 1, 3) Profecto hoc vere *dicunt*: si absis uspiam
Aut ibi si cesses, evenire ea satius *est*,
Quae in te uxor dicit et quae in animo cogitat
Irata, quam illa quae parentes propitii.

Требуетъ, кажется, объясненія то обстоятельство, почему я нѣкоторыхъ изъ этихъ примѣровъ не привелъ въ числѣ цитатъ, между тѣмъ какъ въ нихъ излагаются слова другаго или другихъ лицъ. Дѣло въ томъ, что тамъ подъ цитатами я подразумѣвалъ такія из-

реченія, которыя имѣютъ смыслъ и значеніе только въ данномъ случаѣ; здѣсь же я счелъ нужнымъ помѣстить такія, которыя представляютъ мудрое наставленіе, имѣютъ общее значеніе, будутъ ли они пословицы или слова дѣйствующаго въ комедіи лица. Къ пословицамъ, съ точки зрѣнія Теренціева времени, можно отнести лишь два послѣдніе примѣра, что̀ и показываетъ предшествующее *dicunt*. Остальные же: Amantium irae amoris integratiost; Hoc licet inpune facere huic, illi non licet и vitium commune omniumst, Quod nimium ad rem in senecta attenti sumus—къ пословицамъ причисляемы быть не могутъ, потому что они влагаются въ уста самимъ дѣйствующимъ лицамъ. Далѣе слѣдуетъ примѣръ, гдѣ пропущенъ глаголъ *est*, а поставлены одни именит. падежи:

Heaut. 1032 (V, 4, 9) At ego, si me metuis, mores cave in te istos sentiam.
::Quos?:: Si scire vis, ego *dicam*: gerro, iners, fraus, helluo,
Ganeo, damnosus.

Andr. 667 (IV, 1, 43) Eho *dic mi*, si omnes hunc coniectum in nuptias
Inimici vellent, quod ni hoc consilium darent?

Eun. 1063 (V, 8, 33) — miles, *edico* tibi,
Si te in platea offendero hac post unquam, quod dicas mihi
„Alium quaerebam, iter hac habui", periisti.

Andr. (I, 1, 19) — hoc primum in hac re *praedico* tibi.
Quas credis esse has, non *sunt* verae nuptiae.

Loquor, *ain*, *narro*, *non nego*.

Ad. 215 (II, 2, 7) — scis quid *loquar*?
Pecuniam in loco neclegere maximum interdum*st* lucrum.

Phorm. 510 (III, 2, 25) — *Ain*, vendidit?

Andr. 875 (V, 3, 4) *Ain tandem*, civis Glycerium*st*?

Шпигель приводитъ подобный примѣръ изъ Цицерона: начало 21-го письма ad fam. IX: Ain tandem? insanire tibi videris? *Seyffert*, Schol. lat. § 65, b extr., называетъ выраженія: Itane vero? Ain tu? Ain vero? Ain tandem? „dem Conversationstone entlehnte Wendungen", то-есть, оборотами, заимствованными изъ разговорнаго языка.

Andr. 367 (II, 2, 30) — Opi*nor*, *narras*?

Ad. 798 (V, 3, 12) — Factum*st*, *non nego*.

Fateor.

Heaut. 158 (I, 1, 106) Ita res est, *fateor*, peccatum a me maximum*st*.

Ad. 188 (II. 1, 34) Leno *sum*, *fateor*, pernicies communis adulescentium,

Periurus, pestis.

Heaut. 644 (IV, 1, 31) Mi Chremes, pecca*vi*, *fateor*, vin*cor*.

Hec. 838 (V, 3, 40) Incommode mihi nuptiis eve*nit* factum, *fateor*.

Такъ слѣдуетъ, по моему мнѣнію, читать этотъ стихъ, и *Incommode* соединить съ *factum*, такъ что смыслъ будетъ: „Признаюсь, неблагопріятное для меня дѣло вышло изъ его свадьбы". Всѣ издатели единогласно ставятъ послѣ *evenit* двоеточіе и соединяютъ *factum* съ *fateor*, что̀ не даетъ хорошаго смысла, ибо это значило бы: „непріятный для меня случай произошелъ изъ его свадьбы; признаюсь, что это такъ случилось". Это повтореніе мысли уничтожается нашею интерпункціей.

Phorm. 235 (II, 1. 5) — An hoc dicet mihi:

„Invitus feci; lex coëgit?" aud*io*, *fateor*.

Audio, *fateor* читается у всѣхъ издателей и въ Bembinus; всѣ прочія рукописи и Донатъ (см. ad Eun. II, 3, 79) читаютъ *audio et fateor*. Audio здѣсь будетъ=audiri potest, по нѣмецки: das lässt sich hören; въ такомъ смыслѣ еще Phorm. II, 3, 79 и non audio III, 2, 1.

Scio.

1) на концѣ предложенія:

Eum. 889 (V, 2, 50) — ah vo*let*, certo *scio*.

Heaut. 254 (II, 3, 13) — aedes nostrae vix capi*ent*, *scio*.

Hec. 350 (III, 2, 15) Omnem rem narra*bit*, *scio*, continuo sola soli.

Ad. 339 (III, 2, 41) Nunc si hoc palam proferimus, ille infitias *ibit*, sat *scio*.

Hec. 756 (V, 1, 30) Faciam, quod pol, si esset alia ex hoc quaestu, haud fa*ceret*, *scio*.

Ad. 360 (III, 3, 6) — persua*sit* ille inpurus, sat *scio*:

Ad. 526 (IV, 1, 10) Nunc ubi me illic non videbit, iam huc recur*ret*, sat *scio*.

Eun. 628 (IV, 1, 14) Hoc *est* signi: ubi primum poterit, se illinc subducet: *scio*.

Напрасно *Umpfenbach*, Anal. Ter., p. 8, предлагаетъ читать *eo* вмѣсто *scio*, потому что дѣвушка послѣ этихъ словъ сходитъ со сцены.

2) въ срединѣ:

Eun. 487 (III. 2, 34) — Nam hercle nemo poss*et*, sat *scio*,
Qui haberet qui pararet alium, hunc perpeti.
Hec. 233 (II, 1, 36) — nam de te quidem
Satis *scio* peccando detrimenti nil fieri potest.
Eun. 567 (III, 5, 19) Primam dic*es*, *scio*, si videris.
Heaut. 230 (II, 2, 1) Si mihi secundae res de meo amore essent, iam dudum *scio*
Venissent.
Hec. 655 (IV, 4, 33) Pater, si ex me illa liberos vellet sibi
Aut se esse mecum nuptam, satis certo *scio*,
Non me clam hab*eret* quod celasse intellego.
Hec. 67 (I, 1, 10) Nam nemo illorum quisquam, *scito*, ad te venit
Quin ita paret sese etc.

3) въ началѣ:

Andr. 653 (IV, 1, 29) *Scio*: cum patre alterc*asti* dudum, et is nunc propterea tibi
Suscen*set* nec te qui*vit* hodie cogere illam ut duceres.
Andr. 658 (IV, 1, 34) *Scio*: tu coactus tua voluntate *es*.
Andr. 929 (V, 4, 26) — — — hoc certo *scio*,
Rhamnusium se ai*ebat* esse.
Heaut. 752 (IV, 5, 4) Etsi *scio*, hosce aliquot dies non sent*iet*.
Phorm. 110 (I, 2, 60) — — — — — Jam *scio*,
Amare coe*pit*.
Phorm. 137 (I, 2, 87) — — — — unum hoc *scio*,
Quod fors feret, fer*emus* aequo animo.
Phorm. 636 (IV, 3, 31) — — — — nam sat *scio*,
Si tu aliquam partem aequi bonique dixeris,
Ut est ille bonus vir, tria non commuta*bitis*
Verba hodie inter vos.
Ad. 225 (II, 2, 17) — — — hoc *scio*,
Animus tibi pend*et*.

Ad. 256 (II, 3, 3) — — — satis certo *scio*,
Numquam quicquam ita magnifice quicquam di-
cam, id virtus quin superet tua.

Andr. 365 (II, 2, 28) — — — *Scio*,
Magnum signum (sc. est).

Сюда можно отнести и тотъ случай, когда придаточное съ главнымъ предложеніемъ соединяется непосредственно, гдѣ слѣдуетъ подразумѣвать посредствующую мысль: scito, scitote или dico, dicam. Такую преимущественно для риторическихъ цѣлей употребляемую фигуру *Гольце*, Synt. etc., II, p. 217, называетъ rhetorica breviloquentia; *Цумптъ*, въ граматикѣ § 772, *Грюзаръ*, Theorie d. lat. Stils, 2. изд., p. 304, *Госсрау*, Latein.. Sprachlehre § 498, 2 № 13 и *Бергеръ*, Latein. Stilistik § 98, a—причисляютъ ее къ эллиптическимъ сочетаніямъ. Это бываетъ въ предложеніяхъ, начинающихся съ *ut*, *ne*, *quod* (=что касается до того, что—), *si*, *quoniam* и др. У Теренція мы нашли примѣры съ *ut*, *ne* и *quod*, и кромѣ того, въ паратактическихъ соединеніяхъ:

1) *ut* и *ne*.

Phorm. 1043 (V, 9, 54) — — *ut* meam iam scias sententiam,
Neque ego ignosco neque promitto quic-
quam neque respondeo,
Prius quam gnatum videro.

Heaut. 451 (III, 1, 40) — — — nam *ut* tu scias,
Quam ea nunc instructa pulchre ad perni-
ciem siet:
Primum iam ancillas secum adduxit plus
decem.

Andr. 775 (IV, 4, 36) — — — Nunc adeo, *ut* tu sis sciens,
Nisi puerum tollis, iam ego hunc in medi-
am viam
Provolvam teque ibidem pervolvam in luto.

Heaut. 269 (II, 3, 28) Hoc primum, *ut* *ne*quid huius rerum ig-
nores: anus
Quae est dicta mater esse ei antehac, non fuit.

Andr. 704 (IV, 2, 21) — — Huic, non tibi habeo, *ne* erres.

Ad. 375 (III, 3, 21) — Est hercle inepta (sc. oratio nostra) *ne*
dicam dolo, atque
Absurda.

Ad. prol. 22 Dehinc *ne* exspectetis argumentum fabulae:
Senes qui primi venient, ei partem aperient,
In agendo partem ostendent.

Hec. 135 (I, 2, 60) *Ut* ad pauca redeam, uxorem deducit domum.

Phorm. 648 (IV, 3, 43) *Ut* ad pauca redeam ac mittam illius ineptias,
Haec denique eius fuit postrema oratio.

Другаго рода будутъ слѣдующіе два примѣра. Въ первомъ изъ нихъ послѣ подразумѣваемаго *dico* долженъ быть поставленъ косвенный вопросъ, а во второмъ посредствующею мыслью служитъ глаголъ *rogo* или другой тому подобный.

Heaut. 457 (III, 1, 48) Nam *ut* alia omittam, pytissando modo mihi
Quid vini absumpsit.

Hec. 420 (III, 4, 6) Nam alias *ut* mittam miserias, unam hanc vide.

2) quod.

Andr. 395 (II, 3, 21) Nam *quod* tu speres „propulsabo facile uxorem his moribus,
Dabit nemo“: inveniet inopem potius quam te corrumpi sinat.

Ad. 162 (II, 1, 18) Tu *quod* te posterius purges, hanc iniuriam mihi nolle
Factam esse: huius non faciam (щелкаетъ пальцами).

Eun. 785 (IV, 7, 15) Sane quod tibi nunc vir videatur esse hic: nebulo magnus est.

Ad. prol. 15 Nam *quod* isti dicunt malivoli, homines nobilis
Eum adiutare adsidueque una scribere:
Quod illi maledictum vemens esse existumant,
Eam laudem hic ducit maxumam, quom illis placet,
Qui vobis universis et populo placent.

3) Паратактическія предложенія.

Phorm. 334 (II, 2, 28) — — dices „ducunt damnatum domum“:
Alere nolunt hominem edacem.

Eun. 511 (III, 3, 5) Roget quis „quid rei tibi cum illa?“ ne noram quidem.

Heaut. 335 (II, 3, 94) — — — — Longumst, Clitipho,
Si tibi narrem, quam ob rem id faciam: vera causa est.

Примѣры изъ Плавта приводятъ *Умпфенбахъ*, Analecta Ter. p. 11, *Шпенгель* къ Andr. 395, 508 и 704 и *Бриксъ*, Pl. Mil. glor. 162. Всѣ трое неправильно относятъ сюда слѣдующій Теренціевъ примѣръ:

Eun. 1063 (V, 8, 33) — — — — miles, *edico* tibi,
Si te in platea offendero hac post umquam, *quod* dicas mihi
„Alium quaerebam, iter hac habui", *periisti*;

потому что здѣсь связывающій *quod dicas* съ *periisti* глаголъ (edico) поставленъ, хотя и въ паратактической формѣ, точно также, какъ у Цицерона Verr. V, 68, 175: *Quod* enim te liberatum iam existimationis metu, defunctum honoribus, designatum consulem cogites, *mihi crede*, ornamenta ista et beneficia populi Romani non minore negotio retine*ntur* quam compara*ntur*. Но есть и такіе примѣры, гдѣ посредствующій глаголъ подчиняетъ себѣ слѣдующее предложеніе:

Eum. 961 (V, 4, 39) — — At *ne* hoc nesciatis, Pythias,
Dico, *edico* vobis, nostrum esse illum erilem filium.

Andr. 508 (III, 2, 28) Id ego tibi, ere, *renuntio* iam nunc futurum, ut sis sciens,

гдѣ возможно было бы безъ dico и renuntio поставить: noster est ille erilis filius и id — — — iam nunc erit. Умпфенбахъ, Anal. Ter. p. 11, цитуетъ подобный примѣръ изъ Цицерона in Pison. 27, 66. Nam *quod* vobis iste tantummodo improbus, crudelis... *quod* audax esse videatur, nihil *scitote* esse luxuriosius, nihil libidinosius.

К. Троосъ.

(*Продолженіе будетъ*).

АРХИТЪ ТАРЕНТСКІЙ, ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

Архитъ Тарентскій — одно изъ тѣхъ немногихъ лицъ, съ которыми тѣсно связана исторія знаменитаго въ древности политико-философскаго общества пиѳагорейцевъ. Посвященный въ это общество еще въ молодыхъ лѣтахъ [1]), и безъ сомнѣнія, не мало обязанный ему умственною и нравственною высотою своего духа, Архитъ является послѣднимъ представителемъ цвѣтущаго состоянія жизни этого общества, и представителемъ блестящимъ: пиѳагореизмъ нашелъ въ немъ выраженіе самыхъ лучшихъ своихъ политическихъ и философскихъ стремленій. Архитъ достигаетъ высокаго политическаго значенія, какого до него не достигалъ ни одинъ пиѳагореецъ. Нравственный его характеръ представляетъ осуществленіе практической морали пиѳагореизма. Наконецъ, его плодотворныя занятія математикой, а отчасти также чисто математическій или математико-физическій характеръ нѣкоторыхъ отрывковъ изъ его философскихъ сочиненій, показываютъ, что математическое направленіе, лежавшее въ основѣ пиѳагорейской философіи и доселѣ смѣшивавшееся съ космогоническими традиціями, постепенно спеціализировалось, обособлялось, и наконецъ, явилось въ надлежащемъ видѣ въ философіи Архита. По всему этому жизнь и философія Архита, какъ послѣдній результатъ живаго развитія пиѳагореизма, заслуживаютъ нисколько не менѣе, если еще не болѣе вниманія, чѣмъ жизнь и философія самого основателя этого общества.

I.

Архитъ родился въ Тарентѣ [2]) и бо̀льшую часть своей жизни провелъ въ своемъ отечественномъ городѣ. О времени его рожденія нѣтъ точныхъ свѣдѣній. Достовѣрно извѣстно только, что онъ былъ

[1]) Valer. Max. VI, 1.

[2]) Diog. Laert. VIII, 79.

современникомъ Діонисія Младшаго и Платона, въ первое путешествіе котораго въ Италію и въ третье—въ Сицилію онъ пользовался уже значительнымъ философскимъ и политическимъ вліяніемъ. Путешествія Платона относятся къ 91 и 104 олимпіадамъ, на основаніи чего время рожденія Архита относятъ къ 87 олимпіадѣ, или 430 г. году до Р. X., а время смерти опредѣляютъ нѣсколькими годами ранѣе смерти Платона, умершаго въ 348 году. Время рожденія и смерти Архита не позволяетъ считать его непосредственнымъ ученикомъ Пиѳагора (род. около 584 г. до Р. X.), но напротивъ, даетъ основаніе думать, что онъ принадлежалъ къ числу послѣднихъ младшихъ пиѳагорейцевъ. По анонимному извѣстію, сохраненному Фотіемъ [1]), Архитъ стоялъ восьмымъ въ нисходящемъ порядкѣ пиѳагорейцевъ, и стало быть, непосредственно слѣдовалъ за Филолаемъ. Правда, Цицеронъ, Діогенъ Лаэртскій и другіе [2]) ставятъ Филолая ученикомъ Архита, но это противорѣчитъ, какъ свѣдѣніямъ о времени жизни Филолая, такъ и другимъ обстоятельствамъ. Извѣстно, что Филолай былъ старшимъ современникомъ Сократа и Демокрита [3]), что время его жизни, поэтому, нельзя продолжать далѣе 95 олимпіады, и что, слѣдовательно, во время третьяго путешествія Платона въ Сицилію, когда Архитъ находился еще въ цвѣтущей порѣ своей жизни, Филолая въ живыхъ давно уже не было. По общему мнѣнію древности [4]), Филолай первый изъ пиѳагорейцевъ оставилъ письменныя сочиненія; такимъ образомъ, называя Филолая ученикомъ и младшимъ Архита, слѣдовало бъ или заподозрить извѣстіе о первыхъ письменныхъ сочиненіяхъ Филолая, или отказаться отъ сочиненій Архита, о которыхъ однакожъ зналъ Аристотель [5]). Наконецъ, одно извѣстіе даетъ нѣкоторое основаніе предполагать, что не Филолай былъ ученикомъ Архита, а на оборотъ—Архитъ былъ ученикомъ Филолая. Ямвлихъ называетъ Еврита ученикомъ Филолая [6]), но Архитъ велъ колкую полемику противъ Еврита, нападая на него за то, что онъ для каждой вещи назначалъ особенное число [7]), — фактъ, объясняемый очень легко,

---

[1]) Anonym. apud Photium, 259.
[2]) Cic. De Oratore III, 34. Діогенъ ставитъ Архита прежде Филолая VIII, стр. 541 и слѣд. Theon Smyrn. de musica p. 166.
[3]) Платонъ, Федонъ, 61.
[4]) Diog. Laërt. VIII, 15. Jamblich. vit. Pyth. 31. Diog. L. lib. III, 9.
[5]) Diog. Laërt. lib. VIII, segm. 25.
[6]) Jambl. vita Pythag. segm. 148.
[7]) Theophr. Met. pag. 312.

если вмѣстѣ съ Евритомъ считать и Архита ученикомъ одного и того же учителя, то-есть, Филолая. Такимъ образомъ и анонимное извѣстіе, и показанныя обстоятельства заставляютъ считать Архита въ порядкѣ младшихъ пиѳагорейцевъ непосредственно за Филолаемъ. Близкія отношенія, въ которыхъ Архитъ находился къ Платону, подали поводъ двумъ мнѣніямъ, изъ которыхъ по одному Архитъ былъ учителемъ Платона [1]), а по другому—ученикомъ его [2]). Первое мнѣ ніе, принадлежащее Цицерону, отчасти находитъ себѣ опроверженіе въ другомъ извѣстіи того же писателя [3]), что Платонъ отправился въ Италію уже послѣ смерти Сократа, а главнымъ образомъ въ томъ обстоятельствѣ, что Платонъ порицалъ Архита за примѣненіе имъ механики къ стратегіи, которое унижаетъ геометрію, переводя ее отъ предметовъ умственныхъ къ матеріальнымъ [4]). Второе мнѣніе не можетъ быть принято уже потому только, что оно выдается не болѣе, какъ предположеніе, не имѣющее за себя ни одного обстоятельства. Дѣйствительно, отношенія Архита къ Платону были очень тѣсныя; дружба ихъ вошла въ пословицу, наряду съ дружбой извѣстныхъ пиѳагорейцевъ Дамона и Финтія [5]); но то не была дружба между учителемъ и ученикомъ, и основалась она совершенно на другихъ обстоятельствахъ. По извѣстіямъ Діогена [6]) и Плутарха [7]), Архитъ, и прежде знавшій Платона, въ особенности сблизился съ нимъ во время третьяго путешествія его въ Сицилію, когда Діонисій младшій, желая снова пригласить аѳинскаго философа къ своему двору, упросилъ Архита принять на себя посредство въ переговорахъ съ Платономъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, поручительство въ обѣщаніяхъ, какія онъ давалъ послѣднему. И когда прибывшій Платонъ вскорѣ подвергся новому гнѣву тиранна и былъ въ опасности даже лишиться жизни, Архитъ немедленно отправилъ къ Діонисію пословъ съ письмомъ, въ которомъ, напомнивъ ему о своемъ поручительствѣ въ его обѣщаніяхъ предъ Платономъ, требовалъ отпустить его. Платонъ былъ освобожденъ, и такимъ образомъ, обязанъ былъ

---

[1]) Cicer. de finibus bonorum et malorum V, 29.
[2]) Eutoc. in Archimed. de sphaera II, 2.
[3]) Cicer. Respubl. lib. I, cap. 10.
[4]) Plutarch. vit. Marcelli, cap. 14.
[5]) Jambl. Vita Pythag. pag. 127.
[6]) Diog. Laert. III, 22.
[7]) Plutarch. vit. Dion.

Архиту едва ли не спасеніемъ своей жизни [1]). Правда, въ другихъ письмахъ, сохраненныхъ Діогеномъ [2]), указывается на взаимный обмѣнъ сочиненіями какихъ-то неизвѣстныхъ авторовъ, существовавшій будто между Платономъ и Архитомъ; но если эти письма и подлинны, въ чемъ, впрочемъ, можно сомнѣваться въ виду преднамѣренности, проглядывающей въ искусственныхъ, школьныхъ пріемахъ составителя,—и тогда эти отношенія не могли бы, сами по себѣ, служить достаточнымъ основаніемъ для вышеприведенныхъ мнѣній.

Какъ младшій пиѳагореецъ, Архитъ однакожь избѣжалъ по какимъ-то обстоятельствамъ всеобщаго гоненія, послѣдовавшаго за разрушеніемъ участниками Килонова заговора дома общественнаго собранія пиѳагорейцевъ въ Кротонѣ и заставившаго многихъ изъ нихъ покинуть Италію. Чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ этого событія, мы видимъ Архита во главѣ Тарентинской республики, которою онъ управлялъ семь лѣтъ сряду [3]), хотя туземными законами каждому дозволялось управлять только, въ продолженіе года и одинъ разъ въ жизни. Такое исключеніе отъ постановленій закона граждане допустили, вѣроятно, въ виду превосходныхъ способностей Архита, какъ полководца и правителя. Блестящія способности полководца Архитъ доказалъ тѣмъ, что во всѣхъ сраженіяхъ, въ которыхъ онъ начальствовалъ, Тарентинцы оставались побѣдителями, а когда, уступая завистливымъ претендентамъ, онъ отказывался отъ предводительства, его соотечественники были побѣждаемы непріятелями [4]). Какъ справедливаго правителя, его можетъ характеризовать изреченіе, что „судья и жертвенникъ—одно и то же, потому что къ тому и другому обращается обиженный“ [5]). Этимъ исчерпываются обстоятельства внѣшней жизни Архита. Смерть его на морѣ, около береговъ Италіи, воспѣлъ Горацій въ одной изъ своихъ одъ [6]).

Нравственный характеръ Архита — одинъ изъ популярнѣйшихъ характеровъ древности. Сохранившіеся разказы рисуютъ его образцомъ разумной умѣренности, самообладанія, скромности и при этомъ представляютъ его ласковымъ, общительнымъ и склоннымъ къ дружбѣ,

---

[1]) Ibid. Такъ-же Diog. L. VIII, 79.

[2]) Diog. L. VIII, 80 и 81.

[3]) Diog. Laert. VIII, 82. Aelian. var. hist. lib. VII, 14. Strabo. lib. IV. 280. Pseudodemosth. orat. amator. pag. 602.

[4]) Pseudodemosth. orat. amator. pag. 602.

[5]) Aristot. Rhetor. lib. III, cap. 11.

[6]) Od. I, 28.

Архитъ говорилъ, „что нѣтъ язвы болѣе опасной для людей, какъ естественное влеченіе къ чувственнымъ удовольствіямъ, потому что оно, возникая случайно и невольно и не управляемое разумомъ, составляетъ источникъ величайшихъ золъ, въ особенности упадка общественной нравственности... Стоитъ", говоритъ онъ далѣе,—„только вообразить человѣка, воспламененнаго какою-либо сильною страстью, чтобъ убѣдиться, что въ этомъ состояніи онъ не можетъ дѣйствовать не только разумомъ, но и простымъ соображеніемъ, и будь страсти болѣе или продолжительнѣе, онѣ угасили бы всякій свѣтъ души" [1]). Господство надъ страстями и спокойное самообладаніе Архитъ показывалъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Разгнѣванный рабами, которые въ его отсутствіи своимъ нерадѣніемъ разстроили хозяйственную экономію, Архитъ не подвергъ ихъ наказанію, котораго они заслуживали, и стараясь подавить душевное волненіе, сказалъ имъ: „Счастье ваше, что я въ гнѣвѣ!" [2]). Онъ столько былъ стыдливъ и скроменъ, что никогда не произносилъ неприличнаго слова и разъ, имѣя необходимость сказать это слово, написалъ его на стѣнѣ [3]). Его благосклонность и ласковость выражалась въ томъ, что, будучи великимъ государственнымъ человѣкомъ и знаменитымъ философомъ, онъ любилъ играть съ дѣтьми своихъ рабовъ [4]). Наконецъ его склонность къ общительности и дружбѣ изображаетъ Цицеронъ, приписывая ему изреченіе: „И на небѣ нѣтъ наслажденія, если не съ кѣмъ подѣлиться полнотою чувствъ" [5]).

Но особенно велика была въ древности популярность Архита, какъ ученаго, именно—математика, и писателя вообще. По разносторонности предметовъ, которыхъ касался Архитъ, его почти можно сравнить съ Демокритомъ. Кромѣ собственно философскихъ и математическихъ сочиненій, ему приписываютъ сочиненіе о музыкѣ [6]), земледѣліи [7]) и даже о поваренномъ искусствѣ [8]). Въ области математики Архитъ изобрѣлъ способъ удвоенія куба, и потому, считается основателемъ аналитической геометріи. Это открытіе, безъ сомнѣнія,

---

[1]) Cicer. De senectute, cap. 12.
[2]) Jamblichus, Vit. Pyth. pag. 405.
[3]) Aelian. var. hist. lib. XIV, 19.
[4]) Aelian. var. hist. lib. XII, 15.
[5]) Cicero, De amicitia, cap. XXIII.
[6]) Nicom. lib. I Arithmet. p. 5. Plutarch. de Musica, cap. 44.
[7]) Varro de re rust. I, 1; Colum. I, 1.
[8]) Athenaeus lib. XII, p. 516.

важное и само по себѣ, доставило Архиту въ древности особенную извѣстность вслѣдствіе того обстоятельства, что найденнымъ имъ способомъ удвоенія куба легко разрѣшалось данное Аполлономъ Делосскимъ приказаніе — удвоить ему жертвенникъ, приказаніе, заставившее жителей острова обращаться къ Платону за объясненіемъ, и не смотря на отвѣтъ послѣдняго, все-таки приводившее ихъ въ недоумѣніе и страхъ [1]).

Архиту приписывается очень много сочиненій, которыя дошли до насъ въ отрывкахъ. Всѣхъ отрывковъ около 60, не считая мелкихъ изреченій и категорій изъ Симплиція; они—слѣдующаго содержанія: о счастіи и добродѣтели (12 отрывковъ), о нравственномъ воспитаніи (2), о мудрости (5), о законѣ и правдѣ (6), о математикѣ (2), о духѣ и чувствѣ (1), о началахъ вещей (2), о сущемъ (2) и объ общихъ понятіяхъ или категоріяхъ (26). Сверхъ того, сохранились отрывки изъ не поименованныхъ сочиненій, цитуемые Сиріономъ въ комментаріяхъ на Аристотелеву Метафизику, Симплиціемъ въ комментаріяхъ къ Аристотелевой Физикѣ, Теономъ Смирнскимъ въ его сочиненіи о музыкѣ, Порфиріемъ въ комментаріяхъ къ Птоломеевой Гармоніи. Въ послѣднее время отыскана забытая книга, изданная Доминикомъ Пиццименти въ 1571 году въ Вѣнѣ, въ которой содержится 22 отрывка о категоріяхъ, цитуемые Симплиціемъ въ коментаріяхъ къ Категоріямъ Аристотеля и будто бъ извлеченные изъ книги Архита: „объ общемъ“. Изъ одного этого перечня можно судить, что отрывки изъ сочиненій Архита, по многочисленности своей и по разнообразію своего содержанія, составляютъ исключеніе по отношенію къ сохранившимся до насъ отрывкамъ другихъ философовъ, современныхъ Архиту или даже позднѣйшихъ его. И еслибъ эти отрывки дошли изъ болѣе достовѣрныхъ источниковъ, исторія философіи имѣла бы полный источникъ для знакомства съ древнею пиѳагорейскою философіей и вѣрныя данныя для рѣшенія того, чѣмъ и какъ много пиѳагореизмъ послужилъ для аттической философіи, въ которой слились отдѣльные токи мѣстной іонійской и италійской философіи. Но фрагменты Архита дошли до насъ не изъ древнихъ источниковъ, а изъ позднѣйшихъ, преимущественно чрезъ ученыхъ (неоплатонической) неопиѳагорейской школы, отличавшейся суевѣрною привязанностью къ древней пиѳагорейской философіи и ея представителямъ, и вслѣдствіе того, стремленіемъ подновлять древне-

[1]) Vitruv. lib. IX. cap. 3. Сравн. Plut. de daem. Socr. pag. 575.

пиѳагорейскую дисциплину въ современной жизни и для этой цѣли составлять новыя сочиненія будто бы въ духѣ пиѳагореизма и подъ именемъ какого-либо древняго философа этой школы. Съ другой стороны, фрагменты Архита цитуются еще болѣе поздними писателями, напримѣръ, Стобеемъ, который передаетъ большую и важнѣйшую часть ихъ. Впрочемъ, это обстоятельство еще не могло бы служить поводомъ заподозрѣвать подлинность дошедшихъ до насъ фрагментовъ Архита, если бы самое содержаніе ихъ отстраняло такой поводъ. Но ихъ содержаніе, представляющее различные элементы позднѣйшей философіи, сплоченные между собою слишкомъ искусственно, не только не устраняетъ, а необходимо навязываетъ, если позволительно такъ выразиться, сильное сомнѣніе въ ихъ подлинности. Между историками философіи уже давно существуетъ споръ о подлинности фрагментовъ, приписываемыхъ Архиту; одни изъ нихъ, какъ Риттеръ [1]) и Гартенштейнъ [2]), отвергаютъ подлинность большей части фрагментовъ Архита, оставляя ее только за очень немногими; другіе, какъ Бекманъ [3]) и Петерсенъ [4]), стараются, напротивъ, доказать не признаваемую подлинность; наконецъ, послѣднее сочиненіе, принадлежащее Группе [5]), старается представить подложными всѣ безъ исключенія фрагменты Архита. Все это дѣлаетъ необходимымъ, прежде изложенія самаго содержанія фрагментовъ, заняться вопросомъ о ихъ подлинности и показать, какихъ результатовъ достигла историко-философская критика въ рѣшеніи этого вопроса: всѣ ли фрагменты, приписываемые Архиту, подлинны, или только нѣкоторые, и какіе именно?

II.

Вопросъ о подлинности сочиненій, приписываемыхъ Архиту, не внѣшній только вопросъ, не предварительное изслѣдованіе, которое—въ отношеніи къ другимъ сочиненіямъ—могло бъ и не сопровождать знакомство съ ихъ содержаніемъ. Вопросъ этотъ въ данномъ случаѣ имѣетъ исключительное значеніе, потому что безъ разрѣшенія его оказывается невозможнымъ изложеніе самаго содержанія сочиненій,

---

[1]) Geschichte der Pythagorischen Philosophie, S. 67.

[2]) De Archytae Tarentini fragmentis philosophicis, 1833.

[3]) Beckmann, De Pythagoreorum reliquiis.

[4]) De Archytae Tarentini fragm. phil. Zeitschrift für Alterthumswissenschaft, 1836 г. стр. 873 и сл. (рецензія на диссертацію Гартенштейна).

[5]) Ueber die Fragmente des Archytas und älterer Pythag. 1840.

главною цѣлью котораго должно быть объясненіе заключающагося въ нихъ философскаго міросозерцанія. Объясненіе ученія, которое можно узнать только изъ неполныхъ отрывковъ, возможно только при сравненіи съ другими сочиненіями, родственными имъ по духу и направленію, то-есть, сочиненіями философовъ одной и той же школы. Архитъ, по единогласному свидѣтельству древности, принадлежалъ къ философамъ пиѳагорейской школы; слѣдовательно, его ученіе должно быть объясняемо изъ пиѳагорейской философіи. Таковъ, по крайней мѣрѣ, обыкновенный пріемъ исторіи философіи, когда она слѣдитъ за содержаніемъ какихъ-либо философскихъ сочиненій. Но если ученіе Архита въ главномъ оказывается не имѣющимъ никакихъ точекъ соприкосновенія съ пиѳагорейскою философіей, если оно находится въ ближайшей связи съ ученіемъ Платона и Аристотеля, и если, наконецъ, нѣтъ никакой возможности поколебать извѣстія древности о принадлежности Архита къ пиѳагорейской школѣ, то рѣшеніе вопроса о подлинности сочиненій, приписываемыхъ Архиту, является настоятельнымъ и необходимымъ. Въ противномъ случаѣ нужно было бъ или разсматривать ученіе Архита безъ всякаго отношенія къ ученію его предшественниковъ, что̀ не могло бы дать о немъ никакого понятія, или утверждать то, что̀ противорѣчитъ узаконеннымъ взглядамъ въ исторіи философіи, именно, что пиѳагорейская философія въ лицѣ Архита было непосредственною предшественницею Платоновой философіи, и что начало и конецъ ея развитія относятся какъ двѣ противоположности, и переходъ отъ одной къ другой почти невозможенъ.

Такимъ образомъ, вопросъ о подлинности сочиненій, приписываемыхъ Архиту, необходимо вытекаетъ изъ самаго ихъ содержанія. Поэтому-то слѣды его можно находить еще въ древности. Такъ, Боэцій, приводя общепринятое мнѣніе, что пиѳагореецъ Архитъ былъ предшественникомъ Аристотеля въ изобрѣтеніи десятичнаго числа категорій, въ то же время упоминаетъ о нѣкоторыхъ несогласныхъ съ этимъ мнѣніемъ (Arithm. II, 41). Въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ Ѳемистія, который, не соглашаясь съ общепринятымъ мнѣніемъ, будто Архитъ написалъ книгу о десяти категоріяхъ подъ названіемъ — καθολικοὶ λόγοι, говоритъ, что это сочиненіе написано не пиѳагорейцемъ Архитомъ, а младшимъ перипатетикомъ, носившимъ также имя Архита (Boeth. Comment. ad Categor. Arist., pag. 114). Само по себѣ это сомнѣніе древности не составляетъ какого-либо важнаго основанія для рѣшенія вопроса о подлинности сочиненій Архита;

притомъ оно имѣетъ за себя всего лишь одного представителя противъ общепринятаго противоположнаго мнѣнія, и кромѣ того, простирается только на одну часть фрагментовъ — логическаго содержанія. Но въ новѣйшее время сомнѣніе въ подлинности фрагментовъ Архита находило себѣ представителя въ каждомъ, кто разсматривалъ ихъ содержаніе, исключая тѣхъ, которые приступали съ цѣлію защитить ихъ подлинность и доказать противное.

Главнымъ основаніемъ доказательства неподлинности сочиненій, приписываемыхъ Архиту, служитъ, съ одной стороны, несходство ихъ содержанія съ пиѳагорейскою философіей, отсутствіе типическихъ чертъ ея, и съ другой—непосредственная связь въ понятіяхъ съ философіей Платона и Аристотеля; основаніе, силу и значительность этого довода не признать нельзя. Въ самомъ дѣлѣ, если Архитъ былъ пиѳагорейцемъ (Πυθαγορικός), то и его ученіе должно, въ извѣстной мѣрѣ, отражать на себѣ общія типическія черты, свойственныя всему въ совокупности ученію школы. Такое требованіе, которое едва ли было бы справедливо, и во всякомъ случаѣ, могло бъ имѣть только ограниченное приложеніе относительно другихъ философскихъ школъ перваго періода, — законно, когда дѣло идетъ о философіи пиѳагорейской. По своему кастическому устройству, замкнутости и неподвижности, пиѳагорейское общество представляло наилучшія условія для единства мыслей въ своихъ членахъ и для выработки въ нихъ общаго типа, по которому можно было бъ узнать мышленіе пиѳагорейца. Извѣстно, что здѣсь, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, догма и традиціи имѣли обязательную силу; но они едва ли совсѣмъ утратили ее и въ позднѣйшее время. Младшіе пиѳагорейцы, не смотря на значительный промежутокъ времени, отдѣлявшій ихъ отъ основателя школы, удержали на своемъ мышленіи традиціонный и математическій характеръ, положенный въ основу школы Пиѳагоромъ ли, или кѣмъ-либо другимъ, но во всякомъ случаѣ господствовавшій въ ней. Такимъ образомъ, отсутствіе въ ученіи Архита сходства съ пиѳагорейскою философіей и связь съ философіей Платона и Аристотеля уже сами по себѣ представляютъ достаточное основаніе для произнесенія приговора о ихъ неподлинности, хотя, какъ увидимъ, критика этимъ и не довольствуется.

Представители противоположной стороны не видятъ ничего страннаго въ несходствѣ ученія Архита съ пиѳагорейскою философіей и въ близости его къ позднѣйшей философіи, усиливаясь доказать, что Архитъ могъ быть предшественникомъ философіи Платона, и что эта послѣдняя вышла непосредственно изъ школы младшихъ пиѳагорей-

цевъ, послѣдними представителями которой были Тимей и Архитъ. Но на этомъ пути сторонники подлинности Архитовыхъ сочиненій лишены прочныхъ историческихъ основъ, и принужденные витать въ области возможнаго, ограничиваются одними только предположеніями. Не смотря однако на это, для произнесенія рѣшительнаго приговора о фрагментахъ, которые возбудили споръ о своей подлинности, нужно разсмотрѣть ихъ содержаніе и показать, какъ далеки опи отъ пиѳагорейской философіи, и въ чемъ состоитъ сходство ихъ содержанія съ ученіемъ Платона и Аристотеля. Сюда относятся фрагменты: „о мудрости", „о началахъ вещей", „о духѣ и чувствѣ", „о добродѣтели и счастіи", „о нравственномъ воспитаніи" и книга о десяти категоріяхъ.

Въ фрагментѣ „о мудрости" высказывается общій взглядъ на философію. „Мудрость—самое лучшее, чѣмъ только владѣетъ человѣкъ; это то же, что̀ зрѣніе между тѣлесными чувствами, солнце между звѣздами. Какъ солнце съ высоты своей надзираетъ вселенную, согрѣваетъ и питаетъ вещи, а зрѣніе устремляется въ далекія пространства, такъ и разумъ, орудіе мудрости, обладая способностью внутренней дальнозоркости, усматриваетъ въ вещахъ то, что̀ недоступно для другихъ способностей, а также направляетъ и усовершенствуетъ дѣятельность послѣднихъ. Благодаря разуму и мудрости, человѣкъ можетъ созерцать истинное и достигать знанія всего". Въ чемъ же состоитъ мудрость, какой ея предметъ и цѣль? Мудрость состоитъ не въ познаніи частнаго и единичнаго: она также не ограничивается опредѣленнымъ кругомъ вещей, предметъ ея „начала всѣхъ вещей вообще", слѣдовательно, то, что̀ свойственно не одному какому-либо порядку, классу ихъ. Цѣль мудрости—найдти эти начала и объяснить изъ нихъ все существующее. „Истинный мудрецъ тотъ, кто можетъ вывести изъ одного и того же начала всѣ явленія и потомъ опять—соединить ихъ въ немъ, потому что, достигнувъ этого, онъ нашелъ самую удобную точку зрѣнія для созерцанія порядка въ мірѣ, для связнаго размышленія, которое всегда соединяло бъ основаніе съ заключеніемъ" (Jambl. Adhort. ad Philos. cap. IV, pag. 39). Въ этой рѣчи трудно узнать пиѳагорейца, хотя бы онъ былъ и послѣдній изъ младшихъ. Здѣсь является отвлеченный взглядъ на философію, отличающій ее отъ другихъ знаній, что̀ предполагаетъ выдѣленіе ея изъ круга знаній, обособленіе въ науку съ опредѣленными, ей одной свойственными цѣлями. Но извѣстно, что въ первый періодъ своего существованія, греческая философія вмѣщала въ себѣ элементы всѣхъ знаній, сливалась съ физикой и математикой и не отличалась отъ нихъ.

Извѣстно также, что въ этотъ же періодъ всѣ другія знанія, которыя по самой природѣ своей не могли слиться со всеувлекающимъ потокомъ философскаго мышленія, напримѣръ, медицинскія, и потому могли бы служить нѣкоторымъ объектомъ противоположенія для философіи и въ эту пору, и такія знанія находились только въ зародышѣ. Гдѣ же было найдти поводъ для того, чтобы сказать: „мудрость не слѣдитъ за отдѣльными вещами, а имѣетъ въ виду начала, свойственныя всѣмъ имъ вообще“? Такой отвлеченный взглядъ на философію могъ явиться только тогда, когда философскія изслѣдованія изъ внѣшней, космической области перенесены были во внутреній міръ человѣка, когда, найдя здѣсь иныя начала, онѣ поставили себѣ особенныя задачи, и такимъ образомъ, могли быть отличены отъ знанія внѣшняго. А это случилось уже во второй періодъ греческой философіи. Впрочемъ, если одно существованіе взгляда на философію не можетъ говорить противъ принадлежности его Архиту, то самое содержаніе его представляетъ такія стороны, которыя трудно примирить съ пиѳагорейскими воззрѣніями. Здѣсь господствуетъ полное довѣріе къ человѣческому разуму и мудрости, даже болѣе— увѣренность въ ихъ неограниченной силѣ: „Человѣкъ рожденъ и назначенъ для созерцанія сущности вещей, природы всего; мудрости доступно одно только истинное, и чрезъ нее человѣкъ познаетъ все наилучшее“. Между тѣмъ пиѳагорейцы были совершенно чужды излишней самоувѣренности въ человѣческихъ познавательныхъ силахъ; они отличались въ этомъ отношеніи замѣчательною скромностью, не находя даже и мѣста на землѣ для истинной мудрости. „Вѣчная сущность и природа вещей можетъ быть познаваема только Божескимъ умомъ“, говоритъ Филолай,—„а человѣкъ“, продолжаетъ онъ,—„познаетъ ее на столько, на сколько она отражается въ опредѣляющемъ и неопредѣленномъ, изъ которыхъ состоятъ всѣ явленія“ (Stob. eclog. I, pag. 458). Да и этого условнаго знанія человѣкъ достигаетъ не одними только силами познанія, а при помощи числа, „которое приближаетъ вещи къ душѣ и дѣлаетъ ихъ познаваемыми“ (Stob. eclog. I, pag. 10). За то съ другой стороны въ высказанномъ взглядѣ на мудрость, которая обращена исключительно на „общее, что̀ свойственно всѣмъ вообще вещамъ“, много сроднаго ученію Платона объ истинномъ познаніи, предметомъ котораго можетъ служить только вѣчное и общее, а не чувственное отдѣльное и измѣнчивое (Тим. 46—49), а также и Аристотеля, который философію опредѣлялъ какъ знаніе сущаго и общаго (ἐπιστήμη τοῦ ὄντος ἢ τοῦ καθόλου. Met. X, 3).

Фрагментъ „о началахъ вещей“ (περὶ ἀρχῶν) сколько характери-

стиченъ по содержанію, столько же, съ другой стороны, болѣе, чѣмъ другіе, представляетъ признаковъ своего непиѳагорейскаго происхожденія, исключая, впрочемъ, начала или введенія къ главнымъ понятіямъ. „Необходимо", говорится въ этомъ введеніи, — „существовать двумъ началамъ сущаго, изъ которыхъ одно относится къ области устроенной и ограниченной, а другое—къ не устроенной и неопредѣленной. Первое начало опредѣлимо и разумно, а потому оно производитъ порядокъ и устройство, сообщая вещамъ опредѣленный видъ, мѣру и свойства; другое — неразумно и неопредѣлимо (ἄῤῥητον), а потому оно разрушаетъ устроенное, уничтожаетъ жизнь въ самомъ ея рожденіи, и непрерывно касаясь вещей, уподобляетъ ихъ самому себѣ. Такимъ образомъ, первое начало благодѣтельно (ἀγαθοποιόν), а другое—зловредно" (κακοποιόν). Въ этихъ двухъ началахъ—опредѣляющемъ и неопредѣленномъ—нельзя не видѣть сходства съ пиѳагорейскимъ ученіемъ. Опредѣленное и неопредѣленное — это двѣ первоосновы, главныя стихіи, изъ которыхъ состоитъ все, по ученію Филолая (Stob. eclog. lib. I, cap. XXII, p. 454). Далѣе пиѳагорейцы учили, что познаваемо быть можетъ только то, что̀ имѣетъ опредѣленность — начало, средину и конецъ, и такимъ образомъ, въ вышеприведенномъ отрывкѣ—ἄῤῥητον въ приложеніи къ стихіи безпредѣльнаго является очень умѣстнымъ. Наконецъ, также, какъ и здѣсь, Филолай приписываетъ неопредѣленному аттрибуты зла, называетъ его „безумнымъ и безсмысленнымъ, вмѣстилищемъ лжи и зависти" (Stob. eclog. I, pag. 10). Но этимъ и оканчивается все сходство Архита съ пиѳагорейскимъ ученіемъ о началахъ. Начало вещей, по мнѣнію Архита, не одно, ихъ нѣсколько, и прежде всего—форма и субстанція. „Форма есть причина того, чему слѣдуетъ быть, осуществиться, выразиться, субстанція—субстратъ (ὑποκείμενον), мѣсто дѣйствія для формы, матерія. Но такъ какъ матерія сама по себѣ не можетъ принять форму, то нужно третье начало, которое сообщило бы ей движеніе, и такимъ образомъ, соединило бъ ее съ формою. Такое начало есть Богъ—художникъ и движитель (τὰν τεχνίταν καὶ τὸν κινέοντα). Сверхъ всего этого, нужно принять геометрическія фигуры, числа и пропорціи, чтобы соединить матерію съ формой". Такимъ образомъ, мы здѣсь видимъ ученіе и Аристотеля, и Платона. Форма, субстратъ, или матерія и перводвижитель—это существенныя и главныя понятія „первой философіи Аристотеля". Авторъ не довольствуется этими понятіями и прибавляетъ къ нимъ изъ ученія Платона числа, геометрическія фигуры и пр., какъ соединительный членъ между матеріей и формою. Впрочемъ, между тѣмъ какъ Платонъ хочетъ этимъ обозначить только отно-

шеніе нашего способа познанія къ объектамъ (Respubl. 710 — 711), здѣсь ничто не даетъ разумѣть, что геометрическія фигуры и ариеметическія пропорціи существуютъ не въ объектѣ, а въ субъективномъ мышленіи; напротивъ того, судя по тому, что̀ о субъективныхъ началахъ познанія подробно разсуждается въ дальнѣйшемъ отдѣленіи того же фрагмента, авторъ, кажется, думаетъ первое, то-есть, фигуры и числа, ставитъ въ объектѣ между формой и матеріей. Но такой взглядъ болѣе чѣмъ странно видѣть у какого-либо философа. Другое отдѣленіе фрагмента „о началахъ“ разсуждаетъ о началахъ познанія вещей. Начала познанія соотвѣтствуютъ предметамъ познаваемымъ; а эти послѣдніе раздѣляются на два главные класса — наблюдаемые, или явленія (φαινόμενα), и не наблюдаемые, не являющіеся извнѣ (μὴ αὐτόθεν φαινόμενα). Явленія, какъ измѣняемыя (κινητά) познаются чувствомъ (αἰσθατά); бытіе нефеноменальное, какъ постоянное и неизмѣнное (ἀκίνητα), познается умомъ (νοατά) и отражается, съ одной стороны, въ *знаніи*, которое въ системѣ представляетъ существенную и неизмѣнную его область, а съ другой—въ *мнѣніи*, которое, будучи лишено прочныхъ основъ, не можетъ содержать чего-либо существеннаго и неизмѣнно-истиннаго (Stob. eclog. lib. I, cap. 35, pag. 283).

Впрочемъ, болѣе подробную характеристику способностей познанія можно встрѣтить въ фрагментѣ: „о духѣ и чувствѣ“ (περὶ νοῦ καὶ αἰσθήσεως). Въ этомъ фрагментѣ и характеристика ума и чувства и дѣленіе способностей познанія, также, какъ и въ предыдущемъ, совершенно платоновскія. Вотъ для примѣра нѣкоторыя черты: „Чувство находится въ тѣлѣ, а потому познаніе его ограничивается одною тѣлесною областью. Количество, тяжесть, протяженіе—вотъ стороны, доступныя чувству; оно есть мѣра тѣлъ. Умъ находится въ душѣ, потому предметъ его — духовное, умопостигаемое (νοατά) бытіе; умъ изслѣдуетъ основное и само по себѣ превосходное, чувство—только второстепенное и полезное. Поэтому умъ есть начало истиннаго знанія (τᾶς ἐπιστάμας), а чувство только — мнѣнія“ (δόξας). Природа ума и чувства та же, какую имѣютъ свойственные имъ предметы познанія: „Какъ умопостижимое по своей природѣ неизмѣнно, постоянно и разлагаемо, такъ и умъ всегда созерцаетъ одинаково, ни лучше, ни хуже, ни болѣе, ни менѣе. Чувство же, какъ и ощущаемое, находится въ постоянномъ движеніи, измѣненіи, бываетъ въ различномъ состояніи и потому можетъ дѣйствовать лучше или хуже, болѣе или менѣе. Потому умъ познаетъ существенный образъ вещей, *идею* ихъ (παράδειγμα), а чувство только наружный видъ, форму ихъ“ (εἰκόνα). Всѣхъ способностей познанія четыре: „разумѣніе, мышленіе, вѣра и

воображеніе" (νόησις, διάνοια, πίστις, εἰκασία) [1]). Остальная часть фрагмента, гдѣ познаваемое раздѣляется на вещи и образы ихъ, дословно сходна съ окончаніемъ шестой книги Платонова Государства, только съ опущеніемъ діалогической формы. Защитники въ этомъ случаѣ могутъ сказать только, что у Платона характеристика способностей познанія гораздо яснѣе, чѣмъ у Архита, что̀, конечно, совершенно справедливо, но что̀ также не можетъ ничего говорить въ пользу подлинности фрагмента.

Теперь перейдемъ къ фрагментамъ нравственнаго, а затѣмъ физическаго и логическаго содержанія.

Уже одно заглавіе книги: „О добродѣтели и счастіи" (περὶ ἀνδρὸς ἀγαθῶ καὶ εὐδαίμονος) можетъ служить достаточнымъ показаніемъ позднѣйшаго ея происхожденія. Въ самомъ дѣлѣ, добродѣтель если и служила предметомъ изслѣдованій въ первую пору философіи, то безъ всякаго отношенія къ счастью и блаженству; добродѣтель, какъ высшее благо, это предметъ греческой философіи во второмъ и преимущественно въ третьемъ ея періодѣ. И дѣйствительно, всѣ одиннадцать отрывковъ о „добродѣтели и счастіи" представляютъ компиляцію Аристотелевой Этики, механическое соединеніе различныхъ мѣстъ ея. Поэтому, здѣсь напрасно было бъ искать какой-нибудь главной, руководящей мысли и удовлетворительнаго отвѣта на вопросы: что̀ такое добродѣтель и счастіе, и въ какомъ отношеніи онѣ находятся между собою? При всемъ сходствѣ въ отдѣльныхъ мысляхъ съ Аристотелемъ, здѣсь нѣтъ главнаго—внутренней связи въ мысляхъ и ихъ послѣдовательности. Оттого, вслѣдствіе чисто механическаго сплоченія мыслей, встрѣчается много противорѣчій. Что̀ такое добродѣтель? „Добродѣтель", говорится въ одномъ мѣстѣ (отд. III),—„есть спокойное настроеніе духа, устремленнаго къ добру, невозмутимое никакими обстоятельствами, будутъ ли онѣ счастливы, или несчастны". Въ опредѣленіи блага авторъ буквально слѣдуетъ Аристотелю (Nicom. I, 5): „Существуютъ различныя блага", говорится въ началѣ IV отдѣленія фрагмента.—„Одни изъ нихъ возбуждаютъ стремленіе къ себѣ не ради ихъ самихъ, а ради чего-либо другаго, иныя — и ради ихъ самихъ, и ради чего-либо другаго; наконецъ, есть благо, къ которому стремятся ради его самого, не имѣя въ виду ничего посторонняго. Это благо, или счастье, блаженство (ἁ εὐδαιμοσύνα, beatitudo)—одно. Всѣ другія блага суть только средства для достиженія

[1]) Stob. eclog. lib. I, cap. 40, pag. 317.

этого высочайшаго блага" (Stob. florileg. pag. 76). „Высочайшее состоитъ въ добродѣтели и вообще въ томъ, что сообразно съ понятіемъ честнаго" (ibid.). Изъ такого взгляда на добродѣтель, которая сама въ себѣ есть высочайшее благо, слѣдовало бы, по видимому, ожидать, что блага внѣшнія если и будутъ имѣть значеніе, то во всякомъ случаѣ, ограниченное. Такъ, кажется, намѣренъ думать и авторъ, говоря, что „добродѣтельный также легко относится къ невзгодамъ слѣпой фортуны, какъ здоровый и крѣпкій человѣкъ — къ зною и холоду и другимъ физическимъ бѣдствіямъ" (отд. VII). Но вслѣдъ за этимъ онъ неожиданно въ понятіе счастья вводитъ всѣ извѣстныя ему внѣшнія блага. Извѣстно, что и Аристотель, полагая идеаломъ высшаго блага разумную дѣятельность души или добродѣтель, не находилъ возможнымъ ограничивать понятіе высшаго блага добродѣтелью самою въ себѣ и для полноты его допускалъ блага внѣшнія. Но этимъ послѣднимъ благамъ онъ не придавалъ значенія безотносительнаго, самостоятельнаго, подчиняя ихъ благу идеальному, отъ котораго они получали свою цѣну и смыслъ какъ вспомогательныя средства къ его достиженію. Здѣсь же нѣтъ никакого подчиненія благъ низшихъ благу высшему. Не смотря на буквальное заимствованіе у Аристотеля, гдѣ ясно сказывается такое подчиненіе, авторъ въ дальнѣйшемъ изложеніи какъ будто забываетъ это. И блага духа, каковы — благоразуміе, мужество, справедливость, и блага тѣла, — красота и здоровье, и собственно внѣшнія, какъ почести, слава, друзья, богатство,—являются у него одинаково важными, существенными признаками въ понятіи счастья (отд. V). Счастье не можетъ быть безъ добродѣтели, но и добродѣтель, сама по себѣ, безъ внѣшнихъ благъ, оказывается, не можетъ составить счастья. „Счастье есть пользованіе добродѣтелью при благополучныхъ обстоятельствахъ; добродѣтельный въ несчастныхъ обстоятельствахъ—злополученъ" (κακοδαίμων). Аристотель не хотѣлъ и не могъ сказать этого съ своей точки зрѣнія: жизнь, посвященную удовольствіямъ и изыскиванію внѣшнихъ благъ, онъ не только не считалъ нравственною, но и признавалъ недостойною человѣка. Въ преувеличенномъ понятіи счастья, какое выражается въ отрывкѣ, можно, конечно, видѣть выраженіе позднѣйшаго испорченнаго времени, но кажется, еще естественнѣе здѣсь видѣть отсутствіе философскаго смысла компилятора и чисто механическій способъ его излагать чужія понятія. Оставивъ безъ вниманія существенный признакъ понятія блага, онъ не сумѣлъ отличить главнаго отъ второстепеннаго; соединивъ въ одно всѣ мѣста Аристоте-

левой Этики, гдѣ говорится о благахъ, онъ не обратилъ вниманія на внутреннее отношеніе ихъ и ограничился только внѣшнею связью.

Ученіе о пространствѣ и времени, приписываемое Архиту, сохранено Симплиціемъ въ комментаріяхъ его къ Категоріямъ и Физикѣ Аристотеля и почти не отличается отъ опредѣленій послѣдняго. „Пространству (τόπος) свойственно все въ себѣ вмѣщать, а самому—ни въ чемъ не находиться; въ противномъ случаѣ оно было бы безгранично. Пространство имѣетъ такое же отношеніе къ тѣламъ, какое границы къ ограниченному (πέρατα πρὸς τὰ περατώμενα), предѣлъ его—границы вселенной" (Simpl. ad Categ. Arist. f. 135). Въ этомъ опредѣленіи нѣтъ ни одной существенной черты, которая отличала бъ его отъ аристотелевскаго (Phys. IV, 5. De coelo IV. 3). Въ опредѣленіи времени, которое есть „число, мѣра движенія, или разстояніе (διάστημα) всей природы" (τᾶς τῶ παντὸς φύσιος. Simpl. ad Arist. Phys. f. 186), не достаетъ, правда, одной важной черты аристотелевскаго опредѣленія, именно, что время—„число движенія въ отношеніи къ предыдущему и послѣдующему (ἀριθμὸς κινήσεως κατὰ τὸ πρότερον καὶ ὕστερον. Phys. IV, II); но за то въ слѣдующемъ, довольно длинномъ отрывкѣ черты опредѣленія времени совершенно аристотелевскія. Здѣсь говорится, что время само по себѣ не различаемо, что движеніе его открывается изъ преемственности моментовъ, и что поэтому единственною мѣрой или единицей его можетъ служить *теперь* (νῦν). Время безначально и безконечно, потому что *теперь* предполагаетъ, какъ прошедшее, такъ и будущее время, также какъ происхожденіе и движеніе (Simpl. ad Arist. phys. f. 186). Въ отвѣтѣ на вопросъ: существуетъ ли время, какъ объектъ,—Архитъ является однакожъ несогласнымъ съ Аристотелемъ, который былъ далекъ еще отъ совершенно отвлеченнаго понятія о времени, ибо рѣшалъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ: „Время едва ли существуетъ, потому что прошедшее уже не существуетъ болѣе, будущаго еще нѣтъ, а настоящее не различаемо" (Simpl. ad Arist. Phys., p. 137).

Ученіе о десяти категоріяхъ, дошедшее въ двухъ экземплярахъ у Симплиція и Стобея, по своему во многихъ мѣстахъ буквальному сходству съ Категоріями Аристотеля, не затрудняясь, можно назвать краткимъ извлеченіемъ изъ послѣднихъ. Категорій десять, и обозначаются онѣ тѣми же типическими выраженіями, какъ и у Аристотеля: субстанція (οὐσία), количество (ποσόν), качество (ποιόν), отношеніе (πρός τί), мѣсто (ποῦ), время (πότε), положеніе (κεῖσθαι), состояніе (ἔχειν), дѣйствіе (ποιεῖν), страданіе (πάσχειν). Чтобы показать сходство, нужно было бы передать все содержаніе этихъ двухъ длинныхъ отрывковъ,—

такъ оно часто встрѣчается. Для примѣра возьмемъ опредѣленіе субстанціи: „Субстанція есть то, что само по себѣ существуетъ и не нуждается въ чемъ-либо другомъ для своего существованія, находясь въ основаніи всего, какъ субстратъ" (Stob. floríleg. XCV, 65, отдѣлъ 1). У Аристотеля: „Первыя субстанціи, именно потому, что онѣ лежатъ въ основаніи, какъ субстраты, и что все остальное имъ приписывается, или есть имъ присуще, называются субстанціями по преимуществу" (Категоріи Аристотеля, въ переводѣ Касторскаго, гл. 1, § 7, стр. 13). У Симплиція опредѣленіе буквально сходно съ Аристотелевскимъ (ad Categ. Arist. f. 28, изд. Муллаха, т. II, стр. 122). Но такое сходство почти вездѣ. Различіе только въ краткости и въ замѣнѣ нѣкоторыхъ Аристотелевскихъ примѣровъ собственными и еще въ томъ, что у Стобея изложенію категорій предпосылается довольно длинное разсужденіе о томъ, въ какомъ порядкѣ категоріи должны слѣдовать одна за другою (отд. I — IV), чего, какъ извѣстно, у Аристотеля нѣтъ. Это какъ бы схема или планъ для слѣдующаго изложенія, и разумѣется, онъ могъ быть болѣе цѣлесообразнымъ у компилятора, приступавшаго къ извлеченію содержанія изъ большаго сочиненія, чѣмъ у самостоятельнаго мыслителя, вниманіе котораго естественнымъ образомъ сосредоточивается не на формѣ изложенія, а на самомъ содержаніи.

Показаннаго сходства было бы, кажется, достаточно, чтобы всѣ разсмотрѣнные фрагменты назвать не подлинными сочиненіями пиѳагорейца Архита, а позднѣйшимъ подлогомъ. Такъ и сдѣлалъ Риттеръ, принявъ сходство, преимущественно въ выраженіяхъ, за главное основаніе своего приговора (Geschichte der Phythagor. Philos., S. 67 — 68). Но защитники подлинности Архитовыхъ фрагментовъ, не стѣсняясь авторитетомъ корифеевъ греческой философіи, въ этомъ же сходствѣ находили основаніе для противоположнаго заключенія. Вотъ почему, для рѣшительнаго приговора надъ разсмотрѣнными фрагментами, нужно рѣшить вопросъ: могли ли Платонъ и Аристотель заимствовать что-нибудь изъ ученія Архита? Что касается Аристотеля, то ужь одна невозможность понять его философію безъ философіи Платона ясно показываетъ источникъ, изъ котораго она органически вышла, и дѣлаетъ не нужными дальнѣйшія доказательства для отрицательнаго отвѣта на предложенный вопросъ. Лишь только въ сочиненіяхъ логическаго содержанія, и то немногими, Архитъ считался въ древности, какъ мы уже видѣли, предшественникомъ Аристотеля. Защитники думаютъ видѣть подтвержденіе этого мнѣнія въ томъ обстоятельствѣ, что Аристотель сохранилъ два выраженія Архита и назвалъ ихъ опредѣленіями (ὅροι), чего онъ не могъ будто бы сдѣлать, не имѣя у себя цѣлаго

сочиненія Архита по части логики. Но достаточно взглянуть только на эти опредѣленія, чтобъ убѣдиться, что между ними и общими понятіями или категоріями Аристотеля лежитъ непроходимая бездна. Въ нихъ видна только первоначальная попытка къ составленію частныхъ и единичныхъ понятій. „Что̀ такое тишина?—Спокойствіе въ массѣ воздуха. Что̀ такое тишина моря?—Его равность“ (Metaph. VII, pag. 2). И Аристотель тамъ же, гдѣ приводитъ эти опредѣленія, выражается очень ясно, что онѣ къ области логики собственно и не относятся. Аристотель же указываетъ на Сократа, какъ перваго изслѣдователя въ области логики (Met. I, 6. VII, 4), а о всѣхъ предшествующихъ философахъ выражается, что они логикою не занимались (οἱ πρότεροι τῆς διαλεκτικῆς οὐ μετεῖχον. Met. I, 6). Что касается заимствованія числа категорій, то оно еслибъ и могло быть заимствовано, то не у Архита, а у пиѳагорейцевъ вообще. Платонъ имѣлъ, по видимому, иное отношеніе къ философіи пиѳагорейцевъ и къ Архиту въ особенности. Но въ существенномъ и главномъ философія Платона развилась изъ началъ, не имѣющихъ ничего общаго съ философіей пиѳагорейцевъ. Для Платона необходимо нуженъ былъ такой предшественникъ, какъ Сократъ, который, по выраженію Цицерона, „свелъ философію съ неба въ города и жилища“ (Tuscul. Quaest.) и во внутренній міръ человѣка, чтобы найдти необходимую опору для своего ученія. И можно сказать рѣшительно, что сущность Платоновой философіи—*идеи*—не могла бы явиться безъ этого предварительнаго раскрытія и обслѣдованія внутренней области неизмѣннаго, устойчиваго мышленія, которое въ своихъ понятіяхъ представляетъ твердый оплотъ противъ текучаго и измѣняющагося. Напрасно было бъ искать въ пиѳагорейскомъ ученіи о числѣ тѣ основанія, изъ которыхъ могло развиться понятіе объ идеяхъ, вѣчныхъ и неизмѣнныхъ образцахъ вещей.

Одна изъ формулъ пиѳагорейскаго ученія о числѣ, что „вещи существуютъ чрезъ подражаніе числамъ“, имѣетъ только наружное сходство съ положеніемъ: „вещи причастны идеямъ“,—сходство выраженій, а не понятій. Пиѳагорейскіе философы находились еще въ непосредственномъ кругу представленій, утверждая, что „подобное можетъ быть познано подобнымъ“; ихъ „число“, какъ начало вещей, если отвлечь отъ него все символическое и таинственное, есть неотъемлемое качество тѣлъ: выраженіе ихъ мѣры, взаимныхъ отношеній. Въ слѣдующихъ затѣмъ фрагментахъ самъ Архитъ является такимъ же непосредственнымъ мыслителемъ, какъ и другіе пиѳагорейцы. И въ этомъ случаѣ естественнѣе было бы спросить не о томъ

могъ ли Платонъ заимствовать ученіе объ идеяхъ у Архита, а о томъ, могъ ли бы послѣдній, еслибъ ему было извѣстно ученіе объ идеяхъ, понять его надлежащимъ образомъ.

Для полноты обратимъ вниманіе на другія черты въ разсмотрѣнныхъ фрагментахъ, не совмѣстныя съ философіей мнимаго Архита. Это, съ одной стороны, по мѣстамъ удающееся стремленіе къ діалектическому построенію и развитію мыслей, а съ другой — частыя повторенія одного и того же и преобладаніе внѣшней стороны надъ внутреннею, или лучше сказать, чрезмѣрная болтливость, что обличаетъ неискуснаго компилятора, и вмѣстѣ съ тѣмъ, позднѣйшее время философіи, усвоившей себѣ этотъ недостатокъ. Наконецъ, всѣ разсмотрѣнные фрагменты, при сходствѣ содержанія, представляютъ тожество выраженій съ философіей Аристотеля и Платона, каковы: συστοιχία, τὸ τόδε τι εἶναι (по Дор. ἦμεν), ὕλη, δύναμις; παράδειγμα, δοξαστά, ἐπιστατά, νοατά et cet. Это выраженія типическія, въ которыхъ столько же, сколько и въ содержаніи, отразилась вся оригинальность и сила мышленія двухъ геніевъ, и которыя совершенно несвойственны пиѳагорейцу; онѣ, конечно, существовали въ языкѣ, но не были извѣстны и не могли имѣть смысла въ философіи до-сократовской. Защитники подлинности Архитовыхъ отрывковъ думаютъ все это объяснить предположеніемъ, основаннымъ на извѣстіи Діогена Лаэрта, что Аристотель написалъ три книги о философіи Тимея и Архита (Diog. lib. V, 25), будто всѣ фрагменты, въ которыхъ встрѣчаются тожественныя съ Аристотелемъ выраженія, взяты не изъ подлинныхъ сочиненій Архита, а изъ извлеченій изъ нихъ, сдѣланныхъ Аристотелемъ и распространенныхъ въ позднѣйшее время. Но Аристотель во всѣхъ другихъ случаяхъ извѣстенъ какъ точный и вмѣстѣ съ тѣмъ критическій историкъ философіи. Передавая чье-либо ученіе, онъ является объективнымъ какъ относительно его содержанія, такъ и самаго выраженія его. Зачѣмъ же онъ долженъ былъ сдѣлать исключеніе для одного только Архита, употребляя выраженія свои собственныя, а не тѣ, какъ свойственны ученію самого Архита? Да наконецъ, еслибъ и дѣйствительно существовали извлеченія Аристотеля изъ сочиненія Архита, и если бы фрагменты послѣдняго были взяты изъ этихъ извлеченій, то по прямому смыслу извѣстія, въ нихъ должно было бы содержаться ученіе не одного Архита, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Тимея, чего, однакожь, никакимъ образомъ отыскать нельзя.

Если же столько значительныхъ по своему содержанію фрагментовъ не могутъ быть признаны подлинными, что жь остается содержаніемъ философіи Архита, и на чемъ основана слава этого пиѳагорейца?

Это—тѣ немногія и короткія, почти гномическія выраженія, а также отрывки, каковы: „доказательство существованія пустаго пространства", „о музыкальныхъ серединахъ" и „звукѣ", которые представляютъ частныя дополнительныя черты къ тѣмъ или другимъ понятіямъ пиѳагорэйской философіи. Переходя къ нимъ, съ перваго же взгляда нельзя не замѣтить слѣдовъ архаическаго и типичности пиѳагорейскаго мышленія. Философъ вращается здѣсь или въ конкретной области образовъ, или въ спеціально математическихъ вычисленіяхъ. Правда, критика, какъ бы въ силу инерціи, переносится и сюда съ тѣмъ же пытливымъ взглядомъ, который и здѣсь хочетъ отыскивать слѣды неподлинности, но ея приговоры въ этомъ отношеніи не могутъ считаться рѣшительными; впрочемъ, если и принять ихъ, то рѣчь будетъ идти скорѣе не о подлинности этихъ отрывковъ, а о незначительности и маловажности ихъ содержанія, такъ какъ именно этотъ недостатокъ послѣдняго она старается выставить основаніемъ неподлинности. Но это уже другой вопросъ. Для насъ достаточно того, что упомянутые выше отрывки, пусть они и незначительны по содержанію, имѣютъ ближайшую связь съ философіей пиѳагорейцевъ. Таковы именно:

а) Доказательство существованія пустаго пространства примыкаетъ тѣснѣйшимъ образомъ къ ученію пиѳагорейцевъ о первой единицѣ и о происхожденіи изъ нея всѣхъ вещей, составляя объяснительный и дополнительный пунктъ къ нему. Доказательство это Архитъ формулировалъ слѣдующимъ образомъ: „Если бы кто-нибудь могъ быть на предѣлахъ міра (послѣдней области), могъ ли бъ онъ протянуть далѣе руку или жезлъ? Невозможность простереть не мыслима (ибо какое препятствіе тому?), а если это возможно, то значитъ, существуетъ далѣе мѣсто, способное для принятія тѣлъ, или пустота" (Simpl. in Arist. phys., p. 108). Понятіе пустоты, какъ начала, не опредѣленнаго пиѳагорейцами, нужно было для объясненія вещей изъ первоначальной единицы. Окруженная пустотой, она вдыхаетъ, какъ говорили они,—эту пустоту, чрезъ что послѣдняя входитъ въ міръ, и присовокупляясь къ началу опредѣленному, образуетъ вещи.

б) Фрагментъ о музыкальныхъ срединахъ представляетъ точнѣйшее измѣреніе пиѳогорейской гармоніи. Извѣстно, что у пиѳогорейцевъ понятіе гармоніи было столько же существеннымъ, какъ и понятіе противоположностей; ихъ положеніе: „все состоитъ изъ противоположностей", высказанное въ другой формѣ то же, что „все состоитъ изъ гармоніи, связывающей эти противоположности". Но пиѳагорейцы, не привыкнувъ еще отдѣлять понятія отъ тѣхъ явленій, по поводу которыхъ они

образовались, отожествляли объективный міровой законъ гармоніи съ гармоніей музыкальною, и желая опредѣлить въ численныхъ отношеніяхъ существо гармоніи, численныя отношенія гармоніи музыкальной переносили на отношенія гармоніи міровыхъ явленій. Филолай опредѣляетъ ея существо отношеніями музыкальной октавы. Измѣреніе гармоніи у Архита основано уже чисто на математическихъ началахъ: въ формулахъ пропорцій ариѳметической, геометрической и смѣшанной изъ той и другой (которую онъ называетъ музыкальною) Архитъ открылъ постоянный законъ одинаковаго отношенія средняго члена (это и есть „средина") къ предыдущему и послѣдующему [1]). Отношеніе средины ариѳметической можно выразить числами: 6, 4, 2, гдѣ первый членъ на столько болѣе втораго, на сколько второй болѣе третьяго. Эта и геометрическая пропорція суть тѣ же, которыя и досель извѣстны въ математикѣ; онѣ были достояніемъ и всѣхъ математиковъ въ древности. Это естественный плодъ пиѳагорейской философіи числа, какой она могла дать для послѣдующаго времени.

в) Въ ученіи о звукѣ, причиною котораго пиѳагорейцы считали взаимное столкновеніе тѣлъ, сотрясеніе воздуха, Архитъ является первымъ, объяснившимъ причину различія между высокими и низкими тонами. Звукъ высокій (ὀξύς, tenuis) происходитъ отъ быстраго сотрясенія воздуха, причиняемаго сильнымъ ударомъ или столкновеніемъ тѣлъ, звукъ низкій (βραχύς, gravis)—отъ медленнаго, вызываемаго слабыми и дряблыми ударами. Въ доказательство этого положенія приводятся многочисленные примѣры, которыми и занята вся остальная часть фрагмента (Porph. ad Ptol. Harmon., pag. 236), и которые взяты изъ обыкновенныхъ наблюденій надъ движеніемъ тѣлъ и опытовъ съ музыкальными инструментами, различнымъ произношеніемъ словъ и пѣніемъ человѣческаго голоса и т. п.

Нельзя не согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, что содержаніе этихъ фрагментовъ незначительно и маловажно, и конечно, не на этомъ основывалась въ древности слава Архита, какъ философа. Но остальныя подлинныя сочиненія не дошли до насъ. И единственными источниками для знакомства съ пиѳагорейскою философіей остаются Аристотель и Филолай. По крайней мѣрѣ лучшіе историки древней философіи (Целлеръ, Брандисъ) вовсе не считаютъ нужнымъ пользоваться при изложеніи пиѳагорейской философіи даже этими отрывками изъ сочиненій Архита.

М. Смоленскій.

---

[1]) Porph. ad Ptolom. Harm. vol. III pag. 267.

кои, самымъ учрежденіемъ разныхъ учебныхъ заведеній, постановлены, и вовторыхъ, сообразно съ званіями, къ которымъ учащіеся предназначаются. 6) Языкъ славянскій, то-есть, высокій, и классическая россійская словесность повсемѣстно должны быть вводимы и ободряемы. 7) Языкъ греческій долженъ вездѣ, кромѣ училищъ иновѣрныхъ, имѣть преимущество предъ латинскимъ. 8) Не должно терять изъ виду особенно того, что одно обученіе не есть воспитаніе и даже вредно безъ воздѣланія нравственности, которой христіанину, внѣ церкви, нигдѣ найдти не можно; что Государь и польза отечества требуютъ отъ воспитанія юношества вѣрныхъ сыновъ церкви и вѣрныхъ подданныхъ, и что въ семъ только смыслѣ человѣкъ просвѣщенный долженъ быть почтенъ благовоспитаннымъ". III. Ученый комитетъ былъ усиленъ назначеніемъ пятымъ членомъ его капитанъ-командора Крузенштерна. Комитету этому прежде всего предоставлены были разсмотрѣніе, выборъ и способы изданія учебныхъ книгъ.

Труды втораго комитета по составленію инструкціи были представлены министру 19 іюня 1825 г.; по общему мнѣнію Главнаго Правленія училищъ (10 ноября 1826 г.), по совершенной ея неудобности къ примѣненію, они оставлены были безъ движенія.

Между тѣмъ произошло горестное событіе: неожиданная и всѣми оплакиваемая кончина Александра Благословеннаго въ Таганрогѣ, 20 ноября 1825 г. Наступило новое время. Прежде чѣмъ перейдемъ къ описанію его, попытаемся ближе проникнуть во внутренній бытъ и дѣятельность училищъ истекшаго періода.

Вполнѣ безпристрастное описаніе Арсеньева, бывшаго воспитанника *С.-Петербургскаго Педагогическаго Института*, даетъ намъ вѣрное понятіе о внутренней жизни этого заведенія. Дѣйствительнымъ директоромъ его были упомянутый уже нами И. И. Мартыновъ (профессоръ Кукольникъ былъ директоромъ только по названію), любимецъ министровъ, человѣкъ, распоряжавшійся въ институтѣ деспотически, но — нужно сказать — къ пользѣ студентовъ. Это вліяніе Мартынова прекратилось только въ 1812 г., съ назначеніемъ Е. А. Энгельгардта директоромъ. Профессоровъ Арсеньевъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: „Зябловскій, не имѣя отличнаго дара слова въ преподаваніи науки, по существу сухой географіи, отличался необыкновеннымъ трудолюбіемъ, строгостію во взысканіяхъ, точностію въ исполненіи собственныхъ обязанностей, и своими настоятельными требованіями знанія заданныхъ уроковъ вынуждалъ, такъ сказать, успѣхи. Всѣ студенты по его части знали что-нибудь непремѣнно, и экзамены сходили всегда удовлетворительно. Терлаичъ въ первое время увлекалъ всѣхъ своимъ краснорѣчіемъ, но послѣ, одолѣваемый

лѣнью, прекратилъ свое изустное преподаваніе и ограничился простымъ чтеніемъ исторіи Милота. Я любилъ страстно исторію, но его чтенія и мнѣ наскучивали. Я сталъ читать Гиббона, Робертсона, Юма, Фергюсона и другихъ, и пріобрѣталъ познанія не отъ уроковъ преподавателя скучнаго, но отъ чтенія знаменитыхъ писателей. Германъ былъ не ровенъ въ своихъ лекціяхъ, иногда говорилъ какъ бы въ дремотѣ, иногда читалъ по своимъ нѣмецкимъ тетрадямъ переводъ ихъ самымъ дурнымъ русскимъ языкомъ; иногда же, впрочемъ рѣдко, онъ какъ будто пробуждался отъ сна и, воспламенившись, говорилъ превосходно; тогда и мы всѣ одушевлялись и поглощали каждое его слово... Къ сожалѣнію, такія восторженныя минуты находили на Германа весьма рѣдко. Дни, въ которые приходилъ къ намъ на уроки профессоръ Балугьянскій, были для всѣхъ насъ свѣтлымъ праздникомъ; его одушевленныя и умныя чтенія слушаемы были съ безмолвнымъ вниманіемъ; самыя отвлеченныя умозрѣнія о капиталѣ, о потребленіи, банкахъ, кредитѣ нисколько не утомляли силъ, напротивъ, возбуждали самый высокій интересъ и любознательность. Онъ былъ всеобщимъ любимцемъ, а по отбытіи его изъ классовъ, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ безумолкно говорили о содержаніи его лекцій, разсуждали, спорили и научались. Прочіе профессоры: Кукольникъ, пользовавшійся незаслуженною славою ученаго, человѣкъ поверхностный, но умѣвшій товаръ лицомъ продать; Теряевъ, совершенно ничтожный, раболѣпный и безнравственный: Резановъ, бѣдный математикъ именемъ только; и Лоди, добрый, но ограниченный въ своихъ познаніяхъ". Говоря о занятіяхъ въ институтѣ, Арсеньевъ повѣствуетъ, что послѣдніе мѣсяцы 1806 г. (начиная съ октября) прошли въ испытаніяхъ профессорскихъ; только съ начала 1807 г. началось ученье. „Я обратилъ особенное вниманіе на изученіе французскаго языка. Съ апрѣля 1810 г. насъ занимали профессоры практически; мы должны были уже преподавать сами, въ ихъ присутствіи изготовлять лекціи на заданныя темы, обработывая оныя со всею подробностію и пользуясь всѣми источниками, какіе кому извѣстны. На заданную мнѣ тему изъ эстетики: о нѣжномъ и сентиментальномъ, я написалъ разсужденіе и читалъ оное въ классѣ Мартынова, который пришелъ въ такой восторгъ, что тутъ же объявилъ при всѣхъ, что такого основательнаго и пріятнаго чтенія ему никогда не удавалось слышать; особенно нравились ему приведенные мною кстати примѣры изъ нашихъ поэтовъ: Державина, Дмитріева, но болѣе всего—переведенныя мною оды изъ Клопштока an Fanny и an Cidly". Не имѣвшіе надежды выдержать удовлетворительно послѣднее испытаніе стали поступать на мѣста учителей въ уѣздныхъ училищахъ.

Сверхъ того, мы имѣемъ драгоцѣнный разказъ Роммеля [1]) о Харьковскомъ педагогическомъ институтѣ за періодъ времени съ 1811—1815 г., въ коемъ онъ сообщаетъ, между прочимъ, слѣдующее: „Для дидактической и методической подготовки учителей гимназій былъ учрежденъ педагогическій институтъ, управленіе которымъ съ самаго начала поручено было мнѣ. Такъ какъ я, будучи еще слишкомъ слабъ въ русскомъ языкѣ, имѣлъ мало надежды пріобрѣсти практическое вліяніе на кандидатовъ, готовившихся къ учительскому званію, то и ограничивался письменною разработкою курса дидактики и методики, который, будучи переведенъ впослѣдствіи на русскій языкъ, былъ одобренъ министромъ... Вообще, повсемѣстно высказывалась преобладающая въ Русскихъ наклонность къ предметамъ практическаго примѣненія, въ особенности къ математикѣ, въ которой они изумительно успѣвали; органа же уразумѣнія высшей философіи и филологіи въ нихъ почти совсѣмъ не было. Такъ, напримѣръ, впослѣдствіи я замѣтилъ, что въ русскомъ переводѣ моего нѣмецкаго введенія въ дидактику, сдѣланномъ подъ моимъ надзоромъ студентомъ-филологомъ, тамъ гдѣ рѣчь шла о психологическихъ понятіяхъ разума, разсудка, остроумія, глубокомыслія и другихъ умственныхъ способностей, Русскіе не знали тонкихъ различій органическихъ оттѣнковъ своего собственнаго языка, восходящаго до глубокой древности, или же мало по малу находили ихъ посредствомъ сравненія съ соотвѣтствующими нѣмецкими коренными словами. Всѣ иностранные профессора, за исключеніемъ Французовъ, читали лекціи по латыни, и для меня было очень кстати, что каждый студентъ при поступленіи въ институтъ уже долженъ былъ имѣть достаточную подготовку въ этомъ языкѣ. Однако мои лекціи о греческихъ и римскихъ классахъ, привлекавшія сравнительно многочисленныхъ слушателей, съ самаго начала поставили меня въ весьма затруднительное положеніе: не хватало печатныхъ экземпляровъ классиковъ, диктованіе же древнихъ авторовъ представлялось слишкомъ обременительнымъ. Для пополненія этого недостатка и въ виду жалкаго положенія русской книжной торговли, оставалось одно средство — быстрое и безотлагательное изданіе самыхъ необходимыхъ авторовъ;

---

[1]) Роммель былъ назначенъ въ Харьковъ 24 апрѣля 1810 г., прибылъ въ январѣ 1811 и оставался тамъ профессоромъ до іюня 1814 г. Нѣкоторыя сообщенія Роммеля Н. А. Лавровскій (см. *Ж. М. Н. Пр.* CLIX, 224) находитъ сомнительными по тому соображенію, что автобіографія написана въ 1854 г., Роммель же около 1839 г. выразился, что ему харьковская жизнь представляется, какъ сновидѣніе. Очевидно, что это слова Роммеля не оправдываютъ сомнѣнія; кромѣ того, оно устраняется подписью подъ харьковскими описаніями: «написано въ 1815 г.». Ясно, что Роммель позднѣе прибавилъ только нѣкоторыя частности, какъ, напримѣръ, свиданіе съ Дегуровымъ.

печатаніе ихъ [illegible] принимала на себя университетская типографія, не смотря на большой недостатокъ въ хорошей бѣлой печатной бумагѣ. Избранныя мѣста рѣчи и философскія сочиненія Цицерона, а также Саллюстій и Корнелій Непотъ, съ объяснительными ко всѣмъ этимъ авторамъ примѣчаніями, были назначены также и для гимназій; болѣе же трудныхъ авторовъ все еще приходилось диктовать [illegible] слушателямъ отдѣльными отрывками. Мало по малу мнѣ удалось образовать также филологическую семинарію, въ которой преподавались основныя начала высшей грамматики, критики, герменевтики и археологіи. Смѣю думать, что научное сѣмя классической древности не совсѣмъ упало на каменистую почву, ибо преподаватели изъ молодыхъ Русскихъ, коимъ филологія проложила путь къ прочному умственному образованію".

Къ казеннымъ воспитанникамъ институтовъ и вообще къ тѣмъ студентамъ университетовъ, которые вели распущенную жизнь, примѣнялась была строгая мѣра отсылки ихъ въ военную службу (Высочайшее повелѣніе 21 апрѣля 1811 г.). Министръ народнаго просвѣщенія во всеподданнѣйшемъ докладѣ своемъ по этому предмету ссылался на то, что бывшая коммисія о народныхъ училищахъ (при Екатеринѣ II) „съ воспитанниками учительской семинаріи, министерство же въ разсужденіи студентовъ педагогическаго института, которые всѣ вышли изъ семинарій, поступало такимъ же образомъ. Основаніемъ сему могло быть, вопервыхъ, то, что духовное начальство присланныхъ ими въ тѣ заведенія и оказавшихся послѣ нетерпимыми, не принимало обратно: ибо негодные къ другимъ званіямъ тѣмъ болѣе должны быть неспособны къ званію служителей церкви; вовторыхъ, что какъ воспитанники сіи стоили казнѣ значущихъ издержекъ, и вознаградить за оныя службою, къ коей приготовлялись, по своему поведенію сдѣлались неспособными, то по крайней мѣрѣ могутъ заплатить оныя службою военною. Исключать же ихъ безъ одобрительныхъ аттестатовъ значило бы, съ одной стороны, дѣйствовать противъ выгодъ правительства, потратившаго на воспитаніе ихъ свое иждивеніе, съ другой—оставить ихъ на произволъ судьбы и извергнуть въ общество примѣръ разврата и соблазна другимъ, между тѣмъ какъ подъ строгою военною дисциплинною могли бы они быть полезны и даже исправиться. А потому казенныхъ воспитанниковъ изъ духовнаго званія и изъ разночинцевъ отсылать въ военную службу по сношенію министерства народнаго просвѣщенія съ министерствомъ военныхъ и сухопутныхъ силъ; о казенныхъ же воспитанникахъ и студентахъ таковыхъ изъ дворянъ представлять Вашему Величеству" [1]).

---

[1]) Сборн. Пост., I, 702.

Матеріаломъ для характеристики гимназій можетъ служить, между прочимъ, начертанная М. П. Погодинымъ въ его „Школьныхъ воспоминаніяхъ“ [1]) картина московской губернской гимназіи 1814—1820 гг. Останавливаясь съ особенною любовью на учителѣ латинскаго языка, Погодинъ говоритъ о немъ: „Отличительное и самое полезное въ его методѣ было то, что у всѣхъ учениковъ вниманіе, впродолженіе класса, было занято, приковано, что всѣ ученики необходимо должны были слѣдовать за ходомъ дѣла, и укрыться, отвлечься никому не было возможности“. Занятія у этого учителя начинались выслушиваніемъ заданнаго въ предшествовавшемъ классѣ урока; урокъ состоялъ изъ синтаксическаго правила съ относившимся къ нему латинскимъ примѣромъ; если въ классѣ было, какъ сначала, 50 человѣкъ, то 7 изъ нихъ съ первой лавки сказывали урокъ учителю, а остальные сказывали имъ; при большемъ количествѣ учениковъ, аудиторы присоединялись и со второй лавки. За симъ учитель и аудиторы просматривали переводы, исправленные въ предшествовавшій урокъ и переписанные на-чисто. И то, и другое занимало съ небольшимъ 10 минутъ. Потомъ слѣдовало исправленіе перевода примѣровъ съ русскаго на латинскій на правило (примѣровъ на каждое правило было отъ 10-ти до 15-ти): учитель вызывалъ учениковъ къ доскѣ и заставлялъ прочесть примѣръ по-русски, а переводъ, уже сдѣланный въ тетради, написать мѣломъ; эта операція занимала не болѣе часа (урокъ былъ двухчасовой). Затѣмъ начиналось задаваніе новаго урока; учитель диктовалъ примѣры или темы для перевода ихъ по латыни на правило, заученное въ классѣ. Кончивъ диктантъ, онъ заставлялъ какого-нибудь ученика читать по-русски написанные примѣры и спрашивать неизвѣстныя слова. Далѣе слѣдовалъ переводъ съ латинскаго на русскій статейки изъ хрестоматіи. Переводили по три, по четыре строки. Учитель могъ судить при этомъ, хорошо ли выучены слова. Послѣ каждаго отдѣла изъ синтаксиса начиналось повтореніе всего пройденнаго. Въ 3-мъ классѣ проходили почти всего Корнелія Непота; въ 4-мъ занимались переводомъ съ русскаго на латинскій отдѣльныхъ разсказовъ и читали Цицероновы рѣчи. Четвертый классъ вообще организованъ былъ слабѣе. Еслибы, говоритъ Погодинъ, дать этому классу особаго учителя и назначить ему 3 урока по $1^1/_2$ часа, и если бы для домашнихъ занятій былъ опредѣленъ свѣдущій надзиратель, то при такомъ порядкѣ непремѣнно были бы прочтены и Корнелій Непотъ, и Цезарь, и Овидій, и кое-что изъ Цицерона, Саллюстія, Ливія. Намъ кажется, впрочемъ, что успѣхи въ латинскомъ языкѣ были не особенно блестящи, если судить по слѣдующему, приведенному Погодинымъ примѣру: „На

[1]) Въ *Вѣстникѣ Европы* 1868, 8, стр. 605—630.

первомъ публичномъ актѣ въ 1814 г.", говоритъ онъ, „мнѣ назначено было произнести рѣчь на латинскомъ языкѣ, *сочиненную учителемъ*, которой начало я теперь еще помню: Patria nostra a (!) hostibus devastata, omnibusque literarum subsidiis incendio absumtis, spes omnino nobis erat erepta, fore, ut aliquando animum literis excolere possemus"—что Погодинъ переводитъ такъ: „Отечество наше опустошено (!) непріятелемъ, всѣ пособія учебныя истреблены пожаромъ, и мы были совершенно лишены надежды украсить когда-нибудь свой умъ познаніями".

Нѣмецкій языкъ, по разказу Погодина, преподавался хорошо, по той же методѣ, какъ и латинскій и тѣмъ же учителемъ. Что касается до математики, то геометрическія и тригонометрическія теоремы порознь были доказываемы отчетливо, но связь между ними, ихъ примѣненіе и значеніе не были объясняемы. Естественную исторію преподавали если не удовлетворительно, то по крайней мѣрѣ, порядочно; для каждаго ея отдѣла, существовала особая толстая тетрадь, которую воспитанники выучивали наизусть и въ классѣ разказывали слово въ слово. Важнѣе было то, что учитель показывалъ въ классѣ образцы по каждому отдѣлу. Наконецъ, преподаваніе технологіи было очень утомительно, но все-таки знакомство съ номенклатурою приносило пользу. Географія и исторія преподаваемы были „гнуснѣйшимъ образомъ", но ученики этого отнюдь не замѣчали и были исполнены уваженія къ учителю: въ I классѣ заучивали они маленькую тетрадку съ кое-какими свѣдѣніями о Египтѣ, Греціи, Ассиріи; во II-мъ римскую исторію: „Нѣсколько выписокъ изъ Миллота безъ малѣйшей связи", говоритъ Погодинъ, „цари, республика, децемвиры, нашествіе Галловъ, война съ Тарентинцами, пуническія войны, соперничество Марія и Суллы, два тріумвирата—и конченъ балъ". Изъ русской исторіи выучиваема была также тетрадка, съ присоединеніемъ нѣсколькихъ главъ изъ книжки для народныхъ училищъ, безъ малѣйшей связи: главную роль играло нашествіе Татаръ и еще кое-что. Въ IV классѣ проходили статистику Россійской имперіи, заучивая ее наизусть: „Учитель отличался величественною наружностію, предлагалъ простѣйшіе вопросы топомъ трагическимъ, и мы впродолженіи всѣхъ курсовъ предъ нимъ благоговѣли. Никому и въ голову не приходило, что онъ былъ просто невѣжда, не имѣвшій понятія о своемъ дѣлѣ". Объ учителяхъ въ другихъ гимназіяхъ Погодинъ говоритъ, что слышалъ о нихъ мало хорошаго: „Они заставляли несчастныхъ мальчиковъ считать и мѣрить ниневійскіе кирпичи, или бродить по востоку, а Сципіона, Аристида, Алкуина никогда и по именамъ не слыхали". Классъ словесности былъ „до такой степени уродливъ, нелѣпый учитель былъ до такой степени лишенъ всякихъ не только педагогическихъ способно-

стей, но малѣйшаго смысла, что тяжело и вспомнить о немъ. Онъ диктовалъ восемь толстыхъ тетрадей, но не должно думать, чтобъ ученики выучивали ихъ наизустъ. Нѣтъ, тетради были раздѣлены на вопросы и отвѣты, слѣдовательно, всякій ученикъ выучивалъ только тотъ отвѣтъ, который ему достанется, а разчесть это было не мудрено, ибо учитель начиналъ всегда съ перваго ученика и потомъ, смотря только въ свою тетрадь, восклицалъ: слѣдующій. Всякій ученикъ получалъ по одному вопросу. Въ III классѣ учитель давалъ еще перевести нѣсколько Фонтенелевыхъ писемъ,—вотъ и всѣ упражненія. Если ученики всѣ хорошо знали по-русски и писали правильно, то это потому, что они въ свободное время читали образцовыя русскія сочиненія и украдкою, насколько было возможно, ходили въ театръ". Директоръ въ гимназіи ничего не дѣлалъ, и ученики видали его иногда только на экзаменѣ, откуда онъ спѣшилъ увести къ себѣ нѣкоторыхъ изъ преподавателей—отвѣдывать наливокъ. Инспекторъ почти не существовалъ, или существовалъ „отрицательно".

Конечно, въ самомъ учебномъ планѣ и организаціи учебнаго курса заключались почти непреодолимыя трудности, прежде всего вслѣдствіе многопредметности. Одинъ уѣздный учитель доноситъ (въ 1812 г.), что въ теченіе годоваго преподаванія учебныхъ предметовъ, онъ внимательно замѣтилъ, что прохожденіе всѣхъ наукъ разомъ для учениковъ затруднительно, ибо 1) нѣкоторые учебные предметы безъ предварительныхъ познаній другихъ наукъ неудобопонятны; 2) нарочитое число всѣхъ наукъ во II классѣ, по уставу положенныхъ, когда бываетъ въ одно время преподаваемо, отягощаетъ вниманіе и память учениковъ, даже и самыхъ способныхъ [1]). Другой учитель [2]) заставлялъ одного изъ учениковъ въ привѣтственной рѣчи сказать: „Потребенъ трудъ въ потѣ отъ утра до вечера, но мы часто изнемогаемъ не въ полудни токмо, но и при самомъ началѣ дня. Ахъ, какая узкая, излучистая и тернистая дорога ведетъ насъ къ храму наукъ... Понятія наши слабы и еще не развернулись, а память едва можетъ обнять нѣкоторую часть изъ тѣхъ объясненій, которыя даютъ намъ наши наставники". Разнообразіе учебнаго плана еще болѣе становится очевиднымъ, если обратить вниманіе на свѣдѣнія о пройденныхъ предметахъ, помѣщенныя у Отто [3]). Такъ напримѣръ, по вѣдомости Новгородской гимназіи въ 1822 учебномъ году было пройдено: въ I классѣ, по математикѣ (учебникъ: алгебра Фуса): опредѣленіе и предварительныя понятія; четыре дѣйствія надъ простыми

---

[1]) *Воронцовъ*, Уч. Зав. въ Сумахъ, стр. 14.
[2]) *Отто*, Волог. Дир., стр. 175.
[3]) *Отто*, Вол. Дир., стр. 48; Новгор. Дир., стр. 49.

и сложными числами, раціональными и радикальными; алгебрическія дроби, непрерывныя строки или дѣленіе въ безконечность. Изъ геометріи: до свойствъ параллельныхъ линій. По словесности (граматика, изданная Академіею): этимологія и синтаксисъ съ примѣчаніями относительно всеобщихъ основаній языка; грамматическій разборъ предложеній и составленіе оныхъ изъ словъ, данныхъ въ начальной формѣ. По философіи (сочиненія Шпеля и Лодія): введеніе въ логику; о понятіяхъ и знакахъ мысли. По исторіи (руководство Кайданова): исторія азіятскихъ народовъ до временъ Кира. По географіи (учебникъ Арсеньева): математическая географія; введеніе во всеобщую политическую географію и общій обзоръ Европы (въ вѣдомости помѣщена оговорка, что географія пройдена по старому политическому раздѣленію, хотя и существуетъ новое, „поелику ни изъ Департамента Народнаго Просвѣщенія, ни изъ Главнаго Правленія училищъ не прислана географія, *сочиненная* по нынѣшнему политическому раздѣленію"). По латинскому языку: чтеніе и письмо; объ измѣняемыхъ частяхъ рѣчи. По нѣмецкому языку: о произведеніи словъ; чтеніе и письмо. Во II классѣ изъ алгебры (по руководству Фуса): опредѣленное и неопредѣленное уравненія; теорія пропорцій и прогрессій; изъ геометріи: до стереометріи. По естественной исторіи (книги Дюмериля и Мирбеля): общія понятія о наукѣ и тѣлахъ естественныхъ, о внутреннемъ ихъ строеніи, о ихъ органахъ прозябанія, происхожденія, съ присоединеніемъ физіологическихъ замѣчаній касательно образованія частей; о цвѣтѣніи растеній, о разсѣяніи и проростаніи сѣмянъ; о мѣсторожденіи, долговѣчности и величинѣ растеній. По русской словесности: граматическій и логическій разборъ предложеній. Изъ риторики (по руководству Толмачева): общія понятія о наукѣ; распространеніе логическихъ предложеній, сложные періоды и т. д. По исторіи и географіи (Кайдановъ и Арсеньевъ): исторія древнихъ азіятскихъ и африканскихъ народовъ, до Кира; введеніе во всеобщую политическую географію, общій обзоръ Европы (какъ въ I кл.); Испанія, Португалія и *всѣ государства, находящіяся въ Италіи*. По философіи: то же, что въ I кл. Изъ нѣмецкаго языка: этимологія и о соединеніи существительныхъ именъ съ прилагательными. Переводы по граматикѣ Шумахера. III классъ. Изъ алгебры: уравненія 2-й степени, прогрессіи, логариѳмы и приложеніе прогрессій и пропорцій къ вычисленію процентовъ на проценты. Изъ геометріи: сравненіе и измѣреніе поверхностей и толстоты тѣлъ; плоская тригонометрія и начала высшей геометріи. Изъ словесности: о хріяхъ и т. д. Изъ ботаники: о важнѣйшихъ системахъ ботаники и примѣчательнѣйшихъ семействахъ растеній отечественныхъ. Изъ географіи физической: о воздухѣ, разныхъ явленіяхъ и климатѣ; —политической: Швеція и Норвегія, Данія, Великобрита-

нія и Прусско-Польскія земли. Изъ исторіи: Персія, Греція, Македонская монархія и Римляне. Изъ логики: до силлогизмовъ. Изъ закона Божія: члены символа вѣры и заповѣди. Изъ латинскаго языка: словосочиненіе и переводы. Изъ нѣмецкаго языка: то же, что и изъ латинскаго. Изъ французскаго: чтеніе и письмо; граматика до неправильныхъ глаголовъ. IV класса Новгородская гимназія тогда не имѣла; только въ 1813 (съ 1 ученикомъ) и 1814 (съ 3 учениками) въ гимназіи существовало 4 класса, даже рѣдко было 3, чаще же только 2 низшіе [1]).

Въ IV классѣ Вологодской гимназіи въ 1811 г. было пройдено слѣдующее: Изъ технологіи: до обработыванія и крашенія шерсти. Изъ риторики: упражненія въ сочиненіи рѣчей и *отчасти стиховъ*. Изъ политической экономіи: до раздѣленія капитала по групту земли. Изъ языковъ: упражненія въ переводахъ съ россійскаго языка на французскій и нѣмецкій; нѣкоторыя упражненія учили наизусть. Изъ юриспруденціи: до формы о судѣ. Изъ закона Божія: пространнаго катехизиса II часть; изъ изъясненій Евангелій до 28 недѣли по Пятидесятницѣ. Рисовали цѣлаго человѣка и ландшафты.

Независимо отъ разнообразія предметовъ, учебному дѣлу вредила также трудность нѣкоторыхъ изъ нихъ, особенно философскихъ, которые читались „во всей силѣ", какъ сказано въ разосланныхъ въ 1804 г. вызовахъ обучаться въ открывавшейся тогда Черниговской гимназіи. Такъ, въ Новгородсѣверской гимназіи [2]) въ 1809 г. было пройдено, въ I классѣ: изъ логики—до разсужденія; изъ философской граматики до свойствъ голоса; притомъ занимались граматическимъ разборомъ Ломоносовской оды „Утро" и приведеніемъ въ полный и явный логическій смыслъ недостаточныхъ предложеній. Во II классѣ: Изъ опытнаго душесловія изъяснено о воображеніи, сновидѣніяхъ и сродствѣ понятій; изъ риторики до украшеній риторическихъ, при чемъ ученики занимались декламаціей. Въ III классѣ: изъ риторики до составленія періодовъ сложныхъ; изъ эстетики о вкусѣ вообще, о вкусѣ временномъ и мѣстномъ, о чувствительности и т. п. Въ I классѣ Новгородской гимназіи, въ которомъ находились по большой части 10-лѣтніе мальчики, ученики проходили о силлогизмахъ, упражняясь въ составленіи ихъ; писали въ классное время всеобщую граматику, составленную учителемъ, и учили изъ нея вступленіе и первыя двѣ главы. „Двѣнадцати-лѣтніе мальчики зубрили о хріяхъ, объ идеяхъ отвлеченныхъ, всеобщихъ, частныхъ, единственныхъ, относительныхъ и безотносительныхъ и о томъ, что происходитъ въ нашей душѣ" [3]).

---

1) *Отто*, Новг. Дир., стр. 18.
2) *Сухомлиновъ*, Черниг. уч., стр. 40 и 41.
3) *Отто*, Новг. Дир., стр. 30 и 47.

Что касается латинскаго языка, то лишь въ рѣдкихъ случаяхъ знаніемъ его достигался „идеалъ образованнаго человѣка", состоявшій, по словамъ *Журнала Департамента* 1822 г. (V, стр. 244) въ слѣдующемъ: „Онъ (образованный человѣкъ) проницаетъ въ бездну временъ минувшихъ, разсматриваетъ памятники древности, дабы по слѣдамъ, почти изглаженнымъ, наблюдать духъ и собирать мысли мужей великихъ. Онъ бесѣдуетъ съ ними на ихъ языкѣ, которымъ пользуется для обогащенія природнаго. Онъ пользуется всѣмъ, что можетъ назваться пріятнымъ и похвальнымъ. Для его-то нѣжнаго слуха Виргилій наполнилъ такою прелестію стихи свои, и Тацитъ освѣтилъ ужаснымъ пламенемъ глубину душъ тирановъ". Правда, въ одномъ донесеніи о произведенномъ въ С.-Петербургской гимназіи въ 1815 г. испытаніи сказано, что воспитанники читали и переводили указанныя почтенными посѣтителями мѣста изъ Виргилія и Ливія, съ граматическимъ, синтаксическимъ, миѳологическимъ, историческимъ и географическимъ разборомъ; въ донесеніи о другомъ экзаменѣ мы читаемъ, что учениковъ спрашивали изъ Юлія Цезаря Bellum gallicum IV, 13—23, изъ Саллюстія Cat. 1—14, Jug. 43—53, изъ Горація од. I, 12. III, 3, при чемъ нѣкоторые воспитанники излагали свои мысли на латинскомъ языкѣ (по греческому же языку они переводили частію на латинскій, частію на русскій языки отрывки изъ Евангелія отъ св. Луки, кромѣ того, изъ книги Якобса описаніе Азіи, извлеченное изъ Страбона, Аріана и Діодора Сицилійскаго, 3—15 гл., равно какъ описаніе Европы, извлеченное изъ тѣхъ же писателей, и кромѣ того, нѣкоторыя басни Эзопа, а именно 1—6) [1]),— однако естественно является вопросъ: не было ли все это приготовлено кое-какъ, собственно только для экзамена. Въ 1812 г. въ донесеніи о Черниговской гимназіи говорилось [2]), что обученіе латинскому языку идетъ въ ней неизмѣнно дурно. Директоръ сообщалъ, что успѣхи въ этомъ языкѣ недостаточны по большому множеству предметовъ, преподаваемыхъ въ гимназіи, и по малому числу уроковъ для этого языка; въ защиту же учитель приводитъ то соображеніе, что „способностямъ его трудно ознаменоваться, когда ученики во всѣхъ четырехъ классахъ не доходятъ до того совершенства, при которомъ учителю пришлось бы дѣйствовать великимъ знаніемъ въ языкѣ". Отто [3]) говоритъ, что вологодскіе гимназисты, поступившіе въ Московскій университетъ, оказывались иногда совершенно неспособными къ слушанію профессорскихъ лекцій. Одинъ изъ воспитанниковъ Нѣжинскаго лицея, кончившій въ немъ курсъ (въ 1826 г.)

---

[1]) *Пер. Соч.* XLIII, 266; *Ж. Деп. Н. Пр.* 1822, V.
[2]) *Андріяшевъ*, стр. 253.
[3]) Вологодск. Дир., стр. 59.

первымъ, съ золотою медалью, и записанный въ liber honoris, отправившійся затѣмъ въ Дерптъ, для приготовленія себя къ профессорскому званію, сознается, что въ Дерптѣ не только юридическому его образованію положена была прочная основа, но что тамъ же изучилъ онъ, кромѣ нѣмецкаго, и древніе классическіе языки (нынѣ профессоръ С.-Петербургскаго университета П. Г. Рѣдкинъ). То же самое говорилъ и профессоръ Московскаго университета Д. Л. Крюковъ. По собственному его отзыву, онъ былъ обязанъ знаніемъ древнихъ языковъ профессорамъ Дерптскаго университета Моргенштерну, Франке и Нейе, особенно послѣднему [1]). Для поступленія въ университетъ, особенно въ началѣ описываемаго періода, требованія были очень не велики: это видно изъ увлекательнаго разказа С. Т. Аксакова о занятіяхъ въ Казанской гимназіи въ то время, когда былъ основанъ въ Казани университетъ. „Мы узнали", говоритъ онъ, „что всѣ ученики старшаго класса, за исключеніемъ двухъ или трехъ, поступятъ въ университетъ. Въ строгомъ смыслѣ, человѣкъ съ десять не стоили этого назначенія, по неимѣнію достаточныхъ знаній и по молодости, не говоря уже о томъ, что никто не зналъ по латыни и весьма немногіе знали нѣмецкій языкъ, а съ будущей осени надобно было слушать нѣкоторыя лекціи на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.... Сейчасъ былъ устроенъ латинскій классъ и бóльшая часть будущихъ студентовъ принялась за латынь. Я не послѣдовалъ этому похвальному примѣру, по какому-то глупому предубѣжденію къ латинскому языку.... Нельзя безъ удовольствія и безъ уваженія вспомнить, какою любовью къ просвѣщенію, къ наукамъ, было одушевлено тогда старшее юношество гимназіи. Занимались не только днемъ, но и по ночамъ. Всѣ похудѣли, всѣ перемѣнились въ лицѣ, и начальство принуждено было принять дѣятельныя мѣры для охлажденія такого рвенія. Дежурный надзиратель всю ночь ходилъ по спальнямъ, тушилъ свѣчки и запрещалъ говорить, потому что и въ потьмахъ повторяли наизусть другъ другу отвѣты въ пройденныхъ предметахъ. Учителя были также подвигнуты такимъ горячимъ рвеніемъ учениковъ и занимались съ ними не только въ классахъ, но во всякое свободное время, по всѣмъ праздничнымъ днямъ" [2]). О И. И. Давыдовѣ есть свѣдѣнія, [3]) что въ 1804 г. десятилѣтнимъ мальчикомъ поступилъ онъ въ Тверское дворянское училище. Совершенно новыми для него предметами были иностранные языки — нѣмецкій, англійскій и французскій, которые онъ скоро изучилъ. Попечитель Московскаго университета, М. Н. Муравьевъ, остановилъ на немъ свое вниманіе и

---

[1]) Біографическій словарь Имп. Моск. университета, I, 439, II, 382.
[2]) Семейная хроника, стр. 351.
[3]) Біографическій Словарь, I, 276.

предложилъ его матери отправить мальчика въ Московскій университетъ, требуя только, чтобъ онъ подготовился изъ латинскаго языка. Уже къ 1808 году онъ оказалъ въ немъ значительные успѣхи, которые считались достаточными, но такъ какъ до начала академическаго года оставалось нѣсколько мѣсяцевъ, то посѣщалъ классы состоящей въ то время при университетѣ академической гимназіи, преимущественно классы латинскаго и греческаго языковъ (въ 1820 г. онъ издалъ греческую граматику).

Повторяемъ еще разъ, требованія были не велики; только этимъ объясняется тотъ достовѣрный фактъ, что многіе ученики даже низшихъ классовъ прямо выдерживали испытаніе для поступленія въ университетъ [1]). Вѣроятно, для пріема въ Казанскій университетъ вовсе не требовалось латинскаго языка, такъ какъ въ 1820 г. попечитель доносилъ [2]), что „не опасаясь вреда университету отъ недостатка студентовъ, старался онъ очистить его отъ ненадежныхъ и затруднить входъ въ него неспособнымъ, усиленіемъ экзаменовъ и непремѣннымъ требованіемъ знанія латинскаго языка".

Объ успѣхахъ по латинскому языку въ уѣздныхъ училищахъ будетъ сказано ниже. Весьма естественно, что училища эти встрѣчали въ пріисканіи хорошихъ учителей латинскаго языка болѣе препятствій, чѣмъ гимназіи. Такъ, въ 1807 г. въ Нѣжинскомъ уѣздномъ училищѣ нашелся только одинъ учитель, умѣвшій *читать* по латыни, и его-то назначили преподавателемъ этого предмета [3]). Притомъ латинскій языкъ не вездѣ считался отдѣльнымъ предметомъ; по крайней мѣрѣ только объ уѣздныхъ училищахъ Харьковскаго учебнаго округа, мы знаемъ, что по числу уроковъ первое мѣсто занимали законъ Божій, русскій и латинскій языки и ариѳметика. Есть также свѣдѣнія, что въ 1813 г. курсъ уѣздныхъ училищъ былъ нѣсколько измѣненъ, — реформа эта коснулась лишь двухъ старшихъ классовъ и была разсчитана „на болѣе удовлетворительную подготовку учениковъ въ гимназію". Въ Харьковскомъ округѣ начальство обратило особенное вниманіе на преподаваніе латинскаго языка, такъ какъ знаніе его „сколько полезно для образованія штиля, столько же нужно для желающихъ продолжать свои науки въ университетѣ; оно необходимо и для цвѣтущаго состоянія (русской) словесности" [4]).

Въ своемъ обозрѣніи русской литературы въ 1814 г., Гречъ на вопросъ: „почему литература наша не приноситъ еще тѣхъ плодовъ, которыхъ свѣтъ въ правѣ ожидать отъ нея", даетъ слѣдующій от-

---

[1]) Тамъ же, II, 232.
[2]) *Журн. Деп.* V, стр. 268.
[3]) *Андріяшевъ*, 253.
[4]) *Воронцовъ*, 10, 11, 15.

вѣтъ: „Причины суть — малое стараніе образовать юношество истинною ученостію и пагубное пристрастіе къ употребленію чужаго, бѣднаго языка. Когда большая часть согражданъ нашихъ увѣрится въ истинѣ этихъ наблюденій, когда почувствуетъ необходимость посвящать лучшіе годы юношества на образованіе его древними языками и примѣрами изящнаго, когда будетъ изгнанъ изъ общества нашего ненавистный вредными дѣйствіями своими языкъ французскій: тогда возникнетъ наша литература" [1]). Впрочемъ, это было вѣроятно лишь мнѣніе отдѣльнаго лица; отголоскомъ же мнѣнія большинства слѣдуетъ считать высказанную въ 1812 г. однимъ казанскимъ профессоромъ мысль, что въ Россіи „знаніе латинскаго языка только ученому, а не государственному человѣку или правовѣдцу, или вообще гражданскому чиновнику столь необходимо, сколь необходимо оно въ другихъ странахъ" [2]).

Успѣхи учениковъ обозначались отмѣтками. Интересное соотношеніе этихъ отмѣтокъ по Черниговской гимназіи мы находимъ за 1815 и 1827 гг. въ двухъ вѣдомостяхъ у Андріяшева [3]). Изъ 76 учениковъ въ 1815 г. получили отмѣтки по:

Закону Божію	хорош.	52,	средн.	20,	слаб.	—
Математикѣ	„	46	„	10	„	20
Исторіи и геогр. . . .	„	53	„	7	„	6
Естеств. ист. и физ.	„	21	„	1	„	4
Франц. языку.	„	6	„	9	„	51
Латинск. языку. . . .	„	19	„	10	„	47
Нѣмецк. языку. . . .	„	19	„	10	„	47
Словесности.	„	—	„	—	„	—

Изъ 97 учениковъ въ 1827 г. получили по:

Закону Божію	хорош.	36,	средн.	27,	слаб.	34
Математикѣ.	„	34	„	30	„	53
Исторіи и геогр.. . .	„	23	„	34	„	40
Естеств. ист. и физ.	„	6	„	8	„	10
Франц. языку.	„	38	„	32	„	27
Латинск. языку . . .	„	21	„	25	„	51
Нѣмецк. языку. . . .	„	32	„	21	„	44
Словесности	„	39	„	18	„	40

Отъ естественной исторіи и физики ученики могли быть освобождаемы; но какъ видно изъ представленной здѣсь вѣдомости, это распространялось и на другіе предметы. Въ уѣздныхъ училищахъ хоро-

---

[1]) Сочиненія Греча, изд. Смирдина, 1855. III, 294.
[2]) *Владиміровъ*, II, 48.
[3]) *Андріяшевъ*, стр. 388.

шихъ учениковъ никогда не было болѣе одной четверти общаго ихъ числа [1]).

Мѣриломъ успѣховъ учениковъ служатъ также переводы ихъ изъ класса въ классъ. Въ 1810, 1812, 1820 и 1825 гг., въ 11 уѣздныхъ училищахъ изъ 2450 учениковъ было переведено 1011, а въ гимназіи изъ 320—168. Изъ 43 учениковъ гимназіи, находившихся въ 1823 г. въ I классѣ, окончили курсъ только 8, пробывъ въ заведеніи среднимъ числомъ около шести лѣтъ, а именно 2 оставались въ ней 7 лѣтъ, 3—6 л. и столько же 5 лѣтъ. Чтобы пройдти курсъ уѣзднаго училища, требовалось болѣе времени. Въ 1822 г. въ I классѣ одного изъ этихъ училищъ было 42 ученика; изъ нихъ 27 не перешли во II классъ, изъ остальныхъ же 14 поступили въ него: 1 черезъ 4, 1 черезъ 5, 3 черезъ 6, 2 черезъ 7, 5 черезъ 8 и 2 черезъ 9 лѣтъ [2]). Впрочемъ, по Харьковскому учебному округу въ 1815 г. было сдѣлано слѣдующее распоряженіе: „Какъ въ гимназіи преподаются науки, которыя, открывая путь къ разнороднымъ познаніямъ и учености полезны и необходимы для всѣхъ, готовящихся къ должностямъ по разнымъ частямъ государственнаго управленія, то сочтено нужнымъ постановить правиломъ: если какой либо ученикъ, при изрядныхъ успѣхахъ въ преподаваемыхъ въ гимназіи предметахъ вообще, окажется слабымъ въ одномъ какомъ либо родѣ познаній, то такого ученика не удостоивать перевода въ высшій классъ, но и не оставлять въ томъ же классѣ, а отложить рѣшеніе до окончанія вакаціоннаго времени, по истеченіи котораго онъ долженъ подвергнуться вторичному испытанію, и тогда уже, хотя бы и за посредственные успѣхи, удостоить его повышенія“ [3]). Этимъ средствомъ полагали заставить учениковъ не прогуливать всего вакаціоннаго времени. Въ непріятныхъ столкновеніяхъ учителей съ начальствомъ относительно перевода учениковъ, также не было недостатка: мы имѣемъ свѣдѣнія о самовольныхъ переводахъ вопреки возраженіямъ учителей (1823), сопровождавшихся скандальными сценами [4]). Казеннокоштныхъ воспитанниковъ, остававшихся слишкомъ долго въ одномъ классѣ и тѣмъ доказавшихъ свои недостаточныя способности, было предписано въ 1813 году исключать, по поводу того обстоятельства, что одинъ ученикъ гимназіи въ теченіе почти 7 лѣтъ не могъ идти далѣе перваго класса.

Къ этому присоединялось еще то, что во многихъ учебныхъ заведеніяхъ господствовалъ обычай сажать ученика по разнымъ пред-

---

[1]) *Андріяшевъ*, 390.
[2]) Тамъ же, 392 и слѣд.
[3]) *Сухомлиновъ*, Черниг. уч., стр. 42.
[4]) *Андріяшевъ*, стр. 392.

метамъ въ разные классы. Такъ, въ Казани было слѣдующее распредѣленіе: для закона Божія, исторіи и географіи существовало только по 2 класса, для французскаго и нѣмецкаго языковъ по 3, и только для математики, русскаго и латинскаго языковъ по 4 класса. Напротивъ того, греческій языкъ имѣлъ лишь одинъ классъ [1]). Ученикъ могъ держать экзаменъ въ университетъ только въ томъ случаѣ, если онъ по всѣмъ предметамъ былъ одинъ годъ въ старшемъ классѣ.

Успѣхи учениковъ обусловливались, конечно, способомъ преподаванія. Этотъ способъ преимущественно заключался въ спрашиваніи механически выученнаго наизусть. Само собою разумѣется, что въ столичныхъ и университетскихъ гимназіяхъ могли быть употребляемы лучшія методы, но это было лишь исключеніемъ. „По большей части учитель вызывалъ лучшихъ учениковъ и заставлялъ ихъ спрашивать урокъ своихъ товарищей, самъ же въ то время читалъ книгу, или проводилъ время, ничего не дѣлая“ [2]). Упоминается о случаяхъ, что учитель открыто порицалъ учениковъ, если они отвѣчали урокъ не по книгѣ, а собственными словами [3]). Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ въ 1806 г. визитаторами по Харьковскому учебному округу, видно, что „въ большей части училищъ учители стараются только о томъ, чтобъ ученики выучивали наизусть, не заботясь о томъ, понимаютъ-ли они то, что̀ учатъ, отчего выходило, что на вопросы, дѣлаемые визитаторами ученикамъ, съ намѣреніемъ узнать, понимаютъ-ли то, что безостановочно отвѣчаютъ, давали они отвѣты, доказывающіе, что они точно то не понимаютъ; напримѣръ: на вопросъ ученику, что разумѣетъ онъ подъ словомъ церковь, и о деревянной-ли говорится здѣсь церкви, или о каменной, отвѣчаютъ, что здѣсь разумѣется каменная церковь. Или когда отвѣчаютъ, что рай былъ въ Азіи, на вопросъ: что есть Азія? отвѣчаютъ въ однихъ мѣстахъ, что Азія есть растеніе, а въ другихъ, что Азія есть страна; на вопросъ же, какая страна — правая или лѣвая, отвѣчаютъ—лѣвая. Почему и предписываетъ Комитетъ внушить учителямъ, что знаніе ученика состоитъ не въ знаніи наизусть словъ, но въ понятіи идей, ими выражаемыхъ, и потому бы они старались, чтобы каждое слово, о которомъ подумать можно, что ребенокъ не имѣетъ объ немъ истинной идеи, каждую связь словъ необходимо изъясняли“ [4]). „Циркуляръ министра народнаго просвѣщенія отъ 1810 г.“, говоритъ Вороновъ [5]), „долженъ былъ встрѣтить въ исполненіи своемъ неодолимыя препятствія. Вообще чувствовался недостатокъ въ преподавателяхъ;

[1]) *Андріяшевъ*, стр. 250.
[2]) *Андріяшевъ*, стр. 250.
[3]) Тамъ же, стр. 30.
[4]) *Сухомлиновъ*, Черниг. уч., стр. 15.
[5]) I, стр. 220 слѣд.

тѣмъ труднѣе было найдти способныхъ и любящихъ свое дѣло; отъ того и ученіе шло большею частію по прежнему; рѣдкія исключенія, вездѣ бывающія, нисколько не ослабляютъ справедливости сказаннаго. Начальники училищъ также не всегда имѣли способности, нужныя для разумнаго надзора за преподаваніемъ. Чтобы искоренить зло, необходимо было создать классъ учащихъ, возвысить его значеніе въ глазахъ общества... Слова эти относятся только къ гимназіямъ и низшимъ училищамъ, а не къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ" и т. д. Въ наставленіяхъ со стороны высшаго начальства относительно способовъ преподаванія недостатка не было. Такъ, напримѣръ, училищный комитетъ при Харьковскомъ университетѣ, узнавъ, что ученики повѣтовыхъ училищъ поступаютъ въ гимназію съ весьма слабыми свѣдѣніями въ русской граматикѣ, предписывалъ, чтобы вновь изданная (1820 г.) книга о граматическомъ разборѣ употреблялась въ уѣздныхъ училищахъ по окончаніи изученія граматики. Тотъ же комитетъ, замѣтивъ, что во многихъ училищахъ воспитанники не только худо пишутъ, но „не умѣютъ даже порядочно сидѣть и держать ни пера, ни бумаги, да и правописаніе не болѣе того разумѣютъ", рекомендовалъ пріобрѣсти начертаніе правилъ правописанія, изданное Харьковскимъ университетомъ въ 1812 году, и руководство къ чистописанію [1]). Въ 1811 году предложено было „преимущественно стараться о твердомъ внушеніи ученикамъ исторіи и географіи отечественной противъ всеобщей; избѣгать подробнѣйшаго объясненія маловажныхъ обстоятельствъ и мѣстъ, а впечатлѣвать въ память учениковъ, по соображенію съ лѣтами, одни только самыя важныя; въ геометріи не пропускать ни одной теоремы безъ доказательства; въ естественной исторіи заниматься болѣе царствомъ животныхъ, нежели ископаемымъ и прозябаемымъ, но отнюдь не оставлять и послѣднихъ безъ показанія раздѣленія ихъ на роды и виды; преподавать технологію съ выборомъ терминовъ, ближе подходящихъ къ мѣстному занятію жителей и къ состоянію учениковъ; занимать дѣтей болѣе тѣми предметами, кои, по образу жизни и по состоянію родителей ихъ, имъ свойственнѣе и нужнѣе; при обученіи дѣлать имъ вопросы самымъ вѣжливымъ и ласковымъ образомъ; пріобучать ихъ при отвѣтахъ къ обращенію взоровъ на спрашивающаго, и чтобъ отвѣты, по всей возможности, были сокращенны и достаточны, но отнюдь не бѣглы и отрывисты" [2]).

Переводъ перваго изданія учебника Дюмериля „Traité élémentaire d'histoire naturelle" Главнымъ Правленіемъ училищъ не былъ одобренъ, „такъ какъ книга состоитъ изъ вопросовъ и отвѣтовъ, а это

---

[1]) *Сухомлиновъ*, Черниг. уч., стр. 15.
[2]) *Сухомлиновъ*, Яросл. уч., 130.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Совѣтъ одного священника сбавить цѣны на мои сочиненія, съ цѣлью способствовать ихъ распространенію и сдѣлать ихъ общедоступнѣе,—побуждаетъ меня на это рѣшиться весьма охотно.

Для всѣхъ *священно* и *церковно-служителей*, и также для *всѣхъ учителей* и *учительницъ народныхъ* и *сельскихъ училищъ*, и также для **всѣхъ учителей и учениковъ всѣхъ учебныхъ заведеній въ Россіи, исключительно** и *непосредственно обращающихся ко мнѣ* (С.-Петербургъ, Надеждинская 39. Кн. В. П. Мещерскій), — я готовъ посылать мои сочиненія, *на свой счетъ*, по слѣдующимъ значительно уменьшеннымъ цѣнамъ:

1) **ТАЙНЫ СОВРЕМЕННАГО ПЕТЕРБУРГА**. 1-й томъ **„Нигилисты“** (въ продажѣ 2 р. 50 к., съ перес.)—1 р. 20 к. 2-й томъ. **„Деньги“** (2 р. 50 к., съ перес.)—1 р. 20 к. 3-й томъ. **„Въ царствѣ Венеры** (тоже)—1 р. 20 к.

2) **ХОЧУ БЫТЬ РУССКОЮ**. Большой романъ, въ четырехъ книгахъ, изъ Петербургскаго большаго свѣта, Губернскаго міра и изъ быта духовенства, съ указаніемъ опасностей отъ нынѣшнихъ пропагандистовъ (въ продажѣ 5 р. съ перес.)—2 р. 50 к.

3) **ЗАПИСКИ СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА**. Рядъ невообразимыхъ, но къ сожалѣнію исторически вѣрныхъ эпизодовъ (въ продажѣ 1 р. 70 к. съ перес.)—1 р.

4) **РѢЧИ КОНСЕРВАТОРА**. 1-й томъ.

5) **РѢЧИ КОНСЕРВАТОРА.** 2-й томъ (въ продажѣ по 2 р. 20 к. томъ)—1 р. 20 к.

6) **ПРАВДА О СЕРБІИ** (въ продажѣ 2 р. 30 к.)—1 р. 20 к.

Независимо отъ этого, тѣ священники или учителя, которые желали бы у себя устроить маленькіе склады нѣсколькихъ экземпляровъ моихъ книгъ, съ тѣмъ чтобы ихъ распродавать въ теченіе года, съ обязательствомъ не разомъ платить, а по истеченіи года, благоволятъ прислать въ точности *свой адресъ*, обозначеніе *заглавій книгъ, количества экземпляровъ, срока уплаты и деньги за одинъ экземпляръ выписываемаго сочиненія.*

Князь Владиміръ Мещерскій.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Редакторъ **Е. Ѳеоктистовъ.**

(Вышла 1-го іюля)

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

АВГУСТЪ.

1877.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CXCII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА
Екатерин. каналъ, между Вознес. и Маріинскимъ мостами, д. № 90—1.
1877.

СОДЕРЖАНІЕ.

(См. на 3-й стр. обертки).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ CXCII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, д. № 90—1.

1877.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ВСЕПОДДАННѢЙШАГО ОТЧЕТА Г. МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ЗА 1875 ГОДЪ.

I. УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

1) Высшія учебныя заведенія.

А. Университеты.

Въ 8-ми университетахъ Имперіи, находящихся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ, Казанскомъ, Кіевскомъ, Св. Владиміра, Новороссійскомъ, Дерптскомъ и Варшавскомъ, къ 1 января 1876 года состояло всего преподавателей—600: *штатныхъ* — 523 (въ томъ числѣ ординарныхъ профессоровъ—262, экстраординарныхъ—73, доцентовъ съ прозекторами—134, преподавателей — 6, помощниковъ — 13, лекторовъ—30), и *сверхштатныхъ*—77 (въ томъ числѣ ординарныхъ профессоровъ—8, экстраординарныхъ—4, преподавателей—17, помощниковъ прозектора—1, приватъ-доцентовъ—47).

Сравнительно съ предшествовавшими годами число университетскихъ преподавателей постоянно увеличивается (такъ, напримѣръ, въ 1873 году было ихъ 569, а въ 1874 — 586) Этотъ удовлетворительный результатъ объясняется тѣми усиленными мѣрами, которыя съ Высочайшаго соизволенія Вашего Императорскаго Величества были принимаемы министерствомъ народнаго просвѣщенія для замѣщенія университетскихъ каѳедръ, а именно оставленіемъ при университетахъ лучшихъ кандидатовъ для того, чтобы они готовились къ профессорскому званію, зачетомъ имъ въ дѣйствительную службу извѣстнаго числа лѣтъ, проведеннаго ими при университетахъ по окончаніи курса, и распоряженіемъ, чтобы означенные молодые люди, которымъ выдавались стипендіи изъ суммъ министерства, обязательно выслуживали въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ двухлѣтній срокъ за

каждый годъ полученія стипендіи. Тою же заботливостію объ увеличеніи научныхъ силъ нашихъ университетовъ вызвана была одна мѣра, состоявшаяся въ отчетномъ году: Высочайшимъ повелѣніемъ Вашего Императорскаго Величества, послѣдовавшимъ 25 октября 1875 года, предоставлено мнѣ право учреждать во всѣхъ университетахъ, по мѣрѣ надобности, должности сверхштатныхъ ассистентовъ, сверхштатныхъ лаборантовъ и помощниковъ прозекторовъ съ присвоеніемъ имъ тѣхъ же правъ и преимуществъ, какія предоставлены штатнымъ должностямъ, а ассистентамъ — правъ, присвоенныхъ лаборантамъ.

Благодаря тѣмъ средствамъ, которыя изъ различныхъ источниковъ расходуются на стипендіи молодымъ людямъ, оставляемымъ при университетахъ для подготовленія къ магистерскому экзамену и къ занятію каѳедръ, университеты могли до сего времени въ достаточныхъ размѣрахъ пользоваться предоставленнымъ имъ правомъ. Въ истекшемъ году число подобныхъ стипендіатовъ простиралось до 91: изъ этого числа 12 находились за границею, а именно: отъ С.-Петербургскаго университета 3, отъ Московскаго—7, отъ Казанскаго—1 и отъ Дерптскаго—1. По спеціальности изучаемыхъ всѣми этими стипендіатами предметовъ было: филологовъ—27, юристовъ—31, физико-математиковъ—22, медиковъ—8 и восточныхъ филологовъ—3. Стипендіаты, подготовляющіеся такимъ образомъ къ ученой дѣятельности, по окончаніи назначеннаго имъ срока, увеличиваютъ собою число приватъ-доцентовъ, которое въ истекшемъ году возросло до 47, то-есть, на 7 человѣкъ болѣе сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ. Необходимо упомянуть при этомъ, что въ теченіе 1875 года 58 молодыхъ ученыхъ, въ томъ числѣ многіе изъ приватъ-доцентовъ и лицъ, приготовляющихся къ профессорскимъ должностямъ, удостоены были высшихъ ученыхъ степеней: доктора по медицинскому факультету—21, по прочимъ факультетамъ — 15 и магистра — 22 по всѣмъ факультетамъ, кромѣ медицинскаго.

Важнѣйшія перемѣны относительно преподаванія разныхъ предметовъ состояли въ слѣдующемъ: въ Харьковскомъ университетѣ введено преподаваніе психологіи въ общіе курсы, а исторія философіи сдѣлана обязательною для всѣхъ трехъ спеціальныхъ разрядовъ въ томъ же факультетѣ; въ физико-математическомъ факультетѣ, по отдѣленію физико-химическихъ наукъ, присоединены къ числу предметовъ въ этомъ отдѣленіи ботаника и зоологія, какъ предметы дополнительные. Въ университетѣ Св. Владиміра, въ физико-математиче-

скомъ факультетѣ, найдено было возможнымъ отдѣлить теоретическую физику отъ общей каѳедры физики и поручить изложеніе ея особому преподавателю. Въ университетѣ Новороссійскомъ, на историко-филологическомъ факультетѣ его, порядокъ преподаванія по каѳедрѣ теоріи и исторіи искусствъ измѣненъ, съ моего разрѣшенія, въ томъ смыслѣ, что предметы, входящіе въ составъ этого курса, раздѣлены на общіе и спеціальные,—общіе для студентовъ I-го и спеціальные для студентовъ III-го и IV-го курсовъ какъ классическаго, такъ и историческаго отдѣленій. Въ университетѣ Варшавскомъ опытная физика и физика математическая въ прежнее время излагаемы были студентамъ однимъ и тѣмъ же преподавателемъ, что̀ представляло значительныя неудобства; ибо предметы эти представляютъ двѣ совершенно самостоятельныя спеціальности, по каждой изъ нихъ имѣются особыя руководства и для каждой существуетъ особая литература; кромѣ того преподаваніе математической физики требуетъ занятій чисто теоретическихъ, кабинетныхъ, а опытной—требуетъ искусства въ демонстраціяхъ, практическихъ занятій съ инструментами въ лабораторіи. Означенныя неудобства устранены тѣмъ, что въ 1875 году изложеніе опытной физики поручено было вновь приглашенному Варшавскимъ университетомъ особому преподавателю. Другихъ значительныхъ измѣненій относительно раздѣленія факультетовъ на отдѣленія, а также соединенія и раздѣленія каѳедръ или замѣны ихъ не произошло.

Ученая дѣятельность профессоровъ въ истекшемъ году выражалась въ чтеніи университетскихъ лекцій и другихъ разнообразныхъ занятіяхъ по исполненію ихъ обязанностей, въ ученыхъ трудахъ, которые они выпускали въ свѣтъ отдѣльными книгами или печатали въ періодическихъ изданіяхъ, въ публичныхъ лекціяхъ, прочитанныхъ нѣкоторыми изъ нихъ и т. п. Командировокъ за границу и внутри Россіи было 43. Нѣкоторые изъ профессоровъ состояли членами учрежденной при Императорскомъ Русскомъ географическомъ обществѣ коммисіи для устройства Парижской географической выставки и участвовали на происходившемъ въ Парижѣ международномъ географическомъ конгрессѣ. Возвратившійся изъ двухлѣтней командировки экстраординарный профессоръ С.-Петербургскаго университета г. Минаевъ достигъ во время этой поѣздки весьма полезныхъ результатовъ. Онъ началъ свое путешествіе съ острова Цейлона и въ продолженіе семи мѣсяцевъ успѣлъ объѣхать весь этотъ островъ. Главною его задачею былъ осмотръ буддійскихъ монастырскихъ би-

бліотекъ и наглядное знакомство съ архитектурными памятниками, во множествѣ разсѣянными по Цейлону. Встрѣчая въ монастыряхъ радушный пріемъ и содѣйствіе, онъ могъ осмотрѣть важнѣйшія книгохранилища, а также пріобрѣсти списки любопытныхъ и въ Европѣ неизвѣстныхъ литературныхъ памятниковъ. Ту же археологическо-литературную цѣль преслѣдовалъ г. Минаевъ и во время путешествія своего по Сѣверной Индіи. Онъ объѣхалъ часть Бенгальскаго президентства, главнымъ образомъ Бихаръ, Непальскую долину, древне-аудское царство, Камаонъ, Гарвалъ, Пенджабъ и Ражпутану. Въ Непалѣ, особенно же въ посѣщенныхъ имъ британскихъ владѣніяхъ, онъ старался сходиться съ народомъ для ознакомленія съ мѣстнымъ говоромъ и устною литературою. Не смотря на крайнюю подозрительность независимаго непальскаго правительства, ему удалось найдти въ этой странѣ очень древнюю хронику Непальскаго царства, сдѣлать тамъ собраніе пѣсенъ и другихъ памятниковъ, какъ для изученія языка, такъ и мѣстнаго буддизма. Въ Пенджабѣ и Ражпутанѣ г. Минаевъ, по недостатку времени, обратилъ особенное вниманіе на ознакомленіе съ любопытною сектою жайновъ, владѣющею громадною и очень древнею литературою.

Различныя ученыя общества, существующія при университетахъ, продолжали въ истекшемъ году свою полезную дѣятельность. С.-Петербургское общество естествоиспытателей, число членовъ коего возросло до 222, устроило и въ истекшемъ году, по примѣру прежнихъ лѣтъ, нѣсколько экскурсій: по его порученію г. Гриммъ занимался изслѣдованіемъ фауны Балтійскаго моря, гг. Гоби и Куторга изучали флору нѣкоторыхъ уѣздовъ Новгородской губерніи, а г. Слупскій — геологическое строеніе южнаго берега Онежскаго озера. Обширныя коллекціи, собранныя этими изслѣдователями, поступили въ соотвѣтствующіе кабинеты С.-Петербургскаго университета. Упомянутое общество вознамѣрилось также снарядить дополнительныя экспедиціи для изученія Каспійскаго моря, на каковой предметъ Вашему Императорскому Величеству, вслѣдствіе всеподданнѣйшаго моего доклада, благоугодно было соизволить на отпускъ ему 3.000 руб. изъ суммъ государственнаго казначейства. Общество испытателей природы, существующее при Харьковскомъ университетѣ, дало необходимыя средства одному изъ своихъ членовъ, профессору Леваковскому для изслѣдованій строенія Донецкаго кряжа. Изслѣдованіемъ этимъ занимались уже многіе ученые и въ томъ числѣ членъ названнаго сейчасъ общества, г. Гелеръ, который, не щадя трудовъ и издержекъ,

произвелъ подробную инструментальную съемку значительной площади и изъ всѣхъ горизонтовъ составилъ замѣчательную коллекцію окаменѣлостей, для добыванія коихъ онъ закладывалъ ломки. Эта коллекція составляетъ драгоцѣнность геологическаго кабинета Харьковскаго университета и нѣтъ сомнѣнія, что она обогатится еще болѣе вслѣдствіе совмѣстныхъ трудовъ гг. Гелера и Леваковскаго. Остальныя общества, какъ естествоиспытателей, такъ и по другимъ спеціальностямъ, устраивали различныя ученыя экскурсіи, занимались обсужденіемъ трудовъ своихъ членовъ и печатали эти труды вполнѣ или въ извлеченіи.

Учебно вспомогательныя учрежденія университетовъ, независимо отъ пополненія ихъ изъ суммъ, назначенныхъ по штатамъ, получили въ теченіе 1875 года слѣдующія, наиболѣе важныя приращенія. Зоологическій и агрономическій кабинеты С.-Петербургскаго университета значительно пополнились нѣсколькими любопытными коллекціями, принесенными въ даръ и пріобрѣтенными на его средства. Въ библіотеку Варшавскаго университета поступило драгоцѣнное собраніе книгъ и рукописей юридическаго содержанія, пріобрѣтенное у дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Губе: книги относятся къ исторіи права славянскаго (преимущественно чешскаго), французскаго и германскаго, а рукописи заключаютъ въ себѣ описаніе юридическихъ понятій и обычаевъ сибирскихъ инородцевъ. Эти замѣчательные сборники были составлены въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія по распоряженію правительства и съ учрежденіемъ II-го отдѣленія Собственной Вашего Императорскаго Величества канцеляріи поступили къ начальнику ея, графу М. М. Сперанскому, для того, чтобы, на ряду съ составленіемъ вообще свода мѣстныхъ законовъ Имперіи, изготовить также сводъ и для сибирскихъ инородцевъ. Впослѣдствіи означенные сборники затерялись, но состоявшій въ то время при II отдѣленіи г. Губе имѣлъ возможность разсмотрѣть ихъ и распорядился сдѣлать съ нихъ копіи, которыя, будучи нынѣ единственнымъ экземпляромъ столь любопытныхъ документовъ, поступили въ библіотеку Варшавскаго университета. Означенная библіотека получила нынѣ полное свое устройство, ибо занятія по пріему и описи ея книгъ были совершенно окончены въ истекшемъ году.

Между различными улучшеніями, которымъ подверглись учебно-вспомогательныя учрежденія нашихъ университетовъ въ 1875 году, слѣдуетъ упомянуть о томъ, что дѣятельность астрономической обсерваторіи Московскаго университета была расширена введеніемъ въ

кругъ ея постояннаго фотографированія солнца и постоянныхъ же фотометрическихъ изслѣдованій надъ звѣздами. Для перваго рода работъ былъ установленъ геліографъ Дальмейера и заведена фотографическая лабораторія. Такимъ образомъ, съ присоединеніемъ фотографическихъ и фотометрическихъ наблюденій къ постоянно продолжающимся въ обсерваторіи спектральнымъ наблюденіямъ, устроилась при астрономической обсерваторіи Московскаго университета довольно полная обсерваторія астрофизическая. Обширная библіотека С.-Петербургскаго университета помѣщалась до сего времени весьма дурно, не имѣла въ достаточномъ количествѣ ни шкафовъ, ни вообще необходимой для нея мебели; на устройство особаго для нея помѣщенія, Высочайше утвержденнымъ 25-го октября истекшаго года мнѣніемъ государственнаго совѣта ассигновано было 30.000 руб., но работы по сему предмету должны быть произведены уже въ текущемъ году. Послѣ того, какъ физическій кабинетъ и кабинетъ физической географіи того же университета получили надлежащее устройство въ зданіи Jeu de pomme, приступлено было къ отдѣлкѣ кабинетовъ минералогическаго и геологическаго, для чего усилено водоснабженіе, газопроводъ и вообще приведено въ лучшій видъ все устройство и приспособленіе этихъ кабинетовъ; для перваго изъ нихъ, то-есть, для кабинета минералогическаго, пріобрѣтена была, между прочимъ, на сумму 2.400 руб., ассигнованную изъ государственнаго казначейства по Высочайшему повелѣнію Вашего Императорскаго Величества, отъ наслѣдниковъ горнаго инженера Романовскаго коллекція, состоящая изъ минераловъ русскихъ мѣсторожденій, преимущественно уральскихъ. Въ университетѣ св. Владиміра также по возможности были расширены нѣкоторые изъ принадлежащихъ ему кабинетовъ, лабораторій и другихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій: окончена была постройка зданія для лабораторіи общей патологіи на сумму 3.986 руб.; въ ботаническомъ саду перестроены оранжереи, приступлено было къ новому расположенію ботаническихъ партеровъ и заложенъ образцовый арборетъ; зоологическая и зоотомическая лабораторіи, перенесенныя въ новое зданіе, были окончательно организованы. Въ университетѣ Дерптскомъ начатая въ 1874 году постройка лазаретнаго барака при хирургической клиникѣ была приведена къ концу и поступила въ употребленіе; кромѣ того число научныхъ учрежденій сего университета увеличилось еще однимъ, а именно метеорологическою обсерваторіею, на которую Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта ассигновано съ

1-го января 1875 года 2.000 руб. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть, что изъ кредита въ 55.000 руб., предоставленнаго въ 1873 году Варшавскому университету для устройства учебно-вспомогательныхъ его учрежденій, была израсходована въ истекшемъ году остальная часть этой суммы въ количествѣ 18.241 руб. и что упомянутыя учрежденія приведены нынѣ, по возможности, въ надлежащій порядокъ какъ по внѣшнему своему виду, такъ и по внутреннему устройству.

Общее число учащихся во всѣхъ 8 университетахъ составляло къ 1-му января 1876 года 5.907 чел., въ томъ числѣ студентовъ 5.596 и постороннихъ слушателей 311. По факультетамъ студенты распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: на медицинскомъ — 2.180, на юридическомъ—1.686, на математическомъ—1.006, на историко-филологическомъ—589, на богословскомъ—91 и на факультетѣ восточныхъ языковъ — 44. Цифры эти представляются весьма утѣшительными по сравненію ихъ съ цифрами за предшествовавшіе годы: начиная съ 1871 года, въ теченіе четырехъ лѣтъ, общее число студентовъ постепенно уменьшалось въ слѣдующемъ количествѣ:

къ	1-му	января	1872	г.	было	студентовъ	6.778
»	»	»	1873	»	»	»	6.115
»	»	»	1874	»	»	»	5.689
»	»	»	1875	»	»	»	5.368

Причина этого явленія объясняется единственно тѣмъ, что по случаю введенія новой гимназической реформы число оканчивавшихъ полный гимназическій курсъ не могло быть на первыхъ порахъ столь значительно какъ прежде, но уже неоднократно въ предшествовавшихъ всеподданнѣйшихъ моихъ отчетахъ я упоминалъ, что это явленіе лишь временное и что оно неминуемо должно измѣниться, какъ скоро гимназіи наши будутъ все тверже устанавливаться на новыхъ основаніяхъ. Весьма осязательный переворотъ въ этомъ отношеніи наступилъ въ истекшемъ году. Дѣйствительно, обративъ вниманіе на приведенныя выше цифры за четыре года, легко убѣдиться, что хотя число студентовъ и уменьшалось, но съ каждымъ годомъ все въ менѣе значительныхъ размѣрахъ, а именно къ 1-му января 1873 года было ихъ на 664 менѣе противъ 1872 года, къ 1 января 1874 года число это понизилось до 326, а къ 1 января 1875 года до 322. Затѣмъ, въ отчетномъ году это постепенное уменьшеніе не только прекращается, но сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ число студентовъ возрастаетъ на 228. Все это даетъ основаніе утверждать,

что наши гимназіи, послѣ совершившагося въ нихъ преобразованія, окончательно выступили на тотъ путь, слѣдуя по которому онѣ будутъ доставлять обильное количество молодыхъ людей для высшихъ учебныхъ заведеній и что приливъ учащихся къ университетамъ, послѣ кратковременнаго застоя, долженъ теперь постепенно возрастать съ каждымъ годомъ.

Средствомъ для поощренія студентовъ къ занятіямъ служили репетиціи, испытанія переводныя и выпускныя и особыя практическія упражненія внѣ лекцій, происходившія подъ руководствомъ профессоровъ на тѣхъ же основаніяхъ, которыя были мною изложены во всеподданнѣйшихъ отчетахъ моихъ за прежніе годы. Студентовъ, удостоенныхъ медалями за сочиненія, которыя были представлены ими на заданныя въ различныхъ факультетахъ темы, было 43, въ томъ числѣ 27 изъ нихъ получили золотыя медали, а 16 — серебряныя. Число молодыхъ людей, выбывшихъ изъ всѣхъ 8 университетовъ по окончаніи курса, было 1.216, что̀ составляло 22% общаго числа студентовъ, а выбывшихъ, по различнымъ причинамъ, до окончанія курса 666 или около 12%. Наиболѣе поощрительною мѣрою служило облегченіе матеріальнаго положенія студентовъ освобожденіемъ недостаточныхъ изъ нихъ и заслуживающихъ того по успѣхамъ въ наукахъ и поведенію отъ платы за слушаніе лекцій и выдача имъ единовременныхъ пособій, а также стипендій. Въ 1875 году вовсе освобождены были отъ платы 1.888 и кромѣ того значительному количеству студентовъ плата была уменьшена; стипендіями пользовались 1.561 человѣкъ на сумму 342.845 руб., не говоря здѣсь о денежномъ пособіи, которое выдано было многимъ въ различномъ размѣрѣ.

Значительнѣйшія изъ пожертвованій въ пользу университетовъ были въ истекшемъ году слѣдующія:

Служащіе по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, проникнутые чувствомъ высокаго уваженія и искренней признательности къ бывшему товарищу министра народнаго просвѣщенія, дѣйствительному тайному совѣтнику статсъ-секретарю И. Д. Делянову, принимавшему близкое и благотворное участіе въ дѣлахъ сего вѣдомства, собрали по добровольной подпискѣ капиталъ въ 18.876 р. 93 коп., для учрежденія, изъ процентовъ сего капитала, стипендій его имени. По ходатайству г. Делянова, съ Высочайшаго разрѣшенія Вашего Императорскаго Величества, учреждены были три стипендіи, изъ коихъ одна, въ 290 р., для историко-филологическаго факультета С.-Петербургскаго университета.

Кромѣ того С.-Петербургскому университету были пожертвованы съ тою же цѣлію учрежденія стипендій: вдовою генералъ-маіора баронессою Штейнверъ — 3.600 руб., генералъ-адъютантомъ барономъ В. К. Ливеномъ — 4000 р., вдовою статскаго совѣтника Макина, по духовному ея завѣщанію, 6.000 р., генералъ-лейтенантомъ Максимовичемъ, по духовному его завѣщанію, 19.707 р. 53 к. и дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Н. Переславскимъ, также по духовному завѣщанію, 13.000 р.

Московскому университету на учрежденіе стипендій: имени кн. Мещерскаго—2.800 р., Хрущова—6.000 р., кн. Долгорукова—10.000 рублей, Щепкина—2.000 руб., Хомякова и Аксакова по 6.000 р., затѣмъ на выдачу пособій недостаточнымъ студентамъ въ память покойнаго А. Н. Никифорова—5.000 р., и не столь значительныхъ пожертвованій съ тою же цѣлью поступило на сумму 5.226 руб.

Въ университетѣ св. Владиміра пожертвовано по духовному завѣщанію Шевякова на учрежденіе изъ процентовъ сего капитала стипендіи его имени 6.000 руб.

Въ Харьковскомъ университетѣ на учрежденіе стипендій: вдовою статскаго совѣтника Быковскаго—100.000 р., гг. Синельниковыми—6.000 руб., дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Вернадскимъ—5.000 руб. и купцомъ Болотовымъ—3.000 руб.

Въ Новороссійскомъ университетѣ, съ тою же цѣлью: землевладѣльцемъ г. Криворотовымъ — 5.000 р. и лицами, служившими при сооруженіи Харьково-Николаевской желѣзной дороги, собранный ими капиталъ въ количествѣ 6.056 р. 92 к.

Затѣмъ Варшавскому университету, кромѣ различныхъ вещей, принесенныхъ въ даръ его кабинетамъ и изъ коихъ наиболѣе важны поступившія въ зоологическій его кабинетъ на сумму болѣе 3.500 руб., пожертвовано было для учрежденія стипендіи 1.500 р.

Изъ исчисленныхъ здѣсь пожертвованій видно, что сумма ихъ въ истекшемъ году простиралась болѣе чѣмъ на 220.000 р.—явное доказательство того, съ какими надеждами и сочувствіемъ относится общество къ нашимъ университетамъ. Тѣмъ болѣе министерство народнаго просвѣщеніи обязано заботиться о томъ, чтобы они вполнѣ соотвѣтствовали своему высокому предназначенію. Если правительство старается различными мѣрами поощрять ихъ дѣятельность, если общество является на помощь матеріальнымъ нуждамъ получающихъ въ нихъ образованіе молодыхъ людей, если вообще создана теперь для нихъ гораздо болѣе благопріятная обстановка чѣмъ въ прежнее

время, то не слѣдуетъ забывать, что существуютъ теперь такія требованія, для удовлетворенія коихъ долженъ быть значительно поднятъ въ нихъ уровень науки и усилены занятія студентовъ. Вопросъ этотъ давно уже запимаетъ министерство народнаго просвѣщенія, а въ послѣднее время по Высочайшему повелѣнію Вашего Императорскаго Величества назначена была особая коммисія, подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта, статсъ-секретаря Делянова, на которую возложена обязанность подвергнуть пересмотру университетскій уставъ 1863 года, съ цѣлью измѣнить его положенія, обнаружившія въ чемъ-либо свою несостоятельность. Означенная коммисія приступила къ исполненію своей задачи въ истекшемъ году: считая необходимымъ предварительно ознакомиться во всѣхъ подробностяхъ съ состояніемъ университетовъ, предсѣдатель ея, въ сопровожденіи пяти членовъ, посѣтилъ минувшею осенью всѣ университеты, внимательно осматривалъ ихъ, вникалъ въ ходъ преподаванія и выслушивалъ мнѣнія самихъ профессоровъ относительно предстоящихъ преобразованій. Такимъ образомъ собранъ былъ обильный и любопытный матеріалъ, которымъ коммисія должна воспользоваться при дальнѣйшихъ своихъ работахъ, но отчетъ о нихъ относится уже къ текущему году.

Б. Институты: а) Императорскій С.-Петербургскій историко-филологическій; б) историко-филологическій князя Безбородко; в) Лазаревскій восточныхъ языковъ (спеціальные классы) и г) Демидовскій юридическій лицей.

а) *Императорскій С.-Петербургскій историко-филологическій институтъ*, имѣя программу, соотвѣтствующую университетской программѣ историко-филологическихъ факультетовъ, отличается отъ нихъ тѣмъ, что чтеніе въ немъ лекцій болѣе примѣнено къ будущему спеціальному назначенію студентовъ служить преподавателями въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; кромѣ пріобрѣтенія теоретическихъ знаній по предметамъ историко-филологическимъ студенты знакомятся здѣсь также съ педагогикою и упражняются, подъ руководствомъ наставниковъ гимназіи, состоящей при институтѣ, въ учительской практикѣ.

Въ первомъ и второмъ курсахъ студенты слушаютъ вмѣстѣ всѣ обязательные для нихъ предметы, а съ третьяго начинается раздѣ-

леніе ихъ на спеціальныя отдѣленія. И въ 1875 году, какъ въ предшествовавшемъ, существовали только два отдѣленія—древнихъ языковъ и русскаго языка и словесности, на основаніи тѣхъ соображеній, которыя были изложены во всеподданнѣйшемъ отчетѣ моемъ за минувшій годъ. Занятія молодыхъ людей происходили обычнымъ порядкомъ, причемъ было обращаемо вниманіе, чтобы, пріобрѣтая основательныя свѣдѣнія въ древней филологіи, русскомъ языкѣ и словесности, они успѣшнѣе чѣмъ прежде знакомились также съ языками новыми, именно: съ французскимъ и нѣмецкимъ: еще въ 1874 году установлены были для достиженія этой цѣли различныя мѣры, а въ 1875 году онѣ были пополнены новыми правилами объ экзаменахъ изъ означенныхъ языковъ.

Тѣ изъ воспитанниковъ, которые съ особеннымъ успѣхомъ оканчиваютъ въ институтѣ курсъ наукъ, командируются за границу для усовершенствованія своего въ древнихъ языкахъ; они представляютъ подробныя донесенія о своихъ занятіяхъ конференціи института, которая разсматриваетъ ихъ труды и сообщаетъ имъ свои замѣчанія и совѣты. Въ отчетномъ году, по окончаніи выпускныхъ экзаменовъ, конференція ходатайствовала объ отправленіи въ Лейпцигъ, въ находящуюся при тамошнемъ университетѣ филологическую семинарію, студента *Павла Адріанова.*

Опытъ обнаружилъ, что бывшіе студенты, получающіе такую подготовку, пріобрѣтаютъ весьма солидныя свѣдѣнія и могутъ съ честью заниматься преподаваніемъ даже въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Чтобы дать имъ возможность доказать вполнѣ свои способности въ этомъ отношеніи, мною утверждено было предположеніе конференціи института о томъ, чтобы, по возвращеніи своемъ изъ заграничной командировки молодые люди, о коихъ идетъ рѣчь, читали пробныя лекціи. Это нововведеніе привело къ весьма удовлетворительнымъ результатамъ. Въ истекшемъ году одному изъ нихъ г. Колесникову, по прочтеніи имъ пробной лекціи, поручено было преподаваніе римскихъ древностей въ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ, а другой—г. Никитинъ, выдержавшій въ С.-Петербургскомъ университетѣ экзаменъ на степень магистра древней филологіи, былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ въ Нѣжинскомъ институтѣ князя Безбородко.

Практическія занятія студентовъ въ гимназіи при институтѣ,—въ которой открыто было въ 1875 году низшее отдѣленіе VII класса,—состояли, какъ и прежде, въ присутствіи на урокахъ, даваемыхъ

наставниками, руководителями, въ личномъ преподаваніи уроковъ подъ наблюденіемъ наставниковъ и въ посѣщеніи вечернихъ бесѣдъ, происходившихъ разъ въ недѣлю. Предметомъ этихъ бесѣдъ было: ознакомленіе студентовъ съ учительскими обязанностями, обсужденіе различныхъ педагогическихъ вопросовъ, разборъ преподанныхъ студентами уроковъ, а также разсмотрѣніе новыхъ или уже вошедшихъ въ употребленіе руководствъ относительно примѣнимости ихъ къ учебной практикѣ.

Въ теченіе 1874 года вновь поступило въ институтъ 24, а всѣхъ желавшихъ поступить было 58. Общее число студентовъ простиралось до 118. Изъ окончившихъ курсъ были назначены: 13—учителями древнихъ языковъ; 3—русскаго языка; 4—русскаго и древнихъ языковъ.

Библіотека института пополнялась въ теченіе года покупкою книгъ по предложеніямъ членовъ конференцій, присылкою казенныхъ изданій и приношеніями нѣкоторыхъ ученыхъ; всего находилось въ ней въ 1875 году, не считая учебниковъ, 6.640 нумеровъ въ 12.940 экземплярахъ; для чтенія было выдано 1.314 сочиненій.

б) *Историко-филологическій институтъ князя Безбородко* преобразованъ изъ существовавшаго въ Нѣжинѣ лицея князя Безбородко, на основаніи Высочайше утвержденнаго 20-го ноября 1874 года мнѣнія государственнаго совѣта. Уставъ для него удостоился Высочайшаго утвержденія Вашего Императорскаго Величества въ апрѣлѣ мѣсяцѣ истекшаго года, а 14-го сентября того же года происходило торжественное его открытіе. Такимъ образомъ въ настоящемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ моемъ я не могу говорить подробно объ его дѣятельности, ибо дѣятельность эта продолжалась немного болѣе трехъ мѣсяцевъ, и долженъ остановиться преимущественно на тѣхъ мѣрахъ, которыя были приняты съ самаго начала, чтобы поставить означенное учебное заведеніе въ наиболѣе благопріятныя для него условія.

Мѣры эти касались одинаково устройства помѣщенія, пріисканія преподавателей, пополненія библіотеки и т. д. Институтъ помѣщается въ томъ же зданіи, гдѣ находится гимназія, и кромѣ того бывшій лицей еще не совершенно упраздненъ, ибо студентамъ послѣдняго его курса предоставлено право окончить ученье на основаніи прежняго устава 1840 года: необходимо было, слѣдовательно, приспособить зданіе такимъ образомъ, чтобы всѣ эти учебныя заведенія нисколько не стѣсняли одно другое, при чемъ въ зданіи, давно уже не ремон-

тированномъ основательно по недостатку средствъ, требовались значительныя передѣлки. Все это было исполнено ко дню открытія института въ сентябрѣ истекшаго года. Въ виду того, что въ теченіе дальнѣйшихъ трехъ лѣтъ долженъ образоваться полный комплектъ студентовъ, оказалось необходимымъ расширить помѣщеніе института, а именно предполагается построить въ зданіи новый, третій этажъ, для чего уже ассигновано изъ государственнаго казначейства 50.590 руб.

Изъ учебныхъ пособій, необходимыхъ для института, особое вниманіе обратила на себя библіотека. Прежняя лицейская библіотека состояла болѣе чѣмъ изъ 13.000 томовъ, но по тщательномъ ея расмотрѣніи оказалось, что многаго и существенно важнаго въ ней недостаетъ, а на ряду съ этимъ находятся сочиненія, не имѣющія никакой цѣны, такъ что можно было отобрать только 4,034 сочиненія, болѣе или менѣе полезныя для института. Недостатокъ съ этой стороны былъ отстраненъ тѣмъ, что для историко-филологическаго института князя Безбородко пріобрѣтена библіотека покойнаго директора С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, Штейнмана, заключающая въ себѣ значительное собраніе классическихъ авторовъ и сочиненій по классическимъ языкамъ, литературѣ, древностямъ и миѳологіи. Кромѣ того, по распоряженію моему, обращены были для пополненія той же библіотеки различные дублеты бывшей Варшавской городской, а нынѣ тамошней университетской библіотеки, относящіеся преимущественно къ отдѣламъ богословскому, историческому и литературному. Наконецъ небольшой по размѣру, но цѣнный по своему достоинству вкладъ въ институтскую библіотеку сдѣланъ былъ Нѣжинскимъ греческимъ училищемъ, которому предстоитъ преобразованіе въ женскую гимназію. Хотя библіотека института и въ настоящее время все еще недостаточно приспособлена къ его цѣлямъ и потребностямъ, тѣмъ не менѣе нельзя сомнѣваться, что она можетъ служить солидною основою для будущихъ приращеній.

Наиболѣе важная задача заключалась въ образованіи состава вполнѣ надежныхъ преподавателей, но и она была выполнена весьма удачно. По главнѣйшимъ предметамъ—русской исторіи, римской и греческой словесности, русской словесности и важнѣйшимъ славянскимъ нарѣчіямъ, всеобщей исторіи, философіи,—приглашены профессоры, представляющіе достаточное ручательство, что подъ руко-

водствомъ ихъ занятія студентовъ получатъ вполнѣ дѣльное направленіе.

Подавшихъ прошенія о поступленіи въ институтъ и подвергавшихся назначеннымъ испытаніямъ изъ русскаго, латинскаго и греческаго языковъ было 42; по внимательномъ разсмотрѣніи какъ письменныхъ работъ, такъ и устныхъ отвѣтовъ, было принято изъ этого числа 25; кромѣ того были переведены въ историко-филологическій институтъ князя Безбородко 3 студента С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, такъ что общее число студентовъ въ открывшемся первомъ курсѣ простиралось до 28. Студентовъ бывшаго лицея, оставленныхъ на послѣднемъ курсѣ для окончанія ученья, было 23.

На основаніи Высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта, Нѣжинская гимназія обращена въ гимназію при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко и поставлена къ нему въ такія же отношенія, въ какихъ находится гимназія при Императорскомъ историко-филологическомъ институтѣ къ сему послѣднему. Въ этой гимназіи воспитанники старшихъ курсовъ института будутъ упражняться въ практическомъ преподаваніи, но кромѣ того, вслѣдствіе Высочайше утвержденнаго Вашимъ Императорскимъ Величествомъ всеподданнѣйшаго моего доклада, она получаетъ еще особое назначеніе, а именно, должна служить образцовою гимназіею въ обширномъ значеніи сего слова и выпускать такихъ воспитанниковъ, которые могли бы служить вполнѣ надежнымъ контингентомъ для укомплектованія состава студентовъ историко-филологическаго института князя Безбородко. Съ этою цѣлью учреждено въ четырехъ высшихъ классахъ Нѣжинской гимназіи 120 стипендій, по 30 въ каждомъ классѣ, въ размѣрѣ по 200 р. въ годъ, съ тѣмъ чтобы получившіе эти стипендіи воспитанники обязаны были, по удовлетворительномъ окончаніи испытаній зрѣлости, поступать въ число стипендіатовъ историко-филологическаго института въ Нѣжинѣ. Во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ возложено на обязанность учебнаго начальства предлагать ученикамъ, окончившимъ четырехклассный гимназическій курсъ и отличающимся прилежаніемъ, способностями и благонравнымъ поведеніемъ, означенныя стипендіи при Нѣжинской гимназіи,—разумѣется, съ согласія ихъ родителей. Несомнѣнно, что подобная мѣра обезпечитъ институтъ князя Безбородко лучшими учебными силами и дастъ ему возможность подготовлять

въ своихъ стѣнахъ молодыхъ людей, вполнѣ достойныхъ того назначенія, которое ихъ ожидаетъ въ будущемъ.

Изъ всего сказаннаго видно, что новое высшее учебное заведеніе обладаетъ обильными задатками для успѣшнаго развитія своей дѣятельности, начало которой было положено въ истекшемъ году.

в) *Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ* въ Москвѣ существуетъ съ 1815 года, благодаря значительнымъ пожертвованіямъ на него, сдѣланнымъ братьями Лазаревыми. Нынѣшнее устройство, по которому институтъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій: низшаго, равняющагося курсу гимназій министерства народнаго просвѣщенія, и высшаго спеціальнаго, заключающаго въ себѣ три курса и соотвѣтствующаго университетскому факультету восточныхъ языковъ, даровано ему въ 1871 году. Въ число учебныхъ предметовъ спеціальнаго отдѣленія входятъ: словесности русская, персидская, арабская и армянская; языки турецкій, татарскій, грузинскій и исторія Востока; всѣ эти предметы преподаются въ университетскомъ объемѣ и потому спеціальное отдѣленіе Лазаревскаго института можетъ значительно содѣйствовать находящемуся въ С.-Петербургѣ восточному институту министерства иностранныхъ дѣлъ и университетскому факультету восточныхъ языковъ относительно приготовленія образованныхъ оріенталистовъ, въ которыхъ у насъ оказывается такой недостатокъ для распространенія образованія на юго-восточныхъ окраинахъ Россіи и вообще для службы на Востокѣ. Спеціальные классы Лазаревскаго института теперь уже вполнѣ организованы и въ 1875 году происходилъ второй выпускъ окончившихъ въ нихъ курсъ молодыхъ людей, число коихъ простиралось до 6-ти.

2) *Демидовскій юридическій лицей*, преобразованный въ 1870 году изъ школы, находившейся въ самомъ жалкомъ упадкѣ, поставленъ нынѣ на одинаковую степень съ юридическими факультетами университетовъ. По уставу, дарованному ему въ 1874 году, онъ имѣетъ 9 юридическихъ каѳедръ, кромѣ того, каѳедры богословія для студентовъ православнаго исповѣданія, политической экономіи и науки финансовъ: всѣ онѣ были замѣщены въ отчетномъ году, и вакантною оставалась лишь каѳедра энциклопедіи права, но и по этому предмету лекціи были читаемы безмездно директоромъ лицея. Число студентовъ къ 1-му января 1876 года простиралось до 220; объ успѣшности ихъ занятій свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что не выдержавшихъ переводныхъ испытаній на первомъ курсѣ было только 7, на второмъ 3, а на третьемъ 4. Для побужденія молодыхъ людей

къ болѣе или менѣе самостоятельнымъ занятіямъ, положено было требовать отъ нихъ, на 2-мъ и 3-мъ курсахъ, сочиненій на темы, задаваемыя профессорами, при чемъ профессора давали имъ всѣ нужныя указанія и руководили ихъ работами. Мѣра эта вообще оказалась полезною и совѣтъ лицея постановилъ удержать ее на будущее время.

Общая сумма стипендій казенныхъ, общественныхъ и частныхъ, существующихъ при лицеѣ, доходила въ истекшемъ году почти до 5.000 р.; стипендіи были распредѣляемы между бѣднѣйшими студентами, которые при отличномъ поведеніи оказываютъ также успѣхи въ наукахъ, но кромѣ того огромное большинство учащихся, а именно 185 изъ 220, были вовсе освобождены отъ платы за слушаніе лекцій.

Библіотека лицея получила въ прошломъ году болѣе значительное приращеніе чѣмъ въ предшествовавшіе годы, а именно въ каталоги ея внесено 1.240 новыхъ названій въ 2.134 томахъ и 137 брошюръ; такимъ образомъ вмѣстѣ съ прежними составилось 7.000 названій въ 13.918 томахъ и сверхъ того 1.337 брошюръ.

В. Ветеринарные институты: Дерптскій, Харьковскій и Казанскій.

Ветеринарные институты Дерптскій и Харьковскій руководствуются однимъ общимъ уставомъ 8-го мая 1873 года, значительно возвысившимъ эти высшія школы въ научномъ отношеніи, расширившимъ учебный ихъ курсъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ профессоровъ и усилившимъ средства ихъ содержанія. Еще съ 1874 года оба института можно считать вполнѣ организованными по новому уставу. Что касается учебной части этихъ институтовъ, то въ Дерптскомъ заняты были всѣ каѳедры, а въ Харьковскомъ считалось 5 вакансій, но двѣ изъ нихъ были замѣщены преподавателями, приглашенными по найму, а по другимъ чтеніе лекцій распредѣлялось между наличными профессорами, такъ что дѣло преподаванія происходило въ 1875 году безъ ущерба для заведенія. Не смотря на то, совѣтъ Харьковскаго ветеринарнаго института, сознавая неудобства, происходящія отъ недостатка штатныхъ преподавателей, остановился, для отстраненія его, на слѣдующей мѣрѣ: онъ призналъ справедливымъ и необходимымъ обратить вниманіе на собственныхъ своихъ слушателей и спо-

собствовать подготовленію достойнѣйшихъ изъ нихъ къ чтенію лекцій. Въ отчетномъ году изъ среды студентовъ, подвергавшихся испытаніямъ для полученія степени ветеринарнаго врача, выборъ совѣта остановился на одномъ изъ стипендіатовъ института, *Антоніи Ковалевскомъ*. Совѣтъ института предполагаетъ дѣйствовать такимъ образомъ и на будущее время, основательно надѣясь, что, выбирая ежегодно самыхъ даровитыхъ изъ оканчивающихъ курсъ и лучшихъ во всѣхъ отношеніяхъ молодыхъ людей, онъ достигнетъ полезныхъ результатовъ.

Въ теченіе 1875 года окончили курсъ: въ Харьковскомъ институтѣ 17 студентовъ и воспитанниковъ 2-го разряда 36; изъ нихъ званія ветеринарнаго помощника удостоены 17; въ Дерптскомъ институтѣ 6; всѣ съ званіемъ ветеринара.

Вновь поступило въ 1875 году 88 учащихся, а именно въ Дерптскій институтъ 17 и въ Харьковскій 71; къ 1-му января 1876 года состояло всѣхъ учащихся въ обоихъ институтахъ 283, а именно въ Дерптскомъ 45 и въ Харьковскомъ 238.

Прошеній отъ студентовъ объ освобожденіи отъ платы за слушаніе лекцій, о выдачѣ пособій и принятіи въ число казенныхъ стипендіатовъ поступило въ Харьковскомъ институтѣ 53, вслѣдствіе чего были вовсе освобождены отъ платы 25, отсроченъ взносъ оной 5- выданы казенныя стипендіи 4 и денежное пособіе 9; въ институтѣ Дерптскомъ допущено было къ слушанію лекцій безплатно или за уменьшенную плату 9.

Изъ профессоровъ Дерптскаго и Харьковскаго ветеринарныхъ институтовъ въ теченіе 1875 года были командированы: въ Москву, на всероссійскую выставку лошадей, Харьковскій профессоръ Полюта и Дерптскій — А. Унтербергеръ.

Ветеринарный институтъ въ Казани, учрежденный по Высочайшему повелѣнію 31-го мая 1871 года, съ присвоеніемъ ему устава и штата Харьковскаго и Дерптскаго ветеринарныхъ институтовъ, вступилъ нынѣ лишь во второй годъ своего существованія. Въ немъ было, вслѣдствіе того, только два курса студентовъ и въ состоящей при немъ школѣ для приготовленія ветеринарныхъ фельдшеровъ, — два класса учениковъ. Институтъ этотъ помѣщается въ наемномъ домѣ, на добавочную сумму, получаемую имъ изъ государственнаго казначейства въ количествѣ 5.000 р.; неудобства такого положенія дѣлъ слишкомъ очевидны и въ 1875 году начальство Казанскаго учебнаго округа изыскивало способы отстранить его постройкою для института

собственнаго дома, но мысль эта не могла еще быть произведена въ исполненіе, ибо изъ составленной смѣты оказалось, что для осуществленія означенной цѣли потребовалось бы не менѣе 140.000 руб.

Въ отчетномъ году, по недавности открытія Казанскаго ветеринарнаго института, не всѣ его каѳедры могли быть замѣщены штатными преподавателями, а именно всѣхъ преподавательскихъ вакансій, включая сюда и должность ассистента клиники, было 6. Для чтенія нѣкоторыхъ главныхъ предметовъ приглашены были профессора медицинскаго факультета Казанскаго университета; по предметамъ второстепеннымъ студенты слушали лекціи въ самомъ университетѣ; кромѣ того, совѣтъ института, встрѣтивъ затрудненіе въ пріисканіи преподавателя со степенью магистра по предмету сельскаго хозяйства, ходатайствовалъ о временномъ допущеніи къ исправленію этой должности управляющаго Казанскою учебною фермою г. Свислоцкаго, на что и послѣдовало согласіе съ моей стороны.

Всѣхъ студентовъ въ институтѣ къ 1 января 1875 года было 85, а къ 1-му января 1876 года число это возросло до 111, изъ коихъ 59 находилось на первомъ, а 52 на второмъ курсахъ. Кромѣ 10 стипендіатовъ земства, получали еще стипендіи изъ суммы 3.000 р., назначенной для сего по штату, 5 студентовъ II курса и изъ той же стипендіальной суммы были выданы пособія отличнѣйшимъ по поведенію и успѣхамъ молодымъ людямъ. Прошеній объ освобожденіи отъ платы за слушаніе лекцій поступило 69; по внимательномъ разсмотрѣніи ихъ, были вовсе освобождены отъ означенной платы 31; и таковому же числу студентовъ (31) была дарована разсрочка.

Въ истекшемъ году командированъ былъ за границу съ ученою цѣлью экстраординарный профессоръ Казанскаго ветеринарнаго института Ланге.

Г. Институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи.

Институтъ этотъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій: предметы преподаванія излагаются въ трехъ годичныхъ курсахъ, изъ которыхъ первый — общій для обоихъ отдѣленій, а второй и третій—спеціальные. Въ 1874—1875 учебномъ году окончили въ институтѣ курсъ наукъ 13 человѣкъ, а именно по отдѣленію сельскаго хозяйства 6 и лѣсоводства 7; удостоены званія агронома 1, лѣсничаго 5 и права на

должность подлѣсничаго 1. Всѣхъ учащихся къ 1-му января 1876 г. состояло 92. Вслѣдствіе прошеній, поданныхъ студентами, 11 были освобождены отъ платы за слушаніе лекцій, а одинъ студентъ получилъ стипендію въ 120 руб. по записи Лѣсневскаго.

Въ теченіе 1875 года были командированы: доценты Лей за границу для ознакомленія съ устройствомъ химическихъ лабораторій, Армфельдтъ въ разныя губерніи Россіи для изученія состоянія таможняго скотоводства, и Цихоцкій въ Варшаву для изученія устройства термосифоновъ.

Изъ важнѣйшихъ правительственныхъ распоряженій, относящихся до института, слѣдуетъ упомянуть о допущеніи къ пріему въ студенты его молодыхъ людей, окончившихъ курсъ шести классовъ реальныхъ училищъ по основному отдѣленію, а также учениковъ классическихъ гимназій и постороннихъ лицъ, хотя не выдержавшихъ въ гимназіи испытанія зрѣлости, но получившихъ свидѣтельства, установленныя § 7 правилъ объ испытаніяхъ учениковъ гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія.

Въ библіотекѣ института къ 1-му января 1876 года находилось 7.056 названій въ 11.061 томахъ на сумму 25.434 руб.; изъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій наиболѣе значительныя приращенія получили въ 1875 году: гербарій — на сумму 207 р., собраніе ветеринарныхъ инструментовъ, приборовъ и зоотомическихъ препаратовъ— на сумму 380 руб.

Гимназіи и прогимназіи.

Въ 1875 г. число гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія увеличилось одною—въ Феллинѣ (Лифляндской губерніи), учрежденною на мѣстныя средства съ наименованіемъ земскою и открытою 29-го августа 1875 г. при 81 ученикѣ, изъ коихъ 51 пансіонеръ, а число прогимназій увеличилось четырьмя: по одной въ учебныхъ округахъ С.-Петербургскомъ (въ Нарвѣ), Московскомъ (въ Рыбинскѣ), Казанскомъ (въ Царицынѣ) и Одесскомъ (въ Павлоградѣ, Екатеринославской губерніи). Всѣ эти прогимназіи—четырехклассныя, и притомъ Рыбинская содержится вполнѣ на средства города, остальныя же съ болѣе или менѣе значительнымъ пособіемъ изъ городскихъ и земскихъ суммъ (въ Нарвѣ съ пособіемъ по 2,686 р. отъ города, а въ Царицынѣ съ пособіемъ по 6 т. р. отъ города и по 2 т. р. отъ уѣзднаго земства). Такимъ образомъ, къ 1-му января

1876 г. число гимназій простиралось до 125, (а съ коллегіей Павла Галагана въ Кіевѣ до 126), а число прогимназій до 59, въ томъ числѣ 15 шестиклассныхъ, всего до 184 (а съ коллегіей Павла Галагана до 185).

Сверхъ того, въ теченіе 1875 г, было мною испрошено въ установленномъ порядкѣ Высочайшее разрѣшеніе на учрежденіе съ начала 1876—1877 учебнаго года еще одной гимназіи въ Омскѣ, одной шестиклассной прогимназіи въ Енисейскѣ (обѣ съ содержаніемъ на суммы государственнаго казначейства) и семи четырехъ-классныхъ прогимназій (въ Ростовѣ на Дону, Ялтѣ, Евпаторіи, Вознесенскѣ, Лебедяни, Алатырѣ и Сергіевскомъ посадѣ), съ пособіемъ изъ городскихъ и земскихъ суммъ въ общей сложности до 31,500 р. въ годъ и съ принятіемъ на полное содержаніе казны лишь Ростовской на Дону прогимназіи во вниманіи къ значительнымъ и безъ того пожертвованіямъ этого города на дѣло народнаго образованія. Наконецъ, въ 1875 г. было Высочайше разрѣшено преобразовать съ начала новаго учебнаго года двѣ четырехъ-классныя прогимназіи (въ Θеодосіи и Старобѣльскѣ) въ шестиклассныя.

13-го мая 1875 г. послѣдовало Высочайшее утвержденіе мнѣнія государственнаго совѣта объ измѣненіи § 2-го устава гимназій и прогимназій въ томъ смыслѣ, что въ гимназіяхъ полагается 8 классовъ вмѣсто 7-ми (не считая приготовительнаго класса) съ годичнымъ курсомъ въ каждомъ изъ нихъ, и объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства на содержаніе восьмыхъ классовъ по 150 т. въ годъ, начиная съ 1879 г., а до того времени съ 1875 г. въ опредѣленныхъ, постепенно возрастающихъ, размѣрахъ.

О совершенной необходимости и важномъ значеніи этой законодательной мѣры было подробно изъяснено мною въ предыдущемъ всеподданнѣйшемъ моемъ отчетѣ. Озабочиваясь возможно болѣе правильнымъ распредѣленіемъ вышеозначенныхъ суммъ между учебными округами и принимая во вниманіе, что уже 73 гимназіи еще до того времени учредили у себя на свои собственныя средства, не безъ значительнаго для себя стѣсненія, самостоятельныя старшія отдѣленія VII класса, я нашелъ цѣлесообразнымъ распредѣлить предназначенныя къ отпуску на каждый годъ суммы соразмѣрно съ числомъ гимназій, въ коихъ уже существовали самостоятельныя старшія отдѣленія VII класса, предоставивъ самимъ окружнымъ начальствамъ распредѣлять по гимназіямъ назначенныя на округъ на содержаніе VIII класса суммы, такъ какъ окружнымъ начальствамъ ближе из-

вѣстны нужды гимназій ввѣреннаго имъ округа, но съ тѣмъ, чтобы: 1) пособія на содержаніе VIII класса оказывались лишь тѣмъ гимназіямъ, кои уже учредили этотъ классъ на собственный свой счетъ; 2) чтобы пособія эти были соразмѣряемы съ нуждами, средствами и характеромъ хозяйственнаго управленія каждой гимназіи, и притомъ назначались въ размѣрѣ не свыше 1,350 р. на цѣлый годъ и не менѣе 256 р. въ 1875 г., 770 р.—въ 1876 г. и 1,284 р. въ 1877 г., безъ уменьшенія размѣра однажды назначеннаго пособія и 3) чтобы съ перваго января 1878 г., когда уже будетъ покрытъ расходъ по содержанію VIII класса въ тѣхъ гимназіяхъ, кои имѣли его къ 13-му мая 1875 г., пособія вновь были назначаемы тѣмъ гимназіямъ, кои откроютъ оный на свой счетъ по меньшей мѣрѣ за одно полугодіе впередъ, причемъ предпочтеніе должно быть отдаваемо тѣмъ гимназіямъ, которыя ранѣе откроютъ VIII классъ на свой счетъ.

Хотя суммы, назначенной къ отпуску въ 1875 г. на содержаніе восьмыхъ классовъ, было далеко недостаточно для обезпеченія онаго и въ тѣхъ 73-хъ гимназіяхъ, въ коихъ онъ былъ уже открытъ, тѣмъ не менѣе въ теченіе 1875 г. онъ вновь былъ открытъ еще въ 7-ми гимназіяхъ (двухъ С.-Петербургскаго округа, двухъ Московскаго и по одной Кіевскаго, Виленскаго и Варшавскаго), такъ что къ 1-му января 1876 г. отдѣльный VIII классъ существовалъ въ 80-ти гимназіяхъ (11-и С.-Петербургскаго округа, 14-и Московскаго, 8-и Казанскаго, 3-хъ Оренбургскаго, 6-и Харьковскаго, 8-и Одесскаго, 8-и Кіевскаго, 8-и Виленскаго и 14-и Варшавскаго). Не во всѣхъ однако же этихъ гимназіяхъ могло быть введено совершенно отдѣльное преподаваніе всѣхъ предметовъ въ VII и VIII классахъ. Такъ, напримѣръ, въ 1-й и 2-й Московскихъ и Смоленской гимназіяхъ новые иностранные языки, а въ 6-й Московской и Тульской всѣ предметы, кромѣ древнихъ языковъ, математики и физики, въ Слуцкой гимназіи законъ Божій, географія и новые иностранные языки были еще преподаваемы совмѣстно ученикамъ VII и VIII классовъ. Полное раздѣленіе VII и VIII классовъ и притомъ во всѣхъ гимназіяхъ можетъ состояться не прежде 1879 г., когда назначенная для того сумма будетъ отпускаться полностію.

Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта объ измѣненіи § 2-го устава гимназій и прогимназій было единственною законодательною мѣрою за 1875 г., относившеюся къ внутреннему быту гимназій. За обнародованіемъ въ предшествующіе годы всѣхъ правилъ, положеній и инструкцій отъ министерства народнаго про-

свѣщенія въ развитіе устава 1871 г., въ 1875 г. не понадобилось отъ него никакихъ общихъ мѣръ и распоряженій, которыя видоизмѣняли бы внутренній бытъ гимназій и прогимназій. „Минувшій 1875 годъ", какъ справедливо замѣчаетъ въ своемъ отчетѣ попечитель одного учебнаго округа,—„былъ первымъ годомъ, когда эти заведенія, послѣ напряженной дѣятельности, послѣ усиленной работы по своему переустройству, могли спокойно оглянуться на только что совершенное ими дѣло и сознательно оріентироваться въ своемъ новомъ положеніи. Все, что можно было сдѣлать для гимназій путемъ законодательства, было уже сдѣлано... Въ особенныхъ преобразовательныхъ мѣропріятіяхъ гимназіи болѣе не нуждаются. Для нихъ настала иная пора, имѣющая обратить слова закона въ ежедневный фактъ жизни и, по возможности, уподобить дѣйствительное ихъ существованіе идеаламъ, которые для него начертаны".

Въ какомъ же видѣ нынѣ представляется дѣйствительное состояніе нашихъ гимназій и прогимназій?

Обращаясь прежде всего къ учебно-воспитательному персоналу этихъ заведеній, нельзя не остановиться на томъ фактѣ, что ихъ директоры и инспекторы изъ простыхъ наблюдателей педагогической дѣятельности другихъ лицъ сами стали дѣятельными педагогами, преподавателями и классными наставниками, и чрезъ то самое несомнѣнно сдѣлали болѣе плодотворною и наблюдательною свою дѣятельность. Изъ 137-ми директоровъ и 154 инспекторовъ гимназій и прогимназій, подвѣдомыхъ министерству народнаго просвѣщенія, только 4 директора не состоятъ вмѣстѣ съ тѣмъ и преподавателями во ввѣренныхъ имъ учебныхъ заведеніяхъ. При томъ же значительное большинство директоровъ (именно 89 или 65%) и инспекторовъ (именно 90 или 60 %) преподаютъ основной предметъ гимназическаго курса, то-есть, древніе языки или одни, или въ соединеніи съ другими предметами, преимущественно съ отечественнымъ языкомъ или логикой. Если же не принимать во вниманіе гимназій Варшавскаго и Дерптскаго округовъ, то окажется, что во всѣхъ прочихъ округахъ изъ 108 директоровъ и 122 инспекторовъ 47 директоровъ (43%) и 42 инспектора (34%) преподаютъ одни древніе языки, 30 директоровъ (28%) и 41 инспекторъ (34%)—древніе языки въ соединеніи съ другими предметами, 8 директоровъ ($7^1/_2$%) и 19 инспекторовъ ($15^1/_2$ %) математику, и наконецъ, 19 директоровъ ($17^1/_2$ %) и 20 инспекторовъ ($16^1/_2$ %) прочіе предметы. Сравнительно съ 1874 г. относительное число директоровъ, преподающихъ древніе

языки одни или въ соединеніи съ другими предметами, увеличилось слишкомъ на 2%, а относительное число инспекторовъ той же категоріи почти на 9%, причемъ относительное число директоровъ, преподающихъ математику, также увеличилось на ½ %, а инспекторовъ уменьшилось почти на 3%; но главнымъ образомъ уменьшилось число директоровъ и инспекторовъ, преподающихъ прочіе предметы гимназическаго курса (а именно директоровъ на 2½ %, инспекторовъ слишкомъ на 7%). Такимъ образомъ, гимназіи въ этомъ отношеніи продолжаютъ идти неуклонно къ своей цѣли, съ каждымъ годомъ пріобрѣтая все большее число директоровъ и инспекторовъ, способныхъ обезпечить успѣшность гимназическаго ученія по основному его предмету безъ всякаго ослабленія его по всѣмъ другимъ, ибо педагогамъ-филологамъ отнюдь не свойственна исключительность по отношенію къ какимъ бы то ни было предметамъ гимназическаго курса.

Другой фактъ также большой важности заключается въ наставнической, воспитательной дѣятельности преподавателей въ тѣхъ классахъ, въ которыхъ они имѣютъ наибольшее число уроковъ. Такихъ классныхъ наставниковъ къ 1-му января 1876 г. состояло 1071. Институтъ классныхъ наставниковъ осуществился во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, на которыя простирается дѣйствіе устава 1871 г., за исключеніемъ только Нижегородскаго Александровскаго института и Архангельской гимназіи (въ послѣдней вслѣдствіе малаго вообще числа учителей, которые сверхъ того имѣютъ еще уроки въ мѣстной женской гимназіи). Какъ ни велико само по себѣ общее число преподавателей, состоящихъ классными наставниками, тѣмъ не менѣе на нѣкоторыхъ изъ нихъ пришлось возложить обязанности этого званія въ двухъ классахъ, что̀, впрочемъ, — является довольно рѣдкимъ исключеніемъ изъ общаго правила. Такъ, между прочимъ, даже и въ С.-Петербургскомъ округѣ, гдѣ столичныя гимназіи имѣютъ такое значительное число параллельныхъ классовъ и гдѣ столичные преподаватели имѣютъ такъ много посторонних занятій, тѣмъ не менѣе изъ 90 классныхъ наставниковъ — преподавателей только 9 имѣли въ своемъ вѣдѣніи, каждый по 2 класса. Къ 1-му января 1876 г. всѣхъ классовъ основныхъ и параллельныхъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ всѣхъ учебныхъ округовъ (кромѣ Дерптскаго), въ коихъ введенъ институтъ классныхъ наставниковъ, было 1.312 (не считая приготовительныхъ классовъ), а директоровъ, инспекторовъ и преподавателей, исполнявшихъ обязанности классныхъ

наставниковъ—1.289, изъ чего явствуетъ, что изъ всего числа этихъ лицъ только 23 или безъ малаго 2% имѣли въ своемъ вѣдѣніи каждый по 2 класса. Результатъ этотъ не можетъ не быть признанъ вполнѣ удовлетворительнымъ.

„Классные наставники,—какъ справедливо замѣчаетъ попечитель Московскаго учебнаго округа,—могутъ вполнѣ удовлетворительно исполнить свое призваніе въ томъ лишь случаѣ, 1) если они имѣютъ достаточное число уроковъ въ своемъ классѣ и 2) если они не мѣняютъ своихъ воспитанниковъ ежегодно, но ведутъ ихъ если не до окончанія ими полнаго курса, то покрайней мѣрѣ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду".

Первое изъ означенныхъ условій мѣстныя учебныя начальства стараются по возможности выполнить, и такъ какъ преподаватели древнихъ языковъ имѣютъ наибольшее число уроковъ въ своихъ классахъ, то они преимущественно (но не исключительно) и назначаются въ классные наставники. Такъ, изъ 1.071 класснаго наставника 363 или 33,8% преподавали одни древніе языки, 219 или 20,4% древніе языки въ соединеніи съ другими предметами, такъ что тѣхъ и другихъ вмѣстѣ было 582 или 54,2%, то-есть, большинство, однако же менѣе на 7% противъ 1874 г.,—уменьшеніе, которое объясняется частію открытіемъ новыхъ прогимназій и параллельныхъ классовъ, частію назначеніемъ нѣкотораго числа прежнихъ классныхъ наставниковъ, преподававшихъ древніе языки, директорами и инспекторами. Затѣмъ въ составѣ классныхъ наставниковъ преобладали преподаватели математики (200 или 18,6%); за ними слѣдовали преподаватели русскаго языка и словесности (144 или 13,4%), потомъ преподаватели исторіи и географіи (107 или около 10%) и наконецъ, преподаватели новыхъ иностранныхъ языковъ (38 или 3,5%).

Педагогическія услуги классныхъ наставниковъ, говоритъ попечитель Московскаго учебнаго округа,—сводятся, какъ показываетъ опытъ, главнымъ образомъ къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) къ установленію тѣснѣйшей связи между обученіемъ и воспитаніемъ; 2) къ возможности индивидуализировать воспитательныя мѣры и пріемы; 3) къ сближенію между собою различныхъ вѣтвей преподаванія, входящихъ въ составъ классныхъ курсовъ, и 4) къ установленію единства или покрайней мѣрѣ нѣкотораго соглашенія между семьей и школой. Учитель, сдѣлавшись класснымъ наставникомъ, столько же интересуется успѣхами своихъ учениковъ въ ученіи, сколько и ихъ пове-

деніемъ, направленіемъ ихъ нравственности и всѣми тѣми условіями, отъ коихъ это направленіе зависитъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, институтъ классныхъ наставниковъ увеличилъ число органовъ воспитательной дѣятельности гимназіи, а съ размноженіемъ оныхъ гимназіи получили возможность войдти въ ближайшія отношенія къ своимъ ученикамъ, лучше узнать ихъ и болѣе приспособить свои воспитательныя дѣйствія къ отдѣльнымъ личностямъ. Но не вездѣ эта сторона дѣятельности классныхъ наставниковъ достигла надлежащаго развитія, и нѣкоторымъ изъ нихъ воспитанники ихъ остаются менѣе извѣстны, чѣмъ начальству гимназіи.... Болѣе виднымъ и несомнѣннымъ образомъ проявляются услуги классныхъ наставниковъ по отношенію къ двумъ послѣднимъ изъ вышеозначенныхъ пунктовъ. По ихъ иниціативѣ преподаватели болѣе или менѣе часто собирались для обсужденія потребностей и взаимныхъ отношеній различныхъ предметовъ преподаванія или состоянія отдѣльныхъ классовъ въ учебномъ и нравственномъ отношеніяхъ, разъясняли взаимныя недоразумѣнія и вырабатывали общіе принципы для своей дѣятельности. Но особенно важно то, что какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціи, классные наставники состоятъ въ непрерывномъ общеніи съ семейною средою ихъ воспитанниковъ, то письменно увѣдомляя родителей о всѣхъ фактахъ изъ школьной жизни ихъ сыновей,—фактахъ, которые могутъ особенно интересовать семью или потребовать ея участія,—то вызывая ихъ въ гимназію для непосредственныхъ личныхъ объясненій, совѣщаясь съ ними о необходимыхъ мѣрахъ для преуспѣянія ихъ дѣтей, дѣлясь съ ними своими наблюденіями, давая имъ совѣты и сами пользуясь ихъ указаніями. Во многихъ мѣстахъ заведено, чтобы классные наставники въ нужныхъ случаяхъ сами посѣщали квартиры учениковъ и непосредственно знакомились съ домашнею ихъ обстановкой, поскольку она имѣетъ педагогическое значеніе. Нѣкоторые директоры заявляютъ, что теперь замѣчается въ семьѣ менѣе наивнаго непониманія элементарныхъ педагогическихъ требованій, менѣе апатичнаго равнодушія къ дѣлу школы, менѣе недовѣрія, вражды и наклонности къ антагонизму со школой. Есть и положительные признаки сочувственнаго отношенія къ школѣ семейной среды: семья начинаетъ мириться съ требованіями и порядками школы, а иногда и сочувственно поддерживать ихъ. Въ этомъ отношеніи классные наставники сослужили уже не малую службу".

Съ этими отзывами дѣйствительнаго статскаго совѣтника князя Мещерскаго о дѣятельности классныхъ наставниковъ согласны болѣе

или менѣе отзывы и всѣхъ другихъ попечителей учебныхъ округовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что ни дѣятельность классныхъ наставниковъ не получила еще того развитія и благотворнаго вліянія, какъ было бы желательно, ни самъ личный составъ этого института, вмѣщающій слишкомъ много представителей второстепенныхъ предметовъ при весьма маломъ числѣ уроковъ въ своихъ классахъ, далеко не можетъ еще считаться нормальнымъ; но при этомъ нельзя не принять во вниманіе новизны и трудности этого дѣла у насъ въ Россіи. Пройдетъ не мало времени прежде чѣмъ выработается въ Россіи типъ наставника-преподавателя и каждый преподаватель станетъ истиннымъ воспитателемъ ввѣреннаго ему юношества: важно и то, что новымъ уставомъ гимназій и прогимназій даны всѣ необходимыя для того условія, заключающіяся какъ въ привлеченіи директоровъ и инспекторовъ къ преподавательской дѣятельности, а преподавателей къ воспитательной, такъ и въ дозволеніи соединять въ однихъ и тѣхъ же рукахъ преподаваніе нѣсколькихъ предметовъ въ однихъ и тѣхъ же классахъ. Дѣло министерства народнаго просвѣщенія и еще болѣе ближайшихъ мѣстныхъ начальствъ—пользоваться надлежащимъ образомъ этими условіями и направлять институтъ классныхъ наставниковъ и систему классныхъ преподавателей такъ, чтобы дѣло обученія и воспитанія становилось все болѣе единымъ цѣлымъ дѣломъ. При этомъ новый уставъ предоставилъ ближайшимъ начальствамъ и возможность отличать преподавателей наиболѣе приближающихся къ типу настоящихъ наставниковъ юношества и удерживать ихъ возможно долѣе на педагогическомъ поприщѣ возведеніемъ ихъ, подъ условіемъ старшинства ихъ педагогической дѣятельности, въ заслуженные преподаватели съ соотвѣтственнымъ улучшеніемъ матеріальнаго ихъ положенія. Средствомъ этимъ мѣстныя начальства пользуются еще пока въ довольно ограниченномъ размѣрѣ отчасти и вслѣдствіе того, что спеціальныя средства гимназій въ значительной мѣрѣ шли и будутъ идти до 1879 г. на содержаніе самостоятельныхъ восьмыхъ классовъ, отчасти, безъ сомнѣнія, и въ тѣхъ видахъ, чтобы сохранить суммы на будущее время для тѣхъ, кто несомнѣнно заявитъ себя достойнѣйшимъ и полезнѣйшимъ во всѣхъ отношеніяхъ дѣятелемъ своей гимназіи или прогимназіи. Число заслуженныхъ преподавателей вообще за послѣдніе два—три года увеличилось въ весьма незначительномъ размѣрѣ и къ 1-му января 1876 г. простиралось всего до 78, и изъ нихъ 15 преподавали одни древніе языки,

9—древніе языки въ соединеніи съ другими предметами (вмѣстѣ 24 или 30%), столько же (то-есть, 24 или 30%) математику, 13 (или 16,6%) русскій языкъ и словесность, 11 (или 14%) исторію и географію и 6 (или 7,5%) новые иностранные языки. При этихъ первыхъ назначеніяхъ заслуженныхъ преподавателей, очевидно, преобладали соображенія преимущественно старшинства, и такъ какъ преподаваніе древнихъ языковъ еще только недавно возстановлено и преподаватели ихъ принадлежатъ въ большинствѣ случаевъ къ младшимъ по службѣ, то возведеніе въ заслуженные преподаватели досталось на долю преимущественно преподавателей математики, русскаго языка и исторіи съ географіей, если принять во вниманіе, что въ каждой гимназіи при 4-хъ преподавателяхъ древнихъ языковъ полагается по два преподавателя математики и по два же русскаго языка и словесности, и по одному исторіи и географіи.

Подробности относительно распредѣленія директоровъ, инспекторовъ, классныхъ наставниковъ и заслуженныхъ преподавателей по предметамъ ихъ преподаванія могутъ быть усмотрѣны изъ нижеслѣдующей таблицы.

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ:	Къ 1-му января 1876 г. состояло:				ОЗНАЧЕННЫЯ — Одни древніе языки.				ОЗНАЧЕННЫЯ — Древніе языки въ соединеніи съ другими предметами.			
	Директоровъ.	Инспекторовъ.	Классныхъ наставниковъ.	Заслуженныхъ преподавателей.	Директоровъ.	Инспекторовъ.	Классныхъ наставниковъ.	Заслуженныхъ преподавателей.	Директоровъ.	Инспекторовъ.	Классныхъ наставниковъ.	Заслуженныхъ преподавателей.
С.-Петербургскій	17 (1)[1]	16	90	15 (6)[1]	12	9	47	2	3	3	12	—
Московскій	20 (2)[1]	32	174	4	8	9	65	1	8	13	42	—
Казанскій	8	10	61	6	2	2	24	2	3	5	9	—
Оренбургскій	6	5	34	3 (1)[1]	4	2	7	2	—	2	6	—
Зап. и Вост. Сибирь	6	4	36	2	2	—	4	1	—	2	9	—
Харьковскій	14	17	116	12 (4)[1]	5	6	33	4	5	5	21	1
Одесскій	13	14	113	7 (2)[1]	4	4	36	—	4	4	24	2
Кіевскій	14 (1)[1]	13	113	11 (2)[1]	8	7	38	1	1	2	26	2
Виленскій	10	11	93	5 (1)[1]	2	3	29	—	6	5	25	3
Итого	108 (4)[1]	122	830	65 (16)[1]	47	42	283	13	30	41	174	8
Варшавскій	18	25	188	3 (1)[1]	5	2	66	1	2	1	30	—
Дерптскій	11	7	53	10 (5)[1]	3	2	14	1	2	2	15	1
Всего	137 (4)[1]	154	1071	78 (22)[1]	55	46	363	15	34	44	219	9

[1]) Поставленныя въ скобкахъ числа въ графѣ директоровъ означаютъ тѣхъ изъ тѣхъ изъ нихъ, которые не состоятъ классными наставниками.

[2]) Преподаютъ русскій языкъ, исторію и географію.

ДОЛЖНОСТНЫЯ ЛИЦА ПРЕПОДАЮТЪ.															
Математику и физику.				Русскій языкъ и словесность.				Исторію и географію.				Новые иностранные языки.			
Директоровъ.	Инспекторовъ.	Классныхъ наставниковъ.	Заслуженныхъ преподавателей.	Директоровъ.	Инспекторовъ.	Классныхъ наставниковъ.	Заслуженныхъ преподавателей.	Директоровъ.	Инспекторовъ.	Классныхъ наставниковъ.	Заслуженныхъ преподавателей.	Директоровъ.	Инспекторовъ.	Классныхъ наставниковъ.	Заслуженныхъ преподавателей.
—	2	17	6	1[3]	1[3]	9	3	—	—	5	4	—	1	2	—
—	6	32	3	1	4	19	—	1	—	12	—	—	—	4	—
2	1	11	2	1	1[3]	9	—	—	—	5	1	—	1	3	1
2	1	9	1	—	—	8	—	—	—	3	—	—	—	1	—
1	2	9	—	1[3]	—	5	1	1	—	3	—	1	—	6	—
1	3	18	2	2	3	18	2	1	—	17	1	—	—	10	1
1	2	19	2	1 и 1[3]	2	17	1	2	1	14	—	—	1	3	2
1	1	25	4	1	1	13	1	2	2	9	2	—	—	2	—
—	1	17	—	2	2	14	1	—	—	7	1	—	—	1	—
8	19	156	20	11	14	112	9	7	3	73	9	1	3	32	4
2	2	34	1	5	5 и 12[3]	30	1	4	3	25	—	—	—	3	—
—	1	10	2	1 и 1[3]	2	2	3	4	—	9	1	—	—	3	2
10	22	200	24	14 и 4[3]	19 и 14[3]	144	13	15	6	107	11	1	3	38	6

нихъ, кои вовсе ничего не преподаютъ, а въ графѣ заслуженныхъ преподавателей

Система классныхъ преподавателей, впервые введенная у насъ новымъ уставомъ гимназій и столь существенно важная для объединенія преподаванія, для устраненія столь легко возникающихъ при системѣ предметныхъ преподавателей розни, излишнихъ повтореній и траты времени и для сообщенія преподавателямъ характера истинныхъ наставниковъ, система эта дѣлаетъ съ каждымъ годомъ все бо̀льшіе и бо̀льшіе успѣхи. Такъ, къ 1-му января 1876 г. во всѣхъ учебныхъ округахъ Имперіи было уже 1.115 преподавателей гимназій и прогимназій, которые соединяли въ своихъ рукахъ преподаваніе нѣсколькихъ предметовъ. Изъ нихъ 303 преподавали оба древніе языка, 219 латинскій и русскій языки, 27—греческій и русскій, 70 тотъ или другой изъ древнихъ языковъ и исторію, 81 русскій языкъ и исторію, 57 греческій или латинскій языкъ и одинъ изъ новыхъ иностранныхъ, 37 французскій и нѣмецкій языки вмѣстѣ — всего 794 случая соединенія преподаванія предметовъ, которые прежде обыкновенно бывали разрозненны. Къ нимъ должно присоединить еще 163 случая соединенія исторіи и географіи и 158 математики и физики, что̀ бывало и прежде, и такимъ образомъ составляетс̀я итогъ 1.115 преподавателей, дававшихъ уроки по нѣсколькимъ предметамъ. Не считая округовъ Варшавскаго и Дерптскаго, по коимъ въ прошлогоднемъ отчетѣ еще не было подобныхъ свѣдѣній, и не считая 126 преподавателей исторіи и географіи и 124 преподавателей математики и физики, въ прочихъ округахъ число преподавателей, преподающихъ по два и болѣе предметовъ, возросло въ отчетномъ году съ 368 до 603 или слишкомъ на 63% (а именно, число преподающихъ вмѣстѣ латинскій и греческій языки съ 147 до 222, преподающихъ латинскій и русскій съ 126 до 209, преподающихъ русскій языкъ и исторію съ 19 до 37, греческій и русскій до 24, одинъ изъ древнихъ и одинъ изъ новыхъ языковъ до 30 и оба новые иностранные языка также до 30). Этимъ успѣхамъ классной системы преподаванія можно только радоваться, предполагая, что учебныя начальства, давая дозволеніе преподавать по нѣскольку предметовъ, въ точности слѣдуютъ при этомъ моимъ неоднократнымъ указаніямъ и обращаютъ при этомъ особенное вниманіе на то, 1) чтобы такое лицо было достаточно свѣдуще въ обоихъ предметахъ и 2) чтобы преподаваніе однимъ лицомъ нѣсколькихъ предметовъ сосредоточивалось преимущественно въ одномъ классѣ, то-есть, чтобы такое лицо становилось не преподавателемъ различныхъ предметовъ въ различныхъ классахъ, а, по возможности, класснымъ преподавателемъ.

Отзывы попечителей учебныхъ округовъ объ усердіи и добросовѣстности преподавателей въ исполненіи ихъ важныхъ и многотрудныхъ обязанностей вообще весьма благопріятны, хотя нельзя не замѣтить, что число пропускаемыхъ ими уроковъ все еще довольно значительно. Оно простиралось въ отчетномъ году до 62,273 въ общей сложности по всѣмъ учебнымъ округамъ Имперіи, а такъ какъ всѣхъ классовъ (основныхъ, параллельныхъ и приготовительныхъ) во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ [1]) къ 1-му января 1876 г. было 1596, то значитъ, на каждый классъ приходится въ теченіе года около 39 пропущенныхъ учителями уроковъ, или иначе съ небольшимъ по одному пропущенному кѣмъ-либо изъ учителей уроку на каждый классъ и въ каждую учебную недѣлю, при чемъ не считаются уроки, пропущенные учителями искусствъ (чистописанія, рисованія, пѣнія и гимнастики). Уроки, пропущенные по болѣзни, составляютъ 72% общаго числа, пропущенные по другимъ уважительнымъ причинамъ—26%, и только 314 уроковъ (менѣе 1/2%) обозначены какъ пропущенные безъ уважительныхъ причинъ, при чемъ однако же нѣкоторые попечители учебныхъ округовъ справедливо замѣчаютъ, что послѣднее число по весьма понятнымъ причинамъ должно быть значительно ниже дѣйствительнаго. И въ самомъ дѣлѣ, это число (314) сложилось главнѣйше изъ 143 уроковъ, пропущенныхъ по математикѣ и физикѣ въ Уральской войсковой гимназіи, затѣмъ 50 уроковъ, пропущенныхъ по древнимъ языкамъ въ Сумской гимназіи, и 39 уроковъ по древнимъ языкамъ въ соединеніи съ другими предметами, а равно 12 уроковъ по русскому языку въ Каменецъ-Подольской гимназіи, такъ что на долю трехъ гимназій приходится безъ малаго 3/4 всего вышеозначеннаго числа уроковъ, пропущенныхъ по неуважительной причинѣ, а затѣмъ всего 82 такихъ пропуска приходятся на долю остальныхъ 179 гимназій и прогимназій.

Общее число пропущенныхъ учителями уроковъ распредѣляется по учебнымъ предметамъ такъ, что на долю закона Божія приходится такихъ пропусковъ 6.756 или почти 11%, на долю древнихъ языковъ однихъ 13.667 (21%), древнихъ языковъ въ соединеніи съ другими предметами 7696 (12%), математики съ физикой 9631 (15%), русскаго языка и словесности 7372 (слишкомъ 11%), исторіи и географіи 5.787 (9%), новыхъ иностранныхъ языковъ 10.443 (п. 17%).

---

[1]) Въ расчетъ не вошли только Ревельское рыцарское Домское училище и Феллинская земская гимназія, по коимъ свѣдѣній не доставлено.

Болѣе полное понятіе объ этомъ прискорбномъ явленіи по отдѣльнымъ округамъ можно получить изъ нижеслѣдующей таблицы:

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Число классовъ (основныхъ, парал-лельныхъ и приго-товительныхъ).	Общее число про-пущенныхъ учите-лями уроковъ.	Сколько пропущен-ныхъ уроковъ при-ходится на каждый классъ.	Мѣсто, занимаемое округомъ по отно-сительно меньшему числу пропущен-ныхъ уроковъ.
С.-Петербургскій	182	6727	36—37	Четвертое
Московскій	264	10218	38—39	Пятое
Казанскій	98	4379	44—45	Седьмое
Оренбургскій	61	4092	67—68	Девятое и послѣднее
Запад. и Вост. Сибирь.	51	2271	44—45	Седьмое
Харьковскій	159	5290	33—34	Третье
Одесскій	146	7151	48—49	Восьмое
Кіевскій	168	7486	44—45	Седьмое
Виленскій	127	4994	39—40	Шестое
Варшавскій	241	6912	28—29	Второе
Дерптскій	99	2753	27—28	Первое
Итого	1596	62273	38—39	

Если обратить вниманіе, что первое мѣсто по относительно меньшему числу пропущенныхъ учителями уроковъ принадлежитъ Дерптскому округу, второе Варшавскому, что С.-Петербургскій округъ стоитъ значительно выше Кіевскаго и Одесскаго, что Казанскій округъ, Западная и Восточная Сибирь стоятъ въ этомъ отношеніи на одномъ уровнѣ съ Кіевскимъ округомъ и выше Одесскаго, то, на сколько возможно дѣлать заключенія по даннымъ за одинъ лишь годъ, нельзя не замѣтить, что, повидимому, климатическія условія оказываютъ малое вліяніе на пропускъ уроковъ учителями и на главную изъ указываемыхъ причинъ этихъ пропусковъ — заболѣванія, а что въ этомъ случаѣ едва ли не бо̀льшее значеніе имѣютъ утвердив-

шіяся въ школѣ традиціи и вліяніе окружающей ее мѣстной среды. Эти традиціи и это вліяніе оказываются наиболѣе благопріятными для Дерптскаго и Варшавскаго округовъ и наименѣе благопріятными для Оренбургскаго и Одесскаго. На учебныхъ начальствахъ несомнѣнно лежитъ обязанность по возможности устранять эти неблагопріятныя вліянія. Въ Дерптскомъ учебномъ округѣ, по примѣру Германіи, должна оказывать благотворное въ этомъ отношеніи вліяніе существующая между преподавателями каждой гимназіи, такъ сказать, круговая порука или утвердившаяся обычаемъ обязанность наличныхъ преподавателей замѣнять отсутствующихъ, вслѣдствіе чего каждый озабоченъ тѣмъ, чтобы не возлагать на своего сотоварища излишняго труда. Во многихъ гимназіяхъ Германіи установленъ въ этомъ отношеніи такой порядокъ: отъ каждаго преподавателя настоятельно требуется, чтобы онъ, въ случаѣ невозможности явиться на свой урокъ, давалъ о томъ знать директору гимназіи по крайней мѣрѣ за часъ до начала уроковъ вообще, такъ чтобы директоръ имѣлъ возможность замѣнить отсутствующаго другими преподавателями, которые въ эти часы не имѣютъ уроковъ. Мѣра эта и предотвращаетъ излишнія манкировки, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ ихъ наименѣе вредными для учениковъ. Примѣненію ея у насъ препятствовало бы отчасти только то обстоятельство, что во многихъ мѣстностяхъ учителя гимназій имѣютъ не только частные уроки, но и обязательныя занятія въ другихъ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Тѣмъ не менѣе я считаю не излишнимъ подвергнуть обсужденію вопросъ о способахъ уменьшить число манкировокъ и сдѣлать ихъ по возможности менѣе вредными для учениковъ.

Попечители учебныхъ округовъ, съ своей стороны, указываютъ въ своихъ отчетахъ, что многіе изъ пропущенныхъ уроковъ были заняты директорами, инспекторами или классными наставниками (преимущественно изъ числа бывшихъ славянскихъ стипендіатовъ, такъ какъ и въ Австріи господствуетъ обычай замѣны отсутствующаго товарища), въ младшихъ классахъ иногда помощниками классныхъ наставниковъ, или же ученикамъ были предлагаемы письменныя работы по предметамъ отсутствующихъ преподавателей; но нерѣдко ученики остаются и безъ всякаго дѣла или же, если уроки отсутствующихъ падали на послѣдніе учебные часы, то бываютъ распускаемы по домамъ. Въ Московскомъ округѣ такихъ случаевъ преждевременнаго роспуска учениковъ было въ 1875 г. въ 13 гимназіяхъ (изъ 20-ти) 1.247, безъ малаго по сту на каждую.

Число уроковъ, пропущенныхъ по другимъ уважительнымъ при-

чинамъ, кромѣ болѣзни, составляетъ, какъ выше показано, 26% всего числа пропущенныхъ уроковъ. По свидѣтельству нѣкоторыхъ окружныхъ начальствъ, значительная доля этихъ пропусковъ мотивируется призывами преподавателей, а также директоровъ и инспекторовъ, въ суды въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей, а преподавателей новыхъ иностранныхъ языковъ и чистописанія — и въ качествѣ экспертовъ. Въ Германіи не только директоры, но и всѣ преподаватели безъ исключенія обыкновенно увольняются отъ обязанности присяжныхъ засѣдателей, какъ рѣшительно несовмѣстимой съ преподавательскою должностью. Ущербъ, который вслѣдствіе того можетъ понести отправленіе правосудія, рѣшительно не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ тѣмъ ущербомъ, какой терпитъ все общество въ лицѣ молодыхъ своихъ поколѣній отъ того, что директоры, инспекторы и преподаватели на 3 — 4 недѣли сряду отвлекаются отъ исполненія прямыхъ своихъ обязанностей. „Зло,—говоритъ, между прочимъ, въ своемъ отчетѣ попечитель Московскаго учебнаго округа,—зло, проистекающее для учебныхъ заведеній отъ этой двойной службы учителей, увеличивается еще болѣе отъ того безцеремоннаго способа, которымъ различные органы судебныхъ учрежденій эксплуатируютъ силы и услуги учебныхъ заведеній. Они смотрятъ на учебныя заведенія и относятся къ нимъ такъ, какъ бы послѣднія были не болѣе какъ ихъ канцеляріи, обязанныя исполнять всѣ ихъ требованія и предписанія, подъ страхомъ взысканія. Вызывая разомъ по нѣскольку человѣкъ, они нерѣдко заставляютъ ихъ оставаться безъ дѣла по цѣлымъ днямъ и совершенно игнорируютъ, что у вызванныхъ ими лицъ есть свои прямыя служебныя обязанности, исполненіе которыхъ не терпитъ отлагательства, есть также свои частные интересы, которые страдаютъ отъ этого. Иногда продержавъ преподавателей въ продолженіе цѣлаго рабочаго дня, они въ заключеніе объявляютъ, что дѣло, для котораго они вызваны, состояться не можетъ и откладывается до другаго времени". Особенно часто это бываетъ съ преподавателями новыхъ иностранныхъ языковъ, которыхъ вызываютъ въ судъ не только для посредничества въ объясненіяхъ суда съ преступниками и со свидѣтелями, незнающими русскаго языка, но и для письменнаго перевода всевозможныхъ документовъ, относящихся къ дѣламъ.

Сравнительно съ 1874 г. число пропущенныхъ учителями въ отчетномъ году уроковъ представляетъ нѣкоторое увеличеніе, а именно въ С.-Петербургскомъ округѣ они составляли въ 1874 г. 3,99% всего числа уроковъ, а въ 1875 г. 4,1%; въ Московскомъ 5,9% и 6,39% (отдѣльно въ гимназіяхъ, а въ прогимназіяхъ 3,64%). Попечитель

Казанскаго учебнаго округа представилъ вѣдомость за послѣднія 10 лѣтъ о числѣ уроковъ, пропущенныхъ учителями тѣхъ гимназій, которыя входятъ теперь въ составъ этого округа, и изъ вѣдомости этой оказывается, что въ среднемъ выводѣ за первыя шесть лѣтъ (съ $18^{65}/_{66}$ по $18^{70}/_{71}$ гг. включительно) на каждый годъ приходилось по 2.885 пропущенныхъ уроковъ, а за послѣдніе 4 учебные года по 3.979 или на 38% болѣе прежняго: явленіе весьма прискорбное, требующее обстоятельнаго разъясненія. Въ 1874—1875 гг. число пропущенныхъ уроковъ (3.651) почти на 10% менѣе этого средняго вывода.

Учебнымъ начальствамъ приходилось и въ 1875 г. бороться съ немалыми затрудненіями при замѣщеніи учительскихъ вакансій вслѣдствіе малаго числа лицъ, посвящающихъ себя этому поприщу. Борьба эта, впрочемъ, увѣнчалась бо̀льшимъ успѣхомъ, чѣмъ въ предшествовавшемъ году. Такъ, несмотря на открытіе нѣсколькихъ новыхъ прогимназій и многихъ новыхъ параллельныхъ и основныхъ классовъ, недочетъ въ учителяхъ гимназій и прогимназій противъ 1874 года уменьшился въ отчетномъ году (къ 1-му января 1876 г.) съ 158 до 144, а отдѣльно недочетъ въ учителяхъ древнихъ языковъ съ 67 до 47, въ учителяхъ русскаго языка и словесности съ 37 до 16, въ учителяхъ математики съ 12 до 10. Напротивъ, число учительскихъ вакансій по исторіи и географіи увеличилось съ 13 до 15, а по новымъ иностраннымъ языкамъ съ 21 до 36. Попечитель Казанскаго округа особенно указываетъ на трудность пріисканія въ настоящее время учителей французскаго языка, такъ что въ нѣкоторыхъ случаяхъ ему приходилось замѣщать вакансіи или природными французами, незнающими вовсе русскаго языка, или же природными русскими, которые сильно нуждаются въ усовершенствованіи своего разговора и своего произношенія на французскомъ языкѣ. Въ будущемъ есть основаніе расчитывать на устраненіе все еще ощущаемаго недостатка въ преподавателяхъ гимназій, такъ какъ число студентовъ историко-филологическихъ факультетовъ значительно возрастаетъ, и остается только желать, чтобы университеты болѣе прежняго озаботились выполненіемъ одной изъ существенныхъ задачъ своихъ—приготовленіемъ дѣйствительно свѣдущихъ преподавателей для нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, на что̀ доселѣ было ими слишкомъ мало обращаемо вниманія, такъ что если число вакансій по древнимъ языкамъ нынѣ значительно уменьшилось, то этимъ министерство народнаго просвѣщенія обязано преимущественно дѣятельности С.-Петербургскаго историко-филологическаго института и института славянскихъ стипендіатовъ министерства.

Устройство учебной части въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ съ каждымъ годомъ приходитъ все въ большее соотвѣтствіе съ постановленіями устава и съ предложенными мною къ исполненію учебными планами. *Греческій языкъ* въ отчетномъ году не только преподавался уже во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, но и преподавался во всѣхъ положенныхъ для того классахъ, за исключеніемъ лишь восьми гимназій изъ числа тѣхъ, кои существуютъ въ полномъ составѣ классовъ. Эти восемь отсталыхъ въ этомъ отношеніи гимназій суть слѣдующія: въ С.-Петербургскомъ округѣ Архангельская (преподаваніе греческаго языка доведено было до VI класса включительно) и гимназія Императорскаго Человѣколюбиваго общества въ С.-Петербургѣ (до VII включительно); въ Московскомъ Нижегородскій Александровскій институтъ (до VII включительно); въ Харьковскомъ — Новочеркасская и Усть-Медвѣдицкая (въ обѣихъ до VII включительно), и, наконецъ, въ Сибири—Тобольская и Томская (до V включ.) и Красноярская (до VI включительно). Изъ вышеприведенныхъ данныхъ усматривается, что только въ двухъ гимназіяхъ Западной Сибири преподаваніе греческаго языка будетъ доведено до VIII класса въ 1878—1879 учебномъ году, въ Красноярской и Архангельской въ 1877 — 1878, въ остальныхъ же четырехъ изъ вышепоименованныхъ восьми уже въ наступающемъ 1876—1877 учебномъ году. Такимъ образомъ, введеніе греческаго языка въ составъ гимназическаго курса, какъ краеугольнаго его камня, есть нынѣ уже фактъ совершившійся; и только теперь впервые можетъ быть сказано, что наше гимназическое, приготовительное къ высшимъ наукамъ, образованіе вполнѣ однородно съ тѣмъ, которое дается въ образованнѣйшихъ государствахъ Европы.

Но хотя во всѣхъ гимназіяхъ, кромѣ восьми, греческій языкъ былъ уже доведенъ до VIII класса включительно, но и изъ числа этихъ гимназій въ 21-й еще не всѣ ученики этого класса обучались греческому языку. Такихъ учениковъ, отставшихъ отъ своихъ товарищей въ предыдущихъ классахъ и потому не обучавшихся вовсе греческому языку, было въ этихъ 21-й гимназіи всего 115 (съ небольшимъ 9% всего числа учениковъ VIII класса безъ Дерптскаго округа); въ 9 изъ этихъ гимназій окажутся таковые ученики VIII класса еще и въ 1877 г., но уже въ весьма незначительномъ числѣ (приблизительно отъ 29 до 32). Вотъ относящіяся къ этому предмету свѣдѣнія въ видѣ таблицы, какъ представляющей бо́льшія удобства для справокъ:

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Гимназіи, въ коихъ въ 1875 г. греческій языкъ не былъ доведенъ до самаго старшаго класса.	Учебный годъ, въ который греческій языкъ и въ этихъ гимназіахъ будетъ преподаваемъ въ старшемъ классѣ.	Гимназіи, въ коихъ греческій языкъ преподавался и въ старшемъ классѣ, но не всѣмъ ученикамъ онаго.	Какое число учениковъ старшаго класса сихъ гимназій, еще не обучавшихся греческому языку, приблизительно можетъ оказаться ко времени испытаній зрѣлости въ маѣ и іюнѣ. 1876 года.	1877 года.
С.-Петербургскій . . .	Архангельская (VI)	$18^{77}/_{78}$			
	Челов. Общества (VII)	$18^{76}/_{77}$			
Московскій	Нижегородская		Нижегородская	3	—
	Александров. инст. (VII)	$18^{76}/_{77}$	Орловская	6	26
Казанскій [1])	—	—	Симбирская	6	5
			Вятская	1	—
Оренбургскій [1])	—	—	Уфимская	4	3
			Пермская	12	3
Харьковскій.	Новочеркасская (VII)	$18^{76}/_{77}$	Курская	8	—
	Усть-Медвѣдицкая (VII)		Воронежская	8	—
			Тамбовская	3	—
Кіевскій.	—	—	Пензенская	8	3
			Кіевская 1-я	4	—
			Каменецъ-Подольская .	2	—
			Немировская	4	—
			Черниговская	5	2
			Полтавская	2	—
Одесскій	—	—	Новгородсѣверская . .	4	—
			Ришельевская	3	2
			Кишиневская	15	2—5
			Херсонская	7	—
			Екатеринославская . .	4	—
			Симферопольская . . .	6	2
Западная Сибирь . . .	Тобольская (V)	$18^{78}/_{79}$			
	Томская (V)				
Восточная Сибирь . . .	Красноярская (VI)	$18^{77}/_{78}$			
Итого гимназій . . .	8		21	115	29—32

[1]) Сверхъ того въ Астраханской гимназіи ученики изъ Калмыковъ, а въ Оренбургской—2 ученика изъ Киргизовъ уволены отъ изученія греческаго языка.

Имѣя въ виду вышеприведенныя данныя о томъ, что еще въ 21 гимназіи имѣется 115 учениковъ, необучавшихся греческому языку и тѣмъ не менѣе еще имѣющихъ право на поступленіе въ университетъ, я нашелъ справедливымъ распространить это право и на лицъ домашняго воспитанія, которыя выдержатъ испытаніе въ 1876 г. изъ всѣхъ предметовъ гимназическаго курса, за исключеніемъ греческаго языка, разъяснивъ, на точномъ основаніи подлежащихъ статей гимназическаго устава, что тѣ лишь гимназіи имѣютъ право удостоивать свидѣтельствъ зрѣлости лицъ домашняго воспитанія безъ знанія ими греческаго языка, въ коихъ еще имѣются собственные ихъ ученики, не имѣвшіе возможности обучаться въ своихъ классахъ греческому языку. Кругъ такихъ гимназій съ каждымъ годомъ будетъ становиться ограниченнѣе и тѣснѣе: въ 1876 г. такихъ гимназій было еще 29, къ веснѣ 1877 г. ихъ будетъ отъ 9-ти до 17-ти, а къ веснѣ 1878 г. лишь Архангельская гимназія, Тобольская и Томская. Впрочемъ, сколько извѣстно, всѣ лица домашняго воспитанія, коимъ родители имѣютъ въ виду дать университетское образованіе, нынѣ уже изучаютъ греческій языкъ, тѣмъ болѣе, что еще въ августѣ 1873 г. было распубликовано утвержденное мною постановленіе совѣта министра народнаго просвѣщенія, въ силу котораго еще съ весны 1876 г. долженъ былъ бы прекратиться пріемъ въ университетъ лицъ домашняго воспитанія безъ надлежащаго знанія ими греческаго языка, такъ что вышеозначенное распоряженіе мое (отъ 29-го ноября 1875 г.) было неожиданною для упомянутыхъ лицъ льготою, которую было возможно оказать имъ безъ всякаго нарушенія устава гимназій и прогимназій.

По отзывамъ попечителей учебныхъ округовъ, основанныхъ на донесеніяхъ директоровъ гимназій, преподаваніе греческаго и вообще древнихъ языковъ уже доведено нынѣ до того уровня, который указанъ учебными планами. Такъ, напримѣръ, во всѣхъ гимназіяхъ, издавна входившихъ въ составъ Московскаго учебнаго округа, въ отчетномъ году, уже читались въ VIII классѣ рѣчи Демосѳена и трагедіи Софокла, а по латинскому языку философскія сочиненія Цицерона и оды Горація. Исключеніе составляютъ во всѣхъ учебныхъ округахъ лишь тѣ гимназіи, въ коихъ преподаваніе греческаго языка было введено съ IV класса: въ нихъ уровень познаній и занятій учениковъ естественно стоитъ на одну степень ниже. При этомъ нельзя однакоже не замѣтить, что въ качественномъ отношеніи познанія учениковъ высшаго класса въ древнихъ языкахъ будутъ въ уровень

съ требованіями учебныхъ плановъ лишь въ 1878—1879 годахъ, когда высшаго класса достигнутъ обучавшіеся по новымъ учебнымъ планамъ уже съ I класса.

Относительно учебныхъ плановъ по древнимъ языкамъ многія гимназіи высказываются въ пользу того, чтобы чтеніе Геродота было отнесено къ VII классу, а чтобы въ VI классѣ читался еще Ксенофонтъ (и именно его „Достопамятности изъ жизни Сократа"), какъ одинъ изъ представителей аттическаго діалекта, синтаксисъ котораго именно проходится въ VI классѣ, такъ что продолжающееся въ этомъ классѣ чтеніе аттическаго писателя послужило бы къ утвержденію учениковъ въ знаніи этимологіи аттическаго діалекта, и къ облегченію для нихъ его синтаксиса и къ лучшему ознакомленію ихъ съ періодическою рѣчью (по Меморабиліямъ Ксенофонта). Замѣчанія эти я нахожу на столько заслуживающими вниманія, что не замедлю подвергнуть ихъ обсужденію въ ученомъ комитетѣ. Нѣкоторыя гимназіи, впрочемъ, пользуясь предоставленною имъ мною свободой относительно подробностей учебныхъ плановъ, уже ввели у себя вышеозначенное измѣненіе еще въ 1875 году.

Относительно преподаванія *математики* сдѣланное мною и приведенное въ исполненіе со второй половины 1875 г. распоряженіе относительно перенесенія одного урока по этому предмету изъ I въ III классъ и относительно задаванія задачъ по ариѳметикѣ на вакаціонное время признается вообще весьма благотворнымъ, но все еще не вполнѣ устраняющимъ нѣкоторые изъ замѣченныхъ прежде и изложенныхъ мною въ прошлогоднемъ отчетѣ недостатковъ учебнаго плана по этому предмету. Подобнаго же рода указанія встрѣчаются въ отчетахъ нѣкоторыхъ попечителей учебныхъ округовъ и за 1875 г. Съ наибольшею доказательностью они изложены въ отчетѣ по Московскому учебному округу. „Четырехлѣтній опытъ убѣдилъ меня, — говоритъ дѣйствительный статскій совѣтникъ князь Мещерскій,—что программа математическаго курса, спеціально назначеннаго для IV класса, невыполнима на практикѣ по многимъ причинамъ: 1) по своей сложности и обширности; 2) по внесенію въ курсъ матеріала, для надлежащаго усвоенія котораго нужны болѣе зрѣлыя и развитыя силы, чѣмъ какія позволительно предполагать въ 13-ти и 14-ти-лѣтнихъ мальчикахъ, обучающихся въ этихъ классахъ; 3) по недостаточности учебнаго времени, котораго въ этомъ классѣ на три недѣли меньше, чѣмъ въ классахъ, не подвергающихся полному испытанію, и 4) по особому положенію этого класса, какъ послѣдней про-

гимназической ступени, и вытекающимъ изъ этого положенія потребностямъ учениковъ, съ которыми, кромѣ прохожденія новаго курса, необходимо еще повторить все существенное содержаніе курсовъ за три предшествовавшіе года". Вслѣдствіе всего этого, въ IV классѣ во многихъ гимназіяхъ остаются не пройденными по алгебрѣ статьи, начиная съ возвышенія одночленовъ въ степени и извлеченія корней изъ одночленовъ, а по геометріи—начиная съ ученія о кругѣ, и, по мнѣнію нѣкоторыхъ знатоковъ хорошо, что статьи эти не проходятся, ибо онѣ были бы не по силамъ для учениковъ IV класса. Затѣмъ, это сокращеніе курса IV класса влечетъ за собою соотвѣтственныя отступленія отъ учебнаго плана въ V классѣ и только въ VI классѣ вполнѣ достигаются результаты, указанные въ учебныхъ планахъ и это не смотря на то, что многіе учителя назначаютъ добавочные уроки и даютъ ихъ безвозмездно не рѣдко по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Польза перенесенія одного урока по ариѳметикѣ изъ I класса въ III всѣми признается, но тѣмъ не менѣе нѣкоторыя статьи изъ 2-й части ариѳметики, какъ-то: о процентахъ, объ учетѣ векселей, бо́льшая часть задачъ, относящихся къ правиламъ тройному, пропорціональнаго дѣленія и смѣшенія,—представляютъ собою, по мнѣнію нѣкоторыхъ преподавателей Московскихъ гимназій, предметы, и практически и умственно далекіе для дѣтей, и эти статьи, по ихъ мнѣнію, было бы полезно вновь проходить въ высшихъ классахъ съ приспособленіемъ преподаванія оныхъ къ болѣе зрѣлому возрасту. Тѣ же почти замѣчанія сдѣланы вкратцѣ и въ отчетѣ по Кіевскому округу, съ присовокупленіемъ, что едва ли не окажется нужнымъ прибавить по одному уроку математики въ IV или V классахъ. Хотя, быть можетъ, вышеуказанныя неудобства проистекаютъ отчасти отъ употребленія слишкомъ обширныхъ и трудныхъ учебниковъ, такъ какъ въ отчетахъ по большей части другихъ учебныхъ округовъ подобныхъ указаній не встрѣчается, тѣмъ не менѣе я счелъ за должное передать эти замѣчанія на разсмотрѣніе ученаго комитета.

Учебные планы *по русскому языку и словесности* вызвали доселѣ замѣчанія только со стороны начальства Казанскаго учебнаго округа, которое, по моему предложенію, представило проектъ новаго учебнаго плана по этому предмету, находящійся нынѣ на разсмотрѣніи Ученаго Комитета. Впрочемъ, неудовлетворительные результаты преподаванія русскаго языка въ Казанскомъ учебномъ округѣ, на которые указываетъ начальство этого округа, едва ли состоятъ въ какой-либо связи съ

учебными планами, которые знатоки дѣла признаютъ вполнѣ удовлетворительными. Въ самомъ отчетѣ по Казанскому округу за 1875 г. говорится, что преподаваніе русскаго языка, бывшее въ весьма неудовлетворительномъ положеніи, нѣсколько улучшилось, вслѣдствіе того, что преподаватели сочли за должное вдуматься въ причины безотрадныхъ результатовъ ихъ дѣятельности, стали отчетливѣе и въ большей системѣ преподавать граматику отечественнаго языка, съ большею тщательностью выбирать темы для сочиненій и обращать больше вниманія на стиллистическія въ нихъ ошибки. Существеннаго улучшенія преподаванія столь важнаго предмета, какъ отечественный языкъ, слѣдуетъ ожидать не отъ какихъ-либо измѣненій въ учебныхъ планахъ, а отъ назначенія въ преподаватели русскаго языка лицъ, получившихъ не юридическое образованіе, какъ нынѣ нерѣдко случается, а полное филологическое, причемъ существенно важно, чтобъ и историко-филологическіе факультеты университетовъ обратили серьезное вниманіе на строго-научное образованіе своихъ слушателей по русскому языку и словесности, не довольствуясь сообщеніемъ имъ отрывочныхъ свѣдѣній изъ той или другой эпохи русской словесности, а непремѣнно углубляли и расширяли ихъ познанія по русскому языку; въ настоящее же время лишь въ двухъ университетахъ (Московскомъ и Харьковскомъ) исторія русскаго языка составляетъ предметъ особаго преподаванія. Сверхъ того, въ высшей степени важно, чтобы письменныя работы (сочиненія и переводы) по русскому языку задавались ученикамъ сколь можно чаще и исправлялись учителями сколь можно тщательнѣе. Въ этомъ отношеніи остается еще желать чрезвычайно многаго. Такъ, между прочимъ, даже въ Виленскомъ учебномъ округѣ, гдѣ на этотъ предметъ понятнымъ образомъ обращается особенное вниманіе, письменныя работы по русскому языку бываютъ, начиная съ IV класса, по одному разу въ мѣсяцъ домашнія и по одному же разу классныя (для провѣрки первыхъ), всего, слѣдовательно, около 40 домашнихъ и около 40 классныхъ работъ въ теченіе всего гимназическаго курса, что едва ли можно признать достаточнымъ. Попечитель учебнаго округа предложилъ задавать въ среднихъ классахъ по одному сочиненію въ каждыя 2—3 недѣли, а въ высшихъ классахъ въ каждыя 3—4 недѣли, что также едва ли достаточно. Вопросъ о числѣ домашнихъ и классныхъ письменныхъ работъ по русскому языку въ теченіе каждаго учебнаго года подлежитъ еще об-

сужденію и, кажется, долженъ быть рѣшенъ самимъ министерствомъ для всѣхъ учебныхъ округовъ.

Относительно учебнаго плана *по исторіи*, попечитель Петербургскаго округа, въ отчетѣ по произведенному имъ осмотру учебныхъ заведеній, находящихся въ г. Псковѣ, замѣчаетъ, что программа этого предмета имѣетъ нѣсколько отрывочный характеръ, и что, быть можетъ, этому обстоятельству слѣдуетъ приписать то, что ученики VII класса Псковской гимназіи, отвѣчая при повтореніи средней исторіи вообще удовлетворительно, тѣмъ не менѣе обнаруживали какъ бы нѣкоторую неполноту и отрывочность своихъ познаній какъ по всеобщей, такъ и по русской исторіи, и было бы весьма желательно,—прибавляетъ тайный совѣтникъ князь Ливенъ,—не расширяя курса исторіи въ нашихъ гимназіяхъ, сообщить ему нѣкоторую цѣлость и законченность, чтобы выпускать молодыхъ людей на поприще жизни съ болѣе твердыми и болѣе полными свѣдѣніями въ столь важной и столь существенной для образованія наукѣ. Сверхъ того, мѣстами со стороны преподавателей древнихъ языковъ заявляется желаніе, чтобы полный систематическій курсъ древней исторіи, назначенный учебными планами на одинъ изъ годовъ курса VII класса, былъ перенесенъ въ V классъ вслѣдъ за элементарнымъ курсомъ по всеобщей и отечественной исторіи и приспособленъ къ потребностямъ учениковъ этого класса, дабы преподаватели древнихъ языковъ при чтеніи греческихъ и римскихъ авторовъ не имѣли надобности слишкомъ долго останавливаться на историческихъ разъясненіяхъ.

Дорожа въ высшей степени всѣми подобными, хотя бы и чисто случайными и частными, еще недостаточно провѣренными указаніями на недостатки утвержденныхъ мною учебныхъ плановъ, я считаю за должное заносить ихъ въ мои годичные всеподданнѣйшіе отчеты, такъ какъ, и при самомъ утвержденіи этихъ учебныхъ плановъ, предлагая ихъ къ руководству гимназіямъ и прогимназіямъ, я приглашалъ педагогическое ихъ сословіе съ полною откровенностью указывать на замѣчаемые на практикѣ недостатки оныхъ, дабы такимъ образомъ достигнуть постепенно ихъ улучшенія путемъ опыта и при содѣйствіи всѣхъ имѣющихся въ странѣ педагогическихъ силъ. При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что при составленіи этихъ учебныхъ плановъ, которые въ цѣломъ вполнѣ оправдались на опытѣ, не маловажное вліяніе оказывало то обстоятельство, что въ VII классѣ былъ установленъ двухгодичный курсъ, который долженъ былъ изъ года

въ годъ мѣняться, такъ, однако же, чтобы ученики и старшаго и младшаго отдѣленія этого класса могли безъ большихъ неудобствъ начинать съ того или другаго изъ этихъ двухъ курсовъ. Нынѣ оба эти отдѣленія составили въ большей уже части гимназій два самостоятельныхъ класса VII и VIII, и теперь настало, по моему мнѣнію, удобное время для пересмотра учебныхъ плановъ, причемъ всѣ вышеприведенныя замѣчанія должны быть приняты въ серьезное вниманіе.

Въ отчетномъ году впервые было введено преподаваніе *логики* въ старшемъ классѣ всѣхъ гимназій. Директоры этихъ учебныхъ заведеній въ представленныхъ ими попечителямъ учебныхъ округовъ отчетахъ свидѣтельствуютъ, что молодые люди съ большимъ интересомъ относятся ко вновь введенной наукѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторые изъ нихъ выражаютъ желаніе, чтобы курсу этого предмета было дано болѣе значительное развитіе присоединеніемъ къ элементарной логикѣ преподаванія элементарной психологіи.

„Изученіе формъ и законовъ мышленія и познанія",—замѣчаетъ съ своей стороны одинъ изъ попечителей, — „принесетъ большую пользу юношеству, страдавшему отъ отсутствія знакомства съ элементарными логическими пріемами и правилами и оттого уживавшемуся съ яркими противорѣчіями въ своихъ воззрѣніяхъ, даже и не доходившими до его сознанія.

Только курсъ краткаго естествовѣдѣнія не былъ еще введенъ въ прошломъ году и не можетъ быть введенъ, какъ я прежде предполагалъ, и въ 1876 году, частію за неимѣніемъ соотвѣтственныхъ программѣ этого курса учебниковъ, а частію и по той причинѣ, что предварительно долженъ быть рѣшенъ вопросъ о курсѣ математики для IV и V классовъ. Въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ (какъ, напримѣръ, въ Минской и Ковенской) курсъ этотъ былъ, впрочемъ, преподаваемъ и въ 1875 г., но при этомъ ощущался большой недостатокъ въ соотвѣтственномъ учебникѣ. Съ своей стороны, я предполагаю воспользоваться Петровскими преміями, дабы вызвать появленіе учебниковъ по этой части.

Въ относительныхъ числахъ учениковъ, обучавшихся обоимъ *новымъ иностраннымъ языкамъ* или одному изъ нихъ, никакихъ существенныхъ перемѣнъ не произошло противъ 1874 г. Изъ 31.798 учениковъ, бывшихъ къ 1-му января 1876 года въ тѣхъ классахъ, въ коихъ преподаютъ новые иностранные языки, 13.906 или 43,7% обучались одному нѣмецкому языку (въ 1874 году около 45%),

9.445 или 29,7% одному французскому языку (въ 1874 г. — 29,5%) и 8.407 или 26% обоимъ этимъ языкамъ (въ 1874 г.—29,3%). Даже послѣдовательность другъ за другомъ учебныхъ округовъ по числу обучающихся обоимъ новымъ иностраннымъ языкамъ нисколько не измѣнилась. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи по прежнему принадлежитъ С.-Петербургскому учебному округу, гдѣ число обучающихся обоимъ новымъ языкамъ возвысилось съ 59 до 64% (тогда какъ обучающихся тому или другому изъ нихъ въ отдѣльности было по 18%), за тѣмъ слѣдуетъ Дерптскій округъ, гдѣ однако же процентъ обучающихся обоимъ новымъ иностраннымъ языкамъ понизился съ 57 до 44; за тѣмъ Восточная и Западная Сибирь (пониженіе съ 49 до 32%), Варшавскій округъ (31%, въ 1874 г. 32,6%), Одесскій (24%), Московскій и Оренбургскій по 23% (въ 1874 г. въ Московскомъ 20,8%), Виленскій 13% (въ 1874 г. 14%), Кіевскій 8% и наконецъ, Казанскій (5%). Изъ обучающихся какому-либо одному изъ двухъ новыхъ иностранныхъ языковъ значительное большинство вездѣ предпочитаетъ обучаться нѣмецкому языку, за исключеніемъ лишь одного округа Одесскаго, гдѣ французскому языку обучается 40, а нѣмецкому 36%.

Число обучающихся *черченію* и *рисованію* возросло и въ 1875 г., но не въ столь значительномъ размѣрѣ, какъ въ 1874 году, а именно, всего на 0,6% (съ 22,6%, до 23,2%). Наиболѣе значительное увеличеніе числа обучающихся этимъ искусствамъ замѣчается въ С.-Петербургскомъ округѣ (съ 30 до 34%) и въ Виленскомъ (съ 24 до 26%).

Число обучающихся *пѣнію* вообще значительнѣе предыдущаго числа. Оно составляло къ 1 января 1876 года 37% всего числа учениковъ гимназій, не исключая и приготовительнаго класса. Наконецъ, *гимнастикѣ* обучается и еще почти вдвое большее число, а именно 70% всего числа учениковъ, отдѣльно же въ С.-Петербургскомъ округѣ 85%, а въ Московскомъ 80%.

Успѣхи учениковъ гимназій и прогимназій по всѣмъ предметамъ гимназическаго ученія, судя и по точнымъ статистическимъ даннымъ и по свидѣтельствамъ учебныхъ начальствъ, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе увеличиваются. Въ отчетномъ году министерство народнаго просвѣщенія впервые располагаетъ точными данными по этому предмету для всѣхъ учебныхъ округовъ безъ исключенія и для каждой въ нихъ гимназіи и прогимназіи въ отдѣльности. Изъ этихъ данныхъ оказывается, что ко времени испытаній въ маѣ 1875 года

всѣхъ учениковъ гимназій и прогимназій (вмѣстѣ съ приготовительными при нихъ классами) было 43,681; изъ нихъ имѣли за истекшій учебный годъ удовлетворительныя (не меньше 3-хъ по каждому предмету) отмѣтки 28.528 или 65,3%, а по произведеннымъ испытаніямъ (только письменнымъ по главнымъ предметамъ во всѣхъ классахъ, кромѣ IV, VI и VIII, гдѣ производятся и письменныя и устныя испытанія по всѣмъ вообще предметамъ) удостоились перевода въ ближайшіе высшіе классы или аттестата зрѣлости 28.500 или 65,2%, изъ чего, между прочимъ, усматривается, что лишь относительно 0,1% годичныя отмѣтки не подтвердились результатами испытаній. Въ классахъ, въ коихъ производится полное испытаніе, разность эта хотя нѣсколько и больше вышеприведенной, но все-таки не очень значительна, а именно въ IV классѣ всѣхъ гимназій и прогимназій 60,9% всѣхъ учениковъ имѣли удовлетворительныя годичныя отмѣтки, удостоились же дѣйствительно перевода 59,8%, на 1,1% менѣе, а въ VI классѣ имѣвшихъ удовлетворительныя годичныя отмѣтки было 71%, а дѣйствительно были переведены въ VII классъ 68,9%, на 2,1% менѣе. На оборотъ, въ низшихъ трехъ классахъ (I, II и III), и только въ нихъ однихъ, переведено въ слѣдующіе классы на 404 ученика (или на 2,8%) болѣе чѣмъ сколько ихъ имѣло удовлетворительныя годичныя отмѣтки,—снисхожденіе, которое едва ли не слѣдуетъ считать педагогическою ошибкой, такъ какъ именно во всѣхъ классахъ слѣдуетъ придавать наибольшее значеніе годичнымъ отмѣткамъ, въ низшихъ же классахъ совершенно необходимо съ особенною настойчивостью требовать надлежащаго усвоенія учениками преподаваемыхъ имъ по всѣмъ предметамъ элементарныхъ свѣдѣній, безъ знанія коихъ невозможны рѣшительно никакіе дальнѣйшіе успѣхи. Не бѣда, если малоспособный или малоразвившійся или нерадивый ученикъ пробудетъ въ томъ или другомъ изъ низшихъ трехъ классовъ и по два года, ему еще весьма легко поправиться и вступить въ разрядъ исправныхъ учениковъ, а въ крайнемъ случаѣ избрать другое учебное заведеніе съ болѣе легкимъ и посильнымъ для него курсомъ. Но излишнее снисхожденіе, оказываемое при переводѣ учениковъ низшихъ классовъ, можетъ считаться для нихъ совершенно пагубнымъ: результатомъ такого снисхожденія бывало въ прежнее время, но къ сожалѣнію нерѣдко бываетъ и теперь, болѣе или менѣе значительное число запущенныхъ учениковъ въ среднихъ и высшихъ классахъ, то-есть, учениковъ, которые, позволю себѣ употребить общепринятое школьное выраженіе, не знаютъ за-

довъ и съ которыми ни учителя, ни сами они не знаютъ что дѣлать; такіе-то ученики бываютъ наиболѣе въ тягость и школѣ, и родителямъ, и самимъ себѣ; они почти всегда оказываются потерянными для науки, а нерѣдко и для общества. На обязанности начальниковъ и педагогическихъ совѣтовъ гимназій и прогимназій лежитъ сколь можно осмотрительнѣе поступать при переводѣ учениковъ изъ одного класса въ другой, особенно же въ низшихъ классахъ, дабы излишнимъ снисхожденіемъ не погубить кого-либо изъ ввѣренныхъ имъ учениковъ и чтобы такимъ образомъ снисхожденіе это не оказалось впослѣдствіи только жестокостью. Имѣющіяся за 1875 годъ данныя, за исключеніемъ вышеприведеннаго, едва ли не излишняго снисхожденія, отчасти свидѣтельствуютъ, что учебныя начальства и педагогическіе совѣты вполнѣ понимаютъ, какъ важно не спѣшить переводомъ учениковъ низшихъ классовъ и дать имъ время вполнѣ усвоить себѣ всѣ элементы преподаваемыхъ имъ наукъ. Изъ данныхъ этихъ оказывается, что чѣмъ вообще ниже классъ, тѣмъ меньшій процентъ учениковъ его удостоивается перевода въ ближайшій высшій классъ. Правильность въ этомъ отношеніи нарушается только данными, относящимися къ III и IV-му классамъ, но это до нѣкоторой степени объясняется тѣмъ, что въ III классѣ ученикамъ приходится разомъ приниматься за три новые для нихъ предмета: алгебру, греческій языкъ и исторію, а въ IV-мъ классѣ, хотя привходятъ лишь два новые предмета: геометрія и церковно-славянская граматика, но за то приходится держать экзаменъ изъ всего пройденнаго въ низшихъ четырехъ классахъ. Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ наименьшій процентъ переведенныхъ оказывается въ IV классѣ (59,8%) и въ III (61%), въ I же и II классахъ по 64% въ каждомъ, а въ V—68%, въ VI (не смотря на полное письменное и устное испытаніе изъ всего пройденнаго въ V и IV классахъ)—68,9%, въ VII—75%, а въ VIII—83.

Обращаясь къ тѣмъ же общимъ для всѣхъ учебныхъ округовъ даннымъ относительно успѣховъ учениковъ всѣхъ классовъ по главнѣйшимъ предметамъ гимназическаго курса, нельзя не усмотрѣть въ нихъ подтвержденія того, что̀ было высказано попечителемъ Казанскаго учебнаго округа въ прошлогоднемъ годичномъ отчетѣ его по округу, а именно: что „вообще древніе языки усвоиваются не съ такимъ затрудненіемъ, какъ сначала предполагалось, и общество, предвзято пугавшееся ихъ, какъ непреоборимыхъ препонъ при прохожденіи гимназическаго курса, должно въ настоящее время придти къ

заключенію, что при переводныхъ и выпускныхъ испытаніяхъ задержки для учащихся ставятся не древними языками, но чаще всего языкомъ отечественнымъ и математикой". И дѣйствительно, въ 1875 г., къ началу испытаній, успѣвающихъ по математикѣ оказалось на основаніи годичныхъ отмѣтокъ 64%, а удостоилось переводныхъ отмѣтокъ на испытаніи и того менѣе на $3\frac{1}{2}$% (61,5%); по русскому языку успѣвающихъ всего по годичнымъ отмѣткамъ 66,3%, а по экзамену 61,1%, разность на 5,2%; по латинскому же языку 73,2% по годичнымъ отмѣткамъ и 68,9% по экзамену (разность между числомъ удовлетворительныхъ годичныхъ и экзаменаціонныхъ отмѣтокъ на 4,3%), а по греческому языку (изъ 19,157 обучавшихся этому предмету) успѣвавшихъ было по годичнымъ отмѣткамъ 74,6%, а по экзамену 71% (разность между числами тѣхъ и другихъ удовлетворительныхъ отмѣтокъ 3,6%). При этомъ вышеприведенныя разности между числами удовлетворительныхъ отмѣтокъ годичныхъ и экзаменаціонныхъ показываютъ, что единичная оцѣнка ученическихъ успѣховъ самими преподавателями оказалась выше противъ коллегіальной оцѣнки оныхъ экзаменаціонными коммисіями болѣе всего по русскому языку (на 5,2%), потомъ по латинскому языку (на 4,3%), а менѣе всего по греческому и по математикѣ (на 3,6% и на 3,5%).

Обыкновенно результаты ученія за первое полугодіе каждаго учебнаго года бываютъ менѣе благопріятны для учениковъ, чѣмъ за весь учебный годъ и даже чѣмъ оказывается на годичныхъ испытаніяхъ. Это объясняется большею частію нерадивостью самихъ учениковъ и меньшею равномѣрностью ихъ успѣховъ по всѣмъ предметамъ курса въ 1-е полугодіе, когда они только что переведены въ соотвѣтственные высшіе классы и не успѣли освоиться съ новыми для нихъ предметами этихъ классовъ, а иной разъ и съ новыми для нихъ преподавателями этихъ классовъ, а отчасти и большею осмотрительностью и строгостью самихъ преподавателей при оцѣнкѣ успѣховъ учениковъ въ первое полугодіе. И дѣйствительно, изъ 47.639 учениковъ гимназій и прогимназій, бывшихъ къ 1-му января 1876 г., имѣли удовлетворительныя отмѣтки за полугодіе по всѣмъ предметамъ 28,932 или 60,7% на 4,6% менѣе, чѣмъ за весь предыдущій учебный годъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, процентъ успѣвавшихъ въ отдѣльности въ каждомъ изъ главныхъ предметовъ значительно возросъ противъ того, какой оказался за весь предыдущій годъ и на испытаніяхъ въ маѣ и іюлѣ 1875 г., а именно: по русскому языку съ 66,3 и 61,1% почти до 77%, по математикѣ съ 64 и 61,5% до

75%; по греческому языку съ 74,6 и 71% до 75% (изъ 21,923 обучавшихся этому предмету) и только по латинскому языку понизился противъ годичной оцѣнки за 1874—1875 учебный годъ на 2,2% и возвысился противъ результатовъ испытаній 1875 г. на 2,1%, достигнувъ 71%. Такое возвышеніе процента успѣшности за второе полугодіе 1875 г. по всѣмъ главнымъ предметамъ, повидимому, предвѣщаетъ значительное возвышеніе % успѣшности за весь 1875—1876 учебный годъ.

Въ прошлогоднемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ моемъ были приведены данныя по отдѣльнымъ округамъ относительно того, насколько возросла успѣшность ученія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ сравнительно съ 1873 г. То же отрадное явленіе представляется и въ 1875 г. сравнительно съ 1874 г. Такъ, по С.-Петербургскому округу въ 1873 г. было переведено и выпущено съ аттестатомъ зрѣлости 60,8%, въ 1874 г. 64,5%, а въ 1875 г. 65,6%; успѣвавшихъ по всѣмъ предметамъ въ концѣ отчетныхъ годовъ было: 1872 г. 46%, 1873 г. 48%, 1874 г. 54%, 1875 г. 56%; по древнимъ языкамъ въ соотвѣтственные годы 60%, 68%, 68,7% и 77% и, наконецъ, по математикѣ 67%, 75%, 74,3% и 76%. Въ Московскомъ учебномъ округѣ число удостоенныхъ перевода въ ближайшій высшій классъ составляло въ 1873 г. 55,4%, въ 1874 г. 59%, а въ 1875 г. 68%, то-есть, увеличилось противъ предыдущаго года на 9%. Въ прочихъ учебныхъ округахъ число переведенныхъ въ ближайшій высшій классъ составляло въ 1875 г. въ Кіевскомъ, Виленскомъ и Варшавскомъ по 65% въ каждомъ; въ Оренбургскомъ 68%, въ Одесскомъ 70%, въ Западной и Восточной Сибири вмѣстѣ 72%; въ Харьковскомъ округѣ оно возросло съ 71,8% до 73,3%, а въ Казанскомъ даже до 75%. Различіе, замѣчаемое въ этомъ отношеніи между отдѣльными округами, какъ было уже изъяснено мною въ прошлогоднемъ моемъ отчетѣ, проистекаетъ столько же отъ степени дѣйствительной успѣшности учащихся, сколько и отъ мѣры требовательности преподавателей-экзаменаторовъ и педагогическихъ совѣтовъ. Вѣрность этого объясненія вполнѣ подтверждается вышеприведенными данными, и значительно болѣе благопріятныя данныя по учебнымъ округамъ Казанскому, Харьковскому, Сибири и т. д. сравнительно съ учебными округами С.-Петербургскимъ и Московскимъ едва-ли не должны быть объяснены значительно меньшею мѣрою требовательности въ первыхъ изъ сихъ округовъ.

О случаяхъ перевода въ ближайшій высшій классъ учениковъ,

отмѣтки коихъ не вполнѣ соотвѣтствовали установленнымъ требованіямъ, но коихъ педагогическіе совѣты признавали вполнѣ способными учиться въ ближайшихъ высшихъ классахъ, сообщены данныя лишь по Казанскому и Варшавскому округамъ и по Западной Сибири. Такое снисхожденіе было оказано въ Казанскомъ округѣ 6-ти ученикамъ (3-мъ по математикѣ, 2-мъ по древнимъ языкамъ и 1-му по географіи); въ Западной Сибири 22-мъ, изъ коихъ 10 оставались уже по два года въ одномъ и томъ же классѣ, и 139 (или 3,1% всего числа переведенныхъ) въ Варшавскомъ округѣ. Я не могу при этомъ не выразить желанія, чтобы педагогическіе совѣты и окружныя начальства пользовались этимъ своимъ правомъ сколь можно осмотрительнѣе и умѣреннѣе.

Испытанія зрѣлости, въ свою очередь, даютъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе удовлетворительные результаты, по мѣрѣ того, какъ учебная реформа 1871 года все болѣе и болѣе осуществляется и упрочивается. Такъ, въ 1873 г. подвергались испытанію зрѣлости 1,039 человѣкъ (въ томъ числѣ 770 гимназистовъ), въ 1874 г. 1,305 (990 гимназистовъ), а въ 1875 г. 1,628 (1,328 гимназистовъ) и изъ нихъ выдержали испытаніе въ 1873 г. 685 или 65.9%, въ 1874 г. 918 или 70,3%, а въ 1875 г. 1,298 или 79,7%, что представляетъ увеличеніе противъ предыдущаго года на 9,4%. Соотвѣтственныя процентныя отношенія выдержавшихъ испытаніе зрѣлости въ отдѣльности для гимназистовъ старшаго отдѣленія будутъ: 74,6, 78,8 и 84,9, для гимназистовъ младшаго отдѣленія VII класса (которые въ 1875 г. въ послѣдній разъ были допущены къ испытанію зрѣлости въ числѣ 30-ти чел.) 86%, 94,3% и 83,3%; для стороннихъ лицъ 32%, 32,9% и 52,2% и, наконецъ, для учениковъ частныхъ гимназій и церковныхъ училищъ 49,4%, 77,3% и 79,3%. Такимъ образомъ, испытанія зрѣлости въ отчетномъ году оказались значительно болѣе благопріятными противъ предыдущихъ лѣтъ не только для учениковъ правительственныхъ гимназій (кромѣ, однако же, учениковъ младшаго отдѣленія VII класса), но и для всѣхъ прочихъ категорій подвергавшихся испытанію зрѣлости, въ особенности для лицъ стороннихъ, коихъ явилось на испытаніе 247 (въ 1874 г. 240, а въ 1873 г. 178) и изъ коихъ 129 выдержали испытаніе на 19,3% болѣе противъ прежнихъ лѣтъ.

Во вниманіи къ заявленію нѣкоторыхъ членовъ попечительскихъ совѣтовъ учебныхъ округовъ (особенно же Московскаго) о томъ, что стороннія лица поставлены при испытаніяхъ зрѣлости въ менѣе бла-

гопріятныя условія чѣмъ ученики гимназій, такъ какъ они вовсе неизвѣстны экзаменаторамъ и многіе изъ нихъ сами впервые подвергаются публичному испытанію, и желая предоставить родителямъ, воспитывающимъ своихъ сыновей дома, способы давать имъ сколь можно болѣе правильное гимназическое образованіе и слѣдить за ихъ успѣхами, а также желая поставить получающихъ таковое домашнее образованіе въ условія сколь можно болѣе равныя съ учениками гимназій при испытаніяхъ зрѣлости, я сдѣлалъ распоряженіе (отъ 29-го ноября 1875 г.) по всѣмъ гимназіямъ и прогимназіямъ, чтобы лица домашняго воспитанія, буде пожелаютъ того ихъ родители, были допускаемы, по достиженіи соотвѣтственнаго возраста, къ испытанію какъ изъ курса четырехъ низшихъ классовъ гимназій, такъ и къ послѣдующему изъ курса V и VI классовъ, наравнѣ и въ одно время съ учениками соотвѣтственныхъ классовъ гимназій съ тѣмъ, чтобы выдержавшіе такое испытаніе пользовались и всѣми соотвѣтственными правами и подвергались испытаніямъ зрѣлости также наравнѣ съ учениками гимназій. Мѣра эта, по отзывамъ попечителей учебныхъ округовъ, была встрѣчена заинтересованными въ ней семействами весьма благопріятно и послужитъ, какъ я надѣюсь, къ улучшенію домашняго обученія.

Съ другой стороны, весной 1876 г. наступалъ срокъ приведенія въ исполненіе утвержденнаго мною постановленія совѣта министра народнаго просвѣщенія отъ 17-го января 1873 г. относительно того, чтобы воспитанники духовныхъ семинарій поступали въ университетъ не иначе какъ по выдержаніи по всѣмъ главнымъ предметамъ гимназическаго курса испытанія зрѣлости въ самихъ гимназіяхъ одновременно и наравнѣ съ учениками сихъ послѣднихъ. Въ концѣ ноября 1875 г. я счелъ за должное отсрочить еще на нѣкоторое время осуществленіе этой весьма важной мѣры не столько потому, чтобы я возымѣлъ какія-либо сомнѣнія въ совершенной ея необходимости, сколько изъ желанія дать духовнымъ семинаріямъ болѣе времени поставить ихъ курсъ по главнымъ предметамъ въ уровень съ гимназіями.

На возвышеніе успѣшности учащихся весьма значительное вліяніе имѣли, по отзывамъ попечителей учебныхъ округовъ, нынѣ дѣйствующія правила о переводѣ учениковъ изъ классовъ въ классъ не столько на основаніи удачныхъ отвѣтовъ ихъ на экзаменѣ, сколько на основаніи постояннаго ихъ прилежанія и достигнутыхъ ими въ теченіе всего года результатовъ. Съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ

отчетахъ указывается и польза, принесенная въ этомъ отношеніи установленными почти въ то же время работами, задаваемыми ученикамъ на лѣтнее вакаціонное время. Вакаціонныя работы, по свидѣтельству нѣкоторыхъ попечителей учебныхъ округовъ, вошли уже въ разрядъ установившихся обычаевъ школы. Большинство учениковъ выполняетъ требованія гимназіи усердно и добросовѣстно, а въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ лучшіе ученики, не довольствуясь назначенными работами, добровольно избираютъ сверхъ ихъ еще другія занятія, обыкновенно относящіяся къ чтенію классическихъ писателей древности (что̀ несомнѣнно указываетъ на водвореніе несравненно лучшаго духа и лучшаго направленія между учениками гимназій). Несомнѣнная польза вакаціонныхъ работъ заключается, между прочимъ, и въ томъ, что теперь съ первымъ рабочимъ днемъ въ новомъ учебномъ году начинаются вполнѣ правильныя классныя занятія, и ученики, не отвыкая въ продолженіе вакаціи отъ умственнаго труда, не приносятъ съ собою на первые уроки, какъ бывало прежде, какой-то растерянности, но отвѣчаютъ на предлагаемые имъ вопросы съ такою же находчивостью, какъ и во всякое другое время.

Относительно исправности, съ какою ученики посѣщали уроки въ отчетномъ году, нынѣ имѣются болѣе точныя и полныя свѣдѣнія, чѣмъ прежде. Среднимъ числомъ въ 1875 г. обучалось въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ 46,168 ч. и ими было пропущено въ теченіе года вообще 2.042,493 урока, что̀ даетъ отъ 44 до 45 пропущенныхъ уроковъ на каждаго. На приготовительный и низшіе четыре класса приходится изъ общаго числа пропущенныхъ уроковъ 74%, а такъ какъ ученики этихъ классовъ составляютъ 80%, то очевидно, что пропускъ уроковъ въ высшихъ четырехъ классахъ на 6% относительно выше, чѣмъ въ низшихъ. Еще значительнѣе разность между процентными отношеніями числа учениковъ приготовительнаго и низшихъ четырехъ классовъ и числа уроковъ, пропущенныхъ ими по неуважительнымъ причинамъ. Послѣднихъ значится по имѣющимся въ министерствѣ даннымъ, 68.836 въ теченіе 1875 г. или 3,3% всего числа пропущенныхъ уроковъ, такъ что на каждаго ученика въ среднемъ выводѣ приходится по 1,4% урока пропущенныхъ по неуважительной причинѣ; но изъ общаго числа пропущенныхъ уроковъ этой категоріи на приготовительный и низшіе 4 класса падаетъ не 80%, что̀ соотвѣтствовало бы относительному числу учениковъ этихъ классовъ, а 70% и, слѣдовательно, на высшіе классы не 20%, какъ слѣдовало бы по относительному числу учениковъ этихъ классовъ, а 30% или

на 10% болѣе. Очевидно, что по отношенію къ ученикамъ старшихъ классовъ домашній надзоръ и домашняя дисциплина значительно ослабѣваютъ, что же касается до гимназій и прогимназій, то изъ имѣющихся данныхъ оказывается, что нѣкоторыя изъ нихъ вовсе и не показываютъ въ своихъ вѣдомостяхъ числа уроковъ, пропущенныхъ по неуважительнымъ причинамъ. Изъ 125 гимназій такъ поступили 20 (4 въ С.-Петербургскомъ округѣ, 3 въ Дерптскомъ, 1 въ Виленскомъ и по 2 въ каждомъ изъ остальныхъ округовъ, за исключеніемъ Оренбургскаго, Восточной и Западной Сибири) и изъ 59 прогимназій 14 (5 въ Московскомъ, 4 въ Харьковскомъ, 3 въ Одесскомъ, 2 въ Кіевскомъ и по 1-му въ каждомъ изъ остальныхъ округовъ, за исключеніемъ также вышеупомянутыхъ). Такимъ образомъ, оказывается, что вышеприведенныя свѣдѣнія далеко не полны и, сверхъ того, что нѣкоторыя гимназіи признаютъ, что онѣ или не обязаны или не вправѣ или не въ состояніи отвѣчать на вопросъ о числѣ уроковъ, пропущенныхъ учениками по неуважительнымъ причинамъ. Дѣйствительно, невозможно отрицать крайней трудности для учебнаго заведенія опредѣлить въ каждомъ данномъ случаѣ, пропущенъ ли урокъ по уважительной или неуважительной причинѣ. Трудность эта, согласно съ указаніями, которыя заключаются въ отчетахъ нѣкоторыхъ попечителей, проистекаетъ отъ того, что родители въ подобныхъ случаяхъ, допустивъ уклоненіе своихъ сыновей отъ одной изъ важнѣйшихъ ихъ обязанностей, стараются затѣмъ всячески прикрыть ихъ вину и вмѣстѣ свою и выгородить ихъ отъ отвѣтственности, сами же учебныя заведенія не располагаютъ достаточными средствами даже и въ случаѣ основательныхъ съ своей стороны сомнѣній удостовѣряться, по уважительной или по неуважительной причинѣ пропущены тѣ или другіе уроки. Въ этомъ случаѣ вся отвѣтственность падаетъ, конечно, на семью, а не на школу; но тѣмъ не менѣе, съ своей стороны, я никакъ не могу снять и съ подвѣдомыхъ мнѣ учебныхъ заведеній обязанности по возможности удостовѣряться, по какимъ причинамъ пропускаются уроки учениками, и случаи, въ коихъ они удостовѣрились, что пропускъ уроковъ произошелъ по неуважительной причинѣ, заносить въ соотвѣтственныя вѣдомости свои. Хотя бы та или другая семья относилась равнодушно и небрежно къ исполненію находящимися въ ней учениками одной изъ важнѣйшихъ ихъ обязанностей, школа, особенно у насъ, не должна дозволять себѣ подобнаго равнодушія и небрежности. Поэтому я не могу не отнестись съ особенною похвалою къ тому, что въ Московскомъ учебномъ округѣ при-

лагаются особыя заботы удостовѣряться возможно чаще о причинахъ пропуска уроковъ учениками. Случаевъ командировки должностныхъ лицъ гимназій и прогимназій Московскаго округа на квартиры учениковъ для такого удостовѣренія было въ отчетномъ году 1.134, и при этомъ въ 159 случаяхъ (14%) отсутствующіе изъ учебнаго заведенія ученики или не оказывались дома или же были находимы совершенно здоровыми. Наиболѣе такихъ командировокъ было въ Смоленской гимназіи (207, при чемъ въ 44 случаяхъ (21%) оказывалось, что ученики просто-за-просто уклонились отъ своихъ обязанностей), затѣмъ въ Шуйской прогимназіи (124, но ученики оказались отсутствующими по уважительной причинѣ), въ Вяземской гимназіи (99 командировокъ и 17% уклоненій и, наконецъ, въ Рязанской гимназіи (86 командировокъ и 9% уклоненій).

Такъ или иначе, но изъ всѣхъ данныхъ очевидно, что въ числѣ пропущенныхъ учениками уроковъ, хотя бы они и значились какъ пропущенные по болѣзни или по уважительной причинѣ, есть не мало такихъ, которые пропущены по неуважительной причинѣ. Такъ, между прочимъ, въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ въ столичныхъ гимназіяхъ приходится на каждаго ученика по 57 пропущенныхъ уроковъ, въ столичныхъ прогимназіяхъ по 52, а въ губернскихъ гимназіяхъ только по 36. Едва-ли такую значительную разность можно объяснить только болѣе неблагопріятными климатическими вліяніями Петербурга и это тѣмъ болѣе, что на одного ученика изъ пансіонеровъ пропущенныхъ по болѣзни уроковъ приходится всего 32.

Пропускъ отъ 44 до 45 уроковъ въ годъ въ среднемъ выводѣ на каждаго изъ учениковъ гимназій и прогимназій равносиленъ сокращенію учебнаго года на 10 дней. Наибольшее относительное число пропущенныхъ учениками уроковъ (отъ 54 до 55 на каждаго) приходится на долю С.-Петербургскаго и Дерптскаго учебныхъ округовъ, а наименьшее (отъ 34 до 35) на долю Харьковскаго округа; затѣмъ, эти числа по остальнымъ учебнымъ округамъ довольно близко подходятъ къ среднему выводу для цѣлой Имперіи, при чемъ не достигаютъ его Варшавскій округъ (40—41 пропущенный урокъ на каждаго), Московскій и Кіевскій (отъ 41 до 42 въ каждомъ) и Виленскій (отъ 43 до 44) и превышаютъ всѣ остальные (отъ 45 до 46 въ учебныхъ округахъ: Одесскомъ, Оренбургскомъ, а также въ Восточной и Западной Сибири и отъ 46 до 47 въ Казанскомъ округѣ).

Хотя, какъ выше было сказано, на общее число пропущенныхъ учениками уроковъ не малое вліяніе должны имѣть нравственныя причины, но еще большее, конечно, оказывается санитарнымъ состояніемъ гимназій и прогимназій. И дѣйствительно, относительное число смертныхъ случаевъ по большей части, но далеко не всегда, соотвѣтствуетъ и относительному числу пропущенныхъ уроковъ. Изъ общаго числа учениковъ гимназій и прогимназій было въ отчетномъ году умершихъ 206 или 0,44% (44 изъ каждыхъ 10.000 или 1 изъ 227). Значительно бо̀льшую смертность представляетъ С.-Петербургскій округъ, отдѣльно взятый (37 ч. или 0,74% всего числа учащихся и при томъ 0,86% въ столичныхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ и 0,26% въ губернскихъ), а затѣмъ Дерптскій (18 ч. или 0,54%) и этому соотвѣтствуетъ и наибольшее число уроковъ пропущенныхъ учениками именно въ этихъ двухъ округахъ. Но въ Московскомъ округѣ относительная смертность учениковъ была та же, что̀ и въ Дерптскомъ, (именно 0,54% или 39 ч.), — и однакоже по меньшему числу пропущенныхъ учениками уроковъ—Московскій округъ стоитъ много выше Дерптскаго и на одномъ уровнѣ съ Кіевскимъ, который по относительно малой смертности занимаетъ однако же первое мѣсто (0,18% или 10 ч.) Остальные учебные округи слѣдуютъ въ этомъ отношеніи другъ за другомъ въ такомъ порядкѣ: Оренбургскій (0,32% или 5 ч.), Харьковскій (0,34% или 17 чел.), Восточная и Западная Сибирь (0,36% или 4 ч.), Одесскій округъ (0,37% или 16 ч.), Варшавскій (0,39% или 27 ч.), и наконецъ, Казанскій, въ которомъ относительная смертность въ точности совпадаетъ съ среднимъ выводомъ для гимназій и прогимназій цѣлой Имперіи (0,44% или 13 ч.).

Отзывы попечителей учебныхъ округовъ о нравственномъ состо̀яніи учениковъ гимназій и прогимназій вообще весьма благопріятны. Проступки учениковъ, за весьма рѣдкими исключеніями, не выходили изъ ряда обыкновенныхъ дѣтскихъ шалостей или юношескихъ выходокъ. Попечители нѣкоторыхъ учебныхъ округовъ замѣчаютъ, что гимназическое юношество стоитъ вообще на хорошей дорогѣ, поведеніе его въ истекшемъ году было вполнѣ удовлетворительно и сообразно съ достоинствомъ гимназій.... Съ водвореніемъ классической системы образованія и вообще серьезнаго ученія въ гимназіяхъ, школьная моло̀дѐжь какъ бы отрезвилась, помолодѣла, стала сама собою и обратилась къ интересамъ и заботамъ, свойственнымъ ея возрасту.

Отзывы эти подтверждаются и статистическими данными. Изъ всего числа учениковъ гимназій и прогимназій, подвѣдомыхъ министерству народнаго просвѣщенія, имѣли за поведеніе отмѣтку 2 за первое полугодіе 1875 г. всего 227 или 0,51%, а за второе полугодіе 198 или 0,41%; отмѣтку же 3 за первое полугодіе 2.819 или 6,2%, а за второе 2.772 или 5,8%; имѣвшихъ же 2 или 3 вмѣстѣ было 6,71% въ первое полугодіе и 6,61% во второе. Всѣ остальные имѣли за поведеніе 5 или 4 и притомъ имѣвшіе 5 составляли въ 1-е полугодіе около 62% всего числа учащихся, а во второе 65% (или около ²/₃). Отдѣльные учебные округи представляютъ въ этомъ отношеніи вообще не очень значительныя различія, которыя, какъ кажется, болѣе всего зависятъ отъ различной оцѣнки ученическаго поведенія. Наибольшее относительное число не совсѣмъ удовлетворительныхъ отмѣтокъ за поведеніе (2 и 3) представляютъ учебные округи: Дерптскій (15% и 13%), гдѣ даже имѣвшіе 2 за поведеніе составляютъ 3% общаго числа учениковъ, затѣмъ Варшавскій (15% въ первое и 6% во второе полугодіе, причемъ имѣвшіе 2 составляли 0,8% и 0,35%) и наконецъ, Казанскій (10% и 9%) и Восточная и Западная Сибирь (8 и 9); С.-Петербургскій и Московскій округи ближе всего подходятъ къ среднему выводу для всей Имперіи, именно первый представляетъ 6,3 и 5,4% отмѣтокъ 3 и 2 (послѣднихъ отдѣльно 0,3 и 0,4%), а второй 5,05 и 4,02% (отдѣльно имѣвшихъ 2 было 0,05% и 0,02%), Харьковскій и Одесскій 3%, Виленскій 2 и 3%, а Кіевскій даже не болѣе 1,6%.

Что касается до болѣе важныхъ взысканій, свѣдѣнія о коихъ съ 1875 г. за цѣлый годъ сообщаются по каждой гимназіи и прогимназіи министерству народнаго просвѣщенія, то общее число ихъ въ 1875 г. простиралось до 93.314, что̀ даетъ 202 взысканія на каждыхъ 100 человѣкъ. Изъ числа этихъ взысканій наибольшее число 62% направлены противъ лѣности и нерадѣнія въ ученіи и приготовленіи уроковъ и письменныхъ работъ, а именно было 44.718 случаевъ оставленія въ гимназіи или прогимназіи на 1 часъ по окончаніи уроковъ для приготовленія неприготовленнаго;—6.381 случай назначенія особыхъ занятій на домъ въ праздники и воскресные дни для пополненія упущеній и 6.846 случаевъ задержанія въ гимназіи не болѣе какъ на три часа въ воскресные и праздничные дни также для приготовленія уроковъ; всего 57.945 взысканій этого рода (по 125 на каждыхъ сто учениковъ). Случаевъ заключенія въ карцеръ было на время отъ 1 до 4 часовъ 6.843; на время отъ 4 до 8

часовъ 639, на время свыше 8 часовъ и не болѣе какъ на сутки всего 7.667, что̀ даетъ по 16 взысканій этого рода въ годъ на каждыхъ 100 чел. Выговоровъ отъ имени педагогическаго совѣта было 848 или 18 на каждую тысячу учащихся и, наконецъ, случаевъ удаленія изъ гимназіи или прогимназіи всего 280 или 6 изъ 1.000 человѣкъ, въ томъ числѣ удаленій съ правомъ поступленія въ учебныя заведенія того же города 252, удаленій безъ этого права 23 и, наконецъ, удаленій съ оповѣщеніемъ о томъ всѣхъ учебныхъ заведеній 5. Остальныя изъ вышеупомянутыхъ взысканій заключались въ одиночномъ сидѣніи въ классѣ (за подсказыванье, неуживчивость или нечистоплотность) 7.840 случаевъ и въ отдѣленіи отъ общества товарищей безъ лишенія свободы въ рекреаціонное время 3.164 (вмѣстѣ 11.004 случая или 23 взысканія на каждыхъ 100 человѣкъ) и въ выговорахъ передъ цѣлымъ классомъ класснаго наставника (9.288), инспектора (4.764) и директора (1.518),—всего 15.570 (по 33 взысканія на каждыхъ 100 человѣкъ).

Взысканія вездѣ наиболѣе падали на низшіе классы. Такъ, напримѣръ, въ С.-Петербургскомъ округѣ изъ 51 удаленнаго вдвое большій относительно процентъ приходится на долю низшихъ классовъ и точно также, тогда какъ имѣвшіе 2 или 3 за поведеніе въ I классѣ составляли 10%, во II 7,8%, въ III 6,1%, въ IV уже 2,9%, а въ V 2,2%, въ VI 1,2%, въ VII 1,8%, въ VIII 1,6%. Образовательное и воспитательное дѣйствіе гимназій такимъ образомъ мало по малу все болѣе облагороживаетъ и улучшаетъ нравственность учащихся.

Дисциплинарная дѣятельность по отдѣльнымъ округамъ и, быть можетъ, еще болѣе по отдѣльнымъ гимназіямъ и прогимназіямъ однихъ и тѣхъ же округовъ представляетъ чрезвычайныя различія. Такъ, напримѣръ, случаевъ оставленія въ гимназіи на 1 часъ для приготовленія уроковъ въ 3-й С.-Петербургской гимназіи было 1.355, а во второй С.-Петербургской, имѣющей еще нѣсколько большее число учениковъ, всего 69; въ 3-й Московской 1.534, а во 2-й, болѣе многолюдной, 234; въ Костромской же всего 13; напротивъ, во Владимірской 1.426, хотя въ Костромской гимназіи учениковъ нѣсколько болѣе, чѣмъ во Владимірской. Подобныя различія повторяются и въ каждомъ изъ остальныхъ округовъ. Особенно разительны они относительно числа взысканій, направленныхъ противъ лѣности и нерадѣнія учениковъ въ ученіи. Нечего и говорить о томъ, что вышеприведенныя данныя отнюдь не означаютъ, чтобы, напримѣръ, во

Владимірской гимназіи ученики были слишкомъ во 100 разъ нерадивѣе въ ученіи, чѣмъ въ Костромской, а то, что Владимірская гимназія значительно строже относится къ упущеніямъ этого рода, чѣмъ Костромская, хотя и нельзя отрицать, что, быть можетъ, она имѣетъ и болѣе поводовъ къ этой строгости, а также и то, что, быть можетъ, она имѣетъ менѣе основанія полагаться на родителей относительно взысканій за упущенія и проступки дѣтей.

Такъ или иначе, но дисциплинарная дѣятельность гимназій и прогимназій проявилась въ отдѣльныхъ учебныхъ округахъ въ теченіе отчетнаго года въ нижеслѣдующемъ видѣ: на 100 учащихся вообще приходилось вышеозначенныхъ взысканій всего въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ 358, въ Кіевскомъ 287, въ Варшавскомъ 262, въ Московскомъ 207, въ Виленскомъ 161, въ Харьковскомъ 154, въ Одесскомъ 134, въ Казанскомъ 124, въ Восточной и Западной Сибири 110, въ Оренбургскомъ 95 и въ Дерптскомъ 82. Такимъ образомъ, отдаленнѣйшіе востокъ и западъ Россіи наиболѣе сходятся въ этомъ отношеніи между собою, но чѣмъ опредѣлилось это сходство въ маломъ проявленіи дисциплинарной власти гимназій, тѣмъ ли, что и тамъ и здѣсь было менѣе, чѣмъ гдѣ либо, ученическихъ проступковъ и упущеній, тѣмъ ли, что и тамъ и здѣсь педагоги менѣе строги и менѣе заботливо относились къ этимъ проступкамъ и упущеніямъ, чѣмъ гдѣ либо, и, наконецъ, поступали-ли они въ этомъ случаѣ въ той увѣренности, что эти проступки и упущенія не останутся безъ надлежащихъ взысканій со стороны родителей, или же по инымъ побужденіямъ и расчетамъ,—въ точности этого опредѣлить невозможно.

Неравномѣрность какъ оцѣнки познаній и поведенія учениковъ, такъ равно и взысканій за ихъ проступки и упущенія, есть, безъ сомнѣнія, весьма важный и существенный недостатокъ, но совершенное устраненіе его въ различныхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ какъ одного и того же округа, такъ и въ особенности различныхъ округовъ, представляетъ едва ли преодолимыя трудности. Тѣмъ не менѣе, я считаю не излишнимъ предложить на обсужденіе окружнымъ начальствамъ вопросъ о томъ, какими мѣрами могла бы быть по крайней мѣрѣ уменьшена та разительная неравномѣрность въ различнаго рода взысканіяхъ, какая замѣчается нынѣ при сравненіи въ этомъ отношеніи между собою отдѣльныхъ гимназій и прогимназій.

Почти двѣ трети всѣхъ взысканій, какъ было приведено выше, прямо направлены противъ лѣности и нерадѣнія въ ученіи. Еще

болѣе могущественнымъ орудіемъ для борьбы противъ этого зла, столь свойственнаго вообще учащемуся юношеству, служитъ оставленіе неисправныхъ учениковъ на другой годъ въ томъ же самомъ классѣ. Число всѣхъ оставляемыхъ на другой годъ въ томъ же классѣ въ среднемъ выводѣ для всѣхъ округовъ составляетъ съ небольшимъ одну треть всего числа учащихся (34,8°/₀ въ 1875 г.). Но затѣмъ число тѣхъ, которые и на второй годъ ученія въ томъ же классѣ оказываются неисправными и по § 34 устава увольняются за безуспѣшность изъ своего учебнаго заведенія, слишкомъ въ 15 разъ меньше предыдущаго числа: по крайней мѣрѣ въ 1875 году число всѣхъ уволенныхъ изъ гимназій и прогимназій по § 34 за безуспѣшность въ ученіи простиралось до 1103, или 2,3°/₀ всего числа учащихся. Такимъ образомъ, борьба противъ лѣности и нерадѣнія ведется гимназіями и прогимназіями съ несомнѣннымъ успѣхомъ, и притомъ успѣхъ этотъ, судя по имѣющимся даннымъ, становится съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе рѣшительнымъ. Такъ, въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ въ предшествующіе три года (1872, 1873 и 1875) было увольняемо за безуспѣшность отъ 4,1 до 4,4°/₀, а въ 1874 году всего 2,7°/₀ (122 ч.) и изъ этого числа почти три пятыхъ (58°/₀) приходятся на долю I и II классовъ. Въ Московскомъ округѣ процентъ уволенныхъ за безуспѣшность уменьшился противъ 1874 г. съ 3,5 до 2,5 (188 ч.) и 42°/₀ всего числа уволенныхъ приходятся на I и II классы. Въ Одесскомъ округѣ замѣтно еще болѣе значительное уменьшеніе съ 4,6°/₀ до 2,4 (104 ч.) и изъ этого числа около 56°/₀ уволены изъ I и II классовъ; въ Виленскомъ округѣ уменьшеніе процента уволенныхъ менѣе значительно, а именно съ 4,4 до 3 (115 ч. и также на I и II классы приходится почти 50°/₀); въ Варшавскомъ округѣ процентъ уволенныхъ за безуспѣшность уменьшился слишкомъ вдвое (съ 7,2 до 3 или 207 ч.), причемъ на I и II классы приходится 41°/₀ всего числа уволенныхъ. Дальнѣйшее сравненіе съ предыдущимъ годомъ невозможно за отсутствіемъ данныхъ за тотъ годъ; а въ 1875 г. уволенныхъ за безуспѣшность было: въ Казанскомъ округѣ 1,7°/₀ всего числа учащихся (52 ч., изъ коихъ въ I и II классахъ 57°/₀), Оренбургскомъ 1,1°/₀ (18 ч., изъ коихъ 77°/₀ въ I и II кл.), въ Западной и Восточной Сибири 1,7°/₀ (19 ч., изъ коихъ болѣе половины въ I и II кл.), въ Харьковскомъ 1,3°/₀ (56 ч., изъ нихъ почти 70°/₀ въ I и II кл.), въ Кіевскомъ 3,2°/₀ (178 ч., изъ нихъ 42°/₀ въ I и II кл.) и, наконецъ, въ Дерптскомъ 1,4°/₀ (48 ч., изъ нихъ 43°/₀ въ I и II кл.). Вообще учебные округи

по возростанію относительнаго числа уволенныхъ за безуспѣшность слѣдуютъ другъ за другомъ въ такомъ порядкѣ: Оренбургскій (1,1%), Харьковскій (1,3%), Дерптскій (1,4%), Казанскій и Западная и Восточная Сибирь (1,7%), Одесскій (2,4%), Московскій (2,5%), С.-Петербургскій (2,7%) Виленскій и Варшавскій (по 3%) и, наконецъ, Кіевскій (3,2%). Во всѣхъ учебныхъ округахъ, вмѣстѣ взятыхъ, изъ общаго числа уволенныхъ за безуспѣшность, на долю I и II классовъ приходится 48%, а на долю низшихъ четырехъ классовъ и приготовительнаго 89%, и, слѣдовательно, на долю высшихъ четырехъ классовъ всего 11%, тогда какъ учащіеся въ высшихъ классахъ составляютъ около 20%. Изъ общаго числа уволенныхъ за безуспѣшность не оказали успѣха въ латинскомъ языкѣ 67%, въ математикѣ 53% въ русскомъ языкѣ 51%, въ исторіи и географіи 22% и столько же въ новыхъ иностранныхъ языкахъ, въ греческомъ языкѣ 20%, въ законѣ Божіемъ 9%, и въ физикѣ и естествовѣдѣніи около 2%. Изъ этого видно, что одна половина уволенныхъ по безуспѣшности не успѣвала въ двухъ, а другая половина въ трехъ предметахъ, или иначе, что 250 случаевъ безуспѣшности по различнымъ предметамъ приходится на каждыхъ сто человѣкъ уволенныхъ, причемъ 36% не успѣвали въ какомъ-либо одномъ изъ главныхъ предметовъ, 40% въ двухъ, а 22% даже въ трехъ изъ сихъ предметовъ, и затѣмъ съ небольшимъ 1% придется на долю уволенныхъ за безуспѣшность только во второстепенныхъ предметахъ.

Число уволенныхъ по какой-либо причинѣ изъ гимназій и прогимназій показано въ 2,328 человѣкъ, а такъ какъ уволенныхъ за неодобрительное поведеніе было всего 280, а за безуспѣшность 1,103, вмѣстѣ 1,383, то, слѣдовательно, 945 учениковъ были уволены за невзносъ платы за ученье, если только не предположить, что нѣкоторыя учебныя начальства подъ именемъ уволенныхъ по какой-либо причинѣ обозначали и уволенныхъ по прошенію, или же уволенныхъ за безуспѣшность и уволенныхъ по § 34 считали порознь, чему имѣются примѣры въ отчетахъ по нѣкоторымъ учебнымъ округамъ. Число уволенныхъ по всѣмъ тремъ вышеприведеннымъ причинамъ составляетъ съ небольшимъ 5% общаго числа выбывшихъ изъ гимназій и прогимназій до окончанія въ нихъ полнаго курса.

Обращаясь къ даннымъ вообще о числѣ выбывшихъ изъ гимназій и прогимназій до окончанія въ нихъ полнаго курса, нельзя не замѣтить прежде всего, что число это за послѣдніе годы и абсолютно, и относительно все уменьшается. Въ 1873 году оно прости-

ралось до 10,792 (24% всего числа учившихся), въ 1874 г.—до 9,162 (21,1%) и въ 1875 г. до 8,146 или 17,6%; но такъ какъ изъ этого послѣдняго числа 1,926 учениковъ (или п. 24%) собственно не выбыли, а только перешли изъ однихъ гимназій и прогимназій въ другія, то дѣйствительно выбывшіе составляли въ отчетномъ году съ небольшимъ 13%. Это уменьшеніе числа преждевременно выбывающихъ изъ гимназій и прогимназій учениковъ слѣдуетъ отнести-какъ справедливо замѣчаетъ попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа, къ увеличившейся заботливости объ ученикахъ самихъ ихъ родителей, гимназическаго начальства и преподавателей.

Соотвѣтственно самому распредѣленію учениковъ по классамъ наибольшее число выбывшихъ (80,7% всего числа) приходится на приготовительный и низшіе четыре класса (въ томъ числѣ на приготовительный и низшіе два класса 50,2%) и слѣдовательно, 19,3% на высшіе четыре класса (отдѣльно на VII и VIII классы 471 чел. или 5,8% всего числа выбывшихъ). По причинамъ или по видамъ, съ коими выбыли эти 8,146 учениковъ, они распредѣляются такъ: выбыли изъ однѣхъ гимназій и прогимназій для поступленія въ другія гимназіи и прогимназіи, какъ уже приведено выше, почти 24% всего числа выбывшихъ, для поступленія въ реальныя училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія 9,2%, для поступленія въ учебныя заведенія другихъ вѣдомствъ 12,3%; слѣдовательно, 45½% выбывшихъ, не оставили вовсе ученія, а перешли въ другія учебныя заведенія, 12,5% выбыли для поступленія на государственную или частную службу; 2,5% умерли, 10,5% не имѣли при выходѣ изъ гимназій опредѣленныхъ видовъ относительно дальнѣйшаго своего назначенія или, по крайней мѣрѣ, не сообщили о томъ никакихъ свѣдѣній учебнымъ начальствамъ и, наконецъ, 13,6% всѣхъ выбывшихъ были уволены за безуспѣшность, а 3,4% за не совсѣмъ одобрительное поведеніе.

Что касается до отдѣльныхъ учебныхъ округовъ, то относительное число выбывшихъ до окончанія курса увеличилось противъ 1874 года только въ Восточной Сибири съ 12,5 до 17%, въ Кіевскомъ округѣ съ 15,6 до 18 и въ Дерптскомъ съ 15 до 16%, то-есть, вообще въ немногихъ округахъ и въ весьма незначительномъ размѣрѣ. Напротивъ, оно уменьшилось въ Варшавскомъ округѣ съ 31,6% до 20%, въ Одесскомъ съ 27,2 до 18,2, въ С.-Петербургскомъ съ 22,3 до 19,4, въ Московскомъ съ 20,9 до 17%, въ Казанскомъ и Оренбургскомъ съ 15,3 до 14%, въ Западной Сибири съ 17,1 до 15%,

въ Харьковскомъ округѣ съ 18,9 до 13,38% и, наконецъ, въ Виленскомъ округѣ съ 21 до 20%. Наибольшее уменьшеніе относительнаго числа выбывающихъ приходится на долю Варшавскаго (11,6%) Одесскаго (9%), Харьковскаго округа (5,6%); по возрастающему же относительному числу выбывшихъ въ отчетномъ году учебные округи слѣдуютъ другъ за другомъ въ такомъ порядкѣ: Харьковскій (13,4%), Казанскій (14%), Западная Сибирь (15%), Оренбургскій и Дерптскій (по 16%), Московскій и Восточная Сибирь (по 17%), Одесскій и Кіевскій (по 18%), С.-Петербургскій (19,4%), Виленскій и Варшавскій (по 20%).

Число вновь поступившихъ въ гимназіи и прогимназіи въ 1874 г. достигло небывалыхъ прежде размѣровъ; въ отчетномъ году оно нѣсколько уменьшилось, но весьма незначительно, съ 11,548 человѣкъ до 11,066 (на 4%), а именно: подали прошеніе о пріемѣ 15,274; изъ нихъ не явилось на пріемныя испытанія 509 или 3,3%, изъ остальныхъ не выдержали испытанія 3,144 или 21% (въ 1874 году 24,2%), отказано за недостаткомъ помѣщенія или за комплектомъ въ классѣ 555 (или 3,7%, какъ и въ 1874 г.) и, наконецъ, приняты въ соотвѣтственные классы, какъ сказано, 11,066. Наиболѣе отказовъ въ пріемѣ за недостаткомъ помѣщенія или за комплектомъ было въ Варшавскомъ округѣ (95), Виленскомъ (91), Кіевскомъ (88), Одесскомъ и Харьковскомъ (65 и 63). То, что число вновь поступающихъ въ гимназіи и прогимназіи поддерживается на такой замѣчательной высотѣ, свидѣтельствуетъ, по замѣчанію попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, о сочувствіи общества къ гимназіямъ и о возростающемъ сознаніи потребности въ гимназическомъ образованіи, а уменьшеніе числа не выдержавшихъ пріемнаго испытанія съ 24,2% до 21% или на 3,2% показываетъ все возростающую заботливость родителей о надлежащей подготовкѣ ихъ дѣтей.

Несмотря на нѣсколько уменьшившійся противъ 1874 г. пріемъ учениковъ въ гимназіи и прогимназіи и благодаря лишь уменьшенію числа выбывшихъ до окончанія курса, общее число учащихся въ этихъ заведеніяхъ увеличилось въ отчетномъ году значительнѣе чѣмъ въ предыдущемъ, а именно на 2.941 или на 6,8%, тогда какъ въ 1874 г. оно увеличилось на 2.022 чел. или на 4,7%. Увеличеніе это въ различной мѣрѣ послѣдовало рѣшительно по всѣмъ учебнымъ округамъ. Если въ относящейся къ этому предмету вѣдомости значится по Казанскому округу уменьшеніе на 1.386 учениковъ, то это единственно вслѣдствіе отдѣленія отъ него 6-ти гимназій и 1-й про-

гимназіи, которыя вошли въ составъ вновь учрежденнаго Оренбургскаго округа. Разсматривая оба эти округа вмѣстѣ, мы увидимъ, что общее число учениковъ ихъ гимназій и прогимназій возросло съ 4.381 до 4.593, то-есть, на 212 чел. или на 4,8% (а въ Казанскомъ, отдѣльно взятомъ, на 129 или 4,1%, въ Оренбургскомъ на 83 или на 5,4%). Число учениковъ гимназій и прогимназій увеличилось въ среднемъ выводѣ для всѣхъ учебныхъ округовъ, какъ уже сказано, на 6,8%; наименѣе въ Западной Сибири (на 1,1%), затѣмъ въ Виленскомъ округѣ (на 2%), въ Казанскомъ (4,1%), Кіевскомъ (5%) и Оренбургскомъ (5,4%), болѣе же въ Московскомъ и Одесскомъ (по 6%), еще болѣе въ С.-Петербургскомъ, Дерптскомъ и Восточной Сибири (по 8%) и наиболѣе въ Харьковскомъ и Варшавскомъ (до1%) Такимъ образомъ, этотъ послѣдній округъ, который доселѣ представлялъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ только уменьшеніе числа учащихся, въ 1875 г. разомъ увеличилъ ихъ число почти на одну десятую долю.

Къ 1-му января 1876 г. число учениковъ гимназій и прогимназій простиралось до 47.639 чел. Изъ этого числа на приготовительный классъ приходилось 14,9% (на 0,8% менѣе чѣмъ въ 1874 г.), на I-й классъ—20,6% (на 0,3% менѣе), на II-й—18,1% (на 0,3% болѣе), на III-й — 14.8% (на 1% менѣе), па IV-й — 11,7% (такъ же какъ и въ 1874 г.), на V-й—7,6% (на 0,3% болѣе), на VI-й—5,7% (такъ же какъ и въ 1874 г.), на VII-й — 3,7% и на VIII-й—2,6%, на оба вмѣстѣ 6,3% (на 0,2% менѣе чѣмъ въ 1874 г.). Такимъ образомъ ученики низшихъ четырехъ классовъ (безъ приготовительнаго) составляли 65,2% (на 1% менѣе противъ 1874 г.), а ученики высшихъ четырехъ классовъ 19,6% (на 0,1% болѣе чѣмъ въ 1874 г.). Число приготовительныхъ классовъ въ отчетномъ году увеличилось съ 168 до 175 или на 7. Тѣмъ не менѣе учениковъ на каждый изъ этихъ классовъ приходилось отъ 40 до 41 (а въ 1874 г. отъ 37 до 38). Такимъ образомъ, съ каждымъ годомъ родители все болѣе пользуются приготовительными классами, имѣя въ виду сколь можно лучше подготовить своихъ дѣтей къ гимназическому курсу.

Въ общемъ числѣ учениковъ гимназій и прогимназій православные рѣшительно преобладаютъ, составляя 61% всѣхъ учащихся, а за тѣмъ преобладаніе это сохраняется за ними во всѣхъ отдѣльныхъ округахъ, за исключеніемъ Варшавскаго, гдѣ 71% учащихся — римско-католическаго исповѣданія и только около 12% православнаго, и Виленскаго, гдѣ римско-католиковъ 40%, а православныхъ 32%, а

также и Дерптскаго, гдѣ лютеранъ слишкомъ 70%, а православныхъ 13%. Въ общемъ числѣ учащихся за православными слѣдуютъ римско-католики, которые составляютъ 19%, за тѣмъ евреи (слишкомъ 20%) и, наконецъ, лютеране (8%), тогда какъ магометанъ всего 0,2%. Кромѣ Виленскаго и Варшавскаго округовъ, гдѣ на сторонѣ римско-католиковъ относительное или абсолютное большинство, они составляютъ весьма значительную примѣсь только еще въ Кіевскомъ округѣ (18%), лютеране же, кромѣ Дерптскаго округа, даже и въ С.-Петербургскомъ, гдѣ ихъ, за тѣмъ, болѣе всего, составляютъ не болѣе 6,5%, причемъ надобно имѣть въ виду, что въ самомъ Петербургѣ они имѣютъ два церковныя училища съ курсомъ и правами гимназій. Ученики изъ числа Евреевъ встрѣчаются въ гимназіяхъ или прогимназіяхъ всѣхъ округовъ, но на Одесскій округъ приходится почти цѣлая треть всего ихъ числа, а въ числѣ учениковъ гимназій и прогимназій этого округа они составляютъ болѣе 1/3 (35%); затѣмъ, изъ общаго числа гимназистовъ-евреевъ 18% приходятся на Варшавскій округъ, гдѣ они въ общемъ числѣ учениковъ составляютъ слишкомъ 12%; около 17% всѣхъ гимназистовъ-евреевъ приходится на Виленскій округъ, но здѣсь они составляютъ уже болѣе значительную примѣсь къ общей массѣ учащихся, простирающуюся до 21%; около 12% всѣхъ гимназистовъ-евреевъ принадлежитъ Кіевскому округу, гдѣ въ общей массѣ они составляютъ съ небольшимъ 10%; между всѣми остальными округами распредѣлены не болѣе 20% общаго числа Евреевъ-гимназистовъ. Магометане во всѣхъ округахъ считаются въ числѣ гимназистовъ только единицами и только въ Оренбургскомъ округѣ ихъ 52, въ Виленскомъ 31 и въ Варшавскомъ 10.

Въ распредѣленіи учениковъ гимназій и прогимназій по сословіямъ отчетный годъ представляетъ лишь незначительныя и быть можетъ, случайныя перемѣны противъ 1874 года. Сыновья дворянъ и чиновниковъ по прежнему составляютъ большинство, именно 52,2%, всего числа учащихся (противъ 1874 г. на 1,6% менѣе); дѣти лицъ духовнаго званія 5,6% (на 0,3% менѣе); дѣти крестьянъ почти 7% (на 0,1% менѣе); дѣти иностранцевъ — тѣ же 1,4%; напротивъ относительное число учениковъ изъ городскихъ сословій возросло на 2,2%, съ 31,5% до 33,7% и нынѣ составляетъ нѣсколько болѣе одной трети всѣхъ учащихся. Изъ всѣхъ учебныхъ округовъ ученики изъ городскихъ сословій преобладаютъ абсолютно только въ Одесскомъ округѣ, гдѣ они составляютъ почти 52%, и относительно въ

Дерптскомъ, гдѣ они нѣсколько многочисленнѣе чѣмъ сыновья дворянъ и чиновниковъ, хотя и составляютъ въ общей массѣ только 41%; въ Восточной же и Западной Сибири они почти уравновѣшиваютъ число учениковъ изъ дворянскаго и чиновничьяго класса. То же отчасти можетъ быть сказано и объ Оренбургскомъ округѣ. Сыновья крестьянъ, какъ и въ предыдущемъ году, составляли значительную примѣсь (около 19%) только въ округахъ Варшавскомъ, Харьковскомъ и Казанскомъ.

Попечители С.-Петербургскаго и Московскаго учебныхъ округовъ указываютъ, между прочимъ, на то, что горожане составляютъ значительно бо́льшій процентъ въ прогимназіяхъ чѣмъ въ гимназіяхъ, такъ что въ гимназіяхъ С.-Петербургскаго округа сыновей дворянъ и чиновниковъ 61%, а горожанъ 27%, въ прогимназіяхъ же 50 и 38 а въ Московскомъ округѣ въ гимназіяхъ сыновей дворянъ и чиновниковъ 55,7%, а горожанъ 31,4%; напротивъ, въ прогимназіяхъ — первыхъ 30,5%, а вторыхъ 53,3% и сверхъ того изъ сельскихъ сословій въ гимназіяхъ 3,8%, а въ прогимназіяхъ 11,5%. По поводу такого распредѣленія учащихся изъ различныхъ сословій по гимназіямъ и прогимназіямъ, тайный совѣтникъ князь Ливенъ замѣчаетъ, что вообще „дѣти горожанъ въ большей мѣрѣ чѣмъ дворянъ ограничиваютъ свое образованіе прогимназіей и низшими классами гимназіи, а изъ дворянъ болѣе значительный процентъ достигаетъ высшихъ классовъ и оканчиваетъ полный гимназическій курсъ". Вѣрность этого замѣчанія подтверждается, между прочимъ, тѣмъ, что въ общемъ числѣ студентовъ 6-ти университетовъ (безъ Дерптскаго и Варшавскаго) въ началѣ 1875—1876 учебнаго года лица изъ городскихъ и сельскихъ сословій составляли только $22^1/_4$%, а изъ дворянъ и чиновниковъ $45^3/_4$%; но за то здѣсь весьма значительную примѣсь (32%) составляли сыновья лицъ духовнаго званія.

Для пансіоновъ при гимназіяхъ и 1875 годъ былъ также неблагопріятенъ, какъ и 1874 годъ, хотя и не въ такой мѣрѣ. Всѣхъ пансіоновъ при гимназіяхъ, не считая коллегіи Павла Галагана, было къ 1 января 1876 года 40 и сверхъ того 7 общихъ ученическихъ квартиръ, обезпеченныхъ назначенными на нихъ суммами. Въ этихъ 47 воспитательныхъ заведеніяхъ къ тому же времени состояло 3.146 воспитанниковъ, на 72 чел. болѣе чѣмъ къ 1 января 1875 г. (безъ коллегіи Павла Галагана). Такимъ образомъ, число пансіонеровъ возросло только на 2,3%, тогда какъ общее число учениковъ гимназій и прогимназій на 6,8% и такимъ образомъ въ общемъ числѣ уче-

никовъ эти пансіонеры составляли 6,6% (въ 1874 г. съ небольшимъ 7%, а въ 1873 г.—9,6%). Дворянство, въ интересахъ котораго преимущественно учреждены и содержатся пансіоны при гимназіяхъ, по большей части продолжало и въ 1875 году относиться къ нимъ съ полнымъ равнодушіемъ, чтобы не сказать болѣе. Такъ, на дворянствѣ Новгородской губерніи уже къ 1 января 1875 г. числился долгъ гимназическому пансіону въ 28.851 р., а въ теченіе 1875 г. сумма эта увеличилась еще на 7.500 руб., и попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа въ виду такой рѣшительной несостоятельности дворянства этой губерніи удалилъ изъ этого пансіона всѣхъ дворянскихъ пансіонеровъ и замѣстилъ ихъ своекоштными. Дворянство Владимірской губерніи еще въ 1873 г. постановило прекратить выдачу квартирныхъ денегъ 11-ти штатнымъ преподавателямъ гимназіи (880 р.) и суммъ на содержаніе церкви и причта (457 р.), а также на ремонтъ пансіонскаго дома, и постановленіе это уже утверждено въ сентябрѣ 1875 г. Въ пансіонѣ при Орловской гимназіи 12 дворянскихъ пансіонеровъ, и дворянствомъ недоплачено въ 1875 г. 4.034 р., а вся недоимка за дворянствомъ простирается до 8.196 р. 46 коп. Желающихъ поступить въ этотъ пансіонъ очень много, но по тѣснотѣ помѣщенія въ немъ не можетъ быть болѣе 42 пансіонеровъ. Дворянство Костромской губерніи постановило: закрыть содержимый на его счетъ гимназическій пансіонъ и выдавать родителямъ на руки стипендіи по 300 руб., въ какихъ бы заведеніяхъ ихъ дѣти ни воспитывались; губернаторъ протестовалъ противъ этого постановленія, и теперь это дѣло разсматривается въ высшей инстанціи. Директоръ Костромской гимназіи замѣчаетъ по этому поводу: „Вопросъ этотъ не столько важенъ для самой гимназіи, которая съ закрытіемъ пансіона ничего не теряетъ, напротивъ, даже выигрываетъ лишнее помѣщеніе, сколько для молодыхъ дворянъ Костромской губерніи, которые могутъ существенно потерять отъ такого оборота дѣла". И дѣйствительно, гдѣ гарантія, что эти 300 р. выдаваемые на руки родителямъ, будутъ употреблены на воспитаніе ихъ дѣтей и особенно на воспитаніе въ такой мѣрѣ заботливое и солидное, какое они могли получить въ гимназическомъ пансіонѣ?

Въ среднемъ выводѣ на каждый изъ 40 пансіоновъ приходится отъ 68 до 69 воспитанниковъ. Въ трехъ пансіонахъ (1 въ С.-Петербургскомъ и 2 въ Харьковскомъ округѣ) число воспитанниковъ совпадаетъ съ этимъ уровнемъ, въ 10 (не считая Лазаревскаго института) оно болѣе или менѣе значительно стоитъ выше этого уровня (по три

въ С.-Петербургскомъ и Московскомъ округахъ, 2 въ Казанскомъ и по 1 въ Восточной Сибири и Кіевѣ), а въ 27 ниже этого уровня, ниспадая даже до 23 (въ пансіонѣ при Херсонской гимназіи), и эти 27 пансіоновъ въ хозяйственномъ отношеніи находятся болѣе или менѣе въ затруднительномъ положеніи, и это положеніе не можетъ не отражаться и на ихъ воспитательной дѣятельности, ибо, не имѣя средствъ для возвышенія штатнаго содержанія воспитателей, они принуждены довольствоваться надзирателями. Правда, пансіоны приглашаютъ нерѣдко репетиторовъ для занятій съ менѣе успѣвающими пансіонерами, выбирая ихъ частію изъ гимназическихъ преподавателей, частію изъ другихъ благонадежныхъ лицъ, но эти репетиторы появляются въ пансіонахъ лишь на короткое время и никакъ не могутъ замѣнить собою настоящихъ воспитателей.

По отзыву директора Калужской гимназіи, три причины подрываютъ въ настоящее время существованіе пансіоновъ: 1) бѣдность однихъ родителей, для коихъ даже такая плата, какъ въ Калужскомъ пансіонѣ (по 160 рублей въ годъ), кажется чрезмѣрно обременительною; 2) непониманіе другими выгодъ и преимуществъ пансіонскаго быта для ихъ дѣтей, и 3) недовольство воспитанниковъ старшаго возраста дисциплинарными порядками пансіоновъ, — недовольство, которое естественно питается въ нихъ безпрерывнымъ общеніемъ въ классахъ съ приходящими учениками и которому родители весьма часто уступаютъ.

Изъ общихъ ученическихъ квартиръ, обезпеченныхъ особо назначенными для того средствами, въ одной (при Виленской гимназіи) въ отчетномъ году послѣдовало весьма значительное улучшеніе, благодаря средствамъ, отпущеннымъ таможеннымъ вѣдомствомъ для устройства при ней общей квартиры для учениковъ этого вѣдомства: большая часть зданія квартиры была передѣлана и будетъ снабжена надлежащей вентиляціей, ватерклозетами, хорошими учебными комнатами и спальнями, гардеробомъ и больницей; но пища воспитанниковъ осталась по прежнему малопитательна и слишкомъ однообразна, ибо на этотъ предметъ отпускается всего по 10 коп. въ день на каждаго воспитанника. Устраиваемая при этой квартирѣ общая квартира для учениковъ таможеннаго вѣдомства расчитывается на 110 человѣкъ.

Число частныхъ ученическихъ квартиръ, подлежащихъ въ воспитательномъ отношеніи вѣдѣнію гимназическихъ начальствъ, умень-

шилось противъ 1874 года на 4 (съ 924 до 920), а число проживавшихъ въ нихъ учениковъ на 91 (съ 4.820 до 4.729). Такимъ образомъ, число учениковъ всѣхъ пансіоновъ, общихъ и частныхъ ученическихъ квартиръ простиралось къ 1-му января 1876 г. до 7.885 или 16% общаго числа учениковъ.

Въ прошлогоднемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ моемъ были сообщены обстоятельныя свѣдѣнія о помѣщеніяхъ, занимаемыхъ гимназіями и прогимназіями. Въ отчетномъ году произошли въ этомъ отношеніи слѣдующія перемѣны къ лучшему. Въ Московскомъ округѣ Елецкая гимназія помѣщается нынѣ въ новомъ, совершенно удобномъ, отстроенномъ для нея домѣ. Неудобства, коими страдало помѣщеніе Смоленской гимназіи, устранены выводомъ уѣзднаго училища изъ одного съ нею зданія. Въ Казанскомъ округѣ для 3-й Казанской гимназіи нанятъ на 10 лѣтъ за 3.600 р. въ годъ новый болѣе удобный домъ съ 1-го іюля 1876 г. Въ Западной Сибири, къ сожалѣнію, рушилась надежда на постройку собственнаго зданія для Томской гимназіи, ибо министръ финансовъ не счелъ возможнымъ согласиться на отпускъ необходимыхъ для сего суммъ, а мѣстныхъ средствъ для этого никакихъ не имѣется и не предвидится, и такимъ образомъ Томская гимназія остается разбросанною въ трехъ зданіяхъ, изъ коихъ одно принадлежитъ мѣстному уѣздному училищу, а другія два наемныя, а вслѣдствіе этой разбросанности крайне затрудняется надзоръ за воспитанниками и за ходомъ учебно-воспитательнаго дѣла. Въ Харьковскомъ округѣ Новочеркасская гимназія (основные классы оной) вскорѣ уже перейдетъ въ особое зданіе, спеціально для нея построенное на войсковыя средства. Для Бѣлгородской гимназіи уѣздное земство и городское общество уже приступили къ постройкѣ особаго зданія. Для постройки помѣщенія Старобѣльской прогимназіи уже утверждены планъ и смѣты. Наконецъ, Рижская Александровская гимназія уже переведена въ январѣ 1876 г., въ собственный весьма удобный домъ.

Обозрѣвая, въ заключеніе всеподданнѣйшаго моего отчета за 1875 годъ о гимназіяхъ и прогимназіяхъ вѣдомства народнаго просвѣщенія, весь ходъ учебнаго дѣла, я не могу не признать вмѣстѣ съ попечителями учебныхъ округовъ, что дѣло гимназическаго образованія представляется нынѣ вполнѣ упроченнымъ, что оно идетъ впередъ твердою поступью и что съ каждымъ годомъ достигаются въ этомъ отношеніи все лучшіе результаты. Число гимназій увеличилось въ отчетномъ году на 5-ть, число учащихся въ нихъ на 2.941, число

выбывшихъ преждевременно уменьшилось слишкомъ на тысячу, число поступившихъ вновь удержалось почти на прежней высотѣ, а число окончившихъ полный курсъ увеличилось почти на 400. Дальнѣйшихъ улучшеній слѣдуетъ ожидать отъ времени, отъ неуклоннаго слѣдованія установленнымъ нынѣ правиламъ и отъ доставленія университетами достойныхъ преподавателей по всѣмъ предметамъ гимназическаго курса въ большемъ противъ прежняго числѣ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

9. (10-го мая 1877 года). *О преобразованіи 5-й С.-Петербургской четырехклассной прогимназіи въ шестиклассную.*

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о преобразованіи 5-й С.-Петербургской четырехклассной прогимназіи въ шестиклассную, *мнѣніемъ положилъ*:

1) Четырехклассную 5-ю С.-Петербургскую прогимназію преобразовать, съ 1-го іюля 1877 года, въ шестиклассную, съ отпускомъ изъ государственнаго казначейства, съ 1-го января 1878 года, въ добавокъ къ отпускаемымъ нынѣ на сія содержаніе 14.550 руб., еще по *пяти тысячъ семисотъ тридцати пяти рублей*, а всего по *двадцати тысячъ двѣсти восьмидесяти пяти рублей* въ годъ, согласно штату шестиклассныхъ прогимназій, съ тѣмъ, чтобы въ 1878 году требующаяся на содержаніе 5-го класса сумма ассигнована была на цѣлый годъ, а на содержаніе 6-го класса только на полгода, и чтобы содержаніе 5-го класса въ текущемъ году было отнесено на спеціальныя средства прогимназіи.

2) Предоставить министру народнаго просвѣщенія вносить на будущее время испрашиваемую сумму въ смѣту министерства народнаго просвѣщенія на общемъ основаніи.

Государь Императоръ изложенное мнѣніе Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

10. (16-го мая 1877 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Тверскомъ реальномъ училищѣ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія Высочайше соизволилъ на принятіе пожертвованнаго Тверскою городскою думою капитала въ пятьсотъ рублей и на учрежденіе, на проценты съ онаго, при Тверскомъ реальномъ училищѣ одной стипендіи, съ наименованіемъ оной „стипендіею купца В. В. Свѣтогорова".

11. (16-го мая 1877 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Казанскомъ реальномъ училищѣ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія Высочайше соизволилъ на принятіе пожертвованнаго Чистопольскимъ уѣзднымъ земствомъ капитала въ 1.100 р. и на учрежденіе на проценты съ онаго, при Казанскомъ реальномъ училищѣ, стипендіи имени бывшаго предсѣдателя Чистопольской уѣздной земской управы и Чистопольскаго училищнаго совѣта Владиміра Ивановича Якубовича.

12. (16-го мая 1877 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Кіевской 2-й гимназіи.*

Общее собраніе членовъ Кіевскаго городскаго общества взаимнаго кредита, желая выразить признательность управляющему дѣлами его, статскому совѣтнику Густаву Эйсману, за плодотворный безвозмездный трудъ въ этой должности въ теченіе 6-ти лѣтъ, пожертвовало на учрежденіе при Кіевской 2-й гимназіи стипендіи его имени капиталъ въ 4.000 руб., переведенный въ Кіевскую контору государственнаго банка для обращенія изъ $4^{1}/_{2}$% по сроку до 10-ти лѣтъ.

Вслѣдствіе представленія о семъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа и по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ какъ на принятіе означеннаго капитала, такъ и на учрежденіе на проценты съ онаго при Кіевской 2-й гимназіи одной стипендіи, съ наименованіемъ оной: „стипендіею статскаго совѣтника Густава Ивановича Эйсмана".

13. (16-го мая 1877 года). *Объ учрежденіи стипендіи при медицинскомъ факультетѣ Московскаго университета.*

Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ министру народнаго про-

свѣщенія, что Тверская городская дума внесла въ мѣстное казначейство *пять тысячъ рублей* на учрежденіе изъ процентовъ сего капитала одной стипендіи при медицинскомъ факультетѣ Московскаго университета, имени потомственнаго почетнаго гражданина Аваева, въ изъявленіе благодарности за пожертвованіе имъ 110 тысячъ рублей на открытіе и содержаніе въ гор. Твери безплатной больницы для бѣдныхъ и другихъ благотворительныхъ заведеній.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Московскомъ университетѣ упомянутой стипендіи, съ наименованіемъ оной: „стипендіею потомственнаго почетнаго гражданина Василія Петровича Аваева".

14. (16-го мая 1877). *Объ учрежденіи стипендій при медицинскомъ факультетѣ Московскаго университета.*

Попечитель Московскаго учебнаго округа донесъ министру народнаго просвѣщенія, что душеприказчикъ по завѣщанію вдовы генералъ-маіора Поляковой, урожденной Дурасовой, представилъ въ Московскій университетъ *восемьнадцать тысячъ рублей*, заключающіеся въ 5% билетахъ государственнаго банка, на учрежденіе изъ процентовъ сего капитала, согласно волѣ завѣщательницы, трехъ стипендій при медицинскомъ факультетѣ Московскаго университета имени Поляковой.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенныхъ стипендій при Московскомъ университетѣ, съ наименованіемъ оныхъ: „стипендіями Екатерины Михайловны Поляковой, урожденной Дурасовой".

15. (16-го мая 1877 года). *Объ учрежденіи стипендій при Тетюшскомъ уѣздномъ училищѣ.*

Въ январѣ и февралѣ текущаго года дано было въ гор. Тетюшахъ любителями два спектакля, сборъ съ которыхъ, въ количествѣ ста рублей, представленъ къ почетному смотрителю Тетюшскаго уѣзднаго училища, мѣстному уѣздному предводителю дворянства, губернскому секретарю Сверчкову, съ цѣлію учредить, на проценты съ оныхъ, при уѣздномъ училищѣ стипендіи его имени. Сверчковъ, принимая во вниманіе, что учащіеся Тетюшскаго уѣзднаго училища нерѣдко увольнялись изъ него за невзносъ платы за ученіе, хотя та-

ковая взимается лишь въ размѣрѣ 1 руб. 50 коп. въ годъ съ каждаго ученика, присоединилъ къ доставленной суммѣ еще своихъ 100 руб.. съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этого капитала были учреждены при училищѣ, согласно письменно заявленному желанію жертвователей, шесть стипендій его имени, съ предоставленіемъ выбора стипендіатовъ ему, а впослѣдствіи, въ случаѣ нежеланія Сверчкова выбирать таковыхъ, отсутствія его, или другой причины, педагогическому совѣту училища.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу министра народнаго просвѣщенія Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенныхъ стипендій.

16. (16-го мая 1877 года). *Объ учрежденіи стипендіи въ Симферопольской женской гимназіи.*

По случаю исполнившагося 13-го сентября 1876 года пятидесятилѣтія службы въ офицерскихъ чинахъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Кашкадамова, состоящаго въ званіи попечителя страннопріимнаго дома Таранова-Бѣлозерова, его сослуживцы, товарищи по профессіи (врачи) и многіе изъ гражданъ гор. Симферополя пожелали почтить память столь продолжительной дѣятельности Кашкадамова устройствомъ, чрезъ добровольную подписку, стипендіи его имени въ Симферопольской женской гимназіи.

Совѣтъ попечителей названнаго дома, донося главноуправляющему IV отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, что на собранныя по подпискѣ 435 руб. пріобрѣтено закладныхъ листовъ Херсонскаго земельнаго банка по номинальной стоимости на 500 руб.,—ходатайствовалъ о разрѣшеніи учредить предположенную стипендію, съ тѣмъ, чтобы выборъ стипендіатовъ предоставленъ былъ самому Кашкадамову и изъ процентовъ съ означеннаго капитала, въ количествѣ 27 руб. 50 коп. въ годъ, 25 рублей употреблялись въ уплату за ученіе стипендіатки, а 2 руб. 50 коп. на учебныя для нея пособія.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу министра народнаго просвѣщенія Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенной стипендіи.

17. (16-го мая 1877 года). *Объ учрежденіи при Московскомъ университетѣ денежныхъ премій Ю. Ѳ. Самарина.*

Нѣсколько друзей покойнаго Ю. Ѳ. Самарина, высоко цѣнившихъ его личныя свойства и ученую и общественную его дѣятельность,

возымѣли мысль учредить въ его память, на счетъ процентовъ съ собраннаго ими капитала въ *десять тысячъ рублей*, денежныя преміи за сочиненія, касающіяся крестьянскаго и земскаго дѣла въ Россіи, которому покойный Самаринъ посвящалъ главнѣйше свою дѣятельность.

По порученію учредителей означенныхъ премій, статсъ-секретарь Гротъ, препровождая къ министру народнаго просвѣщенія составленное учредителями положеніе по сему предмету и программу для сочиненій, допускаемыхъ къ соисканію премій, просилъ объ исходатайствованіи Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія на учрежденіе помянутыхъ премій въ память Самарина при Московскомъ университетѣ, на изложенныхъ въ положеніи основаніяхъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія о семъ докладу Высочайше соизволилъ какъ на учрежденіе при Московскомъ университетѣ денежныхъ премій имени Юрія Өедоровича Самарина, такъ и на предоставленіе министру народнаго просвѣщенія права утвердить положеніе о преміяхъ и программу для сочиненій, допускаемыхъ къ соисканію премій Самарина.

18. (21-го іюня 1877 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Демидовскомъ юридическомъ лицеѣ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, высочайше соизволилъ на учрежденіе при Демидовскомъ юридическомъ лицеѣ, въ Ярославлѣ, на счетъ процентовъ съ капитала въ 2.000 руб., пожертвованнаго дочерью гвардіи ротмистра Елизаветою Петровною Милюковою, одной стипендіи, съ наименованіемъ оной стипендіею преосвященнаго Леонида, бывшаго архіепископа Ярославскаго и Ростовскаго.

19. (24-го іюня 1877 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Александровскомъ ремесленномъ училищѣ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія товарища министра, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Александровскомъ ремесленномъ училищѣ въ гор.. Кіевѣ, на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго товариществомъ Кальникскаго свеклосахарнаго завода капитала въ 4.000 руб., стипендіи имени директора этого товарищества, швейцарскаго подданнаго Фридриха Енни.

20. (24-го іюня 1877 года). *Объ учрежденіи стипендій при Рязанской гимназіи.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра, Высочайше соизволилъ на принятіе пожертвованныхъ тайнымъ совѣтникомъ Николаемъ Өедоровичемъ Малининымъ четырехъ тысячъ рублей 5% билетами государственнаго банка и на учрежденіе на проценты съ этого капитала при Рязанской гимназіи одной или двухъ стипендій, съ наименованіемъ оныхъ: „стипендія тайнаго совѣтника Николая Өедоровича Малинина".

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

11. (7-го апрѣля 1877 г.). *Положеніе о стипендіяхъ имени Высокопреосвященнѣйшаго Филоѳея, митрополита Кіевскаго и Галицкаго, при Тверскихъ: губернской гимназіи, реальномъ училищѣ и Маріинской женской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На проценты съ собраннаго по добровольной подпискѣ представителями тверскихъ губернскихъ правительственныхъ учрежденій и гражданами города Твери капитала, 1,600 рублей, учреждаются, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 14-го апрѣля 1877 г. три стипендіи: а) при губернской гимназіи, съ 500 р., б) при реальномъ училищѣ, съ 500 р., и в) при Маріинской женской гимназіи, съ 600 р.; для чего означенный капиталъ, по обращеніи въ 5% билеты государственнаго банка, внесенъ въ Тверское губернское казначейство на имя сихъ заведеній.

2) Стипендіи эти именуются „стипендіями Высокопреосвященнѣйшаго Филоѳея, митрополита Кіевскаго и Галицкаго".

3) Выборъ стипендіатовъ принадлежитъ, пожизненно, Высокопреосвященнѣйшему митрополиту Филоѳею; затѣмъ, право назначенія стипендіатовъ переходитъ къ Тверской городской думѣ, причемъ стипендіатами могутъ быть лишь дѣти обывателей города Твери.

4) Проценты съ вышеозначеннаго капитала обращаются на уплату за право ученія стипендіатовъ, а весь могущій произойдти отъ этой уплаты остатокъ хранится въ губернскомъ казначействѣ и выдается въ пособіе стипендіатамъ по окончаніи ими полнаго курса ученія.

5) Стипендіаты, оказавшіе недостаточные успѣхи въ наукахъ или замѣченные въ неодобрительномъ поведеніи, лишаются, согласно опредѣленію педагогическихъ совѣтовъ гимназій и реальнаго училища, права пользованія стипендіею. Остатокъ отъ сихъ стипендій (4 п.), а равно отъ стипендій лицъ, оставившихъ заведенія до окончанія полнаго курса, обращается на учебныя пособія вновь избраннымъ степендіатамъ.

6) Настоящія стипендіи не налагаютъ никакихъ обязательствъ на пользующихся ими учениковъ и ученицъ.

12. (18-го мая 1877 г.). *Положеніе о стипендіи статскаго совѣтника Густава Ивановича Эйсмана во 2-й Кіевской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Стипендія Густава Ивановича Эйсмана учреждается, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 16-го мая 1877 г., на проценты съ пожертвованнаго кіевскимъ обществомъ взаимнаго кредита капитала 4000 р., обращающагося въ государственномъ кредитномъ учрежденіи.

2) Стипендія сія назначается, по выбору педагогическаго совѣта, одному изъ несостоятельныхъ воспитанниковъ гимназіи, оказывающему успѣхи въ наукахъ и отличному по поведенію.

3) Избранный въ стипендіаты помѣщается въ состоящей при гимназіи общей квартирѣ, въ суммы которой и поступаютъ на содержаніе его причитающіеся проценты съ пожертвованнаго капитала.

4) Но если родители стипендіата будутъ имѣть жительство въ Кіевѣ, въ такомъ случаѣ, стипендіатъ можетъ, не поступая въ общую квартиру, жить при своихъ родителяхъ, которымъ будутъ выдаваемы проценты съ капитала по полугодно въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ теперь и впослѣдствіи будутъ установлены.

5) Въ случаѣ выбытія стипендіата изъ заведенія по какимъ-либо причинамъ, выдача стипендіи немедленно прекращается, и на его мѣсто избирается новый стипендіатъ.

13. (18-го мая 1877 г.). *Положеніе о стипендіи бывшаго предсѣдателя Чистопольской уѣздной земской управы Владиміра Ивановича Якубовича.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На проценты съ внесеннаго Чистопольской уѣздной земской управой капитала въ 1,100 руб. учреждается съ Высочайшаго соиз-

воленія, послѣдовавшаго 16-го мая 1877 г., при Казанскомъ реальномъ училищѣ „стипендія имени бывшаго предсѣдателя Чистопольской уѣздной земской управы и Чистопольскаго училищнаго совѣта Владиміра Ивановича Якубовича“.

2) Изъ процентовъ этихъ вносится ежегодно плата за право ученія за одного изъ мальчиковъ Чистопольскаго уѣзда, преимущественно изъ крестьянскаго сословія.

3) Если проценты съ капитала будутъ превышать сумму, слѣдуемую въ училище за право ученія съ одного мальчика, то остатокъ употребляется на вспомоществованіе мальчику въ пріобрѣтеніи имъ учебныхъ пособій и, наконецъ, на самыя средства къ жизни, по усмотрѣнію и распоряженію педагогическаго совѣта училища.

4) Право назначенія стипендіата на означенную стипендію пожизненно принадлежитъ г. Якубовичу, и въ томъ случаѣ, когда онъ почему либо откажется отъ этого права, остается таковое за Чистопольской уѣздной земской управой. Послѣ смерти г. Якубовича, право назначать стипендіата переходитъ окончательно къ Чистопольской уѣздной земской управѣ.

5) Какъ только сдѣлается вакантной означенная стипендія, педагогическій совѣтъ составляетъ списокъ бѣдныхъ учениковъ Чистопольскаго уѣзда, съ обозначеніемъ ихъ сословія, заслуживающихъ по своимъ успѣхамъ быть кандидатами на означенную стипендію, и посылаетъ его въ Чистопольскую земскую управу, которая, по соглашенію съ г. Якубовичемъ, или сама избираетъ изъ этого списка стипендіата, о чемъ своевременно и увѣдомляетъ директора училища.

6) Назначенный такимъ образомъ стипендіатъ пользуется стипендіей до тѣхъ поръ, пока будетъ заслуживать того своими успѣхами и поведеніемъ; въ случаѣ, если стипендіатъ останется въ классѣ на второй годъ, по болѣзни или другимъ уважительнымъ причинамъ, то это не лишаетъ его права на стипендію; но если, однако же, это случится во второй разъ въ теченіе учебнаго курса, то на стипендію выбирается, означеннымъ выше порядкомъ, ученикъ, болѣе того заслуживающій; равнымъ образомъ лишается права на стипендію и тотъ ученикъ, который, по лѣности и нерадѣнію, остается въ томъ же классѣ на второй годъ, о чемъ своевременно училищное начальство и сообщаетъ Чистопольской земской управѣ.

7) Если, по какому либо случаю, кандидатъ на стипендію нѣкоторое время не будетъ помѣщенъ, то проценты съ капитала, какъ

не израсходованные, должны причисляться къ капиталу, для увеличенія онаго.

14. (28 мая 1877 г.). *Положеніе о стипендіи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Батурина.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Стипендія при Вятской губернской гимназіи учреждена изъ процентовъ съ капитала, собраннаго по подпискѣ сослуживцами бывшаго Вятскаго Вице-Губернатора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Батурина, въ ознаменованіе 25-лѣтняго служенія его въ сей должности, на каковой капиталъ будетъ пріобрѣтено 7 банковыхъ 5% билетовъ (по номинальной цѣнѣ) на 700 руб., приносящихъ процентовъ по 35 рублей въ годъ.

2) Капиталъ этотъ долженъ находиться въ завѣдываніи педагогическаго совѣта гимназіи. Если какимъ либо изъ вышесказанныхъ билетовъ кончится срокъ или выйдутъ въ тиражъ, то совѣтъ гимназіи долженъ замѣнить ихъ новыми билетами. Всѣ распоряженія этимъ капиталомъ дѣлаются совѣтомъ, съ участіемъ г. Вятскаго Вице-Губернатора.

3) Помянутая стипендія назначается для уплаты за обученіе въ семъ заведеніи одного воспитанника изъ дѣтей чиновниковъ, служившихъ или служащихъ въ Вятской губерніи по министерству внутреннихъ дѣлъ.

4) Воспитанникъ гимназіи, содержимый на счетъ означенной стипендіи, именуется, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 12 марта 1873 г., стипендіатомъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Батурина.

5) Кандидаты на стипендію избираются педагогическимъ совѣтомъ и утверждаются губернскимъ правленіемъ. Утвержденный въ стипендіи кандидатъ пользуется стипендіею до окончанія полнаго курса гимназіи, если только оказываетъ удовлетворительные успѣхи въ наукахъ и имѣетъ хорошее поведеніе, въ противномъ же случаѣ онъ лишается стипендіи, которая за симъ уже переходитъ къ воспитаннику, заступившему мѣсто выбывшаго.

6) О принятіи каждаго воспитанника въ число стипендіатовъ должно быть составляемо особое постановленіе совѣтомъ гимназіи и въ этомъ постановленіи, кромѣ занесенія представленныхъ о принимаемомъ воспитанникѣ документовъ, непремѣнно должно быть объясняемо: съ какого именно времени и на сколько лѣтъ воспитанникъ

зачисляется стипендіатомъ и какая сумма имѣетъ быть ежегодно за него уплачиваема. Журналъ этотъ своевременно публикуется въ губернскихъ вѣдомостяхъ, а копія съ него передается къ дѣламъ губернскаго правленія.

15. (28 мая 1877 г.). *Положеніе о стипендіи Рижскаго купца Ермолая Савича Попова, при Рижской Александровской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Изъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Анѳиромъ Поповымъ и состоящаго въ билетѣ на вѣчный вкладъ въ 700 руб. изъ 6% въ годъ III-го Рижскаго общества взаимнаго кредита, за № 18, учреждается при Рижской Александровской гимназіи, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 4 апрѣля 1877 г. „стипендія Рижскаго купца Ермолая Савича Попова".

2) Означенная стипендія, въ размѣрѣ 42 руб. въ годъ, производится одному изъ бѣдныхъ и способныхъ учениковъ Рижской Александровской гимназіи, происходящему изъ русскаго купеческаго сословія прибалтійскихъ губерній и отличающемуся успѣхами въ наукахъ и хорошимъ поведеніемъ.

3) Право назначать стипендіата изъ числа способныхъ учениковъ принадлежитъ пожизненно ему, жертвователю, и женѣ его Маріи Парѳеньевнѣ, урожденной Большаковой; послѣ же смерти ихъ обоихъ право это переходитъ къ педагогическому совѣту Рижской Александровской гимназіи.

4) Въ случаѣ временнаго незамѣщенія стипендіи Ермолая Савича Попова, проценты съ капитала, оставшіеся невыданными въ видѣ стипендіи, обращаются въ пособіе стипендіату.

5) Означенный капиталъ въ 700 руб., въ билетѣ III-го Рижскаго общества взаимнаго кредита, составляя неприкосновенную собственность Рижской Александровской гимназіи, хранится вмѣстѣ съ спеціальными суммами этой гимназіи въ Лифляндскомъ губернскомъ казначействѣ.

16. (1-го іюля 1877 г.). *Положеніе о стипендіи имени тайнаго совѣтника Чарыкова при Вятской губернской гимназіи.*

(Утверждено управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія г. товарищемъ министра).

1) Стипендія имени тайнаго совѣтника Чарыкова учреждается съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 16-го августа 1876 года

при Вятской губернской гимназіи, на капиталъ 1050 р., собранный для этой цѣли должностными лицами и гражданами Вятской губерніи.

2) Стипендіатомъ имени тайнаго совѣтника Чарыкова могутъ быть назначаемы только дѣти бѣдныхъ жителей Вятской губерніи, по выбору начальника губерніи. О пріемѣ ихъ и объ окончаніи ими курса наукъ объявляется въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ и сообщается, для свѣдѣнія, тайному совѣтнику Чарыкову.

3) На собранный капиталъ пріобрѣтается 1 билетъ внутренняго займа и 8 пятипроцентныхъ билетовъ государственнаго банка, итого 9 билетовъ по нарицательной цѣнѣ, на сумму 900 р., которые ежегодно будутъ приносить процентовъ 45 р. въ годъ. А какъ въ гимназіи плата за обученіе полагается 35 р. то излишніе, за уплатою стипендіи, проценты могутъ храниться въ отдѣленіи государственнаго банка на текущемъ счету или въ сберегательной его кассѣ, для приращенія изъ процентовъ.

4) Въ случаѣ если на 5% билетъ внутренняго съ выигрышами займа, входящій въ составъ капитала стипендіи, послѣдуетъ выигрышъ, то изъ него одна половина отчисляется въ пользу стипендіата (о чемъ и публикуется въ губернскихъ вѣдомостяхъ) и выдается по окончаніи имъ курса наукъ, или по выходѣ изъ гимназіи ему самому, а въ случаѣ несовершеннолѣтія—родителямъ его или опекунамъ, а до того времени эта часть выигрыша должна быть обращаема въ процентныя бумаги и преимущественно въ билеты съ выигрышами; въ случаѣ же смерти стипендіата, половина его части выигрыша поступаетъ родственникамъ умершаго, не далѣе 5-го колѣна, а другая половина его части раздается по ровну всѣмъ его соученикамъ но если у умершаго стипендіата родственниковъ не окажется, то и слѣдовавшая имъ доля также поступаетъ въ пользу означенныхъ соучениковъ.

5) Другая же половина общей суммы выигрыша обращается въ процентныя бумаги, преимущественно билеты 1-го и 2-го займовъ съ выигрышами, и на проценты съ нихъ открываются новыя стипендіи, съ наименованіемъ ихъ стипендіями тайнаго совѣтника Чарыкова. Когда эта половина выигрыша будетъ болѣе 5 т. руб., то остальная часть этой половины выигрыша, за отчисленіемъ отъ нея 5 т. руб. подлежащихъ обращенію на стипендію, употребляется въ пользу гимназіи, бывшихъ стипендіатовъ тайнаго совѣтника Чарыкова и ближайшаго начальства заведенія.

6) Съ дальнѣйшими выигрышами на сказанные билеты, во все

время содержанія на нихъ стипендіата поступается вышеобъясненнымъ порядкомъ.

7) Въ случаѣ же выхода билетовъ въ тиражъ погашенія, начальство гимназіи должно замѣнить ихъ новыми билетами такого же достоинства; если же полученной за нихъ суммы на покупку новыхъ билетовъ окажется недостаточно, то хранить ее въ одномъ изъ кредитныхъ учрежденій, пока чрезъ приращенія оной процентами получится сумма, потребная на покупку новаго билета. Билеты внутренняго займа съ выигрышами будутъ застрахованы на счетъ процентовъ, накопившихся на текущемъ счету или въ сберегательной кассѣ.

III. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

30-го апрѣля 1877 года. (№ 5). *Утверждаются*: мировой посредникъ 2-го участка Стерлитамакскаго уѣзда, отставной штабсъ-капитанъ *Бухвостовъ*—почетнымъ попечителемъ Стерлитамакской прогимназіи, на три года, съ оставленіемъ въ настоящей должности.

Исправляющій должность помощника бухгалтера департамента народнаго просвѣщенія титулярный совѣтникъ *Ѳедоровъ*—въ сей должности, съ 15-го апрѣля 1877 года.

Назначаются: помощникъ экзекутора департамента народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ *Воронинъ* — экзекуторомъ сего департамента, съ 22-го апрѣля 1877 года.

Помощникъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ *Никитинъ* — помощникомъ экзекутора сего департамента, съ 27-го апрѣля 1877 года.

Опредѣляется: Елисаветградскій уѣздный предводитель дворянства, титулярный совѣтникъ *Де-Карріеръ*—почетнымъ попечителемъ Херсонской учительской семинаріи, съ 6-го апрѣля 1877 года.

Оставляются на службѣ: *на три года*: директоръ Кіевской третьей гимназіи, статскій совѣтникъ *Александровичъ*, съ 12-го марта 1877 года.

На пять лѣтъ: директоръ Пензенской учительской семинаріи статскій совѣтникъ *Хохряковъ*, съ 25 января 1877 года.

Заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, тайный совѣтникъ *Щуровскій*, съ 1877 года.

Увольняются въ отпускъ: *въ Россіи на лѣтнее вакаціонное время 1877 года*: директоръ Екатеринославской гимназіи, коллежскій совѣт-

никъ *Кустовскій* — въ Пятигорскъ, директоръ Варшавской VI мужской гимназіи, титулярный совѣтникъ *Стефановичъ* — въ С.-Петербургъ и Гродненскую губернію и исправляющій должность директора Мозырской прогимназіи, статскій совѣтникъ *Носовичъ* — въ разныя губерніи; изъ нихъ Кустовскій по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1877 года и двадцать восемь дней: директоръ народныхъ училищъ Олонецкой губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Соколовъ*—въ разныя губерніи, по болѣзни.

За границу: *на 28 дней*: ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета *Вериго* и исправляющій должность почетнаго смотрителя Рогачевскаго уѣзднаго училища *Верманъ*.

Съ 15-го іюня по 10-е августа 1877 года: инспекторъ Витебской гимназіи, статскій совѣтникъ *Андрущенко*.

На два мѣсяца: начальникъ Кѣлецкой учебной дирекціи, статскій совѣтникъ *Копыловъ*, учитель Ростовскаго Петровскаго (на Дону) реальнаго училища *Штамъ* и дѣлопроизводитель инспекціи училищъ гор. Варшавы, коллежскій ассесоръ *Каменскій*; всѣ трое по болѣзни.

Съ 5-го іюня по 7-е августа 1877 года: учитель Митавской гимназіи *Данненбергъ*.

Со времени окончанія экзаменовъ по 1-е августа 1877 года: учитель Харьковской второй гимназіи *Гоуйтецкій*.

На лѣтнее вакаціонное время 1877 года: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Котелевскій*, исправляющіе должность доцентовъ сего университета: *Ламанскій* и протоіерей *Дьячанъ*, помощникъ проректора Императорскаго Московскаго университета *Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ*, сверхштатный доцентъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи *Хлюдзинскій*, исправляющіе должность инспекторовъ мужскихъ гимназій: Варшавскихъ: III — *Троицкій*, V-й — *Костецкій* и Калишской, статскій совѣтникъ *Фукъ*, заслуженный преподаватель С.-Петербургской второй гимназіи, статскій совѣтникъ *Тарвидъ*, учителя гимназій: С.-Петербургскихъ: первой, статскій совѣтникъ *Гённе*, Ларинской, коллежскій совѣтникъ *Копсовичъ*, шестой, коллежскій совѣтникъ *Клеманъ*, Псковской, надворный совѣтникъ *Прохазка* и состоящій въ VIII классѣ *Рѣдька*, Вологодской: коллежскій совѣтникъ *Прохницкій* и состоящій въ VIII классѣ *Вудовенцъ*, Московскихъ: второй, коллежскій совѣтникъ *Зарицкій* и четвертой, надворный совѣтникъ *Вислоцкій*, Тульской, *Петрученко*, Ярославской *Деляви*, *Шифальдъ* и *Горель*, Харьковской первой, *Шерцль*, Курской, *Брезоваръ*, Тамбов-

ской, *Полоній*, Новочеркасской, *Пинкава*, Витебской, состоящій въ VIII классѣ *Антоненко*, Новгородской, *Такелла*, Одесской второй, надворные совѣтники: *Городскій* и *Чеховскій*, Керченской Александровской, коллежскій ассесоръ *Застырецъ*, Варшавскихъ мужскихъ: II: *Склодовскій*, *Рудзинскій*, *Лапинскій*, *Баранецкій*, *Крынскій*, *Дуйсбургъ*, *Пленкевичъ* и *Околовъ*, III: *Карчевскій*, *Краевскій*, *Шумовскій*, *Марковскій*, *Пухевичъ*, *Бондзкевичъ*, *Хойко*, *Жлоӧодзскій*, *Глембоцкій*: VI: *Гольдбергъ*. *Красносельскій*, *Дикштейнъ*, *Войке*, *Гомолєвскій* и *Беттихеръ*, Люблинскій мужской, *Гевскій*, Калишской мужской, титулярный совѣтникъ *Бальчевскій*, *Реутъ*, *Госицкій*, *Мильковскій*, *Смогоржевскій* и *Гиллеръ*, старшій учитель Ревельской губернской гимназіи *Кирхгоферъ*, исправляющій должность учителя Гродненской гимназіи *Будзиловичъ*, воспитатели при пансіонахъ С.-Петербургскихъ гимназій: второй: надворный совѣтникъ *Рослаъ-де-ла-Дроатьеръ* и третьей, статскій совѣтникъ *Фрейтагъ*, врачъ Варшавской VI мужской гимназіи *Шнабль*, учителя Варшавскихъ женскихъ гимназій: III: *Фровейнъ*, *Цильке* и *Асписъ*, IV, коллежскій ассесоръ *Циммерманъ*, воспитательница Варшавской III женской гимназіи *Бенни*, надзирательница Варшавской IV женской гимназіи *Филипеусъ*, классныя дамы женскихъ гимназій: Варшавской IV, *Машковская*, Люблинской, *Бородина* и Радомской, *Ѳедорова*, учителя реальныхъ училищъ: Вологодскаго, *Рошеръ*, Сызранскаго, состоящій въ VIII классѣ *Синявскій*, Сумскаго, *Труартъ*, Ростовскаго Петровскаго (на Дону): *Лякидэ* и *Матье* и Ловичскаго: *Сикорскій*, и *Грабовскій*, учителя прогимназій: Острогской, *Станко*, Херсонской: *Тибитанцль* и *Браиловскій*, Варшавскихъ мужскихъ: I: *Стефановичъ*, графъ *Грабовскій* и *Горбаль*, II—*Лозинскій*, Пултуской мужской, *Гвоздецкій*, начальница Херсонской Маріинско-Александровской женской прогимназіи *Шипова*, исправляющій должность учителя приготовительнаго класса Александровской Серпуховской прогимназіи *Соколовъ*, директоръ училища при реформатскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ *Шульце*, инспекторъ сего училища *Тидеманъ*, учителя того же училища: *Лозіеръ*, *Гартманъ*, *Гаге* и *Петрикъ*, учителя училища при евангелическо-лютеранской церкви Св. Анны въ С.-Петербургѣ: коллежскіе совѣтники: *Диттманъ* и *Кенигъ*, надворный совѣтникъ *Фохтъ*, коллежскій ассесоръ *Греме*, *Фаберъ* и *Гиллертъ*, законоучитель Холмскаго Маріинскаго женскаго училища священникъ *Добрянскій*, законоучитель лютеранскаго вѣроисповѣданія Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища, пасторъ *Доль*, учитель Варшавской учительской семинаріи *Клемке*, учитель Рижскаго

городскаго реальнаго для гражданъ училища *Напровскій*, учитель Варшавскаго рисовальнаго класса *Герсонъ*, учитель Ревельскаго уѣзднаго училища *Кельнеръ*, учитель Рижскаго Александровскаго начальнаго мужскаго училища *Бернгардтъ*, младшій учитель Лодзинскаго двухкласснаго городскаго начальнаго мужскаго училища *Швабе* и учитель Радинскаго мужскаго начальнаго училища, Сѣдлецкой учебной дирекціи, *Горошевичъ*; изъ нихъ по болѣзни: Ламанскій, Дьячанъ, Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ, Троицкій, Костецкій, Фукъ, Копсовичъ, Прохницкій, Зарицкій, Вислоцскій, Застырецъ, Карчевскій, Краевскій, Шумовскій, Марковскій, Пухевичъ, Вондзкевичъ, Хойко, Жловодскій, Глембоцкій, Красносельскій, Дикштейнъ, Войке, Гомолевскій, Бальчевскій, Реутъ, Росицкій, Милковскій, Смогоржевскій, Гиллеръ, Циммерманъ, Филипеусъ, Машковская, Ѳедорова, Синявскій, Лозинскій, Гвоздецкій, Соколовъ, Даль, Герсонъ, Бернгардтъ и Горошевичъ.

На лѣтнее вакаціонное время 1877 года и двадцать дней: директоръ Люблинской мужской гимназіи *Сенгалевичъ*.

На лѣтнее вакаціонное время 1877 года и двадцать восемь дней: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Левитскій*, экстраординарный профессоръ сего университета *Андреевскій*, исправляющая должность учительницы Пензенской женской гимназіи *Поднозова* и смотритель Валкскаго уѣзднаго училища *Даббертъ*.

На лѣтнее вакаціонное время 1877 года и двадцать девять дней: воспитатель пансіона С.-Петербургской первой гимназіи *Бойе*, по болѣзни.

Съ 20 мая по 20-е августа 1877 года: экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, статскій совѣтникъ *Поповъ*, по болѣзни.

Увольняется, согласно прошенію, отъ службы: экзекуторъ департамента народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ *Кертъ*, съ 22-го апрѣля 1877 года, съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Исключается изъ списковъ умершій: окружный инспекторъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Савиновъ*.

21-го мая 1877 года (№ 6). *Утверждаются*: экстраординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, докторъ древне-классической филологіи *Гершельманъ*—ординарнымъ профессоромъ

сего университета по занимаемой имъ каѳедрѣ древне-классической филологіи и исторіи литературы, съ 13-го апрѣля 1877 года.

Доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета, докторъ теоріи и исторіи искусствъ *Кондаковъ*—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ теоріи и исторіи искусствъ, съ 10-го марта 1877 года.

Доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета, докторъ славянской словесности *Кочубинскій* — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ славянской филологіи, съ 7-го апрѣля 1877 года.

Учитель Красноуфимскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Лейманъ*—директоромъ сего училища.

Коломенскій городской голова, потомственный почетный гражданинъ *Левинъ* — почетнымъ попечителемъ Коломенской мужской прогимназіи, на три года.

Статскій совѣтникъ *Красинскій*, коллежскій совѣтникъ *Мышковскій*, надворный совѣтникъ *Ильkевичъ*, коллежскіе ассесоры: *Ивановъ* и *Эрдели*, капитанъ *Деменитру*, титулярный совѣтникъ *Журавскій*, штабсъ-ротмистръ *Калагеоргій-Алкалаевъ* и дворянинъ *Нестроевъ* — членами попечительства Херсонскаго реальнаго училища, на три года.

Оставляются на службѣ: директоръ Слуцкой гимназіи, статскій совѣтникъ *Коленко*—по 1-е іюля 1878 года.

Заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, тайный совѣтникъ *Матвѣевъ*—на пять лѣтъ, со 2-го мая 1877 года.

Переводится на службу въ министерство народнаго просвѣщенія: состоящій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, статскій совѣтникъ *Шелашниковъ*, съ назначеніемъ чиновникомъ особыхъ порученій VI класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, съ 30-го апрѣля 1877 года.

Причисляется къ министерству народнаго просвѣщенія, изъ отставныхъ: статскій совѣтникъ *Ефремовъ*, съ 30-го апрѣля 1877 года.

Опредѣляется на службу: оставшійся за штатомъ по канцеляріи комитета правленія Императорской академіи наукъ, коллежскій регистраторъ *Зябловъ* — помощникомъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, съ 1-го апрѣля 1877 года.

Командируются съ ученою цѣлію: ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Овсянниковъ* — въ Симбирскъ и Самару, на одинъ мѣсяцъ и десять дней.

Консерваторъ геологическаго кабинета Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Докучаевъ*—въ черноземныя губерніи Россіи, на четыре мѣсяца.

Увольняются въ отпускъ: въ Россіи: съ 15-го іюня по 1-е августа 1877 года: директоръ историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Лавровскій*—въ Харьковскую губернію.

На лѣтнее вакаціонное время 1877 года: директоръ Одесской третьей гимназіи, статскій совѣтникъ *Поруновъ*—въ разныя губерніи, директоръ Уфимской гимназіи, надворный совѣтникъ *Любарскій*—въ С.-Петербургъ и Варшаву, директоръ Мелитопольскаго реальнаго училища *Радкевичъ*—въ Крымъ, въ Полтавскую, Кіевскую и Черниговскую губерніи, директоръ Виленской дирекціи народныхъ училищъ, статскій совѣтникъ *Снитко*—въ разныя губерніи и Дерптскій директоръ училищъ, статскій совѣтникъ *Геекъ* — въ С.-Петербургскую и Эстляндскую губерніи; послѣдній по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1877 года и двадцать восемь дней: директоръ Бѣлостокскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Ромчевскій*, по болѣзни, въ разныя губерніи.

Въ Россіи и за границу: на лѣтнее вакаціонное время 1877 года: директоръ народныхъ училищъ Херсонской губерніи *Исаинъ*.

На лѣтнее вакаціонное время 1877 года и одинъ мѣсяцъ: директоръ Виленскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Голубиновъ*, по болѣзни.

За границу: на двадцать одинъ день: ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета *Шведовъ* и письмоводитель и смотритель зданія Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища *Петрущинскій*; послѣдній по болѣзни.

Съ 29-го іюня по 16-е августа 1877 года: учитель Ровенскаго реальнаго училища *Василевскій*.

На два мѣсяца: директоръ Костромской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Масленниковъ* и учитель Каменецъ-Подольской гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Вощининъ*; оба по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1877 года: ординарные профессоры Императорскаго Харьковскаго университета: *Шериль*, *Лебедевъ*, *Дриновъ*, *Оболенскій*, *Лашкевичъ*, *Гаттенбергеръ* и *Владиміровъ*, экстраординарные профессоры сего университета: *Залѣсскій* и *Гиршманъ*, доцентъ Императорскаго Варшавскаго университета *Іезбера*, исправляющіе должность доцентовъ института сельскаго хозяйства и лѣсо-

водства въ Новой Александріи: коллежскій совѣтникъ *Красускій* и *Бердау*, инспекторъ Виленской гимназіи *Шокольскій*, учители гимназій: С.-Петербургской шестой, коллежскій совѣтникъ *Бастенъ*, Николаевской Царскосельской, надворный совѣтникъ *Дюкро*, Нижегородской, *Омельянскій*, Виленской, коллежскій совѣтникъ *Лисикевичъ*, Шавельской: *Сперанскій* и *Семонъ*, Казанской третьей, коллежскій ассесоръ *Бергъ*, Каменецъ-Подольской: *Жукъ* и *Чехакъ*, Ковенской: коллежскіе ассесоры: *Макаровъ* и *Фальконье*, *Земберъ* и *Гроссетъ*, Симферопольской мужской, *Зоэль*, Одесской второй, *Андріевскій*, Рижской городской, *Барцъ*, Люблинской мужской: *Козьминскій* и *Прюссъ*, Кѣлецкой мужской: *Шперль*, *Чарнецкій*, *Стравинскій* и *Грубецкій*, Плоцкой мужской: статскій совѣтникъ *Масловскій*, *Лучицкій* и *Миллеръ* и Радомской мужской: *Контkевичъ* и *Бадовскій*, учитель Симферопольской женской гимназіи *Билинкевичъ*, учители реальныхъ училищъ: Виленскаго, *Ливчакъ*, Одесскаго, *Нѣмсцъ*, Варшавскаго: коллежскій ассесоръ *Налепинскій*, *Делакроа*, *Бялекъ* и сверхштатный *Вроблевскій*, и Влоцлавскаго: *Коссовскій* и *Каль*, врачъ сего училища *Новакъ*, учители прогимназій: Вольской, *Цигаръ*, Воронежской, *Волескій* и Варшавской 1-й мужской, коллежскій ассесоръ *Коперницкій*, исправляющій должность учителя Московской первой прогимназіи *Фонде*, помощникъ директора Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, священникъ *Ягодзинскій*, учителя сего института: *Михальскій*, *Новицкій*, *Круликовскій* и *Барановскій*, старшая надзирательница сего же института *Полубинская*, учительница того же института *Доманская*, учителя Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища: *Шмидтъ* и *Малецъ*, учитель одноклассного гминнаго Люборжицкаго начальнаго общаго училища, Мѣховскаго уѣзда, *Либура*, учительница 5-го одноклассного Варшавскаго городскаго начальнаго женскаго училища *Хржановская* и учительница одноклассного посадскаго Андреевскаго начальнаго женскаго училища, Андреевскаго уѣзда, *Станчикевичъ*; изъ нихъ по болѣзни: Бердау, Бергъ, Масловскій, Лучицкій, Контkевичъ, Вадовскій, Налепинскій, Бялекъ, Врублевскій, Коссовскій, Каль, Новакъ, Коперницкій, Ягодзинскій, Михальскій, Новицкій, Круликовскій, Барановскій, Полубинская, Доманская, Либура и Хржановская.

На лѣтнее вакаціонное время 1877 года и двадцать дней: законоучитель римско-католическаго исповѣданія въ Императорскомъ Дерптскомъ университетѣ *Петкевичъ*, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1877 года и двадцать восемь дней:

ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Лямбль*, экстраординарный профессоръ сего университета *Косинскій*, астрономъ-наблюдатель Императорскаго Дерптскаго университета, докторъ *Беклундъ* и учитель Рижскаго городскаго реальнаго для гражданъ училища *Пельхау*; изъ нихъ Лямбль, Косинскій и Пельхау по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1877 года и двадцать девять дней: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Буличъ*, ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бутлеровъ* и учитель Сызранскаго реальнаго училища *Хорошавинъ*; изъ нихъ Буличъ и Хорошавинъ по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время и по 1-е октября 1877 года: экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, статскій совѣтникъ *Вейсманъ*, по болѣзни.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: мировому посреднику 2-го участка Рѣжицкаго уѣзда *Сазонову*—за усердіе къ дѣлу народнаго образованія.

28-го мая 1877 г. (№ 7). *Утверждаются*: докторъ *Ленингъ* — ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Дерптскаго университета по каѳедрѣ государственнаго и народнаго правъ, съ 30-го апрѣля 1877 года.

Доценты Императорскаго университета св. Владиміра, доктора: всеобщей исторіи, *Фортинскій* и *Лучицкій*, и зоологіи, *Бобрецкій*—экстраординарными профессорами сего университета по каѳедрамъ: первый и второй — всеобщей исторіи, и послѣдній — зоологіи, всѣ трое съ 8-го апрѣля 1877 года.

Назначается: учитель С.-Петербургской второй прогимназіи, статскій совѣтникъ *Покровскій*—директоромъ училищъ Енисейской губерніи, съ 7-го мая 1877.

Причисляется къ министерству народнаго просвѣщенія, изъ отставныхъ: дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гафнеръ*, съ откомандированіемъ въ распоряженіе попечителя Дерптскаго учебнаго округа, съ 14-го мая 1877 года.

Переводится: счетный чиновникъ контрольнаго департамента морскихъ отчетовъ, коллежскій секретарь *Самойловъ*—на службу въ департаментъ народнаго просвѣщенія, съ назначеніемъ помощникомъ дѣлопроизводителя сего департамента, съ 24-го мая 1877 года.

Командируются съ ученою цѣлію: ординарные профессоры Импе-

раторскаго Варшавскаго университета: *Мржинскій*, *Макушевъ* и *Павинскій* и экстраординарные профессоры сего университета: *Никитскій* и *Колосовъ*—на имѣющій быть лѣтомъ 1877 года въ гор. Казани IV археологическій съѣздъ.

Ординарный академикъ Императорской Академіи наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Сухомлиновъ*—въ Московскую губернію, на мѣсяцъ и десять дней.

Ординарный академикъ Императорской Академія наукъ, тайный совѣтникъ *Бычковъ*—на имѣющій быть лѣтомъ 1877 года въ гор. Казани IV археологическій съѣздъ, на полтора мѣсяца.

Ординарный академикъ Императорской Академіи наукъ, тайный совѣтникъ *Гротъ* — въ Тамбовъ, на лѣтнее вакаціонное время 1877 года.

Ординарный академикъ Императорской Академія наукъ, тайный совѣтникъ *Срезневскій* — на имѣющій быть лѣтомъ 1877 года въ гор. Казани IV археологическій съѣздъ и въ сѣверовосточныя губерніи, на лѣтнее вакаціонное время 1877 года и двадцать восемь дней.

Ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Вагнеръ*—на Бѣлое море, на три мѣсяца.

Доцентъ Императорскаго Дерптскаго университета *Рейеръ* — на Кавказъ, на три мѣсяца и десять дней.

Увольняются въ отпускъ: *въ Россіи*: *на десять дней*: помощникъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа, генеральнаго штаба генералъ-маіоръ *Новиковъ* — въ Москву.

На три недѣли: директоръ Бердянской гимназіи *Вороной* — въ Полтавскую губернію.

На двадцать девять дней: начальникъ Ломжинской учебной дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Новиковъ*—въ разныя губерніи, директоръ Бѣлоцерковскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Самусъ* — въ Полтавскую губернію и директоръ Молодечнянской учительской семинаріи статскій совѣтникъ *Ставровичъ* — въ Виленскую, Гродненскую и Минскую губерніи.

На мѣсяцъ и девятнадцать дней: предсѣдатель Виленской коммисіи для разбора древнихъ актовъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Головацкій* — въ Московскую губернію и въ гор. Казань.

На два мѣсяца: помощникъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій ассесоръ *Кузнецовъ* — въ С.-Петербургскую губернію, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1877 года: ректоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бекетовъ*—въ Московскую губернію, директоры мужскихъ гимназій: Варшавской III, статскій совѣтникъ *Солнцевъ* — въ разныя губерніи, Холмской, статскій совѣтникъ *Гогоцкій* — въ Подольскую и Бессарабскую губерніи, Радомской, статскій совѣтникъ *Маркіановичъ*—въ гор. С.-Петербургъ и Кіевъ, Сувалкской, *Михайловскій* — въ гор. С.-Петербургъ, Варшаву и Нѣжинъ, Маріампольской, *Абрамовичъ*—въ разныя губерніи, и Ананьевской, *Блохинъ* — въ Кіевскую и Московскую губерніи, начальница Одесской Маріинской женской гимназіи *Патлаевская* — во внутреннія губерніи, директоры прогимназій: Глуховской, коллежскій совѣтникъ *Лазаренко*—въ гор. Кіевъ и Черниговъ, Херсонской, *Супруненко* — во внутреннія губерніи, и Ѳеодосійской, *Виноградовъ* — на Кавказъ, директоръ Одесскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Геекъ* — въ Орловскую губернію, директоръ Херсонской учительской семинаріи *Леонтовичъ* — въ Кіевскую и Черниговскую губерніи, и директоръ народныхъ училищъ Владимірской губерніи *Чеховичъ* — въ гор. С.-Петербургъ, Варшаву и въ Виленскую и Ковенскую губерніи; изъ нихъ Лазаренко и Чеховичъ по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1877 года и двадцать восемь дней: директоръ Ковенской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ѳеоктистовъ* — въ С.-Петербургъ и во внутреннія губерніи по болѣзни.

На три мѣсяца: директоръ Кіевской второй гимназіи, статскій совѣтникъ *Кустовъ* — въ разныя губерніи, по болѣзни.

Со дня окончанія экзаменовъ по 1-е октября 1877 года: директоръ Пензенской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ *Хохряковъ* — въ разныя губерніи, по болѣзни.

Въ Россіи и за границу: на лѣтнее вакаціонное время 1877 года и двадцать девять дней: директоръ Новинской учительской семинаріи *Деймидовичъ*, по болѣзни.

За границу: на двадцать восемь дней: экстраординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета *Волковъ*, доцентъ Императорскаго Дерптскаго университета *Кесслеръ* и канцелярскій чиновникъ канцеляріи Варшавскаго учебнаго округа *Пogоржельскій*.

На шесть недѣль: начальникъ Радомской учебной дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Лебединцевъ*, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1877 года: ординарные профессоры

Императорскихъ университетовъ: Дерптскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Мейеръ*, Варшавскаго, дѣйствительные статскіе совѣтники: *Струве* и *Александровичъ*, статскій совѣтникъ *Будзинскій*, надворный совѣтникъ *Тырховскій*, *Вислоцкій*, *Гойеръ* и *Павинскій*, экстраординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Новороссійскаго, надворный совѣтникъ *Кондаковъ* и Варшавскаго: *Яковлевъ*, *Барановскій* и *Лучкевичъ*, доцентъ Императорскаго Московскаго университета *Пегожевъ*, астрономъ-наблюдатель Императорскаго Новороссійскаго университета *Блокъ*, лекторъ Императорскаго Варшавскаго университета *Берзъ*, лаборанты сего университета: *Дзевульскій* и *Крамштыкъ*, ординаторъ клиники того же университета *Бельке*, учителя гимназій: С.-Петербургской пятой, коллежскій совѣтникъ *Гошеронъ-де-Лафоссъ*, Оренбургской: *Малина* и *Вавра*, Варшавскихъ мужскихъ: II — *Герцъ*, IV: *Конопчинскій*, *Радлинскій*, *Квѣтневскій*, *Дыновскій* и *Поплонскій*, и V: *Машевскій*, *Ханецкій* и *Скимборовичъ*, Петроковской мужской, *Канскій*, Ломжинской мужской: *Бартошевичъ*, *Пржибыловскій* и сверхштатный *Донхинъ*, старшій учитель Митавской гимназіи, коллежскій ассесоръ *Дидерихсъ*, врачъ Ломжинской мужской гимназіи *Пепловскій*, завѣдывающій Люблинскою женскою гимназіею *Листовъ*, учитель Одесской Маріинской общественной женской гимназіи *Маркевичъ*, надзирательница Радомской женской гимназіи *Павлакевичъ*, классная дама Калишской женской гимназіи *Опицъ*, учители прогимназій: Кіевской коллежскій ассесоръ *Дуссанъ*, Херсонской, *Перре*, Сандомирской мужской, *Вильковскій*, и Ченстоховской мужской: коллежскій ассессоръ *Крживицкій* и *Грабовскій*, учитель Одесскаго коммерческаго училища, коллежскій ассесоръ *Шаню*, учитель Андреевской учительской семинаріи *Данецкій*, дѣлопроизводитель канцеляріи Калишской учебной дирекціи *Мировскій*, учитель Прждборжскаго двухкласснаго начальнаго училища, Конскаго уѣзда, Радомской губерніи, *Кручъ*, и учитель одноклассгаго начальнаго общаго училища въ посадѣ Вислицѣ, Пинчевскаго уѣзда *Глинскій*; изъ нихъ по болѣзни: Струве, Будзинскій, Тырховскій, Вислоцкій, Гойеръ, Павинскій, Барановскій, Лучкевичъ, Герцъ, Конопчинскій, Радлинскій, Квѣтневскій, Дыновскій, Машевскій, Ханецкій, Скимборовичъ, Канскій, Бартошевичъ, Пржибыловскій, Донхинъ, Пепловскій, Павликевичъ, Опицъ, Вильковскій, Данецкій, Мировскій, Кручъ и Глинскій.

На два съ половиною мѣсяца: почетный попечитель Гатчинской учительской семинаріи *Бурда*.

На лѣтнее вакаціонное время 1877 года и двѣ недѣли: наставникъ

Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, коллежскій совѣтникъ *Шмидъ*, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1877 года и пятнадцать дней: инспекторъ С.-Петербургской второй гимназіи *Гельбке*.

На лѣтнее вакаціонное время 1877 года и двадцать девять дней: начальница Вольской женской прогимназіи *Эде*, по болѣзни.

На три мѣсяца: начальникъ Варшавской учебной дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Щебальскій*, почетный смотритель Сорокскаго уѣзднаго училища *Бибери* и надзирательница Бердичевскаго двухкласснаго городскаго женскаго училища *Блюмъ*; всѣ трое по болѣзни.

На два мѣсяца и лѣтнее вакаціонное время 1877 года: учитель Вольмарскаго уѣзднаго училища *Гейне*, по болѣзни.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію: директоръ училищъ Енисейской губерніи, коллежскій совѣтникъ *Аристовскій*, съ 7-го мая 1877 года.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: мировымъ посредникамъ: 2-го участка Брестскаго уѣзда, генералъ-маіору *Минкельдею* и 2-го участка Волковыскаго уѣзда, титулярному совѣтнику *Кисилевскому* — за усердіе ихъ на пользу народнаго образованія.

10-го іюня 1877 года (№ 8). *Утверждается*: исправляющій должность директора Корочанской прогимназіи, статскій совѣтникъ *Николаевъ*—въ сей должности.

Назначается: лекторъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, Титулярный совѣтникъ *Видертъ*—членовъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, съ 26-го апрѣля 1877 года.

Перемѣщается: экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ государственнаго права *Хлѣбниковъ*—экстраординарнымъ профессоромъ въ Императорскій университетъ св. Владиміра на каѳедру энциклопедіи права, съ 4-го марта 1877 года.

Командируются съ ученою цѣлію: сверхштатный библіотекарь Императорской публичной библіотеки, коллежскій ассесоръ *Гаркави* — на имѣющій быть лѣтомъ 1877 года въ гор. Казани IV археологическій съѣздъ, съ 20-го іюля по 20-го августа 1877 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Бестужевъ-Рюминъ* и доцентъ сего университета *Смирновъ* — на тотъ же съѣздъ, съ 1-го іюля по 15-е сентября 1877 года.

Доцентъ Императорскаго Казанскаго университета *Корсаковъ* — въ С.-Петербургъ, Москву и Астрахань, съ 1-го сентября 1877 года, на одинъ годъ,

Продолжается срокъ отпуска за границу: исправляющему должность доцента Императорскаго Варшавскаго университета *Ламанскому*—на двадцать восемь дней.

Увольняются въ отпускъ: *въ Россіи: съ 1-го іюля по 15-е августа 1877 года*: директоръ Гродненской дирекціи народныхъ училищъ, статскій совѣтникъ *Демьяновичъ*—въ м. Друскеники, Гродненской губерніи, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1877 года: директоры гимназій: Нижегородской, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Садоковъ*—въ Нижегородскій уѣздъ, Херсонской, статскій совѣтникъ *Алаевъ*—на Кавказъ, Новгородсѣверской, коллежскій совѣтникъ *Порскаловъ* — въ Кіевъ и С.-Петербургъ, Кишиневской, *Колловичъ* — во внутреннія губерніи, директоръ Московскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Де-Витте*—на Кавказъ и начальница Ростовской Екатерининской женской гимназіи *Симсоновская* — во внутреннія губерніи; изъ нихъ: Алаевъ, Порскаловъ и Де-Витте по болѣзни.

На шесть недѣль: директоръ Виленскаго еврейскаго учительскаго института, статскій совѣтникъ *Гвайта*—въ разныя губерніи, по болѣзни.

На семь недѣль: окружный инспекторъ Виленскаго учебнаго округа, коллежскій совѣтникъ *Грузовъ* — на Кавказъ по болѣзни.

Съ 15- іюня по 10-е августа 1877 года: директоръ Симбирской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Вишневскій* — въ Старую Руссу, по болѣзни.

На два мѣсяца: дѣлопроизводитель VII класса департамента народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ князь *Кантакузинъ* графъ *Сперанскій*—въ Полтавскую губернію.

На лѣтнее вакаціонное время 1877 года и три недѣли: директоръ Казанской третьей гимназіи, статскій совѣтникъ *Островскій*— во внутреннія губерніи, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1877 года и двадцать восемь дней: директоръ С.-Петербургской первой гимназіи, статскій совѣтникъ *Чистяковъ* — въ Ярославскую губернію.

Въ Россіи и за границу: *на два съ половиною мѣсяца:* причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, членъ ученаго комитета сего министерства, надворный совѣтникъ *Соловьевъ*, по болѣзни.

За границу на лѣтнее вакаціонное время 1877 года: старшій учитель лицея Цесаревича Николая *Лавровскій*, старшій туторскій помощникъ лицея *Кулаковскій* и учителя реальныхъ училищъ: Кіевскаго, коллежскій ассесоръ *Хоминъ* и Орловскаго Александровскаго, *Штаркъ*, учитель Александровской Старобѣльской прогимназіи *Брзобогатый*, помощникъ классныхъ наставниковъ С.-Петербургской второй прогимназіи *Жемчужный* и классная дама Радомской женской гимназіи *Будянская*; изъ нихъ: Штаркъ и Будянская по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1877 года и двадцать девять дней: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета Св. Владиміра, тайный совѣтникъ *Бунге*.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію: директоръ Нижегородскаго Александровскаго института, статскій совѣтникъ *Розингъ*.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: инспектору народныхъ училищъ Московской губерніи *Некрасову* — за ревностное исполненіе служебныхъ обязанностей.

Почетному блюстителю приходскихъ классовъ при Новоладожскомъ, С.-Петербургской губерніи, уѣздномъ училищѣ, личному почетному гражданину Михаилу *Старикову*, почетному блюстителю Сѣвскаго женскаго приходскаго училища, 2-й гильдіи купцу Николаю *Корчагину*, почетному блюстителю Ветлужскаго приходскаго училища, Ветлужскому 2 й гильдіи купцу Андрею *Дурневу*, почетному смотрителю Вяземскаго городскаго училища, Вяземскому городскому головѣ, почетному мировому судьѣ Вяземскаго судебнаго округа, Вяземскому 2-й гильдіи купцу Ивану *Ерохову*, почетному блюстителю Калитвенскаго приходскаго училища, 2-й гильдіи купцу Ивану *Абронову* и почетному блюстителю Бесергеневскаго приходскаго училища, 2-й гильдіи купцу Прокофію *Азовцеву* — за усердіе ихъ на пользу народнаго образованія.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: книгу подъ заглавіемъ: „*Книга упражненій въ Латинской грамматикѣ доктора Фердинанда Шульца*, составленная согласно съ учебнымъ планомъ министерства народнаго просвѣщенія 1872 г. *Ю. Ходобаемъ* и

П. Виноградовымъ, преподавателями 3-й Московской гимназіи. Часть I. Изд. 4-ое, исправ. и дополн. Москва. 1876 г. Цѣна 1 р.—одобрить какъ пособіе для гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книги подъ общимъ заглавіемъ: „*Сборникъ древнихъ классиковъ для русскихъ читателей*:

I. *Письма Плинія*, въ изложеніи *А. Черча* и *У. Бродрипна*. СПб. 1876.

II. *Аристофанъ*, въ изложеніи *Лукаса Коллинза*. Переводъ съ англійскаго *П. Вейнберга*, подъ редакціею профессора С.-Петербургскаго университета *Н. І. Люгебиля*. СПб. 1876 г.

III. *Лукіанъ*, въ изложеніи Лукаса *Коллинза*. СПб. 1876 г.

IV. *Тацитъ*, въ изложеніи *В. Б. Донна*. Переводъ *С. К. Брюлловой*, урожденной Кавелиной, СПб. 1876 г.—одобрить означенныя четыре книги сборника для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „*Katechizm rzymsko-katolicki ułozony przez Ksiedza Piotra Stojakowskiego* nauczyciela przy szkole Realnej w Warszawie. Warszawa. 1877 г." — одобрить въ видѣ руководства для тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Варшавскаго учебнаго округа, въ которыхъ Законъ Божій преподается на польскомъ языкѣ.

— Книгу: „*Руководство къ чтенію поэтическихъ сочиненій Людвига Эккардта*. Съ приложеніемъ краткаго учебника теоріи поэзіи. Перевели и составили приложеніе *Н. Максимовъ* и *В. Островскій*. Изд. 2-ое, измѣненное. СПб. 1877 г. Цѣна 1 р. — одобрить, какъ руководство, при чтеніи поэтическихъ образцовъ и при письменныхъ работахъ въ старшихъ классахъ гимназій, мужскихъ и женскихъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „*Упрощенный учебникъ русской грамматики въ связи съ практическими упражненіями*. Сост. *А. Семеновъ*, примѣнительно къ учебному плану. Выпускъ первый. *Начальный систематическій курсъ русской грамматики*. Составъ рѣчи. СПб. 1877 г. Цѣна 20 к.— одобрить, какъ учебное пособіе при преподаваніи грамматики.

— Книгу: „*Краткая латинская синонимика*". Пособіе по латинскому языку для учениковъ старшихъ классовъ гимназій. По *Шульцу* и *Менге* изложилъ *К. Я. Бѣлицкій*. Одесса. 1877 г. Цѣна 1 р. 25 к.—допустить въ видѣ пособія по латинскому языку для старшихъ классовъ гимназій, но съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи исправлены бы были замѣченныя ученымъ комитетомъ погрѣшности.

— Книгу: *Превращенія Публія Овидія Назона.* Книги I—VIII. Переводъ съ латинскаго. Москва. 1874 г. Книги IX—XV. Переводъ съ латинскаго *Ѳ. Матвѣева.* Москва 1876 г.—одобрить для основныхъ и ученическихъ библіотекъ гимназій и прогимназій, а также и для основныхъ библіотекъ реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: книгу: „*Неутомимый труженикъ. Жизнь шотландскаго натуралиста Томаса Эдварди.* Соч. Сам. Смайлса. Переводъ съ англійскаго *Е. Сысоевой.* СПб. 1877 г. Цѣна 1 р. 50 к.“ —допустить для ученическихъ библіотекъ гимназій, реальныхъ училищъ и женскихъ гимназій, для старшаго возраста.

— Составленную И. П. Рождественскимъ книгу: „*Обученіе письму-чтенію. Способъ соединеннаго письма-чтенія. Азбука съ прописями и картинами въ текстѣ.* Кіевъ, 1877. Цѣна 40 коп.“—допустить какъ руководство въ начальныя школы.

— Брошюры: Изъ Ясной поляны (графа Толстаго) разсказы для крестьянскихъ ребятъ, одобрить слѣдующіе разсказы: 1) Робинзонъ, 2) про Христофора Колумба и 3) капитанъ Головнинъ въ плѣну у Японцевъ и допустить слѣдующіе разсказы: 1) Дупяшка и 40 разбойниковъ, 2) Матвѣй, 3) Неправедный судъ и 4) Разсказы о Ермакѣ.

— Составленную В. Водовозовымъ книгу подъ заглавіемъ „*Книга для первоначальнаго чтенія въ народныхъ школахъ.* Часть I, изд. 10. СПб., 1877 г. Цѣна 45 коп.“, согласно данному на предшествовавшее изданіе одобренію, одобрить для чтенія въ народныхъ училищахъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 16 (28) день минувшаго іюня, Высочайше

соизволилъ на принятіе Кундышево-Володинскаго двухкласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ д. Шиловѣ, Даниловскаго уѣзда, Ярославской губерніи, подъ Августѣйшее покровительство Его Императорскаго Высочества Государя, Великаго Князя Сергія Александровича.

ВСЕПОДДАННѢЙШІЕ АДРЕСЫ:

А. Новороссійскаго университета.

Ваше Императорское Величество, Всемилостивѣйшій Государь! Здѣсь, на берегу Чернаго моря, явственно слышны съ равнинъ Дуная вопли и стоны нашихъ братій по вѣрѣ и крови. Ихъ слышала и Европа, но осталась спокойной и безучастной. . . .

Одна Россія, направляемая мудрою мыслію и могучей волей своего Богомъ хранимаго Царя-Освободителя, не остановилась предъ священной задачей — положить предѣлъ изувѣрству и варварству, уврачевать вѣковую скорбь и свѣжія раны страдальцевъ, успокоить ихъ боли.

Великій смыслъ и глубокое значеніе этой задачи живо чувствуются на окраинѣ Новороссіи, вблизи мѣстъ, гдѣ столько уже пролито русской крови за правое дѣло, безкорыстно дорогое русскому народу.

По волѣ Екатерины второй возникла Одесса; по волѣ Вашего Величества въ Одессѣ возникъ Новороссійскій университетъ, призванный служить интересамъ науки, цивилизаціи и человѣчности на глазахъ родственныхъ племенъ, отданныхъ въ жертву невѣжества, деспотизма и тираній.

Соблаговолите же, Августѣйшій, дорогой Монархъ, принять къ стопамъ Вашего Величества наши вѣрноподданническія чувства, одушевляющія теперь всѣхъ русскихъ, и милостиво выслушать выраженіе нашихъ живѣйшихъ надеждъ и пожеланій, чтобы святое дѣло освобожденія славянъ, начатое Петромъ I-мъ, было совершено Александромъ II-мъ.

Слѣдуютъ подписи ректора и профессоровъ Новороссійскаго университета.

В. Историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ.

Всемилостивѣйшій Государь! Велико и торжественно переживаемое нами время; совершающіяся нынѣ событія неизгладимо будутъ начертаны на скрижаляхъ исторіи. Не было брани, столь священной и побужденій, столь возвышенныхъ. Милліоны христіанъ, неразрывно связанныхъ съ нами единствомъ вѣры и происхожденія, изнемогшихъ подъ тяжкимъ многовѣковымъ игомъ невѣрныхъ, съ воплемъ отчаянія, въ виду конечнаго истребленія, простираютъ руки къ единокровной Россіи. Всенародное воодушевленіе царственнымъ Твоимъ призывомъ на брань за вѣру и братьевъ — выраженіе правды и залогъ успѣха подъемлемаго Тобою подвига; едиными устами и единымъ сердцемъ многомилліоннаго народа движетъ провидѣніе.

Величіе и торжественность минуты даютъ смѣлость намъ, державною Твоею волею призваннымъ къ святому дѣлу образованія наставниковъ русскаго юношества, повергнуть предъ Тобой, Великій Государь, глубочайшія вѣрноподданническія чувства безпредѣльной преданности и пламенныя пожеланія, да водрузитъ напутствованное Тобою побѣдоносное русское воинство знамя свободы и порядка въ странѣ, нынѣ обагренной кровью и нѣкогда просвѣтившей насъ христіанствомъ. Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданные:

Слѣдуютъ подписи Директора и преподавателей историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ.

— Управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія г. товарищъ министра предложеніемъ отъ 21 минувшаго іюля за № 3616 разрѣшилъ попечителю Казанскаго учебнаго округа п. 7 утвержденнаго министерствомъ народнаго просвѣщенія 15 апрѣля 1872 г. Положенія о стипендіи учрежденной Пермскимъ благороднымъ собраніемъ для высшаго образованія одного изъ молодыхъ людей, окончившихъ курсъ въ Пермской гимназіи, дополнить слѣдующимъ: „а деньги, остающіяся свободными отъ назначенія стипендіи, предоставить Пермскому благородному собранію употреблять по его усмотрѣнію, въ пособіе послѣдующимъ стипендіатамъ или для приращенія капитала стипендіи".

— Вслѣдствіе представленія г. попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія утвердилъ опредѣленный педагогическимъ совѣтомъ 5 С.-Петербургской прогимназіи, съ начала будущаго 187⁷/₈ учебнаго года, размѣрѣ

платы за ученіе: въ приготовительномъ классѣ по *тридцати рубл.* и въ нормальныхъ классахъ по *сорока пяти р.*, въ годъ съ каждаго ученика.

— По донесенію попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, образованный на основаніи Высочайше утвержденнаго въ 28 день декабря 1876 года мнѣнія государственнаго совѣта, въ С.-Петербургѣ ученый совѣтъ подъ предсѣдательствомъ С.-Петербургскаго городскаго головы, открылъ свои дѣйствія 7 іюня въ два часа дня и въ составъ означеннаго совѣта вошли слѣдующія лица по его назначенію: инспекторъ народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи 1-го района коллежскій ассесоръ Семеко и члены: отъ министерства народнаго просвѣщенія, по назначенію попечителя, учитель—инспекторъ С.-Петербугскаго Сампсоньевскаго городскаго училища, состоящій въ VIII классѣ Иванъ Петровъ, отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, по назначенію г. С.-Петербургскаго градоначальника, дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Ивановичъ Ужумецкій—Грицевичъ, отъ епархіальскаго вѣдомства законоучитель гимназіи императорскаго человѣколюбиваго общества протоіерей Іоаннъ Полисадовъ и отъ города, по избранію думы, гласные: Баронъ Павелъ Леопольдовичъ Корфъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Θедоръ Θедоровичъ Эвальдъ и кандидатами къ симъ послѣднимъ, для замѣщенія ихъ въ совѣтѣ во время болѣзни или отсутствія изъ города: статскій совѣтникъ Андрей Александровичъ Краевскій и дѣйствительный статскій совѣтникъ Михаилъ Ивановичъ Семевскій.

— Царскосельскимъ купцомъ Алексѣемъ Тарасовымъ пожертвовано 500 р. въ распоряженіе Вышневолоцкой городской думы для назначенія преміи за составленіе этнографическаго, статистическаго и историческаго сборника матеріаловъ, отъ дня открытія г. Вышняго Волочка до его столѣтняго юбилея съ тѣмъ, чтобы за лучшій сборникъ назначена была премія отъ 300 до 500 руб.

— 8 минувшаго іюня г. министромъ народнаго просвѣщенія утверждены новые учебные планы предметовъ, преподаваемыхъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія; желающіе могутъ получить ихъ, съ печатью департамента, по 20 коп. за экземпляръ, у коммисіонера министерства С.-Петербургскаго книгопродавца Глазунова.

— По донесенію попечителя Московскаго учебнаго округа, 11 минувшаго мая послѣдовало открытіе Московскаго городскаго училищнаго совѣта, начавшаго свою дѣятельность относительно начальныхъ училищъ г. Москвы.

Открытіе училищъ.

— Открыты слѣдующія народныя училища, *двухклассныя*: 10 апрѣля въ м. Сорочинцахъ, Миргородскаго уѣзда, Полтавской губ.; 29 мая въ с. Каменкахъ, Рузскаго уѣзда, Московской губ., при 45 учепикахъ; 20 іюня въ с. Спасъ-Тверделицахъ Смоленскаго уѣзда; *одноклассныя*: 19 іюня въ с. Ратчинѣ, Духовщинскаго уѣзда, Смоленской губ., 17 апрѣля въ м. Пилавѣ, 18 апрѣля съ с. Паплинцахъ и 19 апрѣля въ с. Торчинѣ,—Литинскаго уѣзда, Подольской губ., 11 апрѣля въ м. Тарнорудѣ, Проскуровскаго уѣзда той-же губерніи и 10 апрѣля въ с. Юринцахъ, того же уѣзда.

О ЗАПИСКѢ ГОТСКАГО ТОПАРХА.

Въ настоящее время этнографія Понтійскаго побережья представляетъ такую массу произвольныхъ взглядовъ, что разборъ ихъ является неотложною задачею науки, но она недоступна единоличнымъ усиліямъ. Почтенный академикъ А. А. Куникъ, въ изслѣдованіи своемъ о Запискѣ Готскаго Топарха, называя ее важнымъ источникомъ, выражетъ мнѣніе, что она заслуживаетъ того, чтобы было приступлено viribus unitis къ подробному изслѣдованію и разъясненію ея [1]).

Обращеніе почтеннаго академика къ постороннему содѣйствію мы готовы были бы принять за шутку, если бы не имѣли въ виду, что надъ разъясненіемъ отрывковъ топарха трудились уже Газе, баронъ Кене, Муральтъ, Рамбо, Гедеоновъ, Ламбинъ, Иловайскій, Погодинъ и Брунъ. Отсюда слѣдуетъ заключить, что несогласіе въ пониманіи загадочныхъ фрагментовъ происходило не столько отъ недостатка, сколько отъ излишества соображеній, страдающихъ отсутствіемъ одинаково для всѣхъ убѣдительной истины [2]). Съ этой точки зрѣнія споръ, возникшій о значеніи записки, будетъ оставаться открытымъ до той поры, пока ученые не прійдутъ къ соглашенію во взглядахъ своихъ вообще на природу края, гдѣ совершались событія, описанныя топархомъ. Разъясненіе записки, сдѣланное всѣми уважаемымъ А. А. Куникомъ, не удовлетворило профессора В. Г. Васильевскаго, вѣроятно—по той же самой причинѣ, какая привела глубокаго знатока исторіи г. Куника къ несогласію съ своими предшественниками.

---

[1]) Зап. Готск. Топарха, 62.

[2]) Ср. ibd., стр. 65.

Не мудрено, что въ прошломъ столѣтіи ученые, посвящавшіе труды свои географіи Южно-Понтійскаго побережья, дѣлали промахи: имъ недоставало тогда ни картъ, ни научнаго описанія края, занятаго Татарами; но примѣръ ихъ долженъ быть поучителенъ для насъ въ томъ отношеніи, что одинъ подборъ ссылокъ на древнихъ авторовъ недостаточенъ при рѣшеніи вопросовъ этнографическихъ, въ особенности тамъ, гдѣ безъ нихъ немыслима истинная исторія [1]). Къ сожалѣнію, не многіе изъ новѣйшихъ изслѣдователей поняли предстоявшую имъ задачу, и вмѣсто того, чтобы повѣрить въ натурѣ написанное предшественниками, принялись за импровизацію физически невозможныхъ путей, накопили множество баласта въ области географіи,—науки положительной, и окончательно затемнили ее относительно Новороссійскаго края. Недавно намъ случилось встрѣтить въ одномъ изъ новѣйшихъ сочиненій по русской исторіи показаніе, что „въ древности лѣса начинались отъ Днѣпровскихъ пороговъ и обнимали собою всѣ близъ лежащіе заливы, озера и Перекопскія болота". Интересно было бы знать: откуда почерпнулъ свое любопытное свѣдѣніе почтенный историкъ?

Мы жалуемся на древнихъ авторовъ за то, что они много знали и мало писали; сами же не колеблемся писать о томъ, чего не знаемъ. Постараемся, съ своей стороны, избѣгнуть этого многими заслуженнаго упрека и позволяемъ себѣ надѣяться, что наше слово если не разъяснитъ тьмы, то по крайней мѣрѣ не отниметъ свѣта у будущаго лучшаго изслѣдователя. Наблюденія наши надъ природою страны мы повѣряли на мѣстѣ, и если у насъ найдутся ошибки, то онѣ произошли не отъ того, что мы не видѣли предмета, а потому, что не съумѣли посмотрѣть на него съ надлежащей точки зрѣнія. Сказанія древнихъ писателей о территоріи Новороссійскаго края растяжимы до безконечности, и кажется, что нѣтъ положенія, котораго нельзя было бы доказать ссылками на отрывочные источники. Съ этой стороны, настоящій трудъ нашъ открытъ для нападокъ; что же касается до предположеній, основанныхъ на свидѣтельствѣ природы, то мы не опасаемся повѣрки ихъ на мѣстѣ.

Имѣя на этотъ разъ въ виду Записку Готскаго Топарха, укажемъ для примѣра на вопросъ, касающійся народности варваровъ, нападавшихъ на страну, гдѣ жилъ топархъ. Одни изслѣдователи

---

[1]) Ср. *Jagić* въ *Arch. f. Slav. Philol.* 1876, B. I, Heft 2, стр. 311, 320, 330, 331; *Кн. Вяземскій*, Слово о Пол. Игор. 9, 463.

видятъ ясно, что въ запискѣ говорится о Варяго-Руссахъ, другіе подозрѣваютъ въ нихъ Печенѣговъ или Гунновъ, третьи—Кабаровъ или Черныхъ Угровъ, и наконецъ, Хазаръ; но всѣ изслѣдователи согласны въ томъ, что событія, описанныя у топарха, могли случиться только въ періодъ времени между 940—988 годами, слѣдовательно, тогда, когда Константинъ Порфирородный составилъ описаніе о всѣхъ народахъ, обитавшихъ въ странахъ припонтійскихъ, и показалъ приблизительно мѣста ихъ осѣдлости. Положимъ, что сочиненія Константина содержатъ въ себѣ неясности и неточности [1]), но это не даетъ намъ права передѣлывать ихъ по своему, ради предвзятой идеи. Одинъ разъ мы ссылаемся на Константина, какъ на единственный источникъ для познанія тогдашняго положенія края, а въ другой—обвиняемъ въ неумѣніи сказать то, что онъ желалъ [2]).

По географическому положенію своему Крымскій полуостровъ представляетъ страну въ особенности благопріятную для повѣрокъ этнографическаго показанія. Крымъ — почти островъ, и достигнуть его сухопутно можно только тремя путями: а) со стороны Арабатской стрѣлки или Геническа, б) чрезъ Чонгарскій переѣздъ и в) чрезъ Перекопскій перешеекъ. Переправы, существующія у Геническа чрезъ узкій проливъ и у Чонгаръ, были удобопроходимы во всякое время года. Четвертая дорога — чрезъ Керченскій проливъ, водою, возможна была только для народа судоходнаго. Положимъ, что при помощи этого простаго указанія намъ представляется рѣшить слѣдующіе вопросы: 1) на какой дорогѣ Аланы, около 950 года, могли препятствовать Хазарамъ нападать на Херсонъ и проѣзжать въ Климаты? и 2) на какой дорогѣ Руссы могли не пропускать Черныхъ Болгаръ для нападенія на Корсунскія владѣнія?

При этомъ слѣдуетъ принять въ соображеніе, что, по общему убѣжденію, владѣнія Херсона ограничивались Крымомъ, а Хазары и Черные Болгары находились будто бы, въ эпоху X столѣтія, на Таманскомъ полуостровѣ [3]). Если властодержецъ Аланіи могъ преграждать Хазарамъ пути, нападая на нихъ внезапно, при проѣздѣ въ Саркелъ, въ Климаты или въ Херсонъ, то значитъ, онъ жилъ съ народомъ своимъ на берегахъ Керченскаго пролива. Что касается до на-

---

[1]) Ср. *Иловайскій*, Ист. Россіи. Москва, 1876, ч. I, 292, пр. 10; его же, Разысканія о началѣ Руси, стр. 124, 200.

[2]) *Иловайскій*, Разысканія, стр. 207, 208.

[3]) *Куникъ*, Зап. Готск. Топарха, стр. 84; ср. *Бутковъ*, Обор. Русск. Лѣтоп., стр. 85, 86, 267.

родности Алановъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что они были Готы [1]). Вопросъ объ отличіи Таманскихъ Алановъ отъ Закавказскихъ, о которыхъ упоминается у Константина особо, въ гл. 42-й, давно уже бросался въ глаза изслѣдователямъ и даже подалъ поводъ признавать въ нихъ Руссовъ [2]). Но воспоминанія о Готахъ Приазовскихъ въ Словѣ о полку Игоревомъ [3]) и въ лѣтописяхъ о Таноготской странѣ даютъ болѣе основанія видѣть въ нихъ Готовъ Константинова времени, нежели Черныхъ Болгаръ. Можно ли допустить предположеніе, чтобъ архіепископы и епископы, бывшіе въ Крыму, назывались Готскими и Аланскими, еслибы Крымъ или Таманскій полуостровъ были населены Болгарами. Переходимъ ко второму вопросу— относительно того, откуда Руссы могли не пускать Черныхъ Болгаръ для нападенія на Крымъ. Если у Керченскаго пролива были Аланы, то само собою разумѣется, что Руссы жили не тамъ, а на пути въ Крымъ со стороны Днѣпра. Такимъ образомъ опредѣляется и мѣсто жительства Черныхъ Болгаръ вблизи Узовъ, Печенѣговъ, Хазаръ и Руссовъ, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, слѣдовательно, на пути въ Крымъ. Константинъ говоритъ опредѣлительно, что Руссы ѣздили въ Черную Болгарію по Днѣпру, а такъ какъ на пути слѣдованія къ Таманскому полуострову Чернымъ моремъ находились Херсонъ и Босфоръ, то Константинъ навѣрное упомянулъбы объ нихъ, если бы Руссы проѣзжали въ Черную Болгарію моремъ. Въ этой же 42-й главѣ упоминается и о Сиріи, изъ которой мы сдѣлали Ширванъ

---

[1]) Procopii, De bello vandalico, l. 3, p. 319; ср. *Neuman*. Die Völk. d. Südlich. Russland, 40, 41. Сопоставляя извѣстія различныхъ писателей объ Аланахъ, Шафарикъ упрекалъ нѣмецкихъ ученыхъ въ отожествленіи Алановъ съ Готами (Слав. Древ., т. 1, кн. 3, стр. 134); но знаменитый славистъ не принялъ въ соображеніе, что, кромѣ Готовъ, другой народъ не могъ сохранить своей самостоятельности въ Крыму и на Дону до позднѣйшаго времени; доказательствомъ тому служатъ Хазары. Поэтому, вопросъ о единоплеменности будто бы Крымскихъ Алановъ — Ась съ Оссами Кавказскими нельзя считать рѣшеннымъ. *Müller*, Ethnographie 352; *Steur*, Ethnograph. des peupl. Bruxelles. 1872, t. 2, p. 32—36; *Diefenbach*, Orig. Europ., 41. 87; ср. *D'Ohsson* Des peupl. du Caucase, pp. 179—185.

[2]) *Ламбинъ*, Тмуторак. Русь, стр. 68; ср. *Vivien de S. Martin*, Sur les Alains, pp. 177, 183—185; ср. *Изв. Имп. Археол. Общ.*, т. III, стр. 482, т. VII, стр. 193, 194; *Макарій*, Ист. Христ.; 1866, стр. 87, 88, 89, 90.

[3]) *Куникъ*, Зап. Готск. Топарха, стр. 141; ср. Mélang. Russ., t. 1, p. 394—396.

или Зихію [1]), тогда какъ и здѣсь рѣчь идетъ о Сиріи Приднѣпровской, которую мы находимъ въ губерніи Екатеринославской, при томъ же Днѣпрѣ, въ области Сурскаго порога и р. Суры, пропущенныхъ Константиномъ при описаніи пороговъ. Напрасно г. Юргевичъ предполагаетъ, что у Константина Сурскій порогъ скрывается въ Улворси [2]). Сурскій порогъ получилъ названіе свое отъ рѣки Суры, но вопросъ о происхожденіи слова Сура невозможно разрѣшить безъ соображеній этнографическихъ. Можно предположить, что названіе рѣки Сурою произошло отъ греческ. Σαύρα, встрѣчаемаго въ имени придонской страны Saurica и народа Саваровъ, которыхъ Шафарикъ отожествлялъ съ Сѣверянами Нестора [3]). У Славянъ Придунайскихъ слово это сохранилось въ преданіи о Сурѣ-Ламіи [4]); въ нашихъ пѣсняхъ слово суръ означаетъ молодца. Пикте находитъ его въ языкѣ санскритскомъ: Sîra—рѣка и Surâ—вода [5]). Но въ странѣ Чувашей протекаетъ также рѣка, называемая Сура [6]). Предоставляя разрѣшеніе вопроса объ источникѣ происхожденія имени рѣки этимологамъ, мы считаемъ достаточнымъ замѣтить здѣсь, что Константина Сирія должна была находиться въ сосѣдствѣ съ Черною Болгаріей, такъ какъ для проѣзда въ нихъ показана одна и та же дорога.

Помѣстивъ Черныхъ Болгаръ въ Крыму и на Таманскомъ полуостровѣ, изслѣдователи наши отожествили Кіевскихъ Руссовъ съ Руссами восточныхъ писателей, и на основаніи показанія ихъ, создали для Кіевскихъ Руссовъ небывалую систему водянаго пути изъ Днѣпра въ Азовское море при посредствѣ рѣкъ Самары, Волчьей, Міуса Кальміуса, Молочной и Берды; послѣднюю г. Щегловъ соединяетъ

---

[1]) *Иловайскій*, Розысканія, 115; ср. *Щегловъ*, Перв. Стр. Русс. Ист., стр. 253, 254; *Бутковъ*, Оборона, стр. 268.

[2]) *Зап. Од. Общ.*, т. VI, стр. 59, ср. 66, 67.

[3]) Слав. Древ., т. I, кн. 1, стр. 351; ср. *Дриновъ*, Засел. Балк. полуостр., стр. 152, 153.

[4]) *Кн. Вяземскій*, Сл. о Полк. Игор., стр. 115, 118.

[5]) Les Origin. Indo-Europ. Paris. 1859, I, p. 139; ср. *Diefenbach*. Orig. Europ., 89.

[6]) Mél. Rus. 1857, p. 268. Встрѣчая однозвучные корни въ названіяхъ живыхъ урочищъ на мѣстѣ совмѣстной осѣдлости Угро-Алтайскихъ и Индо-Европейскихъ народовъ, трудно рѣшить, какому изъ языковъ принадлежатъ онѣ. Ср. *Harkavy*, Briefwechs. z. Cordova и Astrach. um 960, стр. 93. Слова однозвучныя съ р. Сура мы встрѣчаемъ въ названіяхъ Сирукулпей и рѣкъ Сююрлій и Хиріи (Сиріи?); ср. *Савельевъ*, Топогр. Клад., стр. CVIII, пр. 198; *Бутковъ*, Оборона Лѣтоп., стр. 310—321.

уже съ Конкою [1]) и такимъ образомъ, открываетъ прямой путь изъ Днѣпра въ Каспійское море. Но можно ли предположить, чтобы Константинъ или лѣтописцы не сохранили извѣстія о плаваніи Руссовъ изъ Днѣпра къ Азовскому морю, „идѣ же не ходили ни дѣди наши?" Намъ кажется, что проектъ соединенія Днѣпра съ Азовскимъ моремъ давно уже пора изъять изъ вѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія и передать для повѣрки въ министерство путей сообщенія.

На приглашеніе г. Куника о разъясненіи отрывковъ готскаго топарха отозвался г. Васильевскій, помѣстившій въ *Ж. М. Н. Пр.* разсужденіе свое подъ названіемъ: „Запискѣ Греческаго Топарха" [2]), тогда какъ у г. Куника названа она Запискою Готскаго Топарха. Такимъ образомъ, г. Васильевскій сразу разошелся во взглядахъ съ почтеннымъ А. А. Куникомъ. Мы не беремъ на себя смѣлости быть судьею между соперниками болѣе насъ компетентными, но позволяемъ себѣ посмотрѣть на Записку Топарха съ иной точки зрѣнія.

Сущность предположеній г. Куника заключалась въ нижеслѣдующемъ: Топарху было поручено народнымъ собраніемъ (какъ видно изъ третьяго отрывка) отправиться изъ Климатовъ къ великому князю. Поэтому онъ позднею осенью выѣхалъ изъ южной или юго-западной части Крыма моремъ къ устью Днѣпра. Оттуда направился сухимъ путемъ и верхомъ прямо на Кіевъ и потомъ обратно къ Днѣпровскому устью. Тутъ застала его зима, и онъ, чтобъ укрыться отъ степныхъ непріятелей, старался достигнуть какого-либо мѣста или града на берегу Чернаго моря. Отсутствіе названія непріятелей г. Куникъ объясняетъ напыщенностью Византійцевъ, у которыхъ варвары не заслуживали чести родоваго отличія по имени. Послѣ подробнаго и всесторонняго разсмотрѣнія вопроса о мѣстонахожденіи Климатовъ, г. Куникъ, называя ихъ Готскими, приходилъ къ заключенію, что выраженіе, находящееся въ договорахъ первыхъ нашихъ князей съ Греками:... „слико же есть городовъ... на той части" соотвѣтствуетъ греческому Константинова времени τὰ κάστρα τῶν κλιμάτων. При этомъ, почтенный академикъ, вопреки всегдашней своей всесторонней осмотрительности, высказываетъ предположеніе, что въ договорѣ 944 года

---

[1]) Перв. Стр. Русск. Ист., стр. 254, ср. 6. Предположеніе о существованіи водоходнаго пути изъ Днѣпра въ Азовское море основано было г. Бруномъ на показаніи Боплана, но мы имѣемъ другой почти современный источникъ, лишающій насъ возможности довѣрять словамъ Боплана; см. *Лѣтоп. Археограф. Коммисіи* 1861 г., стр. 63; ср. *Изв. Имп. Геогр. Общ.*, т. XI, стр. 20 и 22.

[2]) *Ж. М. Н. Просв.* 1876, ч. CLXXXV, отд. 2.

есть намекъ на существованіе въ то время владѣній Русскихъ на Киммерійскомъ Босфорѣ, такъ какъ оттуда только могъ великій князь Русскій воспрепятствовать Чернымъ Болгарамъ дѣлать набѣги на Крымъ. Отвергая предположеніе своихъ предшественниковъ о народности варваровъ, нападавшихъ на область топарха въ Крыму, г. Куникъ не желаетъ видѣть въ нихъ Славянскую Русь, Норманскихъ Родсовъ или Черныхъ Болгаръ (стр. 82), но полагаетъ, что представленная топархомъ характеристика непріятелей можетъ относиться только къ Хазарамъ, хотя и сомнѣвается, чтобы господство Хазаръ надъ крымскими городами и народами удержалось до XI в. [1]), то-есть, до времени совершенія событій, описанныхъ у топарха. Указавъ на существованіе русскихъ владѣній у Киммерійскаго пролива и принимая въ соображеніе слова изъ договора 911 года, г. Куникъ не отвергаетъ, что столь же древни могли быть поселенія русскія и при Азовскомъ морѣ (стр. 88). Начало протектората Русскихъ князей надъ областью Крымскихъ Готовъ г. Куникъ относитъ къ 940 г. и предполагаетъ, что покровительство это продолжилось до смерти Святослава весною 973 г. Г. Куникъ остался при убѣжденіи, согласно съ прежними изслѣдователями, что Климаты, упомянутые въ отрывкахъ, слѣдуетъ искать въ Крыму, и доказательства свои основывалъ на указаніи Константина Багрянороднаго о нахожденіи ихъ на Крымскомъ полуостровѣ. Что же касается до пункта переправы чрезъ Днѣпръ у Боріона или Воріона, то сей послѣдній, по мнѣнію г. Куника, находился не далеко отъ Днѣпровскаго устья; Маврокастронъ же г. Куникъ помѣщалъ сначала въ сосѣдствѣ съ Перекопомъ, а потомъ остановился на Карасубазарѣ, согласно съ г. Бруномъ, который, въ свою очередь, искалъ его на Бельбекѣ въ Крыму. Такимъ образомъ, всѣ изслѣдователи до г. Васильевскаго приходили къ заключенію, что театромъ совершавшихся событій, описанныхъ у топарха, былъ

---

[1]) О Зап. Готск. Топар., стр. 83, 86. Мы тогда признаемъ достовѣрность отвѣтнаго письма хакана Іосифа, когда будетъ доказано, что Крымско-Таманскіе и Придонскіе Хазары не имѣли собственныхъ хакановъ, и что показаніе лѣтописей о войнѣ Святослава съ Хаканомъ въ 965 г. при взятіи Бѣлой-Вежи относится къ хакану Астраханскому. Интересно было бы знать, по какому пути турецкій воевода Лебедій ѣхалъ на халандіяхъ изъ страны Печенѣговъ къ хакану Астраханскому? (см. у Константина, гл. 38; ср. X, XI и XLII). Тотъ же самый вопросъ представляется намъ въ легендахъ о путешествіи Константина на кораблѣ къ хакану Хазарскому чрезъ Меотійское озеро; см. *Бильбасовъ*, Кириллъ и Меѳодій, ч. II, стр. 327, 378; ср. у *Serra*, IV, 58, о путешествіи Луки Тариго съ Дона на Волгу въ 1374 году.

Крымскій полуостровъ, а мѣстопребываніе царствовавшаго было на сѣверъ отъ Дуная.

Г. Васильевскій, въ изслѣдованіи своемъ, приходитъ къ заключеніямъ совершенно противоположнымъ. Маврокастронъ и Климаты дѣлаютъ для него единственно возможнымъ предположить, что „событія, описанныя у топарха во 2-мъ и 3-мъ отрывкахъ, совершались на Дунаѣ и всего скорѣе въ Булгаріи" (стр. 115). Позволяю себѣ думать, что не столько Климаты, сколько Боріонъ (Βορών) можетъ имѣть въ данномъ случаѣ значеніе; но относительно мѣстонахожденія его г. Васильевскій отзывается незнаніемъ. Такимъ образомъ ясно становится, что при неизвѣстности, гдѣ именно переправлялся топархъ чрезъ Днѣпръ, всѣ предположенія г. Васильевскаго о направленіи пути топарха къ Дунаю или въ Крымъ падаютъ сами собою. Главная ошибка изслѣдователей заключалась въ томъ, что они придавали слишкомъ много значенія отдѣльнымъ выраженіямъ и смотрѣли на первый отрывокъ какъ на заключительный, тогда какъ, по смыслу событій, первый отрывокъ не есть самостоятельный, а только дополнительный ко второму. Но и при этомъ размѣщеніи, одинъ первый отрывокъ, въ которомъ описана переправа чрезъ Днѣпръ, даетъ возможность опредѣлить несомнѣнно мѣсто происходившихъ событій. Поэтому, прежде подробнаго разсмотрѣнія порознь каждаго отрывка, мы считаемъ необходимымъ представить соображенія о причинѣ, подавшей намъ поводъ поставить первый отрывокъ вслѣдъ за вторымъ.

Изъ втораго отрывка явствуетъ, что топархъ жилъ въ какой-то области, которой угрожало нападеніе варваровъ, опустошившихъ предварительно сосѣдственную страну. Опасаясь, чтобы варвары, приблизясь къ его области, не уничтожили жителей, топархъ предпринималъ всякія мѣры предосторожности; это было въ глубокую осень когда наступленіе зимы было близко. Находясь въ городѣ совершенно разрушенномъ, топархъ не надѣялся, чтобы въ немъ можно было защищаться; когда же непріятели сдѣлали нападеніе, и топархъ отразилъ ихъ, тогда пришло ему на мысль остаться на прежнемъ мѣстѣ (Климатѣ) и для бо́льшаго обезпеченія себя отъ непріятелей выстроить тамъ крѣпость. Поѣздка топарха за Днѣпръ въ Боріонъ могла соединять въ себѣ двѣ цѣли: временное отступленіе и переговоры съ сосѣдями. Мудрыя распоряженія, сопряженныя съ опасностью для жизни, о которыхъ упоминаетъ топархъ, должны относиться не столько къ переправѣ чрезъ рѣку — во время ледохода, сколько къ неувѣренности въ дружескомъ пріемѣ со стороны жите-

лей Воріона. Хотя послѣ отраженія перваго нападенія непріятелей на Климату топархъ нашъ и рѣшился снова поселиться въ ней, но ему все-таки предстояла необходимость заручиться союзниками, и вотъ онъ, окруженный войскомъ, отправился въ Воріонъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы рѣшить тамъ вопросъ или объ уходѣ навсегда по направленію къ Маврокастрону, или о возвращеніи во свояси. Еслибы топархъ въ первомъ отрывкѣ не объяснилъ, что время переправы было въ началѣ зимы, тогда можно было бы предположить, что первый отрывокъ есть какъ бы введеніе, заключающее въ себѣ описаніе отступленія до нападенія варваровъ, но топархъ показываетъ, что онъ отразилъ варваровъ осенью, слѣдовательно, первый отрывокъ не можетъ предшествовать второму.

Хвастливый Грекъ, чтобы придать болѣе цѣны своимъ подвигамъ, представляетъ всѣ событія въ преувеличенномъ видѣ и нашествіе варваровъ уподобляетъ потопу. Но какимъ образомъ онъ могъ устоять противъ него въ разрушенномъ городкѣ и переправиться черезъ Днѣпръ? Положимъ, что на правой сторонѣ, послѣ отраженія непріятеля, путь къ Днѣпру былъ свободенъ, но топархъ говоритъ, что и на лѣвомъ берегу, по направленію къ Маврокастрону, находилась непріятельская земля; слѣдовательно, мѣстомъ осѣдлости варваровъ былъ лѣвый берегъ. Какая же нелегкая могла бы понести нашего топарха отъ Днѣпра въ Крымскія Климаты за Карасубазаръ, среди зимы, при отсутствіи водопоевъ и подножнаго корма и въ виду своихъ непріятелей? Что топархъ не имѣлъ дѣйствительно намѣренія идти по направленію къ Маврокастрону, тому служатъ доказательствомъ сборы по прибытіи въ Воріонъ и ожиданія до полуночи, когда подулъ тяжкій сѣверный вѣтеръ. Оставшись достаточное количество дней въ Воріонѣ, топархъ узналъ истинное расположеніе къ нему туземцевъ и возвратился, вѣроятно, уже по другой дорогѣ во свояси въ Климату, которая между тѣмъ отстраивалась.

Въ третьемъ заключительномъ фрагментѣ описываются происшествія, послѣдовавшія по водвореніи топарха на прежнемъ мѣстѣ, и поѣздка по совѣту сосѣдей, для сохраненія своихъ владѣній, къ царствующему на сѣверѣ отъ Истра. При этомъ оказывается, что съ владѣніями послѣдняго граничили, какъ область сосѣдей топарха, такъ и Климата съ округомъ, и земля, съ коей подарены были доходы.

Обращаемся къ доказательствамъ относительно нашихъ предположеній и начнемъ съ перваго отрывка: „...Небольшія суда не на-

ходили себѣ свободнаго пространства на поверхности теченія, ибо многія изъ нихъ попадали между двумя величайшими льдинами... Всякій разъ, какъ это случалось, люди, находившіеся на суднѣ, выскакивали изъ него, садились на льдину и ѣхали на ней какъ на плоту. А нѣкоторыя изъ судовъ разбились и были поглощены водою, такъ какъ Днѣпръ былъ въ сильномъ волненіи... Спустя немного дней,... вода вездѣ стала и превратилась въ твердую поверхность... Днѣпръ вздымался гнѣвный и бурный, наводя страхъ на всякаго, кто глядѣлъ на него... Уже не въ видѣ текущихъ водъ являлась намъ его поверхность, но въ видѣ суровыхъ и окаменѣлыхъ горъ"...

Достаточно одного знанія мѣстности, чтобы прійдти къ заключенію о томъ, что картина, изображенная топархомъ, относится къ порожистой части Днѣпра, гдѣ онъ, вслѣдствіе высоты паденія, достигаетъ наибольшей быстроты теченія. Описывая пороги, Константинъ говоритъ, что вода, ударяясь о крутыя скалы, подымающіяся изъ средины рѣки, волнуется, и потомъ низвергаясь, наводитъ ужасъ; то же самое ощущеніе испытывалъ и топархъ. Только здѣсь Днѣпръ замерзаетъ такъ, какъ описано у топарха; что же касается до низовьевъ Днѣпра, то тамъ, при извѣстной точкѣ пониженія температуры, поверхность воды покрывается одновременно сплошнымъ и ровнымъ льдомъ. Тѣ суровыя и окаменѣлыя горы, о которыхъ говоритъ топархъ, бываютъ видимы только въ порогахъ, гдѣ быстрота теченія, увлекая образующійся на поверхности ледъ дробитъ его о камни и нагромождаетъ изъ него цѣлыя горы, по берегамъ. Въ порожистой части Днѣпра переправа по льду устанавливается гораздо позже и тогда только, когда впереди несомый отъ пороговъ ледъ не находитъ уже свободнаго пространства двигаться далѣе [1]). Ниже пороговъ, при замерзаніи Днѣпра, никогда не случается, чтобы льдины, которыя въ состояніи выдерживать людей, плавали бы свободно на его поверхности, какъ описано у топарха; но эта особенность замерзанія Днѣпра есть обыкновенное въ порогахъ явленіе. Такимъ образомъ, достаточно было простаго прочтенія записки топарха знакомому съ мѣстностью, чтобъ опредѣлить пунктъ его переправы чрезъ Днѣпръ. Остановившись на мѣстѣ пороговъ, нахожденіе Боріона или Воріона опредѣляется само собою. Г. Васильевскій желалъ найдти подходящее

---

[1]) О замерзаніи Днѣпра см. *Шмидтъ*, Херс. губ., стр. 172—175; ср. Матер. для статист. рѣчн. судоход. С.-Пб. 1872, стр. 64—67.

названіе въ позднѣйшей русской номенклатурѣ поселеній по всему теченію Днѣпра, начиная отъ Кіева до лимана и остановился на Бургунѣ вблизи Херсона, тогда какъ изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что имя Боріона или Воріона должно имѣть связь съ однимъ изъ пороговъ. По гречески Βορός значитъ прожорливый, ненасытимый,— отсюда и произошло названіе селенія Βοριῶν—отъ Ненасытецкаго порога. Отголосокъ греческаго названія сохранился и о сю пору въ слѣдующей за Ненасытецкимъ порогомъ Вороновой заборѣ и р. Вороной [1]). Сомнѣваясь въ справедливости показанія Константина объ источникѣ происхожденія славянскаго названія Ненасытецкаго порога отъ птицы неясыть, изслѣдователи не пришли къ соглашенію [2]). То же самое можетъ повториться и относительно Воріона и Вороновой заборы. Почтенный авторъ „Исторіи Русской Жизни" И. Е. Забѣлинъ предполагаетъ, что имя Воріона имѣетъ связь съ народомъ Боранами [3]). По мнѣнію Черткова, названіе Вороновой заборы можно было бы производить отъ врана, ворона [4]). Для окончательнаго рѣшенія этого вопроса мы позволяемъ себѣ указать этимологамъ на церковно-славянское слово вора, означающее преграду: „а броды всѣ бяху заворены вòрами". Такимъ образомъ, названіе Вороновой заборы указывало бы на древность своего происхожденія и на связь съ древне-угорскимъ Wora [5]).

Зная мѣсто нахожденія Воріона, мы считаемъ необходимымъ остановиться на Маврокастронѣ. У топарха сказано: ....„Прибывъ съ селеніе Воріонъ..... и проведя здѣсь такую часть дня, сколько требовалось для возстановленія своихъ силъ, мы стали собираться въ путь, чтобъ идти по направленію къ Маврокастрону". Г. Васильевскій отвергаетъ всякую мысль о тожественности Маврокастрона съ Карасубазаромъ и переноситъ его въ Аккерманъ, на Днѣстръ, для доказательства, что топархъ ѣхалъ изъ Крыма въ Булгарію и переправлялся съ лѣвой стороны Днѣпра на правую вблизи лимана (стр. 416). Всѣ доводы въ пользу своего пред-

---

[1]) *Кругъ-Лербергъ*, стр. 273; *Спасскій*, Кн. Больш. Чертежъ, стр. 98, 100, ср. 256.

[2]) *Кругъ*, ib., стр. 302, 303; ср. *Гротъ*, Филолог. розыск. С.-Пб. 1873 г., стр. 448—451; *Юргевичъ* въ *Зап. Одесск. Общ.*, VI, стр. 62, 63.

[3]) Истор. русск. жизни. Москва, 1876 г., стр. 310.

[4]) Описаніе войны Святослава, стр. 140.

[5]) *Zeitschrift für Ethnologie*, 1876. Heft IV и V, стр. 140. Въ землѣ Торковъ показанъ городъ Вронь. Не имѣетъ ли онъ связи съ Воріономъ?

положенія г. Васильевскій основалъ на средневѣковыхъ картахъ, но упустилъ изъ виду, что онѣ не идутъ къ событіямъ, совершившимся, по его же мнѣнію, во времена Святослава. Ни одинъ изъ писателей этого времени не упоминаетъ о существованіи Черной крѣпости въ устьяхъ Днѣстра, а напротивъ того, Константинъ Порфирородный ясно свидѣтельствуетъ, что одна изъ шести разоренныхъ крѣпостей, находившихся у Днѣстра, называлась Бѣлою. Названіе это находится въ связи съ природою мѣстности, такъ какъ вода въ Днѣстровскомъ лиманѣ (Бѣлой рѣкѣ Константина) представляется бѣлою. Поэтому и въ русскія лѣтописи днѣстровскій городъ занесенъ подъ именемъ Бѣлгорода [1]) и всегда отличаемъ былъ отъ позднѣйшаго города Чернь. Молдаване называли его Четате-Албa, а Татары-Аккерманъ. Первыя сношенія Генуэзцевъ съ Молдавіей начались въ 1316 году, и въ это время Бѣлгородъ назывался у Италіанцевъ Mancastro [2]) но на картѣ 1318 года онъ показанъ подъ именемъ Mauroskastro. Еслибы между Маврокастрономъ и городомъ Чернь на Днѣстрѣ была дѣйствительно связь, тогда имя города оставалось бы неизмѣннымъ; но на позднѣйшихъ италіанскихъ картахъ онъ названъ у Пичигани въ 1367 году опять Mancastro, а у другихъ—Maucastro и Moncastro, слѣдовательно, нельзя предположить, чтобъ италіанское Maurocastro отвѣчало русскому городу Чернь [3]). Тѣмъ менѣе мы находимъ основанія къ отожественію топархова Маврокастрона съ Аккерманомъ потому только, что у Висконти показанъ, неизвѣстно почему, Mauro-castro. По всей вѣроятности, Италіанцы перевели монгольское Mankermen, что значитъ Хвалимая крѣпость, и сдѣлали изъ нея Maurocastro, подобно тому, какъ изъ Константинова Νεκρο-πόλλη они сдѣлали Nigropoli и подали поводъ почтенному академику Кунику искать здѣсь Маврокастронъ [4]).

Въ спискѣ „градомъ русскымъ“, городовъ съ именемъ Чернь по-

---

[1]) *Лейбовичъ*, Св. Лѣтоп., С.-Пб. 1876, стр. 281. У Константина сказано, что Печенѣги назвали его Бѣлымъ по цвѣту камней.

[2]) *Heyd*, Colon. ital. in Oriente, Venezia, 1868. Vol. 2, pp. 92, 97. У Абульфеды Бѣлгородъ показанъ въ 1323 году подъ названіемъ Acdja-Kerman; см. Géogr., p. 317; а у Герберштейна сказано: «Назадъ тому нѣсколько лѣтъ Турки заняли Альбу, которая иначе называлась Монкастро, лежащую при устьѣ Днѣстра». Лызловъ предполагалъ, что Манкопъ и Манскотрумъ одно и то же (Скиѳск. Ист., т. II, стр. 7). Неужели мы, слѣдуя этому примѣру, станемъ утверждать, что Маврокастронъ и Монкастро тожественны?

[3]) *Васильевскій*, стр. 416, 417; ср. Atti della Societ. ligure, vol. II, p. 247.

[4]) Ср. *Кеппенъ*, Крымск. Сбор., стр. 352, 353; ср. стр. 162.

казано нѣсколько; на какомъ же основаніи Маврокастронъ топарха долженъ совпадать только съ однимъ приднѣстровскимъ, а не съ польскимъ или кіевскимъ, при явной ошибкѣ со стороны Италіанцевъ?

Существованіе на Днѣстрѣ города Чер　нь въ позднѣйшее время не можетъ опровергнуть свидѣтельства Константина о существованіи въ устьяхъ Днѣстра Бѣлаго, а не Чернаго города [1]). Что же касается до нахожденія древностей въ селеніи Коротномъ, на лѣвой сторонѣ Днѣстра, принадлежащихъ ко временамъ С. Севера и Каракаллы, то онѣ не могутъ служить доказательствомъ существованія здѣсь города въ эпоху близкую къ Запискѣ Топарха. Напротивъ того, въ Карасубазарѣ о сю пору сохранились слѣды древнихъ построекъ, находятся византійскія монеты, въ особенности херсонскія, и вскрывая нѣсколько кургановъ въ с. Александровѣ, въ окрестностяхъ Карасубазара, я встрѣчалъ въ нихъ много вещей греческой работы.

Г. Васильевскій говоритъ, что искать другого Маврокастрона, помимо того, который стоялъ на Днѣстрѣ, оказывается напраснымъ (стр. 418). Чтобы доказать противное, мы не станемъ ссылаться на Тунманна, хотя онъ описывалъ Крымъ въ эпоху переселенія Грековъ и отъ нихъ могъ узнать прежнее имя Карасубазара. Въ Крыму есть много мѣстъ, имѣвшихъ по два названія [2]). Древніе географы и средневѣковые путешественники сохранили для насъ извѣстія только относительно городовъ прибрежныхъ, другіе же, находившіеся внутри страны, оставляли безъ вниманія, такъ что въ настоящее время для отысканія ихъ необходимо, или производить раскопки, или обращаться къ соображеніямъ о путяхъ, соединявшихъ между собою извѣстныя мѣстности, которыя не могли существовать безъ посредствующей связи. Карасубазаръ находится на дорогѣ изъ Херсониса въ Судакъ, Ѳеодосію и Керчь, а если ѣхать отъ Днѣпра въ Херсонисъ, чрезъ Арабатскую стрѣлку или Чонгары, то путь чрезъ Карасубазаръ ока-

---

[1]) *Соловьевъ*, Ист. Росс., т. 6, стр. 27, 70; ср. *Григоровичъ*, *В. И.*, Записка объ археолог. изслѣд. Днѣстровск. побереж., стр. 11, прим. I, карта. По всей вѣроятности, названіе рѣкъ, мѣстъ и поселеній, находившихся въ Молдавіи-Валахіи, получили имена Черныхъ, Чернятинъ, Чернятинокъ, Черneловка, Чернь и пр. не ранѣе XIII ст. отъ Μαυρόβλαχος. См. *Diefenbach*, Die Völkst. Europ. Türk. Frankfurt. 1877, стр. 55; ср. *Дашкевичъ*, Болоховск. Земля. Кіевъ, 1876 г., стр. 13.

[2]) *Кеппенъ*, стр. 4; Путеш. Импер. Екатер. II, въ Полуд. Край Росс. С.-Пб. 1786, стр. 77, 78; Списокъ насел. мѣстъ Тавр. губерн., стр. XXVIII, XXIX.

зывается не только короче, но и представляетъ гораздо болѣе удобствъ относительно водопоя и подножнаго корма, нежели путь на Перекопъ. Древняя дорога на южный берегъ Крыма проходила чрезъ Карасубазаръ, и слѣды существованія ея видны о сю пору [1]). Поэтому и показаніе Сурожской легенды о томъ, что „Анна же царица отъ Корсуна въ Керчь идущи разболѣся на пути смертнымъ недугомъ на Черной водѣ, призвала на помощь св. Стефана Сурожскаго", должно относиться къ р. Карасу, хотя г. Брунъ и предполагаетъ, что событіе, постигшее царицу, случилось на Бельбекѣ [2]), слѣдовательно, въ 25 верстахъ отъ Херсониса; но соотвѣтственнѣе думать, что оно произошло у Карасубазара въ сосѣдствѣ съ Судакомъ, когда царица, находясь за сто верстъ отъ своего города, не имѣла уже возможности возвратиться.

Впрочемъ, если мы знаемъ мѣсто переправы топарха чрезъ Днѣпръ, то дальнѣйшее соображеніе, относящееся къ отысканію Маврокастрона, теряетъ ту важность, которую придаетъ ему г. Васильевскій. Одного взгляда на карту достаточно для того, чтобъ отвергнуть всякую мысль о необходимости переѣзжать Днѣпръ въ сосѣдствѣ съ порогами, идучи къ Днѣстру изъ Херсониса или возвращаясь изъ Кіева въ Крымъ. Мы не находимъ основанія утверждать, что топархъ дѣйствительно имѣлъ намѣреніе идти къ Маврокастрону, и съ этой точки зрѣнія связь, установленная между мѣстомъ, названнымъ своимъ, и Маврокастрономъ, падаетъ сама собою.

Г. Васильевскій принимаетъ нашего топарха за офиціальное лицо при византійскомъ дворѣ и при этомъ высказываетъ три предположенія: а) топархъ могъ быть спутникомъ Калокира, б) могъ быть посланникомъ къ Святославу въ Кіевѣ и в) могъ возвращаться отъ Печенѣговъ (стр. 433). Чтобы доказать возможность послѣдняго предположенія, г. Васильевскій ссылается на VIII-ю главу Константина, въ которой говорится о посылаемыхъ изъ Царьграда царскихъ чиновни-

---

[1]) *Кеппенъ*, стр. 61, 140, 142. Г. Брунъ предполагаетъ, что упоминаемый у Ваддинга подъ 1311 годомъ Marumcastrum есть Аккерманъ (*Труды I-го Археол. Съѣзда*, стр. 378), но при этомъ упускаетъ изъ виду, что о существованіи въ устьяхъ Днѣстра города Marumcastrum извѣстія не сохранилось; ср. его же, Черноморскіе Готы, стр. 31; *Куникъ*, О Зап. Гот. Топарха, стр. 127.

[2]) Черноморскіе Готы, стр. 31. Ф. К. Брунъ принялъ теперешнее названіе протекающей вблизи Севастополя рѣчки Черной за переводное съ татарскаго; между тѣмъ у Татаръ она называлась не Кара-Узень, а Казыклы-Узень (Запруженная рѣка) и даже Алсу (Алая вода); ср. *Кеппенъ*, Крымск. Сборн., стр. 3, 231, 243, 245, и *Зап. Одесск. Общ.*, т. 6, стр. 519, 522.

кахъ на хеладіяхъ по рѣкамъ Дунаю, Днѣпру и Днѣстру. Но какъ эта, такъ и предыдущая VII-я глава книги объ управленіи имперіей, въ которой говорится о царскихъ чиновникахъ, посылаемыхъ изъ Херсона въ Пацинакію, лишаютъ насъ возможности видѣть въ топархѣ царьградскаго посланника. Если онъ пріѣзжалъ на хеландіяхъ изъ Царьграда, то ему не нужно было войска или проводниковъ, такъ какъ онъ не долженъ былъ оставлять хеландій; а если посланный ѣздилъ изъ Херсона, то на основаніи инструкціи онъ долженъ былъ имѣть заложниковъ и не могъ встрѣтить у Днѣпра непріятелей, заставившихъ его думать о возвращеніи во свояси. Изъ Записки Топарха явствуетъ, что по пріѣздѣ въ Воріонъ его встрѣчали и провожали какъ своего, накормили и снабдили проводниками. Откуда же могли явиться у иноземца друзья на берегахъ Днѣпра? Мы въ особенности указываемъ на проводы топарха, такъ какъ мысль о возвращеніи во свояси, то-есть, въ то мѣсто, откуда онъ пришелъ, родилась въ умѣ топарха только въ Воріонѣ, послѣ свиданія съ друзьями туземцами. Если изъ перваго разсматриваемаго нами отрывка и не видно, откуда приходилъ топархъ въ Воріонъ, то логическая связь между этимъ и остальными отрывками приводитъ насъ къ несомнѣнному заключенію, что область топарха находилась при Днѣпрѣ въ 45 верстахъ отъ Крарійскаго перелаза, гдѣ переправлялись Херсонцы, возвращаясь изъ Россіи, и Печенѣги, ѣздившіе въ Херсонъ [1]. Во второмъ отрывкѣ топархъ говоритъ о себѣ какъ владѣльцѣ области въ сосѣдствѣ съ варварами; на какомъ же основаніи у проѣзжаго человѣка могла быть область въ чужой землѣ? Прежде переправы по льду, топархъ пытался переѣхать чрезъ Днѣпръ на лодкахъ; откуда жь онъ могъ достать ихъ? Выше мы имѣли уже случай указать на самохвальство и очевидную несообразность, встрѣчаемую въ Запискѣ Торпаха. Во второмъ отрывкѣ онъ говоритъ: „Вся сосѣдственная и близкая къ варварамъ область лежала въ развалинахъ". Но какимъ же чудомъ Воріонъ, находившійся въ непріятельской землѣ, остался не тронутымъ? Отсюда и слѣдуетъ заключить что первый отрывокъ есть дополненіе къ отрывку второму. Нападеніе на область топарха случилось осенью, а поѣздка за Днѣпръ произошла при началѣ зимы; слѣдовательно, топархъ переѣзжалъ Днѣпръ между первымъ внезапнымъ нападеніемъ на его область и началомъ войны, описанной въ третьемъ отрывкѣ. Еслибы мысль:

---

[1]) Константинъ, гл. IX.

„снова поселиться въ Климатѣ" пришла топарху до поѣздки въ Воріонъ, тогда дѣйствительно можно было бы думать, что онъ хотѣлъ бросить навсегда мѣсто своего жительства и уйдти за Мавrокастронъ чрезъ непріятельскую землю. Но выходитъ, что на рѣшимость топарха возвратиться „во свояси" повліяло свиданіе съ Воріонцами, которые устроили для него по этому случаю торжественные проводы и рукоплескали одобрительно [1]). Они же являются снова въ третьемъ отрывкѣ въ лицѣ тѣхъ туземцевъ, державшихся топарха, которые, стремясь къ независимости и чуждаясь эллинскихъ обычаевъ, совѣтовали топарху заключить миръ съ царствовавшимъ на сѣверѣ отъ Истра.

Въ виду того, что впереди находилась непріятельская земля, предположеніе о поѣздкѣ топарха изъ Крыма въ Кіевъ, при чемъ онъ долженъ былъ бы дважды переѣзжать непріятельскую землю при слѣдованіи туда и обратно, падаетъ само собою, точно также, какъ и предположеніе о сухопутной поѣздкѣ топарха къ устьямъ Днѣпра съ цѣлью найдти тамъ корабль для слѣдованія въ Болгарію. Интересно было бы знать, откуда г. Васильевскій почерпнулъ свѣдѣніе о томъ, что Греки, жившіе въ Крыму, не имѣли собственныхъ судовъ и должны были нанимать ихъ за 300 верстъ отъ Херсониса въ устьяхъ Днѣпра? [2]).

Въ настоящее время, изслѣдователи нашей старины не сомнѣваются уже въ томъ, что Греки имѣли поселенія свои при Днѣпрѣ [3]). Для окончательнаго въ этомъ убѣжденія археологія не доставила еще положительныхъ данныхъ, и остается пока на точкѣ предположенія, что вещи греческой работы, находимыя по берегамъ Днѣпра, могли попасть туда путемъ торговли. Но сквозь туманъ, окружающій исторію Херсониса Таврическаго, мы ясно усматриваемъ, что существованіе его не могло продолжаться такъ долго, еслибъ онъ не имѣлъ передовыхъ станцій, при посредствѣ которыхъ улаживались дѣла его съ варварами, наводнявшими поперемѣнно Крымъ и сопредѣльныя страны. Что со стороны природы не представлялось пре-

---

[1]) Желаніе доказать предвзятую мысль привело г. Васильевскаго къ убѣжденію, что, кромѣ Грековъ, другой народъ не могъ выражать своихъ чувствъ удареніемъ въ ладоши (стр. 381, 382), тогда какъ Фотій, описывая нашествіе Руссовъ, упоминаетъ, что они ударяли въ ладоши (ἀνεκρότησαν). *Порфирій*, Четыре Бесѣды, стр. 17.

[2]) Ср. de administr., стр. 52.

[3]) *Иловайскій*, Разысканія, стр. 457.

пятствій къ вторженію на Крымскій полуостровъ, доказательствомъ тому служитъ нахожденіе въ немъ Печенѣговъ, Хазаръ и другихъ народовъ, за которыми осталась слава грабителей. Но Херсонисъ держался, не смотря на то, что нѣкогда процвѣтавшіе вокругъ его Пантикапея, Ольвія и Танаисъ, одинаково дорогіе для Византійской имперіи, лежали въ развалинахъ. Съ этой точки зрѣнія любопытная исторія Херсона, мнимый протекторатъ надъ нимъ Руссовъ, потомъ взятіе Владиміромъ и снова возвращеніе Грекамъ ждутъ своего изслѣдователя [1]).

У Константина въ гл. 42-й показано: „Отъ р. Днѣпра до Херсона триста миль, посреди же находятся озера и гавани, гдѣ Херсонцы добываютъ соль". Слѣдовательно, владѣнія Херсонитовъ не ограничивались территоріей города или южнымъ берегомъ Крыма. Въ гл. 9-й Константинъ говоритъ, что Херсонцы, „возвращаясь изъ Россіи, переправлялись чрезъ Днѣпръ". О Гречникахъ Кіевскихъ упоминается на первыхъ страницахъ русской исторіи [2]). Поэтому и на основаніи показанія Константина мы должны прійдти къ заключенію: 1) что Греки, для торговли съ Россіей и наблюденія за дѣйствіями кочевниковъ, могли имѣть поселенія какъ при Днѣпрѣ, такъ и за Днѣпромъ; 2) что Хазары, Турки и потомъ Печенѣги не препятствовали Грекамъ ѣздить въ Россію и возвращаться оттуда, такъ какъ взаимныя отношенія ихъ между собою были регламентированы, и 3) что, какъ выше было сказано, Греки для торговли съ Руссами должны были ѣздить къ Днѣпру и переправляться чрезъ него, а слѣдовательно, до 948—950 годовъ русскихъ владѣній не находилось въ Крыму или на Таманскомъ полуостровѣ [3]).

Слова изъ договора 912 г.: „отъ многихъ лѣтъ межи хрестианы и Русью бывшюю любовь", и о лодьяхъ греческихъ: „да проводимъ ю

---

[1]) Ср. *Васильевскій*, Русско-визант. отрывки, II, стр. 124, 157.

[2]) Ср. *Куникъ*, Зап. Готск. Топарха, стр. 124.

[3]) Въ письмѣ хакана Іосифа говорится, что Тмуторокань и Саркелъ находились въ зависимости отъ Хазаръ, а далѣе сказано, что Іосифъ охранялъ Каспійское море отъ вторженія въ него Руссовъ, приходившихъ на корабляхъ по Волгѣ; см. *Гаркави*, op. cit., стр. 87, 88. Интересно было бы знать, какимъ путемъ Руссы попадали на корабляхъ изъ Тамани на Волгу, минуя Саркелъ? Ср. *Reclus*, La Méditer. Casp. въ *Rev. d. deux Mondes*, t. 34, p. 615 — 621, и ст. *Озерскаго* въ *Морск. Сборн.* 1857 г., февр., стр. 282—286. Отъ устья Дона до переволоки у Калача считается по Дону около 500 верстъ; изслѣдователи же вопроса о торговлѣ Руссовъ съ Востокомъ предполагали, что Волга сближается съ Дономъ въ устьяхъ его.

сквозѣ всяко страшно мѣсто" не могутъ относиться къ морю, но указываютъ прямо на Днѣпръ и страшные пороги. Во время похода Игоря въ 944 году, Корсунцы успѣли дать знать въ Царьградъ о готовившемся нашествіи, и въ послѣдовавшемъ договорѣ встрѣчаются уже прямыя указанія на Корсунскую страну и на устья Днѣпровскія, гдѣ сталкивались интересы обоихъ народовъ. Еслибы слова договора: „о о сихъ оже то приходятъ Черніи Болгаре и воюютъ въ странѣ Корсуньстѣй" относились къ Болгарамъ Таманскимъ, тогда бы слѣдовало смотрѣть на описаніе Константина какъ на импровизацію. Въ 950 году Корсунская страна не простиралась до Босфора, и владѣній Херсонисскихъ на Таманскомъ полуостровѣ не было; какимъ же образомъ Руссы могли принимать на себя обязательство не пропускать Черныхъ Болгаръ для нападенія на Корсунскую страну и города ея со стороны Керченскаго пролива? Можно ли допустить предположеніе, чтобы Византійскіе Греки подъ именемъ Корсунской страны разумѣли всѣ земли между Херсономъ и Босфоромъ, гдѣ жили Угры, Хазары, Кабары, Печенѣги, Турки, Готы и остатки другихъ народовъ? [1]) Тѣмъ менѣе можно допустить еще другое предположеніе, будто бы Руссы жили въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ городомъ Херсонисомъ. Мы касаемся этихъ вопросовъ собственно по отношенію къ Запискѣ Топарха, чтобы показать, какихъ народовъ опасались Херсонисскіе Греки въ періодъ времени, близкій къ событіямъ, описаннымъ въ отрывкахъ. Опасными для Херсонитовъ были Черные Болгаре, жившіе въ области Днѣпра, слѣдовательно, тамъ, откуда Русскіе дѣйствительно могли не пропускать ихъ для нападенія на Корсунскія, находившіяся тамъ, владѣнія. Въ существованіи послѣднихъ убѣждаютъ насъ не только приведенныя здѣсь соображенія, но и признаки нахожденія греческихъ поселеній по обѣимъ сторонамъ Днѣпра. Чтобъ убѣдиться въ этомъ относительно Климаты и Воріона, стоитъ взглянуть на окрестности Ненасытецкаго порога. Здѣсь все— и природа, и темныя преданія о Перуновой скалѣ, о камнѣ-богатырѣ,

---

[1]) Ср. *Куникъ*, Записка Г. Топарха, стр. 76, 77. Описывая область Херсонскую, Константинъ не называетъ ее Босфорскою, тогда какъ самъ говоритъ, что въ древности Херсономъ распоряжался тотъ, кто владѣлъ Босфоромъ. Еслибы во времена Константина Босфоръ принадлежалъ Византійцамъ, то глава XI-я не называлась бы: о крѣпости Херсонѣ и крѣпости Босфорѣ, а наоборотъ. Показаніе въ этой и предыдущей главахъ о властодержцѣ Аланіи не оставляетъ сомнѣнія, что мѣстопребываніе его былъ Босфоръ, чрезъ который проходили Хазары.

о могилѣ Святослава и о варяжскомъ островѣ Хортицѣ, названномъ такъ въ сказаніи Евсѳафія, напомнитъ вамъ о Руссахъ и Грекахъ, а огромные пни одичавшаго винограда и названіе селенія Виноградовкой и острова вблизи Ненасытца—Виноградньмъ укажутъ мѣстонахожденіе Климаты (τὸ κλῆμα, ατος) если между ними дѣйствительно можетъ быть связь по примѣру крымскихъ южно-бережскихъ Климатовъ [1]). Многочисленные курганы, находящіеся здѣсь въ близкомъ разстояніи одинъ отъ другаго, не скоро, какъ кажется, дождутся пытливости археологовъ. Впрочемъ, исторія только съ недавняго времени удостоила археологію своимъ вниманіемъ.

На основаніи историческихъ и географическихъ соображеній г. Васильевскій пришелъ къ заключенію, что время совершенія событій, описанныхъ топархомъ, должно относиться къ первому походу Святослава въ Болгарію, слѣдовательно, къ 967 году.

Что касается до соображеній географическихъ, то послѣ вышесказаннаго, онѣ не могутъ считаться убѣдительными, и остается обратиться къ соображеніямъ историко-этнографическимъ.

Изъ сочиненія „Объ управленіи имперіей“ мы видимъ, что главная цѣль Константина заключалась въ томъ, чтобъ указать сыну своему на средства—сохранить неприкосновенность византійскихъ владѣній со стороны сѣверныхъ варваровъ. Константинъ не заботился о сообщеніи вѣрныхъ географическихъ свѣдѣній, но обращалъ вниманіе на описаніе отношеній, дѣйствительно существовавшихъ у иноземныхъ народовъ между собою. Племя Печенѣговъ поставлено у него на первомъ мѣстѣ, и Константинъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на защитниковъ Византійской имперіи отъ нападенія Руссовъ. Но Печенѣги представлены у него какъ народъ бродячій, переходившій съ одной стороны Днѣпра на другую; городовъ они не имѣли и земледѣліемъ не занимались. Такими они являются у всѣхъ писателей восточныхъ и западныхъ. О преемникахъ ихъ, Куманахъ, въ лѣтописяхъ нашихъ сказано: „бѣша бо ходяще яко и Угри“. Въ этомъ заключается причина, что у Константина встрѣчаются противорѣчія относительно предѣловъ земли, занятой Печенѣгами. Одинъ разъ онъ говоритъ, что Пацинакія находится не далеко отъ Херсона, но отъ Босфора она еще ближе, а далѣе показываетъ, что Пацинакія занимаетъ всю землю

---

[1]) *Брунъ*, Черном. Готы, стр. 49. Мы указываемъ здѣсь на связь между Климатой и виноградомъ, какъ на случайность, не придавая ей особеннаго значенія.

до Руссіи и до Босфора и до Херсона, Сарата, Вурата и до тридцати другихъ мѣстъ. Противорѣчія становятся еще разительнѣе въ главѣ 42-й, гдѣ сказано, что земля Печенѣговъ начинается отъ низовьевъ Дуная и простирается до Саркела, хазарской крѣпости, тогда какъ въ гл. 37-й показано, что Пацинакія находится въ разстояніи пяти дней ѣзды отъ Хазаріи. Мы касаемся здѣсь вопроса о границахъ Пацинакіи только по отношенію опредѣленія мѣстожительства другихъ народовъ, и въ особенности Славянскихъ, такъ какъ Печенѣги не могли занимать одни всего пространства земли отъ Дона до Дуная. Поэтому показаніе Константина о нападеніи Печенѣговъ на Руссовъ въ днѣпровскихъ порогахъ мы не должны принимать въ томъ смыслѣ, что мѣста вблизи пороговъ были населены исключительно Печенѣгами. Упоминая о порогахъ, Константинъ говоритъ, что Печенѣги только приходятъ сюда для нападенія на Руссовъ.

Понятно, что Константинъ, сосредоточивъ вниманіе на Руссахъ, прославившихъ себя въ Константинополѣ, упустилъ изъ виду опредѣлить мѣстожительство другихъ племенъ, входившихъ въ составъ Руси. Онъ слышалъ о Кривичанахъ, Лутичанахъ, Вервіанахъ, Друговичахъ, Сербахъ, Ультинахъ, Древлянахъ и Волынцахъ, но не знаетъ Полянъ, сидѣвшихъ по Днѣпру на пути въ Грецію. Противорѣчіе, встрѣчаемое у Константина съ нашими лѣтописцами, относительно племенъ, платившихъ дань Руссамъ, подрываетъ окончательно довѣріе къ этнографическому показанію его о племенномъ составѣ Руси. Упоминая подробно о земляхъ между Дунаемъ, Днѣстромъ и Днѣпромъ, Константинъ не знаетъ Угличей и Тиверцевъ. Нѣкоторые изслѣдователи предполагаютъ, что Угличи нашихъ лѣтописей скрываются у Константина въ Ультинахъ [1]), но они показаны у него въ ряду Волынцевъ и Древлянъ, слѣдовательно, не тамъ, гдѣ должны были бы находиться по словамъ лѣтописей [2]). Поэтому соотвѣтственнѣе предположить, что въ Ультинахъ Константина скрываются Ультинзуры Агаѳія и Unlici Баварскаго землеописателя, подвинувшіеся на западъ, а не Угличи, позднѣе другихъ славянскихъ племенъ

[1]) *Куникъ*, Зап. Готск. Топ., стр. 89; *Иловайскій*, op. c., стр. 119.

[2]) *Ламбинъ*, Источ. лѣтоп. сказ. о происхожд. Руси, стр. 230, 231, 238, 243. Слова лугъ и поле почти однозначущи, и Днѣпръ протекалъ какъ въ землѣ Полянъ, такъ и Лутичанъ, слѣдовательно, не только въ географическомъ, но и въ этимологическомъ отношеніи вѣрнѣе, какъ кажется, производить названіе Угличей, Улучей отъ луга, нежели отъ угла, находившагося на правой сторонѣ Дуная.

признавшіе власть Руссовъ. Между Ультинами Константина и Онглономъ, находившимся на правой сторонѣ Днѣпра, дѣйствительно могла быть связь лингвистическая, но она не можетъ быть находима съ Угличами. Если Константину и было извѣстно объ Угличахъ, то ихъ слѣдуетъ видѣть не въ Ультинахъ, а въ Лутичанахъ, сидѣвшихъ по Днѣпру.

Покойный Надеждинъ, увлекаясь этимологическими соображеніями, перенесъ жилище Угличей и Тиверцевъ на границу Молдавіи, и встрѣтивши въ молдавской грамотѣ 1396 года наименованіе одного мѣста „отъ истока до устья" Пересѣчиной, отожествилъ его съ городомъ Пересѣченомъ, находившимся въ землѣ Угличей; но въ грамотѣ говорится о рѣкѣ, а не объ городѣ. Въ лѣтописи Ипатьевской подъ 1154 годомъ сказано, что Пересѣчина находилась при Днѣпрѣ, и въ спискѣ городовъ Пересѣченъ показанъ въ области Кіевской, слѣдовательно, слово это, прежде нежели перешло на западъ, употреблялось на югѣ Россіи и о сю пору означаетъ суженное мѣсто рѣки. Сопоставленіе, встрѣченное у Надеждина, привело нашихъ изслѣдователей къ тому, что и названіе Тиверцевъ они стали производить отъ города Тираса [1]), не принявъ во вниманіе, что память о Тирасѣ исчезла до мнимаго появленія здѣсь Тиверцевъ, и на мѣстѣ его стоялъ уже городъ съ другимъ, иноземнымъ названіемъ — Бѣлаго.

Въ лѣтописяхъ нашихъ сказано, что въ землѣ Угличей и Тиверцевъ, сидѣвшихъ по Днѣстру и „присѣдавшихъ Дунаеви", были города, существовавшіе до дней лѣтописцевъ [2]), а Константинъ въ 37-й главѣ сочиненія „Объ управленіи имперіи" называетъ приднѣстровскіе города запустѣлыми и разоренными еще до 950 г. и показываетъ, что до пришествія сюда Печенѣговъ они были населены Ромеями. Противорѣчіе, встрѣчаемое между преданіемъ, занесеннымъ въ наши лѣтописи, и описаніемъ Константина, заставляетъ насъ принять за вѣрнѣйшее показаніе Ипатьевской лѣтописи о мѣстожительствѣ Угличей и Тиверцевъ при Днѣпрѣ [3]). Произведя названіе Угличей отъ Онклоса, изслѣдователи нашей первоначальной исторіи отожествили его съ Угломъ нашихъ лѣтописей, не принявъ во вниманіе, что Онклосъ былъ на правой, а Уголъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, вблизи Самары. Чтобы выйдти

---

[1]) *Бутковъ*, Обор. Р. Лѣтоп., стр. 259.

[2]) *Соловьевъ*, Ист. Р., I, стр. 55; ср. *Бутковъ*, Обор. Лѣтоп., стр. 258; *Дашкевичъ*, Болоховская земля, стр. 79.

[3]) *Соловьевъ*, Ист. Росс., I, стр. 46, ср. примѣч. 45, т. II, стр. 119.

изъ этого противорѣчія, изслѣдователи вопроса объ Угличахъ повторили исторію подобную съ Пересѣченомъ и начали переносить Онклосъ къ Ингуламъ, упуская изъ виду, что названія рѣкъ однозвучныхъ съ Ингулами, находились не только на правой, но и на лѣвой сторонѣ Днѣпра, слѣдовательно, тамъ, гдѣ дѣйствительно былъ Уголъ нашихъ лѣтописей. Покáзанную у Константина р. Хингулъ, протекавшую въ странѣ Савартосфаловъ, въ сосѣдствѣ съ Хазарами, мы отожествляемъ съ нынѣшнимъ Чингуломъ, впадающимъ въ Молочную, а въ Янчулѣ и Гайчулѣ, притокахъ Волчьей [1]), видимъ тѣ же окончанія, передѣланныя Малороссами изъ гулъ въ чулъ. Хотя имена рѣкъ на югѣ Россіи и перемѣнялись временно, но воспоминанія старинныхъ названій у единоплеменныхъ народовъ сохранились до позднѣйшаго времени; такъ напримѣръ, Калецъ, притокъ Кальміуса, на картѣ Пейссонелля 1765 года, показанъ подъ именемъ Joungouly. Мы не беремся рѣшать вопроса о томъ, чтò есть общаго между русскимъ словомъ Уголъ и угорскими окончаніями на гулъ [2]), хотя въ странѣ, занятой Угорскими племенами на сѣверѣ Россіи, встрѣчаемъ также рѣку съ именемъ Угла [3]). Нашъ Уголъ мы должны считать русскимъ потому, что въ лѣтописяхъ прямо сказано: „на мѣстѣ нарѣцаемемъ Ерель, его же Русь зоветъ Уголъ". Ерелей было много, слово это сохранилось до настоящаго времени въ ерикахъ, жегерликахъ, Егорлыкахъ и т. п. [4]); оно есть монгольское, и при немъ во многихъ мѣстахъ удержалось болгарское кутъ, какъ, напримѣръ, Егорлыцкій кутъ [5]). Слѣдовательно, нѣтъ основанія отожествлять

---

[1]) *Зап. Одесс. Общ.*, т. 3, стр. 303. Названіе рѣки Калецъ является въ 1224 году. Въ Книгѣ Больш. Черт. на мѣстѣ ея показаны двѣ рѣки подъ именемъ Калъ (*Спасскій*, стр. 26). Калъ есть слово древне-славянское, означающее грязь, но оно могло быть передѣлано изъ Кулъ? Слѣдующая за Каломъ рѣка называлась Каратушъ; слѣдовательно, здѣсь представляется болѣе вѣроятности искать Хоракулъ, нежели на Таманскомъ полуостровѣ.

[2]) *Юргевичъ* въ *Зап. Одесс. Общ.*, т. 6, стр. 59. *Иловайскій*, стр. 119, 121, 209, ср. 254. Yinghil, Yungil въ Ногайскомъ нарѣчіи значитъ тонкій; но изъ этого не слѣдуетъ заключать, что Ингулы получили свое названіе отъ Монголовъ. Одинъ изъ проходовъ Балканскихъ назывался Ченгелъ еще до прихода Татаръ. *Шафарикъ*, Слав. Древ., II, книга 1, стр. 265.

[3]) *Европеусъ*, Карта Бѣлозер. Края; ср. *Барсовъ*, Геогр. Слов., стр. 204.

[4]) *Спасскій*, Кн. Больш. Черт., стр. 55; ср. *Шимкевичъ*, Корн. Русс. яз., стр. 80 и 81.

[5]) *Бутковъ*, Обор. Лѣтоп., стр. 259; ср. *Europaeus* въ *Zeitschr. f. Ethnol.*, 1876, Heft 4 и 5, стр. 139; *Иловайскій*, стр. 243, 244; *Harkavy*, op. c., стр. 95 Въ

Ерель съ р. Орелью, не имѣющею ничего общаго съ русскимъ жрѣло, жерло, встрѣчаемыхъ при описаніи впаденія Днѣпра. Слово Орель, происходитъ ли оно отъ Орь (жеребецъ) или Орьль (орелъ), писалось всегда чрезъ букву *о* [1]). Что Орель происходитъ отъ Орь, доказательствомъ тому служитъ нахожденіе на лѣвой сторонѣ Днѣпра рѣкъ съ именемъ Жеребца [2]). Изслѣдователи нашей старины не пришли еще къ соглашенію относительно этимологіи названія Угличей. Почтенный Д. И. Иловайскій, называя неудачнымъ мнѣніе Надеждина о происхожденіи имени Угличей отъ Угла, предполагаетъ, однакоже, что оно писалось черезъ юсъ. Иричекъ, напротивъ того, усматривая связь между Угломъ и onglos, указываетъ также на присутствіе юса въ имени Угличей [3]). Издатели же Лаврентьевской лѣтописи, приводя варіанты названія Угличей, склоняются болѣе къ тому, чтобы читать Улучи. Поэтому, до разъясненія вопроса объ источникѣ происхожденія имени Улучей, мы позволяемъ себѣ высказать предположеніе: не произошло ли оно отъ лоуга (луга) или однозначущаго лука по примѣру города Прилуки? Если приднѣпровскіе Поляне заимствовали имя свое отъ сидѣнья въ поляхъ, то мы не понимаемъ, почему Улучи не могли бы получить названія своего отъ луки или луга? Положимъ, что лѣтописцы произвольно указывали на связь въ названіяхъ Славянскихъ племенъ съ мѣстностями. Но какіе же другіе источники имѣются въ виду при рѣшеніи вопроса объ этомъ, какъ не тѣ же догадки, раздѣленныя еще бóльшимъ пространствомъ времени отъ начала своего происхожденія [4])? Пространство земли по направленію отъ Днѣпра къ Перекопу представляетъ полуостровъ, заключенный между Чернымъ моремъ, Сивашомъ и р. Днѣпромъ. Онъ назывался Черною Лукою, Лукоморьемъ, и память о немъ сохранилась въ названіи Лукоморскихъ Половцевъ и въ показаніи лѣтописномъ: „идемъ въ луки морскія идѣже не ходиша отци

договорѣ Молдавскаго воеводы Александра съ королемъ Владиславомъ въ 1411 году упоминается о странѣ Покутье, въ которой слышится названіе Бакоты, но не «угла».

[1]) *Шимкевичъ* Корнес., II, стр. 6; *Miklosich.*, Lex., Paleoslav., стр. 514.

[2]) Въ названіи сосѣдней съ Орелью рѣки Самары слышится болгарское слово самарь (вьючное сѣдло) или сочетаніе словъ сам и орь. Въ губерніи Саратовской при р. Самарѣ упоминается р. Дюнгилъ, и въ ней отзывается Хингулъ. *Спасскій*, Больш. Черт., стр. 150, 151.

[3]) Gesch. d. Bulgr., стр. 129.

[4]) Ср. *Костомаровъ* въ *Русс. Стар.* 1877, январь, стр. 183; *Ламбинъ*, Источник. лѣтописн. сказ. о происхожд. Руси, стр. 248 и 250.

наши", то-есть, Новгородцы. Объ этомъ лугѣ, лукѣ, упоминается также въ Словѣ о полку Игоревомъ и въ Архангелогородской лѣтописи, гдѣ говорится, что Святославъ, возвращаясь изъ Болгаріи, сталъ зимовать въ лузѣ моря.

Въ сосѣдствѣ съ лукою преимущественно встрѣчаются окончанія на гулъ и кулъ въ названіи рѣкъ, впадающихъ въ Азовское море. Рѣки эти протекаютъ въ мѣстахъ осѣдлости Кутригуровъ, слѣдовательно—имъ, а не позднѣйшему народу должно приписать происхожденіе названій тожественныхъ съ послѣднимъ слогомъ въ имени народа Вогулъ. Д. И. Иловайскій убѣдительно доказалъ, что Кутригуры были праотцы Болгаръ; поэтому, здѣсь, а не на лѣвой сторонѣ Дона, мы должны искать современную Константину Черную Болгарію. Принято думать, что окончанія на гулъ и кулъ имѣютъ соотношеніе къ позднѣйшимъ монгольскимъ chél и кула, кале, встрѣчаемымъ въ Аджигіолъ, Делигіолъ и пр. [1]), но существованіе гулъ и кулъ до 950 года и отсутствіе въ Крыму въ названіи рѣкъ на мѣстѣ главной осѣдлости Татаръ убѣждаютъ въ противномъ, тѣмъ болѣе, что гіолъ (озеро), Кулъ (колодезь) и кале (крѣпость) не примѣнимы къ названію рѣкъ. У Вогулъ же слово кулъ значитъ рыба, и оно встрѣчается въ имени рѣки Хоракулъ, гдѣ также могла ловиться болгарская рыба. Имя Кутригуровъ происходитъ отъ Koutsi или Kotr (собака), и въ сосѣдствѣ съ Лукоморьемъ существовало урочище Песьи Кости [2]). Чтобы доказать истину своего предположенія о нахожденіи Черной Болгаріи на Таманскомъ полуостровѣ, почтенный историкъ отожествляетъ р. Хоракулъ съ Протокой и усвоиваетъ ей названіе Черной въ память о Черной Болгаріи [3]), но при этомъ упускаетъ изъ виду, что Протока называется Черною только потому, что она составляетъ одинъ изъ рукавовъ Кубани, носившій позднѣйшее названіе Чернаго (Кара́), тогда какъ между греческимъ Χωρά и татарскимъ кара́ нѣтъ ничего общаго. Χώρά значитъ мѣсто а κουλ, какъ выше сказано, — рыба; поэтому названіе Хоракулъ могло отвѣчать всякой рѣкѣ и мѣсту, гдѣ ловилась ксистосъ. Болгарская рыба не могла водиться

---

[1]) Въ области прохожденія Урала встрѣчается озеро Карагулъ, которое въ Книгѣ Больш. Чертежа переведено словомъ: «по нашему Черныя озера». *Спасскій*, стр. 71. Ср. *Ujfalvy* въ *Rev. de Philolog.* 1877, № 1, p. 87. Гелльвальдъ также пишетъ кулъ при названіи озеръ, предполагая, что Гіолъ, chél и Кулъ одно и то же. Centralasien, стр. 74 и 361.

[2]) *Бѣляевъ*, Уст. Сторож. Службы, въ примѣч. на стр. 31.

[3]) *Иловайскій*, Розысканія стр. 124.

исключительно въ одной Черной Протокѣ, но водилась, конечно, и въ другихъ рѣкахъ, впадающихъ въ Азовское море, которое, въ свою очередь, называлось Карабалыкъ [1]). Если желать непремѣнно найдти память о болгарской рыбѣ, то скорѣе всего можно видѣть ее въ имени одной изъ породъ кефали, назвавшей своимъ сингилъ напоминающей рѣку Хингулъ, подобно тому какъ верзитикъ указываетъ на Верзилію [2]).

На основаніи сказаннаго мы приходимъ къ заключенію, что мѣсто жительства Улучей около 950 г. было не при Днѣстрѣ, а при Днѣпрѣ, на лѣвой сторонѣ его, гдѣ находились лѣтописные Уголъ и лука. Еслибъ Улучи получили свое названіе отъ южнаго положенія полуденья (оуг'а) въ противоположность Сѣверянамъ, то мы навѣрное встрѣтили бъ указаніе объ этомъ въ лѣтописяхъ, гдѣ говорится, что „Славяне прозвашася имены свои где кто сѣдше на которомъ мѣстѣ" [3]).

Въ другомъ видѣ представляется вопросъ объ источникѣ происхожденія имени Тиверцевъ. Появленіе ихъ нераздѣльно при Угличахъ на первыхъ страницахъ русской исторіи и скорое исчезновеніе само по себѣ лишаетъ возможности предполагать, чтобъ они жили на правой сторонѣ Днѣпра между Днѣстромъ и Дунаемъ, слѣдовательно, тамъ, гдѣ, по словамъ Константина, находились Печенѣги,

[1]) Ср. *Koehler*, Ταρεχος, p. 358; *Брунъ* въ *Зап. От. Общ.* т. IV, стр. 258, 259; ср. *Тр. I-го арх. съѣзда*, стр. 367.

[2]) См. 6-й Отчет. Высоч. учрежд. Ком. для изслѣд. рыболов., стр. 6. Ѳеофанъ, упоминая о болгарской рыбѣ, говоритъ, что древняя Болгарія находилась между Меотійскимъ озеромъ и р. Куфисомъ, впадающею въ Пантійское море у Некропилъ. Здѣсь Некропилы показаны у Ѳеофана вблизи Керченскаго пролива (ed. Bonn., p. 545). Но далѣе при описаніи пути слѣдованія Юстиніана изъ Херсона къ Дунаю (ib., p. 572) Ѳеофанъ говоритъ, что Некропилы находились между Херсономъ и Дунаемъ. Поэтому мы не находимъ основанія помѣщать Великую Болгарію на Таманскомъ полуостровѣ и отожествлять Куфисъ съ Кубанью или Черною Протокою. Ср. *Ковалевскій*, Очерк. Этногр. Кавк., стр. 15, 16.

[3]) Фонетика древне-славянскаго языка намъ не извѣстна; поэтому предположеніе о происхожденіи названія Улучей отъ Угла не имѣетъ научнаго основанія. Въ памятникахъ X и XI в. русскаго извода большой юсъ замѣненъ буквами оу, и въ XII в. Оугълъ, оугольникъ написаны безъ юса (см. *Буслаевъ*, Ист. Христ. 1861; стр. 37. *Калайдовичъ*, Іоан. Экс. Болг., стр. 143, ср. 71). Если юсъ отвѣчалъ звукамъ он или ом, какъ принято думать, тогда слѣды существованія ихъ мы навѣрное встрѣтили бы при имени Улучей въ сводахъ Лаврентьевскомъ или Ипатьевскомъ. Спрашивается: куда же дѣвалась буква г, существовавшая въ болгарскомъ подлинникѣ при словѣ ѫгл? Ср. *Буслаевъ*, Ист. Грам., стр. 41 и 42.

опасные для Руссовъ. Ультины Константина платили дань Россамъ, тогда какъ Тиверцы названы толковинами, помощниками ихъ, еще въ 907 году. Между тѣмъ въ лѣтописяхъ мы встрѣчаемъ извѣстіе подъ 967 годомъ, что „Болгары, Казары, Косоги и Ясы, въ великой силѣ сошедшись у Днѣстра, не хотѣли перепустить Святослава, но онъ солстя ихъ обошелъ вверхъ по Днѣстру, гдѣ ему помощь отъ Венгровъ приспѣла". Какая же представляется возможность согласить противорѣчіе лѣтописцевъ съ показаніемъ Константина, если предполагать по прежнему, что Улучи, сильное племя, жило съ Тиверцами на берегахъ Днѣстра? Если же принять за вѣрнѣйшее показаніе лѣтописи Ипатьевской о жительствѣ Улучей при Днѣпрѣ, а въ Ультинахъ Константина не признавать Улучей, тогда уясняется и вопросъ о Тиверцахъ. По всей вѣроятности, они были тоже Улучи и жили въ сосѣдствѣ съ Угро-Алтайскими народами тамъ, гдѣ безпрерывно совершались передвиженія, чѣмъ и объясняется исчезновеніе Улучей. Преданіе, занесенное въ лѣтописи, о томъ, что Аскольдъ и Диръ бѣша ратни съ Угличи (Югрецы Арх. Лѣт.) и княжили надъ родами, нарицаемыми Русь яже и Кумани жившіе въ Ексинопонтѣ,— не могло быть взято съ воздуха [1]). Почтенный историкъ Д. И. Иловайскій замѣтилъ уже множество общихъ словъ, находящихся въ языкахъ славянскомъ и венгерскомъ, и объясняетъ явленіе это жительствомъ Угровъ посреди Славянъ [2]). Такимъ образомъ корень слова Тиверцы, Тыричи, можно находить въ языкахъ угро-алтайскихъ и индо-европейскихъ. Въ запискѣ о первыхъ Болгарскихъ князьяхъ слово тыр объясняется изъ языка зырянскаго, слѣдовательно, по мѣсту жительства въ сосѣдствѣ съ Черными Болгарами, оно могло быть

---

[1]) Ср. *Ламбинъ*, op. c., 248—250, cp. ib., 57—60.

[2]) Розыскан., стр. 213, 314. У Никифора сказано, что мѣсто, занятое Аспарухомъ, называлось у туземцевъ Оглонъ (у другихъ: Олгосъ, Онгосъ и Онлгосъ), а такъ какъ здѣсь предположительно жили Славяне, то и принято придавать греческимъ словамъ Онгосъ и Онглосъ одинаковое значеніе съ славянскимъ уголъ и влагать ихъ въ уста Болгаръ, тогда какъ Болгары для означенія угла употребляли слова: кът, кѫт (*Miklosich*, L. Paleoslav., 1865. стр. 329; ср. *Ж. М. Н. Пр.* 1852. Окт., стр. 34). Что Кутъ находился въ Бессарабіи, доказательствомъ тому служитъ существованіе Покутья, Бакоты и Буджака; но они не имѣютъ соотношенія съ угломъ 679 года, такъ какъ мѣсто осѣдлости Болгаръ былъ правый берегъ Дуная, а Покутье, Бакота и Буджакъ находились въ области Днѣстра на лѣвой сторонѣ Дуная. Ср. *Зап. Од. Общ.* т. I, стр. 252, 253; *Бутковъ*, Мат. для Истор. Кавказа, III, стр. 435, I, стр. 333, прим. 2; *Григоровичъ*, Зап. антиквара, стр. 30.

перенесено на Славянское племя и остаться при Торкахъ. Въ самомъ имени Дира нельзя не видѣть корня слова Тыричей, если они такъ назывались. Еще съ большею вѣроятностью можно производить имя Тиверцевъ, Тиревцовъ, отъ греческаго τηρέω (τηρητής), беречь, охранять, такъ какъ часть Улучей, подъ именемъ Тиривцевъ, могла находиться на службѣ у Херсонскихъ Грековъ, торговавшихъ съ Русью. Но есть еще другое слово, указывающее на связь съ Тиверцами: τιηρης, τιάρα, и если оно можетъ быть допущено, то имя Тиверцевъ, переведенное на русскій языкъ, сказывается въ Черныхъ Клобукахъ.

Предположивъ, что Улучи жили на лѣвой сторонѣ Днѣпра, мы считаемъ необходимымъ обратиться опять къ показанію Константина для опредѣленія названія народовъ, обитавшихъ въ сосѣдствѣ съ ними. Константинъ говоритъ, что Черные Болгары могли воевать Хазаръ, слѣдовательно, съ Хазарами граничили не Печенѣги, а Черные Болгары, такъ какъ Пацинакія находилась въ разстояніи пяти дней ѣзды отъ Хазаріи Придонской. Здѣсь же жили и остатки Турокъ, побѣжденныхъ Печенѣгами. Что же касается Узовъ, то, по словамъ Константина, они располагались на лѣвой сторонѣ Дона и были сопредѣльны съ Аланами. При такомъ распредѣленіи народовъ, обитавшихъ около 950 г. между Днѣпромъ, Чернымъ моремъ, Сивашомъ и по берегу Азовскаго моря, само собою разумѣется, что города, находившіеся въ землѣ Улучей, должны быть отожествляемы съ греческими эмпоріями, расположенными по направленію къ Днѣпру отъ Геническихъ и Перекопскихъ соляныхъ озеръ, а не съ 318 городами, находившимися въ землѣ Унличей Баварскаго лѣтописца. Время переселенія Улучей на Днѣстръ началось послѣ 914 года, а показаніе Баварскаго географа относится къ 890 году; какое же основаніе есть къ отожествленію Унличей съ Ультинами Константина или съ Улучами нашихъ лѣтописей? Занимаясь рыбною ловлею, Угорскія племена пріазовской мѣстности и Руссы, ловившіе рыбу въ устьяхъ Днѣпра, не могли обойдтись безъ соли [1]). О Руссахъ встрѣчается позднѣйшее извѣстіе у Рюисбрёка, относящееся къ 1253 году. А такъ какъ Улучи заслоняли собою дорогу въ Крымъ въ періодъ времени до 950 года и находились подъ вліяніемъ Грековъ, то поэтому только о нихъ можно было сказать какъ о народѣ, отличавшемся справедливостью и законностью, вслѣдствіе чего, по словамъ топарха, и приступали къ нимъ добровольно города и народы [2])

[1]) Ср. *Zeuss*, стр. 747.

[2]) Ср. *Порфирія Успенскаго*, Четыре бесѣды Фотія, стр. 53, ср. 56.

Еслибы глава 42-я сочиненія Константина „Объ управленіи имперіей“ не представляла слабѣйшей части въ его географическихъ показаніяхъ, тогда мы навѣрное нашли бы въ ней подтвержденіе о жительствѣ Славянскихъ племенъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Но у Константина пропущено все пространство земли въ теперешнихъ уѣздахъ Днѣпровскомъ, Мелитопольскомъ и Бердянскомъ, губерніи Таврической и въ уѣздахъ Ростовскомъ, Маріупольскомъ и Александровскомъ, губерніи Екатеринославской. Упущенія Константина относительно этнографіи этой страны можно объяснить какъ сбивчивыми понятіями о мѣстѣ осѣдлости кочевниковъ, такъ и нежеланіемъ Константина относительно Славянъ, по цѣли своего сочиненія, упоминать о народахъ, находившихся въ дружескихъ отношеніяхъ съ Херсонитами. Жившія внѣ Россіи, въ его смыслѣ, Славянскія племена являются у Константина покоренными Руссами, но въ лѣтописяхъ упоминается о нихъ отдѣльно по темному преданію [1]). Во всякомъ случаѣ, договоры съ Руссами до 971 года, показанія Византійцевъ о Тавро-Скиѳахъ и Дромитахъ и обязательство относительно Корсуни и Черныхъ Болгаръ не оставляютъ малѣйшаго сомнѣнія о мѣстѣ нахожденія волостей Херсонскихъ до взятія ихъ Владиміромъ. Въ лѣтописяхъ, при описаніи похода Владиміра на Корсунь, сказано: „и ста Володимеръ объ онъ полъ града въ лимени“. Изъ этого смутнаго показанія о лименѣ сложилось убѣжденіе, что Владиміръ приходилъ въ Крымъ водой, тогда какъ Владиміру не было надобности дѣлать объѣздъ водою, еслибы нападеніе на Корсунь было предпринято со стороны Таманскаго полуострова. Нужна ли была Владиміру помощь со стороны Анастаса, еслибы Руссы Кіевскіе были давними жителями Крыма или сосѣдняго съ нимъ Таманскаго полуострова. Поэтому правдоподобнѣе предполагать, что Владиміръ явился въ Крымъ сухопутьемъ отъ Днѣпра. Въ виду этихъ соображеній, мы позволили бы себѣ обратить вниманіе на связь, усматриваемую нами между именемъ Олега и городомъ или страною Олешье, мѣстопребываніемъ гречниковъ до позднѣйшаго времени [2]). По нашему мнѣнію, городъ этотъ находился въ странѣ Улучей на перепутьи въ Крымъ [3]).

---

[1]) *Срезневскій* въ *Изв. Имп. Акад. Наукъ* 1854 г., стр. 52.

[2]) *Изв. Импер. Геогр. Общ.* 185 г., т. XI, стр. 17.

[3]) Историки наши упорно отвергаютъ существованіе приднѣпровской Руси, тогда какъ безъ нея мы не можемъ объяснить показанія лѣтописцевъ о томъ,

II.

Въ началѣ втораго отрывка находится фраза: „Именно ради этого и сѣверные берега Истра"... Основываясь на этихъ словахъ, г. Васильевскій утверждаетъ, что мѣстомъ происшествій, описанныхъ топархомъ, была Булгарія. Мы думаемъ напротивъ, такъ какъ, по тогдашнему понятію, указаніе о сѣверныхъ берегахъ Истра имѣетъ значеніе относительное, а не безусловное.

Письма топарха съ береговъ Днѣпра предназначались, по всей вѣроятности, для Византійца, жившаго позади Истра, и топархъ, чтобы сдѣлать понятнымъ показаніе свое, употребилъ относительно положенія описываемой страны тогдашній географическій терминъ. У Константина, Хазары, Турки и Руссы названы народами сѣверными, жившими на сѣверѣ отъ Истра; поэтому для ясности онъ и оставляетъ, во многихъ мѣстахъ своего сочиненія, при Дунаѣ его прежнее названіе, какъ болѣе извѣстное. Константинъ говоритъ, что земля Печенѣговъ начинается отъ устья Дуная противу Дистры, слѣдовательно, разоренныя крѣпости Бѣлая, Тунгакате, Кракнакате и прочія находились также на сѣверѣ отъ Истра [1]). Въ вышеприведенной фразѣ топарха мы усматриваемъ только сравненіе, къ которому онъ хотѣлъ прибѣгнуть относительно сходства въ событіяхъ, но увидѣвъ, что оно не идетъ къ дѣлу, топархъ самъ уничтожилъ его. Трудно допустить, чтобы топархъ, не упомянулъ о Болгаріи, еслибъ онъ имѣлъ ее въ виду, и прибѣгнулъ къ метафорическому уподобленію, замѣнивъ названіе страны или народа словами: сѣверные берега Истра. Топархъ называетъ варварами не пришельцевъ, а коренныхъ жителей сосѣдственной съ нимъ области. Еслибы топархъ описывалъ происшествія давнія, а не современныя ему, тогда, пожалуй, можно было бы предположить, что онъ называлъ варварами Болгаръ, но во времена топарха Болгары были христіане. Какимъ же образомъ согласить показаніе топарха о разореніи варварами болѣе де-

---

какимъ образомъ Хазары, отрѣзанные угро-алтайскими народами отъ Славянъ, могли взимать дань на Полянахъ, обитавшихъ въ области Кіевской.

[1]) *Дриновъ*, Засел. Балканск. полуостр. Славянами, стр. 90—93. Истромъ назывался не весь Дунай, но только низовья его (*Forbirger*, III, 325), слѣдовательно, соображенія г. Васильевскаго (стр. 427, 428) не имѣютъ прочнаго основанія для отожествленія Κλέμαδες, находившейся вблизи Оршовы на лѣвомъ берегу Дуная, съ Климатою топарха, такъ какъ поле дѣйствій Святослава ограничивалось правымъ берегомъ Истра.

сяти городовъ и пятисотъ селеній въ собственной землѣ, если предположить, что описанныя опустошенія произошли въ Болгаріи?

Положеніе страны, описанной топархомъ, напоминаетъ намъ состояніе, въ которомъ находились сѣверо-восточные берега Чернаго моря до времени окончательнаго покоренія Кавказа. Форты наши расположены были въ странѣ непріятельской, но посреди непріятелей были такъ называвшіеся мирные Черкесы, находившіеся между двумя крайностями. Мирные были не прочь пользоваться выгодами покойной жизни, но другимъ воинственнымъ племенамъ, охотникамъ до легкой поживы, не правилась опека въ лицѣ нашихъ отрядовъ. Дѣйствуя по пословицѣ: „свой своему по неволѣ другъ", мирные Черкесы увлекались подстрекательствомъ непріязненныхъ намъ племенъ и вмѣстѣ съ ними бросались на русскіе форты и разоряли ихъ до основанія. Случалось, что и наши посылали мирныхъ воевать въ землю ихъ единокровныхъ. Приводимое сравненіе не примѣнимо къ Болгаріи въ періодъ времени между 967 — 971 годомъ, но оно окажется вѣрнымъ относительно положенія Грековъ тогдашняго времени въ области Днѣпра. Еще въ 968 году, Святославъ сдѣлался врагомъ не только Болгаръ, но и Грековъ, старавшихся вытѣснить его изъ Болгаріи. Можно ли предположить, чтобы Колокиръ, имѣвшій претензію на византійскій престолъ, согласился сдѣлаться намѣстникомъ небольшой области въ Болгаріи, имѣвшей своихъ царей и властителей? У топарха нашего говорится не объ одномъ, а о двухъ нападеніяхъ, побѣдоносно имъ отраженныхъ. Далѣе топархъ показываетъ, что сосѣдственная съ нимъ „область еще ранѣе была разорена самими варварами и превращена въ совершенную пустыню, при чемъ они разрушили до основанія стѣны". Послѣднее обстоятельство лишаетъ насъ всякой возможности переносить въ Болгарію мѣсто происшествій, такъ какъ при этомъ пришлось бы допустить, что Болгары, а не пришлый народъ, разоряли города, упоминаемые топархомъ. Поэтому и предположеніе о Венграхъ или Печенѣгахъ (стр. 383), на которыхъ указываетъ г. Васильевскій, не можетъ быть принято. Святославъ, оставляя Болгарію, дѣйствительно предоставилъ Печенѣгамъ право производить въ ней опустошенія, но Болгарія не была фактически занята Венграми или Печенѣгами. Святославъ, по пришествіи въ Болгарію, нашелъ города ея въ цвѣтущемъ состояніи, а не разоренными. Кромѣ этого, мы указываемъ на то мѣсто изъ втораго отрывка, гдѣ сказано, что „варварамъ не была доступна какая-либо пощада даже въ отношеніи къ самымъ близкимъ". Какіе же близкіе

или вѣрные союзники могли быть въ Болгаріи у Руссовъ, Печенѣговъ или Венгерцевъ? Показаніе топарха о нахожденіи подданныхъ въ странѣ, принадлежавшей варварамъ, также не идетъ къ Болгаріи, тогда какъ съ словами договора 912 года о челяди оно находится въ ближайшемъ отношеніи [1]). Трудно допустить предположеніе, чтобъ обязательство о выдачѣ бѣглыхъ рабовъ Руссамъ распространялось на Византію; мы думаемъ, что и здѣсь подразумѣвались Херсонскія владѣнія. Самое число разоренныхъ варварами городовъ оказывается невѣрнымъ, если относить его къ Болгаріи. Укрѣпленія, возобновленныя Юстиніаномъ, о которыхъ говоритъ г. Васильевскій (стр. 426), не существовали во времена Святослава [2]). Высадившись на правомъ берегу Дуная, Святославъ двинулся къ Силистріи и не имѣлъ времени разорять города на сѣверныхъ берегахъ Истра [3]). Поэтому, словамъ топарха о сѣверныхъ берегахъ Истра нельзя придавать то значеніе, какое желаетъ видѣть въ нихъ г. Васильевскій. Мы не знаемъ городовъ болгарскихъ на сѣверныхъ берегахъ Дуная во времена, близкія къ войнѣ Святослава [4]). У географа Баварскаго сказано: Vulgarii Vegio est immensa et populos multus habens civitates V. eo quod multitudo magno ex eis et non sit eis opus civitates habere [5]). Указаніе это относится именно: ad septentrionalem plagam Danubii. Какимъ же образомъ согласить показаніе топарха о разореніи варварами болѣе десяти городовъ и пятисотъ селеній, если предположить, что оно произошло въ Болгаріи на сѣверныхъ берегахъ Дуная. Показаніе нашихъ лѣтописей о взятіи Святославомъ 80 городовъ по Дунаеви не ограничиваетъ мѣстонахожденія ихъ на сѣверѣ Болгаріи [6]). Прибывъ въ Болгарію въ августѣ мѣсяцѣ 967 года, Святославъ оставался тамъ до весны 968 года, слѣдовательно, предположеніе о поѣздкѣ топарха зимою въ Кіевъ къ Святославу дѣлается немыслимымъ, и связь между отрывками падаетъ сама со-

---

[1]) *Срезневскій*, въ *Изв. 2-го Отд. Акад. Наукъ*, т. III, стр. 268, 269.

[2]) *Гильфердингъ*, т. I, стр. 86—89; ср. *Kanitz*, стр. 7, 8.

[3]) *Гильфердингъ*, стр. 142; ср. *Дриновъ*, Юж. Слав. и Визант. въ X в., стр. 95—97, ср. 108, 109.

[4]) Ib., стр. 37, 38, 75; ср. *Kanitz*, стр. 39. 40; *Seeck*, Not. dignit. Berolini. 1876, p. 86—93.

[5]) *Lelewel*, Géogr., т. 2, p. 32; *Шафарикъ*, Слав. др., т. 2, кн. 3, стр. 73; *Forbirger*, т. III, тр. 1097—1101; стр. Constantini, de Themat. ἐπαρχία Μυσίας; Raven. cosmogr., p. 188.

[6]) *Дриновъ*, Южн. Слав. и Визант., стр. 96; *Jireček*, G. d. Bulhar., стр. 129, 130, 131, 167, 186.

бою. Тѣмъ менѣе мы находимъ основаніе относить поѣздку топарха ко второму возращенію Святослава изъ Болгаріи. Святославъ могъ распоряжаться въ Болгаріи только во время бытности тамъ, и поѣздка къ нему въ Россію топарха, для испрошенія утвержденія въ правахъ владѣнія, оказывается невѣроятною. Область топарха, какъ видно изъ третьяго отрывка, находилась въ сосѣдствѣ съ владѣніями царствовавшаго на сѣверѣ отъ Дуная, и если предположить, что здѣсь идетъ рѣчь о Святославѣ, то область, гдѣ жилъ топархъ, находилась не въ Болгаріи, а на сѣверѣ отъ нея. Такимъ образомъ, по ходу событій, относящихся къ Святославу и Болгаріи, мы не находимъ возможности видѣть въ топархѣ нашемъ посланника или спутника Колокира, посаженнаго Святославомъ въ Болгаріи. Водворяя топарха въ Болгаріи, мы отнимаемъ всякую фактическую возможность предполагать, чтобы Святославъ могъ подарить ему въ своей землѣ, то-есть, вблизи Кіева, достаточные ежегодные доходы. Г. Васильевскій не придаетъ значенія упоминанію топарха о Мизянахъ и видитъ въ этомъ обычную пословицу, но мы не можемъ не обратить на нее вниманія и скажемъ объ этомъ впослѣдствіи.

Предположивъ на основаніи соображеній топографическихъ, что область топарха находилась вблизи пороговъ, мы, чтобъ опредѣлить, кто были варвары, нападавшіе на область эту, обращаемся къ указаніямъ этнографическимъ.

Изъ свода лѣтописныхъ сказаній объ Улучахъ оказывается, что они жили при Днѣпрѣ, на лѣвой сторонѣ, слѣдовательно—тамъ, гдѣ Византійцы помѣщали Тавро-Скиѳовъ и Дромитовъ [1]). Вопросъ о томъ, какимъ образомъ перешло на эти народы названіе Руссовъ, и кто кому сообщилъ имя 'Ρῶς, отвлекъ бы насъ далеко отъ нашего главнаго предмета. Здѣсь же считаемъ не лишнимъ замѣтить, что описаніе варварскаго народа у топарха напоминаетъ намъ ту изъ бесѣдъ патріарха Фотія, въ которой онъ изображаетъ нравы Руссовъ.

---

[1]) Въ настоящее время многіе историки начали утверждать, что подъ Скиѳіей слѣдуетъ разумѣть уголъ земли, заключенный между Дунаемъ и Чернымъ моремъ, такъ какъ она показана здѣсь на римскихъ картахъ. Такое предположеніе оказывается несогласнымъ не только съ показаніемъ Константина (гл. 13 и 43), но съ нашими лѣтописями, упоминающими о Великой Скиѳіи. Что же касается вопроса о Дромитахъ, то мы привыкли судить о Тендрѣ и Джарылгачѣ по отзыву Келлера, не принимая во вниманіе перемѣнъ, происшедшихъ на нихъ со времени жительства Руссовъ. Если они не были обитаемы, то откуда явились на нихъ кладбища съ битою посудою не греческаго происхожденія?

У Фотія читаемъ: „Откуда упалъ на насъ этотъ дальносѣверный и страшный перунъ?.. Народъ жестокій и дерзкій разоряетъ и губитъ все...., онъ какъ тифонъ, наводненіе.... и не знаю, что сказать: явился въ странѣ нашей и сгубилъ жителей ея... откуда нахлынуло это варварское, сгущенное и грозное море? „Византійцы буквально заимствовали одинъ у другаго описаніе Гиперборейскихъ Скиѳовъ. Сопоставимъ здѣсь для примѣра показаніе Григоры:......" Ими управляетъ природная правдивость и безукоризненная законность. Тѣ, которые называютъ ихъ греческимъ именемъ, называютъ ихъ каждый по своему, смотря потому, какія мѣста занимаютъ тѣ или другіе.... ихъ движеніе походило на то, какъ еслибы часть великаго моря хлынула съ крутизны.... прежде чѣмъ успѣетъ разнестись молва, они занимаютъ уже одну страну за другой.... ихъ нападеніе въ битвахъ напоминаетъ характеръ лютыхъ звѣрей" и проч.

Присутствіе Печенѣговъ, разводившихъ съ 900 года кочевье свое по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, не мѣшало жительству народовъ осѣдлыхъ, не имѣвшихъ у себя, по словамъ Константина, ни быковъ, ни овецъ, ни лошадей [1]). Такимъ образомъ, страна Улучей ограничивалась, съ одной стороны, Чернымъ моремъ до Перекопа, съ другой—Днѣпромъ до пороговъ, и съ третьей—Сивашомъ и Азовскимъ моремъ; здѣсь Улучи соприкасались съ Черными Болгарами и другими остатками народовъ Угро-Алтайской расы. Объ Улучахъ упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ по смутному преданію въ 865 году, при чемъ лѣтописецъ показываетъ, что „Аскольдъ и Диръ бѣша ратни.... и со Углични". Далѣе, въ 885 году, встрѣчается извѣстіе, что Олегъ... „имѣше рать съ Угличи". Игорь, въ 914 году, возложилъ на нихъ дань и вдалъ Свѣнтелду, но не могъ взять города Пересѣчена. Уже послѣ этого, слѣдовательно—около 917 года, лѣтописецъ показываетъ о переселеніи Улучей, въ продолженіе войны, къ Днѣпру, будто бы вмѣстѣ съ Тиверцами [2]), но послѣдніе находились въ войскѣ Олеговомъ, при походѣ на Царьградъ, въ 907 году; Улучи же, какъ видно, не участвовали ни въ одномъ изъ походовъ на Царьградъ и пребывали въ добрыхъ отношеніяхъ съ сосѣдями своими Корсунянами. Выше мы замѣтили, что до 950 года Улучей при Днѣстрѣ не было, слѣдовательно, они оставались на прежнемъ мѣстѣ жительства. Но въ договорѣ 944 года, мы встрѣчаемъ уже обя-

[1]) *Кн. Вяземскій*, Слово о Полку Игор., стр. 135.
[2]) *Бутковъ*, Обор. Лѣт., стр. 258, 259.

зательство о Корсуньстѣй странѣ, о Корсунянахъ, ловящихъ рыбу въ устьяхъ Днѣпра, и о Черныхъ Болгарахъ... Въ этомъ же договорѣ, Греки даютъ Игорю дозволеніе воевать съ непріятелями въ странахъ Корсуньскихъ и обѣщаютъ помощь войскомъ съ тѣмъ, однако же, условіемъ, чтобъ Игорь не покорялъ себѣ страны. Отсюда слѣдуетъ заключить, что Улучи, не задолго до этого времени, нарушили прежнія отношенія свои къ Корсунянамъ и въ союзѣ съ Черными Болгарами начали тревожить Корсуньскія волости и города, находившіеся внѣ Крыма по дорогѣ къ Днѣпру [1]). Отсюда и могло произойдти обѣщаніе Грековъ давать Игорю войско свое, елико нужно; но само собою разумѣется, что помощь Грековъ, какъ справедливо замѣтилъ покойный М. П. Погодинъ, должна была ограничиваться сосѣдствомъ съ Корсунскою страною [2]).

Къ этому времени, между 914 и 944 годами, мы относимъ Записку Топарха, нисколько не стѣсняясь палеографическими соображеніями Газе. Въ договорѣ 971 года мы встрѣчаемъ опять обязательство не помышлять на власть корсунскую и города ея.

Ограничивая владѣнія Корсунскія пространствомъ города, изслѣдователи нашей первоначальной исторіи предположили, что Русси Кіевскіе были протекторами Херсона, слѣдовательно, жили въ Крыму до войны Святослава съ Хазарами, тогда какъ Константинъ, имѣя въ Херсонѣ намѣстника своего, не могъ не знать о томъ, что тамъ происходило [3]). Между тѣмъ Константинъ опредѣлительно говоритъ, въ главахъ 1-й и 2-й, что ближайшіе сосѣди Херсона были Печенѣги, которые, враждуя съ Руссами, преграждали имъ пути для нападенія на греческія владѣнія. Въ концѣ 2-й главы Константинъ называетъ даже мѣсто, гдѣ Печенѣги останавливали Руссовъ при Днѣпрѣ у пороговъ. Такимъ образомъ со стороны исторіи не представляется основанія допустить предположеніе о возвратѣ Руси въ домы свои чрезъ Босфоръ Киммерійскій. Святославу, послѣ похода на Хазаръ, путь этотъ могъ быть извѣстенъ болѣе, нежели отцу его Игорю; отчего же Святославъ не воспользовался имъ при возвращеніи изъ Болгаріи и сталъ зимовать въ устьяхъ Днѣпра, испытывая голодъ? По наступленіи весны, Святославъ снова пошелъ въ пороги

---

[1]) Ср. *Барсовъ*, Геогр. Начал. Лѣтоп., стр. 81—84 и 95; *Забѣлинъ*, Ист. Русс. Жизни, I, стр. 419.

[2]) Русск. Исторія, стр. 24; ср. *Ламбинъ*, о Тмутор. Руси, стр. 61.

[3]) Ср. *Ламбинъ*, о Тмутор. Руси, стр. 61; ср. *Бильбасовъ*, Кириллъ и Меѳодій, ч. III, стр. 22.

и поплатился головою своею, не смотря на предупрежденіе со стороны Свѣнельда объ опасности со стороны Печенѣговъ. Какая же причина могла заставить Святослава идти на вѣрную смерть, еслибы для него была открыта другая дорога чрезъ Босфоръ Киммерійскій на Таманскій полуостровъ? Помимо показанія Льва Діакона, историки наши желаютъ находить оправданіе для допущеннаго ими предположенія о нахожденіи Руссовъ въ Крыму въ текстѣ договоровъ съ Греками; но тамъ прямо сказано, что Руссы на зиму должны были идти въ домы свои, которые, по словамъ Константина, находились за порогами. Отношенія Руссовъ къ Херсону подробно описаны Константиномъ въ главахъ 2-й, 4-й, 6-й, 8-й, 9-й, 37-й и 42-й сочиненія „Объ Управленіи Имперіей, но ни въ одной изъ нихъ не видно, чтобы Руссы были въ Крыму до 988 года. Чтобы доказать противное, остается ссылаться на Сурожскую легенду, но вопросъ о времени ея составленія считается не рѣшеннымъ [1]).

Въ числѣ другихъ косвенныхъ источниковъ, на которыхъ изслѣдователи основываютъ свое предположеніе о существованіи Таманской Руси, находится сказаніе о русскихъ письменамъ, видѣнныхъ въ Корсунѣ Кирилломъ и Меѳодіемъ въ 860—862 гг. Почтенный академикъ Куникъ не считаетъ легендарныхъ сказаній за вѣрное свидѣтельство, хотя и не отвергаетъ факта бытности въ Херсонѣ Солунскихъ братьевъ [2]). Другой ученый, В. И. Григоровичъ, не утверждаетъ также, чтобы грамота, найденная Кирилломъ и Меѳодіемъ въ Херсонѣ, была русская, и называетъ ее пазиграфіей, приспособленною къ звукамъ славянскаго языка [3]).

Такимъ образомъ, уже не Руссы, а какіе-то Славяне являются въ Корсунѣ въ общеніи съ Хазарами, Аланами, Готами и другими народами, населявшими Крымъ во времена бытности тамъ Солунскихъ братьевъ. Мы и въ этомъ случаѣ, нимало не колеблясь, останавливаемся на Улучахъ, какъ на единственномъ изъ Славянскихъ племенъ, которое могло быть въ Крыму до появленія въ немъ Кіевскихъ Руссовъ. Путь Солунскихъ братьевъ, изъ Хазаріи въ Херсонъ шелъ по берегамъ Азовскаго моря и потомъ по безводнымъ мѣстамъ [4]).

---

[1]) Ср. *Куникъ*, Зап. Готск. Топар., стр. 104—106; Фирковичъ и Тохтамышъ, стр. 23, 24.

[2]) Зап. Гот. Топ., стр. 139, 140; Каспій, стр. 632, 633.

[3]) Зап. о Солунѣ и Корсуни. Одесса. 1872, стр. 8, 9, 14 и 15.

[4]) *Бильбасовъ*, Кириллъ и Меѳодій, ч. 2, стр. 23, 242, 243; ср. *Иловайскій*, стр. 137.

Еслибы Кириллъ и Меѳодій ѣхали въ Херсонъ на кораблѣ или чрезъ Таманскій полуостровъ, тогда мы не встрѣтили бъ указанія о колодцахъ съ соленою водою, видѣнныхъ ими на пути слѣдованія. Но на пути отъ Кавказскихъ горъ въ Крымъ берегомъ Азовскаго моря дѣйствительно встрѣчаются безводныя мѣста, въ которыхъ жители и до нынѣ употребляютъ соленую воду [1]). Не можетъ быть, чтобы Солунскіе братья предприняли сухопутное путешествіе безъ особенной цѣли, тогда какъ они могли возвратиться въ Херсонъ на кораблѣ, отвезшемъ ихъ къ Хазарамъ. Проходя чрезъ землю Улучей, они могли посѣять среди нихъ зачатки христіанства и связать этотъ народъ еще тѣснѣе съ Херсонцами. Не мудрено послѣ этого, что мы встрѣчаемъ слѣды существованія христіанства между Славянами Приднѣпровскими въ періодъ, предшествовавшій крещенію Кіевской Руси.

О Черной Болгаріи упоминается у Константина въ гл. 12 и 42-й, а въ договорѣ Игоря съ Греками, въ 944 году, является уже народъ, названный Черными Болгарами. Здѣсь мы не касаемся вопроса о причинѣ, подавшей поводъ называть Черною страну, гдѣ оставалась часть Болгаръ, но впослѣдствіи, на мѣстѣ ея, мы встрѣчаемъ Черную Куманію [2]). Выше мы имѣли уже случай замѣтить, что Черная Болгарія Константина находилась на лѣвой сторонѣ Днѣпра между Дономъ, Азовскимъ моремъ и страной Улучей. Въ главѣ 12-й Константинъ говоритъ, что Черная Болгарія можетъ воевать Хазаръ, а въ главѣ 42-й сказано: „На сѣверъ отъ Меотійскаго озера находится рѣка Днѣпръ, чрезъ которую Руссы переходятъ (переѣзжаютъ) въ Черную Болгарію и Сирію". При объясненіи этого мѣста изслѣдователи предположили, что глаголъ δι-έρχομαι значитъ—выѣзжать [3]),

---

[1]) *Спасскій*, Кн. Больш. Черт., стр. 26, 27; ср. Спис. населен. мѣста. губ. Таврич., стр. IV.

[2]) Ср. *Брунъ* въ *Зап. Одесск. Общ.*, т. V, стр. 973, 972.

[3]) Зап. Гот. Топарха, стр. 125; *Иловайскій*, стр. 116, 123, 169, 170. Если сопоставить показаніе Ѳеофана о р. Куфисѣ съ описаніемъ Константина, то ясно будетъ, что Куфисъ Ѳеофана, составлявшій границу Болгаріи, не можетъ быть отожествляемъ съ Кубанью, такъ какъ у Константина сказано, что р. Куфисъ находилась между Дунаемъ и крѣпостью Саркеломъ (De administr., c. 42). Поэтому вѣрнѣе предполагать, что на Таманскомъ полуостровѣ жила часть Хазаръ, названная у Ѳеофана Евреями, а не Болгары. Ср. *Забѣлинъ*, op.-c., 398, 399. Что же касается Кубани, то она у Константина названа Укрухомъ и поэтому не можетъ быть отожествляема съ Хоракуломъ, въ которомъ во времена Константина добывали верветикъ, а при Ѳеофанѣ кеистосъ. Ср. *Klaproth*, Voyage au Caucase, t. I, p. 56.

тогда какъ Константинъ употребляетъ его въ значеніи слова—переходить. Въ этомъ смыслѣ поставлено оно въ гл. 9-й при описаніи перехода Руссовъ чрезъ пороги, въ гл. 42-й—при упоминаніи о рвѣ, чрезъ который Печенѣги переходили отъ Днѣпра въ Херсонъ, и еще яснѣе становится значеніе его въ гл. 8-й, гдѣ въ заключеніи говорится, что весною Печенѣги переходятъ на ту сторону Днѣпра [1]). Что же касается до того мѣста въ гл. 42-й, гдѣ упоминается о плаваніи Руссовъ и Днѣпра въ Ромеямъ, то тамъ у Константина поставлено слово ἀπο-πλέω. Такимъ образомъ, оказывается, что Черная Болгарія находилась въ низовьяхъ Днѣпра, на лѣвой сторонѣ по теченію его [2]); а такъ какъ Сирія поставлена у Константина рядомъ съ Черною Болгаріею, то должно предполагать, что она граничила съ нею. Въ названіи Сиріи, находившейся по направленію отъ Днѣпра къ Азовскому морю, мы видимъ греческое слово Σύρια, означающее болотную страну и отвѣчающее какъ нельзя болѣе болотистымъ берегамъ Сиваша, носившаго у Римлянъ, въ свою очередь, названіе болота (Palus).

Воспоминаніе о Болгарахъ Приднѣпровскихъ сохранилось въ нашихъ лѣтописяхъ, подъ 985 годомъ: „Иде Володимеръ на Болгары Низовскіе... въ лодьяхъ, а Торъки берегомъ приведе па копихъ и побѣди Болгары". Поэтому, упоминаніе топарха о намѣреніи варваровъ сдѣлать изъ ихъ земли добычу Мисянъ пріобрѣтаетъ значеніе историческое. Болгары Низовскіе было племя свирѣпое, они говорили Владимиру: „толи не будетъ межю намѣ мира оли камень начнетъ плавать". Что здѣсь говорится о Болгарахъ Придрѣпровскихъ, доказательствомъ тому служитъ показаніе мниха Іакова о хожденіи Владимира къ порогамъ Днѣпровскимъ [3]). Выходитъ, что было время, когда Улучи жили съ Херсонскими Греками въ добромъ согласіи, оказывая, по словамъ топарха, уваженіе къ справедливости и законности, и удерживали сосѣдей своихъ, Черныхъ Болгаръ, отъ нападенія на Корсунскія об-

---

[1]) Ed. Bonn., p. 74.

[2]) Ср. *Ламбинъ*, о Тмутор. Руси, стр. 62; *Иловайскій*, Разысканія стр. 116, 124.

[3]) *Г. Барсовъ* въ Очеркахъ Русск. Ист. Геогр. предполагаетъ, что подъ именемъ Болгаръ Низовскихъ слѣдуетъ подразумѣвать Болгаръ Дунайскихъ, стр. LV, прим. 172; ср. *Соловьевъ*, Ист. Росс. т. I, стр. 166. У Константина упоминается объ архонтѣ Мокапѣ, находившемся па берегахъ Азовскаго моря (De ceremonii, p. 688). Мы имѣемъ основаніе подозрѣвать, что часть народа, ему подвластнаго, состояла изъ Черныхъ Болгаръ. Иначе не представляется возможности согласить число властителей съ числомъ народовъ, описанныхъ въ сочиненіи объ управленіи имперіей; ср. *Rambaud*, L'Empire Grec, p. 526.

ласти [1]). Но около 944 года, часть Улучей, соединившись съ Болгарами, напала на греческія эмпоріи, начала разрушать до основанія стѣны греческихъ укрѣпленій и коснулась области топарха. Другая же часть туземцевъ, понимавшая языкъ греческій, держалась, по прежнему, нашего топарха и его соотечественниковъ, какъ видно изъ третьяго отрывка. По словамъ топарха, Климата его была разрушена еще прежде; указаніе это даетъ намъ поводъ считать Руссовъ виновниками перваго ея разоренія въ одну изъ войнъ съ Улучами. Такимъ образомъ становится понятною причина, подавшая поводъ Византійцамъ включить въ договоръ 944 года обязательство для Руссовъ—не зимовать въ устьяхъ Днѣпра, Бѣлъбережи, а уходить въ домы свои въ Русь, то-есть, за пороги.

Разрѣшеніе вопроса о мѣстѣ нахожденія города Пересѣчена невозможно безъ производства раскопокъ, но есть полное основаніе предполагать, что имя этого города указываетъ на Кичкасъ, гдѣ Днѣпръ представляется пересѣченнымъ, имѣя въ ширину только 75 сажень. Пересѣченовъ было нѣсколько; но они упоминаются въ числѣ городовъ, находившихся въ области Кіевской. Понятно, что приднѣпровскій городъ, стоявшій на пути плаванія въ Царьградъ и на дорогѣ въ Крымъ, могъ возбудить въ Олегѣ желаніе овладѣть имъ; но походъ Олега въ 885 году за Днѣстръ, для взятія Пересѣчена бессарабскаго, представляется невѣроятнымъ тѣмъ болѣе, что по мѣстоположенію Онклоса, въ сосѣдствѣ съ Дунаемъ, Олегу пришлось бы воевать съ Болгарами, а о войнѣ Олега съ Болгарами въ лѣтописяхъ не упоминается. Мѣсто, гдѣ могъ находиться Пересѣченъ, названо у Константина Кpapiйcкимъ перелазомъ, но во времена Константина городъ Пересѣченъ уже не существовалъ. Вопросъ о пѣшемъ и конномъ войскѣ, находившемся въ составѣ нападавшихъ, разрѣшается самъ собою, и напрасно г. Васильевскій придаетъ ему особенное значеніе. Славянскихъ племенъ было много, и если объ

---

[1]) Принимая въ соображеніе показаніе топарха о безпощадномъ разрушеніи городовъ и стѣнъ до основанія со стороны непріятелей, мы невольно должны прійти къ заключенію, что подобный образъ дѣйствій не могъ быть свойственъ народу осѣдлому, но бродячему, какимъ были Угры. Въ легендахъ о Кириллѣ и Меѳодіи говорится, что на пути слѣдованія Философа къ Хазарамъ по Азовскому морю напали на него по выходѣ на сушу воины угорскіе (*Бильбасовъ*, Кир. и Меѳод., II, стр. 171, 242, 378), а далѣе (на стр. 372, 373), въ житіи Климента Болгары названы Мисами. Такимъ образомъ, связь между Мисянами топарха и Низовскими Болгарами, свирѣпымъ племенемъ, становится очевидною.

одномъ изъ нихъ сказано, что оно не умѣло ѣздить верхомъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ и остальныя не могли заимствовать отъ сосѣдей полезнаго обыкновенія [1]). Нужда есть лучшій учитель человѣка. Странно было бъ утверждать, что топархъ и спутники его были Славяне, на основаніи того, что они имѣли щиты, замѣнявшіе имъ кровать и покровъ. Извѣстно, что Левъ Діаконъ, описывая Тавро-Скиѳовъ, говоритъ, что щиты у нихъ были длинные до самыхъ ногъ; Греки же подобныхъ щитовъ не имѣли. Что отрывочныя показанія, встрѣчающіяся у древнихъ авторовъ, даютъ поводъ къ недоразумѣніямъ, доказательствомъ тому служитъ мнѣніе г. Васильевскаго о происхожденіи названія Болгаръ Мирмидонами. Мы имѣли уже случай высказать въ другомъ изслѣдованіи, что по географическимъ и этнографическимъ соображеніямъ, соотвѣтственнѣе производить названіе это отъ рѣки Мермодасъ, нежели отъ города Мирмикіона потому только, что въ немъ родился Ахиллесъ [2]). Если перенесеніе г. Васильевскимъ названія Мирмидоновъ на Русскихъ найдетъ оправданіе, то мы увидѣли бы въ немъ подтвержденіе нашего предположенія о сосѣдствѣ Улучей съ Угро-Алтайскими народами, подавшаго поводъ считать Русскихъ Куманами.

Вопросъ о неумѣньи Славянъ ѣздить верхомъ (тогда какъ, по словамъ Константина, они покупали у Печенѣговъ лошадей) напомнилъ намъ другое мнѣніе, касающееся неспособности Славянъ къ мореходству. Если подъ этимъ словомъ разумѣть военные или торговые флоты, то само собою разумѣется, что мы не найдемъ историческаго свидѣтельства о существованіи ихъ у Славянъ Приднѣпровскихъ. Но Улучи, обитавшіе въ приморскихъ мѣстахъ, могли освоиться съ моремъ, промышляя рыбною ловлей, и имѣть у себя суда по примѣру ближайшихъ сосѣдей своихъ, Херсонитовъ. Теперешніе жители приморской части губерніи Таврической подтверждаютъ это естественное предположеніе.

Мы не первые высказываемъ мысль о мѣстожительствѣ Улучей и Черныхъ Болгаръ на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Ф. К. Брунъ указалъ на это въ своемъ знаменитомъ изслѣдованіи: „Слѣды древняго рѣчнаго пути изъ Днѣпра въ Азовское море“ [3]). Къ сожалѣнію, въ послѣдовавшихъ трудахъ своихъ, почтенный авторъ давно уже отка-

---

[1]) Ср. *Русск. Арх.* 1876 г., № 11.

[2]) Византія и Печенѣги, стр. 140, 141; ср. *Иловайскій*, Разысканія, стр. 120, 121; *Иричекъ*, стр. 121.

[3]) *Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древ.*, т. V, стр. 114—119.

зался отъ прежняго своего мнѣнія и даже самую народность Улучей промѣнялъ на Готскую, а жилище Черныхъ Болгаръ отвелъ Хазарамъ или Бѣлымъ Children Уграмъ [1]).

Такимъ образомъ, основываясь на соображеніи о географическомъ положеніи Херсона, мы вывели заключеніе, что онъ не могъ существовать такъ долго, еслибы входы въ Крымъ со стороны степей не были ограждены передовыми укрѣпленіями. Остается намъ провести ту же самую мысль относительно входа въ Крымъ со стороны Керчи [2]). При этомъ, опять, мы не должны упускать изъ виду показаній Константина, такъ какъ другіе источники не представляютъ возможности составить себѣ сколько-нибудь ясное понятіе о томъ, что̀ происходило въ Крыму въ періодъ времени между 834 и 988 годами. Описывая Пацинакію, Константинъ говоритъ, что она находилась недалеко отъ Херсона, но отъ Босфора еще ближе. Въ другомъ мѣстѣ Константинъ показываетъ, что Пацинакія занимаетъ всю землю до Руссіи и до Босфора и до Херсона, Сарата-Вурата и до тридцати другихъ мѣстъ. Еслибы Константинъ не пояснилъ, что Пацинакія начинается отъ низовьевъ Дуная и простирается только до Саркела, хазарской крѣпости, тогда можно было бы предположить, что Печенѣги были единственными покровителями Херсона на всѣхъ ведущихъ къ нему путяхъ; но оказывается противное: Печенѣговъ не было ни въ Керчи, ни въ Тамани, и оба эти мѣста принадлежали какому-то властодержцу Аланіи. Еслибы Руссы находились на берегахъ Керченскаго пролива, тогда Константинъ навѣрное далъ бы сыну своему наставленіе обращаться къ содѣйствію Печенѣговъ для воспрепятствованія Руссамъ вторгаться въ Крымъ. Но Константинъ ясно указываетъ на властодержца Аланіи, какъ на единственнаго охранителя пути въ Крымъ со стороны Керченскаго пролива, и опасаясь только Хазаръ, говоритъ, что если Аланскій князь преградитъ имъ путь, то

---

[1]) Черном. Готы, стр. 17, 19, 35—37; ср. *Зап. Од. Общ.*, III, стр. 452, 453.

[2]) Въ гл. X и XI книги «Объ управленіи имперіей» Константинъ называетъ повелителя Алановъ властодержцемъ (ἐξουσιοκράτορα) и тотъ же самый титулъ усвояетъ ему въ сочиненіи о церемоніяхъ византійскаго двора (р. 688); слѣдовательно, въ лицѣ этого властодержца мы должны видѣть того повелителя Алановъ, который, имѣя возможность нападать на Хазаръ при проѣздѣ въ Херсонъ, долженъ былъ жительствовать или въ Босфорѣ, или на Таманскомъ полуостровѣ, тѣмъ болѣе, что о топархѣ Албаніи упоминается особо. Ср. *Reiskii*, Comment., р. 809, 810. Такимъ образомъ оказывается, что Константинъ, при опредѣленіи географическаго положенія Аланіи въ гл. 42, смѣшалъ ее съ Албаніей.

глубокій миръ водворится въ Херсонѣ и въ Климатахъ [1]). Еслибы всѣ Крымскіе Климаты принадлежали Херсонитамъ, тогда для Константина не представлялось бы надобности упоминать о нихъ трижды, отдѣльно отъ Херсона; но выходитъ, что въ числѣ ихъ надобно искать и тѣхъ девяти Климатовъ, которыя принадлежали Хазарамъ. О мѣстѣ нахожденія Хазарскихъ Климатовъ было высказано множество различныхъ предположеній [2]); разбирать ихъ здѣсь мы не считаемъ умѣстнымъ. Достаточнымъ находимъ сказать, что Константинъ въ этомъ мѣстѣ своего сочиненія говоритъ только о Хазарахъ, жившихъ на Таманскомъ полуостровѣ и въ окрестностяхъ Саркела. Желаніе считать Крымскихъ и Волжскихъ Хазаръ за одинъ народъ подобно Аланамъ, обитавшимъ въ Крыму и за Кавказомъ, подавало поводъ къ недоразумѣніямъ [3]). Девять Хазарскихъ Климатовъ мы смѣло можемъ называть Крымскими и видѣть ихъ въ числѣ тѣхъ 30 мѣстъ, до которыхъ простиралось кочевье Печенѣговъ. Они могли быть или завоеваны, или добровольно уступлены Хазарамъ съ цѣлью поставить въ зависимость отъ Византіи продовольствіе ихъ. Хазары не имѣли флота, и Херсонцы, въ случаѣ непріязненныхъ дѣйствій со стороны Хазаръ, не занимавшихся замледѣліемъ, всегда могли воспользоваться выгодами своего торговаго положенія. Крымскіе Хазары не были опасны для Херсона, и какъ видно изъ исторіи, они сами являлись защитниками его въ тяжкія минуты. Что же касается Хазаръ Таманскихъ, опасныхъ для Херсона по своимъ связямъ съ Приволжскими [4]), то на стражѣ противъ нихъ находились Алане, въ которыхъ мы не можемъ не признавать Готовъ-христіанъ, называвшихся различ-

---

[1]) Ср. *Куникъ*, Каспій, стр. 523. У средневѣковыхъ путешественниковъ Аланы раздѣлены на христіанъ и язычниковъ; въ числѣ первыхъ показаны As, обитавшіе въ Крыму и по берегамъ Азовскаго моря. Духовенство у нихъ было греческое (Ср. *Hergenröther*, Phothius, I, стр. 537—539); слѣдовательно, они легко могли усвоить греческій языкъ и затерять собственный, за исключеніемъ небольшой части изъ нихъ, сообщившей Бузбеку слова роднаго языка. Насъ не должно удивлять отсутствіе въ Крыму памятниковъ готской письменности, такъ какъ мы, допуская нахожденіе въ Крыму другихъ народовъ, также не встрѣчаемъ слѣдовъ ихъ литературной дѣятельности.

[2]) См. *Harkawy*, Ein Briefwechsel zwischen Kordowa und Astrachán, стр. 95, пр. 2; ср. *Куникъ*, стр. 76.

[3]) *Иловайскій*, стр. 113, 114; ср. 128.

[4]) Ср. *Гаркави*, о Хазарахъ, стр. 138.

ными именами [1]). Рюисбрекъ видѣлъ ихъ въ Судакѣ и на берегахъ Азовскаго моря, слѣдовательно, на обоихъ берегахъ Керченскаго пролива; здѣсь же встрѣтилъ ихъ и позднѣйшій путешественникъ Іосафатъ Барбаро и называлъ Gothalani [2]). Напрасно г. Васильевскій не обратилъ вниманія на это мѣсто въ описаніи Барбаро: онъ навѣрное отказался бъ отъ своего убѣжденія, что Маврокастрона въ Крыму не было. Русскій переводчикъ, объясняя показаніе Барбаро, затемнилъ его еще болѣе предположеніемъ, что у Барбаро говорится здѣсь не о Крымскомъ берегѣ [3]), тогда какъ подъ именемъ острова здѣсь разумѣется Керченскій полуостровъ, позади котораго по направленію къ Судаку находилась Готія, то-есть, Готаланія—до самаго Монкастра (Маврокастрона).

Аланы у Барбаро названы Асами; они были христіане, слѣдовательно, городъ Манкастро, находившійся въ землѣ ихъ, не могъ быть приднѣстровскій Аккерманъ, но крымскій. Ошибка Барбаро, въ 1436 году произошла, по всей вѣроятности, отъ смѣшенія въ памяти двухъ соименныхъ городовъ въ одинъ [4]).

Подводя итогъ вышесказанному по отношенію къ Запискѣ Топарха, мы должны прійдти къ заключенію, что Варяго-Руссы не были покровителями Херсона и его Климатовъ до 988 года, отъ котораго начинается достовѣрная исторія Россіи. Если мѣсто происшествій,

---

[1]) Ср. *Ламбинъ*, О Тмут. Руси, стр. 67; архим. *Арсеній*, Готск. епарх. въ Крыму, стр. 66; *Куникъ*, стр. 74, 75, 76, 72; *Иловайскій*, стр. 279.

[2]) См. Акты Констант. Патр., *Зап. Од. Об. И. и др.*, т. VI, стр. 449, 445, 460 и 468. Цейсъ первый остановилъ вниманіе на показаніи Барбаро (Die Deutschen, стр. 432), но къ сожалѣнію, ограничился только замѣчаніемъ, что Готія и Аланія сосѣдили между собою. Поэтому мы позволяемъ себѣ высказать предположеніе: не скрывается ли въ названіи Черноморскихъ Алановъ исковерканное слово Аламаны, то-есть, Готы, говорившіе нѣмецкимъ языкомъ? Только такимъ образомъ мы можемъ объяснить молчаніе Константина о Готахъ и упоминаніе о нихъ у писателей позднѣйшихъ. Ср. Hist. Russ. monumenta, I, Foscarini, p. 158; *Kunstmann*, Stud. üb Marino Sanudo, p. 105; ср. *Zeuss*, op. c., стр. 303, 327.

[3]) Библіотек. Иностр. Писат., стр. 145, прим. 63; ср. стр. 55; *V. de S. Martin*, p. 193; ср. Путешест. къ Татарамъ Плано-Карпини, стр. 25.

[4]) Въ Крыму вблизи Карасубазара и на Днѣпрѣ были также Манкермены, Mankastro; (см. *Кеппенъ*, Крымск. Сборн., стр. 352 — 354), а вблизи Перекопа находилось укрѣпленіе, называвшееся Ferrahkermen (*Hammer*, Geschich. der Chan. d. Krim, стр. 177), напоминавшее Феріеваръ, то-есть, Аккерманъ—на языкѣ мадьярскомъ. Монкастро показанъ въ странѣ Алановъ, а такъ какъ Аланія до Днѣстра не простиралась, то нельзя предположить, чтобъ у Барбаро шла рѣчь объ Аккерманѣ, тогда какъ, по словамъ Барбаро, Аланія, Куманія и Хазарія находились на берегу Забакскаго моря; см. стр. 6, 7, 48.

описанныхъ у топарха, есть Крымъ, то нѣтъ основанія видѣть въ варварахъ Варяго-Руссовъ, и значеніе отрывковъ по отношенію къ Россіи уничтожается само собою. Такимъ же является оно и въ Болгаріи, гдѣ пришлось бы допустить, что не Руссы, а сами Болгары разоряли свою страну. Если же мѣсто жительства топарха перенести въ область Днѣпра, то отрывки дѣйствительно пріобрѣтаютъ значеніе новаго источника для познанія Приднѣпровской Руси.

Мы не думаемъ, чтобы въ извѣстіяхъ восточныхъ писателей или въ припискахъ плохаго импровизатора Фирковича можно было найдти доказательства въ пользу предположенія о раннемъ существованіи Тмутараканскаго княжества и одновременномъ нахожденіи въ немъ Черныхъ Болгаръ [1]). Остается надѣяться на раскопки и сравнительную археологію для рѣшенія вопроса о русскихъ городѣ и рѣкѣ, упоминаемыхъ у позднѣйшихъ восточныхъ писателей. При этомъ мы не можемъ не заявить сомнѣнія въ правдивости лѣтописнаго показанія о войнѣ Святослава въ 965 г. съ Ясами и Косогами, если подъ Ясами разумѣть жителей прикавказской Аланіи. Изъ словъ Константина слѣдуетъ, что между Аланіей и Таматархою находились Зихія, Папагія, часть Авазгіи и Касагія. Въ лѣтописяхъ же сказано, что Святославъ побѣдилъ Ясовъ и Косоговъ вслѣдъ за взятіемъ Бѣловежи (Саркела), а о другихъ народахъ не упоминается. Далѣе, показаніе лѣтописей запутывается еще болѣе нахожденіемъ въ 967 году, очевидно, не кавказскихъ—Болгаръ, Козаръ, Косоговъ и Ясовъ въ великой силѣ у Днѣстра. Поэтому, не будетъ ли правильнѣе предполагать, что лѣтописцы называли Ясами—не Аланъ Прикавказскихъ, а Готовъ Придонскихъ и Крымскихъ, сосѣдей Хазаръ? Что же касается Косоговъ, то они должны быть Узы, а не жители Касагіи Константина. Объ Узахъ въ лѣтописяхъ не упоминается, тогда какъ, по словамъ Константина, они, около 950 года, находились въ сосѣдствѣ съ Аланами и Хазарами [2]). Г. Гаркави, основываясь на показаніи Абульфеды, видитъ въ Крымскихъ Аланахъ переселенцевъ изъ Осетіи; но при такомъ взглядѣ пришлось бы допустить, что Аланы, встрѣченные Маркомъ-Поло на границахъ Китая, вышли также изъ Осетіи. Константинъ не знаетъ Готовъ, а лѣтописи наши, упоминая о нихъ,

[1]) Ср. ст. *Замысловскаго* о книгѣ *Барсова*: Географія начальной лѣтописи въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, ч. 177, стр. 476, 477.

[2]) Ср. *Брунъ*, Островъ св. Еѳерія, стр. 398—401; *Гаркави*, О происхожденіи названій мѣстъ на Таврич. полуостр., стр. 6—8, *Григоровичъ*, Записка Антиквара, стр. 37.

незнакомы съ Аланами, слѣдовательно, въ Ясахъ соотвѣтственнѣе видѣть часть Готовъ, называвшихся Асами, нежели потомковъ настоящихъ Алановъ, обитавшихъ въ Крыму до пришествія Готовъ [1]).

III.

Въ порядкѣ, принятомъ Газе, второй отрывокъ оканчивается словами: „Изъ находящихся на лицо матеріаловъ я выстроилъ сперва одну крѣпостцу, имѣя въ виду, что отсюда легко будетъ населить и весь остальной городъ". Въ третьемъ отрывкѣ, топархъ продолжаетъ: ..."и она была выстроена съ большою поспѣшностію и ограждена рвомъ... не видя нигдѣ варваровъ, я занялся возведеніемъ старой стѣны"... Такимъ образомъ очевидно, что третій отрывокъ слѣдуетъ непосредственно за вторымъ и содержитъ въ себѣ описаніе событій, совершившихся по возвращеніи топарха изъ Воріона во свояси, то-есть, въ Климату, на которую устремлено было нападеніе варваровъ. Изъ сопоставленія сказаннаго во всѣхъ трехъ отрывкахъ мы выводимъ заключеніе, что война, начатая варварами безъ предварительнаго объявленія, была предпринята не противъ топарха, а противъ городовъ и самыхъ близкихъ своихъ, явившихся защитниками какаго-то новаго порядка, измѣнившаго обычай предковъ. Топархъ въ особенности указываетъ на разореніе городовъ и на разрушеніе до основанія находившихся, вѣроятно, вокругъ ихъ, стѣнъ. Жители городовъ, не признавая себя виновными въ возведеніи укрѣпленій, жаловались варварамъ на своихъ властителей. Кто же были эти властители, которыхъ топархъ называетъ своими, какъ не Греки и не тѣ изъ туземцевъ, отъ которыхъ можно было извлекать желанную пользу? Жителей разоренныхъ городовъ и селеній топархъ называетъ подданными варваровъ; слѣдовательно, онъ не былъ поставленнымъ начальникомъ или настоящимъ владѣльцемъ Климаты по праву, дарованному верховнымъ повелителемъ страны. Разрушеніе городовъ и селеній совершилось еще до поселенія топарха въ странѣ варваровъ; поэтому и пришлось ему отражать первое нападеніе изъ

---

[1]) Ср. *Neumann*, Völker. S. Russl., стр. 40, 41; *Брунъ*, Матеріалы для ист. Сугдеи, стр. 16, 17; Pachimer, L. V, c. IV, L. X, c. XVI, L. XIII, c. IV; *Берже*, Кавказъ въ археолог. отнош. Тифлисъ, 1874 г., стр. 37, 38. Ср. *Müllenhof* въ *Monatsber. preuss. Akad.* Januar. 1866, стр. 4, 5, 10, 11; *Бутковъ*. Оборона лѣт., стр. 283, примѣч. 106; *Thunmann's* Untersuchung., стр. 17—22.

открытаго селенія. Топархъ испугался и отступилъ за Днѣпръ съ находившеюся при немъ стражею, но встрѣтивъ въ Воріонѣ союзниковъ, рѣшился опять остаться на прежнемъ мѣстѣ, укрѣпивъ его стѣнами. Изъ словъ топарха слѣдуетъ заключить, что на возведеніе стѣнъ нужна была какъ бы особая рѣшимость, и онъ не думалъ объ этомъ, пока не убѣдился въ безсиліи варваровъ при первомъ нападеніи. Топархъ имѣлъ время ожидать приближенія заразы, обходившей его сосѣдей, и принимать всякія мѣры предосторожности, чтобы не быть захваченнымъ въ расплохъ. Во времена пребыванія Святослава въ Болгаріи топархъ не могъ находиться въ подобномъ положеніи, такъ какъ въ лицѣ Святослава нельзя представить себѣ попеременно то врага, то покровителя. По словамъ топарха, разорителями городовъ были туземцы, имѣвшіе подданныхъ. Одного этого яснаго указанія достаточно по нашему мнѣнію, чтобъ оставить всякую мысль о Болгаріи, гдѣ не было ни иноземныхъ подданныхъ, ни жителей, разорявшихъ собственные города. Печенѣги, опустошавшіе Болгарію по уходѣ Святослава въ Россію, не могли быть приняты топархомъ за туземцевъ [1]).

Мы нарочно сопоставили здѣсь нѣсколько указаній изъ другихъ отрывковъ, такъ какъ объясненіе каждаго отрывка отдѣльно не даетъ яснаго понятія о сущности общаго. Въ третьемъ отрывкѣ топархъ упоминаетъ: 1) о безсиліи варваровъ, когда они пришли и увидѣли, что крѣпость и городъ были ограждены рвомъ; 2) о совѣтѣ, собранномъ для рѣшенія вопроса, какихъ властителей нужно желать для управленія народомъ, находившимся въ подданствѣ у варваровъ. При этомъ случаѣ, топархъ держалъ рѣчь, построенную по всѣмъ правиламъ византійскаго искусства. Слѣдующее далѣе описаніе топарха есть самое интересное, и мы приводимъ его цѣликомъ:

„Но или потому, что они никогда будто бы не воспользовались благорасположеніемъ императорскимъ [2]) и не заботятся болѣе объ эллинскихъ обычаяхъ, а прежде всего стремятся къ независимости, или потому, что они сосѣдили съ тѣмъ, кто царствуетъ на сѣверѣ

---

[1]) Ср. *Васильевскій*, Византія и Печенѣги въ *Ж. М. Н. Просв.*, ч. CLXIV, стр. 300, 301, 303.

[2]) Седьмая глава Константина, въ которой онъ описываетъ жадность Печенѣговъ къ подаркамъ, даетъ намъ право объяснять жалобу туземцевъ на нерасположеніе къ нимъ Византійскаго правительства завистью и упрекомъ, что они, будучи союзниками Грековъ, по примѣру Печенѣговъ не пользовались приношеніями со стороны царскихъ чиновниковъ, ѣздившихъ въ Пацинакію.

Дуная... и не отличаются по обычаямъ отъ тамошнихъ жителей, они рѣшили (на совѣтѣ) заключить съ нимъ миръ и передаться ему, и сообща, всѣ подали голосъ, что и я долженъ сдѣлать то же самое". Мы останавливаемся пока на послѣднихъ словахъ и ставимъ вопросъ: возможно ли предположить, чтобы спутникъ Колокира или другое лицо, получившее отъ Святослава область въ Болгаріи, были поставлены въ необходимость ѣхать къ Святославу въ Кіевъ между первымъ и вторымъ походомъ, для заключенія съ нимъ мира? Изъ того, что Святославъ считалъ Болгарію своею землей, еще не слѣдуетъ, чтобы Болгары признавали его своимъ покровителемъ. Топархъ говоритъ, что область его граничила съ владѣніями царствовавшаго на сѣверѣ Дуная, а Русское государство было отдѣлено въ это время отъ Болгаріи Печенѣгами. Подобно тому и южный берегъ Крыма не могъ сосѣдить съ владѣніями Святослава. Такимъ образомъ приходится допустить невольно одну изъ двухъ крайностей: или перенести область топарха къ Днѣпру, или подъ царствовавшимъ на сѣверѣ Дуная разумѣть не Русскаго великаго князя. Допуская послѣднее предположеніе, можно было бы остановиться на Хазарахъ, такъ какъ у нихъ были цари, но Греки называли ихъ хаканами [1]). Въ русскихъ лѣтописяхъ, подъ 965 годомъ, есть также указаніе о томъ, что князья Придонскихъ Хазаръ назывались каганами; подъ этимъ титуломъ показаны они и въ житіяхъ Кирилла и Меѳодія; слѣдовательно, среди ихъ, мы не имѣемъ основанія искать царствовавшаго на сѣверѣ Дуная, тѣмъ болѣе, что и владѣнія Хазаръ до Болгаріи Дунайской не простирались [2]). При объясненіи втораго отрывка, мы имѣли уже случай указать, какіе народы Византійцы называли сѣверными. У Константина сказано въ гл. XIII: εἴτε χαζαροι, εἴτε Τουρχοι εἴτε Ρῶς ἢ ἑτερὸν εθνος τῶν Βορείων και Σχυθιχῶν... ср. гл. 43: Αλλα περὶ μὲν τῶν Βορείων Σχυθῶν...

Мы не находимъ основанія предполагать, чтобы топархъ подъ именемъ царствовавшаго на сѣверѣ Дуная могъ подразумѣвать кого-

---

[1]) Constantin., De ceremon., p. 690; ср. *Гаркави*, О Хазарахъ, стр. 139; его же Ein Briefwechsel zw. Cordowa u. Astrach., стр. 69, прим. 1.

[2]) Ср. *Harkavy*, ib., стр. 88. Непремѣнное желаніе найдти искомое подало поводъ почтенному изслѣдователю предположить, что владѣнія хакана Іосифа могли простираться до Венгріи, такъ какъ Higrier онъ принимаетъ за Венгерцевъ; но подобныя сближенія, основанныя на созвучіяхъ, послужили основаніемъ видѣть въ Бессахъ Печенѣговъ, тогда какъ между ними нѣтъ ничего общаго, (см. *Diefenbach*, Die Völkstämme d. Turk., 1877, стр. 32.

либо другаго, кромѣ Русскаго князя, такъ какъ въ періодъ времени между 885—973 годами Русскіе князья успѣли сдѣлаться первенствующими среди другихъ сосѣднихъ народовъ. Олегъ сокрушилъ господство Хазаръ надъ Славянскими племенами въ 885 году, и, при походѣ на Царьградъ, увлекъ за собою всѣхъ прежде бывшихъ данниковъ хазарскихъ. Послѣдовавшіе затѣмъ договоры и сношенія между дворами Русскимъ и Византійскимъ не могли не прославить Олега, подъ рукою котораго сидѣли всѣ прочіе свѣтлые князья. Кому же ближе, какъ не Корсунянамъ, могли быть извѣстны успѣхи Русскихъ князей въ борьбѣ съ другими народами? Одни Улучи и нераздѣльно съ ними упоминаемые Тиверцы не подчинялись Олегу, и война съ ними продолжалась до 914 года, пока Игорь не заставилъ ихъ платить дань Свентелду. Хотя Святославъ и остановился на зимовку въ устьяхъ Днѣпра, но весной онъ не могъ уже пробиться чрезъ пороги по причинѣ Печенѣговъ. Слѣдовательно, Улучи не могли успѣть до 973 года переселиться къ Днѣстру и показаніе лѣтописцевъ о нахожденіи ихъ при Днѣстрѣ до этого времени оказывается невѣрнымъ. Еслибы Святославъ не имѣлъ союзниковъ въ устьяхъ Днѣпра, то у кого же войско его могло бы покупать лошадей, по полугривнѣ за голову, чтобъ избавиться отъ голодной смерти? О Печенѣгахъ не можетъ быть здѣсь рѣчи, такъ какъ они сторожили возвращеніе Святослава; слѣдовательно, только одни Улучи, данники Святослава, не успѣвшіе уйдти отъ устьевъ Днѣпра, могли сберечь до весны остатокъ его войска. Такимъ образомъ, изъ сопоставленія историческихъ данныхъ съ географіей и этнографіей, мы невольно должны прійдти къ заключенію, что топархъ подъ именемъ царствовавшаго на сѣверѣ Дуная разумѣлъ Игоря. Византійскій Грекъ, знакомый съ тогдашнею терминологіей, не могъ назвать Игоря царствующимъ τα βόρεια τοῦ Ἴστρου βασιλεύοντα, и съ этой точки зрѣнія титулъ, данный Русскому князю, указываетъ самъ по себѣ, что топархъ былъ Херсонецъ, степовикъ, жившій на берегахъ Днѣпра. Напрасно г. Васильевскій, проектировавшій астрономическое вычисленіе, остановился на 964—967 годахъ и не вычелъ еще разъ 29 лѣтъ: тогда онъ невольно сосредоточилъ бы вниманіе свое на годахъ, совпадающихъ со временемъ между первымъ и вторымъ договорами Игоря съ Греками, изъ которыхъ въ послѣднемъ, 944 года, упоминается впервые о Корсуньской землѣ.

Вопросъ о языкѣ, на которомъ произносилъ топархъ нашъ рѣчь въ собраніи друзей, пришедшихъ къ нему на совѣщаніе въ Климату,

обойденъ молчаніемъ, но онъ заслуживалъ бы вниманія. Изъ того, что топархъ записалъ на родномъ языкѣ впечатлѣнія свои на берегахъ Днѣпра, еще не слѣдуетъ заключить, чтобы все населеніе приднѣпровской мѣстности состояло изъ Грековъ, понимавшихъ рѣчь топарха. Положимъ на основаніи словъ топарха, что на совѣщаніи въ Климатахъ были лучшіе люди, но топархъ и въ Воріонѣ, на берегахъ Днѣпра, не былъ чужой по языку; тамошніе туземцы смотрѣли на него какъ на близкаго и напутствовали наилучшими пожеланіями. Въ этомъ мы видимъ еще одно доказательство, что топархъ нашъ не былъ случайнымъ человѣкомъ въ странѣ приднѣпровской, понималъ языкъ туземцевъ, говорилъ на немъ, и слѣдовательно, долженъ былъ прожить здѣсь довольно долго. Что касается до народности Улучей, то кажется, нѣтъ повода сомнѣваться въ славянствѣ ихъ. Не желая упускать изъ виду ни одного обстоятельства, служащаго къ объясненію загадочныхъ фрагментовъ, мы обращаемся къ словамъ топарха, чтобъ опредѣлить, которую сторону Днѣпра онъ считалъ своею. Онъ говоритъ, что въ Воріонѣ, около полуночи, подулъ такой тяжкій сѣверный вѣтеръ, и разразилась такая вьюга, что нельзя было думать о продолженіи пути. Изъ этого указанія мы выводимъ заключеніе, что сѣверный вѣтеръ дулъ на встрѣчу по дорогѣ, предстоявшей топарху. Еслибы Климата находилась въ Крыму, то путешественникамъ нашимъ приходилось бы идти на югъ за вѣтромъ, и вьюга не остановила бъ ихъ на нѣсколько дней въ Воріонѣ. Въ такомъ же направленіи они должны были, уклонившись немного къ западу, слѣдовать и къ Днѣстру, параллельно правому, возвышенному берегу Днѣпра. Въ послѣднемъ случаѣ имъ не нужны были проводники, такъ какъ само теченіе Днѣпра указывало бы дорогу. Топархъ говоритъ, что когда они выѣхали изъ Воріона, лошади ихъ тонули въ снѣгу по самую шею; такого глубокаго снѣга не бываетъ на правомъ обрывистомъ берегу Днѣпра или въ степи на ровномъ мѣстѣ, но только на лѣвомъ низменномъ берегѣ, покрытомъ тростникомъ, задерживающимъ снѣгъ во время мятели [1]). Отсюда слѣдуетъ заключить, что топархъ переправлялся съ сѣвернаго берега Днѣпра на южный, въ Воріонъ, и возвращался оттуда во свояси не въ Крымъ, на югъ, или въ Болгарію на западъ, а на сѣверъ, по лѣвой сторонѣ Днѣпра, и чтобы избѣжать встрѣчи съ непріятелемъ, дѣлалъ обходы съ помощью проводниковъ по закрытымъ мѣстамъ.

---

[1]) См. *Шмидтъ* Херсон. губ., ч. I, стр. 169, 170; Спис. населен. мѣст. губер. Таврич., стр. XIV.

Сопоставленіе Климаты, упоминаемой топархомъ, съ константиновскими τα καστρα τῶν κλιμάτων увлекло невольно изслѣдователей Записки на южный берегъ Крыма, но при этомъ они упустили изъ виду Климаты Хазарскіе. О первыхъ упоминается у Константина въ гл. 1-й, 2-й и 42-й, а о послѣднихъ—въ гл. 10-й и 11-й; слѣдовательно, прежде рѣшенія вопроса о значеніи вообще слова „Климата", необходимо было опредѣлить мѣстонахожденіе Климатовъ Хазарскихъ, тѣмъ болѣе, что споръ о нихъ продолжается до настоящаго времени и тѣсно связанъ съ вопросомъ о властодержцѣ Аланіи. Константинъ говоритъ, что Хазары получали всѣ жизненныя потребности изъ девяти Климатовъ, лежавшихъ близъ Аланіи, а такъ какъ послѣдняя, по словамъ Константина, находилась у подножія Кавказа, то изслѣдователи и предположили, что Хазарскіе Климаты расположены были на азіатской сторонѣ Босфора. При такомъ предположеніи историки поставили себя въ противорѣчіе съ показаніемъ Константина не только относительно Климатовъ, но и властодержца Аланіи; они упустили изъ виду, что Приволжскіе Хазары не могли получать все необходимое для нихъ изъ портовъ черноморскихъ. Изъ самаго названія гл. 10-й: „о Хазаріи, какъ должно вести съ нею войну" и гл. XI: „о крѣпостяхъ Херсонѣ и Воспорѣ" видно, что подъ Аланами Константинъ не могъ подразумѣвать жителей Аланіи Прикавказской. Какая причина могла подать Константину поводъ упоминать о Херсонѣ или Воспорѣ, еслибы Хазарскіе Климаты находились на азіатской сторонѣ Босфора [1])? Развѣ властодержецъ Аланіи, жительствовавшій по ту сторону Босфора, могъ залегать Крымскимъ Хазарамъ путь къ Херсону? Положимъ, что Придонскіе Хазары могли дѣйствительно получать необходимые для нихъ припасы съ полуострова Таманскаго, но Крымскіе не могли ѣздить туда за продовольствіемъ. Такимъ

[1]) Ср. *Куникъ*, О Зап. Готск. Топ., стр. 79—81, ср. 78. Въ письмѣ Іосифа не упоминается о Климатахъ Хазарскихъ. Перескакивая безпорядочно отъ одного города къ другому, отъ Саркела къ Балаклавѣ и оттуда къ Керчи, а потомъ опять возвращаясь назадъ, ученый секретарь Хазарскаго хакана показываетъ, что всѣ эти города платили дань Хазарамъ. Такимъ образомъ оказывается, что Хазары вовсе не имѣли городовъ или округовъ, принадлежавшихъ имъ въ исключительную собственность, по словамъ Константина. Авторъ письма былъ, какъ видно, большой поклонникъ южнаго берега Крыма, въ особенности Алупки, принадлежащей князю Воронцову. Ср. о городахъ Хазарскихъ — *Хвольсонъ*, Изв. Ибнъ-Даста, стр. 45, 58—69.

образомъ приходится одно изъ двухъ, — или допустить, что Хазаровъ не было въ Крыму, или отвергнуть мысль о нахожденіи Хазарскихъ Климатовъ у преддверія Кавказа. И такъ какъ послѣднее оказывается вѣроятнѣе, то не будетъ ли справедливѣе предположить, что и Хазарскіе Климаты находились на Крымскомъ полуостровѣ, и что властодержецъ Аланіи былъ керченскій топархъ, не зависѣвшій отъ Византіи во времена Константина. Академикъ А. А. Куникъ указалъ уже на прямое свидѣтельство о существованіи керченскихъ топарховъ около 826 г., но онъ колеблется въ заключеніяхъ своихъ о народности жителей Босфора и Таманскаго полуострова. Мы не думаемъ, чтобы кто-нибудь могъ сомнѣваться въ томъ, что Хазарскіе Климаты находились въ приморскихъ мѣстахъ, особенно въ виду прямыхъ указаній, что и Херсонъ получалъ хлѣбные продукты изъ Византіи [1]). Вся тогдашняя торговля Таманскаго полуострова, подобно теперешнему времени, могла сосредоточиваться только въ Тамани, Темрюкѣ, Анапѣ и Новороссійскѣ. Попробуйте же размѣстить въ натурѣ остальные, недостающіе до девяти, Хазарскіе Климаты въ царствѣ грязи у Кубанской дельты или въ Зихіи или Папагіи [2]).

Соображенія о путяхъ сообщенія и топографія Херсона лишаютъ насъ возможности видѣть Хазарскіе Климаты не только на Таманскомъ полуостровѣ, но и на южномъ берегу Крыма, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ пришлось бы допустить, что Херсонисъ былъ защищенъ крѣпостями съ одной стороны, а съ фронта и лѣваго фланга открытъ для нападенія. По нашему мнѣнію, „Климата", не есть имя собственное, какъ предполагаетъ г. Васильевскій; если кастронъ означало крѣпость, то климата, при немъ упоминаемая, должна соотвѣтствовать слову округъ [3]). Предположеніе это оправдывается отчасти

---

[1]) *Rambaud*, L'Empire Grec, p. 490, 491.

[2]) *Иловайскій*, Разысканія, стр. 172—175; ср. *D'Ohsson*, Peupl. du Caucase, p. 27.

[3]) Еслибъ у Константина шла рѣчь о двухъ или трехъ Климатахъ, тогда, пожалуй, можно было бы подумать, что они означали склоны горъ или страну виноградную, но тамъ, гдѣ, со включеніемъ девяти Хазарскихъ, говорится еще о нѣсколькихъ, нельзя предполагать, чтобы всѣ они были похожи между собою и поэтому носили одинаковое названіе. У Кодина упоминается: τα δὲ κλιματα, τα χασεεων, κλιμα ανατολικῶν κι δυσμων и еще одиннадцать другихъ мѣстъ, названныхъ Климатами. Здѣсь же показаны и кастроны (De offic. magn. eccl. Venetiis. 1729, pp. 308, 310, 311, 312).

въ позднѣйшее время актами Константинопольскаго патріархата, въ которыхъ говорится объ округахъ при различныхъ поселеніяхъ. Не смотря на передѣлку Монголами названій греческихъ, слово кастронъ удержалось въ Крыму при поселеніяхъ: Кастро, Кастро-пуло, Паликастръ и Кастронукези, другіе замѣнены наименованіями: Керменъ, Кале и Кастель. Что же касается до Климатовъ, то память о нихъ исчезла вмѣстѣ съ уничтоженіемъ политическаго устройства; слѣдовательно, слово „климата“ не могло означать предмета, относившагося къ природѣ. По другую сторону Босфорскаго пролива мы не встрѣчаемъ воспоминанія не только о Климатахъ, но и о кастронахъ, за исключеніемъ однаго Саркела, построеннаго Греками. Къ этимъ соображеніямъ слѣдуетъ присоединить и прямое указаніе, встрѣчаемое у Константина. Упоминая о Климатахъ Херсонскихъ, онъ ставитъ ихъ при кастронахъ, а говоря о Хазарскихъ, называетъ ихъ просто Климатами. Отсюда слѣдуетъ вывести заключеніе, что Хазарамъ принадлежали только округи, а самыя крѣпости, при нихъ находившіяся, оставались въ рукахъ Грековъ. Такія международныя отношенія, по физическимъ условіямъ края, могутъ отвѣчать только Евпаторійскому уѣзду, но не южному берегу Крыма, отличающемуся недоступностью береговъ для мореходцевъ и неудобствомъ путей сообщенія. Въ уѣздѣ же Евпаторійскомъ, крѣпости, находившіяся на берегахъ, у пристаней, могли быть занимаемы Греками или Готоаланами, а округи—Хазарами [1]). Греки, подвозившіе необходимые для Хазаръ товары, едва ли рѣшились бы отдать себя на произволъ варваровъ, не имѣя близкой защиты со стороны соотечественниковъ. Показаніе Ибнъ-Даста объ одной изъ пристаней, называвшейся Кархъ, въ имени которой слышится Карцина [2]), находившаяся въ Евпаторій-

[1]) Отсутствіе куфическихъ монетъ въ Крыму, на Таманскомъ полуостровѣ и въ устьяхъ Дона до Калача само по себѣ приводитъ къ заключенію, что Крымско-Таманскіе Хазары не участвовали въ торговлѣ съ Востокомъ. Обстоятельство это должно быть принято во вниманіе при отыскиваніи въ Прикавказьѣ мѣстъ нахожденія Хазарскихъ Климатовъ. Крымско-Таманскіе Хазары могли не оставить запаса куфическихъ монетъ, но отсутствіе ихъ на путяхъ, соединявшихъ нынѣшнюю Кубанскую область съ Астраханью, остается загадкою. Въ статьѣ о Кавказѣ въ археологическомъ отношеніи г. Берже упоминаетъ объ открытіи въ Чечнѣ слѣдовъ пребыванія Хазаръ (стр. 62) но тамъ не могли быть Климаты, обезпечивавшія продовольствіе Крымскихъ Хазаръ. Ср. ib. стр. 15. 16; *Кубан. Вѣд.* 1867, № 46, 1868, № 5, 6; *Reineggs*, Beschr. Kaukas., 1797, T. I, стр. 223.

[2]) *Хвольсонъ*, Изв. Ибнъ-Даста, стр. 27. 121.

скомъ уѣздѣ, не оставляетъ сомнѣнія въ правдивости высказываемаго нами предположенія о мѣстѣ нахожденія Хазарскихъ Климатовъ. Здѣсь, въ сосѣдствѣ съ Перекопомъ, Угры и Славяне дѣйствительно могли вести торговлю съ Греками, а Хазары—покупать жизненныя потребности. При такомъ размѣщеніи народовъ, являющихся разобщенными между собою, открывается во всемъ блескѣ мудрость византійскаго правительства, обезпечившаго долгое существованіе Херсона. Поставленные въ зависимость отъ Грековъ по продовольствію, Крымскіе Хазары, сильный, хищный народъ, являются по неволѣ охранителями Херсона. Между ними и Хазарами Таманскими находились Печенѣги, а на стражѣ противъ Таманскихъ стояли Готаланы. Само собою разумѣется, что упоминаемые нами Алане не могутъ быть единоплеменниками тѣхъ Алановъ, о которыхъ упоминаютъ писатели до пришествія Готовъ, но часть Готовъ, оставшаяся въ Пропонтидѣ, могла быть названа Аланами по жительству на мѣстахъ (τα 'Αλανα ὄρη), занятыхъ прежними соименными колонистами. Метрическихъ книгъ о происхожденіи Крымско-Таманскихъ Алановъ не сохранилось, но если они были Осы, то справедливѣе, по отношенію къ исторіи и хронологіи, признавать въ нихъ остатокъ Готовъ, нежели другой народъ [1]). Память о Таноготской странѣ, готскихъ дѣвахъ и названіе Крыма Готіей и Аланіей не оставляетъ сомнѣнія на счетъ того, что Готы находились въ Крыму до позднѣйшаго времени. Что же касается до Черныхъ Болгаръ, прогнанныхъ Таманскими Готами за Донъ, то память о нихъ исчезла вслѣдъ за походомъ Святослава къ Саркелу, откуда онъ, преслѣдуя Ясовъ и Косоговъ, легко могъ попасть на Таманскій полуостровъ, не достигнувъ однако же Хазарскихъ Климатовъ. Что христіане Готы или Греки жили въ уѣздѣ Евпаторійскомъ, доказательствомъ тому служитъ нахожденіе тамъ греческихъ церквей и мѣстъ съ названіемъ Кале, Керменъ и Кастель [2]). Упоминая въ гл. 42-й о тридцати мѣ-

---

[1]) Изъ сопоставленія извѣстій Константина слѣдуетъ заключить, что кочевье Печенѣговъ не простиралось далѣе Саркела, слѣдовательно, не переходило за Донъ. Какимъ же образомъ согласить показаніе Константина въ гл. 37-й о нахожденіи Печенѣговъ вблизи Аланіи, если предположить, что Аланы были жители прикавказской Аланіи? Ср. *Гаркави*, О Хазарахъ, стр. 53, пр. 1, стр. 77, пр. 1.

[2]) *Кеппенъ*, Крымск. Сборн., стр. 348—349; ср. *Neumann*, Hellen. in Skythenlande, стр. 375—379, 444; *Зап. Одесс. Общ. Ист. и Др.*, т. IX, стр. 122, 126.

стахъ, до которыхъ простиралось кочевье Печенѣговъ, Константинъ называетъ Саратъ Вуратъ и показываетъ, что отсюда начинались тридцать мѣстъ, очевидно, тожественныхъ съ Кастронами и Климатами. Имя Саратъ Вуратъ напоминаетъ намъ теперешнюю соленую пристань Сарыбулатъ, находящуюся въ Евпаторійскомъ уѣздѣ, въ сосѣдствѣ съ Перекопомъ. Если Готы или Греки и могли жить въ гористой неприступной мѣстности съ цѣлью имѣть возможность укрываться отъ непріятелей, то Хазарамъ, народу подвижному, по преимуществу конникамъ, не было надобности забираться за горы въ сторону лѣсистую, на южный берегъ Крыма [1].

Въ уѣздѣ Θеодосійскомъ, представляющемъ приморскую равнину между Θеодосіей и Керчью, можно было бы также отыскивать Климаты Хазарскіе; но отсутствіе здѣсь удобныхъ гаваней и показаніе Константина о властодержцѣ Аланіи, залегавшемъ пути къ Херсону, лишаютъ насъ возможности подозрѣвать здѣсь нахожденіе Хазарскихъ округовъ тѣмъ болѣе, что мѣстопребываніемъ Хазарскаго хагана въ 703 году былъ Доросъ, въ сосѣдствѣ съ Херсономъ. Въ актахъ Константинопольскаго патріархата сохранились названія двадцати старинныхъ гото-греческихъ поселеній въ Крыму; но всѣ онѣ расположены въ нагорной части Крыма, такъ что недостающее число до тридцати у Константина или до сорока у Рюисбрека, невольно приходится искать въ уѣздѣ Евпаторійскомъ, начиная отъ Сарыбулата. Д. И. Иловайскій предполагаетъ, что Саратъ Вуратъ относится къ рѣкамъ Серету и Пруту, тогда какъ о нихъ сказано у Константина особо въ гл. 42-й: первую онъ называетъ Ζέρετος, а вторую Βρόντος [2]).

Попытка, сдѣланная нами объяснить темныя событія исторіи на

---

[1]) Крымскіе Печенѣги, народъ кочевой, не могли занимать гористую часть Крыма. Константинъ говоритъ, что они находились не далеко отъ Херсона, но отъ Восфора еще ближе, слѣдовательно, Керченскій полуостровъ былъ занятъ Печенѣгами, и Хазаръ здѣсь не было. Хотя Константинъ и говоритъ, что Кастры и Климаты греческіе находились между Херсономъ и Босфоромъ, но сомнительно, чтобъ они простирались далѣе Кафы. Что же касается до упоминанія Константина о нахожденіи Печенѣговъ вблизи Узіи, Аланіи, Хазаріи, Херсона и Климатовъ, то здѣсь, очевидно, подразумѣвались всѣ Печенѣги вообще, такъ какъ въ Крыму Узіи не было.

[2]) Въ гл. 37-й Константинъ показываетъ, что въ числѣ четырехъ печенѣжскихъ колѣнъ, кочевавшихъ въ Крыму, находились: Сирукулпей и Вулатъ-Зоспонъ. Отбросивъ Кулпей и Зоспонъ, остаются Сиру и Вулатъ. Не отсюда ли произошло названіе Сары-Булатъ, заимствованное Татарами отъ Кумановъ?

основаніи соображеній топографическихъ, конечно, не имѣетъ еще положительной достовѣрности. Но опроверженіе высказанныхъ нами предположеній вызоветъ, быть можетъ, полемику, которая послужитъ во всякомъ случаѣ къ лучшему уразумѣнію загадочныхъ фрагментовъ, тѣсно связанныхъ съ началомъ русской исторіи.

Вотъ единственная цѣль, подавшая намъ поводъ не согласиться со взглядомъ почтенныхъ предшественниковъ, пользующихся въ наукѣ высокимъ авторитетомъ.

Пл. Бурачковъ.

ЧЕШСКІЯ СОЧИНЕНІЯ ГУСА И ВРЕМЯ ИХЪ НАПИСАНІЯ.

(Библіографическія разысканія).

Чешскія сочиненія Гуса составляютъ драгоцѣнный памятникъ той духовной зрѣлости, до какой достигло чешское общество начала XV столѣтія въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей. Эта зрѣлость обнаружилась въ уваженіи къ національнымъ интересамъ и въ критическомъ отношеніи къ стариннымъ вѣрованіямъ и порядкамъ. Еще до Гуса раздавались протесты противъ разныхъ недостатковъ общественныхъ, особенно противъ безнравственности духовенства; подвергалось критикѣ ученіе католической церкви: Гусъ, въ этомъ отношеніи, былъ только продолжателемъ, а не начинателемъ; но такой сознательной ревности въ защитѣ національныхъ интересовъ, какую обнаруживаетъ Гусъ въ своей дѣятельности проповѣднической и литературной, не замѣчается—можно сказать положительно—ни у одного изъ его предшественниковъ въ дѣлѣ преобразованія чешскаго общества. Въ этомъ заключается его заслуга, этимъ же обстоятельствомъ нужно объяснять неотразимое вліяніе, которое производилъ онъ на современниковъ и послѣдователей, и ту ненависть, какую питало къ нему католическое духовенство, исконный врагъ всѣхъ сколько-нибудь серьезныхъ національныхъ стремленій.

Сочиненія свои на чешскомъ языкѣ Гусъ писалъ для народа, для того, говорилъ онъ,—чтобы протереть ему глаза, то-есть, указать ему на значеніе, которое онъ долженъ имѣть въ странѣ, какъ ея естественный хозяинъ. Чтобы довести народъ до такого самосознанія, необходимо было выяснить ему недостатки современнаго строя общества—безнравственность, непомѣрное властолюбіе и корыстолюбіе духовенства, неправильныя отношенія между церковью и свѣтскою властью, между народностью чешскою и нѣмецкою. Но этого мало. Народъ подъ вѣковымъ гнетомъ своихъ свѣтскихъ и духовныхъ вла-

дыкъ огрубѣлъ и жилъ чисто животною жизнью. Чтобы сдѣлать его способнымъ для борьбы за свою нравственную и матеріальную самостоятельность, нужно было воспитать его духовно. И вотъ Гусъ разъясняетъ народу Священное Писаніе, излагаетъ правила христіанской нравственности, оберегаетъ народъ отъ подчиненія нѣмецкому вліянію въ обычаяхъ и въ языкѣ. Таковы элементы, входящіе въ составъ чешскихъ сочиненій Гуса. Значеніе ихъ, какъ историческаго памятника, несомнѣнно. Безъ нихъ нельзя вполнѣ понимать не только эпоху Гуса, но и послѣдующія революціонныя движенія, названныя по его имени гусситскими. Направленіе, которое приняли событія по смерти Гуса, если не всецѣло, то во многомъ зависѣло отъ тѣхъ мыслей, которыя проводилъ онъ въ проповѣдяхъ и чешскихъ сочиненіяхъ. Чтобы не ограничиваться только словами, приведемъ примѣръ. Самъ народъ, говоритъ Гусъ въ трактатѣ о святокупствѣ,—не въ силахъ бороться за себя: на то есть защитники, поставленные Богомъ: короли, князья, паны и рыцари. „Пробудитесь", взываетъ къ нимъ Гусъ, „отъ летаргическаго сна, которымъ усыпило васъ духовенство, и изгоните изъ своихъ владѣній ересь святокупства, ибо въ противномъ случаѣ безъ всякаго сомнѣнія будетъ буря и не будетъ на землѣ мира и благоволенія въ человѣцѣхъ. Вспомните, что вамъ ввѣрено управленіе народомъ отъ Бога по Его законамъ: возбраняйте поэтому совершать святокупство и иные грѣхи, не давайте діавольскою хитростью грабить народъ, не давайте изъ своихъ владѣній себѣ во вредъ уносить деньги за предѣлы страны. О, если у васъ хватаетъ смѣлости возставать на тѣхъ, кто крадетъ у васъ коровъ, то возстаньте же противъ тѣхъ, кто, тайкомъ выманивая денежки у бѣдныхъ людей, губитъ свою душу и ихъ!" Слова эти и при жизни Гуса, а особенно послѣ него сплошь и рядомъ переходили въ дѣло.

Но не только историческую цѣну имѣютъ чешскія сочиненія Гуса: они замѣчательны, какъ произведенія литературныя—по способу изложенія мыслей и по составу языка, на которомъ они написаны. Происходя изъ простаго сословія, зная въ совершенствѣ народный языкъ, развитіе народа, его хорошія и слабыя стороны, Гусъ умѣлъ говорить съ народомъ и писать для него такимъ языкомъ, который затрогивалъ простолюдина за живое. Этимъ объясняется необыкновенное довѣріе простаго народа къ Гусу: одного мановенія руки его бывало достаточно для того, чтобъ усмирить волненіе въ толпѣ.

Истолковывая простолюдинамъ Священное Писаніе, Гусъ не вда-

вался въ богословскія тонкости, недоступныя пониманію необразованнаго слушателя или читателя. „Простому человѣку", говорилъ онъ,— довольно вѣровать въ Бога и въ Іисуса Христа". Если и приходилось Гусу заводить рѣчь о непостижимыхъ умомъ человѣческимъ тайнахъ религіи, то это онъ дѣлалъ лишь для того, чтобы разсѣять въ народѣ суевѣрныя понятія. Такъ онъ рѣшался иногда „вкратцѣ говорить кое-что о Святой Троицѣ, для того, чтобы показать простолюдинамъ, что Святая Троица не есть ни жена, ни дѣвица, ни день воскресный, какъ думаютъ глупцы". О будущей жизни Гусъ также не любилъ распространяться. „Мало я сказалъ о немъ, то-есть, о вѣчномъ блаженствѣ", говоритъ онъ, „потому что мало о немъ знаю, ибо ни око мое не видѣло, ни ухо не слышало, и на сердце мое не взошло вполнѣ то, что̀ Господь Богъ пріуготовилъ любящимъ Его". За то картину Страшнаго Суда, которая всегда дѣйствуетъ на воображеніе народное, рисовалъ онъ со всѣми подробностями. Чтобы дать понятіе народу о вѣчномъ мученіи, Гусъ прибѣгалъ къ такому оригинальному сравненію: „Еслибы весь свѣтъ усыпанъ былъ макомъ или пескомъ отъ земли до неба или какъ можно далѣе, и еслибы послѣ тысячи тысячъ лѣтъ откладывалось по одному зернышку, человѣкъ все-таки весело ожидалъ бы освобожденія, потому что все-таки когда-нибудь пришелъ бы конецъ; но въ вѣчности, не имѣющей конца, какое можетъ быть утѣшеніе погибшему?!"

Не менѣе способа изложенія мыслей замѣчателенъ и языкъ, на которомъ написаны чешскія сочиненія Гуса. „Чтобы всякій", говоритъ онъ,—„кто будетъ читать мою чешскую рѣчь, понималъ ее, пусть знаетъ, что я писалъ такъ, какъ обыкновенно говорю". Но разговорная рѣчь Гуса отличалась отъ общеупотребительной тогда разговорной рѣчи. Усиленіе нѣмецкаго элемента въ Чехіи, особенно съ XII столѣтія, браки между Чехами и Нѣмцами, господство нѣмецкаго языка въ судѣ до Карла IV, все это довело до того, что къ чешскому языку, преимущественно въ высшихъ классахъ общества, относились съ какимъ-то презрѣніемъ, такъ что Ѳома Щитный во второй половинѣ XIV вѣка считалъ нужнымъ оправдывать свое смѣлое намѣреніе писать на родномъ языкѣ. Вообще ко времени Гуса въ разговорѣ Чеховъ слышалось очень много нѣмецкихъ словъ. Какъ поборникъ народности, Гусъ не могъ не обратить вниманія и на это явленіе. „Князья, паны, рыцари, владыки и горожане", говоритъ онъ,—„должны вступиться за то, чтобы чешская рѣчь не погибла, и если женится Чехъ на Нѣмкѣ, чтобы дѣти тотчасъ учились по чешски и не двоили

рѣчи; ибо двоеніе рѣчи ведетъ за собою завистъ, раздоръ, раздраженіе и свары. Поэтому блаженной памяти императоръ Карлъ, король Чешскій, приказалъ Пражанамъ учить дѣтей по чешски, и въ думѣ, что по нѣмецки называется Rathhaus, говорить и жалобы подавать на чешскомъ языкѣ. И по истинѣ, какъ Неемія пророкъ, услышавъ, что дѣти еврейскія говорятъ полуазотскимъ языкомъ и не умѣютъ говорить по еврейски, бичевалъ ихъ за это и билъ, такъ нынѣ достойны бичеванія Пражане и другіе Чехи, которые разговариваютъ на половину по чешски, на половину по нѣмецки и говорятъ: tobolka вмѣсто tobolka, вм. liko, lyko, hantuch, вм. ubrusec, šorc вм. zástěrka, knedlík вм. šiška, renlík вм. trerožka, panciеř вм. kruniеř, hun škop вм. konský náhlavek, marštale вм. konnici, marhaus вм. svrchní sieň, trepky вм. chòdy, mantlík вм. plaštiek, hauzsknecht вм. domovní pacholek, forman вм. vozataj". Въ противоположность этому обыкновенію Гусъ безъ нужды не употребляетъ иностранныхъ словъ въ своихъ сочиненіяхъ. Только понятія, принесенныя изъ чужи, выражаются у него словами иностранными, латинскими и нѣмецкими, которыя сохранены, или безъ измѣненія въ звукахъ или передѣланы подъ вліяніемъ чешскаго языка. Но и въ этомъ случаѣ Гусъ весьма нерѣдко предпочитаетъ оригинальныя чешскія слова, хотя бъ они и не вполнѣ выражали понятіе, обозначенное иностраннымъ словомъ (talentum—hřivna, architriclinus-vladař).

Но если по отношенію къ составу языка Гусъ оказывается пуристомъ, то нельзя того же самаго сказать о строѣ его рѣчи. Вліяніе латинскаго и нѣмецкаго синтаксиса замѣтно и въ построеніи цѣлыхъ фразъ, и въ нѣкоторыхъ оборотахъ. Только въ порывѣ одушевленія, какъ бы невольно, слетаютъ съ пера Гуса пословицы, поговорки или выраженія, составленныя въ духѣ народномъ; но такія выраженія нужно отыскивать среди оборотовъ, не имѣющихъ оригинальной окраски. Въ этомъ отношеніи сочиненія Ѳомы Щитнаго стоятъ, какъ кажется, выше.

Но какова бы ни была цѣль изученія чешскихъ сочиненій Гуса, историческая или филологическая, необходимо напередъ опредѣлить, всѣ ли сочиненія, приписываемыя Гусу, дѣйствительно принадлежатъ ему, и въ какое время написано каждое изъ сочиненій. Покойный К. Я. Эрбенъ посвятилъ этому вопросу цѣлую статью въ 3-мъ томѣ своего изданія чешскихъ сочиненій Гуса, но нѣкоторыя изъ критическихъ соображеній и выводовъ почтеннаго ученаго нуждаются еще

въ провѣркѣ. Приведу результаты, къ которымъ пришелъ я при пересмотрѣ статьи Эрбена въ связи съ сочиненіями Гуса.

Всѣ сочиненія Гуса, изданныя Эрбеномъ[1]), можно раздѣлить для нашей цѣли на двѣ группы. Къ первой относятся сочиненія несомнѣнно написанныя Гусомъ съ ясными указаніями времени, когда они появились. Таковы: Vyklad viery, desatera Božieho přikázanie a modlitby Páně (окончено передъ 11-мъ ноября 1412 года), O Svatokupectví (оконч. 2-го февраля 1413 г.), Postilla (оконч. 28-го октября 1413 г.), письма Гуса: 4-е въ изданіи Эрбена (26-го августа 1414 г.), 6-е (28-го сентября 1414 г.), 7-е (16-го ноября 1414 г.), 10-е (10-го іюня 1415 г.), 11-е (13-го іюня 1415 г.), 12-е (24-го іюня 1415 г.), 13-е (26-го іюня 1415 г.), 14-е (27-го іюня 1415 г.), 15-е (29-го іюня 1415 г.), 16-е (у Эрбена не отмѣчено время написанія этого письма, но въ документахъ, касающихся Гуса, изданныхъ Палацкимъ, запись предыдущаго письма относится также и къ этому).

Ко второй группѣ относятся сочиненія, которыхъ принадлежность Гусу или очевидна, или доказывается сравненіемъ съ другими сочиненіями, или сомнительна. Время написанія этихъ сочиненій не указано и опредѣляется при помощи разныхъ соображеній.

Нашему пересмотру подлежатъ сочиненія второй группы. Будемъ держаться того порядка, въ какомъ они помѣщены въ изданіи Эрбена.

1) Výklad piesniček Šalomúnových (III, 1—113). Въ толкованіи Символа Вѣры (I, 25) Гусъ говоритъ: však cierkev svatá obecná jest zbor všech vyvolených jenž slove chot'Kristova, o niež v piesniech Šalomúnových jest psano pismo... Мысль эта проходитъ чрезъ все толкованіе пѣсней Соломона (напримѣръ: 4, строки 36—38 или 5, строки 20—23; 57, строка 12 и т. д.). Кромѣ того, нѣсколько другихъ мыслей, напримѣръ, о томъ, что Христосъ есть глава церкви (59, строка 27), о высокомъ значеніи учителей и проповѣдниковъ слова Божія: они сравниваются съ медовыми сотами и виномъ (57, строка 33 и далѣе); дѣленіе состояній человѣка на замужество, вдовство и дѣвство и предпочтеніе послѣдняго, все это можетъ служить доводомъ въ пользу того, что сочиненіе это принадлежитъ Гусу. Но полная объективность (авторъ только разъ говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ на стр. 13, строка 4), полное отсутствіе нападковъ на духовенство, ко-

[1]) Mistra Jana Husi sebrané spisy české. K vydání upravil *K. J. Erben* V Praze. 1865—1868.

торыя всегда можно найдти въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Гуса заставляютъ относить это сочиненіе къ тому времени жизни его, когда не началась еще открытая борьба его съ духовенствомъ; вѣроятно, оно относится къ первоначальной его университетской преподавательской дѣятельности, слѣдовательно, къ первымъ годамъ XV или къ послѣднимъ XIV столѣтія. Враговъ церкви Гусъ видитъ не въ духовенствѣ, а въ еретикахъ, діаволахъ и какихъ-то людяхъ, которые хотя и носятъ имя христіанъ, но служатъ свѣту и церковь Божію всегда стараются возмущать непокоемъ и бурями (95, строки 15—18).

2) O poznání césty pravé k spasení (Dcerka) (ib. 104—130). Въ одномъ изъ списковъ этого сочиненія есть надпись M(istr) J(an) H(us). Данныя въ самомъ содержаніи сочиненія дѣйствительно убѣждаютъ въ томъ, что оно принадлежитъ Гусу. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: Стр. 104: высокій взглядъ на дѣвство; 105: подобіе человѣка троичному Богу объясняется тройственностью элементовъ души человѣческой (разумъ, память и воля); 111: суетность всего мірскаго; 113. воля источникъ грѣховъ, ср. I. 191; 118: три врага у каждаго человѣка: тѣло, свѣтъ (міръ) и діаволъ; 120: опредѣленіе покаянія; 121: слова: „мѣры тебѣ дать не могу", то-есть, не могу опредѣлить, какъ часто слѣдуетъ причащаться; тамъ же: три степени покаянія: želenie, vyznánie i dostiučinénie; 124: картина страшнаго суда; 125: вѣчное блаженство есть насыщеніе безъ недостатка и слова: Malo sem povédél o ném, neb malo umiem на стр. 127 и 128; ср. I, 41 (строка 17); 128: обычное у Гуса опредѣленіе Бога: Buoh jest najlepšie dobré. При помощи указателей, составленныхъ самимъ Гусомъ къ толкованіямъ Символа Вѣры, десяти заповѣдей и Молитвы Господней, а также къ трактату о святокупствѣ и къ Постиллѣ, можно убѣдиться въ совершенномъ сходствѣ и даже тожествѣ приведенныхъ данныхъ съ тѣмъ, что̀ говорится объ этихъ предметахъ въ другихъ сочиненіяхъ Гуса. Встрѣчаются нападки на духовенство (стр. 109, строка 9; также стр. 108, стрк. 25; стр. 113, стрк. 38 и стр. 114). Мысль о суетности всего въ мірѣ, проходящая почти чрезъ все сочиненіе и проявляющаяся въ толкованіи 10 заповѣдей (стр. 281 до конца), заставляетъ вмѣстѣ съ предыдущими данными отнести это сочиненіе къ 1412 году.

3) Zrcadlo člověka hřiešného věci (ib. 131—141). Въ принадлежности этого сочиненія Гусу можно убѣдиться изъ сравненія нѣкоторыхъ мѣстъ этого сочиненія съ сходными мѣстами въ другихъ про-

изведеніяхъ Гуса, именно: ib. 133, стрк. 27 съ I, 293, стр. 29 и далѣе; 135, стрк. 16 и далѣе съ II, 243, стрк. 34 и далѣе; 136, стрк. 12 съ ib. 110, стрк. 10 и далѣе. Довольно энергическія выходки противъ папы и индульгенцій даютъ основаніе относить это сочиненіе къ 1412 году, когда привезены были въ Прагу буллы объ индульгенціяхъ, и Гусъ возставалъ противъ нихъ на диспутахъ и въ проповѣдяхъ. Самая рукопись, въ которой сохранилось это сочиненіе, относится, по словамъ Эрбена, къ 1412 году.

4) Zrcadlo hříešníka menší (ib. 142—146), можетъ быть, написан тогда, когда явилось уже большое Zrcadlo, подобно тому, какъ по слѣ обширнаго толкованія Молитвы Господней явилось краткое толкованіе ея для простаго народа. Въ содержаніи его слѣдуетъ сравнить мѣсто, гдѣ говорится о рожденіи человѣка на свѣтъ (стр. 142, стрк. 17 и далѣе), съ подобнымъ мѣстомъ въ Объясненіи Молитвы Господней", сочиненіи, написанномъ въ 1412 году (I, стр. 293).

5) Devet kusuov zlatých (ib. 147—151). Въ одномъ спискѣ это сочиненіе имѣетъ заглавіе: Devět kusuov zlatých mistra Jana Husi, въ другомъ сочиненіе это также приписывается Гусу. Въ первой статьѣ (артикулѣ) есть мысли, которыя проводятся Гусомъ въ его трактатѣ о святокупствѣ (I, стр. 451 въ концѣ и 452). Въ шестой статьѣ о предстательствѣ святыхъ говорится въ сущности то же, что̀ въ I, стр. 129, L. Слѣды нерасположенія къ духовенству видны въ словахъ на стр. 147, стрк. 19—20. Какъ это мѣсто, такъ и ироническій характеръ всего сочиненія показываютъ, что оно написано въ ту пору, когда Гусъ неравнодушно относился къ окружающимъ явленіямъ, но вѣроятно, до 1412 года.

6) Provázek třípramený (ib. 152—169). О времени написанія этого сочиненія узнаемъ не отъ самого Гуса, а отъ позднѣйшаго издателя этого сочиненія въ 1545 году. Къ полному заглавію сочиненія прибавлено: Složený od poctivého svaté paměti M. Jana z Husince léta 1412. Мы имѣемъ основаніе довѣрять этому свидѣтельству, потому что самъ Гусъ говоритъ объ этомъ сочиненіи въ объясненіи Символа Вѣры, написанномъ въ 1412 году (I, стр. 42, стрк. 14).

7) Kázanie na den památky těla božieho (ib. 170—177). Эрбенъ для опредѣленія времени написанія этой проповѣди обращаетъ вниманіе на слова въ толкованіи Молитвы Господней (I, 331, E): „a tuto měl bych něco psati o tělu Kristova přijímání, ale dlúho by bylo, protož toho nechám до jiného času", и такъ какъ толкованія окончены въ ноябрѣ 1412 года, то полагаетъ, что проповѣдь относится къ

22-му іюня 1413 года, когда бываетъ праздникъ Тѣла Христова, введенный въ Римской церкви Ѳомой Аквинатомъ. Не имѣемъ никакихъ данныхъ оспаривать или подтверждать это предположеніе. Но не безполезно замѣтить, что въ Нюренбергѣ въ 1583 году былъ напечатанъ трактатъ о Тайной вечери, неизвѣстный, по по всей вѣроятности сходный по содержанію (Erb. III, стр. 322). Къ этому же времени относятъ латинское сочиненіе Гуса: De corpore Christi in sacramento altaris, quod non creatur neque incipiat esse (Historia et Monumenta Johannis Hus, т. II, стр. 340, изданіе 1558 года; см. также *Krummel*, Geschichte der Böhmischen Reformation стр. 396). Такимъ образомъ трудно сказать утвердительно, есть ли эта проповѣдь то сочиненіе, которое обѣщалъ написать Гусъ, и не написана ли она раньше. Слогъ ея напоминаетъ слогъ Постиллы, а по содержанію она нисколько не противорѣчитъ ученію Гуса о причащеніи (срв. съ сочиненіемъ Гуса „de Sacramento corporis et sanguinis Domini", написаннымъ въ Констанцѣ: Jedenie těła božieho i pitie krve jeho móž byti troje: Prvé jest duchovnie toliko (spiritualis tantum), druhé posvátnie toliko (sacramentalis tantum), třetie—duchovnie a posvatnie spolu (sacramentalis et spiritualis). Странная несообразность: относя это сочиненіе къ 1413 году, Эрбенъ говоритъ, что рукопись, его содержащая, относится къ 1412 году (стр. 170).

8) O sedmi smrtedlných hříších (ib. 178—190). Сочиненіе это въ печатномъ изданіи его въ 1563 году приписано Гусу. Все, что говорится о смертныхъ грѣхахъ въ этомъ сочиненіи, вполнѣ согласно съ тѣмъ, что сказано объ этомъ предметѣ въ толкованіи 10 заповѣдей. О духовенствѣ упомянуто только въ одномъ мѣстѣ (стр. 185, строки 25—27). Срв. то, что сказано здѣсь объ almužna'хъ съ нѣкоторыми мѣстами въ трактатѣ о святокупствѣ (по указателю). Трудно опредѣлить, когда написано это сочиненіе; по всей вѣроятности, оно относится къ первымъ годамъ XV столѣтія.

9) Obrání odmrtí и т. д. (ib. 191—196). Въ приписке къ этому сочиненію сказано, что оно принадлежитъ Гусу (ib. 330). Не лишне сопоставить слѣдующія мѣста: стр. 195, строка 30 и далѣе съ I, 149, строка 32, и обратить вниманіе на отзывъ о духовенствѣ на стр. 196: Ne prohřiechu! и т. д. и на мысль о наступленіи послѣдняго времени на стр. 192. Въ первый разъ, на сколько можно судить по имѣющимся даннымъ, Гусъ открыто заговорилъ о послѣднихъ временахъ по поводу буллы Александра V въ 1409 году.

10) O manželství (ib. 197—211). Эрбенъ относитъ это сочиненіе

ко времени не раньше конца 1413 или къ началу 1414 года на томъ основаніи, что въ Постиллѣ, оконченной въ 1413 году, говоря о бракѣ, Гусъ не ссылается ни на какое сочиненіе, написанное объ этомъ предметѣ раньше. Доводъ едва ли основательный. Почему въ такомъ случаѣ не сослаться было Гусу на толкованіе 10 заповѣдей, гдѣ онъ очень подробно, по крайней мѣрѣ подробнѣе, чѣмъ въ Постиллѣ, говоритъ о бракѣ. Изъ сочиненій Гуса видно, что онъ находилъ особенную надобность внушать простому народу христіанскія понятія о бракѣ: онъ говоритъ объ этомъ и въ концѣ сочиненія o manželství, и въ Постиллѣ въ концѣ своего разсужденія о бракѣ. Сознавая такую важность этого предмета, Гусъ могъ нѣсколько разъ повторять одно и то же, не дѣлая никакихъ ссылокъ на то, чтò было говорено раньше о томъ же предметѣ. Такъ относился Гусъ и къ вопросу о таинствѣ причащенія. Отъ 1401 года до 1415 онъ посвятилъ этому предмету нѣсколько отдѣльныхъ трактатовъ и статей въ другихъ сочиненіяхъ, всякій разъ въ главныхъ чертахъ повторяя одно и то же и не дѣлая ссылокъ на предшествующія сочиненія. Если все это имѣетъ долю основательности, то отчего не предположить, что сочиненіе o manželství писано раньше, чѣмъ полагалъ Эрбенъ, особенно, если обратить вниманіе на то, что говоря о „смильствѣ", Гусъ ни слова не говоритъ о распространенности этого грѣха въ духовномъ сословіи, о чемъ онъ не упускалъ случая замѣчать въ сочиненіяхъ, писанныхъ въ 1412 и 1413 годахъ,

11) O šesti bludích (ib. 212—240). Цѣль этого сочиненія, какъ видно изъ вступленія, объяснить тексты Священнаго Писанія и твореній отцовъ церкви, написанные на стѣнахъ Виѳлеемской часовни. Слова въ концѣ сочиненія (стр. 240): „Tak stojí psano v Betlemė latinė na stėnách" показываютъ, что изреченія написаны были на латинскомъ, а не на чешскомъ языкѣ (ср. *Новикова* Гусъ и Лютеръ въ *Русской Бесѣдѣ* 1857 г., стр. 4). Время написанія этого сочиненія можно, кажется, опредѣлить слѣдующимъ путемъ: Въ Постиллѣ мы читаемъ (II: стр. 106): a vėdėvše dobře (knėžie), že sem byl u Prazė od Vánoc až přės Velikú noc, slúžili sú; a když sem jedné kásal, tak šú ichned stavili službu ti, kterýmž jest tėžko slovo božie slyšeti. Постилла окончена 28-го октября 1413 года въ Козьемъ городкѣ. Изъ этого мѣста видно, что Гусъ пробылъ въ Прагѣ отъ Рождества 1412 года до Пасхи 1413 года, то-есть, до 23-го апрѣля этого года. Совершенное подобіе этимъ словамъ представляютъ слѣдующія слова въ письмѣ Гуса къ Бродѣ (самое письмо не дошло, но отрывокъ изъ него приводитъ

Брода въ отвѣтномъ письмѣ [1]): Item dicitis, говоритъ Брода, обращаясь къ Гусу;—ecce ego (Hus) manifeste ambulo in civitate et respiciunt me plebani et presbyteri et omnes sciunt, quod sum in Bethleem et tamen non cessant a divinis (*Palacký*, Documenta, стр. 521). Если здѣсь рѣчь идетъ о томъ же фактѣ, о которомъ говорится въ Постиллѣ, то къ этому же времени нужно отнести и другой фактъ, о которомъ упоминаетъ Брода, какъ о событіи современномъ: Parietes (то-есть, Bethleemiticas) praeceptis depingitis, quae utinam in cordibus tenueribis. Значитъ, расписываніе стѣнъ Виѳлеемской часовни происходило въ промежутокъ времени отъ конца 1412 года до апрѣля 1413 г. Но есть обстоятельство, показывающее, что въ 1412 году оно происходить не могло. Въ томъ же письмѣ, гдѣ объ этомъ расписываніи говорится какъ о событіи современномъ, упоминается уже о знаменитомъ сочиненіи Гуса „De ecclesia", написанномъ послѣ 6-го февраля 1413 года (то-есть, послѣ собора въ Чешскомъ Бродѣ). Поэтому расписываніе стѣнъ происходило, по всей вѣроятности, въ мартѣ или первой половинѣ апрѣля 1413 года. Въ изданіи латинскихъ сочиненій Гуса 1558 года трактатъ de sex erroribus имѣетъ слѣдующее прибавленіе къ заглавію: Inscriptum parietibus Bethleemiticiis An. MCCCCXIII, что вполнѣ согласно со всѣмъ предыдущимъ. Чешское сочиненіе „o šesti bludích" явилось поэтому послѣ и вѣроятно, вскорѣ. Въ записи сказано, что оно кончено въ среду po svètè Trojici v Betlémе, то-есть, 14-го іюня 1413 года, какъ мнѣ кажется, а не 6-го іюня 1414 года, какъ полагаетъ Эрбенъ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что Гусъ, выѣхавъ изъ Праги около Пасхи 1413 года, воротился къ этому времени снова въ свой Виѳлеемъ. Осенью однако онъ былъ уже въ Козьемъ городкѣ, гдѣ окончилъ Постиллу.

12) Knížky proti knèzi kuchmistrovi (ib. 241—254). Сочиненіе начинается словами: Toto sem psal já, mistr Jan Hus. Оно написано позже Постиллы, потому что Гуса въ это время не было уже въ Козьемъ городкѣ: онъ удалился куда-то въ другое мѣсто (стр. 241). Если это мѣсто есть замокъ Краковецъ, куда Гусъ переселился еще въ 1413 году (*Palacký*, Dèjiny, III, 147, изд. 1850 года), то сочиненіе могло быть написано не раньше конца 1413 года или уже въ 1414 году.

---

[1]) Documenta Mag. Joannis Hus vitam etc. illustrantia. Ed. *F. Palacky*. Pragae, 1869.

13) Jádro učenie křestánského, 14) Mravné prüpovédi, 15) Abeceda (ib. 255—259 и 261)—сочиненія, дополняющія другъ друга по содержанію и въ нѣкоторыхъ рукописяхъ помѣщенныя вмѣстѣ. Послѣ Азбуки и Ядра христіанскаго ученія въ двухъ рукописяхъ есть запись: Léta božieho 1414 v Usti, den svatých mučedlníkóv Jana a Patla (то-есть, 26-го іюня). На основаніи этой записи, Эрбенъ въ хронологическомъ спискѣ сочиненій Гуса (стр. 343) относитъ и Азбуку и Ядро христіанскаго ученія къ 26-го іюня 1414 года. Но означаетъ ли этотъ годъ время составленія Азбуки и Ядра христіанскаго ученія? Относительно послѣдняго это возможно, но Азбука съ діакритическими знаками была изобрѣтена Гусомъ, безъ сомнѣнія, гораздо раньше, никакъ не позже начала 1412 года. Въ приложеніи къ толкованію Символа Вѣры, десяти заповѣдей и Молитвы Господней онъ считаетъ нужнымъ—вѣроятно, въ первый разъ объяснить—особенности правописанія, имъ изобрѣтеннаго. А толкованія окончены передъ 11-мъ ноября 1412 г. (I, стр. 356). Стало быть, 1414 годъ въ рукописяхъ, содержащихъ въ себѣ азбуку, означаетъ только время, когда написана самая рукопись. А изъ этого слѣдуетъ, что и Ядро христіанскаго ученія могло быть сочинено раньше 1414 года, можетъ быть—одновременно съ азбукою, къ которой оно служитъ дополненіемъ. Возможно, что и Mravné prupovédi относятся къ тому же времени.

16) Předmluva z bible Šafhausské (ib., 260). Послѣднія слова этого предисловія показываютъ, что Гусъ писалъ его въ то время, когда его правописаніе не было еще для всѣхъ знакомо. Такое время было, какъ мы видѣли, въ 1412 году; слѣдовательно, и предисловіе могло быть написано, или въ этомъ году, или, что̀ вѣроятнѣе, въ 1413 г.

17) Písně nábožné (ib., 262—268) приписываются Гусу потому, что въ Кралицкомъ братскомъ канціоналѣ 1576 года онъ напечатанъ съ его именемъ. О первой изъ этихъ пѣсенъ (Jezu Kriste, štedrý kněže) упоминаетъ Гусъ (II, 132), не называя ее своимъ сочиненіемъ. Въ томъ же мѣстѣ приводитъ онъ отрывки двухъ другихъ пѣсенъ, но и ихъ не называетъ своими. Кромѣ того, о пѣсни Jezu Kriste, štědrý kněže Гусъ говоритъ, какъ объ одной изъ запрещенныхъ духовенствомъ, а въ 1408 на соборѣ св. Вита запрещены были всѣ пѣсни, кромѣ этой и трехъ другихъ, изъ которыхъ двѣ: Hospodine pomiluj ny и Svatei náš Vaclave относятся къ древнему времени (*Palacky*, Documenta, стр. 333, и Výbor z literatury české, стр. 27—28 и 321—322). Та ли это пѣсня, о которой говоритъ Гусъ, или другая, имѣющая одинаковое начало—рѣшить трудно.

18) Modlitba и 19) Письмо Pannàm jistého klášterа (ib. 268—270). Трудно сказать что-либо опредѣлительное объ этихъ сочиненіяхъ.

20) Письмо Plzenmým (ib. 270—274). Заблужденія, которыя преслѣдуетъ Гусъ во 2-й части этого письма, вызвали его на сочиненіе полемическаго трактата: Replica contra praedicatorem Plsnensem (см. его латинскія сочиненія), относящагося къ 1412 году. Есть основаніе вмѣстѣ съ Палацкимъ (Documenta, стр. 24—27) относить это письмо также къ 1412 году, а не къ 1413, какъ полагаетъ Эрбенъ.

21) Письмо Pražanům (ib. 274—275). Письмо начинается словами: Buoh s vàmi, pàm milí i mistři! Prosím vàs, aby najprvé vàžili při boží, jemuž sè křivda veliká dèje; nebt' chtie jeho svaté. slovo utisknuti, kaplu úžitecnú k slovu božiemu zbořiti.... О желаніи враговъ разрушить Виѳлеемскую часовню Гусъ говоритъ въ объясненіи Молитвы Господней, слѣдовательно, въ 1412 г. (I, 329). Выраженія pynie (стр. 329, строка 18), chtie (строка 20), chtèjí (строка 26) показываютъ, что Гусъ говоритъ о событіи современномъ, или по крайней мѣрѣ, недавно случившемся. Нужно предполагать поэтому, что покушеніе на часовню было до 11-го ноября 1412 года, когда окончены толкованія. Слова въ концѣ письма: „Toto sem vàm napsal, neb nemohu k vàm podobnè přijíti, aby knèžie službu nepřekazili vašemu umyslu“ показываютъ, что Гуса въ это время не было въ Прагѣ. Такъ какъ и въ письмѣ, и въ толкованіи на Молитву Господню Гусъ говоритъ о покушеніяхъ на часовню, какъ о чемъ-то недавно совершившемся, то можно полагать, что удаленіе изъ Праги, о которомъ говорится въ письмѣ, относится къ 1412 году. Извѣстно уже (см. выше № 11), что съ Рождества 1412 года Гусъ былъ въ Прагѣ, слѣдовательно, письмо написано до Рождества 1412 года. Вопросъ: въ декабрѣ или ноябрѣ. Кажется, что въ декабрѣ. Вотъ основаніе: Pani i mistři, къ которымъ обращается Гусъ въ письмѣ, и которымъ безъ вины причиняются hanba i křivda, суть тѣ самые magnates и magistri, на которыхъ духовенство подало жалобу въ 1412 году въ декабрѣ (Documenta, стр. 457). Причины, по которымъ жалоба относится къ 1412 году, и именно къ декабрю, слѣдующія: На стр. 459 (Documenta) говорится: Hus.... super praemissis fuit per D. Odonem excommunicatus, in quo per annum cum dimidio insorduit, prout etiam insordescit... Отлученіе Гуса кардиналомъ Оттономъ послѣдовало 15-го марта 1411 года; присчитавъ къ этому году полтора года съ небольшимъ (insordescit), напримѣръ, три мѣсяца, прійдемъ къ декабрю 1412 года.

Другое обстоятельство еще болѣе подтверждаетъ это предположеніе. Духовенство проситъ въ этой жалобѣ о томъ, чтобы папа распорядился въ Римѣ сжечь книги Виклефа. Папа утвердилъ эту просьбу и на самой жалобѣ написалъ свое „fiat per omnia ut petitur". Сожженіе книгъ въ Римѣ произошло въ началѣ 1413 года (*Palacký*, Dějiny, III, стр. 147). Кромѣ того, въ началѣ жалобы есть приписка: propositio facta in curia Romana coram papa contra Viclefistas anno D. MCCCCXIII mense Decembri: годъ, по нашему предположенію и по предположенію Палацкаго—ошибочный, мѣсяцъ, по мнѣнію Палацкаго—ошибочный, по нашему—вѣрный.

22) List veřejný, přilepený na dveřích dvoru královského (ib. 276—277). О немъ упоминаетъ инквизиторъ Николай, епископъ Назаретскій, прокуратору Гуса Яну изъ Ессеницы, 30-го августа 1414 г. У Палацкаго (Documenta, стр. 243) читаемъ: Protestamur denique quomodo praefatus magister Joannes nuper de anno Domini MCCCCXIV die XXVII menses Augusti, in ecclesia cathedrali и т. д. ac in partis et valvis serenissimi principis et Domini D. Venceslai.... suas patentes litteras in latino et vulgare idiomate conscriptas annexuit. Изъ этого видно, что объявленіе это писано было въ одинъ изъ трехъ дней августа 1414 года, то-есть, или 27-го, или 29-го числа. Палацкій почему-то отнесъ его къ 30-му августа, то-есть, къ тому же дню, въ который состоялось заявленіе инквизитора.

23) O vieře (отрывокъ) ib. 291—299. Сравнивъ то, что говорится на стр. 295 съ I, стр. 27, убѣдимся, что и тутъ, и тамъ выраженія почти тожественны съ тою только разницею, что въ отрывкѣ očistec названъ předpeklie; см. III, 295, строки 28—29 и стр. 30. Въ томѣ I, стр. 431 očistec также названъ předpeklie. Поэтому едва ли Эрбенъ имѣлъ основаніе заподозрѣвать принадлежность этого отрывка Гусу потому будто бы, что Гусъ нигдѣ въ другихъ сочиненіяхъ не называетъ чистилища předpeklie (III, 321). Въ подтвержденіе несправедливости этого мнѣнія можно указать на слѣдующія мѣста въ сочиненіяхъ Гуса: I, стр. 45, строка 36, II, стр. 280, строка 10, II, стр. 288, строка 31. Къ какому времени относится этотъ отрывокъ—неизвѣстно.

24) Dodatek k listům (ib. 299—300). Эрбенъ относитъ его къ 1413 году, Палацкій—къ 1414 (Documenta, стр. 64—65): не знаю, на какомъ основаніи.

25) Kazani dvoje o Antikristu a šelmě и т. д. (ib. 301—312) есть переводъ съ несохранившагося латинскаго сочиненія. Многіе слыш-

комъ рѣзкіе отзывы о папѣ и духовенствѣ, какъ напримѣръ, стр. 302, строка 29—30, 803, строка 24, а также на стр. 309 слова, къ которымъ Эрбенъ дѣлаетъ примѣчанія, заставляютъ вмѣстѣ съ нимъ предполагать, что это сочиненіе въ томъ видѣ, въ какомъ сохранилось, не принадлежитъ Гусу.

26) Napomenutí knězstvu и т. д. (ib. 312 — 315). Ср. съ латинскимъ трактатомъ de pernicie traditionum humanarum (Historia et monumenta Joan. Hus, т. I, CCCCXLIII). На страницѣ 314 говорится объ отлученіи, а на стр. 312 о проклятіи тѣхъ, кто не исполняетъ установленій духовенства. Сочиненіе поэтому могло быть написано въ 1413 или 1414 году.

Сводя всѣ показанія и соображенія о времени выхода въ свѣтъ чешскихъ сочиненій Гуса, приходимъ къ заключенію, что наибольшее количество чешскихъ трудовъ его принадлежатъ 1412 и 1413 годамъ. Къ этому времени относятся два крупныя произведенія: Толкованія Символа Вѣры, десяти заповѣдей и Молитвы Господней и Объясненія на евангельскія чтенія или Постилла. Къ тому же времени относятся работы Гуса по пересмотру Священнаго Писанія. Приблизительно къ 1411 году относится, вѣроятно, изобрѣтеніе азбуки и краткія катехизическія статьи для юношества въ родѣ Ядра христіанскаго ученія и нравственныхъ правилъ. Въ началѣ XV или даже въ концѣ XVI столѣтія написаны статьи безъ всякаго опредѣленнаго колорита, по всей вѣроятности относящіяся ко времени дѣятельности Гуса въ университетѣ; таковы, по нашему мнѣнію: Výklad piesniček Šalomunových и статья о sedmi smrtedlných hříšich. Наконецъ, къ послѣдней порѣ жизни Гуса, то-есть, къ 1414 и 1415 годамъ, относятся преимущественно письма его; они уступаютъ предыдущимъ сочиненіямъ въ важности содержанія, но прекрасно дополняютъ ихъ, рисуя нравственный обликъ Констанцскаго мученика наканунѣ злополучнаго дня 6-го іюля 1415 года.

Ю. Анненковъ.

НОВЫЙ ВЗГЛЯДЪ НА СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

Взглядъ на слово о Полку Игоревѣ. Соч. *Всев. Миллера.* Москва, 1877.

Я не сомнѣваюсь, что спеціалисты по русской словесности встрѣтятъ съ полнымъ сочувствіемъ новый трудъ г. Всеволода Миллера: „Взглядъ на Слово о Полку Игоревѣ“, предложенный имъ въ отвѣтъ на слѣдующіе вопросы, поставленные въ программѣ четвертаго археологическаго съѣзда:

52. Было ли Слово о Полку Игоревѣ произведеніемъ неграмотнаго народнаго пѣвца, впослѣдствіи записаннымъ прозою книжникомъ, или же оно съ самаго начала принадлежало перу книжнаго человѣка, воспитавшагося подъ вліяніемъ литературы своего времени?

53. Есть ли основаніе считать Бояна, упоминаемаго въ Словѣ о Полку Игоревѣ, русскимъ древнимъ пѣвцомъ, современникомъ Всеслава Полоцкаго, или появленіе Бояна можетъ быть объяснено инымъ образомъ?

54. Можно ли изъ упоминанія языческихъ божествъ (Велеса, Дажьбога, Стрибога, Хорса) въ Словѣ о Полку Игоревѣ выводить, что авторъ былъ проникнутъ языческимъ міровоззрѣніемъ, или же присутствіе этихъ именъ можетъ найдти иное объясненіе?

Стараясь отвѣтить на эти вопросы, авторъ впервые высказываетъ откровенно то, что̀ лежало на сердцѣ у многихъ, старавшихся отнестись къ развитію древней русской литературы трезво и безъ предвзятыхъ убѣжденій. Въ этомъ его главная заслуга: и на почвѣ литературныхъ изысканій гражданскаго мужества хватаетъ у насъ менѣе, чѣмъ косной стыдливости. Но авторъ не только высказываетъ, но многое и доказываетъ, хотя со многими изъ его объясненій не всѣ, быть можетъ, согласятся. Я говорю о спеціалистахъ, самъ же я подхожу къ вопросу, какъ простой читатель.

Странное смѣшеніе самыхъ разнообразныхъ элементовъ давно поражало всякаго непредвзятаго начетчика Слова. Въ немъ есть несомнѣнно мотивы русской народной поэзіи; самъ авторъ, признавшій на стр. 112 и 116 поэтическій плачъ Ярославны передѣлкой визан-

тійско-болгарскаго плача, въ концѣ книги отказался отъ этого мнѣнія [1]). И рядомъ съ этимъ народно-поэтическимъ элементомъ · какое обиліе книжности и реторики! Другое противорѣчіе еще болѣе вызывало на размышленіе: авторъ Слова — христіанинъ, жилъ въ эпоху, когда церковь гремѣла обличеніями противъ всего языческаго, что продолжало жить въ народѣ въ видѣ обрядовъ и вѣрованій; въ этой борьбѣ съ язычествомъ онъ долженъ былъ стоять на сторонѣ церкви, Половцы для него „поганые". И вмѣстѣ съ тѣмъ ему удается избрать себѣ такое изолированное положеніе, подняться до такого религіознаго объективизма, что онъ называетъ князей внуками Дажьбога, Бояна внукомъ Велеса, вѣтры внуками Стрибога и т. п. Если и предположить, что онъ самъ былъ способенъ доработаться до такого религіознаго безразличія, то трудно представить себѣ существованіе въ его время такой среды, которая отнеслась бы сочувственно къ такому пониманію дѣла.

Г. Всеволодъ Миллеръ выводитъ насъ изъ этихъ противорѣчій своимъ взглядомъ на Слово о Полку Игоревѣ. Онъ исходитъ изъ мысли, къ которой потомъ сводится и все его изслѣдованіе, что авторъ Слова „былъ человѣкъ грамотный и просвѣщенный, что онъ написалъ его, а не пѣлъ, и что оно не принадлежало никогда ни народному, ни дружинному эпосу" (стр. 11); что онъ „не могъ быть неграмотнымъ пѣвцомъ, проникнутымъ народными миѳическими воззрѣніями" (стр. 9), а воспитанъ былъ на книжныхъ произведеніяхъ своего времени. Русская литература его поры „была подражательная, заключалась въ массѣ переводовъ и передѣлокъ византійскихъ произведеній, переходившихъ на Русь чрезъ южнославянскую среду". Отдѣлъ старинныхъ повѣстей, исторій и сказаній, въ родѣ Александріи, исторіи о Троянской войнѣ, о Дѣяніи Девгеніевѣ, повѣсти о Соломонѣ — вотъ тѣ образцы, на подражаніи которымъ долженъ былъ создаться стиль автора Слова о Полку Игоревѣ. Чтобъ упрочить это положеніе г. Вс. Миллеръ подробно разбираетъ во 2-й главѣ своего изслѣдованія греческую поэму X вѣка о Дигенисѣ и

---

[1]) Сл. стр. 238. О значеніи Дуная въ Словѣ о Полку Игоревѣ и въ славянскихъ народныхъ пѣсняхъ см. у *Всев. Миллера*, стр. 109 — 116 и 238. Настоящая точка зрѣнія указана была Ягичемъ въ его Forschungen auf dem Gebiete der slavischen Volkspoesie, II: Dunav-Dunaj in der slavischen Volksepik (въ *Archiv für slavische Philologie*, I), гдѣ для вопросовъ, возбуждаемыхъ Словомъ о Полку Игоревѣ, особенно интересны сопоставленія изъ южно-русскихъ пѣсенъ, стр. 310—324.

русскую повѣсть о Девгеніи, представляющую, какъ извѣстно, пересказъ византійскаго подлинника. Третья глава посвящена указанію аналогій между этимъ произведеніемъ и Словомъ о Полку Игоревѣ. „Аналогію можно видѣть и въ общемъ характерѣ разказа, и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ. Оба произведенія написаны съ цѣлью прославить извѣстнаго героя, отличающагося военною доблестью. Содержаніе обоихъ состоитъ изъ описанія битвъ, прославленія мужества, при чемъ авторы прибѣгаютъ къ поэтическимъ сравненіямъ и уподобленіямъ. Оба — богаты картинами природы, и эта природа отражаетъ радость и горе человѣка, предрекаетъ успѣхъ и бѣду. Въ обоихъ эпическій разказъ прерывается иногда прямою рѣчью, влагаемою въ уста дѣйствующихъ лицъ; въ обоихъ вѣщіе сны предсказываютъ будущее"(стр. 51—52). Далѣе эти аналогіи разсматриваются подробно (стр. 52—61), при чемъ однимъ изъ главныхъ доказательствъ книжности Слова является обращеніе автора къ читателямъ, напоминающее классическое exordium (стр. 61 и сл.), и его стремленіе быть назидательнымъ (стр. 65 и сл.).

Сравненіе поэмы о Дигенисѣ съ „Словомъ" не должно быть истолковано въ томъ смыслѣ, что первая служила образцомъ второму. Авторъ далекъ отъ этой мысли. „Все, въ чемъ убѣждаютъ насъ вышеприведенныя аналогіи", говоритъ онъ,—„только то, что византійское произведеніе въ славянской одеждѣ входило въ кругъ начитанности русскаго литератора, что подъ вліяніемъ знакомства съ нимъ и съ другими произведеніями того же рода у него сложилась своя манера повѣствовать, свое понятіе объ изяществѣ, вкусъ къ тому направленію, которое мы не умѣемъ охарактеризовать инымъ названіемъ, кромѣ „романтизма". Относясь сознательно къ своему произведенію, обдумывая его планъ и подробности, онъ невольно черпалъ мысли, образы, выраженія, сохранившіеся въ запасѣ его памяти; но переработанные душою поэта, эти мысли, образы и выраженія перестали для него быть чужими, иноземными, стали родными и свободно выливались изъ подъ пера. Если можно картины и образы поэта назвать подражаніями, то эти подражанія были не рабскія, а безсознательныя, явившіяся какъ осадокъ прочитанныхъ книгъ. Начало „Слова" не было построено по тому или другому образцу: но обдумывая произведеніе, авторъ невольно пришелъ къ мысли, что ему слѣдуетъ создать патетическое вступленіе, и знакомство съ литературными пріемами немедленно пришло на помощь: вступленіе вылилось въ формы уже готовыя" (стр. 64—65).

Сведенное къ этимъ размѣрамъ отношеніе Слова къ поэмѣ должно быть обобщено въ томъ смыслѣ, что авторъ перваго былъ начитанъ въ произведеніяхъ византійской беллетристики (я съ умысломъ выбираю это слишкомъ общее обозначеніе), усвоилъ себѣ ея стиль и пріемы, образчики которыхъ можно усмотрѣть, между прочимъ, и въ поэмѣ о Дигенисѣ, и тѣмъ и другимъ воспользовался при своемъ дѣлѣ, съ большею или меньшею свободой. Съ тою же свободой онъ обращался и съ своимъ народнымъ матеріаломъ, откуда перенесъ къ себѣ мотивы плача Ярославны, съ чертами южно-русской поэзіи (стр. 236), и прибавимъ отъ себя, съ чертами ея сентиментальности. Источникъ „сентиментальности" Слова г. Всеволодъ Миллеръ видитъ впрочемъ не въ народныхъ симпатіяхъ его автора, а въ византійскихъ поэмахъ въ родѣ Дигениса: онѣ-то и подсказали ему „нѣжныя рѣчи русскихъ женъ, и ласковый эпитетъ *милыхъ ладъ*, которымъ онѣ называютъ отсутствующихъ мужей. Быть можетъ, мы ошибаемся", замѣчаетъ г. Миллеръ,—„но намъ эта нѣжность, проникающая женскіе образы „Слова", представляется отголоскомъ византійской, книжной сентиментальности. Едва ли такое романтическое отношеніе къ женщинѣ составляло реальную, жизненную черту русскаго общества XII вѣка" (стр. 61); оно свидѣтельствуетъ о „мірскомъ и романтическомъ (добытомъ изъ чтенія византійскихъ поэмъ) настроеніи автора, которое не укладывалось въ молитву со славянскими текстами" (стр. 60).

Намъ приходится выбирать между молитвой съ славянскими текстами и романтическою сентиментальностью, почерпнутою изъ византійскаго романа; между словами о злыхъ женахъ и узкимъ нравственнымъ взглядомъ церковника и—такимъ же книжнымъ, отвлеченнымъ идеаломъ культурной, развившейся въ другомъ направленіи среды. Между тѣмъ и другимъ стояла насущная жизнь, русское общество XII вѣка, котораго нравственный обликъ мы не знаемъ, потому что знаемъ его только изъ тѣхъ же словъ о злыхъ женахъ и т. п. Изъ народной поэзіи того времени не сохранилось ничего; остаются заключенія a posteriori. Если образы въ плачѣ Ярославны до сихъ поръ отзываются въ малорусской народной поэзіи, то отчего бы не сблизить оба эти явленія и въ отношеніи „сентиментальнаго чувства", за которыми автору Слова, быть можетъ, и не приходилось обращаться къ Византіи?

Если изъ суммы вліяній византійскихъ подлинниковъ, типически представленныхъ поэмой о Дигенисѣ, на Слово о Полку Игоревѣ вы-

дѣлить одно существенное, то оно ограничится безсознательнымъ воспроизведеніемъ стиля и общихъ риторическихъ пріемовъ.

Можетъ быть, не лишнимъ будетъ замѣтить, что выборъ Дигениса типомъ тѣхъ литературныхъ произведеній, подъ вліяніемъ которыхъ писалъ авторъ Слова, едва ли удаченъ. Дѣло вовсе не въ содержаніи обоихъ памятниковъ, которые г. Вс. Миллеръ и не сравниваетъ (стр. 51), а въ направленіи и въ жанрѣ. Поэма о Дигенисѣ Акритѣ—одно изъ характерныхъ произведеній Византіи (ibid.); ея герой такой же популярный герой для Эллиновъ, какъ для насъ Илья Муромецъ (стр. 16—17). Мы, стало быть, имѣемъ дѣло съ народнымъ, былиннымъ матеріаломъ, которымъ овладѣлъ сознательный поэтъ-художникъ. Другое впечатлѣніе производитъ Слово: его авторъ—книжный человѣкъ, „представитель и поборникъ политической идеи" (стр. 9), пишущій съ извѣстной точки зрѣнія о небольшомъ мѣстномъ событіи, значеніе котораго онъ преувеличиваетъ, пуская въ ходъ знакомыя ему общія мѣста книжной реторики. У него несомнѣнный поэтическій талантъ; но то, что остается за вычетомъ, то-есть, его внѣшнія средства и стилистическіе пріемы, болѣе напоминаетъ декламацію, похвальное слово, чѣмъ поэму о народномъ героѣ. Я не сомнѣваюсь, что параллель, проведенная къ Византіи въ этомъ направленіи, откроетъ больше аналогій, чѣмъ сравненіе съ поэмой о Дигенисѣ.

Но это не къ дѣлу. Послѣдуемъ далѣе за авторомъ „Взгляда".

Византійскій подлинникъ, вдохновившій автора Слова о Полку Игоревѣ, былъ ему знакомъ не непосредственно: такое вліяніе и знакомство шло къ намъ въ ту пору черезъ южно-славянскую, именно—болгарскую среду, которая должна была оставить свою окраску, пересылая византійскія произведенія на русскую почву (стр. 69). Такія „болгарскія книги" и „болгарскія басни" воспринимались русскими книжниками, переписывались. Степень ихъ южно-славянской окраски и теперь еще можно, въ иныхъ случаяхъ, опредѣлить *качественно*, по слѣдамъ болгаризма въ языкѣ, правописанію, и т. д. русскихъ списковъ; для того, чтобъ уяснить себѣ, на сколько народная окраска затронула ихъ содержаніе, необходимо имѣть передъ глазами ихъ византійскіе оригиналы. По отношенію къ источникамъ, или, лучше сказать византійско-болгарскимъ образцамъ Слова о Полку Игоревѣ, послѣдній вопросъ получаетъ особое значеніе: это вопросъ о самостоятельности автора русскаго Слова. Мы назовемъ его, вмѣстѣ съ г. Всев. Миллеромъ, самостоятельнымъ, если, создавъ планъ и сообразивъ подробности своего труда, онъ ограничилъ свои заимствованія тѣмъ, что

невольно почерпалъ мысли, образы, выраженія изъ запаса своихъ книжныхъ воспоминаній. Другое дѣло, если заимствованія его имѣли характеръ спеціальный, затрогивая канву чуждаго разказа, перенимая ее клочками въ свое произведеніе и только перелицевывая и прилаживая на русскій ладъ.

Для того, чтобы порѣшить этотъ вопросъ, необходимо составить себѣ точное понятіе о характерѣ того болгарскаго памятника, отъ котораго отправился авторъ Слова. Мы, вѣроятно, никогда не узнаемъ, какова была его фабула, находилось ли въ немъ, напримѣръ, такое же историческое зерно, какое мы видимъ въ нашемъ памятникѣ (походъ князей на враговъ), принадлежалъ ли онъ къ тому же литературному роду, какъ и наше Слово. За то мы можемъ еще надѣяться опредѣлить себѣ свойства его изложенія, нѣкоторыя детали и типическія выраженія, а вмѣстѣ съ ними, быть можетъ, и клочекъ фабулы. Это достигается путемъ остроумнаго анализа, который представляется мнѣ наиболѣе существенною частью книги г. Всев. Миллера. Подвергая Слово пристальному разбору, онъ открываетъ подъ нимъ первый подпочвенный слой, съ особою народною окраской, которую онъ вмѣняетъ болгарскому прототипу Слова; далѣе, идя тѣмъ же путемъ, мы доходимъ и до византійскаго субстрата, которымъ руководился болгарскій книжникъ, и здѣсь получаемъ результаты, хотя сравнительно и бѣдные содержаніемъ. Слово о Полку Игоревѣ является какъ бы памятникомъ русскаго поэтическаго возрожденія, въ стѣнахъ котораго заложены матеріалы, служившіе когда-то другимъ, болѣе древнимъ архитектурнымъ замысламъ. Слѣдуетъ познакомиться съ качествомъ этихъ матеріаловъ, чтобы составить себѣ отчетливое понятіе о томъ, какъ распорядился ими авторъ Слова.

Г. Всев. Миллеръ начинаетъ съ анализа извѣстныхъ мѣстъ Слова, гдѣ говорится о жизни, силахъ „Дажь-божа внука" (стр. 71 и сл.) „Въ этихъ обоихъ мѣстахъ нѣтъ ничего, что бы свидѣтельствовало о вѣрованіи автора въ Дажьбога; нѣтъ ни одной черты, которою бы характеризовалось это божество. Жизнь Дажьбожа внука и силы Дажьбожа внука ничто иное, какъ поэтическая метонимія вмѣсто *жизнь князей* и *сила князей*. Если имя божества употребляется какъ epitheton ornans, то едва ли поэтъ, употребляющій этотъ эпитетъ, вѣритъ въ его реальность" (стр. 72); не могъ же онъ, человѣкъ начитанный и близкій ко двору, серьезно думать, что предкомъ нашихъ князей былъ не Рюрикъ, Олегъ, Святославъ и Владиміръ Святой, а солнечный Дажьбогъ (стр. 74). Съ другой стороны, если нѣтъ

основанія сомнѣваться, что послѣдній былъ *славянскимъ* божествомъ, то нѣтъ и прямыхъ указаній, что онъ былъ *популярнымъ русскимъ* именемъ солнечнаго бога. Это имя, помимо Слова и Несторовой лѣтописи, упоминается въ одномъ мѣстѣ лѣтописи Ипатской, именно, во вставкѣ изъ болгарскаго перевода (X вѣка) хроники Малалы, подставившаго Дажьбога вмѣсто греч. ἥλιος. Нельзя ли объяснить подобнымъ же образомъ и появленіе Дажьбога въ Словѣ? Внукъ Дажьбожь могло быть болгарскою передачей византійскаго эпитета, приданнаго въ какомъ нибудь византійскомъ произведеніи какому нибудь миѳическому или историческому лицу. Дажьбогъ былъ подставленъ на мѣсто Геліоса или Феба. Въ свою очередь авторъ Слова, найдя этотъ эпитетъ въ болгарскомъ произведеніи, воспользовался имъ, *не отдавая себѣ въ немъ отчета*, и украсилъ имъ своихъ князей (стр. 76—77).

„Велесовъ внукъ", подъ которымъ разумѣется Боянъ, представляется такимъ же украшающимъ эпитетомъ (стр. 77). Авторъ Слова, конечно, хорошо зналъ русскую форму Волосъ; если онъ употребилъ форму книжную, болгарскую Велесъ, то потому, что нашелъ ее въ своемъ оригиналѣ (стр. 79—80). Велесъ, по всей вѣроятности, соотвѣтствовалъ богу-пастырю, солнечному Аполлону, извѣстному музыканту, предводителю хора музъ. Болгарскій книжникъ нашелъ, вѣроятно, въ своемъ византійскомъ подлинникѣ классическій титулъ поэта: внукъ Аполлона, и передалъ послѣдняго Велесомъ: приравненіе, возможное у тѣхъ Славянъ, которые по близкимъ сношеніямъ съ Византіей, сохранившей еще многія классическія преданія, были знакомы съ греческою миѳологіей (стр. 80—81). Автору Слова и въ этомъ случаѣ оставалось перенести къ себѣ готовую болгарскую формулу „внукъ Велеса", какъ онъ безотчетно заимствовалъ Дажьбожа внука.

Я не останавливаюсь на томъ, что̀ г. Вс. Миллеръ говоритъ о Хорсѣ (стр. 81—86). Если и его авторъ Слова нашелъ въ своемъ болгарскомъ книжникѣ, то тому свидѣтельствомъ единственно болгарская форма *Хрьсь* и окружающія его слова, отзывающіяся болгарщиной (стр. 83). Во всякомъ случаѣ если то, что̀ говорится о Хорсѣ въ Словѣ, еще отличается замѣтнымъ миѳическимъ колоритомъ (стр. 81), то богъ, обгоняемый смертнымъ (то-есть, Всеславомъ), уже пересталъ быть богомъ и упоминается ради поэтическихъ цѣлей, какъ поэтическая гипербола (стр. 82).

„Какъ украшающій эпитетъ вѣтровъ употреблено въ Словѣ выраженіе „Стрибожи внуци". Объ этомъ славянскомъ Эолѣ ничего неизвѣстно, кромѣ имени, и „нѣтъ основанія думать, чтобъ авторъ Слова зналъ о немъ, болѣе чѣмъ мы" (стр. 87). Слѣдуя аргументаціи г. Вс. Миллера можно бы и въ этомъ случаѣ предположить византійскую формулу: внуки Эола, передѣланную болгарскимъ книжникомъ въ внуковъ Стрибога и *безотчетно* заимствованную у него авторомъ Слова. Поступая такъ безотчетно, онъ дѣйствительно могъ знать о Стрибогѣ не болѣе, чѣмъ мы. Ту же безотчетность мы предположили выше, вмѣстѣ съ изслѣдователемъ, относительно Дажьбога и Велеса. Но какъ быть съ Хорсомъ? Вѣдь онъ, „по видимому, былъ также извѣстенъ у насъ, какъ и Болгарамъ" (стр. 82). Еслибъ авторъ и перенесъ его изъ болгарскаго памятника, то на этотъ разъ онъ дѣйствовалъ съ извѣстною ему величиною, которая и на родной почвѣ имѣла свою, заподозрѣнную церковью, цѣнность. Подозрѣніе въ двоевѣріи, устраненное предположеніемъ, что списатель Слова орудовалъ готовыми миѳологическими формулами, которыя стали для него формулами поэтическими, это подозрѣніе снова подымаетъ русско-болгарскій Хорсъ. Велесъ—другое дѣло: авторъ Слова могъ и не давать себѣ отчета о его связи съ русскимъ Волосомъ. Весь этотъ вопросъ можетъ быть поставленъ и обще: по догадкѣ г. Вс. Миллера авторъ Слова имѣлъ передъ собою болгарское сказаніе, съ внуками Дажьбога, Велеса и Стрибога. Какъ бы ни поступалъ онъ безотчетно, какъ бы ни велико было его незнакомство съ значеніемъ терминовъ болгарскаго язычества, все же эти внуки и эти „боги" являлись передъ нимъ въ контекстѣ, и онъ не могъ не давать себѣ отчета, въ какомъ смыслѣ являлось передъ нимъ характерное слово „богъ", внуками которому приходились и князь, и пѣвецъ. Я не могу выйдти изъ этого contradictio in adjecto: авторъ Слова орудуетъ поэтическими формулами, въ которыхъ не видитъ ничего зазорно языческаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ, эти формулы такъ прозрачны, ихъ употребленіе такъ характерно, что становится непонятнымъ, какъ онъ могъ не разглядѣть ихъ кореннаго смысла. Дѣло, впрочемъ, не въ одномъ авторѣ, а и въ тѣхъ, для которыхъ написанъ былъ его трудъ: надо какъ-нибудь выйдти изъ дилеммы, понимали ли они Дажьбожа внука, внука Велеса и т. д., или же не понимали? Если понимали, то они либо двоевѣрны, какъ думали донынѣ, либо объективны въ религіозномъ отношеніи, что̀ едва ли подъ стать XII вѣку. Если не понимали, какъ не понималъ ихъ авторъ Слова, то безотчетность послѣдняго

переходитъ границы, за которыми трудно ее помирить съ его несомнѣнною талантливостью.

Вопросъ о двоевѣріи, какъ бы ни порѣшенъ онъ былъ для автора Слова, остается во всей силѣ — для безыменнаго автора того болгарскаго произведенія, откуда попалъ къ намъ поэтическій скарбъ Слова. Ему то по крайней мѣрѣ приходилось переводить Аполлона Велесомъ, Эола Стрибогомъ и т. п., и мы въ такомъ же затрудненіи относительно его религіознаго міросозерцанія, въ какое ставилъ насъ, бывало, авторъ русскаго Слова: затрудненіе только переставилось на нѣсколько поколѣній назадъ. Если безыменный болгарскій книжникъ вообще существовалъ, то его пришлось бы поставить въ ту богомильско-языческую среду, противъ которой такъ ратовала болгарская церковь. Въ такой средѣ, быть можетъ, могла сохраниться память о Дажьбогѣ и другихъ его сверстникахъ. „Смѣшеніе чисто народнаго вѣрованія", говоритъ профессоръ Дриновъ,—„съ вѣрованіями еретиковъ (со стороны церкви) могло произойдти единственно вслѣдствіе близости послѣднихъ къ народнымъ вѣрованіямъ, или по крайней мѣрѣ, вслѣдствіе распространенности секты среди народа" (стр. 132).

Слѣдуя далѣе за разборомъ г. Вс. Миллера, мы встрѣчаемъ Дива и дѣву Обиду (стр. 87 — 98). Не будучи славистомъ и никогда не занимавшись спеціально Словомъ о Полку Игоревѣ, я слегка коснулся Дива и Обиды въ моей замѣткѣ о русскихъ причитаніяхъ [1]). Моимъ тогдашнимъ наблюденіямъ я придаю исключительное значеніе—бѣглыхъ. Дивъ и Обида представились мнѣ родственными выраженіями, двуличными представленіями одного и того же народномиѳическаго образа: то зловѣщая птица, то дѣва, плещущая лебедиными крыльями на синемъ морѣ. Лебединыя крылья не смущали меня, и я понялъ ихъ какъ самостоятельное развитіе русскаго народно-поэтическаго эпитета: дѣвушки-лебеди, внѣ связи съ сѣверными Валькиріями. Въ реторическомъ изложеніи автора Слова, не чуждаго, какъ мы видѣли, и народныхъ мотивовъ, крылья явились поэтическимъ распространеніемъ при „бѣлой лебеди", какъ названіе молодца соколомъ повело его къ образамъ „гнѣзда" [2]) и книжному

[1]) Die russischen Todtenklagen, p. 29—30. *Russische Revue* 1873 года, по поводу книги *Е. Барсова*: Причитанія сѣвернаго края.

[2]) Что касается пардужа гнѣзда (о немъ у г. Миллера стр. 225), то сравненіе съ нимъ Половцевъ отвѣчаетъ, быть можетъ, не столько ихъ кровожад-

эпитету „шестокрыльцевъ" (см. прим. на стр. 230—231). Отдѣливъ въ текстѣ слово „обида" въ значеніи отвлеченнаго понятія, я увидѣлъ въ Дивѣ и въ дѣвѣ Обидѣ неполныя попытки миѳическаго овеществленія идей: злой судьбины, прирожденнаго горя-злосчастія, кручины, являющихся то въ образѣ чудища, то зловѣщею птицей ворономъ, то въ видѣ Судинушки олонецкаго причитанія, которая, плеща ладонями на берегу озера, сулитъ смертную участь неосторожнымъ пловцамъ:

Знать Судинушка по бережку ходила,
Страшно ужасно голосомъ водила,
Въ длани Судинушка плескала,
До суженыхъ головъ да добералась
. . . .
Ихъ Судинушка головъ да повзыскала.

Обида и Судьбина представились мнѣ аналогическими образами народной русской фантазіи, при чемъ я не преминулъ замѣтить мимоходомъ, что дивъ и дѣва могутъ быть связаны и этимологически.

Г. Вс. Миллеръ приводитъ ихъ въ еще болѣе близкую связь: дивъ и дѣва (Обида) находились уже въ болгарскомъ текстѣ, откуда ихъ перенесъ къ себѣ авторъ Слова о Полку Игоревѣ. Среди Болгаръ и до сихъ поръ существуетъ вѣрованіе въ дивовъ, живущихъ на дивской горѣ и повинующихся дивскому старѣйшинѣ; въ самодивовъ, напоминающихъ нашихъ русалокъ, и т. д. [1]). Они-то и переселились въ Слово о Полку: самодива или морская юда-самовила объявилась Дѣвой (дивой) Обидой, дивъ остался дивомъ, что̀, разумѣется, исключаетъ его толкованіе въ Словѣ о Полку Игоревѣ, какъ зловѣщей птицы. Противъ Дивы-Обиды спорить трудно, если разъ допустить ея существованіе въ болгарскомъ подлинникѣ: ея пріуроченіе къ Слову о Полку могло быть на этотъ разъ не безотчетное, потому что домашніе аналогическіе образы русской миѳологіи подавали ей руку помощи. Но какъ пріурочился и какъ былъ понятъ авторомъ Слова болгарскій Дивъ, не находившій себѣ аналогіи на Руси? Г. Всев. Миллеръ совершенно справедливо замѣчаетъ, что одно изъ двухъ мѣстъ Слова, въ которыхъ онъ является, не согласно съ пониманіемъ его, какъ птицы: „уже връжеск дивь на землю"; остается непонят-

———

ности и быстротѣ набѣговъ, сколько тѣмъ многимъ метафорамъ, заимствованнымъ отъ охоты, которыми изобилуетъ Слово.

[1]) Дива Слова о Полку Игоревѣ сближалъ съ южно-славянскими дивами уже проф. *Макушевъ*.

нымъ, почему эта птица, хотя бы и зловѣщая, бросилась па землю (стр. 88). Можетъ быть намъ слѣдуетъ и вовсе отказаться отъ Дива въ Словѣ о Полку, тѣмъ болѣе, что одно изъ мѣстъ, гдѣ онъ встрѣчается, испорчено: „Солнце ему (т.-е., Игорю) тьмою путь заступаше; нощь, стонущи ему грозою, птичь убуди; свистъ звѣринъ *въ стазби* дивъ кличетъ връху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ: Влъзѣ и Поморію“ и т. д.

„Слово *стазби* остается совершенно темнымъ [1]), не смотря на всѣ гаданія“,—замѣчаетъ г. Вс. Миллеръ.—„Кажется, прійдется оставить его и предположить искаженіе изъ глагола *въста* и какого-то другаго слова, относившагося, по видимому, къ слѣдующему диву“ (стр. 196). Ясно то, что птицы проснулись, и слышится зловѣщій звѣриный свистъ, о которомъ говорится тотчасъ далѣе: „влъци грозу въсрожать по яругамъ; орли клектомъ на кости звѣри зовутъ, лисици брешутъ на чръленыя щиты“; еще далѣе, но въ той же связи: пробудился говоръ галокъ—зловѣщихъ, какъ толкуетъ г. Вс. Миллеръ (стр. 200). Оставляя въ сторонѣ необъяснимое *въ стазби*, я предложу понять „дивъ“ въ смыслѣ θαυμαστὸν: свистъ звѣринъ... дивъ кличетъ връху древа. Сл. црк.-слав. *дивъ*=оле, βαβαὶ (Вост. Микл.); *дивы*=ἀνήμερως, immansuete (Микл.). Въ другомъ мѣстѣ Слова дивъ встрѣчается въ слѣдующемъ сочетаніи: „Уже снесеся хула на хвалу, уже тресну нужда на волю, уже връжеся дивь на землю“. Г. Вс. Миллеръ переводитъ (стр. 226): „Уже спустился позоръ на славу, уже ударило насиліе на свободу“; далѣе, какъ бы въ параллель къ тому: уже повергся Дивъ на землю. Принимая дивъ въ томъ же смыслѣ, я перевожу: уже ударила нужда на волю и страшно вступила на землю, какъ Обида вступила на землю Трояню. Нужда—такое же олицетвореніе, что̀ признаетъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 211—212) и г. Вс. Миллеръ; (сл. въврьжся на бръзъ комонь).

Если предположить, что дивъ и дѣва Обида находились уже въ болгарскомъ текстѣ въ видѣ Дива и самодивы, то остается вопросъ: являлись ли они народною перелицевкой какихъ-нибудь соотвѣтствующихъ образовъ византійскаго подлинника, или же они были самостоятельнымъ вкладомъ болгарскаго книжника? Это, впрочемъ, вопросъ второстепенный, и у г. Вс. Миллера я не нашелъ соображеній на этотъ счетъ.

[1]) О различныхъ исправленіяхъ этого мѣста, предложенныхъ изслѣдователями, см. у Огоновскаго Слово о Пълку Игоревѣ, поетичний памятникъ руськоі письменности XII вѣку (у Львові 1876), Поясненья, стр. 45—46.

Другое дѣло—Боянъ Слова о Полку Игоревѣ: онъ не только находился въ болгарскомъ подлинникѣ, но и замѣнилъ собою какого-нибудь пѣвца древности, Гомера, о которомъ гласило въ своемъ мѣстѣ византійское произведеніе (стр. 134).

Одна изъ немалыхъ заслугъ г. Вс. Миллера состоитъ въ томъ, что передъ его взглядомъ народный русскій пѣвецъ Боянъ обѣщаетъ удалиться изъ древней русской литературы въ мѣста не столь отдаленныя, въ византійско-болгарскую книжность. Боянъ (стр. 117—135) оказывается не народнымъ сказателемъ XII вѣка: онъ типъ художественнаго „пѣснотворца", который „творитъ пѣсни"; авторъ Слова преклоняется передъ его замышленіями, передъ его фразой и риторическими пріемами. Такъ я понимаю, то-есть, какъ приступы, какъ фигурныя вступленія Бояна, то что̀ говорится о его замышленіяхъ: когда онъ начиналъ пѣснь „то растѣкашется *мыслію по древу,* сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы"; или скакалъ, какъ соловей, съ которымъ Боянъ и сравнивается [1]), по *мыслену древу,* леталъ умомъ подъ облака. Выраженія: (растекаться) *мыслію по древу* и (скакать) *по мыслену древу,* очевидно, не могутъ быть отдѣлены другъ отъ друга (сл. стр. 193), и потому едва ли представляется необходимость замѣнить въ первой фразѣ мысль—мысію, то-есть мышью, для того, чтобы возстановить воображаемый параллелизмъ: мыши (собственно: полетуша, летяга, летучая бѣлка), волка и орла. Собственно параллелизма тутъ нѣтъ, выраженіе: растекаться мыслію по древу (разумѣется, опять же мысленному)—общее, которое далѣе разрабатывается въ отдѣльныхъ, конкретныхъ образахъ. Мысленное древо—такое же фигурное выраженіе, какъ и слѣдующее далѣе: о десяти соколахъ, напускаемыхъ на стадо лебедей. Дерево дало сюжетъ для фигурныхъ толкованій, которымъ воспользовалась и народная загадка и мистико-поэтическія толкованія, отправлявшіяся отъ библейскаго древа познанія: такъ говорили о древѣ любви, arbor memoriae и т. п. Мысленное древо—это arbor cogitationis; разработанный по пріемамъ піитики, этотъ образъ вызоветъ представленіе поэта соловьемъ, который порхаетъ по мистическимъ вѣтвямъ, прообразующимъ различныя способности человѣческой души, находящейся въ актѣ творчества; затѣмъ образъ мѣняется: Боянъ носится орломъ подъ облаками,

[1]) Съ образами парящаго орла и соловья слѣдуетъ сравнить восторженные эпитеты, которыми величаетъ Іоанна Златоустаго Константинъ пресвитеръ въ одномъ изъ своихъ словъ: высоколетающій орелъ, ластовица благощеботивая, горлица доброгорчьная.

волкомъ по землѣ; ему знакомо все находящееся въ поднебесной и во времени: онъ свиваетъ „оба полы" его, знаетъ и о древнихъ усобицахъ, рыщетъ „въ тропу Трояню", но поетъ и о новомъ поколѣніи князей, и еслибъ ему пришлось пѣть о полку Игоревѣ, онъ началъ бы такъ: „Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая, галици стады бѣжать къ Дону великому".

Боянъ представляется мудрымъ, многознающимъ, искуснымъ. Такъ понимаю я его эпитетъ въ словѣ: *вѣщій*; вѣщіе персты, которые онъ воскладываетъ на живыя струны, — искусные персты; вѣщая душа Всеслава — мудрая душа: хотя у него была и мудрая душа въ храбромъ тѣлѣ (я принимаю остроумную поправку г. Всев. Миллера: въ дръзѣ тѣлѣ вм. друзѣ, см. стр. 234—235), онъ часто бывалъ въ бѣдѣ. Г. Всев. Миллеръ снялъ съ Всеслава его волкодлачью натуру (стр. 103), не разъ объясняетъ рысканье волкомъ въ Словѣ простою поэтическою метафорой, какъ и рысканья Бояна „въ тропу Трояню" полетомъ воображенія (стр. 107—108), и не смотря на это, оставляетъ за эпитетомъ вѣщій значеніе чародѣйнаго. По его мнѣнію, Боянъ представлялся автору Слова мудрымъ чародѣемъ (стр. 119) „внукомъ Велеса, то-есть, внукомъ солнечнаго бога-пастыря". „Внукъ Велеса" не можетъ быть серьезною помѣхой: мы вѣдь знаемъ, что это чисто поэтическій эпитетъ, безотчетно заимствованный авторомъ Слова изъ своего болгарско-византійскаго оригинала. Что касается чародѣйности, то на мой взглядъ ни одна черта въ образѣ Бояна, какъ онъ представляется въ Словѣ, не даетъ повода къ такому спеціальному пониманію эпитета „вѣщій". Если вполнѣ законны сомнѣнія, что этотъ Боянъ могъ быть древне-русскимъ пѣвцомъ, то они основаны не на его чародѣйствѣ и прозваніи „внукомъ Велеса", дѣйствительно странномъ при имени историческаго дѣятеля, жившаго съ небольшимъ два поколѣнія до автора Слова (стр. 119). Главный аргументъ противъ русскаго Бояна — это типъ искусственнаго, школьнаго пѣснотворца, съ какимъ онъ намъ является; къ этому слѣдуетъ присоединить и историческія соображенія, которыя мы передадимъ словами г. Всев. Миллера: русскій пѣвецъ, „возбуждающій такія чувства въ несомнѣнно талантливомъ авторѣ Слова, служащій ему музой вдохновенія, долженъ былъ быть дѣйствительно геніаленъ и широко извѣстенъ. Слава Бояна, воспѣвшаго рядъ князей, вѣроятно, донеслась бы и до насъ, если не въ видѣ какого-нибудь произведенія, то въ видѣ хоть краткой замѣтки, оброненной какимъ-нибудь лѣтописцемъ. Вѣдь знаемъ же мы о словутномъ Митусѣ, знаемъ о нѣкоемъ книж-

никѣ Тимофеѣ, сказавшемъ ѣдкое слово о мучителѣ Бенедиктѣ, знаемъ изъ Галицко-Волынской лѣтописи о какомъ-то гудцѣ Орѣ, пѣвшемъ пѣсни половецкія; — *о Боянѣ нигдѣ нѣтъ и помину*" (стр. 122). Его — полагаетъ г. Вс. Миллеръ — слѣдуетъ искать въ томъ болгарскомъ произведеніи, откуда извлекъ его авторъ Слова. Если о болгарскомъ пѣвцѣ Боянѣ также нѣтъ помину, какъ и о русскомъ, это не представляетъ особаго затрудненія: въ данномъ случаѣ дѣло не въ существованіи того или другаго историческаго лица, а въ возможности того или другаго историческаго типа. Боянъ — типъ, создавшійся по византійской модели, въ болгарскомъ книжничествѣ, и тамъ возможный. Я уже сказалъ, какъ представляетъ себѣ г. Всев. Миллеръ начало того творческаго процесса, послѣдній актъ котораго связанъ съ появленіемъ нашего Слова: болгарскій книжникъ находитъ въ своемъ византійскомъ оригиналѣ воззваніе къ какому-нибудь пѣвцу древности, Гомеру, и подставляетъ личность родныхъ народныхъ преданій, вспоминая легенды о вѣщемъ Боянѣ (стр. 134). Какія это легенды? Г. Вс. Миллеръ, вынесшій изъ чтенія Слова впечатлѣніе о чародѣйствѣ Бояна, принимаетъ гипотезу Венелина (стр. 130), отождествившаго вѣщаго пѣснотворца съ сыномъ болгарскаго царя Симеона († 927 г.), историческимъ Бояномъ, котораго считали такимъ же вѣщимъ, колдуномъ. Ліутпрандъ сообщаетъ о немъ народное (?) преданіе, будто онъ такъ изучилъ волшебство, что могъ внезапно изъ человѣка обращаться въ волка и въ любаго звѣря (стр. 131). Г. Всев. Миллеръ (стр. 131—138) съумѣлъ съ большимъ искусствомъ поставить это преданіе на культурную почву, освѣтивъ его историческими отношеніями Болгаріи первой половины X вѣка: это — время внутренней ожесточенной борьбы между церковью, съ одной стороны, богомольствомъ и язычествомъ — съ другой. Передъ нами два сына Симеона Петръ и Боянъ. „Царевичъ, сидящій на престолѣ, благочестивый Петръ, вѣрный сынъ церкви, избѣгаетъ *мірскія докуки* въ бесѣдахъ съ иноками и путешествіяхъ по обителямъ Болгаріи. Церковь причислила Петра къ лику святыхъ и чествуетъ его подъ именемъ преподобнаго отца. Родной братъ святаго Петра, царевичъ Боянъ, занимается кудесничествомъ, какъ представитель народныхъ суевѣрій, и пріобрѣтаетъ таинственную силу обертываться волкомъ. Если уже въ Константинополѣ, изъ устъ Византійцевъ, Ліутпрандъ узнаетъ о кудесахъ Бояновыхъ, *какъ же должно было гремѣть его имя въ Болгаріи* въ устахъ народа, глубоко пропитаннаго языческими суевѣріями? Прежде чѣмъ проникнуть въ

Константинополь, до какихъ необычайныхъ размѣровъ должна была стоустая молва довести вѣщую мудрость царевича? Его репутація, какъ чародѣя, была, конечно, пріобрѣтена рядомъ вѣщихъ дѣлъ, которыхъ, къ сожалѣнію, не донесла до насъ ни замѣтка благочестиваго книжника, ни народная традиція" (стр. 132—133).

Мы значительно приблизились къ вѣщему пѣснотворцу Бояну: недостаетъ болгарскому чародѣю и оборотню только репутаціи вѣщаго поэта. Если народное преданіе говорило и объ этомъ его качествѣ, то кажется страннымъ, почему о вѣщемъ *поэтѣ* Боянѣ ничего не сохранилось въ Болгаріи, какъ „ничего о Боянѣ неизвѣстно намъ отъ древней Руси" (стр. 133). Между тѣмъ качество поэта кажется мнѣ въ данномъ вопросѣ существеннымъ: что жь иное могло дать поводъ болгарскому книжнику подставить Бояна на мѣсто Гомера или какого-нибудь другаго пѣвца, стоявшаго въ его византійскомъ оригиналѣ? Затрудненіе не устраняется и въ томъ случаѣ, если предположить, что возведеніе историческаго Бояна въ типъ вѣщаго пѣвца принадлежитъ исключительно болгарскому книжнику: вѣдь онъ же начитанъ былъ въ произведеніяхъ византійской литературы, находилъ въ нихъ типъ пѣвца, внука Аполлона, брящающаго по живымъ струнамъ, растекающагося мыслью по землѣ и въ поднебесьи, и этотъ же книжникъ подставляетъ на его мѣсто болгарскій суррогатъ, заимствованный изъ типа кудесника и оборотня! Трудно представить себѣ, чтобъ именно въ головѣ книжника могла возникнуть мысль о подобномъ приравненіи, — развѣ предположить, что о греческомъ поэтѣ, напримѣръ, о Гомерѣ, котораго мѣсто занялъ чародѣй Боянъ, ходили такія же волшебныя легенды, какія окружали въ средніе вѣка, напримѣръ, имя Виргилія. Весь вопросъ, по моему мнѣнію, разрѣшается очень просто, если мы попытаемся отдѣлаться отъ традиціоннаго представленія Бояна Слова о Полку Игоревѣ какимъ-то чародѣемъ. Онъ вѣщій, то-есть, мудрый, хитроумный пѣвецъ-художникъ; ему нѣтъ мѣста въ русской литературѣ до появленія Слова; онъ принадлежитъ болгарской книжности, которая воспроизвела въ немъ образъ такого же мудраго, хитроумнаго пѣснотворца Греціи. Почему она назвала его Бояномъ—мы не знаемъ, да вопросъ, какъ я замѣтилъ по другому поводу, не въ имени, а въ возможности, въ культурной мыслимости типа. Между этимъ пѣснотворцемъ Бояномъ, котораго перенесъ намъ авторъ Слова, и историческимъ Бояномъ-кудесникомъ — общаго ничего, кромѣ имени, и того еще, что оба они принадлежатъ Болгаріи: одинъ—ея народному

суевѣрію, обставившему имя историческаго дѣятеля, другой — ея книжности, почерпавшей свои идеи, образы и эпитеты изъ традиціи византійской.

Такая постановка вопроса проще разрѣшаетъ дѣло и не ведетъ къ противорѣчіямъ. Говоря о Всеславѣ (стр. 103), г. Всев. Миллеръ совершенно справедливо замѣчаетъ, что выраженіе „влъкомъ рыскаше", не должно быть истолковано въ томъ смыслѣ, что Всеславъ былъ оборотень. „Волкъ употребляется въ Словѣ просто, какъ метафора для выраженія быстроты бѣга: Всеславъ не перекидывался волкомъ, какъ не перекидывались волкомъ Гзакъ, Игорь, Влуръ и Куряне". Я полагаю, что метафорой слѣдуетъ объяснять и растеканіе Бояна сѣрымъ волкомъ и сизымъ орломъ. Но вотъ является не кстати параллель съ историческимъ Бояномъ, обращавшимся въ волка; на этотъ разъ мы имѣемъ дѣло съ дѣйствительнымъ оборотнемъ, и г. Всев. Миллеръ забываетъ свое прежнее толкованіе и спрашиваетъ себя: „Не напоминаетъ ли кудесникъ-царевичъ Боянъ, обращавшійся по произволу въ волка, нашего вѣщаго Бояна, рыскавшаго волкомъ по землѣ?" (стр. 131) Мнѣ представляется возможнымъ лишь отвѣтъ отрицательный, и аналогія съ Бояномъ-кудесникомъ отводящею отъ вѣрнаго пониманія Бояна-пѣснотворца—не волшебника, а художественнаго поэта, передъ искусствомъ котораго преклоняется авторъ Слова.

Что̀ говорилось объ этомъ Боянѣ въ томъ болгарскомъ произведеніи, гдѣ открылъ его нашъ русскій писатель? Предоставлена ли была ему въ этомъ произведеніи какая-нибудь выдающаяся роль? Какіе размѣры даны были его „замышленіямъ", обратившіе на себя особенное вниманіе автора Слова? Отвѣтить на это трудно, но вопросъ представляется мнѣ далеко не лишнимъ. Мнѣ кажется, что г. Всев. Миллеръ, понялъ роль Бояна въ болгарскомъ памятникѣ, какъ чисто эпизодическую: онъ говоритъ, что болгарскій книжникъ нашелъ въ своемъ византійскомъ оригиналѣ „воззваніе къ какому-нибудь пѣвцу древности, Гомеру" и подставилъ вмѣсто него „личность родныхъ народныхъ преданій, вспоминая легенды о вѣщемъ Боянѣ". И это-то эпизодическое упоминаніе вдохновило автора Слова такъ сильно, что мы до сихъ поръ любуемся его характеристикой вѣщаго пѣвца и стараемся выяснить себѣ значеніе его образа! Если уже допустить существованіе болгарскаго подлинника, то роль Бояна должна была быть поставлена въ немъ шире. Взглянемъ на текстъ съ точки зрѣнія автора „Взгляда". Боянъ рыщетъ „въ тропу Трояню". Г. Вс.

Миллеръ вспоминаетъ сербскую легенду о ночныхъ поѣздахъ Трояна и толкуетъ рысканье Бояна такимъ образомъ: „Съ тою же быстротою какъ Троянъ.... рыщетъ и воображеніе Бояна черезъ поля на горы. Поэтому авторъ легко могъ сказать, что Боянъ рыщетъ по слѣдамъ Трояновымъ“ (стр. 107—108). Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Всев. Миллеръ допускаетъ, что въ болгарскомъ источникѣ, изъ котораго черпалъ авторъ Слова, находилось какое-нибудь преданіе о Троянѣ, похожее на то, которое донесла до насъ мѣстная сербская легенда. Ею воспользовался авторъ Слова, перенеся легенду о Трояновой поѣздкѣ на своего вѣщаго Всеслава (стр. 104). Мы принимаемъ пока толкованіе г. Всев. Миллера и спрашиваемъ: въ какомъ видѣ являлся этотъ бѣгъ Трояна въ болгарскомъ подлинникѣ? Рысканье Бояна „во слѣдъ Трояна“ не слѣдуетъ ли истолковать спеціальнѣе въ томъ смыслѣ, что онъ уносился воображеніемъ во слѣдъ Трояна, то-есть, изображалъ его ночную поѣздку, и разказъ шёлъ отъ его имени. Если такъ, то въ данномъ случаѣ мы имѣли бы передъ собою отрывокъ фабулы затерявшагося для насъ болгарскаго произведенія, прототипа Слова.

Если Боянъ рыскалъ „въ тропу Трояню“, то онъ же свивалъ „оба полы сего времени“, пѣлъ и о событіяхъ болѣе близкихъ, какъ о событіяхъ отдаленныхъ, выраженныхъ въ словѣ двойною формулой: „помняшеть бо.....първыхъ временъ усобіцѣ“ и „рища въ тропу Трояню“. Чтò противополагалъ Боянъ этимъ старымъ памятямъ, чтò воспѣвалъ онъ по другую полу времени? Авторъ Слова сводитъ насъ здѣсь съ пути: рысканью „въ тропу Трояню“ онъ противопоставляетъ фразу: какъ-бы воспѣлъ Боянъ о Полку Игоревѣ, еслибы дожилъ до его времени. Тотъ же параллелизмъ и тотъ же замыселъ слѣдуетъ, быть можетъ, усмотрѣть и въ другомъ мѣстѣ: память объ усобицахъ первыхъ временъ противуполагается пѣсни старому Ярославу, храброму Мстиславу, красному Роману Святославичу, которыхъ *воспѣли бы* струны-лебеди. Я знаю, что мое толкованіе отнесутъ къ замышленіямъ Бояновымъ, такъ какъ оно не поддерживается буквой текста. Я полагаю возможнымъ во всякомъ случаѣ, что реторическое украшеніе фразы образомъ соколовъ-пальцевъ и струнъ-лебедей разшатало ея логическую конструкцію, и что слова „пѣснь пояше“ невольно увлекли автора къ дальнѣйшему, хотя смѣлому развитію фигуры: пѣснь пояше старому Ярославу и т. д. Г. Вс. Миллеръ толкуетъ это мѣсто Слова, исходя изъ его буквальнаго пониманія, и приходитъ къ заключенію, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ чисто ме-

ханическою, неловкою спайкой, обличающею не совсѣмъ-то самостоятельные, свободные пріемы автора Слова (сл. стр. 64). „Человѣкъ съ прирожденнымъ вкусомъ и пониманіемъ изящнаго (?) не могъ не увлечься патетическимъ воззваніемъ къ Бояну (которое онъ нашелъ у болгарскаго книжника) и перенесъ его въ свое произведеніе. Но чтобы придать *неизвѣстному* пѣвцу русскую окраску, онъ дѣлаетъ его пѣвцомъ Ярослава, Мстислава, Романа и Всеслава. Была ли здѣсь намѣренная травестія, или наивное смѣшеніе чужаго съ своимъ — рѣшить трудно. Важно одно, что при этомъ замѣщеніи авторъ не былъ послѣдователенъ, и устранивъ нѣкоторыя чужія черты, не стеръ другихъ: называя Бояна, напримѣръ, пѣвцомъ Русскихъ князей, онъ заставляетъ его рыскать въ тропу Трояню" (стр. 134—135),

Нѣсколько словъ о *неизвѣстномъ* пѣвцѣ Ярослава, Мстислава и другихъ князей, о которомъ толкуетъ своимъ читателямъ, въ котораго захочетъ заставить насъ повѣрить авторъ Слова! Я приведу въ параллель другую аргументацію г. Вс. Миллера, которая окажется не лишнею и въ данномъ случаѣ: „Если Боянъ былъ современникомъ Всеслава, придворнымъ или дружиннымъ пѣвцомъ, неужели люди книжные, современники автора Слова, могли сомнѣваться въ его человѣческомъ происхожденіи" (стр. 119—120), то-есть, вѣрить, что онъ былъ внукомъ солнечнаго бога пастыря Велеса? Если о Боянѣ, *пѣвцѣ Русскихъ князей*, никто не зналъ на Руси до увѣреній автора Слова, неужели онъ могъ расчитывать, что люди книжные, современники, повѣрятъ ему?

Какъ бы то ни было, но существованіе Бояна, русскаго пѣвца Ярослава, Мстислава и др., становится послѣ всего сказаннаго немыслимымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ должно пасть и предположеніе, выводимое изъ текста Слова, что Боянъ былъ современникомъ Всеслава Полоцкаго. Я имѣю въ виду остроумное толкованіе, данное г. Вс. Миллеромъ слѣдующему мѣсту слова: тому (то-есть, Всеславу) вѣщей Боянъ и пръвое припѣвку смысленный рече: ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божіа не минути. „Авторъ разказалъ примѣры *ловкости и хитрости* (вотъ до чего спустилось пониманіе слова *вѣщій!*) Всеслава и затѣмъ выводитъ мораль. Какъ ни хитеръ былъ князь, однако онъ бѣды страдалъ, и къ нему *приложима* припѣвка, нѣкогда сказанная вѣщимъ Бояномъ: ни хытру и т. д. Слова: *тому рече* еще не значатъ необходимо, что Боянъ сказалъ припѣвку лично князю. Приводя пословицу, мы часто говоримъ: для такого-то лица сказана пословица, вовсе не думая при этомъ, что пословица

была сочинена кѣмъ нибудь именно для этого лица. Что такъ понималъ это и авторъ Слова—видно изъ прибавленнаго имъ слова първое (Πρῶτον), то-есть, древле, нѣкогда: еслибъ изреченіе Бояна не было старѣе Всеслава, это *първое* было бы неумѣстно" (стр. 120—121). Къ этому изреченію, сказанному когда-то давно и такъ мѣтко, что оно пришлось по плечу лицу, жившему много лѣтъ спустя, представляетъ удачную параллель другой афоризмъ Бояна, который какъ бы нарочно вылился для автора Слова: „Тяжко ти головѣ, кромѣ плечю, зло ти тѣлу, кромѣ головы". Ему оставалось лишь прибавить отъ себя: русской земли безъ Игоря (стр. 126), чтобы пріурочить афоризмъ къ мѣстнымъ и историческимъ отношеніямъ своего слова. Я долженъ сознаться, во всякомъ случаѣ, что это мѣсто слова остается для меня по прежнему темнымъ, а поправка принимаемая г. Вс. Миллеромъ: исходы (вм. иходы)=ἔξοδος—нѣсколько искусственною: фраза выходитъ вычурная; авторъ, говорившій все время отъ себя, вдругъ говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ, называя себя пѣснотворцемъ стараго времени Ярославля. Впрочемъ г. Вс. Миллеръ (стр. 126, прим.) и не особенно стоитъ за свое объясненіе.

Тропа Трояня, по которой рыщетъ Боянъ, приводитъ меня къ одному изъ наиболѣе интересныхъ подробностей Слова. Эпитетъ Троянь встрѣчается въ четырехъ мѣстахъ: тропу Трояню мы уже знаемъ; кромѣ того, говорится о землѣ Троянѣ и дважды о вѣкѣ или вѣкахъ Трояниxъ; были вѣчи Трояни, на седьмомъ вѣцѣ Трояни. Едва ли можно сомнѣваться, что во всѣхъ этихъ сочетаніяхъ эпитетъ долженъ быть объясняемъ одинаково и имѣть одно и тоже значеніе.

Съ общими пріемами болгарскаго книжника мы уже познакомились: изъ византійскаго оригинала онъ перенимаетъ внуковъ Аполлона, Эола и т. п. и только даетъ этимъ фармуламъ болгарскую одежду; можно предположить, что его дѣва Обида — такой же народно-болгарскій, на этотъ разъ болѣе удачный, переводъ какого-то греческаго образа. Также поступаетъ онъ и съ типомъ вѣщаго пѣвца: онъ сохранилъ его черты, но далъ ему народное имя Бояна. Книжникъ находился всецѣло подъ впечатлѣніемъ своего византійскаго образца и мы не встрѣтились пока ни съ однимъ эпизодомъ, который можно бы назвать его личнымъ, народно-поэтическимъ вкладомъ. Что Боянъ Слова не имѣетъ ничего общаго съ болгарскимъ царевичемъ— это я постарался выяснить выше. Естественно является вопросъ: эпитетъ *Троянь* и связанныя съ нимъ въ Словѣ подробности должны ли измѣнить нашу точку зрѣнія на литературные пріемы и византій-

скую зависимость болгарскаго книжника? Толкуя загадочное Троянь, г. Вс. Миллеръ (стр. 99 и сл.) принимаетъ въ основныхъ чертахъ мнѣніе, высказанное профессоромъ Дриновымъ, и только тѣснѣе принаравливаетъ его къ показаніямъ Слова. Славяне пребывали въ Дакіи и во время господства въ ней Римлянъ; въ народныхъ преданіяхъ нѣкоторыхъ Славянскихъ племенъ, и именно тѣхъ, которыхъ предки обитали въ Дакіи и по близости къ ней, мы находимъ очень явственные намеки на то, что нѣкоторыя славянскія вѣтви состояли, болѣе или менѣе продолжительное время, подъ властью Римлянъ, имѣли столкновеніе съ ними именно въ этой странѣ и въ пору покоренія ея императоромъ Трояномъ. Это столкновеніе, какъ оно ни было кратковременно, оставило по себѣ память въ странѣ въ нѣкоторыхъ сооруженіяхъ, напримѣръ, въ знаменитомъ Трояновомъ валѣ; имя императора Трояна, имѣвшаго большое значеніе въ судьбахъ Славянъ, окружилось въ народной памяти миѳическимъ ореоломъ, при чемъ, какъ это часто бываетъ, къ исторической личности и имени пріурочились миѳологическія черты, облекавшія прежде другія личности. Римскій императоръ, которому воздавались божескія почести, котораго статуи стояли въ храмахъ, который поразилъ бѣдное славянское населеніе Дакіи и могуществомъ, и богатствомъ, и громадными сооруженіями, могъ въ преданіяхъ позднѣйшихъ поколѣній принять обликъ древняго бога, но бога враждебнаго свѣтлымъ богамъ, боящагося свѣта и побѣждаемаго свѣтлыми силами. Можетъ быть, подъ игомъ Римлянъ Славяне должны были одно время воздавать почести статуямъ Трояна; можетъ быть, Римляне увѣрили ихъ въ его божественности; можетъ быть, на такой культъ истукана намекаетъ болгарская пѣсня о царѣ Троянѣ, обладателѣ огромныхъ богатствъ: въ 70 водоемахъ течетъ у него золото и серебро, но нѣтъ въ его городѣ воды, потому что змѣй залегалъ источники. Св. Георгій, являясь на конѣ, спасаетъ отъ этого змѣя дочь Трояна и повелѣваетъ ему расплавить серебрянаго бога, которому христіане должны были кланяться въ его городѣ [1]). Такимъ образомъ историческій императоръ Троянъ былъ возведенъ воображеніемъ Дакійскихъ Славянъ въ значеніе какого-то миѳическаго существа, бога. Отсюда ему легко было переселиться въ вѣрованія другихъ Придунайскихъ Славянъ: такъ, въ двухъ *болгарскихъ* памятникахъ [2]) онъ станетъ въ ряду языческихъ боговъ, кото-

[1]) Сл. *Буслаева* Очерки, I, 387: дѣло идетъ собственно о городѣ Троянѣ или Троемѣ и его царѣ.

[2]) *Дриновъ*, Заселеніе Славянами Балканскаго полуострова, 76.

рымъ христіанину не слѣдовало кланяться. Въ Хожденіи Богородицы по мукамъ, извѣстномъ по рукописи XII вѣка, говорится о людяхъ, забывшихъ Бога и обоготворявшихъ тварь: „то они все богы провваша, сл҃нце и мс҃яць, землю и воду, звѣри и гады, то естьнѣе и чл҃вчьска (і)мена та оутрия (?) Трояна, Хърса, Велеса, Пероуна на богы обратиша [1]. Въ Словѣ и откровеніи святыхъ апостолъ [2]) опять говорится о людяхъ невѣрныхъ, впадающихъ въ великую прелесть: „мнѧще богы многы, Пероуна и Хорса, Дыѧ и Троѧна, и иніи мнози, ибо яко то чл҃ци были сѫть старѣйшины: Пероунь въ Элинѣхъ, а Хорсъ въ Кипрѣ, Троѧнь бѧше цр҃ь въ Римѣ, а дроузіе дроугде". Замѣтимъ мимоходомъ, что въ мѣстномъ пріуроченіи боговъ нѣтъ Дыя, можетъ быть, потому, что его слѣдуетъ ближе связать съ Хорсомъ. Сл. въ древне-славянскомъ переводѣ VII слова Григорія Богослова: *Зеусъ и диевъ гробъ* [3]); Хорсъ Дый, какъ бы Διὸς 'Απόλλων?—Сличая оба вышеприведенные отрывка, мы видимъ въ нихъ одно общее обвиненіе противъ боготворенія твари, и въ частности, людей, когда-то жившихъ. Извѣстно, что эвгемеровская гипотеза была принята любовно христіанскими богословами: языческіе боги были въ дѣйствительности смертные люди, лишь впослѣдствіи возведенные на Олимпъ: такъ, Перунъ былъ старѣйшиной у Эллиновъ, Хорсъ въ Кипрѣ, Троянъ—царемъ въ Римѣ [4]). Мы едва ли имѣемъ право придавать послѣднему извѣстію больше значенія, чѣмъ первымъ, то-есть, что въ царѣ Троянѣ Откровенія сохранилась дѣйствительная память о томъ, что славянскій богъ Троянъ развился изъ историческаго императора. Почему бы царю Трояну давать большій смыслъ, чѣмъ старѣйшинѣ Перуну? Я, разумѣется, не отрицаю, что случайное воспоминаніе объ императорѣ Троянѣ могло повліять на наименованіе Трояна Откровенія царемъ, а не старѣйшиной.

Но оставлю пока славянскаго бога Трояна, „враждебнаго свѣтлымъ богамъ, боящагося свѣта и побѣждаемаго свѣтлыми силами" (стр. 101), или же бога свѣтлаго, миѳическій образъ трехсвѣтнаго солн-

---

[1]) См. *Срезневскаго* Древн. памятники русскаго письма и языка, стр. 205. Иначе въ текстѣ у *Тихонравова*, Пам. Отр. русск. лит., II, 23: то естьнѣе и чл҃вчь окамената оутрия.

[2]) Напеч. по рукоп. XVI вѣка, пр. *Тихонравовымъ* въ *Лѣтоп. русск. литер. и древн.*, кн. V, матеріалы, стр. 5—6.

[3]) *Будиловичъ*, XIII Словъ Григорія Богослова, стр. 214, столб. 3.

[4]) Сл. въ болгарской повѣсти о Троянскихъ дѣяніяхъ названіе Юпитера: «Ипитеръ пророкъ»; «волхвъ, его же и пророкомъ нарицахоу».

ца, которому молится Ярославна [1]), и спрашиваю: есть ли въ эпитетахъ Троянь и т. д., находимыхъ въ Словѣ, что-либо отзывающееся миѳомъ о богѣ Троянѣ? Мнѣніе, господствующее теперь въ русской наукѣ и поддерживаемое г. Вс. Миллеромъ, отвѣчаетъ утвердительно. Оно основывается на одномъ остроумномъ сближеніи, предложенномъ впервые Ѳ. И. Буслаевымъ: онъ первый привелъ изъ словаря Вука Караджича сербскую сказку, или вѣрнѣе, легенду, пріуроченную къ развалинамъ Трояна, выше Дворишта, на горѣ Церѣ, раздѣляющей Зворникъ и Шабацъ. Эту легенду онъ поставилъ въ соотношеніе съ загадочными эпитетами Слова. Содержаніе мѣстнаго сказанія слѣдующее: Въ городѣ Троянѣ правилъ король Троянъ, который каждую ночь ѣздилъ въ Срѣмъ къ своей возлюбленной. Ѣздилъ же онъ ночью потому, что днемъ боялся быть растопленнымъ солнцемъ. У любовницы Троянъ оставался до тѣхъ поръ, пока его кони съѣдятъ кормъ, и пока не запоютъ пѣтухи. Однажды мужъ или братъ его любовницы вырвалъ пѣтухамъ языки и насыпалъ конямъ Трояновымъ песку вмѣсто овса. Не слыша пѣнія пѣтуховъ, Троянъ замѣшкался долѣе обыкновеннаго и на возвратномъ пути былъ застигнутъ солнечнымъ восходомъ. Опасаясь быть растопленнымъ, онъ залѣзъ въ стогъ сѣна; но подошли коровы, растрепали стогъ, и солнце растопило Трояна (стр. 102—103) [2]).

Г. Вс. Миллеръ находитъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ двоякое указаніе на этотъ ночной бѣгъ Трояна. Мы видѣли, что рысканье Бояна „въ тропу Трояню" объясняется метафорой, предполагающею въ ея авторѣ знакомство съ Трояновою легендой: съ тою же быстротою, какъ Троянъ... рыщетъ и воображеніе пѣснотворца Бояна (стр. 107—108). Болѣе того: самая легенда перешла нѣкоторыми чертами въ текстъ Слова, только пріуроченная къ другому имени—къ имени Всеслава. Чтобы понять остроумную аргументацію г. Вс. Миллера, необ-

---

1) Сл. *О. Огоновськiй*, Слово о Полку Игоревѣ. Львовъ. 1876, поясн., стр. 39.

2) Ту же легенду слышалъ въ Бессарабіи Гакстгаузенъ (*Haxthausen*, Studien über die inneren Zustände Ruslands, II, 460, прим.). Мѣстнаго пріуроченія нѣтъ: по ту сторону Дуная жилъ царь Троянъ, по сю—царица Belaja kejina (бѣлая княгиня). Троянъ любилъ ее и каждый вечеръ отправлялся къ ней, а домой возвращался до восхода солнца. Захотѣлось царицѣ увидать его днемъ; его конь всегда ржалъ до восхода солнца, подавая знакъ, что пора въ путь; царица распорядилась всыпать ему овса на разсвѣтѣ, и конь не заржалъ. Когда взошло солнце, и конь и всадникъ исчезли ни вѣсть куда. Гакстгаузенъ видитъ въ этой легендѣ варіантъ къ извѣстной сказкѣ объ Амурѣ и Психеѣ.

ходимо привести цѣликомъ соотвѣтствующее мѣсто Слова (сл. текстъ, стр. 174—175). „Унылы голоси, пониче веселіе, трубы трубять Городеньскіи. Ярославе и вси внуце Всеславли! уже понизите стязи свои, вонзите свои мечи вережени, уже бо выскочисте изъ дѣдней славы. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганыя на землю Рускую, на жизнь Всеславлю, которою бо бѣше насиліе отъ земли Половецкыи. [На седьмомъ вѣцѣ Трояни] връже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу. Тъй клюками подпръся о кони и скочи къ граду Кыеву и дотчеся стружіемъ злата стола Кіевьскаго. Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи изъ Бѣлаграда, обѣсися синѣ мьглѣ; утръ же вознзи стрикусы, оттвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу, скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ (описаніе битвы на Немигѣ)... Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомь рыскаше: исъ Кыева дорискаше, до куръ, Тмутороканя; великому Хръсови влъкомь путь прерыскаше. Тому въ Полотьскѣ позвониша заутреню рано у святыя Софеи въ колоколы, а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша".

Слова, поставленныя мною въ скобки, толкуются изслѣдователями въ различной связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ развитіемъ фразы. Гг.Тихонравовъ (читающій: на седьмомъ вѣцѣ Бояни) и Дриновъ (Заселеніе, 78) соединяютъ ихъ съ предыдущимъ: которою бо бѣше насиліе отъ земли Половецкыи на седьмомъ вѣцѣ Трояни. Г. Огоновскій замѣчаетъ, что въ такомъ случаѣ разказъ о Всеславѣ начнется какимъ-то страннымъ ex abrupto: Връже Всеславъ жребій и т. д. Съ этимъ нельзя не согласиться; но мнѣ кажется еще болѣе страннымъ, что такой, въ сущности, невидный разказъ начинается такимъ торжественнымъ, по своей притязательности, вступленіемъ, какъ воспоминаніе о седьмомъ вѣкѣ Трояна—въ какомъ бы, впрочемъ, спеціальномъ смыслѣ мы его ни истолковали. Г. Вс. Миллеръ обходитъ это затрудненіе, предполагая и здѣсь такой же спай, какой онъ выше допустилъ, говоря о тропѣ Троянѣ. Но если когда-либо талантливый авторъ Слова напоминалъ собою бездарныхъ составителей центоновъ, то именно въ томъ, что ему приписывается по поводу загадочнаго седьмаго вѣка. Если мы вѣрно поняли толкованіе г. Вс. Миллера (стр. 104), то эпитетъ *Троянь* стоялъ въ болгарскомъ подлинникѣ; остается неяснымъ, находилось ли при немъ слово *вѣкъ* или *седьмой вѣкъ*, или это псевдо-хронологическое пріуроченіе принадлежитъ автору Слова. Что слѣдовало далѣе при этомъ эпитетѣ? Не разказъ ли о ночной поѣздкѣ Трояна? Вотъ слова г. Вс. Миллера: „Авторъ (Слова) воспользо-

зовался нѣкоторыми чертами Трояна для своего вѣщаго Всеслава, и слѣды подобной спайки, быть можетъ, слѣдуетъ видѣть въ самомъ загадочномъ мѣстѣ Слова, гдѣ говорится о седьмомъ вѣкѣ Трояна въ связи съ Всеславомъ: „на седьмомъ вѣцѣ Трояни връже Всеславъ жребій и дѣвицю себѣ любу" (стр. 104). Въ связи съ этимъ разказъ о Всеславѣ представляется какъ травестія ночнаго Троянова бѣга: тотъ и другой имѣютъ свою любу: Троянъ мчится къ ней ночью въ Срѣмъ, Всеславъ връже жребій о дѣвицю себѣ любу и сжавъ коня шенкелями „скочи къ граду". Троянъ избѣгаетъ солнца (Хорса) и спѣшитъ домой въ городъ Троянъ съ пѣніемъ пѣтуховъ. Всеславъ дорыскиваетъ до куръ до Тмуторакани и великому Хорсу перебѣгаетъ дорогу. Сходство между разказами о Всеславѣ и Троянѣ, какъ видно, не исчерпываетъ существенныхъ сторонъ послѣдняго: нѣтъ страха передъ солнцемъ, окаменѣнія подъ вліяніемъ его лучей; нѣтъ ничего миѳическаго, тѣмъ болѣе, что г. Вс. Миллеръ снялъ съ Всеслава и его волкодлачью натуру, къ которой можно бы привязать миѳическое толкованіе; перерыскиванье Хорса, какъ и рысканье волкомъ,—вѣдь поэтическія метафоры. Затѣмъ остается сходнымъ одно: что Всеславъ и Троянъ ѣздятъ ночью. Что касается любы того и другаго, то представляется страннымъ, что метаніе жребія о милой дѣвицѣ могло быть приравнено къ посѣщенію любовницы какъ ни многое отнесемъ мы на счетъ фигурнаго языка автора Слова. Контекстъ не даетъ повода связывать метанія жребія съ „скочи ко граду" въ томъ смыслѣ, въ какомъ Троянъ посѣщаетъ свою милую въ Срѣмѣ: Всеславъ бросилъ жребій о любимой дѣвицѣ, и пришпоривъ коня, подскочилъ къ городу Кіеву „и дотчеся стружіемъ злата стола Кіевьскаго". Цѣль этого „скочи" была, стало быть, другая. Г. Огоновскій (поясн., 107) дѣлаетъ попытку соединить эту цѣль съ метаніемъ жребія о дѣвицѣ: дѣвица Всеслава для него—Кіевъ; въ старыхъ народныхъ пѣсняхъ городъ, добытый богатыремъ, сравнивается не разъ съ дѣвицею:

Ой як бы, та й бы на Царів город;
Царь ся дивуе, хто то вою̂е,
И міщане ходять, все раду радять
Що тому (паняті) за дари дати.
Вывели же ёму панну в короні [1]).

[1]) *Антоновичъ* и *Драгомановъ*, Истор. пѣсн. Малор. народа, I, 15.

Представленіе города женщиною въ средневѣковой поэзіи не рѣдкость, — только малорусская пѣсня не идетъ къ примѣру. Прочитаемъ ее далѣе:

Він панну узяв, тай подзінькував,
Подзінькував, й шапочку зняв,
Шапочку зняв, ще й поклонився,
І поклонився і *покорився.*

или „спасибі сказав“ [1]). Вмѣстѣ съ панной ему предлагаютъ мису червонныхъ, коня и саблю. „Нельзя не признать“, замѣчаютъ издатели,—„весьма близкаго сродства текста (этихъ) колядокъ съ разказомъ лѣтописи о походѣ Грековъ князя Святослава Игоревича и о посылкѣ ему различныхъ подарковъ греческимъ царемъ и его боярами“ [2]).

Какъ бы ни истолковали мы загадочное „връже... жребій“, все остальное въ разказѣ о Всеславѣ такъ близко отвѣчаетъ фактамъ его исторической біографіи, что сближеніе его съ легендой о Троянѣ является дѣломъ совершенно ненужнымъ. Проф. Тихонравовъ такъ комментируетъ слова: Всеславъ дотчеся... до Немизи: „Событія жизни Всеслава упомянуты здѣсь не въ хронологической послѣдовательности. Внукъ Изяслава Полоцкаго, Всеславъ ненавидѣлъ внуковъ Ярослава. Въ 1067 году Всеславъ пришелъ въ волости Ярославовыхъ дѣтей и взялъ *Новгородъ* „съ женами и съ дѣтьми, и колокола съима у святыя Софіи. О велика бяше бѣда въ часъ тыи! (восклицаетъ новгородскій лѣтописецъ) и понекадила съима“. Потомъ, отворивши врата Новагорода, Всеславъ, по выраженію Слова о Полку Игоревѣ, расшибъ славу Ярослава. Но торжество Полоцкаго князя было непродолжительно. Ярославичи (Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ) пошли на Всеслава. „И совокупишася обои на Немизѣ (Нѣманъ по объясненію Соловьева и Тихонравова; Немиза, одинъ изъ притоковъ Свислочи у *Огоновскаго*, Поясн., 109; въ Минской губерніи, по *Кунику*) и бяше снѣгъ великъ, поидоша противу собѣ; и бысть сѣча зла, и мнози падоша, и одолѣша Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, Всеславъ же бѣжа“. Ярославичи обманомъ заманили къ себѣ Всеслава и заперли его въ кіевской темницѣ. Въ 1068 году Ярославичи были разбиты Половцами; Изяславъ, прибѣжавшій въ Кіевъ, отказался вновь вести Кіевлянъ противъ Полов-

---

[1]) Тамъ же, стр. 17.
[2]) Тамъ же, стр. 21.

цевъ; тогда народъ освободилъ Всеслава изъ темницы и посадилъ его *на столѣ кіевскомъ* („дотчеся строужиємь злата стола кыевскаго“ (Сл. зам. *Огоновскаго*, Поясн., стр. 108). Но Изяславъ вскорѣ возвратился съ помощью изъ Польши. Всеславъ вышелъ ему на встрѣчу къ *Бѣлгороду*; но онъ видѣлъ, что ему нельзя было одолѣть противниковъ и „бывшей ночи, утаися Кіянъ и бѣжа изъ Бѣлагорода къ Полоцку“. Всѣ эти подробности повторяются, въ иномъ порядкѣ, и въ поэтической біографіи Всеслава. Если вѣрно мнѣніе Карамзина (*Огоновск.*, Поясн., стр. 109), что Дудутки — мѣстечко близъ Новгорода, гдѣ и теперь стоитъ монастырь „на Дудуткахъ“, то поэтическій безпорядокъ Слова, въ сравненіи съ исторіей, представится еще рельефнѣе: Всеславъ сначала въ Кіевѣ, потомъ бѣжитъ ночью въ Бѣлградъ; потомъ онъ въ Новгородѣ; съ Дудутокъ, близъ Новгорода, онъ является въ Немизѣ. Можетъ быть, авторъ Слова пользовался біографіей Всеслава, какъ матеріалами для характеристики дѣятельнаго, безпокойнаго князя, умнаго, но не удачливаго; до исторической послѣдовательности ему было мало дѣла. Я не говорю о другой возможности, что въ рукописи легко было невнимательному писцу перескочить глазомъ съ одной строки на другую и затѣмъ вспомнить пропускъ позднѣе, хотя и не у мѣста. Я просто попытался допустить эту возможность для себя, возстановляя послѣдовательность исторіи выраженіями автора Слова. Я вообразилъ себѣ такой, напримѣръ, текстъ:

„Връже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу: тъй клюками подпръся о кони [и скочи къ Новуграду?], отвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу. скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ“. Слѣдуетъ поэтическій эпизодъ о битвѣ, прерывающій связь разказа (до: костьми русскихъ сыновъ). И скочи ко граду Кыеву и дотчеся стружіемъ злата стола Кіевьскаго; скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи изъ Бѣлаграда, обѣсися синѣ мьглѣ (то-есть, скрылся во тмѣ ночи), утръ же воззни стрикусы (то-есть, снова былъ на конѣ? О стрикусахъ см. *В. Миллера*, стр. 233—234). Всеславъ овладѣлъ городомъ, столомъ Кіевскимъ, темною ночью скрылся съ быстротой волка изъ Бѣлграда. Авторъ въ связи съ этимъ объясняетъ частный случай общимъ замѣчаніемъ: „Всеславъ князь людямъ судяше, княземъ *грады рядяше*, а самъ *въ ночь влъкомъ рыскаше*“. Его быстрота изумительна: онъ „изъ Кіева дорыскаше до куръ Тмуторокания, великому Хорсови путь прерыскаше. Тому въ Полотьскѣ позвониша заутреню рано у святыя Софеи въ колоколы, а онъ въ Кыевѣ звонъ

слыша", то-есть, онъ пускался въ путь, когда звонили въ Полоцкѣ къ заутрени, и еще продолжали звонить, когда онъ былъ уже въ Кіевѣ. Послѣднія двѣ фразы ничто иное, какъ поэтическая метафора.

Можно представить себѣ дѣло такимъ образомъ: переписчикъ дойдя до словъ „подпръся о кони" перескочилъ къ словамъ: „и скочи ко граду Кыеву"; конь и „скочи" такъ гармонировали, что онъ продолжалъ писать, не замѣчая пропуска. Дойдя до словъ „воззни стрикусы", загадочныхъ и для насъ, попорченныхъ, быть можетъ, уже въ древнемъ текстѣ, онъ перечитываетъ переписанное, и замѣтивъ пропускъ, вписываетъ его (отвори—сыновъ) послѣ слова „стрикусы", быть можетъ, возстановляя себѣ связь между этимъ словомъ и слѣдующими „вратами Новгорода", какъ и теперь еще „воззни стрикусы" толкуютъ: ударилъ, загремѣлъ таранами, то-есть, въ стѣны (*Оѳоновскаго*, Поясн., стр. 108); либо *вонзилъ* ихъ, если, принявъ одно изъ исправленій г. Вс. Миллера (стр. 233: вонзи), остаться при прежнемъ толкованіи стрикуса—тараномъ.

Но я перейду къ буквѣ Слова, чтобы не удариться, въ свою очередь, въ область предположеній, и поставлю вопросъ: въ разказѣ о Всеславѣ онъ рыщетъ дважды: изъ Бѣлгорода ночью лютымъ звѣремъ (въ Полоцкъ); изъ Кіева до пѣтуховъ къ Тмуторокани. Какая изъ этихъ поѣздокъ воспроизводитъ Троянову?

На мой взглядъ, къ подобному сопоставленію ничто не ведетъ и ничто его не вызываетъ. Съ одной стороны, являются поѣздки Всеслава, либо историческія, либо обобщенныя метафорическими оборотами, напоминающими миѳологію Трояна, но не тожественными съ нею; съ другой — мы въ правѣ были ожидать, что *упоминаніе* Трояновой тропы, если принять толкованіе ея г. Вс. Миллеромъ, вызоветъ и русскую *перелицовку* южно-славянской легенды; а между тѣмъ то и другое далеко раздѣлено въ Словѣ, и единственное обстоятельство, напоминающее въ разказѣ о Всеславѣ имя Трояна, это—загадочное сосѣдство „седьмаго вѣка Трояна".

Что такое этотъ седьмой вѣкъ Трояна? Г. Вс. Миллеръ (стр. 105) отказывается найдти въ этомъ выраженіи какой-бы то ни было смыслъ. „Сколько бы мы ни гадали, намъ не разгадать этой загадки, и можно положительно сказать, что авторъ Слова зналъ объ этомъ не больше нашего. Онъ просто перенесъ въ свое произведеніе это выраженіе своего источника, *не понявъ его*, и быть можетъ, даже исказивъ. Эпическое число *семь* показываетъ, что мы не прійдемъ ни къ какому результату, дѣлая математическія выкладки, отъ какого времени слѣ-

дуетъ считать этотъ седьмой вѣкъ". Едва ли можно сомнѣваться, что значеніе числа *семи* въ данномъ случаѣ чисто эпическое; но что же такое Трояновъ вѣкъ и упоминаемые въ другомъ мѣстѣ „вѣчи Трояни"? Этими словами начинается поэтическая вставка въ разказѣ о битвѣ съ Половцами: „Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля, были плъци Олговы". Олегъ мечомъ крамолу ковалъ, народъ гибнулъ въ княжихъ усобицахъ. „То было въ ты рати и въ ты плъки — а сицеи рати не слышано" — и разказъ о битвѣ, прерванный этимъ общимъ мѣстомъ, продолжается. Реторическая связь этого эпизода съ изложеніемъ битвы на Каялѣ состоитъ въ противоположеніи старыхъ ратей — новой; быть можетъ, и невѣрное (въ историческомъ смыслѣ) упоминаніе Каялы, откуда Святополкъ „повелѣ яти" [1]) тѣло отца своего, назначено освѣжить въ насъ память о настоящемъ сюжетѣ Слова, отъ котораго оно отвлеклось въ сторону. Если согласиться, что главная идея разбираемаго эпизода есть реторическое противопоставленіе старыхъ и новыхъ, болѣе ужасныхъ ратей, то вступленіе о вѣкахъ Трояновыхъ и лѣтахъ Ярославлихъ представится намъ какъ чисто поэтическое, въ которомъ не слѣдуетъ искать особаго смысла. Можно допустить, что авторъ играетъ противоположеніями и къ существенному, указанному выше, присоединяетъ новое: старымъ и новымъ ратямъ противопоставляетъ мирные вѣка и годы Трояна и Ярослава. Если возможно такое толкованіе, то нельзя не согласиться, что оно вноситъ въ контекстъ Слова излишне искусственный оборотъ: въ разказѣ о битвѣ какъ-то странно начинать эпизодическую вставку воспоминаніемъ о мирѣ, когда самая суть эпизода состоитъ въ разказѣ о браняхъ. Я понимаю это мѣсто такъ: Были невзгоды и въ вѣкахъ Трояниxъ, и въ лѣта Ярославля и Олега Святославича, но такой, какъ теперь, рати не бывало. По толкованію г. Огоновскаго, (Поясн., 60 и 107) вѣка Трояна именно счастливые; правда, онъ понимаетъ подъ Трояномъ солнечнаго бога, поражавшаго демоновъ тьмы. Для г. Вс. Миллера онъ — существо темное, выработанное суевѣріемъ славянской Дакіи изъ историческаго императора. Надо полагать, что упоминаніе о Трояновыхъ вѣкахъ относится болѣе къ историческому дѣятелю, чѣмъ къ мрачному всаднику славянскаго преданія; иначе дѣло не мыслимо. Теперь спрашивается: былъ ли вѣкъ Трояна счастливымъ вѣкомъ для Славянъ? Или, устраняя

---

[1]) Такъ исправляетъ текстъ г. Вс. Миллеръ, стр. 207; сл. *Огоновскаго*, Поясн., 65.

толкованіе г. Огоновскаго, можно ли представить себѣ, что сильное впечатлѣніе, произведенное на Дакійскихъ Славянъ столкновеніемъ ихъ съ Трояномъ, дало такой осадокъ въ ихъ памяти, что они стали говорить о „Трояновомъ вѣкѣ“ или даже вѣкахъ? Наконецъ, какъ уяснить себѣ міросозерцаніе болгарскаго книжника, говорящаго и о Трояновыхъ вѣкахъ—что̀ понятно лишь при трезвомъ историческомъ ихъ пониманіи,—и о рысканіи по легендарной „Трояновой тропѣ“? Я говорю о болгарскомъ книжникѣ, потому что на этотъ разъ прійдется допустить, что принадлежатъ ему указанія на Трояна и что онъ не нашелъ ихъ въ оригиналѣ своего Византійца, не имѣвшаго особаго повода поминать Трояна. Что касается автора Слова, то гипотеза г. Миллера указала ему его роль въ переходѣ Трояновыхъ вѣковъ изъ болгарской книги въ русскую: онъ плохо понималъ, что̀ такое эти вѣка; онъ помѣстилъ ихъ въ свой текстъ, какъ бы для того чтобы руководить насъ въ отысканіи тѣхъ спаевъ, гдѣ сквозятъ слѣды его литературнаго плагіата. „Вѣчи Трояни“—такой же слѣдъ спая, какъ и седьмой вѣкъ Трояновъ, о которомъ была рѣчь.

Мнѣ остается сказать еще объ одномъ спаѣ—въ описаніи той же битвы на Каялѣ: Половцы побѣдили, Игорь съ братомъ попадаютъ въ плѣнъ. Вся природа сочувствуетъ бѣдствію; авторъ говоритъ отъ себя: „Уже бо, братіе, невеселая година въстала; уже пустыни силу прикрыла. Въстала обида въ силахъ Дажьбожа внука, вступила дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крылы на синѣмъ морѣ у Дону плещучи“. Битва происходитъ на Каялѣ, впадающей въ Донъ (нынѣ Кагальникъ); Обида плещется у Дона на синемъ морѣ, то-есть, на Азовскомъ или Сурожскомъ; здѣсь и земля Трояна. Какая это земля Трояна на Дону? Ее, разумѣется, никогда не было; мы дошли до спая: авторъ нашелъ ее, какъ и многое другое, въ своемъ источникѣ: „Если онъ въ поясненіе земли Трояновой прибавилъ отъ себя „у Дону“, то поступилъ въ этомъ случаѣ также, какъ въ другихъ подобныхъ, и мы, конечно, не станемъ искать этой сказочной земли около устья Дона въ Азовское море“ (стр. 98). Надо сознаться, что, перенося въ свое Слово подробности болгарскаго памятника, авторъ особенно заинтересовался Трояномъ и всякій разъ несчастливо: упомянувъ Троянову тропу, онъ воспользовался соотвѣтствующею легендой въ другомъ мѣстѣ, заставивъ насъ, да вѣроятно—и современниковъ, спрашивать себя, почему седьмой вѣкъ Трояна важенъ для біографіи Всеслава? Въ другой разъ Трояновы вѣка поставлены о бокъ съ Ярославовыми; наконецъ, Троянова земля попала

на Донъ. Все это изъ какой-то платонической привязанности къ *эпитету* „Троянь". Талантливому автору Слова какъ-то не къ лицу обвиненіе въ столь безталанныхъ сваяхъ. Если гипотеза о зависимости Слова отъ одного какого-нибудь болгарскаго оригинала можетъ вообще возбудить сомнѣніе, то исторія эпитета *Троянь* должна возбудить ихъ наиболѣе.

То, что̀ я выставляю противъ Трояновской гипотезы, было высказано мною въ немногихъ словахъ во вступительной рѣчи къ моему докторскому диспуту. Обставить эту гипотезу болѣе вѣскими доказательствами я не могу, но въ вопросахъ, подымаемыхъ Словомъ, многое еще остается во мракѣ, и предположенія должны очистить путь къ свѣту.

Прилагательное притяжательное Троянь предполагаетъ сущ. Троянъ, то-есть, какъ думаютъ обыкновенно, Trajanus; царство Трояне =regnum Trojani въ Прологѣ 1400 г. (Палеограф. Снимки еп. *Саввы*, № 34). Отъ „Троя" возможны лишь формы: Тройскъ, Троянськый; Троянинъ мн. Трояне. Аналогіи: крьстиянъ, χριστιανός, christianus, поганъ, paganus, ведутъ меня къ предположенію формы Троянъ = trojanus, принятой въ значеніи эпонимическомъ, напримѣръ, въ такихъ выраженіяхъ какъ poeta, heros, liber trajanus и т. п., и затѣмъ обобщенномъ въ собственное имя [1]), отъ котораго уже можно вывести прилаг. троянь. Вѣки Трояни были бы вѣками „Трояна", Троянскихъ дѣяній, повѣсти о которыхъ хорошо были извѣстны и на византійско-славянскомъ югѣ, и на западѣ; пѣснотворецъ Троянь, если предположить такое сочетаніе, былъ бы поэтомъ троянской славы, троянскихъ дѣятелей. Источникомъ разсказовъ о Троянскихъ дѣяніяхъ было для среднихъ вѣковъ короткое изложеніе ихъ у такъ называемыхъ Диктиса и Дарета. Текстъ перваго сохранился лишь въ латинскомъ пересказѣ, но существованіе его греческаго оригинала несомнѣнно; его цитуютъ Сиріанъ, Свида, Евдокія и анонимъ Аллація; имъ пользовались Малала и Кедринъ, Исаакъ Порфирородный и Тцетцесъ; въ Византіи онъ долженъ былъ быть популярнымъ: онъ называетъ себя Грекомъ съ острова Крита, сопровождавшимъ подъ стѣны

---

[1]) Въ одной юридической компиляціи XII вѣка, въ главѣ, надписанной Origo Francorum, сообщается генеалогическая замѣтка: Frigius... quidam cognatam Priami regis accepit, unde fuit Trofimus qui genuit Cassandram, Cassandra Ascanium, Ascanius Ilium, Ilius Frigium, Frigius Francum et Bassum, unde et Franci appellati sunt. См. *G. Paris*, Historia Daretis Frigii de origine Francorum въ *Romania*, X, 136. Я склоненъ видѣть въ непонятномъ Trofimus описку вмѣсто Troianus.

Трои Идоменея; онъ возвеличиваетъ греческихъ героевъ передъ варварами Троянцами, которые ругаются надъ трупами враговъ, тогда какъ, напримѣръ, Греки обходятся почтительно съ женами побѣжденныхъ. Другое дѣло—Даретъ: онъ—Троянецъ родомъ, сражавшійся противъ Грековъ и оставшійся въ Троѣ послѣ взятія города, вмѣстѣ съ партіей Антенора; освѣщеніе эпическаго разказа выходитъ у него противоположное Диктису. Онъ, въ извѣстномъ смыслѣ, пѣснотворецъ Троянъ. Не касаясь вопроса, въ какомъ отношеніи стоитъ единственно извѣстный нынѣ латинскій текстъ его повѣсти къ греческому его подлиннику, о которомъ говоритъ ея авторъ, замѣчу только, что какъ Диктисъ долженъ былъ прійдтись по сердцу Византійцамъ, такъ Даретъ Троянецъ сталъ главнымъ источникомъ западныхъ троянскихъ повѣстей. Особыя причины поддерживали его популярность. Извѣстно, что литературная басня о троянскомъ происхожденіи ново-европейскихъ народностей имѣла въ средніе вѣка довольно широкое распространеніе. Поддерживалась она самолюбивымъ желаніемъ пристроиться къ культурнымъ преданіямъ Рима, восходившимъ къ Энею и Троѣ; воспиталась, быть можетъ, и сознаніемъ противоположности Византійцевъ и Романцевъ, встрѣчавшихся когда-то враждебно, какъ Греки и Трояне. Византійцы, съ своей стороны, могли разработывать то же литературно-историческое преданіе, усматривая въ народахъ варварахъ, съ которыми имъ приходилось вести борьбу, отъ которыхъ имъ грозила опасность, потомковъ варваровъ Троянцевъ [1]). Я полагаю, что извѣстіе о троянскомъ происхожденіи Франковъ, въ родѣ Фредегарова, покоится на византійскихъ представленіяхъ и, можетъ быть, на византійскомъ источникѣ: Франки, городъ Сикамбрія въ Панноніи, поселеніе на Рейнѣ и т. п. обличаютъ руку западнаго пересказчика; но зачѣмъ было ему придумывать (Царнке, Лютгенъ) долгія блужданія Троянцевъ въ Македонію и на Дунай? Вѣрнѣе предположить, что все это находилось уже въ какой-нибудь византійской исторической сказкѣ, которую какой-то интерполяторъ внесъ въ латинскій переводъ хроники Евсевія, сдѣланный Іеронимомъ. Оттуда она попала и въ извлеченія изъ хроники, приписанныя такъ называемому Фредегару Схоластику (послѣ 658 г.), который воспользовался

---

[1]) Въ этомъ отношеніи интересна надпись надъ миніатюрой на л. 63 ватинской рукописи, содержащей въ себѣ болгарскую повѣсть о троянскихъ дѣяніяхъ; надъ конными воинами надпись: *саракине рать Троа града* (*Востоковъ*, Оп. русск. и слав. ркп. Рум. муз., стр. 388).

ею и въ другой разъ, внеся ее въ существенно тѣхъ же чертахъ, но въ болѣе краткой и обработанной формѣ, въ свои эксцерпты изъ лѣтописи Григорія Турскаго. Въ слѣдующей передачѣ я соединилъ обѣ редакціи.

Первымъ королемъ Франковъ былъ Пріамъ; при немъ, по взятіи Трои, Троянскій народъ выселился изъ города. При королѣ Фригѣ часть Троянъ переселилась въ Европу, отвѣчая призыву Македонскаго короля, котораго тѣснили сосѣди. Въ благодарность за оказанныя услуги они получили осѣдлость въ Македоніи, и еще подвиги Филиппа и Александра Великаго продолжали служить свидѣтельствомъ о древнихъ доблестяхъ Троянъ, смѣшавшихся съ Македонянами. Между тѣмъ главная часть Троянскаго народа, назвавшаяся, по имени короля, Фригійцами, потянулась по Азіи и сѣла, наконецъ, на берегу Дуная. Здѣсь они снова раздѣлились. Одна часть пошла подъ предводительствомъ короля Francio въ страну между Рейномъ и Океаномъ и назвалась Франками; другая осталась на берегахъ Дуная между Ѳракіей и Океаномъ и получила, отъ имени короля Turchot или Torquot, названіе Turci или Torqui [1]).

Замѣтимъ во второмъ пересказѣ Фредегара, внесенномъ въ извлеченіе изъ Григорія Турскаго, новую подробность: Франки, прибывшіе на Рейнъ, принялись строить, не далеко отъ рѣки, „civitatem ad instar Trojae nominis". Это, очевидно, книжный домыслъ Фредегара: colonia Trajana на Рейнѣ истолкована троянскою колоніей въ связи съ троянскимъ происхожденіемъ Франковъ.

Нѣсколько иначе передаетъ ту же легенду анонимный составитель „Gesta regum Francorum", около 725 года: Въ Троѣ царствовалъ Эней; по взятіи города Греками, онъ бѣжалъ въ Италію; въ то же время Пріамъ и Антеноръ съ 12 тысячами человѣкъ, оставшихся въ живыхъ отъ пораженія, способныхъ носить оружіе, на корабляхъ отправились къ берегамъ Дона и по Азовскому морю прибыли въ сосѣднюю Паннонію, гдѣ ими построенъ городъ Сикамбрія. Когда Алане возстали противъ императора Валентиніана, и перешедши Дунай, искали спасенія у Азовскаго моря, императоръ обѣщалъ освободить отъ податей тѣхъ, кто выслѣдитъ ихъ и побѣдитъ. Трояне

---

[1]) Tertiam ex eadem origine gentem Torcorum fuisse fama confirmat: ut cum Franci Asiam pervagantes pluribus praeliis transissent, ingredientes Europam, super litore Danuvii fluminis inter Oceanum et Thraciam una ex eis ibidem pars resedit. Electum a se utique regem, nomen Torquoto, per quod gens Turcorum nomen accepit.

побѣждаютъ враговъ, отчего и названы Франками, feros, за ихъ храбрость. Когда впослѣдствіи явился къ нимъ, не смотря на дарованную льготу, сборщикъ податей, Франки обращаютъ въ бѣгство императорскаго полководца, теряютъ въ битвѣ короля своего Пріама [1]), и не видя возможности противостоять Римлянамъ, выселяются изъ своихъ осѣдлостей въ области Рейна [2]).

Дальнѣйшее развитіе франко-троянскаго повѣрья въ Европѣ завело бы меня слишкомъ далеко. Остановлюсь на одномъ эпизодѣ. Въ X вѣкѣ одинъ изъ выдающихся героевъ народной германской саги, Hagen, названъ троянороднымъ: Hagano veniens de germine Troie; онъ—служилый человѣкъ паннонскаго Аттилы, прежде чѣмъ перейдти въ легенду о Нибелунгахъ. Въ XI вѣкѣ встрѣчаются для Santen'a, города на нижнемъ Рейнѣ, названія: Troia Francorum, Sancta Troia, Troia quod et Santum dicitur; его пріурочиваютъ къ мѣсту легендарнаго троянскаго сооруженія. Позднѣе названія Hagen von Troyen, von Troy чередуются съ другими: Hagen von Tronje, Tronege; тѣ и другія несомнѣнно тожественны. Гагенъ въ нѣмец-

---

[1]) Съ этимъ воинственнымъ Пріамомъ сл. выраженіе Дарета: ex utraque parte multi ductores occiduntur, sed plures a Priamo. Въ полномъ, нынѣ утраченномъ, текстѣ Дарета, эта воинственная (не гомеровская) роль Пріама могла быть поставлена рельефнѣе.

[2]) Est autem in Asia oppidum Trojanorum, ubi est civitas quae Ilium dicitur, ubi regnavit Aeneas..... Surrexerunt autem reges Graecorum adversus Aeneam cum multo exercitu, pugnaveruntque contra eum caede magna, obruiturque illic multus populus Trojanorum. Fugit itaque Aeneas et reclusit se in civitate Ilium, pugnaveruntque adversus hanc civitatem annis decem. Ipsa enim civitate subacta, fugit Aeneas tyrannus in Italia locare gentes ad pugnandum. Alii quoque ex principibus, Priamus videlicet et Antenor, cum reliquo exercitu Trojanorum, duodecim millia intrantes in navibus, abscesserunt et venerunt usque ripas Tanais fluminis. Ingressi Maeotidas paludes, navigantes pervenerunt intra terminos Pannoniarum juxta Maeotidas paludes et coeperunt aedificare civitatem ob memoriale eorum, appellaveruntque eam Sicambriam. Habitaveruntque illic annis multis, creveruntque in gentem magnam.—Eo itidem tempore gens Alanorum prava ac pessima rebellaverunt contra Valentinianum imperatorem Romanorum ac gentium. Tunc ille exercitum movit, hostem magnum de Roma contra eos perrexit, pugnam iniit superavitque eos atque devicit. Illi itaque caesi super Danubium fluvium fugerunt et intraverunt in Maeotidas paludes. Dixit autem imperator: Quincunque potuerit introire in paludes istas et gentem illam pravam ejecerit, concedam eis tributa donaria annis decem. Tunc congregati Trojani fecerunt insidias sicut erant edocti ac cogniti: et ingressi in Maeotidas paludes cum alio populo Romanorum ejecerunt inde Alanos percusseruntque eosin ore gladii. Tunc appellavit eos Valentinianus imperator Francos, Attica lingua, hoc est feros, a duricia vel audacia cordis eorum и т. д.

кихъ поэмахъ—злобный демоническій герой; Тидрекъ-сага, почерпавшая изъ тѣхъ же нѣмецкихъ источниковъ, даетъ ему въ отцы темнаго эльфа; онъ и самъ пугается своего зловѣщаго вида. Я не знаю, въ какихъ отношеніяхъ стоитъ къ этому типу Гагена наименованіе его: изъ Трои. Замѣчу во всякомъ случаѣ средневѣковое повѣрье о Троѣ, какъ городѣ запустѣломъ, оставленномъ Богомъ, жилищѣ гадовъ и демоновъ: „Таможъ было превеликое Троянское царство; зломерзкогожъ ради волхвованія разорися попущеніемъ божія чудодѣйства и въ конечную гибель осуждено, яко отнюдь тамо нѣсть жилища человѣкомъ, но дивіе звѣріе и зміевѣ тамо помираютъ" [1])

Кто пожелалъ бы вернуться отъ этого Гагена-Трояна къ Трояну болгарскихъ сказаній, тотъ нашелъ бы въ послѣднемъ натуру ночнаго эльфа. Г. Буслаевъ недаромъ сравниваетъ съ легендой о его поѣздкѣ то, что пѣсня древней Эдды разказываетъ объ карликѣ Alvis: то же блужданіе ночью и такое же мертвящее дѣйствіе солнца (Очерки, I, 387). Какъ нѣмецкіе эльфы, Троянъ обладаетъ несмѣтными сокровищами; такъ, въ болгарской пѣснѣ о жителяхъ города Трояна или Троема, о которомъ была рѣчь выше: они не вѣруютъ въ Інсуса Христа, а вѣруютъ въ золото и серебро. Богъ наказалъ ихъ за это: вмѣсто воды въ ихъ водоемахъ протекло жженое золото и чистое серебро; и всякую утварь подѣлали себѣ жители изъ золота и серебра и на себѣ, и на коняхъ; всѣ нарядились въ золото и серебро; только не было у нихъ воды, нечего было имъ пить [2]). Тутъ-то является спаситель св. Георгій.

Сходство этой пѣсни съ разказомъ о Мидасѣ, все обращавшемъ въ золото, къ чему онъ ни прикасался, тѣмъ интереснѣе, что сербская сказка о Троянѣ и его козьихъ ушахъ является параллельно къ такому же преданію объ ослиныхъ ушахъ Фригійскаго царя, на что указалъ и профессоръ Буслаевъ (ib., 386). Замѣчу, что болгарская пѣсня записана въ Македоніи, гдѣ издревле пріуроченъ былъ разказъ о розовомъ цвѣтникѣ у Бермія, въ которомъ Мидасъ опоилъ Силена (Herod., VIII, 138) — разказъ, извѣстный и на родинѣ

---

[1]) *Тихонравовъ* въ *Лѣт. русск. лит. и древ.*, т. I: Луцидаріусъ, вставка въ позднемъ спискѣ за слѣдующими словами древняго: Таможе близъ прилежитъ Фригія идѣже стоитъ великій градъ Троадь. См. стр. 50 и 40, прим. 2. Сл. характеристику Трояна города и Троянскаго царства въ болгарскихъ пѣсняхъ.

[2]) Очерки I 389 и *Миладиновцы*, Булг. народ. пѣсни: Свети Георги, стр. 28—32, и стр. 38—41.

Мидаса, во Фригіи (Paus., I, 4, 5), и вѣроятно, переселившійся отсюда вмѣстѣ съ Фригійскимъ населеніемъ въ Македонію [1]).

Но я оставлю Трояна-Мидаса, равно какъ и вопросъ объ источникахъ Фредегарова повѣствованія, также говорящаго о переселеніи Троянь-Фригійцевъ въ Македонію. Легендарный Троянъ какъ-то не укладывается въ мое пониманіе Слова о Полку Игоревѣ; Фригійцы-Трояне въ Македоніи мнѣ не важны въ данномъ случаѣ.

Обращусь къ другимъ подробностямъ Фредегара и анонимнаго списателя Gesta Francorum: первый находитъ Троянцевъ-Торковъ или Турковъ на берегахъ Дуная; послѣдній заставляетъ ихъ пребывать нѣкоторое время у устьевъ Дона. Торки-Турки перваго свидѣтельства названы такъ по имени своего короля Turchot или Turquot-который является такимъ же эпонимомъ, какъ предположенный нами Троянъ [2]). О Туркахъ Византійцы услышали не раньше 562 года; въ 576 Туркскій хаганъ Турксантъ осаждалъ Керчь и Херсонь. Подъ донскими и дунайскими Торками-Троянами разумѣются азовскіе Тюрки, родственные дунайскимъ Хагано-Болгарамъ; разбросаннымъ остаткомъ этой нѣкогда значительной Тюркской орды, по видимому, были также Торки или Торцы, которые подъ этимъ названіемъ часто являются въ русскихъ лѣтописяхъ со времени Владиміра Великаго и въ походахъ великихъ князей нерѣдко составляли ихъ конницу [3]). Въ Словѣ они являются въ формѣ *тлъковины:* „Сыпахуть ми тъщими тулы поганыхъ Тлъковинъ", то-есть, Торковъ. Въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 907 г. они находятся въ войскѣ Олега: „Поя же множество Варягъ, и Словенъ, и Чюдь, и Кривичи, и Мерю, и Деревляны, и Радимичи, и Поляны, и Сѣверы, и Вятичи, и Харваты, и Дулѣбы, и *Тиверци, яже суть Толковины*: си [вси] звахуся отъ Грекъ Великая Скуѳь" [4]).

---

[1]) Сл. между прочимъ мой отчетъ о книгѣ *Роде* въ *Ж. М. Н. Пр.* 1876 г., № 12.

[2]) Turci, Torci (a Torquoto) несомнѣнно сближены были съ Teucri, какъ Frigii съ Phryges Виргилія; тѣ и другіе являются у него въ значеніи Троянцевъ.

[3]) См. замѣтку ак. *Куника*, въ Каспіи ак. *Дорна*, стр. 386, прим.

[4]) О Тиверцахъ Повѣсть временныхъ лѣтъ говоритъ четыре раза: Тиверцы и Лутичи (Улучи) «*сѣдяху по Днѣстру и по Бугу,* присѣдаху къ Дунаеви; бѣ множество ихъ, сѣдяху бо по Днѣстру оли до моря, и суть гради ихъ и до сего дне, да то ся зваху отъ Грекъ Великая Скуѳь».—Въ 885 г. Олегъ «имяше рать» съ ними; въ 907 г. они поминаются въ войскѣ Олега, въ 944 г. въ войскѣ Игоря. Послѣ этого года они исчезаютъ изъ исторіи. Вѣроятно, наплывъ кочевниковъ заставилъ ихъ отодвинуться *вверхъ по Днѣстру и сѣвернымъ Дунайскимъ притокамъ* (*Барсовъ*, Географія начальной лѣтописи, стр. 87); появленіе Половцевъ

Авторъ Слова, знавшій объ Азовскихъ Готахъ („готскыя красныя дѣвы"), зналъ и объ Азовскихъ Тюркахъ; надо предположить, что ему извѣстна была какая-нибудь историческая сказка въ родѣ той, которую пріурочили къ своимъ Франкамъ Фредегаръ и Gesta Francorum; тогда понятно будетъ, почему земля Тюрковъ Торхота на Дону явилась у него землей Троянскою. Память о Троянской землѣ на Дону—если понимать её въ моемъ смыслѣ—трудно представить себѣ у болгарскаго книжника. Если такъ, то и за упоминаніемъ вѣковъ и неопредѣленнаго эпическаго седьмаго вѣка Трояна не зачѣмъ было автору Слова обращаться къ тому же источнику. Если Троянова земля могла у него явиться вслѣдствіе самостоятельнаго знакомства съ какимъ-нибудь средневѣковымъ троянскимъ сказаніемъ, то оттуда же вытекло общее мѣсто о трояновыхъ вѣкахъ, понимать-ли его въ болѣе широкомъ смыслѣ троянскихъ событій, или въ болѣе спеціальномъ и мѣстномъ, пріурочившемъ Троянъ-Торковъ на Дону.

Предположимъ по прежнему, что типъ вѣщаго пѣвца Бояна встрѣченъ авторомъ въ томъ же самомъ болгарскомъ памятникѣ. Онъ увлекся образомъ пѣвца-художника, бряцающаго на струнахъ, чуткаго къ славѣ прошлаго и настоящаго; и здѣсь легко представить себѣ по аналогіи, что „тропа Трояна" подсказана Бояну авторомъ Слова. Онъ говоритъ ему: какъ бы ты воспѣлъ подвиги Игоря, свивая славы (вм. славію) оба полы сего времени, „рища въ тропоу Трояню черезъ поля на горы?" Ты воспѣлъ бы такую пѣснь: „Игореви, того внуку: Не боуря соколы" и т. д. Противополагаются обѣ полы сего времени, которыя надо свить: поэтъ соединилъ бы воображеніемъ „рища въ тропу Трояню", древніе подвиги съ разказомъ о

на западѣ отъ Днѣстра въ XI в. нанесло сильный ударъ ихъ кочевымъ предшественникамъ, Торкамъ, Берендѣямъ, Коуямъ, часть которыхъ предпочла власть Русскихъ князей подчиненію Половцамъ. Занимая все Поросье и *верхи Побужья*, они мало по малу привыкли къ осѣдлости и къ городской жизни, и въ ихъ городахъ, замыкавшихъ Кіевское княжество съ юга, русское населеніе получило твердый оплотъ со стороны степей (l. c., стр. 117—118). Такимъ образомъ Торки оказываются въ XI в. сидящими на старыхъ осѣдлостяхъ Тиверцевъ; это можетъ отчасти объяснить названіе ихъ, заднимъ числомъ, *толковинами* (толковинъ, торховинъ=Торкъ; сл. Жидовинъ). Эпитетъ поганыхъ тльковинъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ отвѣчаетъ такому же названію Торковъ въ лѣтописи: поганые (1060 г.), Торкы проклятыя (1125 г.) Если Тиверцы=Тавры, какъ думаютъ нѣкоторые изслѣдователи, то отожествленіе ихъ съ толковинами можетъ имѣть и нѣсколько иное значеніе. Проф. Васильевскій сообщилъ мнѣ лично свое особое мнѣніе о лѣтописныхъ Тиверцахъ, которое онъ, вѣроятно, поспѣшитъ изложить въ печати.

новыхъ: память о Троянѣ на Дону съ разказомъ объ Игорѣ, которому любо „испити шеломомъ Дону". Игорь зовется „внукомъ" этого Трояна въ томъ же смыслѣ, въ какомъ въ троянско-франкскихъ генеалогіяхъ Фарамундъ является внукомъ Пріама; если вмѣстѣ съ тѣмъ толковины-Торки названы у него погаными, то въ этомъ кажущемся противорѣчіи отразилось не примиренное разногласіе источниковъ Слова — книжнаго преданія о Торхотѣ-Троянѣ, внукомъ, наслѣдникомъ котораго являлся Русскій князь, и современной дѣйствительности, знавшей только о поганыхъ Толковинахъ. Какъ бы то ни было, но мы имѣемъ дѣло съ псевдоисторическою, а не съ миѳической родословною, какъ думаетъ г. Вс. Миллеръ, ставя внука Трояна въ параллель съ внукомъ Дажбога и того и другаго выводя изъ болгарскаго источника (стр. 108—109).

Гипотеза о существованіи подобнаго источника основывается главнымъ образомъ на Троянѣ или на тѣхъ пазахъ и слѣдахъ спайки, которые авторъ Слова оставилъ въ своемъ произведеніи: вспомнимъ, какъ объясняетъ г. Вс. Миллеръ появленіе трояновыхъ вѣковъ—при Всеславѣ и Трояновой земли—на Дону. Если принять мое пониманіе всего троянскаго, что только упоминается въ Словѣ, то предположенія о различныхъ спайкахъ падутъ сами собою, и миѳологическій элементъ въ Словѣ поуменьшится. Затѣмъ все остальное, что можно сказать о стилистическихъ болгаризмахъ Слова, нисколько не ведетъ къ предположенію одного какого-нибудь болгарскаго источника, а говоритъ вообще о болгарско-византійской начитанности автора Слова. Въ доступной ему свѣтской литературѣ онъ могъ познакомиться съ терминами Дажьбожа внука, Стрибожа внука и внука Велеса; они отложились въ его памяти, какъ поэтическія формулы; принимаясь за свое Слово, онъ пускаетъ ихъ въ ходъ какъ украшенія; изъ общаго чтенія онъ вынесъ о нихъ понятіе, какъ объ эпитетахъ украшающихъ, поднимающихъ рѣчь на извѣстную реторическую высоту. Гораздо труднѣе предположить, что всѣхъ этихъ Дажебожьихъ и Велесовыхъ внуковъ онъ нашелъ вкупѣ въ одномъ какомъ-нибудь болгарскомъ оригиналѣ, изъ котораго заимствовалъ готовую реторическую рамку, чтобы вставить въ нее мѣстное, русское содержаніе. Мы ожидали-бы въ такомъ случаѣ бóльшихъ признаковъ спайки; но ихъ нѣтъ,—а о спайкахъ „троянскихъ" мы уже говорили. Вообще допущеніе такого рода литературнаго пріема не укладывается въ пониманіе автора Слова, человѣка высоко-талантливаго, по признанію г. Вс. Миллера. Надо выбрать одно изъ двухъ: или авторъ Слова спаивалъ отрывки

болгарской книги съ своимъ собственнымъ замышленіемъ, или же, работая надъ нимъ, онъ „невольно черпалъ мысли, образы, выраженія, сохранившіеся въ запасѣ его памяти", и ставшіе для него своими и родными (стр. 64). Изъ двухъ положеній я выбираю послѣднее, но оно ведетъ не къ одному болгарскому оригиналу, а къ памяти о многомъ прочитанномъ и усвоенномъ.

То же широкое мірское чтеніе, знакомство съ византійскими и славянскими повѣстями опредѣлило нѣсколько кудреватый, изысканный слогъ, который заставилъ К. Аксакова предположить въ авторѣ Слова иностранца, быть можетъ, Грека, знавшаго еще прежде церковно-славянскій языкъ и въ Россіи научившагося русскому. Если г. Вс. Миллеръ ставитъ въ параллель Слову поэму о Дигенисѣ, находя между ними связь стиля и выраженій, то г. Е. Барсовъ [1]) дѣлаетъ не менѣе интересныя сближенія Слова съ славянскимъ переводомъ повѣсти Іосифа Флавія „о полоненіи Іерусалима" и съ отрывками Ефрема Сирина. Сравненія переходятъ такимъ образомъ за границу свѣтской литературы — въ духовную. Въ той и другой авторъ Слова могъ найдти подходящій матеріалъ, составить себѣ понятіе о реторическихъ красотахъ exordium'а и замыслить свой собственный. Г. Вс. Миллеръ указываетъ, вслѣдъ за г. Бициньмъ, на интересную параллель — въ одномъ изъ словъ Кирилла Туровскаго: „Якоже историци и вѣтія, рекше лѣтописьци и пѣснотворци приклоняють своя слухы въ бывшая межю цари рати и вьпълченія да украсять словесы и т. д. .... кольми паче намъ лѣпо есть и хвалу къ хвалѣ приложити" и т. д. (стр. 62, прим.). Нельзя не пожелать, чтобы будущіе изслѣдователи стиля Слова о Полку Игоревѣ обратили богатство своихъ сравненій на болѣе существенную его сторону: на выраженіе отвлеченныхъ понятій и ихъ переходъ къ аллегорическому образу: замышленіе, мысль—и мысленное древо; обида—и ея олицетвореніе; бѣда, нужда, которыя въ церковно-славянскомъ переводѣ Словъ Григорія Богослова переводятся тѣми же словами: βία и ἀνάγκη; силы, жизнь Дажьбожа внука, жизнь Всеславля, отвѣчающія плеонастическому употребленію греч. ἴς, βίη, σθένος Ἰδομενῆος.

То же разнообразное чтеніе могло, наконецъ, познакомить автора Слова съ образомъ поэта художника, и онъ создалъ своего Бояна,

[1]) *Е. Барсовъ*, Критич. Очеркъ литературы Слова о Полку Игоревѣ въ *Ж. М. Н. Пр.* 1876 г., октябрь, стр. 109—113. Сл. также мнѣніе Каченовскаго у *А. Смирнова*, О Словѣ о Полку Игоревѣ — въ *Филологич. Записк.* 1876 г., I, стр. 51—52.

бряцающаго на живыхъ струнахъ, какъ въ Словѣ о пророцѣхъ Давидъ накладываетъ „многосочитая персты на живыя струны“ [1]). Боянъ можетъ быть на столько же личнымъ созданіемъ автора Слова, на сколько пріуроченіемъ поэтическаго (не кудеснаго) типа, найденнаго въ болгарской книгѣ. Есть и русское имя Боянъ (стр. 129, прим. 2); затрудненія, представляемыя текстомъ Слова, въ которомъ этому Бояну приписываются пѣсни Русскимъ князьямъ, останутся тѣ же: болгарскому Бояну воспѣвать ихъ было также трудно, какъ и Бояну, созданному воображеніемъ художника.

Мы видѣли, что автору Слова были знакомы троянскія сказанія, и что онъ съумѣлъ пріурочить ихъ къ своему сюжету, къ своей землѣ, какъ, наоборотъ, пользовался народными мотивами, какъ средствами стилистическаго украшенія. Эти народные мотивы слышатся не въ одномъ плачѣ Ярославны; они чувствуются во всемъ Словѣ; народный образъ шелъ на встрѣчу реторическому олицетворенію, и обѣ струи соединились въ образахъ Обиды, Нужды, Пустыни.

Г. Вс. Миллеръ, предлагающій нѣсколько остроумныхъ исправленій въ текстѣ Слова (сл. напр. объясненія: влъци грозу *въсрожатъ* 197—198; варя свѣтъ запала, стр. 198—199; жля=желя, стр. 211—112: поправка сдѣланная Эрбеномъ; сл. ib., стр. 213, другую поправку проф. Тихонравова: жлу вм. лжу убуди; клюками, стр. 231—233: эмендація, предложенная уже Вельтманомъ; друзѣ тѣлѣ, стр. 235) ищетъ въ его языкѣ слѣдовъ болгарщины [Хръсъ, стр. 83; одѣвахте, стр. 216; потрепати, стр. 212—213: самъ авторъ ставитъ вопросительный знакъ при этомъ предполагаемомъ „болгарскомъ выраженіи“, которое сопоставляетъ съ сербскимъ трпати; стр. 230: утрпѣ (солнцю свѣтъ) связывается съ сербск. утр(п)нути=гасить и ставится вопросъ: не употреблялся ли и въдревне-болгарскомъ глаголъ оутръ(п)нѫти и съ тѣмъ же значеніемъ?] Еслибъ эти слѣды оказались, они, разумѣется, столько же бы говорили въ пользу одного болгарскаго оригинала, какъ и въ пользу многихъ такихъ же оригиналовъ, т. е., въ пользу общаго характера чтеній автора Слова. Но болгаризмовъ нашлось такъ мало, что о нихъ не стоило бы и говорить. Между тѣмъ языкъ памятника, сохранившагося, по показанію г. Малиновскаго и мнѣнію гг. Тихонравова, Буслаева, Е. Барсова и Вс. Миллера, въ рукописи XVI вѣка,—архаистичный, такъ что трудно допустить, что между копіей и оригиналомъ существовало много другихъ посредствующихъ копій, которыя,

---

[1]) *Тихонравовъ*, въ изд. Слова о Полку Игоревѣ, стр. 26—27.

стеревъ признаки болгарщины, оставили языкъ существенно не тронутымъ. Можно предположить, по характеру сохранившагося текста Слова, что переписчикъ XVI вѣка работалъ непосредственно надъ весьма древнею рукописью, которую плохо разбиралъ и потому искажалъ. Отсутствіе тѣсной связи между Словомъ и современною ему и послѣдующею литературой, показываетъ, что оно было не популярно— стало быть, мало и переписывалось. Слово не опредѣлило школы, направленія; характеръ подражаній Слову, напримѣръ, въ Задонщинѣ, показываетъ на грубые, внѣшніе пріемы заимствованія: шеломя, обратившееся въ царя Соломона, харалужные берега, замѣнившіе каменныя горы, и ковыль трава, замѣнившая „канину", не свидѣтельствуютъ о пониманіи [1]). Авторъ Слова такъ своеобразно соединилъ въ себѣ книжную мудрость и вкусъ къ реторически-цвѣтистому стилю съ мотивами народной поэзіи, такъ своеобразно приложилъ этотъ аппаратъ къ прославленію незначительнаго историческаго факта, что и особенностью своего таланта, и выборомъ темы осудилъ себя на одиночество. Онъ долженъ былъ и въ свое время стоять также особо отъ другихъ, какъ представляется намъ теперь, и его будутъ изучать не столько въ связи съ его временемъ, сколько въ немъ самомъ, какъ оригинально сложившуюся поэтическую личность.

Надо только пожелать, чтобы чаще являлись на него такіе счастливые взгляды, какъ „Взглядъ" г. Вс. Миллера. Я поклонникъ всякой свѣтлой гипотезы: если иногда она отводитъ въ сторону, то для того лишь, чтобы вывести на торный путь: пути ей вѣдомы.

Александръ Веселовскій.

---

[1]) Что касается извѣстной приписки къ пергаменному Апостолу 1307 г., воспроизводящей нѣкоторыя выраженія Слова, то ничто не ведетъ необходимо къ заключенію, что она обличаетъ знакомство съ этимъ памятникомъ: и авторъ Слова, и авторъ приписки могли заимствовать это мѣсто изъ третьихъ рукъ.

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Фонетика кашебскаго языка. Изслѣдованіе *П. Стремлера*. Воронежъ, 1874 г.

Разсужденіе автора основано не на самостоятельныхъ, непосредственныхъ наблюденіяхъ надъ живою рѣчью Кашубовъ (Кашебовъ), а только на данныхъ, сообщенныхъ въ сочиненіяхъ его предшественниковъ по тому же вопросу, какъ-то—Прейса, Цейновы и Гильфердинга. Такимъ образомъ достовѣрность матеріала, которымъ онъ пользовался, вполнѣ зависитъ отъ мѣткости и точности наблюденій названныхъ ученыхъ и писателей.

Въ упорядоченіи матеріала и въ способѣ изложенія подробностей г. Стремлеръ придерживается Миклошича, принимая при этомъ исходною точкой вообще звуки самаго кашебскаго языка, а не звуки языка старо-славянскаго, но тѣмъ не менѣе вводя особый отдѣлъ о „гласной *e* (ѣ)“, о „глухихъ гласныхъ *ъ* и *ь*“ и т. п. Вмѣстѣ съ системой изложенія авторъ перенялъ у Миклошича и весь его формализмъ и разсматриваніе явленій языка съ чисто внѣшней точки зрѣнія. Разсматривая взаимныя соотвѣтствія звуковъ въ разныхъ языкахъ, авторъ не принимаетъ вовсе въ соображеніе, въ какихъ именно случаяхъ, въ какихъ сочетаніяхъ данное соотвѣтствіе имѣетъ мѣсто. Между прочимъ, онъ не отдѣляетъ соотвѣтствій и измѣненій звуковъ въ положеніи, независимомъ отъ вліянія другихъ звуковъ, отъ соотвѣтствій и измѣненій тѣхъ же звуковъ, подвергшихся вліянію звуковъ или предшествующихъ, или же слѣдующихъ за ними. Еслибъ это весьма важное различіе было принято въ соображеніе, въ такомъ случаѣ авторъ не говорилъ бы, напримѣръ, о соотвѣтствіи кашебскаго *ch* польскому *k* (стр. 52), но только объ измѣненіи въ кашебскомъ языкѣ, точно также какъ въ польскомъ и русскомъ, согласнаго *k*, въ сочетаніи съ слѣдующимъ *t*,

въ согласный *ch* (напримѣръ, *chto*, *nicht* и т. п. изъ *kto*, *nikt* и т. д., старо-сл. къто и т. д.). Кромѣ того, авторъ не обратилъ вниманія ни на болѣе древнее состояніе языковъ, которые сравниваются, ни на рефлексы данныхъ звуковъ въ другихъ не упоминаемыхъ родственныхъ языкахъ. Все это объяснило бы весьма многое и въ значительной степени уменьшило бы случаи безпричинныхъ, произвольныхъ явленій.

До какой степени доходитъ формализмъ автора, можно видѣть изъ того, что онъ одинъ и тотъ же гласный одного и того же слова считаетъ происшедшимъ „изъ усиленія" двухъ различныхъ гласныхъ. Такъ напримѣръ, гласный и (у) слова *duch* (духъ) происходитъ въ одно и то же время „изъ усиленія" и „гласной ъ" въ дъх-нѫти и „гласной ы" дых-ати, и т. п. (стр.28—29).

Узкія рамки Миклошичевой системы не позволили г. Стремлеру заняться ни удареніемъ кашебскаго языка, ни кашебскими соотвѣтствіями русскому полногласію, между тѣмъ какъ они являются очень важными фонетическими моментами во всѣхъ славянскихъ языкахъ. Нѣтъ также особой главы о согласномъ *c* (ц). Несостоятельность же подобнаго метода представленія фактовъ языка доказана между прочимъ, главой о „носовыхъ звукахъ ą, ę, *an*" (стр. 30—34). Хаотически собранные отдѣльные факты не позволяютъ прійдти почти ни къ какому (положительному) выводу. Жаль, что автору были неизвѣстны остроумныя соображенія г. Лукіана Малиновскаго о соотвѣтствіи носовыхъ гласныхъ въ нѣкоторыхъ польскихъ народныхъ говорахъ носовымъ гласнымъ языка старо-славянскаго (ср. Beiträge zur Slavischen Dialectologie von *Lucian Malinowski*. I. Ueber die Oppelnsche mundart in Oberschlesien etc. Leipzig, 1873, §§. 48—60). Точно также, для полноты библіографической, не мѣшало бы обратить вниманіе на то, что̀ сказано о кашебскихъ носовыхъ гласныхъ въ диссертаціи Адама-Антона Крынскаго „О носовыхъ звукахъ въ славянскихъ языкахъ", Варшава, 1870, стр. 93 — 102, хотя, впрочемъ, и здѣсь мы напрасно стали бъ искать какихъ бы то ни было положительныхъ результатовъ.

Какъ вѣрный ученикъ Миклошича, авторъ смотритъ на звуки языка съ точки зрѣнія правописанія, и вслѣдствіе сего, въ польскомъ і (напримѣръ, въ словахъ iść, идти, *inny*, другой, и т. п.) онъ видитъ чистый и гласный *i* (стр. 18—19) а не слогъ *ji*, какъ бы слѣдовало. Точно также особая глава о „гласной у" въ кашебскомъ (стр. 29—30) обязана своимъ происхожденіемъ этому смѣшенію буквъ и

звуковъ и т. д. Если „въ концѣ словъ мягкое *р* въ произношеніи не отличается отъ твердаго" (стр. 37), то стало быть, нѣтъ въ концѣ словъ мягкаго *р*, и авторъ напрасно смотритъ на физіологическую природу звуковъ съ этимологической точки зрѣнія. Сюда относится также выраженіе: „*знакъ w*, въ произношеніи не отличающійся отъ *v*, употребляется преимущественно въ началѣ словъ какъ *придыханіе*" (стр. 38), и т. д.

Физіологическій анализъ происхожденія и природы звуковъ не позволяетъ ни раздѣлять гласныя на „твердыя" и „мягкія" (стр. 35, 36, 37 и т. д.), ни смѣшивать долготу гласныхъ съ долготою слоговъ (долгота *per positionem*) (стр. 11), и т. д.

Ни вліяніе народнаго словопроизводства (Volksethymologie), ни вліяніе аналогіи не приняты здѣсь вовсе въ соображеніе, а между тѣмъ развитію словъ каш. *wansevnica* (гусеница) (стр. 39), польскаго *niedźwiedź* (медвѣдь) (стр. 39) и т. п. несомнѣнно содѣйствовало народное словопроизводство, упроченію же въ польскомъ языкѣ предлога *od* (отъ) вм. *ot* (стр. 41), а въ кашебскомъ родительнаго падежа един. числа мужск. и средн. рода прилагательныхъ, числительныхъ и мѣстоименій на—*ewo* вм.—*ego* и т. п. (стр. 38—39), дательнаго пад. един. числа муж. рода существительныхъ на — *evu*, *ovu* (стр. 28), творительнаго множ. *wovcmi* (овцами) (стр. 5) и т. п. должна была способствовать сила аналогіи, и исключительно фонетическое объясненіе этихъ явленій далеко не удовлетворительно. Ср., между прочимъ, статью Л. Малиновскаго „Ueber die Endung des Genetiv sing. masc. — neutr. der pronominalen und zusammengesetzten Declination im russischen und Kaschubischen" (*Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung* etc. VIII, 356 — 362) Авторъ, конечно, нарушилъ бы вѣрность Миклошичу, обративъ вниманіе на эти факторы (народное словопроизводство и аналогію); но за то его сочиненіе гораздо болѣе соотвѣтствовало бы теперешнимъ требованіямъ науки.

У нашего автора кашебскіе звуки происходятъ изъ другихъ кашебскихъ же звуковъ, кашебскіе звуки усиливаются въ другіе кашебскіе же звуки. Между тѣмъ подобный взглядъ на происхожденіе звуковъ совершенно противорѣчитъ исторіи языка. По настоящему, слѣдовало бы процессъ развитія однихъ звуковъ изъ другихъ, вслѣдствіе извѣстныхъ условій, отнести къ первобытному періоду образованія аріоевропейскихъ языковъ, и затѣмъ, опредѣливъ съ точностью, напримѣръ, въ области подъема, первично-славянскія отношенія, пока-

зать только, какіе кашебскіе звуки развились изъ отдѣльныхъ звуковъ основно-славянскихъ. Если же авторъ не хотѣлъ брать на себя этой трудной и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже неисполнимой задачи, то онъ долженъ былъ ограничиться нынѣшнимъ состояніемъ кашебскаго языка, и въ такомъ случаѣ, говорить не о происхожденіи однихъ звуковъ изъ другихъ, а только о взаимномъ соотвѣтствіи отдѣльныхъ звуковъ въ живомъ механизмѣ языка. Только съ этой точки зрѣнія можно смотрѣть на подъемъ звуковъ (Lautsteigerung), тогда какъ авторъ, въ подражаніе Миклошичу и ксендзу Фр. Ксав. Малиновскому, понимаетъ его совсѣмъ невѣрно, и напримѣръ, pálic (жечь), *mácsac* (мочить), совершенно произвольно выводитъ отъ корней *plo*, *pło* въ *płome* (пламень) и т. д. и *mok* въ *mokri* (мокрый) и т. д. чрезъ посредство ничѣмъ не доказанныхъ созвучій (комплексовъ звуковъ) *paolic*=*paalic* и *maocsac*=*maacsac* и т. д. (стр. 10). Равнымъ образомъ выводъ созвучія *áv* въ *sabávic* (задержать), а *ov*, *óv* въ *słovo* (слово) и т. п. изъ *e* въ *bec* (быть), *słech* (слухъ) и т. д. (стр. 10, 17), гласнаго *a* въ *marsnąc* (мерзнуть) изъ *o* въ *mors* (морозъ) (стр. 5), принятіе „превращенія" гласнаго *e* (ѣ) въ *a*, *á* и увѣреніе, что „этотъ переходъ въ *a* иногда не совершается" (стр. 35) и т. д., всѣ эти и тому подобныя тонкости являются слѣдствіемъ перенесенія звуковыхъ процессовъ на хронологически несвойственную, чуждую имъ почву. При этомъ авторъ не замѣтилъ, что не *a* въ *marsnąc* (мерзнуть) есть „усиленіе гласной *o*" въ *mors* (морозъ) (стр. 5), но наоборотъ, эту гласную *o* въ *mors* слѣдовало бы, съ точки зрѣнія самого же автора, считать усиленіемъ гласной *a* въ *marsnąc*. Точно также считать созвучіе *pal* въ *pálic* (жечь) происшедшимъ изъ перестановки созвучія *plo*, *pło* въ *płome* (пламень) (стр. 10) противорѣчитъ всѣмъ даннымъ, почерпаемымъ изъ исторіи развитія языковъ славяно-литовскихъ и вообще аріоевропейскихъ. Наконецъ, исторія развитія славянскихъ языковъ не позволяетъ повторять за Гатталою, что „*d* передъ *t* выпало, можетъ быть, въ глаголѣ *jic* изъ *jidti*, идти" (стр. 44), или же считать родительный пад. множ. числа *głov* (головъ), происшедшимъ изъ *głovov* (стр. 25), а кашебское *i* въ словахъ *vim* (знаю), *mliko* (молоко) и т. п. „первобытнымъ" въ сравненіи съ ѣ старо-славянскаго языка (стр. 35, 20) и т. д. Выводъ гласнаго *e* въ *vrzeceno* (веретено) и т. п. изъ ъ въ старо-слав. врътѣти (вертѣть) и т. д. (стр. 17) грѣшитъ, вопервыхъ, противъ географіи и хронологіи, отожествляя древнее состояніе языка старо-славянскаго съ теперешнимъ состояніемъ кашебскаго, и вовторыхъ, основанъ на совер-

шенно ложной и только въ воображеніи Миклошича существующей, въ старо-славянскомъ же языкѣ никогда не существовавшей формѣ врѫтѣти.

Въ кашебскомъ словѣ *ołtarz* или *wołtarz* (алтарь) не „первобытное *a* переходитъ въ началѣ кашебскихъ словъ въ другую гласную" (стр. 4), а, по общему закону усвоенія всѣми славянскими языками чужихъ, иностранныхъ словъ, краткое латинское *a* слова *altare* отразилось въ гласномъ *o*. Кашебское слово *muka* (комаръ) нельзя считать кашебскимъ видоизмѣненіемъ польскаго *mucha* (муха) (стр. 50), такъ какъ оно (слово *muka*) есть кашебская передѣлка нѣмецкаго *mücke* (комаръ). Въ кашебскихъ *szuflada* (выдвижной ящикъ) и *gafla* (вилка) нельзя видѣть прямаго соотвѣтствія кашебскаго *f* нѣмецкому *b* (стр. 40), ибо эти слова перешли въ кашебскій языкъ не изъ верхне-нѣмецкаго, но изъ нижне-нѣмецкаго.

Говоря о разнообразіи въ произношеніи кашебскихъ словъ и о томъ, какъ одни звуки „смѣшиваются" съ другими (стр. 5—6), авторъ оставляетъ насъ въ недоумѣніи, свойственно ли это разнообразіе всѣмъ діалектическимъ видоизмѣненіямъ кашебскаго языка, или только нѣкоторымъ изъ нихъ, или же, можетъ быть, оно совпадаетъ именно съ этими географически-діалектологическими видоизмѣненіями, такъ что одна изъ приводимыхъ авторомъ формъ извѣстнаго слова живетъ въ однихъ мѣстностяхъ, другая въ другихъ и т. д.

Иногда г.Стремлеръ считаетъ различныя въ своемъ составѣ и различно образовавшіяся формы одного и того же или же двухъ и даже болѣе языковъ вполнѣ тожественными, то-есть, вполнѣ отражающими (рефлектирующими) другъ друга въ фонетическомъ и этимологическомъ отношеніяхъ, и вслѣдствіе того, выдумываетъ разныя невозможныя соотвѣтствія и перемѣны звуковъ. Такъ, между прочимъ, онъ считаетъ кашебское *ty* (тѣ) тожественнымъ съ новопольскимъ *te* (тѣ) (стр. 30), кашебское *kol* вм. *kole* (около) тожественнымъ въ своемъ составѣ съ польскимъ *koło* (стр. 17), видитъ въ кашебскомъ *ptach* и польскомъ *ptak* (птица) обыкновенныя фонетическія видоизмѣненія одной и той же первоначальной формы (стр. 52), считаетъ кашебскіе родительные пад. ед. муж. и средн. р. прилагательныхъ мѣстоименій и т. п. *towo* (того), *jednowo* (одного), *złewo* (злаго) и т. п. развившимися, путемъ простаго фонетическаго процесса, изъ *tego*, *jednego*, *złego* и т. д., рядомъ съ *teho*, *jedneho*, *złeho* и т. д. (стр. 23, 38—39, 52—53) и т. д. Кашебское *powracec*, на сколько это есть въ самомъ дѣлѣ форма кашебская, отражается не въ польскомъ *po-*

wrócić (возвратиться) (стр. 5), а только въ польскомъ *powracać* (возвращаться). Въ старо-польскомъ языкѣ существовалъ глаголъ *chwatać*, какъ и въ кашебскомъ, *chwytać* же развилось только послѣ, не путемъ чисто фонетическаго процесса, но вѣроятно, подъ вліяніемъ аналогіи и вслѣдствіе смѣшенія въ одно разныхъ подъемныхъ видоизмѣненій одного и того же корня (*chyt* и *chwat*); стало быть, здѣсь не можетъ быть рѣчи о соотвѣтствіи кашебскаго *a* польскому *y* (стр. 5). Чисто фонетическое соотвѣтствіе кашебскаго *a* въ *lachi* польскому *i* въ *lichy* (плохой) (стр. 4) болѣе чѣмъ сомнительно.

Выводъ слова *ocsi* (глаза) изъ предполагаемаго *ocsesi* (*ok-esi*) (стр. 46) не выдерживаетъ критики. Кашебское и польское *jak*, *jako* и старо-славянское аки происходятъ отъ различныхъ мѣстоименныхъ корней, и потому въ кашебско-польскихъ формахъ нельзя считать согласнаго *j* простымъ „придыханіемъ (prothesis, Voschlag)" (стр. 4). Въ именительномъ пад. *ksodz* (князь, священникъ) кашебское *o* соотвѣтствуетъ польскому гласному ą, а не ę (стр. 24). Нѣтъ ни малѣйшаго основанія считать *nástarszi* (самый древній) происшедшимъ изъ *najstarszi*, *nadstarszi* и видѣть въ долготѣ гласнаго *á* слѣдствіе замѣнительнаго растяженія (стр. 10—11). Основною формой для слова *volá* (воля) слѣдуетъ принять не *volija* (стр. 8), а только *vol-ja*, старо-сл. волꙗ. Точно также едва ли можно *snám* (знаю) выводить изъ *zna-ja-m* и т. п. (стр. 8—9) (ср. *Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung* etc., VIII, 207 — 209), *lżess* (лжешь) изъ *lg-j-ess* (стр. 51), и т. д. Только недостаткомъ чутья для вліянія аналогіи въ исторіи формъ языка можно объяснить то, что авторъ въ словахъ, какъ каш. *jicsme*, польск. *jęczmień* (ячмень), каш. *płome* (и *płomenj*), польск. *płomien* (пламень) и т. д., видитъ отраженіе первобытнаго суффикса *man*+*ja* (стр. 56).

Союзъ *le* произошелъ не изъ *ale* черезъ отпаденіе начальнаго *a* (стр. 4), но наоборотъ, *ale* составлено изъ двухъ союзовъ *a*+*le*. Равнымъ образомъ, *cż* (и *jcż*), что, не есть перестановка изъ *że* (стр. 12; ср. стр. 10), но есть видоизмѣненіе болѣе древней формы *iż*, свойственной и теперь польскому языку и составленной изъ двухъ частицъ, *i*+*że*.

Соотвѣтствіе кашебскаго *b* въ *bucha* (гордость) польскому *p* въ *pycha* (стр. 38) весьма сомнительно.

Въ великопольскомъ областномъ просторѣчіи „долгое *á* (a pochylone, ścieśnione)" не звучитъ „какъ *o*" (стр. 6), но имѣетъ свой особый звукъ, средній между *o* и *a*. Согласный („знакъ") *w* въ ка-

шебскомъ языкѣ, по мнѣнію автора, не отличается отъ *v* (стр. 38), тогда какъ это не совсѣмъ правда, потому что *w* есть чисто губной, *v* же — зубно-губной согласный. Терминъ „смѣшивается", напримѣръ, въ выраженіи „*a* смѣшивается съ *á*" и т. д. (стр. 5, 29 и т. д.) есть далеко не точный; гораздо умѣстнѣе *чередуется*, *замѣняется* или т. п. Говоря о носовыхъ гласныхъ, г. Стремлеръ называетъ ихъ не *носовыми гласными*, а „носовыми звуками" (стр. 30 и слѣд.); а вѣдь это есть маленькая неточность.

Строки 3 и 4 на стр. 50, „b) польскому *ch*", и т. д., попали сюда только по недосмотру, и должны стоять на стр. 46, въ строкахъ 15 и 16, такъ какъ вѣдь въ словѣ *тиka* (комаръ) имѣется согласный *k*, а не *g*. Встрѣчающіяся тамъ и сямъ сравненія съ санскритомъ внесены въ разбираемую книгу тоже развѣ только по ошибкѣ, потому что они ничего не объясняютъ, и слѣдовательно, являются совершенно лишними.

За приложенное въ концѣ предлежащаго сочиненія „Собраніе кашебскихъ словъ, не употребляющихся въ польскомъ языкѣ" (стр. 59—72) можно быть только очень благодарнымъ нашему автору; но тѣмъ не менѣе нельзя одобрить порядка, въ которомъ исчислены помѣщенныя здѣсь слова. Авторъ обратилъ вниманіе на начальныя буквы словъ и упорядочилъ ихъ по обычаю латинскаго алфавита *a*, *b*, *c*, *d*, *e* и т. д.; но затѣмъ, слова, начинающіяся съ извѣстной буквы, сопоставлены совершенно хаотически.

Встрѣчающіяся въ громадномъ количествѣ опечатки вовсе не оговорены и предоставлены догадливости читателя.

Какъ бы то ни было, г. Стремлеръ обогатилъ лингвистическую литературу трудомъ весьма полезнымъ, и если не вносящимъ въ нее ничего особенно новаго, то все-таки дающимъ самостоятельную обработку и сопоставленіе всего, что было до сихъ поръ обнародовано по части фонетики кашебскаго языка.

И. Водуэнъ-де-Куртенэ.

Рѣчь Цицерона о назначеніи Кнея Помпея полководцемъ. Объяснилъ *Августъ Гофманъ*. Второе исправленное и дополненное изданіе. С.-Петербургъ, 1877 г.

При разборѣ втораго изданія книги г. Гофмана задача рецензента, сравнительно, легка. Это происходитъ отъ того, что первое изданіе вызвало обширную и обстоятельную рецензію г. Фохта (*Журн. Мин.*

Нар. Прос., ч. CXLIV, стр. 31—50), въ которой указаны были какъ отличительныя качества самой рѣчи Цицерона, комментированной г. Гофманомъ, такъ и достоинство самого комментарія. Не останавливаясь посему на первыхъ, мы повторимъ относительно послѣднихъ сказанное г. Фохтомъ, заявляющимъ, что комментарій г. Гофмана представляетъ богатое и прекрасное собраніе граматическихъ, стилическихъ, лексическихъ и синонимическихъ примѣчаній. Не можемъ не прибавить къ этому, что разбираемый комментарій есть плодъ долгаго и тщательнаго занятія издателя, какъ рѣчью Цицерона pro lege Manilia, такъ и другими рѣчами римскаго оратора, занятія не только теоретическаго, но и практическаго, и какъ таковой, заслуживаетъ особаго уваженія и признательности. Дѣло въ томъ, что по причинамъ, весьма понятнымъ, наша учебная литература по древнимъ языкамъ въ послѣдніе годы разрослась до довольно значительныхъ размѣровъ, но въ числѣ большаго количества изданій древнихъ классиковъ съ русскими примѣчаніями, назначающимися для учениковъ русскихъ гимназій, рѣдко можно встрѣтить изданіе дѣйствительно приспособленное для потребностей русскихъ гимназистовъ. Такъ, большинство за послѣднее время появившихся у насъ изданій рѣчей Цицерона представляетъ не что иное, какъ механическую, нерѣдко неумѣлую, чтобы не сказать невѣжественную, передѣлку превосходнаго комментарія К. Гальма (Cicero's ausgewählte Reden. Berlin, Weidmann'sche Buchhandlung). Этотъ комментарій, назначенный для учениковъ высшихъ классовъ нѣмецкихъ гимназій, учениковъ, прошедшихъ солидную школу и читающихъ рѣчи Цицерона въ большинствѣ случаевъ курсорно, оказывается не вполнѣ соотвѣтствующимъ познаніямъ нашихъ учащихся, приступающихъ къ чтенію сказанныхъ памятниковъ римскаго краснорѣчія. Еще отличіе: ученикъ нѣмецкой гимназіи, пользующійся изданіемъ Гальма, имѣетъ, кромѣ него, богатую литературу учебниковъ: граматикъ, стилистикъ, синонимикъ, при существованіи и доступности которыхъ многое, хотя и необходимое, по справедливости не включается въ комментарій. Совершенно иное положеніе русскаго гимназиста: если и есть у него граматики и стилистики (изъ которыхъ многія не самостоятельны и мало пригодны, другія недоступны), то у него нѣтъ ни одной синонимики, нѣтъ словаря къ такъ называемымъ реаліямъ, нѣтъ учебника римскихъ древностей и литературы. Естественно посему, что русскій комментаторъ не долженъ опускать изъ виду это обстоятельство и обязанъ внести въ свои примѣчанія все, чего ученикъ не можетъ найдти въ доступ-

ныхъ для него книгахъ, и что̀ могло и даже должно бы быть опущено, еслибы у него имѣлись подъ руками болѣе разнообразныя пособія. Въ особенную заслугу ставимъ мы г. Гофману то, что онъ сознательно и добросовѣстно отнесся къ этой сторонѣ своей задачи.

Переходя къ обзору разсматриваемаго изданія въ частностяхъ, мы считаемъ нужнымъ замѣтить прежде всего, что оно, сравнительно съ первымъ, представляетъ значительныя измѣненія, и притомъ, въ большинствѣ случаевъ, измѣненія къ лучшему.

Издатель добросовѣстно воспользовался обильными замѣчаніями, сдѣланными г. Фохтомъ въ вышеупомянутой рецензіи, а также и личными наблюденіями, при неоднократномъ чтеніи рѣчи Цицерона съ учениками. Посему многое, оказавшееся не существенно необходимымъ, опущено, многое видоизмѣнено, немало прибавлено. Вообще, при этихъ измѣненіяхъ, чувствуется рука опытнаго педагога, опредѣленно сознающаго нужды и потребности читателей. Наконецъ, въ большинствѣ случаевъ, во второмъ изданіи устранены германизмы, которыхъ было довольно много въ первомъ.

Послѣ небольшаго предисловія, въ которомъ г. Гофманъ объясняетъ сдѣланныя имъ противъ 1-го изданія измѣненія и высказываетъ тѣ общія начала, на основаніи которыхъ составленъ имъ комментарій, слѣдуетъ перечисленіе пособій, которыми авторъ воспользовался при его составленіи. Въ этомъ перечисленіи, очевидно, назначающемся для учащихъ, а не для учащихся, мы видимъ рядъ лучшихъ сочиненій, преимущественно нѣмецкихъ, изученіе которыхъ въ высшей степени желательно для всякаго преподавателя, приступающаго къ чтенію и объясненію Цицерона. Нельзя не одобрить того, что въ этотъ списокъ, изъ почти необозримой литературы, г. Гофманомъ съ большимъ тактомъ внесено лишь то, что̀ имѣетъ дѣйствительное значеніе, что̀ можетъ образовательно дѣйствовать на молодаго преподавателя-филолога. Въ этотъ списокъ вошли капитальнѣйшія пособія какъ по стилистикѣ, синонимикѣ, граматикѣ и лексикографіи, такъ и по такъ называемымъ реаліямъ. Правда, можно бы пожелать, чтобы г. Гофманъ воспользовался еще нѣкоторыми, весьма важными трудами, или по крайней мѣрѣ, указалъ на нихъ; къ таковымъ мы причислили бы: *Ernesti*, Clavis Ciceroniana,—*Merguet*, Untersuchungen zur lateinischen Formenlehre, — его же: Vollständiges Wörterbuch zu den Reden d. Cicero, — *Nizolius*, Thesaurus Ciceronianus, — *Volckmann*, die Rhetorik der Griechen und Römer и нѣкоторыя другія. Но тѣмъ не менѣе всякой похвалы достойно то тщаніе, съкоторымъ гГофманъ,

собралъ лучшія пособія, вплоть до самыхъ новыхъ (напримѣръ, книга *Корссена* Beiträge zur Italischen Sprachkunde, вышедшая въ концѣ 1876 г.) и тотъ разумный выборъ, по которому онъ привелъ лишь дѣйствительно лучшія. Такъ какъ уже зашла рѣчь о пособіяхъ, то мы не можемъ умолчать здѣсь объ одной, для насъ не вполнѣ понятной особенности, которая замѣчается въ цитатахъ г. Гофмана на эти пособія: цитаты эти чрезвычайно разнообразны, и читатель недоумѣваетъ, почему въ одномъ случаѣ авторъ указываетъ на одну книгу, а черезъ нѣсколько страницъ, оставаясь въ той же области языка или реалій, на другую. Пояснимъ примѣромъ: на стр. 5-ой, указывая на избраніе magistratus maiores въ комиціяхъ, г. Гофманъ цитуетъ Ланге: Röm. Alterth., I, 506 и Адама: Римскія древности, I, 150, и на той же страницѣ, объясняя слово honores въ смыслѣ государственныхъ должностей, онъ цитуетъ лишь одного Ланге, а на стран. 22, говоря о государственныхъ доходахъ, приводитъ уже Моммсена: Röm. Staatsr., II, 411 и Гессе: Handlexicon zu den Quellen des röm. Rechts, стр. 626. Сопоставляя эти три указанія, читатель въ правѣ заключить, что или не во всѣхъ приведенныхъ учебникахъ по римскимъ древностямъ: Ланге, Адама и Моммсена говорится и объ избраніи магистратовъ, и объ honores, и о государственныхъ доходахъ, или же объ каждомъ изъ этихъ вопросовъ лучше и обстоятельнѣе всего излагается въ томъ сочиненіи, на которое въ данномъ случаѣ указываетъ г. Гофманъ. Но, какъ намъ представляется, нельзя, не говоря уже о первомъ, сдѣлать и послѣдній выводъ, и потому мы желали бы большей послѣдовательности и единообразія указаній на одно и то же пособіе — само собою разумѣется, гдѣ только это возможно; такое единообразіе имѣло бъ и свою практическую выгоду по той простой причинѣ, что въ одной книгѣ справляться и легче и возможнѣе, чѣмъ въ нѣсколькихъ; оно сберегло бы много времени, которое одинаково дорого, какъ для наставника, такъ и для ученика.

Вслѣдъ за указаніемъ пособій идетъ введеніе, въ которомъ изложены въ краткихъ, но существенныхъ чертахъ всѣ обстоятельства, подавшія поводъ къ рѣчи Цицерона: de imperio Cnei Pompei. Это введеніе въ существенныхъ чертахъ осталось не измѣненнымъ противъ перваго изданія.

За симъ слѣдуетъ, подъ заглавіемъ: „Реторическое построеніе рѣчи", схематизація рѣчи Цицерона, сдѣланная сообразно съ требованіями древней риторики. Этой схематизаціи не было въ первомъ изданіи, и мы не можемъ не одобрить ея помѣщенія, на нашъ взглядъ

существенно необходимаго. Дѣло въ томъ, что рѣчи Цицерона, не отличаясь тѣми непосредственными достоинствами содержанія, которымъ мы удивляемся въ рѣчахъ Демосѳена, тѣмъ не менѣе представляютъ такую законченность, такое совершенство формы, что изученіе ея оказывается неизбѣжнымъ. Къ сожалѣнію, до настоящаго времени мы не имѣемъ на русскомъ языкѣ ни одного учебника риторики, на основаніи котораго ученикъ могъ бы разобрать построеніе рѣчи, и потому это построеніе должно быть разъяснено комментаторомъ.

Наконецъ, издатель приступаетъ къ самому тексту рѣчи, сопровождая его объяснительными примѣчаніями. Текстъ, по заявленію г. Гофмана, взятъ имъ, за немногими исключеніями, изъ изданія Рейнгольда Клоца (M. Tullii Ciceronis Orationes selectae XIX, recognovit *R. Klotz*, Pars I, 1868), изданія, отличающагося, сравнительно, консервативнымъ направленіемъ критики, и потому такой выборъ заслуживаетъ одобренія, хотя, можетъ быть, и найдутся ученые, которые пожелали бы, и не безъ основаній, чтобы тексту Клоца былъ предпочтенъ текстъ Байтера (срав. напр. § 33 in praedonum fuisse potestatem). Перепечатывая текстъ Клоца, г. Гофманъ удерживалъ и принятую въ немъ орѳографію, которая почти что игнорируетъ тѣ результаты, коихъ достигли въ этой области труды Ричля, Флекейзена, Брамбаха. Спѣшимъ оговориться, что въ только что высказанномъ мы отнюдь не имѣли въ виду выразить желаніе, чтобы въ учебное изданіе были введены всѣ орѳографическія реформы, предлагаемыя теперь въ значительномъ количествѣ многими учеными. По нашему убѣжденію, въ этомъ вопросѣ, какъ и во многихъ другихъ, должно соблюдать большую осторожность. Только то, что̀ основано на твердыхъ данныхъ, до чего достигнуто путемъ строгой методики, можетъ и должно вноситься въ учебныя книги,—иначе мы рискуемъ ознакомить юношество не съ положительными фактами языка, а съ предположеніями, слишкомъ преждевременно возведенными на степень научныхъ результатовъ. Къ сожалѣнію, отъ этого не свободны нѣкоторые нѣмецкіе учебники и учебныя книги, именно въ вопросѣ объ латинской орѳографіи. Принимая весьма многія соображенія изслѣдователей въ этой области за конечные результаты, многіе издатели римскихъ классиковъ держатся такой орѳографіи, которая можетъ сбить съ толку даже наставника, не говоря уже про ученика. Но, не одобряя излишней ревности, мы не можемъ одобрить и излишней робости при замѣнѣ стараго новымъ; при множествѣ еще недостаточно окрѣп-

шихъ и обоснованныхъ соображеній, новѣйшіе изслѣдователи латинской ороографіи пришли и къ такимъ результатамъ, которые можно и даже должно вносить въ учебныя книги. Къ такимъ относимъ мы напримѣръ, замѣну *j* через *i*, *quum* черезъ *cum*, *negligere* черезъ *neglegere* и нѣкоторые другіе.

Переходимъ къ примѣчаніямъ, которыми г. Гофманъ въ обиліи снабдилъ свое изданіе. Что касается ихъ количества, то пожалуй, нѣкоторые могутъ найдти его слишкомъ значительнымъ, въ виду того, что оно можетъ мѣшать ученику сосредоточиться на текстѣ и стараться самому понять писателя. Дѣйствительно, и въ комментаріѣ, какъ и во всемъ другомъ, слѣдуетъ соблюдать необходимую мѣру, ибо ничего не можетъ быть безполезнѣе, какъ если подавленный массою примѣчаній учащійся или позабудетъ изъ-за нихъ объ объясняемомъ ими текстѣ, или же вовсе не будетъ обращаться къ нимъ. Но въ разсматриваемомъ нами изданіи значительное число примѣчаній можетъ, по нашему мнѣнію, найдти себѣ оправданіе въ томъ, что книга г. Гофмана назначается не только для учащихся, но и для учащихъ. Посему многое, дѣйствительно излишнее для первыхъ, оказывается весьма полезнымъ для послѣднихъ, ибо даетъ имъ точно формулированный матеріалъ для разъясненія ученикамъ того или другаго мѣста, того или другаго вопроса. Этимъ объясняется и то обстоятельство, что во многихъ случаяхъ г. Гофманъ даетъ готовые отвѣты, выводы, тогда какъ былъ бы желателенъ процессъ, которымъ они достигаются, предоставить ученику, только направивъ его соображеніе на вѣрный путь посредствомъ понятнаго для него намека или указанія. Относительно качества примѣчаній мы считаемъ возможнымъ отослать читателя къ упомянутой выше рецензіи г. Фохта, въ которой можно найдти подробную и вѣрную характеристику достоинствъ комментарія г. Гофмана. Здѣсь же мы находимъ нужнымъ остановиться на нѣкоторыхъ частностяхъ и высказать или свои желанія или недоумѣнія по поводу того или другаго отдѣльнаго замѣчанія или выраженія.

Стр. 2. пр. 3. locus ad dicendum ornatissimus—„самымъ славнымъ называется ораторское мѣсто" и т. д. Здѣсь ornatissimus значитъ скорѣе „самый почетный"; такъ понимаетъ и Georges въ своемъ словарѣ s. v. Сравн. *Seyffert*, Ciceron, Laelius, p. 484.

Стр. 3. Не излишне было бъ обратить вниманіе учащихся на выраженія: perfectum ingenio, elaboratum industria. Разъясненіе могло бы быть заимствовано у Гальма.

Стр. 4. Точно также слѣдовало бъ указать на искусную аллитерацію въ соединеніи *p*raetor *p*rimus *c*enturiis *c*unctis.

Стр. 4. пр. 5. Врядъ ли вѣрно замѣчаніе о томъ, что диктаторы избирались въ comitia centuriata. Ср. *Mommsen*, Röm. Staatsr., II, 1, p. 133.

Стр. 7. пр. 9. „Всадники римскіе, образовавъ откупныя общества, взяли отъ цензоровъ на откупъ государственныя подати на пять лѣтъ. Они выбирали начальниковъ... и т. д.". Очевидно, здѣсь вмѣсто „взяли", слѣдуетъ сказать „брали".

Стр. 11. Было бы не излишне сказать нѣсколько словъ объ anastrophe предлога въ tota in Asia.

Ibid. Точно также слѣдовало бъ обратить вниманіе учащихся на соединенія: regnat et ita regnat и далѣе: triumphavit... sed ita triumpharunt. Кромѣ того, это perfectum не есть perfectum logicum, и потому regnaret не значитъ: „еще царствуетъ", а просто: „продолжалъ царствовать".

Стр. 12. in Asiae luce — „во много посѣщаемыхъ мѣстностяхъ Азіи". Такъ какъ это выраженіе непосредственно относится къ предыдущему: emergere ex patrio regno, то намъ думается, что in Asiae luce удобнѣе было бы передать русскимъ: „на виду".

Стр. 13. пр. 5. О соединеніи postquam съ Coni. plusqprf. не излишне было бы выразиться не столь категорически, ибо многими учеными оно не допускается. См. *Gossrau*, Lat. Sprachlehre, § 464 Anm. 7.

Ibid. пр. 8. usque in Hispaniam лучше было бы передать не черезъ: „въ самую Испанію", а „вплоть до Испаніи".

Стр. 16. пр. 3 Врядъ ли вѣрно, что lumen стоитъ *вмѣсто* lucmen; скорѣе слѣдовало бъ сказать, что оно произошло изъ lucmen.

Ibid. Не излишне было бы обратить вниманіе учащагося на выраженіе: *extinctum esse* voluerunt и *omni* supplicio excruciatum, а также указать на техническое значеніе гл. imminuere.

Ibid. periculum ac discrimen г. Гофманъ объясняетъ черезъ hendiadys — periculi discrimen. Такое объясненіе врядъ ли вѣрно; намъ думается, что оба слова—и periculum и discrimen имѣютъ здѣсь одинаковую значимость: periculum есть опасность вообще, а discrimen— такое опасное положеніе, при которомъ является вопросъ о бытіи или небытіи какой либо вещи. Вообще замѣтимъ, что при фигурѣ hendiadys слѣдуетъ быть весьма осторожнымъ и не находить ея тамъ, гдѣ ея дѣйствительно не существуетъ.

Стр. 23. пр. 4. выраженіе: „составъ домашнихъ жителей" не ловко по русски.

Стр. 29. пр. 2. quam.... liberavit=„sed eam liberavit". Опредѣлительныя относительныя предложенія иногда заключають въ себѣ смыслъ, противоположный прежнему". Такое объясненіе не вполнѣ понятно.

Стр. 33. пр. 5. „Ora первоначально значитъ крайность, граница, предѣлъ, въ отличіе отъ внутреннихъ частей". По русски такое понятіе хорошо выражается словомъ: окраина.

Стр. 36. Слѣдовало бъ обратить вниманіе учащагося на выраженіе: partem militum, qui iam *stipendiis confecti* erant.

Стр. 42. Точно также слѣдовало бъ указать на фигуру олицетворенія въ выраженіяхъ: testis est Italia.... testis est Sicilia и т. д., равно какъ и на анафору.

Стр. 45, omnibus annis „въ какое угодно продолжительное время". Врядъ ли такое толкованіе справедливо; вѣрнѣе объясняетъ Гальмъ: omnibus annis, neml. seiner Lebenszeit.

Стр. 46, прим. 1, tecta „кровы, то-есть, имущество". Эта прибавка излишня и невѣрна.

Ibid. прим. 6. „За каждымъ преторомъ въ провинціяхъ слѣдовало, какъ принадлежность власти, шесть ликторовъ....". Выраженіе не совсѣмъ точное, ибо ликторы обыкновенно не слѣдовали за магистратомъ, но предшествовали ему.

Стр. 47, прим. 2, „vitam ducere въ смыслѣ „жить", иначе не говорится". Фраза неловкая и могущая дать поводъ къ невѣрному пониманію.

Ibid. прим. 5, вмѣсто „на границѣ Лаціи" слѣдовало бы сказать: на границѣ Лаціума.

Стр. 48, прим. 4, выраженіе: „labes въ переносномъ смыслѣ пятно, приносящее съ собою гибель" неудачно и не ясно.

Стр. 54 слѣдовало бы обратить вниманіе на hibernis, при чемъ объясненіе могло бы быть заимствовано у Гальма.

Стр. 55, прим. 4, non modo... sed ne... quidem. Примѣчаніе, въ которомъ объясняется употребленіе non modo—sed ne—quidem вмѣсто non modo non... sed ne... quidem не идетъ къ данному мѣсту, ибо въ немъ при non modo есть отрицаніе: non modo—nemini vis adfertur, но это примѣчаніе относится къ фразѣ того же параграфа, стоящей не много выше: ut non modo manus tanti exercitus, sed ne vestigium quidem.... Кромѣ того, параграфъ изъ граматики Мадвига

(§ 461) показанъ ошибочно, вмѣсто § 471. Впрочемъ, та же ошибка находится и у Гальма.

Стр. 57, прим. 3, „memoriae proditum говорится объ историкѣ, передающемъ историческія событія". Это объясненіе врядъ ли подходитъ къ данному мѣсту.

Ibid. прим. 8, dicendi gravitate et copia — „выразительностью и плодовитостью рѣчи". Gravitas есть скорѣе „вѣскость", а „copia" то обиліе, которымъ отличается рѣчь хорошаго оратора.

Стр. 66, прим. 1, quod ut „и что это". Здѣсь ut зависитъ отъ velle et optare debetis, и потому значитъ не что, а чтобы.

Стр. 69, прим. 1. Въ соединеніи ipsa re (лат.) ac ratione—ratio не столько „разумное изслѣдованіе", сколько „разумный взглядъ".

Ibid. прим. 7. Nam tu idem, Q. Hortensi—„и ты также". Такой переводъ въ данномъ мѣстѣ не совсѣмъ удобенъ; лучше было бы передать: вѣдь и ты, Кв. Гортензій, точно также.

Стр. 73, прим. 5. Appia iam via carebamus „должны были отречься". Мы передали бы это carebamus скорѣе черезъ: „должны были избѣгать, не смѣли показываться".

Стр. 78, прим. 2, etiam atque etiam — „долго"; по русски очень часто это etiam atque etiam можетъ быть передано словами: „хорошенько", какъ здѣсь, такъ и въ приведенномъ г. Гофманомъ примѣрѣ изъ Саллюстія: etiam atque etiam reputate.

Ibid. прим. 10, si quid eo factum esset. Не излишне было бы обратить вниманіе учащагося на это *eo*.

Стр. 81, huic imperio неудачно передано: „нашей имперіи".

Стр. 82, прим. 2, Gravitas здѣсь не „строгая нравственность", а просто „строгость", что ясно изъ примѣчанія Гальма ad l.

Стр. 83, прим. 5. Non nemo соотвѣтствуетъ скорѣе русскому „кто-то", а не „нѣкто".

Стр. 84, прим. 2, ex senatus consulto legibus solutus. Въ примѣчаніи къ этому мѣсту г. Гофманъ говоритъ о томъ, что сенатъ присвоилъ себѣ право отмѣнять законы. Но рѣчь идетъ не объ отмѣнѣ закона, а только о непримѣненіи его.

Стр. 86, прим. 1, vel соотвѣтствуетъ скорѣе русскому „хоть", а не „даже".

Стр. 88, прим. 4, hostium simulatione лучше: „пользуясь непріятелями, какъ предлогомъ", а не „подъ предлогомъ непріятелей".

Здѣсь мы остановимся. Цѣль нашихъ замѣтокъ, число которыхъ могло бы быть увеличено, состоитъ въ желаніи видѣть книгу г. Гоф-

мана въ слѣдующемъ изданіи еще лучше и безукоризненнѣе. Въ этихъ же видахъ обратимъ вниманіе почтеннаго издателя на нѣкоторыя, болѣе крупныя опечатки: стр. 25, 8, non вм. nos; стр. 41, 2, ad вм. ab; стр. 80, 3, hos вм. hoc.

Въ заключеніе долгомъ считаемъ рекомендовать изданіе г. Гофмана всѣмъ, приступающимъ къ чтенію Цицерона, какъ прекрасное, вполнѣ полезное пособіе. Надѣемся, что почтенный издатель не ограничится одною рѣчью, а подаритъ намъ и изданія нѣкоторыхъ другихъ произведеній римскаго оратора.

И. Помяловскій.

Отчетъ Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ за 1873—1875 года, представленный Директоромъ музеевъ г. министру народнаго просвѣщенія. М. 1877.

Московскій публичный и Румянцевскій музеи состоятъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) отдѣленіе рукописей и славянскихъ старопечатныхъ книгъ, 2) библіотека, 3) отдѣленіе изящныхъ искусствъ и классическихъ древностей, 4) отдѣленія древностей доисторическихъ, христіанскихъ и русскихъ, 5) Дашковскій этнографическій музей, 6) отдѣленіе иностранной этнографіи и 7) минералогическій кабинетъ. Не смотря на свое недавнее существованіе (съ 1862 г.), музеи, при просвѣщенномъ попеченіи правительства и живомъ сочувствіи общества, успѣли уже обогатиться весьма драгоцѣнными предметами и коллекціями и заняли почетное мѣсто въ ряду европейскихъ учрежденій такого рода. Расширеніе ихъ идетъ безостановочно, требуя постоянныхъ и неусыпныхъ заботъ со стороны начальства и служащихъ по внутреннему устройству ихъ и каталогизаціи хранимыхъ предметовъ, между тѣмъ какъ пользованіе музеями успѣло уже оказать несомнѣнное и замѣтное вліяніе на движеніе русской науки и образованности. Поэтому и отчеты музеевъ, заключающіе въ себѣ подробную лѣтопись ихъ внутренней жизни, всегда представляютъ живой интересъ. Таковъ и тотъ отчетъ, который вновь обнародованъ нынѣ начальствомъ музеевъ за періодъ съ 1873 по 1875 годъ. Считаемъ поэтому не лишнимъ извлечь изъ него наиболѣе выдающіеся факты о состояніи музеевъ въ теченіе означенныхъ лѣтъ.

1) *Отдѣленіе рукописей и старопечатныхъ книгъ.* Самымъ капитальнымъ событіемъ отчетнаго трехлѣтія по этому отдѣлу было окончательное поступленіе въ его составъ собранія, принадлежавшаго знаменитому нашему путешественнику по Востоку и собирателю древностей,

покойному П. И. Севастьянову. Оно, вмѣстѣ съ составленнымъ имъ, столь извѣстнымъ въ ученомъ мірѣ, собраніемъ христіанскихъ древностей, съ самаго основанія Московскаго публичнаго музея было выставлено въ его залахъ на правахъ временнаго пользованія. Затѣмъ владѣлецъ его, собственноручнымъ завѣщаніемъ отъ 5-го іюля 1865 г., предназначилъ его безмездной передачѣ въ полную собственность музея, но упомянутому завѣщанію не успѣлъ дать офиціальной формы, а потому послѣ кончины его въ январѣ 1867 г., исполненіе его воли относительно собранныхъ имъ сокровищъ встрѣтило нѣкоторыя затрудненія. Они были устранены окончательно только въ октябрѣ 1874 г., по уступкѣ наслѣдниками П. И. Севастьянова, частію безмездно, частію за денежное вознагражденіе, ихъ правъ на владѣніе собраніемъ, при чемъ наслѣдники передали въ музеи, кромѣ древностей, еще: а) большую коллекцію фотографическихъ позитивовъ и негативовъ съ рукописей и другихъ предметовъ древности, и б) относящіеся къ собранію бумаги и реестры. По рукописному и старопечатному отдѣленію музеевъ въ составъ Севастьяновскаго собранія входятъ: коллекція 77 греческихъ рукописей съ IX по XVII вѣкъ и 8 портфелей съ отрывками изъ 80 пергаменныхъ и 40 бумажныхъ манускриптовъ; б) 10 рукописей на латинскомъ и восточныхъ языкахъ XIV—XVII вв.; в) коллекція 52 славянскихъ рукописей, преимущественно сербскаго и болгарскаго письма, въ томъ числѣ 10 пергаменныхъ, XIII—XV в., 38 бумажныхъ, преимущественно XV в., и 4 портфеля съ отрывками изъ семи рукописей пергаменныхъ и 30 бумажныхъ (многія рукописи важны въ филологическомъ и литературномъ отношеніяхъ); г) небольшая коллекція автографовъ русскихъ и иностранныхъ; д) небольшая, но очень замѣчательная коллекція славянскихъ старопечатныхъ книгъ въ 25 нумеровъ, преимущественно печатанныхъ въ Цетиньѣ, Венеціи, Бѣлградѣ, Скадарѣ, Львовѣ и проч.; е) составленная собирателемъ въ 1857—1861 гг. коллекція фотографическихъ снимковъ съ греческихъ, славянскихъ и русскихъ рукописей и актовъ, хранящихся въ разныхъ монастыряхъ Аѳонской горы; П. И. Севастьяновъ избиралъ для фотографированія, такія рукописи, которыя, помимо своей древности и палеографическаго значенія, представляли сравнительно бо́льшій интересъ или по находящимся въ нихъ миніатюрамъ и орнаментамъ, или по важности содержанія, или по другимъ особенностямъ своего состава (напримѣръ, нотныя рукописи); при этомъ памятники особенно важные или же небольшаго объема, каковы, напримѣръ, акты, были сняты вполнѣ, изъ остальныхъ

же рукописей сняты отрывки, отъ 5 до 100 страницъ изъ каждой; всѣхъ рукописей сфотографировано болѣе 100, а актовъ до 200; общее же число снимковъ, судя по реестрамъ самого Севастьянова, должно восходить до 5000, но въ наличности ихъ менѣе, такъ какъ самъ собиратель раздавалъ отдѣльные листки и цѣлыя тетради снимковъ разнымъ лицамъ для пользованія, и лица эти удерживаютъ ихъ у себя еще донынѣ. Впрочемъ, такъ какъ въ коллекціи, кромѣ позитивовъ, имѣются также фотографическіе негативы (на бумагѣ) въ полномъ составѣ, то недостающіе снимки могутъ быть воспроизведены снова. Въ настоящемъ своемъ составѣ коллекція содержитъ въ себѣ между прочимъ: 1) полный снимокъ съ Ватопедскаго греческаго кодекса библейскихъ книгъ, писаннаго на пергаментѣ въ XI — XII вв. въ листъ, на 461 лл., и украшеннаго 180 миніатюрами; 2) снимокъ съ Ватопедской же пергаменной греческой рукописи, XII—XIII в., содержащей въ себѣ географическія сочиненія Птоломея и Страбона, съ раскрашенными географическими картами, въ листъ, на 296 лл.; 3) полный списокъ съ славянскаго Зографскаго Евангелія (подлинникъ нынѣ въ Императорской публичной библіотекѣ въ Петербургѣ), писаннаго на пергаментѣ частію глаголицей, частію кириллицей, въ XII—XIII вв., въ 4-ку, на 304 лл., и проч.

Второе существенное приращеніе музеевъ, составляетъ собраніе рукописей и актовъ, пріобрѣтенное послѣ проф. И. Д. Бѣляева. Всѣхъ рукописей и картоновъ съ актами и другими бумагами въ этомъ собраніи 173. Изъ нихъ около 100 нумеровъ историческаго и литературнаго содержанія, а остальные — историко-юридическаго. Въ первомъ отдѣлѣ между прочимъ заключаются до 20 лѣтописей и другихъ памятниковъ лѣтописнаго характера, 4 картона съ частными письмами разныхъ лицъ XVII и частію XVIII вв., до 20 офиціальныхъ записныхъ книгъ (разрядныхъ, посольскихъ, таможенныхъ и проч.), 15 рукописей съ матеріалами по исторіи русской церкви и духовной письменности, 20 рукописей по старинной литературѣ свѣтскаго содержанія—научнаго и литературнаго, наконецъ 10 сборниковъ смѣшаннаго состава; нѣкоторыя изъ рукописей этого отдѣла представляютъ памятники, донынѣ вовсе неизвѣстные, какъ напримѣръ, сочиненіе Софронія Лихуда противъ раскольниковъ: „Коллурій о лютей страсти очеболѣнія капитонскаго", житіе патріарха Іоакима, малороссійская редакція повѣсти объ Александрѣ Македонскомъ, сатирическое сочиненіе „Кабацкій праздникъ" и т. д. Въ составъ второго отдѣла Бѣляевскаго собранія входятъ памятники русскаго

законодательства, записныя книги и сборники грамотъ и другихъ актовъ, дѣла разныхъ приказовъ въ столбцахъ, книгахъ и тетрадяхъ, и большая коллекція, также въ столбцахъ и тетрадяхъ, разнообразныхъ формъ старинной русской администраціи и судопроизводства; нѣкоторые подлинные документы восходятъ къ XIV вѣку и доходятъ до XVIII столѣтія.

Третье пріобрѣтеніе составляетъ коллекція славянскихъ старопечатныхъ книгъ, съ 1519 по 1700 г., въ количествѣ 48 нумеровъ, полученная изъ дублетовъ Императорской публичной библіотеки въ обмѣнъ на дублеты музеевъ. Въ числѣ ихъ упомянемъ въ особенности одну „Тріодь постную", въ листъ, на 396 и 19 лл., безъ выхода. О ней въ отчетѣ сказано: „Судя по шрифту, орнаментамъ, составу, редакціи и правописанію, эта Тріодь несомнѣнно принадлежитъ къ изданіямъ типографіи московской, а судя по находящейся на экземплярѣ названнаго изданія, принадлежащемъ Воскресенскому Новоіерусалимскому монастырю, вкладной подписи „митрополича (Московскаго митрополита Макарія) ключника, старца Севастьяна", 7070 (1561 — 1562) г., она вышла въ свѣтъ, несомнѣнно, прежде 1563 г., а можетъ быть, и прежде 1562 г., слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, прежде Московскаго такъ называемаго „первопечатнаго Апостола" (стр. 26—27). Изъ числа 48 книгъ этой коллекціи, 30 нумеровъ прежде вовсе не имѣлись въ музеяхъ, а остальные находились, но въ неполномъ или поврежденномъ видѣ.

Подобный же обмѣнъ сдѣланъ музеями съ С.-Петербургскою духовною академіей, откуда получена также коллекція памятниковъ славянской старопечати, преимущественно Московской и Виленской типографій, въ особенности замѣчательныхъ по сохранности и свѣжести экземпляровъ, изъ коихъ нѣкоторые, по видимому, вовсе не были въ употребленіи, и за исключеніемъ переплета, сохранились въ томъ видѣ, какъ вышли изъ типографіи. Всѣхъ нумеровъ въ этой коллекціи 126, въ томъ числѣ 8—XVI в., 94—XVII в. и 24—XVIII в. Изъ нихъ особенно замѣчательны двѣ слѣдующія книги: 1) Евангеліе, безъ выхода, не имѣющее помѣты ни по листамъ, ни по тетрадямъ, въ листъ, на 397 лл. „Судя по шрифту, орнаментамъ, редакціи текста и другимъ признакамъ", сказано въ отчетѣ,—„изданіе несомнѣнно московское, и всего вѣроятнѣе, принадлежащее къ древнѣйшей въ Москвѣ эпохѣ книгопечатанія, предшествующей Апостолу Ивана Ѳедорова, 1564 г." (стр. 30). 2) Псалтырь безъ выхода, въ листъ, съ помѣтой внизу по тетрадямъ, коихъ 34, и вверху по ли-

стамъ, въ два счета, изъ коихъ второй начинается послѣ 124-го листа (съ 77-го псалма). Орнаменты этого изданія, за исключеніемъ немногихъ, совершенно оригинальнаго характера, какихъ не встрѣчается ни въ русскихъ изданіяхъ, ни въ южно- и западно-славянскихъ; шрифтъ изданія совершенно сходенъ съ однимъ Евангеліемъ XVI в., безъ выхода, извѣстнымъ въ весьма немногихъ экземплярахъ, изъ коихъ одинъ находится въ музеяхъ. Судя по совокупности признаковъ, между прочимъ и по бумажнымъ знакамъ, одинаковымъ съ находящимися въ Московскомъ Апостолѣ 1564 г., эта псалтырь, подобно сходному съ нимъ Евангелію, печатана въ Вильнѣ, и притомъ, вѣроятно, прежде извѣстнаго Виленскаго Евангелія 1575 г., а можетъ быть, прежде и переселенія московскаго книгопечатанія въ Литву. Изъ экземпляровъ этой коллекціи 90 нумеровъ составили совершенно новый запасъ книгъ для музеевъ.

Третій обмѣнъ славянскихъ старопечатныхъ изданій сдѣланъ музеями съ Московскою епархіальною библіотекой и доставилъ музеямъ 258 нумеровъ, изъ коихъ 216 не имѣлись до тѣхъ поръ въ музейномъ собраніи. Главный интересъ этой коллекціи состоитъ въ массѣ изданій раскольничьихъ, конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣковъ, напечатанныхъ, по показанію выходныхъ листовъ, въ Клинцахъ, Вильнѣ, Гроднѣ, Почаевѣ и Супраслѣ или выпущенныхъ въ свѣтъ безъ обозначенія года, либо мѣста печатанія, или вовсе безъ выхода. Общее число этихъ изданій, со включеніемъ дублетовъ и изданій старообрядческой единовѣрческой типографіи, восходитъ въ коллекціи до 190 нумеровъ; бо́льшая часть ихъ составляютъ буквальную перепечатку, страница въ страницу и строка въ строку, соотвѣтственныхъ имъ, столь уважаемыхъ нашими раскольниками, изданій московской типографіи, вышедшихъ въ патріаршество Іосифа, а затѣмъ предыдущихъ раскольничьихъ же изданій, и отличаются одно отъ другаго лишь мелкими, часто едва замѣтными, типографскими особенностями, какъ-то: мелочными разностями въ наборѣ, типографскими опечатками, орнаментами и т. п.

Остальныя пріобрѣтенія музеевъ цѣлыми коллекціями по разсматриваемому отдѣлу суть: 1) Собраніе изъ 258 рукописей на китайскомъ и манчжурскомъ языкахъ, составленное извѣстнымъ нашимъ синологомъ К. А. Скачковымъ и пожертвованное потомств. поч. гражданиномъ А. Л. Родіоновымъ. Собраніе это содержитъ въ себѣ рукописи по всѣмъ областямъ вѣдѣнія, и между прочимъ, въ историческомъ отдѣлѣ—нѣсколько сочиненій, касающихся отношеній между

Китаемъ и Россіей. 2) Коллекція изъ 18 славянскихъ и русскихъ рукописей, вымѣненныхъ у П. Е. Бранденбурга, въ которой особеннаго вниманія заслуживаетъ рядъ записныхъ книгъ XVII в. объ устройствѣ валовъ и башень въ Московскомъ Кремлѣ, въ Муромѣ, Серпуховѣ, Ивонскѣ, Суздалѣ, Волховѣ, Ржевѣ-Володимеровѣ, Касимовѣ, Зарайскѣ, Калугѣ и Брянскѣ. 3) Небольшая коллекція славянскихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ, переданная изъ общества древне-русскаго искусства, которому принесена въ даръ членомъ-корреспондентомъ А. Т. Вахрушинымъ. 4) Бумаги Н. А. Дубровскаго, переданныя въ музеи имъ самимъ не задолго до своей смерти, въ томъ числѣ его дневникъ и путевыя замѣтки о разныхъ мѣстностяхъ Россіи, не изданныя. 5) Собраніе автографовъ Петра Великаго и другихъ лицъ Императорскаго дома, пріобрѣтенное покупкой. 6) Собраніе автографовъ государственныхъ людей, писателей, художниковъ и другихъ лицъ, Русскихъ и иностранцевъ, въ количествѣ 154 піесъ, изъ коихъ русскихъ автографовъ, принадлежащихъ 60 лицамъ,—127, а иностранныхъ—27. Коллекція эта принесена въ даръ музеямъ почетнымъ корреспондентомъ ихъ И. Е. Бецкимъ.

Наконецъ, розничныя пріобрѣтенія отдѣленія рукописей и старопечатныхъ книгъ составляютъ до 60 нумеровъ, считая подъ отдѣльный нумеръ цѣлыя маленькія собранія, какъ напримѣръ, собраніе сочиненій Гр. Сковороды, фамильныя бумаги графа А. К. Гудовича и пр. Въ ряду этихъ пріобрѣтеній особенно замѣчательна рукопись второй части Мертвыхъ Душъ Гоголя; она есть автографъ автора, писана на 144 страницахъ почтоваго формата и вся испещрена поправками и дополненіями автора, сдѣланными въ нѣсколько пріемовъ, въ разное время, разными чернилами и отчасти карандашомъ. „Какъ извѣстно", говорится въ отчетѣ,—„по этимъ поправкамъ, то-есть, въ томъ видѣ, въ какомъ желалъ представить свое произведеніе публикѣ самъ авторъ, оно было воспроизведено профессоромъ С. П. Шевыревымъ, и потомъ въ первый разъ издано въ 1855 году Н. Трушковскимъ, которымъ, въ предисловіи къ изданію, разсматриваемый автографъ Гоголя и подробно описанъ. Потомъ, въ 1857 году, въ извѣстномъ изданіи Сочиненій и писемъ Гоголя, П. А. Кулиша (т. IV), кромѣ исправленнаго текста, была напечатана и первоначальная его редакція. Въ этомъ послѣднемъ изданіи всѣ поправки автора исключены, и воспроизведенъ текстъ исправленныхъ мѣстъ въ томъ видѣ, какой они имѣли прежде передѣлки, и какъ они были переписаны самимъ авторомъ на-бѣло, прежде чѣмъ были

зачеркнуты. Но естественно, что съ одной стороны, по неразборчивости поправокъ, особенно писанныхъ карандашомъ и часто только набросанныхъ, съ другой—вслѣдствіе трудности разобрать зачеркнутыя мѣста, на что совершенно справедливо указываетъ первый издатель разсматриваемаго памятника, упомянутыя изданія строгимъ требованіямъ критики удовлетворить не могутъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ изданіи, многое прочитано, даже дополнено по догадкамъ, съ которыми можно согласиться и не согласиться, иное же, по крайней неразборчивости, опущено совсѣмъ. Слѣдуетъ, кромѣ того, прибавить, что въ изданіи Трушковскаго поправки и дополненія автора, сдѣланныя въ нѣсколько пріемовъ, очевидно, спустя долгій промежутокъ времени, далеко не всѣ и не съ надлежащею точностью отличены однѣ отъ другихъ. По всему этому вновь поступившій въ составъ рукописнаго отдѣленія музеевъ памятниковъ для будущихъ издателей сочиненій Гоголя долженъ со временемъ представить необходимый документъ и вмѣстѣ матеріалъ, который исчерпанъ далеко не весь" (стр. 55—56).

Что касается внутренняго устройства и каталогизаціи отдѣленія, то въ теченіе отчетнаго періода помѣщеніе его значительно расширено и снабжено новыми шкафами, а всѣ поступившія, многочисленныя—какъ мы видѣли—пріобрѣтенія обстоятельно описаны.

При такихъ условіяхъ успѣшнаго развитія отдѣленія не удивительно, что хранящіяся въ нихъ сокровища постоянно привлекаютъ къ себѣ многихъ изслѣдователей, и должно сказать, что со стороны музеевъ они встрѣчаютъ полное содѣйствіе и готовность служить интересамъ науки. Поэтому можно сказать положительно, что безъ пособія матеріаловъ, предлагаемыхъ музеями, не обошелся ни одинъ серьезный ученый трудъ по части русской исторіи, политической и литературной, изъ числа появившихся въ послѣднее десятилѣтіе.

2) *Библіотека* музеевъ, не смотря на то, что содержитъ въ себѣ сто слишкомъ тысячъ разныхъ изданій въ числѣ, приблизительно, 250,000 томовъ и брошюръ, составляетъ, къ сожалѣнію, хотя и разнообразное, но недостаточно систематическое книжное собраніе. Рядомъ съ большими рѣдкостями по книжной части, въ ней недостаетъ еще многихъ необходимыхъ пособій современной науки, а потому на управленіе музеевъ падаетъ чрезвычайно трудная обязанность не только пріобрѣтать важнѣйшія новости иностранной ученой литературы, но и пополнять пробѣлы прежняго времени. Тѣмъ труднѣе эта обязанность при ограниченности средствъ, которыми обладаютъ

музеи, и потому еще, что пожертвованія и подарки лишь въ малой степени могутъ содѣйствовать систематическому пополненію книгохранилища. Важнѣйшій вкладъ библіотеки составляютъ, разумѣется, изданія, выходящія въ предѣлахъ Имперіи; музеи, въ силу закона, получаютъ ихъ по одному экземпляру чрезъ посредство цензурнаго вѣдомства и отъ разныхъ правительственныхъ учрежденій, и въ теченіе отчетнаго періода таковыхъ пріобрѣтеній поступило 15,040 томовъ (кромѣ журналовъ и газетъ) и 153 экземпляра атласовъ, картъ и плановъ. Прочія же пріобрѣтенія библіотеки, за означенный періодъ времени, составляютъ до 5,000 томовъ и поступили въ нее частію отъ разныхъ частныхъ жертвователей и иностранныхъ ученыхъ учрежденій, частію путемъ покупки, которая, какъ сказано выше, доступна музеямъ, при ограниченности ихъ средствъ, лишь въ самыхъ малыхъ размѣрахъ; тѣмъ не менѣе и она, въ теченіе трехъ отчетныхъ лѣтъ представляетъ замѣтное возрастаніе; такъ, въ 1873 г. было на иностранныхъ языкахъ куплено всего 23 изданія въ 159 томахъ, въ 1874—уже 373 изданія, а въ 1875 г.—390 изданій.

Важнѣйшею изъ работъ по внутреннему устройству библіотеки должно считать исключеніе изъ нея дублетовъ русскихъ и иностранныхъ и ихъ каталогизацію.

3) *Отдѣленіе изящныхъ искусствъ и классическихъ древностей* сдѣлало въ отчетный періодъ слѣдующія пріобрѣтенія:

По *картинной галлерее*—пять картинъ масляными красками современныхъ русскихъ художниковъ К. Маковскаго, Виллевальде, Сорокина, Риццони, Гуна и Реймерса и одна акварель П. Соколова, принесенная въ даръ почетнымъ членомъ музеевъ В. Л. Нарышкинымъ, и 9 портретовъ русскихъ историческихъ дѣятелей, изъ коихъ 8 писаны Левицкимъ и Боровиковскимъ.

По *отдѣлу гравюръ*—нѣсколько весьма цѣнныхъ коллекцій оригинальныхъ рисунковъ извѣстныхъ художниковъ, гравюръ и фотографій, въ общей сложности до 3,800 нумеровъ.

По *нумизматическому* кабинету — также нѣсколько коллекцій и много отдѣльныхъ экземпляровъ; между поступившими коллекціями особенно замѣчательно собраніе покойнаго нумизмата Д. П. Сонцова, состоящее изъ 177 золотыхъ, 3,276 серебряныхъ и 1,599 мѣдныхъ монетъ (въ томъ числѣ: босфорскія, римскія, византійскія, древнегреческія, западно-европейскія, русскія, польскія, чешскія, венгерскія и трансильванскія) и 153 медалей изъ разнаго металла; русскій от-

дѣлъ этого собранія содержитъ въ себѣ много экземпляровъ рѣдкихъ и трудно находимыхъ.

Отдѣленія доисторическихъ, христіанскихъ и русскихъ древностей, подобно отдѣленію рукописей и старопечатныхъ книгъ, составляютъ одну изъ самыхъ существенныхъ частей музеевъ, не смотря на то, что они сформированы только въ предпослѣднее трехлѣтіе, а окончательное устройство получили лишь въ отчетный періодъ. Дѣло въ томъ, что въ устройствѣ этихъ отдѣленій выразилась дѣйствительная потребность современной науки, во время угаданная начальствомъ музеевъ; поэтому и рѣшимость начальства музеевъ образовать эти отдѣленія, не смотря на крайнюю скудость средствъ, была вознаграждена какъ обильными пожертвованіями въ этотъ отдѣлъ хранилища, такъ и постояннымъ вниманіемъ публики къ рѣдкостямъ, въ немъ находящимся. Въ настоящемъ своемъ видѣ означенныя отдѣленія, безъ сомнѣнія, далеки отъ полноты, и конечно, требуютъ еще новыхъ заботъ о ихъ развитіи; но и то, что̀ уже въ нихъ находится, представляетъ большой научный интересъ.

За отчетный періодъ отдѣленія сдѣлали слѣдующія важныя пріобрѣтенія:

По *доисторическимъ древностямъ*: 1) собранная въ Даніи коллекція въ 90 предметовъ, принадлежащихъ къ каменному вѣку и къ періоду такъ называемыхъ *кёкенмединговъ* (кухонныхъ остатковъ), въ которую входятъ роги дикаго быка и сѣвернаго оленя, клыкъ кабана, раковины различныхъ моллюсковъ и устрицъ, фрагменты горшковъ дурно обожженной глины, кремневые топоры, тесанные осколками, топоры шлифованные, кремневые ножи, скребки, сверла, кремневые кинжалы, наконечники стрѣлъ и копій, каменные шлифованные топоры, молоты и ткацкій челнокъ; коллекція эта, подлинность которой засвидѣтельствована извѣстнымъ датскимъ археологомъ г. Ворсо, подарена г. Томасомъ Петерсеномъ; 2) коллекція изъ 22-хъ предметовъ, найденная близъ р. Осетра, въ Зарайскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи и относящаяся къ желѣзному вѣку, къ такъ называемой смѣшанной, частію финской, частію славянской культурѣ; 3) 150 предметовъ костяной культуры доисторическаго періода, добытыхъ изъ городища, раскопаннаго на средства музеевъ близъ с. Дьякова, въ восьми верстахъ отъ Москвы, за с. Коломенскимъ. Сверхъ этихъ коллекцій, въ отдѣленіе поступило нѣсколько единичныхъ предметовъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи.

По *христіанскимъ и русскимъ древностямъ* важнѣйшимъ пріобрѣ-

теніемъ были обширныя собранія П. И. Севостьянова, подобно рукописямъ, только въ 1874 г. окончательно закрѣпленныя за музеями. Описаніе этихъ обширныхъ коллекцій требуетъ много мѣста, а потому здѣсь возможно ограничиться только перечнемъ ихъ составныхъ рубрикъ. И такъ, отдѣлъ древне-христіанскій заключаетъ въ себѣ частію въ подлинникахъ цѣльными вещами или фрагментами, частію въ копіяхъ и снимкахъ: памятники христіанской архитектуры и связанной съ нею орнаментаціи церквей мозаикой, фресками, скульптурой и пр.; памятники древне-христіанской скульптуры, какъ монументальной, такъ и мелкой; памятники христіанской живописи и въ тѣсномъ смыслѣ иконографіи; произведенія живописи миніатюрной; церковную утварь въ стеклянныхъ, глиняныхъ, металлическихъ и эмалевыхъ издѣліяхъ и церковныя одежды; отдѣлъ древне-русскій Севостьяновской коллекціи заключаетъ въ себѣ: а) въ подлинникахъ—14 рѣзныхъ костяныхъ иконъ и крестовъ русской работы съ XIV по XVIII вѣкъ, 16 рѣзныхъ деревянныхъ иконъ и крестовъ XVI—XVIII вѣковъ, 1 крестъ и 1 икона рѣзная на камнѣ XII и XVII вѣка, 153 серебряныхъ, и эмалевыхъ креста XVI—XVII вѣка, 32 креста мѣдныхъ съ финифтью и безъ оной XVII вѣка, 12 цѣпей серебряныхъ для крестовъ, 11 серебряныхъ вѣнчиковъ съ окладовъ XVI и XVII вѣка, 1 шитая икона, 1 шитый вѣнчикъ, 5 иконъ на деревѣ и хоругвей, 10 миніатюръ на бумагѣ, 6 оловянныхъ священныхъ сосудовъ, 29 пуговицъ серебряныхъ и 11 финифтяныхъ; б) въ копіяхъ: 6 слѣпковъ съ наружныхъ украшеній Димитровскаго собора во Владимірѣ и 8 фотографій съ русскихъ древностей, хранящихся въ Ватиканѣ и музеѣ Императорской академіи художествъ. Прочія пріобрѣтенія музеевъ по древне-христіанскимъ и русскимъ древностямъ состояли изъ болѣе мелкихъ коллекцій, и еще болѣе, изъ отдѣльныхъ предметовъ, между которыми есть однако весьма замѣчательные.

6) *Дашковскій этнографическій музей*, составляющій также одну изъ важнѣйшихъ составныхъ частей Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ, обогатился въ отчетный періодъ весьма замѣчательною коллекціей буддійскихъ музыкальныхъ инструментовъ и другихъ предметовъ религіознаго культа, употребляемыхъ при богослуженіи Бурятъ въ даңанахъ, коллекціей предметовъ домашняго быта Ижорцевъ Петербургской губерніи, коллекціей деревянныхъ издѣлій изъ Вологодской губерніи, нѣсколькими предметами, собранными во время Хивинской экспедиціи 1873 г., и кромѣ того, разными мелкими пожертвованіями. Каталогизація этихъ предметовъ и удобное раз-

мѣщеніе ихъ составляли предметъ особаго попеченія въ этомъ отдѣлѣ, который заслуживаетъ особеннаго вниманія по своему устройству, представляя собою уже теперь довольно полную картину нашего отечества въ этнографическомъ отношеніи.

Что касается отдѣленія 7) *иностранной этнографіи*, то музеи не имѣютъ ни средствъ, ни способовъ придать ему достаточную полноту. Тѣмъ не менѣе, отчетный періодъ принесъ въ это отдѣленіе нѣсколько замѣчательныхъ предметовъ, относящихся къ быту жителей островов Суматры, Явы, Новой Гвинеи, Новой Каледоніи, также Японіи, Китая и Буеносъ-Айреса; общее число предметовъ въ этомъ отдѣленіи простиралось до 2,700.

Наконецъ, 8) по *минералогическому кабинету* слѣдуетъ упомянуть о коллекціи въ 2,000 экземпляровъ, пожертвованной И. Д. Фонъ-Визинымъ.

СТЕРЕОМЕТРИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА БЕЛЛЕРЖЕ [1]).

Appréciations du tableau stéréometrique Baillairgé. Nouveau système de toiser tous les corps-segments, troncs et onglets de ces corps par une seule et même régle, par *Charles Baillairger*. Quebec. 1875.

Г. Беллерже, архитекторъ въ Квебекѣ въ Канадѣ, — извѣстный математикъ. Онъ придумалъ нѣкоторыя измѣненія въ курсѣ стереометріи, съ цѣлью сократить ея преподаваніе. Въ брошюрѣ, заглавіе которой выписано выше, содержится краткое изложеніе его системы и оцѣнка ея. Кромѣ этой брошюры, авторъ написалъ, между прочимъ, слѣдующія сочиненія: „Nouveau système de géometrie", содержащее въ себѣ руководство къ геометріи и тригонометріи, и 2) „Clef du système et Toisé complet des surfaces et des volumes". Но, къ сожалѣнію, книгъ этихъ не имѣется ни въ библіотекахъ Императорской публичной, Академіи наукъ и при С.-Петербургскомъ университетѣ, ни въ книжныхъ магазинахъ Петербурга; поэтому нѣтъ никакихъ данныхъ для доказательствъ касательно вывода общей стереометрической формулы, предлагаемой г. Беллерже. По отзывамъ англійскихъ математиковъ, автору удалось, при помощи строго обдуманной системы и соотвѣтственнаго расположенія теоремъ,—на одну четвертую или пятую долю сократить курсъ стереометріи, не уменьшая его научнаго значенія.

Система Беллерже, дѣйствительно, можетъ нѣсколько сократить курсъ стереометріи, такъ какъ для вычисленія объемовъ геометрическихъ тѣлъ она предлагаетъ одну общую формулу, окончательный

---

[1]) Извлеченіе изъ отзыва о трудѣ г. Беллерже, доставленнаго въ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія.

результатъ которой напечатанъ имъ на одномъ изъ листковъ (подъ лит. А.), приложенныхъ къ его брошюрѣ. Вотъ эта формула:

„Обозначивъ черезъ B и B′ площади параллельныхъ основаній или черезъ O, O′ параллельныя сѣченія черезъ оконечности даннаго тѣла; M—площадь сѣченія параллельнаго основаніямъ, проведеннаго на равномъ разстояніи отъ каждаго изъ нихъ; H—высоту или Д—діаметръ, перпендикулярные къ B, B′ и M, получимъ общую формулу:

$$\mathrm{Vol} = (B + B' + 4M)\,\frac{1}{6}\,H, \ldots (1),$$

помощію которой опредѣляются объемы тѣлъ: призмы, призмоида, цилиндра, цилиндроида, шара, сфероида, съ отрѣзками ихъ; объемы: пирамиды, конуса, коноида, а также и отрѣзковъ пирамиды, конуса, коноида и т. под.“. Для опредѣленія объемовъ тѣлъ неправильныхъ, ихъ разсѣкаютъ на слои такъ, чтобы кривыя линіи и поверхности подходили приблизительно къ прямымъ линіямъ и поверхностямъ, или къ опредѣленнымъ уже формамъ тѣлъ съ кривыми поверхностями; затѣмъ вычисляютъ объемъ каждаго слоя или каждой части и, по сложеніи этихъ составныхъ частей, получаютъ полный объемъ даннаго тѣла. Большая часть тѣлъ, разсматриваемыхъ въ курсахъ элементарной геометріи, при помощи этой формулы вычисляется совершенно точно; для нѣкоторыхъ изъ тѣлъ, въ особенности же для тѣхъ, которыя относятся къ геометріи высшей, получаются результаты приблизительные, весьма близкіе къ истиннымъ. Для практическаго приложенія формулы къ вычисленію объемовъ тѣлъ г. Беллерже изготовлена „стереометрическая таблица“ (Tableau stéréometrique), состоящая изъ ящика, или шкафа, въ 6 футовъ длины и 4 фута ширины, въ которомъ помѣщены 200 моделей разнаго вида тѣлъ которыя могутъ быть вычислены помощію упомянутой формулы. Модели эти сдѣланы изъ полированнаго дерева; каждая изъ нихъ посажена на металлическій штифтъ, съ котораго легко снимается и можетъ быть выдаваема учащимся въ руки, для ближайшаго съ этими тѣлами ознакомленія; по просмотрѣ же, модели могутъ быть опять насаживаемы на соотвѣтствующіе штифты. Коллекція этихъ тѣлъ такъ разнообразна, что каждое изъ болѣе сложныхъ по виду тѣлъ можетъ быть разложено на составныя части, подходящія къ означеннымъ моделямъ. Къ письму своему авторъ приложилъ фотографическій снимокъ съ этой таблицы.

Формула $V = (B + B' + 4M)\frac{H}{6}$, на которой Беллерже основываетъ

вычисленіе объемовъ тѣлъ, въ высшей мамематикѣ называется *Симпсоновою* (Formule de Simpson).

Бертранъ, членъ французскаго института, въ извѣстномъ сочиненіи своемъ „Traité du calcul differentiel et du calcul intégral“ (Paris, 1870) резюмируетъ ее слѣдующимъ образомъ: „Si une surface réglé est telle, que deux plans parallèles le coupent suivant deux courbes fermées de surfaces B et B′ et que la section faite à égale distance de chacune d'elles ait pour surface M, le volume compris entre la surface et les deux bases B et B′, dont la distance est H, a pour expression $V = \frac{H}{6}(B + 4M + B')$“. (V. II pag. 331 — 337).

Эту формулу находимъ и въ сочиненіяхъ: 1) „Des ingénieurs Taschenbuch, herausgegeben von dem Verein „die Hütte“ (Berlin, 1860) и 2) въ „Rudimentary tretise on mensuration, arranged for the use of schools and practical men, *Baker*, c. e. (London, MDCCCL).

Для многихъ изъ тѣлъ элементарной геометріи формула эта можетъ быть строго доказана. Несомнѣнная заслуга автора передъ наукою состоитъ въ томъ, что онъ обобщилъ правило, которое до его открытія примѣнялось только къ нѣкоторымъ частнымъ случаямъ, и помощію составленной имъ таблицы стереометрическихъ моделей облегчилъ ея примѣненіе на практикѣ. Польза отъ примѣненія усовершенствованной системы Беллерже состоитъ въ слѣдующемъ: она расширяетъ кругъ элементарной геометріи, ибо даетъ практическіе способы вычислять объемы такихъ тѣлъ, свойства которыхъ разсматриваются въ геометріи высшей; сокращаетъ время для прохожденія курса стереометріи, давая возможность пройдти въ нѣсколько недѣль то, на что, по прежней системѣ, нужны были мѣсяцы; формула эта примѣнима на практикѣ къ вычисленію объемовъ тѣлъ даже и для ученика съ малоразвитыми математическими способностями, вслѣдствіе чего, при извѣстнаго рода данныхъ, можетъ быть употребляема не только въ среднихъ, но даже въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, мужскихъ и женскихъ. Для большинства тѣлъ, входящихъ въ область элементарной геометріи, при надлежащемъ выборѣ среднихъ сѣченій, она даетъ результаты вполнѣ точные.

Какъ въ Америкѣ, такъ и въ Западной Европѣ, стереометрическая таблица г. Беллерже удостоена была одобрительныхъ отзывовъ извѣстныхъ математиковъ и ученыхъ обществъ; авторъ избранъ почетнымъ членомъ многихъ воспитательныхъ и техническихъ учреж-

деній; въ Америкѣ и въ Европѣ ему присуждены семь поощрительныхъ медалей [1]) за полезное открытіе.

Стереометрическая таблица (Tableau stéréometrique) г. Веллерже со всѣми къ ней дополненіями и съ курсомъ геометріи (Nouveau système de Géométrie etc.) того же автора можетъ быть рекомендована какъ весьма полезное учебное пособіе для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія. Наибольшую пользу таблица эта могла бы принести реальнымъ училищамъ, въ учебномъ курсѣ которыхъ, преимущественно же въ архитектурѣ, строительномъ искусствѣ при построеніи машинъ и опредѣленіи прочности частей ихъ, въ задачахъ, относящихся къ нивеллировкѣ и т. под., безпрестанно встрѣчается потребность вычислять объемы тѣлъ. Вычисленіе вмѣстимости разнаго вида бочекъ, резервуаровъ и сосудовъ могло бы найдти себѣ примѣненіе и въ коммерческихъ отдѣленіяхъ реальныхъ училищъ.

---

[1]) Въ томъ числѣ и медаль отъ послѣдней Филадельфійской выставки.

НАША ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Новый упрощенный словарь къ пѣснямъ Гомера по порядку стиховъ. Съ предварительными свѣдѣніями о жизни, пѣсняхъ и діалектѣ Гомера и объяснительными примѣчаніями къ тексту. Составилъ г. *Веркгауптъ*. I. Одиссея. Часть первая. Пѣснь I—III. Москва, 1876.

Мы имѣемъ предъ собою первый выпускъ труда, долженствующаго обнять всѣ эпическія сочиненія Гомера. Въ выпускѣ этомъ содержатся кромѣ предисловія: 1) введеніе: I) о жизни и пѣсняхъ Гомера (1—10 стр.); II) содержаніе и очертаніе Одиссеи (10—14 стр.); III) о гомеровскомъ діалектѣ (15—36 стр.). 2) Словарь, въ которомъ слова группируются по порядку стиховъ и ихъ содержанія. 3) Примѣчанія, помѣщенныя подъ текстомъ словаря и относящіяся къ стихамъ, слова коихъ разбираются на страницѣ.

Г. Веркгауптъ, для бо̀льшаго успѣха въ изученіи древне-классическихъ языковъ, отвергаетъ (см. предисл., стр. 1.) даже спеціальные словари, какъ, напримѣръ, „Vollständiges Griechisch-Deutsches Wörterbuch über die Gedichte des Homeros und der Homeriden von Dr. *E. E. Seiler*“, какъ пособія, дѣлающія „приготовительный трудъ ученика—механическимъ“, и считаетъ методомъ болѣе цѣлесообразнымъ тотъ, по которому ученикамъ сообщается прямо каждое слово, встрѣчающееся въ текстѣ, съ освобожденіемъ ихъ отъ употребленія полнаго алфавитнаго словаря греческаго языка. Почему Зейлеръ,—который въ алфавитномъ порядкѣ разбираетъ каждое слово и, точно обозначивъ основное его значеніе, переходитъ ко всѣмъ производнымъ его значеніямъ,—этимъ общепринятымъ способомъ болѣе способствуетъ механическому изученію предмета, чѣмъ г. Веркгауптъ,—это тайна составителя, укрывающаяся отъ взоровъ обыкновенныхъ педагоговъ; точно также трудно понять, какая доля самостоятельности заключается въ томъ умственномъ трудѣ, который предлагаетъ г.

Веркгауптъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что словарь Зейлера, явившійся въ 1863 г. уже шестымъ изданіемъ, всѣми признанъ за весьма почтенный трудъ, чего, вѣроятно, не случилось бы, еслибы онъ содѣйствовалъ только механическому изученію греческаго языка; словарь же г. Веркгаупта, какъ видно уже изъ вышеприведеннаго перечня содержанія перваго выпуска, безспорно освобождаетъ учащагося отъ всякаго соображенія. Если, стихъ за стихомъ, слово за словомъ, ведутъ ученика старшихъ классовъ на помочахъ,—если объясняютъ ему каждую граматическую форму, потомъ подходящее значеніе каждаго слова и, наконецъ, указываютъ на самую мысль, выраженную словами: то неужели это возбуждаетъ его мыслительныя способности? Никто изъ педагоговъ, не придерживающихся выдумки Фрейнда, не согласится ввести словарь, предлагаемый г. Веркгауптомъ, въ училищахъ, гдѣ предполагается изучать древніе языки путемъ филологическихъ соображеній.

Статьи № 1 и № 3, помѣщенныя въ первомъ выпускѣ, конечно, не безполезны, хотя относительно древне-іоническаго діалекта уже существуютъ учебныя пособія, вполнѣ соотвѣтствующія своему назначенію, напримѣръ, Бѣлицкаго, Кюнера-Коссовича и др.; точно также и примѣчанія, предлагаемыя составителемъ, не лишены достоинствъ. Еслибы эти примѣчанія приложены были къ вѣрному тексту Гомера то они могли бы служить весьма пригоднымъ учебнымъ пособіемъ, но въ соединеніи съ разбираемымъ словаремъ они вовсе не соотвѣтствуютъ идеямъ, изложеннымъ въ учебныхъ планахъ по преподаванію въ нашихъ гимназіяхъ классическихъ языковъ. Затѣмъ, словарь, отвергающій алфавитный порядокъ, не представляетъ никакой возможности, въ данномъ случаѣ, наводить справки по какому либо слову, а потому, пользуясь имъ, все-таки нельзя обойдтись безъ полнаго словаря для занятій Гомеромъ, не говоря ужь о другихъ греческихъ авторахъ.

Locutionum latinarum thesaurus или латинская фразеологія. Пособіе для учениковъ старшихъ классовъ гимназій при составленіи латинскихъ письменныхъ работъ. Составилъ *К. Я. Бѣлицкій*. Одесса. 1876.

Г. Бѣлицкій сдѣлалъ доброе дѣло, составивъ для учениковъ высшихъ классовъ нашихъ гимназій вышеозначенный трудъ, восполняющій ощутительный пробѣлъ въ русской учебной литературѣ. Удивительно только, что г. Бѣлицкій утаиваетъ источникъ, изъ котораго онъ заимствовалъ цѣликомъ свою книгу. Въ предисловіи онъ гово-

рить: „при составленіи книги я пользовался лучшими нѣмецкими руководствами, предназначенными для той-же цѣли“, давая этимъ понять, будто предлагаемая имъ книга—самостоятельный трудъ, лишь основывающійся на изученіи лучшихъ нѣмецкихъ учебниковъ подобнаго рода. На самомъ же дѣлѣ г. Бѣлицкій ограничился дословнымъ переводомъ нѣмецкаго руководства: Locutionum latinarum thesauros oder Lateinische Phraseologie zum Gebrauch bei den lateinischsn *Stilübungen in den oberen Gymnasial-Klassen. Zusammengestellt von Dr. Hermann Probst, Director des Königlichen Gymnasiums zu Essen.* 1874. Мы не упрекаемъ г. Бѣлицкаго за то, что онъ прибѣгнулъ къ переводу иностраннаго сочиненія: хорошій переводъ хорошей книги—всегда заслуга; зачѣмъ же онъ не указалъ прямо на единственный свой источникъ?

Въ книгѣ Пробста, выдержавшей уже четыре изданія, обильный и отборный матеріалъ очень удачно подведенъ подъ категоріи, которыя обнимаютъ фразы, относящіяся къ одному общему понятію, какъ, напримѣръ, *Gott*, *Religion*, *Cultus.—Geburt*, *Leben*, *Tod.—Arbeit und Vergnügen.—Thätigkeit und Ruhe.—Entschluss und Vorsatz* и т. д. По этимъ категоріямъ съ ихъ подраздѣленіями ученикъ легко отыщетъ нужный ему оборотъ. Переводъ вообще вѣренъ и точенъ. „Указатель главнѣйшихъ словъ“ составляетъ самостоятельный трудъ г. Бѣлицкаго, ибо указателя, основывающагося на алфавитѣ каждаго языка, уже нельзя перевести дословно.

К. Ф. Зюпфле. Статьи для перевода на латинскій языкъ. Руководство, переведенное съ приспособленіями къ употребленію въ русскихъ гимназіяхъ *К. Павликовскимъ* и *В. Исаенковымъ*, преподавателями древнихъ языковъ при Московской 3-й гимназіи. Часть I. Курсъ низшихъ и среднихъ классовъ. Съ 16-го нѣмецкаго изданія. Москва. 1876.

Книга эта представляетъ переводъ нѣмецкаго учебника, извѣстнаго подъ заглавіемъ: „Aufgaben zu Lateinischen Stilübungen. Mit besondrer Berücksichtigung von *Krebs* Anleitung zum Lateinschreiben und *Zumpts*, *Schulz's* und *Feldbausch's* lateinischen Grammatiken und mit Anmerkungen versehen von *Karl Friedrich Süpfle*. Erster Theil. Aufgaben für untere und mittlere Klassen“. Предлагаемый переводчиками трудъ, безъ сомнѣнія, принесетъ немаловажную пользу, ибо ученики нашихъ гимназій найдутъ въ немъ почти новый и свѣжій матеріалъ для перевода съ русскаго языка на латинскій, сравнительно съ „Руководствомъ“ Якова Смирнова и съ „Темами Тишера“ въ переводѣ Ва-

сова. Переводъ сдѣланъ вообще вѣрно, и русскій текстъ на столько приноровленъ къ литературному языку, на сколько это возможно при сохраненіи той конструкціи, которая приблизительно требуется въ латинской рѣчи. Разсматриваемая книга въ дидактическомъ отношеніи имѣетъ немаловажное преимущество передъ подлинникомъ: слова и примѣчанія, относящіяся къ отдѣльнымъ §§, напечатаны въ нѣмецкомъ изданіи на той же страницѣ, какъ и соотвѣтствующій текстъ; въ русскомъ же они помѣщены въ концѣ книги, въ видѣ приложеній.

Древніе классики для русскихъ читателей. Переведенные съ англійской серіи классиковъ *В. Коллинза.* Изданіе *В. Ковалевскаго.* С.-Пб. 1876—1877. 1) Гомеръ: Иліада.—2) Гомеръ: Одиссея.—3) Юлій Цезарь. Пер. *Брюловой-Кавелиной.* — 4) Ксенофонтъ. Подъ редакціей *М. Прахова.* — 5) Платонъ. Пер. *Ф. Резенера.* — 6) Виргилій. Подъ редакціей *И. Помяловскаго.*

Цѣль изданія объяснена въ предисловіи къ первому томику, заключающему въ себѣ Иліаду. Оно имѣетъ въ виду лицъ, не получившихъ классическаго образованія, но желающихъ познакомиться, хотя въ краткомъ, популярномъ изложеніи, съ содержаніемъ произведеній великихъ греческихъ и римскихъ писателей. Нѣтъ сомнѣнія, что англійское изданіе вполнѣ удовлетворяетъ существующей потребности; извѣстно, что въ англійской публикѣ оно пользуется успѣхомъ. Пріятно видѣть, что такая же потребность проявляется, или по крайней мѣрѣ, предполагается и въ нашей образованной публикѣ. Что касается предлагаемаго средства къ ея удовлетворенію, то конечно, было бы гораздо лучше, еслибъ издатель могъ предложить оригинальную русскую обработку, а не переводъ съ англійскаго, въ которомъ удержаны всѣ спеціальныя приноровленія къ англійской публикѣ (сравненія съ Шекспиромъ, Теннисономъ и т. д.); но вѣроятно, это оказалось не легко исполнимымъ. Во всемъ, что касается классическаго образованія и знакомства съ классическою литературою, мы не имѣемъ права быть слишкомъ притязательными и должны довольствоваться тѣмъ, что̀ намъ даютъ. На этомъ основаніи мы воздерживаемся и отъ замѣчаній, къ которымъ подаетъ поводъ содержаніе и тонъ нѣкоторыхъ мѣстъ комментарія къ Иліадѣ и Одиссеѣ. Касательно Юлія Цезаря сожалѣемъ только о замѣчаніяхъ, безъ нужды прибавленныхъ переводчикомъ подъ текстомъ, и о неправильной транскрипціи нѣкоторыхъ собственныхъ именъ, напримѣръ, Жерговей—вмѣсто Герговія. Вообще же переводъ книжки о Цезарѣ удовлетворителенъ. Томикъ, посвященный Ксенофонту, долженъ быть при-

знанъ наиболѣе удачнымъ и по содержанію, и по его изложенію въ русскомъ переводѣ; въ послѣднемъ отношеніи онъ даже вполнѣ безукоризненъ.

На томикѣ, посвященномъ Платону, особенно ясно видны невыгоды того, что книжка эта написана не для русскихъ читателей, а для англійскихъ. Въ исторіи философіи русскіе читатели привыкли ко взглядамъ и пріемамъ германскихъ мыслителей, и потому имъ можетъ показаться недостаточнымъ изложеніе англійскаго автора, исключительно державшагося сочиненій о Платонѣ своихъ соотечественниковъ — Джовита и Грота. Чтобы видѣть, какъ велико можетъ быть здѣсь разногласіе взглядовъ, достаточно привести одно мѣсто изъ разбираемой книги. Изложеніе Платонова ученія о нравственности оканчивается у нашего автора слѣдующими словами: „Въ одномъ смыслѣ Платонъ не отрицаетъ *полезности* добродѣтели: онъ совѣтуетъ держаться знаменитаго изреченія, встрѣчающагося въ Платоновой *Республикѣ* и принятаго Гротомъ за эпиграфъ къ своимъ тремъ томамъ о Платонѣ: „Наиболѣе прекрасная вещь, которая уже сказана, или можетъ быть когда-либо сказана, состоитъ въ томъ, что выгодное достопочтенно, а вредное подло“ (стр. 231). Придавать такое особое значеніе этому изреченію, въ которомъ польза (разумѣется не личная) причисляется къ достохвальнымъ дѣламъ, можно только при расположеніи къ утилитаризму, желающему доказать, что польза вообще есть единственное достохвальное дѣло, единственный принципъ нравственности. Впрочемъ, авторъ не думаетъ выставлять Платона утилитаристомъ и приводитъ многія его мнѣнія, отличающіяся тѣмъ возвышеннымъ идеализмомъ, который мы привыкли приписывать Платону. Но во всемъ очеркѣ взглядовъ Платона мы не находимъ ничего цѣльнаго. Опредѣленнаго взгляда на Платона нѣтъ въ этой книгѣ, и авторъ, очевидно, даже не задавался мыслью изложить смыслъ Платоновой философіи и сколько - нибудь указать ея мѣсто въ исторіи. Излагая содержаніе различныхъ разговоровъ, авторъ очень мало останавливается на ихъ философской мысли, или даже презрительно отзывается о ней (напримѣръ, стр. 37), но за то подробно говоритъ о дѣйствующихъ лицахъ и обстановкѣ, пересказываетъ миѳы и цитаты изъ поэтовъ и т. п. Такимъ образомъ, изъ разбираемой книги можно узнать не ученіе Платона, а только литературную форму его сочиненій и тѣ предметы, о которыхъ въ нихъ идетъ рѣчь. Конечно, и это полезно и можетъ располагать къ изученію Платона; но изъ

литературы объ этомъ древнемъ философѣ, можетъ быть, можно бы сдѣлать лучшій выборъ для русскихъ читателей.

Что касается до перевода, то хотя онъ граматически правиленъ и свободенъ отъ безсмыслицы, однакоже не вполнѣ ясенъ и точенъ. Такъ, въ приведенномъ нами мѣстѣ вмѣсто „*выгодное* достопочтенно" очевидно нужно бы поставить: „*полезное* достойно похвалы"; вмѣсто „вредное *подло*"—„достойно осужденія", или тому подобное.

Приведемъ еще нѣсколько мѣстъ.

„Самые недостатки діалоговъ, отсутствіе метода и общая разсудительность должны были нравиться" (стр. 18). Вмѣсто *отсутствіе метода*, очевидно, должно стоять: отсутствіе порядка, системы. Но что значитъ *общая разсудительность*?

„Гдѣ доводъ пронимаетъ, тамъ его и прилагать" говоритъ онъ (Платонъ) въ своей „*Республикѣ*" (стр. 18). Слово *пронимаетъ* слишкомъ неумѣстно, и все правило выражено неудобопонятно.

„Греческая философія порождена стихотворствомъ" (стр. 24). Не стихотворствомъ, а конечно, *поэзіею* — хотѣлъ сказать авторъ.

„Анаксимандръ думалъ, что вселенная была первоначально пламенной *ванной*" (стр. 26). Очевидно—дурной переводъ.

„Платонъ *выбилъ изъ него* (изъ ученія элеатовъ) *духъ навсегда*" (стр. 37). Непонятно, что именно сдѣлалъ Платонъ. Это мѣсто принадлежитъ сверхъ того къ числу презрительныхъ отзывовъ, которые у нашего автора дѣлаются чаще всего о философахъ предшествовавшихъ Платону, но иногда и о самомъ Платонѣ (см. стр. 17).

„Сократъ подвергалъ обсужденію и критикѣ, а часто и *разрушалъ правовѣрныя общія мѣста* нравственности" (стр. 80). Понять эту фразу можно; но, очевидно, слова *разрушать*, *правовѣрный*, *общее мѣсто* здѣсь употреблены неправильно и должны бы быть замѣнены другими синонимическими.

Подобныхъ неточностей въ языкѣ—множество.

Переводчикъ прибавилъ къ переводу свои пояснительныя примѣчанія, конечно, не безполезныя, но слишкомъ неравномѣрныя и иногда неудачныя. Напримѣръ, слово *дихотомія* объясняется такъ: „По производству слова: распредѣленіе поровну" (стр. 35). Не распредѣленіе, а просто *раздѣленіе*, и не поровну, а просто *надвое*.

„Филонъ іудейскій, греческій философъ третьяго столѣтія до Р. Х." (стр. 238). Тутъ перемѣшаны три лица и три столѣтія. Да сверхъ того, противорѣчіе тексту, въ которомъ на стр. 239 сказано: „Филонъ жилъ какъ разъ передъ христіанскою эрой" (стр. 239).

Книжка, посвященная въ изданіи г. Ковалевскаго Виргилію, принадлежитъ къ числу наиболѣе удачныхъ въ этой серіи; она содержитъ въ себѣ не простой переразказъ содержанія Виргиліевыхъ твореній (Буколикъ, Георгикъ и Энеиды), но и характеристику поэзіи Виргилія. Изложеніе автора даетъ ясное понятіе и о поэтическомъ значеніи сочиненій, и объ ихъ отношеніяхъ какъ къ личности поэта и современной ему дѣйствительности, такъ и къ предшествовавшимъ образцамъ. Авторъ останавливается на нѣкоторыхъ мѣстахъ, обставляя ихъ примѣчаніями или приводя, для лучшаго ознакомленія съ сочиненіемъ, нѣкоторые изъ него отрывки. Послѣ краткаго очерка личности поэта, онъ начинаетъ съ Буколикъ, какъ первыхъ стихотвореній Виргилія. Сказавъ нѣсколько словъ о сущности пастушеской поэзіи, онъ указываетъ прежде всего на тѣ эклоги (I, VIII и XI), въ которыхъ Виргилій, подъ видомъ пастушковъ, выводитъ на сцену себя самого и своихъ друзей; потомъ на VI-ю, гдѣ Силенъ воспѣваетъ силы природы, и наконецъ, на IV-ю, самую знаменитую, которую толковали какъ поэтическое пророчество о пришествіи Мессіи. При сужденіи о Георгикахъ также указаны образцы, которымъ подражалъ авторъ, а за тѣмъ излагается содержаніе каждой книги, съ интересными замѣтками о предметѣ каждой, при чемъ авторъ дозволяетъ себѣ иногда сравненіе сельско-хозяйственныхъ представленій Виргилія съ современными намъ, или вѣрнѣе, съ англійскими, а въ заключеніи выражается взглядъ на всю поэму какъ на такое твореніе, въ которомъ всего яснѣе являются личность поэта, его привычки и религіозныя убѣжденія. Изложенію Энеиды посвящено 14 главъ. Здѣсь тоже на первомъ мѣстѣ отношеніе Энеиды къ поэмамъ Гомеровымъ. Авторъ замѣчаетъ при этомъ, что Энеида — поэма тенденціозная, имѣющая цѣлію закрѣпить за великимъ домомъ Юліевъ законное владычество надъ Римомъ и прославить доблести этого дома въ лицѣ Августа, но что, кромѣ этой тенденціи, въ поэмѣ обнаруживается и чувство Виргилія—его отвращеніе отъ войны, какъ зла, чѣмъ онъ и отступаетъ отъ Гомера, называющаго войну состязаніемъ, веселящимъ мужей (стр. 55). Изложеніе событій, изображаемыхъ въ Энеидѣ, также прерывается по мѣстамъ интересными объясненіями и замѣтками; авторъ говоритъ, напримѣръ, о взглядѣ Наполеона I на разказъ о деревянномъ конѣ, какъ на вымыселъ неправдоподобный (стр. 66); при разказѣ о гонкахъ судовъ упомянуто о современныхъ состязаніяхъ подобнаго рода (стр. 106); при разказѣ о Хароновой лодкѣ приведено старинное преданіе въ сѣверной Франціи (стр. 132—

133). Послѣдняя глава содержитъ заключительныя замѣтки касательно двухъ обстоятельствъ, препятствующихъ популярности Энеиды, какъ эпической поэмы, и касательно вліянія этой поэмы на новую поэзію.

Переводъ книжки о Виргиліи вообще удовлетворителенъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ выраженій, напримѣръ: *брыкнетъ* (стр. 4), *миловидность* діалога (стр. 17), *питатель* природы (стр. 30), *гнусныя* сорныя травы (стр. 33), изловить *королевъ* (стр. 42), вмѣсто матокъ, царицъ; предлагаютъ всевозможныя *приспособленія* (стр. 60), ночь становится *всего чернѣе* (стр. 67), приходятъ *съ близка* и изъ далеко (стр. 101), *удрать*, *удираетъ* (стр. 212), *классицистовъ* (стр. 219).

Замѣтимъ также, что, переводя популярное изложеніе англійскаго автора, переводчикъ говоритъ иногда отъ себя, напримѣръ, на стр 102 („а у насъ въ Россіи отъ варяжскихъ пришельцевъ").

Grammaire en action par *Jean Fleury*. 4-e édition. Petersbourg. 1876.

Граматика г. Флери является уже четвертымъ изданіемъ, по словамъ автора, значительно упрощеннымъ и снабженнымъ русскимъ переводомъ. Изданіе это отступаетъ отъ перваго какъ по расположенію учебнаго матеріала, такъ и потому, что отдѣлъ практическихъ упражненій, состоявшій изъ большаго числа отрывковъ, совершенно выпущенъ. Въ новомъ изданіи мы встрѣчаемъ также теорію образованія словъ съ нѣкоторыми простѣйшими правилами ороографіи, которыя отсюда вытекаютъ; главу о гомонимахъ и упрощенія относительно спряженій глагола. Статья о предложеніи изложена совершенно аналогически съ ученіемъ о предложеніи, которое встрѣчаемъ въ граматикахъ русскаго и нѣмецкаго языковъ; разницу въ этомъ отношеніи представляютъ тѣ граматическія особенности, которыя свойственны исключительно французскому языку. Напримѣръ, la proposition infinitive: je vois *venir* mon frère. Употребленіе временъ, наклоненій, между прочимъ сослагательнаго, изложены просто и ясно. Правила касательно употребленія причастій и члена также доведены г. Флёри до значительной простоты. Многія изъ этихъ правилъ новы: по словамъ автора, они составлены имъ, на основаніи долгаго опыта, который имѣлъ онъ, какъ преподаватель французскаго языка въ Россіи, и на основаніи филологическихъ изысканій о романскихъ языкахъ, которыя онъ издалъ въ послѣднія двадцать лѣтъ за границею.

Petit cours de littérature française suivi de morceaux choisis des principaux chefs-d'oeuvre de la langue française par *Dominique Karatschoune*. (Малый курсъ французской литературы, съ образцами лучшихъ произведеній. Составилъ *Д. Карачунъ*). Харьковъ, 1875.

Это сочиненіе содержитъ въ себѣ: 1) краткій обзоръ исторіи французской литературы отъ ея начала до настоящаго времени, 2) избранныя мѣста въ стихахъ и прозѣ, 3) краткій словарь.

Первая часть, заключающая въ себѣ 78 страницъ, представляетъ перечень главнѣйшихъ писателей и ихъ сочиненій. Понятно, что авторъ въ такомъ сжатомъ объемѣ не могъ дать надлежащаго понятія о сочиненіяхъ тѣхъ писателей, которые вошли въ его курсъ французской литературы; онъ ограничивается только именами и заглавіями сочиненій, сопровождая ихъ краткими объясненіями и слишкомъ поверхностными сужденіями. Подобный краткій обзоръ французской литературы приложенъ къ извѣстной хрестоматіи Вине (Vinet); но надобно признаться, что тамъ онъ такъ обработанъ, что могъ бы послужить прекраснымъ образцомъ для г. Карачунъ. Что касается до разсужденій, критики и мнѣній автора, то тутъ встрѣчаешь много неосновательнаго и ошибочнаго. Укажемъ примѣры: на стр. 17 авторъ говоритъ: „произведенія Мольера могутъ быть распредѣлены на три класса: 1) Комедіи образцовыя. 2) Комедіи отдѣланныя. 3) Фарсы. Какая же разница между комедіями образцовыми и комедіями отдѣланными? Въ курсѣ на этотъ вопросъ мы не находимъ отвѣта. На стр. 15 нѣсколько строкъ, посвященныхъ Циннѣ, даютъ такое неполное и ложное понятіе объ этой трагедіи Корнеля, что лучше было бы въ этомъ случаѣ упомянуть одно заглавіе. Вотъ это мѣсто: Le sujet de la tragédie de Cinna est *pris* dans l'histoire de l'empire romain (est tiré de l'histoire romaine было бы лучше). Cinna conspire contre l'empereur Auguste qu'il veut tuer pour donner aux Romains un gouvernement libre (?). Mais il est trahi. Auguste, prévenu à temps, fait venir Cinna et les autres conjurés, leur parle avec douceur (онъ говоритъ только съ Цинной) et *les* pardonne. Какое достоинство могутъ имѣть сужденія въ родѣ слѣдующихъ? „Les tragédies de Racine ont un caractère aristocratique". „On voit dans l'avocat Pathelin le caractère d'un fripon artificieux", стр. 24 и стр. 6.

Эта часть книги не только не представляетъ особеннаго достоинства, но заставляетъ предполагать, что авторъ не обладаетъ и совершеннымъ знаніемъ французскаго языка. Такъ, напримѣръ, на 1-й страницѣ у него встрѣчается слово trouvers, которое пишется

trouvères; онъ даже въ единственномъ числѣ пишетъ trouvers. Авторъ безпрерывно употребляетъ выраженія въ родѣ слѣдующихъ: la tragédie *nommée* le Cid (13 стр.), la comédie célèbre *nommée* Les Précieuses ridicules, quatre comédies *nommées* L'Avare etc. Les fables *nommées*: Le chêne et le Roseau etc. Il a écrit des tragédies qui sont toutes des chefs-d'oeuvre: la première *en* est *nommée* Andromaque — une comédie qui S'*appelle* les Plaideurs. Разбирая драму Esther, авторъ употребилъ слово défenderesse какъ форму женскаго рода отъ defenseur, между тѣмъ какъ défenseur не имѣетъ особенной формы для женскаго рода, а слова défendeur defenderesse значатъ отвѣтчикъ, отвѣтчица. Авторъ пишетъ: Iphigenie devait être sacrifiée *par* (вмѣсто à cause) le voeu de son père. Racine ne composa rien quoiqu'il n'avait (вм. eût) que trente huit ans. Изъ этихъ фразъ видно, что авторъ дѣлаетъ ошибки противъ правильнаго употребленія предлоговъ и наклоненій. Превосходная степень иногда также ставится не на мѣстѣ: la plus remarquable oeuvre satirique du siècle de Louis, c'est...

Отрывки въ прозѣ и стихахъ выбраны вообще очень странно; за ними должны бы слѣдовать объясненія и замѣчанія, безъ которыхъ они иногда непонятны. Въ этомъ отдѣлѣ также попадаются стихи, неудобные для чтенія въ классѣ. Такъ, напримѣръ, стр. 58.

Hélas! c'est un enfant tout nouveau né, madame:
Son sort assurément a lieu de vous toucher;
Et c'est dans votre cour que j'en viens d'accoucher.

Словарь съ перваго взгляда представляетъ также много недостатковъ: не указанъ родъ именъ существительныхъ. Найдешь слово promis, а нѣтъ promettre; помѣщены слова pourvoyeur, pourvu, pourvuque а нѣтъ pourvoir; встрѣтишь plaisant, но напрасно будешь искать plaire. Находится слово promptété вмѣсто promptitude.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОБЪ ИСПЫТАНІЯХЪ ЗРѢЛОСТИ ВЪ 1876 ГОДУ.

Со времени реформы гимназій, въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія ежегодно печатались отчеты объ испытаніяхъ зрѣлости.

Отчеты эти выражали въ наглядной формѣ, въ статистическихъ данныхъ, успѣхъ классическаго приготовительнаго образованія въ Россіи, какой достигнутъ со времени преобразованія гимназій, и съ тѣмъ вмѣстѣ указывали нѣкоторые недостатки преподаванія, въ различныхъ учебныхъ округахъ, происходящіе отъ разнообразныхъ причинъ. Къ цифрамъ статистики прилагалось извлеченіе изъ отзывовъ попечительскихъ совѣтовъ, въ которыхъ гг. профессора мѣстнаго университета или другіе спеціалисты, назначенные попечителемъ, обсуждали письменныя работы экзаменующихся и другіе вопросы текущаго учебнаго года, повѣряя отчеты гимназій и разъясняя своими замѣчаніями то, что не могло быть выражено цифрами съ достаточною подробностью.

Случалось, что отзывы попечительскихъ совѣтовъ о письменныхъ работахъ учениковъ гимназій представляли дѣло преподаванія въ другомъ свѣтѣ, нежели численные выводы статистики. Такъ, въ иномъ округѣ гимназисты блистательно выдерживали экзаменъ, судя по отсутствію неудовлетворительныхъ отмѣтокъ; между тѣмъ, при разсмотрѣніи въ попечительскихъ совѣтахъ работъ учениковъ, оказывалось, что уровень преподаванія въ томъ округѣ не стоитъ на высокой степени, и познаніями молодые люди отстаютъ отъ воспитанниковъ другихъ учебныхъ округовъ.

Въ отчетахъ объ испытаніяхъ зрѣлости были указываемы и мѣры, принятыя въ нѣкоторыхъ округахъ, къ исправленію усмотрѣнныхъ

недостатковъ преподаванія, и съ тѣмъ вмѣстѣ примѣры замѣчательнаго успѣха отъ принятыхъ мѣръ. Конечно, было бы желательно, чтобы распоряженія, оказавшіяся на практикѣ полезными въ одномъ округѣ, были распространены на другіе и чтобы оцѣнка знанія экзаменуемыхъ производилась въ различныхъ округахъ равномѣрнѣе. Поэтому сравнительное изученіе результатовъ окончательнаго испытанія въ гимназіяхъ, безспорно, весьма полезно, и можетъ во многомъ послужить учебнымъ начальствамъ указаніемъ, какъ ввести болѣе усовершенствованное преподаваніе и достигнуть, чтобы гимназіи различныхъ мѣстностей были поставлены по возможности на одинъ и тотъ же высокій уровень.

Къ сожалѣнію, по обстоятельствамъ, отчеты объ испытаніяхъ зрѣлости постоянно появлялись въ печати довольно поздно, когда наступалъ новый срокъ испытанія и новые экзамены уже были окончены. Данныя, заключающіяся въ отчетахъ, не представляютъ такимъ образомъ вполнѣ современнаго интереса и свѣдѣнія, столь полезныя для соображенія лицъ, руководящихъ преподаваніемъ и ходомъ испытаній, лишь по прошествіи цѣлаго года могутъ пригодиться для практики. Нельзя не пожалѣть о такомъ замедленіи; но болѣе своевременное появленіе этихъ свѣдѣній въ печати зависитъ отъ содѣйствія мѣстныхъ учебныхъ управленій, которыя могли бы, намъ кажется, доставлять безъ затрудненія въ министерство свои отчеты не позже декабря или января каждаго года. Даже и въ то позднее время, когда эта статья поступаетъ въ печать, еще не получено отчетовъ о письменныхъ работахъ учениковъ гимназій Харьковскаго учебнаго округа, и такимъ образомъ нѣтъ возможности подвести всѣ итоги по испытаніямъ зрѣлости за 1876 годъ.

Здѣсь пока изложены статистическіе выводы объ испытаніяхъ зрѣлости 1876 года; вслѣдъ за симъ будутъ публикованы извлеченія изъ отзывовъ попечительскихъ совѣтовъ, поясняющія уровень преподаванія, мѣры принятыя къ его усовершенствованію и правильность произведенныхъ испытаній.

Общее число пожелавшихъ подвергнуться испытанію зрѣлости въ гимназіяхъ было въ 1873 году—1.178 человѣкъ, въ 1874 г.—1.383, въ 1875 г.—1.684, въ 1876 г.—1.605.

Ихъ распредѣленіе по учебнымъ округамъ выражается въ слѣдующей таблицѣ:

	Въ 1873 г.	Въ 1874 г.	Въ 1875 г.	Въ 1876 г.
Въ С.-Петербургскомъ . .	188	205	194	194
„ Московскомъ	245	212	252	288
„ Казанскомъ	249	231	123	122
„ Оренбургскомъ . . .	—	—	45	60
„ Харьковскомъ	157	130	171	138
„ Одесскомъ	76	107	167	146
„ Кіевскомъ	177	167	221	166
„ Виленскомъ	66	78	105	94
„ Варшавскомъ	—	—	150	168
„ Дерптскомъ	—	216	199	202
„ Западной Сибири. . .	14	24	30	19
„ Восточной Сибири . .	6	13	27	8
Всего	1.178	1.373	1.684	1.605

Въ разъясненіе приведенной таблицы слѣдуетъ напомнить, что въ 1874 году образованъ новый учебный округъ, Оренбургскій, въ составъ котораго вошли четыре гимназіи, отдѣленныя отъ Казанскаго округа; отъ того же округа и въ томъ же году отчислены Нижегородская гимназія и Нижегородскій Александровскій институтъ, присоединенные къ Московскому округу. Пензенская гимназія, принадлежавшая къ Казанскому округу, причислена къ Харьковскому, и въ замѣнъ того Орловская, изъ вѣдѣнія Харьковскаго, поступила въ вѣдѣніе Московскаго. Дерптскій учебный округъ только въ 1874 г. вошелъ въ составъ общей отчетности, а Варшавскій—съ 1875 г. Вслѣдствіе такихъ измѣненій въ составѣ учебныхъ округовъ, число учащихся и подвергающихся испытанію въ Казанскомъ округѣ уменьшилось почти на половину. Въ прочихъ округахъ уменьшеніе являющихся къ испытанію замѣчается въ 1876 г., въ сравненіи съ предыдущими тремя годами, только въ одномъ Кіевскомъ учебномъ округѣ, въ которомъ въ 1875 г. былъ особенно значительный приливъ экзаменующихся; въ 1876 г. ихъ число уменьшилось на 55 человѣкъ противъ 1875 г., и на 11 человѣкъ или 6% противъ 1873 г. Въ округахъ Одесскомъ, Виленскомъ и въ Западной Сибири, хотя въ 1876 г. явилось менѣе къ экзамену, нежели въ 1875 г., но болѣе чѣмъ въ предшествующіе два года. Такимъ образомъ, число желающихъ подвергнуться испытаніямъ зрѣлости вообще увеличилось, въ Одесскомъ округѣ въ сравненіи съ 1873 годомъ почти вдвое—на 92%, въ Виленскомъ — на 42%, въ Московскомъ на 17%, въ С.-Петер-

бургскомъ на 3°/о, въ Западной Сибири на 35°/о, въ Восточной на 33°/о, въ Оренбургскомъ округѣ на 33°/о и въ Варшавскомъ округѣ на 12°/о въ сравненіи съ 1875 годомъ; въ Дерптскомъ округѣ приращеніе незначительно, и наконецъ, въ Харьковскомъ округѣ число экзаменующихся колеблется за всѣ четыре года довольно неправильно около числа 150 человѣкъ. Въ общемъ итогѣ число явившихся въ 1876 г. къ испытаніямъ зрѣлости нѣсколько уменьшилось, въ сравненіи съ предыдущимъ 1875 годомъ, именно на 4°/о; но сравнительно съ 1873 г. оно увеличилось на 36°/о; а за исключеніемъ Варшавскаго и Дерптскаго округовъ, не входившихъ въ составъ отчетности 1873 г., общее число являющихся къ испытанію зрѣлости въ другихъ учебныхъ округахъ увеличилось съ того времени въ общей сложности на 5°/о. Среднимъ числомъ окончившихъ гимназическій курсъ приходилось въ 1876 году на каждый учебный округъ по 158 человѣкъ, если не считать Восточной и Западной Сибири, гдѣ число учащихся весьма ограничено.

Раздѣляя общую массу экзаменующихся на разряды по мѣсту воспитанія, мы получимъ слѣдующіе выводы: при 109 правительственныхъ гимназіяхъ, въ 1876 г. явилось къ испытанію зрѣлости молодыхъ людей 1.555. Большинство, 1.324 человѣка обучались въ самихъ же правительственныхъ гимназіяхъ, и выпущены изъ VIII класса. Только въ Дерптскомъ округѣ 9 человѣкъ допущены къ экзамену изъ учениковъ младшаго отдѣленія старшаго класса гимназій. Число постороннихъ лицъ, пожелавшихъ получить свидѣтельство зрѣлости, ограничивалось цифрою 222 человѣка, что̀ составляетъ около 14°/о общаго числа подвергавшихся испытанію; въ 1873 г. ихъ было 17°/о, въ 1874 г.—19°/о, въ 1875 г.—15°/о общей массы, слѣдовательно, число лицъ этой категоріи за послѣдніе три года уменьшается. Число воспитанниковъ, явившихся къ экзамену при трехъ церковныхъ училищахъ иностранныхъ исповѣданій въ С.-Петербургѣ и четырехъ частныхъ гимназій въ обѣихъ столицахъ составляло всѣхъ вмѣстѣ 50 человѣкъ, то-есть, 3°/о въ общей массѣ. Въ среднемъ выводѣ приходится на каждую правительственную гимназію экзаменующихся по 12 воспитанниковъ гимназій и по 2 постороннихъ лица; на каждое церковное училище около 10 человѣкъ, и на каждую частную гимназію около 4.

Наиболѣе значительнымъ округомъ, по числу воспитанниковъ правительственныхъ гимназій, является въ 1876 г. Московскій учебный округъ, въ которомъ пожелали подвергнуться испытанію 250 гимна-

зистовъ въ 20 гимназіяхъ округа. За нимъ слѣдуетъ Варшавскій, въ которомъ заявили желаніе экзаменоваться 162 гимназиста въ 18 гимназіяхъ округа, Кіевскій 159 гимназистовъ въ 10 гимназіяхъ, Дерптскій 135 въ 8 гимназіяхъ, Харьковскій 122 въ 9 гимназіяхъ, Петербургскій 119 въ 13 гимназіяхъ, Одесскій 109 въ 8 гимназіяхъ, Казанскій 104 въ 7 гимназіяхъ, Виленскій 92 въ 8 гимназіяхъ, Оренбургскій 56 въ 4 гимназіяхъ, и, наконецъ, въ Западной Сибири подвергались испытанію 17 человѣкъ, при 2 правительственныхъ гимназіяхъ и въ Восточной Сибири 8 при 1 Красноярской.

Наиболѣе гимназистовъ приходится на каждую гимназію въ Дерптскомъ учебномъ округѣ—по 17, въ Кіевскомъ по 16, въ Казанскомъ по 15, въ Московскомъ, Харьковскомъ, Одесскомъ по 12 или 13, въ Петербургскомъ, Оренбургскомъ, Виленскомъ, Варшавскомъ по 9, 10 или 11, въ Западной и Восточной Сибири по 8 человѣкъ.

Изъ вѣдомости № 1, приложенной къ концу этой статьи, видно, что minimum оканчивающихъ гимназическій курсъ оказывается въ Петербургскомъ учебномъ округѣ (кромѣ Сибири) и составляетъ 9 учениковъ на гимназію, а maximum, въ Дерптскомъ округѣ, составляетъ число почти вдвое большее—17 человѣкъ.

Сличая приведенныя цифры съ результатами предыдущихъ годовъ, усматриваемъ, что въ 1873 году въ Московскомъ учебномъ округѣ явилось къ испытанію зрѣлости 209 воспитанниковъ, въ 14 правительственныхъ гимназіяхъ, и приходилось по 15 человѣкъ на гимназію; въ 1874 г. это число уменьшилось до 167, въ 1875 снова увеличилось до 223, и нынѣ болѣе противъ 1873 г. на 20%; вмѣстѣ съ тѣмъ и число гимназій округа увеличилось до 20. Подобное же колебаніе, въ числѣ выпускныхъ учениковъ, замѣчается и въ другихъ учебныхъ округахъ.

Для нагляднаго обозрѣнія числа учениковъ правительственныхъ гимназій, явившихся къ испытанію зрѣлости въ различныхъ округахъ и въ различные годы, со времени введенія реформы, прилагается слѣдующая таблица, въ которой послѣдовательность округовъ расположена по численности гимназистовъ, окончившихъ курсъ ученія въ 1873 году.

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ:	ИСЧИСЛЕНІЕ ГИМНАЗИСТОВЪ, ЯВИВШИХСЯ КЪ ИСПЫТАНІЮ ЗРѢЛОСТИ.									
	Въ 1873 году.			Въ 1874 г. число учениковъ.	Въ 1875 г. число учениковъ.	Въ 1876 году.			Въ 1876 году, въ сравненіи съ 1873 годомъ, было учениковъ.	
	Число гимназій.	Число учениковъ.	Приходится на каждую гимназію.			Число гимназій.	Число учениковъ.	Приходится на каждую гимназію.	болѣе.	менѣе.
Московскій	14	209	15	167	223	20	250	12	19,6%	—
Казанскій	14	199	14	188	102	7	104	15	—	47,7%
Кіевскій	8	151	19	160	207	10	159	16	5,3%	—
Харьковскій	9	105	12	111	152	9	122	13	16,2%	—
Петербургскій . . .	12	84	7	111	111	13	119	9	41,6%	—
Виленскій	9	63	7	74	100	8	92	11	46%	—
Одесскій	8	47	6	72	130	8	109	13	139%	—
Дерптскій	—	—	—	123	112	8	135	17	съ 1874 года 9,7%	—
Варшавскій.	—	—	—	—	143	18	162	9	съ 1875 года 13,3%	—
Оренбургскій	—	—	—	—	40	5	56	11	40%	—
Западная Сибирь . .	2	14	7	24	27	2	17	8	съ 1873 года 21,5%	—
Восточная Сибирь .	1	6	6	12	27	1	8	8	33,3%	—
Всего. . . .	77	878	11	1042	1374	109	1333	12	51,8	—

Изъ этой таблицы видно, что число училищъ умножилось съ 1873 г. открытіемъ вновь 6 гимназій, кромѣ вошедшихъ въ общую отчетность 8 гимназій Дерптскаго округа и 18 гимназій Варшавскаго; число же гимназистовъ, явившихся къ испытанію, увеличилось повсемѣстно, во всѣхъ учебныхъ округахъ, кромѣ Казанскаго, изъ котораго выдѣлены 7 гимназій и присоединены къ сосѣднимъ округамъ. Наименѣе увеличилось это число въ округахъ Кіевскомъ, всего только на 5%, и Дерптскомъ на 10%; наиболѣе увеличилось въ Петербургскомъ на 41, 6%, Виленскомъ на 46% и въ Одесскомъ, болѣе чѣмъ вдвое, на 139%. Число желающихъ получить аттестатъ зрѣлости, изъ гимназистовъ, увеличилось повсемѣстно, не только въ общемъ итогѣ по каждому округу, но также въ частномъ распредѣленіи, по скольку ихъ приходится на каждую гимназію округа; исключенія въ этомъ отношеніи составляютъ: Кіевскій учебный округъ, въ которомъ за 1873 г. приходилось по 19, а за 1876 г. приходится по 16 человѣкъ на гимназію; тѣмъ не менѣе Кіевскій округъ занимаетъ второе мѣсто, послѣ Дерптскаго, по численности выпускныхъ учениковъ, и Московскій округъ, въ которомъ число гимназистовъ, оканчивающихъ курсъ, понизилось съ 15 до 12 человѣкъ на гимназію, но Московскій округъ превосходитъ общимъ числомъ своихъ учениковъ прочіе округа.

Затѣмъ, отношеніе числа постороннихъ лицъ, воспитанниковъ церковныхъ училищъ и частныхъ гимназій, въ различныхъ учебныхъ округахъ, къ общей массѣ экзаменующихся въ томъ же округѣ, за четыре года, со времени реформы гимназій, выражено въ слѣдующей таблицѣ:

Въ округахъ:	въ 1873 г.	въ 1874 г.	въ 1875 г.	въ 1876 г.
С.-Петербургскомъ, постороннихъ	26 (13,8%)	41 (20%)	50 (25,7%)	38 (19,6%)
учениковъ церковныхъ училищъ	26 (13,8%)	30 (14,6%)	21 (10,8%)	32 (16,5%)
учениковъ частныхъ гимназій	52 (27,6%)	23 (11,2%)	12 (6,2%)	5 (2,6%)
Московскомъ, постороннихъ	31 (12,6%)	39 (18,4%)	29 (11,5%)	25 (8,7%)
учениковъ частн. гимназій.	5 (2%)	6 (2,8%)	—	13 (4,5%)
Казанскомъ, постороннихъ	50 (20%)	43 (18,6%)	21 (17%)	18 (14,8%)
Оренбургскомъ »	—	—	5 (11,1%)	4 (6,6%)
Харьковскомъ »	52 (33,1%)	19 (14,6%)	19 (11,1%)	16 (11,6%)
Одесскомъ, постороннихъ.	16 (21%)	17 (15,9%)	17 (10,1%)	37 (25,4%)
учениковъ частн. гимназій.	13 (17,1%)	18 (16,8%)	20 (12%)	—

Въ округахъ:	въ 1873 г.	въ 1874 г.	въ 1875 г.	въ 1876 г.
Кіевскомъ, постороннихъ .	26 (14,6°/₀)	7 (4,2°/₀)	14 (6,3°/₀)	7 (4,2°/₀)
Виленскомъ » .	3 (4,5°/₀)	4 (5,1°/₀)	5 (4,7°/₀)	2 (2,1°/₀)
Варшавскомъ » .	—	—	7 (4,6°/₀)	6 (3,5°/₀)
Дерптскомъ » .	—	93 (43°/₀)	87 (43,7°/₀)	67 (33,2°/₀)
Запад. Сибири » .	—	—	3 (10°/₀)	2 (10,5°/₀)
Восточ. Сибири » .	—	1 (7,6°/₀)	—	—
Всего постороннихъ . .	204 (17,2°/₀)	264 (19°/₀)	257 (15,3°/₀)	222 (13,8°/₀)
Учениковъ церковныхъ училищъ и частныхъ гимназій	96 (8,1°/₀)	77 (5,6°/₀)	53 (3°/₀)	50 (3,1°/₀)

Число постороннихъ лицъ, какъ видно изъ этой таблицы, увеличилось въ 1876 г., только въ одномъ Одесскомъ учебномъ округѣ, болѣе чѣмъ вдвое противъ предыдущаго года, и равняется числамъ постороннихъ лицъ и воспитанниковъ частныхъ гимназій того же округа, вмѣстѣ взятымъ за предыдущій годъ. Во всѣхъ прочихъ округахъ число постороннихъ лицъ уменьшается. Напротивъ, число учениковъ церковныхъ училищъ прибываетъ. Число воспитанниковъ частныхъ гимназій крайне ничтожно и неравномѣрно: въ 1875 г. частныя гимназіи Москвы не представили ни одного изъ своихъ учениковъ къ экзамену; въ 1876 г. Одесскія частныя гимназіи точно также. Число постороннихъ лицъ, являющихся въ гимназіи къ испытанію зрѣлости, было въ 1876 г. наиболѣе значительно въ Дерптскомъ учебномъ округѣ (67), Петербургскомъ (38) и Одесскомъ (37); наименѣе значительно въ Виленскомъ (2), Варшавскомъ (6), Кіевскомъ (7), Оренбургскомъ (4), и составляло, въ общей суммѣ лицъ, заявившихъ желаніе экзаменоваться въ гимназіяхъ соотвѣтственнаго округа: въ Дерптскомъ округѣ около 33°/₀, въ Одесскомъ 25°/₀, въ Петербургскомъ 20°/₀, Казанскомъ 15°/₀, Харьковскомъ 11°/₀, Московскомъ 8°/₀, Оренбургскомъ 6°/₀, Кіевскомъ 4°/₀, Варшавскомъ 3°/₀, Виленскомъ 2°/₀ и въ Западной Сибири 10°/₀. Въ Восточной Сибири не было желающихъ экзаменоваться изъ постороннихъ лицъ. Число учениковъ церковныхъ училищъ Петербургскаго округа составляетъ 16°/₀ въ сравненіи съ общимъ числомъ подвергавшихся испытанію въ этомъ округѣ въ 1876 г.; число воспитанниковъ частныхъ гимназій только 2°/₀; и, наконецъ, число учениковъ частныхъ гимназій въ Московскомъ округѣ около 5°/₀.

Повторимъ выше сказанное: въ общемъ итогѣ, во всѣхъ учебныхъ округахъ, въ 1876 году подлежали испытанію 1605 человѣкъ;

въ томъ числѣ гимназистовъ 1333 или 83% общаго числа, посторонних лицъ 222 или 13,8% общей массы; въ церковныхъ училищахъ подвергались испытанію 32 или 2% общей массы, и въ частныхъ гимназіяхъ 18 человѣкъ или 1,1%. Изъ каждыхъ ста лицъ, долженствовавшихъ экзаменоваться въ правительственныхъ гимназіяхъ, нѣсколько менѣе 14 было постороннихъ, и нѣсколько болѣе 86 — учениковъ гимназій правительственныхъ и частныхъ.

По правиламъ объ испытаніяхъ зрѣлости, исключаются изъ общаго списка желающихъ подвергнуться испытанію тѣ ученики, которые, судя по ихъ успѣхамъ въ отдѣльныхъ предметахъ и поведенію, въ теченіе послѣдняго года, признаются не достигшими зрѣлости умственной или нравственной; изъ постороннихъ же лицъ—тѣ, которые въ представленныхъ, ими написанныхъ документахъ, какъ, напримѣръ, въ прошеніи и жизнеописаніи обнаружили очевидный недостатокъ зрѣлости, или обучались ранѣе въ какой либо гимназіи, но по расчисленію времени, со дня выхода изъ нея, не могли окончить гимназическаго курса къ наступающему сроку экзамена.

Въ 1876 г. устранены такимъ образомъ отъ испытанія, по малоуспѣшности въ ученіи, 38 гимназистовъ (2,7%) и 5 по нравственной незрѣлости (0,3%). Наиболѣе незрѣлыхъ оказалось въ Казанскомъ учебномъ округѣ, 9 человѣкъ изъ 122, явившихся къ испытанію или 7,4%; наименѣе—въ Харьковскомъ округѣ, 1,4%; въ Петербургскомъ, Кіевскомъ и Виленскомъ учебныхъ округахъ исключено около 2% въ каждомъ; въ округахъ Московскомъ, Оренбургскомъ и Варшавскомъ нѣсколько болѣе этого числа; въ округахъ Одесскомъ, Дерптскомъ и въ Сибири никто не былъ отстраненъ отъ испытанія изъ учениковъ гимназій. Въ Казанскомъ округѣ 5 устранены по слабости познаній, обнаруженныхъ ими въ теченіе учебнаго года, и 4 за неодобрительное ихъ поведеніе; въ Оренбургскомъ округѣ, 1 по слабости познаній и 1 за неодобрительное поведеніе. Изъ постороннихъ же лицъ, 4 человѣка въ Одесскомъ округѣ не удостоились допущенія къ испытанію, по п. а § 44 правилъ объ экзаменахъ, то-есть, какъ бывшіе воспитанники гимназій, не докончившіе курса, и явившіеся къ испытанію зрѣлости ранѣе дозволеннаго срока. Затѣмъ, испытаніе отсрочено на годъ, по болѣзни, 6 ученикамъ правительственныхъ гимназій, 1 ученику Московской частной гимназіи и 10 постороннимъ. Что же касается до неуваженія къ порядку, установленному при испытаніяхъ (п. і § 55 правилъ), то за подобную вину, никто не былъ наказанъ въ минувшемъ году отстраненіемъ отъ экзамена.

Общій итогъ не допущенныхъ или устраненныхъ отъ испытаній не превышаетъ 47 лицъ, или 2,9% всего числа явившихся къ испытанію.

Слѣдующая таблица прилагается для сравненія тѣхъ же выводовъ съ предшествующими годами:

Не были допущены къ испытанію:	въ 1873 г.	въ 1874 г.	въ 1875 г.	въ 1876 г.
Гимназисты, по малоуспѣшности	90(10,2%)	40(3,8%)	33(2,4%)	38(2,7%)
По нравственной незрѣлости	20(2,3%)	7(0,7%)	3(0,2%)	5(0,3%)
Постороннія лица:				
по п. а. § 44	2 } 3,9%	14 } 6,4%	4 } 2,3%	4 } 1,8%
по п. б. того-же §. . .	2	—	—	—
по п. в. того-же §. . .	4	3	2	—
Отсрочено испытаніе по болѣзни гимназистамъ	4 } 0,7%	11 } 1%	4 } 0,5%	7 } 1%
постороннимъ	5	4	4	10
На основаніи п. і. § 55 правилъ отложено испытаніе на годъ гимназистамъ	3 } 0,4	4 } 0,3	6 } 0,3	—
постороннимъ.	2	—	—	—
Всего устранено отъ испытанія.	132(11,1%)	83(6%)	56(3,3%)	64(3,9%),

Число устраненныхъ отъ испытанія, какъ видно изъ этой таблицы, значительно уменьшилось съ 1873 года. Хотя 1876 годъ былъ въ этомъ отношеніи не столь благопріятенъ, какъ предыдущій 1875 г., тѣмъ не менѣе слѣдуетъ замѣтить, что число устраненныхъ по безуспѣшности и за дурное поведеніе и въ этомъ году незначительно: приходится на каждый округъ менѣе 4-хъ человѣкъ, и менѣе 1 на каждыя два или три училища.

За устраненіемъ или за болѣзнію показанныхъ здѣсь 64 человѣкъ, дѣйствительно подверглись испытанію зрѣлости всего 1541; именно: учениковъ правительственныхъ гимназій 1286, — или 83,4% общаго числа подвергавшихся испытанію; постороннихъ лицъ 208 — или 13,5%, воспитанниковъ церковныхъ училищъ 30 или 2% и частныхъ гимназій 17 или 1,1%.

Соотвѣтствующія цифры предшествующихъ годовъ указаны въ слѣдующей таблицѣ:

Подвергались испыт. зрѣлости:	въ 1873 г.	въ 1874 г.	въ 1875 г.	въ 1876 г.
Учениковъ правит. гимназій. .	770(74,1%)	990(75,9%)	1328(81,6%)	1286(83,4%)
Учениковъ церк. училищъ и част. гимназій	91(8,7%)	75(5,7%)	53(3,2%)	47(3,1%)
Посторонн. лицъ.	178(17,1%)	240(18,4%)	247(15,2%)	208(13,5%)
Всего. . . .	1039	1305	1628	1541

Результаты этой таблицы совпадаютъ съ выводами, приведенными выше, о числѣ явившихся къ экзамену: общее число подвергавшихся испытанію зрѣлости въ минувшемъ году нѣсколько уменьшилось, противъ предыдущаго года, но всего на 5,3%.

Не смотря на нѣкоторое уменьшеніе въ 1876 г., какъ явившихся къ экзамену, такъ и числа подвергавшихся испытанію зрѣлости, число благополучно его выдержавшихъ нѣсколько значительнѣе, въ сравненіи съ предыдущимъ 1875 годомъ, а именно на 1%.

Самый благопріятный исходъ для экзаменующихся имѣли испытанія въ округѣ Казанскомъ въ правительственныхъ гимназіяхъ, и въ округѣ Петербургскомъ въ церковныхъ училищахъ: ученики этихъ заведеній удостоились всѣ безъ исключенія аттестата зрѣлости. Признаніе достойными аттестата всѣхъ гимназистовъ цѣлаго округа безъ исключенія (Казанскаго) — примѣръ до сего времени единственный. За тѣмъ лучшіе успѣхи въ наукахъ обнаружили на испытаніяхъ зрѣлости гимназисты Одесскаго учебнаго округа: изъ 109 человѣкъ, только 1 не выдержалъ экзамена. Въ правительственныхъ гимназіяхъ Петербургскаго округа около 96% признаны зрѣлыми, въ Дерптскомъ округѣ болѣе 93%, въ Кіевскомъ 91%, въ Харьковскомъ 90,8%, въ Варшавскомъ 90,4%, въ Виленскомъ 90%, въ Московскомъ 85,6%, въ Оренбургскомъ 72%, въ Западной Сибири 75% и въ Восточной Сибири 50%. Такой результатъ можно считать весьма удовлетворительнымъ; только въ Оренбургскомъ округѣ и въ Сибири, въ обѣихъ ея полосахъ, Восточной и Западной, оказалось значительное число дурно приготовленныхъ.

Постороннія лица, какъ и въ прежніе три года, оказались на испытаніяхъ гораздо хуже. Въ Московскомъ округѣ, изъ 25 явив-

шихся къ испытанію, только 4 или 17,4% выдержали экзаменъ, въ Оренбургскомъ 1 изъ 4 или 25%, въ Варшавскомъ 33,3%, въ Кіевскомъ 42,8%, въ Петербургскомъ, Дерптскомъ, Одесскомъ, Виленскомъ и Харьковскомъ около половины, отъ 50% до 51,6%. Въ Казанскомъ округѣ, испытанія этого разряда молодыхъ людей дали болѣе благопріятные результаты: 14 изъ 18 или 78% изъ числа явившихся выдержали экзаменъ. Въ Западной Сибири два постороннie явившіеся къ экзамену его не выдержали.

Въ частныхъ гимназіяхъ Московскаго учебнаго округа 91,7% оказались удовлетворительными; въ Петербургскихъ частныхъ гимназіяхъ, въ которыхъ испытанія минувшаго 1875 года были весьма удачны, въ текущемъ 1876 году только 5 человѣкъ явились къ экзамену и выдержали его только 3, или 60%.

Общій выводъ оказывается такой, что изъ числа 1541, подвергавшихся испытанію, 1310 или 85% удостоились аттестата зрѣлости. Для сравненія съ предыдущими годами прилагается таблица, указывающая успѣхи, достигнутые различными разрядами экзаменующихся:

Подвергалось испытанію [1]):	въ 1873 г.	въ 1874 г.	въ 1875 г.	въ 1876 г.
учениковъ правит. гимназій	770 (74,1%)	990 (75,9%)	1328 (81,6%)	1286 (83,4%)
» церковн. училищъ	25 (2,4%)	28 (2,1%)	21 (1,3%)	30 (2%)
частныхъ гимназій.	66 (6,4%)	47 (3,6%)	32 (2%)	17 (1,1%)
постороннихъ лицъ	178 (17,1%)	240 (18,4%)	247 (15,2%)	208 (13,5%)
Всего . .	1039	1305	1628	1541
Удостоились аттестата или свидѣтельства зрѣлости [2]):				
учениковъ правит. гимназій	584 (75,8%)	781 (78,8%)	1127 (84,8%)	1166 (90,7%)
» церковн. училищъ	23 (92%)	28 (100%)	20 (95,2%)	30 (100%)
» частныхъ гимназій	21 (31,8%)	30 (63,8%)	22 (68,7%)	14 (82,4%)
постороннихъ лицъ.	57 (32%)	79 (32,9%)	129 (52,2%)	100 (48,1%)
Всего . .	685 (65,9%)	918 (70,3%)	1298 (79,7%)	1310 (85%)
Не выдержали испытанія [2]):				
учениковъ правит. гимназій	186 (24,1%)	209 (21,1%)	201 (15,2%)	120 (9,3%)
» церковн. училищъ	2 (8%)	—	1 (4,8%)	—
» частныхъ гимназ.	45 (68,2%)	17 (36,1%)	10 (31,2%)	3 (17,6%)
постороннихъ лицъ.	121 (68%)	161 (67,1%)	118 (47,8%)	108 (51,9%)
Всего. .	354 (34,1%)	387 (29,7%)	330 (20,2%)	231 (15%)

[1]) Въ скобкахъ показано процентное отношеніе численности каждаго разряда къ общему числу всѣхъ экзаменовавшихся.

[2]) Въ скобкахъ показаны % выдержавшихъ и не выдержавшихъ.

Изъ этой таблицы видно, что число выдерживающихъ экзаменъ годъ отъ году умножается. Въ особенности бросается въ глаза удачный исходъ экзаменовъ за всѣ четыре отчетные года для учениковъ церковныхъ училищъ въ Петербургѣ. Частныя гимназіи представляютъ результатъ не вполнѣ удовлетворительный, и наименѣе удовлетворительны результаты испытанія постороннихъ лицъ. Въ 1876 году число воспитанниковъ правительственныхъ гимназій, не выдержавшихъ экзамена, не достигало 10%; учениковъ частныхъ гимназій не выдержало около 18%; изъ постороннихъ лицъ только половина получили отмѣтки удовлетворительныя.

Въ минувшихъ годахъ, однимъ изъ попечительскихъ совѣтовъ было высказано мнѣніе, что часто тяжелая обстановка многихъ лицъ, воспитывающихся внѣ гимназій, имѣетъ вліяніе на слабость ихъ познаній, а на оцѣнку ихъ вліяетъ незнакомство съ ними преподаватели гимназіи, ихъ экзаменующаго. Общественное положеніе отвѣчающаго и его благосостояніе, конечно, не должны имѣть, ни въ какомъ случаѣ, вліянія на оцѣнку познаній испытуемаго; что же касается до втораго указанія, то едва-ли можно предполагать, чтобы постороннимъ лицамъ не оказывалась та же снисходительность какъ и ученикамъ гимназій; во всякомъ же случаѣ, для полнаго разъясненія этого обстоятельства было бы желательно, чтобы попечительскіе совѣты, при разсмотрѣніи письменныхъ работъ, обращали особенное вниманіе на труды послѣдняго указаннаго здѣсь разряда молодыхъ людей, съ цѣлью опредѣлить по возможности уровень ихъ познаній, сравнительно съ учениками правительственныхъ гимназій.

Въ общемъ итогѣ въ 1876 году, изъ числа лицъ, подвергавшихся испытанію, не удовлетворили опредѣленнымъ требованіямъ — одна шестая часть, и даже менѣе, всего 231 человѣкъ или 15%. Въ 1873 году число неисправныхъ достигало *одной трети* всего числа допущенныхъ къ испытанію, въ 1874 *одной четверти*, въ 1875 году *одной пятой*. Улучшеніе очевидное, предполагая, конечно, что лучшіе результаты получаются отнюдь не вслѣдствіе послабленій, которыя не должны быть допускаемы, а вслѣдствіе возвышенія уровня познаній учащихся.

Причины неуспѣха на испытаніяхъ весьма трудно опредѣлить по однимъ статистическимъ даннымъ. Въ 1876 г. наиболѣе затрудняли дурно приготовленныхъ, какъ и въ прежніе годы, четыре основные предмета гимназическаго преподаванія: математика, латинскій языкъ, русскій языкъ и греческій. Неудовлетворительныя отмѣтки относятся

наиболѣе къ *письменнымъ* испытаніямъ по этимъ предметамъ, какъ убѣждаютъ слѣдующія цифры:

Въ 1876 г. не выдержали испытаній:	письменнаго,	устнаго,	всего неудовлетворительныхъ отмѣтокъ.
по математикѣ.	113 (48,9%)	23 (10%)	136 (58,9%)
изъ русской словесности .	94 (40,7%)	17 (7,4%)	111 (48,1%)
„ латинскаго языка. . .	111 (48,1%)	23 (10%)	134 (58%)
„ греческаго „ . .	56 (24,2%)	18 (7,8%)	74 (32%)

Для сравненія съ предыдущими годами, прилагается здѣсь другая таблица, показывающая число невыдержавшихъ испытанія по каждому предмету отдѣльно, за всѣ четыре года, и процентное ихъ отношеніе къ общему числу невыдержавшихъ; для болѣе удобнаго обозрѣнія, сопоставлены всѣ предметы гимназическаго курса безъ исключенія:

Не выдержали экзамена:	въ 1873 г.		1874 г.		1875 г.		1876 г.	
изъ закона Божія	2	(0,5%)	10	(2,5%)	7	(2,1%)	6	(2,6%)
» математики	172	(48,4%)	242	(62,4%)	185	(56%)	136	(58,9%)
» русскаго языка	161	(45,2%)	172	(44,4%)	171	(51,8%)	111	(48,1%)
» латинскаго языка . . .	199	(56,2%)	244	(63%)	168	(50,9%)	134	(58%)
» греческаго языка . . .	—		114	(28,6%)	82	(24,8%)	74	(32%)
» исторіи	10	(2,8%)	27	(7%)	21	(6,3%)	20	(8,7%)
» географіи	3	(0,8%)	5	(1,2%)	5	(1,5%)	—	
» физики и математической географіи	3	(0,8%)	3	(0,7%)	10	(3%)	2	(0,9%)
» новыхъ иностранныхъ языковъ.	—		11	(2,8%)	12	(3,6%)	11	(4,8%)

Математика, русская словесность и латинскій языкъ оказываются одинаково затруднительными для дурно приготовленныхъ: болѣе *половины* ихъ неудовлетворительно отвѣчаетъ по каждому изъ этихъ трехъ основныхъ предметовъ. Неуспѣхъ въ греческомъ языкѣ являетъ только *третья часть* неисправныхъ; остальные предметы не затрудняютъ и *десятой* ихъ части. Дурныя отмѣтки по закону Божію попадаются случайно единицами; только въ Дерптскомъ округѣ неудовлетворительно отвѣчающіе по этому предмету встрѣчаются постоянно. Вѣроятно требованія на экзаменѣ предъявляются здѣсь болѣе строгія; но и въ Дерптскомъ округѣ число незнающихъ уменьшается годъ отъ году: въ 1874 не выдержали экзамена изъ закона Божія 8 учениковъ, въ 1875 г.—7, въ 1876 г.—4.

Если для повѣрки тѣ же цифры неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, которыя довольно согласны между собой за всѣ четыре года, мы сравнимъ, въ послѣднемъ 1876 году, съ общимъ числомъ под-

вергавшихся испытанію вообще, то получимъ слѣдующіе выводы: изъ общаго числа экзаменующихся, не выдержали испытанія по математикѣ 8,8%, по русской словесности 7,2%, изъ латинскаго языка 8,7%, изъ греческаго языка 4,8%, изъ исторіи 1,3%, изъ физики и математической географіи 0,1%, изъ новыхъ языковъ 0,7% и закона Божія 0,4; то-есть, изъ первыхъ трехъ главныхъ предметовъ приходится на каждые 100 человѣкъ по 7 или 8 незнающихъ, во всѣхъ гимназіяхъ Имперіи, изъ греческаго языка 5 человѣкъ, или 1 незнающій на 20 человѣкъ, изъ исторіи одинъ на 100; изъ прочихъ наукъ незнаніе является случайностью, не всегда оказывается одинъ на 100, и почти такой же однообразный выводъ составляетъ, какъ сказано, результатъ исчисленій за всѣ четыре года.

За тѣмъ, любопытно сравнить, за послѣдній же 1876 годъ, число неудовлетворительныхъ аттестацій, данныхъ объ ученикахъ правительственныхъ гимназій, съ числомъ дурныхъ отмѣтокъ, поставленныхъ постороннимъ лицамъ.

Съ этою цѣлью составлена слѣдующая таблица:

	Учениковъ правител. гимназій.	Постороннихъ лицъ.
Общее число подвергавшихся испытанію въ 1876 г. [1]	1286	208
Число неудовлетворительныхъ отмѣтокъ:		
По математикѣ	59 (4,6%)	76 (36,5%)
Изъ русской словесности	42 (3,3%)	69 (33,2%)
„ латинскаго языка	66 (5,1%)	67 (32,2%)
„ греческаго языка	32 (2,5%)	42 (20,2%)
„ исторіи	7 (0,5%)	13 (6,3%)
„ физики и математической географіи	—	1 (0,5%)
„ новыхъ языковъ	—	11 (5,3%)
„ закона Божія	1 (0,1%)	5 (2,4%)
Общее число неудовлетворительныхъ отмѣтокъ	207 (16,1%)	284 (136,5%)
Общее число не выдержавшихъ испытаніе	120 (9,3%)	108 (51,9%)

[1]) Въ скобкахъ показано процентное отношеніе числа неудовлетворительныхъ отмѣтокъ къ числу подвергавшихся испытанію.

Изъ этой таблицы видно, что трудность той или другой науки, для двухъ указанныхъ нами разрядовъ экзаменующихся, совершенно одинакова; разница заключается только въ томъ, что между молодыми людьми, воспитанными внѣ гимназій, встрѣчается въ пять разъ болѣе людей неспособныхъ или дурно приготовленныхъ. На латинскомъ экзаменѣ постороннія лица дали въ 6 разъ болѣе неудовлетворительныхъ отвѣтовъ, чѣмъ ученики гимназій, по математикѣ въ 8 разъ болѣе, по русской словесности, греческой и другимъ предметамъ въ 10 разъ болѣе. Съ другой стороны, отдѣльное изслѣдованіе о знаніи молодыхъ людей, воспитанныхъ въ гимназіяхъ, даетъ по этой таблицѣ результаты болѣе удовлетворительные, нежели общая таблица, помѣщенная на стр. 17: по главнымъ предметамъ, изъ 100 гимназистовъ встрѣчается не болѣе 5 дурно приготовленныхъ, по греческому языку не болѣе 2 или 3, по прочимъ предметамъ не всегда находится 1 незнающій изъ 100 человѣкъ.

Сличеніе общаго числа неудовлетворительныхъ отмѣтокъ по разнымъ предметамъ съ числомъ лицъ, не выдержавшихъ испытанія вообще, убѣждаетъ, что не случайная неудача была виною неуспѣха сихъ послѣднихъ, а въ выдачѣ аттестата или свидѣтельства зрѣлости отказано такимъ молодымъ людямъ, которые вообще дурно учились. Такъ, въ 1873 г., на каждые 100 человѣкъ, не выдержавшихъ испытанія, приходилось по 156 неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, въ 1873 г.—214, въ 1875 г.—200, въ 1876 г.—214; слѣдовательно, каждый не выдержавшій испытанія *провалился*, по школьному выраженію, по крайней мѣрѣ въ двухъ различныхъ предметахъ. Въ частности тѣ же исчисленія даютъ въ 1876 г. для учениковъ частныхъ гимназій 100%, учениковъ правительственныхъ гимназій—172% и постороннихъ лицъ—263%; иными словами: изъ 3 воспитанниковъ частныхъ гимназій, каждый не выдержалъ экзамена по одному предмету; изъ учениковъ правительственныхъ гимназій—по одному или двумъ предметамъ; изъ постороннихъ же лицъ, каждый давалъ вовсе неудовлетворительные отвѣты по крайней мѣрѣ по двумъ или тремъ предметамъ.

Обратимся, затѣмъ, къ изученію хода испытаній по каждому отдѣльному предмету преподаванія. Изъ главныхъ предметовъ въ гимназіяхъ, греческій языкъ считается особенно важнымъ; знающему этотъ древній языкъ открывается доступъ въ тотъ классическій міръ, откуда ведетъ свое начало современная образованность, и который установилъ образцы по всѣмъ отраслямъ наукъ и искусствъ. Эллинофобы утверждаютъ, между прочимъ, будто бы изученіе греческаго

языка дѣлается излишнимъ, за существованіемъ переводовъ всѣхъ писателей древняго міра. Знающіе греческій языкъ хорошо понимаютъ, какое великое различіе существуетъ между оригиналомъ классическаго писателя и его лучшими переводами; но мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ на русскомъ языкѣ, за немногими исключеніями, не только лучшихъ, но и посредственныхъ переводовъ классическихъ писателей, и тѣ немногіе переводы, которые были изданы, нынѣ устарѣли по слогу, или рѣдко попадаются въ продажѣ, составляя библіографическую рѣдкость. Другой древній народъ, на произведеніяхъ котораго и нынѣ воспитывается юношество во всѣхъ историческихъ странахъ міра, Римляне, сами считали необходимымъ условіемъ высшаго образованія—знаніе греческаго языка. Тѣмъ болѣе удивительно, что Русскіе, которымъ греческій языкъ легче изучать, чѣмъ какой-либо другой, по сходству оборотовъ рѣчи, граматическихъ формъ и даже многихъ корней словъ съ языкомъ отечественнымъ и церковно-славянскимъ, до сего времени какъ-бы пренебрегали изученіемъ древней литературы и быта народа, имъ родственнаго, по историческимъ воспоминаніямъ и вѣроисповѣданію, отъ котораго они заимствовали отчасти свое государственное устройство и всѣ церковныя книги. Къ сожалѣнію, пробѣлъ, оставленный, въ этомъ отношеніи, въ воспитаніи русскихъ молодыхъ людей, въ прежніе годы, еще не могъ быть вполнѣ пополненъ, и преподаваніе греческаго языка не введено еще во всѣхъ положенныхъ для того классахъ всѣхъ гимназій.

Слѣдующая таблица показываетъ общее число гимназистовъ, обучавшихся греческому языку, выпуска 1876 года, и постороннихъ лицъ, подвергавшихся испытанію въ томъ же году и по тому же предмету, съ раздѣленіемъ ихъ по каждому учебному округу; для сравненія приведены цифры 1873, 1874 и 1875 годовъ, и показано въ концѣ таблицы, сколько остается гимназистовъ, не обучавшихся греческому языку въ VII классѣ гимназій, такихъ, которые въ слѣдующемъ 1877 г. окончатъ гимназическій курсъ ученія, безъ знанія этого важнаго предмета.

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ:	Подверг. испыт. зрѣлости въ 1876 г. вообще.	Въ томъ числѣ изъ греческаго языка.	Процент. отнош. послѣднихъ къ перв.	Тоже за 1875 годъ.	Тоже за 1874 годъ.	Тоже за 1873 годъ.	Въ какихъ гимназіяхъ не было введено въ 1876 году преподаваніе греческаго языка въ VII классѣ, и сколько гимназистовъ ему не обучалось.
С.-Петербургск.	188	123[1]	65,4	188(100%)	92(47,1%)	47(27,5%)	Архангельская.
Московскій	271	244[2]	90	241(100%)	191(100%)	145(66,8%)	2 (Орловск.)
Казанскій[3]	113	97	85,8	54(45%)	43(20,4%)	44(19,8%)	5 (Симбирск.)
Оренбургскій[3].	54	38	70,4	—	—	—	6 (Уфим. и Перм.)
Харьковскій	134	76	56,7	16(9,5%)	10(8,2%)	6(4,6%)	3 (Пензенск.)
Одесскій	140	72	51,4	61(37,4%)	26(26,2%)	16(27,1%)	6 (Рижск., Кишин. и Симферопольск.)
Кіевскій	163	141	86,5	77(36,5%)	53(32,%)	45(28,1%)	2 (Черниговск.)
Виленскій	92	92	100	101(100%)	77(100%)	42(70%)	—
Варшавскій	162	162	100	140(100%)	—	—	—
Дерптскій	198	198	100	198(100%)	215(100%)	—	—
Запад. Сибирь	18	—	—	—	—	—	Тобол. и Томск.
Восточ. Сибирь.	8	—	—	—	—	—	Красноярская.
Всего	1541	1243	80,6	1076(66,1%)	707(54,1%)	345(33,2%)	Въ 4 гимназіяхъ и сверхъ того 24 человѣка въ другихъ гимназіяхъ.
Въ томъ числѣ гимназистовъ	1333	1114	83,6	892(64,6%)	562(52,7%)	—	
Постороннихъ	208	129	62%	184(74,5%)	145(60,4%)	—	

[1]) По свѣдѣніямъ, доставленнымъ г. управляющимъ Петербургскаго округа, никто изъ постороннихъ лицъ (37) не подвергался испытанію изъ греческаго языка въ 1876 г.; не подвергались также испытанію ученики гимназіи Человѣколюбиваго Общества 17 человѣкъ, 9 учениковъ гимназій Псковской, Вологодской и Петрозаводской, 1 и 2 Петербургскихъ и 2 ученика частной гимназіи Г. Мая.

[2]) По свѣдѣніямъ доставленнымъ г. управляющимъ Московскаго округа всѣ гимназисты и постороннія лица подвергались испытанію изъ греческаго языка; но по свѣдѣніямъ, имѣющимся въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, не подвергались испытанію: ученики Нижегородскаго Александровскаго института 18 человѣкъ и 9 учениковъ Нижегородской и Орловской гимназій.

[3]) Освобождены отъ изученія греческаго языка: въ Астраханской губерніи ученики изъ Калмыковъ и въ Оренбургской изъ Киргизовъ.

Примѣчаніе 1-е. Свѣдѣнія за 1873, 1874 и 1875 гг. извлечены изъ отчетовъ объ испытаніяхъ зрѣлости за тѣ годы, напечатанные въ *Ж. М. Н. П.*

Примѣчаніе 2-е. Округи Оренбургскій, Харьковскій, Виленскій, Варшавскій, Дерптскій и Восточная Сибирь не доставляли точныхъ свѣдѣній о числѣ державшихъ испытаніе изъ греческаго языка въ 1876 году.

Къ этой таблицѣ прилагается другая, въ которой показано число невыдержавшихъ испытанія изъ греческаго языка, устнаго и письменнаго, и процентное ихъ отношеніе къ числу державшихъ экзаменъ по тому же предмету, за всѣ четыре года, съ раздѣленіемъ гимназистовъ и постороннихъ лицъ, по каждому округу:

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	ГИМНАЗИСТОВЪ.			
	1873.	1874.	1875.	1876.
С.-Петербургскій:				
правител. гимназій	—	—	—	—
церковныхъ училищъ	—	—	1(4,7%)	—
частныхъ гимназій	—	—	—	—
Московскій:				
правител. гимназій	1(0,7%)	24(15,3%)	16(7,5%)	9(4%)
частныхъ гимназій	—	—	—	—
Казанскій	—	2(5,8%)	1(2%)	—
Оренбургскій	—	—	—	—
Харьковскій	—	—	—	6(9,6%)
Одесскій:				
правител. гимназій	—	1(3,8%)	—	1(1,4%)
частныхъ гимназій	—	—	—	—
Кіевскій	—	7(14,5%)	6(8,5%)	8(2,2%)
Виленскій	—	7(9,5%)	3(3,1%)	4(4,4%)
Варшавскій	—	—	6(4,5%)	6(3,8%)
Дерптскій	—	13(10,6%)	6(5,2%)	3(2,2%)
Всего	1(0,3%)	54(9,6%)	39(4,3%)	32(2,8%)

Обѣ таблицы, здѣсь приложенныя, составлены по различнымъ источникамъ, потому что не всѣ управленія округовъ помѣстили въ свои годовые отчеты вѣрныя и точныя свѣдѣнія о числѣ обучавшихся греческому языку. Желательно было бы, чтобы окружныя управленія исправили прилагаемыя двѣ таблицы, если въ нихъ вкрались какія-либо ошибки, и замѣчанія свои по этому предмету сообщили въ редакцію Ж. М. Н. Пр. Во всякомъ случаѣ, разница

ПОСТОРОННИХЪ ЛИЦЪ.				ВСЕГО.			
1873.	1874.	1875.	1876.	1873.	1874.	1875.	1876.
—	1(100%)	—	—				
—	—	—	—	—	1(1,1%)	1(0,5%)	—
—	—	—	—				
—	13(38,2%)	—	6(26%)	1(0,7%)	37(19,3%)	16(6,6%)	15(6,1%)
—	—	—	—				
—	3(33,3%)	1(4,7%)	1(12,5%)	—	5(11,6%)	2(3,6%)	1(1%)
—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	1(100%)	2(14,2%)	—	—	1(6,2%)	8(10,5%)
—	—	2(40%)	—	—	1(3,8%)	2(3,2%)	1(1,3%)
—	—	—	—				
—	2(40%)	1(14,2%)	—	—	9(17%)	7(9%)	3(2,1%)
—	—	2(40%)	1(50%)	—	7(9%)	5(4,9%)	5(5,4%)
—	—	1(16,6%)	1(16,6%)	—	—	7(5%)	7(4,3%)
—	41(44,5%)	35(40,7%)	31(48,4%)	—	54(25,1%)	41(20,7%)	34(17,1%)
—	60(41,3%)	43(23,3%)	42(32,5%)	1(0,3%)	114(16,1%)	82(7,6%)	74(5,9%)

между показаніями таблицъ и дѣйствительно вѣрными цифрами не должна быть велика. Изъ обозрѣнія таблицъ можно убѣдиться, что преподаваніе греческаго языка въ гимназіяхъ дѣлаетъ быстрые успѣхи. Въ 1873 г. только 345 человѣкъ подвергались испытанію по этому предмету, въ 1874 году число эллинистовъ удвоилось, въ 1875 утроилось, въ 1876 г. достигаетъ цифры 1243 человѣкъ. Въ 1875 году въ трехъ округахъ не производилось испытаній изъ греческаго языка,

и въ четырехъ другихъ менѣе половины экзаменующихся знали этотъ предметъ. Въ 1876 г. только въ Западной и Восточной Сибири греческій языкъ не входилъ въ программу испытаній, и только два округа Одесскій, и Харьковскій, насчитывали около половины экзаменующихся, обладающихъ знаніемъ этого языка. Въ Оренбургскомъ округѣ ихъ насчитывали до 70°/о, въ прочихъ округахъ число незнающихъ не достигало 15°/о. Что же касается до Петербургскаго учебнаго округа, то цифра, показывающая въ таблицѣ процентное отношеніе эллинистовъ къ числу всѣхъ экзаменующихся вообще, не вполнѣ точно его передаетъ. Ошибка происходитъ отъ того, что въ годовомъ отчетѣ Петербургскаго округа, объ испытаніяхъ зрѣлости, показаны 38 постороннихъ лицъ, которыя экзамену изъ древнихъ языковъ вообще не подвергались, но которыхъ въ настоящее время невозможно исключить изъ всѣхъ отчетныхъ таблицъ. Въ Петербургскомъ учебномъ округѣ подвергались испытанію изъ греческаго языка 123 человѣка, и дали отвѣты вполнѣ удовлетворительные, всѣ безъ исключенія. Это отрадное явленіе убѣждаетъ, съ одной стороны, что изученіе языка, по преимуществу классическаго, весьма не затруднительно; съ другой—что въ молодыхъ людяхъ уже зрѣетъ сознаніе его пользы. Безъ этого сознанія и безъ охоты къ изученію, врядъ-ли былъ бы возможенъ столь блестящій результатъ.

Обращаясь къ результатамъ экзамена по тому же предмету въ другихъ учебныхъ округахъ, усматриваемъ изъ второй таблицы, что въ Дерптскомъ округѣ греческій языкъ представляетъ болѣе труда для изученія мѣстной молодежи, нежели въ другихъ областяхъ Россіи. Неудовлетворительныхъ отмѣтокъ въ Дерптскомъ округѣ оказывается около 17°/о, въ Харьковскомъ учебномъ округѣ около 10°/о, въ Московскомъ, Виленскомъ и Варшавскомъ около 5°/о, въ Казанскомъ, Одесскомъ и Кіевскомъ по 1 или 2°/о, въ Оренбургскомъ учебномъ округѣ какъ и Петербургскомъ, незнающихъ между явившимися къ экзамену греческаго языка вовсе не оказалось.

Такіе результаты весьма благопріятны; къ сожалѣнію, преподаваніе греческаго языка не доведено до старшаго класса еще въ 4-хъ гимназіяхъ и въ 9-ти другихъ остались гимназисты, не обучавшіеся этому языку. Незнающихъ остается однако весьма немного; изъ числа приготовляющихся къ испытанію зрѣлости въ 1877 году ихъ насчитываютъ 24 человѣка, кромѣ гимназій Архангельской и Красноярской, гдѣ преподаваніе этого предмета будетъ доведено до VIII класса

въ 1878 году, и Тобольской и Томской, въ которыхъ оно достигнетъ старшаго класса только въ 1879 г.

И такъ, не ранѣе 1879 г. будетъ окончательно введена повсемѣстно программа преподаванія, предначертанная для гимназій; въ настоящее время число молодыхъ людей, оканчивающихъ по ней гимназическій курсъ, уже достигаетъ 1,200 человѣкъ, слѣдовательно, въ теченіе будущаго десятилѣтія получимъ отъ 12,000 до 15,000 молодыхъ людей, классически приготовленныхъ для перехода въ университетъ и вообще въ высшія училища.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣйствіяхъ Новороссійскаго университета за 1876 годъ: личный составъ преподавателей, вакантныя каѳедры; мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ; награды медалями; учебные труды преподавателей; удостоеніе учеными степенями и званіями; командировки съ ученою цѣлію; свѣдѣнія объ учащихся; бюджетъ университета; состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій.

Въ Новороссійскомъ университетѣ къ 1-му января 1877 года состояло на лицо, сверхъ профессора православнаго исповѣданія, штатныхъ преподавателей: по историко-филологическому факультету: ординарныхъ профессоровъ—4 (одинъ исправляющій должность), доцентовъ—5 (одинъ исправляющій должность), лекторовъ—3; по физико-математическому: ординарныхъ профессоровъ — 12, экстраординарныхъ—3, доцентовъ—4, астрономъ-наблюдатель—1, лаборантовъ—5 (одинъ исправляющій должность); по юридическому: ординарныхъ профессоровъ—7, доцентовъ—2. Всего наличныхъ штатныхъ преподавателей было: ординарныхъ профессоровъ, въ томъ числѣ и профессоръ православнаго исповѣданія—24, экстраординарныхъ—3, доцентовъ—11, астрономъ-наблюдатель—1, лекторовъ—3, лаборантовъ—5. Сверхъ того состоялъ одинъ сторонній преподаватель по всеобщей исторіи съ окладомъ содержанія экстраординарнаго профессора. Приватъ-доцентовъ не имѣлось. Незамѣщенными оставались слѣдующія каѳедры: въ историко-филологическомъ факультетѣ — сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ съ 12-го октября 1874 года, и исторіи всеобщей литературы съ 1-го мая 1865 года; въ физико-математическомъ — физической географіи съ 1-го мая 1865 года; въ юридическомъ — энциклопедіи законовѣдѣнія съ 14-го октября

1872 года, государственнаго права съ 19-го іюня 1875 года, церковнаго законовѣдѣнія съ 20-го іюня 1875 года, и международнаго права со дня открытія университета, то-есть, съ 1-го мая 1865 года. Общее число преподавательскихъ вакансій было: относительно временнаго штата университета: ординарнаго профессора—3, экстраординарнаго—7, лектора—1, всего—11; въ сравненіи же съ постояннымъ штатомъ: ординарнаго профессора—5, экстраординарнаго—10, доцента — 5, лектора — 1, всего — 21. По нѣкоторымъ изъ сихъ каѳедръ преподаваніе поручено было преподавателямъ по другимъ каѳедрамъ. Такъ исторія всеобщей литературы поручена была профессору русскаго языка и литературы Некрасову; по каѳедрѣ физической географіи: физической части — астроному-наблюдателю Блоку; геологической части—ординарному профессору минералогіи Головкинскому, государственнаго права—профессору полицейскаго права Шпилевскому, энциклопедіи права — профессору Патлаевскому, каноническаго права—профессору православнаго богословія священнику Кудрявцеву. Засимъ вовсе не читались: на историко-филологическомъ факультетѣ—сравнительная граматика индо-европейскихъ языковъ въ продолженіе всего года и исторія всеобщей литературы—во второмъ полугодіи; на физико-математическомъ — физіологія животныхъ во второмъ полугодіи, и на юридическомъ — исторія славянскихъ законодательствъ.

Въ 1876 году факультеты имѣли засѣданій: историко-филологическій—19, въ томъ числѣ 2 публичныхъ, физико-математическій—18, и юридическій—21. Для успѣха учебной дѣятельности студентовъ приняты были слѣдующія мѣры: на историко-филологическомъ факультетѣ, вмѣсто прежнихъ контрольныхъ испытаній устныхъ на стипендіи въ срединѣ учебнаго года, факультетъ требовалъ письменныхъ работъ на темы, заданныя въ началѣ учебнаго года: на первыхъ двухъ курсахъ — по три сочиненія, а на остальныхъ — по одному, относящемуся къ избранной спеціальности. Съ тою же цѣлію, профессоръ по каѳедрѣ римской словесности Юргевичъ велъ со студентами, одинъ часъ въ недѣлю, практическія упражненія въ переводахъ съ русскаго языка на латинскій—доцентъ теоріи и исторіи искусствъ Кондаковъ посвящалъ одинъ часъ въ недѣлю на демонстративныя занятія въ музеѣ изящныхъ искусствъ; доцентъ славянской филологіи Кочубинскій—руководилъ одинъ часъ въ недѣлю упражненіями студентовъ въ толкованіи памятниковъ (Славянскій семинарій: Толкованіе лужицкаго перевода Новаго Завѣта 1548 года). Юриди-

ческій факультетъ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, задавалъ студентамъ письменныя домашнія работы. Кромѣ того профессоры русскаго права—Леонтовичъ, гражданскаго права—Цитовичъ и доцентъ гражданскаго судоустройства и судопроизводства Малининъ вели практическія занятія со студентами. На физико-математическомъ факультетѣ болѣе и болѣе развивается стремленіе къ самостоятельнымъ работамъ студентовъ въ кабинетахъ и лабораторіяхъ, подъ руководствомъ преподавателей.

За представленныя на заданныя темы сочиненія награждены золотыми медалями студенты IV курса: историко-филологическаго факультета — Гавріилъ Басоловъ за сочиненіе „Константинъ Великій и его отношеніе къ христіанской церкви", и физико-математическаго—Хаимъ Гохманъ за сочиненіе „Кинематическая теорія зацѣпленій".

Въ 1876 году преподаватели и другія лица вѣдомства Новороссійскаго университета напечатали и приготовили къ выпуску въ свѣтъ слѣдующіе ученые труды: ординарные профессоры: Леонтовичъ—напечаталъ въ Сборникѣ государственныхъ знаній разборъ сочиненія Самоквасова „О чередахъ"; Григоровичъ—напечаталъ въ Запискахъ Новороссійскаго университета: „Отчетъ о поѣздкѣ въ С.-Петербургъ съ 25-го іюня по 8-е октября 1875 года, „Записку о пособіяхъ къ изученію южно-русской земли, находящихся въ военно-ученомъ архивѣ главнаго штаба" и „Объ участіи Сербовъ въ нашихъ общественныхъ отношеніяхъ"; Юргевичъ — занимался изданіемъ X тома Записокъ Одесскаго общества исторіи и древностей, въ которомъ напечаталъ объясненіе нѣкоторыхъ греческихъ надписей и переводъ VII главы Страбона; Войтковскій—напечаталъ: въ Христіанскомъ Чтеніи—„Переписку между барономъ Гакстгаузеномъ и А. Н. Муравьевымъ о соединеніи церквей и въ Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ—рѣчь при выпускѣ воспитанницъ Одесскаго института благородныхъ дѣвицъ; Головкинскій — помѣстилъ въ Запискахъ Новороссійскаго университета статью „Мысли о прошедшемъ и будущемъ нашей планеты"; Шведовъ—напечаталъ въ Журналѣ С.-Петербургскаго физическаго общества статьи: „Отраженіе электрическихъ лучей отъ выпуклой дуги круга" и „Нѣсколько словъ по поводу „Опыта физическаго объясненія внѣшнихъ дѣйствій тока" Фанъ-деръ-Флита"; Ковалевскій—помѣстилъ въ журналѣ Archiv für mikroscopische Anatomie статью „Weitere Beiträge zur Entwickelung des Amphioxos als ein Beitrag zur Morphologie des Nervensystems"; Вальцъ — напечаталъ въ Запискахъ Новороссійскаго университета статьи: „О размно-

женія растеній частями сѣмянъ“ и, вмѣстѣ съ ученымъ садовникомъ Рудольфомъ, „Index seminum quae hortus botanicus Universitatis Novae Rossiae mutuo commutando offert“; Синцовъ—напечаталъ статьи: въ Запискахъ Одесскаго общества естествоиспытателей—„Предварительное сообщеніе о новыхъ и малоизслѣдованныхъ формахъ раковинъ изъ третичныхъ образованій Новороссіи“ и „Нѣсколько словъ о Belemnites Zitteli n. sp.“ и въ Sitzungsberichte der k. Academie der Wissenschaften — Ueber das Auftreten des Foraminiferen — Genus Nubecularia im sarmatischen Sande von Kischinew“; Кудрявцевъ — помѣстилъ въ Запискахъ Новороссійскаго университета публичную лекцію подъ заглавіемъ „Мухамеданская религія, разсматриваемая въ ея происхожденіи, существѣ и отношеніи къ религіи христіанской“; Карастелевъ — помѣстилъ въ тѣхъ же Запискахъ двѣ статьи: „Приложеніе теоріи функцій мнимаго перемѣннаго къ разложенію въ ряды координатъ эллиптическаго движенія и пертурбаціонной функціи“ и „Простѣйшій способъ вычисленія измѣненій элементовъ планетъ“; экстроординарные профессоры: Брунъ — помѣстилъ статьи: въ Трудахъ 3-го археологическаго съѣзда — „О разныхъ названіяхъ Кіева въ прежнее время“ и „О резиденціи хановъ Золотой Орды до временъ Джанибека I“ и въ Zeitschrift für Erdkunde—„Die Verwandlungen des Presbyters Johannes“; Лигинъ напечаталъ: въ Repertorium für reine und angewandte Mathematik — „Sur les systèmes de tiges articulées“, въ Nouvelles Annales de Mathématiques — „Note sur l'origine de l'idée de la Cinématique“ и въ Nouvelle correspondance mathématique. „Доказательство одной теоремы Лезано“ и „Доказательство одной теоремы Неймана“; Волковъ—напечаталъ въ Verhandlungen des Naturhistorisch-medicinischen Vereins in Heidelberg статью „Die Lichtabsorption in der Chlorophyllösungen“; доценты: Клименко — напечаталъ: въ Journal für praktische Chemie — „Ueber die Einwirkung von Brom auf Milchsäure“, въ Журналѣ русскаго химическаго общества — „О дѣйствіи брома на молочную кислоту“ и въ Berichte der deutschen Chemischen Gesellschaft zu Berlin — „Ueber die Bildung des Lactid-Bromals» и въ Запискахъ Новороссійскаго университета—„Матеріалы для исторіи молочной и пировиноградной кислотъ“; Кондаковъ—помѣстилъ въ Трудахъ Московскаго археологическаго общества—„Исторію грузинской архитектуры“, въ Запискахъ Одесскаго общества исторіи и древностей — „Мраморный рельефъ Пантикопеи“, въ Трудахъ 2-го съѣзда археологовъ—„Предметы древностей изъ Аккермана“, въ Трудахъ 3-го археологическаго съѣзда—

„Древности Кубанской-Терской области“ и въ Запискахъ Новороссійскаго университета — Отчеты о занятіяхъ въ заграничной командировкѣ; Кочубинскій напечаталъ въ Запискахъ Новороссійскаго университета — отчеты о занятіяхъ славянскими нарѣчіями изъ-за границы съ 1-го августа 1874 по 1-е февраля 1876 года; Воеводскій— помѣстилъ въ томъ же изданіи статью „О такъ называемыхъ Гомеровскихъ поэтахъ“: приватъ-доцентъ Спиро — напечаталъ въ Запискахъ Новороссійскаго университета статью подъ заглавіемъ „О кожно-мышечныхъ рефлексахъ“; консерваторы: Ришави — напечаталъ въ Landwirthschaftliche Versuchstationen статью „Einige Versuche über die Athmung der Pflanzen“; Сталевичъ — произвелъ вычисленіе метеорологическихъ наблюденій за 1876 годъ, которыя будутъ напечатаны въ Лѣтописяхъ главной физической обсерваторіи въ С.-Петербургѣ; лаборантъ Пономаревъ — помѣстилъ въ Журналѣ русскаго химическаго общества статью „О производныхъ персульфаціона“; состоящій при минералогическомъ кабинетѣ магистрантъ Прендель — напечаталъ въ Запискахъ Новороссійскаго общества естествоиспытателей статьи: „Геологическій очеркъ мѣловой формаціи Крыма и слоевъ, переходныхъ отъ этой формаціи къ эоценовымъ отложеніямъ“; кандидатъ Шельдингъ — помѣстилъ въ Запискахъ Новороссійскаго университета статью „О вліяніи теплоты на растенія“. Публичныя лекціи читали: профессоры: Головкинскій—по минералогіи, Мечниковъ— по зоологіи, Вальцъ — по ботаникѣ, Вериго — по химіи, Ярошенко— по математикѣ, Умовъ — по физикѣ, доцентъ Бернштейнъ — по анатоміи человѣка, и профессорскій стипендіатъ Слешинскій — по математикѣ.

Совѣтъ Новороссійскаго университета имѣлъ въ теченіе 1876 года 21 засѣданіе. Изъ окончившихъ университетскій курсъ удостоено: степени кандидата—16, въ томъ числѣ по историко-филологическому факультету—2, по физико-математическому—6 и по юридическому— 8; званія дѣйствительнаго студента—48, именно: по историко-филологическому факультету—5, по физико-математическому—6, по юридическому — 37; изъ удостоенныхъ степени кандидата 17-ти предоставлено право въ установленный срокъ представить диссертаціи на эту степень. Для приготовленія къ профессорскому званію оставлены при университетѣ кандидаты Волынцевъ и Бершадскій и отправленъ на два года за границу лаборантъ зоотомической лабораторіи, магистръ зоологіи Спиро.

Командированы были съ ученою цѣлію: а) за границу: ординар-

ный профессоръ Верига — для осмотра вновь устроенныхъ химическихъ лабораторій, экстроординарные профессоры Умовъ и Волковъ и астрономъ-наблюдатель Блокъ—на Лондонскую выставку астрономическихъ, механическихъ, физическихъ и вообще научныхъ инструментовъ по всѣмъ отраслямъ физико-математическихъ наукъ, и доцентъ Успенскій; б) внутри Россіи: профессоръ Мечниковъ—на Кавказъ, для продолженія начатаго имъ въ 1875 году изслѣдованія естественной исторіи эфемеридъ и антропологическаго изученія нѣкоторыхъ народовъ Кавказа; профессоръ Беркевичъ и хранитель ботаническаго кабинета Ришави — въ Варшаву, для принятія участія въ V-мъ съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей.

Студентовъ къ 1-му января 1876 года состояло на лицо — 340; въ теченіе 1876 года поступило—134, въ томъ числѣ: изъ гимназій —50, изъ духовныхъ семинарій—64, изъ другихъ университетовъ—15, изъ Демидовскаго юридическаго лицея—4, изъ С.-Петербургскаго технологическаго института — 1; въ теченіе года выбыло — 130, изъ нихъ до окончанія курса — 66, по окончаніи курса — 64; затѣмъ къ 1-му января 1877 года оставалось на лицо—344, которые распредѣлены были между факультетами слѣдующимъ образомъ: на историко-филологическомъ—91, на юридическомъ — 124, на физико-математическомъ—129 (по разряду математическихъ наукъ — 32, по разряду естественныхъ наукъ — 97). Постороннихъ слушателей состояло: къ 1-му января 1876 года — 15, къ 1-му января 1877 года — 28. Изъ числа бывшихъ въ 1876 году студентовъ освобождено отъ взиманія платы—229, что составляетъ 48% общаго числа. Въ числѣ 229 освобождено отъ платы: по прошеніямъ—110 и стипендіатовъ—119; изъ числа послѣднихъ стипендіатовъ университета—96, Кавказскихъ—10, пансіонеровъ Государя Императора — 2, Славянскихъ — 4 и Кубанскихъ — 7. Стипендіями пользовались 144 студента, всего на сумму 26.558 руб. 34 коп.; размѣръ стипендій—отъ 120 до 300 руб. включительно.

Финансовыя средства Новороссійскаго университета въ 1876 году представляются въ слѣдующемъ видѣ: а) штатной суммы: оставалось отъ трехъ предыдущихъ лѣтъ — 9.710 руб. 46 к.; ассигновано изъ государственнаго казначейства по финансовой смѣтѣ: на содержаніе личнаго состава — 134.601 руб., на учебныя пособія, хозяйственные и другіе расходы — 49.400 руб., на стипендіи и пособія студентамъ — 18.000 руб., въ пособіе состоящему при университетѣ обществу естествоиспытателей — 2,500 руб., на приготовленіе молодыхъ людей

къ профессорскому званію и на ученыя командировки — 2.155 руб. 97 коп., на біологическую станцію въ Севастополѣ—1,500 руб., всего дохода — 217.867 руб.; изъ этой суммы израсходовано — 203.192 руб. 18 коп.; за тѣмъ къ 1-му января 1877 года въ остаткѣ состояло— 14.575 руб. 25 коп.; б) сбора платы за слушаніе лекцій и сбора платы со студентовъ: оставалось отъ 1875 года — 876 руб. 67 коп., въ 1876 году поступило—5,597 руб., въ теченіе года израсходовано —5,006 руб. 79 коп., за тѣмъ къ 1-му января 1877 года оставалось—1,466 руб. 87½ коп.; в) пожертвованныхъ капиталовъ съ процентами: оставалось отъ 1875 года—110.598 руб. 55¾ коп., въ теченіе 1876 года поступило—21.152 руб. 39½ коп., въ то же время израсходовано — 11.183 руб. 51 коп., затѣмъ къ 1-му января 1877 года оставалось—120.567 руб. 44¼ коп.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Новороссійскаго университета находились къ 1-му января 1877 года въ слѣдующемъ положеніи. Въ университетской библіотекѣ состояло: книгъ русскихъ и иностранныхъ — 36,512 сочиненій 62,367 томовъ, періодическихъ изданій — 703 названія 13.450 томовъ, рукописей—115 названій, картъ, рисунковъ, портретовъ, чертежей—584 названія 592 тома, всего въ библіотекѣ на сумму 155.219 руб. Въ студентской библіотекѣ: книгъ — 3.296 названій 6,673 тома, періодическихъ изданій — 89 названій 1,264 тома, рукописей, картъ, гравюръ, рисунковъ и плановъ—34 листа, всего въ студентской библіотекѣ на сумму 4.278 руб. Въ астрономической обсерваторіи: инструментовъ, моделей, подвижной утвари—248 нумеровъ, 269 экземпляровъ на сумму 14,156 руб., книгъ и журналовъ—1 сочиненіе, 21 томъ на 320 руб. Въ кабинетѣ практической механики: моделей, подвижной утвари и другихъ принадлежностей—249 нумеровъ на 10,079 руб., книгъ—3 сочиненія на 12 руб. Въ физическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: инструментовъ, приборовъ, химическихъ препаратовъ, разнаго рода посуды и мебели — 586 нумеровъ, 710 экземпляровъ на сумму 15,829 руб. 72 коп,. книгъ и атласовъ—47 сочиненій, 59 томовъ на 244 руб. Въ химической лабораторіи и кабинетѣ: химическихъ препаратовъ, реактивовъ и другихъ принадлежностей — 1,435 нумеровъ 1,497 экземпляровъ на 22,592 руб. Въ минералогическомъ кабинетѣ съ лабораторіею: минераловъ, геологическихъ и географическихъ картъ, подвижной утвари и другихъ принадлежностей — 739 нумеровъ на 11,537 руб. Въ кабинетѣ физической географіи: книгъ, атласовъ, глобусовъ и картъ — 56 нумеровъ, 72 экземпляра на 930 руб.,

инструментовъ — 35 нумеровъ, 40 экземпляровъ на 1,971 руб. Въ метеорологической обсерваторіи: инструментовъ и снарядовъ — 38 нумеровъ, 52 экземпляра на сумму 1,485 руб. 79 коп., книгъ, атласовъ и моделей — 8 нумеровъ на 36 руб. Въ кабинетѣ геологическомъ и палеонтологическомъ: книгъ и другихъ изданій—на сумму 1,149 руб., гипсовыхъ моделей, коллекцій разныхъ окаменѣлостей послѣтретичныхъ позвоночныхъ животныхъ, подвижной утвари и другихъ принадлежностей—на 4,936 руб. Въ ботаническомъ кабинетѣ: сухихъ растеній, инструментовъ, приборовъ, коллекцій гипсовыхъ и восковыхъ моделей, препаратовъ подвижной утвари, посуды и проч.— 49,350 нумеровъ, 49,300 экземпляровъ на 6,660 руб., книгъ—73 названія, 82 тома на 619 руб. Въ ботаническомъ саду: оранжерейныхъ растеній, кустарниковъ, травъ, подвижной утвари и другихъ принадлежностей—1,941 нумеръ на 388 руб. Въ зоологическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: книгъ и другихъ изданій—210 сочиненій, 586 томовъ, чучелъ, препаратовъ въ спиртѣ, инструментовъ, подвижной утвари и другихъ принадлежностей—3,807 нумеровъ на 18,548 руб. Въ зоотомическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: книгъ и другихъ изданій—73 сочиненія, 77 томовъ, скелетовъ, препаратовъ въ спиртѣ, инструментовъ, подвижной утвари и другихъ принадлежностей—677 нумеровъ 174 экземпляра, всего на сумму 6,527 руб. Въ физіологическомъ кабинетѣ: приборовъ, лабораторной мебели, реактивовъ и препаратовъ—159 нумеровъ на 2,978 руб. Въ техническомъ кабинетѣ съ лабораторіею: техническихъ изданій и принадлежностей, химическихъ препаратовъ, реактивовъ и посуды—274 нумера 4,601 экземпляръ, на 7,919 руб. Въ агрономическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: книгъ и другихъ изданій—26 сочиненій, точныхъ измѣрительныхъ приборовъ, платиновой и серебряной посуды, инструментовъ, фарфоровой и прочей посуды, подвижной утвари и другихъ принадлежностей — 593 нумера 1,452 экземпляра, всего на сумму 10,383 руб. Въ музеѣ изящныхъ искусствъ: изданій съ эстампами, сочиненій съ рисунками и атласовъ—178 нумеровъ на 4,445 руб., гипсовыхъ слѣпковъ: статуй, бюстовъ, барельефовъ, обелисковъ и утвари—100 нумеровъ на 2,366 руб., коллекція слѣпковъ съ работъ изъ слоновой кости—125 нумеровъ на 160 руб., иконъ, картинъ и фотографій—668 нумеровъ на 833 руб., хромолитографій, литографій и гравюръ—104 листа на 37 руб., амфоръ древнихъ и ручекъ съ клеймами — 169 нумеровъ, древнегреческихъ живописныхъ вазъ— 10 нумеровъ на 659 руб., оригинальныхъ скульптуръ—77 нумеровъ,

дактиліотека Липперта—2,000 нумеровъ на 112 руб., утвари—32 нумера на 833 руб., мелкихъ древностей—184 нумера. Въ минцъ-кабинетѣ: монетъ и медалей—3,857 нумеровъ на 1,650 руб.

СРЕДНІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

О состояніи мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній Кавказскаго учебнаго округа за 1876 годъ.

Къ 1-му января 1877 года состояло въ Кавказскомъ учебномъ округѣ: a) гимназій: съ двумя древними языками — 3 (въ Тифлисѣ, Кутаисѣ и Екатеринодарѣ), съ двумя древними языками и реальнымъ отдѣленіемъ—1 (въ Ставрополѣ); пансіоновъ при гимназіяхъ—4 (при Тифлисской, Кутаисской, Ставропольской и Екатеринодарской); приготовительныхъ классовъ при гимназіяхъ—6 (по два при Тифлисской и Ставропольской и по одному при Кутаисской и Екатеринодарской); параллельныхъ отдѣленій — 17 (при Тифлисской—6, при Ставропольской—5, при Кутаисской—4, при Екатеринодарской—2); 5) прогимназій—6 (по одной въ Тифлисѣ, Кутаисѣ, Елисаветполѣ, Эривани и въ областяхъ Терской и Дагестанской, всѣ съ двумя древними языками); при нихъ пансіоновъ и конвиктовъ—3 (по одному въ Кутаисѣ, Эривани и въ Дагестанской области); приготовительныхъ классовъ—6 (по одному въ Тифлисѣ, Кутаисѣ, Елисаветполѣ, Эривани и въ областяхъ Терской и Дагестанской); b) реальныхъ училищъ — 3 (въ Тифлисѣ, Баку и въ Терской области); при нихъ состоитъ пансіоновъ—2 (въ Баку и Терской области), приготовительныхъ классовъ — 2 (тамъ же), параллельныхъ отдѣленій и 6 (по два въ Тифлисѣ, Баку и въ Терской области). Въ поименованныхъ заведеніяхъ состояло служащихъ: почетныхъ попечителей—1, директоровъ—7, инспекторовъ 13, законоучителей — 25, учителей наукъ и языковъ — 110, учителей рисованія — 14, воспитателей и ихъ помощниковъ — 23, помощниковъ классныхъ наставниковъ — 26, учителей приготовительныхъ классовъ—14, прочихъ служащихъ—41.— Вакантныхъ должностей было: почетныхъ попечителей—11, учителей наукъ и языковъ — 14, учителей рисованія — 1, законоучителей—1, прочихъ служащихъ — 8. — Число учащихся въ названныхъ заведеніяхъ къ 1-му января 1877 года было слѣдующее: a) въ четырехъ гимназіяхъ—1.898, въ томъ числѣ: по сословіямъ: дворянъ и чиновниковъ — 1.247, духовнаго званія — 110, городскихъ сословій — 353,

сельскихъ сословій—40, солдатскихъ дѣтей—23, дѣтей казаковъ—9, иностранцевъ — 9, князей — 107; по вѣроисповѣданіямъ: православнаго—2.448, армяно-грегоріанскаго—233, римско-католическаго—74 евангелическо-лютеранскаго—25, магометанскаго—85, іудейскаго—31, раскольниковъ—2; по народностямъ: русскихъ—4025, грузинъ—119, армянъ—225, имеретинъ—238, гурійцевъ—28, мингрельцевъ—46, абхазцевъ — 3, сванетовъ — 4, горцевъ — 71, грековъ — 6, французовъ—2, нѣмцевъ—23, итальянцевъ—3, поляковъ—36, евреевъ—31, татаръ—18; выбыло изъ гимназій въ 1876 году: до окончанія курса—288, по окончаніи курса—49; б) въ шести прогимназіяхъ—1,159, въ томъ числѣ: дѣтей дворянъ и чиновниковъ—425, духовнаго званія—97, городскихъ сословій—399, сельскихъ сословій—118, солдатскихъ дѣтей—63, дѣтей казаковъ—6, иностранцевъ—5, князей—46; по вѣроисповѣданіямъ: православнаго — 485, армяно-грегоріанскаго — 496, римско-католическаго—26, евангелическо-лютеранскаго—11, магометанскаго—120, іудейскаго—17, раскольниковъ—4; по народностямъ: русскихъ—344, грузинъ—36, армянъ—503, имеретинъ—84, гурійцевъ—8, мингрельцевъ—12, горцевъ—53, грековъ—2, нѣмцевъ—11, поляковъ—19, евреевъ—17, татаръ—70; выбыло въ 1876 году: до окончанія курса—213, по окончаніи курса—33; в) въ трехъ реальныхъ училищахъ—1,089, изъ нихъ: дѣтей дворянъ и чиновниковъ—611, духовнаго званія—49, городскихъ сословій—321, сельскихъ сословій—37, солдатскихъ дѣтей—29, дѣтей казаковъ—42; по вѣроисповѣданіямъ: православнаго — 599, армяно-грегоріанскаго — 283, римско-католическаго—41, евангелическо-лютеранскаго—38, магометанскаго—91, іудейскаго—22, раскольниковъ—15; по народностямъ: русскихъ—548, грузинъ—56, армянъ—293, горцевъ—63, французовъ—4, нѣмцевъ—33, итальянцевъ—3, поляковъ—17, евреевъ—22, киргизъ—1, татаръ—49; выбыло въ 1876 году: до окончанія курса—109, по окончаніи курса—41.

Въ пансіонахъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ къ 1-му января 1877 года состояло воспитанниковъ: а) въ четырехъ пансіонахъ гимназій (Тифлисской, Кутаисской, Ставропольской и Кубанской войсковой)—553, изъ коихъ: дворянъ и чиновниковъ—465, духовнаго званія—25, городскихъ сословій—22, сельскихъ сословій—12, казачьихъ дѣтей—2, князей—27; по вѣроисповѣданіямъ: православнаго—437, армяно-грегоріанскаго—27, римско-католическаго—6, евангелическо-лютеранскаго—4, магометанскаго—78, раскольниковъ—1; по національностямъ: русскихъ—332 грузинъ—35, армянъ—27, имеретинъ—44, гу-

рійцевъ и мингрельцевъ по 8-ми, абхазцевъ — 2, сванетовъ — 3, горцевъ—69, поляковъ—4, нѣмцевъ—2, французовъ и итальянцевъ—по одному, грековъ—4, татаръ—53; въ теченіе 1876 года выбыло: до окончанія курса — 104, по окончаніи курса—9; б) въ двухъ пансіонахъ прогимназій (Эриванской и Темиръ-Ханъ-Шуринской)—99, по происхожденію—всѣ изъ дѣтей чиновниковъ и дворянъ; по вѣроисповѣданіямъ: православнаго—38, армяно-грегоріанскаго—4, римско-католическаго—1, магометанскаго—55, раскольниковъ—1; по народностямъ: русскихъ—36, грузинъ—2, армянъ—4, горцевъ—49, поляковъ—1, татаръ—7; въ теченіе 1876 года выбыло: до окончанія курса—2, по окончаніи курса—11; в) въ двухъ пансіонахъ реальныхъ училищъ (Бакинскаго и Владикавказскаго)—214, въ томъ числѣ по сословіямъ: дѣтей дворянъ и чиновниковъ—174, духовнаго званія—7, городскихъ сословій—10, сельскихъ сословій—23; по вѣроисповѣданіямъ: православнаго—138, армяно-грегоріанскаго—5, римско-католическаго—2, евангелическо-лютеранскаго—1, магометанскаго—68; по народностямъ: русскихъ—113, грузинъ—3, армянъ—5, горцевъ—62, поляковъ—2, нѣмцевъ—1, татаръ—28; выбыло въ теченіе 1876 года—23, всѣ до окончанія курса.

Средства содержанія гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ въ 1876 году представляются въ слѣдующемъ видѣ: а) гимназій: Тифлисской—86.082 руб., въ томъ числѣ: изъ доходовъ Закавказскаго края—64.851 руб., изъ сбора за ученіе—9.500 руб., платы за своекоштныхъ воспитанниковъ—10.081, платы за воспитанниковъ на счетъ суммъ Намѣстника Кавказскаго—1.500 руб., на проценты съ капиталовъ—150 руб.; Кутаисской—84.728 руб., въ томъ числѣ: изъ доходовъ Закавказскаго края—69.556 руб., изъ сбора за ученіе—4.290 руб., изъ платы за своекоштныхъ воспитанниковъ—10.182, платы за воспитанниковъ на счетъ суммъ Намѣстника Кавказскаго—700 руб.; Ставропольской—137.443 руб., именно: изъ государственнаго казначейства—80.573 руб., изъ суммъ войска Кубанскаго—6.040 руб., изъ суммъ Терскаго казачьяго войска—3.070 руб., изъ сбора за ученіе—5.811 руб., платы своекоштныхъ воспитанниковъ—41.089 руб., процентовъ съ капиталовъ—860 руб.; Кубанской войсковой—58.288 руб., въ томъ числѣ: изъ государственнаго казначейства—6.813 руб., изъ суммъ войска Кубанскаго—41.103 руб., изъ городскихъ суммъ—3.270 руб., сбора платы за ученіе—1.030 руб., платы съ своекоштныхъ воспитанниковъ—5.335 руб., процентовъ съ капиталовъ—737; б) прогимназій: Тифлисской—20.474 руб., именно: изъ доходовъ Закавказ-

скаго края—18.994 руб., сбора за ученіе—1.480 руб.; Кутаисской—20.024 руб.; изъ доходовъ Закавказскаго края—18.754 руб., сбора за ученіе—1.270 руб.; Эриванской—25,082 руб.: изъ доходовъ Закавказскаго края—22.822 руб., сбора за ученіе—1.310 руб., платы съ своекоштныхъ воспитанниковъ—950 руб.; Елисаветпольской—18.694 руб.: изъ доходовъ Закавказскаго края—16.594 руб., сбора за ученіе—1.400 руб., взносовъ почетныхъ попечителей и другихъ лицъ или обществъ—700 руб.; Пятигорской—17.531 руб.: изъ государственнаго казначейства—16.231 руб., изъ земскихъ сборовъ и изъ сборовъ съ горскихъ племенъ—400 руб., сбора за ученіе—900 руб.; Темиръ-Ханъ-Шуринской—34.802 руб., именно: изъ доходовъ Закавказскаго края—31.380 руб., сбора за ученіе—1.142 руб., платы за своекоштныхъ воспитанниковъ—560 руб., платы за воспитанниковъ на счетъ суммъ Намѣстника Кавказскаго—1.400 руб., процентовъ съ капиталовъ—320 руб.; в) реальныхъ училищъ: Тифлисскаго—38.175 руб.. въ томъ числѣ: изъ доходовъ Закавказскаго края—33.660 руб., сбора за ученіе—4.515 руб.; Бакинскаго—54.447 руб., именно: изъ доходовъ Забайкальскаго края—45.579 руб., сбора за ученіе—3.150 руб., платы за своекоштныхъ воспитанниковъ—5.018 руб., платы за воспитанниковъ изъ суммъ Намѣстника Кавказскаго—7.000 руб.; Владикавказскаго—59.946 руб.: изъ государственнаго казначейства—48.356 руб., изъ суммъ Терскаго казачьяго войска—7.070 руб., сбора за ученіе—2,380 руб., платы за своекоштныхъ воспитанниковъ—1.020 руб., платы за воспитанниковъ изъ суммъ Намѣстника Кавказскаго—1.120 руб.

НИЗШІЯ УЧИЛИЩА.

Въ теченіе минувшаго 1876 года г. инспекторомъ народныхъ училищъ Нижегородской губерніи А. Раевскимъ осмотрѣно было, въ двѣ поѣздки, 63 училища; если исключить изъ этого числа одно училище двухклассное въ с. Павловѣ, Горбатовскаго уѣзда, 4 городскихъ училища въ самомъ Нижнемъ-Новгородѣ и 1 вновь открытое (17-го февраля 1876 года) женское училище, тамъ же, по коимъ свѣдѣнія имѣютъ быть доставлены г. инспекторомъ особо, то въ отчетахъ его находимъ данныя о 57 училищахъ, въ уѣздахъ Нижегородскомъ—33, и 2 частныхъ городскихъ начальныхъ школахъ въ самомъ Нижнемъ-Новгородѣ, Балахнинскомъ—4, и Горбатовскомъ—21, въ томъ числѣ 2 городскихъ, приходскомъ мужскомъ и начальномъ женскомъ.

Почти во всѣхъ названныхъ школахъ обученіе дѣтей кончается къ 11—13-лѣтнему возрасту, такъ какъ въ эти годы мальчики становятся серьезными и необходимыми помощниками своихъ родителей въ ихъ домашнихъ работахъ, и особенно по торговлѣ и извозу на Волгѣ; есть села, гдѣ въ 12, 13 лѣтъ сыновья-подростки сопровождаютъ родителей въ Казань, Астрахань и другіе города, какъ, напримѣръ, село Дуденевское, Горбатовскаго уѣзда; въ Нижегородскомъ уѣздѣ, въ богатомъ и большомъ, въ 1000 душъ, селѣ Безводномъ, гдѣ жители занимаются, кромѣ земледѣлія, фабрикаціей желѣзной и мѣдной проволоки для ситъ и рѣшетъ, а также удъ для крупной и мелкой рыбы, дѣти бѣдныхъ родителей помогаютъ имъ съ 8-ми, 9-ти лѣтъ; въ селѣ Толмачевскомъ (главное занятіе земледѣліе), дѣти съ марта мѣсяца помогаютъ возить дрова; въ селѣ Бѣлозерскомъ (земледѣліе и каменныя работы) съ конца апрѣля въ школу ходятъ дѣти только младшаго отдѣленія, ученики же двухъ старшихъ отдѣленій всѣ заняты полевыми работами. Правда, есть и такіе примѣры, гдѣ дѣти при достаточныхъ родителяхъ въ зимнее время свободно посѣщаютъ школы до 14—15-ти лѣтъ, какъ, напримѣръ, въ селахъ Шелокшѣ, Берсеменовкѣ, Слободскомъ и Ключищахъ, въ которомъ крестьяне такъ дорожатъ образованіемъ своихъ дѣтей, что сами выстроили школьный домъ и позволяютъ дѣтямъ учиться до 15-ти и даже до 16-ти лѣтъ; но это лишь исключенія, при томъ весьма рѣдко встрѣчающіяся въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ.

Въ Нижегородскомъ уѣздѣ нѣкоторыя школы въ учебномъ отношеніи очень хороши, другія же посредственны или даже неудовлетворительны. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ: 1) *Ликѣевская*, гдѣ познанія дѣтей по всѣмъ предметамъ слабыя; Закону Божію обучаетъ плохой законоучитель Смѣловскій, русскому языку и ариѳметикѣ — учитель Елефтерскій, который вслѣдствіе неспособности вести учебное дѣло и грубаго обращенія съ дѣтьми долженъ оставить свою должность. 2) *Березниковская*, въ которой одинъ только ученикъ порядочно знаетъ все пройденное по Закону Божію и по русскому языку, но пишетъ безграмотно; священникъ этой школы о. Преображенскій успѣлъ очень мало пройдти, посѣщая школу непостоянно и притомъ занимаясь неудовлетворительно, почему дѣтскія знанія весьма ограниченны и плохи; преподаваніе ариѳметики идетъ здѣсь успѣшнѣе русскаго языка. 3) *Бѣльская*, въ которой также только одинъ ученикъ хорошо учится, остальные же во всѣхъ предметахъ идутъ весьма плохо; такое печальное состояніе школы зависитъ отъ того,

что тамошній учитель Покровскій, какъ и большая часть кончившихъ курсъ духовной семинаріи, плохой и притомъ невнимательный преподаватель; вообще кончившіе семинарскій курсъ всѣ охотно занимаютъ учительскія должности, трехлѣтняя служба въ которыхъ избавляетъ ихъ отъ 10-ти-лѣтней службы въ псаломщикахъ и доставляетъ возможность поступать прямо въ священники, но занимаются они вообще небрежно, между тѣмъ какъ многіе изъ учителей, не кончившихъ курса въ семинаріи, преподаютъ гораздо основательнѣе, и обрекши себя на постоянный учительскій трудъ, вырабатываются въ очень почтенныхъ и хорошихъ преподавателей. 4) *Мухондовская*, гдѣ ученики оказали успѣхи по всѣмъ предметамъ крайне слабые, особенно по Закону Божію, изъ котораго почти ничего не знаютъ; мѣстный законоучитель священникъ Я. Крыловъ рѣдко бываетъ въ школѣ, и главное, не способенъ быть преподавателемъ по образу своей жизни; чтобы поднять ученіе въ этой школѣ, кромѣ законоучителя, слѣдуетъ постараться найдти и болѣе опытнаго учителя, чѣмъ нынѣшній, у коего ученики даже старшаго отдѣленія читаютъ и пишутъ весьма плохо, изъ ариѳметики работаютъ всего въ предѣлахъ 30 (младшее въ предѣлахъ 10) и ничего болѣе не знаютъ. 5) Крайне необходимая школа *Ельнинская женская*, обязанная своимъ существованіемъ и поддержкой единственному своему учителю и законоучителю о. Спасскому, который и помѣщаетъ ее въ своемъ домѣ, идетъ также посредственно; дѣвочекъ обучается 11, и ихъ знанія очень невелики, (пишутъ красиво, но безграмотно и ошибочно, и въ особенности по ариѳметикѣ мало успѣли, только двѣ дѣвочки умѣютъ считать до 100, при чемъ не въ силахъ рѣшить самой простой задачки); но нельзя не благодарить священника Спасскаго и за то малое, что онъ даетъ этимъ дѣтямъ, и главное, за умѣніе убѣдить родителей отдавать своихъ дѣтей въ школу.

Посредственно идутъ въ уѣздѣ школы: 1) *Ельнинская мужская*, гдѣ ученики по Закону Божію идутъ хорошо, но законоучителю В. Архангельскому предложено было на будущее время непремѣнно пройдти краткій катехизисъ, такъ какъ ученикамъ, при прохожденіи 10-го члена символа вѣры, законоучителемъ не дано было необходимаго понятія о таинствахъ крещенія, покаянія и причащенія, оттого только, что въ программѣ, приложенной къ правиламъ объ испытаніи учениковъ для полученія льготы по воинской повинности, не сказано о прохожденіи катехизиса; законоучитель не принялъ во вниманіе даже и того, что по уставу православной церкви дѣти уже съ 8

лѣтъ пріобщаются къ исповѣданію и потому должны знать таинства; русскій языкъ и ариѳметика могли бъ идти успѣшнѣе, еслибъ учитель Кемарскій, при несомнѣнныхъ своихъ способностяхъ, велъ учебное дѣло менѣе небрежно. 2) *Чернухинская*, гдѣ вообще ученіе идетъ вяло по неспособности ея учителя Кесаріева, совершенно незнакомаго съ новѣйшими способами преподаванія, что особенно высказалось при данномъ имъ урокѣ по объяснительному чтенію; ученики пишутъ крайне ошибочно и безграмотно, въ ариѳметикѣ плохи; законоучителя Кордатова г. инспекторъ просилъ на будущее время заставлять учить молитвы не иначе, какъ въ переводѣ ихъ на русскій языкъ. 3) *Палецкая*, гдѣ дѣти, за исключеніемъ 3-хъ учениковъ, знаютъ по Закону Божію пройденное только наизусть, и то не твердо, безъ всякаго пониманія; г. инспекторъ при посѣщеніи школы показалъ здѣшнему законоучителю о. Дмитревскому, какъ обучать безъ книги, и для примѣра подробно разказалъ исторію воскрешенія Лазаря, при чемъ просилъ законоучителя впредь знакомить дѣтей со Священною Исторіей и истинами вѣры посредствомъ живаго слова, устной бесѣды, и избѣгать одного механическаго заучиванья; учитель Сахаровъ, состоящій въ школѣ съ открытія ея въ 1868 году, до сихъ поръ еще не сдалъ экзамена; у него занятія по русскому языку идутъ успѣшнѣе, чѣмъ по ариѳметикѣ. 4) *Новинская*, гдѣ преподавателями состоятъ отецъ и сынъ Добротины, оба весьма усердные, но не особенно искусные въ дѣлѣ преподаванія, что болѣе всего замѣтно по малымъ познаніямъ учениковъ изъ ариѳметики. 5) *Шелокшанская*, гдѣ впрочемъ Законъ Божій преподаетъ молодой и весьма способный священникъ Крыловъ; успѣхи учениковъ по этому предмету въ сравненіи съ прошлымъ годомъ стали гораздо бо̀льшіе; другими предметами занимается преподаватель Ласточкинъ, весьма усердный, но столь малознающій, что для лучшихъ успѣховъ школѣ нужно желать другаго наставника. 6) *Моргушская*, гдѣ всѣ предметы идутъ порядочно, но самъ учитель, Архангельскій, мало еще знакомъ съ новыми пріемами преподаванія; онъ очень неудовлетворительно велъ уроки по объяснительному чтенію и ариѳметикѣ. 7) *Слободская*, гдѣ Закону Божію обучаетъ священникъ Покровскій, преподающій свой предметъ усердно, но безъ подобающаго уваженія, отчего и дѣлаетъ иногда непростительные промахи; прочимъ предметамъ учитъ г-жа Бажанова; данные ею въ присутствіи г. инспектора уроки по объяснительному чтенію и ариѳметикѣ были найдены имъ неудовлетворительными. 8) *Вармалѣевская*, гдѣ Закону Божію обучаетъ священникъ Помрин-

ской школы о. Виноградовъ и остальнымъ предметамъ г. Скородумовъ—довольно способный, но малосвѣдущій учитель. 9) *Бѣлозерская*, гдѣ преподавателемъ состоитъ одинъ учитель Никольскій, который занимается съ примѣрнымъ усердіемъ, но недостаточно опытенъ въ дѣлѣ обученія, что доказалъ его весьма неудовлетворительный урокъ по объяснительному чтенію. 10) *Борисовское* одноклассное училище Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ которомъ учебную часть нельзя признать идущею хорошо по неспособности обоихъ преподавателей—священника Каменецкаго и учителя Покровскаго; законоучитель хотя и прилагаетъ стараніе, но по преклонности лѣтъ и незнакомству съ новыми пріемами ученія никакой пользы принести не можетъ; въ настоящее время однако трудно замѣнить о. Каменецкаго другимъ наставникомъ, хотя въ селѣ два священника; второй священникъ. недавно сюда перемѣщенный, молодой человѣкъ, не успѣлъ еще освоиться съ новымъ приходомъ и пріобрѣсти довѣріе народа, состоящаго почти сплошь изъ раскольниковъ; онъ принялъ на себя званіе члена братства Св. Креста, основаннаго въ Нижнемъ для обращенія раскольниковъ въ православіе, и тѣмъ съ перваго разу вооружилъ противъ себя прихожанъ; поэтому назначеніе его могло бы повести школу къ еще большему разстройству, тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе неумѣнія учителя Покровскаго привязать дѣтей къ себѣ, она и безъ того уменьшилась въ числѣ учениковъ: прежде обучалось 50, осталось 31.

Отъ семи слѣдующихъ школъ, въ которыхъ до сихъ поръ ученіе шло посредственно, слѣдуетъ въ будущемъ ожидать бо̀льшихъ успѣховъ, благодаря усердію ихъ преподавателей: 1) въ *Безводнинской*, гдѣ обучаетъ г. Орнатскій; 2) въ *Карабатовской*, гдѣ учителемъ Чернолѣсскій; закону Божію въ обѣихъ этихъ школахъ обучаетъ одинъ священникъ Тумановскій, который имѣетъ навыкъ въ преподаваніи, но относится къ дѣлу безъ должнаго усердія; 3) въ *Ключищенской*, гдѣ обучаетъ г. Голубевъ; онъ въ присутствіи г. инспектора провелъ уроки объяснительнаго чтенія и ариѳметики очень порядочно, и кромѣ того, онъ помогаетъ въ занятіяхъ престарѣлому законоучителю о. Гроздову; одно только рекомендовано было г. Голубеву—болѣе обращать вниманія на устное рѣшеніе задачъ, такъ какъ ученики рѣшаютъ ихъ не иначе, какъ на доскѣ, въ умѣ же далеко не бойко; 4) въ *Крутовской*, гдѣ обучаетъ еще не утвержденный въ званіи учителя очень способный г. Акаевскій; данные имъ уроки по объяснительному чтенію и ариѳметикѣ были очень удовлетворитель-

ны; 5) въ *Таможниковской*, гдѣ обучаютъ хорошо и священникъ о. Обрѣтенскій и учитель Невскій; 6) Въ *Кетовской*, гдѣ обучаютъ съ успѣхомъ священникъ Миловидовъ и учитель Бенедиктовъ; въ *Вишневской*, гдѣ, за отказомъ законоучителя по преклонности лѣтъ, преподаваніе Закона Божія принялъ на себя временно учитель Преображенскій и ведетъ этотъ предметъ весьма успѣшно; равно хорошо занимается русскимъ языкомъ, но въ преподаваніи ариѳметики обнаруживаетъ незнакомство съ правильными пріемами преподаванія этого предмета.

Еще нѣсколько школъ также не могутъ быть названы вполнѣ удовлетворительными въ учебномъ отношеніи; но нѣкоторые отдѣльные предметы изъ курса преподаются въ нихъ успѣшно; такъ въ школахъ *Берсменевской* (учительница г-жа Райковская) и въ *Помгринской* (учитель Соколовскій) хорошо идутъ русскій языкъ и ариѳметика; въ *Каменско-Павловской* школѣ, благодаря прежнему законоучителю Музовскому, нынѣ переведенному въ другой приходъ, знанія учащихся изъ закона Божія очень хороши, и лучше, чѣмъ изъ русскаго и ариѳметики, хотя преподаватель этихъ послѣднихъ предметовъ Пальмовскій—человѣкъ очень способный; его уроки по объяснительному чтенію и ариѳметикѣ вполнѣ доказали его знаніе и опытность; въ *Доскинской* у священника Серебровскаго, старательнаго и довольно опытнаго преподавателя, дѣти усвоили хорошо и осмысленно все пройденное, а учительница г-жа Красовская занимается весьма усердно и ведетъ дѣло обученія съ толкомъ; только учащіеся при отличномъ чтеніи пишутъ большею частью безграмотно. Къ хорошимъ школамъ должно отнести и *Толмачевскую* (учитель Летицкій и законоучитель Пѣвницкій) по ея успѣхамъ во всѣхъ предметахъ.

Отлично во всѣхъ отношеніяхъ идутъ слѣдующія школы: 1) *Вердњевская*, гдѣ очень свѣдущій и дѣльный учитель Феликсовъ, ведетъ одинъ ученіе по всѣмъ предметамъ, имѣетъ въ школѣ 31 человѣка (въ томъ числѣ одна дѣвочка), и всѣ учащіеся оказываютъ весьма удовлетворительные успѣхи; уроки по объяснительному чтенію даны были г. Феликсовымъ особенно хорошо. 2) *Татарская*, гдѣ преподавателемъ ревностный и знающій свое дѣло учитель—Лавровскій, одинъ управляется съ 54 учениками, и школа, не смотря на свое недавнее существованіе (съ сентября 1875 года), сдѣлала уже хорошіе успѣхи по всѣмъ предметамъ; между прочимъ, по закону Божіему ученики двухъ старшихъ отдѣленій знаютъ все пройденное весьма толково; дѣти же младшаго отдѣленія, выучивъ 8 главныхъ молитвъ, не ясно

еще понимают ихъ содержаніе оттого только, что не въ состояніи перевести ихъ на русскій языкъ. Оба учителя этихъ школъ, окончили курсъ въ Нижегородской духовной семинаріи. Не менѣе успѣшно въ учебномъ отношеніи по всѣмъ предметамъ ведутся школы: 1) *Выѣздновская*, въ которой законоучителемъ состоитъ престарѣлый и вполнѣ преданный своему долгу священникъ Никольскій, а учителемъ—столь же усердный, много читающій и дѣльный Добронравовъ, только мало обращающій вниманія на порядокъ вообще, и 2) *Подмѣсовская*, гдѣ преподаетъ священникъ Вознесенскій, который самъ открылъ ее въ 1864 году и съ тѣхъ поръ руководитъ ею; первые три года о. Вознесенскій обучалъ безплатно, а съ 1867 года состоитъ на жалованьи; учебная часть ведется имъ толково и успѣшно, но къ сожалѣнію, классная дисциплина не соотвѣтствуетъ ходу ученія: дѣти сидятъ слишкомъ вольно и отвѣчаютъ уроки, сидя.

При всѣхъ исчисленныхъ школахъ имѣются небольшія библіотеки; изъ нихъ самою достаточною по числу и стоимости книгъ можно считать библіотеку Безводнинской школы: въ ней насчитывается 70 названій въ 350 томовъ на сумму 125 р.; затѣмъ въ Палецкой книгъ на 93 р., въ Вердѣевской книгъ на 86 р., въ Помринской на 73 р., въ Борисовской на 71 р. и т. д.; въ самыхъ бѣдныхъ библіотекахъ книгъ не менѣе, чѣмъ на 20 р. Впрочемъ нѣкоторыя школы требуютъ пополненія своихъ библіотекъ, на что̀ и предполагается употребить часть назначенной на содержаніе школъ земской суммы.

Содержаніе школъ слагается вообще изъ суммъ земства и сельскихъ обществъ; первое отпускаетъ на 5 школъ (Безводнинскую, Шелокшанскую, Чернухинскую, Выѣздновскую и Таможниковскую) по 250 р., и на остальныя по 155 р.; вторыя доставляютъ отопленіе и прислугу, а въ нѣкоторыхъ школахъ—и освѣщеніе. Кромѣ того, при нѣкоторыхъ школахъ есть попечители, которые, съ своей стороны, помогаютъ имъ, и надо замѣтить, что какъ хорошее, такъ и дурное состояніе училищъ много зависитъ отъ этихъ лицъ; нѣкоторые попечители оказываются безполезными и равнодушными къ дѣлу образованія; но за то въ другихъ училищахъ попечители много содѣйствуютъ процвѣтанію ихъ: такъ, въ Безводнинской — крестьянинъ Носовъ снабжаетъ школу книгами, бумагой, перьями, нанимаетъ водовоза и намѣренъ строить домъ для женской школы; въ Ключищенской — крестьянинъ Прохоровъ по умѣнію настоять на удовлетвореніи насущныхъ нуждъ школы и по вліянію на общество служитъ необходимою связью между нимъ и училищемъ; въ Слободской—крестьянинъ

Кузнецовъ ежедневно и строго наблюдаетъ за аккуратнымъ посѣщеніемъ школы учащимися; въ Березниковской—крестьянинъ Даниловъ съ большимъ сочувствіемъ относится къ школѣ, часто посѣщаетъ ее, покупаетъ бумагу и пр., блюдетъ за сбереженіемъ школьныхъ денегъ; помѣщикъ Козловъ даетъ домъ подъ Таможниковскую школу; помѣщикъ Андреевъ оказалъ пособіе при постройкѣ дома для Вердѣевской школы; крестьянинъ Тихановъ даетъ помѣщеніе у себя въ домѣ учителю Татарской школы, а съ лѣта 1876 года при его помощи выстроенъ особый домъ для школы; наконецъ самый дѣятельный, вполнѣ преданный дѣлу народнаго образованія — попечитель пяти школъ: Берсеменовской, Помринской, Вармалѣевской, Крутовской и Таможниковской, волостной старшина Гришаковъ, который за усердную и полезную службу представленъ Нижегородскимъ уѣзднымъ училищнымъ совѣтомъ къ наградѣ серебряною медалью на Станиславской лентѣ.

Большая часть школъ Нижегородскаго уѣзда имѣетъ свои собственные дома; помѣщеніе 18 школъ можетъ быть названо хорошимъ: оно по большей части просторно, свѣтло и тепло. За то помѣщеніе остальныхъ школъ неудовлетворительно: тѣсно, холодно и грязно; въ особенности дурно содержатся двѣ школы — Новская, занимающая подъ школу тѣсную, темную церковную караулку на краю села, такъ какъ церковь стоитъ въ полѣ, и Моргушская, для которой мѣстные крестьяне, раскольники, отвели старую, по грязи, мрачности, тѣснотѣ и холоду никуда негодную кельенку; при ней есть сторожъ, но чтобы содержаніе его не обходилось дорого, взятъ слабый 70-ти-лѣтній старикъ. Изъ всѣхъ школьныхъ домовъ только домъ Борисовскаго училища застрахованъ въ 1200 р.

Кромѣ исчисленныхъ сельскихъ школъ, г. инспекторъ осмотрѣлъ въ октябрѣ 1876 г. еще двѣ частныя школы въ самомъ Нижнемъ-Новгородѣ: одна изъ нихъ содержится г-жею Гиляровскою, дочерью причетника Похвалинской церкви, а другая—г. Смирновымъ, бывшимъ учителемъ Благовѣщенскаго училища въ Нижнемъ, потомъ Софійскаго въ Арзамасѣ и Балахнинскаго приходскаго. Г-жа Гиляровская выдержала въ 1875 году испытаніе на званіе частной начальной учительницы и открыла въ 1876 году свою школу, въ которой обучается 4 мальчика и 4 дѣвочки, раздѣленные по успѣхамъ на 2 группы: въ старшей—3 мальчика и 1 дѣвочка, въ младшей—3 дѣвочки и 1 мальчикъ. Нравственнымъ своимъ вліяніемъ и ласковымъ обращеніемъ съ дѣтьми г-жа Гиляровская заслуживаетъ уваженія, но учебное дѣло

идетъ въ школѣ слабо. Кромѣ нея, для закона Божія приглашенъ священникъ Стекловъ, довольно способный преподаватель, но посѣщающій школу весьма неисправно, отчего по этому предмету пройдено немного и неудовлетворительно. По чтенію и письму только 3 дѣвочки оказали хорошіе успѣхи; по ариѳметикѣ всѣ обучающіеся слабы, чему причиною—незнакомство учительницы съ раціональными пріемами преподаванія этого предмета. Библіотеки при школѣ не имѣется, дѣти учатся по своимъ книгамъ. Школа помѣщается въ собственномъ ветхомъ и тѣсномъ домикѣ г-жи Гиляровской. Крайняя бѣдность заставила ее заняться обученіемъ дѣтей, которыя платятъ ей за круглый годъ ученія по 1 р. съ ученика, и она выполняетъ свой долгъ съ большимъ усердіемъ.—Школа г. Смирнова также не представляется въ цвѣтущемъ состояніи. Здѣсь всѣхъ учащихся 8 человѣкъ, между ними есть и дѣвочки; всѣ они занимаются вмѣстѣ, и притомъ разными предметами въ одно и то же время. Священникъ Прилежаевъ, приглашенный въ законоучители, приходитъ на свои уроки неисправно и въ неопредѣленное время; у него только 2 ученика и 1 ученикъ знаютъ выученныя молитвы и пройденное изъ священной исторіи твердо, но разказываютъ безъ всякаго смысла; знанія прочихъ ограничиваются тремя механически выученными молитвами. Тѣ же 2 ученика и ученица порядочно читаютъ и пишутъ, хотя содержаніе прочитаннаго передаютъ туго, да учитель и не требуетъ передачи прочитаннаго; остальные едва начинаютъ читать, кто придерживаясь методу азъ, буки, кто—а, бе, ве; звуковой способъ преподаванія неизвѣстенъ г. Смирнову. По ариѳметикѣ все тѣ же 2 ученика идутъ хорошо, и, благодаря не школьному обученію, а только своей даровитости и бойкости, знаютъ таблицу умноженія, порядочно рѣшаютъ несложныя задачи и дѣлаютъ сложеніе и вычитаніе на счетахъ, тогда какъ другіе только пишутъ цифры. О классной дисциплинѣ дѣти не имѣютъ никакого понятія: отвѣчаютъ, сидя и во время занятій нерѣдко разговариваютъ между собою. Библіотеки не существуетъ: всякій приходитъ со своею книжкой.

Въ *Балахнинскомъ уѣздѣ*, изъ четырехъ осмотрѣнныхъ г. инспекторомъ школъ лучшею слѣдуетъ признать Гнилицкую, оказавшею весьма хорошіе успѣхи по всѣмъ предметамъ. Обучается въ ней 77 человѣкъ, раздѣленныхъ на три отдѣленія. Отличный законоучитель священникъ Худяшевскій и знающій свое дѣло, примѣрнаго поведенія и усердія учитель Кремневъ ведутъ школьное ученіе прекрасно. Ученики старшихъ двухъ отдѣленій по закону Божію прошли вполнѣ

сознательно всѣ необходимыя молитвы, весь ветхій завѣтъ и половину новаго завѣта; младшаго—4 молитвы; со славянскаго языка, въ особенности 3 ученика, переводятъ Евангеліе и молитвы очень порядочно. Чтеніе учениковъ старшаго отдѣленія бѣглое, правильное, сознательное; пишутъ они также хорошо, особенно 5 мальчиковъ, и всѣ довольно правильно; среднее отдѣленіе читаетъ довольно бѣгло, съ толкомъ и пониманіемъ, пишетъ очень порядочно; въ младшемъ перешли уже къ чтенію Роднаго Слова и пишутъ, судя по времени ихъ ученія, порядочно. Изъ ариѳметики старшіе ученики основательно ознакомились съ составомъ и отношеніемъ чиселъ въ предѣлахъ 50 и имѣютъ понятіе о начальныхъ дробяхъ; ученики средняго отдѣленія занимаются въ предѣлахъ 20, младшее въ предѣлахъ 8.— Затѣмъ по успѣхамъ слѣдуетъ *Мысовская* школа, въ которой учится 59 мальчиковъ, составляющихъ три отдѣленія. Ученіе бываетъ здѣсь до обѣда и послѣ обѣда; въ дурную погоду, морозы и сильныя вьюги дѣти изъ окрестныхъ деревень ночуютъ въ селѣ у родственниковъ и знакомыхъ. Прекрасный наставникъ закона Божія св. Ачдентовъ, преданъ своему дѣлу, все пройденное учениками усвоено ими очень хорошо и осмысленно; кромѣ главныхъ молитвъ, законоучитель считаетъ необходимымъ, чтобы дѣти знали молитвы ко Кресту Господню, которымъ, къ сожалѣнію, въ большинствѣ школъ не учатъ: это важно тѣмъ болѣе, что книжники изъ раскольниковъ часто экзаменуютъ дѣтей, и большой упрекъ падаетъ на ту школу, гдѣ ихъ дѣтей не учатъ этимъ молитвамъ, а населеніе села Мысовскаго сильно заражено расколомъ, и изъ числа 59 мальчиковъ, только 10 мальчиковъ сельскихъ жителей, остальные изъ прилежащихъ православныхъ деревень; изъ самыхъ же двухъ близкихъ деревень, окружающихъ село, Передильной и Локтевой, чисто раскольничьихъ, ни одного мальчика не пускаютъ родители въ школу. Церковно-славянскій текстъ Евангелія и молитвъ старшіе ученики понимаютъ хорошо. Прочимъ предметамъ обучаетъ очень старательный учитель Смирновъ, но онъ мало знакомъ съ новѣйшими руководствами по преподаванію отечественнаго языка; его урокъ объяснительнаго чтенія былъ на столько неудовлетворителенъ, что г. инспекторъ употребилъ цѣлый вечеръ на бесѣду съ учителемъ о цѣляхъ, пріемахъ и веденіи объяснительнаго чтенія, а также указалъ, какимъ образомъ знакомить дѣтей съ правилами правописанія. Чтеніе двухъ старшихъ отдѣленій хотя порядочное, но крикливо и отрывочно, отчего теряется связь мыслей; пишутъ они красиво, но ошибочно; младшія читаютъ Родное Слово и пишутъ прописи. Ариѳ-

метика идетъ очень не дурно, и успѣхи учениковъ по этому предмету большіе.—Третья школа находится въ деревнѣ *Бабинт* Чернорѣцкой волости и открыта 1-го сентября 1876 г. стараніемъ крестьянина этой волости Королькова, и въ ней обучается 57 дѣтей, въ томъ числѣ 14 дѣвочекъ. Законъ Божій преподаетъ приходскій діаконъ Архангельскій, плохой учитель, вялый и неопытный; но лучшаго законоучителя нельзя было найдти, такъ какъ священникъ села Чернорѣчья состоитъ преподавателемъ школы своего села, и кромѣ того, обремененъ большимъ приходомъ; познанія дѣтей изъ этого предмета весьма не велики. И по другимъ предметамъ учителемъ Орфановымъ не много сдѣлано: ученики старшаго отдѣленія читаютъ чисто механически и очень ошибочно; пишутъ безграмотно; ознакомленіе съ тѣмъ и другимъ было пріобрѣтено ими дома; младшее отдѣленіе начало обучаться въ школѣ, и уже въ состояніи написать любое слово. По ариѳметикѣ старшіе знаютъ нумерацію до 1000 и занимаются счисленіемъ въ предѣлахъ 20, младшіе въ предѣлахъ 8.—Послѣдняя изъ четырехъ школъ—*Чернорѣцкая* имѣетъ 53 ученика. Успѣхи по закону Божію нельзя назвать удовлетворительными, такъ какъ ученики старшаго отдѣленія уже забыли все пройденное въ прошлую зиму; въ среднемъ занимаются повтореніемъ молитвъ, а въ младшемъ дѣти знаютъ только начальныя молитвы. Такая малоуспѣшность происходитъ оттого, что о. Фалинскій, при способности быть хорошимъ законоучителемъ, слишкомъ часто пропускаетъ уроки. По славянски ученики въ старшемъ отдѣленіи читаютъ и переводятъ тексты Евангелія порядочно; русское чтеніе и изложеніе содержанія прочитаннаго дѣлается ими отчетливо, правильно и въ надлежащей послѣдовательности, только пишутъ ошибочно. Со среднимъ отдѣленіемъ слѣдуетъ больше заниматься, оно читаетъ крайне ошибочно, но учитель Репьевъ, примѣрнаго впрочемъ поведенія и усердія, не принялъ въ соображеніе, что развитіе объяснительнаго чтенія должно находиться въ связи и даже въ зависимости отъ усовершенствованія чтенія, что̀ и было видно изъ его урока по объяснительному чтенію, который велся имъ не особенно ловко и удачно; пишутъ ученики красиво, но безграмотно; учителю рекомендовано обратить особенное вниманіе на правописаніе и показаны пріемы диктовки. Успѣшнѣе идутъ занятія по ариѳметикѣ, причемъ особенно хороши успѣхи старшаго отдѣленія.

Библіотеки этихъ школъ содержатся въ порядкѣ; самая достаточная при Бабинской школѣ, гдѣ книгъ имѣется на 120 р.; эта школа имѣетъ и отличную классную обстановку. Помѣщеніе школъ очень

удобное и теплое, для трехъ школъ — наемное, а Бабинская помѣщается въ собственномъ отличномъ, на каменномъ фундаментѣ домѣ, выстроенномъ купцомъ Марковымъ, бывшимъ крестьяниномъ Чернорѣцкой волости; имъ же заведены вся мебель и школьныя пособія; кромѣ того, купецъ Марковъ обѣщаетъ вскорѣ построить домъ для двухкласснаго женскаго училища въ деревнѣ Жолнинѣ. Попечители Чернорѣцкой и Мысовской школъ никакой пользы имъ не приносятъ, и ихъ замѣняютъ другія лица. Всѣ оклады учителямъ идутъ отъ земства: законоучители получаютъ 50 р., учителя—200 р. Недостатки въ книгахъ въ Чернорѣцкой школѣ и классной мебели въ Мысовской, пополнены изъ 300 р., назначенныхъ Балахнинскимъ земствомъ собственно на эти предметы.

Въ *Горбатовскомъ* уѣздѣ, кромѣ 16 сельскихъ училищъ, г. инспекторомъ осмотрѣны были 4 городскія училища — 2 въ самомъ Горбатовѣ и 2 въ подгородномъ селѣ Избыльцѣ.

Городскія начальныя училища, мужское и женское, въ учебномъ отношеніи рѣзко отличаются одно отъ другаго. Мужское, образованное изъ приготовительнаго класса при Горбатовскомъ уѣздномъ училищѣ, имѣетъ 68 учениковъ, изъ коихъ въ старшемъ отдѣленіи 19, въ среднемъ — 27 и въ младшемъ — 22. Ученіе идетъ здѣсь малоуспѣшно; то же слѣдуетъ замѣтить и о дисциплинѣ учащихся. Въ послѣднемъ нельзя винить учителя Скамницкаго, довольно хорошаго преподавателя, но до того слабаго здоровьемъ, что, при всемъ его желаніи слѣдить какъ должно за училищемъ, онъ не въ силахъ справиться съ такимъ значительнымъ числомъ учениковъ, что̀ и побудило начальство назначить ему помощника; выборъ былъ сдѣланъ очень удачно, г. Критскій хорошій преподаватель, и можно надѣяться, что это училище въ непродолжительномъ времени прійдетъ въ надлежащее состояніе; къ тому же и весьма плохой преподаватель закона Божія, у котораго ученики по всѣмъ отдѣленіямъ оказали успѣхи болѣе чѣмъ слабые, замѣщенъ нынѣ другимъ лицомъ, соборнымъ протоіереемъ. До сихъ поръ изъ закона Божія ученики, кромѣ дурно заученныхъ молитвъ, почти ничего не прошли. Съ славянскаго языка только три ученика переводятъ порядочно; пишутъ въ двухъ старшихъ отдѣленіяхъ очень красиво, но крайне безграмотно. Ариѳметика преподается еще слабѣе: старшіе занимаются счисленіемъ въ предѣлахъ 50, средніе — въ предѣлахъ 19 и младшіе—въ предѣлахъ 10; рѣшенія задачъ въ предѣлахъ сказанныхъ чиселъ дѣлаются плохо. Письменная часть училища въ порядкѣ.

Библіотека состоитъ изъ 158 названій въ 638 томовъ, на сумму 111 р., но бо́льшая часть учениковъ имѣетъ свои книги, покупая ихъ въ Нижнемъ и Горбатовѣ. Школьная обстановка стара и бѣдна, многихъ пособій не имѣется совсѣмъ. Училище помѣщается довольно удобно въ зданіи городской думы. Содержанія священникъ получаетъ 60 р., старшій преподаватель — 320, младшій — 84 р.; но городское управленіе обѣщало вскорѣ возвысить окладъ послѣдняго.

Женское начальное училище, основанное въ 1864 году, находится въ весьма удовлетворительномъ положеніи, и еслибы въ немъ былъ еще хорошій законоучитель, то оно могло бы назваться вполнѣ образцовымъ. Къ крайнему сожалѣнію, нынѣшняго законоучителя нѣтъ возможности замѣнить другимъ преподавателемъ. Въ школѣ 49 ученицъ, изъ коихъ въ старшемъ отдѣленіи 11, въ среднемъ—16 и въ младшемъ—22; она обязана своимъ цвѣтущимъ состояніемъ учительницѣ, г-жѣ Е. Тавровской, окончившей курсъ въ Нижегородскомъ Маріинскомъ институтѣ и знающей прекрасно свое дѣло, а также г-жѣ Болеславской, окончившей воспитаніе въ Нижегородскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ; послѣдняя служитъ въ школѣ съ 1866 года, и хотя не обладаетъ въ такой степени опытностью, какъ г-жа Тавровская, но общая служба и занятія съ нею, конечно, выработаютъ изъ г-жи Болеславской хорошую преподавательницу. Если по закону Божію ученицы усвоили твердо и довольно подробно пройденное ими изъ священной исторіи, то обязаны болѣе книгѣ и своему прилежанію, чѣмъ законоучителю; выученныя молитвы всѣми отдѣленіями понимаются плохо. Оба старшія отдѣленія читаютъ по русски и по славянски отлично, также старшія весьма порядочно переводятъ со славянскаго Евангеліе; пишутъ старшія красиво и правильно, среднія не менѣе красиво и безъ грубыхъ ошибокъ; маленькія читаютъ Родное Слово и пишутъ прописи. Тетради у всѣхъ въ отличномъ порядкѣ. Равно хороши успѣхи дѣвицъ по ариѳметикѣ: старшія занимаются счисленіемъ и легко рѣшаютъ довольно сложныя задачи въ предѣлахъ 90, имѣютъ ясное понятіе о начальныхъ дробяхъ, знаютъ таблицу умноженія, очень порядочно умѣютъ считать на счетахъ; среднія занимаются въ предѣлахъ 34, младшія — 10. Г-жѣ Болеславской порученъ еще классъ рукодѣлія, которому обучаются дѣвочки старшаго отдѣленія. Письменная часть училища ведется исправно. Въ библіотекѣ книгъ на сумму 175 р.; изъ мебели недостаетъ ученическихъ столовъ. Училище помѣщается въ верхнемъ этажѣ городской управы. Жалованья свя-

щеннику полагается 60 р., старшей учительницѣ—250, при готовой квартирѣ, и младшей—180 р.

Въ Избылецкомъ начальномъ мужскомъ училищѣ, открытомъ съ 1857 года, обучается 28 мальчиковъ; причина столь малаго числа учащихся—сильно распространенный въ мѣстномъ населеніи расколъ, коимъ впрочемъ сильно заражены и жители Горбатова. Ученики по всѣмъ предметамъ оказали слабые успѣхи. Опытный въ дѣлѣ преподаванія священникъ Рославлевъ сталъ однако небрежно заниматься школой и вмѣстѣ съ тѣмъ сосредоточилъ весь свой интересъ на женскомъ начальномъ училищѣ, открытомъ съ мая мѣсяца его дочерью; поэтому о. Рославлеву предложено оставить мѣсто. Отъ вновь приглашеннаго законоучителя слѣдуетъ ожидать, что онъ съ бо̀льшимъ стараніемъ займется учащимися, познанія которыхъ по закону Божію весьма шатки: за исключеніемъ 3 учениковъ, всѣ другіе пройденное въ текущемъ году знаютъ не твердо, а что̀ проходили въ прошломъ—забыли; по славянскому языку одинъ только мальчикъ порядочно читаетъ и переводитъ. Не лучше занимается и другой учитель Прудентовъ, хотя и выдержавшій испытаніе на званіе учителя начальнаго городскаго училища, но на дѣлѣ плохой преподаватель, что̀, помимо малоуспѣшности учениковъ его, доказывается крайне неудовлетворительно данными имъ уроками по объяснительному чтенію и ариѳметикѣ. Изъ бойкаго, но не разумнаго чтенія, безъ остановокъ на знакахъ препинанія, ученики старшаго отдѣленія видимо никакой пользы не выносятъ, мало понимая читаемое; въ среднемъ отдѣленіи всѣ читаютъ на распѣвъ и еще меньше старшаго понимаютъ содержаніе прочитаннаго; оба отдѣленія пишутъ безграмотно. Дѣти, поступая въ младшее отдѣленіе, всѣ знали азбуку, но такъ, что учителю пришлось вновь переучивать ихъ. Изъ ариѳметики ученіе идетъ туго, старшіе, зная 4 правила, очень затрудняются въ рѣшеніи простѣйшихъ задачъ, о начальныхъ дробяхъ не имѣютъ никакого понятія, на счетахъ вовсе не умѣютъ считать; средняго отдѣленія ученики занимаются счисленіемъ въ предѣлахъ 20, младшіе—въ предѣлахъ 10. Какъ тетради, такъ и вся документальная часть школы ведется неисправно. Въ библіотекѣ книгъ на сумму 170 р. Священникъ Рославлевъ выслужилъ пенсію и жалованья не получалъ; учитель состоитъ на окладѣ въ 230 р. Помѣщается училище удобно, особенно если принять въ расчетъ небольшое число въ немъ учащихся.

О женскомъ начальномъ училищѣ приходится сказать немногое

по причинѣ недавняго его существованія. Учительницею состоитъ выдержавшая испытаніе на званіе сельской учительницы дочь священника Рославлева, который обучаетъ здѣсь закону Божію. Всѣхъ дѣвочекъ обучается 15, онѣ раздѣлены на двѣ группы, въ старшей—4 и въ младшей 11. По закону Божію старшія знаютъ механически 4 молитвы, младшія—одну—Богородице Дѣво; двѣ дѣвочки, спрошенныя г. инспекторомъ, отвѣчали ему эту молитву, какъ читается она у раскольниковъ: „Богородице Дѣво, радуйся, обрадованная Марія, Господь съ Тобою и т. д. Изъ русскаго старшія начали читать Родное Слово, маленькія еще учатъ буквы. Изъ ариѳметики старшія занимаются счисленіемъ въ предѣлахъ 10, младшія—5, по способу Евтушевскаго, съ которымъ, впрочемъ, сама учительница мало знакома; г. инспекторъ объяснилъ ей особенности пріемовъ его и рекомендовалъ пріобрѣсти ариѳметику того же автора для начальныхъ учителей и учительницъ. Вступительной вѣдомости и класснаго журнала еще не заведено; классной мебели мало; книгъ же для занятій достаточно. Школа помѣщена удобно въ домѣ священника Рославлева и поддерживается въ настоящее время помѣщицею села Избыльца, попечительницею школы, г-жею Турчаниновою, которая даетъ на отопленіе классной комнаты и на учебныя пособія по 50 р. въ годъ. Другихъ средствъ школа не имѣетъ, такъ какъ ни законоучитель, ни учительница жалованья не получаютъ.

Въ число 16 осмотрѣнныхъ сельскихъ школъ вошли 4 начальныя училища — Панинское, съ женскимъ при немъ отдѣленіемъ, и Александровское Богородское мужское, оба министерства народнаго просвѣщенія, и 2 женскихъ, Богородское имени Ея Императорскаго Высочества Государыни Цесаревны (открытое сперва въ видѣ церковно-приходской начальной школы) и Павловское; затѣмъ 2 церковно-приходскія школы—Дуденевская и Богородская и 1 частная школа г-жи Разумовой въ селѣ Богородскомъ.

Горбатовскій уѣздъ отличается большими селами, какъ напримѣръ, Ворсма, Панино, Павлово, Богородское, въ которыхъ число мужскаго населенія простирается отъ 1000 до 1500 душъ; число учащихся, въ сравненіи съ населеніемъ, умѣренное; такъ въ Ворсмѣ и Панинѣ по 1 школѣ, въ Павловѣ 2, и только въ селѣ Богородскомъ потребность образованія такъ велика, что, кромѣ 2-хъ начальныхъ училищъ, въ немъ открыто еще 2 частныя школы, и потому необходимо здѣсь открыть третье училище, такъ какъ 2 послѣднія школы далеко не соотвѣтствуютъ своему назначенію. Не смотря на давность

существованія нѣкоторыхъ школъ, учебное дѣло идетъ въ нихъ весьма неуспѣшно, и именно въ старѣйшихъ изъ нихъ — Ярымовской (существующей съ 40-хъ годовъ) по всѣмъ предметамъ, Панинской (съ 1847 года) по Закону Божію, и Ворсменской (съ 1858 года) также по всѣмъ предметамъ; нельзя не пожелать этимъ школамъ, въ богатыхъ и населенныхъ селахъ, лучшихъ наставниковъ, которые съумѣли бы вызвать народное сочувствіе къ дѣлу образованія молодаго поколѣнія въ этихъ на половину раскольническихъ мѣстностяхъ, какъ то и дѣлаетъ почтенный преподаватель Ворсменской школы учитель Гайдуковъ, у котораго, благодаря его энергіи, школа идетъ лучше другихъ двухъ названныхъ; учитель пользуется особеннымъ расположеніемъ къ нему общества; ради него оно дѣлаетъ много уступокъ и пособій. Г. Гайдуковъ заслуживаетъ полнаго уваженія: окончивъ курсъ 20 лѣтъ тому назадъ, онъ старается примѣняться къ новѣйшимъ пріемамъ преподаванія, и хотя еще нѣкоторыхъ изъ нихъ не уяснилъ себѣ надлежащимъ образомъ, но успѣхи учениковъ его очевидны: чтеніемъ старшее отдѣленіе овладѣло вполнѣ, оно у нихъ бѣгло и правильно; пишутъ прекрасно и безъ грубыхъ ошибокъ; успѣхи по ариѳметикѣ хорошіе. Есть въ уѣздѣ школы, гдѣ преподаваніе всѣхъ предметовъ ведется по старому способу обученія, и всѣ онѣ въ учебномъ отношеніи стоятъ весьма слабо. Таковы именно: 1) *Богородская* церковно-приходская, содержится дьякономъ Орловымъ, который одинъ всѣмъ занимается, получая съ каждаго ученика отъ 1 до 3-хъ рублей; ученіе, кромѣ большихъ праздниковъ, не прекращается цѣлый годъ; дѣти учатся всѣ вмѣстѣ, и мальчики, и дѣвочки; тѣ изъ учащихся, кто второй годъ посѣщаетъ школу, знаютъ изъ закона Божія главныя молитвы, не понимая ихъ, читаютъ по славянски и по русски хотя и довольно бѣгло, но безтолково, пишутъ въ высшей степени безграмотно; изъ ариѳметики, ознакомясь съ сложеніемъ, вычитаніемъ и умноженіемъ, не въ силахъ рѣшить самой простой задачи въ предѣлахъ двухъ первыхъ десятковъ; учащіеся первый годъ знаютъ начальныя молитвы, нѣкоторые читаютъ по складамъ, другіе, и бо̀льшая часть, заучиваютъ склады, и тѣмъ не менѣе эта школа насчитываетъ у себя 38 учениковъ—25 мальчиковъ и 13 дѣвочекъ. 2) *Богородская* школа —частная г-жи Разумовой, гдѣ учатся 15 человѣкъ — 8 мальчиковъ и 7 дѣвочекъ, съ платой отъ 2 до 5 р.; за смертію законоучителя, г-жа Разумова сама ведетъ всѣ три предмета; пріемы обученія и знаніе дѣтей такіе же, какъ и въ вышеописанной школѣ; чтобъ имѣть

право на дальнѣйшее содержаніе школы, учительницѣ предложено немедленно сдать экзаменъ для полученія званія сельской учительницы. 3) *Дуденевская* церковно-приходская женская школа, открытая законоучителемъ Дуденевской мужской школы о. Цвѣтковымъ въ 1875 году; здѣсь обучается 18 дѣвочекъ: 6 въ старшемъ и 12 въ младшемъ отдѣленіи; труды законоучителя по занятіямъ съ ученицами раздѣляетъ супруга его, получившая домашнее воспитаніе. По закону Божію старшія ученицы знаютъ неосмысленно главныя молитвы, Символъ Вѣры читаютъ на распѣвъ; читаютъ и понимаютъ чтеніе только 3 дѣвочки, пишутъ всѣ безграмотно; ариѳметикой совсѣмъ не занимались; младшія ученицы знаютъ только молитву Богородице Дѣво, учатъ церковно-славянскій букварь, письмомъ же, какъ и въ школѣ г-жи Разумовой, не занимались по принятому въ старыхъ школахъ правилу начинать писать только тогда, когда дѣти начнутъ бѣгло читать. 4) *Пустынская* (иначе Пустыня) въ селѣ Засережьѣ, одномъ изъ самыхъ отдаленныхъ селъ Нижегородской губерніи, въ дикой лѣсистой сторонѣ Горбатовскаго уѣзда, гдѣ живутъ почти все раскольники и народъ занимается земледѣліемъ, рубкой лѣса и гонкой смолы; къ крайнему сожалѣнію, такая отдаленность мѣстности и скудное содержаніе (120 р.) не позволяютъ замѣнить учителя этой школы г. Прудентова другимъ, болѣе свѣдущимъ, который былъ бы преданъ своему дѣлу и умѣлъ бы увеличить число учащихся; при настоящемъ учителѣ, неисправно бывающемъ въ школѣ и обучающемъ чтенію и ариѳметикѣ по старому способу (самъ учитель окончилъ курсъ въ 1844 году), врядъ ли число учениковъ увеличится; школу посѣщаютъ 11 мальчиковъ. Отрадное можно сказать только о недавнихъ успѣхахъ учащихся по закону Божію, которымъ занимается почтенный о. Альбицкій, переведенный сюда съ 1875 года по собственному желанію, послѣ семилѣтней учительской службы въ селѣ Глядковѣ того же уѣзда; все преподанное имъ дѣти усвоили твердо и вполнѣ сознательно. Кромѣ названныхъ школъ, еще одна должна быть причислена къ слабымъ; это — школа *Сосновская*, въ которой впрочемъ ученіе ведется не по самому старинному способу; она открыта священникомъ Илевскимъ только въ 1876 г., но учредитель и единственный въ ней преподаватель относится къ ней безъ должнаго усердія, часто прекращая ученіе на недѣлю и болѣе. Изъ 14 мальчиковъ одинъ только ученикъ по всѣмъ предметамъ знаетъ довольно многое и притомъ хорошо, но съ нимъ преподаватель занимается отдѣльно, всѣ же другіе ученики изъ закона Божія про-

шли молитвы безъ всякаго пониманія, читаютъ очень дурно, пишутъ совсѣмъ безграмотно; изъ ариѳметики знаютъ сложеніе и вычитаніе. Сосновская школа находится во всѣхъ отношеніяхъ въ столь плохомъ состояніи, что едва ли не напрасно земство теряетъ на нее по 50 р. въ годъ.

Значительное число школъ въ уѣздѣ идутъ въ учебномъ отношеніи не совсѣмъ плохо, но посредственно—вслѣдствіе совершеннаго незнакомства ихъ преподавателей съ новѣйшими раціональными пріемами обученія, что особенно замѣтно на обученіи закону Божію, гдѣ даже весьма способные законоучители, какъ о. Авдентовъ въ Теряевской школѣ, или о. Орловъ въ Павловской женской, одной изъ лучшихъ въ уѣздѣ, сдѣлали сравнительно мало. Къ числу такихъ посредственныхъ школъ принадлежатъ слѣдующія: 1) *Теряевская*, гдѣ законоучителемъ о. Авдентовъ и учителемъ г. Дроздовъ; судя по способностямъ и усердію послѣдняго, слѣдуетъ ожидать, что онъ съумѣетъ хорошо поставить свою школу, основанную только въ 1876 году и представившую уже нѣкоторыя трудности: мальчиковъ обучается 46, въ старшемъ отдѣленіи 10, въ среднемъ 16 и въ младшемъ 20; при поступленіи своемъ всѣ ученики 2-хъ старшихъ отдѣленій умѣли читать бѣгло, но не правильно и плохо передавая прочитанное, чего учитель при всемъ стараніи не могъ и до сихъ поръ исправить, равно какъ и безграмотнаго ихъ писанія; ученики младшаго отдѣленія выучились въ школѣ уже на столько, что читаютъ Родное Слово и пишутъ съ прописей; преподаваніе ариѳметики идетъ правильно и хорошо. 2) *Шапкинское*, гдѣ законъ Божій преподаетъ священникъ Святицкій, а другіе предметы—сынъ его. 3) *Дудѣевская* мужская школа, основанная священникомъ Цвѣтковымъ, который однако, равно какъ и учитель Архангельскій, довольно плохіе преподаватели, послѣдній—въ особенности по ариѳметикѣ, по которой ученики оказали слабые успѣхи. 4) *Араповская*, гдѣ законъ Божій преподаетъ преклонныхъ лѣтъ священникъ Любимцевъ, при чемъ все, что ученики прошли, они знаютъ не твердо и безъ всякаго пониманія; другимъ предметамъ обучаетъ учитель Виноградовъ, у котораго преподаваніе ариѳметики идетъ успѣшнѣе, чѣмъ русскаго языка, но можно ожидать, что учитель, весьма усердный и знающій дѣло обученія очень порядочно, съумѣетъ повести и этотъ предметъ также хорошо, какъ ариѳметику, что уже видно по тому, что всѣ ученики средняго отдѣленія, выучившіеся читать у него въ школѣ, читаютъ несравненно лучше старшаго, которое обучалось чтенію еще дома; младшее отдѣленіе изучило

всѣ звуки и буквы родной рѣчи и умѣетъ написать слова съ какимъ угодно наращеніемъ согласныхъ.

Отличными школами въ уѣздѣ можно признать слѣдующія: 1) *Павловскую* женскую, гдѣ обучается 85 дѣвочекъ и преподаютъ о. Орловъ и двѣ учительницы, изъ коихъ въ особенности г-жа Веселовская отличается преданностью и знаніемъ дѣла; ея два урока по объяснительному чтенію и ариѳметикѣ были вполнѣ удачны; другая — г-жа Цедринская, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, не умѣетъ привязать къ себѣ дѣтей, но подобно первой, отличается опытностью въ преподаваніи. 2) *Алешковскую*, въ которой учится 23 человѣка, въ томъ числѣ 2 дѣвочки; законъ Божій преподаетъ о. Лебедевъ, и успѣхи по этому предмету хорошіе, а г. Муравьевъ, — весьма усердный и способный учитель, и если онъ обогатитъ свои знанія бо̀льшимъ чтеніемъ, то со временемъ обѣщаетъ быть однимъ изъ лучшихъ сельскихъ учителей. Наконецъ, оба начальныя училища села Богородскаго: 3) въ *Александровскомъ мужскомъ* обучается 113 мальчиковъ: въ старшемъ 17, въ среднемъ 20 и въ младшемъ 66; послѣднее по многочисленности учениковъ дѣлится на 2 группы: въ старшей — 20 и въ младшей — 46 учениковъ. Къ сожалѣнію, законъ Божій преподается здѣсь не такъ удовлетворительно, какъ другіе предметы; законоучителю Кудрявцеву особенно было замѣчено о неудачномъ его пріемѣ — давать учащимся заучивать переводъ молитвъ отдѣльно отъ славянскаго текста. Учителями состоятъ гг. Штерновъ и Ратниковъ, оба — образцовые преподаватели въ научномъ и нравственномъ отношеніи: занимаются съ примѣрнымъ усердіемъ, хорошо и основательно знакомы съ современными способами и пріемами преподаванія. 4) Въ женскомъ имени Ея Императорскаго Высочества Государыни Цесаревны училищѣ обучается 111 дѣвочекъ; въ старшемъ отдѣленіи — 20, въ среднемъ — 41 и въ младшемъ — 50. Обучаютъ о. Тихоміровъ, состоящій въ этой должности съ открытія школы въ 1867 году и прекрасно ведущій свой предметъ, и 2 учительницы, изъ которыхъ г-жа Владимірская весьма хорошая преподавательница. Учительница эта дала въ присутствіи г. инспектора два урока по объяснительному чтенію и ариѳметикѣ весьма удовлетворительно. Другая учительница, г-жа Розанова, далеко уступаетъ ей въ знаніяхъ и опытности, но для младшаго отдѣленія она довольно хороша; кромѣ предметнаго обученія, она учитъ дѣтей рукодѣлью, и обѣ преподавательницы занимаются своими обязанностями съ рѣдкимъ усердіемъ. Въ этихъ двухъ школахъ чтеніе стар-

шихъ отдѣленій по славянски и по русски превосходное: они читаютъ бѣгло, правильно, сознательно; прочитанное передаютъ со смысломъ, послѣдовательно, правильнымъ языкомъ; въ женской школѣ переводятъ очень порядочно тексты Евангелія и молитвы; среднія отдѣленія читаютъ хорошо и также толково передаютъ читаемое; младшія перешли къ чтенію Родного Слова, и первая группа мужской школы этого отдѣленія читаетъ уже довольно недурно. Старшія отдѣленія пишутъ очень красиво и достаточно правильно, особенно 4 изъ мальчиковъ; среднія порядочно и безъ грубыхъ ошибокъ, младшія—прописи. По ариѳметикѣ старшіе рѣшаютъ довольно сложныя задачи на 4 дѣйствія простыхъ и именованныхъ чиселъ, имѣютъ ясное понятіе о начальныхъ дробяхъ и отлично считаютъ на счетахъ; ученицы этого отдѣленія занимаются счисленіемъ въ предѣлахъ 80, имѣютъ понятіе о начальныхъ дробяхъ, знаютъ мѣры составныхъ именованныхъ чиселъ, и хотя не бойко, но умѣютъ считать на счетахъ; въ среднихъ отдѣленіяхъ мальчики работаютъ въ предѣлахъ 50, дѣвочки — 30, въ младшихъ мальчики въ предѣлахъ 15, дѣвочки—6. У всѣхъ учащихся тетради въ отличномъ порядкѣ.

Изъ всѣхъ школъ только въ двухъ дѣти обучаются пѣнію: въ Панинской обучаетъ дьяконъ Никольскій безплатно, и въ Дудеевской священникъ Цвѣтковъ. Библіотекъ вовсе не имѣется въ школахъ Дудеевской женской, церковно-приходской и частной Богородскихъ и Сосновской, и дѣти учатся по своимъ книгамъ. Одною изъ лучшихъ библіотекъ начальныхъ школъ Нижегородской губерніи, безъ сомнѣнія, можетъ считаться библіотека Александровскаго Богородскаго училища; въ ней 283 названія въ 799 томахъ, на сумму 820 р. Въ Богородской женской книгъ имѣется на 152 р., въ Панинской, Дудеевской мужской и Ярымовской въ каждой на 100 р., въ остальныхъ школахъ на сумму отъ 60 до 20 р. Нѣсколько школъ имѣютъ нужду въ пополненіи, какъ учительской, такъ и ученической библіотекъ.

Нѣкоторыя школы имѣютъ отличную классную обстановку, благодаря своимъ попечителямъ; особенно роскошно снабжены школьными пособіями Александровское Богородское и Дудеевское мужское. Въ Богородской женской главное украшеніе классной комнаты составляютъ прекрасной работы въ богатыхъ золотыхъ рамахъ портреты Государыни Императрицы, Государя Цесаревича, Государыни Цесаревны и телеграмма Ея Императорскаго Высочества, отдѣланная въ рамку. Теряевская школа, кромѣ необходимаго, пріобрѣла еще въ Нижегородскомъ музеѣ за 70 р., съ разсрочкою уплаты денегъ въ

два срока — большую икону, портретъ Государя Императора, карту Россіи и счеты. Самую бѣдную обстановку имѣютъ двѣ школы — Шанкинская почти вовсе безъ мебели.

При многихъ школахъ состоятъ попечителями крестьяне или бывшіе крестьяне, нынѣ купцы; особаго вниманія удостоился почетный блюститель Александровскаго Богородскаго училища 2-й гильдіи Горбатовскій купецъ В. А. Александровъ, въ 1875 году представленный уже къ наградѣ золотою медалью для ношенія на Станиславской лентѣ, чего онъ вполнѣ заслуживаетъ за рядъ крупныхъ пожертвованій; кромѣ ежегоднаго взноса въ 100 р., зная, что отпускаемой земствомъ суммы въ 206 р. и обществомъ въ 425 р. недостаетъ на содержаніе школы, онъ истратилъ въ послѣдніе три года изъ собственныхъ средствъ 1000 р.; имъ же устроены рядомъ со школою двѣ удобныя квартиры съ особою кухнею для учителей. Также щедро помогаетъ попечитель женскаго Богородскаго училища, 1-й гильдіи Горбатовскій купецъ И. А. Александровъ: къ земскимъ 160 р. и общественнымъ 420 р. вноситъ онъ ежегодно 100 и болѣе рублей, и покрылъ за послѣдніе 4 года всѣ расходы по школѣ, что̀ составило болѣе 1000 р. Много дѣлаетъ попечитель Дуденевской школы, астраханскій купецъ Власовъ, дуденевскій уроженецъ, внося ежегодно 100 р. и выстроивъ школьный въ 1,500 р. домъ, съ удобною меблированною квартирой для учителя, при которой кухня также снабжена всѣмъ необходимымъ. Попечитель Панинской школы даетъ ей 50 р.; Пустынской—25 р. на книги, благодаря чему школа снабжена достаточнымъ количествомъ книгъ, не смотря на свои скудныя средства, состоящія всего изъ 156 р., отпускаемыхъ земствомъ на жалованье учителямъ; Теряевской — 20 р.; Ворсменской (фабрикантъ стальныхъ издѣлій Завьяловъ) — платитъ за квартиру и покупаетъ книги; Алешковской — покупаетъ перья, чернила, бумагу; попечитель этотъ, крестьянинъ Чалковъ, имѣетъ большое вліяніе на крестьянъ своей деревни, и къ нему обращался г. инспекторъ съ просьбой о постройкѣ особаго дома для школы, которая помѣщается въ настоящее время въ небольшой тѣсной и холодной избѣ, съ платою за нее 20 р. и съ отопленіемъ отъ хозяина. Также дурно помѣщены слѣдующія школы: Сосповская, Шанкинская (холодныя и тѣсныя), частная г-жи Разумовой; Павловское женское—въ домѣ Павловскаго двухкласснаго училища — тѣсно, сыро, холодно; Ворсменская—въ двухъ комнатахъ, что̀ весьма неудобно для наблюденія за учениками; Арановская — въ волостномъ правленіи, гдѣ подъ клас-

свою комнатой помѣщается арестантская, о чемъ заявлено старшинѣ, чтобъ перевести или школу, или арестантскую; Ярымовская — въ просторномъ, но нестерпимо холодномъ и старомъ домѣ, принадлежащемъ вѣдомству государственныхъ имуществъ; Пустынская—въ собственномъ домѣ, пожертвованномъ графомъ Шереметевымъ—была бы хороша, еслибъ домъ устроить, но для того нѣтъ средствъ; кромѣ того, главное неудобство помѣщенія состоитъ въ томъ, что внизу дома помѣщается арестантская, переведенная сюда старшиною-раскольникомъ, едва ли не по недоброжелательству къ школѣ, о чемъ уже сообщено Горбатовскому совѣту и уѣздному исправнику. Прекрасно и удобно помѣщены школы: Панинская въ собственномъ домѣ, Теряевская въ наемномъ за 75 руб., Александровская Богородская и женская Богородская, обѣ въ общественномъ домѣ, при особыхъ для каждой подъѣздахъ; только женская школа, вслѣдствіе большаго наплыва учащихся, становится тѣсна; наконецъ, обѣ Дуденевскія, мужская въ собственномъ домѣ, женская—въ домѣ священника Цвѣткова.

УПОТРЕБЛЕНІЕ ПАРАТАКСИСА ВЪ ТЕРЕНЦІЕВЫХЪ КОМЕДІЯХЪ [1]).

Novi.

Andr. 440 (II, 6, 9) Nil hercle, aut si adeo, bidu*ist* aut tridui
Haec sollicitudo, *nosti*, deinde desi*net*.

Бентли и съ нимъ Флекейзенъ, Умпфенбахъ и Мейсснеръ ставятъ послѣ *nosti* вопросительный знакъ, но я здѣсь не вижу никакого вопроса. Въ ст. 438 sq. баринъ спрашиваетъ своего раба: Num illi (то-есть, filio meo) molestae quidpiam haec sunt nuptiae Consuetionem propter huiusce hospitae? На это рабъ отвѣчаетъ: Nil hercle etc., то-есть, отнюдь не, или если даже (sc. haec nuptiae ei molestae sunt), то ты долженъ знать, что такая грусть продолжается всего два-три дня, а потомъ перестанетъ. Поэтому интерпункцію Клоца и Шпенгеля, ставящихъ запятую, я считаю вѣрною.

Audio.

Heaut. 243 (II, 3, 2) — Mulier tibi ad*est*; *audin*, Clinia?
Andr. 228 (I, 4, 1) *Audivi* Archilis iam dudum, Lesbiam adduci iub*es*.
Ad. 160 (II, 1, 6) Aeschine, *audi*, ne te ignarum fuisse dicas meorum morum,
Leno ego *sum*.
Andr. 590 (III, 4, 11) Hoc *audi*: ut hinc te intro ire iussi, opportune hic *fit* mi obviam.
Andr. 660 (IV, 1, 36) — hoc *audi*: numquam desti*tit*
Instare ut dicerem esse ducturum patri.

---

[1]) *Продолженіе.* См. іюльскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.*, текущаго года.

Video.

Eun. 713 (IV, 4, 45) — — — Non po*test*
Sine malo fateri, *video.*

Hec. 770 (V, 2, 4) Noster socer, *video*, ven*it*; puero nutricem ad-duc*it*.

Одинъ разъ сначала безъ глагола:

Phorm. 104 (I, 2, 54) *Videmus*: virgo pulchra et, quo magis diceres,
Nil ad*erat* adiumenti ad pulchritudinem.

Кромѣ того, употребляется такъ imperativus *vide* и одинъ разъ *specta*, въ смыслѣ *considera*, *сообрази*, *обдумай*:

Heaut. 315 (II, 3, 74) Hoc *vide*: in mea vita tu tibi laudem *is* quaesitum, scelus!

Hec. 420 (III, 4, 6) Nam alias ut mittam miserias, unam hanc *vide*:
Dies triginta aut plus eo in navi *fui*,
Quom interea semper mortem exspectabam miser.

Phorm. 711 (IV, 4, 30) — — Fi*ent* me *vide*, то-есть, повѣрь мнѣ, что случится (то, о чемъ я тебѣ говорилъ).

Heaut. 991 (V, 2, 38) — Nunc aliud *specta*: matres omnes filiis
In peccato adiutrices, auxilio in paterna iniuria
Sol*ent* esse; id non f*it* (то-есть, et id tecum non fieri или quod tecum non fit).

Gaudeo.

Eun. 1041 (V, 8, 11) Jam hoc aliud est quod *gaudeamus*: miles pell*etur* foras.

Sino.

Наконецъ, примѣръ, который всѣ новѣйшіе издатели, поставивъ между кавычками, несправедливо причисляютъ къ цитатамъ:

Phorm. 293 (II, 1, 63) — — — Mitto omnia:
Do istuc, imprudens timu*it* adulescens; *sino*
Tu servo'*s*,

хотя, нужно признаться, опъ и сюда не совсѣмъ относится, представляетъ какое-то краткословіе (брахилогію), потому что смыслъ будетъ слѣдующій: „Я все оставляю въ сторонѣ (это говоритъ отецъ, разсерженный женитьбою сына въ его отсутствіе). Соглашаюсь на то,

что (какъ вы говорите), мой сынъ боялся; допускаю и то, что ты, будучи рабомъ, не могъ защищать его передъ судомъ".

Приступая къ изложенію предложеній, находящихся въ обстоятельственномъ отношеніи, мы сперва должны сказать пару словъ о томъ, какъ прійменся за дѣло. Самые интересные случаи паратаксиса мы увидимъ въ условныхъ, уступительныхъ и послѣдственныхъ предложеніяхъ. Остальныя не представляютъ такого интереса, потому что относительно ихъ писатель гораздо больше имѣетъ свободы въ данномъ случаѣ выразить мысль посредствомъ или сочиненія, или подчиненія. Поэтому мы и не будемъ касаться примѣровъ, въ которыхъ встрѣчаются сочинительные союзы, а обратимъ вниманіе только на такіе, въ которыхъ или союзъ пропущенъ, или на отношеніе мыслей между собою указано разными нарѣчіями. Такъ, напримѣръ, если причина какого-нибудь дѣйствія приведена посредствомъ нарѣчій *ita*, *tam*, *talis* и др., а вмѣсто слѣдствія съ союзомъ *ut* слѣдуетъ главное предложеніе, то такое явленіе мы должны считать паратаксисомъ. При этомъ мы постараемся цитировать, по возможности, всѣ примѣры такого рода, исключая болѣе длинныхъ, встрѣчающихся въ разказахъ и выражающихъ большею частію временное отношеніе. Помѣщаемъ одинъ примѣръ, Andr. 127 sqq:

Funus interim
Procedit. sequimur, ad sepulcrum venimus.
In ignem inpositast, fletur. interea haec soror
Quam dixi ad flammam accessit inprudentius,
Satis cum periculo. ibi tum exanimatus Pamphilus
Bene dissimulatum amorem et celatum indicat.
Adcurrit, mediam mulierem complectitur:
„Mea Glycerium" inquit „quid agis? quor te is perditum?"
Tum illa, ut consuetum facile amorem cerneres,
Reiecit se in eum flens quam familiariter!

Считаемъ достаточнымъ указать лишь на то, что въ разказахъ и монологахъ Теренцій часто прибѣгаетъ къ подобной простотѣ изложенія мыслей, напримѣръ, Andr. 923 sqq., Eun. 130 sqq., Ad. 855 sqq., Eun. 507 sqq. и т. д.

Предложенія, означающія время.

1) Недостаетъ *postquam* и *cum*:

а) безъ определительнаго нарѣчія въ главномъ по смыслу предложенія:

Ad. 866 (V, 4, 12) Ego ille agrestis, saevos, tristis, parcus, truculentus, tenax
Duxi uxorem: quam ibi miseriam vidi! *nati* filii,
Alia cura (то-есть, postquam duxi — и postquam nati sunt filii).

Andr. 297 (I, 5, 62) Hanc mi in manum *dat*: mors continuo ipsam occupat.

Andr. 89 (I, 1, 62) — — item alio die
Quaerebam: comperiebam nil ad Pamphilum
Quicquam attinere.

б) съ нарѣчіями *post*, *deinde*:

Ad. 757 (IV, 7, 39) Ego hos convenio: *post* huc redeo.

Eun. 702 (IV, 4, 34) Meam (sc. vestem) ipse induit: *post* una ambo abierunt foras.

Eun. 922 (V, 3, 13) Ibo intro, de cognitione ut certum sciam:
Post exibo atque hunc perterrebo sacrilegum.

Heaut. 273 (II, 3, 32) Mane; hoc quod coepi *primum* enarrem, Clitipho:
Post istuc veniam.

Eun. 492 (III, 2, 39) — Hos *prius* intro ducam et quae volo
Simul imperabo: *post* huc continuo exeo.

Hec. 699 sq. Puerum accipias......: post de matre videro не относится сюда, потому что въ первой части высказано повелѣніе, и потому: Postquam puerum acceperis, de matre videro не передаетъ точно той же самой мысли.

Eun. 593 (III, 5, 45) Iit, lavit, rediit: *deinde* eam in lecto conlocarunt.

Затѣмъ, нужно помѣстить здѣсь слѣдующій примѣръ:

Phorm. 823 (V, 4, 4) Hic *simul* argentum repperit, cura sese expedivit.

Neue, Formenl. d. lat. Sprache, II[2], говоритъ, что здѣсь и въ приведенныхъ имъ мѣстахъ изъ Цицерона, Цезаря, Горація и Ливія *simul* поставлено вмѣсто *simulatque*. Что это не такъ, и что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ настоящимъ паратаксисомъ, это видно, напримѣръ, изъ одного мѣста Саллюстія, гдѣ второе предложеніе начинается съ *et*: Sall. Jug. 97, 4 igitur *simul* consul ex multis de hostium adventu cog-

novit *et* ipsi hostes aderant. Попробуйте-ка здѣсь simul замѣнить simulatque!

2) Паратаксисъ замѣняетъ *cum inversum*.

Eun. 599 (III, 5, 51) *Vix* elocutast hoc, foras simul omnes proruont se.

Hec. 297 (III, 1, 17) *Vix* me illim abstraxi atque impeditum in ea expedivi animum meum
*Vix*que huc contuleram: *em* nova res ortast, porro ab hac quae me abstrahat.

Причинныя предложенія

почти всѣ такого рода, что причина предшествуетъ слѣдствію. Правда, ихъ можно выразить также сочинительно, подразумѣвая передъ вторымъ предложеніемъ „*поэтому, слѣдовательно*", даже присоединяя нѣкоторыя изъ нихъ къ первому предложенію посредствомъ *ut consecutivum*. Но не смотря на то, я все-таки причисляю ихъ къ паратаксическимъ сочетаніемъ, ибо такая ихъ связь какъ-то бросается въ глаза.

Heaut. 77 (I, 1, 25) Homo sum: humani nil a me alienum puto.

Hec. 597 (IV, 2, 21) Hic video me esse invisam inmerito: tempus est concedere.

Ad. 535 (IV, 1, 19) Laudarier te audit libenter: facio te apud illum deum.

Eun. 121 (I, 2, 41) Utrumque hoc falsumst: effluet.

Ad. 863 (V, 4, 9) Ille suam semper egit vitam in otio, in conviviis,
Clemens, placidus, nulli laedere is, adridere omnibus;
Sibi vixit, sibi sumptum fecit: omnes bene dicunt, amant.

Andr. 732 (IV, 3, 17) — — Sponsae pater intervenit.
Repudio quod consilium primum intenderam.

Andr. 534 (III, 3, 2) Aliquot me adierunt, ex te auditum qui aibant hodie filiam
Meam nubere tuo gnato. id viso tun an illi insaniant.

Andr. 446 (II, 6, 15) Nunc uxore opus est, animum ad uxorem appulit.

Andr. 363 (II, 2, 26) — — — interea intro ire neminem
Video, exire neminem, matronam nullam in aedibus,
Nil ornati, nil tumulti. accessi, intro aspexi.

Ad. 138 (I, 2, 58) Unum ((sc. filium) vis curem, curo.

Andr. 211 (I, 3, 6) — — — primum iam de amore hoc comperit.
Me infensus servat, ne quam faciam nuptiis fallaciam.

Andr. 670 (IV, 1, 46) Hac non successit, alia adgrediemur via.

Ad. 114 (I, 2, 34) Tuom filium dedisti adoptandum mihi:
Is meus est factus.

Phorm. 869 (V, 6, 29) — — — Hic pulcherrimum
Facinus audivi: itaque paene hercle exclamavi gaudio.

Ad. 152 (I, 2, 72) Sperabam iam defervisse adulescentiam:
Gaudebam.

Въ слѣдующихъ примѣрахъ во второмъ предложеніи помѣщается повелительное наклоненіе:

Andr. 901 (V, 3, 30) Aequom postulat. da veniam.

Andr. 152 (I, 1, 125) Prope adest, quom alieno more vivendumst mihi.
Sine nunc meo me vivere interea modo.

Ad. 267 (II, 4, 3) In tutost omnis res: omitte vero tristitiam tuam.

Andr. 821 (V, 1, 2) Satis pericli incepi adire. orandi iam finem face.

Phorm. 520 (III, 2, 35) Ego te compluris advorsum ingenium meum menses tuli,
Pollicitantem et nil ferentem, flentem; nunc contra omnia haec
Repperi qui det neque lacrumet: da locum melioribus.

Наконецъ, примѣръ, во второй части котораго находится вопросительное предложеніе:

Andr. 110 (I, 1, 83) (Sic cogitabam) „hic parvae consuetudinis
Causa huius mortem tam fert familiariter.
Quid si ipse amasset? mihi quid hic faciet patri?“

Примѣровъ, гдѣ слѣдствіе предшествуетъ причинѣ, гораздо меньше. Приведу только одинъ:

Phorm. 194 (I, 4, 17) — — Domum ire pergam: ibi plurimumst.

Изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ граматиковъ на только что изложенное явленіе обращалъ вниманіе одинъ *Дрегеръ* въ Syntax u. Stil des Tacitus², § 237, 3, приводящій два примѣра изъ Тацита: „Der erste Satz hat *causale* Bedeutung: h. I, 40. Othoni tamen armari plebem nuntiabatur; ire praecipites et occupare pericula iubet. IV, 22 sed parum provisum ut copiae in castra conveherentur; rapi permisere".

Предложенія цѣли.

Здѣсь я почти исключительно буду говорить о разныхъ конструкціяхъ послѣ глаголовъ движенія. Послѣ нихъ ставится слѣдующее предложеніе или безъ связки, или съ связкою (et, atque, ac), или *ut*, супинъ, неопредѣленное наклоненіе и причастіе. Относительно Плавта этотъ вопросъ изложенъ *Балласомъ*, Grammatica Plautina, specimen I, p. 14 sqq.

I—безъ связки.

a) Случаи, гдѣ актеръ заявляетъ, что онъ что-нибудь сдѣлаетъ въ другой части сцены:

Heaut. 608 (III, 3, 47) — ad Menedemum *ibo*, dicam hanc esse captam ex Caria.

Ad. 719 (IV, 7, 1) *Ibo*, illis dicam nullam esse in nobis moram.

Heaut. 340 (II, 3, 99) *Ibo* obviam hinc, dicam ut revortantur domum.

Andr. 594 (III, 4, 15) Domum modo *ibo*, ut apparentur dicam.

Heaut. 426 (III, 1, 17) — — — *ibo*, adloquar.
adibo atq; alloquar D; adibo atq; alloquor G

Heaut. 170 (I, 1, 118) — — — *ibo*, visam si domist.
ibo ut visam D, corr. D², ibo ut visam FP

Heaut. 500 (III, 1, 91) — — — *ibo* [ac] dicam.

Здѣсь всѣ рукописи единогласно передаютъ *ac*, которое новѣйшіе издатели считаютъ глоссемою, потому что и у Плавта, и у Теренція въ такой формулѣ союзъ не ставится; cf. *Wagner*, Heaut. 170.

Andr. 527 (III, 2, 47) — — — — nunc Chremem
Conveniam, orabo gnato uxorem.

Phorm. 891 (V, 7, 8) Sed hinc *concedam* in angiportum hoc proxumum,
Inde hisce ostendam me.

б) послѣ *i*, *abi* слѣдуетъ imperativus:

Hec. 787 (V, 2, 21)——— *I*, exple animum eis, coge ut credant.
Phorm. 445 (II, 4, 5) *Abi*, vise redieritne iam an nondum domum.
Heaut. 804 (IV, 5, 56)—— *abi*, ecfer argentum.
Heaut. 871 (IV, 8, 30)—— *abi* intro, vide quid postulet.
Phorm. 309 (II, 1, 79) *Abi*, Phaedria, eum require atque huc adduc.
Phorm. 777 (V, 2, 12)——— *abi* prae, nuntia hanc venturam.
Ad. 703 (IV, 5, 69)———— *Abi*, pater,
Tu potius deos comprecare.

в) въ другомъ соединеніи:

Ad. 703 (IV, 5, 69) Periit, *abiit*, navem ascendit.

Такъ я пишу съ A и Умпфенбахомъ; остальные издатели слѣдуютъ рукк. BCEFP, переставляющимъ первыя два слова (Abiit, periit).

II—съ связкою.

a) futurum (или coniunctivus) глагола движенія:

Andr. 699 (III, 4, 20) *Ibo* ad eum atque eadem haec, tibi quae dixi, dicam itidem illi.
Eun. 216 (II, 1, 10)——— Ego rus *ibo* atque ibi manebo.
Phorm. 312 (II, 1, 82)—— inde *ibo* ad forum atque aliquot mihi
Amicos advocabo.
Hec. 565 (IV, 1, 50) *Ibo* intro atque edicam.
Phorm. 782 (V, 2, 17)—— nunc hinc domum *ibo* ac Phanium edocebo.
Ad. 510 (III, 4, 65) *Ibo* ac requiram fratrem.
Ad. 590 (IV, 2, 51) Nam iam *adibo* atque unum quicquid———
Carpam.
Eun. 461 (III, 2, 8) *Adibo* atque adsimulabo quasi nunc exeam.
Eun. 557 (III, 5, 9) *Adibo* atque ab eo gratiam hanc, quam video velle, inibo.
Ad. 786 (V, 2, 11) Aliquo *abeam* atque edormiscam hoc villi.
Andr. 639 (IV, 1, 15)—— *adeam*ne ad eum et cum eo iniuriam hanc expostulem?

Eun. 206 (I, 2, 126) *Concedam* hinc intro atque exspectabo, dum venit.

б) повелительное наклоненіе:

Heaut. 618 (IV, 1. 5) *Abi* nunciam intro, atque illa si iam laverit, mihi nuntia.

Ad. 351 (III, 2, 53) *Abi* atque——— enarrato.

Hec. 754 (V, 1, 28) *Eas* ad mulieres huc intro atque———
Pollicearc illis.

Hec. 314 (III, 1, 34) *Abi*, Parmeno, intro ac me venisse nuntia.

Ad. 167 (II, 1, 13) *Abi* prae strenue ac fores aperi.

Ad. 699 (IV, 5, 65) *Abi* domum ac deos compre̥care.

Phorm. 563 (III, 3, 30)——— verum *abi* domum
Et illam miseram, quam ego nunc intus scio esse exanimatam metu.
Cosolare.

Hec. 611 (IV, 3, 5) ——*I* ergo intro et compone quae tecum simul
Ferantur.

Ad. 854 (V, 3, 68) *I* ergo intro et qui rei est, ei rei hunc sumamus diem.

Ad. 917 (V, 7, 19) Tu illas *abi* et traduce.

Затѣмъ приведу примѣръ, гдѣ мы ожидаемъ *ut finale* вмѣсто главнаго предложенія:

Andr. 536 (III, 3, 4) Ausculta paucis: et quid te ego velim et tu quod quaeris scies,
(=ut ——— scias).

Наконецъ, относительно другихъ конструкцій глаголовъ движенія я только отмѣчу соотвѣтственныя мѣста. Послѣ нихъ слѣдуетъ: 1) *ut*: Eun. 807; Ad. 706; Eun. 921; Heaut. 211; Ad. 277; 632; 636; Phorm. 592; Andr. 226 (гдѣ управляющій глаголъ пропущенъ); 2) *супинъ*: Andr. 134; Eun. 589; 600; 752; 860; 892; Heaut. 117; 315; 587; Phorm. 360; 388; 462; 837; 906; 973; Hec. prol. II, 31 sq. (datum *iri*); 76; 224; 589; Ad. 70 (rescitum *iri*); 694 (*iri* deductum); 3) *infinitivus*: Phorm. 102; Hec. 189; 345; 4) *participium*: Andr. 319.

Предложенія слѣдствія.

Нужно отличать два случая:

1) Сначала ставится главное предложеніе съ нарѣчіями *adeo*, *huc*,

ita или съ указательнымъ мѣстоименіемъ, а потомъ слѣдствіе присоединяется въ видѣ главнаго предложенія,—оборотъ, который, какъ нельзя лучше, служитъ стремленію разговорнаго языка какъ можно живѣе и энергичнѣе выражать мысль. Нѣкоторые примѣры изъ Плавта, которые я ниже приведу, помѣщены у *Брикса*, Men. 95 и Capt. 501. *Лоренцъ* же, Pl. Most. I, 2, 66 (139), не пріискивалъ никакого другаго примѣра, говоря только, что подобное случается съ ожидаемымъ послѣ tantum abest ut предложеніемъ слѣдствія, при чемъ онъ ссылается на граматику *Мадвига*, § 440, прим. 1 (см. *Дрегеръ*, Hist. Synt. etc. III, § 372). Такъ какъ у Теренція tantum abest не встрѣчается, то нечего и разсуждать объ этомъ. *Гандъ*, Turs. I p. 138, приводя примѣръ изъ Ter. Heaut. I, 1, 61 postremo adeo res rediit: adulescentulus Saepe eadem et graviter audiendo victus est, прибавляетъ только: „mutatur orationis forma, adiuncta sententia recta". Другіе граматики объ этомъ явленіи не упоминаютъ.

2) Вторая форма состоитъ въ томъ, что высказывается какая-нибудь мысль, приводится фактъ, дается совѣтъ, обнаруживается дѣйствующимъ лицомъ страхъ или радость и т. п., а затѣмъ въ энергичномъ тонѣ, при посредствѣ нарѣчій *ita* (но не *adeo*), *tantus*, *tot* и указательныхъ мѣстоименій, дѣлается общій выводъ, или приводится причина предыдущаго, или, какъ выражается *Гандъ*, Turs. I p. 152 „illud enim, quod narratur, refertur ad universam rei cognitionem et causam". Этотъ оборотъ рѣчи часто употребляется также Цицерономъ, преимущественно въ его философскихъ сочиненіяхъ; имъ не пренебрегаетъ ни одинъ изъ древнихъ писателей, дорожащихъ краспорѣчивымъ слогомъ. Въ риторическихъ учебникахъ онъ называется *epiphonema*, слово, которое Квинтиліанъ VIII, 5, 11 объясняетъ такъ: „Est enim epiphonema rei narratae vel probatae summa acclamatio". Вотъ одинъ изъ двухъ приведенныхъ имъ примѣровъ: Tantae molis erat Romanam condere gentem (Verg. Aen. I, 33). См. о всемъ этомъ вопросѣ *Зефферта*, Scholae latinae II p. 134 sqq. и *Ганда* въ вышеупомянутомъ мѣстѣ. Изъ другихъ граматиковъ говоритъ объ этомъ явленіи одинъ *Haacke* въ своей, и въ другихъ отношеніяхъ, весьма дѣльной стилистикѣ (1875 г.), на стр. 255 (§ 95 init.).

I. Главное предложеніе предшествуетъ.

Phorm. 55 (I, 2, 5)——— *adeo* res redit:
Siquis quid reddit, magna habendast gratia.

Heaut. 113 (I, 1, 61) Postremo *adeo* res rediit: adulescentulus
Saepe eadem et graviter audiendo victus est;
Putavit me et aetate et benevolentia
Plus scire et providere quam se ipsum sibi;
An Asiam ad regem militatum abiit, Chremes.

Я выписалъ не какъ Гандъ только два первыхъ стиха, но все мѣсто, потому что и abiit въ послѣднемъ стихѣ относится къ adeo res rediit. По моему мнѣнію, конструкція будетъ такая: adeo res rediit, ut adulescentulus — — victus, cum putaret — —, — — militatum abiret.

Heaut. 245 (II, 3, 4) — — *adeo* inpeditae sunt: ancillarum gregem
Ducunt secum.

Eun. 97 (I, 2, 17) — — *ita* erat res, faciundum fuit.

Phorm. 172 (I, 3, 20) *Ita* plerique sumus ingenio, nostri nosmet paenitet.

Eun. 971 (V, 5, 1) Ex meo propinquo rure *hoc* capio commodi:
Neque agri neque urbis odium me unquam percipit.

Ad. 346 (III, 2, 48) — — — — *hoc* relicuomst:
Si infitias ibit, testis mecum est anulus quem amiserat.

Ad. 632 (IV, 4, 24) Nunc *hoc* primumst: ad illas ibo, ut purgem me.

Ad. 833 (V, 3, 47) Solum unum *hoc* vitium adfert senectus hominibus:
Adtentiores sumus ad rem omnes, quam sat est.

Eun. 158 (I, 2, 78) Nempe omnia haec nunc verba *huc* redeunt denique:
Ego excludor, ille recipitur.

Eun. 237 (II, 2, 6) — — quoniam miser quod habui perdidi, em
Quo redactus sum: omnes noti me atque amici deserunt.

Вотъ Плавтовы примѣры:

Capt. 499 (III, 2, 4) *Ita* me miserum restitando, retinendo
Lassum reddiderunt:
Vix ex gratulando miser iam eminebam.

Most. I, 2, 66 — — *ita* tigna umide haec putent: non videor mihi
Sarcire posse aedis meas.

Poen. II, 51 *ita* res divina mihi fuit: res serias
Omnis extollo ex hoc die in alium diem.
Mil. IV, 2, 56 — *ita* me occursant multae: meminisse haud possum.
Men. I, 1, 18 (95) *Ita* istaec nimis lenta vincla sunt escaria:
Quam magis extendas, tanto adstringunt artius.
Men. 101 (I, 1, 25) — — *ita* mensas extruit (sc. adulescens),
Tantas struices concinnat patinarias:
Standumst in lecto, si quid de summo petas.

II. *Epiphonema.*

Ad. 310 (III, 2, 12) Me miserum, vix sum compos animi, *ita* ardeo iracundia;
= ita ardeo iracundia, ut vix sim compos animi.
Eun. 1052 (V, 8, 21) — — nil est Thaïde hac, frater, tua
Dignius quod ametur: *ita* nostrae omni est fautrix familiae.
Phorm. 730 (V, 1, 3) vereor, era ne ob meum suasum indigna iniuria adficiatur:
Ita patrem adulescentis facta haec tolerare audio violenter.
Heaut. 308 (II, 3, 67) Prae gaudio, ita me di ament, ubi sim nescio:
Ita timui.
Hec. 443 (III, 4, 29) Maneto; curre. Par. Non queo: *ita* defessus sum.
Andr. 937 (V, 4, 34) — — Vix sum apud me: *ita* animus commotust metu.
Hec. 277 (II, 3, 4) Sed non facilest expurgatu: *ita* animum induxerunt, socrus.
Omnis esse iniquas.
Hec. 302 (III, 1, 22) Tum uxori obnoxius sum: *ita* olim suo me ingenio pertulit.
Eun. 187 (I, 2,107) Rus ibo, ibo hoc macerabo biduom:
Ita facere certumst.
Heaut. 752 (IV, 4, 4) — scio, hosce aliquot dies non sentiet:
Ita magno desiderio fuit ei filius.
Eun. 508 (III, 3, 2) — dabit haec Thaïs mihi magnum malum:
Ita me video ab ea astute labefacturier.

Heaut. 668 (IV, 2, 1) Nisi me animus fallit multum, haud multum a me aberit infortunium:
Ita hac re in angustum oppido nunc meae coguntur copiae.

Hec. prol. II, 21 Hecyram ad vos refero, quam mihi per silentium
Numquam agere licitumst: ita eam oppressit calamitas.

Hec. 421 (III, 4, 7) Dies triginta aut plus eo in navi fui,
Quom interea semper mortem exspectabam miser:
Ita usque adversa tempestate usi sumus.

Hec. 517 (IV, 1, 2) — audivisse vocem pueri visus est vagientis:
Ita corripuit derepente tacitus sese ad filiam.

Hec. 814 (V, 3, 16) Sed cessas? Pa. Minume equidem; nam hodie mihi potestas haud datast:
Ita cursando atque ambulando totum hunc contrivi diem.

Phorm. 283 (II, 1, 53) — non potuit cogitata proloqui:
Ita eum tum timidum illic obstupefecit pudor.

Hec. prol. I, 1 — haec (sc. Hecyra) quom datast
Nova, novom intervenit vitium et calamitas,
Ut neque spectari neque cognosci potuerit:
Ita populus studio stupidus in funambulo
Animum occuparat.

Andr. 761 (IV, 4, 22) Di te eradicent: *ita* me miseram territas.

Eun. 672 (IV, 4, 5) — — paulum si cessassem, Pythias,
Domi non offendissem: *ita* iam adornarat fugam.

Heaut. 978 (V, 2, 25) Sy. Abiit? vah, rogasse vellem. Cl. Quid? Sy.—unde mihi peterem cibum:
Ita nos alienavit.

Heaut. 679 (IV, 3, 1) Nulla mihi res posthac potest iam intervenire tanta,
Quae mihi aegritudinem adferat: *tanta* haec laetitia obortast.

Phorm. 179 (I, 4, 1) Nullus es, Geta, nisi iam aliquod tibi consilium celere reperis:

Ita nunc inparatum subito *tanta* te inpendent mala.

Hec. 701 (IV, 4, 79) Omnibus modis miser sum nec quid agam scio:
Tot me nunc rebus miserum concludit pater.

Heaut. 632 (IV, 1, 19) — Id equidem ego, si tu neges, certo scio,
Te inscientem atque inprudentem dicere ac facere omnia:
Tot peccata in hac re ostendis.

Phorm. 628 (IV, 3, 23) — — — sudabis satis,
Si cum illo inceptas homine: *ea* eloquentiast.

Eun. 220 (II, 1, 14) Ph. Opus faciam, ut defetiger usque, ingratiis ut dormiam.
Pa. Vigilabis lassus: *hoc* plus facies.

Такъ какъ никѣмъ не приведены подобные примѣры изъ Плавта, то мы помѣстимъ здѣсь собранные нами изъ его комедіи *Rudens:*

v. 255. Hau longe abesse oportet homines hinc: *ita* hic lepidust locus.

824. Non hercle quo hinc nunc gentium aufugiam scio:
Ita nunc mi utrumque saevit, et terra et mare.

902. In digitis hodie percoquam quod ceperit:
Ita fluctuare video vehementer mare.

1225. Hercules istum infelicet cum sua licentia:
Ita meas replevit auris.

1284. — lenones ex gaudio credo esse procreatos:
Ita omnes mortales, siquid est mali lenoni, gaudent.

1300. — hoc quidem (sc. verum) pol e robigine, non est e ferro factum:
Ita quanto magis extergeo, rutilum atque tenuius fit.

Наконецъ, причисляю къ паратаксическимъ соединеніямъ тѣ случаи, гдѣ послѣ предложенія (въ indicativus, coniunctivus или imperativus) слѣдуетъ *quam* съ однимъ сослагат. наклоненіемъ, безъ *ut*. Это всегда бываетъ такъ у Теренція съ *potius quam*. Возьмемъ, напр., Ad. 498. Animam relinquam potius quam illas deseram, то-есть, какъ я могъ бы ихъ оставить, скорѣе я умру; слѣдовательно, сослаг. наклоненіе при quam я считаю coniunctivus potentialis или dubitativus. При этомъ такой coniunctivus можетъ слѣдовать за главнымъ пред-

ложеніемъ или предшествовать ему. Вотъ остальные примѣры изъ Теренція:

Andr. 396 (II, 3, 22) — inveniet inopem *potius quam* te corrumpi sinat.

Heaut. 928 (V, 1, 55) Immo abeat *potius* malo quovis gentium,
Quam hic per flagitium ad inopiam redigat patrem.

Heo. 424 (III 4, 10) — — denique hercle aufugerim
Potius quam redeam.

Ad. 107 (I, 2, 27) — et tu illum tuom, si esses homo,
Sineres nunc facere, dum per aetatem licet,
Potius quam, ubi te exspectatum eiecisset foras,
Alienore aetate post faceret tamen.

Andr. 797 (IV, 5, 2) Quae sese inhoneste optavit parere hic ditias
Potius quam in patria honeste pauper viveret.

v. 3. vivere DFG, Prisc. I p. 152, Prob. Cathol. p. 16 и Donat. in lemm.

Eun. 174 (I, 2, 94) *Potius quam* te inimicum habeam, faciam ut iusseris.

Phorm. 408 (II, 3, 61) *Potius quam* lites secter aut *quam* te audiam,
Itidem ut cognata si sit, id quod lex iubet
Dotis dare, abduc hanc, minas quinque accipe.

Ad. 247 (II, 2, 39) — — Immo hercle hoc quaeso, Syre,
Utut haec sunt acta, *potius quam* lites sequar,
Meum mihi reddatur.

Ad. 240 (II, 2, 32) *Potius quam* venias in periclum, Sannio,
Servesne an perdas tuom, dividuom face.

Hea.'. 443 (III, 1, 34) Primum olim *potius quam* paterere filium
Commeare ad mulierculam, quae paululo
Tum erat contenta, quoique erant grata omnia,
Proterruisti hinc.

Hec. 532 (IV. 1, 17) Adeon pervicaci esse animo, ut puerum *praeoptares* perire

— — — — — — — — — — — — — —

19. *Potius quam* adversum animi tui libidinem esset cum illo nupta.

К. Трессъ.

(Продолженіе будетъ).

ЗАМѢТКИ КЪ РЕЦЕНЗІИ НА „ПОЛНЫЙ РУССКО-ЛАТИНСКІЙ СЛОВАРЬ“ Г. ОРЛОВА.

(помѣщенной въ отдѣлѣ классич. филологіи *Ж. М. Н. Пр.* за январь 1877 г.).

Въ рецензіи „Русско-латинскаго словаря“ г. Орлова, автору словаря ставится въ вину, что онъ, переведя: сапогъ—calceus, caliga, calcearium, будто бы, нашелъ, что нашъ сапогъ есть то же, что̀ calceus, caliga, calcearium, хотя навѣрное онъ знаетъ, что у Римлянъ не было того, что̀ мы называемъ сапогами, и что новѣйшіе латинисты переводятъ это слово цѣлою фразой, именно: „calceamentum, quod pedes suris tenus tegit, quod crura tegit“. Очевидно, г. рецензентъ полагаетъ, что вещи, существующія у насъ не въ томъ же видѣ, какъ у Римлянъ, нельзя называть латинскими названіями. Но у Римлянъ и дома, и мечи рѣзко отличались отъ нашихъ домовъ и мечей, слѣдовательно, и эти слова не слѣдуетъ переводить domus и gladius? Но если допустимъ, что подобный переводъ возможенъ, то прійдется признать неосновательность и упомянутаго возраженія, если только существенныя примѣты сапога найдутся въ calceus и caliga. Что̀ же составляетъ отличительную примѣту сапога? Сапогъ прежде всего—обувь, и потому calceamentum или calciamentum, какъ родовое понятіе, вполнѣ подходитъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ по-русски хотя выражено понятіе видовое, но дѣло не въ differentia specifica, а въ родовомъ понятіи. Извѣстно, что родъ вмѣсто вида часто употребляется при переводѣ отвлеченныхъ понятій, что, напримѣръ, вкусъ переводится iudicium или intelligentia, фантазія—cogitatio (ср. Лат. Стилистика *Негельсбаха* въ переводѣ *Страхова*, § 8): почему же не примѣнить этого и къ предметнымъ понятіямъ? Но какъ поступать,

если сапогъ противополагается другимъ родамъ обуви? Все тутъ зависитъ, по нашему мнѣнію, отъ того, въ какомъ отношеніи сапогъ имъ противополагается. Если сапогъ разсматривается какъ приличная обувь, въ которой слѣдуетъ являться въ публикѣ, то calceus на мѣстѣ. Ср. Cic. Phil. II, 30, 76. Cum calceis et toga nullis nec gallicis nec lacerna; Plin. ep. VII, 3. Quin ergo aliquando in urbem redis? quousque calcei nusquam, toga feriata, liber totus dies? Если имѣется въ виду болѣе высокая обувь, въ противоположность низкой, то опять представляется calceus, въ противоположность сандаліямъ (solea, crepida) и туфлямъ (soccus), (Ср. Gell. 13, 22 (21), 5. Omnia enim ferme id genus, quibus plantarum calces tantum infimae teguntur, cetera prope nuda et teretibus habenis vincta sunt, soleas dixerunt, nonnunquam voce Graeca crepidulas), или caliga, обувь, которая хоть и бывала разныхъ родовъ и преимущественно носилась солдатами, однако была въ употребленіи и въ обществѣ (Ed. Diocl. IX, 5, 6, 10. Caligae mulionicae sive rusticae, militares, muliebres); она встрѣчалась даже въ формѣ очень похожей на испанскій сапогъ среднихъ вѣковъ, какъ видно изъ рельефнаго изображенія двухъ преторіанцевъ въ Луврѣ (Clarac, Musée pl. 216. Guhl und Koner, das Leben der Griechen und Römer Fig. 515, стр. 596). Если, наконецъ, необходимо слово для обозначенія обуви, покрывающей икру и голень, то мы имѣемъ cothurnus. Ср. Verg. Aen. I, 337. Purpureoque alte suras vincire cothurno; Nemes. Cyn. 90. Candida puniceis aptentur crura cothurnis; Liv. или Laev. у Terent. Maur. de metr. 1935. Jam nunc purpureo suras include cothurno; также у *Гула* и *Конера* картинку (стр. 200. Fig. 227, 8), представляющую ногу Діаны, которой, какъ охотницѣ, придаются именно cothurni. И такъ, изъ приведенныхъ въ Словарѣ словъ соотвѣтствуютъ сапогу, calceus и caliga а сверхъ того соотвѣтствуетъ и cothurnus для тѣхъ случаевъ, гдѣ говорится объ охотничьихъ сапогахъ, ботфортахъ и т. п., но для выраженія самаго общаго понятія служитъ calciamentum. Фраза, предложенная въ рецензіи, calceamentum quod pedes suris tenus tegit, quod crura tegit, вопервыхъ,—не названіе, но опредѣленіе сапога, въ крайне рѣдкихъ случаяхъ способное замѣнить прямое названіе. Можно ли, напримѣръ, слова „сапогъ жметъ ногу" передать помощію подобной фразы? Что касается новѣйшихъ латинистовъ, авторитетомъ которыхъ г. рецензентъ подтверждаетъ упомянутую фразу, то нужно замѣтить, что Georges въ старыхъ изданіяхъ своего Словаря, дѣйствительно, послѣ приведеннаго описанія, говоритъ, будто у древнихъ не было сапоговъ, а въ позднѣйшемъ изданіи

выпустилъ это мѣсто; онъ же въ своемъ латинско-нѣмецкомъ словарѣ подъ calceus приводитъ „полусапогъ" а подъ caliga „солдатскій", подъ cothurnus „охотничій сапогъ". Гораздо справедливѣе было бы нападать на приведенное въ Словарѣ г. Орлова слово calciarium. Это, дѣйствительно, не сапогъ, но деньга на сапогѣ. Сл. Ulp. Dig. Diariis relictis neque vestiarium neque calcearium deberi palam est. Если же въ рецензіи далѣе сказано, что calceos mutare не значитъ надѣвать другіе сапоги, то-есть, calceos, а снимать calceos и надѣвать soleas, и въ доказательство того сдѣлана ссылка на *Becker*, Gallus, III, 132, то Бекеръ, въ 3-мъ изданіи, III, стр. 167, только говоритъ, что дома носились сандаліи и что тамъ снимали calcei, при чемъ сдѣлана ссылка на Cic. Mil. 20. domum venit: calceos et vestimenta mutat, а рецензентъ оставилъ безъ вниманія такія мѣста, какъ Cic. Phil. 13, 13, mutavit calceos, pater conscriptus repente factus est, гдѣ рѣчь идетъ о человѣкѣ, который обыкновенный calceus, сдѣлавшись сенаторомъ, замѣнилъ calceo senatorio, слѣдовательно, надѣлъ другіе calcei.

На стр. 24, авторъ Словаря порицается за то, что онъ agere bellum перевелъ: распоряжаться войною. Если, однако, распоряжаться=управлять, принимать мѣры (по толкованію Даля), а agere bellum (по словамъ рецензента) значитъ: принимать мѣры къ приготовленію всего того, что необходимо для войны, то очевидно, что нельзя нападать на переводъ г. Орлова, хотя administrare bellum и имѣетъ за себя, въ этомъ смыслѣ, лучшіе авторитеты. Сослаться въ пользу agere bellum, на Corn. Nep. Hann. 8. мы не рѣшились бы, потому что, не смотря на замѣчаніе рецензента, что „тутъ было бы не у мѣста in gerendo bello", въ нынѣшнихъ изданіяхъ Корн. Неп. читается gerendo, равно какъ и Caes. b. c. 8, 28, 1.

На стр. 20 сказано: „Еслибы г. Орловъ правильно понялъ значеніе словъ, которыми обставилъ обманъ, то не внесъ бы сюда ни furtum ни dolus". На замѣчаніе, что означенныя слова, въ собственномъ смыслѣ, не означаютъ того, что̀ мы называемъ „обманомъ", можно отвѣчать рецензенту его же словами, а именно когда по поводу слова „война" онъ порицаетъ г. Орлова, зачѣмъ къ собственнымъ значеніямъ войны „не присоединены тѣ, которыми римскіе писатели выражали тоже войну, употребляя ихъ въ переносномъ (лучше бы: иносказательномъ) смыслѣ". Если требуются для войны иносказательныя выраженія, то послѣдовательно не только допускать,

но и требовать такихъ же выраженій для обмана, и, дѣйствительно, страненъ былъ бы словарь, который избѣгалъ бы всѣхъ иносказательныхъ выраженій. Нужды нѣтъ, что „furtum первоначально въ римскомъ юридическомъ языкѣ означало всякое незаконное присвоеніе чужой собственности, а въ позднѣйшія времена — присвоеніе чужой собственности черезъ кражу", какъ приведено изъ *Rein*, Criminalrecht der Römer. А что furtum, т.-е. собственно contrectatio fraudulenta lucri faciendi gratia (§ 1. Inst. IV, 1. de obligationibus quae ex delicto nascuntur), расширяетъ свое понятіе и примѣняется ко всякимъ fraudulentis дѣйствіямъ, видно изъ такихъ мѣстъ, какъ Cic. ad fam. XVI, 26, 2. Etiam si quid scribas non habebis, scribito tamen, ne furtum cessationis quaesivisse videaris; Curt. IV 13. furto, non proelio opus esse. Verg. Aen. IV, 337. Neque ego hanc abscondere furto Speravi—fugam, слова, къ которымъ Форбигеръ примѣчаетъ: Furtum est omne, quod clam fit, imprimis ad alium decipiendum. А обманъ (по Далю) — всякое ложное, облыжное дѣйствіе или дѣло, ложь, выдаваемая за истину. Изъ того, что „furtum далеко не то, что fraus, и furtum facere не можетъ значить: причинять обманъ", ровно ничего не слѣдуетъ, пока не доказано, что обманъ и fraus совершенно тождественны не только по понятію, но и по объему употребленія. Равнымъ образомъ и изъ того ничего не слѣдуетъ, что fraus и dolus не вполнѣ тождественны. Что, однако, слову „обманъ", въ упомянутомъ опредѣленіи, отвѣчаетъ и dolus, это явствуетъ прежде всего изъ тѣхъ опредѣленій этого понятія, которыя дошли до насъ изъ древности: Cic. Off. III, 14, 60. In quibus ipsis (Aquillius), cum ex eo quaereretur, quid esset dolus malus, respondebat, cum esset aliud simulatum, aliud actum. Topic. 8, 40. Si dolus malus est cum aliud agitur, aliud simulatur. Ulp. Dig. 4, 3, 1. Labeo sic definit: Dolum malum esse omnem calliditatem, fallaciam, machinationen ad circumveniendum, fallendum, decipiendum alterum adhibitam. Что означенное понятіе не обусловливается прибавленнымъ словомъ malus, но свойственно одному dolus, свидѣтельствуетъ Фестъ, стр. 53. Doli vocabulum nunc tantum in malis utimur, apud antiquos etiam in bonis utebatur. Unde adhuc dicimus: sine dolo malo, nimirum quia solebat dici et bonus. Въ доказательство же, что практическое употребленіе этого слова согласно съ упомянутыми опредѣленіями и соотвѣтствовало бы нашему обману, достаточно сослаться на Cic. Off. III, 14, 60. Пиеій увѣрилъ Канія, что у него въ саду водятся всякія рыбы, съ цѣлію побудить его къ

покупкѣ этого сада, и тотъ купилъ садъ. Можно ли назвать это дѣйствіе Пиѳія иначе, какъ обманомъ. А именно къ этому дѣйствію относятся слова: Stomachari Canius. Sed quid faceret? Nondum enim Aquillius—protulerat de dolo malo formulas. Если же юристы говорятъ объ exceptio doli, то чтò это иное, какъ не возраженіе истцу на основаніи обмана? Нѣтъ сомнѣнія, что dolus употребляется и въ субъективномъ смыслѣ и, какъ говоритъ рецензентъ, значитъ calliditatem, fallaciam etc., но это субъективное значеніе не мѣшаетъ другому объективному; вполнѣ справедливо тотъ же самый Рейнъ (Das Privatrecht und der Civilprocess der Römer, стр. 614, примѣч. 2), изъ котораго рецензентъ приводитъ вышеупомянутое опредѣленіе Лабеона, говоритъ объ этомъ слѣдующее: „Dolus (δόλος) первоначально значитъ обманъ (Täuschung), какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ смыслѣ. Paul. Diac. v. doli p. 69. M. Ulp. Dig. IV, 3, 1, 1. § 3. Въ юридическомъ болѣе обширномъ смыслѣ это слово обнимаетъ все, чтò противъ bona fides, слѣдовательно всякую неправду, всякое нарушеніе права". Ниже, по поводу опредѣленія Лабеона, мы читаемъ слѣдующее: „Это опредѣленіе менѣе узко, чѣмъ вышеприведенное (Аквиллія Галла), однако все-таки ограничивается преимущественно противозаконнымъ обманомъ.

На стр. 38 сказано, что „videri само по себѣ поставленное самостоятельно, никогда не значитъ видѣть во снѣ; что оно дѣйствительно употребляется, когда говорится о сновидѣніяхъ, призракахъ и явленіяхъ во снѣ, какъ и греческій глаголъ δοκέω, но всегда въ perfectum, притомъ сопровождается другимъ глаголомъ въ неопредѣленномъ наклоненіи и словомъ in somnis, причемъ visum est вмѣстѣ съ дополненіемъ можно переводить: приснилось, показалось во снѣ". Чтò тутъ рецензентъ разумѣетъ подъ дополненіемъ, видно изъ приведенныхъ имъ примѣровъ, какъ-то: Hector visus adesse mihi. — Это сказуемое и подлежащее. Но это мимоходомъ: разсмотримъ отдѣльныя положенія этого мѣста. И такъ, videri, когда оно употребляется о сновидѣніяхъ, постоянно имѣетъ при себѣ слова in somnis. Насколько это вѣрно, видно изъ такихъ мѣстъ, какъ Cic. de div. I, 20, 40: Nam me visus homo pulcher per amoena salicta Et ripas raptare; ib. 20, 45: Exin compellare pater me voce videtur; ib. 23, 46: Mercurium sanguinem visum esse fundere, qui cum terram attigisset refervescere videretur; ib. 24, 50: Hamilcarem visum esse audire vocem; ib. 27, 66: Qui moneri visus est; 29, 60: Ut corpus cum matre miscere videatur.

Сверхъ того во многихъ мѣстахъ in somnis замѣняется другими фразами: ib. I, 3, 43: quae si secundum quietem visa sunt; ib. 24, 48: Ei secundum quietem Junonem visam esse praedicere; ib. II, 53, 120: Videri possunt permulta somniantibus falsa pro veris; ib. I, 23, 46: Cum dormienti ei sol ad pedes visus esset. Далѣе рецензентъ говоритъ, что въ означенномъ случаѣ videri всегда сопровождается другимъ глаголомъ въ неопредѣленномъ наклоненіи. Между тѣмъ Цицеронъ, какъ видно изъ приведенныхъ нами мѣстъ, не прибавилъ неопредѣленнаго наклоненія I, 21, 43. 21, 46. II, 58, 12. Есть и такія мѣста, въ которыхъ не встрѣчается ни того, ни другаго прибавленія, какъ Cic. de div. I, 26, 55: Iterum esse idem visum; II, 67, 137: Quem Marium visum a me putas. Наконецъ, что касается мнимой исключительности perfecti при videri, то мы опять указываемъ на Cic. de div. I, 20, 41. 23, 46. II, 56, 120. Точно такъ же встрѣчается не только perfectum, но и другія времена въ соотвѣтствующей фразѣ съ videre, какъ Cic. de div. II; 60, 119: Quo in somnis certiora videamus; 71, 147: Qui ea (i. e. somnia) videat. Если дѣйствительно чаще всего встрѣчается perfectum, то это вполнѣ естественнымъ образомъ происходитъ отъ того, что о сновидѣніяхъ чаще всего разказываютъ, послѣ того какъ они произошли, и въ разказѣ, конечно, употребляется perfectum.

Если, на стр. 39, изъ того, что подъ словомъ „насмѣшникъ" приведено восемь словъ, выводится, что, по мнѣнію автора Словаря, всѣ эти слова означаютъ одно и то же, то считаемъ не излишнимъ напомнить объ общеизвѣстной истинѣ, что и соотвѣтствующія одно другому слова латинскія и русскія большею частью не относятся одно къ другому, какъ тождественные треугольники, но тому же русскому слову весьма часто соотвѣтствуетъ въ извѣстныхъ случаяхъ одно латинское, а въ другихъ другое. Привести эти слова—это дѣло лексикографа. Чѣмъ они отличаются между собою, когда именно каждое изъ нихъ замѣняетъ объясняемое русское слово, объ этомъ, конечно, въ извѣстныхъ предѣлахъ можетъ идти рѣчь и въ русско-латинскомъ словарѣ, но болѣе точныя свѣдѣнія по этой части надо почерпать изъ латинско-русскаго словаря, содержаніе котораго не можетъ всецѣло войдти въ словарь русско-латинскій. Что касается слова cavillator, которое, по толкованію рецензента, значитъ не „насмѣшникъ", а „забавникъ, шутникъ, острякъ", то мы замѣтимъ слѣдующее. Насмѣшникомъ называется тотъ, кто насмѣхается надъ кѣмъ-либо или чѣмъ-

либо; именно этимъ онъ и отличается отъ шутника и забавника, шутки котораго имѣютъ цѣлью не столько представить кого-либо или что-либо смѣшнымъ, сколько возбудить смѣхъ у слушающихъ. Cavillator—тотъ, которому приписывается cavillatio, который cavillatur. A cavillatio, по Фесту (p. 34), est iocosa calumniatio, и cavillari употребляется о Ганнибалѣ относительно Антіоха (Gell. V, 5. Atque ibi rex, contemplatione tanti ac tam ornati exercitus gloriabundus, Hannibalem aspicit et: Putasne, inquit, conferri posse ac satis esse Romanis haec omnia? Tum Poenus, eludens ignaviam imbelliamque militum eius pretiose armatorum; Satis, plane satis esse credo Romanis haec omnia, etiamsi avarissimi sunt); о Діонисіи, снявшемъ съ изображенія Юпитера золотой плащъ (Cic. de nat. deor. III, 34, 83: Atque in eo etiam cavillatus est, aestate grave esse aureum amiculum, hieme frigidum), о Цицеронѣ, по отношенію къ коммагенскому царю (ad Quint. fr. II, 12, 2. Togam sum eius praetextam quam erat adeptus Caesare consule magno hominum risu cavillatus), объ Аппіи касательно трибуновъ (Liv. II, 60, fin. tribunos plebis cavillans et Volerones vocare), объ извѣстныхъ людяхъ относительно граматики (Quintil. I, 4, 5: Qui hanc artem ut tenuem atque ieiunam cavillantur). Очевидно, во всѣхъ этихъ случаяхъ солдаты Антіоха, золотой плащъ Юпитера, praetexta царя, трибуны и граматика поднимаются на смѣхъ. А что слово cavillator выражаетъ именно понятіе словъ cavillari и cavillatio, а не другое, подобно тому, какъ orator сохранило устарѣлое значеніе глагола orare и не приняло обыкновеннаго понятія его, это видно изъ Геллія IV, 20, 3, называющаго cavillator того, который, на вопросъ цензора: Ut tu ex animi tui sententia uxorem habes? отвѣтилъ: Habeo equidem uxorem, sed non hercle ex animi mei sententia; за то, что такимъ образомъ насмѣхался онъ надъ цензоромъ, былъ онъ причисленъ къ aerarii. Слѣдовательно, cavillatio дѣйствительно можетъ выражать то же, что насмѣшникъ. Противъ этого ничего не доказываютъ приведенныя рецензентомъ мѣста. Facetus (Plaut. Mil. Glor. III, 1, 46) можно называть и насмѣшника, равно какъ и probus (Plaut. Trucul. III, 2, 25) и morosus (Cic. ad Att. I, 13, 9), если онъ болѣе желчно, чѣмъ остро старается по поводу кого-либо возбудить смѣхъ. Что же касается Cic. de orat. II, 54, 218: Cum duo genera sint facetiarum, alterum aequabiliter in omni sermone fusum, alterum peracutum et breve, illa a veteribus superior cavillatio, haec altera dicacitas nominata est — то, насмѣшникъ не тотъ, кому случилось однажды посмѣяться

надъ кѣмъ нибудь, а кто вообще любитъ насмѣхаться; во вторыхъ означенное опредѣленіе, ограничивая понятіе cavillatio примѣтою безпрерывности, не уничтожаетъ остальнаго его содержанія, ибо насмѣшками можетъ быть наполнена цѣлая рѣчь. Въ заключеніе упомянемъ, что и Дедерлейнъ (Синонимика, V, стр. 217), хотя не приводитъ доказательствъ, но говоритъ: Cavillatio — насмѣшливая острота (spottender Witz), при которой главную цѣль составляетъ оскорбленіе другаго, а шутка—только средство и несущественная форма.

Р. Фохтъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Рѣчь Цицерона о назначеніи Кнея Помпея полководцемъ. Объяснилъ *Августъ Гофманъ*. Второе исправленное и дополненное изданіе. С.-Петербургъ, 1877 г.

Рѣчь за Маниліевъ законъ принадлежитъ по справедливости къ наиболѣе читаемымъ въ нашихъ гимназіяхъ рѣчамъ Цицерона, и потому нельзя не благодарить г. Гофмана за то, что онъ, выпустивъ второе исправленное изданіе своей книги, снискавшей по заслугамъ достаточную извѣстность, еще болѣе облегчилъ учащимся чтеніе названной рѣчи. Дѣйствительно, при сравненіи перваго изданія труда г. Гофмана со вторымъ, оказывается, что значительное число примѣчаній отчасти получило лучшую, болѣе понятную редакцію, а отчасти освободилось отъ погрѣшностей, тамъ и сямъ попадавшихся въ первомъ изданіи; кромѣ того, мѣстами прибавлены во второмъ изданіи совершенно новыя объясненія. Обработывая новое изданіе, г. Гофманъ воспользовался большею частью замѣчаній, сдѣланныхъ по поводу перваго изданія г. Фохтомъ и помѣщенныхъ въ *Журналѣ Мин. Нар. Просв.* за 1869 г., № 7, да кромѣ того, принялъ къ свѣдѣнію „письменные и устные совѣты опытныхъ педагоговъ и свѣдущихъ филологовъ“ (см. стр. V предисловія).

Такъ какъ г. Фохтъ въ своей рецензіи уже указалъ на хорошія стороны изданія г. Гофмана, то мы, съ своей стороны, предлагая новый подробный разборъ того же труда, не считаемъ нужнымъ касаться этого предмета, тѣмъ болѣе, что мы вполнѣ согласны съ общимъ одобрительнымъ отзывомъ почтеннаго рецензента. Нашъ разборъ представитъ только рядъ замѣчаній на изданіе г. Гофмана относительно такихъ мѣстъ, которыя, по нашему мнѣнію, требуютъ еще исправленія. Прибавимъ къ этому, что число такихъ мѣстъ, сравнительно съ большимъ числомъ примѣчаній, предложенныхъ въ

книгѣ г. Гофмана, вовсе не такъ велико, какъ оно кажется на первый взглядъ; этимъ и объясняется, почему наше мнѣніе о разбираемой книгѣ въ сущности сходно съ сужденіемъ г. Фохта. Приступая затѣмъ къ самому дѣлу, считаемъ нужнымъ заявить еще, что не смотря на разнообразіе нашихъ замѣчаній, порядокъ ихъ будетъ только внѣшній, то-есть, мы послѣдуемъ за авторомъ комментарія шагъ за шагомъ.

И такъ, мы начнемъ съ заглавія. Г. Гофманъ озаглавилъ книгу свою такъ: „Рѣчь Цицерона о назначеніи Кнея Помпея полководцемъ". Спрашивается: на какомъ основаніи Помпей называется здѣсь и въ другихъ мѣстахъ книги г. Гофмана (ср. между прочимъ стр. XIX, 72) Кнеемъ, равно какъ и въ иныхъ мѣстахъ (напр. стр. XIX, 91) извѣстное латинское имя имѣетъ форму *Кай*. Римляне дѣйствительно писали въ сокращеніяхъ: C и Cn даже въ позднѣйшее время, потому что въ сокращеніяхъ они вообще удерживали древнее правописаніе тѣхъ временъ, когда у нихъ буквы G еще не было; однако какъ во время Цицерона, такъ и позднѣе, не сокращая, они писали (и произносили) Gneius (Gneus) и Gaius; слѣдовательно и въ русскомъ слѣдуетъ сказать „Гней" и „Гай" ср. *Corssen*,Ausspr. I p. 8 и 79.

Во введеніи стр. XV и XVI встрѣчается непослѣдовательность въ транскрипціи греческихъ именъ: „*Виѳинія*" и „*Беотія*".

Стр. XXI говорится: въ *обыкновенномъ* народномъ собраніи (contio) происходило *объясненіе* закона Маниліева". Во-первыхъ, поражаетъ странное объясненіе слова *contio* = *обыкновенное* народное собраніе, какъ будто comitia, concilium и т. п. обозначаютъ *необыкновенныя* народныя собранія. Что такое contio, явствуетъ изъ Gell. Noct. Att. 13, 16: contionem habere est verba facere sine ulla rogatione. Затѣмъ не понятно въ приведенномъ мѣстѣ слово „*объясненіе*". Что г. Гофманъ не подразумѣваетъ подъ этимъ promulgationem legis, доказываетъ его примѣчаніе къ другому мѣсту; остается только предполагать, что авторъ хотѣлъ сказать, что, прежде чѣмъ приступали къ голосованію, защитники и противники предложенія говорили сперва за и противъ (suaserunt et dissuaserunt legem cf. Quint. II, 4, 33); но въ такомъ случаѣ выраженіе „*объясненіе*" неумѣстно.

Вслѣдъ затѣмъ г. Гофманъ сообщаетъ, что Гортензій и Катулъ говорили противъ предложенія, тогда какъ Цицеронъ поднялъ голосъ въ защиту его. Между тѣмъ, въ объясненіи къ § 66 г. Гофманъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что Гортензій и Катулъ отсутствовали

во время произнесенія рѣчи Цицерономъ; поэтому во введеніи слѣдовало упомянуть о томъ, чтобы это кажущееся противорѣчіе не вызвало въ ученикахъ недоумѣнія.

Прежде чѣмъ перейдти къ разбору отдѣльныхъ объясненій комментарія, скажемъ еще объ одной общей особенности послѣдняго, тѣмъ болѣе, что г. Фохтъ не упомянулъ о ней. Дѣло въ томъ, что г. Гофманъ въ концѣ своихъ объясненій ссылается каждый разъ на учебники граматики, стилистики, синонимики и т. д. (большею частью нѣмецкіе, рѣже русскіе) и притомъ не ограничивается ссылкой на одинъ изъ этихъ учебниковъ, но очень часто указываетъ на два, три и даже четыре; кромѣ того, онъ ссылается по поводу граматическихъ, стилистическихъ и т. д. явленій не всегда на одинъ и тотъ же учебникъ граматики, стилистики и т. д., а первый разъ на одинъ, второй разъ на другой, далѣе опять на третій и т. д. На стр. X—XIV г. Гофманъ помѣстилъ перечень сочиненій, на которыя онъ ссылается въ примѣчаніяхъ, и этотъ перечень обнимаетъ собою 11 (русскихъ) + 56 (нѣмецкихъ) нумеровъ; но и этотъ перечень еще не полонъ: такъ, напримѣръ, стр. 65 есть ссылка на М. Мюллера, Vorlesungen über d. Wissenschaft d. Sprache, между тѣмъ, какъ въ перечнѣ этого сочиненія нѣтъ. Самъ авторъ высказывается на стр. VIII слѣдующимъ образомъ объ этихъ ссылкахъ: „Цитаты, приведенныя мною въ довольно большомъ количествѣ, я не рѣшился выпустить, хотя нѣкоторымъ они кажутся лишними въ изданіи, предназначенномъ служить преимущественно потребностямъ учащихся. По моему убѣжденію, каждое учебное изданіе не должно упускать изъ виду интереса и учащихъ, тѣмъ болѣе, когда черезъ это вовсе не уменьшается польза, которую комментарій долженъ принести въ особенности учащимся. На цитаты подобнаго рода, указывающія важные источники филологической литературы, охотно, кажется, обратитъ вниманіе преподаватель, еще не имѣвшій случая познакомиться съ цитируемыми сочиненіями, а иной, быть можетъ, въ этихъ ссылкахъ найдетъ поощреніе къ подробному занятію указанными книгами. Что касается учащихся, то цитаты, правда, имъ не нужны,—по крайней мѣрѣ не имѣютъ для нихъ особеннаго значенія, но и вреда не принесутъ имъ никакого, нисколько не мѣшая имъ ни при домашнемъ приготовленіи, ни при чтеніи автора въ классѣ“.

Какъ видно изъ этихъ словъ, г. Гофманъ удержалъ эти цитаты перваго изданія, *не смотря на совѣты другихъ педагоговъ выпустить ихъ*, и сдѣлалъ онъ это въ виду интереса „учащихъ“. Сколько намъ

извѣстно, въ иностранной литературѣ существуетъ только одно изданіе, имѣющее нѣкоторое сходство съ книгою г. Гофмана, именно „Избранныя рѣчи Исократа“, изданныя О. Шнейдеромъ. Послѣдній также цитируетъ иногда „въ виду интереса молодыхъ неопытныхъ преподавателей“ (см. его предисловіе, стр. VI) кое-какія, не очень распространенныя сочиненія, содержащія въ себѣ подробныя изслѣдованія объ иныхъ, не часто встрѣчающихся явленіяхъ греческаго языка; но онъ однако поступаетъ совсѣмъ иначе, чѣмъ г. Гофманъ: уже не говоря о количествѣ цитатъ въ книгѣ послѣдняго, намъ не удалось замѣтить въ ссылкахъ этихъ какую бы то ни было систему; вѣдь, нигдѣ не видно, почему одинъ разъ указывается на синонимику Дедерлейна [1]), другой разъ—на синонимику Шмальфельда, третій разъ — на синонимику Менге или Габихта, или Шульца или Рамсгорна; еще менѣе видно, почему авторъ ссылается одинъ разъ именно на одну, другой разъ на другую изъ 15 (приблизительно) цитируемыхъ латинскихъ граматикъ, между тѣмъ какъ объясняемое явленіе языка поясняется одинаково хорошо или въ каждой, или по крайней мѣрѣ въ большей части изъ этихъ граматикъ; то же самое можно сказать и объ цитируемыхъ учебникахъ стилистики, древностей и т. д. По нашему мнѣнію, если непремѣнно уже должны быть ссылки, то необходимо въ этомъ отношеніи ограниченіе, то-есть, авторъ долженъ довольствоваться ссылкою на капитальныя сочиненія филологической литературы, болѣе или менѣе необходимыя каждому филологу, а всякія цитаты на элементарные или устарѣлые [2]) учебники, каковыя попадаются у него сплошь и рядомъ, пропустить не задумываясь; въ противномъ случаѣ неопытный преподаватель, незнакомый еще со всѣми этими сочиненіями, или смутится въ виду этого embarras de richesses, или сдѣлаетъ выборъ неудачный. Г. Гофманъ возразитъ, можетъ быть, что нерѣдко въ приведенныхъ имъ менѣе важныхъ учебникахъ—то или другое явленіе объясняется лучше или правильнѣе; но что̀ же въ такомъ случаѣ мѣшаетъ ему помѣстить такое объясненіе въ самомъ комментаріи и привести, сверхъ того, нѣсколько параллельныхъ мѣстъ? Кажется, ничто. Въ концѣ

---

[1]) Надо замѣтить, что авторъ цитуетъ вездѣ только маленькое, сокращенное изданіе этой синонимики, изъ чего видно, что выраженіе «важные источники филологической литературы» къ нему не примѣнимо.

[2]) Какъ, напримѣръ, Римскія древности *Адама*, изданныя въ русскомъ переводѣ въ 1824 г.

концовъ достоинство цитатъ разбираемой книги умаляется еще тѣмъ, что авторъ ссылается не всегда на послѣднія изданія [1]), такъ что неопытный преподаватель, купившій новѣйшее изданіе какой-нибудь книги, пожалуй, вовсе не найдетъ того, на что̀ указываетъ г. Гофманъ.

Въ вышеприведенномъ мѣстѣ авторъ говоритъ въ пользу своихъ цитатъ, что онѣ *учащимся* вреда не принесутъ никакого". Объ этомъ можно поспорить. Прежде всего онѣ наносятъ имъ вредъ матеріальный: цитаты занимаютъ на каждой страницѣ среднимъ числомъ около 4 или 5 строчекъ, то-есть, по крайней мѣрѣ девятую часть страницы, а вслѣдствіе того—и книги; при объемѣ ея въ 91 стр. (текста съ комментаріемъ) авторъ, выпустивъ эти цитаты, а равно и 5 страницъ перечня, сократилъ бы свою книгу болѣе, чѣмъ на одну восьмую, а вслѣдствіе того, могъ бы и понизить ея нынѣшнюю высокую цѣну (80 коп.) [2]), и стало быть, расширить ея распространеніе среди недостаточныхъ учениковъ. Впрочемъ, дѣло имѣетъ еще и другую сторону, и эта послѣдняя, по нашему убѣжденію, еще важнѣе, чѣмъ соображеніе о цѣнѣ книги. Дѣло въ томъ, что вмѣсто цитатъ на учебники, въ которыхъ какой-нибудь фактъ сообщается подробнѣе, чѣмъ это сдѣлано въ написанномъ г. Гофманомъ комментаріи, нерѣдко желательно было бы найдти въ самомъ комментаріи болѣе подробное объясненіе, или нѣсколькихъ параллельныхъ мѣстъ, или, наконецъ, при упоминаемомъ фактѣ изъ исторіи или древностей, то главное мѣсто изъ древнихъ писателей въ подлинной формѣ (на латинскомъ или греческомъ языкѣ), въ которомъ этотъ фактъ именно и сообщается, если подобная цитата не будетъ слишкомъ обширна. Распространяться здѣсь объ этомъ подробнѣе—не зачѣмъ, тѣмъ болѣе, что это дѣлается въ комментаріяхъ, изданныхъ за границей, и, кромѣ того, мы будемъ ниже имѣть случай указывать на такія мѣста, гдѣ вмѣсто ссылки на учебникъ мы желали бы встрѣтить въ комментаріи одно изъ вышеназванныхъ примѣчаній.

Перейдемъ, однако, къ разбору самаго комментарія.

Какъ заглавіе во главѣ рѣчи помѣщены слова: M. Tullii Ciceronis

---

[1]) Для примѣра приведемъ: *Krebs*, Antibarbarus; *Neue*, Formenlehre d. lat. Sprache; *Luebker*, Reallexikon; *Teuffel*, Gesch. d. roem. Lit.; *Ходобай* Лат. грамматика; *Lange*, Roem. Alterth.

[2]) Та же самая рѣчь съ комментаріемъ Гальма или Рихтера продается въ Петербургѣ за 30 коп.

de imperio Cn. Pompei etc. По поводу формы *Pompei* говорится совершенно вѣрно, что до конца республики въ родительномъ падежѣ существительныхъ 2-го склоненія на ius писалось одно i; спрашивается поэтому, по какой причинѣ сказано тогда Tullii вм. Tulli.

§ 1. *jucundissimus* напечатано въ текстѣ.

Надо замѣтить, что относительно согласной j г. Гофманъ поступаетъ непослѣдовательно. Какъ извѣстно, буква j для отличія отъ гласной i, изобрѣтена только въ 15-мъ или 16-мъ столѣтіи и было бы самое лучшее совершенно искоренить ее изъ нашихъ латинскихъ текстовъ, какъ не свойственную самимъ Римлянамъ; но если уже допустить ее, то нужно употреблять знакъ этотъ вездѣ, гдѣ i произносится какъ согласная. Между тѣмъ, мы читаемъ въ латинскомъ текстѣ разбираемой книги: § 19 conjunctae, § 26 coniungant, § 22 a majoribus, § 23 injectus, § 24 iam, § 45 Pompeium, a: hujus, § 46 Pompeius три раза, а въ томъ же § judicare и judiciis, § 50 Pompejus, § 58 jus и Pompejo, какъ и § 59, 67 два раза.

ad agendum. По поводу этого выраженія говорится въ примѣчаніи слѣдующее: „Agere (то-есть, cum populo) преимущественно (?) употребляется о высшихъ государственныхъ [1]) лицахъ (magistratus majores), которыя въ народныхъ собраніяхъ (comitia) съ народомъ разсуждали о государственныхъ дѣлахъ и ему дѣлали предложенія для рѣшенія по голосамъ, иногда же agere употребляется о государственныхъ (?) лицахъ, которыя въ народныхъ собраніяхъ (contiones), не внося предложеній, говорили съ народомъ, съ цѣлью склонить его къ принятію или къ отмѣнѣ [2]) законовъ и выборовъ. Въ такомъ собраніи Цицеронъ произносилъ эту рѣчь. См. *Ланге*: Röm. Alt. I, 415, 502 и 506; II 418. *Моммсена*: Röm. Staatsr. I 187". Уже не говоря о томъ, что приведенныя цитаты невѣрны [3]), сказанное въ этомъ примѣчаніи отчасти неточно, отчасти неясно. Чѣмъ отличались conciones отъ comitia, недостаточно выяснено и слѣдовало бы указать на то, что въ comitia не *„разсуждали"* болѣе, а только подвергали

---

[1]) Вмѣсто этого слѣдовало бы сказать «*должностныхъ*», потому что государственными людьми могли быть и частные люди, не занимающіе никакой должности, какъ, напримѣръ, сенаторы, которые были «magistratus».

[2]) Вмѣсто этого лучше было бы: «къ отклоненію», потому что авторъ хочетъ выразить нѣм. Verwerfung у *Гальма*.

[3]) Главнымъ образомъ нужно было бы сослаться на *Ланге*, I, 287 (432—2-го изданія), II, 394, 418 и 602 сл. Моммсенъ говоритъ объ упомянутомъ въ примѣчаніи не на 187 страницѣ, а на стр. 142—147.

какое нибудь предложеніе голосованію; подъ выраженіемъ agere cum populo подразумѣвали только предложенный народу предсѣдательствующимъ магистратомъ вопросъ (rogatio), на который народъ tributim посредствомъ голосованія какъ бы давалъ отвѣтъ. Комиціямъ предшествовали conciones, также подъ руководствомъ высшаго магистрата, въ которыхъ говорили за или противъ какого-нибудь предложенія ср. Gell. 13, 15: cum populo est rogare quid populum, quod suffragiis suis aut iubeat aut vetet, contionem autem habere est verba facere ad populum sine ulla rogatione. Такъ какъ Цицеронъ произноситъ рѣчь, то народное собраніе, въ которомъ онъ говорилъ, было concio. Что выраженіе agere cum populo примѣнялось и къ conciones, какъ утверждаетъ это г. Гофманъ по примѣру Гальма (въ примѣчаніи къ этому мѣсту), нужно еще доказать: это мѣсто во всякомъ случаѣ ничего не доказываетъ въ пользу такого предположенія, равно какъ и тѣ мѣста, гдѣ agere cum aliquo вообще примѣнено къ частной жизни какъ Cic. Lael. § 4.

ad dicendum. Прим.: „Съ ораторской каѳедры могли говорить къ народу кромѣ государственныхъ лицъ, также и тѣ частные люди, которымъ это было разрѣшено должностными лицами". Эти слова не даютъ яснаго понятія о томъ, что̀ происходило въ тѣхъ contiones, которыя предшествовали комиціямъ. Дѣло въ томъ, что созвавшій собраніе и предсѣдательствовалъ и отъ него зависѣло предоставить слово желающимъ говорить въ немъ, такъ что даже, напримѣръ, консулы, когда предсѣдателемъ былъ народный трибунъ, должны были просить объ разрѣшеніи говорить (см. Liv. III 71; XLV, 36); стало быть и Цицеронъ, хотя онъ былъ тогда преторомъ, могъ произнести свою рѣчь только съ дозволенія этого предсѣдателя; ср. *Ланге*, Roem. Alt. II, 418—420. Изъ всего этого видно, что выраженія этого примѣчанія „государственныя лица" (см. выше наше примѣчаніе), „частные люди", „должностныя лица" могутъ вызвать лишь ложныя представленія у читателей.

Quirites. Объ этомъ словѣ говорится, что Римляне назывались такъ „потому, что они были раздѣлены на куріи (curia, χορία ἐκκλησία)"; это — мнѣніе Потта (Etym. Forsch. II 588), но только онъ curia производитъ отъ coviria. Потомъ г. Гофманъ продолжаетъ: „Корссенъ... производитъ Quirites отъ Cures"; здѣсь упущено изъ виду, что такъ уже думали древніе ср. Varr. l. l. VI 68, и Liv. I, 13; кромѣ того не мѣшало бы упомянуть о производствѣ этого слова по мнѣнію древнихъ отъ curis или quiris = копье, ср. Dionys. II, 48 p. 112, 42

χώρεις οἱ Σαβῖνοι τὰς αἰχμὰς καλοῦσιν — и *Schwegler*, Roem. Gesch., I, 494. Наконецъ г. Гофманъ приводитъ невѣрную цитату: вм. Becker Roem. Alt. III, 19 нужно было написать II 1, 21 сл.

Semper... est visus. Такъ какъ въ русскомъ языкѣ при словѣ *всегда* ставится только несовершенный видъ, то нужно бы было указать на то, что въ латинскомъ языкѣ при semper ставится часто Perf. Ср. статью Э. *Чернаго* въ *Журналѣ Мин. Н. Пр.* 1877.

vitae meae rationes переводится невѣрно: „отношенія (къ друзьямъ)". „Лучше Гальмъ (ссылаясь на Cat. II, 13 ratio belli „планъ войны", p. Arch. § 1 ratio studiorum): „планъ жизни"; такъ переводитъ и Рихтеръ.

ab ineunte aetate. Прим.: „съ совершеннолѣтія, то-есть, съ наступленія 15-го года жизни, когда Римлянинъ вступалъ въ гражданскую жизнь и получалъ право участія въ частныхъ тяжебныхъ дѣлахъ". Умѣстно ли наше выраженіе „*совершеннолѣтіе*" относительно Римлянина, находившагося впродолженіе всей жизни отца in patria potestate и лишь послѣ его смерти дѣлавшагося sui iuris, пусть рѣшатъ другіе; опредѣленіе возраста (15-й годъ), тѣмъ болѣе, что Цицеронъ говоритъ здѣсь о себѣ, во всякомъ случаѣ не вѣрно. Такъ какъ молодые люди toga virili sumpta пріобрѣтали извѣстныя права, то юристы какъ самый ранній возрастъ опредѣляли оконченный 14-й годъ жизни [1]), но это относится только къ временамъ императоровъ. Во времена республики законнымъ срокомъ считался 17-й годъ (plena pubertas), ранѣе котораго и въ позднѣйшее время въ практикѣ не начиналась правоспособность, какъ доказываетъ Digest. III 1, 1 § 3. Initium autem fecit Praetor ab his, qui, in totum prohibentur postulare. In quo edicto aut pueritiam aut casum excusavit. Pueritiam, dum *minorem annis decem et septem* qui eos non *in totum* explevit prohibet postulare [2]); только въ знатныхъ семействахъ отецъ позволялъ сыновьямъ своимъ надѣть мужскую тогу по истеченіи 16-го года жизни, чтобы дать имъ возможность до наступленія срока воинской повинности (17-го года) сдѣлать впродолженіе одного года tirocinium militiæ или fori, то-есть, приготовиться или въ свитѣ (cohors) полководца къ мѣсту офицера или въ обществѣ опытнаго государственнаго мужа къ дѣятельности судебной и политической. Какъ бы то ни было, самъ Цицеронъ, родившійся 3-го января 106 г., надѣлъ

---

[1]) Ср. цитаты у *Marquardt*, Roem. Privatalt. I, p. 131.
[2]) Ср. *Marquardt* ibid. p. 137.

мужскую тогу въ 90-мъ году до Р. Х., вѣроятно, какъ это дѣлалось обыкновенно, Liberalibus, то-есть, 17-го марта; ср. Cic. Brut. 88, 89.

tempus-temporibus: не лишнимъ было бы сказать, что такая фигура рѣчи (cum continenter unum verbum non eadem sententia ponitur Cic. Or. 135) называется πλοκή—traductio.

§ 2 *causam*. Такъ какъ causa и res въ этой рѣчи встрѣчаются нѣсколько разъ (ср. между прочимъ § 2 въ концѣ) и оба слова нерѣдко ставятся даже рядомъ (pr. Caecina 4, 11; ad fam. II 6, 5 и II 7, 3), то вмѣсто безполезной ссылки на Корсена было бы лучше опредѣленіе разницы обоихъ словъ.

Centuriis. Прим.: „народъ подавалъ голоса по центуріямъ... *шести* классовъ". Сами Римляне знаютъ только *пять* классовъ (Liv. III, 30. Gell. X 28. Serv. ad Aen. VII, 716, ср. *Becker*, Roem. Alt. II p. 208) и поэтому въ нашихъ учебникахъ исторіи совершенно вѣрно упоминается только *пять* классовъ. Одинъ Діонисій считаетъ ихъ *шесть*, потому что capite censi составляютъ у него особый классъ. Далѣе въ примѣчаніи говорится: „въ этихъ собраніяхъ (центуріатскихъ комиціяхъ) избирались: консулы, *диктаторы*, преторы, цензоры,... *децемвиры*" съ ссылкою на *Ланге*, Roem. Alt. I, 506. У Ланге ничего не говорится, будто *диктаторы* выбирались въ народныхъ собраніяхъ, да и нельзя было ничего подобнаго сказать, ибо диктатора назначалъ по рѣшенію сената одинъ изъ *консуловъ* [1]); только одинъ разъ, послѣ битвы при Тразименскомъ озерѣ, *народомъ* былъ назначенъ *продиктаторъ*: Liv. XXII, 8: et quia et consul aberat, *a quo uno posse dici videbatur*, nec per occupatam armis Punicis Italiam facile erat aut nuntium aut litteras mitti, *nec dictatorem populus creare poterat, quod numquam ante eam diem factum erat*, prodictatorem populus creavit. Что касается до децемвировъ (legibus scribundis), то, вопервыхъ, незачѣмъ было называть ихъ, потому что они были magistratus extra ordinem creati; вовторыхъ, вовсе неизвѣстно, какимъ образомъ они были избраны см. *Ланге*, I, 458.

Quid consequi. Прим.: „Недостатокъ въ латинскихъ отвлеченныхъ существительныхъ *замѣняется*" и т. д. Нелогично сказать: *недостатокъ замѣняется* вмѣсто „недостающія слова замѣняются". Впрочемъ, не „*недостатокъ*" въ отвлеченныхъ существительныхъ побуждаетъ Римлянъ къ такому способу выраженія, а стремленіе къ краткости.

---

[1]) Ср. *Becker*, Roem. Alt., II, 2, стр. 155; *Lange*, I, стр. 543; *Mommsen*, Staatsrecht, II, стр. 130.

Слова какъ: *мнѣніе*, *сужденіе*, *фактъ*, *слово*, *истина* и др. (ср. Seyffert, Palaestr. Cic., стр. 126) существуютъ и въ латинскомъ языкѣ; часто только Римлянинъ не употребляетъ ихъ тамъ, гдѣ мы пользуемся ими.—Непремѣнная обязанность комментатора при объясненіи какого-нибудь явленія языка—указывать на подобные же примѣры въ комментируемомъ сочиненіи. Г. Гофманъ иногда этого не дѣлаетъ: въ этомъ мѣстѣ, напримѣръ, слѣдовало бы указать на § 18.

§ 3. *Illud laetandum esse*. Acc. при laetari нуждается въ объясненіи.

in hac insolita mihi ex hoc loco ratione dicendi. Въ виду того, что слово ratio затрудняетъ ученика при переводѣ, нужно было бы объяснить его (ratio служитъ часто для описанія простыхъ русскихъ выраженій см. *Негельсбахъ*, Лат. Стил. § 27), указать на § 1 и, наконецъ, упомянуть, что dicendi зависитъ отъ ratio.

§ 4. *Atque ut inde oratio mea proficiscatur*. По поводу частицы atque нужно бы было сказать, что Цицеронъ пользуется ею при переходѣ къ темѣ послѣ propositio, или къ narratio (какъ здѣсь, narratio § 4 и 5) или вообще къ какой-нибудь новой части рѣчи; въ русскомъ *atque*, пожалуй, = *и такъ*. Ср. *Seyffert*, Schol. lat., I, стр. 11, 18. Потомъ г. Гофманъ не указываетъ на то, что Цицеронъ, за рѣдкими исключеніями (какъ, напримѣръ, § 20), послѣ такихъ предложеній не прибавляетъ: dico (примѣры см. у *Seyffert*, Schol lat., I, стр. 14 и 82), вслѣдствіе чего такое ut нельзя перевести по русски черезъ *чтобы*. Здѣсь, напримѣръ, слѣдуетъ перевести: „И такъ я начну съ того" и т. д.

res: недостаетъ ссылки на § 19.

§ 6. *Causa quae sit, videtis* etc. Не лишнимъ кажется упомянуть, что подобная формула называется Transitio; ср. *Seyffert*, Schol. lat., I, § 32.

quum-tum. Прим.: „Слова, прибавленныя къ quum [1]), выражаютъ нѣчто общее, а" и т. д. Что это не всегда такъ, доказываетъ Cic. Brut. § 183 cum meo iudicio, tum omnium; ср. *Seyffert*, Lael., стр. 144.

quibus est a vobis consulendum. Нѣтъ ссылки на § 34 a me praetereunda non sunt, гдѣ сказано a me вмѣсто mihi, хотя въ этомъ мѣстѣ и нѣтъ дательнаго падежа, и на § 64: sibi auctoritati esse parendum. Замѣтимъ, впрочемъ, мимоходомъ, что предлогъ a c. abl. при герундивѣ вовсе не такъ рѣдко употребляется, какъ это обык-

[1]) Лучше бы было написать cum, потому что Римляне не писали quum даже въ позднѣйшія времена вм. quom или cum, ср. quor и cur.

новенно представляется въ граматикахъ; ср. кромѣ § 34 этой рѣчи, lic. pro Sulla 8, 23: sed tamen te a me pro magnis causis nostrae necessitudinis monendum esse etiam atque etiam puto; ad fam. XIII, 16, 2: eose se observandoset colendos putabat; ib. XV, 4, 11: admonendum potius te a me quam rogandum puto.

§ 7. *Et quoniam*; иначе § 43; Цицеронъ не говоритъ ac (atque) quoniam *Seyffert*. Schol. lat., I, стр. 20.

et ita = и притомъ такъ; только въ этомъ смыслѣ ставитъ Цицеронъ et передъ ita, ср. § 10; въ прочихъ случаяхъ онъ употребляетъ atque, какъ, напримѣръ, § 21.

§ 8. *ita* (contenderunt) = *лишь на столько.*

insignia victoriae. Прим. „знаки отличія для (?) побѣды"; нужно было бы сказать: *за* побѣду!

regnaret переводится въ примѣчаніи: „еще царствуетъ"; лучше: *царствовалъ*, то-есть, *продолжалъ царствовать*. Въ предложеніи слѣдствія правило о consec. tempr. не соблюдается; поэтому Цицеронъ сказалъ бы regnet, еслибы его слова должны были относиться къ тому времени, когда онъ произносилъ рѣчь.

§ 9. *Bosphoranis* переводится „*Босфорійцамъ*", между тѣмъ какъ во введеніи стр. XV сказано: „*Воспорское царство*".

§ 10. *Hispaniense*; форма прилагательнаго не объяснена ни здѣсь, ни въ § 28, ни въ § 60, что было тѣмъ необходимѣе, что bellum Hispaniense обозначаетъ обыкновенно войну между *Римлянами* въ Испаніи, а § 60 между Римлянами и Испанцами. Ср. *Haacke*, Stil., стр. 75, *Schulz*, Syn., № 509.

§ 11. *lumen*: нѣтъ указки на § 8 lux, кромѣ того нѣтъ связи между объясненіями о словѣ lux, представленными здѣсь и въ § 8.

exstinctum esse voletis: не мѣшало бы сказать, что esse большею частью пропускается.

negligetis: невѣрное правописаніе вм. neglegetis; то же самое и въ § 21.

verbo. Вмѣсто ссылки на стилистику Негельсбаха [1]), было бы полезнѣе для учениковъ привести нѣсколько латинскихъ примѣровъ, въ которыхъ русскія слова *только*, *еще*, *также* не выражены. Можно бы было привести, напримѣръ, § 14 tanta = лишь столь велики.

---

[1]) Совершенно непонятно, почему г. Гофманъ приводитъ извѣстныя сочиненія не подъ именемъ автора, а подъ именемъ переводчика, какъ, напримѣръ: «См. Стил. *Страхова*» вмѣсто *Негельсбаха*, или: «см. Стил. *Ходобая*» вм. *Бергера*; только съ Мадвигомъ авторъ поступаетъ милостивѣе.

§ 12. Quid? quod—vocatur. Очень похожее мѣсто Cic. Cat. I, § 16. *socius—amicus*: не мѣшало бы указать на примѣры, какъ-то на Аріовиста.

certum. Прим. „всѣмъ точно извѣстнаго". Такъ какъ ученики постоянно смѣшиваютъ certus и notus, то нужно было бы выразиться иначе.

§ 13. *in quo summa sint omnia*. Правило о словахъ omnia, cetera и т. п. выражено крайне непонятно.

propter: нѣтъ ссылки на § 16, гдѣ propter также употреблено какъ нарѣчіе.

quod ceteros eiusmodi homines mittimus: г. Гофманъ говоритъ, что *ceteros* нужно выразить нарѣчіемъ, при чемъ онъ, вѣроятно, имѣетъ въ виду нѣмецкое *sonst*, не имѣющее соотвѣтствующаго слова въ русскомъ языкѣ. Здѣсь можно бы было сказать: *въ другихъ случаяхъ*, что не есть однако „нарѣчіе".

mansuetudine. Прим. „Mansuetudo.... „кротость", качество человѣка, лишеннаго характера дикости, *или* природной, или неукрощенной вслѣдствіе благоразумія и такта". Это объясненіе кротости нелогично: такъ какъ одно не исключаетъ другое, то нельзя сказать или—или. Г. Гофманъ перевелъ, впрочемъ, только нелогичное объясненіе Шмальфельда, ссылка на синонимику котораго кромѣ того не точна: вмѣсто стр. 491 слѣдуетъ указать на стр. 402.

§ 14. opima—fertilis. Объясняется въ примѣчаніи синонимическое различіе между этими двумя прилагательными; но почему ничего не говорится объ uber, не смотря на то, что ubertas встрѣчается въ томъ же предложеніи?

fructuum. Въ прим. сообщается извѣстная разница между fructus и fruges (то-есть, первое—древесные, второе—полевые плоды) и прибавляется, что первое относится ко второму какъ genus къ species. Есть, однако, мѣста, не согласующіяся съ этимъ объясненіемъ, какъ Serv. ad Verg. Georg. I, 55: fruges arboreae; Hor. Ep. I, 16, 9:

si quercus et ilex
Multa fruge pecus, multa dominum iuvet umbra;

Cic. Divin. I, 9, 15: lentiscus....[1]) ter fruges fundens tria tempora monstrat; Tib. I, 1, 6—10 fruges=poma.

§ 15 *deserere*. Прим. „*покидать* по дурнымъ побудительнымъ поводамъ или *вслѣдствіе необходимости и неблагопріятныхъ обстоя*-

---

[1]) Мастичное дерево.

тельствъ". Послѣдняя подчеркнутая часть объясненія врядъ-ли вѣрна уже потому, что она примѣнима и къ relinquere. Лучше было бы сказать, что relinquere обозначаетъ только внѣшнее разлученіе, а deserere расторженіе связей долга или природы.

§ 16. *Quo animo esse existimatis eos*. По поводу этого предложенія нужно было бы указать на одну особенность латинскаго языка. Дѣло въ томъ, что когда необходимость умозаключенія хотятъ предоставить субъективному сужденію другаго, въ латинскомъ употребляютъ вопросительныя (какъ прямыя, такъ и косвенныя) предложенія съ глаголами censere, putare, existimare, между тѣмъ какъ въ русскомъ уже прямо выражаютъ эту необходимость. Мы говоримъ, напримѣръ: какъ велика должна была быть его мудрость, сколь велико должно быть его богатство, если и т. д., что̀ по латыни можно выразить только такъ: quantam *putatis* или *putas*, fuisse eius sapientiam, quam divitem eum esse existimatis, qui etc. И такъ, разбираемое мѣсто нужно перевести: „Каково должно быть настроеніе (безпокойство) тѣхъ"…. Ср. Cic. de fin. V, 19, 56: Quem enim ardorem studii censetis fuisse in Archimede; а въ косвенномъ вопросѣ: Cic. pr. Rosc. Am. 53, 153: videte, quem in locum rempublicam venturam putetis= смотрите, въ какое положеніе должно прійдти государство. Такое объясненіе слѣдуетъ примѣнить и къ такимъ предложеніямъ, гдѣ по обыкновенной теоріи глаголы putandi послѣ „подобнозначащихъ" [1]) глаголовъ поставлены „плеонастически" (*Zumpt*, Lat. Gr., § 750, *Gossrau*, § 499), какъ, напримѣръ, § 11 этой рѣчи: videte, quem vobis animum suscipiendum putetis, гдѣ глаголъ putare придаетъ предложенію вышеназванный оттѣнокъ. Ср. Seyffert ad Cic. Lael. p. 161, Palaestra Ciceron. III, 4, 20 и § 32 этой рѣчи.

aut—aut=„какъ—такъ и".

pensitant: слѣдовало бы объяснить, почему этотъ глаголъ принялъ значеніе „платить" (прежде, когда еще не было монетъ, вѣшали металлъ).

exercenti: нѣтъ указки на § 17.

formidine. Объ этомъ словѣ говорится въ комментаріи такъ: „Formido „*тревога*" выражаетъ такое состояніе души, которое происходитъ отъ представленія какой нибудь ужасной и близкой опасности".

---

[1]) Такъ выражается и г. Гофманъ въ началѣ § 11-го, хотя и существуетъ значительная разница между глаголами: statuere (=рѣшать, напримѣръ, § 32 этой рѣчи), considerare, deliberare (§ 27), constituere (§ 46), videre (§ 41), providere съ одной, и глаголами, выражающими мнѣніе—съ другой стороны,

Мы не знаемъ, откуда авторъ заимствовалъ это объясненіе: во всякомъ случаѣ мы не можемъ согласиться съ выписаннымъ нами опредѣленіемъ, которое, кромѣ того, не соотвѣтствуетъ значенію русскаго „тревога". Цицеронъ (Tusc. IV, 8) говоритъ, что formido=metus permanens; однако не безъ основанія возразили, что это опредѣленіе не согласно съ тѣмъ, какъ онъ самъ употребляетъ названное слово. Судя по различнымъ мѣстамъ (Tusc., V, 30, напримѣръ, reformidare сопоставлено съ horrere) formido выражаетъ высшую степень страха, *ужасъ*, и formidare=ужасаться, Почему же г. Гофманъ, объясняя formido и metus, не объясняетъ также и timor (ср. § 18 въ концѣ)?

Э. Вертъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

не годится къ преподаванію подъ руководствомъ учителя". Въ 1808 году въ Харьковскомъ учебномъ округѣ сдѣлано, въ видѣ опыта, распоряженіе, чтобы всѣ кандидаты на учительскія должности въ теченіе 3—4 недѣль посѣщали гимназію или уѣздное училище губернскаго города „дабы пріобрѣсти знаніе способа преподаванія" [1]).

Интереснымъ документомъ служитъ планъ преподаванія закона Божія, составленный въ 1824 г. для С.-Петербургской гимназіи профессоромъ протоіереемъ Павскимъ [2]). Тутъ между прочимъ указывалось на то, что „законоучитель долженъ довести учениковъ до того чтобы они чувствовали достоинство Библіи и умѣли принаравливать къ жизни ея спасительное ученіе, также чтобы они знали цѣну церковныхъ учрежденій и обрядовъ и какъ можно болѣе уважали ихъ". Для достиженія этой цѣли, профессоръ требовалъ непосредственнаго и посредственнаго знанія Библіи, изъ коихъ первое, то-есть непосредственное знаніе, должно было достигаться чтеніемъ слова Божія. „Первая книга", говорится въ планѣ, „которая подается въ руки начинающему учиться грамотѣ, должна быть Библія... Дѣти, учащіяся читать, пусть читаютъ выбранныя мѣста изъ Священнаго Писанія просто, безъ толкованій. Толкованіе предоставляется высшему возрасту. Не можетъ быть, чтобы отъ сего чтенія слова Божія не заронилась въ сердца дѣтей искра, которая послѣ дастъ свѣтъ и теплоту. Имъ же слѣдуетъ выучивать по одному изреченію въ день. Заимствовать сіи изреченія учитель можетъ изъ ветхаго и новаго завѣта; назначать же для выучиванія самыя краткія изреченія, напримѣръ, „Богъ есть свѣтъ". Вотъ что требовалось въ двухъ низшихъ классахъ. Отъ поступающихъ въ приготовительный классъ требовали только знанія 10 заповѣдей, символа вѣры и главнѣйшихъ молитвъ. Посредственное знакомство съ Библіею о. Павскій опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: „чтобы законоучитель въ часы урока требовалъ отчета у учениковъ, какой апостолъ и какое Евангеліе читаны были въ воскресенье или въ праздникъ. Сіе требованіе будетъ сопряжено съ тою пользою, что ученики со вниманіемъ будутъ слушать чтеніе Евангелія въ церкви и предохранятся отъ разсѣянности... Чего не доскажетъ ученикъ, то дополнитъ учитель. Если которому ученику не было возможности въ церкви слышать Св. Писаніе, тотъ пусть прочтетъ дома и дастъ отчетъ законоучителю, который, смотря по возрасту ученика и способностямъ его, можетъ войдти въ подробное изъясненіе и, гдѣ нужно, выразить причину, почему церковь назначила въ извѣстный праздникъ чтеніе извѣстнаго Евангелія и апостола". Въ IV гимназическомъ классѣ предписано было читать ветхій и новый за-

[1]) *Данилевскій*, 310.
[2]) *Аничковъ*, 81.

вѣтъ, примѣняясь къ хронологическому порядку событій и заучивая только важнѣйшее, какъ-то: нагорную проповѣдь, притчи и проч., при чемъ оговорено: „выучивать наизусть нѣтъ надобности, а только ученикъ долженъ умѣть разказать произшествія въ связи и ясно, съ означеніемъ времени, когда что случилось". Въ III классѣ законоучитель прочитывалъ псалтирь и требовалъ знанія нѣсколькихъ псалмовъ, напримѣръ, I, VII, X, XVIII, XXII, XXVI, CIII. Въ этомъ же классѣ были объясняемы церковные обряды. Во II классѣ законоучитель давалъ понятіе о книгахъ ветхаго завѣта вообще, читалъ первую часть катехизиса и приступалъ къ исторіи церкви ветхозавѣтной. Въ I классѣ ученики получали понятіе о книгахъ новаго завѣта вообще, прочитывали 2 и 3 части катехизиса и оканчивали исторію церкви ветхозавѣтной.

Въ одномъ изъ петербургскихъ заведеній была также введена метода Ланкастера, которую 4 воспитанника Педагогическаго института изучили въ Лондонѣ. Однако метода эта, какъ кажется, не принесла у насъ пользы. Въ 1827 г. ректоръ университета писалъ по поводу ея слѣдующее: „молодые мальчики не могутъ имѣть надъ воспитанниками власти взрослаго человѣка съ хорошими познаніями, который законнымъ образомъ поставленъ ихъ начальникомъ. Мальчики сіи, оказывая особенное покровительство нѣкоторымъ изъ воспитанниковъ, ввели злоупотребленія, которыя слѣдуетъ искоренить. Они заставляютъ ихъ приносить себѣ лакомства, и погрѣшности тѣхъ, которые оказываютъ имъ такое великодушіе, исчезаютъ въ глазахъ сихъ педагоговъ новаго рода. Дурному они учатъ и дурные подаютъ примѣры, публика негодуетъ, родители жалуются" [1]).

Объ учебныхъ книгахъ, бывшихъ въ употребленіи въ уѣздныхъ училищахъ и гимназіяхъ, лучше всего даетъ понятіе отзывъ о нихъ училищнаго комитета, состоявшаго при Петербургскомъ университетѣ, въ отвѣтъ на предписаніе, съ которымъ министръ 23 сентября 1825 г. обратился ко всѣмъ университетамъ [2]). Были въ употребленіи въ уѣздныхъ училищахъ: 1) Пространный катихизисъ. 2) Изъясненіе воскресныхъ евангелій. 3) Россійская граматика, изданная Главнымъ Правленіемъ училищъ. (Примѣч. комитета: требуетъ большей простоты въ изложеніи, перемѣны въ системѣ спряженія глаголовъ и въ правилахъ словосочиненія; можно бы съ пользою присоединить склоненія и спряженія славянскія, а по окончаніи синтаксиса русскаго преподавать нѣкоторыя весьма краткія правила объ особенностяхъ славянскаго словосочиненія). 4) Краткое всеобщее землеописаніе, изданное для уѣздныхъ училищъ. (Прим.: полезно было бы,

---

[1]) *Аничковъ*, стр. 86.

[2]) Изъ дѣлъ Департ. Нар. Просв. № 49.924, стр. 437.

кажется, нѣсколько сократить сію книгу для уѣздныхъ училищъ). 5) Краткое землеописаніе Россійской Имперіи, царства Польскаго и княжества Финляндскаго, изданное департаментомъ нар. просв. (Прим.: предъидущее замѣчаніе относится и къ сей книгѣ). 6) Всемірная исторія, изданная въ 3-хъ частяхъ для народныхъ училищъ. (Прим.: изъ трехъ частей читается первая только часть сей книги въ уѣздныхъ училищахъ, но полезно было бы, кажется, еслибы каждая наука, преподаваемая въ нихъ хотя кратко, вся оканчивалась и составляла нѣчто цѣлое, ибо многіе ученики оканчиваютъ свое воспитаніе курсомъ уѣздныхъ училищъ; для сей цѣли можетъ быть съ пользою употреблена краткая исторія Кайданова, съ какими нибудь историческими таблицами, какъ напримѣръ, рѣка временъ и т. п.) 7) Краткая россійская исторія для народныхъ училищъ. (Прим.: преподаваніе сей книги можетъ быть дополнено съ пользою изъ сочиненій М. Н. Муравьева, статьями: эпоха Россійской имперіи, краткое начертаніе россійской исторіи, соединеніе удѣльныхъ княженій въ единое государство). 8) Ариѳметика въ двухъ частяхъ, изданная Главнымъ Правленіемъ училищъ. (Прим.: сія книга, особенно во второй ея части, требуетъ значительнаго исправленія; въ ней изложены правила безъ надлежащихъ объясненій и доказательствъ, что много препятствуетъ развитію способностей учениковъ и ихъ успѣхамъ). 9) Краткое руководство къ геометріи, изд. Главнымъ Правленіемъ училищъ. (Прим.: какъ ни мало неоснованное на доказательствахъ, требуетъ совершенной перемѣны). 10) Краткое руководство къ физикѣ, изд. Главнымъ Правленіемъ училищъ. (Прим.: съ того времени, какъ написана сія книга, столько сдѣлано усовершенствованій по физикѣ, что необходимо составить новое краткое руководство къ сей наукѣ). Въ гимназіяхъ были въ употребленіи: 1) Пространный катихизисъ. 2) Чтеніе изъ книгъ ветхаго и новаго завѣта, изд. Главнымъ Правленіемъ училищъ. 3) Логика. (Прим.: въ иныхъ гимназіяхъ употребляется логика Снеля, въ другихъ логика Лоди; первая не имѣетъ строгаго систематическаго порядка, послѣдняя слишкомъ пространна для гимназій; симъ двумъ книгамъ можно предпочесть логику Баумейстера по строгому классическому порядку и по умѣренной величинѣ). 4) Риторика Никольскаго, а въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ Опытъ риторики Рижскаго. (Прим.: первая не можетъ быть употребляема въ гимназіяхъ по многимъ недостаткамъ; послѣдняя не имѣетъ надлежащаго систематическаго расположенія и точности въ опредѣленіяхъ и объясненіяхъ. До изданія въ свѣтъ основательной риторики лучше употреблять риторику Ломоносова). 5) Славянская граматика Пенинскаго. (Прим.: требуетъ значительнаго сокращенія). 6) Греческая граматика, изд. для благороднаго пансіона Московскаго университета. (Прим.: нужно издать граматику, основанную на новѣйшей методѣ,

весьма много облегчившей ученіе сему языку). 7) Греческая христоматія Каченовскаго. (Прим.: вмѣсто сей книги лучше употреблять христоматію или выписки изъ древнихъ писателей, собранныя Ф. Якобсомъ, изд. Кочеповскимъ). 8) Латинская граматика Лебедева, а въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ граматика Кошанскаго. (Прим: вмѣсто первой полезнѣе ввести въ употребленіе послѣднюю). 9) Epitome historiae sacrae. 10) Cornelius Nepos. 11) Phaedri fabulae. (Прим.: къ симъ книгамъ, изданнымъ Главнымъ Правленіемъ училищъ, можно присоединить Leçons latines de littérature et de morale, par Noël et de la Place; или по удобности, относительно къ цѣнѣ и объему, съ пользою можетъ быть употребляема латинская христоматія при благородномъ университетскомъ пансіонѣ). 13) Нѣмецкая граматика Шумахера, а въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ Ульриха. (Прим.: первая предпочтительнѣе второй для употребленія). 13) Нѣмецкая христоматія Гедике, а въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ Аллера. 14) Livre pour apprendre à bien lire français. 15) Французская граматика Ломонда, безъ перевода и съ переводомъ, разныхъ издателей. 15) Французская христоматія Гедике. (Прим.: полезно было бы, для преподаванія языковъ, составить по каждому языку одну книгу, заключающую въ себѣ руководство къ чтенію, этимологію и синтаксисъ, краткую христоматію, систематически расположенную, и словарь реченій, встрѣчающихся въ христоматіи. О краткой граматикѣ Ломонда Харьковскій училищный комитетъ отозвался, что она хороша для Французовъ, но не для Русскихъ). 17) Руководство къ математической географіи, изд. Главнымъ Правленіемъ училищъ. (Прим.: вмѣсто сего руководства лучше ввести преподаваніе общихъ астрономическихъ познаній, въ курсѣ физики по руководству Reynaud, 1824, съ нѣкоторыми измѣненіями; или по руководству Баумгартнера: Die Naturlehre, 1826). 18) Всеобщее землеописаніе, въ двухъ частяхъ, изд. департаментомъ народнаго просвѣщенія. 19) Всеобщая исторія, въ трехъ частяхъ, для народныхъ училищъ, а въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ исторія Кайданова и исторія Шрека. (Прим.: изъ означенныхъ трехъ сочиненій исторія Кайданова имѣетъ преимущество по чистотѣ слога, но синхроническое изложеніе происшествій среднихъ и новѣйшихъ временъ слишкомъ раздроблено и отъ того дѣлается темнымъ. Желательно, чтобы авторъ исправилъ сей недостатокъ). 20) Алгебра, геометрія и тригонометрія Фуса, изд. Главнымъ Правленіемъ училищъ, а въ Петербургской гимназіи курсъ чистой математики Белавеня. (Прим.: вмѣсто алгебры, въ которой расположеніе предметовъ крайне затруднительно для учащихся, геометріи, которая недостаточна со стороны строгости въ доказательствахъ и примѣненія къ практикѣ, тригонометріи, хотя достаточной со стороны примѣровъ и рѣшенія практическихъ задачъ, но недостаточной въ разсужденіи описанія самопу-

жнѣйшихъ геометрическихъ орудій—съ большею пользою можно употреблять первыя двѣ части курса чистой математики, составленнаго извѣстными профессорами: Аллезомъ, Бюлли, Пюиссаномъ и Будро, переведеннаго на русскій языкъ Киндеревымъ и Кушакевичемъ для руководства въ Артиллерійскимъ училищѣ. Въ семъ курсѣ всѣ вышепомянутые недостатки устранены, и если нѣкоторые изъ предметовъ, помѣщенныхъ въ концѣ первой части подъ заглавіемъ прибавленій, могутъ быть излишни для учениковъ гимназій, то они, какъ отдѣльные, легко могутъ быть выпущены при преподаваніи; то же должно замѣтить въ разсужденіи краткой сферической тригонометріи, перемѣны координатъ и краткаго обозрѣнія поверхностей 2-го порядка, помѣщенныхъ въ концѣ второй части). 21) Статика Монжа. (Прим.: эта книга, какъ образцовое сочиненіе, должна быть удержана, но не иначе, какъ употребляя послѣдній переводъ, сдѣланный при Главномъ Инженерномъ училищѣ съ 5-го изданія, ибо въ первомъ переводѣ текстъ былъ совершенно искаженъ. Неизлишне было бы прибавить къ сей книгѣ о сопротивленіяхъ въ машинахъ). 22) Руководство къ механикѣ, изд. Главнымъ Правленіемъ училищъ. (Прим.: это руководство, какъ поверхностно изложенное, лучше совсѣмъ отмѣнить). 23) Архитектура Виньолы. (Прим.: сія книга не нужна для гимназій). 24) Физика Шрадера, въ Петербургской гимназіи физика г. Щеглова, а въ нѣкоторыхъ другихъ Двигубскаго. (Прим.: физика Шрадера не соотвѣтствуетъ настоящему состоянію науки, а физика Щеглова не окончена; посему нужно составить особый краткій курсъ; руководствомъ къ оному можетъ служить физика Баумгартнера, изданная въ 1826). 25) Естественная исторія Блуменбаха, въ 3-хъ частяхъ; въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ начальныя основанія естественной исторіи Двигубскаго, минералогія Севергина и зоогнозія Фишера. 26) Начальныя основанія ботанической философіи, изд. Главнымъ Правленіемъ училищъ. 27) Изображеніе частей растеній. (Прим.: всѣ книги, употребляемыя по этой части, съ несравненно большею пользою могутъ быть замѣнены превосходнымъ сочиненіемъ: Elémens des sciences naturelles, par Duméril, 1825. Желательно только имѣть хорошій русскій переводъ сей книги. Если же заблагоразсудится составить для гимназій болѣе пространное руководство къ минералогіи, то съ пользою можетъ быть употреблено сочиненіе: Die Naturgeschichte des Mineralreiches, von Leonhard, 1827). 28) Технологія. (Прим.: технологію преподавать въ гимназіяхъ невозможно; употребляемая же нынѣ и изданная нѣкогда Главнымъ Правленіемъ училищъ крайне недостаточна и несообразна съ цѣлію). 29). Сельское хозяйство Кукольника. (Прим.: книга весьма полезная; желательно, чтобы она была пересмотрѣна, гдѣ нужно исправлена и вновь издана съ присовокупленіемъ описанія земледѣльческихъ ору-

дій и наставленія касательно сельскаго строительнаго искусства, съ надлежащимъ и полнымъ числомъ рисунковъ).

Главнѣйшее неудобство заключалось, какъ уже выше сказано, въ томъ, что во многихъ мѣстахъ недоставало учебныхъ книгъ; поэтому ученики должны были переписывать ихъ, или же извлекать, какъ мы это видимъ, напримѣръ, въ Вологодской гимназіи, нужнѣйшія правила и примѣры изъ риторики Ржевскаго и поэзіи Батё, которыхъ въ гимназической библіотекѣ находилось по одному экземпляру; иногда учителя заимствовали матеріалъ изъ печатныхъ книгъ или изъ записанныхъ лекцій профессора, диктуя его ученикамъ. Правда, начальство сознавало происходящій отъ диктовки вредъ, но часто не было въ состояніи устранить его, въ виду полнѣйшаго недостатка учебныхъ книгъ и не могло сослаться прямо на такое постановленіе, коимъ диктованіе воспрещалось бы въ гимназіяхъ: Харьковскій училищный комитетъ въ 1814 г. запретилъ прибѣгать въ классахъ къ этому средству на томъ основаніи, что оно находилось въ противорѣчіи съ § 57 правилъ Педагогическаго Института. Равнымъ образомъ, препятствіемъ успѣшному преподаванію служила бѣдность училищныхъ библіотекъ и недостатокъ въ книгахъ, при помощи коихъ старательные учителя могли бы приготовляться къ урокамъ [1]).

Что касается лицъ, стоявшихъ во главѣ училищъ, то вслѣдствіе своей прежней службы они нисколько не считали себя принадлежащими къ учебному сословію, а за чиновниковъ; такъ, впрочемъ, на нихъ смотрѣло и министерство: въ статистическихъ таблицахъ 1824 г. (о которыхъ скажемъ ниже) они значатся подъ отдѣльною графою „чиновниковъ". Этимъ объясняется, почему они лишь „изрѣдка заглядывали въ учебныя заведенія". Сравнительно чаще, какъ кажется, смотрителями уѣздныхъ училищъ были назначаемы уѣздные учителя, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ округахъ. Впрочемъ, и они не рѣдко поступали въ эту должность изъ военной службы, и между ними встрѣчаемъ мы не мало весьма оригинальныхъ личностей, какъ, напримѣръ, одного маіора, который своимъ подчиненнымъ объявилъ, что онъ ихъ „командиръ" и для порядка по праздникамъ будетъ дѣлать имъ „смотръ"; другой, старый воинъ, служившій нѣкогда капраломъ подъ начальствомъ Суворова и бывшій впослѣдствіи судьей, смотрѣлъ на сундукъ съ деньгами, какъ на свою собственность [2]). Если же упомянутую должность занималъ прежній учитель, то не рѣдко бывшіе его товарищи отказывали ему въ повиновеніи. Въ 1819 г. преподаватели одного училища жаловались, что оно приходитъ въ упадокъ и причиною того „во первыхъ, неизвѣстность пользы, отъ

---

[1]) *Отто*, Новг. Дир., 15, 29; Вологодск. Дир. 51, 103, 130, 145. *Воронцовъ*, Уч. въ Сумахъ, 16, 19. *Данилевскій*, 321.

[2]) *Отто*, Волог. Дир., 27. 141. 149.

ученія проистекающей для жителей здѣшняго края, изъ коихъ бо́льшая часть погружена, какъ кажется, въ глубочайшій сонъ невѣдѣнія и заматерѣлыхъ предразсудковъ; во вторыхъ, еще большею причиною бываетъ—со стороны штатнаго смотрителя недѣятельность... Таковая недѣятельность его происходитъ большею частію оттого, что ему никогда не былъ извѣстенъ училищный порядокъ, а способъ преподаванія ученія и того меньше; наиболѣе препятствуютъ ему въ отправленіи должности тупыя чувства, упрямство, закоренѣлость и самонадѣяніе. Унасъ никогда не было и не можетъ быть педагогическихъ совѣщаній, какъ средствъ необходимо нужныхъ для удобнѣйшаго и легчайшаго руководствованія младыхъ умовъ. Сіе считается какъ бы пониженіемъ для чести: учители ничего не значатъ и не имѣютъ никакихъ чиновъ, а я—коллежскій ассессоръ, и для меня низко съ ними совѣщаніе имѣть". Оправдываясь во взводимыхъ на него обвиненіяхъ, смотритель взваливалъ вину на учителей: „они обходятся съ учениками сурово, и хотя я неоднократно напоминалъ, чтобы они поступали по данному имъ руководству, но одинъ учитель выговорилъ мнѣ сіи слова: что мнѣ руководство! у меня въ головѣ руководство" [1]).

И смотрители часто не посѣщали училищъ [2]). Андріяшевъ [3]), упоминая о цѣломъ рядѣ учителей, пріобрѣвшихъ „отрицательную извѣстность", приводитъ только три счастливыя исключенія.

Учителя выходили большею частію изъ духовныхъ семинарій и „своимъ витійствомъ лучше всего доказывали, въ чемъ заключалось образованіе, выносимое изъ нихъ. Результатомъ многолѣтняго семинарскаго ученія была способность выражаться такимъ языкомъ, который, отличаясь необыкновенною искусственностію, становился теменъ и непонятенъ для прочихъ смертныхъ" [4]). Андріяшевъ [5]) раздѣляетъ ихъ на двѣ группы: одну—мирную, работавшую спокойно и безвѣстно, другую бурную и безпокойную, ратовавшую за свои личные интересы. „Въ многосложной перепискѣ", говоритъ онъ, „является на свѣтъ Божій худшая половина". Вредъ, причиненный учебному дѣлу дурнымъ примѣромъ этихъ учителей и упущеніями ихъ по должности, гораздо значительнѣе той пользы, которую принесла первая группа. И въ этомъ отношеніи въ гимназіяхъ дѣло шло гораздо лучше: впрочемъ и тутъ сохранились свѣдѣнія о возмутительныхъ случаяхъ грубаго обращенія и пьянства [6]). Между уѣздными

[1]) *Сухомлиновъ*, Черниг. уч., 20 слѣд.
[2]) *Воронцовъ*, 16.
[3]) Стр. 30, 85.
[4]) *Отто*, Вол. Дир., 177.
[5]) Стр. 25.
[6]) *Отто*, Вол. 27 сл., 114; *Владиміровъ*, II, 101.

же училищами не было, кажется, ни одного, лѣтописи коего за описываемый періодъ не заключали бы разказовъ о различныхъ порокахъ, ссорахъ и насиліяхъ [1]). Весьма характеристично замѣчено объ одномъ уѣздномъ училищѣ что въ немъ, „по случайному стеченію обстоятельствъ", *почти* всѣ учители были люди достойные и всѣ предметы были преподаваемы по хорошимъ руководствамъ" [2]). Къ грубости въ обхожденіи, къ пьянству („этой главной и пагубнѣйшей болѣзни нашего народа" какъ сказано въ отчетѣ оберъ-прокурора св. синода за 1871 г.) и къ карточной игрѣ [3]), весьма часто присоединялась величайшая неакуратность и распущенность. Учителя постоянно пропускали уроки. Циркуляромъ министра отъ 6 іюня 1812 г. подтверждалось имѣть за симъ строжайшій надзоръ, такъ какъ „извѣстно, что многіе изъ учащихъ распускаютъ учениковъ изъ классовъ прежде времени и приходятъ въ классы позже, нежели какъ должно, а иногда и вовсе не бываютъ въ классахъ". Въ періодъ времени 1812—1817 г. число пропущенныхъ уроковъ въ Сумскомъ уѣздномъ училищѣ обыкновенно простиралось до $^1/_5$ всего назначеннаго числа. Въ 1819 г. учетель математики пропустилъ 90 уроковъ; изъ нихъ 26 по болѣзни и 24—по законной причинѣ; учитель исторія—118 уроковъ, изъ коихъ только 17 по болѣзни и 6 по законной причинѣ [4]).

Употреблявшіяся прежде, недостойныя учительскаго сословія, наказанія за дурное поведеніе, какъ, напримѣръ, арестъ учителей на хлѣбъ и на воду, отдача въ военную службу [5]), исчезли благодаря новому духу времени, но недостойные этого сословія пороки сохранились, а также и прежнее невѣжество, доходившее до того, что зачастую учителя не умѣли правильно писать [6]).

Но съ другой стороны, Воронцовъ [7]) справедливо замѣчаетъ, что педагогическое образованіе нѣкоторыхъ учителей не было слишкомъ низко, какъ свидѣтельствуютъ о томъ идеи, которыя они проповѣдывали съ каѳедръ, во время торжественныхъ актовъ. Слѣдуетъ од-

---

[1]) *Воронцовъ*, 17, прим. Въ спискѣ дѣлъ харьковскаго училищнаго комитета за 1805—1838 (*Данилевскій*, 312—317, 321, 828) находится много свѣдѣній по этому предмету. Магницкій неоднократно перемѣщалъ уѣздныхъ учителей, «за оказанные ими законопротивные поступки», воспитанниками Казанской гимназіи, «для утвержденія ихъ въ правилахъ лучшей нравственности». Въ 1820 г. одинъ изъ слушателей университета, за дерзкіе поступки противъ помощника инспектора, перемѣщенъ былъ въ гимназію, откуда черезъ два мѣсяца, по совершенномъ исправленіи, выпущенъ (*Владиміровъ* II, 101, 102).

[2]) Віограѳич. Словарь II, 377.

[3]) *Отто*, Вол., 140.

[4]) *Воронцовъ*, 16. Ср. *Отто*, Вол., 59.

[5]) *Вессель*, Руководство 199, 2.

[6]) *Отто*, Новг. 91.

[7]) Стр. 14.

нако замѣтить, что приведенные Воронцовымъ примѣры не совсѣмъ удачны: „наставникъ долженъ быть съ добрымъ сердцемъ и примѣрнаго поведенія“; „demidium fecit qui bene coepit“ (sic!). Андріяшевъ [1]) думаетъ, что тогдашнія рѣчи мало отличались своимъ содержаніемъ. Разсмотрѣвъ нѣсколько десятковъ ихъ, онъ нашелъ, что ораторы по большей части не углублялись въ сущность предмета, а скользили по его поверхности; поворотъ къ лучшему наступилъ только въ двадцатыхъ годахъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что сословіе учителей не вездѣ пользовалось желаемымъ уваженіемъ; притомъ должно сказать, что средства для устраненія этого недостатка не всегда были удачны. Такъ, въ 1816 г. директоръ Черниговскихъ училищъ выражалъ ректору университета „свое сожалѣніе о томъ, что общество трактуетъ учителей не наравнѣ съ другими чиновниками“, и говорилъ; „въ чиновныхъ людяхъ иначе нельзя снискать благосклонности, какъ частыми по праздникамъ визитами и поздравленіями. Но учителямъ трудно располагаться на такое исканіе съ ихъ пѣшеходствомъ, когда всякій чиновникъ то на той, то на другой улицѣ, разлегшись въ какомъ либо экипажѣ, обгоняетъ учителей, шагающихъ по грязи въ мундирахъ со шпагами... Это обстоятельство было объяснено визитатору, обѣщавшему, что учителямъ дадутъ средства дѣлать кому слѣдуетъ визиты“. Ректоръ представилъ министру письмо директора, присовокупивъ, что одними визитами нельзя пріобрѣсти уваженія и почета. Другое средство для возвышенія учителей въ глазахъ общества было однажды предложено Пензенскимъ директоромъ. Замѣтивъ, что „учителя женатые болѣе уважаютъ свое званіе и дорожатъ имъ, болѣе имѣютъ основательности и постоянства какъ въ сужденіяхъ, такъ и въ поступкахъ своихъ, болѣе прилично и наставительно обходятся съ дѣтьми, нежели учителя холостые, а притомъ еще и молодые, увлекающіеся забавами.... что общество имѣетъ болѣе уваженія и довѣренности къ женатымъ“,—онъ предлагалъ „не благоугодно ли будетъ высшему правительству, для побужденія учителей вступать въ брачное состояніе, назначать женатымъ учителямъ жалованье одною третью болѣе, нежели холостымъ, при изданіи новыхъ штатовъ“. Университетскій совѣтъ опредѣлилъ: „такъ какъ не предвидится перемѣны штатовъ, то и не представлять высшему начальству предложенія директора, но какъ онъ не одобряетъ поведенія холостыхъ учителей, то рекомендовать ему обращать на нихъ особенное вниманіе [2]).

Характеристично также мнѣніе директора училищъ Саратовской губерніи о качествахъ, необходимыхъ учителю словесности, называ-

[1]) Стр. 86.
[2]) *Сухомлиновъ*, Мат. I, 132.

емому въ уставѣ „учителемъ философіи, изящныхъ наукъ и политической экономіи". Директоръ въ представленіи совѣту университета говоритъ, что учитель словесности „больше всего обращаетъ на себя вниманіе публики. Ему надобно знать французскій языкъ, не только по книжному, но и умѣть на немъ свободно изъясняться, а на русскомъ не только могъ бы лекціи преподавать съ живостью, но имѣлъ бы даръ сочинять и произносить публичныя рѣчи; говорилъ бы языкомъ не провинціальнымъ какимъ либо, но чистымъ русскимъ, употребляемымъ въ лучшихъ обществахъ. Притомъ необходима ловкость, пріятная наружность и чистый голосъ; впрочемъ, не требуются глубокія, профессорамъ приличныя свѣдѣнія" [1]).

Статья 52 устава 1804 г. гласила: „препоручается учителямъ гимназіи, подъ вѣдѣніемъ директора, вести историческія, метеорологискія, топографическія и статистическія записки о губерніяхъ, включая въ оныя свѣдѣнія о земледѣліи, времени посѣва и жатвы, о свойствахъ земли, употребляемыхъ при землепашествѣ орудіяхъ и другихъ предметахъ, потребныхъ къ точному познанію общаго хозяйства. Сей трудъ относится къ числу постороннихъ обязанностей учителей, за который они имѣютъ ожидать особой награды, если оный достоинъ будетъ уваженія. Университетъ даетъ подробныя по сему предмету наставленія учителямъ чрезъ директора, который, по мѣрѣ того, какъ таковыя записки будутъ изготовляемы, представляетъ оныя высшему начальству". „Люди пылкаго воображенія, говоритъ Гречъ [2]), полагали, что тщательнымъ исполненіемъ этой статьи устава землеописаніе Россіи обогатится, что чрезъ нѣсколько лѣтъ всѣ области неизмѣримой имперіи Россійской будутъ описаны самымъ подробнымъ и вѣрнымъ образомъ и географія Россіи доведена будетъ до возможнаго совершенства". Разсылка наставленій послѣдовала только въ 1812 г., за исключеніемъ Виленскаго округа, для котораго инструкція касательно метеорологическихъ наблюденій была утверждена еще въ октябрѣ 1803 г., инструкція же о физическихъ наблюденіяхъ, предназначавшаяся и для другихъ округовъ, но, кажется, оставшаяся въ канцеляріяхъ,—въ іюнѣ 1805 г. Въ 1821 г. было повторено приглашеніе доставить наблюденія [3]) (нѣкоторые трудолюбивые люди взялись, конечно, за дѣло раньше), съ тѣмъ, чтобы учители *занялись немедленно* и по мѣрѣ возможности веденіемъ записокъ. Недоставало однако необходимыхъ инструментовъ, безъ которыхъ хотя можно было „записывать направленіе вѣтровъ, вскрытіе и замерзаніе рѣкъ, появленіе насѣкомыхъ, прилетъ птицъ, цвѣтеніе деревъ, порядокъ сельскихъ работъ", но нельзя было опредѣлять состояніе температуры;

[1]) *Сухомлиновъ*, тамъ же.
[2]) III, 308.
[3]) *Отто*, Новг. Дир. 12, прим., ср. 13.

тамъ, гдѣ не было ни термометра, ни барометра, приходилось дѣйствовать, такъ сказать, ощупью. Наконецъ, кажется, только небольшая часть особенно дѣльныхъ записокъ появлялась въ печати; остальныя же хранились при дѣлахъ. Изъ трехъ лицъ Вологодской дирекціи, исполнившихъ требованіе устава, одинъ замѣчательный труженикъ посвятилъ 20 лѣтъ на изученіе своего уѣзда; только метеорологическія его наблюденія были обнародованы, записки же по части сельскаго домоводства, зоологіи и ботаники остались не напечатанными, не взирая на то, что изъ училищнаго комитета Московскаго университета составителю этихъ записокъ, Алексѣю Фортунатову, было выражено особенное благоволеніе начальства и присуждено выдать ему въ пособіе для поѣздокъ по Вологодской губерніи 200 руб., и сверхъ того поручено гимназіи найдти средства для доставленія Фортунатову нужныхъ инструментовъ [1]). Въ *Журналѣ министерства* помѣщено было очень немного подобныхъ работъ, вслѣдствіе ли того, что вообще мало было доставляемо ихъ, или по ихъ непригодности, — вопросъ, котораго мы не беремся рѣшить.

Другіе труды учителей, напримѣръ, С.-Петербургскаго учебнаго округа, перечисленные Вороновымъ [2]), составляютъ большею частію переводы и извлеченія, да и тѣ были доставлены лишь изъ трехъ губерній. Однако Вороновъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что „труды эти стояли гораздо выше трудовъ прежнихъ преподавателей и по своему содержанію, и по изложенію, и по объему“. Въ этомъ обнаружился несомнѣнный успѣхъ. Важнѣйшія произведенія принадлежали, какъ и слѣдовало ожидать, профессорамъ Педагогическаго института и университета; обнаруживалось стремленіе къ ученымъ занятіямъ и въ учителяхъ С.-Петербургской гимназіи и отчасти гимназій Псковской и Вологодской; если же ничего замѣчательнаго не было произведено преподавателями гимназій въ другихъ губерніяхъ округа, то нужно приписать это скорѣе недостатку средствъ къ подобнаго рода занятіямъ, еще до сихъ поръ (1849) ощутительному въ провинціяхъ, чѣмъ лѣности и неспособности. Нельзя было также ожидать ученыхъ трудовъ отъ преподавателей уѣздныхъ училищъ, особенно если вспомнимъ, какъ трудно было отыскивать способныхъ людей для этой должности и какъ часто начальство по необходимости вынуждаемо было довольствоваться учителями посредственными и даже терпѣть иногда не совсѣмъ надежныхъ.

Если учителя не всегда аккуратно посѣщали классы, то еще гораздо чаще это случалось съ учениками. Число пропущенныхъ ими уроковъ, по имѣющимся даннымъ, было весьма значительно. Въ Черни-

---

[1]) *Отто*, Волог. Дир., 60—64.
[2]) I, 186 слѣд.

говѣ, напримѣръ, въ теченіе весьма удачнаго въ этомъ отношеніи 1820 года, на каждаго изъ 89 учениковъ гимназіи, на 56 учебныхъ дней приходилось 12 пропущенныхъ уроковъ; въ одномъ уѣздномъ училищѣ изъ 180 дней каждымъ ученикомъ пропущено было 17, въ другомъ—изъ 118 пропущено 41, въ третьемъ — изъ 109 дней пропущено 36 и т. д. [1]). Вопросъ о посѣщеніи классовъ часто сводился къ мнѣнію вышеупомянутой нами посадской вдовы: „сына моего болѣе обучать не желаю, сочтя себя преподанными ему науками довольною“ [2]). Съ цѣлью заставить учениковъ правильно посѣщать классы, были употребляемы всевозможныя мѣры; напримѣръ, въ Сумахъ предписано было внушать родителямъ, чтобы они своевременно доставляли дѣтей въ училище послѣ каникулъ и праздниковъ и не брали ихъ рано домой, безъ вѣдома смотрителя. Но такъ какъ требованіе это осталось безуспѣшнымъ, то было поручено смотрителю: „учениковъ, безъ уважительной причины не посѣщавшихъ училище въ теченіе мѣсяца и болѣе, объявлять, при открытомъ испытаніи, какъ нерадивыхъ“. Я эта мѣра не повела ни къ чему; тогда директоръ предписалъ: обращать таковыхъ учениковъ въ низшій классъ. Время доказало, что и это не помогло, а потому постановлено было (1810) исключать нерадивыхъ; съ 1808—1810 г. исключенныхъ изъ училища собственно за пропуски уроковъ было 45, послѣ 1810 г. въ отчетахъ подобныхъ свѣдѣній не находится. Послѣдняя изъ упомянутыхъ мѣръ оказалась дѣйствительною, главнымъ образомъ, потому, что попечитель предписалъ объявлять родителямъ, „что ученики, исключенные изъ училища за пропуски уроковъ, никогда не будутъ приняты ни въ какое высшее учебное заведеніе и найдутъ великое затрудненіе, чтобы вступить въ какой-либо родъ государственной службы“ [3]).

Если приходилось вести постоянную борьбу съ неисправнымъ посѣщеніемъ классовъ — одною изъ главныхъ причинъ слабыхъ успѣховъ — то это не было единственною заботою училищнаго начальства. Кромѣ обыкновенныхъ ученическихъ шалостей [4]), Роммель обращаетъ вниманіе еще на одну особенную: „я получилъ“, говоритъ онъ, „какъ членъ училищнаго комитета, порученіе визитировать гимназіи, вслѣдствіе чего познакомился съ двумя главными ихъ недостатками: во первыхъ, съ большою нравственною порчею воспитанниковъ, въ заговорѣ между собой противъ своихъ учителей, и во вторыхъ, съ почти безграничнымъ владычествомъ директоровъ гимназій, большею частію выслужившихъ свои сроки невѣжественныхъ чи-

---

[1]) *Андріяшевъ*, 387.
[2]) *Сухомлиновъ* Яр. уч., 126; также *Отто*, Новг. *Воронцовъ*, 17.
[3]) *Воронцовъ*, 19, 20; *Андріяшевъ*, 386; *Отто* Новг., 96, 97.
[4]) *Сухомлиновъ*, Чернуг. уч., 22.

новниковъ гражданскаго, военнаго и морскаго вѣдомствъ" [1]). Такъ, напримѣръ, въ 1819 г. въ новгородскихъ училищахъ предписано было старшимъ учителямъ еженедѣльно поочереди наблюдать за учениками, причемъ: 1) внушать имъ за необходимѣйшее—исполненіе христіанскихъ обязанностей къ Богу; направлять ихъ склонности въ добрую сторону, употреблять всевозможные способы къ воспрепятствованію худыхъ нравовъ, внушать имъ сердечное уваженіе и повиновеніе къ высшимъ, внимательность къ равнымъ; вселять любовь къ порядку и вѣжливости; взыскивать съ проступающихъ порядокъ и отличать благонравныхъ; увольнять изъ класса по просьбамъ за дѣйствительными нуждами, и требовать, чтобы отлучившіеся безъ позволенія, но по волѣ родителей, приносили отъ нихъ записки о несамовольной ихъ отлучкѣ; наконецъ, въ особой книгѣ замѣчать, изслѣдовавъ хожденіе учащихся въ классы, равно причины ихъ отсутствія и поздняго прихода; 2) стараться не пропускать безъ вниманія ни одного дурнаго поступка ученика и не подавать ему повода почесть оный хорошимъ, или подумать, что онъ можетъ дѣлать рѣзвости и остаться безъ взысканія; завести въ классахъ тетради, въ которыхъ самыя шалости учащихся, неблагопристойности и соразмѣрныя за оныя взысканія должны быть отмѣчены учителемъ; въ случаѣ же значительной шалости доводить до свѣдѣнія директора; 3) смотрѣть, чтобы ученики до начатія ученія и въ междуклассное время не заводили между собою игръ, неприличныхъ и шумныхъ разговоровъ и т. п., а послѣ ученія, выходили изъ классовъ тихо и въ порядкѣ, притомъ строго подтверждая, чтобы и дорогою не рѣзвились; 4) наблюдать, чтобы ученики не приносили въ классъ никакихъ ненужныхъ вещей и чтобы въ классѣ не было ни купли, ни продажи. Дежурный долженъ приходить въ училищный домъ до звонка. Во всѣхъ классахъ, для наблюденія, слѣдуетъ избирать по очереди старшихъ изъ отличнѣйшихъ учениковъ для дежурства, обязанность которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы приходить въ классъ прежде дежурнаго учителя, отмѣчать въ тетради не бывшихъ, опаздывающихъ, неопрятныхъ и т. п. и представлять ее надзирающему, который, по истеченіи недѣли, извѣщаетъ директора о всемъ случившемся по части поведенія учениковъ и т. п. [2]).

Что касается наказаній учениковъ, то, напримѣръ, въ 1808 и 1809 гг. училищнымъ комитетомъ Харьковскаго университета была обозначена слѣдующая постепенность между ними: 1) выговоръ учителя; 2) стояніе у порога нѣсколько минутъ или во весь классъ; 3) лишеніе мѣста въ порядкѣ старшинства и сажаніе на заднюю

---

[1]) Стр. 523.

[2]) *Отто*, Новг. Дир., 45 слѣд.

скамью на день; 4) сажаніе на заднюю скамью на недѣлю; 5) выговоръ директора; 6) сажаніе на заднюю скамью до выслуги; 7) извѣщеніе родителей о неисправности ученика; 8) вторичное оповѣщеніе родителей; 9) оглашеніе имени виновнаго во всѣхъ классахъ; 10) переводъ ученика въ низшій классъ съ оповѣщеніемъ по всѣмъ классамъ; 11) исключеніе и оглашеніе какъ по всѣмъ классамъ, такъ и на торжественномъ актѣ. О послѣднихъ четырехъ наказаніяхъ требовалось доносить училищному комитету, съ прописаніемъ вины наказаннаго [1]. Наконецъ, употребляемы были и тѣлесныя наказанія различныхъ видовъ, несмотря на неоднократныя запрещенія министра прибѣгать въ училищахъ къ розгамъ. Мы видимъ, однако, что подъ конецъ описываемаго періода и воспитатели и большинство родителей были въ пользу розогъ [2]. Хотя директоры стояли на сторонѣ закона, но и между ними обнаруживалось колебаніе, какъ видно изъ слѣдующаго случая: одинъ діаконъ жаловался директору, что учитель наказалъ его сына розгою; директоръ не только не одобрилъ подобной жалобы, но сталъ еще укорять діакона, что онъ, будучи самъ изъ духовнаго званія, „долженъ знать Священное Писаніе, въ которомъ твердится, чтобы не жалѣть жезла надъ дѣтьми своими“ [3].

Награды были раздаваемы въ довольно значительномъ количествѣ, рѣже медали, по недостатку денежныхъ на то средствъ, за исключеніемъ случаевъ, когда для этого былъ пожертвованъ капиталъ, напримѣръ, въ 1804 г. при Екатеринославской гимназіи въ количествѣ 3.000 руб., съ процентовъ коего, впрочемъ, только въ 1822 г. стали награждать медалями; онѣ имѣли слѣдующую надпись: Auspiciis Alexandri I, studio et moribus Gymnasium Ecatherinoslaviense (приписка имени учредителя „ab amico humanae juventutis Carolo Gerno“ Харьковскимъ училищнымъ комитетомъ не одобрена). Упоминается также о награжденіи медалями воспитанниковъ въ Крошахъ (Виленскаго учебнаго округа) и въ Харьковѣ.

Болѣе обычнымъ способомъ награжденія было записываніе отличныхъ учениковъ золотыми буквами на доскѣ [4]. Чаще же всего раздавались похвальные листы, большіе и малые, а также книги; напримѣръ, въ 1815 г. похвальныхъ листовъ роздано было въ С.-Петербургской гимназіи 225 ученикамъ изъ 380; въ другой годъ 303 воспитанникамъ дано въ награду 536 книгъ и эстамповъ.

Циркулярнымъ предложеніемъ министра народнаго просвѣщенія отъ 13-го марта 1813 года введено сверхъ того *размѣщеніе учащихся* въ классахъ по степени ихъ успѣховъ въ наукахъ и поведенію.

---

[1] *Андріяшевъ*, 399.
[2] *Воронцовъ*, 23.
[3] *Андріяшевъ*, 400.
[4] *Періодич. соч.*, XL, 154.

„Соревнованіе", сказано въ циркулярѣ, „къ успѣхамъ въ наукахъ и благонравіи ничѣмъ столько въ учащихся не возбуждается, какъ приличными поощреніями, которыя въ молодыхъ людяхъ питаютъ честолюбіе. Наблюдаемое въ нѣкоторыхъ училищахъ обыкновеніе раздавать ученикамъ въ классахъ мѣста по ихъ успѣхамъ въ наукахъ и поведенію всегда имѣло весьма полезныя слѣдствія: ибо посредствомъ сего размѣщенія учениковъ прилежаніе самаго посредственнаго изъ нихъ имѣетъ нѣкоторую цѣль, коея и самая посредственность его не отъемлетъ у него надежды достигнуть".

Раздача наградъ происходила во время открытыхъ испытаній, производившихся, по старинному обычаю, для утѣхи публики. „Ходъ преподаванія и весь курсъ не заботилъ такъ дирекцію, какъ выполненіе программы открытаго испытанія. Тутъ надо было пріятнымъ образомъ поразить посѣтителей, которые являлись въ гимназію какъ на какое-нибудь театральное представленіе. Педагоги и директоръ старались придумать для такого случая что-нибудь новое и занимательное. Одинъ брался написать оду, другой предлагалъ показать физическіе опыты, третій—употребленіе шара (то-есть, глобуса). Директоръ объяснялъ необходимость произнесенія рѣчей на разныхъ языкахъ и поручалъ учителю приготовить даже краткое привѣтствіе на латинскомъ языкѣ къ публикѣ" [1]). Приготовленія къ торжеству открытыхъ испытаній обыкновенно отнимали много учебнаго времени: учителя распускали учениковъ изъ классовъ раньше срока, являлись поздно, а иногда и совсѣмъ пропускали уроки [2]). Иногда весь май мѣсяцъ проходилъ въ приготовленіяхъ къ открытому испытанію [3]). Рѣчи, на русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, татарскомъ, латинскомъ или греческомъ языкѣ [4]), выучивались наизусть лучшими учениками, которые торжественно выступали на видное мѣсто и обращались къ посѣтителямъ, называя ихъ меценатами, любителями музъ, жрецами Аполлона и т. п. Темами для рѣчей большею частію были слѣдующія: „польза образованія и наукъ", „о превосходствѣ наукъ передъ невѣжествомъ", о храмѣ наукъ, о громѣ противъ враговъ отечества „при чемъ непремѣнно упоминалось о дикихъ Неграхъ и Готтентотахъ" [5]). Затѣмъ, слѣдовалъ экзаменъ. Любопытно предписаніе Харьковскаго училищнаго комитета, чтобы на экзаменѣ вопросы ученикамъ слѣдовали по порядку, „ибо въ противномъ случаѣ и лучшій ученикъ можетъ смѣшаться; хотя при этомъ ученики будутъ имѣть ту выгоду, что могутъ прочитать то, о чемъ слѣдуетъ ихъ спросить,

---

[1]) *Отто*, Вол. Дир., 56.
[2]) Тамъ же, стр. 59.
[3]) См. *Воронцова*, 27.
[4]) *Журн. Деп.* 1822, VI. 208, 214. *Пер. Соч.*, XIX, 215.
[5]) *Отто*, Вол., 177.

однако выгода эта можетъ быть имъ предоставлена, тѣмъ болѣе, что тѣ, которые не радѣли объ ученіи въ теченіе цѣлаго года, и, прочитавъ, не въ состояніи будутъ дать удовлетворительный отвѣтъ на предложенный вопросъ" [1]). Установленное въ 1810 году Новгородскою дирекціею правило, чтобы экзаменовали не учителя, а свѣдующія въ наукахъ посторонпія лица, за неимѣніемъ же таковыхъ—учителя другихъ предметовъ, было примѣняемо и въ другихъ мѣстахъ. Одинъ современникъ (1805 г.) говоритъ, что „актъ происходилъ, какъ должно быть, то-есть, какъ это было 20 лѣтъ тому назадъ и будетъ столько же лѣтъ спустя: извѣстные вопросы, наизусть выученные отвѣты". Публичный актъ, на которомъ читались рѣчи и разсужденія на заданныя темы, показывались физическіе опыты и т. п., часто оканчивался угощеніемъ публики, по крайней мѣрѣ въ небольшихъ городахъ, если возможно на училищныя средства, или же насчетъ почетнаго смотрителя. Нерѣдко также гости открывали подписку, собирали довольно значительныя суммы [2]). Образцы программъ открытыхъ испытаній помѣщены у Отто [3]); онъ же сообщаетъ текстъ двухъ привѣтственныхъ рѣчей, которыя мы воспроизводимъ здѣсь для оцѣнки степени познаній преподавателей. „Можно себѣ представить", говоритъ Отто, „пріятное изумленіе посѣтителей, когда мальчикъ лепеталъ предъ ними такую тираду на языкѣ, который присутствовавшимъ былъ столь же понятенъ, какъ китайскій: Quid animos nostros magis vehementiusque excitare potest ad diligenter accurateque litteras ediscendas, ac inflammare ad ingenuarum disciplinarum et artium amorem, ad acquirendum quoque bonos et honestos mores impellere, nisi praesentia et aspectus virorum, qui nunquam studia abjiciunt, nunquam non in artibus optimis se ipsos exercent atque alios, imprimisque adolescentes literis deditos, in eisdem semper versari volunt ac desiderant. Idcirco, viri omnium literarum et artium amantissimi, intentis nunc oculis adspicimus tantos sicentiarum amicos carissimos musarumque familiares pernecessarios et tam acerrimo ad accuratissimam in studiis diligentiam ardore accendi videmur, quanto maximam ex adventu et visitatione vestra expectatissima voluptatem percipimus. Sitis solummodo, quaerimus, erga nos benevolentissimi, si vobis, magna prudentia, magno usu atque experientia praeditis viris, non quae debemus, sed qualia ex puerili aetate afferre possumus, munera progressuum in studiis nostrorum attulerimus. Другая рѣчь гласитъ: Reverendissimi Contemplatores! confluentes intueri fruges nostrae illustrationis triumphanda a nobis die, die decreta a Suprema Majestate ab

[1]) *Сухомлиновъ*, Черниг. уч., 42.

[2]) См. *Отто*, Новг. Дир., 121; *Сухомлиновъ*, Черниг. уч., 31.

[3]) Новг. Дир., 120, и Вол. Дир., 173.

revelationem incitationemque nostrarum docilitatum, ut converteretis vestram benignam annotationem ad nostras occupationes, et, si miremur aliquid, celebraretis Augustissimum Alexandrum effundantem intra nos, velut futuros cives, illa pretiosa bona, illa praestantissima munera quae per totam diuturnam vitam non desinunt, nec relinquunt, nec tenebrantur amoliunturque, sed delectant, recreant et in omni contraria fortuna multum adjuvant nobis [1]). Слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ способѣ занимать публику, а именно о бесѣдахъ. Выходили, напримѣръ, 3, 4 и даже 5 учениковъ и вступали между собой въ споръ о преимуществахъ исторіи, географіи, граматики, математики, причемъ одинъ изъ нихъ представлялъ собою посредника, или же происходилъ разговоръ между двумя учениками, изъ коихъ одинъ представлялъ лѣниваго, другой — прилежнаго; послѣдній старается направить перваго на путь истины. Прилежный говоритъ: „учителя отличаютъ меня предъ другими и на каждомъ публичномъ экзаменѣ дарятъ то похвальными листами, то книжками, а я, пришедъ домой, не нахожу мѣры въ похвалахъ къ себѣ отъ моихъ родителей. А когда бываютъ гости у тятеньки, то меня называютъ милымъ мальчикомъ, и я уже часто занимаю ихъ разговорами о какомъ-либо предметѣ. Однажды, даже удалось мнѣ поправить ошибку одного возмужалаго мужчины. Знаешь ли, какое я чувствовалъ тогда восхищеніе?“ — Лѣнивый: „а какое?“—Прилежный: „какъ меня за это похвалили, то я отъ радости заплакалъ и подбѣжалъ предъ образъ Спасителя, упалъ предъ нимъ со слезами и такъ утомленъ былъ благодарностію къ Нему, что меня взяли оттуда уже соннымъ“. — Лѣнивый: „Признаюсь, ты такъ убѣдительно сказалъ это, что я въ сіе время забылъ свинчатку и змѣекъ“.... Сцена кончается тѣмъ, что лѣнивый проситъ прилежнаго взять его въ свои товарищи [2]). Въ нѣкоторыхъ дирекціяхъ передъ открытымъ испытаніемъ производилось частное, дѣлаемое визитаторами. Въ Сумахъ было даже три экзамена: первый производился учителями (6—7 дней), второй — смотрителемъ вмѣстѣ съ учителями (8—10 дней), за тѣмъ уже открытое испытаніе [3]).

Этотъ способъ экзаменовать учениковъ строго осуждалъ Магницкій въ запискѣ своей, о которой разсуждало Главное Правленіе училищъ въ 1827 г. (ст. VI). Магницкій говоритъ: „Истинная цѣль экзаменовъ давно упущена изъ виду. Она состояла въ томъ, чтобъ безъ всякаго подлога и пристрастія начальству учебныхъ заведеній могло само удостовѣриться въ успѣхахъ учащихся. На самомъ дѣлѣ почти повсемѣстно происходитъ слѣдующее: 1) за довольно долгое

[1]) Волог. Дир., 57, 19.
[2]) *Отто* Вол., 175 слѣд.; *Владимiровъ* II, 100.
[3]) *Воронцовъ*, 26.

время начинается приготовленіе къ экзамену, то-есть вмѣсто всегдашняго повторенія и домашнихъ ежемѣсячныхъ удостовѣреній въ успѣхахъ учащихся, спокойнѣе для начальства довести курсъ годоваго ученія къ концу за два мѣсяца до экзаменовъ, отсѣчь ихъ отъ года, употребивъ на скорую и непрочную выучку всего пройденнаго, и такимъ способомъ закрыть всегдашнюю свою небрежность блескомъ затверженныхъ отвѣтовъ, похитивъ у учениковъ изъ 6-ти лѣтъ цѣлый годъ времени, а у казны и родителей—годъ платы. Сверхъ ненравственности сего поступка имѣетъ онъ слѣдующія еще неудобства: а) на экзаменѣ вмѣсто различія ученика лѣниваго отъ прилежнаго, они всѣ смѣшиваются; б) открывается возможность ко всѣмъ пристрастнымъ награжденіямъ, къ проискамъ и просьбамъ родителей; в) происходитъ, что учитель и публично спрашивая учениковъ въ извѣстномъ ему порядкѣ, выставляетъ кого ему нужно и ставитъ всѣхъ учениковъ въ безопасность отъ посторонняго вопроса, а въ случаѣ его предложенія вмѣсто ученика самъ разрѣшаетъ и, пришедъ для испытанія учениковъ предъ публику, преподаетъ ей самую скучную по ея продолженію и подлогу лекцію. Никто не обманутъ симъ обманомъ и всѣ на него собираются для обмана же нѣкоторымъ видомъ довѣренности. Обстоятельство сіе столь извѣстно, что вошло почти въ пословицу и между тѣмъ терпится, какъ бы нѣкое почтенное преданіе. Сія пагубная язва заражаетъ иногда и законоучителей, которые также каждому ученику раздаютъ его экзаменный участокъ изъ вѣроученія".

Осмотры училищъ директорами и визитаторами происходили далеко не такъ часто, какъ того требовалъ законъ. По С.-Петербургской дирекціи были они произведены въ столицѣ лишь въ 1815, 1820, 1826 и 1827 гг.; по Архангельской и Олонецкой дирекціямъ—въ 1811 г. (оба осмотра, по случаю открытія губернскихъ гимназій, слѣдовательно, это не были осмотры въ настоящемъ ихъ значеніи). Въ Вологодской дирекціи не было ревизій съ 1809 до 1822 г., въ Новгородской—съ 1805 до 1825 (затѣмъ губернія ревизовалась четыре года сряду). Псковская дирекція была обревизована въ 1810 (по случаю распрей между учителями гимназіи), въ 1815 и 1816 гг., затѣмъ въ 1826 и 1827 гг. [1]). Изъ уѣздныхъ училищъ Новгородскій директоръ обревизовалъ до 1827 г. только три ближайшія [2]), оправдываясь неимѣніемъ опредѣленной для разъѣздовъ суммы. Осмотры училищъ попечителемъ не всегда, быть можетъ, имѣли въ виду самое важное—учебную часть и преподаваніе. Такъ, въ одномъ донесеніи о состояніи Московскаго учебнаго округа Главному Правленію

---

[1]) *Вороновъ*, I, 227 слѣд.
[2]) *Отто*, Новг., 123.

училищъ [1]) отъ 1827 г. попечитель говоритъ, что онъ „сію гимназію (Московскую) поставилъ пятою, единственно потому, что, имѣя противъ прочихъ болѣе средствъ и возможностей къ доведенію гимназіи до желаемаго совершенства, въ оной во многомъ упущено, особенно по наружному устройству и порядку. Хотя въ оной обученіе происходитъ вообще успѣшнѣе, нежели въ другихъ, но за то 1) учебныя пособія не въ такомъ количествѣ, какъ бы могли быть; 2) замѣтна небрежность въ одеждѣ гимназистовъ; 3) несоотвѣтственно распредѣленіе классныхъ комнатъ и спаленъ, словомъ, не видно того строгаго надзора за обучающимися, каковой бы слѣдовало имѣть".

Свѣдѣнія о тогдашнихъ училищныхъ зданіяхъ большею частію весьма не утѣшительны: неоднократно, въ теченіе многихъ лѣтъ училищное начальство доносило о безобразіи зданій, представлявшихъ по ветхости своей даже опасность для жизни. Въ 1827 г. Новгородскій губернаторъ нашелъ почти всѣ училищные дома тѣсными и неудобными" [2]).

Частныя школы въ теченіе всего описываемаго періода значительно соперничали съ казенными заведеніями, особливо съ уѣздными училищами, и причиняли не мало заботъ учебному начальству. Лишь немногіе директоры училищъ ограничивались требованіемъ статистическихъ данныхъ о числѣ частныхъ школъ, или же довольствовались донесеніями штатныхъ смотрителей, состоявшими изъ обычной фразы: „честь имѣю донести, что въ N городѣ и его уѣздѣ домашнихъ учителей, школъ и пансіоновъ не имѣется". Напротивъ того, бóльшая ихъ часть строго слѣдила за этимъ дѣломъ, какъ показываетъ, между прочимъ, примѣръ Воронежскаго директора [3]). Онъ предписалъ штатнымъ смотрителямъ принуждать, при посредствѣ полиціи, частныхъ учителей закрыть свои школы и дать письменныя обязательства и на будущее время не заводить таковыхъ безъ дозволенія дирекціи. Но хотя эта мѣра и была приводима въ исполненіе, она не дала однако желаемыхъ результатовъ. Тогда директоръ обратился къ губернатору, прося его содѣйствія; „частныя школы", писалъ онъ, „суть зло и ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть добромъ, потому что открыты безъ позволенія училищнаго начальства; онѣ вредны для общества и противозаконны, а потому должны быть навсегда уничтожены". По списку частныхъ народныхъ школъ оказалось 50 съ 480 учащимися. Губернаторъ предписалъ градской и земской полиціи немедленно приступить къ закрытію ихъ (въ другихъ мѣстахъ

---

[1]) Журн. Главн. Правл. уч. 25-го февраля 1828 г.

[2]) *Отто*, Новг., 56 слѣд., 96, 123.

[3]) См. ст. Веселовскаго въ *Русск Вѣстн.* 1864, 7, 248—271.

мѣстное губернское начальство не оказывало подобнаго содѣйствія [1]) и въ то же время строжайше требовалъ, чтобы полиція и на будущее время дѣйствовала такимъ же образомъ; въ самомъ непродолжительномъ времени представлена была ею масса подписокъ отъ учителей о прекращеніи ими своихъ учительскихъ занятій. Случалось, что ученики бѣжали изъ уѣздныхъ училищъ въ частныя. Вслѣдствіе сего, Воронежскій директоръ предписалъ всѣмъ штатнымъ смотрителямъ, въ случаѣ надобности, требовать полицейскаго чиновника и закрывать школы, отбирая книги и тетради; но содержатели частныхъ школъ, съ своей стороны, дабы предупредить внезапныя нападенія, наряжали изъ своихъ учениковъ дежурныхъ мальчиковъ, и каждый разъ, когда приближалась полиція, ученики спасались чрезъ потаенную дверь. Подобныя нападенія только увеличивали значеніе частныхъ учителей. Такъ, напримѣръ, одинъ штатный смотритель доносилъ, что „уѣздное училище отъ Агѣева и Путилина совершенно погибаетъ". Въ 1829 г. Воронежскій директоръ писалъ губернатору, что „несмотря на всѣ мѣры, имъ предпринятыя, частныя школы, не прерывая своего дѣйствія, какъ и прежде, не только въ числѣ не уменьшились, но болѣе еще умножились". Причиною такого со стороны родителей предпочтенія частныхъ учебныхъ заведеній, требовавшихъ платы, казеннымъ, гдѣ прежде дѣти обучались даромъ, было слѣдующее: для однихъ отдаленность жительства ихъ отъ уѣзднаго или приходскаго училищъ; для другихъ затрудненіе одѣвать дѣтей въ предписанную форменную одежду; для большинства же—то, что дѣти ихъ, оставаясь почти всегда обѣдать, а иногда, за грязью, и на ночь въ тѣхъ заведеніяхъ, не шатаются по улицамъ и, будучи въ меньшемъ числѣ нежели въ казенномъ училищѣ, состоятъ подъ болѣе бдительнымъ надзоромъ. Кромѣ того, родители высказывались въ пользу частныхъ школъ какъ вслѣдствіе распространеннаго между уѣздными учителями порока пьянства, такъ и по тому великому довѣрію, коимъ пользовались духовныя лица (большею частію дьячки и пономари), содержавшія означенныя школы. Къ этому присоединилась еще возможность для родителей безпрепятственно занимать дѣтей, обучавшихся въ частныхъ школахъ домашними работами. Въ Новгородской губерніи частнымъ или такъ называемымъ „партикулярнымъ" школамъ также отдавалось предпочтеніе: „родители показали, что они дѣтей своихъ не отдаютъ въ Череповецкое уѣздное училище, потому что въономъ видятъ весьма медленное и долговременное ученіе, по замѣчанію ихъ, оттого, что учитель часто находится въ нетрезвомъ состояніи; а въ таковомъ видѣ малолѣтнихъ дѣтей безъ причины бьетъ и наказываетъ безвинно" [2]).

[1]) *Отто*, Новг., 84.
[2]) *Отто*, Новг., 85.

На ряду съ упадкомъ уѣздныхъ училищъ развивается все болѣе и болѣе учрежденіе, начало коему положено было уже въ прошломъ столѣтіи, а именно *благородные пансіоны*. Первоначальною цѣлію этихъ пансіоновъ было дать дѣтямъ высшаго сословія, требованіямъ коего не удовлетворяли тогдашнія школы, не только воспитаніе, но и пригодное для нихъ образованіе (благородный пансіонъ въ Москвѣ былъ учрежденъ въ 1814 г., въ Казани, С.-Петербургѣ, Орлѣ — въ 1818 г.). Одновременно возникаютъ пансіоны, какъ благотворительныя учрежденія для лицъ несостоятельныхъ (напримѣръ въ Харьковѣ въ 1806 г., во Владимірѣ—1809 г., въ Екатеринославѣ—1818 г.). Такъ, въ Харьковскій благородный пансіонъ могли поступать только дѣти тѣхъ изъ живущихъ въ предѣлахъ учебнаго округа дворянъ, которые не имѣли достаточныхъ доходовъ, чтобъ отдавать сыновей своихъ въ частныя школы, о чемъ требовалось удостовѣреніе отъ губернскаго и уѣзднаго предводителей [1]). Въ другихъ мѣстахъ учрежденіе пансіоновъ вызвано было патріотизмомъ, стремившимся осуществить благое намѣреніе Монарха — повсюду распространить образованіе (напримѣръ въ Олонцѣ [2]). Яснѣе высказана была въ предположеніи Новгородскаго дворянства (1818 г.) исключительная цѣль устройства отдѣльнаго при гимназіи благороднаго воспитательнаго заведенія [3]): оно должно было находиться подъ управленіемъ особаго комитета, который, въ свою очередь, подчинялся бы губернатору. Попечитель замѣтилъ, что такое заведеніе, предназначенное только для одного сословія, не принесетъ пользы гимназіи, открытой для всѣхъ сословій,—и предположеніе дворянства не было одобрено Главнымъ Правленіемъ училищъ (29-го марта 1818 г.). Какъ кажется, и директоръ Новгородской гимназіи былъ согласенъ съ мнѣніемъ дворянства, ибо въ одномъ изъ донесеній своихъ попечителю онъ говорилъ: „дѣти, поступающія въ училище, будучи различныхъ свойствъ и состоянія, большею частію низкаго, приносятъ въ училище съ собою навыки и склонности, болѣе или менѣе извинительныя, которыя часто сообщаются и дѣтямъ съ наилучшими качествами. Таковыя обстоятельства, во многихъ родителяхъ образованнѣйшихъ состояній возбуждая опасеніе дурныхъ для дѣтей примѣровъ, отъ сообщества съ вольноприходящими учениками низкаго состоянія, удерживаютъ ихъ отдавать дѣтей въ общественныя училища. Для устраненія, по возможности, сихъ невыгодъ хотя и учреждено при учебныхъ заведеніяхъ въ Новгородѣ дежурство изъ учителей гимназіи, для надзора за учащимися въ междуклассное время, однако мѣра сія какъ для учите-

---

[1]) *Період. Соч.* XVII, 55—61.
[2]) *Пѣтровъ*, I, 35.
[3]) *Отто*, Новг., 60.

лей обременительна, такъ и цѣли своей, въ желаемой степени, не достигаетъ" [1]).

Обнаружившуюся потребность въ заведеніяхъ такого рода („давайте намъ пансіоны при каждомъ училищѣ, начиная съ уѣздныхъ и кончая университетомъ", говоритъ Каразинъ въ одномъ изъ писемъ своихъ отъ 1810 г.) [2]) нѣкоторые директоры старались удовлетворить учрежденіемъ таковыхъ съ преподаваніемъ въ нихъ наукъ (въ Орлѣ и Саратовѣ въ 1818, въ Пензѣ—1822 г.); но Главное Правленіе училищъ, какъ выше упомянуто, не покровительствовало упомянутымъ заведеніямъ и продолжало держаться выраженнаго имъ взгляда (засѣданіе 30 января 1819 г.), что „пансіоны при гимназіяхъ и университетахъ должны быть разсматриваемы какъ учрежденіе, гдѣ воспитанники только содержатся; преподаваніе же происходитъ только въ самыхъ гимназіяхъ и университетахъ".

Кромѣ того и другія мѣстныя потребности искали себѣ удовлетворенія въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ, требуя отъ нихъ выполненія разнородныхъ задачъ. Такъ, напримѣръ, мы видимъ, что въ 1806 г. въ Вологодской гимназіи открытъ былъ классъ экстраординарной юриспруденціи для старшихъ учениковъ „ко умноженію познаній, служащихъ къ образованію юношества" [3]), въ Пензѣ — классъ россійскаго законовѣдѣнія (въ 1808 г., а въ 1823 г., кромѣ того, классъ архитектуры), устроенный для привлеченія бо́льшаго числа воспитанниковъ, въ виду указа 1809 г.; при семъ учителя должны были за преподаваніе этого предмета получать вознагражденіе изъ добровольныхъ взносовъ учениковъ; наконецъ, предполагалось даже прибавить восьмой классъ для курса правъ при С.-Петербургской губернской гимназіи (въ 1817 г-). При Смоленской гимназіи въ въ 1804 г. учрежденъ былъ классъ коммерческихъ наукъ на пожертвованныя средства, оказавшіяся недостаточными для открытія отдѣльнаго коммерческаго училища. Въ классѣ этомъ преподавались: коммерческая географія, гражданская архитектура, купеческія выкладки и бухгалтерія на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, сочиненіе купеческихъ писемъ и коммерческія свѣдѣнія съ раздѣленіемъ дѣлъ на банкирскія, собственныя и коммиссіонерныя, также англійскій языкъ. При Херсонской губернской гимназіи въ 1814 г. устроенъ былъ классъ для преподаванія „мореходныхъ наукъ" „столь нужный въ тамошнемъ краѣ"; при Астраханской гимназіи (въ 1811 г.) классъ персидскаго языка въ виду большой надобности въ персидскихъ толмачахъ; въ Симферопольскомъ уѣздномъ училищѣ (въ 1818 г.)

---

[1]) *Отто*, Новг., 47.
[2]) *Р. Стар.* 1875, 4, 756.
[3]) *Отто*, Вол., 27.

классъ татарскаго языка. Учрежденный въ 1791 г. при Иркутскомъ главномъ народномъ училищѣ классъ японскаго языка влачилъ свое существованіе до 1816 г., когда былъ упраздненъ „за излишествомъ". Въ 1812 г. повелѣно было часть процентовъ, съ пожертвованнаго въ пользу Екатеринославской гимназіи капитала обратить на жалованье учителямъ артиллеріи, фортификаціи и военной экзерциціи (предметы эти преподавались въ гимназіи еще до 1804 г.). При Тульской гимназіи директоръ учредилъ на свой счетъ классъ церковнаго пѣнія, тогда какъ „классъ вокальной музыки" при Харьковской гимназіи еще въ 1806 г. былъ уничтоженъ. Наконецъ, при Волынской гимназіи въ 1807 г., въ видѣ опыта, была учреждена школа землемѣровъ, въ которой должны были преподаваться геометрія и тригонометрія, алгебра, землемѣріе на практикѣ, рисованіе, русскій и польскій языки; школа эта была вызвана недостаткомъ въ землемѣрахъ, оказавшимся наиболѣе ощутительнымъ при размежеваніи земель въ Крыму, Лифляндіи и губерніяхъ, управлявшихся Литовскимъ Статутомъ. Сколько извѣстно, для поступленія въ эту школу, впервые стали требовать свидѣтельство о привитіи оспы.

Наконецъ, въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ мы встрѣчаемъ даже „курсы прививанія предохранительной оспы", напримѣръ, 1811 г. въ Вологдѣ, но воспитанники относились далеко не сочувственно; изъ донесенія директора отъ 1819 г. видно, что, не смотря на многократные съ его стороны вызовы учениковъ IV класса, никто изъ нихъ не изъявилъ желанія учиться искусству прививанія оспы [1]).

Въ двадцатыхъ же годахъ на гимназіи возложена была еще одна обязанность. Вслѣдствіе—какъ гласило отношеніе дежурнаго генерала главнаго штаба къ министру народнаго просвѣщенія—крайняго недостатка по „военно-сиротскимъ отдѣленіямъ" въ учителяхъ, преимущественно чистописанія, грамматики, ариѳметики, геометріи, географіи, рисованія и черченія", постановлено было (17 ноября 1820 г.), чтобы въ каждой губернской гимназіи обучалось по 12, а въ Московской 24 кантонистовъ изъ мѣстныхъ военно-сиротскихъ отдѣленій, для приготовленія ихъ къ занятію впослѣдствіи учительскихъ должностей по вышеозначеннымъ заведеніямъ. Въ Новгородѣ эти кантонисты, по недостаточнымъ ихъ познаніямъ, были сперва помѣщены во II классъ уѣзднаго училища. Однако и поступившіе изъ нихъ въ гимназію оказывали слабые успѣхи, потому, между прочимъ, что военное начальство плохо снабжало ихъ учебными пособіями: учителя постоянно жаловались, что у кантонистовъ нѣтъ ни перьевъ, ни карандашей, ни бумаги, ни книгъ. Слабые успѣхи кантонистовъ директ-

---

[1]) *Отто*, Вол., 49, 122.

торъ гимназіи объяснилъ еще и тѣмъ, что они каждый годъ, съ мая по октябрь, уходятъ въ лагерь, гдѣ, занимаясь исключительно военными экзерциціями, совершенно забываютъ пройденный ими курсъ. Въ 1828 г. пріемъ кантонистовъ въ гимназіи и уѣздныя училища прекратился, исключая тѣхъ заведеній, гдѣ обучали восточнымъ языкамъ [1]). Въ этихъ послѣднихъ число обучавшихся кантонистовъ доходило иногда до значительной цифры (напримѣръ, въ 1828 г. въ Казанской гимназіи ихъ было 51); окончательно же прекратилось посѣщеніе кантонистами гимназій въ 1857 г., когда упразднены были самые баталіоны кантонистовъ.

Число гимназій и уѣздныхъ училищъ, а равно и учениковъ, въ 1824 г. видно изъ слѣдующей таблицы [3]):

Учебные округа.	Гимназіи.	Учащихся въ нихъ.	Уѣздн. учил.	Учащихся въ нихъ.
С.-Петербургскій. .	10	791	62	3300
Московскій . .	11	787	76	5257
Виленскій . . .	5	2075	47	8807
Харьковскій . .	12	1153	86	8020
Казанскій . . .	10	685	66	4095

Слѣдовательно, всѣхъ гимназій было 48 (включая 2 главныя народныя училища) съ 5491 учениками, а уѣздныхъ училищъ 337 съ 29,479 учен. Къ этому слѣдуетъ прибавить учебныя заведенія, занимавшія средину между университетами и гимназіями, а именно:

Въ С.-Петербургскомъ	округѣ	Высшее училище	съ	395 учен.
„ Московскомъ	„	Ярославскій лицей	„	82 „
„ Виленскомъ	„	Лицей Кременецкій	„	617 „
„ Харьковскомъ	„	Нѣжинское высш. уч.	„	74 „
„ „	„	Коммер. уч. въ Таганр.	„	30 „
„ „	„	Одесскій лицей	„	110 „
		Итого 6 высшихъ училищъ	съ	1808 учен.

Прибыль учениковъ гимназій за 16 лѣтъ, включая 12 главныхъ народныхъ школъ, въ 1808 г. простиралась до 842; вмѣстѣ съ названными высшими училищами по всѣмъ округамъ число это увеличилось на 1187. Если же за два года исключить Виленскій учебный округъ, то получатся для гимназій цифры 3344 и 3416, такъ что прибыль учениковъ составляетъ только 72, тогда какъ по Виленскому округу она достигаетъ 770.—Среднимъ числомъ гимназіи Виленскаго округа были наиболѣе многолюдны: среднее число воспитанниковъ

---

[1]) *Отто*, Новг., 53—56.

) *Владиміровъ*, II, 70—76.

[3]) Записки Деп. Н. Пр. 1825, I, 331—387.

этого округа простиралось до 415; затѣмъ слѣдовали: Харьковскій округъ съ 96,6; С.-Петербургскій съ 79,1; Московскій съ 71,5; Казанскій съ 68,5 учен. Исключивъ университетскіе города, мы получимъ слѣдующія среднія числа: для Харьковскаго округа только 74, для С.-Петербургскаго 49,1, Казанскаго 44. Изъ составленной Вороновымъ [1]) таблицы по С.-Петербургскому округу съ 1802 по 1829 г. видно, что, за исключеніемъ столичной гимназіи, число учениковъ вообще въ этомъ округѣ было незначительно и даже нѣсколько уменьшилось. Напротивъ, число уѣздныхъ училищъ и обучавшихся въ нихъ болѣе чѣмъ удвоилось.

Періодъ „второй: Царствованіе Императора Николая I (1825 — 1855). Уставъ гимназій и училищъ уѣздныхъ и приходскихъ 8 декабря 1828 г.

„Послѣднее время жизни императора Александра было омрачено горестными для его сердца открытіями... Горсть молодыхъ безумцевъ, незнакомыхъ ни съ потребностями Имперіи, ни съ духомъ и истинными нуждами народа, дерзостно мечтала о преобразованіи государственнаго устройства; есть поводъ думать, что часть этихъ намѣреній сдѣлалась извѣстною Александру еще въ 1818 году... Онъ, уже во время своего пребыванія въ Таганрогѣ, велѣлъ захватить тѣхъ изъ главныхъ злоумышленниковъ, о которыхъ тогда имѣли свѣдѣніе" [2]). 14 декабря 1825 г. Императоръ Николай Павловичъ, подавивъ мятежъ при вступленіи на прародительскій престолъ, произнесъ знаменательныя слова. „А что до меня, если буду императоромъ хоть на одинъ часъ, то покажу, что былъ того достоинъ". Въ убѣжденіи, что средства къ истребленію постигшей Россію отъ возмущенія „заразы, извнѣ къ намъ нанесенной" (слова манифеста 19 декабря 1825), останутся недѣйствительными, если не поразятъ самый корень зла, правительство сознало настоятельную необходимость преобразовать народное воспитаніе на началахъ народности.

Для этой цѣли императоръ назначилъ *комитетъ устройства учебныхъ заведеній*, высочайшимъ рескриптомъ на имя министра народнаго просвѣщенія отъ 14 мая 1826 г., слѣдующаго содержанія. „Обозрѣвая съ особеннымъ вниманіемъ устройство учебныхъ заведеній, въ коихъ россійское юношество образуется на службу государству, я съ сожалѣніемъ вижу, что не существуетъ въ нихъ должнаго и не-

---

[1]) I, 162 слѣд.

[2]) Восшествіе на престолъ Императора Николая I-го. Составлено, по Высочайшему повелѣнію, Статсъ-Секр. Барономъ Корфомъ. 5 изд. С.-Петерб. 1857. Стр. 100 и 138.

обходимаго единообразія, на коемъ должно быть основано какъ воспитаніе, такъ и ученіе. Предметъ сей столь быстрое можетъ имѣть вліяніе на благо государственное, что нужно безъ всякаго отлагательства поспѣшить исправленіемъ сего недостатка въ нашей учебной системѣ. Оный лишаетъ государство большей части тѣхъ выгодъ, которыхъ оно имѣетъ право ожидать отъ питомцевъ своихъ, не пощадивъ для ихъ образованія ни издержекъ, ни всякихъ другихъ способовъ. Съ симъ намѣреніемъ назначаю подъ предсѣдательствомъ вашимъ комитетъ: изъ генералъ-лейтенанта графа Ливена, тайныхъ совѣтниковъ: Сперанскаго, графа Ламберта и Уварова, генералъ-лейтенанта графа Сиверса, дѣйств. ст. сов. Шторха, испр. долж. попечителя Харьковскаго университета ст. сов. Перовскаго и флигель-адъютантовъ Моихъ, полковниковъ Перовскаго и графа Строганова, и предписываю ему въ обязанность: 1) сличить всѣ уставы учебныхъ заведеній имперіи, начиная съ приходскихъ до самыхъ университетовъ; 2) разсмотрѣть и сличить курсы ученій, въ нихъ преподаваемые, приведя для сего предварительно на видъ, по какимъ книгамъ или сочиненіямъ оные преподаются; 3) за симъ уравнять совершенно по всѣмъ мѣстамъ Имперіи всѣ уставы оныхъ заведеній, сообразуясь со степенями ихъ возвышеній, допустивъ должныя измѣненія для округовъ Дерптскаго и Виленскаго; 4) опредѣлить подробно на будущее время всѣ курсы ученій, означивъ и сочиненія, по коимъ оные должны впредь быть преподаваемы; 5) при семъ случаѣ, рѣшивъ которые изъ существующихъ хороши, вмѣстѣ съ тѣмъ распорядиться о дополненіи недостающаго, избравъ для того, по вашему одобренію, надежнѣйшихъ профессоровъ и академиковъ, съ утвержденія моего, дабы уже, за совершеніемъ сего, воспретить всякія произвольныя преподаванія ученій, по произвольнымъ книгамъ и тетрадямъ.—По мѣрѣ успѣховъ занятій и трудовъ сего комитета, приготовленные новые уставы для различныхъ степеней учебныхъ заведеній, начиная съ низшихъ, представлять мнѣ на утвержденіе, равно какъ и избранные для нихъ учебные способы подносить къ моему усмотрѣнію. Поставляю вамъ въ непремѣнную обязанность не медля приступить и исполнить во всей точности симъ на васъ возлагаемое порученіе, и пріемлю ваше ревностное усердіе къ пользамъ государства залогомъ скораго и полнаго въ немъ успѣха".

Во исполненіи изложеннаго въ 5 п. рескрипта требованія, министръ образовалъ „комитетъ для разсмотрѣнія учебныхъ пособій"; 29 іюня государь утвердилъ выборъ приглашенныхъ въ этотъ комитетъ членовъ (см. ниже).

То же глубокое убѣжденіе въ необходимости преобразованія выражено было въ манифестѣ 13 іюля 1826, въ коемъ русскому народу былъ возвѣщенъ приговоръ надъ декабристами. „Горестныя

происшествія", сказано въ манифестѣ, „смутившія покой Россіи, миновались, и, какъ мы при помощи Божіей уповаемъ, миновались навсегда и невозвратно. Въ сокровенныхъ путяхъ Провидѣнія, изъ среды зла, изводящаго добро, самыя сіи происшествія могутъ споспѣшествовать во благое. Да обратятъ родители все ихъ вниманіе на нравственное воспитаніе дѣтей. Не просвѣщенію, но праздности ума, болѣе вредной, нежели праздность тѣлесныхъ силъ,—недостатку твердыхъ познаній должно приписать сіе своевольство мыслей, источникъ буйныхъ страстей, сію пагубную роскошь полу-познаній, сей порывъ въ мечтательныя крайности, коихъ начало есть порча нравовъ, а конецъ— погибель. Тщетны будутъ всѣ усилія, всѣ пожертвованія правительства, если домашнее воспитаніе не будетъ пріуготовлять нравы и содѣйствовать его видамъ. Дворянство, ограда престола и чести народной, да станетъ и на семъ поприщѣ, какъ на всѣхъ другихъ, примѣромъ всѣмъ другимъ состояніямъ. Всякій его подвигъ къ усовершенствованію отечественнаго, природнаго, не чужеземнаго воспитанія, мы пріимемъ съ признательностію и удовольствіемъ... Не отъ дерзновенныхъ мечтаній, всегда разрушительныхъ, но свыше усовершаются постепенно отечественныя установленія, дополняются недостатки, исправляются злоупотребленія. Въ семъ порядкѣ постепеннаго усовершенія всякое скромное желаніе къ лучшему, всякая мысль къ утвержденію силы законовъ, къ расширенію истиннаго просвѣщенія и промышленности, достигая къ намъ путемъ законнымъ, для всѣхъ отверзтымъ, всегда будутъ приняты нами съ благоволеніемъ; ибо мы не имѣемъ, не можемъ имѣть другихъ желаній, какъ видѣть отечество наше на самой высшей степени счастія и славы, Провидѣніемъ ему предопредѣленной". Въ манифестѣ 22 августа 1826 г., о совершеніи священнаго коронованія, государь высказываетъ то же самое желаніе: „паче же всего да будетъ страхъ Божій и твердое отечественное воспитаніе юношества основою всѣхъ надеждъ къ лучшему, первою потребностію всѣхъ состояній".

Но заявивъ столь опредѣленнымъ образомъ свой принципъ, Государь не имѣлъ намѣренія отказаться отъ дѣятельности людей, которые въ предшествовавшее царствованіе трудились на поприщѣ народнаго просвѣщенія. Въ то время какъ Шишкову хотѣлось доказать тождество декабристовъ съ членами библейскихъ обществъ, Государь далъ Голицыну, бывшему въ глазахъ враждебной партіи олицетвореніемъ всѣхъ злостныхъ плановъ, довѣренное порученіе разобрать оставшіяся отъ покойнаго императора бумаги и назначилъ его членомъ коммисіи о злоумышленныхъ обществахъ; архіепископъ Филаретъ, тоже въ высшей степени подозрѣваемый Шишковскою партіею, въ томъ же году „за заслуги, оказанныя церкви, и отличное служеніе" былъ сдѣланъ митрополитомъ московскимъ; графъ Ливенъ, участіе коего въ

библейскомъ обществѣ проявлялось очень замѣтно, былъ отличенъ не только назначеніемъ его въ члены комитета устройства учебныхъ заведеній, но и возведеніемъ въ княжеское достоинство. До какой степени измѣнились обстоятельства, лучше всего показываетъ мнѣніе, выраженное Уваровымъ въ Главномъ Правленіи училищъ, по поводу преподаванія философскихъ наукъ: „Дѣло о преподаваніи философіи, возникшее по запискѣ Магницкаго, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя по измѣнившимся обстоятельствамъ не требуетъ разрѣшенія: духъ и цѣль этой записки, равно и средства, сочинителемъ употребленныя, нынѣ столь обнаружены, что не представляютъ болѣе никакой опасности, никакого вреда ни для высшихъ учебныхъ заведеній, ни для лицъ, до коихъ могли коснуться заключенія сочинителя сказанной записки“ (въ засѣданіи 10 ноября 1826 г.).

Государь поручилъ генералу Желтухину произвести ревизію Казанскаго университета; она началась 8 февраля 1826 г. и кончилась всеподданнѣйшимъ докладомъ министра отъ 1 мая того же года, въ которомъ, между прочимъ, было указано на предосудительное мѣсто въ инструкціи Магницкаго директору Казанскаго университета, что „священная власть монарховъ въ законномъ наслѣдіи и въ тѣхъ предѣлахъ, кои возрасту и духу каждаго народа свойственны, нисходитъ отъ Бога“. Магницкій былъ отставленъ отъ должности и надъ нимъ произведено слѣдствіе. Когда же послѣ того онъ пріѣхалъ въ Петербургъ для устройства своей судьбы, то Государь, узнавъ объ этомъ, послалъ къ С.-Петербургскому генералъ-губернатору графу Голенищеву-Кутузову слѣдующія двѣ записки: „Я слышалъ, будто бы Магницкій сюда прибылъ; я считаю *весьма нужнымъ* велѣть за нимъ близко присматривать; за нимъ должно что нибудь крыться, и вѣрно, по крайней мѣрѣ, ничего полезнаго“; и: „Прошу васъ, любезный Павелъ Васильевичъ, приказать Магницкому явиться къ генералу Бенкендорфу; пусть ему *вретъ*, что хочетъ, а мнѣ самому нѣтъ времени съ нимъ говорить... Если бъ сегодня онъ не успѣлъ кончить, то можно его до завтра оставить подъ надзоромъ“ [1]). 17 іюня поступило до-

[1]) *Русская Стар.* 1874, XI, 274. По разказу Панаева, принимавшаго дѣятельное будто бы участіе въ паденіи Магницкаго, это паденіе послѣдовало по поводу доноса противъ Дерптскаго университета («и тамъ господствуютъ вредныя идеи»), въ неосновательности котораго Шишковъ убѣдился при личной ревизіи, произведенной имъ вмѣстѣ съ попечителемъ Ливеномъ въ 1825 г. Этимъ обстоятельствомъ Панаевъ, служившій тогда въ мин. нар. пр., и воспользовался. Въ то время уже шла молва, что конечною причиною паденія Магницкаго была поданная имъ Государю записка, въ которой онъ жаловался на опредѣленіе членами царской фамиліи профессорами лицъ, преслѣдованныхъ правительствомъ (напримѣръ, Арсеньева). По всей вѣроятности, разумѣлась записка Магницкаго, напечатанная нынѣ въ Сборникѣ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ

несеніе, что Магницкій вернулся въ Казань. Даже Стурдза, выставлявшій Магницкаго въ самомъ выгодномъ свѣтѣ, не могъ, однако, смыть съ него пятна, что онъ участвовалъ въ козняхъ противъ своего благодѣтеля Голицына [1]). Единственною полезною мыслію Магницкаго, которая не была осуществлена не по его винѣ, мы можемъ назвать подробный проектъ учрежденія заведенія для приготовленія народныхъ учителей, представленный имъ въ 1820 г. съ цѣлію улучшенія и распространенія народныхъ школъ.

Руничъ, по указу 25 іюня 1826 г., былъ также отрѣшенъ отъ должности и преданъ суду за непростительные поступки по управленію учебнымъ округомъ, особенно по строительной части. Онъ былъ, очевидно, по натурѣ человѣкъ, гораздо ниже стоявшій Магницкаго. Ни его оправдательная записка къ проф. Арсеньеву (у Пекарскаго, стр. 61—69), ни изданное имъ въ 1837 г. сочиненіе религіознаго содержанія (Histoire chronologique du nouveau testament etc.), не могутъ смягчить приговоръ о немъ. — Оба они, Магницкій и Руничъ, были гонителями не вслѣдствіе убѣжденій, а изъ эгоистическихъ и честолюбивыхъ расчетовъ.

Какъ живо занималъ государя вопросъ о народномъ посвѣщеніи видно изъ того, что онъ поручилъ также и Пушкину изложить о немъ свое мнѣніе. Вызванный въ Москву, гдѣ находился дворъ, изъ своего помѣстья, знаменитый поэтъ былъ принятъ императоромъ, 8 сентября 1826 г., весьма милостиво и расположилъ его къ себѣ еще болѣе откровеннымъ тономъ своей рѣчи. 30 сентября ему поручено изложить на письмѣ все сказанное на словахъ государю, и 15 ноября 1826 г. Пушкинъ представилъ записку о народномъ воспитаніи [2]). Вотъ что̀, между прочимъ, говорилось въ ней „послѣднія происшествія обнаружили много печальныхъ истинъ. Недостатокъ просвѣщенія и нравственности вовлекъ молодыхъ людей въ преступныя заблужденія.... Лѣтъ 15 тому назадъ, молодые люди занимались только военною службою, старались отличиться одною свѣтскою образованностію или шалостями. Литература (въ то время столь свободная) не имѣла никакого направленія; воспитаніе ни въ чемъ не отклонялось отъ первоначальныхъ начертаній: 10 лѣтъ спустя, мы увидѣли либеральныя идеи необходимою вывѣской хорошаго воспитанія, разговоръ исключительно политическій, литературу (подавленную самою своенравною цензурою) превратившуюся въ рукописные пасквили на правительство и въ возмутительныя пѣсни; наконецъ, и тайныя общества, заговоры, замыслы

архива I Отд. Собств. Е. И. В. Канцеляріи (С.-Пет. 1876 г., II, стр. 374), изъ которой видно, что Магницкій указывалъ на Шторха.

[1]) *Русск. Арх.* 1868, 926—938; ср. прим. стр. 932.

[2]) Она напечатана въ Девятнадцатомъ вѣкѣ 1872 г., 209—215.

болѣе или менѣе кровавые и безумные... Явно, что пребыванію нашихъ войскъ во Франціи и Германіи должно приписать сіе. вліяніе на духъ и нравы того поколѣнія, коего несчастные представители погибли въ нашихъ глазахъ. Должно надѣяться, что люди, раздѣлявшіе образъ мыслей заговорщиковъ. образумились. Вѣроятно, братья, друзья, товарищи погибшихъ успокоятся временемъ и размышленіемъ. Но надлежитъ защитить новое, возрастающее поколѣніе... Не одно вліяніе чужеземнаго идеологизма пагубно для нашего отечества; воспитаніе, или, лучше сказать, отсутствіе воспитанія есть корень всякаго зла". Затѣмъ, указывая на высочайшій манифестъ 13 іюля 1826 г., Пушкинъ продолжаетъ: „одно просвѣщеніе въ состояніи удержать новыя безумства, новыя общественныя бѣдствія. Чины сдѣлались страстію русскаго народа. Въ другихъ земляхъ молодой человѣкъ кончаетъ курсъ ученія около 25 лѣтъ; у насъ онъ торопится вступить, какъ можно ранѣе, въ службу, ибо ему необходимо въ 30 лѣтъ быть полковникомъ или коллежскимъ совѣтникомъ. Онъ входитъ въ свѣтъ безо всякихъ основательныхъ познаній, безъ всякихъ положительныхъ правилъ: всякая мысль для него нова, всякая новость имѣетъ на него вліяніе. Онъ не въ состояніи ни повѣрять, ни возражать; онъ становится смѣлымъ приверженцемъ или жалкимъ повторителемъ перваго товарища, который хочетъ оказать надъ нимъ свое превосходство или сдѣлать изъ него свое орудіе. Конечно, уничтоженіе чиновъ представляетъ великія выгоды, но сія мѣра влечетъ за собою и безпорядки безчисленные... Можно, по крайней мѣрѣ, извлечь нѣкоторую пользу изъ самаго злоупотребленія и представить чины цѣлію и достояніемъ просвѣщенія. Должно увлечь все юношество въ общественныя заведенія, подчиненныя надзору правительства; должно его тамъ удержать, дать ему время перекипѣть, обогатиться познаніями, созрѣть въ тишинѣ училищъ, а не въ шумной праздности казармъ. Въ Россіи домашнее воспитаніе есть самое недостаточное, безнравственное. Ребенокъ окруженъ одними холопами, видитъ гнусные примѣры, своевольничаетъ или рабствуетъ, не получаетъ никакихъ понятій о справедливости, о взаимныхъ отношеніяхъ людей, объ истинной чести. Воспитаніе его ограничивается изученіемъ двухъ или трехъ иностранныхъ языковъ и начальнымъ основаніемъ всѣхъ наукъ, преподаваемыхъ какимъ нибудь нанятымъ учителемъ. Воспитаніе въ частныхъ пансіонахъ не многимъ лучше. Здѣсь и тамъ оно кончается на 16-лѣтнемъ возрастѣ воспитанника. Нечего колебаться, *во что бы то ни стало, подавить воспитаніе частное*. Надлежитъ уничтожить экзамены (по указу 1809 г.). И такъ (съ такого-то года) молодой человѣкъ, не воспитанный въ государственномъ училищѣ, вступая въ службу, не получаетъ впередъ никакихъ выгодъ и не имѣетъ права требовать экзамена... Что касается

до воспитанія заграничнаго, то запрещать его нѣтъ никакой надобности. Довольно будетъ опутать его однѣми невыгодами, сопряженными съ воспитаніемъ домашнимъ. Ибо 1) весьма немногіе станутъ пользоваться симъ позволеніемъ; 2) воспитаніе иностранныхъ университетовъ, не смотря на всѣ свои неудобства, не въ примѣръ для насъ менѣе вредно воспитанія патріархальнаго. Мы видимъ, что Н. Тургеневъ, воспитывавшійся въ Геттингенскомъ университетѣ, не смотря на свои заблужденія и свой политическій фанатизмъ, отличался посреди буйныхъ своихъ сообщниковъ нравственностію и умѣренностію правилъ, слѣдствіемъ просвѣщенія истиннаго и положительныхъ познаній. Такимъ образомъ, уничтоживъ, или, по крайней мѣрѣ, сильно затруднивъ воспитаніе частное, правительству легко будетъ заняться улучшеніемъ воспитанія общественнаго. Ланкастерскія школы входятъ у насъ въ систему военнаго образованія и, слѣдовательно, состоятъ въ самомъ лучшемъ порядкѣ. Кадетскіе корпуса требуютъ бóльшаго присмотра. Для сего нужна полиція (строгія наказанія за проступки, но безъ дальнѣйшаго гоненія по службѣ, наказывать юношу или взрослаго человѣка за вину отрока есть дѣло ужасное и къ несчастію слишкомъ у насъ обыкновенное. Уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній необходимо). Семинаріи находятся въ совершенномъ упадкѣ... Въ гимназіяхъ, лицеяхъ и пансіонахъ при университетахъ должно будетъ *продлить по крайней мѣрѣ 3 годами кругъ обыкновенный ученія*, по мѣрѣ того повышая и чины, даваемые при выпускѣ. Предметы ученія, въ первые года, не требуютъ значительной перемѣны; кажется однако же, что языки слишкомъ много занимаютъ времени. Къ чему, напримѣръ, 6-ти лѣтнее изученіе французскаго языка, когда навыкъ свѣта и безъ того слишкомъ уже достаточенъ? *Къ чему латинскій или греческій? Позволительна ли роскошь тамъ, гдѣ чувствителенъ недостатокъ необходимаго?*—Во всѣхъ почти училищахъ дѣти занимаются литературою, составляютъ общества, даже печатаютъ свои сочиненія въ свѣтскихъ журналахъ. Все это отвлекаетъ отъ ученія, пріучаетъ дѣтей къ мелочнымъ успѣхамъ и ограничиваетъ идеи, уже и безъ того слишкомъ у насъ ограниченныя... Исторія въ первые годы ученія должна быть голымъ хронологическимъ разказомъ происшествій, безо всякихъ нравственныхъ или политическихъ разсужденій. Къ чему давать младенствующимъ умамъ направленіе одностороннее, всегда непрочное? Но въ окончательномъ курсѣ преподаваніе исторіи (особенно новѣйшей) должно будетъ совершенно измѣниться. Можно будетъ съ хладнокровіемъ показать разницу духа народовъ, источника нуждъ и требованій государственныхъ; не хитрить, не искажать республиканскихъ разсужденій, не позорить убійства Кесаря; но представить Брута защитникомъ и мстителемъ коренныхъ постановленій отечества, а Кесаря честолюбивымъ возмути-

телемъ. Вообще не должно, чтобы республиканскія идеи изумили воспитанниковъ при вступленіи въ свѣтъ и имѣли для нихъ прелесть новизны... Изученіе Россіи должно будетъ преимущественно занять, въ окончательные годы, умы молодыхъ дворянъ, готовящихся служить отечеству".

Во всякомъ случаѣ Пушкинъ вѣрно угадалъ намѣренія новаго правительства относительно нѣкоторыхъ главныхъ пунктовъ, напримѣръ, относительно чиновъ, частнаго воспитанія, расширенія гимназическаго курса, но нравственной основѣ образованія онъ не придалъ подобающаго значенія. „Изъявляя Пушкину признательность за нѣкоторыя отдѣльныя истины, правительство поставило ему на видъ, что правило, принятое имъ, будто просвѣщеніе и геній служатъ исключительнымъ основаніемъ совершенству, есть правило невѣрное; ибо при семъ упущены изъ виду нравственныя качества, и, наконецъ, примѣрное служеніе, усердіе, которыя должно предпочесть просвѣщенію неопытному, безнравственному и безполезному" [1]. Нельзя отрицать, что замѣчанія эти были весьма мѣтки: всѣми признано, что одно знаніе безъ нравственнаго образованія не приноситъ пользы.

Между тѣмъ занятія комитета 14-го мая 1826 г. [2]) прервавшіяся на нѣкоторое время, такъ какъ нѣкоторымъ изъ членовъ пришлось уѣхать въ Москву на коронацію, подвинулись въ началѣ 1827 г. на столько, что съ прекращеніемъ еженедѣльныхъ собраній правителю дѣлъ комитета, кн. П. А. Ширинскому-Шихматову было поручено заняться редакціею проэкта. 28-го марта онъ препроводилъ выработанный имъ проэктъ, для просмотра статей, касавшихся хозяйственной и канцелярской части, правителю дѣлъ Главнаго Правленія училищъ Языкову, который возвратилъ проэктъ, съ своими замѣчаніями, 10-го апрѣля; въ концѣ того же мѣсяца проэктъ былъ отправленъ къ Шторху съ просьбою предварительно разсмотрѣть его и сообщить свои замѣчанія до представленія его собранію. Въ XVIII засѣданіи (19-го мая) комитету было сообщено, что проэктъ въ главныхъ статьяхъ изготовленъ. Затѣмъ была назначена коммисія, для разсмотрѣнія его изъ гр. Сиверса, А. Шторха и гр. Строгонова (вмѣсто перваго изъ нихъ, похищеннаго смертью, былъ назначенъ контръ-адмиралъ И. Ѳ. Крузенштернъ (XIX и XX зас.), а впослѣдствіи къ нимъ присоединились товарищъ министра нар. просв. Д. Н. Блудовъ и С. С. Уваровъ). Уже въ ноябрѣ означенная коммисія, вслѣдствіе замѣчанія Государя: „я требую непремѣнно, чтобъ дѣло шло поспѣшнѣе" (XXVI зас.), представила свои соображенія (XXIX), и затѣмъ, послѣ нѣкоторыхъ

[1]) Восп. Панаева.

[2]) Все послѣдующее изложено по журналамъ комитета устройства учебныхъ заведеній въ 5 томахъ (in-fol.), изъ дѣлъ Деп. н. пр. № 87812, карт. 2829.

СОДЕРЖАНІЕ

СТО-ДЕВЯНОСТО-ВТОРОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

стран.

Высочайшій приказъ.

Министерскія распоряженія.

ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПОЛНЫЕ СЛОВАРИ,

составленные имъ же.

Нѣмецко-русскій, Французско-русскій и Русско-французскій.

Одобрены: Императорскою Академіею Наукъ, Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, а равно другими Учебными Комитетами и приняты въ учебныя заведенія.

Цѣна каждаго словаря 5 р.

Совѣтъ одного священника—сбавить цѣны на мои сочиненія, съ цѣлью способствовать ихъ распространенію и сдѣлать ихъ общедоступнѣе,—побуждаетъ меня на это рѣшиться весьма охотно.

Для всѣхъ ***священно*** **и** ***церковно-служителей,*** **и также** ***для всѣхъ учителей*** **и** ***учительницъ народныхъ*** **и** ***сельскихъ училищъ,*** **и также для всѣхъ учителей и учениковъ всѣхъ учебныхъ заведеній въ Россіи, исключительно и** ***непосредственно обращающихся ко мнѣ*** **(С.-Петербургъ, Надеждинская 39. Кн. В. П. Мещерскій), — я готовъ посылать мои сочиненія,** ***на свой счетъ,*** **по слѣдующимъ значительно уменьшеннымъ цѣнамъ:**

1) **ТАЙНЫ СОВРЕМЕННАГО ПЕТЕРБУРГА.** 1-й томъ „**Нигилисты**" (въ продажѣ 2 р. 50 к., съ перес.)—1 р. 20 к. 2-й томъ. „**Деньги**" (2 р. 50 к., съ перес.)—1 р. 20 к. 3-й томъ. „**Въ царствѣ Венеры** (тоже)—1 р. 20 к.

2) **ХОЧУ БЫТЬ РУССКОЮ.** Большой романъ, въ четырехъ книгахъ, изъ Петербургскаго большаго свѣта, Губернскаго міра и изъ быта духовенства, съ указаніемъ опасностей отъ нынѣшнихъ пропагандистовъ (въ продажѣ 5 р. съ перес.)—2 р. 50 к.

3) **ЗАПИСКИ СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА.** Рядъ невообразимыхъ, но къ сожалѣнію исторически вѣрныхъ эпизодовъ (въ продажѣ 1 р. 70 к. съ перес.)—1 р.

4) **РѢЧИ КОНСЕРВАТОРА.** 1-й томъ.

5) **РѢЧИ КОНСЕРВАТОРА.** 2-й томъ (въ продажѣ по 2 р. 20 к. томъ)—1 р. 20 к.

6) **ПРАВДА О СЕРБІИ** (въ продажѣ 2 р. 30 к.)—1 р. 20 к.

Независимо отъ этого, тѣ священники или учителя, которые желали бы у себя устроить маленькіе склады нѣсколькихъ экземпляровъ моихъ книгъ, съ тѣмъ чтобы ихъ распродавать въ теченіе года, съ обязательствомъ не разомъ платить, а по истеченіи года, благоволятъ прислать въ точности *свой адресъ*, обозначеніе *заглавій книгъ, количества экземпляровъ, срока уплаты и деньги за одинъ экземпляръ выписываемаго сочиненія.*

Князь Владиміръ Мещерскій.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Редакторъ **Е. Ѳеоктистовъ.**

(Вышла 1-го августа)

This book is a preservation photocopy
produced on Weyerhaeuser acid free
Cougar Opaque 50# book weight paper,
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)

Preservation photocopying and binding
by
Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts
1994

3 2044 022 670 640

